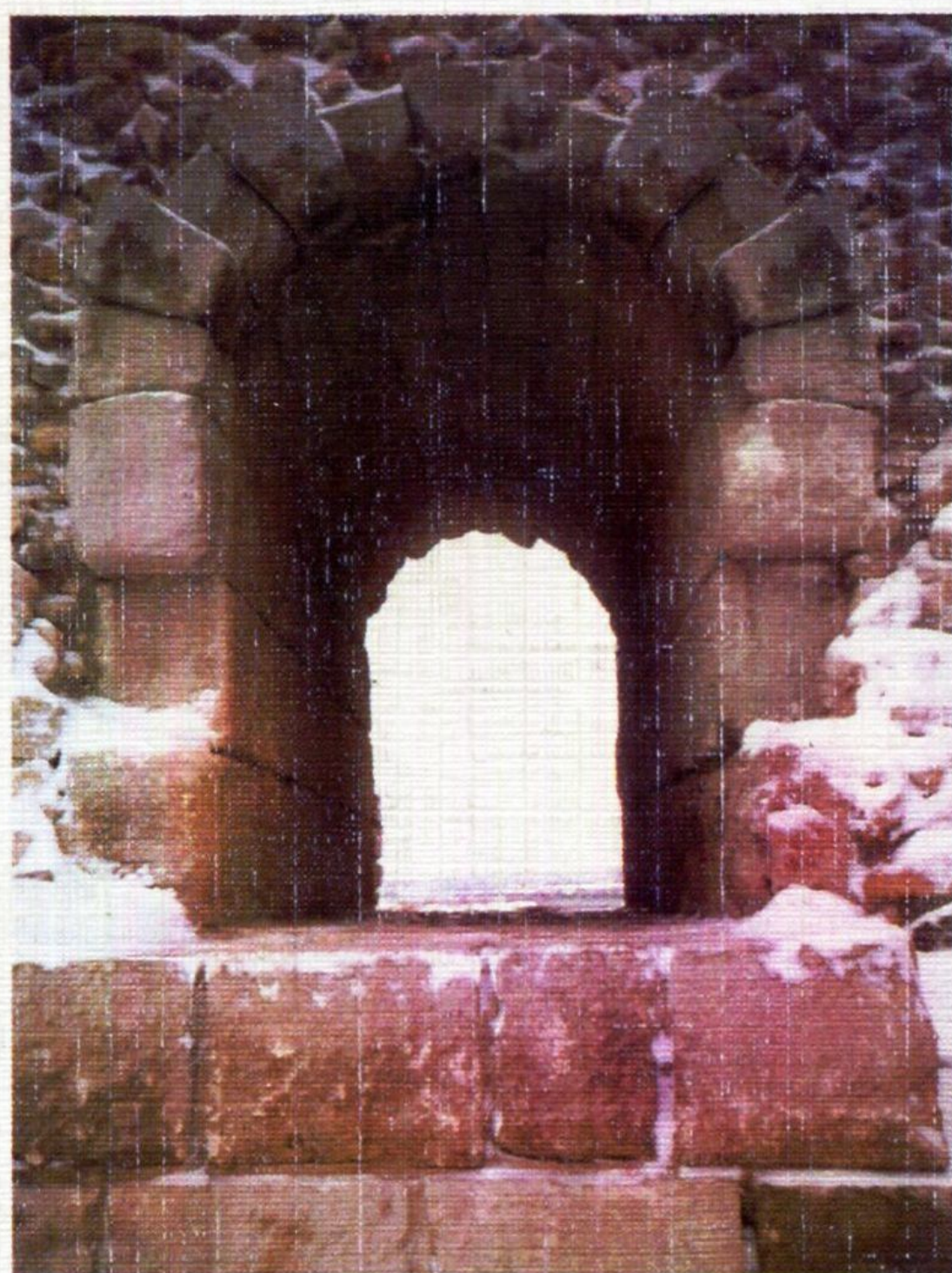

С.Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН

*Очерки истории
и культуры*

Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина
Институт археологии
Национальной академии наук Украины
Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»
Министерство культуры и искусств Украины

С.Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН

(вторая половина VI - первая половина X вв.)

*Очерки истории
и культуры*

Часть 1

Харьков
«Майдан»
2005

Редакционный совет:

Академик НАН Украины *П.П. Толочко* (председатель),
член корреспондент НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*, профессор *Дж. Картер*,
д.и.н., профессор *О.Р. Бородин*, д.и.н. *Г.Ю. Ивакин*, д.и.н. *В.М. Зубарь*,
д.и.н., профессор *С.Б. Сорочан*, д.и.н., профессор *А.И. Романчук*,
д.и.н. *А.С. Русяева*, д.и.н., профессор *А.В. Сазанов*, к.и.н. *Л.В. Марченко*
(зам. председателя), к.и.н. *Г.М. Николаенко*, к.и.н. *Л.В. Седикова* (секретарь)

Редакционная коллегия тома:

Г.Ю. Ивакин (отв. редактор), А.П. Моця, О.Р. Бородин, В.М. Зубарь,
Л.В. Марченко, Л.В. Седикова, А.В. Домановский (отв. секретарь)

Рекомендовано к печати

учеными советами Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина,
Института археологии НАН Украины и Национального заповедника
«Херсонес Таврический»

На обложке использованы фото С.Б. Сорочана и А.С. Гаташа

Сорочан С.Б.

С65 Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)
Очерки истории и культуры. Ч. 1-2 / Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. – Харьков:
Майдан, 2005. – 1648 с.

ISBN 966-8478-94-0.

Книга является одним из четырех томов, посвященных истории и культуре Херсонеса Таврического в античную и средневековую эпоху, издание которых было задумано и осуществляется Институтом археологии НАН Украины и Национальным заповедником «Херсонес Таврический». В ней рассматриваются разные стороны политической, административной, социальной, экономической жизни, материальной и духовной культуры херсонитов в период раннего средневековья (вторая половина VI – первая половина X вв.), когда город входил в состав Византийской империи и вместе с тем находился в непростых отношениях с другими сопредельными народами, в частности, с готами, аланами, тюрками, росами, могучей, загадочной Хазарией. Прочитав это исследование, можно обнаружить, что некоторые прежние положения начинают смотреться по-новому. В частности, предлагается видеть в Таврике византийско-хазарский кондоминиум, а в Херсоне лояльный ромейский центр, весьма далекий от самоуправления. Значительное внимание в монографии уделено поискам проявления византийских церковных обрядов в жизни города и уточнению его топографии, урбанонимов, агоронимов. При этом предлагается новая, иногда неожиданная интерпретация ряда памятников. Будучи фундаментальным обобщающим научным трудом, книга сохранила полемичность, занимательность, доступность и яркость изложения, которые сочетаются с последними достижениями науки. Поэтому она может быть адресована не только специалистам, историкам, археологам, преподавателям вузов и школ, но и всей культурной общественности, интересующейся средневековой историей Украины. В немалой степени этому помогает наличие в книге приложения, в котором помещены комментированные переводы наиболее ценных, интересных для истории раннесредневекового византийского Херсона письменных источников, выходивших в редких, а потому труднодоступных для широких кругов читателей академических изданиях.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача создания новой обобщающей, фундаментальной, концептуальной академической работы по истории раннесредневекового Херсонеса или Херсона, как его с VI в. называли византийцы, которым принадлежал город, относится к числу назревших и весьма актуальных. Достаточно заметить, что издание крупного последнего аналогичного проекта, монографии А. Л. Якобсона, произошло в 1959 г. Поэтому проблема уже давно стоит на научной повестке, но до сих пор даже известные специалисты, много лет занимающиеся историей Херсонеса, такую работу не предпринимали. Ее пробным опытом можно считать эту книгу, аккумулировавшую накопленные знания, разворачивающую панораму жизни херсонитов в самых разных ее проявлениях, от хозяйственных до культурных, причем в тесной увязке с тем, что происходило не только в Крыму, но и на просторах Евразии, в Византийской империи и в сопредельных с ней странах, прежде всего, в Тюркском каганате, Хазарии, загадочной Леведии, Печенегии и Руси. Такая всеохватность и вместе с тем глубина является следствием методики автора, верного и цивилизационному подходу, и приемам исторической антропологии, «социальной психологии» в решении намечаемых научных проблем, перечень которых будит исследовательское воображение.

Монография изобилует целым рядом новых, достаточно аргументированных положений, уточнений, позволяющих пересмотреть некоторые старые, противоречивые взгляды, заблуждения, теории и, вместе с тем, выдвигает новые предположения, которым в свою очередь еще предстоит проверка временем. Среди них следует отметить установление с помощью опоры на археологические источники трудно уловимого *terminus ante quem* для составления Слова о семи священных мучениках епископах Херсонских; отказ от признания утери Византией позиции в Таврике в постюстиниановское время, в VII в.; объяснение массового общественного и жилого строительства, обнаруживаемого повсеместно на всей территории Херсона во второй половине VI – начале VII вв., комплексом причин, среди которых важнейшей могла стать необходимость ликвидировать последствия катаклизма, вероятно, серии сейсмических толчков, нанесших серьезный ущерб городу в конце 550-х гг.; указание на отсутствие зависимости Херсона от поставок сельскохозяйственной продукции из-за моря уже к началу VIII в. и возобновление, рост этой зависимости со второй половины – конца IX в. вследствие изменения этнополитической ситуации в Причерноморье; предложение видеть в Таврике не «Крымскую Хазарию», а совместное византийско-хазарское

кондоминатное владение, которое просуществовало с конца VII в. до конца 30-х гг. IX в.; отказ от признания в кладке «в елку», издавна известной на территории Крыма, показателя культурной и тем более этнической принадлежности ее строителей исключительно к населению салтовского круга, тюркам или хазарам; последовательный пересмотр представлений об упадническом, кризисном облике Херсона в «темные века» во всех проявлениях городской жизни; установление связи организации византийской фемы на территории Крыма около 840 г. с предшествующими изменениями, которые происходили как в Таврике, так и в евразийском регионе и конкретно в самой Романии с последней трети VIII в.; уточнение даты (лето 787 г.) и характера восстания Иоанна Исповедника как превентивного проромейского выступления, рассчитанного на приостановление возможной оккупации Крымской Готфии Хазарским каганатом и на признание Константинополем легитимности здешнего епископства; воссоздание истории и периодизации административного устройства Херсона от дуката к архонтии и затем к феме и освобождение этой истории от навязываемого почти двухвековой историографией «призрака» самоуправляемого, вольного города, всячески отстаивавшего независимость от имперских поползновений Византии; пересмотр представления о прекращении функционирования херсонского загородного некрополя во второй половине VII – первой половине IX вв. и попытка взглянуть на гробничное дело глазами самих херсонитов той поры; оценка состояния города и его окрестностей во второй половине IX в., которая заставляет усомниться в свидетельствах письменных источников, рисующих положение горожан как неких «обитателей тюрьмы»; установление грани между раннесредневековым и средневековым периодами истории Херсона, ее привязка к 40-м гг. X в. и высокая оценка степени влияния Византии в Таврике в это время.

Немало внимания в работе, сильной своей аналитической частью, синтезом, уделено слабо изученной исторической топографии раннесредневекового городища, позволяющей воскресить места существования некоторых известных по письменным источникам общественных сооружений херсонитов, установить ряд урбанонимов и агоронимов. Топографический и систематический метод, принятый в христианской археологии, предполагает сочетание, сопоставление письменных и архитектурно-археологических источников, чему неизменно следует автор, одинаково профессионально владеющий теми и другими. Следует подчеркнуть, что это не очередная «опись» или перечень руин, своеобразный «мартиролог» разнотипных христианских храмов, а обобщенное исследование пространственно-архитектурной динамики и литургической жизни города в наименее изученный и наиболее спорный период его существования. Использование обширного комплекса источников позволяет прийти к принципиально важному выводу о сравнительно высоком уровне провинциального византийского строительства в VII–IX вв., которые принято трактовать

как «период упадка». Прочие разнообразные материалы, выразительно рисующие разные стороны жизни провинциального византийского города и всего края, тоже указывают на то, что краски эпохи были отнюдь не только темными.

Книга является одним из итоговых томов по истории Херсонеса и продолжает не имевшую прецедента серию научных работ об этом памятнике мирового уровня, издание которых было задумано Институтом археологии НАН Украины и Национальным заповедником «Херсонес Таврический»¹. Разумеется, ни одна монография не способна вместить все о предмете своего исследования. Тем более если «предмет» этот не исследован до конца и хранит в каменных руинах, покоящихся на площади около 30 гектаров, еще множество тайн и открытий. Читателю предлагается скорее серия исследовательских очерков, спаянных одной идеей и целью – проследить все основные стороны проявления жизнедеятельности херсонитов в окружавшем их непростом, переменчивом, грозном и по своему счастливом мире, который далекие потомки нарекут эпохой «темных веков». При этом еще раз надо подчеркнуть, что главное внимание в книге уделяется пересмотру ряда устоявшихся, но устаревших, сомнительных положений, взамен которых предлагаются новые, во многом оригинальные версии, позволяющие, как кажется, увидеть не только более ясный, многогранный облик византийского Херсона, но и новые стороны общей исторической концепции раннесредневековой Таврики, которую не стоит торопиться объявлять уже созданной и которую еще предстоит создавать.

Особо следует отметить прилагаемую к работе «Антологию письменных источников», представляющую комментированную выборку из труднодоступных широкому читателю переводов около трех десятков важнейших и разнообразных памятников (исторические сочинения, хроники, жития святых, материалы церковных соборов, трактаты, послания высокопоставленных византийцев, евреев и хазар). С их помощью пытливый читатель сможет самостоятельно проверить те или иные утверждения исследователей, а главное, получит шанс полнее и глубже постичь историю Херсона и Крыма VI–X вв., услышать со страниц древних рукописей заветный «шорох времени».

*Член-корреспондент НАН Украины,
профессор*

А.П. Моця

¹ См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / А.О. Владимиров, Д.В. Журавлев, В.М. Зубарь и др. – Харьков: Майдан, 2004. – 731 с.

*Нет Истины.
Есть только истины.*
Альбер Камю

ВВЕДЕНИЕ. ВЕХИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПУТИ

Первые же строки о раннесредневековом византийском Херсоне воскресают в памяти нечто мрачное и таинственное, нечто «зимнее», что вообще долгое время, и не только на обыденном, но и вполне профессиональном уровне, связывали с понятием Высокого Средневековья. Уже Гилберт Кийт Честертон писал о «долгих чарах сурового и бесплодного времени, которое мы зовем Темными веками»¹. Так называли и ныне называют большой период истории, приходящийся на VII–IX столетия. Он действительно слабо изучен и во многом неясен. Используя образ, предложенный Н. Бердяевым, это была «ночная эпоха история». Но чем пристальнее и дольше вглядываешься в ее мрак, тем яснее проступают сквозь него обломки былой жизни и тем более поражает их величие, кипение страстей, накал борьбы, стремление выстоять, приспособиться к рождению полного тревог, нового сурового мира, которое пронизывает всю раннесредневековую Романию. Частица Великой империи, Херсон, херсониты, тоже жили в самой гуще отнюдь не бесплодных событий тех лет. Это было ИХ ВРЕМЯ и для них оно было переменчивым, трудным, иногда, может быть, тяжелым, но никак не темным. Таким оно станет только в представлении далеких потомков, нас с вами. Как знать, правы ли мы?

Сомнения в справедливости такого подхода вполне оправданы и посещают все большее число специалистов, указывающих на «темные века» как на эпоху невероятной интеллектуальной силы, увлекательного диалога между варварскими цивилизациями, римским наследием и служившим им приправой восточнохристианскими идеями; эпоху, когда постепенно вырисовывался образ нового человека². К примеру, невозможно не согласится со следующим заявлением: «И формационный, и много других принципов периодизации грешат явной телеологичностью, стремлением представить современность венцом исторического развития, к которому будто бы шел весь общественный процесс. Ныне же все больше утверждается взгляд на историю как на самодостаточную в каждой своей точке. Иными сло-

¹ Честертон Г.К. Вечный Человек / Пер. с англ. — М., 1991. — С. 22.

² Умберто Эко. Средние века уже начались // Иностранная литература. — 1994. — №4. — С. 260–261.

вами, общество приобретает в каждую эпоху приблизительно столько, сколько и теряет – все дело в этом «приблизительно». История общества – это история его самопревращения, причем каждый момент можно рассматривать как конец очередного превращения и начало следующего. Поэтому по большому счету не существует «потерянных поколений», «пропавшего времени» и т.п. Минорно акцентированные истории средневековья являются историографическими мифологемами, в целом далекими от действительности»³. Впрочем, с учетом такой методически верной поправки тем более нелегко определить с хронологическими рубежами, в рамках которых следует вести исследование.

Споры вызывает уже сам момент точки отсчета истории раннесредневекового Херсона. В источниках такой поворот прорисовывается не сразу и бывает трудно ощутить как ломается время. Даже для далеких потомков это знание приходит постепенно, и уж тем более им не обладают современники. Обычно античный период существования города исследователи завершали IV или V веком, подразумевая тем самым, что далее следовали иные времена, с иными историческими параметрами. Однако, как известно, в Восточной Римской империи традиции античного общества угасли, да и то не полностью, только к VII в. Давняя часть этого греко-римского мира, Херсон, едва ли опережал социально-экономические, общественные, духовные, ментальные, во многом континуитетные процессы, шедшие в метрополии. В начале правления Юстиниана I (527–565) это был все еще античный в своей основе город, в котором даже христианство еще не утвердилось как единственно возможная, неоспоримая религия, а литургия только начала восприниматься в своей канонической, имперской форме. Изучение культурных слоев и стратиграфии городища свидетельствует, что Империи пришлось пойти на значительные траты и усилия, чтобы во второй половине – конце VI в. материализовать эту победу новой идеологии в виде строительства крупных базиликальных христианских храмов, других культовых сооружений, которые к началу VII в. выкристаллизовались в модель топографии провинциального христианского византийского города, бесповоротно изменили облик Херсона в сторону классических средневековых черт. Можно сказать, что только тогда херсониты окончательно вступили в эпоху официозного храмового благочестия, а их город стал центром малого паломничества. Тогда же изменилась политическая обстановка в Крыму, вылившаяся в 50-60-е гг. VI в. в создание византийского дуката, грандиозное по меркам эпохи оборонительное строительство на подступах к «столице» края и победную для Империи конфронтацию с воинственными пришельцами – алтайскими тюрками и их праболгарскими союзниками. Со-

³ Федака С. Д. Політична історія України – Русі доби трансформації імперії Рюриковичів (XII століття). – Ужгород, 2000. – С. 6–7.

здание определенной системы крепостей-убежищ тоже оказалось новым, прежде неизвестным для античной эпохи явлением. Все это удалось выяснить сравнительно недавно, но именно эти новые данные заставляют искать ускользающую, условную грань, окончательно разделившую античный и раннесредневековый Херсон в середине – третьей четверти VI в., в конце правления Юстиниана I, и при трех его ближайших преемниках (Юстине II, Тиверии Константине и Маврикии Тиверии).

Противоположный хронологический «полюс» эпохи найти еще более трудно, ибо он почти не улавливается в материальной и духовной культуре собственно херсонитов. Можно говорить лишь об определенных изменениях в этнической ситуации на полуострове в целом, прежде всего, о завершении процесса складывания некой единой крымской народности, исчезновении носителей салтово-маяцкой культуры, появлении новых переселенцев с Кавказа и утверждении в крымских степях, по крайней мере под Перекопом, кочевников-печенегов или пачинакитов, как называли их византийцы. Все это совпадает с утверждением позиций Романии в Таврике, ее новым подъемом, и приходится на первую половину – середину X в.⁴

В свою очередь время с середины VI до середины X вв. может быть поделено на три этапа, которые отличаются друг от друга не столько существенными изменениями в социально-экономической и культурной жизни населения, сколько сменой политической обстановки. Начало первого этапа совпадает с последними десятилетиями правления Юстиниана I, при котором Херсон окончательно принял облик провинциального христианского города, центра епархии и дуката с налаженным, регулярным выпуском мелкой имперской монеты и трансформацией городского совета в чиновную структуру. Завешается он с появлением хазар в Таврике в конце VII в. и складыванием тогда же нового статуса города. Второй этап истории Херсона был связан с существованием особых византино-хазарских отношений на крымской земле, которые почти окончательно исчерпали себя к концу первой трети IX в. Создание византийской фемы в Юго-Западной Таврике взамен прежнего, «контактного статуса» этих территорий знаменовало отсчет третьего этапа, завершившегося после всех тревожных дожиданий укреплением позиций Византии на территории Крымского полуострова к 40-м гг. X в. Таковы, на мой взгляд, хронологические рубежи, внутри которых мы можем говорить о собственно раннесредневековом Херсоне, причудливых, подчас таинственных поворотах его судьбы, удивительно цепко вплетававшихся в историю величайших держав и народов мира. Именно судьбоносность этого города заставляет многократно отвлекаться от него са-

⁴ Подр. см.: Сорочан С. Б. В поисках грани. *Terminus ante quem* раннесредневекового Херсона // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2002. – №566. – Історія. – Вип. 34. – С. 45–55.

мого и обращать взор на широкую панораму его окружения, выходящую далеко за «домашние» пределы Юго-Западного Крыма.

Накопленные за два столетия, начиная с 1827 г., херсонесские материалы, их многочисленные старые и еще более многочисленные новые интерпретации, поправки, особенно полученные за последние десятилетия настойчивым трудом исследователей, позволяют стряхнуть долгие чары ложных представлений. Замечу, что по иронии все той же истории воздвигались эти чары отнюдь не объективными историческими данными, а скорее их субъективным толкованием целой плеяды историков, добросовестно и беззаветно трудившиеся над поисками истины. Весьма мало удалось увидеть сразу, с наскока, перебирая и систематизируя пласты не столько археологических, сколько письменных источников, которые поначалу выглядели даже более обильными, чем первые. Мысль наша «блуждает как бы в потемках, тщетно истязая себя догадками», — с печалью констатировал известный русский филолог и славист Виктор Иванович Григорович (1815–1876), оставивший глубокие «намеки» относительно раннесредневекового Херсона, полные предчувствий будущих открытий и озарений⁵.

Первый и наиболее яркий пример тому — сверхобъемный двухтомный труд митрополита всех римско-католических церквей в России, архиепископа Могилевского Станислава Богуш-Сестренцевича (1200 страниц ин-октаво), изданный за границей в 1800 г. на французском языке, а в 1806 г. переведенный с этого издания на русский язык с посвящением императору Александру I, вернувшему автора из длившейся несколько лет опалы⁶. Монументальное сочинение было написано по желанию князя Григория Александровича Потемкина, который в 1774–1791 гг. был генерал-губернатором Новороссийского

⁵ Григорович В. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. — 1864. — Ч. 13. — С. 1001; ср.: Григорович В. Заметки о Солуни и Корсуни. — Одесса, 1872.

⁶ С. Богуш-Сестренцевич (1731–1827, по другим данным, 1743–1825), сын шляхтича Виленской губернии, происходил из литовских дворян кальвинистского исповедания. Получил образование во Франкфуртском университете, знал языки, состоял на военной службе, потом был приглашен воспитателем детей князя Радзивилла, в доме которого перешел в католичество. Служил настоятелем в Гомеле и Бобруйске, каноником в Вильне, а потом был возведен в сан епископа-суффрагана. После присоединения Белоруссии к России императрица Екатерина II, лично познакомившись с ним, в 1773 г. назначила его епископом Белорусским. В 1782 г. Богуш-Сестренцевич оказался возведен в сан архиепископа, а император Павел I присвоил ему титул митрополита всех римско-католических церквей в России. Вражда со стороны папской курии и интриги иезуитов привели к тому, что в 1800 г., как раз когда появилась его «История Тавриды», Богуш-Сестренцевич был выслан из Санкт-Петербурга, но уже в начале царствования Александра I был возвращен на свой пост и назначен председателем римско-католической духовной коллегии (Мурзакевич Н. Архиепископ католический Станислав Сестренцевич-Богуш // ЗООИД. — 1875. — Т. 9. — С. 339–342; Христианство / Под ред. С. С. Аверинцева и др. — М., 1993. — Т. I. — С. 291).

края и, готовясь к посещению Крыма императрицей Екатериной II, предпринимал меры к ознакомлению общественности с новоприобретенными землями. Сам С. Богуш-Сестренцевич дважды, в 1784 и 1787 гг., посетил их⁷. Но основным источником сведений для него стало фундаментальное знание письменных памятников, всего массива сочинений античных и средневековых авторов. Один из основателей ООИД и его вице-президент Н. Н. Мурзакевич несколько не преувеличивал, когда отметил, что книга по «ее новизне, эрудиции, обратила на себя внимание всего образованного мира»⁸.

В этом плоде 15-летних усилий оказалось слито поразительное очарование глубокого знания первоисточников и вместе с тем хаотичное нагромождение «всякой всячины», ничем не отличающееся от компиляции классического средневекового хрониста, чьей путеводной, едва ли не единственной нитью была смутно понимаемая хронологическая последовательность описываемых событий, к тому же почти исключительно из области политической истории. Сумбурная структура с множеством повторов особенно портить впечатление, но при всем том созданный высокообразованным прелатом цельный очерк истории Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. стал существенным вкладом в дело изучения раннесредневекового Херсона и, как теперь становится ясно, поневоле предопределил некоторые последующие оценки жизни этого византийского города⁹.

Его историю Богуш-Сестренцевич начинает с «покровительства» Юстиниана I, который, в соответствии с данными трактата Прокопия «О постройках», укрепил город. Все последующие исследователи в течение более полутора столетий будут столь же буквально, не критически обращаясь к этому лишь отчасти справедливому утверждению и пытаться увязать с ним пик строительной активности херсонитов. Верные догадки чередовались с ошибками и дальше. Так, осаду тюрками города он отнес, в соответствии с данными Меландра Протиктора, к 582 г., причем заметил: «обстоятельства их предприятия подают повод думать, что усилия их (тюрков – С.С.) были направлены более на Херсонес Фракийский», – принципиально важное наблюдение, к сожалению, оставшееся не замеченным и потому не внесшее коррективы в представление о словах византийского историка, как о факте якобы действительно имевшем место¹⁰.

⁷ Даниленко В. Н., Даниленко А. В. О начальном периоде в истории изучения Крыма // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столицы. Материалы междунаро. конф. – Керчь, 2000. – С. 160–162; Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) – СПб., 2002. – С. 40.

⁸ Мурзакевич Н. Архиепископ католический... – С. 339.

⁹ История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. – СПб., 1806. – Т. 1. – Кн. 6 – С. 317–335; Т. 2. – Кн. 11–12. – С. 94–129 (пер. с франц. издания: *Histoire du Royaume de la Chersonese Taurique. Histoire de la Tauride* – Brunswick, 1800. – Vol. 1–2).

¹⁰ История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 318.

Говоря о тяготах римского папы Мартина I, оказавшегося в Херсоне в VII в., Богуш-Сестренцевич полагал, что если исходить из содержания писем ссыльного, «он окончил свою жизнь в каком-либо другом бедственном месте Херсонеса Фракийского или Понтийского, как тогда называли Таврию, а не в Херсонесе»¹¹. Причем это интуитивное и неожиданное на первый взгляд предположение, могущее объяснить многие противоречивые показания Мартина, поселенного в изгнании, вероятно, вне города, историк строил, как ни парадоксально, лишь на отчасти правильной посылке о том, что херсониты не могли столь бедствовать, ибо «отпускали множество хлеба» и «не отправляли никакой соли». Таким образом, здесь сработал устойчивый «эффект гипноза» известных античных авторов о понтийском хлебе, отправляемом в Грецию и Рим, и отсутствие сведений о соляных озерах и соледобыче в окрестностях города, что удалось уточнить гораздо позже¹².

Блок подробно разбираемых сведений о взаимоотношениях Юстиниана II Ринотмета, хазар и херсонитов был построен единственно на пересказе не очень внимательно воспринятых Никифора и Феофана, отчего продолжительность ссылки экс-императора ромеев в Херсоне была определена в четыре года, которые ссыльный, оказывается, провел в монастыре (sic!). Верно указав, что Юстиниан бежал, спасая свою жизнь, «в Дорию, находящуюся во владении Готфов», а не хазар, Богуш-Сестренцевич отметил, что уже оттуда беглец отправился к «Бузыресу царю Хазарскому». Объективности ради следует заметить, что здесь впервые прозвучало восстановленное по редкому византийскому источнику, константинопольской «Краткой исторической хронике» второй половины VIII – первой четверти IX вв., имя державного визави экс-василевса – Ивузира Глиавана или Глиавана Хазара, более нигде не известное, но и оно прошло без внимания перед взором последующих историков, обратившихся к нему едва ли не через 150 лет¹³. В кн. 11, посвященной хазарам и их политике в Таврике с 679 г. по 894 г., автор еще раз идентифицирует хагана, оказавшего помощь Юстиниану, с «Бузыром», «прозванным Глиабаром или Главарем по-славянски», и тут же рождает миф, которому окажется суждено стать со временем неким постулатом, благодаря своей давности уже как бы и не нуждающимся в доказательстве. Суть утверждения состояла в том, что готы «дежались» в Херсоне, Боспоре и других городах Таврики, принадле-

¹¹ История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 319.

¹² См.: Кадеев В. I. Соляний промисел в пізньюантичному Херсонесі (I–IV ст. н. е.) // Археологія. – 1961. – Т. 13. – С. 89; Сорочан С. Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. – Харьков, 1994. – С. 66–72.

¹³ Каждан А. П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 396–401; ср.: Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. – Princeton, 1954. – P. 173, n. 12; Moravcsik G. Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. – Bd. 2. – S. IX, 136.

жавших Империи, но «не взирая на сие платили дань казарам», которым вплоть до последних лет IX в. принадлежала верховная власть на полуострове¹⁴. Мало того, хаган принял Юстиниана в некоем мифическом «Хеландии, своем местопребывании близ Боспора», а Фанагорию дал в приданое за свою сестру, выданную за экс-императора. Вдобавок Богуш-Сестренцевич ошибся в сроках последующих событий, когда посчитал, что послы василевса Тиверия Аписмара прибыли к хагану с требованием выдачи Юстиниана «едва сей союз (хагана и экс-императора — С. С.) был заключен»: на самом деле беглец до этого уже несколько лет скрывался в Фанагории¹⁵. Видимо, отсюда проистекает и неверная датировка возвращения василевса на трон с помощью болгар, что произошло не в 701 г., а на четыре года позже.

Необъяснимое заблуждение относительно господства хазар в Таврике проглядывает и в ничем не подтверждаемом рассказе о том, что хаган после отправки византийского карательного флота против Херсона якобы укорял Юстиниана II за то, что тот начал войну «в его областях»¹⁶. Зато архонта-тудуна, бывшего в Херсоне накануне событий 711 г. «от лица хагана», Богуш-Сестренцевич превратил в «протевона Дуноса» (в другом месте — Дюноса), херсонского протополита Зоила — в «вельможу знатного происхождения», а остальных 40 протевонов и «мужей известных», отправленных в Константинополь после первой карательной экспедиции, — в «градоначальников», хотя таковыми, да и то с натяжкой, были два десятка простатевонтов неких местных кастра, полисм и областей-архонтий¹⁷. Командующего этой экспедицией он губит в октябрьском шторме во время возвращения флота и тут же фантазирует по поводу каких-то наскоро построенных херсонитами укреплений, которые они якобы возвели против очередного карательного десанта византийцев. Царского дорифора и спафария Илью (Илию), назначенного Юстинианом II архонтом Херсона, Богуш-Сестренцевич производит в бывшего начальника императорских телохранителей и явно путает с опальным Варданом, поскольку считает, что Илья отбывал ссылку в Кефалинии, тогда как на самом деле это касалось будущего узурпатора¹⁸. Отправку к хагану 300 ромейских воинов, предводителями которых неожиданно оказываются не ромейские власти и турмарх Христофор, а «Дюнос» (тудун — С. С.) и «вельможа» Зоил — «изменники

¹⁴ История царства Херсонеса... — Т. 2. — С. 101, 110–111.

¹⁵ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 321.

¹⁶ История царства Херсонеса... — Т. 2. — С. 103.

¹⁷ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 324. Этот пресловутый «протевон Дунос», сочиненный Сестренцевичем, будет долго потом фигурировать в пересказах других исследователей, обращавшихся к событиям правления Юстиниана II (ср.: Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // ЗООИД. — 1848. — Т. 2. — С. 249).

¹⁸ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 325.

отечества» (?), он трактует как «выдачу» и объясняет стремлением херсонитов доказать свою преданность хазарам¹⁹.

Если следовать логике автора, тогда надо признать невозможное: власти города заранее знали, что тудун, к слову, отнюдь не изменник, а, скорее, пострадавший на службе хагану, умрет в дороге и все ромейские воины будут принесены ему в жертву сопровождавшими хазарами.

Союз Льва III Исавра через династический брак его сына Константина с дочерью хагана Богуш-Сестренцевич оценил не как блестящий ход византийской дипломатии, вынужденной искать союзника для борьбы с арабской угрозой далеко за пределами Империи, а как доказательство упадка, слабости византийского государства²⁰. Впрочем, это не помешало ему тут же признать, что политика в отношении хазар доставила Романии спокойствие более чем на век. Как ни странно, с этой же политикой он связывает то, что называет «Херсонесской республикой», которая, по его мнению, «обязана была слабыми остатками своего существования хазарам»²¹. Так произошло рождение еще одного устойчивого историографического мифа о «самоуправляемом», «вольнлюбивом», «республиканском» средневековом Херсоне, ревниво и упорно оберегавшем свои полисные традиции вековой давности.

Именно одновременным союзом с Империей и хазарами Богуш-Сестренцевич объясняет, почему херсониты и их «республика» не отказали василевсу Феофилу и хазарам в помощи в строительстве крепости Саркел на Дону «против россиян и печенегов»²². Причину образования византийской фемы в Крыму он видел не в объективном изменении былого равновесия сил, соперничавших на полуострове, а в субъективном факторе — интригах посланца василевса, Петроны Каматира, ненавидевшего якобы существовавшее «республиканское правление» и обиженного по поводу неких «неудовольствий», которые претерпел во время пребывания в городе²³. Историку не смутило, что подобное утверждение никак не увязывается с фактом огромной реальной помощи, которую «республиканские» власти Херсона незамедлительно предоставили интригану-спафарокандидату в деле осуществления царского повеления. Любопытно, что, датируя строительство Саркела 834 г., Богуш-Сестренцевич отнес создание херсонской фемы к 840 г., тем самым предвосхитив результаты некоторых современных разработок этого вопроса, хотя их авторы даже

¹⁹ История царства Херсонеса... — Т. 2. — С. 103–104.

²⁰ История царства Херсонеса... — Т. 2. — С. 105.

²¹ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 328.

²² В другом месте Сестренцевич-Богуш объясняет упрочение союза Империи и хазар при Феофиле печенежской опасностью и считает эту опасность главной, не учитывая, что печенеги в качестве грозной силы показали себя гораздо позже (История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 329; Т. 2. — С. 106, 120).

²³ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 330.

не упомянули забытого «первооткрывателя»²⁴. Другое дело, что без каких-либо объяснений он простер территорию этой фемы до совершенно фантастических размеров, включив в нее «все города греческие в Таврии и Зихии, подвластные императору до р. Кубани», хотя по его же противоречивому заявлению, они платили дань хазарам²⁵. Выдуманная дань тоже надолго поселится на страницах херсоноведческих штудий.

Примечательно, что, как и многие после него, Богуш-Сестренцевич изобразил все эти события как уничтожение «остатков образа республиканского правления в Херсоне, постановя волю императора вместо свободного избрания граждан»²⁶.

Миссию Константина Философа к хазарам автор не критически связывал с вымышленной, ничем не подкрепляемой просьбой хагана прислать ему священников для обращения своих подданных в христианскую веру и относил это событие к 858 г., хотя житийный источник, Слово на перенесение мощей преславного Климента, ясно указывает на 30 января 861 г. (3 февраля — по григорианскому календарю для IX в.), как время пребывания Константина в Херсоне — транзитном пункте на пути в Хазарию²⁷. В связи с участием посланца императора и патриарха в обретении и перенесении мощей св. Климента в Херсон, родилась версия о связях мрамороломен, в которые был отправлен на работу ссыльный римский епископ, с Инкерманом, по поводу чего в книге было написано с обычной безапелляционностью: «место сие есть мыс близ Инкермана, на конце Севастопольской гавани»²⁸.

Уже А. Л. Бертъе-Делагард, писавший в 1891 г. в Одессе свои «Раскопки Херсонеса», заметил в комментарии: «Приурочение легенды о св. Клименте к Инкерману кем-либо ранее Сестренцевича мне неизвестно, хотя я тщательно разыскивал первого автора этого предположения»²⁹. Тем не менее мысль высокоученого прелата была подхвачена и к середине XIX в., времени восстановления Инкерман-

²⁴ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 330; см.: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. — Симферополь, 1997. — Вып. 1. — С. 312–323; Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. — Харьков, 1997. — С. 23–30; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. — 1998. — Вып. 6. — С. 689–700.

²⁵ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 331.

²⁶ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 331.

²⁷ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 332; ср.: Слово на перенесение мощей преславного Климента // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. — М., 1911. — Вып. 2. — С. 127; *Legenda Italica. Vita cum Translatione S. Clementis* // Бильба-сов В. А. Кирилл и Мефодий. — СПб., 1871. — Р. 221, § 3.

²⁸ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 295.

²⁹ Бертъе-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. — СПб., 1893. — № 12. — С. 62, прим. 1.

ской киновии, стала настолько априорной, что монастырь получил имя не св. Георгия, какое заслуживал, а св. Климента³⁰.

Не меньше внимания, чем хазарам, Богуш-Сестренцевич уделил печенегам, появление которых в Крыму отнес почти на пол столетия раньше срока, ко второй половине IX в., причем отметил их поселение «на границах Херсонесской республики», несмотря на то, что выше сам же констатировал исчезновение этой пресловутой «республики» в связи с организацией фемы в 840 г.³¹ Здесь же впервые появляется растиражированная впоследствии на все лады мысль о том, что печенеги сделались «делопроизводителями», «разносчиками», «комиссионерами» херсонитов, то есть стали посредниками в торговых операциях последних с Хазарией, Росией, Зихией и другими «мало отдаленными областями», а также делается неуклюжая попытка интерпретировать приводимый Константином Багрянородным перечень товаров, который будут с теми или иными вариациями повторять все последующие исследователи средневекового Херсона³². При этом в него попали не только шелковые ткани, пояса, воск, действительно фигурирующие в источнике, но и «багрянец», тонкие, вышитые узором сукна, ожерелья, горностаевые опушки, перец и даже «леопардовые кожи». История с херсонским стратигом Иоанном Вогой и организацией им призвания печенегов на Дунай для участия в военных действиях на стороне ромеев тоже оказалась искажена настолько, что Вога из патрикия превратился в патриарха³³.

Богуш-Сестренцевич верно заметил, что «варвары, покорявшие Таврию попеременно, редко владели нагорной частью оной, лежащую к юго-западу; узкие проходы, неприступные горы принуждали их останавливаться на равнинах, находящихся при выходе»³⁴. Тем не менее, собственное справедливое наблюдение не помешало ему считать печенегов единственными хозяевами всей территории Крыма и, следовательно, городских пунктов полуострова, к контролю над которыми они в действительности были индифферентны. Он писал: «...гордый Херсон, наполненный своими богатствами, не токмо не считал их варварами, как многих других народов, но уважал и боялся их, потому что они господствовали в Таврии»³⁵. Усиление здесь византийского присутствия к середине X в. им было не замечено, Впрочем, как и некоторыми современными исследователями³⁶.

³⁰ Краткое описание Инкерманской Киновии и Древнего Ее Храма в новооткрытой Таврической епархии. — М., 1861. — С. 22; Крестный путь св. Климента: Рим — Херсонес. — Севастополь, 2001. — С. 16; Сомов Л. Камни... преткновения? // Слава Севастополя. — 2002. — 1 декабря (№225). — Л. 3.

³¹ История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 333; Т. 2. — С. 120–121.

³² История царства Херсонеса... — Т. 1. — С. 333; Т. 2. — С. 121, 129.

³³ История царства Херсонеса... — Т. 2. — С. 124.

³⁴ Там же. — С. 122.

³⁵ Там же. — С. 128–129.

³⁶ Ср.: Цукеран К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. — 1998. — Вып. 6. — С. 678–679.

Таким образом, католический прелат заложил истоки того прочтения раннесредневековой истории Херсона, которые надолго определили трактовку многих ее сторон. Сам того не подозревая, он расставил точки так, что его заключения оказались не просто направляющими, программными, но сыграли своеобразную роль шор для идущих вслед. Перенесенные в последующие работы, они продолжали жить самостоятельно, уже без оглядки на своего «отца-основателя».

К числу подобных обобщающих исследований относится очерк известного нумизмата, барона Бернгарда Васильевича Кёне (1817–1886), который тоже лег в основу «тезисов», развиваемых другими исследователями, и оказал концептуальное влияние³⁷. Как и в случае с фундаментальным трудом Богуша-Сестренцевича, даже некоторые ошибки, допущенные Б.В. Кёне, превратились в своего рода окончательные данные, которые стали кочевать из работы в работу. Как и в предыдущем случае, очерк касался главным образом политической истории, изложенной в хронологической последовательности («От основания города до Римского владычества», «Римско-Боспорский период», «Византийский период»), однако нехватка сведений письменных источников и отсутствие глубокого анализа археологических материалов, собранных к тому же в ходе случайных, не систематических раскопок, предопределили отрывочность изложения, в котором порой зияли хронологические цезуры в сто и более лет.

Рождение византийского Херсона автор связывал с формально-юридическим моментом – разделом Римской империи в 395 г., согласно которому Таврика вместе с восточными провинциями досталась императору Аркадию. Насколько известно, никто больше не обратил внимание на это предложение – время и обстоятельства вхождения города в состав Империи до сих пор остаются предметом научного поиска³⁸.

В работе Б.В. Кёне, как правило, повторяются наблюдения, уже попадавшие в поле зрения Богуша-Сестренцевича, причем с теми же выводами. Это и содействие, оказанное Юстинианом I Херсо-

³⁷ Кёне Б. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. – СПб., 1848; Кёне Б. Дополнения к исследованиям об Истории и древностях города Херсониса Таврического // Записки СПб Археолого-Нумизматического общества. – СПб., 1850. – Т. 2. – С. 263–276; Кёне Б. Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. – 1855. – Ч. 88. – Ноябрь – С. 110–132; Декабрь – С. 170–221 (отд. отт. – С. 1 – 73).

³⁸ Ср.: Белов Г.Д. Херсонес – Корсунь. – Л., 1969. – С. 34; Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. – Харьков, 1981. – С. 36; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. – К., 1998. – С. 165–166; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 118–123; Храпунов М.І. Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. // Археологія. – 2000. – № 1. – С. 57–67; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 520–530.

ну в строительстве укреплений, и взятие тюрками Боспора в 575 г. и осада ими Херсона «в то же время», да еще с прибавлением, что город спасся не иначе как «при помощи стен, построенных Юстинианом». Правдоподобность самой осады не ставилась под сомнение.

Существенным новым вкладом исследователя явился анализ обнаруженной в 1803 г. строительной надписи 590 г. с упоминанием Евпатерия, стратилата и дуки Херсона, однако «буквалистский», неосмысленный подход к интерпретации текста важного эпиграфического памятника вылился в представление о Евпатерии как об императорском «рабе», возвысившимся на государственной службе.

Б.В. Кёне лишь упомянул об изгнании римского папы Мартина I в Херсон, фактически устранив от комментариев ценных писем ссыльного, причем ошибочно датировал их, как и саму херсонесскую ссылку папы, 653 г., а не 655 г., что, впрочем, трудно ставить ему в вину, ибо последнее удалось установить гораздо позже, почти через 70 лет³⁹.

Историю с Юстинианом II, его ссылкой в Херсон, бегством, перипетиями возврата трона кратко и, может быть, поэтому в целом верно, без излишней путаницы была пересказана по единственным источникам — Феофану Исповеднику и Никифору. Здесь Б.В. Кёне одним из первых предпринял попытку локализовать «страну Дори» в Крыму и установить этимологию ее названия. По его мнению, это была «небольшая земля», отданная готам Юстинианом I, которая находилась между Севастополем и Симферополем и получила свое название «... или от леса, покрывавшего ее, или от древнего Евпатериона, ее столицы»⁴⁰. Если с первым объяснением еще можно согласиться, то второе представляется совершенно фальшивым, как и отождествление территории Дори с климата — «северной ветвью гор Тавриды»⁴¹. Плодотворная мысль увидеть и в том и в другом соответствующие местные административно-территориальные единицы еще очень долгое время не посетит исследователей⁴².

О хазарах Б.В. Кёне пишет, что, несмотря на возрастающее их могущество, Херсон «сохранял, кажется, свою независимость». Но «мало помалу» хазары покорили всех крымских готов, «несмотря на храбрую защиту их при епископе Иоанне», которую он отнес почти на пол столетия раньше срока — к 740 г.⁴³. Следовательно, предвзятое мнение, а по сути дела, заблуждение об установлении господства

³⁹ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). — С. 45; ср.: Peitz W.M. Martin I und Maximus Confessor. Beiträge zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645–668 // Historisches Jahrbuch. — München, 1917. — Bd. 38. — Hft. 3. — S. 436–440.

⁴⁰ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). — С. 45.

⁴¹ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). — С. 54.

⁴² Ср.: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона — С. 312–323; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. — С. 689–700.

⁴³ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). — С. 49.

Хазарии на территории Крымского полуострова и тут взяло верх над трезвыми первыми сомнениями, посетившими исследователя, вообще, склонного, как отмечали рецензенты, к не совсем удачному и полезному пристрастию бездоказательно «рубить гордые узлы» и «тоном, неприкрытым скромными учеными», часто и неуместно осуждать кого-либо⁴⁴.

В том же духе были построены дальнейшие рассуждения о строительстве Саркела как укрепления против печенегов, что не мешало, не приняв во внимание указаний Сестренцевича, отнести это событие из истории византийско-хазарских отношений к началу IX в. и при этом трактовать его как ловкий демарш василевса Феофила, воспользовавшегося просьбой хагана, чтобы «...присоединить к своей империи Херсон, отделившийся от нее около 120 лет»⁴⁵, то есть, надо понимать, в конце VII или начале VIII в., когда в Крыму появились хазары. Царского посланца Петрону Каматира Б.В. Кёне называет то шурином Феофила, то отцом, хотя ни то, ни другое не имеет под собой оснований. Причем после всего делает неожиданное заявление, противоречащее его предыдущему заключению: «... город не зависел от хазар и всегда считался принадлежностью Византии». В итоге выходило нечто невообразимое – даже «отделившийся» Херсон продолжал оставаться византийским!

Появление в местном денежном обращении многочисленных медных монет с аббревиатурой МВ Кёне, после некоторых сомнений, одним из первых предложил считать относящимися к недолгому совместному правлению Михаила III и Василия Македонянина в 866/867 г., и это мнение неколебимо держалось среди специалистов до тех пор, пока В.А. Анохин, обратив внимание на обилие таких монет, слишком большое для одного года выпуска, счел возможным интерпретировать буквы как указание на одного «Михаила василевса» и, таким образом, логично приблизить границы выпуска ко времени создания фемы⁴⁶.

Период правления Василия I (867–886), то есть конец IX столетия, Б.В. Кёне справедливо считал удачным и спокойным, в том числе для Херсона, хотя не пытался отказаться от идеи хазарского господства в Крыму, мало того, даже видел хазар «на верху свое-

⁴⁴ См.: Мурзакевич Н. [Рец.] // ЗООИД. – 1848–1850. – Т. 2. – С. 705–709 (Кёне Б. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. – СПб., 1848. – 281 с., VIII табл., 2 плана); Мурзакевич Н. [Рец.] // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 974–977 (Описание Музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике Греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора киммерийского. Сочинение Б. Кёне. – СПб., 1857. – Ч. 1. – VIII, 452 с., VII табл.; Ч. 2. – 420, XXI с., 21 табл.).

⁴⁵ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). – С. 50.

⁴⁶ Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. – С. 148; Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). – С. 51; ср.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). – К., 1977. – С. 113–115.

го могущества». Убийство херсонского стратига Симеона он связывал с войной Льва VI Мудрого с болгарами и без объяснений относил к 891 г., хотя враждебные действия болгарского царя Симеона (893–927) последовали только с 894 г., а поражение ромеев при Булгарофигоне случилось еще на два года позже⁴⁷. Несмотря на это, ошибочная дата 891 г. надолго, вплоть до настоящего времени утвердилась в историографии вместе с неубедительной мыслью о том, что херсониты убили своего стратига «для приобретения свободы»⁴⁸. Не насторожила глухая оговорка самого Б.В. Кёне, что обстоятельство этого возмущения, судя по умолчанию источника, «было неважно».

Торговля Херсона в первой половине X в. была описана на основе данных Константина Багрянородного, однако и здесь не обошлось без курьезов неправильно понятой терминологии источника, в результате чего влатии были представлены только как «пурпурные ткани», прандии стали «поясами», харерии – «запястьями», а семен-та – пояса превратились в украшения, не говоря уже о легендарных «барсовых кожах» и других «товарах, происходивших из Азии»⁴⁹. Если бы не верный вывод относительно посреднической торговой роли Херсона как «очень богатого» пограничного города, наблюдения Б.В. Кёне могли бы окончательно разочаровать в своей полноте и грамотности. Впрочем, сам автор, гораздо более нумизмат, чем историк, скромно расценивал свой труд лишь как ни к чему не обязывающие выписки из источников, к которым он мог присоединить некоторые собственные вольные замечания.

Эти старые работы, которым ныне исполняется по сотне и более лет, несут удивительное сочетание наивности и мудрости, слепого следования букве источника и вместе с тем буйства воображения, что во многом и породило те утверждения, которые превратились в забронзовевшие от собственной значимости штампы и подхватывались в дальнейшем без должной проверки последующими поколениями историков и археологов. Примером могут стать представления об истовой последовательности херсонитов в отстаивании православного учения «против влияния иудаизма» хазар в эпоху иконоборства или, скажем, об автономии раннесредневекового Херсона, против воли горожан разрушенной императором Феофилом, который упразднил выборных «посадников и старшин» и прислал страти-

⁴⁷ См.: Цанкова-Петкова Г. Първата война между България и Византия при цар Симеон възстановяването на българската търговия с Цариград // Известия на Института за история. – 1968. – Т. 20. – С. 188; Kazdan A. A. Boulgarophygon // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 317.

⁴⁸ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). – С. 51; ср.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. – М., 1991. – С. 117; Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 82.

⁴⁹ Кёне Б. Херсонес (отд. отт.). – С. 54 – 55.

Рис. 1. П.И. Кеппен

га — «наряд» новгородского толка⁵⁰. Такими же выглядят высокопарное утверждение об избрании Херсона исходной точкой для высокой миссии св. апостолов славянских, Кирилла и Мефодия, причем именно той, где родилась инициатива к распространению славянского Богослужения⁵¹.

Далеко не блестящими, хотя и любопытными, оказались результаты усилий другого известного историка И. Мансвотова, целью обобщающего труда которого было представить «в общедоступном изложении политическую и внутреннюю жизнь Херсонеса Таврического преимущественно на основании найденных здесь памятников его древнего быта»⁵². Он несет явный отпечаток повышенного внимания автора к археологиче-

ским источникам, число которых прибавилось за предыдущие 50 лет раскопок. Во многом это объяснимо тем, что в основу очерка были положены результаты появившихся к тому времени обстоятельных книг высокообразованного швейцарца Фред. Дюбуа де Монпере, чье путешествие прошло по археологическим памятникам Крыма, а также Петра Ивановича Кеппена и Захария Андреевича Аркаса, оставивших уникальные историко-археологические и топографические описания местных древностей (рис. 1)⁵³. Кроме того, в конце

⁵⁰ Последующие представления о стойкости муниципального местного самоуправления, полисных традициях подчас шли еще дальше, так что сторонников таких взглядов не останавливало даже учреждение византийской фемной администрации в Таврике.

⁵¹ См.: Григорович В. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях. — С. 999, 1000; Григорович В. Заметки о Солуни и Корсунни. — Одесса, 1872.

⁵² Мансвот И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. — М., 1872.

⁵³ Dubois de Montpereus F. Voyage autor du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. — Paris, 1841. — Т. 6; Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Издан по распоряжению г. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова. — СПб., 1837; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // ЗООИД. — 1848–1850. — Т. 2. — С. 245–271. Нельзя не отметить, что пионером исторических выводов среди этих авторов был именно экономист, этнограф и историк П.И. Кеппен (1793–1864), создавший к тому же «наиболее полный для своего времени историко-археологический свод материалов о крымском средневековье», который не утратил своего значения

работы находился каталог добытых во время раскопок вещей, демонстрировавшихся в Севастопольском отделе Политехнической выставки, и именно они помогали открыть такие тайны, о которых, по выражению И. Мансветова, «молчит история и забыла народная память»⁵⁴. При всем том оценка византийского периода истории Херсона оказалась крайне негативной: с того времени, как город отошел к «владельцам Восточной Римской империи, доставшейся Аркадию», начался его упадок⁵⁵. Следовательно, как и барон Кёне, И. Мансветов относил включение Херсона в состав Империи к концу IV в. и, более того, бездоказательно полагал, что после этого он обеднел и лишился своего значения. Для Византии его важность виделась лишь в роли форпоста борьбы с Русью. Глобальный же вопрос о хазарах в Крыму автор вообще обошел молчанием.

Вместе с тем, заслуживает внимания одно из первых суммарных описаний им херсонесских средневековых храмов и других христианских памятников, предвосхитившее знаменитый и очень долгое время остававшийся уникальным свод данных по херсонесским церковным памятникам — труд ординарного профессора Петербургско-

и в наши дни (Заморянин А. В. Проблема истории крымских готов в отечественной историографии конца XVIII — середины XIX в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 2003. — С. 42). В эти «археологические и топографические сведения о южном Крыме» то и дело вплетались относящиеся к раннесредневековому Херсону. Так, по мнению П. И. Кеппена, власть византийских императоров над Готфией существовала уже с V в., когда «готфы стали просить себе епископов из Константинополя», а «южный берег был населен христианами греческого исповедания» (Кеппен П. Указ. соч. — С. 60, 63). В укреплениях, здесь обнаруженных, ему виделась «систематическим порядком устроенная оборона», звенья которой стояли во «взаимном соотношении» (Там же. — С. 45). Он относил эти крепости примерно ко времени Юстиниана I, но необоснованно ссылаясь на трактат «О постройках», который, вместе с тем, датировал достаточно точно — 562 г. (Там же. — С. 53, 72). Бегство Юстиниана II во Фруру Дорос исследователь без объяснения увязывал почему-то с 702 г. и полагал, ссылаясь на «Бревиарий» Никифора, что именно в это сторожевое укрепление экс-император «...пригласил к себе начальника хазаров», надо полагать, самого хагана (Там же. — С. 58–59, 86, 87). Возвращение трона тоже было произвольно сдвинуто на два года раньше, чем оно произошло в действительности (Там же. — С. 59, прим. 80). Подробно пересказывая историю места Юстиниана II херсонитам, боспорянам и их соседям, П. И. Кеппен довольно близко следовал тексту источника, но воспринимал его буквально, без каких-либо признаков исторической критики, соответствующих комментариев (Там же. — С. 87–90). Наконец, создание феи с центром в Херсоне было изображено лишь как «лишение права избирать себе начальников», то есть борьба центра с местным самоуправлением, и неопределенно отнесено ко времени «после 833 года» (Там же. — С. 90). Впрочем, и после П. И. Кеппена этот вопрос будет пребывать примерно в том же положении еще около 150 лет. Поэтому следует признать, что археологические изыскания и обобщение их результатов во второй трети XIX в. дали гораздо больше, чем историко-аналитическая часть таких трудов.

⁵⁴ Мансветов И. Историческое описание... — С. 43.

⁵⁵ Мансветов И. Указ. соч. — С. 19.

Рис. 2. Д.В. Айналов

го университета, известного искусствоведа Дмитрия Власевича Айналова (1862–1939) (рис. 2)⁵⁶. К таким же новшествам относилась попытка реконструкции обряда греко-римских и христианских погребений на основе анализа полученных археологических материалов. Погружение в них позволило прийти к верному и впоследствии надолго забытому выводу о том, что «общественная жизнь Херсонеса усвоила себе христианские начала спустя долгое время после того как проникли сюда идеи христианства вместе с первыми проповедниками»⁵⁷. Для И. Мансветова город стал по настоящему христианским только к концу VI в., что перекликается с результатами современных исследований, незаслуженно забывших своего предшественника⁵⁸.

В остальном очерк повторял уже известные положения Богуша-Сестренцевича и Кёне, иногда едва ли не дословные. Именно так выглядит порядком поднадоевшее указание со ссылками на Константина Багрянородного о торговле херсонитов с печенегам и «другими северными племенами пурпуровыми тканями, шелковыми поясами, запястьями, дорогой материей и украшениями, барсовыми кожами и другими предметами», прискорбная неточность которого стала едва ли не одиозной⁵⁹.

Такой же категоричностью грешит небольшой очерк о христианских древностях Крыма и Херсонеса, составленный известными специалистами, но продолжавший тиражировать накопленные ошибки (рис. 3)⁶⁰. Его авторы не сомневались в том, что турки «грозили

⁵⁶ Ср.: Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. I; Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. – С. 278; Романчук А.И. Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 429 – 430.

⁵⁷ Мансветов И. Историческое описание... – С. 30.

⁵⁸ Подр. см.: Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). – К., 2000. – С. 44–103, 136–137; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 556–628.

⁵⁹ Мансветов И. Историческое описание... – С. 13.

⁶⁰ Русские древности в памятниках искусства изданные графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 1–34.

Херсону» в 581 г. и лишь «не успели его взять»⁶¹. Юстиниан Ринотмет бежал в Дорос, где, ни много — ни мало, «... имел пребывание хазарский хаган на границах готской земли»⁶². Мельком и не так определенно высказанная в свое время аналогичная мысль П. И. Кеппена приобрела здесь законченный вид утверждения. Спафарий Илья (Илия) и Бардан оба были назначены императором «в управители Херсонеса», хотя на самом деле первый был послан в город архонтом, а второй — под его присмотром, ссылкой⁶³. После свержения Юстиниана II Херсон стал «вольным городом» под покровительством хазар и с этой «вековой независимостью» покончил лишь василевс Феофил, отняв власть у неподчиненных ему протевонов и передав ее своему стратигу⁶⁴. Наконец, не критически воспринимая свидетельство Жития Стефана Нового и не обратив внимания на другие источники, И. И. Толстой и Н. П. Кондаков полагали, что в эпоху иконоборства, около 756 г., «Херсон стал убежищем защитников иконопочитания»⁶⁵. Этот сомнительный аргумент будет в дальнейшем всячески муссироваться и породит устойчивое представление исследователей о Таврике как об оплоте борьбы с иконоборством. Очертания направлений исследований даже опытных византинистов были еще достаточно зыбкими и не всегда выводили на правильные решения.

Рис. 3. Н. П. Кондаков

В очередной раз вырубил археологический подход. Результаты успешных, ширококомасштабных раскопок города явились основой для обобщающего труда вице-президента ООИД, генерал-майора Александра Львовича Бертье-Делагарда (1842–1920) (рис. 4), который подвел полустолетний итог такого рода исследований и подробно описал открытые к 1891 г. восемь раннесредневековых базилик, две церкви крестового типа и крещальню⁶⁶. Особого внимания заслуживает его заключение, что базиликальные церкви Херсона, по крайней мере наиболее крупные из них, в массе своей появились «в

⁶¹ Русские древности... — С. 7.

⁶² Там же. — С. 7.

⁶³ Там же. — С. 8.

⁶⁴ Там же. — С. 8.

⁶⁵ Там же. — С. 9.

⁶⁶ Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. — СПб., 1893. — №12. — С. 1–64, табл. I–VI.

конце VI или в VII века», – вывод, который не получил признания у последующих исследователей, но который, в целом, совпадает с новейшими изысканиями на этот счет⁶⁷. Собственно работа А. Л. Бертье-Делагарда выходила за рамки сугубо археологических, поскольку содержала элементы нового и весьма плодотворного методического подхода, – исторического анализа, построенного на вещественном материале. Ее автор подчеркивал редкость, значение и важность исследований именно византийского Херсона, где «нам открывается весь быт, вся культура византийского города, тем более интересные, что они относятся именно к самому обыденному мелкому городу, а не к крупному исключительному центру», к тому же богатому на памятники церковной жизни и обрядности православия VII–XIII вв.⁶⁸. Однако этот типичный провинциальный ромейский город, парадоксально, рисовался взору как изначально бедный, убогий «медвежий угол». В подобной оценке сквозила предвзятость, некоторая заданность. Херсонские храмы, церкви – «малых размеров, с весьма слабым художественным значением, и к тому же вытасченное из других древних построек»; «ничего похожего на какое-либо общественное здание, кроме церквей, не нашли»⁶⁹. Частные дома – «маленькие лачужки», построенные «просто на глине, или вернее сказать, на местной грязи». По мнению исследователя, они лишь одноэтажные, чего не было на самом деле, как и полного отсутствия общественных зданий. Автор не учел, что на «местной грязи» строили постройки по всей территории Империи, это был обычный для ромейских ремесленников-икодомов прием.

Даже обилие цистерн для воды А. Л. Бертье-Делагард ставил в вину Херсону, видя в этом показатель бедности города водой. «До-

Рис. 4. А. Л. Бертье-Делагард

⁶⁷ Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. – С. 51; ср.: Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 79–84; Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 60–76, 222–231; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003; Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеининой, С. Г. Рыжова. – Познань, 2004.

⁶⁸ Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. – С. 16.

⁶⁹ Там же. – С. 12.

машнее хозяйство и того хуже»: ничего кроме рыбозасолочных цистерн — «ям для свалки соленой рыбы — хамсы», погребов, вырубленных в скалистой почве. В примечании исследователь не преминул отметить, что эта маленькая рыбка «служит пищей беднейшему населению и ловится иногда в ужасающих количествах», не пожелав объяснить, чем объяснялась ее заготовка в столь «ужасающих количествах». Следов торгово-ремесленной деятельности, денежного хозяйства, как и промыслов, он тоже не заметил, очевидно, по причине недостаточно глубокого знания массового материала, невнимания к его фиксации. «Ранее знакомства с херсонесскими раскопками, — со свойственной ему эмоциональностью, раскрепощенностью стиля писал А. Л. Бертъе-Делагард, — я никогда не думал, что где-либо и когда — либо могло существовать население, доведенное до такой материальной и умственной нищеты»⁷⁰. Это был больше чем субъективный вывод, по сути дела, предваряемый работе, — это было приговор. История города, — не колеблясь заключал исследователь, — «не дает нам ни малейшего основания видеть в средневековом Херсонесе что-либо иное, чем полуварварский город, о котором упоминается большей частью только потому, что он был местом ссылки, а вокруг него, по всему Крыму, стояло уже совершенное варварство, так сказать, беспросветное»⁷¹. А. Л. Бертъе-Делагард, по собственному признанию, не мог найти слов «для выражения той жалкой нищеты, того глубокого архитектурного невежества и безграмотности», которые якобы вставали из раскопок Херсонеса⁷².

Поверхностный «взгляд снаружи», взгляд, замешанный на критериях жизни отнюдь не средневековой, мешал бросить на херсонитов, а значит, и на ромейское общество, более глубокий и, вместе с тем, более мудрый «взгляд изнутри», который не низводил до уровня париев поколения людей только потому, что они жили до нас и не так как мы. Тем не менее, Н. П. Кондаков справедливо охарактеризовал «Раскопки Херсонеса» как «капитальный трактат», а В. В. Латышев назвал его «выдающимся явлением в области русской археологической литературы за последние годы», в чем не было преувеличения⁷³. К чести Бертъе-Делагарда как ученого, он не стал в дальнейшем настаивать на сделанных негативных эмоциональных оценках, видимо, осознав их гипертрофированность, необъективность и неубедительность, которая становилась очевидной с каждым годом новых раскопок и научных исследований.

⁷⁰ Там же. — С. 13.

⁷¹ Там же. — С. 3.

⁷² Там же. — С. 11.

⁷³ Латышев В. В. [Рец.] // Записки Императорского Русского Археологического общества. — Т. 8. — Вып. 1-2. — 5 С. (Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. — СПб., 1893); Латышев В. В. Отзыв о сочинении А. Л. Бертъе-Делагарда: Древности южной России. Раскопки Херсонеса. СПб., 1893 (МАР. Вып. 12) // Латышев В. В. ПОНТИКА. — СПб., 1909. — С. 371–375.

Рис. 5. А.А. Бобринский

К 1891 г. появилось несколько тысяч изданий и журнальных статей, посвященных Крыму, но это не мешало заведующему херсонесскими раскопками К.К. Косцюшко-Валюжиничу, год от года набиравшему опыта археолога-практика и задумавшего составление соответствующего библиографического указателя, уже тогда констатировать: «...можно безошибочно сказать, что ни об одном уголке нашей обширной империи не написано столько несообразностей, как именно об этом благодатном крае, исследованном, казалось бы, со всех сторон»⁷⁴. Как отличительную черту всего того, что было посвящено изучению византийского Херсона, тоже следует назвать несостоятельность аргументации многих выдвигаемых положений или вообще отсутствие таковой.

Следующая попытка «написать обо всем и о многом сверх того», — охватить единым взором историю Херсонеса и выделить в ней его раннесредневековый период была предпринята спустя более 30 лет после выхода в свет труда И. Мансветова. Отправляя изданную тиражом всего 400 экземпляров книгу в дар К.К. Косцюшко-Валюжиничу, к тому времени развернувшему широкомасштабные систематические раскопки Херсонеса, председатель Императорской Археологической комиссии, камергер императорского двора, граф Алексей Алексеевич Бобринский (1852–1917) (рис. 5) просил отнестись к его разысканиям с большим снисхождением⁷⁵. «Я отлично сознаю, — писал он в письме, — все погрешности этого труда, но надо было когда-нибудь решиться выпустить его». Автор лукавил, ибо очевидная поспешность издания, выросшего из реферата, читанного им в 1902 г. в Московском Археологическом институте, объяснялась скорее всего стремлением опередить выход в свет намеченной в том же году в связи с юбилеем основателя Московского Археологического общества графа А.С. Уварова (1824–1884) серии книг «Памятники христианского Херсонеса», чем была озабочена графиня П.С. Уварова (1840–1924), председатель общества и давний «конкурент» А.А. Бобринского по планам изучения Херсонеса⁷⁶.

⁷⁴ Косцюшко-Валюжинич К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. — 1891. — № 13. — С. 55.

⁷⁵ Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. — СПб., 1905.

Невозможно не заметить то сильное влияние, какое оказал на сочинение исторический экскурс Б.В. Кёне и конспективный, но «программный» очерк талантливых византинистов И.И. Толстого и Н.П. Кондакова. Ощущается оно и в главе 5, которую автор патетически озаглавил «От V-го до конца X-го века по Р. Хр. Византийское владычество», тем самым сразу определяя свое представление о хронологических гранях периода этого владычества, но не давая им обоснование. Между тем, для последующих исследователей эти рамки надолго станут каноническими. Символично, что предыдущую главу А.А. Бобринский завершил разделом под названием «Время упадка Херсонеса», который он отнес к концу IV – VI вв. и связал с нападениями варваров – готов, гуннов. Поэтому, как и Мансветов, он видел начало истории византийского Херсона в довольно мрачных, кризисных тонах, нисколько не смущаясь тем, что такие выводы строились не на фактах, а на субъективных, полуинтуитивных представлениях об эпохе Великого переселения народов как о плохой поре.

Нехватка собственно херсонесских материалов и странное для главы Археологической комиссии пренебрежение к углубленному изучению стратиграфии, данных раскопок города, к тому времени уже многочисленных, заставило строить изложение по периодам правлений византийских императоров, начиная с Аркадия и до Иоанна Цимисхия, вкрапляя в рассказ фрагменты из истории Херсона. Подчас А.А. Бобринский действовал как заурядный средневековый хронист, не знакомый с современной методикой исторической критики, и одним махом приводил все версии или даты по тому или иному вопросу, не удосуживаясь их разбором и аргументацией. Так, завоевание тюркским властителем Турксанфом Боспора он отнес к 575 г., тут же в скобках перечислив и другие возможные даты этого события – 579, 581, 582 гг., и не выразил ни малейших колебаний относительно самой вероятности осады тюрками Херсона⁷⁷.

Представления автора о взаимоотношениях хазар с населением Таврики и херсонитами оказались еще более противоречивыми и путанными, чем в работах предшественников. С одной стороны, А.А. Бобринский появление хазар на просторах Крыма датировал началом VII в., когда они якобы «...покорили авар, затем степную часть Таврического полуострова и начали нападать на Херсонес». С другой стороны, он же относил вытеснение хазарами «гуннов» из ближайшего соседства с Херсонесом к 669 г., а чуть позже писал, что «...в 702 г. хазары окончательно покорили готов и утвердились в восточной части Крыма»⁷⁸. Само собой разумеется, обоснований

⁷⁶ См.: Романчук А.И. Создание серии «Памятники христианского Херсонеса». – С. 427, 428; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 24–26.

⁷⁷ Бобринский А. Херсонес Таврический. – С. 92–93.

⁷⁸ Бобринский А. Указ. соч. – С. 95, 96, 97.

этих надуманных абсолютных дат предложено не было. По словам А. А. Бобринского, весьма прозрачно повторяющих известное заявление барона Кёне, «хазары при первом нападении на Крым не тронули Херсонеса, однако вскоре подчинили себе этот город»⁷⁹. Тем не менее, присылку хазарского тудуна он объяснял тем, что хаган «еще не осмелился тогда ввести в город войска»⁸⁰. Так всплывает теория об установлении хазарского протектората над Херсоном, на которой продолжают настаивать некоторые современные исследователи, не считающие ее устаревшей⁸¹. Более того, хазарский хаган в очередной раз селится «... в укреплении Дори, на границе поселения готов»⁸². Совершенно очевидно, что чтение П. И. Кеппена и иже с ним и тут не прошло для историка бесследно.

Более того, А. А. Бобринский почему-то полагал, что свергнутый и угодивший в ссылку в 695 г. Юстиниан II стал пытаться вернуть престол только в 703 г. Изгнание в Кефалонию армянина Вардана, которому напророчили трон, он опять-таки без каких-либо оснований датирует 701 г., а архиепископа Равенны Феликса за участие в мятеже отправляет в 709 г. в ссылку в Херсон, хотя на самом деле арест последнего стратигом Сицилии патрикием Феодором произошел на год позже, как и само равеннское восстание⁸³. Вновь фигурируют некие «42 сенатора», отвезенные в качестве пленных в Константинополь, и в их числе Зоил и мифический «протевон Динос», видимо, порожденный филологическим казусом, допущенным в свое время при переводе Богушем-Сетренцевичем⁸⁴. Забегая по меньшей мере на столетие вперед и утрируя ситуацию VIII в., автор утверждал, что «город, лишенный плодородных полей и хлебного рынка, теперь существовал только иностранной торговлей»⁸⁵.

Позабыв свои прежние утверждения о протекторате хагана над городом, А. А. Бобринский неожиданно заявляет о том, что хазары «... возвратили Херсонесу его вольности» и он «сохранил свои греческие общественные учреждения и свое независимое гражданское управление», «уберег свою независимость до половины X-го века». В таком же духе выдержан заключительный вывод о том, что «этот последний центр греческой культуры на Черном море счастливо устоял и вскоре, благодаря могущественному покровительству дружественных ему хазар, совершенно освободился от власти Византии и делается вольным городом»⁸⁶. Таким образом, волюнтаристская

⁷⁹ Там же. — С. 97.

⁸⁰ Там же. — С. 99.

⁸¹ Там же. — С. 102.

⁸² Там же. — С. 97.

⁸³ Бобринский А. Указ. соч. — С. 97–99; ср.: Бородин О. Р. Равеннский экзрхат. Византийцы в Италии. — СПб., 2001. — С. 162–163.

⁸⁴ Бобринский А. Указ. соч. — С. 99, 101.

⁸⁵ Там же. — С. 103.

⁸⁶ Бобринский А. Херсонес Таврический. — С. 103.

в своей основе концепция «полисного самоуправления» продолжала крепнуть, несмотря на ее очевидную абсурдность, по крайней мере, применительно ко времени создания византийской фемы.

В правление Константина V Копронима (741–775) Херсон изображался А. А. Бобринским оплотом иконопочитания, хотя единственным аргументом при этом по-прежнему являлся известный фрагмент текста написанного в начале IX в. Жития Стефана Нового, чье традиционное толкование отнюдь не бесспорно⁸⁷. Непонятно откуда взялось надуманное утверждение о «деятельном покровительстве», якобы оказанном «вольному» Херсону в 745 г. императрицей Ириной, крещеной хазаринкой, женой Константина V.

Столь же фантастическими домыслами обросла история антихазарского выступления Иоанна Готского, которую автор связал с неким разгромом готов хазарами около 785 г. (sic!), после чего победители «отчасти приобретают верховное господство над Готией, угрожая Херсонесу». А. А. Бобринский в очередной раз запечатывал, что, по его же собственному утверждению, это был независимый, «вольный город» вплоть до «половины X-го века», причем Иоанн Исповедник превратился у него в легитимного Херсонского епископа, который «старался освободить город от гнета хазар»⁸⁸. И уж совсем школьной ошибкой выглядит заявление о том, что в «иконопочитательском» Херсоне после 787 г., когда в Византии было на некоторое время восстановлено иконопочитание, стали находить убежище «многие преследуемые и недовольные епископы, монахи, пресвитеры и, конечно, другие мирские люди»⁸⁹.

Верный своему нехитрому методическому приему, А. А. Бобринский сообщает все предлагаемые историками даты обращения хагана к василевсу Феофилу с просьбой о помощи в строительстве Саркела на Дону (831, 835, 837, 838, 840 г.), причем похода, явно случайно называющей эту крепость «столицей» хагана, вероятно, не догадываясь, насколько близко он подошел к истине, если видеть в «Белом приюте» или «Белом доме» летнюю резиденцию, ставку хагана, посещаемую во время регулярных ежегодных подкочевов⁹⁰. Организатора ее строительства, Петрону Каматира, он, как и его предшественники, считал братом жены василевса, а целью экспедиции знатного спафарокандидата – «укрепление опять власти империи в Херсонесе». Как

⁸⁷ Бобринский А. Указ. соч. – С. 104; ср.: Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 180–190; Auzepy M.-F. La Vie d'Etienne le Jeune et le premier iconoclasme. – Paris, 1994. – P. 32; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Тарихи в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 102 – 106.

⁸⁸ Бобринский А. Указ. соч. – С. 104–105.

⁸⁹ Там же. – С. 105.

⁹⁰ См.: Флеров В. С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюда к теме фортификации) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 153–156.

это уже не раз делалось, в ход были пущены некие выдуманные «недоразумения», якобы происшедшие между повздорившими херсонитами и Петроной, отчего последний дал совет василевсу «положить конец его (Херсона — С. С.) самостоятельности»⁹¹. При этом роль хазарского фактора и изменения в византийско-хазарских отношениях на землях Крыма были совершенно исключены из внимания. Таким образом, то, что первые исследователи замечали робко и вскользь, ни на чем не настаивая, обрастало новыми мифическими подробностями, домыслами, вытесняя историю и, вместе с тем, становясь ее суррогатом.

В новосозданную фему А. А. Бобринский, едва ли не дословно копируя Богуша-Сестренцевича, включал не только города Таврики, в том числе Боспор, но и «... прочие греческие поселения побережья Черного моря, находившиеся в Крыму и Зихии до р. Кубани», неоправданно расширяя ее границы, однако в принципе верно отождествил так называемые климата с южной частью Таврики, между Херсоном и Боспором⁹². В очередной раз забыв о «вольном городе» «до половины X-го века», он признал, что с момента образования стратегии «Херсонес потерял свободу»⁹³.

Дальнейшая скупая на сведения история города представляется им весьма мрачной: «Управление Херсонесом византийцами было довольно плохое. В городе было несколько восстаний, и Херсонес по временам отпадал от империи. Впрочем, центральное византийское правительство не особенно заботилось о судьбе этой торговой колонии»⁹⁴. В правление Михаила III (842–867) это был «глухой, запущенный город, своего рода крепость и место ссылки»⁹⁵. И только. Так, без каких-либо веских оснований, крепла «черная легенда» о византийском Херсоне, к тому времени выстраиваемая историками уже столетие.

Особого внимания в книге были удостоены события, связанные с пребыванием в городе Константина и Мефодия. Время их прибытия А. А. Бобринский точно не датирует, по обыкновению сообщая все версии в виде россыпи дат (856, 858, 860, 861, 862 г.) и особенно подчеркивая исключительно миссионерский, а не посольский характер поездки солунских братьев к хазарам. Точно такая же мешанина царит с надуманным представлением о языках, которым за несколько недель пребывания в городе обучился Константин Философ — здесь и два семитских, и два германских, и один тюркский, и даже сарматский и славянский языки. Не сделав ни малейшей попытки разобраться во всем этом, автор, вслед за В. И. Ламанским и некоторыми другими исследователями, поспешил признать свершенное «подвигом, непосильным никакому гениальному человеку без допу-

⁹¹ Бобринский А. Херсонес Таврический. — С. 108.

⁹² Там же. — С. 108, 120.

⁹³ Там же. — С. 109.

⁹⁴ Там же. — С. 109.

⁹⁵ Там же. — С. 110.

щения тут чуда»⁹⁶. Днем отыскания мошей св. Климента и переноса их в Херсон А. А. Бобринский называл 9 марта или 30 декабря 862 г., оставив без внимания приводимое им же сообщение Слова на перенесение мошей преславного Климента, где указано, что это произошло 30 января 861 г. (по византийскому стилю)⁹⁷. Посещение Константином области Фул, без обиняков названной «хазарской», он отнес ко времени до отправки братьев из Херсона в Хазарию, к Азовскому морю, хотя, согласно последовательности изложения Паннонского жития, оно произошло уже на их обратном пути, после возвращения в Херсон из Хазарии, да и принадлежность ее крещенного местного населения хазарам лишена убедительной аргументации⁹⁸. Моши же св. Климента были действительно взяты братьями, но не в Хазарию, а в Константинополь, а потом в Моравию, и в конечном итоге доставлены в Рим около 868/869 г.⁹⁹. Отправку Константина и Мефодия из Херсона обратно в столицу Империи А. А. Бобринский неверно датировал 867 г., «задержав» их таким образом в городе на лишние 5–6 лет и «лишив» моравской миссии.

Вообще, ориентировка в хронологии событий была слабым местом автора, претендующего на обобщающее, итоговое исследование. Так, очевидно, что будущий смирнский митрополит Митрофан находился в ссылке вблизи Херсона уже до 861 г., то есть до прибытия Константина Философа в эти края, а не около 870 г., как указал А. А. Бобринский¹⁰⁰. Примерно к этому времени относится другой документ – письмо Анастасия библиотекаря к епископу Гаудериху Велитерийскому, в котором Анастасий со слов самого Константина и Митрофана, а также исходя из сведений, собранных во время пребывания в Константинополе зимой 870 г., передал некоторые подробности о пребывании Философа в Херсоне. Датировка постройки Уваровской базилики – главного епископального кафедрального города была неверно отнесена к правлению Романа I (920–944) на основании заклада монет, найденного в скальной яме перед главной алтарной апсидой¹⁰¹. В данном случае сказался, очевидно, авторитет мнения признанного знатока Херсонеса, А. Л. Бертье-Делагарда, который опирался на те же монеты в своем обзорном историко-ар-

кладъ

⁹⁶ Там же. – С. 110–112.

⁹⁷ Ту же дату, правда без указания года, сообщал составитель Итальянской легенды.

⁹⁸ Ср.: Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б. Н. Флори. – М., 1981. – С. 78–86, гл. VIII–XII.

⁹⁹ Бобринский А. Указ. соч. – С. 113–114; ср.: Vita cum Translationes S. Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – Р. 145, § 7; Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М., 1998. – С. 406.

¹⁰⁰ Бобринский А. Указ. соч. – С. 116.

¹⁰¹ Там же. – С. 119.

хеологическом сочинении¹⁰². Новые датирующие материалы, полученные К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1901 г., в частности, монеты конца VI в. из сnivelированных ямы или колодца под стеной нартекса базилики, не были учтены, видимо, ввиду поверхностного, невдумчивого знакомства председателя Археологической комиссии с отчетами заведующего раскопками¹⁰³.

Время правления Константина VII Багрянородного для Херсона было описано на основе данных трактата «Об управлении империей», известного также как сочинение «О народах», однако и здесь автору не удалось избежать домыслов. К их числу относится утверждение об отсутствии постоянного византийского гарнизона в городе, который для своей защиты якобы нанимал «... войско из соседних печенегов, аланов и хазар»¹⁰⁴. В перечне предметов херсонесской торговли главными почему-то были названы скот и медь, а далее А.А. Бобринский постарался собрать воедино все, что насочиняли в этой связи его предшественники, — ювелирные изделия, разные украшения, пурпурные одежды, дорогие материи, редкие восточные ткани и сукна, шелковые и льняные пояса, нашивки, запястья, меха и меховые изделия, закуски, перец, предметы церковной утвари и неизменные одиозные «кожи барсовые и пурпурные», тогда как экспорт с южного побережья Черного моря он свел к пафлагонскому вину и хлебу, обедняя его состав вопреки данным источника¹⁰⁵. Зато автор одним из первых предложил считать местом изготовления большей части поливной посуды собственно Херсон, поставив этот товар в один ряд с местными соленой рыбой, солью и кожами, что находит подтверждение в некоторых современных изысканиях¹⁰⁶.

Очевидно, сознавая шаткость многих выдвинутых им положений и невысокий уровень анализа источников, а значит, и созданного на их основе, А.А. Бобринский не без скептического юмора отмечал в своей книге: «Дело будущих историков подвергнуть весь этот «набор баснословия» тщательной переработке». Впрочем, следующая попытка такого рода оказалась не намного более стройной, с эпизодичным изложением материала, в котором то и дело всплывали

¹⁰² Бертье-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса. — С. 53–54. Под их влияние попали и иные опытные исследователи (см.: Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — СПб., 1896. — С. 27; Домбровский О.И. О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. — 2004. — №3–4. — С. 29).

¹⁰³ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. — 1902. — Вып. 4. — С. 80. Необходимые уточнения последуют в 1907 г. и гораздо позже (см.: Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. — 1907. — Вып. 21. — С. 78; Завадская А.Л. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС — Симферополь, 1997. — Вып. 7. — С. 305).

¹⁰⁴ Бобринский А. Указ. соч. — С. 120.

¹⁰⁵ Там же. — С. 121–122.

¹⁰⁶ Бобринский А.А. Указ. соч. — С. 122; ср.: Даниленко В.Н. Белоглиняная поливная керамика Херсонеса // МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5 — С. 135–145.

все те же «исторические мифологемы»¹⁰⁷. Крупный специалист по истории Рима и ранней Византии, Юлий Андреевич Кулаковский (1855–1919) (рис. 6), профессор киевского императорского Университета св. Владимира и преподаватель высших женских курсов, имевший опыт раскопок некрополя Боспора, задался целью «представить в связной форме свод важнейших данных по истории Крыма в последовательности событий», причем решил изложить их в виде небольшого по объему очерка, краткость которого была сознательной и преднамеренной¹⁰⁸. Это было именно не исследование, а, как заявлял сам автор, «результат исследования», обобщение, к тому же рассчитанное на восприятие не только специалистов, но и широкой публики. «Археологический интерес, — справедливо отмечал Ю. А. Кулаковский, — нуждается в рамках исторического знания для того, чтобы быть жизненным и плодотворным»¹⁰⁹. С этой точки зрения свою задачу он выполнил блестяще и действительно дал достаточно сжатое и, вместе с тем, связное изложение истории Крыма, а значит, и Херсонеса, в том числе в особенно близкую научным интересам автора ранне-средневековую эпоху. Этому были посвящены 9 – 12 главы дважды, в 1906 и 1914 г., издававшейся книги, где речь шла о событиях второй половины VI в., нашествии тюрок, а затем хазар, вплоть до событий Корсунского похода князя Владимира в конце X в.¹¹⁰. Наиболее крупная из крымоведческих публикаций ученого, монография стала итогом всех его размышлений в этой области. В дальнейшем, как признался Ю. А. Кулаковский в письме к А. Л. Бертье-Делагарду от 3 мая 1913 г., он «...лишь издали следил, как другие обогащали музей предметами из раскопок и углублялись в изучении» Тавриды¹¹¹.

Рис. 6. Ю.А. Кулаковский

Заранее заданная автором установка на создание краткого повествования не могла не обернуться некоторой декларативностью

¹⁰⁷ Кулаковский Ю. Прошлое Тариды. Краткий исторический очерк. — К., 1906 (2-е изд., пересмотренное. — К., 1914; новое переиздание: К.: Стило, 2002).

¹⁰⁸ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — К., 1906. — С. I; см.: Деревицкий А. Ю. А. Кулаковский (Некролог) // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 331.

¹⁰⁹ Кулаковский Ю. Указ. соч. — С. II.

¹¹⁰ Кулаковский Ю. Указ. соч. — С. 61–83.

¹¹¹ См.: Непомнящий А. А. Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский // БИ — Симферополь, 2003. — Вып. 3. — С. 375.

целого ряда заявлений, выдвинутых без достаточных обоснований. Так, оказалось «точно засвидетельствовано», что в конце VII в. в Фанагории и Боспоре «сидели наместники хазарского хагана, носившие титул «тудун»¹¹². Обычно предельно внимательный к тексту источников, сам переводивший их, Ю. А. Кулаковский на сей раз поддался соблазну вольной интерпретации и не обратил внимание на важные уточнения в отношении «архонтов», а вовсе не тудунов, из которых лишь один был назван «единоплеменником» хагана¹¹³. Власть хазар автор распространял и на восточную, и на западную часть полуострова вместе с землями горной Таврики, занятой готами. Ссылку римского папы Мартина I в Херсон он, видимо, следуя за принятой хронологией вех жизни папы, разработанной Э Михаэлем, относил к 654 г., полагая, что Мартин пробыл здесь довольно долго, до следующего года, хотя по уточненным данным В. Пайтца, которых Ю. А. Кулаковский не мог знать, это событие имело место в мае-сентябре 655 г.¹¹⁴. Все обстоятельства конфликта Юстиниана II Безносого были увязаны только с 711 г., когда херсониты обратились за помощью к хагану, причем посланный в город тудун якобы вошел туда с хазарским войском, что не соответствует источникам.

Особенно противоречивым выглядел статус раннесредневекового Херсона. Из путаного изложения выходило, что «город имел в ту пору самоуправление», но хаган принимал живое участие в его делах, посылал туда своих наместников, и при всем том... Херсон «оставался в зависимости от империи»¹¹⁵. Объяснить такое переплетение разнородных властей в одном центре Ю. А. Кулаковский не смог, ограничившись лишь банальной констатацией того, что между Хазарией и Византией существовали хорошие отношения, «скрепленные родственной связью». Впрочем, дальше он забывает о собственном наблюдении, когда пишет как о само собой разумеющемся факте о подчинении хазарами «области Готов» и даже о том, что «хаган поставил свой гарнизон в крепости Дорос, назначив туда своего тудуна» во второй половине VIII в.¹¹⁶ Военно-политическое и одновременно религиозное, в поддержку иконопочитания, выступление епископа Иоанна Готского Ю. А. Кулаковский, следуя Житию, осторожно датирует временем «около 787 г.», но, вопреки тексту источника, изображает как всеобщее дружное восстание готов против захвативших власть хазар¹¹⁷. Выходило, что хазары дважды утверж-

¹¹² Кулаковский Ю. Указ. соч. — С. 63.

¹¹³ Ср.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 222.

¹¹⁴ Michael E. Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen? // Zeitschrift für katholische Theologie. — 1892. — Bd. 16. — S. 375–380; ср.: Peitz W. M. Martin I und Maximus Confessor. — S. 436–440.

¹¹⁵ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — С. 64–67.

¹¹⁶ Там же. — С. 67.

¹¹⁷ Там же. — С. 68.

дали свою власть в Горном Крыму: один раз в конце VII в., а другой раз — во второй половине VIII в. и при этом... всегда оставались полновластными хозяевами Таврики¹¹⁸.

Столь же влиятельными и живучими окажутся некоторые другие, далеко не бесспорные и вместе с тем безапелляционные установки талантливого автора книги. Ссылаясь на неточно понятый текст частной, не официальной Нотии де Боора конца VIII–IX вв., он ошибочно назовет Дорос, «столицу» Готфии, «митрополичьей кафедрой», а центры, указанные в составе гипотетической епархии Готфии, превратит в подчиненные «митрополии» «семь епископств», тем самым надолго определив искаженное представление о церковной истории раннесредневековой Таврики¹¹⁹. Как ни странно, широчайшие размеры «Готской митрополии», простершейся по хазарским владениям за пределами территории Крымского полуострова, его нимало не смутили. Он лишь счел нужным пояснить, что «этот факт был возможен, пока хазарский хаган еще не принял иудейство и не стала слабеть и умаляться его держава»¹²⁰.

Хазар в Крыму Ю. А. Кулаковский видел навязчиво, повсюду, без колебаний ставя знак равенства между фактом присутствия на полуострове тюркютов и их господством над Таврикой. По его мнению, текст Жития Стефана Сурожского позволяет говорить о том, что «в пастве епископа Стефана были хазары», если считать таковым правившего в Сугдее «Георгия тархана», и на то же указывает греческая эпитафия с упоминанием раба Божьего Тамгана, скончавшегося в 819 г.¹²¹ При этом автор не задавался вопросом, почему эти христиане обязательно должны были быть тюрками, представителями верховной хазарской власти в далеких приморских, портовых городах и какую роль в их окружении должны были играть местные иерархи византийской церкви.

Вслед за своими предшественниками, Ю. А. Кулаковский относил Таврику к «обетованным краям» иконопочитательской эмиграции из Византии, опираясь все на те же неоднозначные, поздние свидетельства из Жития Стефана Нового и на письма Феодора Студита в Херсон и к архимандриту Готфии¹²². К этому времени автором уже была заложена надолго определившая мнение специалистов мысль о том, что все так называемые «пещерные монастыри» Юго-Западного Крыма возникли в «эпоху монашеской эмиграции», хотя единственным основанием для такого ответственного вывода явилось некоторое внешнее сходство вырубленных в скалах сооружений с известными к тому времени сооружениями такого типа в Южной

¹¹⁸ Ср.: Кулаковский Ю. Указ. соч. — С. 63, 67.

¹¹⁹ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — С. 69; ср.: Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии в VIII в. // ЖМНП. — 1898. — Ч. 315. — Февраль. — С. 176.

¹²⁰ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — С. 69.

¹²¹ Там же. — С. 70.

¹²² Там же. — С. 70–71.

Италии и Сицилии. Ныне выяснено, что последние, как и пещерные церкви и монастыри Каппадокии, относятся преимущественно к постиконоборческому времени, а архитектурно-археологический анализ похожих крымских памятников вызывает сомнения исследователей относительно их массовой принадлежности ко времени ранее X в.¹²³ Не исключено, что наиболее ранние из них появились уже в позднеюстиниановский период и в любом случае никоим образом не связаны с иконоборством¹²⁴.

Причины строительства Саркела Ю. А. Кулаковский искал исключительно во внешних факторах – в необходимости охраны границ кочевий хазар от неких других тюркских племен, что и побудило хагана обратиться к императору Феофилу с просьбой о сооружении крепости, однако не конкретизировал, кем могли быть эти враги, и не задался вопросом, была ли в состоянии новая крепость решить столь сложную военную проблему. Без каких-либо аргументов он отнес строительство к 839 г., после чего в Таврике была создана византийская фема. Однако даже это событие, по его мнению, не привело к упразднению «самоуправления с выборными властями из туземцев», хотя над ними «стал непосредственный орган власти императора»¹²⁵. Таким образом, с завидным упорством вновь делалась попытка соединить несоединимое, особенно удивительное на фоне полного отсутствия каких-либо доказательств реальности такого причудливого, если не сказать больше, политического симбиоза. Убийство стратига Симеона «привычным к самостоятельности населением Херсона» он относит к 892 г., на четыре года раньше того срока, о котором сообщает Продолжатель Феофана. Вероятно, и здесь сказалась излишняя доверчивость к мнению предшествующих исследователей, «из рук в руки» передававших ошибку, дожившую до настоящего времени¹²⁶.

Пересказывая данные Итальянской легенды об обретении мощей Климента херсонитами, Ю. А. Кулаковский пишет, что мощи были перенесены не в «большую базилику» (*ad maiorem basilicam*), как значится в источнике, а в некую церковь св. Софии, внося тем са-

¹²³ Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 214; Гайдуков Н. Е. Пещерные храмы Каппадокии и Юго-Западной Таврики: к вопросу о наличии родственных связей // Символ в философии и религии. VI Крым. Международный конф. по религиовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 14–15.

¹²⁴ Гайдуков Н. Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 17–18; Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. И. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – К.: Сулак, 2004. – С. 30–31.

¹²⁵ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – С. 74.

¹²⁶ Сазанов А. В., Ченцова В. Г. [Рец.] // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 446 (Причерноморье в средние века / Под. ред. С. П. Карпова. – М., 1991. – 256 С.).

мым неточности и в без того запутанную историю с интерпретацией этого главного епископального храма города¹²⁷.

Оценка положения Херсона в конце IX — первой половине X вв. строилась автором, как и всеми его предшественниками, исключительно на данных Константина Багрянородного. Впрочем, в целом, были получены верные выводы о том, что главным занятием населения в это время было морское дело, а предметами вывоза стали продукты степного хозяйства, стекавшие в город, и соль, тогда как с юга, из-за моря, херсониты получали зерно, вино, сукна, перец, предметы ремесла. По его мнению, насколько известно, никем не повторенному, именно такая посредническая роль Херсона оплачивалась Империей и позволяла горожанам получать из казны ежегодные десять литр золота и еще два «по уговору», то есть пакту. Советы же василевса Константина относительно мер воздействия на херсонитов Ю. А. Кулаковский, в соответствии с предыдущими пассажами, объяснял неким особым «буйным духом» горожан и не пытался разглядеть в указаниях трактата естественной, разумной попытки византийских правителей пользоваться к своей выгоде сложившейся к тому времени экономической и внешнеполитической спецификой положения города, делавшей его бессильным перед торговой блокадой¹²⁸. Тут он следовал давней, уже прочно укоренившийся историографической традиции, отрешиться от влияния которой становилось тем труднее, чем больше исследователей а priori разделяло такие взгляды.

В череде этих обобщающих исследований особо следует отметить книгу историка-любителя, севастопольца Е. Э. Иванова, врача по профессии и талантливого популяризатора, на глазах которого около 15 лет проходили широкомасштабные раскопки города членом имп. Археологической комиссии К. К. Косцюшко-Валюжиничем¹²⁹. В исторической и археологической частях своего объемистого очерка, где была представлена наиболее полная на тот момент, связанная, насыщенная фактами и критическими комментариями история Херсонеса и его раскопок, автор выделил византийский период города и сделал попытку создать такое систематическое описание, которое «стояло бы на уровне современных знаний и удовлетворяло спросу широкого круга». Сделанное явилось не бесполезным для последующих специалистов-исследователей, при всем их скептическом и пренебрежительном отношении к «любителю и энтузиасту», справедливо пеняемому за противоречивость и эклектизм¹³⁰.

¹²⁷ Кулаковский Ю. Указ. соч. — С. 76; ср.: *Vita cum Translatione S. Clementis*. — Р. 144, § 5.

¹²⁸ Кулаковский Ю. Указ. соч. — С. 81.

¹²⁹ Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Исторический очерк. — СПб., 1905; Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. — 1912. — Т. 46.

¹³⁰ В 1927 г. Е. Э. Иванов был еще жив и присутствовал на всесоюзной Второй археологической конференции в Херсонесе, но с заявленными докладами не выступил и тезисы их не представил.

Первое крупное, самостоятельное исследование истории раннесредневекового Херсона с критическим, глубоким разбором нарративных, эпиграфических и археологических источников принадлежало византинисту, профессору Казанского университета Сергею Петровичу Шестакову (1864–1940) (рис. 7)¹³¹. В предисловии автор писал, что это была попытка «сгруппировать сообщения о судьбах этого города в византийские века литературных источников вместе с результатами оценки этих сообщений в ученой литературе». В итоге получился еще один «взгляд издалека», хотя надо отметить высокий профессионализм сделанного, особенно научной критики, чего не доставало многим прежним трудам. Портили впечатление лишь авторитарный тон изложения, безапелляционность предлагаемых наблюдений, которые переводили оценку источников в плоскость раз и навсегда решенных проблем, — тенденция тем более опасная, что исходила от историка, мастерски владевшего приемами своего ремесла. С. П. Шестаков не только не развенчал накопившиеся к тому времени «фетиши» из области истории раннесредневекового Херсона, но, напротив, сам того не подозревая, дополнил их новыми. Между тем последующие события, Первая мировая война, революция, разруха и другие обстоятельства «окаянных дней», неблагоприятные для дела изучения Херсонеса, сложатся так, что предпринятое исследование окажется своего рода итоговым, своеобразной «скрижалью завета», как бы завершающей почти столетние изыскания. Волею-неволей этот итог окажет влияние на любые новые шаги, а иногда и предопределит их направленность даже в тех случаях, когда исследователям будет казаться, что они идут исключительно по самостоятельному пути.

Рис. 7. С. П. Шестаков

Среди таких ориентиров окажется непроверенное, непродуманное предложение С. П. Шестакова именовать *limites* укрепления, воздвигнутые в Юго-Западном Крыму, и относить их сооружение только к эпохе Юстиниана I, а точнее, к одному 533 г.¹³² Еще более безосновательным выглядело его утверждение о распространении на

Среди таких ориентиров окажется непроверенное, непродуманное предложение С. П. Шестакова именовать *limites* укрепления, воздвигнутые в Юго-Западном Крыму, и относить их сооружение только к эпохе Юстиниана I, а точнее, к одному 533 г.¹³² Еще более безосновательным выглядело его утверждение о распространении на

¹³¹ Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI – X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3.

¹³² Шестаков С. П. Очерки... — С. 10.

Таврику власти хазар уже в VII в. и об упадке в связи с этим Херсона¹³³. Доказательство виделось в мрачных, проникнутых предчувствием скорой кончины, страдальческих письмах — жалобах Мартина I из херсонской ссылки, причем их свидетельства, касавшиеся четырех вполне конкретных месяцев 655 г., за неимением других внятных данных распространялись ни много, ни мало сразу на два столетия — VII и VIII вв.: «Дороговизна предметов первой необходимости, редкость посещения гавани Херсона судами, как о них говорит папа Мартин, являются признаками упадка прежнего значения города в эту пору сравнительно с предшествующей эпохой, вероятно, под влиянием войн императоров Ираклия и Константа II. Силы империи были отвлечены от таких окраин, как Боспор и Херсон, а между тем хазары прочно укрепляют свою власть в Крыму»¹³⁴. Очевидно, что автор не задавался вопросом, почему шедшие далеко от Херсона войны византийцев с персами, аvarами, славянами, а потом и с арабами должны были столь пагубно отразиться на северочерноморском городе и откуда уже в середине VII в. здесь взялись хазары. Однако вывод, преподнесенный весьма уверенно, надолго определил дальнейшие изыскания исследователей в поисках пресловутого «упадка города» и «хазарского владычества».

То, что Мартину осталась неизвестной близость к Херсону достаточно плодородной области готов, С.П. Шестаков пытался объяснить затрудненностью сношений горожан с ближайшими местностями, но кто были эти враги, мешавшие снабжению города и почему окрестные «городища племен», прежде дружественные, вдруг якобы стали «разбойничьими притонами», он ответить не смог, видимо, полагая, что достаточно сделанного выше голословного указания на захват хазарами полуострова.

История пребывания Юстиниана II в ссылке в Херсоне и все связанные с ней дальнейшие события тоже оказались рассмотрены с позиции признания полного хазарского доминирования над городом как исторической аксиомы. Тудуна, недолгое время представлявшего интересы хагана в городе, С.П. Шестаков без каких-либо колебаний считал подлинным «правителем Херсона»¹³⁵. Перипетии отправки этого «правителя» вместе с «первым горожанином» Зоилом в Константинополь, а потом обратно в Херсон и оттуда к хагану ему остались непонятны, а потому опущены как неинтересные. Он лишь предположил, что «в промежутке между первыми двумя-тремя годами VIII века и 710 г. произошла полная перемена в отношениях Херсона к двум господствующим в Крыму державам», из чего вы-

¹³³ Там же. — С. 12 сл.

¹³⁴ Шестаков С.П. Очерки... — С. 31; ср.: Шестаков С.П. Папа Мартин I в Херсоне // Труды XII Археологического съезда в Екатеринославле, 1905 г. — М., 1908. — С. 136–144.

¹³⁵ Шестаков С.П. Очерки... — С. 33.

текает представление об одновременном, кондоминатном владении византийскими и хазарскими властями крымскими территориями. К сожалению, С. П. Шестаков не воспользовался этой случайно высказанной им самим плодотворной научной идеей и свернул на привычную, давно проторенную дорогу «хазарского господства».

По его мнению, именование правителя Боспора архонтом, а не «эк просопу» хагана, как в Фанагории, указывает на «довольно независимое положение Боспора под хазарской рукой». Не заботясь об основаниях, он определяет к нему в компанию Херсон, который к 705 г., то есть ко времени возврата на трон Юстиниана II, «успел, по примеру Боспора, стать под покровительство хазар»¹³⁶. С другой стороны, тщательное избегание экс-императором на пути к Дунаю остановок на «хазарском» крымском побережье, кроме тайного захода в Балаклавскую бухту, С. П. Шестаков извورتливо пытался объяснить ссылкой на некое мифическое «соглашение», состоявшееся между Херсоном и Боспором. В приказе василевса избить всех в этих городах и других приморских центрах он видел проявление «чисто восточного деспотизма», не обратив внимание на то, что этот «деспотизм» в корне противоречит навязываемому постулату о полном «хазарском господстве» в Таврике.

По его мнению, «занятие Дороса гарнизоном [хазар] было уже результатом готовившегося восстания против хазар», властвовавших в Юго-Западном Крыму во второй половине VIII в., но тут же, противореча в очередной раз, историк заявлял, что только после этого Готфия оказалась под хазарской властью, хотя ее владыки (киры и архонты) сохранили в некоторой степени свои права¹³⁷. Парадоксальность вывода невозможно не заметить, и тем не менее он долгое время будет удовлетворять исследователей, придерживающихся его. Противоречивость таких заключений затушевывалась надуманными ссылками на специфичный, необъяснимый характер хазарского владычества в Крыму, который якобы ограничивался данью со здешних городов, в остальном представленных собственной судьбе. Таким образом, постепенно закладывалось представление о некоей неосязаемой, не оказывавшей никакого влияния, едва ли не призрачной и вместе с тем реальной чужеземной «власти-невидимке», а наличие византийских и провизантийски настроенных властей на полуострове не принималось в расчет. Между тем автор не мог не заметить, что даже в источнике, опирающемся на рассказы очевидцев о положении Херсона на рубеже 50–60-х гг. IX в., город назван «соседним со страной хазар», но не находящимся в этой стране¹³⁸. Молчали об этом и предыдущие византийские хронисты и составители Житий.

¹³⁶ Там же. — С. 34.

¹³⁷ Там же. — С. 35–38.

¹³⁸ Там же. — С. 50.

Речь, приписываемую в начале IX в. агиографом Стефану Новому, С.П. Шестаков вполне традиционно считал доказательством иконопочитательской эмиграции в Готфию в середине VIII в., а выражение «низменная» или «впала» относил не к придунайской Готии (Gotthias Koile), а к крымским «прибрежным местностям», не взирая на то, что они лежали не в низменности или котловине, а «у подошвы гор»¹³⁹. Видимо, указанная выше соответствующая гипотеза Ю.А. Кулаковского была воспринята как очевидная истина, не нуждающаяся более ни в каких подтверждениях. Не настораживала даже ее явная противоречивость данным Жития Иоанна Готского, события которого отчасти совпадали по времени с событиями из Жития Стефана Нового, но ничего подобного не несли.

Вместе с тем, С.П. Шестаков признавал, и это надо особо подчеркнуть, что «эпоха иконоборчества характеризуется вообще подъемом боевого могущества и развитием дипломатических и торговых сношений Византии с соседними государствами», то есть не считал ее упаднической, окрашенной только в темные краски¹⁴⁰. В целом, прав он и тогда, когда пишет, что именно «политические и в особенности торговые интересы заставили Феофила (829–842) поддерживать дружественные отношения с хазарами»¹⁴¹. Византийцы не были заинтересованы в конфронтации с хаганатом, хотя понимали, что ситуация в Таврике необратимо меняется и поэтому делали все, чтобы не упустить эти земли из своих рук. Впрочем, строительство Саркела датировалось им, как и большинством историков, 833 г., и это был шаг назад даже по сравнению с интуитивной точкой зрения Ю.А. Кулаковского, более близкой к истине, а Петра Каматир объявлялся «братом императрицы Феодоры». Появление печенегов на территории Крымского полуострова и отлив венгров из Подонья историк, следуя новейшей работе Й. Маркварта, относил к началу седьмого десятилетия IX в., «омолаживая» первое событие и «удревяя» другое, поскольку они не были абсолютно синхронны¹⁴².

Установление стратегии на крымской земле автор, несмотря на признание наличия здесь прямых представителей имперских визан-

¹³⁹ Шестаков С.П. Указ. соч. – С. 39; ср.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика. – С. 180–190; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 625. Эту точку зрения продолжают отстаивать до сих пор, видя в Низменной Готии Инкерманскую долину около верховьев Севастопольской бухты (Байер Х.-Ф. Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 458–569.

¹⁴⁰ Шестаков С.П. Указ. соч. – С. 42.

¹⁴¹ Там же. – С. 42–43.

¹⁴² Шестаков С.П. Очерки... – С. 43; ср.: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. – Leipzig, 1903. – S. 33 f.

тийских властей, трактовал как «реакцию против той независимости, которая могла явиться последствием роли Херсона в государственном перевороте Филиппика»¹⁴³. Другими словами, выходило, что активное участие херсонитов во внутривизантийских делах Империи в 710–711 гг. отделило их с тех пор от Византии и «обрело» на самостоятельность, с которой попытался покончить только император Феофил, тем не менее, имевший основания, судя по данным Продолжателя Феофана, Генесия и Константина Багрянородного, приказывать местным архонтам, «отцам города».

Следуя актуальной для отечественной науки тенденции усиленного внимания к контактам древних русов с греками, С. П. Шестаков постарался как можно тщательнее проследить их через Херсон. Иногда такая привязка оказывалась надуманной, искусственной, как например, известное свидетельство «Книги путей» Ибн Хордадбега о сборе с русских товаров десятины римским императором в первой половине – середине IX в.¹⁴⁴. Поскольку источник называет Румское море, где торговали мехами и мечами русы, речь могла идти не только о Черном, но и о Эгейском или Средиземном море, и уж тем более не только о Херсоне.

Проявив неожиданное для столь опытного исследователя невнимание к свидетельствам агнографии, историк отнес обретение мощей св. Климента Римского и перенос их в Херсон ко времени уже после поездки Константина Философа к хазарам, а именно, «... к последним годам шестого и первым седьмого десятилетия IX века», то есть к тому времени, когда на самом деле солунские братья, проведя несколько лет в Моравии, направлялись с мощами из Венеции в Рим, где Константина ждала смерть в 869 г.¹⁴⁵. Казус этот остался незамеченным, а ссылки на письмо Анастасия библиотекаря к епископу Гаудериху и показания Смирнского митрополита Митрофана замаскировали его для неискущенного читателя.

Вместе с тем, С. П. Шестаков, один из немногих, кто гораздо более объективно, чем другие историки, оценил положение Херсона в третьей четверти IX в. и не стал преувеличивать плачевность судь-

¹⁴³ Шестаков С. П. Очерки... – С. 44.

¹⁴⁴ Там же. – С. 46.

¹⁴⁵ Ср.: Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Вип. 5. – С. 238–240. Это тем более странно, что С. П. Шестакова нельзя обвинить в невнимании к данным житийных памятников и неумении их интерпретировать. К примеру, он был первым, кто связал Южный загородный крестовидный храм, раскопанный в 1902 г., с известным из агнографии храмом Богоматери Влахернской, где, по преданию, хранились мощи папы Мартина I (Шестаков С. П. Очерки... – С. 134–135). Позднее эту прогрессивную идею в развернутом виде блестяще обосновал Д. В. Айналов в очерке, который должен был стать, но не стал, главой задуманного про странного труда об «объяснении» херсонских церквей (Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды Московского археологического общества. – М., 1916. – Т. 25. – С. 69–77).

бы его обитателей и изолированность города. Он виделся ему и в это время центром дипломатических и торговых сношений, а преодоление водного пути из Херсона в Хазарию представлялось «обычным рейсом... торговых судов»¹⁴⁶.

Принятие иудейского вероисповедания хазарами С. П. Шестаков, со ссылками на некоторые ненадежные западные источники, относил ко времени вскоре после возвращения Константина Философа из миссионерско-дипломатической поездки ко двору хагана, то есть к 861 г., предвосхищая тем самым недавний, но не рассеивающий прежние сомнения на этот счет вывод К. Цукермана¹⁴⁷. Оценка положения Херсона к X в. оказалась построена с пространным привлечением писем Николая Мистика (№ 9, 68 и 106), где шла речь об архиепископе Херсона и, очевидно, о стратиге, который на весьма шатких основаниях увязывался с известным из других византийских источников патриkiem Иоанной Вогой¹⁴⁸. С этой же целью оказались рассмотрены сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» и византийско-русский договор 944/945 гг. Особо подчеркивалась важность меновой торговли херсонитов с печенегами, во время которой последние выполняли отмеченную уже Сестренцевичем-Богушем роль «комиссионеров», то есть мирных контрагентов-посредников¹⁴⁹.

Со ссылкой на 53 главу трактата Константина Багрянородного, С. П. Шестаков писал, что этот «когда-то автономный греческий город» «не переставал в той или иной форме, по тем или другим поводам, политического или церковного характера, проявлять свои сепаративные стремления»¹⁵⁰. В этом он соглашался с известным французским византинистом А. Рамбо и цитировал его слова о том, что в картине концовки главы трактата видятся «мятежные вассалы, которым прекращается имперское содержание, стратиг только по названию, который при виде бунта в состоянии только заявить протест и удалиться, безоружный представитель права, скорее юрист, чем правительственное лицо». И далее: «Император отзывает своего стратига, подобно тому, как наши современные правители отзывают своих посланников. Все эти меры имеют характер скорее дипломатического разрыва, чем кары, налагаемой на подданных»¹⁵¹. Воистину незабываемая

¹⁴⁶ Шестаков С. П. Очерки... — С. 52.

¹⁴⁷ Шестаков С. П. Очерки... — С. 54; ср.: Zuckerman N. On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. — 1995. — Vol. 53. — P. 237–270; Chekin L. C. Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Ninth Century Reference to Judaism Among the Khazars // Russia Mediaevalis. — 1998. — T. 9. — F. 1. — P. 13–34; Shepard J. The Khazars' Formal Adoption of Judaism and Byzantium's Northern Policy // Oxford Slavonic Papers. — 1998. — Vol. 31. — P. 11–34.

¹⁴⁸ Шестаков С. П. Очерки... — С. 57–62.

¹⁴⁹ Там же. — С. 70.

¹⁵⁰ Там же. — С. 77.

¹⁵¹ Rambaud A. L'Empire grec au Xe siècle. — Paris, 1890. — P. 491.

Рис. 8. А.А. Васильев (слева)

Рис. 9. А.Л. Яковсон

и очень навязчивая, категоричная, субъективная оценка, которой суждено то и дело всплывать в работах других исследователей, причем самых маститых, таких как Жильбер Дагрон, недавно вновь, хотя и без ссылки на С.П. Шестакова, назвавший херсонского стратига «послом императора в стране-сателлите»¹⁵².

Представления о хазарском господстве в раннесредневековом Крыму, «трехслойном» устройстве власти в Херсоне (хазарский тудун, ромейские архонты и городские протевоны), сепаратистских стремлениях херсонитов, слабости, никчемности византийского присутствия оказались окончательно закреплены в работах председателя РАИМК, президента Института им. Н.П. Кондакова в Праге, известного византиниста Александра Александровича Васильева (1867–1953) (рис. 8), со страниц трудов которого не сходили херсонесские материалы¹⁵³. Блестяще владея анализом письменных источников, он воссоздал ту картину «Готской Таврики», которая надолго стала едва ли не эталонной и влияние которой ощущается до сих пор. Не удивительно, что наблюдения С.П. Шестакова и А.А. Васильева нашли наиболее полное отражение в первой и единственной советской монографии, специально посвященной истории раннесредневекового Херсона, концептуальные идеи которой ее автор, сотрудник ГАИМК, плодовитый писатель и археолог Анатолий Леопольдович Яковсон (1906–1984) (рис. 9) развивал в последующих своих работах на протяжении нескольких десятилетий¹⁵⁴. В результате в советской историографии оказалось сформировано устойчивое представление об этом «наиболее передовом центре

Крыма» как о городе с трудной судьбой, который то находился под «ярмом» Византии, то терял с ней связь, причем эта связь всегда была сродни «иноземной зависимости», обременительной, тяжелой для горожан и для прочего населения Таврики.

Хронологические рамки периода воспринимались весьма размыто и неопределенно, в духе А. А. Бобринского, как и государственный статус Херсона. Так, «в крепкой узде зависимости» от Империи город, по мнению А. Л. Якобсона, оказался в конце V в., но приведен был в «полное подчинение» при Юстиниане I, то есть во второй четверти VI в. Конец же его раннесредневековой истории по традиции, заимствованной у Ю. А. Кулаковского, С. П. Шестакова и А. А. Васильева, увязывался со взятием Корсуня князем Владимиром в 988 г., утверждением Киевской Руси на Черном море и неким «длительным и глубоким кризисом, который захватил Херсон на пороге XI столетия», после чего город якобы оказался «экономически обречен и не имел сил для возрождения»¹⁵⁵. В течении этого длительного периода развитие Херсона изображалось следующим образом: в конце V в.

¹⁵² Талис Д. Л. Политические отношения Корсуня с Русью // Архив НЗХТ. — Д. №612. — Л. 4-6; Dagron G. Crimée ambiguë (IVe — Xe siècles) // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — Р. 291, 298.

¹⁵³ Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. — 1921. — Вып. 1. — С. 265–344; Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. — 1927. — Вып. 5. — С. 179–282; Vasilev A. A. The Goths in the Crimea. — Cambridge (Mass.), 1936.

¹⁵⁴ Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. — 1954. — Т. 21. — С. 148–163; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. — 1959. — № 63 (в рецензии на книгу справедливо отмечался высокий уровень архитектурной части исследования, значительно превышавший по объему результаты изучения политических, административных и социально-экономических проблем — Тиханова М. А. [Рец.] // ВВ. — 1961. — Т. 19. — С. 294–307); Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. — М., 1963. — С. 182–190; Якобсон А. Л. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса // ВВ. — 1964. — Т. 24. — С. 226–229; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. — М.; Л., 1964; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. — 1970. — № 168; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 7–77; Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. — М., 1978. — С. 89–97; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979. — С. 5–108; Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. — Л., 1987; Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. — 1988. — Т. 49. — С. 162–172.

¹⁵⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 21, 65–66. Позже конец средневековой Таврики исследователь начнет связывать с рубежом IX–X вв., когда страна, разгромленная печенегами, якобы вновь запустела, что, впрочем, не помешало выводу о «возрождении Херсона» и его «превращении в относительно крупный торговый и ремесленный центр Таврики» (ср.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 11; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 56).

и в течение VI в. город наладил связи с окружающим населением и пережил экономическое оживление, подъем, чему способствовала борьба Византии с варварами. Она принесла «умиротворение» и возрождение жизни в Херсоне¹⁵⁶. Однако слабость его аграрной базы указывает, что хлебную торговлю он не мог вести. Рыбозасолочные цистерны засыпались, виноделие ликвидировалось, хлеб был привозной, из-за моря, и при этом наблюдалась... «определенная натурализация хозяйства» (sic!)¹⁵⁷. На связь ликвидации некоторых рыбозасолочных комплексов с развернувшимся в городе бурным строительством А. Л. Якобсон не обратил внимание. Во всем этом ему виделось «ярмо Византии», хотя на деле оно выразилось в заботе о приведении в порядок оборонительных сооружений города, возведении новых христианских храмов, молелен, мартириев, баптистериев и сооружении укреплений в Юго-Западном нагорном районе Таврики – в области Дори. Последнее, по традиции, не проверяя, он трактовал как создание *limes taugicus*, начатое при Юстиниане I, хотя аналогии с другими позднеимперскими и ранневизантийскими лимесами не могли не настораживать своей несхожестью принципов построения, отсутствием подлинной системности.

Исследователь одним из первых обратил внимание на сохранение античного правила планировки раннесредневекового Херсона при увеличившихся в размерах, укрупнившихся кварталах с мельчавшими по площади усадьбами, что, по его мнению, которое трудно оспорить, было результатом увеличившейся заселенности кварталов и большей, чем прежде, густоты застройки. Однако он порой противоречил себе, когда с одной стороны указывал, что стены домов X–XI вв. стоят на фундаментах стен зданий V–VII вв., то есть заявлял о непрерывности городской жизни, но не видел в этом объяснения отсутствия культурного слоя VIII – первой половины IX вв., субъективно оценивая свои же вполне объективные наблюдения как показатель «глубокой депрессии», «крайнего упадка», «обнищания», «запустения» и «обезлюдивания» Херсона в «темные века»¹⁵⁸. Замечание на первый взгляд знаменательное, но на деле равносильное абсурдному сетованию на то, что город жил в это время нормальной жизнью и не подвергался из десятилетия в десятилетие регулярным разрушениям, столь милым сердцу археологов с их заботами о поисках обильных в таких случаях массовых материалов¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 10.

¹⁵⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 9–10.

¹⁵⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсон. – С. 35, 282–294; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 27, 60–61; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 10; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 29, 30; Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсона. – С. 162–172.

¹⁵⁹ Наблюдения о преемственности в строительстве, о том, что кладки стен средневекового времени находятся нередко на остатках античных стен делались и дру-

Увлеченно и глубоко занимаясь изучением средневековой архитектуры, искусства, А. Л. Якобсон внес существенный вклад в анализ соответствующих херсонесских материалов, причем обобщение таких сведений долгое время оставалось единственным. Им была, по сути дела, впервые поставлена чрезвычайно сложная задача подытожить многолетние исследования городища. Результаты его исследований крепостной ограды и христианских базилик, их декора органично вошли в картину общего представления о Херсоне V–X вв., хотя предложенные датировки и интерпретации ряда строительных остатков были не всегда точными и имели тенденцию в сторону удревления. К примеру, интенсивное христианское строительство А. Л. Якобсон объяснял, как и Г. Д. Белов, совместно с которым вел раскопки на северном берегу города, лишь настоящим насаждением христианства византийскими властями при Юстиниане I¹⁶⁰. Строительство многочисленных херсонских базилик он считал единовременным, но для этой «единовременности» допускал весьма широкие рамки – с конца V до начала VII вв. и ошибочно полагал, что к VIII в., если не раньше, эта архитектурная форма традиционного общественного здания в Херсоне уже навсегда отмерла¹⁶¹. На самом деле этот тип культового здания был гораздо долговечнее, дожил до конца раннего средневековья и еще практиковался в конце XI–XII вв.¹⁶²

Видимо, не критически восприняв отнюдь не окончательное мнение В. В. Латышева, исследователь упорно отождествлял главный храм города – «базилику Уварова» с житийным храмом св. Петра,

гимн археологами во время раскопок в разных районах города (VI, VII, VIII, X, XX кварталы) (см.: Рыжов С. Г. Отчет о раскопках VI поперечной улицы в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2130. – Л. 3; Рыжов С. Г. Отчет за 1895 год о раскопках VIII квартала в северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. № 2613. – Л. 2; Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X квартала «б» в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. № 3270. – Л. 15; Калашник Ю. П. Отчет о раскопках в Херсонесе 1991 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3314. – Л. 4). Отсюда следовал вполне определенный, к сожалению, долгое время не замеченный и не введенный в научный оборот вывод, который разрушал сложившийся «упадочный» стереотип представлений: «При сооружении средневековых домов строители старались использовать кладки предшествующих построек. Там же, где они не сохранились или же были сильно разрушены, возводилась средневековая стена, но она являлась продолжением стены античного времени» (Рыжов С. Г. Отчет о раскопках VI поперечной улицы... – Л. 3).

¹⁶⁰ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 130–131.

¹⁶¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. – 1950. – № 17. – С. 229; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 131, 182, 212; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 132; Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития раннесредневековой архитектуры. – С. 7; Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса. – С. 163–164.

¹⁶² Сазанов А. В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. – М., 1999. – Вып. 4. – С. 276–290.

причем относил его возведение к V в., как и А.А. Бобринский, не взирая на иные, вполне определенные данные, полученные в 1901 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Четырехапсидный мартирий на западной оконечности города поначалу вообще выпал из его внимания, а потом по необъяснимому заблуждению, безосновательно стал именоваться «крещальней», какой он никогда не был и быть не мог¹⁶³. Гипотезу К.Э. Гриневича о его связи с массовым крещением херсонитов и житийным чудом епископа Капитона автор, видимо, не воспринял либо она осталась ему неизвестной. Следует заметить, что рассматривая культовые памятники с позиции истории архитектуры и искусства, А.Л. Якобсон не ставил их в связь с объяснением литургического устройства, обрядов и места в литургической жизни и топографии города¹⁶⁴. Впрочем, времена воинствующего атеизма, на которые пришлось основная пора научного творчества талантливого, многознающего автора, не располагали к этому.

Концептуально звучали слова о глубоком и закономерном упадке Херсона в VII–VIII вв., причину чего историк видел в нашествии хазар «в середине VII в.», разорении сельского хозяйства Таврики и от-

¹⁶³ Ср.: Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – С. 24; Якобсон А.Л. Крым в средние века. – С. 25.

¹⁶⁴ Ныне особенно ясно становится необходимостью применение ко всему этому понятий и методов христианской археологии, но пока такие попытки редко выходят за пределы IV – VI вв. и еще реже приближаются к уровню обобщений (ср.: Pültz A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos / Krim // Mitteilungen zur christlichen Archäologie. – Wien, 1998. – Т. 4. – С. 45–78; Беляев С.А. Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Международ. Рождественские образовательные чтения. – М., 1999. – С. 3–49; Протоиерей Александр Пелин. Топография христианского Херсонеса IV – XIV века: Дисс.... канд. богословия / Московская Духовная Академия. – Сергиев Посад, 2001 (рукопись); Бернацки А. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 69–82; Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. – К., 2002. – С. 21–50; Завадская И.А. Баптистерий Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 251–269; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003; Сорочан С.Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – №594. – Історія. – Вип. 35. – С. 58–72; Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 211–232; Сорочан С.Б. О мартрии в составе архитектурного комплекса Уваровской базилики // Символ в философии и религии. VI Крым. Международ. конф. по религовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 41–42; Гайдуков Н.Е. Отверстия для вложения мошей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 51–63); Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса... – С. 203–208.

рыве города от экономически «передовых районов Византии» (той самой, что по его же словам была «ярмом» для херсонитов)¹⁶⁵. Он также полагал, что кастра между Херсоном и Боспором в VIII–IX вв. прекратили существование¹⁶⁶. Причем его не насторожили собственные, вполне убедительные выводы о том, что сельские общинные поселения юго-западного нагорья Крыма продолжали в VIII–IX вв. жить и успешно развиваться «в условиях определенной стабилизации, наступившей тогда в северопричерноморских степях в условиях затишья и ослабления кочевников (хазар)»¹⁶⁷. «Мы вправе называть это время, — убедительно заключал исследователь, — эпохой возрождения и подъема сельских поселений»¹⁶⁸. Таким образом, воздействие одного и того же исторического фактора на один и тот же объект оценивалось одновременно и как отрицательное, и как положительное. Столь же странно звучал почерпнутый у Ю. А. Кулаковского и С. П. Шестакова тезис о том, что в эпоху иконоборства правителям Византии «было не до Таврики» и поэтому сюда устремились ромейские монахи-иконодулы, чтобы устраивать многочисленные пещерные монастыри и оставаться «вне воздействия центральной византийской власти»¹⁶⁹.

А. Л. Якобсон едва ли не единственный, кто дотошно проанализировал материалы раннесредневекового загородного некрополя по результатам раскопок 1889–1912 гг., но верный взлелеянной теории упадка, запустения города в VIII–IX вв., «создал» искусственную лакуну между погребальными сооружениями V–VII вв. и IX–X вв., хотя сам же отмечал непреложный факт последовательного и очень долгого использования позднеримских погребальных сооружений и наличие множества безинвентарных, особенно грунтовых могил в верхней насыпи кладбища, не глубоко от дневной поверхности, над склепами, как и наличие пришедших на смену семейным коллективным общественных усыпальниц с многими сотнями погребенных¹⁷⁰.

С упадком «захолустного» Херсона, сыгравшего тем не менее «видную роль в государственной жизни Византии», связан и другой тезис об ослаблении здесь византийского господства и укреплении позиций местного самоуправления¹⁷¹. Карательная экспедиция Юс-

¹⁶⁵ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 27; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 10; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 29, 30.

¹⁶⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 10.

¹⁶⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 27; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 146, 181; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 29.

¹⁶⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 146.

¹⁶⁹ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 177–180; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 29.

¹⁷⁰ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 248–281.

¹⁷¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 29; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 31 (протополит Зоил, являвшийся архонтом Херсона, без колебаний объявлен «главой местного самоуправления»).

тиниана II в начале VIII в. рассматривалась как мера, направленная на искоренение этого самовластия. В вынужденном обращении херсонитов к хазарам за помощью тоже виделось «несомненное проявление резкой оппозиции местного населения к византийской власти», хотя одним из инициаторов обращения к хагану был как раз представитель этой самой византийской власти — спафарий и архонт Илья, незадолго перед тем назначенный императором в Херсон¹⁷². И уж совсем необъяснимо звучал на фоне предыдущих утверждений о хазарском господстве в отпавшем от Империи Крыму вывод о том, что именно события 710–711 гг. способствовали сближению Византии и каганата. По мнению исследователя, хазары прочно занимали крепости Юго-Западной Таврики и даже Мангуп не был в «пределах византийской власти»¹⁷³.

В общих и, как кажется, противоречивых, сомнительных контурах исторической картины эпохи «темных веков» историку виделись, с одной стороны, «обнищавший и обессиленный Херсон, с другой — многочисленные общинные земледельческие поселки, отрывавшие от города и жившие преимущественно натуральным хозяйством, но вместе с тем своим ростом вызвавшие и развитие ремесленного производства, особенно гончарного; наконец, монастыри, возникшие в ту эпоху и в той или иной степени вовлекавшие деревню в сферу феодальной эксплуатации»¹⁷⁴.

Целью выступления Иоанна Готского А. Л. Якобсон полагал «изгнание хазар из страны», которую он считал издавна захваченной хазарами. Мятеж исследователь, вопреки логике изложения источника, приурочивал ко времени «сразу же после Никейского собора 787 г.», к тому же, следуя приемам марксистской методологии, причину его видел «не столько в борьбе «готов» с хазарами, сколько в восстании против местной власти, иначе говоря, во внутренней социальной борьбе», порожденной «процессом феодализации», «феодальным порабощением»¹⁷⁵. Раз этому феодализму положено было быть с точки зрения марксистско-ленинской формационной периодизации истории, значит, он был, а раз так, надо было искать и находить его канонические типологические признаки. В дальнейшем исследователь окончательно сместит акценты в сторону выступления населения Готфии против местных властей и засилья неких гипотетических, на археологическом материале не прослеживаемых «разразраставшихся монастырей», причем, вопреки своим ранним заявлениям, заставит это местное население, мечтавшее об изгнании захватчиков, «искать поддержки у хазар»¹⁷⁶. Позиция Херсона

¹⁷² Ср.: Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 32.

¹⁷³ Там же. — С. 30, 31, 37.

¹⁷⁴ Там же. — С. 35.

¹⁷⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 41–43; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 31–32.

¹⁷⁶ Якобсон А. Л. Крым в средние века. — С. 33, 35.

и византийских властей в этих событиях оставалась необъясненной, если не считать невнятных и опять-таки противоречивых указаний относительно освобождения херсонитов от хазарской зависимости и обретения ими «фактической самостоятельности», которой у них до этого, несмотря на наличие «независимого местного самоуправления», выходило, не было¹⁷⁷.

Город изображался «центром идейного сопротивления антимонастырскому курсу византийской политики», в котором скапливались силы оппозиции¹⁷⁸. Тем самым автор отказывал в уме византийскому правительству, поскольку оно занималось тем, что ссылало в подозрительный, более того, опасный, взрывчатый, независимый город своих политических врагов, в том числе вполне реальных кандидатов в узурпаторы, претендентов на царский трон. Столь же буквально, как проявление антицерковных настроений, он понимал известные слова монаха Епифания о непостоянстве «херсаков», не замечая в них оттенка презрительного отзыва ортодоксального иконодула по отношению к верноподданно подчинившимся «неверию».

А. Л. Яковсон видел отличие в культуре западной и восточной Таврики VIII–IX вв., хотя на деле оно проявляется слабо, пожалуй, лишь в более частом использовании техники каменной кладки «в елку» (*opus spicatum*) и сырцового кирпича как строительного материала. Эту разницу исследователь верно объяснял отличиями в естественных условиях регионов и давней местной строительной традицией¹⁷⁹. Он же обратил внимание на общность типа жилого дома, что еще больше сближает в культурном отношении Юго-Западный Крым и его восточные районы¹⁸⁰.

Создание фемы в Таврике А. Л. Яковсон, вслед за А. А. Васильевым и большинством остальных, датировал 833–834 гг. и связывал причину ее появления, наряду со строительством Саркела «в 833 или 837 г.», с необходимостью противодействовать «русской агрессии», что, по его мнению, вновь вернуло город, в котором ромеи якобы не были заинтересованы экономически, «на авансцену византийской политики»¹⁸¹. К этому же времени он отводил «постепенное подавление и уничтожение» городского самоуправления, что вкупе с усилением феодализации и ростом налогов, повлекло обострение классовой борьбы, проявившейся в восстании и убийстве стратига Симеона¹⁸². Таким образом, выстраивалась новая надуманная цепочка «фактов», из которых только два крайних – создание фемы и убийство стратига – были заимствованы из источников, да и то

¹⁷⁷ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 47.

¹⁷⁸ Яковсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 33.

Там же, – С. 43.

¹⁷⁹ Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 117–120, 184–186.

¹⁸¹ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 47–54; Яковсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 55–56; Яковсон А. Л. Крым в средние века. – С. 37, 58.

¹⁸² Яковсон А. Л. Крым в средние века. – С. 61.

Рис. 10. Д. Л. Талис

последнее событие, как обычно, без объяснений и проверки, вероятно, вслед за Ю. А. Кулаковским, было увязано с 892 г.

Субъективным было и заключение о состоянии глубокого упадка, застоя, в котором в это время оставался Херсон как центр ремесла и торговли¹⁸³. Видимо, на этот вывод повлияло представление о пагубности влияния общего кризиса византийского города в «темные века». «Еще в 60-х гг. IX в. Херсон казался запустевшим, его население немногочисленным», отмечал автор, и тут же писал об экономическом возрождении западных районов Крымского полуострова в конце IX в. и экономическом подъеме Херсона, который он видел в факте выпуска собственной разменной бронзовой монеты в те же

860-е гг. и в скорой активизации застройки города¹⁸⁴. В действительности, начало выпуска монеты могло совпасть с организацией помощи херсонитов в строительстве Саркела, а выводы об очередном «архитектурном буме» увязываются, скорее, с более поздней ситуацией XI столетия¹⁸⁵. До этого можно говорить о развертывании оборонительного строительства и оборудовании комплекса фемного претория, но эти данные были А. Л. Jakobsonу недоступны.

Подчеркивая важность торговых связей херсонитов с появившимися в Крыму в самом конце IX в. печенегами, исследователь полагал, что город якобы только тогда вошел в круг византийской экономики, опуская факт и источники его существования в предыдущие столетия¹⁸⁶. При всем том, в Херсоне он справедливо видел культурный центр, который «сравнительно мало отставал в своем развитии от окружающих стран» и, самое главное, обосновал этот многозначительный вывод на основе глубокого, тщательного, подчас детального анализа материальных памятников, обнаруженных в хо-

¹⁸³ Jakobson A. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 52; Jakobson A. Л. Крым в средние века. — С. 58.

¹⁸⁴ Jakobson A. Л. Средневековый Крым. — С. 56–57.

¹⁸⁵ См.: Романчук А. И. «Слои разрушения X в.» в Херсоне (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира // ВВ. — 1989. — Т. 50. — С. 182–188; Завадская И. А. О разрушении Херсонеса в X – XI вв. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международ. конф. памяти М. И. Артамонова: Тезисы докл. — СПб., 1998. — С. 121–122.

¹⁸⁶ Jakobson A. Л. Средневековый Крым. — С. 58.

де многолетних раскопок, чего столь синтетично и в таком объеме не делал никто из предшественников. Пожалуй, именно в этом, а не в новизне и верности выводов, мало изменившейся по сравнению с временами барона Кёне и профессора С.П. Шестакова, состоит бессмертная заслуга А.Л. Якобсона, вписавшего золотые страницы в дело изучения византийского Херсона.

Гораздо более скромную по объему, но целенаправленную попытку дать общую оценку состояния Херсона в эпоху раннего средневековья предпринял другой талантливый историк-археолог, незадолго перед тем защитивший кандидатскую диссертацию, научный сотрудник археологического отдела Государственного Исторического музея, Давид Львович Талис (1927–1986) (рис. 10), который предложил первый опыт периодизации истории города в IV–X вв.¹⁸⁷ При этом он один из первых справедливо заметил, что время с IV до середины VI в. не было отмечено никакими глобальными, принципиальными изменениями по сравнению с первыми веками н.э. и поэтому историю Херсонеса этого времени следует считать неотъемлемой частью предшествующего, античного, а не средневекового этапа развития. Однако хронологической границей нового периода Д.Л. Талис считал резкий спад экономики Херсона, который он тенденциозно увязал с общим глубоким упадком, постигшим все византийские города к эпохе «темных веков». Проявления этого спада он искал в некоем перерыве ремесленной традиции, немотивированном «отказе» от использования рыбозасолочных цистерн с середины VI в., упадке внутренней торговли, сокращении экономических связей, резком спаде денежного обращения, а также подчеркивал якобы полное отсутствие археологических памятников VII–VIII вв.¹⁸⁸ Новые материалы раскопок и появившиеся со временем результаты исследований внесли на этот счет существенные коррективы, которые Д.Л. Талис не мог принять во внимание в конце 50-х гг. XX в. Впрочем, от точки зрения ученого не отказались доньше и некоторые современные исследователи, продолжающие писать о том, что с середины VI в. «Херсон вступил в длительный период спада», когда одновременно с торговлей сократилось и рыболовство, судостроение, масштабы городского ремесла, ухудшилось экономическое положение ремесленников: «город на долгое время утратил свое бывшее значение ремесленного, торгового и культурного центра», хотя оставался важным стратегическим и военно-административным пунктом Византийской империи¹⁸⁹.

¹⁸⁷ Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 54–73. О Д.Л. Талисе см.: Издания Государственного Исторического музея 1873–1998. Библиографический указатель / Науч. ред. В.Л. Егоров. – М., 1999. – С. 198.

¹⁸⁸ Талис Д.Л. Вопросы... – С. 63.

¹⁸⁹ Ср.: Крым: дорога тысячелетий / Упорядн. В.А. Сидоренко. – Симферополь, 2001. – С. 158.

Рис. 11. Е. Г. Суров

производства, тем более товарного. Причина этого искалась в ухудшении факторов внутреннего развития, в частности, в сокращении земледелия, виноградарства и в расширении пастбищного животноводства, и при этом не учитывалось, что эти обстоятельства должны были как раз содействовать заинтересованности города во внешних поставках предметов первой необходимости, а это в свою очередь противоречило выдвинутому автором предположению о резком ухудшении экономической конъюнктуры в бассейне Черного моря¹⁹¹. Столь же субъективными выглядели указания на некое «оживление» экономики города в первой половине IX в. и констатация проникновения салтовского населения именно в Херсон в середине IX в. (с безосновательными ссылками на Житие Константина Философа и письмо Анастасия библиотекаря). Следующее столетие представлялось апогеем развития Херсона в эпоху средневековья несмотря на то, что следы производства, обнаруженные в ходе раскопок, с не меньшим основанием могли бы иметь отношение и к более раннему времени¹⁹². Д. Л. Талис, как и А. Л. Якобсон, не мог не обратить внимание на демографическое и экономическое оживление в Юго-Западной Таврике в VIII–IX вв., но к выводу о положительном влиянии этого подъема на хозяйственную жизнь херсонитов тоже не пришел.

Настораживает другое – стремление подгонять данные источников под заранее заданную концепцию негативного состояния Херсона во второй половине VI – первой половине IX вв. Письма папы Мартина I и даже схолии к Житиям братьев Феодора и Евпрепия, данные сочинений Никифора и Феофана, Жития Иоанна Психаита без каких-либо комментариев, огульно оказались отнесены к показателям тяжелого экономического положения города и его запустения, хотя тоже самое свидетельство агиографа Иоанна Психаита чуть ниже Д. Л. Талис поместил уже среди свидетельств подъема экономики Херсона с 20-х гг. IX в.¹⁹⁰. Оценивая город этого периода только как военно-административный и церковный центр, он отказывал ему в наличии

¹⁹⁰ Талис Д. Л. Вопросы... – С. 63, 67.

¹⁹¹ Там же. – С. 66–67.

¹⁹² Там же. – С. 68–73.

Определенный отход от некоторых прежних устоявшихся представлений в отношении раннесредневекового Херсона оказался намечен в учебном пособии доцента исторического факультета Свердловского университета, организатора Уральской археологической экспедиции в Херсонесе Евгения Георгиевича Сурова (1912–1975) (рис. 11), где, несмотря на следование традициям дореволюционной историографии, впервые прозвучали мысли об отсутствии глубокого упадка города после VI в., о сохранении сравнительно масштабного рыбозасолочного производства, а также были приведены материалы о новой металлообрабатывающей мастерской, обнаруженной во время раскопок в северо-западной части городища¹⁹³. Не случайно исследованию именно этого слабоизученного района автор уделил особенно много внимания, отмечая следы жизнедеятельности херсонитов в период VII–IX вв.¹⁹⁴.

Рис. 12. Г.Д. Белов

Однако намечавшиеся сдвиги в представлениях о раннесредневековой истории Херсона были еще столь ничтожны, что не нашли отражения в небольшой, обобщающей результаты предидущих исследований брошюре сотрудника Гос. Эрмитажа, Григория Дмитриевича Белова (1898–1979) (рис. 12), много лет руководившего археологическими работами в Херсонесе¹⁹⁵. Оценив время с конца V до середины VII в. как период подъема города, характеризующийся не только интенсивным городским строительством, но и оживлением торговли и всего хозяйства в целом, он сразу перешел к проблеме образования византийской фемы, не забыв, по инерции, накопленной предшественниками, не критически упомянуть о сильных «демократических традициях» херсонитов, убийстве стратига «в 892 г.» и наставлениях Константина Багрянородного сыну¹⁹⁶.

Попытки пересмотра устоявшихся взглядов получают новый импульс в дальнейших работах археологической экспедиции Уральского

¹⁹³ Суров Е.Г. Херсонес Таврический (Лекции по специальному курсу и материалы к семинару для заочного отделения) / Отв. ред. М.Я. Сюзюмов. – Свердловск, 1961.

¹⁹⁴ Суров Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 117–145.

¹⁹⁵ Белов Г.Д. Херсонес – Корсунь. – Л., 1969.

¹⁹⁶ Там же. – С. 34–37.

Рис. 13. А.И. Романчук

университета, со временем возглавленных Аллой Ильиничной Романчук — преемницей Е.Г. Сурова и ученицей крупного отечественного византиниста М.Я. Сюзюмова (рис. 13). Однако еще долгое время представления о раннесредневековом Херсоне как бы застынут на уровне изысканий 50-х гг. Показательно, что в вышедшем в 1986 г. третьем томе «Археологии Украинской ССР» этот период не был выделен в самостоятельный в разделе «Средневековый Херсон», написанном известным крымским археологом и искусствоведом, ученым секретарем Крымского отделения Института археологии АН Украины Олегом Ивановичем Домбровским (1914–1994) (рис. 14), который почти пол века посвятил археологическому изучению города¹⁹⁷. При

всем том, приводимые соображения носили концептуальный характер. В частности, безапелляционно заявлялось, что «со второй половины VI в. Херсонес, как и Византия, переживает полосу упадка»¹⁹⁸. Не замечая противоречия, О.И. Домбровский писал, что город утрачивает значение главного торгового, ремесленного и культурного центра Таврики, но остается для Византии важным стратегическим, военно-административным центром и перевалочным пунктом морской торговли. Поселение тюрк-болгар вокруг Херсона он относил к периоду между 665 и 730 гг., определил статус поселенцев как федератов Империи и справедливо отмечал оживление сельского хозяйства и экономики Таврики, упрочение связей Херсона с ближайшими сельскохозяйственными районами Готфии и Степного Крыма. О.И. Домбровский один из немногих констатировал наличие здесь условий «длительного византийско-хазарского двоевластия», но считал, что это отразилось лишь на возрастании политического значения Херсона, экономика которого, невзирая на ее существование прежде всего за счет перманентной посреднической торговли, стала крепнуть почему-то только со второй половины IX в.¹⁹⁹ При этом роль местных ремесел и промыслов в раннесредневековую эпоху принижалась.

¹⁹⁷ Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР: В 3 т. — К., 1986. — Т. 3. — С. 535–543.

¹⁹⁸ Домбровский О.И. Указ. соч. — С. 536.

¹⁹⁹ Там же. — С. 536 – 537.

Интенсивное церковное строительство в Херсоне исследователь связывал с X в., однако из дальнейшего изложения следовало, что это было время перестройки, тогда как храмы были возведены «еще в VII–VIII вв.» и позже — взгляд, безоговорочно отвергнутый другими специалистами, не привившийся, но последовательно отстаиваемый автором²⁰⁰. Впрочем, за исключением четырехапсидного мавзолея и Западной базилики, эти культовые сооружения так и остались в очерке не названными. Как можно понять, водохранилище («огромная цистерна одного из городских водопроводов») и примыкавший к нему монументальный комплекс ранневизантийских помещений автор необоснованно относил тоже к X в. Он предлагал передатировать южный загородный крестовидный храм и «храм с ковчегом» на территории бывшего античного театра временем не ранее X в., хотя приводимые аргументы не исключают возможности их перестройки, а не новостройки в это время, на что резко указывал А. Л. Якобсон²⁰¹. И уж совсем странным, противоречащим хорошо известным словам Константина Багрянородного о жизненной зависимости херсонитов от поставок зерна, вина и других продуктов из-за моря, выглядит заявление о том, что в IX–X вв., наряду с соляным и рыболовными промыслами, в Херсоне интенсивно развивалась «перевалочная торговля хлебом»²⁰².

Рис. 14. О.И. Домбровский

Недоумение вызывает и упоминание о феме Климата в XII в., когда ее уже давно не существовало, как и самого фемного строя. В целом, небольшой очерк О.И. Домбровского оставил гораздо больше вопросов, чем ответов, что в какой-то степени было симптоматично и отражало кризис старых представлений о раннесредневековом городе с его пресловутым «византийским ярмом» и беспросветным, тотальным трехсотлетним «упадком».

²⁰⁰ Домбровский О.И. Средневековый Херсонес. — С. 537; ср.: Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3. — С. 289–318; Домбровский О.И. О хронологии «Базилики Уварова». — С. 11–31.

²⁰¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 200; Якобсон А.Л. Крым в средние века. — С. 20.

²⁰² Домбровский О.И. Средневековый Херсонес. — С. 537.

Между тем, уже в 1972 г. А. И. Романчук была защищена кандидатская диссертация, в которой делалась попытка проанализировать положение города в «темные века» и одновременно поколебать, казалось, незыблемый пьедестал, на котором покоились выводы А. Л. Якобсона и разделявших его концепцию, что во многом удалось²⁰³. Зерна серьезных сомнений были посеяны и ждали всхода. Облик угрюмого, неприятного, нищего, обессиленного, захолустного, отрезанного от цивилизованного мира Херсона стал постепенно уступать место иным, более оптимистичным и прагматичным контурам. К сожалению, работа по созданию обобщающего исследования, посвященного раннесредневековому Херсону, так и осталась незавершенной, так как, кроме специальных статей, автор опубликовала по этой теме два учебных, а не научных издания²⁰⁴. В дальнейшем А. И. Романчук будет периодически обращаться к этой своей ранней тематике²⁰⁵, но в монографические исследования выльются пробле-

²⁰³ Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII – первой половины IX вв.): Дисс.... канд. ист. наук. – Свердловск, 1972; Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII – первой половины IX вв.): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – Свердловск, 1972.

²⁰⁴ См.: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. – Свердловск, 1972. – Вып. 8. – С. 42–55; Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 45–53; Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 246–250; Романчук А. И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Вып. 11. – С. 3–13; Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 156–159; Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1977. – Вып. 14. – С. 18–26; Романчук А. И. Херсонес VI – первой половины IX вв.: Учеб. пособие. – Свердловск, 1976; Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 1995. – С. 13–53.

²⁰⁵ Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // *Byzantino-bulgarica*. – Sofia, 1981. – Т. 7. – С. 319–331; Романчук А. И. Изделия из кости и рога в средневековом Херсоне // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1981. – С. 84–105; Романчук А. И., Белова О. Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. – Свердловск, 1987. – С. 52–67; Романчук А. И. Раннесредневековые комплексы Херсона // *From Late Antiquity to Early Byzantium* / Ed. by V. Vavzinek. – Praha, 1988. – С. 123–135; Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 165–171; Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 30–46; Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон (Отражение в источниках основных функций города) // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 204–213; Романчук А. И. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 107–118; Романчук А. И. Два сюжета из истории Херсона или проблемы традиционных датировок археологических источников // Византийские очерки. – М., 1996. –

мы исторической топографии позднего Херсона и оценки состояния города преимущественно в VII–IX и XII–XIV вв.²⁰⁶. Последние, слитые в одной книге воедино, представляют особый интерес, ибо являются своего рода итогом многолетних наблюдений автора как над письменными источниками, так и в еще большей степени над материалом, полученным в ходе археологических раскопок, прежде всего, Уральской экспедиции. Материалы раннесредневекового города оказались при этом рассеяны по соответствующим очеркам, в которых рассматривались история раскопок, оборонительные сооружения, христианские храмы и другие культовые постройки, состояние соляного и рыбозасолочного промыслов, гончарного производства, жилой застройки, особенно портового района, где наиболее интенсивно и долго, с 1963 г. вела работы Уральская экспедиция. При этом А. И. Романчук весьма актуально призвала к давно назревшему обобщению находок, которые получены в Херсонесе различными экспедициями²⁰⁷.

Пожалуй, важнейшим результатом многолетних исследований явилось убедительное заключение о сохранении полифункциональности города, что уже само по себе указывало на картину внешнего благополучия Херсона и находило подтверждение в высоком уровне его городской культуры. А. И. Романчук обратила внимание на то, что на всех участках оборонительных стен, где были проведены археологические раскопки, открыты следы регулярной, периодической строительной деятельности, восстановлений, ремонтов, в том числе и в период VII–IX вв., на которые привыкли смотреть как на время упадка²⁰⁸. Еще более подробно было проанализировано состояние христианских храмов Херсона, уточнено время их функционирования и отмечено, что наиболее масштабные нивелировочные работы были как раз вызваны общественным культовым строительством и застройкой некоторых городских кварталов, особенно интенсивной в конце VI – начале VII вв., после чего многие сооружения простояли веками. Правда, ряд храмов (№ 9, 19, 21, 27, 29, 34 по счету имп. Археологической комиссии и пятиапсидный храм) А. И. Романчук неопределенно отнесла к «средневизантийскому периоду», не уточняя времени их строительства и, очевидно, полагаясь на доброт-

С. 234–244; Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2. – С. 178–183; Романчук А. И. К истории Херсона VII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 31. – С. 92–97; Романчук А. И. Раскопки второго портового квартала // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Науч. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2004. – С. 206 – 208.

²⁰⁶ Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986; Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000.

²⁰⁷ Романчук А. И. Очерки... – С. 6.

²⁰⁸ Романчук А. И. Очерки... – С. 53.

но составленный ею «Список храмов Херсона», в котором не было упущено ни одного памятника такого рода и который отчасти пополнил и, самое главное, систематизировал данные на этот счет, собранные в свое время А. Л. Бертъе-Делагардом, Д. В. Айналовым, А. Л. Якобсоном, С. А. Беляевым и Ю. Г. Лосицким²⁰⁹. Кроме того, исследовательница, одна из немногих, кто обратил внимание на такое приоритетное направление в церковной археологии, как изучение исторической топографии христианского Херсона²¹⁰.

Принципиально важным является предложенная А. И. Романчук трактовка отсутствия слоев разрушений как показателя нормальной жизнедеятельности города, а не его «упадка» или «смерти», а также обращение внимания на то, что такие промежутки между откры-

²⁰⁹ Романчук А. И. Очерки... — С. 75, 222–243; ср.: Бертъе-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса. — С. 1–64; Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 152–221; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. XII–XIV вв. // МИА. — 1950. — № 17. — С. 229–252; Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. — 1988. — Т. 49. — С. 162–172; Беляев С. А. Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) // ВВ. — 1989. — Т. 50. — С. 171–181; Лосицкий Ю. Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — К., 1988. — С. 27–36; Лосицкий Ю. Г. До питання типологічної революції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. — 1990. — № 2. — С. 33–47; Лосицкий Ю. Г. Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. — 1991. — №2. — С. 83–98.

²¹⁰ Романчук А. И. Очерки... — С. 72–73; Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. — 1990. — Т. 51. — С. 165–171; Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. — С. 45–47; ср.: Беляев С. А. Христианская топография Херсонеса: Постановка вопроса, история изучения и современное положение. — С. 3–49; Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos in spätantike und frühbyzantinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // Riv AC. — 1999. — Т. 75. — Fasc. 1–2. — S. 475–520; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 546–548, 566–569, 577–579, 593–599, 643–650, 660–669, 684–687; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. — Харьков, 2001. — С. 60–61, 271–272; Беляев С. А. О храме апостола Петра в Херсонесе // VIII Международные Рождественские образовательные чтения: Церковные древности / Сб. докладов секции. — М., 2001. — С. 5–28; Протоиерей Александр Пелин. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дисс.... канд. богословия / Московская Духовная Академия. — Сергиев Посад, 2001 (рукопись); Сорочан С. Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001. — С. 3–6; Сорочан С. Б. О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток — Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и общ. — Севастополь, 2002. — С. 37–38; Сорочан С. О церкви св. Василия и архитектурном комплексе большой агоры раннесредневекового Херсона // Софійські читання. Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань (м. Київ, 27–28 листопада 2002 р.). — К., 2003. — С. 196–200; Сорочан С. Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсонесе // АДСВ. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 34. — С. 146–173.

тыми слоями («археологические лакуны») заполняются сведениями письменных источников и бытованием некоторых общественных сооружений. Отсюда следует справедливое заключение о необходимости пересмотра методики исследования и интерпретации археологических данных²¹¹. К несомненным заслугам автора относится анализ 102 (в таблице — 101) известных к настоящему времени херсонесских рыбозасолочных цистерн, на основании чего был получен вывод о сохранении местного рыбозасолочного производства в «темные века» и его прекращении лишь после X в., объяснение чему видится в наступивших климатических и экологических изменениях²¹². Особого внимания заслуживает также вывод исследовательницы о том, что стремление разместить в VIII–IX вв. в Крыму гончарные печи, изготовлявшие стандартную продукцию, поближе к непосредственным производителям сельскохозяйственной продукции и к морю, указывает на необходимость удовлетворять возросшие потребности торговли²¹³. Новым и удачным представляется предложение трактовать появление с IX в. знаков-меток или монограмм на черепицах из Херсона и других мест Таврики как способ, предназначенный для обозначения очередности обжига партии черепицы, а не персональный знак мастера или мастерской, как обычно полагают²¹⁴.

А.И. Романчук последовательно рассмотрела те кварталы городища (I, III, VI, VIII, IX, XV–XIX, XXV, XXIX, портовые кварталы 1 и 2), в которых были выявлены остатки застройки VI–X вв., с указанием на археологические комплексы и другие прямые и косвенные данные, которые говорят о жизнедеятельности в этих кварталах на протяжении всего раннего средневековья, без перерывов и какой-либо деградации²¹⁵. При этом она обратила внимание на то, что без учета археологического контекста статистический анализ находок позднеримских и византийских монет некорректен, к тому же подсчеты по годам выпуска не учитывают время обращения монет²¹⁶. Вместе с тем, не ясно, о каких «кардинальных изменениях» в экономике города можно говорить на основании эпизодической работы монетного двора Херсона в «темные века»²¹⁷. На самом деле это была общая тенденция, свойственная всей Византийской империи и связанная с усилением императорской самодержавной власти, контроля столичного государственного аппарата, более жесткой, чем прежде, централизацией монетного дела.

²¹¹ Романчук А.И. Очерки... — С. 82–85, 141–142.

²¹² Романчук А.И. Очерки... — С. 88–101. Следует заметить, что список цистерн обрывается на находках 1992 г. и может быть дополнен результатами раскопок как предыдущего, так и последующего времени.

²¹³ Романчук А.И. Очерки... — С. 113.

²¹⁴ Там же. — С. 129–130.

²¹⁵ Там же. — С. 135–146, 167–183.

²¹⁶ Там же. — С. 178.

²¹⁷ Там же. — С. 207.

Возражения встречают и некоторые другие взгляды А. И. Романчук. Так, без колебаний она пишет, как и нередко критикуемый ею А. Л. Якобсон, о существовании в Херсоне самоуправления, причем даже образование фемы, по ее мнению, «не означало полного преодоления самостоятельности городской верхушки, полного контроля над херсонитами, стремления этого пограничного центра проводить политику, идущую вразрез с центральным правительством»²¹⁸. Именно желание покончить с этой независимостью городской общины видится ей главной причиной происшедших в Крыму административно-территориальных изменений, хотя объяснений, почему именно в 30-е гг. IX в. возросла роль Херсона как форпоста в борьбе с некими «часто сменяющимися друг друга варварами», она не привела²¹⁹. Причину, по какой Константин Багрянородный советовал применять по отношению к херсонитам меры не столько военного, сколько экономического воздействия, исследовательница тоже не объяснила. Как о само собой разумеющемся постулате она, с указанием на отнюдь не бесспорные посылы И. В. Соколовой и Г. Г. Литаврина, пишет о том «постоянном стремлении к автономии, которое было свойственно херсонской знати, охранявшей многовековые традиции полисной организации»²²⁰. Между тем, это все те же внеисточниковые знания. Глубокое изучение системы византийского управления и ее сопоставление с государственным устройством этого византийского города, отличавшегося континуитетом своей администрации, позволяют усомниться в таком выводе²²¹.

А. И. Романчук упорно не желает признавать наличие огнеопасных, «горячих» производств (горнов, печей) в пределах жилой зоны раннесредневекового Херсона и умалчивает об имеющихся возражениях, высказанных уже в отзыве И. А. Антоновой и М. Я. Быкова на ее кандидатскую диссертацию. Она полагает, что все гончарные

²¹⁸ Там же. — С. 58, 206.

²¹⁹ Ср. Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX вв. — Свердловск, 1971. — С. 9.

²²⁰ Романчук А. И. Очерки... — С. 201.

²²¹ См.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V—VI вв.: политический и экономический аспекты. — С. 118–132; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 209–274, 306–325; Храпунов Н. И. Администрация Херсона наприкінці IV—VI ст. // Археологія — 2000. — № 1. — С. 57–67; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. — Харьков, 2004. — С. 520–538; Храпунов Н. И. Администрация *evagies oikoi* в Херсоне // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 357–361; Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. — М.: Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 568–582; Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. — 2003. — Т. 62 (87). — С. 21–46; Храпунов Н. И. Тенденция развития органов власти византийского Херсона // Причерноморье, Крым. Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. — К.; Судак, 2004. — Ч. 2. — С. 223–230; Храпунов Н. И. О континуитете администрации византийского Херсона // Древности 2004. — Харьков, 2004. — С. 51–59.

эргастии находились только с внешней стороны оборонительных стен и такие «черты античного градостроительства» сохранялись до X–XI вв.²²² Но римские правила, регулирующие расположение производственных комплексов в пределах городской застройки, видимо, не были столь категоричными и, главное, соблюдались на практике весьма непоследовательно, что демонстрируют результаты исследований не только Херсона, но и других византийских городов²²³. Трудно также согласиться с заключением, что центральная, верхняя городская площадь – большая агора – была лишь «идеологической доминантой»: полифункциональность таких общественных мест в византийских городах опять-таки находит многочисленные подтверждения²²⁴.

Поскольку амфоры VIII–IX вв. встречаются в основном в пределах Крымского полуострова, А. И. Романчук, в соответствии со своими давними выводами, указывает на якобы имевшие место изменения направления торговых путей в это время и на их сокращение, не учитывая, что и прежде амфоры местного изготовления не попадали далеко за пределы Херсонеса, в заморье, хотя город поддерживал устойчивые экономические контакты с малоазийскими и восточносредиземноморскими центрами. И уж совсем странным выглядит объяснение изменений торговых связей города в раннее средневековье ссылками на «внутреннюю политику византийских императоров», репрессии во время правления Фоки (602–610) против сирийских городов, что происходило далеко за пределами Таврики, да и не мешало херсонитам иметь с этими городами торговые связи по меньшей мере до середины VII в.²²⁵ Изменение ситуации исследовательница, как в свое время А. Л. Яковсон, относит только к X–XI вв., когда Херсон «восстанавливает связи с центральными районами империи»²²⁶. Впрочем, вопреки этому утверждению, от которого веет «комплексом» предшествующей историографии, окончательный вывод был сформулирован более осторожно и содержал признание в том, что в период «темных веков» город все же «отчасти сохранил связи со своими традиционными партнерами»²²⁷. К сожалению, с новыми соображения на этот счет, появившимися в некоторых работах, А. И. Романчук то ли оказалась незнакома, то ли пренебрегла ими, сознательно оставила без критики²²⁸.

²²² Романчук А. И. Очерки... – С. 103–105, 202.

²²³ См.: Сорочан С. Б. Византия IV – IX веков: этюды рынка. – С. 129–136.

²²⁴ Сорочан С. Б. Византия... – С. 57–96.

²²⁵ Ср.: Романчук А. И. Очерки... – С. 182–183.

²²⁶ Романчук А. И. Очерки... – С. 183; ср.: Яковсон А. Л. Крым в средние века. – С. 56, 59–60.

²²⁷ Романчук А. И. Очерки... – С. 204.

²²⁸ Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1996. – С. 114–122; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. – С. 124–126; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 208–267.

Непоследовательность можно заметить и во взглядах автора относительно идейно-религиозной ориентации Херсона. По ее мнению, Житие Стефана Нового указывает на то, что в «начальный период иконоборчества», то есть, надо понимать, уже во второй четверти VIII в., до синода 754 г., в городе и его окрестностях нашли приют гонимые иконопочитатели и ситуация изменилась лишь в начале IX в., когда «Таврика из района, где иконопочитатели находили убежище, превращается в место их ссылки»²²⁹.

О случаях таких изгнаний в более раннее время исследовательница умалчивает, очевидно, не желая «портить» ими предлагаемую концептуальную схему.

Прочие расхождения во взглядах не столь принципиальны, но на них стоит указать, ибо они сложились либо под влиянием весьма старых заблуждений, уже нам встречавшихся, либо могут стать со временем основой для формирования в историографии новых «авторитетных утверждений». К примеру, устройство Западных ворот Херсона у башни VIII без каких-либо доказательств отнесено к периоду «между VII – первой половиной IX в.», несмотря на то, что оборонительная стена на этом участке датируется гораздо более ранним временем, как и главная продольная улица, выводившая к этим воротам²³⁰. Они то и являлись известными из агнографических источников «Красными (Красивыми)» или «Святыми воротами» (ta Iera), которые А. И. Романчук путает с Южными, так называемыми «Мертвыми воротами», действительно находившимися с первых веков н. э. между XII и XIII башнями, откуда дорога вела по периболу мимо устроенных здесь погребений (захоронения № 1009–1552) к обширному загородному некрополю у Карантинной бухты и Влаернского монастыря Богоматери Девы Марии²³¹.

Уваровскую базилику (№ 23) она называет, вслед за В. В. Латышевым, житийным «храмом апостола Петра», не учитывая иные версии²³². Сооружение храма, открытого в 1958 г. на месте сцены античного театра, А. И. Романчук датирует X–XI вв., не объясняя, почему она отказывается от известной ей более ранней датировки этого памятника, тем более, что к этой датировке, в свое время пред-

²²⁹ Романчук А. И. Очерки... – С. 78.

²³⁰ Романчук А. И. Очерки... – С. 51; ср.: Археологическая хроника // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. – 1896. – № 4. – С. 108–109; Косцюшко-Валюжинич Д. Н. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. – 1911. – № 45. – С. 61–62.

²³¹ Романчук А. И. Очерки... – С. 52, 73; ср.: Антонова И. А. Юго-Восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 110–111, 123; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С. 654–655, 675–677.

²³² Романчук А. И. Очерки... – С. 66, 72–73; см.: Сорочан С. Б. Византия... – С. 60; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С. 383; 577–579.

ложенной проводившими раскопки О. И. Домбровским и Е. А. Паршиной, исследовательница прибегает, когда речь заходит о засыпе рыбозасолочных цистерн, открытых на этом участке²³³. Крестовидный храм № 27 по центру большой агоры она, вслед за Ю. Г. Лосицким, датирует «по аналогиям» не ранее X–XI вв., хотя тут же обращает внимание и на более ранние памятники такого рода и приводит реконструкцию храма в виде типичного ранневизантийского сооружения²³⁴.

Убийство херсонитами стратига Симеона А. И. Романчук относит к 892 г., механически повторяя извечную, прочно укоренившуюся ошибку предыдущих исследователей²³⁵. Письмо № 68 Николая Мистика она, как и С. П. Шестаков и некоторые другие, обращает к стратигу Херсона Иоанну Вогасу (Voge), хотя имя адресата в источнике не было указано и им вполне мог быть иной человек, преемник патрикия Воги²³⁶. Наконец, в Житии Стефана Сурожского нет ни слова о захвате церковных сосудов в Херсоне «русским князем Бравлином», а речь идет об ограблении Сугдеи и прочих земель, видимо, окрестных ей, «от Корсуня до Корчева», то есть района, известного византийцам как климата²³⁷.

И все же, несмотря на наличие таких натяжек или отдельных неточностей, нельзя не заметить главного, чего добилась автор за долгие годы работы, — кардинально нового взгляда на историю средневекового Херсона, особенно разительного на фоне давления авторитета предшествующих обобщающих исследований, из плена которого удалось вырваться немногим.

К сожалению, этого не скажешь о последних крупных работах по истории ранневизантийской Таврики. А. В. Сазанов уделил при этом немало внимания Херсону, убедительно проследив факты, указывающие на континуитет, сохранение преемственности в жизни города вплоть до конца VII в., но как только речь зашла о последующей эпохе «темных веков» поспешил с трафаретной, бездоказательной констатацией «дезурбанизации и кризиса византийского города в целом»²³⁸.

Менее подвержено таким крайним, «нигилистическим» оценкам исследование А. И. Айбабина, но и оно не оказалось свободно от

²³³ Ср.: Романчук А. И. Очерки... — С. 74, 94.

²³⁴ Романчук А. И. Очерки... — С. 74, прим. 72; с 228–229, рис. 25, 2; ср.: Хрушкова Л. Г. Крестовидные церкви Херсонеса Таврического // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II международ. науч. конф. — К.; Судак, 2004. — Ч. 2. — С. 234.

²³⁵ Романчук А. И. Очерки... — С. 59, 206.

²³⁶ Романчук А. И. Указ. соч. — С. 79–80; ср.: Богданова Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. — М., 1991. — С. 35.

²³⁷ Романчук А. И. Очерки... — С. 207.

²³⁸ Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис.... докт. ист. наук / МГУ. — М., 1999. — С. 40.

старых шор²³⁹. Автор рассматривает положение Херсона поэтапно, до появления хазар в Таврике, и после, на фоне общеисторической панорамы всего региона. Он признает нормальное, далекое от упадочнического положение города и отмечает некоторые трудности его истории, которые видит в долгом владычестве хазар на Крымском полуострове. Однако не обнаруживает (или не представляет себе) единого принципа владения этой территории, который вполне мог лежать в основе здешних отношений противоборствующе-союзничающих сил – ромеев и хазар. Он декларирует часто упоминаемое хазарское господство или, как вариант, протекторат, в чем и видит ключ к созданию собственной концепции раннесредневековой истории Таврики. Но место Херсона в этой концепции, вобравшей огромное количество бесценных данных источников, оказывается обособленным, каким-то уединенным, самим по себе, поскольку плохо вписывается в предлагаемую концептуальную историю, как выясняется, не столько «ранневизантийского», сколько, по сути дела, «хазарского» Крыма. Безусловно, одна из лучших работ, она «зависает» по причине обращения к некоторым старым клише, которые порой виртуозно уточняются в деталях, принципиально не столь важных. Кроме того, исследованию не хватает внутренней стройности, плановости изложения, что проявляется в делении материала на две огромные главы, по сути дела самостоятельные книги, разведенные по принципу хронологии, где трудно обнаружить логическую, смысловую увязку отдельных, разноплановых, ничем не выделенных разделов друг с другом.

Еще более усложненной, хаотичной структурой с трудно улавливаемой связью между отдельными частями, обширными поясняющими вставкам или параграфами, обозначенными лишь буквами в порядке алфавита, отличается монография профессора Уральского университета, австрийца Ханса-Файта Байера, значительный раздел которой тоже посвящен раннесредневековой истории Таврики²⁴⁰. Занимаясь готами и связанными с ними некими «крымскими хазарами», автор то и дело обращался к пассажирам, напрямую связанным с историей Херсона, поэтому его книгу нельзя обойти вниманием в разрываемой череде обобщающих работ.

²³⁹ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис.... докт. ист. наук / Институт истории материальной культуры РАН. – СПб., 1998; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. Основные наблюдения и выводы были повторены исследователем в соответствующих разделах обобщающей коллективной монографии о средневековых древностях, вышедшей в многотомном академическом издании по археологии (см.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 27–30, 40–52, 55–86).

²⁴⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 42–150 (гл. 7–9), 335–361.

Научный редактор монографии, А. И. Романчук, сравнила ее с известной работой А. А. Васильева и подчеркнула многоплановость и полемичность исследования, построенного с характерной для немецкой исторической школы тщательностью анализа источников²⁴¹. С последним, но не с пространными комментариями к этим источникам можно согласиться. Их сводка подана без какого-либо намека на периодизацию, так что раннесредневековый этап вычленяется весьма приблизительно, без какого-либо обоснования. Собственно о нем и не идет речь как о самостоятельном историческом периоде. Если его началом условно можно считать конец VI в., то противоположный рубеж, судя по плану работы, угадывается где-то около событий Корсунского похода князя Владимира и восстания Георгия Чулы в 1016 г.

Примечательно уже то, что Х.-Ф. Байер начинает повествование о раннесредневековой Таврике словами о том, что «хазары захватили Боспор и в 581 г. появились перед Херсоном»²⁴². Поскольку «хазар» как таковых в это время не существовало, надо полагать, речь идет о тюркютах и утигурах-гуннах, булгарах, их союзниках, которых А. А. Васильев, впрочем, тоже относил к хазарам²⁴³. Далее следует известный набор фактов относительно расправы экс-императора Юстиниана Ринотмета с архонтом Боспора Валгицем, который интерпретируется как хазарский «Булшици», и взятый на веру историографический пассаж о «крепости», якобы выстроенной хазарами в VIII в. «на развалинах христианских культовых зданий» в Боспоре²⁴⁴. На деле ни то, ни другое не столь однозначно²⁴⁵. Еще более голословным предстает указание на то, что Юстиниан II бежал из Херсона в Дарас (Дорос) именно в 703/704 г.²⁴⁶, ибо по логике рассказа Феофана и Никифора это могло произойти гораздо раньше, вскоре после свержения василевса Леонтия и прихода к власти Тиверия Аспсима в 698 г.

Х.-Ф. Байер признает, что из факта бегства экс-императора в один из центров Готфии не следует вывод о включении последней в состав Хазарии, но далее делает противоречащее этому заявление о том, что Херсон «...получил еще до 710 г. хазарское управление», поскольку там был архонт Тудун «от лица хагана» и этот архонт беспрепятственно пустил в город карательные войска Юстиниана II,

²⁴¹ См.: Байер. Х.-Ф. История крымских готов... — С. XIII.

²⁴² Байер Х.-Ф. Указ. соч. — С. 42.

²⁴³ Подобная несурзность появилась уже у П. И. Кеппена, который назвал тюрков хазарами применительно к событиям 540 — 576 гг, говоря о борьбе с ними персов (Кеппен П. О древностях южного берега Крыма... — С. 53).

²⁴⁴ Байер Х.-Ф. Указ. соч. — С. 44 (со ссылкой на работы Т. И. Макаровой и К. Цукермана).

²⁴⁵ Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII вв. // ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 469—508; Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 522—523.

²⁴⁶ Байер Х.-Ф. Указ. соч. — С. 43.

поскольку ни хаган, ни тудун... «не знали в точности, был ли император их другом или врагом»²⁴⁷. Этакая святая простота, едва ли не детская наивность перед лицом вооруженного флота с мощным экспедиционным корпусом! Местные же византийские власти в лице протополита, прочих протевонов и простатевонов в расчет не принимаются. Более того, не только тудуна, но и Зоила исследователь причисляет к «хазарским начальникам». В случившемся в Фанагории он видит лишь предательство «очень жадного» к деньгам хагана, а не мастерски разыгранную двухуровневую политическую комбинацию, которая при любом раскладе принесла бы выгоды изворотливому хагану²⁴⁸.

Соглашаясь в целом с тем, что «...везде, где господствовало византийское государство, господствовало и иконоборчество», автор, тем не менее, настаивает на «...заметном количестве иконопочитателей» в Таврике, преимущественно ссылаясь на некритически воспринятый текст Жития Иоанна Готского, написанный с явной иконопочитательской тенденциозностью и всяческими преувеличениями заслуг героя в деле отстаивания икон²⁴⁹. На этом фоне привлекает внимание заслуживающая дальнейшей разработки гипотеза относительно наличия в Готфии к 787 г. двух епископов – законного, иконоборца Никиты, и нелегитимного «епископа готов» Иоанна Исповедника²⁵⁰. Х.-Ф. Байер, один из немногих, дает верный по смыслу перевод раздела Жития, принципиально важного для понимания причин выступления Иоанна, а именно о том, что последний пошел на сговор с местными властями и народом для того, «... чтобы хазары не овладели их страной», но далее следует совершенно необоснованное заключение, что «...со времени близкого Никейскому собору 787 г. уже невозможно точно отделить Готию от Хазарии»²⁵¹. Молчание византийских источников на эту тему он считает лишь удивительным, не более того.

Отсутствие самостоятельных упоминаний Готфии и Дороса или Доранта в епархиальных списках и других документах VII и VIII вв. (нотиициях №1 и №2 по Дарруже) заставило Х.-Ф. Байера признать, что они не существовали в виде отдельных епископий, хотя после 754 г. он таковую епископию признает опять-таки на основании некритически воспринятого сообщения Жития Иоанна Исповедника о подписи не фигурирующего в нотиициях этого времени «епископа Готфии» под постановлением иконоборческого синода²⁵². Между тем, гораздо логичнее предположить в нем епископа Херсона, который уже в VII в.

²⁴⁷ Там же. – С. 45.

²⁴⁸ Там же. – С. 46, 47.

²⁴⁹ Там же. – С. 47–53, 336–340.

²⁵⁰ Там же. – С. 52, 340–343.

²⁵¹ Там же. – С. 53, 54.

²⁵² Там же. – С. 55.

официально выступал одновременно и как предстоятель Доранта, то есть Крымской Готфии²⁵³. Сведения неопределенно датированной, неофициальной нотиции де Боора (№3 по Дарруже) исследователь признает за доказательство существования митрополии Готфии, которая «аннексировала... Хазарию духовно», тогда как с конца VIII в. хазары силой захватили саму Готфию²⁵⁴. Нельзя не заметить, что Х.-Ф. Байер понимает несуразность такого вывода. Он пишет: «Изумляет не только то, что епископия Готии стала митрополией, и что Готии, расположенной на юго-западе Крыма, подчиняется Тмутаракань на востоке Керченского полуострова, но прежде всего причисление к Готии областей, о христианизации которых пока неизвестно»²⁵⁵. Тем не менее это не отвратило его от поспешного заявления, что «...все местности, названные принадлежащими к митрополии Готии, находились под властью Хазарского каганата», хотя тут же следует признание этих сведений нотиции де Боора не более чем «миссионерской программой для этих областей», то есть согласие с мнением, в свое время впервые высказанным В. Мошиным²⁵⁶.

Легендарные загадочные Фулы (Фуллы) Х.-Ф. Байер увязывает с поселением у с. Планерское в Юго-Восточном Крыму и, вслед за А.А. Васильевым, делает вывод, что «... приморский город стал столицей епископии хотзирив спустя некоторое время после 787 г.». Недвусмысленно указываемую нотицией де Боора близость Хотзирона к Фулам и Черной Воде, он на основании «долгого размышления» огульно отвергает и, вопреки источнику, смотрит на них, наоборот, как на «... самые отдаленные пункты Крымской Хазарии»²⁵⁷. Последняя для него не историографический мираж, а историческая данность, не подлежащая сомнению. Объяснение причины, по какой составитель нотиции говорил о «хотзирах» — «Хотзироне», а не о «хазарах, если топоним «Хазария» ему известен, исследователь относит к числу «небольших проблем» — «для того, чтобы отличить их друг от друга» (sic!)²⁵⁸. Невзирая на сопротивление материала, он полагает, что «...в любом случае следует предположить, что хазарская власть через страну, которая описана в нотиции как область хотзирив, распространялась до Фулл, где достигала моря»²⁵⁹.

²⁵³ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... — Graz, 1960. — Col. 992; Ohme H. Das Concillium Quinisextum und seine Bischofsliste (Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692) / Arbeiten zum Kirchengeschichte. — Berlin; New York, 1990. — S. 151.

²⁵⁴ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 55 — 56.

²⁵⁵ Байер Х.-Ф. Указ. соч. — С. 57.

²⁵⁶ Там же. — С. 57.

²⁵⁷ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 65; ср.: Байер Х.-Ф. Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 34. — С. 459.

²⁵⁸ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 65–66.

²⁵⁹ Там же. — С. 66.

Под термином «климаты» или, правильнее, «климата», встречающимся в источниках IX–X вв. применительно к территории Крымского полуострова, Х.-Ф. Байер понимает «пограничные территории», но не соглашается видеть в них лишь Готфию и горы Юго-Западной Таврики, как это делает К. Цукерман, справедливо возражая против того, что этот вывод якобы «признается всеми»²⁶⁰. Однако далее в свойственной ему манере, весьма напоминающей подзабытый любимый прием А. А. Бобринского, он предлагает читателям полный простор выбора:... «климаты» были либо под контролем или Византии, или Хазарии, либо самостоятельными» до тех пор, пока «... около 787 г. Готия подпала под власть хазар». После этого между готами и «крымскими хазарами» сохранялись многовековые, исключительно дружественные отношения, хотя далее следовал вывод о том, что хазары во время этого готско-хазарского доминирования принудили готов к сотрудничеству²⁶¹. Того больше, сама «Хазария могла быть подчинена Готии» (sic!)²⁶². И это невзирая на то, что «Готия и ее климаты» из письма Феодора Студита от 808 г., на которое ссылается исследователь, всего лишь области, расположенные между Херсоном и Боспором по Южному берегу Крыма и его горным районам.

Особый и обширный раздел монографии посвящен посещению Таврики Константином Философом, житийному так называемому «спору вероисповеданий», обращению хазар в иудаизм, поклонению святому дубу у народа Фул²⁶³. По мнению автора, посланник верховных властей Византии имел дело в Херсоне с изучением еврейского и сирийского языков, но не русского, а тем более с письменностью, которую ему самому еще предстояло изобрести²⁶⁴. Но «посвящение себя молитве», как это делал Константин, находясь в городе, Х.-Ф. Байер почему-то относит к числу «наивных агиографических мотивов» и тем самым путает молитву с ученостью, образованностью²⁶⁵. Миссионерская деятельность так или иначе всегда носила просветительские черты, и поэтому опять-таки непонятно, в чем тут смелость и новаторство утверждения автора²⁶⁶.

Вслед за К. Цукерманом, он отказывается от признания иудаизации Хазарии до 861 г., одним махом устраняет все личные имена хазарских хаганов и соглашается с тем, что иудейская Хазария

²⁶⁰ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. — С. 318–319; ср.: Байер Х.-Ф. Указ. соч. — С. 71.

²⁶¹ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 106–107, 149. Видимо, забыв об этом, исследователь писал, возражая своим оппонентам, что готы «были федератами Византийской империи со времени около 787 г.» и все же оставались независимыми (Байер Х.-Ф. Идеология... — С. 453).

²⁶² Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 71.

²⁶³ Там же. — С. 75–96 (гл. 8).

²⁶⁴ Там же. — С. 76.

²⁶⁵ Там же. — С. 78.

²⁶⁶ Там же. — С. 78.

существовала только после 861 г. вплоть до гибели хазарского государства²⁶⁷. Единственная оговорка сводится к тому, что «уровень иудаизации Хазарии при прибытии Константина предполагает данную предисторию»²⁶⁸. Указание же на языческие обычаи хазар в Житии он понимает только как то, что «...всеобщего охвата иудаизацией в Хазарии» еще не произошло²⁶⁹, а визит Константина к «народу Фульскому», в котором «наиболее вероятно» видит хазар, живших около Судака, традиционно, без должного внимания к тексту источника толкует как пример крещения все тех же язычников в Таврике²⁷⁰. Впрочем, в этом он не одинок.

В связи с историей Херсона заслуживают внимания и разделы, связанные с анализом материалов о постройке крепости Саркел византийцами, учреждении фемы Климата, значении этого топонима, стратегах фемы, хазарском и венгерском военном присутствии в Таврике в 860–861 гг., Иоанне Воге, договорах русов с Империей в X в, администрации византийской Готфии²⁷¹. Так, закладку Саркела он, вслед за К. Цукерманом, относит к 840 г., а причину ищет в приграничном положении крепости на левом берегу Дона, воскрешая при этом старый тезис о необходимости отражения русов, якобы стремившихся добиться доминирования в донских степях. Впрочем, этим «будущим губителям Хазарии» он не отдает предпочтение, называя, наряду с ними, венгров и печенегов, от которых хазары тоже искали защиты²⁷². Иных интересов, кроме военно-политических, в случившемся ему не видится. Вообще, чтение Х.-Ф. Байера навеивает ложную мысль, что современников описываемых им событий совсем не волновали проблемы добычания «хлеба насущного», экономики. Непонятно почему предложенный К. Цукерманом буквальный перевод слов *katatera katabia* – «утомительные корабли» представляется «слишком марксистским» и в чем предпочтительность термина «грузовые суда»: в любом случае речь шла о гребных транспортных судах, с каких бы позиций, марксистских или нет, их рассматривать²⁷³.

Назначение спафарокандидата Петроны Каматира стратигом Херсона автор на редкость определенно и, вместе с тем, недостаточно

²⁶⁷ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 84; ср.: Zuckerman C. On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism... – P. 237-270.

²⁶⁸ Байер Х.-Ф. Указ. соч. – С. 84.

²⁶⁹ Там же. – С. 85.

²⁷⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 63–64, 90, 94–95; ср.: Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 460.

²⁷¹ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 98–146.

²⁷² Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 101, 102, 110. Вместе с тем, теорию К. Цукермана о том, что Саркел был построен против венгров, исследователь считает «слишком дерзкой и произвольной», «очевидно ошибочным тезисом», но ничего оригинального взамен не предлагает (Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 457).

²⁷³ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 100.

доказательно относит к лету 841 г., хотя в подстрочнике тут же поясняет, что «...точность даты «летом» можно подвергать сомнению и *terminus ante quem* является январь 842 г. — смерть Феофила»²⁷⁴. Но не это существенно. Как можно понять из ссылок на соответствующий пассаж из Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана, образование фемы Х.-Ф. Байер понимал как «овладение крепостью Херсоном и местностями в нем», а причину случившегося видел в недоверии византийских властей к местным «первенствующим и начальникам»²⁷⁵. Старая, привычная, давно обкатанная в историографии версия, отказывающаяся замечать уже существовавшую до присылки стратига власть василевса над городом, явилась на выручку и на этот раз.

В племенах и народах, угрожавших Таврике после создания фемы Климата в 850–860-х гг. исследователь считает возможным подозревать печенегов и русов, но, что странно, даже не упоминает хазар и венгров²⁷⁶. Между тем, печенеги появились здесь не ранее конца IX в., а о русской угрозе Крымскому полуострову в этом столетии вообще нет определенных, надежных данных. В превращении фемы Климата в фему Херсон он видит лишь «простое переименование» и не ищет его причин, которые могли бы привести к соответствующим выводам²⁷⁷. Зато когда Х.-Ф. Байер берется за анализ некоторых печатей стратигов, рождается парадоксальное заключение: поскольку один из херсонских Зоилов, стратиг середины IX в., был тезкой «хазарского протополита Зоила 710 г.», значит, «местная знать в Крыму была в середине IX в. тоже хазарской», и осуществление совета Петроны полностью не лишило эту знать влияния, «...потому что стратигами Херсона могли становиться, как ранее протополитами этого города, и ее члены»²⁷⁸. Воистину, перл софизма, которому позавидовал бы раблезианский Панург! При этом следует учесть, что вывод о «хазарской знати Херсона» строится единственно на отказе признать в имени Зоила греческое имя, редкое, известное и у греков, и у ромеев, на что в свое время обратил внимание И. С. Чичуров²⁷⁹. «Хазарским стратигом», «представителем крымской хазарской знати» объявляется и византийский патрикий Иоанн Вога, упоминаемый в византийских источниках в связи с событиями 917 г. и сношениями с печенегами, с которыми он, вероятно, имел родственные связи²⁸⁰. Поэтому с куда с большим основанием можно предпола-

²⁷⁴ Там же. — С. 102, прим. 261.

²⁷⁵ Там же. — С. 102.

²⁷⁶ Там же. С. 103.

²⁷⁷ Там же. — С. 103.

²⁷⁸ Там же. — С. 104–105.

²⁷⁹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения; «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 130–131, коммент. 345.

²⁸⁰ Байер Х.-Ф. Указ. соч. — С. 139.

жить, что патрикий общался со своими печенежскими союзниками не на хазарском языке, а на языке «патчинакитов».

Х.-Ф. Байер выражает сомнения в верности понимания известного свидетельства Георгия Амартола о пребывании венгров на Дунае в 836–837 гг., но в то же время его не устраивает версия К. Цукермана, что Саркел строили для защиты от венгров, поскольку они находились далеко от него, ... поблизости от Дуная (sic!)²⁸¹. Местом же столкновения венгров с хазарами автор считает восточный берег Волги, причем хазары еще владели «обширными территориями на западной стороне Дона, между прочим, и Крымом»²⁸². Эти походы, между прочим брошенные фразы поданы как не подлежащие сомнению выводы, а вопрос о феме Климата рассматривается совершенно обособленно, вне выше приведенного заключения, входящего с ним в очередное противоречие.

Исследователь признает в хазарском военачальнике, осадившем в 860 или 861 г. христианский город в Таврике, «полководца на службе у хазарского кагана» и не относит его к «крымским хазарам»²⁸³. Присутствие этого военачальника и венгерского войска в районе Херсона он пытается объяснить «...распространением расположенной там Леведии, или бегством оттуда после вторжения в эту страну печенегов»²⁸⁴, хотя оснований в подобной локализации венгерской Леведии нет никаких, а появление печенегов на территории Крымского полуострова не могло случиться в это время: до него еще предстояло пройти не менее 30 лет. Х.-Ф. Байер сам помещает Леведию между Южным Бугом и Днепром, максимум до Перекопского перешейка, без захода на полуостров²⁸⁵. Относя иуданизацию каганата ко времени 861–869 гг., исследователь полагает, что «... итильская власть после превращения каганата в царство уже не достигала Крыма», однако это «политическое обстоятельство» не привело к «... исчезновению оттуда хазар»²⁸⁶. Мало того, они даже бежали в Боспор, ибо жаждали добровольно принять крещение, на что, по его мнению, указывают слова письма патриарха Фотия к архиепископу Боспора²⁸⁷.

В итоге автор монографии создает причудливый образ «христианской Хазарии-Готии», в которой роль и статус Херсона оказываются маловразумительными, а попросту, непонятными. Даже административную историю Юго-Западной Таврики, которая могла бы стать одним из основных стержней исследования, он восстанавливает в следующих чертах: «до 787 г. и немного позднее, уже под властью

²⁸¹ Там же. — С. 111, 112.

²⁸² Там же. — С. 113.

²⁸³ Там же. — С. 116.

²⁸⁴ Там же. — С. 117.

²⁸⁵ Там же. — С. 137.

²⁸⁶ Там же. — С. 118.

²⁸⁷ Там же. — С. 130.

31376/1

хазар», Готфией правил куг, которого Х.-Ф. Байер называет «готский государь»; затем Готфией правил «хазарский тудун», как это предположил уже А. А. Васильев. В то же время исследователь признает, что «...общим признаком управления» Готфией, когда она находилась в сфере влияния византийцев, являлось подчинение ее правителя «... не только императору, но и стратигу», надо полагать, фемы Климата и Херсона, хотя перед этим заявлял, что только во второй половине X в. Готфия «...опять вошла в состав Византии»²⁸⁸. Таким образом, нетрудно заметить, что существование византийского Херсона в VI–X вв. подано автором исключительно в свете готско-хазарского доминирования, некой этнической, извечной, «континуитетной» чистоты обитавших рядом с ним готов и хазар, а большинство выводов, к которым историк пришел, противопоставляются, входят в противоречие друг другу. Справедливо называя идеологию «злым духом в науке», сам исследователь не отрешился от практики навешивания идеологических ярлыков на тех, чьи выводы не устраивали его и, в частности, незаслуженно низко оценил вклад А. Л. Яковсона, «сталиниста по принуждению или убеждению»²⁸⁹. Разумеется, это не рождает лучшего понимания и без того запутанной истории раннесредневековой Таврики и Херсона. В целом можно согласиться с тем, что «...монографию Х.-Ф. Байера следует признать претенциозной и неудачной попыткой превзойти труд А. А. Васильева»²⁹⁰, а политическую историю крупнейшего византийского центра, располагавшегося на территории Юго-Западного Крыма, трактованной в ней неверно. О социально-экономической и культурной его истории речь вообще не шла.

В этом плане выгодно отличается от вышеназванных исследований предельно краткий очерк-справка о Херсоне VII–XIV вв., написанный французскими историками Анной Бортоли и Мишелем Казанским²⁹¹. Он занимает пять страниц текста, из которых три приходятся на историю раннесредневекового города и его округа. Небольшой объем и генерализирующий метод изложения предопределили тезисность многих положений, представленных практически без анализа и развернутых доказательств, с минимумом необходимых ссылок на основную специальную литературу, но это не мешает им нести большой информативный объем, в котором лишь изредка встречаются неточности, противоречия. Так, авторы считают Херсон

²⁸⁸ Там же. – С. 146.

²⁸⁹ См.: Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 453–460.

²⁹⁰ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – Симферополь, 2002. – Вып. 9. – С. 616.

²⁹¹ Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh Through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). – Washington, D. C., 2002. – Vol. 2. – P. 652–657.

прежде всего военным и административным византийским центром и, тем не менее, признают, что «город играл доминирующую роль в политической и экономической жизни Крымского полуострова в целом»²⁹². Они же констатируют, что порт и связанная с ним торговая деятельность сохранялись на протяжении всего средневековья, что в городе в конце VI–VIII вв. развивались рыболовство, засолка рыбы, сохранялось ремесленное производство²⁹³.

Подчеркивая континуитет в планировке, в системе оборонительного строительства, расположении загородного некрополя, французские исследователи постулируют очень важный вывод об изменении «социальной и экономической топографии» средневекового Херсона, но сводят эти «изменения» лишь к указанию на существование кафедрального центра на северо-восточном берегу и необоснованному постулату о концентрации городской знати в этом же районе города, что, к слову, противоречит византийской практике, не знавшей социального районирования, деления городской территории на аристократическую часть и посад²⁹⁴.

Период значительного подъема, особенно строительного, авторы очерка относят к концу VI – началу VII вв., отмечая многочисленные свидетельства заморской торговли, амфор, поздней краснолаковой керамики, стеклянных изделий из Средиземноморья, сохранение херсонитами выпуска разменных монет, наличие собственного ремесла, рыбозасолочных цистерн. Они признают поддерживание в VI–VII вв. сельскохозяйственного производства в соседстве с городом, на Гераклейском полуострове, где обнаружены следы сельского быта, однако ссылка при этом на работу А.Л. Якобсона не совсем корректна, ибо этот исследователь о подобных памятниках, расположенных ближе Инкермана, не писал²⁹⁵.

Оценивая свидетельство папы Мартина I о тяжелом экономическом положении в Херсоне в 655 г., А. Бортоли и М. Казанский отметили, что они входят в противоречие с обнаруженным в ходе раскопок города массовым археологическим материалом середины – второй половины VII в., особенно импортной керамикой средиземноморского круга, следами собственного ремесленного производства горожан. По их мнению, контакты с окрестными народами не только не привели к варваризации Херсона, который сохранил ромейский характер, но, напротив, вызвали «эллинизацию» населения округи, преимущественно готов и алан, на что указывают материалы некрополей Инкермана, Черной речки и Сахарной головки²⁹⁶. Тем не ме-

²⁹² Ibid. – P. 652.

²⁹³ Ibid. – P. 652–653.

²⁹⁴ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 112–113, 339.

²⁹⁵ Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region. – P. 652–653, note 7; ср.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 21.

²⁹⁶ Bortoli A., Kazanski M. Op. cit. – P. 653.

нее, исследователи сами не избежали противоречия, когда заявили о «кризисе» в период нахождения в городе папы Мартина, причем попытались объяснить этот кризис, якобы имевший место, «тюрко-хазарским завоеванием», не учтя, что к этому времени агрессия алтайских тюрок уже давно сошла на нет, а хазарское вторжение еще не наступило²⁹⁷.

Важно отметить их видение Крыма процветающим в VIII–IX вв., причины чего авторы верно усмотрели в выгоды политической ситуации, сведя ее к союзу с Хазарским каганатом, притоку тюрко-булгар на полуостров и широкой миграции из Византии, что в свою очередь содействовало роменизации культуры местного населения²⁹⁸. Тем самым они интуитивно подошли к признанию особого статуса здешних земель в составе Хазарии и Византии. Показательно также, что авторы, в отличие от многих своих предшественников, не отказывают Херсону в его экономическом развитии в «темные века» и отмечают существование в это время рыбозасолочного промысла, бронзолитейного, гончарного производства.

Увеличение монетного выпуска в самом городе во второй половине IX в., они связывают с развитием торговли, в том числе с Таврикой, но не учитывают, что мелкие бронзовые номиналы служили для нужд внутреннего рынка, а во внешней торговле были задействованы весьма слабо. Торговые связи с Хазарским каганатом, по их мнению, прослеживаются по находкам тюрко-булгарской, аланской и закавказской керамики, что весьма сомнительно, поскольку процент такой керамики весьма невелик и ее товарное значение невысоко. Сходство в гончарных, стеклянных, металлических изделиях, обнаруженных в Херсоне, с аналогичными памятниками Средиземноморья заставляет авторов прийти к выводу о тесных связях города с Империей даже в VIII–IX вв.²⁹⁹

На фоне этого сжатого, но весьма удачного по своим «программным наблюдениям» очерка шагом назад выглядит раздел, посвященный истории раннесредневекового Херсона, включенный в новейшую, богато иллюстрированную обобщающую англоязычную монографию, написанную большим коллективом авторов под научной редакцией проф. Дж. Картера (Техасский университет, Остин). Глава, составленная Л. В. Седиковой, Полом Артуром, Т. Ю. Яшаевой и Дж. Картером, не добавляет ничего нового, но вновь возвращает к прежним, в том числе устаревшим представлениям о городе V–IX вв., не обосновывая произвольно взятые хронологические рамки, и насаждает досадные ошибки³⁰⁰. В их числе — датировка ссылки папы Марти-

²⁹⁷ Ibid. — P. 653.

²⁹⁸ Ibid. — P. 653–654.

²⁹⁹ Ibid. — P. 654.

³⁰⁰ Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum, and Environs / Ed. Glenn R. Mack, J.C. Carter. — Austin, Texas USA, 2003. — P. 29–34.

на в Херсон 653 г. и утверждение о двухгодичном (sic!) пребывании ссыльного в городе, что, разумеется, не соответствует данным источников³⁰¹.

На основе раздела «Памятники древнего города» трудно составить представление об общей и христианской топографии городища в разные эпохи, тем более о ее развитии, а мощнейший западный фланг обороны с его городскими воротами и соседние храмы (за исключением Западной базилики) вообще остались без внимания³⁰². Безусловно, выигрышная по полиграфическим показателям, красочная книга, остается по содержанию развернутым буклетом, лишенная подлинной научной глубины.

В полученном историографическом наброске предстает абрис как достигнутого, так и перспектив будущих исследований, впрочем, далеко не полный. Показательно, что некоторые принципиально важные моменты, например, особенности государственного устройства, характер администрации города, создание византийской фемы на крымской земле, вообще оказались обойдены вниманием в рассмотренных обобщающих работах, что едва ли можно посчитать случайным. Даже периодизацию этого периода нельзя признать уже установленной. Нетрудно заметить, что необходимость жесткого критического подхода порождает путаница и противоречивость взглядов большинства исследователей, читающих, перечитывающих, слушающих, но, к сожалению, редко слышащих друг друга. В кабинетной работе и раскопках проходили десятилетия, столетия, но каждый «пел свою песню», мастерски или фальшивя, вставляя в нее издавна знакомые мотивы.

Поэтому относительно изучения истории византийского Херсона, как и истории раннесредневековой Таврики, рано говорить об окончательных итогах. Они выглядят неподведенными. По сути дела остаются почти не исследованными повседневная жизнь херсонитов, их этические и моральные нормы, ментальные представления, демография, социальный и этнический состав, церковные обряды, литургическая жизнь, культура, язык, палеография, искусство. Историографическое обоснование, сознательно построенное на анализе лишь главных, этапных, концептуальных работ, показывает, что пока еще нет труда капитального, отчасти намеченного, а, быть может, лишь предвосхищенного некоторыми страницами сего скромного труда, цель которого рассмотреть в общерегиональном контексте, выстроить в связной последовательности поэтапную и, вместе с тем, насколько возможно, всестороннюю, цивилизационную историю развития Херсона как части раннесредневекового евразийского мира, органически, воедино увязав при этом данные сопоставляемых письменных и вещественных источников.

³⁰¹ Ibid. — P. 32.

³⁰² Ibid. — P. 59–119.

*Да не случайные, но обдуманые поиски
не утомляют ревнителей, и да не встречает их
поганое равнодушие, приправленное иронией.
И камни могут еще заговорить, хотя бы люди
в немом оцепении, потребляя блага земли,
ими незнаемой, слепыми остались для прошедшего,
чтобы также слепо наслаждаться ее современным.*

В. Григорович¹

ГЛАВА 1. СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОШЛОГО. ВИДЫ И ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ.

Массив материалов по истории Херсона, накопленный за последние два столетия, впечатляет, причем на долю раннесредневекового периода относится та часть памятников, которую ныне уже не назовешь скудной. Другое дело, что все сказанное об этом византийском городе в письменных источниках, за редким исключением, *obiter dictum*.

Если располагать их по степени достоверности, на первое место следует поместить памятники права, основанные на историческом прецеденте. Однако, единственным случаем, когда в них отразился ранневизантийский Херсон, можно считать новеллу императора Юстина II и его новоиспеченного соправителя, кесаря Тиверия, изданную в ознаменовании Пасхи 575 г. Во втором разделе указа сообщалось об освобождении жителей «Херсонниса» (так в оригинале — Chersonnesos) наряду с боспорянами и лазами от отправляемой

¹ Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. — 1864. — Ч. 13. — С. 1004.

по индиктам имперской морской повинности, которая называлась *ta ploita* и состояла в поставке судов, предметов оснастки и морского снаряжения². Очевидно, эта льгота, как и прочие, распространялась на ближайшие четыре года, наряду с уменьшением на четверть годового налога, отменой пошлин на ввоз вина и масла в Константинополь. Впрочем, к последнему благодеянию упомянутые «херсонниты» едва ли имели отношение, ибо масло в столицу уж точно не возили. Скорее, наоборот. Тем не менее, фиксируемое в законе юридическое действие преподнесено однозначно и не нуждается в критике, чего не скажешь о неоднозначной трактовке исторической ситуации, ставшей причиной столь важных экономических мер³.

Следующее присутствие Херсона в историко-правовом поле Византийской империи письменные источники обнаруживают лишь спустя 250 лет. К таковому относится Тактикон, впервые изданный по рукописи Иерусалимской библиотеки Ф. И. Успенским, и ныне надежно датируемый 842–843 гг., началом правления малолетнего Михаила III и его матери, вдовствующей августы Феодоры⁴. Другой трактат, известный как Клиторологий царского церемониймейстера – атриклина, протоспафария Филофея, появился в сентябре 899 г. и, как подчеркивал его составитель в предисловии, отражал сведения из древних «клиторологиев»⁵. В обоих административных трактатах фигурируют чиновные должностные лица византийского Херсона, что позволяет достаточно ясно определить их место в фемной иерархии санов и постов и даже проследить изменения, происшедшие

² *Corpus juris civilis*. – Berolini, 1895. – Vol. 3: *Novellae / Rec. R. Shoell*. *Opus Shoellii morte interseptum absolvit G. Kroll*. – № 163, cap. 2, p. 751.

³ Ср. примеры таких трактовок новеллы 575 г.: Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – К., 1906. – С. 59; Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИРАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 183; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1956. – № 63. – С. 31, прим. 1; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V – VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 123; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 134.

⁴ Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. – 1898. – Т. 3. – С. 98–137; *Le tacticon du cod. Hierosol. gr. 39, dit taktikon Uspenskij* // *Oikonomides N. Les listes de preaseance byzantines des IXe et Xe siecles. Introduction, texte, traduction et commentaire*. – Paris, 1972. – P. 41–63; Winkelmann F. *Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert*. – Berlin, 1985. – S. 23–26.

⁵ Трактат – пособие Филофея был целиком включен Константином Багрянородным в 52–57 главы второй книги сочинения «О церемониях императорского двора» (см: *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo ex rec. I. I. Reiskii*. – Bonnae, 1829. – P. 702–791; *Philotheou kletorologion* // Bury J. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos*. – London, 1911. – P. 131–179; *Le traite du Philothee* // *Oikonomides N. Les listes...* – P. 65–235; cp.: Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines*. – Berlin; Amsterdam, 1967. – Vol. 2. – P. 220–226; Winkelmann F. *Op. cit.* – S. 20–23).

в течение полустолетия. Замыкают ряд этих раннесредневековых трактатов «Тактикон Бенешевича» и «Тактикон Икономидеса» (Эскуриальский тактикон), составленные соответственно между 934–944 и 971–975 гг. (или 979 г.), ценные для нас уточнениями относительно эволюции византийского фемного строя на территории Крымского полуострова⁶.

Определенное представление о церковной «географии» ранне-средневековой Таврики и о месте в ней Херсона дают акты (каноны) Вселенских и поместных синодов в тех случаях, когда им сопутствовали подписи херсонских предстоятелей. Они засвидетельствованы для Трулльского (Пято-шестого) собора 692 г. и VII Никейского собора 787 г.⁷ Их дополняют сведения о боспорских (VI Вселенский синод 680–681 гг., Константинопольский поместный синод 879–880 гг.) и сугдейских иерархах (синод 787 г.)⁸.

Еще богаче сведения епархиальных ведомостей Константинопольского патриархата (*Notitiae episcopatum*), отразившие церковно-административное деление и связанные с ним населенные пункты Империи, в том числе на Крымском полуострове⁹. Впрочем, даже официальные нотиции не полны как документы¹⁰. Самым ранним из них, дошедшим по трем рукописям XII–XIII и XVII вв., является так называемый *Ecthesis* – детальный список епархий, создание которого приписывается св. Епифанию, епископу Кипрскому (ум. 402/403 г.).

⁶ Benescevic VI. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. – 1926–1927. – Bd. 5. – S. 97–167; Le taktikon du cod. Hierosol. gr. 24, dit taktikon Benescevic // Oikonomides N. Les listes... – P. 237–253; Le taktikon du cod. Scorialensis gr. R-II-11 // Oikonomides N. Les listes... – P. 255–277; ср.: Darrouzes J. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'eglise byzantine. – Paris, 1970. – P. 29–30, 32.

⁷ Mansi J. Sacrorum consiliorum nova et amplissima Collectio. – Graz, 1960. – Т. 12. – P. 992; Ohme H. Das Consilium Quinisextum und seine Bischofslisten. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. – Berlin; New York, 1990. – S. 151; Деяния Вселенских соборов. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 65, 369, 385, 598–604.

⁸ Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т. 4. – С. 230; Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. – Leipzig, 1983. – Vol. 1. – P. 132.

⁹ Подп. см.: Kazdan A. *Notitiae Episcopatum* // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1496; Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII – IX вв. по данным *Notitiae Episcopatum* // Крымский архив. – 1999. – № 5. – С. 9–20; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII – IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 35. – С. 123–145.

¹⁰ Данные нотиций VII – XIV вв. относительно епархий на Крымском полуострове сведены в таблицы. См.: Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 2. Православные и униатские епархии, их пределы // ИТУАК – 1920. – № 57. – С. 35–66, 128, спис. А; Кротошкин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 203, табл. 1.

Его окончательное составление, как правило, датируют временем близким к VI Вселенскому синоду (680–681 гг.), хотя содержание отражает постюстиниановское время и период правления василевса Ираклия (610–641)¹¹. Как и в следующей нотиции (Notitia № 2 по Дарруже), датируемой концом VIII в. или временем патриархата Никифора (806–815), Херсон фигурирует здесь как кафедра (соответственно 62-я и 66-я по счету), которая наравне с Боспором (63 и 67) и Никопсеей (64 и 68) входит в автокефальную епархию Зихию, охватывавшую земли северо-восточного побережья Черного моря (eparchia Zekchios o Chersonos, eparchia tes autes o Bosporou, eparchia tes autes o Nikopseos)¹². Это были прибрежные территории, лежавшие к северу и западу от Авасгии и Алянии с центром, вероятно, в районе Туапсе, а зихи являлись предками современных адыгов¹³.

Следующая нотиция представляет собой список епархий, видимо, скомпилированный из разновременных записей и известный как рукопись Parisinus 1555 A. Она дошла в единственной копии XIV в., была открыта и под греческим названием Taxis prokathedrias ton osiotaton patriarchon, metropoliton kai autokephalon впервые издана в 1891 г. известным византинистом Карлом де Боором, который отнес ее оригинал к эпохе Исаврийской династии¹⁴. Последующие попытки исследователей уточнить датировку загадочной нотиции, доставившей столько хлопот историкам, до недавнего времени не выходили за пределы VIII в., за исключением Ф.И. Успенского, подозревавшего в списке подделку XI в., и Г. Вернадского, датировавшего его окончательную редакцию началом 60-х гг. IX в.¹⁵. Лишь последний издатель памят-

¹¹ Parthey G. Hieroclis Synecdemos et Notitiae graeca episcopatum. — Berolini, 1866. — P. 150–161; Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte // Abhandlungen der philos. -philol. Clase der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaft. — München, 1901. — Bd. 21. — S. 529–641 (особенно S. 534–549); Гръцки извори за българската история. — София, 1960. — Т. 3. — С. 184–196; Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. — Paris, 1981. — P. 3, 5, 7–9, 205–206.

¹² Ср.: Darrouzes J. Notitiae episcopatum... — P. 18–19, 216–229 (not. 2).

¹³ Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве... — С. 131.

¹⁴ De Boor C. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. — Gotha, 1891. — Bd. 12. — S. 303–322; De Boor C. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. II // Zeitschrift für Kirchengeschichte. — Gotha, 1891. — Bd. 12. — S. 519–534; De Boor C. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. — Gotha, 1893. — Bd. 14. — Heft 3. — S. 573–599.

¹⁵ См.: Успенский Ф. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X веке // Киевская старина. — 1885. — Т. 25 (Май — Июнь). — С. 261; Кулаковский Ю. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. — 1898. — Ч. 315. — Февраль. — С. 176–187 (вторая половина VIII в.); Мошин В.А. Eparchia Gothias в Хазарии VIII в. // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. — Белград, 1929. — Т. 2. — С. 149–156 (737–763 гг.); Гръцки извори за българската история. — София, 1960. — Т. 3. — С. 184–196 (733–787 гг.); Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia. I. The Eparchy of Gothia //

ника, Жан Дарруже, опубликовавший полный свод списков епархий Константинопольского патриархата, пришел к выводу, что Нотития де Боора, которой он присвоил №3, могла быть составлена с учетом материалов Псевдо-Епифаниевого списка и других источников конца VII в., отразила ситуацию с епископскими престолом в Европе до иконоборческого синода 757 г., но к этому были добавлены почти столетние сведения конца VIII – конца IX вв., почерпнутые из актов Никейского Вселенского синода 787 г. и Константинопольского поместного собора 869–870 гг.¹⁶ К тому же она носит компилятивный и, вероятно, неофициальный характер, хотя в отдельных деталях и отражает реальную ситуацию. Согласно ей, на 82-м месте значится епархия Зихия с Херсоном, 83-я епархия Боспора и 84-я епархия Сугдеи (Сугдаи) (*eparchia Zekchias o Chersonas, eparchia tes autes o Bosporou, eparchia tes autes o Sougdaon*), то есть Сугдея заняла место Никопсеи, которая в свою очередь отошла к кавказской епархии Авасгии (*Abasgia*).

Особого внимания заслуживает упоминание в списке митрополий, архиепископий и в схолии к нему, помещенной в самом конце, без связи с предыдущим текстом, соответственно 35-й и 37-й епископии – Готфии с центром в Доросе и перечень тех географических пунктов и ориентиров, которые входили в нее, поскольку ошибочная, субъективная интерпретация этих записей несколькими поколениями исследователей породила представление о существовании Готской митрополии задолго до ее создания, а также некоего населенного хазарами епископства *Chotzirou* в Таврике или в Хазарии VIII–IX вв.¹⁷

Byzantion. – 1940–1941. – Т. 15. – Р. 67–76; Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – С. 260–261 (80-е гг. VIII в.); Wasilewski T. *Byzancjum i Słowianie w IX wieku*. – Warszawa, 1972. – S. 28 (751–787 гг.); Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // *Античные традиции и византийские реалии* (АДСВ. – Вып. 17). – Свердловск, 1980. – С. 130–145 (50–80-е гг. VIII в.).

¹⁶ Darrouzes J. *Notitiae episcopatum...* – Р. 20–33, 45, 229–233, 241–242, 245 (not. 3). В. Е. Науменко, следуя сербскому исследователю В. Мошину, видит в нотиции де Боора не реализованный проект по церковной организации Хазарского каганата и относит его составление к началу 60-х гг. IX в., однако такая узкая датировка, основанная на «достаточно точной топонимической номенклатуре Хазарии», якобы почерпнутой из донесения Константина Философа, едва ли приемлема для сложносоставного памятника, который зафиксировал изменения, происшедшие в списках епархий за десятилетия после Псевдо-Епифаниевой нотиции (ср.: Науменко В. Е. Церковная география... – С. 12–18; Науменко В. Е. *Notitia K. de Bora* как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // *Церковная археология Южной Руси*. – Симферополь, 2002. – С. 132–134; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 551–554).

¹⁷ Darrouzes J. *Notitiae episcopatum...* – Р. 231, 241–242, *notitia* 3, 611–618 (список); р. 245, *notitia* 3, 777–779 (схолия).

В настоящее время преобладает точка зрения на эту епархию, задуманную выходящей за пределы территории Крымского полуострова, как на византийский миссионерский проект, вызревший к последней трети IX в., но так так и не воплотившийся в полной мере в реальную церковную структуру¹⁸.

Вероятно, такой же неофициальный характер носил список, составленный, по мнению исследователей, во времена патриаршества Никифора (806–815) или в последующие ближайшие два года¹⁹. Примечательно, что в нем фигурируют только два епископства, а точнее — архиепископства, на территории Крыма — Херсон и Боспор. Вообще, в силу дальнейшего развития тенденций к централизации, с IX в. нотии принимают сокращенную форму и, в частности, уже не указывают провинциальные епархии, в том случае, если они подчинялись митрополии. Поэтому вполне можно согласиться с замечанием Ж. Дарруже, что «эти списки являются лишь отдаленным отражением реального движения»²⁰.

Сложный состав отличает следующий по времени официальный список епархий (*Notitiae Basilii*), создание которого связывают с именем армянина Василия Ялимбаны и датируют периодом между 848–856 г.²¹. Впрочем, в последнее время заметна тенденция передвинуть эту дату ближе к 869–870 гг.²². В источнике, совпадающем с завершением нотии де Боора, по-прежнему фигурируют лишь два учтенных Константинополем церковных центра Таврики — Херсон и Боспор (они передвигаются соответственно с №63 и 64 на №67 и 68), вместе с Никопсисом (с №65 на 69), как и прежде, входившие в состав епархий Зихии, что едва ли случайно и лучше соотносится с реальным положением Византии и ее Церкви на полуострове в пе-

¹⁸ См.: Иванов С. А. Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2000. — №3. — С. 67; Науменко В. Е. Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 74–76; Науменко В. Е. *Notitia K. de Boora* как источник... — С. 129–138; Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики... — С. 133–138.

¹⁹ Parthey G. *Hieroclis Synecdemos*... — № IX; Гръцки извори за българската история. — София, 1961. — Т. 4. — С. 145–155; Darrouzes J. *Notitiae episcopatum*... — P. 56–77.

²⁰ Darrouzes J. *Remarques sur les creations d'evêches byzantins* // REB. — 1989. — Т. 47. — P. 209.

²¹ Parthey G. *Hieroclis Synecdemos*... — P. 55–94; Gelzer H. *Georgii Cyprii descriptio orbis romani*. — Leipzig, 1890. — S. 1–27; Grumel V. *La notitia de Basile de Ialimbanu. Essai sur la date de sa composition* // REB. — 1961. — Vol. 19. — P. 198–207; Beck H.-G. *Kirche und theologischen Literatur im byzantinischen Reich*. — München, 1959. — S. 151; Гръцки извори... — С. 155–156; Кулаковский Ю. А. К истории готской епархии... — С. 173–174.

²² См.: Darrouzes J. Op. cit. — P. 34–45, 250 (not. IV); Науменко В. Е. Церковная география Таврики... — С. 12, 18; Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики... — С. 142.

риод обострения здесь внешнеполитического положения, набегов русов, венгров и хазар²³.

Особый интерес представляет список епархий, отразивший изменения, накапливавшиеся с конца VIII — начала IX вв. в церковно-административном устройстве прежде всего европейской части Византии, к которой относилась и архиепископия Херсона. Нотиция была составлена по приказу василевса Льва VI Мудрого в самом начале первого патриаршества Николая I Мистика (901–907), но отразила ситуацию предыдущих десятилетий, во всяком случае, ту, что окончательно сложилась к концу IX в.²⁴ Здесь фигурируют в качестве церковных кафедральных центров Херсон (№72), Боспор (№90), Готфия (№97), Сугдея (№98) и Фулы (№99), представляющие сложившуюся систему крымской епископальной «пентархии», подчиненной Константинопольской патриархии. Только теперь они перестают иметь отношение к Зихийской епархии. Еще один официальный список, известный как *Nova tactica*, появился, очевидно, к концу правления Романа I Лакапина, накануне самостоятельного правления Константина VII Багрянородного, около 940 г.²⁵ Он копирует предыдущее устройство и ничего не меняет по существу. Однако архиепископство Херсон передвигается в нем на более видное место, по-прежнему уверенно лидируя среди прочих церковно-административных единиц полуострова.

Последний раз на государственно-правовом уровне Херсон фигурирует в конце раннесредневековой эпохи в соответствующих клаузулах мирных договоров ромеев с русами, а именно в договоре, подписанном василевсами Романом, Константином Багрянородным и Стефаном и «князем Рустии» Игорем в конце января 944 г., а также в договоре, заключенном между василевсом Иоанном I Цимис-

²³ Darrouzes J. Op. cit. — P. 46–48 (not. V); подр. см.: Сорочан С.Б. «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. — Симферополь, 2003. — Вып. 3. — С. 73–130.

²⁴ Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum... — P. 550–559; Grumel V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1: Les actes des patriarches. Fasc. 2: Les registres de 715 à 1042. — Constantinople, 1936. — № 598; Darrouzes J. Notitiae episcopatum... — P. 53–78, 269–288 (notitiae 7); ср.: Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии... — С. 174 (автор путает эту нотицию с *Nova tactica*); Науменко В.Е. Церковная география... — С. 19; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики... — С. 143–144. Видимо, следует учитывать замечание Петра Коледарова по поводу того, что особенности состава этого списка могут указывать на положение, сложившееся после поражения византийцев при Булгарофигоне в 896 г., то есть он относился к началу правления Льва VI, когда Империя утратила часть своих земель и городов во Фракии и Юго-Восточной Македонии (Коледаров П. Политическая география на средневековна българска държава. Ч. 1. От 681 до 1018 г. — София, 1979. — С. 25, 44, бел. 176; с. 46–47, бел. 10). Сугдея и Фулы впервые указываются как самостоятельные архиепископства.

²⁵ Гръцки извори... — С. 158–165; Darrouzes J. Op. cit. — P. 116–117.

нием, кесарями Василием и Константином и князем Святославом в июле 971 г. под Доростолом (Дерестром), причем в обоих случаях в соответствующих клаузулах подчеркивалось безусловное признание власти византийской («греческой») и власти херсонской («корсунской») над городами «Корсунской страны»²⁶.

Значительно большей субъективностью отличаются нарративные источники, авторы или составители которых в свою очередь пользовались чужими пересказами и не всегда ясно представляли себе действительную ситуацию в незнакомой им Таврике и около Херсона, о котором писали понаслышке. Тем больший интерес представляют их оценки раннесредневековой истории этого города, его места в регионе, поскольку они зачастую построены с учетом молвы, опиравшейся на отнюдь не легендарные представления современников. Какими бы искаженными они ни были, важно учесть, что образ Херсона, воссоздаваемый в этих источниках, обнаруживает если не совпадение в деталях, то по крайней мере общий дух. Так, готский историк Иордан, завершивший свой труд около 551 г., отмечал притягательность этого ромейского христианского города как торгового транзитного центра, чему не мешала, но, видимо, отчасти даже помогала близость еще не крещенных кочевых гуннских, булгарских племен, разместившихся после развала державы Атиллы в Таврике и на севере от нее²⁷.

Тот же мир инородцев, но уже крещенных в своей массе, почти в то же время обрисовал в «Войне с персами» (I.12.7) и в «Войне с готами» (VIII. 5. 23, 27, 28) Прокопий Кесарийский, в общих чертах воссоздав ситуацию вокруг византийского Херсона и в занятой

²⁶ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. — Пг., 1916. — С. 51–61, 86–87 (особенно с. 57, 86); ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. — Вып. I. Повесть временных лет. — Л., 1926. — Стлб. 50–51; ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. — Л., 1989. — С. 24–25; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3. — С. 76; Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 3: Политическая мысль в России X — первой половины XIX в. — М., 1997. — С. 23–26; ср.: Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарий. Д.С. Лихачева. — М.; Л., 1950. — С. 117–118, 318–319; Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. — М., 1988; Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. — Thessaloniki, 1994; Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // ВВ. — 1995. — Т. 56 (81). — С. 68–91; 1997. — Т. 57 (82). — С. 58–87. Тексты договоров представляют собой документы, включенные Нестором в свою летопись в первое десятилетие XII в. Судя по всему, они существовали в двух экземплярах — хартиях, один из которых был подписан в Константинополе византийской стороной (на нем стоял крест), а другой — русской («послы ваши и госте ваши»).

²⁷ Iordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen // MGH. Auctorum antiquissimorum. — Hannoverae; Lipsiae, 1882. — Т. 5. — Pt. 1. — P. 63; Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скрипчинской. — М., 1960. — С. 72, § 37.

ромейскими союзниками – крымскими готами «стране Дори» в конце V – первой половине VI вв.²⁸. Именно благодаря прославлению строительной деятельности Юстиниана I в трактате – энкомии, написанном, как теперь удалось установить не в 554 г., а не ранее 559/560 гг., у многих современных исследователей сложилось представление о том, что строительство не только оборонительных стен и большинства христианских храмов Херсона, но и горных крепостей на подступах к городу в Юго-Западном Крыму, произошло уже в первой половине правления этого прославленного императора²⁹.

Между тем, протиктор Менандр, писавший при Тиверии Маврикий (582–602), у которого пользовался уважением, недвусмысленно указал на роль Херсона как центра, через который шла связь с Тюркским каганатом, – связь, испытывшую на протяжении 24 лет, с 558 до 582 г., амплитуду колебаний от дипломатических переговоров до вооруженной конфронтации, но в дальнейшем завершившуюся миром, который заложил основы последующих длительных отношений тюрко-хазар с ромеями³⁰.

Одно из первых свидетельств о свержении василевса Юстиниана II и ссылке его в Херсон, борьбе экс-императора за возврат трона донесла шестая, последняя книга «Истории лангобардов» Павла Диакона (725/730–799) – крупнейшего писателя и историка раннесредневекового Запада, отличавшегося вниманием к византийским делам³¹. Свое главное произведение он создал между 788 и 799 гг. Примерно в то же самое время, но с гораздо более ясными и точными деталями об этих событиях сообщил в первой части своей «Краткой истории»

²⁹ Procopii Caesariensis opera omnia / Rec. J. Hauriy, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive De aedificiis; Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 203–298; ср.: Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. – London; Berkley; Los Angeles, 1985. – P. 112, 225; Whitby L. M. Justinian's Bridge Over the Sangarius and the Date of Procopius' De Aedificiis // Journal of Hellenic Studies. – 1985. – Vol. 105. – P. 145–147; Scott R. Justinian's Coinage and Eastern Reforms and the Date of the Secret History // BMGS. – 1987. – Vol. 11. – P. 215–221; Торбатов С.Б. «Скифские аномалии» Прокопия Кесарийского и вопрос о времени составления его трактата «О постройках» // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – С. 52–55.

³⁰ Ex historia Menandri protectoris excerpta // Dexippi, Eunapii, Petri, Prisci, Malchi, Menandri historiarum quae supersunt. – Bonnae, 1829. – P. 279–444; Historici graeci minoris / Ed. L. Dindorfius. – Vol. 2: Menander Protector et Agathias. – Lipsiae, 1870. – P. 1–131 (p. 89–90, 125); Menandros // Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. – Berolini, 1903. – P. 170–221, 442–477; Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой (отрывок 1–77) // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с греч. С. Дестуниса. – СПб., 1860. – С. 313–470 (с. 417, фр. 45; с. 462, фр. 66).

³¹ Pauli Diaconi Historia langobardorum // MGH. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum saeculi VI–IX / Ed. L. Bethmann, G. Waitz. – Berolini, 1978. – P. 12–187 (особенно VI. 31–32).

будущий Константинопольский патриарх Никифор, который заимствовал их из некоего анонимного большого сочинения или компендиума³². Судя по некоторым, иногда почти дословным совпадениям, этим же источником или источниками (утраченным трудом Траяна Патрикия, «Великим хронографом», созданным не ранее середины VIII в., одной или двумя константинопольскими городскими хрониками), очевидно, пользовался и Феофан Исповедник, монах Сигрианского монастыря, получивший некие «материалы» (*arphormai*), «досье» от своего умершего друга, историка Георгия Синкелла, и писавший в период после 810 г. и до ссылки на о. Самофракию в 817 г.³³. Взаимно дополняя друг друга, эти два исторических сочинения, сохранившие ценные эпизоды политической истории Херсона, позволяют не только детально восстановить картину событий 695–711 гг., но и дать оценку византийско-хазарских отношений в Таврике, сотрудничеству обеих сил в политико-экономической сфере и полному несовпадению в плоскости религиозных контактов, доходившему до ритуальных убийств заложников – ромеев хазарами. Надо лишь учесть, что оба автора писали намного позже конца VII – начала VIII вв. и, хотя

³² «Краткая история» сохранилась в двух рукописях – неполной, Лондонской (*cod. Londinensis*. Add. 19390, f. 24r – 55r), доведенной до 713 г., и Ватиканской (*cod. Vaticanus graecus* 977, f. 185r – 209r), которая оканчивается 769 г. Обе рукописи разнятся только незначительными деталями и стилистическими особенностями, возможно, являясь авторскими версиями. См.: *Patriarche Nicephore Istoria syntomos* // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica* / Ed. C. de Boor. *Accedit Ignatii Diaconi vita Nicephori*. – Lipsiae, 1880. – P. 1–77 (о событиях 695–712 гг. – p. 38–47); *Nicephors, Patriarch of Constantinople. Short History* / Text, translation and commen. by C. Mango. – Washington, D.C., 1990 (*Dumbarton Oaks Text*. 10); Никифора, патриарха Константинопольского, Краткая история со времени после царствования Маврикия: Пер. Е.Э. Липшиц // ВВ. – 1950. – Т. 3 (28). – С. 85–105, 349–387; Патриарх Никифор (ок. 758–829). «Бревиарий» // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. – М., 1980. – С. 145–184. О проблемах датировки и источников «Краткой истории»: Каждан А. П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 277–279.

³³ Древнейшими из 18 сохранившихся рукописей «Хронографии» Феофана являются две рукописи X в. (*cod. Parisinus gr.* 1710 и *cod. Vaticanus gr.* 155), которые помещены в основу издания Карла де Боора. См.: *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Vol. 1. *Textum graecum continens*. – Lipsiae, 1883. – P. 369–380; Vol. 2. *Theophanis vitas. Anastasii bibliothecarii historiam tripartitam, dissertationem de codicibus operis Theophanei, indices continens*. – Lipsiae, 1885 (во втором томе помещен латинский перевод Феофана, сделанный папским библиотекарем Анастасием в 873–875 гг.); *The Chronicle of Theophanes. An English Translation of Anni Mundi 6095–6305 (A.D. 602–813), With Introduction And Notes by H. Turtledove*. – Philadelphia, 1982; *Theophanes Chronographia. A Chronicle of Eighth Century Byzantium* / Transl. by A. R. Santoro (Sources of Isaurian History. 1). Greek, Roman and Byzantine Studies Conference. – Gorham; Maine, 1982; Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта: Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, с предисл. О. М. Бодянского. – М.,

сохранили относительную точность в передаче деталей, не сумели донести глубинную суть происходивших тогда событий, их характер, истинную расстановку противоборствующих политических сил. Этим же грешат повторившие их позднейшие византийские историки³⁴. Поэтому они нуждаются в особенно тщательной источниковедческой критике, впрочем, как и другое историческое сочинение, известное как Продолжатель Феофана (*Oi meta Theophanen*), первые пять книг которого были составлены при дворе Константина VII Багрянородного (945–959) в кружке ученых секретарей всилевса³⁵.

Для истории раннесредневекового Херсона в нем особый интерес представляет 28 глава второго раздела, посвященного «исторической биографии» императора Феофила (829–842), при котором состоялось кардинальное преобразование административно-политического статуса Таврики, связанное с созданием новой византийской стратегии на здешних землях³⁶. Предшествующий статус города, датировка события, его связь с дальней экспедицией византийцев на Дон и строительством для хагана хазар кирпичной, а значит, «царской» крепости Саркел остались, однако, не до конца проясненными и требующими тщательного анализа.

1884; Феофан Исповедник (ок. 760–818). «Хронография» // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. — М., 1980. — С. 17–144; см.: Преображенский П. Г. Летописное повествование св. Феофана Исповедника: Исследование из области византийской историографии. — Вена, 1912; Успенский К. Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его Хронография // ВВ. — 1950. — Т. 3 (28). — С. 393–438; ВВ. 1951. — Т. 4 (29). — С. 211–262; Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV — начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1981 год. — М., 1983. — С. 5 — 146; Любарский Я. Н. Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» (К вопросу о методах их освоения) // ВВ. — 1984. — Т. 45. — с. 72–86; Каждан А. П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). — С. 280–283; Kazdan A. Theophanes the Confessor // The Oxford Dictionary of Byzantium. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 3. — P. 2063 (там же литература по персоналии).

³⁴ Georgius Cedrenus Synopsis historiarum. — Bonnae, 1838. — Vol. 1. — P. 776–784; Ioannis Zonara Epitome historiarum. — Lipsiae, 1852. — Vol. 3. — P. 323–329; Constantin Manassis Breviarium // Constantin Manassis, Ioel, Grigorijs Akropolita. — Bonnae, 1838. — P. 167, 169–176.

³⁵ См.: Kazdan A. Theophanes Continuatus // The Oxford Dictionary of Byzantium. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 3. — P. 2061–2062.

³⁶ Theophanes continuatus Chronographia Christi amantis ac Porphyrogeneti domini Constantini, sapientissimi domini Leonis imperatoris filii, iussu conscripta // Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus / Rec. I. Bekker. — Bonnae, 1838. — P. 122–124; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я. Н. Любарского. — М., 1992. — С. 56–57, 202–265; Ljubarski J. N. Theophanes Continuatus und Genesis // BS. — 1987. — Т. 48. — F. 1. — S. 12–27.

К этому же кругу источников примыкает трактат Константина Багрянородного «О фемах» (около 933–934 гг.), особенно отмеченный архаически-классификаторскими чертами, насыщенный как новой, так и устаревшей информацией по «административной географии» Империи и в своей последней, оставшейся незаконченной, части сообщаящий о положении Херсона едва ли не с I в. до н.э.³⁷ На основании более древних памятников здесь рассматривается происхождение этого византийского административно-территориального округа, который впервые четко и ясно назван фемой, 12-ой по счету в Европе, а сам Херсон — главным городом, столицей здешних областей — климата. Надо учесть во многом исторический фон сочинения, далекий от объективных деловых документов, насыщенный урбанистическими данными, почерпнутыми гораздо больше из сочинений позднеантичных авторов I–VI вв., нежели из реалий 930-х гг., когда в тиши императорских библиотек фактически находившийся не у дел молодой, снедаемый неудовлетворенным честолюбием василевс ромеев трудился над сочинением вместе со своими секретарями, а его соправитель и тесть, Роман Лакапин, видимо, снисходительно поглядывал на литературные, а потому безобидные увлечения зятя, скорее ученого, нежели царя.

Труд этот составляет часть «императорских» или «политических» компиляций, по выражению П. Лемерля, куда вошло еще одно сочинение Константина Багрянородного, известное под названием *De administrando imperio* (Об управлении империей), присвоенным ему современными историками³⁸. Оно было подготовлено в середине X в.

³⁷ Constantini Porphyrogenetos. *De provinciis regni byzantini. Liber secundus, Europa* / Ed. Th. Tafel. — Tübingen, 1847. — P. 9–10; Constantino Porfirogenito. *De thematibus I–II* / Introduzione, testo critico, comm. a cura di Adolfo Pertusi (Studi e Testi. 160). — Città del Vaticano, Roma, 1952. — P. 98–99; Константин Багрянородный. *О фемах* // Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (*De thematibus*) и «О народах» (*De administrando imperio*) с предисловием Г. Ласкина. — М., 1899. — С. 19–63; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // ИГАИМК. — 1934. — Вып. 91. — С. 45–46; Ostrogorsky G. *Sur la date de la composition du Livre des themes et sur l'epoque de la constitution des premiers themes d'Asie Mineure* // *Byzantion*. — 1954. — Т. 23. — Fasc. 1. — P. 31–66; Любарский Я.Н. Михаил Пселл: Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. — М., 1978. — С. 128; Kazdan A. *De Thematibus* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 1. — P. 614–615.

³⁸ Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio. Vol. 1. Greek text* / Ed. by Gy. Moravcsik. English transl. by R. J. H. Jenkins. — Budapest, 1949; Vol. 2. Commentary by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis e.a. — London, 1962; Constantin Porfirogenitul. *Carte de invatatura pentru fiul sau Romanos* / Trad. de V. Grecu. — Bucuresti, 1971; Константин Багрянородный. *Об управлении империей* / Текст, пер., коммент. Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — М., 1989; Bury J. *The Treatise «De administrando imperio»* // *BZ*. — 1906. — Bd. 15. — P. 517–577; Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture a Byzance des origines au Xe siecle*. — Paris, 1971. — P. 274–280; Kazdan A. *De Administrando Imperio* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 1. — P. 593.

(между 848 и 952 гг.) специалистами по вопросам, которые являлись предметом обсуждения, и имело вид наставления или завета сыну василевса, юному Роману II, для его образования в важнейшей сфере — сфере «делания мира», дипломатии³⁹. В нем перечислены все народы Империи и некоторые жившие на ее и сопредельных территориях варвары, а также изложены основные правила политики по отношению к ним. Для истории Херсона IX — первой половины X вв. особый интерес представляет глава 42, содержащая исторический и географический экскурс территорий от Фессалоники, через Северное Причерноморье к восточному побережью Кавказа. Она написана в форме путевых заметок, итинерария и, вероятно, основана на топографическом докладе посла императора, в который были вставлены очень близкие к Продолжателю Феофана материалы об обстоятельствах создания новой фемы в Таврике в правление Феофила (829–841)⁴⁰. Заключительный раздел трактата, повествующий о внутренних делах, завершается главой 53 об особенностях фемы Херсон, для описания предистории которой были использованы выборки из сочинений херсонесских хронистов, а точнее, патриографов позднеантичного времени, отразившие не совсем понятные, а потому путанные для современников Константина Багрянородного полугегендарные события I в. до н.э. и конца III — начала IV вв. н.э.⁴¹. Очевидно, с точки зрения главного редактора, они нужны были для подчеркивания исторической традиции, изображающей город, несмотря на его древние полисные обычаи, власть, как форпост, верный Римской империи. Со свойственным ему интересом к прошлому, к свидетельствам древних рукописей, Константин Багрянородный уделил немного внимания истории современного ему Херсона, остановившись лишь на особенностях положения города в период примерно с 30-х гг. IX в. до середины X в. При этом меры против его возможного непослушания, которыми, как второстепенным, завершается и глава, и трактат, логично вытекали из особого геополитического и экономического положения Херсона после изменения отношений с хазара-

³⁹ Бибилов М. В. Историческая литература Византии. — СПб. 1998. — С. 96.

⁴⁰ Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Vol. 1. Greek text / Ed. by Gy. Moravcsik. English transl. by R. J. H. Jenkins. — Budapest, 1949. — P. 182–184.

⁴¹ Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. — P. 258–287; Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. — М., 1967. — С. 204–208. Жильбер Дагрон следующим образом конкретизирует это наблюдение о 53 главе трактата: «Она представляет... жанр городских *Patria*, которые оперируют извращенной устной традицией, плохо прочтенными надписями, ложными толкованиями монументов и топонимов, пытаясь связать воедино клочки разорванного прошлого. В отличие от агнографов они не стремятся привязать историю города к истории церкви, православия и Империи, но наоборот выделяют город и его культуру как самостоятельную ценность независимо от религиозной или государственной системы» (Dagron G. *Crimee ambigue* (IVe – Xe siecles) // МАИЭТ. — 2000 — Вып. 7. — P. 290–291, 295–297).

ми в Таврике и создания здесь византийского военно-административного округа. Они были сравнительно новыми, еще не устоявшимися, и только поэтому требовали особой оговоренности.

На фоне византийских штудий несколько особо стоят примыкающее по времени создания к трудам Константина Багрянородного два произведения крупнейшего историка, географа и писателя раннего арабского средневековья, ал-Масуди (ок. 896–956), которые донесли краткое, мимоходное упоминание о городе, с определенной долей вероятности интерпретируемом как Херсон. Одно из них известно под названием Мурудж аз-захаб («Золотые копи и россыпи самоцветов») и было составлено около 943–944 гг., а другое – Китабат танбих-валь ашраф («Книга указания и наблюдения») появилось на несколько лет позже⁴². И в том и другом сочинении содержится почти идентичная не только по смыслу, но и по звучанию строка, в которой говорится, что рядом с морем Маиотас (Майотус), называемом также Хазарским морем, находится «румский (византийский) город по имени Харсана (в рукописи – Масия), который удерживает приходящие этим морем» суда русов⁴³. Подразумевать под ним иной центр, к примеру, южночерноморский Иерон около входа в Босфорский пролив, возможно, но остается вероятность и предложения А. Я. Гаркави усматривать здесь указание на крымский Херсон, тоже стявший на берегу моря Маиотас⁴⁴. Правда, остается не понятным, что подразумевал под «удержанием» ал-Масуди – стремление выгодно торговать или грозить военными санкциями. Последнее маловероятно, ибо Херсон был скорее наблюдательным, таможенным пунктом Империи, ее стратегическим форпостом на севере, но в целом арабский источник не входит в противоречие с тем, что известно о русско-византийских отношениях из текстов летописей, договоров и из агиографии. Очевидно, он донес не совсем правильно понятую мусульманским автором информацию византийского происхождения.

Специфическим видом нарративных источников следует считать ро мейские Жития, которые были одним из ведущих жанров ранне-

⁴² Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда. – Казань, 1877. – Т. 2. – С. 243–244; ср.: Миккульский Д. В. Арабский Геродот. – М., 1998.

⁴³ Гаркави А. Я. Дополнение к сочинению «Сказание мусульманских писателей о славянах и русских». – СПб., 1871. – С. 18, 31–32; Протоколы заседаний съезда // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. – СПб., 1881. – Вып. 2. – С. 27.

⁴⁴ Гаркави А. Я. Дополнение... – С. 19–20; Гаркави А. Я. Крымский полуостров... – С. 243–244; Могаричев Ю. М. Забытый источник по истории средневекового Херсона // ANAXAPCIC. Памяти Ю. Г. Виноградова (X. сб. – Вып. 11). – Севастополь, 2001. – С. 129–131; ср.: Нефедова Н. К. Куда ездили древние русы – в Андалузию или Анатолию? // Советское востоковедение. – 1958. – №4. – С. 114; Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. – М., 1961. – С. 24–25.

Рис. 15. Хр.М. Лопарев

средневековой эпохи. Хрисанф Мефодиевич Лопарев (1863–1918) (рис. 15), крупнейший отечественный агиолог – византист, считал их тесно связанными с церковно-политическими течениями своего времени и подчеркивал, что они появляются в период обострения церковных противоречий, то есть «война дает своих героев»⁴⁵. С другой стороны, утверждение определенных течений христианства требовало активизации проповеднической, воспитательной, обучающей и просветительской деятельности официальной Церкви, чтобы наставить паству и утвердить среди народа соответствующие приоритетные, государственные символы веры, догматы. Чаше всего Жития входили в состав синаксарных книг и использовались после богослужбных

собраний монахов для благочестивого чтения, пения псалмов и молитв, когда читались Жития святых соответствующего дня церковного календаря⁴⁶. Наряду с «условной конкретностью», подачей обобщенных образов, привычных агиографу и его современникам, составители сообщали отдельные реальные, подчас скрупулезные подробности, приводили уникальные топонимические и топографические сведения, описания бытового порядка и в то же время не были чужды некоему косвенному, глубинному историзму или следованию определенной, актуальной на тот момент державной идеи⁴⁷. Доказательство этому видится в том, что византийская историческая литература не гнушалась заимствованием сведений из материалов Житий, которые порой отличались высокой точностью, детальностью описаний происшедшего. «Легенда это не история, – отмечал известный украинский писатель, доктор словесности Иван Яковлевич Франко (1856–1916) (рис. 16) во вступительном слове к своему фундаментальному агиологическому исследованию. – Но тем не менее не парадокс, ког-

⁴⁵ Лопарев Хр. Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ – 1911. – Т. 17 – Вып. 1-2. – С. 42.

⁴⁶ Барсов Н.И. Синаксис // Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 572.

⁴⁷ См.: Kazdan A., Talbot A.-M. Hagiography // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 897–899; Бибииков М.В. Историческая литература Византии. – С. 121–127; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 37–39.

да один из новейших ученых говорит, что не одна легенда содержит в себе больше правды, чем не одна история [, какой мы ее представляем — С.С.]. Все дело в том, чтобы уметь добыть правду, как металл из руды. Так же как в металлургии, так и в историографии это дело требует значительных технических средств, разработанной критической методы и большой осторожности, чтобы можно было достиг результатов более-менее ценных для нашего понимания прошлого»⁴⁸. К осторожности в отношении к этому виду нарративных источников призывали и другие исследователи Херсонеса⁴⁹.

Рис. 16. И.Я. Франко

Прежде всего надо корректировать время создания Жития и время жизни фигурирующего в нем подвижника, святого или мученика, учитывая, что реалии, находившие отражение в сочинении, должны в описании больше соответствовать времени составлявшего Житие, нежели времени жизни самого героя Жития. Другой особенностью агиографии является, скорее, трафаретность описываемых случаев, подгонка их к определенной, заранее заданной схеме, в которой их набор должен был присутствовать во что бы то ни стало, даже если для этого приходилось грешить правдой. Наконец, надо учитывать более преувеличение, чем преуменьшение важности событий, крайностей бытия, особенно когда речь шла о бедствиях, о чьем-то плачевном положении. Такое намеренное, подчас гипертрофированное сгущение красок, очевидно, делало Жития еще более привлекательными для простолюдинов, поэтому поправка на законы жанра и социальную психологию обязательно должна быть принята во внимание при источниковедческой критике этой разновидности письменных памятников.

Нет сомнений, что именно на таких «каноничных реалиях» построен рассказ о празднике Св. Климента в Херсоне и о крестных ходах за город, к месту смерти мученика и его гробнице (агса). Он

⁴⁸ Франко І. Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди // Записки наукового товариства імені Шевченка. — Львів, 1902. — Т. 46. — Кн. 2. — Ч. 1-3. — С. 1 (Перезид. см.: Франко І. Святий Климент у Корсуні // Франко І. Я. Повне зібрання творів в 50 т. — К., 1981. — Т. 34. — С. 7-347).

⁴⁹ См.: Піоро І.С. Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. — 1997. — №2. — С. 123-128.

был включен в § 52 благочестивого латиноязычного сочинения «*De situ Terrae Sanctae*» – нарративного итинерария для паломников, написанного диаконом (или архидиаконом) Феодосием, скорее всего, в первой трети VI в., хотя сам раздел мог быть более поздней интерполяцией в списки рукописей VIII–IX вв.⁵⁰ Во всяком случае, он уже присутствует в *Codex Guelferbytanus* (в Вольффенбюттель, Weissenburg 99) VIII столетия, самом раннем из известных списков.

Херсон имел и собственных агиографов, на что убедительно указывают Жития семи мучеников (свв. епископов) Херсонских, облеченные в форму поучительного слова к «честным братьям» (*timioi adelphoi*), составитель которого, местный клирик, отразил не только туманные легендарные предания IV столетия, связанные с началом христианизации города, присылкой миссионеров, епископов сначала якобы из Иерусалима, а затем из Константинополя, но и привел некоторые яркие топографические детали, вошедшие в греческую и старославянскую редакции сказания (расположение двух основных городских ворот по отношению к соответствующим, западным и юго-восточным частям загородного некрополя, точные, зримые ориентиры восточной части города, их названия – урбанизмы и агоронимы), которые, по единодушному признанию исследователей, могли быть известны только херсониту и почерпнуты из современного ему облика городища⁵¹.

⁵⁰ Феодосий. О местоположении Святой Земли / Изд. и пер. И. Помяловского // Православный Палестинский сборник. – СПб., 1891. – Вып. 28. – С. I–IV, 1 149; ср.: Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. – 2000. – Т. 59 (84). – С. 118; Jastrzebowska E. Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeologica // Studi su Clemente Romano. – Roma, 2003. – P. 127. Учитывая возможность поздней вставки, следует с осторожностью подойти к предложению называть Херсон VI в. в качестве транзитного пункта при следовании из Северного Причерноморья в Иерусалим (ср.: Сиротенко В.Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского гос. ун-та. – 1964. – № 117. – С. 101).

⁵¹ Херсонские святители. Страдания священномучеников Херсонских, епископов Василевса, Капитона и других. Список на греч. яз., хранящийся в Синодальной библиотеке в Москве: Пер. на рус. протиерей С. Серафимов // ЗООИД. – 1868. – Т. 7. – С. 120–131; Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. – Серия VIII по ист. – филол. отд. – 1906. – Т. 8. – № 3. – С. 1–81; Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними: Пер. с греч. В.В. Латышева // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 108–112; Жития святых Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона в Супрасльской рукописи // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 158–161; Жития святых Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона в Новом русском переводе // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. –

Они совпадают с результатами археологических раскопок, что подтверждает историчность фактов, которые пытались полностью отвергнуть некоторые историки, в частности, И.Я. Франко, отнесший Жития к середине V в., к событиям сразу после Халкидонского синода 451 г., когда Херсонесская церковь якобы боролась за автокефалию с Константинопольским патриархатом, отчего появилась легенда о предшествующих иерусалимских миссиях, оказавшихся бесплодными, не приведших к организации Херсонесской кафедры, а епископ Капитон был сделан главным героем – столичным посланцем, и даже день его памяти отделили от 6 марта – дня памяти первых епископов Херсона и перенесли на 22 декабря⁵².

Схожую датировку, построенную на противоречивых, надуманных заключениях и искусственно согласуемых с гипотезой фактах ныне предагают В.Ю. Юрочкин и А.В. Джанов, действующие по принципу воскрешения некоторых забытых старых положений, которые подаются как новые выводы. Отсюда происходит увязка херсонесских раннехристианских расписных склепов V в. с местами погребений «иерусалимских» миссионеров, появляется мифическая «целая группа ближневосточных христиан: священников, зодчих и художников», которая стремится в первой половине V в. увековечить в культовых постройках «память о иерусалимском начале церк-

С. 161–166; Страдания святых священномучеников Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Агафодора, Еферия и Капитона в Херсоне в различное время епископствовавших. Из Миней-Четей // Макарий (Булгаков). История русской церкви. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 325–329; Житие святых епископов Херсонских в грузинской минее. I Вступ. ст. В.В. Латышева. II. Пер. грузин. текста протоиерея К. Кекелидзе // ИАК. – 1913. – Вып. 49. – С. 75–88; Halkin F. La passion des sept eveques de Cherson (Crimee) // АВ. – 1984. – Т. 102. – Р. 253–261. Во вступительном слове в Житии древнейшей редакции сохранились доказательства херсонского происхождения источника: «и сии херсоньский град», «Христос Бог наш остави нам стыхъ мученикъ и архиепископъ житие». Этот первоначальный греческий вариант «Житий», позднее переведенный на грузинский и старославянский языки, представлял собой поучение духовного лица, скорее всего, обращенное к монашествующим, поскольку автор называет своих слушателей «честные братья» (Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты. – С. 12–13). Наиболее ранний список рукописи относится к X в. (Латышев В.В. Заметки к агиологическим текстам // Известия Отдела русского языка и словесности АН. – СПб., 1908. – Т. 13. – Кн. 3. – С. 6–17).

⁵² Франко І. Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1903. – Т. 56. – Кн. 6. – Ч. 8. – С. 145–165 (особенно с. 164); ср. критические возражения: Шестаков С.П. Очерки... – С. 19–24; Спиридонов Д.С. Д-р И. Франко. Святый Климент у Корсуні. 1902 – 1905 Львов (Критико-библиографическая заметка) // ИТУАК. – 1914. – № 51. – С. 269; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. – 1921. – Т. 1. – С. 6; подр. см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 168–208; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 53–54, 90–92 (там же литература вопроса).

ви Херсонеса», иерусалимский епископ Ювеналий склоняет к поддержке независимых от Константинополя и едва ли ему полезных в споре с антиохийским епископом малоавторитетных херсонесских иерархов, а первые легендарные мученики-епископы без обиняков называются выходцами из «стран Геллеспонтских», хотя, если уж следовать букве Жития, они попали в эти самые *ta tou Ellespontou* теге в качестве посланников со стороны⁵³.

Между тем, уточнить дату написания самой ранней редакции этих Житий позволяет время постройки напротив Западных (Красивых или Святых – «Иера», как значится в старославянском варианте источника) ворот города, рядом с оконечностью главной продольной улицы известного купольного тетраконхального культового сооружения (по счету имп. Археологической комиссии – №47).

Дело в том, что без одного не было бы другого. Если исходить из заключения об увязке строительства этого купольного здания, явного мартирия, с канонизацией первых епископов города и с преданием о чуде, совершенном в печи для обжига извести одним из них – Капитоном в IV в.⁵⁴, тогда понятно, что строители руководствовались данными о полуреальных – полULEГЕНДАРНЫХ событиях, собранными безвестным агиографом, не понаслышке знавшем город, расположение и название его ворот, храмов, площадей, памятных мест, кладбищ. Выделение купола – символа Небес, редкого в строительной практике херсонских ремесленников – икодомов, стало прочно закрепляться в византийской архитектуре после создания Св. Софии в 537 г., и вполне логично, что это обстоятельство тоже должно было подчеркнуть особую роль тетраконха с дверями во всех апсидах, то есть с подходами со всех сторон, как того требовала ранневизантийская практика богослужебных процессов (станциональной литургии)⁵⁵.

Упоминание в греческом тексте Житий географического обозначения – «областей Туркии» (*tois meresi tes Tourkias*), производного от этнонима «турки» (*tourkoi*), позволило В.В. Латышеву вполне справедливо заметить, что агиографический источник не мог быть составлен раньше конца VI–VII в., а точнее – периода, предшествующего или совпавшего с появлением войск Турксанфа в Таврике.

⁵³ Юрочкин В. Ю., Джанов А. В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 53–56; ср. возражения: Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 417.

⁵⁴ Гриневич К. Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе. Статьи для Херсонесского сборника, вып. V. 1957 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1035. – Л. 129–134; Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. – №1. – С. 155–169; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003. – С. 198–202.

⁵⁵ Ср.: Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой. – СПб., 2000. – С. 39, 44–45.

на Боспоре в 575/576 г.⁵⁶. В последнее время появились возражения по поводу возможности считать этноним «турки» «хронологическим репером» ввиду того, что в ранее средневековые он применялся достаточно расплывчато, приблизительно по отношению ко всем восточным варварам, в том числе хазарам, венграм. Однако сами же авторы замечания вынуждены исходить из того, что Жития семи мучеников Херсонских сложились рано, в V–VI вв., и значит, упоминаемые в них «области Турции» с куда большим основанием могли касаться Тюркского каганата, вошедшего в плотное соприкосновение с Таврикой к началу 70-х гг. VI в., нежели хазар, венгров, мадьяр, угров из редакций источников IX–X вв. и более позднего времени⁵⁷.

Данные раскопок четырехапсидного мартирия, полученные в 1977–1979 гг. О.И. Домбровским и В.А. Кутайсовым, подтверждают, что он был сооружен над остатками легендарной известеобжигательной печи не ранее VI в. и не позже середины VII в.⁵⁸. Более того, сопоставление циклов бытования керамики из нивелировочного слоя – субструкции под полом здания (слои 4–6) позволило А.В. Сазанову прийти к убедительному выводу о том, что это произошло между 550–570/580 гг., причем в комплексе материалов отсутствуют характерные формы керамики, появившейся в 80-х гг.

⁵⁶ Латышев В.В. Жития свв. епископов Херсонских. – С. 15–16, 44; Латышев В.В. Заметки к агиологическим текстам. – С. 16–17; ср.: Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 386; Диатропов П.Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – М., 1988. – С. 11; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 134. Ко времени «не ранее VI в.» относит херсонесские Жития и Жильбер Дагрон (Dagron G. Crimée ambigue. – С. 290, 295).

⁵⁷ См.: Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 84; Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Указ. соч. – С. 50–51, 59.

⁵⁸ Завадская И.А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 339–340; Завадская И.А. Хронология памятников... – С. 83; Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 271–272; ср.: Кутайсов В., Юрочкин В. Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Византия и Крым. Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 55 (о датировке печи); Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. – Познань, 2004. – С. 51.

⁵⁹ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 67; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс.... докт. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 20, 35, табл. 11; Сазанов А.В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 202–210. Это заключение подтверждается исследованием фрагментов краснолаковых блюд со штампами в виде пальметт, птиц, креста с подвесками, извлеченных из субструкции под северной апсидой храма, и стеклянных находок из того же комплекса (Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища //

VI – начале VII в.⁵⁹. Значит, теофаническая постройка, посвященная чуду, совершенному Капитоном, имеет в качестве *terminus post quem* поп третью четверть VI в., – самую нижнюю вероятную исходную дату написания Житий, а в качестве *terminus a quo* – конец VI в., когда меморий несомненно уже существовал.

Но эта дата одновременно является рубежной и для Житий, которые столь же несомненно уже были созданы к этому времени, вероятно, в связи с необходимостью канонизации первых херсонесских епископов.

Именно в предшествующие 30 лет, скорее всего, в начале – середине 570-х гг., анонимный автор – херсонит составил Жития, ставшие хорошо известными остальным горожанам, которые, исходя из их текста и местных памятных ориентиров (следов упоминаемых в Житии известеобжигательных печей), немедленно отыскивали соответствующую необходимую для привязки строительства «вторичную реликвию» (объект, соотносимый с мощами).

Другими словами, сам факт записи местных церковных преданий, так сказать, их «издание», мог подтолкнуть благочестивых херсонитов и их имперские власти, духовные и светские, к поиску ориентиров, соответствовавших содержанию текста, и к строительству безалтарного, подчеркнуто теофанического мартирия прежде всего на том месте, с которого, по их представлениям, «все начиналось».

Не исключено, что к этому времени такого же рода постройки были предприняты на месте легендарного погребения первого епископа города св. муч. Василия (Василея) близ западной античной оборонительной стены, где возник поминальный гробничный мартирий (по счету имп. Археологической комиссии – №12, он же – «часовня Г»), ставший позже главной святыней здешнего монастырского комплекса – «дома св. Леонтия», а за городской чертой, против Мертвых ворот, среди «святых могил» (*in tumulos sanctorum*), связанных с памятью о епископах – мучениках города Евгении, Агафодоре и Елпидии, возник комплекс сооружений Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии⁶⁰.

Возведение обновленного храма апостола Петра в виде большой Восточной базилики №36 на месте, издавна именуемом херсонитами Парфенон, скорее всего, состоялось в связи с указанием Житий,

МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 139, №6, рис. 1.7; с. 155, № 63, рис. 4, 7; с. 166, № 126, рис. 7.13; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 109, комплекс 7). Анализ находок из слоев 4–6, проделанный В.Ю. Юрочкиным и А.В. Джановым, тоже позволяет заключить, что, вопреки мнению авторов, пытающихся сдвинуть датировку в сторону V столетия, большая часть обнаруженного, в том числе позднеермские монеты IV в., монета Феодосия II и монета Анастасия I, бытовала на протяжении VI в. (см.: Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. – С. 59–62).

⁶⁰ Подр. см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... – С. 13–28, 172–181.

составитель которых запечатлел все действия присланного в свое время из Константинополя епископа Капитона⁶¹.

Оправдание для этих близких по временистроек херсониты тоже могли искать в только что оформившемся в письменном виде, получившем официальное признание агиографическом предании. Сравнительно недавно укрепившаяся в сознании людей религия нуждалась в разработке первых литургических программ возможных маршрутов шествий и церемоний, связанных с календарем дней памяти святых, почитанием местных мучеников и церковных реликвий, прославляющих величие, всеислие Бога, короче, — в создании собственной обрядной, привязанной к знакомой топографии «героической истории», которая бы потеснила еще живые воспоминания об античных богах и местах их культа⁶². Интриги Иерусалимского престола в V в. и некие гипотетические «оппозиционные» настроения в Херсонесской церкви тут ни при чем⁶³. Столь же невероятно отодвигать составление Житий к периоду иконоборчества или считать, что они отражали одну — иерусалимскую версию принятия христианства херсонитами, поскольку в рассказе о Капитоне фигурируют уже константинопольские корни этого события⁶⁴. Сталкиваясь с конкретным материалом, подобные хитроумные, пространные построения демонстрируют классический пример «умерщвления прекрасной гипотезы мерзким фактом».

Открытие реликвий приблизительно в третьей четверти VI в. могло быть кроме всего прочего рассчитано на поднятие духа горожан после перенесенных природных катаклизмов, — одного или, может быть, нескольких землетрясений, а также в условиях обострившейся опасности со стороны «неверных» — алтайских тюрков и их союзников, гуннов, болгар, смертельная угроза от которых нависла над Таврикой как раз в 570-е гг. Это был обычный повод для того, чтобы молиться о спасении, ждать чуда и вместе с тем прославлять милость Божию⁶⁵. Окончательное избавление от внешней опаснос-

⁶¹ Сорочан С.Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001. — С. 3–6; Сорочан С.Б. О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток — Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2002. — С. 37–38; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... — С. 116–120.

⁶² Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. — К., 1991. — С. 20.

⁶³ Ср.: Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Указ. соч. — С. 55–58.

⁶⁴ См.: Могаричев Ю.М. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // Х. сб. — 2003. — Вып. 12. — С. 288–291; Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // ПИФК. — М.: Магнитогорск, 2003. — Вып. 13. — С. 271 — 273.

⁶⁵ Ср.: Тафт Р.Ф. Указ. соч. — С. 35–36.

ти к 590 г. совпало с порой самого активного гражданского, государственного и церковного строительства не только в Херсоне, но и в Крыму, когда, наряду с прочими святынями и архитектурными культовыми доминантами, мог быть возведен видный мемориальный тетрахонх – единственное на тот момент обширное купольное здание города. Такое объяснение вполне увязывается с действительными, а не вымышленными историческими реалиями и объективным, непредвзятым анализом текста житийного источника и археологических материалов, полученных прежде всего при раскопках храма № 47, которые не допускают возможности отнесения сооружения видного теофанического мартирия, а значит, и составления Житий свв. епископов Херсонских ко времени последней четверти V в. или даже первой половины VI в.⁶⁶

К памятникам агиографического типа относятся три сочинения, содержащие сведения о стойких ортодоксальных борцах против монофелитства, оказавшихся в правление василевса Константа II (641–668) в ссылке в Херсоне и его окрестностях. Речь идет о римском папе Мартине I, обстоятельствах его жизни и смерти в Таврике, последовавшей 16 сентября 655 г., месте погребения. Сведения об этом содержатся в написанных по-гречески, но сохранившихся в латинском переводе «Воспоминаниях о том, что жестоко и без почтения к Богу делали противники истины со святым и апостольским новым исповедником мучеником Мартином Римским папой», которые составил не позже первой половины сентября 655 г. кто-то из сторонников еще живого папы⁶⁷. По мнению В. Пайтца, им мог быть константинопольский монах Феодор, лично знавший Мартина и состоявший с ним в переписке⁶⁸. Не исключено, что он принадлежал к клиру Великой церкви (св. Софии) и имел информаторов в Херсоне⁶⁹. Позже, незадолго до 667 г., этот же автор мог побывать в городе, где виделся с еще одним сосланным сюда в 646 г. антимонофелитом – Феодором, рассказавшим ему о последних днях Мартина, о месте его погребения и показавшем некоторые вещи папы, которые он сохранил как реликвии. После смерти Феодора, последовавшей около 667 г., этот рассказ стал основой для краткого

⁶⁶ Ср.: Юрочкин В. Ю., Джанов А. В. Церковная история... – С. 58, 62.

⁶⁷ Пространная редакция: *Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae...* // Mansi J. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio...* – Florentia, 1764. – Т. 10. – Col. 853–861; краткая редакция: PL. – 1851. – Т. 87. – Col. 111–120; см.: Бородин О. Р. Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» римского папы Мартина I // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 48.

⁶⁸ Peitz W. M. *Martin I und Maximus Confessor: Beiträge zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645–668* // *Historisches Jahrbuch*. – München, 1917. – Bd. 38. – Heft 2–3. – S. 456–457.

⁶⁹ Jaffe Ph. *Regesta pontificum romanorum*. – Berlin, 1851. – P. 163.

мартирия о самом Феодоре и его брате, Евпрепии, умершем на девятый год херсонской ссылки, 26 октября 655 г., на следующий месяц после Мартина, и похороненном рядом с последним, в «святом доме Богородицы Марии Влахернской»⁷⁰.

Мартирий был составлен, вероятно, незадолго перед Вселенским синодом 680 г., реабилитировавшем борцов против монофелитства. Его греческий текст сохранился в виде компилятивной «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина, бывшего папы Рима, а также преподобного Максима и его ученика», написанной по-гречески в конце VII в.⁷¹, тогда как другой вариант, послуживший основой для позднейшего латинского перевода, оказался включен в состав так называемых *Scholion sive Hypomnesticum* («Примечания или Напоминания») и в свою очередь вошел в *Collectanea* («Обобщение») Анастасия библиотекаря (ум. 879 г.)⁷². Кроме описания места погребения папы Мартина, Влахернского монастыря Богородицы Девы Марии и могильного памятника, в документе особого внимания заслуживают сведения об окрестных с Херсоном «*castris gentium ibidem adjacentium*» (*kastrois ton ekeise paraakeimenon ethnon*), находившихся в середине VII в. под ромейской властью⁷³.

⁷⁰ Из текста следует, что пострадавшие за веру братья Евпрепий и Феодор были сыновьями Плутина, очевидно, царского пекаря (*basilikou mankipos* или *imperatorii pistoris* в латинском варианте) при Ираклии (610–641). Во время монофелитских гонений они были схвачены около Авидоса и около 646 г. оказались в ссылке в Херсоне, где их разлучали (*choristhentes, separatis*) и отправляли в соседние «крепости племен». Евпрепий умер в один год с папой Мартином, а Феодор прожил лет 12 дольше, то есть провел в Херсоне и его окрестных кастра в общей сложности около двух десятков лет.

⁷¹ *Istoria syntomos ta kata ton makarion martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton syn auto* // Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – С. 10–16, sec. I–V (по cod. Vaticanus gr. 1671, X в., л. 143–152 об.).

⁷² *Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum* // PL. – 1853. – T. 129. – Col. 681 D – 686 D; PG. – 1861. – T. 90. – Col. 193 C – 202 C; Devreesse R. *Le texte grec de l'Hypomnesticum de Theodore Spoude: le supplice, l'exil et la mort des victimes illustres du Monothelisme* // AB. – 1935. – T. 53. – P. 49–80 (текст: р. 66–80; коммент.: р. 49–66). С. Л. Епифанович без объяснений приписал текст «Ипомнестикума» активному борцу за православие Феодосию Гангрскому, пострадавшему за веру вскоре после папы Мартина, однако текст схолии именует ее автора Феодором, на что обратили внимание позднейшие исследователи (см.: Епифанович С. Л. Материалы... – С. 11, comm. 1; Devreesse R. *Op. cit.* – P. 49–66; Бородин О. Р. Церковно-политическая борьба... – С. 49). Есть основание полагать, что документ был написан в конце 668 или в начале 669 г. Феодором Спудом. Не исключено также, что первоначальные редакции «Воспоминаний» (*Commemoratio*) и «Напоминаний» (*Hypomnesticum*) были написаны одним человеком (Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 35–37). В этом случае им мог быть все тот же Феодор Спуд.

⁷³ См. подробную оценку источника С. П. Шестаковым, впрочем, не лишенную неточностей. К примеру, отец братьев назван Плутимом (в обоих вариантах источника ясно читается *Ploutin* – *Plutin*), а его должность царского манкипа

Упоминание об известной на Западе гробнице (memoria) папы Мартина и о ее «усиленном посещении» на Востоке паломниками содежит-ся также в латинском Житии св. Елигия (ум. в 659/660 г.), епископа Нойона, составленном в третьей четверти VII в. неким Авденом⁷⁴.

В последующей обильной агиографии VIII в. не нашло отражение ничего, связанного с Херсоном, зато период второго этапа иконоборства и последующее за ним время оказались особенно богаты на такого рода памятники. Причем составители их отразили события предыдущего столетия или по крайней мере рубежа VIII–IX вв., в которых фигурировала Таврика и некоторые ее центры. Монахом – иконодолом из столичного Каллистратова монастыря, священником Епифанием, жившим, по его приблизительному указанию, в конце VIII – первой половине IX вв., был написан свод преданий «О житии, деяниях и кончине святого и всехвального первозванного апостола Андрея», в том числе о третьем путешествии апостола к странам и городам Восточного и Северного Понта⁷⁵. Следуя тем же путем, Епифаний тоже «обошел все города и поселения вокруг Понта», посетил Боспор и землю «херсаков», оставив об этом краткие этнографические, исторические и топографические заметки. Принято датировать их составление временем после 815 г. и до 820 г., когда Львом V Армянином было вновь реанимировано иконоборство, однако не скры-

интерпретирована как «главный интендант». Не имеет оснований и надуманное указание на то, что Феодор и Евпрепий были отправляемы в *castris gentium* «... в качестве послов» (Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – Приложение III, с. 120–121).

⁷⁴ Vita Sti Eligii // PL. – 1851. – Т. 87. – Col. 506.

⁷⁵ Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita / Ed. A. Dressel. – Paris; Leipzig, 1843; Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou kai ton praxeon kai telous tou agiou kai paneuphemonou kai protokletou ton apostolon Andreou // PG. – 1864. – Т. 120. – Col. 216–260; Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 213–295. Наряду с епифаниевой версией есть другие, близкие к ней, апокрифические греческие, старославянские и грузинская редакции Деяний (Praxeis) и Жития апостола Андрея (Praxeis kai periodoi tou agiou kai paneuphemonou Apostolou Andreou, egkomio symplegmenai // AB. – 1894. – Т. 13. – Fasc. 3–4. – Р. 311–336, 337–352 (по рукописи XI–XII вв.); Житие святого Андрея Первозванного // Жития святых российской церкви, также иверских и славянских. – СПб., 1856. – Ноябрь. – С. 425; Грузинское «Житие св. Апостола Андрея Первозванного» // Христианское чтение. – 1869. – № 8. – С. 151–180 (пер. с рукописи Давидгарджийского монастыря; время составления неизвестно); см.: Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Время образования этих сказаний. Отдел I. Глава I и II // ЗООИД. – 1897. – Т. 20. – С. 29–148; Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Отдел II. Историческая ценность апокрифических сказаний. Главы III и IV. Отдел III. Краткие известия и позднейшие распространенные сказания об Апостольской миссии в пределах северо-восточного Черноморья; отношения тех и других к аналогичным апокрифическим сказаниям. Глава V и VI. Заключение и дополнение // ЗООИД. – 1897. – Т. 21. – С. 148–150).

ваемое местными властями иконопочитание в Боспоре при одновременной склонности херсонитов к поддержке официального правительственного религиозного курса (с точки зрения Епифания – разброду и шатаниям в вопросах веры), позволяют думать, что такое противоречивое положение могло создаться в правление Никифора I Геника (802–811), Михаила I Рангави (811–813) или Михаила II Травла (820–829), занявших в религиозном вопросе двойственную позицию и не желавших раздувать иконоборские споры⁷⁶.

Видимо, в первой трети IX в. неизвестным автором, скорее всего, в одной из северомалоазийских фем, возможно, в пафлагонской Амастриде, поскольку он пишет о Крымском полуострове как о «той стороне моря», было составлено Житие преп. Иоанна Готского (ок. 720–791/792 г.), отразившее реалии истории Юго-Западной Таврики второй половины VIII в., в которых оказались задействованы и Херсон, и христианская паства Готфии, и ее местные власти, и хазарский хаган⁷⁷. Это сложное переплетение взаимоотношений, политических

⁷⁶ Это мнение совпадает с точкой зрения И. Шевченко, полагавшего, что Житие апостола Андрея «возникло в начале 800-х гг.» (Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1991. – Т. 222: Праці історико-філософської секції. – С. 22). Иную датировку см.: Dvornik F. The Idea of Apostolity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew. – Cambridge (Mass.), 1958. – P. 225; Чичуров И. С. Литература VIII–X вв. // Культура Византии. Вторая пол. VII–XII вв. – М., 1989. – С. 142 (первая половина IX в.); Хазанов А. (Мадисон, США). Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского ун-та в Москве. – 1994. – № 1 (5). – С. 6 («в конце VIII в.»); Виноградов А. Ю. К становлению легенды об Андрее Первозванном – апостоле Понта // Византия и Крым. Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 25 (815–820 гг.); Auzery M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 324–325 (815–843 гг.); Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 345 («после 820 г.», время правления Михаила II); Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – 2002. – Вып. 12. – С. 562, прим. 23 («между 815 и 843 гг.»); Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса. – С. 403 («в 20-30-х гг. IX в.»).

⁷⁷ Самая ранняя рукопись Жития относится к X в. (Cod. Vaticanus graeci 1667, 257 v – 261 r). Издания: Vita Ioannis Gotthiae // Acta Sanctorum. Junii V. – Antverpiae, 1709 (Bruxelles, 1969) – P. 190–194; Vita Ioannis Gotthiae // Acta Sanctorum. Junii VII / Collect., digest., ill. a Johanne Baptista Sollerio, I. Pinio, G. Cupero, P. Boschio. – Parisiis et Romae, 1868. – P. 167–171; Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codici sirmondiano / Ed. Hipp. Delehaye / Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. – Bruxelles, 1902. – Col. 772–774; Haiklin F. Le synaxaire grec de Christ Church a Oxford // AB. – 1948. – Vol. 66 – P. 80–83; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 351–427; Житие преп. отца нашего Иоанна, епископа Готфии / Пер. с греч. А. Никитского // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 25–34; Шапошников А. К. Житие преп. отца нашего Иоанна, епископа Готфии (Тексты, переводы, толкования и комментарии). – Коктебель, 1995. – 60 с.; Житіє єпископа Іоана Готського // Хроніка 2000. – Вип. 33: Крим – крізь тисячоліття. – К., 2000. – С. 259–265; см.: Васи-

и религиозных симпатий и антипатий, донесенное легендой, тенденциозно переработанной иноземным агиографом иконодулом, с трудом поддается источниковедческой критике, интерпретации, в том числе датировке изложенных событий, хотя положение не безнадежно, о чем свидетельствуют последние работы на эту тему⁷⁸.

Во второй половине IX в., очевидно, около 868 г., Михаилом, монахом столичного Студийского монастыря, было написано Житие св. Феодора Студита (759–826), игумена Студия, знаменитого аскета, ярого ортодокса и, в то же время, сторонника идеи независимости Константинопольской церкви от василевса. За отстаивание этих взглядов он несколько раз подвергался репрессиям, тюремному заключению, ссылкам, но до конца своей жизни не прекратил сопротивления правительству⁷⁹. Памятник сохранился в двух версиях, несколько отличающихся друг от друга, причем поздняя из них, – так называемое Большое Житие (Vita A), – появилось ближе к концу IX или началу X в., а может быть, и принадлежало бывшему важному сановнику, студийскому монаху середины X в., писателю Михаилу Дафнапату⁸⁰. Тем не менее, в каждой редакции присутствует рас-

льев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 201; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 89–96; Dvornik F. Les legendes de Constantin et Methode vues de Byzance. – Prague, 1936. – P. 167; Sevckenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. – Birmingham, 1977. – P. 115; Karayannopoulos I., Weiss G. Quellenkunde zur Gwschichte von Byzanz (324–1453). – Weisbaden, 1982. – Hbd. 2. Hpt. 4: Hauptquellen. Allgemein Quellenlage (nach Jahrhunderten geordnet). – S. 325, № 176; Каждан А.П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы. – С. 260.

⁷⁸ Huxley G. On the Vita of John of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1978. – Vol. 19. – № 2. – P. 161–169; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 119–121; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 95–115; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 а 830... – P. 324–331; Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // БИАС – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 328–336; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 47–54; Могаричев Ю.М. Крымская агиография. – С. 266–271; Сорочан С.Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византийско-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – К.: Харьков, М., 2003. – Т. 2. – С. 77–98; Сорочан С.Б. О характере и датировке восстания Иоанна Готского // Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра. Материалы Всеукраинской научно-практической конференции 24–26 апреля 2002 г. – Ялта, 2004. – С. 39–45.

⁷⁹ Kazdan A. Theodore of Stoudites // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2044–2045.

⁸⁰ Vita A (Большое Житие): Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum // PG. – 1869. – Т. 99. – Col. 113–232 (особенно кол. 137); Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки Новороссийского университета. – Одесса, 1914. – Т. 113. – Прилож. – С. 399–411; Латышев В. Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 // ВВ. – 1915 (1914). – Т. 21. – Вып. 3–4. –

сказ агиографа о борьбе Феодора в середине 90-х гг. VIII в. против второго, незаконного брака Константина VI, любопытный указанием на наличие местных властей Готфии и их поведение по этому поводу. Терминологические разногласия в наименовании этих властей не скрывают главное — их не хазарский облик, отсутствие прямой подчиненности хагану хазар и показное, едва ли не раболепно демонстрируемое почтение к василевсу ромеев. Очевидно, речь шла о таком же «игемоне народа (*ethnous egemonian*) климата Таврики», о каком во второй трети IX в. упоминал известный агиограф Игнатий Диакон в Житии патриарха Никифора (ум. 829 г.), когда описывал поставление ему на вид главой Церкви в 806 г. греховного стремления развестись с женой ради етеры — «подруги» и обуздывание нечестивца, не единственного среди прочих подобных, «пером и чернилами»⁸¹.

Ко второй половине и концу IX в. относятся также Жития Иоанна Психаита (ум. ок. 822–823 г.) и Иосифа Сикелиота (Гимнографа) (813/816–883 или 886 гг.). Первое из них было составлено неизвестным монахом Психаитского монастыря, расположенного вне стен Константинополя. Уже издатель Жития, Р. Ван ден Вен, отметил отсутствие свидетельств о том, что автор знал своего героя лично и, скорее всего, писал позже 842 г., когда уже стали забываться деяния святого. По его мнению, рукопись *Monacensis graecus* 366 с текстом Жития «восходит к X в., если даже не к IX в.», то есть самый ранний список относится к концу IX–X вв.⁸². Отсюда проистекают противо-

С. 258–304 (особенно с. 267–268, sec. 18; с. 269, sec. 20); Житие преп. отца нашего Феодора Студита // Избранные жития святых (III–IX вв.). — М., 1992. — С. 350–372; Vita B (Малое Житие): Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori Studii // PG. — 1862. — Т. 99. — Col. 233–328 (особенно col. 252); Житие Феодора Студита // Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греч. яз. — СПб., 1867. — Ч. 1. — С. 3–97; см.: Гроссу Н. Преподобный Феодор Студит. Его время жизнь и творения. — К., 1907 — С. XVI–XVII; Sevcenko I. Hagiology of the Iconoclast Period. — P. 116; Буланин Д.М. Житие Феодора Студита // Словарь книжников и книжности Древней Руси // Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л., 1987. — Вып. 1. — С. 177–179; Каждан А.П. История византийской литературы. — С. 305–306.

⁸¹ Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1880. — P. 137–217 (особенно p. 160); Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии // Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. — Минск, 2001. — С. 3–71 (особенно с. 21, гл. 28).

⁸² La Vie grecques de S. Jean le Psichaitte, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. Van den Ven // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. — Louvain, 1902. — Т. 3. — P. 98; ср.: Лопарев Хр. М. Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ. — (1911) 1913. — Т. 18. — Вып. 1–4. — С. 7–14; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч. 1: Современные жития. — Пг., 1914. — С. 231 сл.; Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. — М., 1917. — С. 242; Sevcenko I. Hagiology... — P. 117; Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 347–348.

речия между разными версиями предания, которые пытался совместить неизвестный составитель.

Он поведал, как вскоре после убийства Льва V, игумен монастыря Богоматери *ton Psicha*, стойкий иконопочитатель Иоанн, попал в Херсон, «лежащий около Воспора» (*epi Chersona ten polin chorei ten parakeimenen te Vospogo*)⁸³. На недобровольность этой поездки указывают слова агиографа о предшествующем заточении святого в тюрьму, хотя тут же говорится об освобождении Иоанна от наказания, получении им свободы (*adeia*), улаживании дел и отъезде святого в Херсон ради «отдохновения» (*eis anapsuxin*). Очевидно, речь шла об указе Михаила II от января 821 г. об амнистии монахов, подвергшихся гонениям при Льве Армянине (под действие этого указа попал и Феодор Студит). После пребывания в Таврике Иоанн, сопровождаемый своим учеником Парфением, с большим трудом смог покинуть эти края, стесненные некими «массами», «толпами» (*ton plethous*), в разной интерпретации источника – поклонников или врагов, и получил возможность вернуться в Романию⁸⁴. Судя по контексту рассказа, это должно было произойти около лета – осени 821 г., незадолго до того, как начавшееся осенью предыдущего года восстание Фомы Славянина, анатолийского турмарха федератов, окончательно отрезало морские пути к столице Империи. Через год – другой после этого, 25 мая, Иоанн умер, найдя убежище в монастыре, но память о его пребывании в Херсоне, общении с тамошними жителями и приходившими «со стороны», «извне» (*thygrathin*) паломниками из числа «народов около Боспора» (*ton parakeimenon ethon te Vospogo*), хвалами которых тяготился скромный подвижник, была сохранена анонимным автором.

Еще позже, примерно в середине правления василевса Феофила (829–842), или в конце 850-х гг., вместе с некоторыми другими опальными «игнатианами», в город в качестве изгнанника на «несколько лет» (*tinas chronous*) попал другой известный адепт иконопочитания – Иосиф Гимнограф (Песнописец), ученик прославленного Григория Декаполита, о чем упоминают агиографы, Иоанн Диакон и младший современник, ученик Иосифа, игумен Феофан, писавший в конце IX в., а может быть, и начале X в.⁸⁵. В синаксарном

⁸³ *La Vie grecques de S. Jean le Psichaites...* – P. 97–125 (особенно p. 118–120, § 8–9).

⁸⁴ Ср.: Лопарев Хр. М. Византийские Жития святых... – С. 13; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 352.

⁸⁵ *Vita Sti Josephi Hymnographi auctore Joanne diacono Constantinopolitani* // PG. – 1864. – Т. 105. – Col. 939–974; *Vita Sti Josephi Hymnographi auctore Theophane* // Papadopoulos-Kerameus A. *Monumenta graeca et latina ad historiam Photii pertinentia*. – Petropoli, 1899. – Т. 2. – P. 1–14; Паладопуло-Керамевс А. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха. – СПб., 1901. – Вып. 2. – С. 1–14, № I; *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano par Hipp. Delehaye* // *Acta Sanctorum Novembris Propylaeum*. – Bruxelles, 1902. – Col. 583; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII

варианте уточняется, что ссыльный был здесь не одинок: «...многие верные были изгнаны в Херсон и нечестивую Армению»⁸⁶. Это упоминание «верных» вместе со словами о «негодном царе» у Иоанна Диакона указывает, скорее, на время активизации иконоборства во второй половине 30-х гг. IX в., но другие обстоятельства не увязываются с таким заключением, острожно высказываемом некоторыми византинистами⁸⁷. В частности, именно пребывание в Херсоне и знакомство с местными, видимо, поздними житийными преданиями о мученичестве римского папы Климента, по легенде, свершившемся в этих краях, подвигло Иосифа на сочинение богослужебного канона св. Клименту. Частое прославление в нем телесных воплощений Христа говорит о том, что канон появился после восстановления иконопочитания в 843 г., но до 861 г., когда в Херсоне при участии Константина Философа состоялось открытие мощей Климента Римского⁸⁸. Следовательно, мы имеем косвенный довод в пользу пребывания Иосифа Сикелиота в Херсоне не ранее конца 850-х гг., куда, несмотря на свой незлобивый, мирный нрав, он попал, если верить его младшему современнику Феофану, по повелению василевса, в результате преследования со стороны дяди Михаила III, кесаря Варды, очевидно, как приверженец «игнатиан».

Скупые, лаконичные упоминания этих источников о ранесредневековом Херсоне не идут в сравнение с такими жемужинами агиографии как Паннонская легенда или Жития Константина – Кирилла и Мефодия, которые принадлежат к числу наиболее ранних произведений, созданных на старославянском языке в Моравии, в конце IX в.⁸⁹ По мнению немецкого переводчика текста, Норберта Рандова,

и IX веков. – Пр., 1914. – С. 224–227; Campbell S.D., Kazdan A.A., Sevchenko N.P. *Joseph the Hymnographer* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 1074; Каждан А. П. История византийской литературы... – С. 349–350. Иосиф Гимнограф остался известен прежде всего как игумен монастыря, основанного им в последней четверти IX в. близ столичного храма Иоанна Златоуста, где была создана школа церковного песнопения, а также мотехия сицилийских монахов и паломников.

⁸⁶ *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae*... – Col. 583.

⁸⁷ Каждан А. П. История византийской литературы... – С. 350.

⁸⁸ *Menaton tou Noembriou*. – Athenai, 1896. – S. 193 – 199; подр. см.: Архиепископ Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. – СПб., 1902. – С. 262; Tomadakes E.J. *Joseph o Gemnographos: bios kai ergon*. – Athenai, 1971.

⁸⁹ Жития Кирилла и Мефодия (факсимиле рукописей). – М., 1986; Франко І. Святий Климент у Корсуні // *Записки наукового товариства ім. Шевченка*. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 3. – С. 223–225 (пер. на укр. яз. гл. 8 Жития Константина); Ястребов Н. В. Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских. – СПб., 1911; Пространные или так называемые Паннонские жития свв. Кирилла и Мефодия // Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Г. Виноградова. Изд. 4-е. – М., 1912. – Вып. 2. – С. 135–182; Жития Константина и Мефодия. I. Житие Константина Философа (по рукописи XV века бывш. Московской Духовной Академии) //

первое из них появилось между 869 и 874 гг. в Паннонии, в период между смертью Константина Философа и изгнанием Мефодия и его учеников из Паннонии, причем сам Мефодий мог участвовать в сочинении текста или руководил его написанием⁹⁰. Впрочем, Игорь Шевченко, высказывая свой взгляд на культурные координаты и источники обоих памятников, полагал, что они основаны отчасти на византийских текстах и были поначалу написаны по-гречески, хотя сохранились благодаря записи «варварским славянским языком»⁹¹. Это мнение подтверждают и строки письма Анастасия библиотекаря к епископу Гаудериху Велитерскому, где упоминается о переводе Жития с греческого на латынь.

Особого внимания заслуживает биография Константина, составленная по инициативе, а возможно, и при содействии Мефодия, архиепископа Паннонии, умершего в 885 г., через 14 лет после своего прославленного брата – величайшего из византийских миссионеров, первоклассного лингвиста и филолога. Обе биографии воссоздают самые разные аспекты византийской жизни IX в., начиная от имперской внешней политики, организации византийских религиозных миссий и кончая модой на соколиную охоту, среди которых для нас необыкновенно важны зарисовки Херсона 860–861 гг. и посещения Константином сопредельных мест, некоего «христианского города» и «народа фульского». При всей их краткости они содержат бесценные детали, которые не в состоянии воскресить лопата археолога, неумоимо, слой за слоем, уже в течении полутора веков вскрывающая территорию городища, по которому ступали ноги «солунских братьев».

Труды Славянской комиссии. Т. 1.: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л., 1930. – С. 1–36; Житие Константина Философа (по рукописи 1469 г.) // Труды Славянской комиссии. Т. 1.: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л., 1930. – С. 39–66; Панонски легенди: Житие на Константин; Житие на Методија. – Скопје, 1969; Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б. Н. Флори. – М., 1981. – С. 70–92, 105–142; Житие Мефодия // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б. Н. Флори. – М., 1981. – С. 93–104, 143–173; Жития Кирилла и Мефодия. – М.; София, 1986. – С. 94–129; Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монастыре Кирилла, учителей славянских // Москва. – М., 1991. – № 5. – С. 143–160; см.: Dvornik Fr. Les legendes de Constantin et de Methode vuei de Byzance. – Prague, 1933. – P. 195–197, 359; Dvornik F. Byzantine Missions Among the Slavs. SS. Constantine-Cyril and Methodius. – Rahway, 1970. – P. 66 s.; Esser A. Wo fand der Hl. Konstantin-Kyryll die Gebeine des Hl. Clemens von Rom? // Cyrillo-Methodiana. – Kuln, 1964. – S. 131 s.; Сулмтал А. Х. Е., Маргаритов М. За Кирил и Методий. – София, 1989.

⁹⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 75; ср.: Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 525.

⁹¹ Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії. – С. 15, прим. 12.

Свидетельства этих ценных памятников существенно дополняют и конкретизируют «Житие вместе с Перенесением (Перемещением) мощей святого Климента» (дословно – *Vita cum Translatione S. Clementis*)⁹². Впрочем, этому латиноязычному сочинению действительно агиографического характера больше соответствует условное название *Legenda Italica*, поскольку ничего от собственно Жития Климента в нем нет⁹³. По сути, это рассказ о всех обстоятельствах открытия мощей близ Херсона и одним из главных виновников их обретения – Константине Философе, поэтому правильнее было бы говорить о памятнике как о «Житии Константина в связи с перенесением мощей св. Климента». Свое содержание (по крайней мере, гл. 2–5) Итальянская легенда черпает из письма Анастасия библиотекаря епископу Гаудериху Велитерскому в начале 70-х гг. IX в. и той *brevis historia* о находке мощей Климента, что была написана по-гречески Константином и переведена Анастасием же в сокращенном виде (*longe ab illius facundiae claritate distante*)⁹⁴. Это было вызвано тем, что Гаудерих поручил священнослужителю Иоанну написать новое, полное Житие св. Климента, для которого Анастасий должен был сделать перевод греческого источника. В Италии к тому времени уже существовали латинские жизнеописания святого, и даже разные (*diversa volumina, rerum gestarum monumentum*), было почитание реликвий, связанных с именем мученика⁹⁵. Поэтому труд Иоанна не представляется случайным.

По мнению И. Я. Франко, третья часть созданного священнослужителем и дошла как *Vita cum Translatione S. Clementis*⁹⁶. Она могла

⁹² Житие и перенесение (мощей) св. Климента в рус. пер., из рукописи Румянцевского музея // Кирилло-Мефодиевский сборник. – М., 1865. – С. 327–342; *Vita cum Translatione S. Clementis* // Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. – СПб., 1871. – С. 221–223 (текст); 314–316 (перевод); Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 212–215 (в пер. на укр. яз. пропущены гл. 6–8, 10–12); *Vita cum Translatione S. Clementis* // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 142–147; Лавров П. Житие и перенесение мощей св. Климента (Итальянская легенда. *Vita cum Translatione S. Clementis*) // Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Г. Виноградова. Изд. 4-е. – М., 1912. – Вып. 2. – С. 215–221; см.: Лавровский П. Итальянская легенда. Критический обзор исследований и мнений о ней // ЖМНП. – 1886. – Ч. 246. – Июль. – С. 17–59; Meyvaert P., Devos P. Trois enigmes cyrillo-methodiennes de la «Legende Italique» resolues grace a un document inedit // AB. – 1955. – Т. 73. – Р. 455–461.

⁹³ Это название впервые ввел в научный оборот Иосиф Добровский в XIX в.

⁹⁴ Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 208; Спиридонов Д. С. Д-р И. Франко. Святий Климент у Корсуні. – С. 272.

⁹⁵ См.: Петров А. Письмо Анастасия Библиотекаря, новый источник по Кирилло-Мефодиевскому вопросу // ЖМНП. – 1893. – Январь. – С. 186–193.

⁹⁶ Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 211.

появиться в Риме уже в X в.⁹⁷ Пересказ этого текста донесла хроника Льва Остийского (Leo Ostiensis) (ум. ок. 1115 г.), бенедиктинца монастыря Монте-Кассино, славившегося своей уникальной библиотекой, а также поздние переписчики Льва (Jacques de Voragine, автор «Золотой легенды» – *La Legende Doree*, XIII в., и *Petrus de Natalibus*, писатель XV в., автор *Catalogus Sanctorum*, кн. X, гл. 93)⁹⁸. Причем создатель Монте-Кассинской хроники сообщил, что инициатором обретения мощей Климента был некий херсонский священник Филипп (*Philippus sacerdos Chersonam*) во времена императора Михаила – деталь уникальная по своей значимости, нигде более не встречаемая.

Италийскую легенду во многом повторяет и существенно дополняет (особенно в рассказе об обстоятельствах обретения и перенесения мощей) средневековая версия старославянского перевода греческого сочинения, которая очень точна в деталях и которая единственная сообщает и число, и год события (30 января 6369 г. от сотворения мира, то есть 3 февраля 861 г. по григорианскому календарю)⁹⁹. На то, что Слово имело греческий оригинал указывают обилие сложных партиципальных конструкций, которые делают старославянский текст весьма темным, а иногда почти невразумительным. Это же подтверждается использованием термина «кафолика церкви» в значении собора, кафоликона и «литания етера вселюдьска» – простой транскрипции греческого *litaneia* – «просьба, моление». Рукопись одновременно несет некоторые приметы древнейшей поры церковного языка: правильное употребление етеръ вместо нъкый, всякого тела вместо всякого возраста, слова коупь вместо коупля и т.п.¹⁰⁰. Видимо, это был наиболее близкий к прототипу источник. И.Я. Франко считал его «ближайшим примером» первоначальной пространной херсонской легенды об обретении мощей, в ко-

⁹⁷ Франко І. Сьвятий Климент... – С. 245; Спиридонов Д.С. Указ. соч. – С. 272.

⁹⁸ См.: Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 192–194 (текст и перевод источников).

⁹⁹ Слово на перенесение мощей Климента // Кирилло-Мефодиевский сборник. – М., 1865. – С. 319–327 (по списку XVI в.); Слово на перенесение мощей преславного Климента // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 127–131; Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 246–256 (текст старославянского издания по рукописи первой половины XVI в. Московской Духовной академии, № 91 по старому реестру); Слово на перенесение мощей Климента Римского / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйний. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. – М., 1990. – С. 311–316 (пер. сокр. по списку XVI в.); Сказание об обретении мощей св. Климента. Повествование об обретении мощей св. Климента и слов на перенесение их Константином в славянском переводе // Москва. – 1991. – № 5. – С. 149–153.

¹⁰⁰ См.: Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні. – С. 255.

торой инициатор открытия сам рассказал в форме речи к херсонитам об этом событии, свершившемся на некоем островке в присутствии Херсонского архиепископа Георгия¹⁰¹. Действительно, изложение ведется от лица очевидца, участника или одного из инициаторов, организаторов дела. На него, по-видимому, намекают слова: «етерь кто, сосѣды мужевн подвига (то есть Георгию) пѣніе кондаческо пѣти повелѣхомъ». Он же как «некто» упомянут сидящим рядом с архиепископом на «седалище подвижном», внемлющим словам архиерея, и как человек, возвестивший об обнаружении во время благочестивых раскопок на острове главы св. Климента¹⁰². На первый взгляд, это близкое к архиепископу лицо, облеченное распорядительными полномочиями, скорее всего, Константин Философ. Однако этому противоречат выражения в конце источника, в заключительной главе: «Мы бо есмь симъ вина, и имже ся есмь лишим его... блажень бо град наш» (выделено мной — С.С.).

Скорее всего, автор был жителем Херсона, хорошо знал некоторых из херсонитов, занимал достаточно видное место в городской иерархии, являлся особой близкой к архиепископу Георгию, его доверенным лицом, прекрасно разбирался в литургии, был знатоком церковного пения (упоминания об этом то и дело присутствуют в тексте) и пробовал говорить свое Слово в Херсоне вскоре после обретения мощей¹⁰³. Не случайно, ни один другой источник, сообщающий об открытии мощей, не содержит имен простых херсонитов — участников благочестивой экспедиции (Дигица, священник Соломон). Не исключено, что автором мог быть тот самый херсонский священник Филипп, которого как инициатора обретения мощей упомянул в своей Монте-Кассинской хронике Лев из Остии и его позднейшие переписчики¹⁰⁴. Такая гипотеза особенно вероятно по причине того, что Константин Философ был заезжим столичным эмиссаром и не годился на роль непосредственного организатора морской поездки, а архиепископ Георгий, слабый и недужный (Житие Константина Философа сообщает о его скорой смерти), не стал бы взваливать на себя хлопотные детали предприятия, поручив обязанности распорядителя кому-то из толковых, авторитетных местных клириков средней степени священства, участвовавшего в управлении Херсонской церковью.

В целом, агиографические источники позволяют почти без перерывов составить непрерывную картину жизнедеятельности города на протяжении VI–IX вв. Ее портить только ярко выраженный и оттого

¹⁰¹ Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства Шевченка. — Львів, 1904. — Т. 59. — Кн. 3. — С. 188–189.

¹⁰² Слово на перенесение мощей преславного Климента. — С. 128, гл. 4; с. 129, гл. 8; Слово на перенесение мощей Климента Римского. — С. 312, 313.

¹⁰³ Ср.: Франко І. Святий Климент... — С. 188 — 189; Спиридонов Д.С. Указ. соч. — С. 271.

¹⁰⁴ Франко І. Святий Климент... — С. 193–194.

тенденциозный уклон в церковную историю, на фоне которого блекнут иные, не религиозные функции раннесредневекового Херсона.

Такой же одиозный налет преобладает и в памятниках эпистографии, поскольку авторство подавляющего большинства их принадлежало духовным лицам. Два небольших письма сосланного в 655 г. в Таврику старого, больного римского папы Мартина I, осужденного синклитом за отказ признать официально принятое в Империи монофелитство, носят весьма субъективный характер и отражают действительные и мнимые печали этого личного врага василевса Константа II по поводу тяжелых условий изгнания, немощей плоти, бесчеловечности окружающих и душевного одиночества¹⁰⁵. Переносить их в полном объеме на Херсон и его обитателей можно лишь с известными оговорками и критическими комментариями, требующими окончательно и безповоротно отказаться от буквалистского подхода к этому источнику, сознательно написанного автором в жанре жалобы, на грани энкомия и треноса по самому себе.

Его своеобразным эпистолярным продолжением следует считать редкое для «темных веков» письмо папы Григория II (715–731) императору Льву III Исавру с упоминанием о посещении памятника (тпета) блаженного папы Мартина многочисленными паломниками, прибывавшими со стороны Боспора, в данном случае, надо понимать, Босфора, и с Севера (о Boggas)¹⁰⁶.

Гораздо более обильные письма Феодора Студита были известны автору его Жития, Михаилу Монаху, в пяти книгах¹⁰⁷. Из этого собрания, составленного, вероятно, учениками преподобного, особый интерес представляют его послания к изгнанным сторонникам в Херсон и к архимандриту – старшему игумену Готфии, которые датируются временем после возвращения самого Феодора из ссылки в 821 г., хотя второе письмо, особенно наглядно рисующее положение монашества в Таврике, его схизму, разброд и шатания, вероятно, было написано не ранее окончания восстания Фомы Славянина в конце 823 г., когда вновь стало возможным сообщение Константинополя с Готфией¹⁰⁸. Херсон неизменно выступает в этих свиде-

¹⁰⁵ S. Martini papae epistolae XVI, XVII // PL. – 1851. – Т. 87. – Col. 201–204; Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. – М., 1991. – С. 173–190.

¹⁰⁶ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... – Paris, 1905. – Т. 12. – Col. 971 (repr.: Graz, 1960); PL. – Т. 89. – Col. 520.

¹⁰⁷ См.: Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori Studii // PG. – 1862. – Т. 99. – Col. 264 D; Мелиоранский Б. Перечень византийских грамот и писем. – СПб., 1899. – С. 3.

¹⁰⁸ Theodori Studitae epistolae // PG. – 1862. – Т. 99. – Col. 1344–1345, 1520–1523; Творения св. отца нашего и исповедника преп. Феодора Студита в рус. пер. – СПб., 1908. – Т. 2: Письма к разным лицам. – С. 454–455 (письмо XCII), 55–555 (письмо CLXIV); Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. – С. 649.

тельстввах как место ссылки врагов правительства, город, несущий печать иконоборства, покорный власти Империи, который следует, как и окрестные земли, официальному религиозному и политическому курсу, насаждаемому из столицы.

Сведения о положении в Херсоне и его окрестностях спустя 30–40 лет сохранило пространное письмо Анастасия библиотекаря, который был приближенным папы Адриана II (867–872), главой папского архива и канцелярии¹⁰⁹. Этот эрудит, политик, дипломат, писатель, знаток греческого языка, кстати, первым, в 873–875 гг., переведший «Хронографию» Феофана на латинский язык, тогда как патриарх Фотий даже не внес ее в свой «Миробиблон», в первой половине 70-х гг. IX в. в ответ на запрос Гаудериха (Гавдериха, Гондери́ха), епископа итальянского города Велитери (Веллетри), участника VIII Вселенского синода, перевести для него с греческого сочинения о св. Клименте, написал послание, в котором сообщил известные ему ценные сведения об обстоятельствах обретения в Херсоне зимой 860–861 гг. мощей римского папы Климента¹¹⁰. Гаудерих собирал материалы для биографии Климента, особо почитаемого в Веллетри как первого епископа города, и данное послание послужило тем более ценным источником, что основой для него явился, скорее всего, краткий рассказ – отчет, «историйка» («*storiola*», «*brevem historiarum*», «*historica narratione*»), то есть нечто вроде исторической справки самого Константина¹¹¹. Встреча с ним Анастасия могла произойти в Риме в 868/869 г., незадолго до смерти Константина¹¹². Кроме того, Анастасий находился в Константинополе с папскими ле-

¹⁰⁹ Lapotre A. De Anastasio Bibliotecario. – Paris, 1885; Perels E. Papst Nikolaus I und Anastasius Bibliothecarius. – Berlin, 1920; Голенищев – Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. – М., 1972. – С. 160–163.

¹¹⁰ Письмо было спрятано в один из кодексов Лиссабонской библиотеки, который был написан в монастыре Алькобаза в XIV в. Его впервые скопировал немецкий ученый доктор Гайне (ум. 1848 г.). Рукопись Гайне была опубликована в 1892 г. мюнхенским профессором Фридрихом, который датировал составление письма 875–879 гг. См.: Ягич И. В. Новь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // Записки имп. АН. – СПб., 1893. – Т. 72. – Кн. 1. – Приложение № 6. – С. 1–44 (текст, пер, статья); Петров А. Письмо Анастасия Библиотекаря (Новый источник по Кирилло-Мефодиевскому вопросу). – С. 183–193; Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 204–207 (дословный перевод письма). А. И. Айбабин ошибочно относит письмо к 860-м годам, когда его автор еще не располагал необходимыми материалами (Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное – Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 66).

¹¹¹ Анастасий писал Гаудериху, что ему осталось перевести на латинский язык то, что «Константин Солунянин... недавно перед тем сам написал» (см.: Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні. – С. 205).

¹¹² См.: Сказания о начале славянской письменности. – С. 118, комм. 14; с. 139–140, комм. 12–13.

гатами, Донатом, епископом Остийским, Стефаном, епископом Непийским и диаконом Марином, участвовавшими в VIII Вселенском синоде, заседания которого проходили в храме Св. Софии с 5 октября 869 г. по 28 февраля 870 г. Он прибыл в столицу Византии как посланник императора Людовика II Итальянского вместе с Суппоном, родственником императрицы Ингельберги и еще одним придворным Людовика для переговоров о заключении брака между Константином, сыном василевса Василия Македонянина, и дочерью Людовика¹¹³. Путешествуя этот знаток греческого языка занялся здесь переводом на латынь литургийного комментария патриарха Германа Константинопольского и частей «Мистагогии» Максима Исповедника, которые выслал франкскому королю Карлу Лысому (ум. 877 г.)¹¹⁴. Анастасий не только составил отчет о деятельности собора, перевел его акты для папы Адриана, но собрал недостающие сведения о подробностях открытия мощей св. Климента в Херсоне. При этом одним из его информаторов стал Митрофан, митрополит Смирн, сосланный «вместе с другими» в самом начале первого патриаршества Фотия (858–867) в Таврику и проживавший как раз во время обретения мощей недалеко от Херсона.

Кроме краткого рассказа Константина, переведенного на латынь «неуклюжим языком» (*agresti sermone*), Анастасий, дабы угодить Гаудериху, отправил ему текст похвалы Клименту («*sermone de clomatorium*»), автором которого тоже был Константин. Из письма следует, что перу последнего принадлежал еще гимн в честь св. Климента, очевидно, как и похвала, сочиненный в Херсоне по случаю открытия мощей (*hymnologicon Dei omnipotentis in inventione reliquiarum*), но перевести его Анастасий не решился, опасаясь не справиться с трудностями поэтического греческого текста¹¹⁵.

Полученное епископом Гаудерихим послание послужило источником для Жития св. Климента, которое составил по поручению епископа упоминавшийся выше искусный священнослужитель (*levita*) Иоанн. К сожалению, от этого сочинения уцелел только отрывок (первая часть) с посвящением труда папе Иоанну VIII (872–882)¹¹⁶.

О деятельности высших светских и духовных властей Херсона, их политических и церковных контактах с населением печенежских и хазарских земель в начале X в. упомянул в трех своих письмах Константинопольский патриарх Николай Мистик: одно из них, странное и витиеватое, в духе классической византийской риторики,

¹¹³ См.: Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. Изд. 2-е. — СПб., 2001. — С. 98–146.

¹¹⁴ Шульц Г. Й. Візантійська літургія: Свідчення віри та значення символів. — Львів, 2002. — С. 142.

¹¹⁵ См.: Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство... — С. 4–5; Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. — Львів, 1904. — Т. 60. — Кн. 5. — С. 210–211.

¹¹⁶ Ягич И. В. Указ. соч. — С. 16.

было написано, скорее всего, в конце августа – начале сентября 917 г. и адресовано болгарскому царю Симеону, грозившему очередной войной с ромеями, а два других, гораздо более кратких, предметных, но темных по содержанию, – к новоназначенным архиепископу Херсона и, вероятно, стратигу, не исключено, протоспафарию Иоанну Протеову, известному по печатям этого времени, – появились в промежутке после марта 919 г. до конца навигационного сезона этого года и отразили неусыпную заботу патриарха по поводу отправления богослужения среди соседнего «обманутого народа» – инородца, в том числе той паствы, что жила на сопредельной с Херсоном территории Хазарии и просила прислать им епископа и организовать хиротонию пресвитеров (священников)¹¹⁷. Последнее следует особенно подчеркнуть как непреложное доказательство отсутствия до этого времени высшей церковной организации на подконтрольной хазарам территории. Исповедание христианства и наличие епископства не обязательно взаимосвязанные явления.

На фоне подобных эпистолярных упражнений духовных лиц особняком стоит редкий памятник светской переписки, включающий послания, которыми в пределах 951 (952)–961 (962) гг. обменивались высокий сановник Кордовского халифа Абд ал-Рахмана III (911–961), государственный, финансовый деятель, раввин Абу-Юсуф Хасдаи бен Исаак ибн Шапут (по правилам еврейской фонетики – Шапперут) (ок. 915–907) и хазарский царь Иосиф, сын Аарона, правивший, видимо, во второй трети X в.¹¹⁸. Письма были инспирированы взаим-

¹¹⁷ Nicholas I, Patriarch of Constantinople: Letters / Ed. and transl. by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. – Washington, D.C., 1973. – P. 52–69, № 9 (царю Симеону); р. 314–315, № 68 (анониму, вероятно, стратигу Херсона); р. 388 – 391, № 106 (архиепископу Херсона); р. 553, 555; Григорович В. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях. – С. 1005–1009 (греч. текст, полный пер. писем № 68, 106); Успенский Ф. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X века. – С. 283 (перевод части письма № 106); Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса... – С. 58–61 (перевод отрывков из всех трех писем); Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1995. – С. 89, (перевод фрагмента письма № 9); Богданова Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморский мир. Древняя Русь. – М., 1991. – С. 35, 36 (перевод фрагментов из писем № 68, 106); Иванов С. А. Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев – С. 63–64 (выборочный перевод из писем № 68, 106); Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 138, 356, 358, 359, 360 (перевод фрагментов из всех трех писем).

¹¹⁸ Коссович К. Извлечение из письма Рабби Хасдай бэн Ицхак к царю Хазарскому. Пер. с еврейского / Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. – СПб, 1845. – Т. I. – С. 185–189; Письмо Хасдаи Ибн-Шапуты к хазарскому царю Иосифу (около 960 г. н. э.) // Сказания еврейских писателей о Хазарах и Хазарском царстве собрал, пер. и объяснил А. Я. Гаркави. – СПб., 1874. – С. 78–83 (введение), 84–119 (текст и пер.), 120–153 (коммент.); Гаркави А. Сообщения о хазарах. А. Хазарская пе-

ным интересом переписывающихся сторон и включали сведения, относящиеся к истории военных, международных отношений раннего средневековья, географии, религии страны Сефарад (арабской Андалузии) и Хазарии, в которых свое место занимали находившиеся под влиянием каганата земли и поселения на территории Крымского полуострова. Впрочем, именно упоминания о последних, как и дата обращения хазар в иудаизм в VII в. (за 340 лет до времени написания письма царя Иосифа), вызывают наибольшие сомнения, заставляющие подозревать добавления позднейшего переписчика или переделывателя¹¹⁹.

Судя по письму Ибн Шапрута, деятельная попытка доставить послание в Хазарию была предпринята после прибытия ряда посольств от Константина Багрянородного в Кордову в 334–340 гг. хиджры (945/946 г.–951/952 г.), а ответное послание царя Иосифа могло быть получено и того позже, когда покровитель Хасдаи, Абд ал-Рахман, упоминаемый в предыдущем письме как живой, уже умер¹²⁰. Считать эти документы целиком фальшивыми, как до сих пор полагают некоторые исследователи, нет оснований¹²¹. О них упоминали «Книга о праздничных временах» (Sefer ha-ittim) барселонца Иехуды бен Барзилая (рубеж XI–XII вв.) и «Книга предания» (Sefer ha-qabbala) – хроника Авраама ибн Дауда (ум. 1180 г.)¹²².

реписка (По рукописям Имп. Публич. б-ки) // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник / Изд. А. Е. Ландау. – СПб., 1879. – Т. 7. – С. 144–153 (Письмо раввина Хасдаи, сына Иосифа (да почитет он в чести), к царю Козарскому); с. 153–162 (Письмо царя Иосифа, сына Аарона, царя тогорманского (Защити его Создатель!) к главе раввинской Академии Хасдаи, сыну Исаака, сына Эздры); Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. – Берлин, 1924; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С. V–XXVI, 51–71 (пер. письма Хасдая ибн Шапрута); с. 72–89 (пер. краткой редакции письма царя Иосифа); с. 89–112 (пер. пространной редакции письма царя Иосифа). Самая древняя рукопись пространной версии письма Иосифа относится, вероятно, к XIII в. (хранится в Санкт-Петербурге), а копия письма Хасдая датируется XVI в., как и рукопись краткой версии письма Иосифа (хранится в Оксфорде) (Коковцов П. К. Указ. соч. – С. XI–XXIII; Голб Н., Прицак О. Хазарско – еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 102). О Хасдае ибн Шапруте, выдающемся дипломатом, финансовом деятеле, придворном халифа и о его роли в превращении Андалузии в центр еврейства см.: Luzzatto Ph. Notice sur Abou-Iousouf Hasdai Ibn-Schaprout. – Paris, 1852; Гретц Г. История евреев с древнейших времен до настоящего. 2-е изд. – Одесса, 1905. – Т. 6. – С. 269–289.

¹¹⁹ Коковцов П. К. Указ. соч. – С. XVII–XXIII.

¹²⁰ См.: Сказания еврейских писателей о Хазарах... – С. 131–132; Гретц Г. Указ. соч. – С. 272, 279; Коковцов П. К. Указ. соч. – С. VII, прим. 2; с. 63, прим. 1; Голб Н., Прицак О. Указ. соч. – С. 107.

¹²¹ Ср.: Бушаков В. Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. – 1999. – № 1-2. Подробнее о сомнениях в подлинности хазарской переписки и обширной историографии этого вопроса см.: Коковцов П. К. Указ. соч. – С. V, прим. 2; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... – С. 101–104.

¹²² Коковцов П. К. Указ. соч. – С. VIII–IX, XXV, XXXVII, 129–131, 134; Голб Н., Прицак О. Указ. соч. – С. 101–102.

Написанный на иврите документ, привезенный в 1896 г. в Кембридж собирателем еврейских манускриптов, доктором Соломоном Шехтером из генизы (хранилища ветхих рукописей) при синагоге Эзра в Фустате (Старом Каире) — столице средневекового Египта, впервые опубликованный в 1912 г. и известный среди специалистов как Кембриджский Аноним, Кембриджский документ или «текст Шехтера», похоже, тоже относился к этой дипломатической переписке влиятельного «князя евреев Андалузии», Хасдаи ибн Шапрута, которая со временем, в XI–XII вв. была сведена писцами в отдельную книгу на еврейском языке¹²³.

Между XIII и XVI вв. она сохранялась в виде отрывочных бумажных фрагментов в генизах Старого Каира, поскольку правила иудаизма не разрешали уничтожать ничего из того, на чем было запечатлено имя Бога¹²⁴.

Упомянутый документ сообщал о выдающихся делах хазарских военачальников, об обстоятельствах обращения хазар в иудаизм и мог представлять набросок материалов, записанных в Константинополе со слов некоего образованного иудея, подданного хазарского царя, для Исаака бен Натана, доверенного человека Хасдаи ибн Шапрута, проведенного вместе с послами Абд ал-Рахмана в столице Византии зиму 949–950 г. в качестве гостей византийского императора¹²⁵. Во всяком случае, анонимный автор называл Хазарию «нашей страной» и указывал на прибытие «твоих (то есть Хасдаи — С. С.) посланцев»

¹²³ Коковцов П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русских отношениях в X веке. — СПб., 1913 (отд. отт. из ЖМНП, с. 150 — 172); Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века. Кембриджский документ // Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — С. XXVI–XXXVI, 113–123 (перевод); Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... — С. 138–142 (пер. Нормана Голба). Видимо, к этому кодексу рукописей относился также письмо Хасдаи к византийской императрице Елене, дочери Романа I Лакапина и супруге Константина Багрянородного с 919 до 959 г., другое его письмо к неизвестному «великому царю (монарху)», отчет италийского еврея о преследованиях евреев в византийских городах Южной Италии, вероятно, в правление Романа Лакапина (919–944), а также Провансальское письмо еврейских посланцев Хасдаи во время службы последнего при Абд ал-Рахмане (см.: Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы... — С. 105–117, 118).

¹²⁴ Голб Н., Прицак О. Указ. соч. — С. 102–103.

¹²⁵ Гретц Г. Указ. соч. — С. 274; Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents... — P. 90–95; Zuckerman C. On the Date of the Khazars Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. — 1995. — Vol. 53. — P. 239–241; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... — С. 107; Zuckerman C. Le voyage d'Olga et la premiere ambassade espagnole a Constantinople en 946 // Travaux et Memoires. — 2000. — T. 13. — P. 458–460; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар... — С. 526 (датирует составление «документа Шехтера» временем около 949/950 г., а письма Хасдаи и царя Иосифа — началом или серединой 50-х гг. X в., хотя единственным надежным terminus ad quem для послания Хасдаи в Хазарию является время смерти халифа Абд-ар-Рахмана осенью 961 г.). Ср.: Коковцов П. К. Указ. соч. — С. VII, прим. 2.

Рис. 17. В.В. Латышев

в Константинополь по морю, идущему «направо... от [ва] шей страны [Андалузии]»¹²⁶.

В целом надо подчеркнуть, что авторы и составители нарративных источников, имеющих отношение к истории раннесредневекового Херсона, не скомпрометировали себя явными ошибками, позволяют взаимно дополнить и проверить друг друга, то есть, согласно известному правилу источниковедческой критики, заставляют с доверием относиться к сведениям источников и отдавать предпочтение их данным, а не сомнению критиков, как это иногда случается.

Круг письменных источников расширяют эпиграфические памятники, особенно ранневизантийского времени. Количество таких находок значительно меньше по сравнению с античной эпохой, что, впрочем, отражает тенденцию, характерную для

всей Византийской империи. Наиболее ценные из них, — те, что упоминают административные должности, — сравнительно многочисленны для конца III — конца V вв. по сравнению с последующим временем, — второй половиной VI в., после которой надписи такого содержания надолго исчезают, что, несомненно, отражает некие симптомы в развитии и города, и Империи, требующие разгадки.

Находки за пределами Крыма эпиграфических памятников, связанных с византийским Херсоном, крайне редки. К их числу относится надгробие из Синопы в Пафлагонии, которое косвенно отражает основное направление морских связей города. Предельно краткая, в христианском духе «гордыни унижения» надпись на простом каменном памятнике сообщает об упокоении Анастасия, епископа Херсонеса (Anastasiou tou kai episkopou Chersonesiou), причем архаическая форма названия города указывает на время не позже второй половины VI в., а не на VII–VIII в. как иногда считается¹²⁷.

Поначалу невыразительные херсонские надписи раннесредневекового времени, преимущественно надгробные, не удостоивали внимания и публиковали их крайне редко¹²⁸. Сдвиг в положительную сторону

¹²⁶ Голб Н., Прицак О. Указ. соч. — С. 117, 142 («текст Шехтера», л. 2 об., 14–18).

¹²⁷ Corpus Inscriptionum Graecorum / Ed. A. Boeckhio, I. Franzius, E. Curtius. — Bero-lini. 1856. — Vol. 4. — Fasc. 1. — Pars 39. — P. 462, № 9261; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. Очерки истории и культуры. — Харьков, 2004. — С. 542.

обозначился после того, как особое обилие надписей византийского периода дали раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера в 1888–1914 гг. В массе своей они были выполнены на греческом и изданы преимущественно одним исследователем – Василием Васильевичем Латышевым (1855–1921) (рис. 17), крупнейшим отечественным эпиграфистом и знатоком древней истории, снабдившим тексты превосходными, глубокими комментариями, верность которых почти во всех случаях выдержала проверку временем¹²⁹.

¹²⁸ Юргевич В. Эллинские и латинские надписи, найденные в Херсонисе // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 8 – 10, № IV–VI; Юргевич В. Примечания о двух новых Херсонских надписях // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 313–314.

¹²⁹ Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889–1891 годах с объяснением В. В. Латышева // МАР. – СПб., 1892. – № 9. – С. 1–45 (Херсонесские надписи); Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892–1894 годах с объяснением В. В. Латышева // МАР. – СПб., 1895. – № 17. – С. 23–25, № 28–31; с. 80, к № 32; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896 – С. 7–35 (единственный до настоящего времени свод из 128 византийских надписей Северного Причерноморья, юбилейное издание к 50-летию Русского археологического общества; 22 надписи (№ 7–28) относятся к римскому Херсону, среди них надгробные, строительные, посвященные, в том числе такие, которые указывают на деятельность лиц церковной и имперской администрации – епископа Феодора, пресвитеров Стефана, Стефана и Христофора, некоего царского комита, а также патрикия и стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата); Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. – 1897. – Т. 20. – С. 149–162 (особенно с. 149–151); 1898. – Т. 21. – С. 225–254; 1901. – Т. 23. – С. 74–78; Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1899. – Т. 6. – Вып. 1 – 2. – С. 337–369; Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г. // ИАК. – 1902. – Вып. 2; Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 95–137 (херсонесские надписи «христианской эпохи» – С. 121–125, № 37–39, в том числе с упоминанием дуки и некоего лампротата Феагена времени правления Юстина II); Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 28–48 (херсонесские надписи – с. 35–39, № 18–21, в основном обломки неопределенного содержания и одно позднее надгробие 1203 г. с упоминанием Николая, Никона, Никандра и их детей); Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1907 года // ИАК. – 1908. – Вып. 27. – С. 28–35, № 22–31 (херсонесские надписи «христианской эпохи», в основном надгробные, VI – VII вв. и начала X в.); Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Ольвийские и Херсонесские надписи, найденные в 1908 г.) // ИАК. – 1909. – Вып. 33. – С. 43–47 (№ 7 – надгробная плита с «христианской надписью»); Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 9–21; Латышев В. В. Новые христианские надписи из Крыма // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 33–46. Несколько незначительных фрагментов надписей ранневизантийского времени были обработаны Р. Х. Лепером, тоже опытным эпиграфистом, проявившим интерес к этой отрасли знания уже со времен своего ученого секретарства в Русском Археологическом институте в Константинополе в 1901–1908 гг. (Лепер Р. Х. Херсонесские надписи // ИАК. – 1912. – Вып. 45. – С. 67–68, № 16–17).

Только в 1895–1898 гг. были найдены такие интересные памятники как обломок мраморной иконы или плиты канкелы, возможно, от интерьера раннего храма апостола Петра, с превосходным изображением Иисуса, оказывающего помощь Петру, тонущему на Тивериадском озере; штампы для оттиска евлогиев св. Фоки птохиона Херсона — eu(l)ogia tou agiou Phoka tou ptoch(e)iou Chers(o)nos и некоего св. великомученика, имя которого не сохранилось (не позднее VII в.); того же времени форма из сланца для отливки крестов и медальонов с изображением мужской фигуры, державшей в воздетых руках крест, и надписью по периметру «Господи, помоги всякому носящему (этот предмет)»; фрагменты ранневизантийских надписей на карнизах, в том числе, возможно, о постройках по обету; стелообразное надгробие VI–VII вв. с именем рабы Божьей Евфросины и резным фигурным крестом; каменный крест с надписью «мнимейон (памятник, усыпальница) св. муч. Анастасии», вероятно, «узоразрешительницы», храм которой мог быть воздвигнут в Херсоне, как и в Константинополе, после переноса туда мощей мученицы при Льве I (457–474); большой обломок мраморного карниза со строительной надписью 1059 г., в которой упоминался византийский преторий и его железные двери¹³⁰. В дальнейшем число раннесредневековых эпиграфических памятников пополнялось главным образом находками каменных надгробий с загородного некрополя около Карантинной бухты или невыразительными обломками с фрагментарными остатками надписей неопределенного содержания, но информативность и тех и других невелика.

К числу наиболее важных относится обнаруженная в 1905 г. у южной оборонительной стены довольно небрежно вырезанная крупными буквами надпись на обломке мраморной плиты весьма значительных размеров, скорее всего, о постройке какого-либо сооружения, осуществленной в Херсоне под руководством дуки и некоего лампротата («светлейшего») Феагена (?), очевидно, в правление владык Юстина II (565–578) и его супруги Софии¹³¹, а также найденная сто-

¹³⁰ Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. — СПб., 1897. — С. 88–89, рис. 225, 226 (надпись стратига Льва Алиата 1059 г.); Латышев В.В. Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 годах // МАР. — СПб., 1898. — Вып. 23. — С. 26–51, № 40–50; Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. — 1899. — Т. 6. — С. 349–352; Латышев В.В. К церковной археологии Херсониса // Латышев В.В. ПОНТИКА. — СПб., 1909. — С. 303–310.

¹³¹ Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. — 1906. — Вып. 18. — С. 121–123, № 37; Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. — 1986. — Т. 47. — С. 213–214, № 4, рис. 8. Судя по количеству несохранившихся букв в углу надписи, обведенной плоской рамкой, светлейший Феаген, от имени которого сохранились лишь три буквы ЕАГ, по мнению Ю.Г. Виноградова, мог быть облечен должностью имперского офицера — комита (Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце

летием раньше на Тамани надпись на массивной мраморной плите с изображением по сторонам двух Ник с венками и пальмовыми венками в руках, которая служила украшением некоего пышного кесарiona — *to lampronen... k (ai) sarion*, «императорского здания», «возобновленного» (*ananeosen*) в 590 г. в византийском Боспоре стараниями «раба по природе» (*gnesios doulos*) Евпатерия, стратилата и дуки Херсона, в ознаменовании неких одержанных перед этим побед¹³². Эти важнейшие данные являются едва ли не единственными, позволяющими судить об отношении города к Византии, о составе его имперской администрации и изменении в ней во второй половине VI в.

Особый интерес представляет группа ранневизантийских эпиграфических памятников из раскопок XIX — начала XX вв., проанализированная С. А. Беляевым, которая свидетельствует о том, что в сооружении христианских храмов Херсона свою роль и, похоже, немалую сыграли частные жертвования членов паройкии¹³³.

Данные о локализации херсонесского нищеприимного дома св. Фоки и монастырской богадельни для больных и калек позволяют получить глиняный штамп с именем св. Фоки и склеп у западной оборонительной стены, вход в который закрывала массивная известняковая закладная плита с уникальной для такого херсонесского памятника надгробной надписью VI–VII в., упоминавшей имя усопшего раба Божьего Гота¹³⁴. Прочие эпиграфические находки, за редким исключением (как, например, эпитафия Иоанна, «пресвитера Херсакеи»), имеют скорее характер граффити, нанесенных до обжига на керамические изделия (формочку для просфор, памятную глиняную просфору, штампы, крышку сосуда, водопроводную трубу, чашу, мисочки, тарелочки, горшочки), и смысл их далеко не всегда поддается

V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. — 1998. — Вып. 9. — С. 119, 123). Однако не исключено, что он мог быть и архонтом города (*archon*), поскольку титул *lamprotatos* (*clarissimus*) со второй половины V в. носили представители высшей имперской муниципальной администрации (ср.: Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: *эгрегий, перфектиссим, клариссим* // ВВ. — 1964. — Т. 24. — С. 48).

¹³² Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. — 1894. — Т. 1. — Вып. 3–4. — С. 662–672; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — С. 105–109, № 99; Латышев В. В. К надписи Евпатерия. 1. Вопрос о времени надписи; 2. О выражении *gnesios doulos* в надписи Евпатерия // Латышев В. В. ПОНТИКА. — СПб., 1909. — С. 201–217.

¹³³ См.: Беляев С. А. Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // Палестинский сборник. — 1987. — Вып. 29 (92). — С. 76–84.

¹³⁴ Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе (раскопки 1963–1965 гг.) // ВВ. — 1978. — Т. 39. — С. 172; Антонова И. А., Рижов С. Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. — К., 1972. — Вип. 4. — С. 263 (плита с надписью хранится в НЗХТ, в фонде № 8, инв. № 45/36504).

верной расшифровке, порождая порой казусы¹³⁵. В качестве примера можно привести трактовку надписи на чаше с инвокативным обращением некоего Константина монаха, как указание на императора Константина Великого, что долгое время позволяло исследователям ссылаться на этот памятник как одно из самых ранних проявлений христианства в Херсонесе¹³⁶. Гораздо интереснее связь некоторых из надписей, найденных К. К. Косцюшко-Валюжиничем, Н. В. Пятышевой и Л. В. Седиковой в ходе раскопок объектов около куртины 13, с практикой деятельности городской больницы-ятрины и со сбором пожертвований для прокаженных. К граффити относятся и имена, процарапанные на пифосах из винного склада VII–VIII вв., обнаруженного во время случайных раскопок на месте Северного дока Севастополя¹³⁷. Не исключено, что они обозначали владельцев и могут иметь отношение к организации складского дела, что уже само по себе большая редкость.

К числу наиболее «беспристрастных» источников относятся сфрагистические материалы, которые при условии их правильной трактовки, интерпретации и датировки позволяют получить уникальные сведения, прежде всего, о составе администрации раннесредневекового Херсона и контактах города с разнообразными представителями византийских властей. К настоящему времени опубликовано свыше 200 свинцовых печатей – моливдулов, имеющих отношение к Херсону и хранящихся как в фондах заповедника, так и в коллекциях Эрмитажа, Государственного Исторического музея, частных собраниях, а также в европейских и американских коллекциях. Только в каталог И. В. Соколовой включены 74 моливдула, имеющих самое прямое отношение к администрации византийского Херсона¹³⁸. Еще около 150 херсонесских печатей преимущественно VII–XI вв. остаются неопубликованными, причем среди них есть моливдулы без

¹³⁵ Соломоник Э. И. Греческие надписи из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 39–45; Соломоник Э. И. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округа // НЭ. – 1974. – Т. 11. – С. 33–47; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 214–215; Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 95–100, № 1–7; Залеская В. Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 204–207; Седикова Л. В., Сидоренко В. А. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 106–110.

¹³⁶ Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей... – С. 98–99, № 6, рис. 2, 6; ср.: Гинькут Н. В., Алексеев Н. А. Чаша с инвокативным обращением из раскопок Херсонеса // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 67–71.

¹³⁷ Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 83–84, № 12.

¹³⁸ Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. – Л., 1983.

названия города, но тем не менее имеющие прямое отношение к его истории. Сфрагистический фонд Херсонесского музея начал быстро расти с конца XIX в., но особенно плодотворно стал разрабатываться в последней трети XX в., главным образом, усилиями И. В. Соколовой и Н. А. Алексеенко¹³⁹. Рекордными же по количеству находок печатей стала первая половина 1990-х гг., когда у морской кромки обрыва восточного берега Херсонеса были обнаружены компактные следы общегородского и одновременно таможенного архива моливдовулов, функционировавшего со времени правления Юстиниана I и до

¹³⁹ Толстой И. И. О византийских печатях херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. Новая серия. — СПб., 1887. — Т. 2. — С. 28–43; Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества // ЗООИД. — 1889. — Т. 14. — С. 41–46; Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. — 1939. — № 1 (6). — С. 121–133; Пяташева Н. В. Печать готского епископа в коллекциях Гос. Исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 год. — М., 1963. — С. 32–36; Соколова И. В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. — Свердловск, 1973. — Вып. 10. — С. 207–214; Соколова И. В. Печати Херсонской фемы (опыт датировки) // Actes du XIVe Congres International des etudes byzantines (6–12 Sept. 1971, Bucarest). — Bucarest, 1976. — Vol. 3. — С. 228–233; Соколова И. В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. — Београд, 1978. — Кн. 18. — С. 81–97; Смычков К. Д. Несколько неизданных печатей Херсона // ВВ. — 1989. — Т. 50. — С. 189–190; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Ed. J. Nesbitt, N. Oikonomides. — Washington, 1991. — P. 186, № 82. 10; Соколова И. В. О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. — 1991. — Т. 23. — С. 94–102; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 201–213; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 26). — Барнаул, 1992. — С. 191–204; Sokolova I. V. Les sceaux byzantins de Cherson // SBS. — Washington, D. C., 1993. — Vol. 3. — P. 99–111; Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия из Херсонеса // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы междунаро. конф. — Симферополь, 1994. — С. 5–6; Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, 1996. — С. 158–160; Alexeenko N., Romanjuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. — Washington, 1995. — Vol. 4. — S. 139–151; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 27). — Симферополь, 1995. — С. 91–97; Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5. — С. 155–170; Алексеенко Н. А. Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности 1996. — Харьков, 1997. — С. 122–133; Alexeenko N. The proteuontes of Cherson in the 10th century // VI Международен симпозиум по византийска сфрагистика. Резюме. — Велики Преслав, 1998. — P. 15–16; Алексеенко Н. А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. — 1997. — Вып. 6. — С. 701–743; Алексеенко Н. А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. — Екатеринбург, 1998. — С. 221–227; Смычков К. Д. Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 30. — С. 124–129; Алексе-

конца XI – начала XII вв.¹⁴⁰. О том, что это был больше, чем архив таможни свидетельствует вхождение в него документов с печатями не только коммерциариев – контролеров за торговлей шелком, сборщиков пошлин и логофетов. В целом, эти данные позволяют составить достаточно полное представление о херсоно-византийской знати и о составе, особенностях чиновных властей сначала местной архонтии, а затем фемы, пополнить за счет моливдулов церковных иерархов Херсона и Боспора список имен крымских епископов и архиепископов IV–X вв. К примеру, все архонты Херсона в VIII – первой половины IX вв. имели византийские саны спафариев, ипатов, страторов и на печатях упоминаются уже не как коллективный орган – совет архонтов, а как единоличные имперские чиновники¹⁴¹.

енко Н. А. Печати церковных иерархов из Херсона // *Nomos*. – Krakow, 1999/2000. – Т. 28/29; Алексеенко Н. А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // *Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл.* – Харьков, 1999. – С. 63; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдулов // *Древности 1997–1998*. – Харьков, 1999. – С. 145–160; Алексеенко Н. А. Моливдул комита Опсикиса начала VIII в. из Херсонеса // *АДСВ*. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 65–82; Алексеенко Н. А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // *МАИЭТ*. – 2000. – Вып. 7. – С. 256–266; Шандровская В. С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // *МАИЭТ*. – 2000. – Вып. 7. – С. 247–255; Алексеенко Н. А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–XI вв.) // *АДСВ*. – Екатеринбург, 2001. – С. 98–104; Алексеенко Н. А. Моливдулы боспорских епископов из Херсона // *Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. науч. тр.* – Севастополь; Краков, 2001. – С. 131–138; Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // *АДСВ*. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 154–162; Алексеенко Н. А. Печати главных логофетов из херсонского архива // *АДСВ*. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 174–205; Степанова Е. В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // *Россия – Крым – Балканы: диалог культур*. – Екатеринбург, 2004. – С. 96–98; Алексеенко Н. А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // *Древности 2004*. – Харьков, 2004. – С. 260–264; Алексеенко Н. А. Коммерция и коммерциарии Херсона в IX–X вв. // *Сфрагистика и история культуры. Сб. науч. тр., посвященный юбилею В. С. Шандровской*. – СПб., 2004. – С. 92–101; Алексеенко Н. А. Таможня и коммерциарии Херсона // *Приложение*.

¹⁴⁰ Alexeenko N. A. Unique Find of the Group of Byzantine Lead Seals From Cherson // *Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications*. – Copenhagen, 1996. – P. 8414; Alexeenko N. Les sceaux des archives de Cherson, temoigne des relations de Cherson et de l'Empire // *XXe Congres International des Etudes Byzantines. College de France. Sorbonne, 19–25 aout 2001. Pre-actes. II. Tables rondes*. – Paris, 2001. – P. 57; Степанова Е. В. Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // *Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф.* – Севастополь, 2001. – С. 20, 22.

¹⁴¹ Алексеенко Н. А. Архонты Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // *МАИЭТ*. – 2002. – Вып. 9. – С. 455–500, прил. 1.

Исчезновение их моливдулов около середины IX в. отчетливо свидетельствует об изменении статуса города, в котором разместилась резиденция стратига и который стал городом – преторием. С этого времени здесь резко увеличилось количество печатей таможенных служащих – коммеркиариев, число которых для периода с середины IX до конца X вв. превышает шесть десятков, причем, судя по числу имен, каждый из этих имперских чиновников ведомства логофета геникона, в отличие от стратигов, сменявшихся в среднем через каждые 4–6 лет, занимал свой пост достаточно долго, по 10–15 лет, а кое-кто успевал еще побыть и стратигом, и «отцом города», и *εκ prosopou*.

К сожалению, столь же богатый находками общегородской архив моливдулов второй половины – конца VI–XI вв. из Судеи, находившийся, вероятно, на берегу бухты Лимена-Кале, обработан не более чем на 20 % (чуть более сотни печатей из почти 500, обнаруженных с 1987 г. у подножья Судакской крепости В.В. Кузьминым)¹⁴². Между тем, здесь хранились документы представителей администрации византийских центров Таврики, Южного побережья Черного моря и столицы Империи, церковные грамоты, послания, скрепленные печатями епископов, в том числе Херсона, удостоверения торговцев, обладавших печатями и, согласно соглашениям, ведших дела одновременно в Романии и чужих землях, документы, сопровождавшие те или иные партии товаров, связанные с налогообложением и другими финансовыми операциями. Предположение о том, что эти материалы отложились в процессе деятельности сугдейского порта в бухте пос. Уютное «в связи с торговыми и иными операциями, производившимися непосредственно на стоянках кораблей»¹⁴³, не увязывается с самим характером находок, локализуемых преимущественно в западной части бухты. Едва ли моливдулы, весьма редко встречаемые на берегу, столь обильно бросали бы в воду наряду с пломбами

¹⁴² Фарбей А.М. Очерк истории исследования Судака // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 12; Sandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS – Washington, 1993. – P. 85–98; Sandrovskaja V. Die neuen Funde au byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS – Washington, 1995. – P. 153–161; Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1. – № 1. – С. 83–87; Sandrovskaja V. Das Siegel eines ΧΑΛΚΟΠΑΤΗΣ aus Sudak // SBS. – Washington, 1999. – Vol. 6. – P. 43–46; Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. – 1999. – Vol. 6. – P. 47–58; Степанова Е.В. Связи Херсонеса и Сугдеи... – С. 19–28; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 97–108 (в последнем издании привлечены данные 131 печати, в том числе 15 печатей VII–VIII вв., 32 печати VIII–IX вв., 15 печатей второй половины IX–X вв.).

¹⁴³ Булгакова В.И. Подводные сфрагистические находки в Судак: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаро. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – С. 35–39.

от товаров и свинцовыми филиктериями в виде якорьков или крестиков. Начавшись с середины — второй половины VI в., деятельность византийского архива пресеклась здесь в XI в., хотя порт продолжал функционировать. Но каково бы ни было происхождение печатей, следует особо подчеркнуть, что среди них выделяются своей массовостью имеющие отношение к Херсону, а именно, не менее 11 печатей его архонтов IX в. и четыре печати стратигос (две, вероятно, середины IX в. и две — первой половины X в.)¹⁴⁴. Собственно сугдейской византийской администрации, если не считать несколько личных моливдулов второй половины VI–VII вв., этими находками пока не зафиксировано, но обилие в чужом городе печатей херсонских высших имперских чиновников нуждается в объяснении.

Византийский Херсон раннесредневекового периода существования весьма богат на нумизматические находки, особенно на ходовые мелкие типы, медные номиналы небольшого веса и значения, используемые в практических торговых операциях¹⁴⁵. Следует подчеркнуть,

¹⁴⁴ Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений (1995 г., г. Севастополь). — Екатеринбург, 1995. — С. 13–15; Sandrovskaja V. Die neuen Funde... — P. 96–98; Stepanova E. New Seals from Sudak. — P. 52–54, № 11–16; Stepanova E. New Finds in Sudak // XXe Congress International des etudes byzantines (College de France — Sorbonne, 19–25 aout 2001). Pre-Actes. T. 2. — Paris, 2001. — P. 67; Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдее... — С. 19–28; Булгакова В.И. Печати стратигос Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 384–388; Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002. — С. 231–233.

¹⁴⁵ Сообщения о византийских, средневековых монетах из Херсона, хотя и весьма лаконичные, были в свое время даны представителями Одесского общества истории и древностей, а затем К.К. Косцюшко-Валюжиничем в отчетах о раскопках за соответствующие годы. Уже первые систематические исследования городища, проведенные под контролем ООИД, дали большое число нумизматических находок. Причем это была «римская и византийская медная подержанная монета (poimion)» главным образом от императора Маврикия (582–602) до василевсов Василия II и Константина (976–1025). А.В. Орешников отметил, что с III по VI вв. в Херсонесе обращалась позднеримская монета, к которой относится немного менее половины найденных на городище монет этого времени (Орешников А.В. Обзорение монет, найденных в Херсонесе при раскопках в 1888 и 1889 годах // МАР. — СПб., 1892. — № 7. — С. 46). Кроме того, он подчеркнул, что «главная масса монет приходится на IV–XI вв.», тогда как античных монет («времени самостоятельности Херсонеса») найдено было лишь 1/20 части всего количества (от более 800 экземпляров из раскопок 1888–1889 гг.) (см.: Орешников А.В. Указ. соч. — С. 33–46). Следовательно, ни раскопщики, ни нумизматы не зафиксировали и не могли зафиксировать «цезуру» монетного обращения эпохи «темных веков» (см.: Отчет имп. ООИД с 14 ноября 1877 г. по 14 ноября 1878 г. — Одесса, 1879. — С. 9). И не мудрено. К примеру, только в 1889 г. при разведках в западной части города и на северном берегу около монастырской купальни было найдено 1285 монет, среди которых оказалось 536 «византийских» и 373 «римских и византийских», тогда как «языческого периода», то есть

римского и древнейшего классического, по словам председателя Таврической ученой архивной комиссии А. Х. Стевена, было лишь 58 монет (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. — СПб., 1892. — С. 14; Стевен А. Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. — Симферополь, 1889. — № 8. — С. 100). Это обилие находок монет позднеантичного-раннесредневекового периода отмечал А. Л. Бертье-Делагард, который подчеркивал, что огромное большинство их «обычные херсоно-византийские, которые попадаются повсюду» (Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. — СПб., 1893. — № 12. — С. 17). Косцюшко-Валюжинич фиксировал их сотнями, суммарно отмечая как «христианские», «позднеримские и византийские», очевидно, по причине того, что они, как и должно было быть, попадались вместе. См. также: Описание музея князя Василия Викторовича Кочубея (составленное по его русскому каталогу) и исследования об истории и нумизматике Греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора — Киммерийского. Сочинение Б. Кёне. — СПб., 1857. — Т. 1. — С. 201–249 (херсонские монеты от Юстиниана I до Василия II; издание осуществлено в двух частях на русском и французском языках, но в количестве 200 экз., разосланных «по назначению»; см.: Мурзакевич Н. [Рец.] // ЗООИД. — 1863. — Т. 5. — С. 974–977), Мурзакевич Н. Херсонская монета императора Ираклия I // ЗООИД. — 1879. — Т. 11. — С. 374–316 (первая несовершенная сводка сведений о херсоно-византийских монетах раннесредневекового времени, начиная с Юстиниана I); Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. — Одесса, 1884. — С. 122–127 (херсоно-византийские монеты VI–XIII вв.); Бертье-Делагард А. Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. — 1906. — Т. 26 (Ч. 1). — С. 215–275; Орешников А. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. — М., 1905. — Т. 3. — Вып. 2 (отд. отд.). — С. 1–17, табл. VIII–X; Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты (Дополнение): Пам'яті К. К. Косцюшко-Валюжинича // НС. — М., 1911. — Т. 1 (отд. отд.). — С. 1–6, табл. 13 (единственная существенная ошибка — отнесение поздних монет с «ро» к выпускам Романа I Лакапина, что нашло отражение в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича и других исследователей); Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С. 379–392; Кудь-Белова Л. Н. Хронологическое описание монет, найденных в Херсонесе при раскопках 1926 г. // Х. сб. — 1927. — Вып. 2. — С. 289–293 (следует особо отметить атрибуцию и изучение этим нумизматом средневековых монет); Кудь-Белова Л. Н. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1906–1912 гг. // Х. сб. — 1930. — Вып. 3. — С. 141–215; Белова-Кудь Л. Н. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г. // Белолов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. — Симферополь, 1936. — С. 41–50; Белова-Кудь Л. Н. Описание монет из раскопок Херсонеса 1935–1936 гг. // Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. — Симферополь, 1938. — С. 139–155, 317–345; Белова-Кудь Л. Н. Монеты из раскопок Херсонеса в 1931 и 1932 гг. // МИА. — 1941. — № 4. — С. 268–274; Белова-Кудь Л. Н. Неизданные монеты Херсонеса // СА. — 1941. — Т. 7. — С. 326–329; Белова Л. Н. Описание монет из раскопок некрополя Херсонеса в 1937 г. // Х. сб. — 1948. — Вып. 4. — С. 45–49; Белова Л. Н. Монеты из раскопок кварталов XV–XVIII // МИА. — 1953. — № 34. — С. 255–278; Крушкел Ю. С. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г. // Труды Гос. Исторического музея. — М., 1957. — Вып. 26. — С. 61–69; Белова Л. Н. Монеты из раскопок в Херсонесе Н. В. Пятышевой в 1948 г. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974. — С. 84–88; Белова Л. Н. Определение монет, найденных при раскопках Херсонеса в 1955 г. // Х. сб. — 1959. — Вып. 5. — С. 70–72; Белова Л. Н. Монеты из раскопок XIX–XXII и XXV

что они явно преобладают над выпусками античного периода, хотя в целом новых выпусков в VIII в. было немного, что прослеживается в Ромейской империи повсеместно¹⁴⁶. Наиболее часто встречаются монеты двух хронологических групп, припадающие на вторую четверть VI – начало VII вв. и вторую половину IX – первую четверть XI в. (императоров Юстиниана I, Фоки и Тиверия Маврикия, а также Михаила III, Василия I, Льва VI, Романа I, Константина VII и Василия II)., Вероятнее всего, данное обстоятельство объяснимо их присутствием в слоях разрушений, засыпы колодцев и цистерн, образовавшихся в конце VI – начала VII вв. и в конце X – первой половины XI вв., то есть в то время, когда именно эти монеты были особенно в ходу¹⁴⁷. Впрочем, почти нет пропусков монетных выпусков и других василевсов, даже тех, что правили весьма недолго. Уже одно это обстоятельство убедительно указывает на наличие адаптации, товарно-денежных отношений, на развитость денежного рынка, постепенное накопление денежной массы, сравнительную устойчивость монетной инфраструктуры, что укладывается в классическую византийскую схему, безусловно или с оговорками признаваемую всеми византинистами.

Исследования средневековых нумизматических материалов, проведенные особенно активно, систематически и глубоко В. А. Анохи-

кварталов Херсонеса // Труды Гос. Эрмитажа. – Л., 1981. – № 21. Нумизматика. – С. 5–43; Golenko K. Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge für Numismatik. – Hamburg, 1964–1965. – Heft 18/19. – S. 5–12; Голенко К. В. Монеты из раскопок Государственного исторического музея в Херсонесе (1958–1969) // СА. – 1972. – № 4. – С. 211–222; Hahn W. The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times. A Survey // The Numismatic Circular. – 1978. – September – November. – P. 414–415, 471–472, 521–523; Костромичева Т. И. Неизданные золотые монеты из Херсонеса // АДСВ: Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 126–130; Грандмезон Н. Н. Свинцовые монеты Херсонеса // Нумизматика и эпиграфика. – 1978. – Т. 12. – С. 41–46; Грандмезон Н. Н. Заметки о херсонско-византийских монетах // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 209–212; Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // Проблемы античной культуры. Тезисы докл. крым. науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 231–232; Гурулева В. В. Редкие и неизданные монеты из коллекции Д. П. Вашкова // ВВ. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 180–186; Серов В. В. О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 39–40 (подборка автора показывает, что в книгах поступлений зафиксирована лишь малая часть находок, которую можно рассматривать как своеобразную выборку из огромного количества безвозвратно утраченного).

¹⁴⁶ См.: Treadgold W. The Struggle for Survival (641–780) // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. – Oxford, 2002. – P. 147.

¹⁴⁷ Романчук А. И. Этнические изменения в Юго-Западном Крыму в IV–VII вв. и судьбы причерноморских городов: концептуально-интерпретационный подход // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 136.

ным, А. М. Гилевич и И. А. Соколовой, показали, что город целиком находился в русле государственной византийской монетной политики VI–X вв. и пережил те же процессы, что испытала она¹⁴⁸. Новые наблюдения подкрепляют этот важный вывод и заставляют отказаться от порочной методики подсчета количества монет того или иного императора без учета археологического контекста находок, многократности и весьма продолжительной длительности их обращения, исчисляемой порой двумя – тремя столетиями¹⁴⁹. В ту пору, когда

¹⁴⁸ Анохин В. А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // *НС. – К.*, 1968. – Вып. 3. – С. 99–113; Анохин В. А. Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе // *НС. – К.*, 1974. – Вып. 5. – С. 13–16; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.) – *К.*, 1977; Anokhin V. A. The Coinage of Chersonesus IV Century B. C. – XII Century A. D. – Oxford, 1980; Соколова И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // *ВВ. – 1959. – Т. 15. – С. 50–63*; Sokolowa I. Les monnaies siciliennes du IXe siecle des fouilles de Chersonese // *Congresse internationale di numismatica. – Roma, 1965. – Vol. 2. – P. 565–570*; Соколова И. В. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // *ВВ. – 1968. – Т. 29. – С. 254–264*; Соколова И. В. Датировка некоторых монет Херсона // *НС. – К.*, 1968. – Вып. 3. – С. 86–95; Соколова И. В. Клад херсонских монет середины IX в. // *Труды Гос. Эрмитажа. – Л.*, 1971. – Т. 12. – С. 16–25; Соколова И. В. Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // *Сообщения Гос. Эрмитажа. – Л.*, 1971. – Вып. 32. – С. 66–68; Соколова И. В. Датировка типов херсонских монет Маврикия (582–602) и Василия I (867–886) // *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. – Л.*, 1977. – С. 169–177; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – *Л.*, 1983 (особенно с. 108–111); Грандмезон Н. Н. [Рец.] // *ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 227–230* (Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – *Л.*, 1983); Гилевич А. М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году // *Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 191–205*; Гилевич А. М. Золотые византийские монеты из Херсонеса // *СА. – 1959. – № 1. – С. 267–268*; Гилевич А. М. Нумизматическое собрание музея (краткий экскурс) // *СХМ. – Симферополь, 1960. – Вып. 1. – С. 57–62*; Гилевич А. М. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958–1960 гг. // *Суров Е. Г. Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961. – С. 128–140*; Гилевич А. М. Новый клад херсонсо-византийских монет // *ВВ. – 1964. – Т. 24. – С. 150–158*; Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963–1964 гг. // *АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 62–81*; Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965–1966 гг. // *АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 9. – С. 28–39*; Гилевич А. М. Клад херсонсо-византийских монет из округа Херсонеса // *НС. – К.*, 1974. – Вып. 5. – С. 91–94; Гилевич А. М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // *ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 214–225*; Гилевич А. М. Монетные клады средневекового Херсона // *XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. – М.*, 1991. – Т. 1. – С. 360–361.

¹⁴⁹ Ср.: Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // *НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 32–34*; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. – С. 97, 104–107; Романчук А. И. Херсонес VI – первой половины IX в. – *Свердловск, 1976. – С. 38, табл. 2–3*; Соколова И. В. Монеты и печати... – С. 109; Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // *Боспорский сборник. – М.*, 1992. – Вып. 1. – С. 39–40; Алексеев Н. А., Ковалевская Л. А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // *Проб-*

в историографии разрасталось представление о кризисе монетного дела, резком сокращении денежного обращения в «темные века» и, как следствие натурализации хозяйства византийского общества, А. М. Гилевич одна из первых вновь обратила внимание на весьма важное обстоятельство, замеченное уже первыми исследователями Херсонеса: «существенной хронологической разницы между монетными находками в разных слоях нет»¹⁵⁰. Так, полный сбор и анализ монетных находок на месте южного нефа базилики 1935 г. выявил большое количество позднеримских и ранневизантийских монет в различных слоях между VI и X в., что дало возможность поставить вопрос о длительности обращения позднеримских и ранневизантийских монет в VII–IX вв., в чем не видится некий феномен, поскольку в Западной и Центральной Европе римские монеты удерживались в обращении до X в. Дальнейшие наблюдения подтвердили, что в городском хозяйстве к концу VII в. накопилась большая монетная масса, которая вплоть до середины IX в. пополнялась за счет как городской, так и в еще большей степени римской и ранневизантийской мелкой монеты, не выходящей из свободного обращения¹⁵¹.

Надо также учесть такой политический аспект, как стремление победивших иконодолов уничтожать после 843 г. память о нечестивых императорах-иконоборцах, что не могло не отразиться не только на письменных источниках, но и на таком живом пропагандистском материале как монеты, которые должны были быть большей частью изъяты из обращения во второй половине IX–X вв. После победы ико-

лемы античной культуры. Тезисы докл. Крымской науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 231–232; Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 3–14; Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 17; Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 120; Романчук А. И. Состояние городской экономики и находки монет // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Тезисы докл. XV Всерос. науч. сессии византинистов. Барнаул, 29 мая – 2 июля 1998 г. – Барнаул, 1998. – С. 67–69; Романчук А. И. К вопросу об использовании нумизматических данных при изучении византийского города периода «темных веков» // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения – СПб., 2003. – С. 136–137.

¹⁵⁰ Гилевич А. М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году. – С. 192–193; ср.: Каждан А. П. Византийский город в VII–XI вв. // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 164–188; Каждан А. П. История византийской литературы... – С. 29.

¹⁵¹ Гилевич А. С. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // Х. сб. – 1959. – Т. 5. – С. 193; Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ Е 4–4. – М., 1962. – С. 34, № 217; Соколова И. В. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму. – С. 260; Алексеенко Н. А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. – М., 1995. – С. 25–26; Алексеенко Н. А. Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х. сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 341, 346.

нопочитателей в современных им кладах монеты иконоборческого периода практически не встречаются, что не может быть случайностью¹⁵². По сведениям Георгия Кедрина, василевс Никифор II Фока распорядился перелить все монеты предшествующих императоров, начиная с Маврикия¹⁵³. Разумеется, наличие старых монет в обращении и их пополнение небольшими новыми выпусками говорит о том, что денежное обращение в таких условиях не могло быть интенсивным, но тем не менее оно действовало и его уровень соответствовал существующим потребностям рынка, который получал достаточный объем разменной монеты стандартного номинала¹⁵⁴.

Исходя из сказанного, почти все византийские монеты следует считать не столько датирующими, сколько запаздывающими, анахроническими, поскольку время их обращения значительно превышало период жизни человека, равный в средневековье приблизительно 35 годам. Даже среднее время запаздывания монет могло превышать сто лет. Таким образом, с учетом принятой методической поправки можно заключить, что позднеримские и херсоно-византийские монеты переходили из века в век, время от времени пополняясь новыми выпусками, число монетных типов не сокращалось и денежная масса, как в отдельно взятом городе, так и во всей Империи, в целом сохранялась в стадии хотя бы небольшого роста, вполне достаточно для удовлетворения потребностей раннесредневекового общества. Эти наблюдения позволяют покончить с устойчивым, необъяснимым заблуждением относительно полного упадка византийского денежного обращения в эпоху «темных веков».

В тесной связи с нумизматикой находятся памятники метрологии из Херсона, представленные преимущественно гирями, разновесами-эксагиями из бронзы, меди, одноцветной стеклянной пасты, которые относились к византийской весовой системе. Многие из них несут символические изображения, характерные для раннего средневековья, надписи и знаки, окаймлены венком или рамкой, волнистой или с точечным орнаментом, и, следовательно, «соединяют в себе признаки монументального и письменного источника»¹⁵⁵. Кроме того,

¹⁵² См.: Соколова И. В. Клады византийских монет как источник по истории Византии в VIII–XI вв. // ВВ. – 1959. – Т. 15. – С. 50–63.

¹⁵³ Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. – Bonnæ, 1839. – Т. 2. – Р. 369.

¹⁵⁴ Примерно такая же ситуация сложилась после выхода Равеннского экзархата в VIII в. из «номисма – зоны», когда в обращении находились одновременно византийские, равеннские и новые лангобардские монеты (Бородин О. Р. Равеннский экзархат. – С. 269–270). Херсон же, оставаясь в «номисма-зоне», искал выход из положения в использовании любых позднеримских и ромейских монет, пригодных для пополнения денежной массы и обеспечения нормального товарообмена.

¹⁵⁵ Зорграф А. Н. Античные монеты // МИА. – 1951. – № 16. – С. 39; Kazdan A., Talbot A.-M. Wages // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2189–2190.

следует учесть, что в условиях развитого монетного обращения они служили масштабом цен. С их помощью постоянно проверялась полноточность монет, которые взвешивались и затем подсчитывались, причем на отдельные монеты с этой целью наносились граффити в виде знаков, черт, букв, имевших цифровое значение¹⁵⁶. Размеры таких гирь небольшие, поскольку в основе из веса лежала небольшая единица — литра или фунт (либр), величина которого в раннее средневековье колебалась от 327 до 300 гр. с тенденцией к понижению в VII–IX вв.¹⁵⁷. В целом, херсонесская схема деления литры — фунта до XI в. полностью соответствовала византийской: 72 номисмы = 6 унций = 1 литра (либр), тогда как 1 *nomismata* = 3,5–4,5 г (допустимое законом колебание веса), а *oungkia* = 27,3 г.

Если не считать описания около десятка византийских гирь и разновесов из Херсона, проведенного А.А. Васильевым, существует единственный сводный каталог гирь из Северного Причерноморья, составленный Л.И. Чуистой, в котором были учтены византийские экземпляры общим числом 161¹⁵⁸. Среди них помещены и многочисленные находки из византийского Херсона. Однако автор основным принципом классификации положила весовой норматив гирь, отчего гири близкого веса, но разновременные оказались неудачно объединены в одни группы. Кроме того, в группах гири не разделялись по центрам бытования и почти не датировались. Еще одну попытку обработать средневековые херсонесские метрологические источники предпринял М.И. Золотарев. Он положил в основу их классификации такие критерии как материал гирь, форма изделия, надписи и весовые нормы, что позволило выделить несколько четко очерченных групп разновесов, и можно лишь сожалеть, что работа осталась в рукописном варианте, неопубликованной¹⁵⁹.

Анализ находок показывает, что для обозначения весовых нормативов, функционировавших в Херсоне, применялся буквенный греческий алфавит, реже — знаки, символы, причем и те, и другие обозначались прорезью, иногда с тонкой обводкой, инкрустацией се-

¹⁵⁶ Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Судейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 438–439.

¹⁵⁷ Kurtz K. *Metrologicka facta u historicke rekonstrukci. K diskusi o tzv. tezke rimske libre* // *Listy filologicke*. — 1987. — № 110. — С. 216–221; Hellenkemper H. Ein byzantinisches Baumass // *Deutsches Archäol. Institut. Abteilung Istanbul. Istanbul. Mitteilungen*. — 1989. — Bd. 39. — С. 181–190; Herschend F. A Case-Study in Metrology: The Szikans Hoard // *Tor*. — 1990–1991. — Vol. 23. — P. 85–104.

¹⁵⁸ Васильев А.А. Описание византийских гирь и эксалигов, хранящихся в Академии // ИРАИМК. — Пг., 1922. — Т. 2. — С. 237–240; Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // *Археология и история Боспора*. — Симферополь, 1962. — Т. 2. — С. 7–235 (особенно с. 94–126, 136–137).

¹⁵⁹ Золотарев М.И. Метрология средневекового Херсона. — Симферополь, 1973 (рукопись) // Архив НЗХТ. — Д. № 1694. — 78 л.

ребром. Кроме нормативов на гирях нередко присутствует христианская монограмма, изображения креста, венка, колонн, арки храма, что, вероятно, указывало на их эталонный, официальный характер и одновременно имело символический, морально-нравственный смысл, напоминая о заповеди «не укради» — существенном внутреннем факторе, сдерживающем истинно верующего ромея-лавочника или менялу от совершения того, что окружающие и он сам осознавали как один из семи смертных грехов¹⁶⁰. Следовательно, такого рода данные помогают лучше понять ментальные представления херсонитов, которые даже в экономической сфере базировались уже на связи с канонами литургической жизни.

Форма херсонесских гирь с византийским фунтом в основе была разной. Вероятно, наиболее ранними являются фигурные гири-противовесы (270–320 г.) от статиров или кампанов — одночашковых неравноплечных весов — безменов, с помощью которых отмеривали мясные и рыбные продукты, масло, овощи, бобы, мед, сыр и те товары, которые продавали на вес (свечи, выделанный воск, мыло, гвозди, смолу, гипс, а возможно, нитки, веревки и даже бусы, по крайней мере, одноцветные)¹⁶¹. Такие гири были распространены в Херсонесе в позднеримское — ранневизантийское время, хотя ничто не мешало использовать их и позже¹⁶². Одновременно с ними бытовали бронзовые боченкообразные гирики со знаками на верхней плоскости, которые обозначали норматив в единицы унций. Более мелкие номиналы гирь в ранневизантийское время (V–VII вв.) представляли собой маленькие бронзовые квадратные гири с обозначением веса на лицевой стороне. Такие гирики служили нормативом в единицы номисм, а иногда и в унцию.

Позже, в постюстиниановскую эпоху и в «темные века», в Херсоне привилась форма гирек в виде бронзового диска, иногда восьмиугольного, с обозначением номинала на лицевой стороне. Этот сам по себе очень важный факт дает основания считать, что город в это время не свернул торговых, разменных операций, для осуществления которых здесь продолжали пользоваться мерами веса, распространенными во всех византийских провинциях. К слову, наличие

¹⁶⁰ Гурулева В. В. Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. IX науч. Сюзюмовские чтения. — Екатеринбург, 1997. — С. 11–12; Гурулева В. В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. — 1999. — Т. 16. — С. 84–85.

¹⁶¹ Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — С. 158.

¹⁶² Федоровский А. С. Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. — Севастополь, 1927. Кампан, обнаруженный на византийском корабле, потонувшем у Ясси-Ада около 630-х гг., имел гирию-противовес с изображением Афродиты, и, значит, такая символика не смущала христиан — наводов, захвативших с собой в плавание кадило.

единой весовой системы для всей Империи предельно упростило обмен: римский мир с его региональными весовыми системами не обладал подобным преимуществом.

Следует учесть, что среди раннесредневековых византийских городов Херсон заслуживает особого внимания в силу беспримерно длительного систематического и планомерного исследования целых районов города, оставшихся не застроенными в новое время и поэтому позволяющих получить массовые и вместе с тем уникальные материалы о состоянии типичного пограничного византийского провинциального центра¹⁶³. История этих археологических раскопок не раз служила объектом изучения, выливалась в обобщающие очерки и нет нужды ее еще раз подробно повторять¹⁶⁴. Гораздо важнее отметить то, что исследования дали для изучения именно раннесредневекового Херсона, поскольку, имея дело со сложным, многослойным памятником, вычленять такие материалы было нелегко.

Уже первые раскопки на территории городища выявили характерную специфику его планировки, заключавшуюся в последовательном многовековом континуитете сетки разновременных улиц и кварталов. Постройки средневекового города стояли на местах более ранних, однако эти последние были либо почти полностью уничтожены в ходе периодически предпринимавшихся перестроек, либо стояли столетиями, подвергаясь лишь частичным переделкам и ремонтам. Разобраться в этой мешанине слоев и обрывков каменных кладок было очень сложно. К тому же даже то, что несомненно относилось к византийской эпохе исследователи долгое время не были в состоянии разделять на более дробные периоды, в лучшем случае выделяя ранне- и поздневизантийский материал или материал I–IX вв.¹⁶⁵

Если не считать первых раскопок, проводившихся главным образом некоторыми русскими флотскими офицерами, действовавшими либо по поручению командования, либо как любители, в силу соб-

¹⁶³ Романчук А. И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город. Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 10–13.

¹⁶⁴ Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927. – Севастополь, 1927; Антонова И. А. Херсонесский музей за годы советской власти // X. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 3–12; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – № 63. – С. 7–15; Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986. – С. 10–29; Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 1995. – С. 13–25; Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 11–32; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 15–58.

¹⁶⁵ Косцюшко-Валюжинич К. К. Новости археологии. – Севастополь, 1901. – С. 9; Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического (по данным раскопок Р. Х. Лепера) // X. сб. – 1930. – Вып. 3. – С. 9.

ственного увлечения¹⁶⁶, первый заметный шаг на пути изучения города оказался связан с Одесским обществом любителей истории и древностей. Утвержденное 14 ноября 1839 г. императором Николаем I, оно сразу же обратило внимание на Херсонес, и уже в 1840 г. по просьбе руководства Общества военным топографом З.А. Аркасом был составлен план городища.

Рис. 18. А.С. Уваров

Кроме того, по поручению Общества и лично адмирала Н.И. Лазарева, служащий севастопольского статистического комитета, капитан 1-го ранга в отставке З.А. Аркас написал работу «Описание Ираклийского полуострова», в которую вошли

все известные на тот момент археологические сведения о Херсонесе и его округе, наиболее зримые именно для поздней поры истории города¹⁶⁷.

В то же время продолжались эпизодические раскопки, в ходе которых бессистемно и без должной фиксации вскрывались руины средневековых построек, многие из которых имели вид плоских холмов, отчего были приняты за курганы, как это случилось со славив-

¹⁶⁶ Как наиболее яркие примеры можно привести раскопки плантера Черноморского флота, поручика Карла (Николая) Крузе, который в 1827 г., выполняя поручение адмирала А.С. Грейга, открыл три раннесредневековых храма, в частности, крестовидную церковь по центру агоры (остальные два — базилики за монастырской конюшней и выше шлюпочного сарая), а также изыскания лейтенанта, князя Виктора Ивановича Барятинского (1823–1904), который около 1840 г. копал на месте Восточной базилики, четырехапсидного мартирия и, сам того не ведая, открыл на острове в Казачьей бухте остатки гробничного храма св. Климента с примыкающими к нему постройками. В 1852 г. лейтенант Шемякин, уже несколько лет активно рывшийся в развалинах городища, обнаружил следы главного кафедрального храма-кафоликона Херсона на северо-восточном берегу, который раскопал на следующий год под руководством графа А.С. Уварова. Разумеется, осмысление важности находок и их интерпретация не стали делом этих увлеченных, образованных людей, хотя в 1860 г. князь Барятинский был избран действительным членом ООИД. (см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 18–21; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в. — СПб., 2002. — С. 509–514, 518–519, 521, 525–529).

¹⁶⁷ Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса // ЗООИД. — 1848. — Т. 2. — С. 35–179; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. — Николаев, 1879; см.: Тункина И.В. Русская наука... — С. 517, 520.

шимся своей удачливостью керченским археологом и чиновником Кабинета его Величества Д. В. Карейшей¹⁶⁸.

Осенью 1853 г., выполняя высочайшее распоряжение императора Николая I, к работам в Херсонесе приступил командированный в Крым «для ученых исследований» камер-юнкер, граф Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884) (рис. 18), позднее, с 1866 г. возглавивший Московское общество любителей истории и древностей. Ему удалось получить некоторые материалы по истории раннесредневекового Херсона, целиком открыв ранее обнаруженную самую большую базилику города (носящую в литературе его имя) и ряд склепов ранневизантийского времени, о чем последовал первый документированный отчет, хотя и краткий для такого масштаба работ¹⁶⁹. Но уже в 1852 г. на территории городища было поселено несколько иноков и открыто богослужение, для чего туда был послан энегричный, деятельный иеромонах Василий (Юдин). За год он организовал строительство каменной ограды, внутри которой при воротах устроил три кельи, а посредине – небольшую церковь во имя св. равноапостольного князя Владимира. Она была освящена 28 марта 1853 г. Этим было положено основание Владимирского мужского монастыря, что крайне осложнило дальнейшее дело научного исследования уникального памятника¹⁷⁰.

С этого момента раскопками «руководил» настоятель монастыря, который вел их на деньги Священного Синода, а отчасти на средства Министерства народного просвещения с перспективной целью создания музея христианских древностей. В начале 1860-х гг. начались работы по сооружению Владимирского собора в центре городища, которые вынудили к интенсивному и, к сожалению, крайне спешному, а потому не тщательному изучению разнообразных средневековых памятников (храмов, гробниц, портиков, потестарных зданий, цистерн), обнаруженных на месте строительства собора¹⁷¹. Немногое из того, что было добыто к этому времени, попало на Политехническую

¹⁶⁸ См.: Карейша Д. В. Археологические исследования вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове // ЖМНП. – СПб, 1848. – Т. 21. – С. 425–450; Тункина И. В. Указ. соч. – С. 517, 522–523; Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 417–418.

¹⁶⁹ Уваров А. Несколько слов об археологическом разыскании близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. – М., 1854. – Кн. 4. – С. 525–537; Уваров А. С. Всеподданнейший доклад Его Величеству за 1853 год // Сборник мелких трудов А. С. Уварова. Т. 3. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. – М., 1910. – С. 58–126; Ящуржинский Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. – 1898. – № 28. – С. 106–114; Тункина И. В. Указ. соч. – С. 523–529.

¹⁷⁰ Подр. см.: Херсонисский монастырь в Крыму. – Варшава, 1907.

¹⁷¹ Антонова И. А., Филиппенко В. Ф. Монастыри Крыма: История и легенды // Боги Тавриды. История религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С. 148.

выставку и было описано И. Мансветовым¹⁷². Показательно, в Херсонесе предполагалось экспонировать только христианские древности, но это мотивировалось тем, что хранение находок античного времени не могло иметь место в христианской обители¹⁷³.

В 1876 г. Одесским обществом истории и древностей «для приведения в известность местности византийского города Херсона» был учрежден комитет из четырех его членов по надзору за раскопками. В него по решению президента Общества князя С. М. Воронцова вошли вице-президент ООИД Н. Н. Мурзакевич

Рис. 19. Н. Н. Мурзакевич

(рис. 19), действительный член ООИД П. О. Бурачков, отец Афанасий и инженер-полковник К. Е. Геммельман. Последний в качестве техника вместе с бывшим настоятелем Херсонесского монастыря, игуменом Анфимом должны были начать работы на месте. При этом главная задача программы для раскопок, сообщенной Обществом обер-прокурору правительствующего Синода, графу Д. А. Толстому, сводилась к тому, чтобы «систематически раскрыть следы византийского Херсона, его храмов, а из извлеченных архитектурных предметов, разнообразных ваяний, монет и вещей создать Христианский Музей»¹⁷⁴. Предполагалось выстроить само здание музея в виде базилики, провести реставрационные работы на храме св. Климента Римского в Казачьей бухте и укрепить размываемую береговую линию контрфорсами¹⁷⁵. Хозяйственное управление при Синоде выделяло на раскопки ежегодно по 1000 рублей. С 1881 г. на те же цели по 1000 рублей стало выделять Министерство просвещения¹⁷⁶. Это была немалая сумма, учитывая, что дневной заработок землекопа составлял от рубля до полутора, а надсмотрщика — 3 рубля. Но в связи с тем, что центральная часть Херсонесского городища все больше застраивалась монастырскими постройками, были уничтожены или засыпаны без должного исследования многие памятники Херсоне-

¹⁷² См.: Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. — М., 1872.

¹⁷³ См.: Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества... — С. 423.

¹⁷⁴ Отчет имп. Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 г. по 14 ноября 1876 года. — Одесса, 1877. — С. 10; Юргевич В. Исторический очерк пятидесятилетия Имп. Одесского общества истории и древностей 1839—1889. — Одесса, 1889. — С. 62—63; Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. — С. 19.

¹⁷⁵ См.: Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества... — С. 421.

¹⁷⁶ Юргевич В. Исторический очерк... — С. 64—65.

са, а там, где раскопки все-таки проводились, они велись без соответствующих знаний, опыта, присмотра за рабочими, небрежно, «плантажным способом» и должных результатов дать не могли. Уже в письме от 16 апреля 1878 г. к вице-председателю ООИД Н. Н. Мурзакевичу К. Е. Геммельман признался, что не особенно часто бывает в Херсонесе и самое главное, — «определить за тем значение открытых зданий, монет и пр., описать это и вообще разобрать научно-археологически — не мое дело, а сделается теми членами Общества, которые знают более меня»¹⁷⁷. Разумеется, подобный отрыв полевых работ от изучения добытого в их ходе материала оказался крайне пагубным и в значительной степени обесценил результаты раскопок. Их быстрота и масштабность объясняются именно отсутствием сопряженных с этим научных изысканий или хотя бы толковых описаний, чертежей. С декабря 1876 по декабрь 1884 гг. были исследованы восточная часть главной продольной улицы города, крупная восточная базилика и кварталы рядом с ней, участок в районе «холма Уварова», то есть недокопанного епископального комплекса, открыт его баптистерий, храм-мартирий с подземной четырехконхальной криптой, участок около Карантинной бухты, остатки городского водопровода и некоторые другие объекты¹⁷⁸. Отчеты Общества об этих «правильных раскопках» печатались за соответствующие годы, но были предельно краткими и схематичными, а потому малоинформативными, путаными¹⁷⁹.

В 1884–1885 гг. раскопки во II квартале велись под надзором настоятеля монастыря и штабс-капитана артиллерии Д. С. Григорьева. Главное внимание раскопщиков, по понятным причинам, было уделено базиликам и предметам христианского культа, в том числе ранне-средневековым остаткам, однако даже они не удостоились приемлемого документирования. Тем более остались не описанными раскопки отдельных помещений. Результаты работ свелись преимущественно к чертежным наброскам, крокам, которые трудно назвать планами.

¹⁷⁷ См.: Стржелецкий С. Ф. Изучение стратиграфии Херсонесского городища // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического музея и Уральского государственного университета в 1963 году / Архив НЗХТ. — Д. № 1138. — Л. 217.

¹⁷⁸ Юргевич В. Н. Краткий очерк деятельности императорского ООИД // ЗООИД. — 1886. — Т. 14. — С. 57–58; Юргевич В. Исторический очерк... — С. 62–65.

¹⁷⁹ Поскольку ООИД было утверждено 14 ноября 1839 г., все ежегодные отчеты Общества представлялись к этому числу и публиковались в виде небольших брошюр, издаваемых в Одессе. См.: Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1876 г. по 14-е ноября 1877 года. — Одесса, 1877. — С. 9–10; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1877 г. по 14-е ноября 1878 года. — Одесса, 1879. — С. 6–10; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1879 г. по 14-е ноября 1880 года. — Одесса, 1881. — С. 8; Отчет имп. ООИД с 14 ноября 1881 по 14 ноября 1882 года. — Одесса, 1882. — С. 7–8; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1882 г. по 14-е ноября 1883 г. — Одесса, 1884. — С. 8–10; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1884 г. по 14-е ноября 1885 г. — Одесса, 1886. — С. 9–14.

«Маловажные находки полустертых монет и вещей, — по мнению раскопщиков, — не представляют ничего особенно замечательного», поэтому на них не обращали внимания¹⁸⁰. В лучшем случае их фиксировали суммарно, согласно «разработанным кубическим саженьям земли», а мозаика оценивалась на пуды, которые весили составлявшие ее кубики, смальта¹⁸¹. Все найденное, а точнее, удостоенное быть замеченным, хранилось «в особых шкафах под замком и под надзором монастырского казначея», но чем конкретно пополнялись эти «особые запертые шкафы» теперь можно только гадать. Массовый же, преимущественно средневековый материал, обнаруженный при разрытии северо-восточных жилых кварталов I–V, по сути дела, пропал, не дойдя даже до описи. Все это не позволяет высоко оценить результаты десятилетней деятельности даже с учетом «уровня развития научных знаний своего времени» и тем более панегиризировано говорить о создании в этот период «источниковой и методической базы» для систематического изучения Херсонеса, переходе от поиска артефактов к постановке и решению научных проблем¹⁸². На самом деле время обобщения найденного наступило не скоро. Для этого понадобились еще десятки лет напряженного труда и перестройка самой системы исследований, подхода к материалу.

Истоки этого перелома крылись в следующем. Московское общество любителей истории и древностей, возглавленное с 1885 г. графиней Прасковией Сергеевной Уваровой (1840–1924), попыталось добиться разрешения продолжить раскопки, представило на имя императора предложения о мерах по сохранению остатков древнего города, но инициатива оказалась перехвачена более авторитетной Императорской Археологической комиссией, которая взяла дело под свой контроль. При этом руководство раскопками в 1887 г. собирались поручить инженер-генерал-майору А. Л. Бертье-Делагарду, действительному члену ООИД, который выразил «почти согласие»¹⁸³, а ближайшее наблюдение за раскопками с обязанностью заносить находки в «материальную книгу» и представлять отчет безвозмездно принял на себя другой действительный член ООИД, севастопольский житель Карл (Николай) Казимирович Косцюшко – Валюжинич (1847–1907) (рис. 20). На нем же лежал найм рабочих и заготовка инструментов. С 1888 г. энергичный, до фанатизма влюбленный в свое дело новый заведующий раскопками, не профессиональный археолог, инженер по образованию, в течение 20 лет осуществил огромный объем работ, вскрыв до основания многие сотни метров городских

¹⁸⁰ Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1879 г. по 14-е ноября 1880 года. — С. 8.

¹⁸¹ См.: Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1884 г. по 14-е ноября 1885 г. — С. 10–12.

¹⁸² Ср.: Гриневич К. Э. Сто лет... — С. 19–23; Шаманов А. В. Деятельность Одесского общества... — С. 421–422.

¹⁸³ Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1886 по 14-е ноября 1887 г. — Одесса, 1888. — С. 15–16.

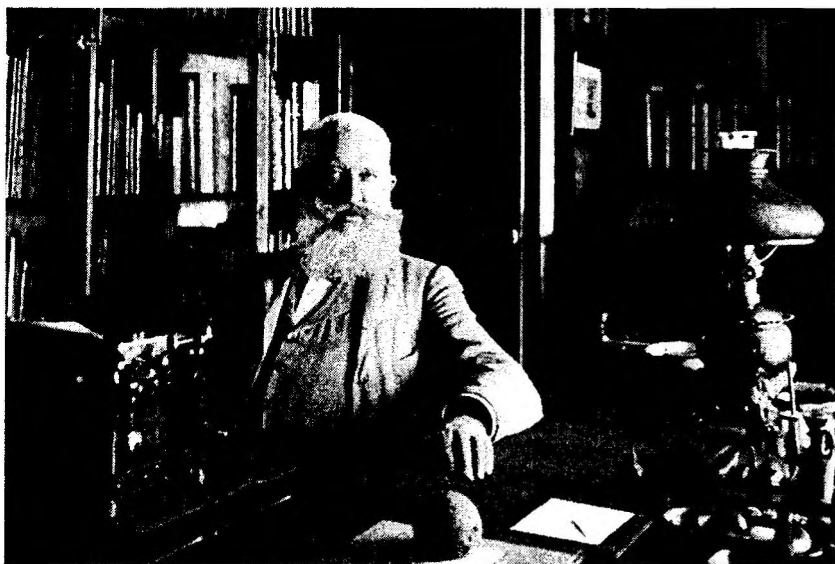

Рис. 20. К.К. Косцюшко-Валюжинич

оборонительных стен, проследив их на всем протяжении, открыл или доисследовал десять из всех известных к настоящему времени раннесредневековых базилик и храмов Херсона, около 2500 могил, склепов, среди которых было немало ранневизантийских, два крупнейших общественных здания (дворцовый комплекс, так называемое «здание Г», на пересечении главных улиц и монументальное архитектурное сооружение, предположительно названное термами, рядом с городским водохранилищем), около 200 помещений домов, усадеб, подвалы, цистерны, водосточные каналы в самых разных местах городища, прежде всего там, где монастырем или Военно-инженерным ведомством планировалось новое строительство¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Наряду с К.К. Косцюшко-Валюжиничем в те же годы периодические раскопки и разведки в Херсонесе проводил еще один такой же археолог — любитель, военный инженер А.Л. Бертъе-Делагард, непосредственный свидетель раскопок города с 1876 г. Наездами здесь бывал видный симферопольский земской деятель, тогдашний председатель Таврической ученой архивной комиссии А.Х. Стевен. Особо надо отметить раскопки и исследование участка между V и VIII фланговыми башнями западной оборонительной стены, не сохранившегося до настоящего времени, а также дороги и водопровода, шедших к западным воротам города, которые провел в 1894 г. во время строительства в этом районе батареи №12 военный инженер, штабс-капитан Михаил Иванович Гарабурда (ум. 1895 г.). По воспоминаниям современников, это был скромный, вдумчивый человек, которого всегда можно было видеть у места раскопок, записывающим что-либо (Гарабурда М.И. Оборонительные стены Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса. С предисловием и примечаниями М.И. Скубетова. С двумя таблицами чертежей //

ИТУАК. — Симферополь, 1909. — №43. — С. 88–98; Косцюшко-Валюжинич Д. Н. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. — Симферополь, 1911. — №45. — С. 61–62). См.: Отчет о раскопках в Херсонесе. 1888–1890 годы // Архив НЗХТ. — Д. № 1. — Л. 1–50 (главная площадь, «базилика в базилике», у западных оборонительных стен, на северном берегу, за южной оборонительной стеной, в Стрелецкой и Казачьей бухте); Косцюшко К. Археологическая заметка // Крым. — 1889. — №133; Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889год. — СПб., 1892. — С. 13–15; Стевен А. Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. — Симферополь, 1889. — №8. — С. 99–103 (около монастырской купальни и в «базилике в базилике», открытый в 1889 г.); Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890год. — СПб., 1892. — С. 30–40 (акрополь, вдоль главной продольной улицы, впереди и внутри «базилики в базилике», «базилика на холме», около западной городской стены, на северном берегу, на южном участке некрополя около оборонительных стен, на островке в Казьей бухте); Косцюшко-Валюжинич К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. — Симферополь, 1891. — №13. — С. 55–61 («монастырек» на островке в Казачьей бухте); Косцюшко-Валюжинич К. К. О результатах, достигнутых археологическими разведками в Херсонесе и его окрестностях // Крымский вестник. — 1891. — № 91–92 (отд. отд.). — 42 с.; Отчет за 1891 г. Раскопки в Херсонесе в пределах городских стен // Архив НЗХТ. — Д. №2. — Л. 1–25 («базилика Крузе», Западная базилика, южный некрополь); Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1891 год. — СПб., 1893. — С. 2–20; Гробницы, урны и катакомбы, открытые в Херсонесе // ОАК за 1891 год. — СПб., 1893. — С. 137–150 (68 могил на косогоре за южной оборонительной стеной); Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. — СПб., 1893. — № 12. — С. 1–64 (общие итоги раскопок к 1891 г.); Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1892год. — СПб., 1894. — С. 13–27; Перечень древностей, найденных в 1892 году в могильнике у южной городской стены Херсонеса // ОАК за 1892год. — СПб., 1894. — С. 101–123; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1892–1893 гг. // Архив НЗХТ. — Д. № 3. — Л. 1–53 («часовня» у Западной базилики, южный некрополь); Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893год. — СПб., 1895. — С. 51–75 (с. 59–75 — некрополь у южной части городской стены); Отчет о раскопках за 1894–1895 гг. // Архив НЗХТ. — Д. №4. — Л. 1–47 (юго-западный, юго-восточный и северо-западный углы городища, между Владимирским собором и Карантинной бухтой; вдоль оборонительной стены между башней Зинона и монастырской оградой); Отчет г. заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894год. — СПб., 1896. — С. 51–76 (с. 60–76 — раскопки некрополя); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895год. — СПб., 1897. — С. 87–116; Отчет за 1896 год // Архив НЗХТ. — Д. №5. — Л. 1–30 (юго-восточный угол главной площади — агоры, базилика №28, к северу от Склада древностей, некрополь у Карантинной бухты); Раскопки в Херсонесе в 1896 г. // Археологические известия и заметки, издаваемые Имп. Московским археологическим обществом под ред. А. В. Орешникова и С. К. Богоявленского. — М., 1897. — Т. 5. — С. 10, 167–195, 229 (загородный некрополь, «храм с ковчегом» №19, агора и около Склада древностей); Производство археологических раскопок и разведок в Таврической губернии // ОАК за 1896год. — СПб., 1898. — С. 71–78; Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896год. — СПб., 1898. — С. 165–198; Отчет за 1897 год // Архив НЗХТ. — Д. №6. — Л. 1–27 (внутри монастырской ограды, «храм с ковчегом», вдоль береговой линии, между Складом древностей и караульным домом, некрополь у Карантинной бухты); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1897 год // ОАК за 1897год. — СПб., 1900. —

С. 91–132; Отчет за 1898 г. // Архив НЗХТ. – Д. №7. – Л. 1–27 (в юго-западной части городища, около башен Зинона, XV и XVI, с наружной стороны западной оборонительной стены, на месте бывшего порохового погреба у южной оборонительной стены, рядом с городским водохранилищем и «термами»); Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. – СПб., 1901. – С. 3–12; Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. – СПб., 1901. – С. 99–123; Отчет за 1899 год // Архив НЗХТ. – Д. №8. – Л. 1–45 (с внешней и внутренней стороны южного участка оборонительной стены, около древнегреческих ворот, в периболе куртин 16–17, у «казармы», с внутренней стороны угла куртин 17 и 18, и на прилегающей полосе портового района городища, в квартале 1); Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 год. – СПб., 1902. – С. 3–16; Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 1–55; Отчет за 1900 год // Архив НЗХТ. – Д. №9. – Л. 1–30 (южная оборонительная стена); Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК. – 1902. – Вып. 2. – С. 1–39; Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. – Д. №10. – Л. 1–34 (северо-западный угол городища, западная оборонительная стена, Западная базилика, Уваровская базилика и баптистерий, некрополь у Карантинной бухты); Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 51–119; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1901 год. – СПб., 1903. – С. 22–50; Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. – Д. №11. – Л. 1–31 (большая агора, южный загородный крестовидный храм и некрополь возле него); Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 1–62; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1902 год. – СПб., 1904. – С. 28–38; Косцюшко-Валюжинич К. Первое дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 111–113; Косцюшко-Валюжинич К. Второе дополнение к отчету за 1902 год. Окончательное расследование алтарной части крестного храма в 1906 г. // ИАК. – 1906. – Вып. 20. – С. 96–100; Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. – 1909. – Вып. 33. – С. 68–70; Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 1–53 (загородный некрополь, к северу от «храма с ковчегом», некрополь в периболе вдоль юго-восточного участка оборонительной стены, у куртин XV–XVI); Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1903 год. – СПб., 1906; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 37–110; Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 1–25 (в центре большой агоры, в южной части монастырской усадьбы и у Склада древностей – продолжение раскопок 1902–1903 гг.); Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. – 1906. – Вып. 20. – С. 17–95; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1904 год. – СПб., 1907. – С. 49–69; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 1–45 (некрополь у Карантинной бухты и выше – продолжение раскопок 1896, 1897, 1901, 1902 гг.; некрополь с южной стороны загородного крестовидного храма; у монастырского скотного двора; между казематом крепостной артиллерии и Складом древностей, на берегу Карантинной бухты – продолжение раскопок 1892, 1894, 1896, 1903, 1904 гг.; около куртины 18 и башен XVI и XIX, около «здания Г» и 14 куртины, на пересечении главных улиц); Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. – СПб., 1908. – С. 38–57; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 67–165; Бертье-Делагард А. Л. По поводу раскопок в Херсонесе // ЗООИД. – 1906. – Т. 26. – Ч. 5. – С. 3–8 (доклад – реферат о южном загородном крестовидном храме, открытом в 1902 г. и исследованном по просьбе А. Л. Бертье-Делагарда в 1906 г.); Отчет за 1906 год // Архив

К.К. Косцюшко-Валюжинич впервые применил послойный метод ведения раскопок на большой территории, а в тех местах, где это было по разным причинам невозможно — траншеи¹⁸⁵. Трудно согласиться с категоричным заключением К.Э. Гриневича, воспринятом многими исследователями, что эти раскопки не велись систематическим образом и их можно рассматривать лишь как «разведки городища»¹⁸⁶. Их систематичность и даже плановость во многом превосходила усилия раскопщиков от ООИД, не многим уступает современным работам, которые тоже не ведутся на одном месте, подчас с перерывами, с возвратом к недокопанному, новыми прирезками в разных местах. Другое дело, что поначалу отчеты К.К. Косцюшко-Валюжинича, постепенно набиравшего опыт, мало отличались от отчетов ООИД, с некоторыми из членов которого у него были сложные отношения. Они содержали довольно общие сведения об остатках архитектурных конструкций, при описи находок почти никогда не указывалось точное место их обнаружения. Поэтому наиболее информативными оказывались планы раскопанных строений, храмов, усадеб, цистерн, кладовых, в массе своей именно средневековых. Фонды стали изобиловать материалом, тысячами артефактов византийской поры города, которые до сих пор не все введены в научный оборот.

НЗХТ. — Д. №15. — Л. 1–71 (на территории «цитадели», башни XIX, XX, XXI, в портовом районе, южная оборонительная стена, «казарма», западная часть городища, загородный крестовидный храм и некрополь с южной стороны от него); Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // ИАК. — 1909. — Вып. 33. — С. 50–67; Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 год. — СПб., 1909. — С. 58–83; Отчет за 1907 год // Архив НЗХТ. — Д. №16. — Л. 1–120 (некрополь у Карантинной бухты, у южного загородного крестовидного храма и у офицерских флигелей около шоссе); Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК. — 1911. — Вып. 42. — С. 1–91; Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. — 1907. — Вып. 21. — С. 1–207. См. также первое фундаментальное, после скромных опытов Л.П. Лебединцева и Н.П. Кондакова, обобщение результатов раскопок христианских культовых построек и их топографии — Айналов Д.В. Развалины Херсонеса // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1 (исследовательская часть — «описание мраморов» и датировки отсутствуют: планировавшаяся об этом монография в соавторстве с харьковским профессором Е.К. Рединым осталась не изданной); ср.: Лебединцев Л.П. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуня или Херсонеса, их открытие и значение // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. — К. . 1889. — Т. 25. — С. 56–73; Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. — СПб., 1891. — Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. — С. 14–23.

¹⁸⁵ Романчук А.И. К.К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907) // Археология. — 1991. — №2. — С. 120.

¹⁸⁶ Гриневич К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–10 гг. // Х. сб. — 1927. — Вып. 2. — С. 259; Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. — С. 26.

Заведующий раскопками пришел к ряду выводов, которые стали неотъемлемой частью дальнейших исследований. Так, он первым установил, что все херсонесские базилики похожи друг на друга и имели одинаковое устройство¹⁸⁷. Ему принадлежит и первая археологическая периодизация средневекового Херсонеса: к византийскому времени К. К. Косцюшко-Валюжинич относил два слоя, один соответствовал «старому» (ранневизантийскому), синхронному христианским базиликам, а другой — «верхнему» (поздневизантийскому) городу IX–XIV вв.¹⁸⁸. Различал он «римско-византийский», «поздневизантийский» периоды и, как мог, пытался увязать эту стратиграфию с определенными строительными остатками. Все это вполне соответствовало уровню профессиональной археологии того времени, переживавшей стадию своего становления¹⁸⁹.

Особенностью тогдашних исследований можно назвать то, что при определении времени постройки того или иного сооружения в качестве датирующего материала использовали только нумизматические данные. Иногда монеты датировали неверно, что особенно наглядно видно на примере путаницы, связанной с многочисленными, часто встречавшимися медными монетами Романа I (920–944) и херсоно-византийскими монетами с «ро» второй половины XI–XIII вв.¹⁹⁰. Понятно, насколько серьезные ошибки возникали в таких случаях, причем их не заметили и в дальнейшем, доверяясь указаниям К. К. Косцюшко-Валюжинича, следовавшего в свою очередь за определением А. В. Орешникова. Керамический массовый материал при разработке хронологии вообще не учитывался. С этим связаны и затруднения современных исследователей в установлении точной датировки открытых тогда раннесредневековых храмов, следов общественных, жилых, хозяйственных комплексов. Таким образом, недостаток этих работ заключался не столько в их бессистемности и разбросанности, сколько в недостаточно полной фиксации найденного, отсутствии разработанной дробной стратиграфии, привязки каждой обнаруженной вещи к точному месту ее находки. В результате важный предмет мог «утонуть» во второстепенном, мало что дающем специалисту перечне сотен обнаруженных бусин, а фрагменты керамики, обломки метал-

¹⁸⁷ Косцюшко-Валюжинич К. К. О результатах, достигнутых археологическими раскопками в Херсонесе и его окрестностях // Крымский вестник. — 1891. — № 91–92. — С. 14 (отд. отт.); Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. — 1902. — Вып. 4. — С. 61.

¹⁸⁸ Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 18–95 год. — С. 90–91; Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. — С. 115.

¹⁸⁹ Ср.: Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. — СПб., 2003. — С. 23–40.

¹⁹⁰ Орешников А. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. — М., 1905. — Т. 3. — Вып. 2 (отд. отт.). — С. 1–17, табл. VIII–X; ср.: Соколова И. В. Датировка некоторых монет Херсона // НС. — К., 1968. — Вып. 3. — С. 89.

лических изделий вообще не удавались внимания. Впрочем, все это было вполне обычно для тогдашнего уровня археологии «эпохи» Г. Шлимана и К. Хумана и хорошо уже хотя бы то, что на фоне прочих материалов раннесредневековые находки не подвергались какой-либо научной дискриминации.

С осени 1908 до лета 1914 гг. последовательные работы, связанные с исследованием жилых кварталов и некрополя Херсонеса, вел Роман (Роберт) Христианович Лепер (1864–1918) (рис. 21), специалист в области классических древностей, эпитафист, бывший секретарь Русского археологического института в Константинополе. Его внимание привлекли участки около Уваровской базилики, Восточной базилики, прилегающие квар-

Рис. 21. Р.Х. Лепер

талы II–VI, где он вел исследования по слоям и охватывал сразу все постройки, прежде всего, средневековые, расположенные на территории целого квартала¹⁹¹. Новый заведующий раскопками ввел полевые описи, в которых осуществлял фиксацию материалов в соответствии с «полами», на которых или под которыми они были найдены. Случалось, стратиграфия раскопок насчитывала до пяти таких «полов». Безусловно, это был значительный шаг вперед, новизну которого не следует недооценивать¹⁹². Кроме того, Р.Х. Лепер вскрыл несколько сотен могил и склепов, в том числе ранневизантийского времени, на кладбище около Карантинной бухты, на склоне

¹⁹¹ Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы... — С. 5–139.

¹⁹² Ср.: Романчук А.И., Шандровская В.С. Введение... — С. 22 («Раскопки Р.Х. Лепера... ничего нового в методику, в понимание стратиграфии не внесли.»).

¹⁹³ До прибытия Р.Х. Лепера в течение нескольких месяцев в 1908 г. раскопки некрополя против 20 куртины, на месте монастырского скотного двора около бухты вел сотрудник ИАК Н.И. Репников, вскрывший 316 могил и склепов, причем он оставил наиболее подробные записи результатов этих работ, которые не идут в сравнение с последующими записями Р.Х. Лепера (Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Х. сб. — 1927. — Вып. 2. — С. 147–186). См.: Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х. сб. — 1927. — Вып. 2. — С. 187–256 (раскопки 1908–1910 гг.); Косцюшко-Валюжинич Д.Н. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе. — С. 56–66 (раскопки некрополя в 1910 г.); Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913–1915 годы. — Пг., 1918. — С. 51–72 (особенно с. 64–65, 67, 68, раскопки некрополя в 1913–1914 гг.).

Девичьей горы и за западной оборонительной стеной¹⁹³. Однако работы велись траншеями, часто в отсутствии заведующего раскопками, появлявшегося из Севастополя изредка, наездами, размеры, конструкции погребальных сооружений, их ориентировка не фиксировались, а находки лишь кратко упоминались. Впрочем, последующие скромные раскопки, пришедшиеся на смутное время мировой и гражданской войн, не оставили и этого¹⁹⁴.

Можно констатировать, что результаты исследований раннесредневекового Херсона, полученные в XIX – начале XX вв., должным образом не были введены в научный оборот, да и не могли быть введены главным образом по причине их неудовлетворительной фиксации. Масштабы про-

Рис. 22. К.Э. Гриневич

деланного не могут не вызывать уважение, но им не доставало научной глубины, восполнить которую ныне крайне трудно.

Что касается единого общего плана археологических работ, то дело так и не продвинулось дальше попыток его наметить в 1892 г., когда член Московского археологического общества, кандидат Д. В. Айналов, ученик известного византиниста, проф. Н. П. Кондакова, поначалу главного формального руководителя раскопок, предложил вести их с запада и востока, вдоль морского берега, на соединение в центре городища, на агоре, чтобы «привлечь к делу известие о пути, по которому шел св. Кирилл через Херсонес с мощами св. Климента», и в 1927 г., когда новый директор Херсонесского музея К. Э. Гриневич (рис. 22) поставил задачу осуществить «подряд вскрытие древней почвы Херсонеса, отправляясь от юго-восточного участка и идя последовательно на север»¹⁹⁵. Обстоятельства упрямо вносили свои коррективы, заставляя исследователей сосредотачивать усилия, подчас многолетние, на изучении отдельных, больших или меньших по площади, но всегда локальных участков города. По наличию ранне-

¹⁹⁴ См.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель... – С. 40–43.

¹⁹⁵ Гриневич К. Э. О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. 10–13 сентября 1927 года. – Севастополь, 1927. – С. 28–29; Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение... – С. 17, 19, 21; Романчук А. И. Очерки... – С. 17–19; Романчук А. И. Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 430–431.

средневековых остатков, а также степени их изученности выделяется шесть таких мест или, лучше сказать, регионов (рис. 23).

К числу наиболее важных, где удалось выделить наиболее трудно-уловимые слои и комплексы VII–VIII вв., относится портовый район, где в кварталах 1 и 2 с 1963 г. стала работать Объединенная экспедиция, в состав которой вошли научные силы Херсонесского музея, а также Уральского и Харьковского университетов¹⁹⁶. Полученные здесь материалы стали основой для анализа и классификации ранне-византийской керамики, посуды, амфор¹⁹⁷. Во время дноуглубительных работ в декабре 1979 г. на западном берегу Карантинной бухты были обнаружены следы существования мощного гончарного комп-

¹⁹⁶ Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 7–61; Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963–1965 гг.) // ВВ. – 1978. – Т. 39. – С. 160–173; Кучма В. В., Романчук А. И. Раскопки на юго-восточном участке портового района // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 9. – С. 11 (помещение «дельта»); Кадеев В. И. Раскопки в «центре участка» // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 9. – С. 13–27; Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 246–250; Романчук А. И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Сб. 11. – С. 3–13; Романчук А. И. Некоторые итоги научных работ Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 71–85; Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 году // Архив НЗХТ. – Д. №2326. – Л. 1–62; Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса в 1983 году // Архив НЗХТ. – Д. №2426. – Л. 1–35; Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1984 году // Архив НЗХТ. – Д. №2602. – Л. 1–54; Сорочан С. Б., Шмалко А. В., Цецхладзе Г. Р. Отчет о раскопках в Херсонесе и на участке «Центр квартала» в портовом районе в 1987 году // Архив НЗХТ. – Д. №2751. – Л. 3–4, 15–25; Романчук А. И. Раскопки в Херсонесе // АО 1985 г. – М., 1987. – С. 400; Романчук А. И. Ранне-средневековые комплексы Херсонеса // *From Late Antiquity to Early Byzantium* / Ed. by V. Vavzinek. – Praha, 1988. – С. 123–135; Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter: städtische Funktionen und ihre Widerspiegelung in der Quellen // BS. – 1992. – Т. 53. – Fasc. 2. – S. 202–212; Романчук А. И. Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // *Археологические исследования в Крыму. 1994 год.* – Симферополь, 1997. – С. 232–235; Романчук А. И. Особенности планировки и стратиграфии второго портового квартала Херсонесского городища // *Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы науч. конф.* – Харьков, 1997. – С. 61; Романчук А. И. Раскопки второго портового квартала // *Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Науч. докл.* – Екатеринбург, 2004. – С. 206–208; Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 81–101; Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 156–159; Романчук А. И., Сазанов А. В., Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. – Свердловск, 1991; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995.

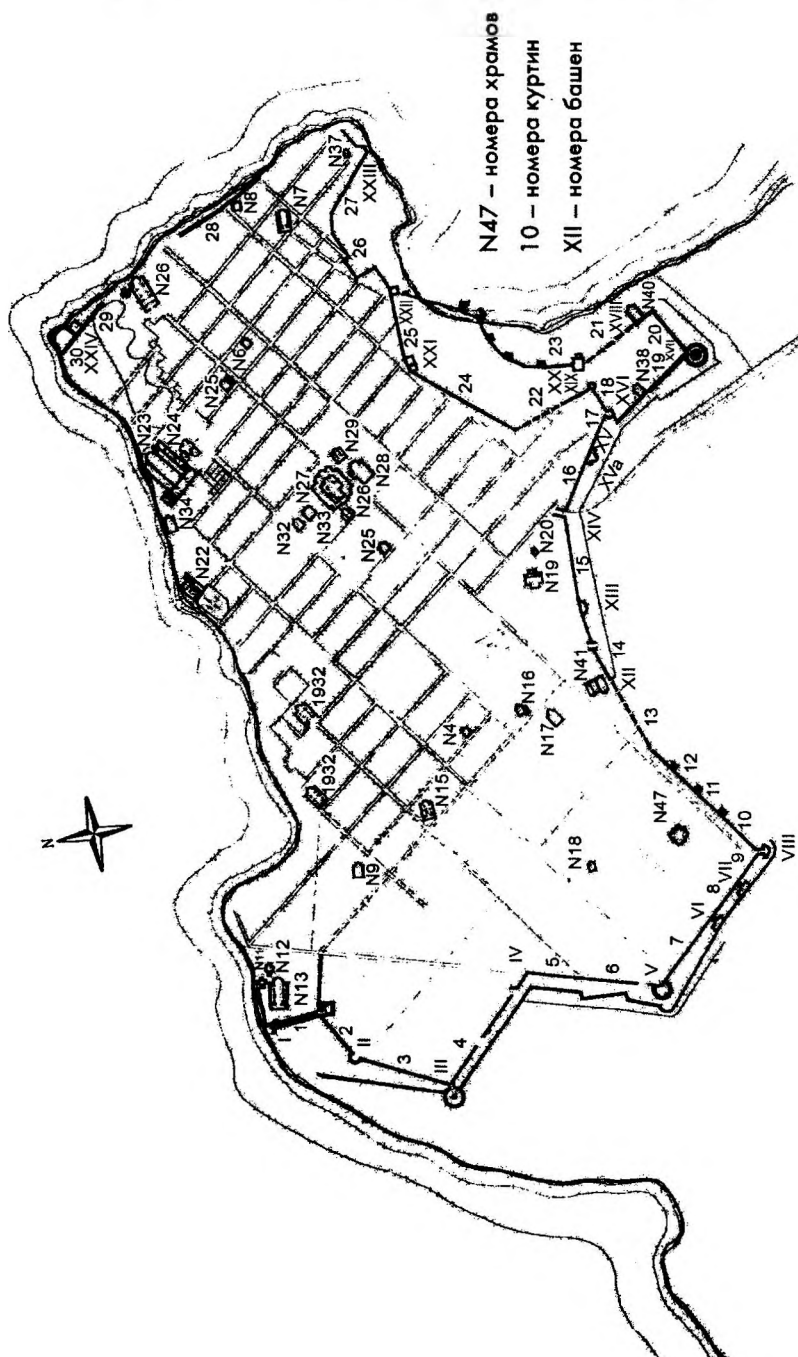

Рис. 23. План-схема византийского Херсона с обозначением номеров оборонительных башен, куртин и христианских храмов

лекса VIII–IX вв по производству амфор с зональным рифлением¹⁹⁸. Особенно тщательному исследованию подвергся также здешний, юго-восточный участок оборонительных сооружений, среди которых первостепенное значение имеет комплекс сооружений «цитадели», отразивший ранневизантийский и фемный этап строительства¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Золотарев М. И. Результаты наблюдений за дноуглубительными работами в Карантинной бухте // Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г. / Архив НЗХТ. – Д. № 2053. – Л. 10 – 11; Золотарев М. И. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 145–148.

¹⁹⁹ Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. (В свете проблемы исследования древнего городища) // Крым. – М.; Л., 1927. – № 1 (3). – С. 112 сл. (юго-западная оконечность комплекса византийского претория, принятая исследователем за «нечто вроде монастыря»); Гриневич К. Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907 – 10 гг. // Х. сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 257–293 (слои VI–VII и X–XI вв. в «цитадели»); Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. – Симферополь, 1969. – Вып. 1. – С. 7–29; Антонова И. А. Раскопки у башни XIV (Первый слой) // Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1964 г. / Архив НЗХТ. – Д. № 1160. – Л. 146–177; Антонова И. А. Раскопки северного фланга обороны средневекового порта // Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1964 г. / Архив НЗХТ. – Д. № 1160. – Л. 218–293; Антонова И. А. Раскопки портовой линии обороны средневекового Херсонеса // Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1965 г. / Архив НЗХТ. – Д. № 1189. – Л. 196–314; Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 102–118; Антонова И. А. XIV оборонительная башня (К вопросу о хронологии оборонительного строительства) // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. – К., 1974. – С. 69–81; Антонова И. А. Отчет об инженерно-геологических изысканиях на территории Херсонесского заповедника // Архив НЗХТ. – Д. № 1344; Антонова И. А. Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса 1989 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2978. – Л. 1–64 (окончание раскопок комплекса византийского претория, западная часть которого копалась в 1926–1928 гг., а северная часть – в 1968 г.); Антонова И. А. Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса в 1990 г. // Архив НЗХТ. – Л. № 2981. – Л. 1–68 (раскопки на месте базилики 1906 г. у 21 куртины и раннесредневековой бани в центре «цитадели»); Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. // Архив Института археологии НАНУ. – 1991. – Д. № 1991/95. – Л. 1–34; Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1992 г. // Архив Института археологии НАНУ. – 1992. – Д. № 1992/117. – Л. 1–14; Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 25–33; Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Х. сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 10–22; Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 19–24; Антонова И. А. Отчет о раскопках в Цитадели за 1995 год // Архив НЗХТ. – Д. № 3453. – Л. 1–14 (раскопки на месте «дома командира», помещений XVII и XVIII, соседних с ними ранне-

Восточная часть города, как уже сказано, стала «правильно», то есть сравнительно планомерно исследоваться представителями Одесского общества истории и древностей от Восточной базилики и севернее, вдоль Главной продольной улицы. Еще более масштабные работы предпринял здесь Р. Х. Лепер, который в 1910–1912 гг. вскрывал здешние кварталы большими площадями, причем выделяя слой позднеантичного – раннесредневекового времени, и, если бы не отрывочность, малоинформативность оставленной им документации, об этой части городища можно было бы говорить как о наиболее изученной²⁰⁰.

Именно желание разобраться в стратиграфии и периодизации строительства, докопать недобранные Р. Х. Лепером участки на месте I, III, VI, VII кварталов, выделить строительные остатки раннесредневекового этапа жизни Херсонеса и подготовить этот район города к консервации и реставрации подтолкнуло исследователей, прежде всего сотрудников историко-археологического музея, с 1974 г. продолжить здесь раскопки, из которых самыми интересными стали расчистка так называемого «пещерного храма» и средневековой бани в квартале III, реставрация Восточной базилики и работы в прилегающих к ней кварталах, позволившие получить дополнительные материалы для изучения особенно мощных слоев середины VI – середины VII вв., а также некоторых промысловых (рыбозасолочные цистерны №60–62) и керамических комплексов (засыпь колодца в квартале I)²⁰¹. С 1990 г. работы были перенесены к юго-востоку от главной

средневековых терм); Антонова И. А. Отчет о раскопках в Цитадели в 1996 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3359/1–2. – Л. 1–52 (особенно л. 23–25 – раскопки раннесредневековых терм); Антонова И. А., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках в юго-восточном районе «цитадели». 1997 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3351/II – Л. 1–18; д. № 3352/I–II. – Л. 1–16; Антонова И. А., Сорочан С. Б., Сухинина С. Н. Отчет о раскопках в Цитадели Херсонеса в 1998 г. // Архив НЗХТ. – Д. 3389/I. – Л. 1–26 (продолжение раскопок «дома командира»); Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В., Сухинина С. Н. Отчет о консервационно-археологических работах на территории «цитадели» Херсонеса в 2002 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3587. – Л. 5–10 (продолжение раскопок южной оконечности раннесредневековых терм); Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Крупа Т. Н. О работах в цитадели Херсонеса Таврического в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. – К., 2003. – С. 266; Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В. Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. – К., 2004. – С. 299–302.

²⁰⁰ Через 20 лет К. Э. Гриневич опубликовал дневники Р. Х. Лепера и систематизировал материалы, относящиеся к раскопаным жилым усадьбам поздневизантийского периода, но о раннесредневековой застройке по этим данным судить трудно (см.: Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы... – С. 5–139).

²⁰¹ Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном участке Херсонеса в 1974 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1711. – Л. 1–31 (квартал I); Отчет о реставрации «Восточной базилики» в 1974 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1732. – Л. 1–5; Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1975 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1763. – Л. 1–52 (квартал I); Золотарев М. И. Отчет

продольной улицы, в кварталы С и ХСVI, так что в итоге в этом районе было изучено около 10 тыс. кв. м площади городища. Особо следует отметить исследование «базилики Крузе» (№7) в ХСIX квартале, проведенное в 1998–1999 гг. силами Херсонесского заповедника и Института археологии Академии наук Австрии, которое несколько уточнило результаты предыдущих, плохо документированных раскопок XIX в.²⁰²

На новом уровне, — с детальной отчетной документацией, подробной стратиграфией, вниманием к массовому материалу, с архео-

о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 году // Архив НЗХТ. — Д. № 1836. — Л. 1–49 (квартал I); Рыжов С.Г. Отчет о раскопках VI поперечной улицы в 1977 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2130. — Л. 1–4 (кварталы VI и VII); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1977 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1933. — Л. 1–6 (квартал I); Золотарев М.И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. — Свердловск, 1977. — Вып. 14. — С. 27–32; Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1978 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2051. — Л. 1–29 (квартал III); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1980 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2215. — Л. 2–25 (квартал III); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // Архив НЗХТ. — Д. № 2290. — Л. 2–130 (средневековая баня и центр III квартала с рыбозасолочным комплексом); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1983 году // Архив НЗХТ. — Д. № 2391. — Л. 1–33 (квартал III); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1984 году // Архив НЗХТ. — Д. № 2480/1. — Л. 1–28 (квартал VI); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе III квартала за 1986 год // Архив НЗХТ. — Д. № 2683. — Л. 1–34; Кругликова И.Т. Отчет о раскопках совместной Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР и Гос. Херсонесского заповедника в 1986 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2709. — Л. 1–46 (квартал VII); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1987 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2761. — Л. 1–29 (квартал III); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2845. — Л. 1–57 (квартал III); Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1989 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2916. — Л. 1–35 (кварталы III, VI и С); Беляев С.А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // Византия и Русь. — М., 1989. — С. 26–54; Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1990 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2972. — Л. 1–48 (квартал С); Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Х. сб. — 1997. — Вып. 8. — С. 30–45; Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1991 году // Архив НЗХТ. — Д. № 3079. — Л. 1–55; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. — 1991. — Вып. 2. — С. 60–72; Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Исследования в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. тр. — Симферополь, 1997. — С. 125–128.

²⁰² Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пилингер Р., Пюльц А. Раскопки т.н. «базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // Х. сб. — 2003. — С. 229–246.

логическим обоснованием датировок, — с 1930 г. систематически раскапывались кварталы и улицы Северного прибрежного района²⁰³. Наряду со специалистами — античниками (С.Ф. Стржелецкий и Г.Д. Белов, копавший здесь до 1978 г. включительно) для исследования кварталов XV–XVIII, XIX, XXII и XXV в 40–50-е гг. был привлечен медиевист А.Л. Якобсон, который обобщил большую часть по-

²⁰³ Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1930 г. // Х. сб. — 1948. — Вып. 4. — С. 5–17; Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. — 1941. — № 4. — С. 202–267; Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1932 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 324. — Л. 1–28; Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 году. — Симферополь, 1936; Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. — Симферополь, 1938; Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 24–31; Белов Г.Д. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 32–105; Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 109–159; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 623 / 1. — Л. 1–43 (подвал с пифосами на месте винодельни IV в., засыпанный в середине — второй половине VI в.); Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 160–236; Стржелецкий С.Ф. Рукописный отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 609. — Л. 1–56; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // Архив НЗХТ. — Д. № 622. — Л. 1–68; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1952 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1295. — Л. 1–22; Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 11–31; Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949–1953 гг. // СА. — 1955. — Т. 24. — С. 257–281; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1953–1954 гг. // Архив НЗХТ. — Д. № 691. — Л. 1–59; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // Х. сб. — 1959. — Вып. 5. — С. 13–72 (особенно с. 23–26 — известковые ямы с материалами конца VI в. на улице XI, к западу от базилики 1935 г.); Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1957 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 742. — Л. 1–40; Жеребцов Е.А. Отчет о реставрационных работах на базилике 1935 г. в 1956–1957 гг. // Архив НЗХТ. — Д. № 734. — Л. 1–25; Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. — 1963. — Т. 23. — С. 157–171 (результаты исследований на месте базилики 1935 г.); Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 750. — Л. 1–45; Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1961 г. // СХМ. — 1963. — Вып. 3. — С. 55–60; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1963 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 836/1. — Л. 1–55; Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1965 г. — Архив НЗХТ. — Д. № 858. — Л. 1–18; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1968 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1263. — Л. 1–12; Белов Г.Д. Раскопки в северном районе Херсонеса в 1968 г. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. — К., 1974. — С. 82 – 92; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1685. — Л. 1–19; Белов Г.Д. Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. — Д. № 1760. — Л. 1–23 (нивелировочные слои VI–VII и X–XI вв. в квартале XXVIII); Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1842. — Л. 1–26 (цистерны, засыпанные в конце VI–VII вв. в кварталах XXVIII и XXIX); Белов Г.Д. Отчет о раскопках на Северном берегу (кварталы XXIX, XXV и XX). 1978 г. // Архив НЗХТ. — Д. 2021. — Л. 1–43.

лученных здесь новых находок в своей фундаментальной монографии, посвященной главным образом истории материальной культуры раннесредневекового Херсона²⁰⁴. Исследователи сумели выделить слои V–VI и IX–X вв., зафиксировав немало «промежуточных» раннесредневековых материалов, однако оставили их хронологически нерасчлененными и не заполнили образовавшуюся лакуну, полагая, что сокращение числа таких материалов, засыпь ряда рыбозасолочных цистерн во второй половине – конце VI в. свидетельствуют об упадке города. Между тем, как сакраментально заметил сам А.Л. Якобсон, «...то, что не было выяснено в процессе самих раскопок, редко удастся выяснить в дальнейшем»²⁰⁵.

Только теперь становится ясно, что обнаруженные слои соответствовали нивелировочным засыпям преимущественно второй половины VI – начала VII вв. и XI в. Методический просчет, допущенный в оценке стратиграфии, повлек к неверному выводу о результатах раскопок приморских раннесредневековых жилых кварталов и, мало того, а ргіогі постепенно был распространен на прочие районы городища²⁰⁶. Исследователей не смутил даже факт обнаружения в 1932 и 1935 гг. двух, последних из известных ныне, больших раннесредневековых базилик, возведение которых можно было датировать периодом конца VI – середины VII вв., а кардинальную переделку – концом X–XI вв. Материалы комплексов, образовавшихся в ходе возведения этих крупных храмов, со временем были обработаны Л.А. Голофаст, высказавшей убедительное предположение о возможности существования здесь к этому времени ранневизантийского квартала стеклоделов²⁰⁷. В XXVIII квартале оказались слои VII и IX–X вв. со следами работы железоделательной, кузнечной мастерской, кусками шлака²⁰⁸. Констатируя наличие «незначительных остатков первой половины средневековья» в квартале XXIX, Г.Д. Белов отметил также, что почти ничего не сохранилось от стен эллинистического

²⁰⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – № 63. – С. 282–331.

²⁰⁵ Якобсон А.Л. Указ. соч. – С. 284.

²⁰⁶ Ср.: Белов Г.Д. Херсонес – Корсунь. – Л., 1969.

²⁰⁷ См.: Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. // Архив НЗХТ. – Д. №858 I. – Л. 1–29 (стеклоделательная мастерская и остатки стеклянного боя в подвале); Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1263. – Л. 1–36 (стеклоделательная мастерская на месте апсиды базилики 1932 г., стекловаренная печь – л. 12–13); Голофаст Л.А. Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995 (1996). – С. 95–103; Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. – 1997. – Вып. 6. – С. 312–326; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса: Дисс.... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. – М., 1998 (рукопись); Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 97–260.

²⁰⁸ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1968–1969 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №1283. – Л. 1–36.

и римского времени, убедительно объясняя это не отсутствием жизнедеятельности, а интенсивным строительством, которое уничтожило следы предшествующего²⁰⁹.

С начала 1980-х гг. силами экспедиции Херсонесского музея во главе с С. Г. Рыжовым начались планомерные, широкомасштабные, регулярные исследования кварталов VIII, X «а», X «б», X «в» и XII с целью очертить средневековую планировку и экспозиционно соединить этот район с предшествующими раскопками на северном берегу²¹⁰. В ходе их тоже были обнаружены раннесредневековые материалы, оставшиеся здесь после позднейших перестроек. Как и в прочих местах городища, они сводились главным образом к фрагментам керамики, следам производственной деятельности и очень редко к строительным остаткам, крайне невыразительным. Поэтому особого внимания заслуживает исследование обнаруженной в 1861 г. Северной базилики, уточнение периодизации ее истории и раскопки в том же квартале IX раннесредневековой общественной бани²¹¹.

Еще одним продвинутым в отношении археологических исследований участком можно считать район античного театра Херсонеса, где мощность культурного слоя в отдельных местах достигала рекордной глубины в 6–8 м. С 1954 г. до 1994 г., с двумя перерывами он изучался экспедицией Крымского отдела Института археологии АН

²⁰⁹ См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1909. – Л. 1–64. Эллинистические остатки сохранились в квартале XX, где кроме того в южной части прослеживается культурный слой, лежащий ниже дневной поверхности XIII в. (см.: Калашник Ю. П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1989 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3312. – Л. 1–36; Калашник Ю. П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 г. // Архив НЗХТ. – Д. 3314. – Л. 1–29).

²¹⁰ Рыжов С. Г. Отчет о раскопках VIII квартала в северном районе Херсонеса в 1984 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2477. – Л. 1–56; Рыжов С. Г. Отчет за 1985 год о раскопках VIII квартала в северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. №2613. – Л. 1–47; Рыжов С. Г. Отчет о раскопках усадьбы №1 в квартале X «А» Северного района Херсонеса в 1989 году // Архив НЗХТ. – Д. №2883. – Л. 1–68; Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X квартала «А» в Северном районе Херсонеса в 1990 году // Архив НЗХТ. – Д. №2967. – Л. 1–29 (исследование слоев, предшествующих строительству X – XIII вв. на месте средневековой усадьбы №2); Рыжов С. Г. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса усадьбы №3 в квартале X «А» // Архив НЗХТ. – Д. №3056. – Л. 1–23 (особенно л. 8, 10 – находки обломков льячек в раннесредневековом слое); Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X квартала «Б» в Северном районе Херсонеса в 1995 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3270. – Л. 1–102 (подвал VII–X вв., переоборудованный из цистерны); Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 182–260.

²¹¹ Рыжов С. Г. Отчет о раскопках «Северной базилики» в 1981 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2226. – Л. 1–20 (квартал IX); Рыжов С. Г. Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО 1981 г. – М., 1983. – С. 314–315; Рыжов С. Г. Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса // АО 1982 г. – М., 1984. – С. 326; Дневник раскопок бани IX – X вв. к югу от Северной базилики. Май 1982 – август 1983 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2611. – Л. 1–69.

УССР во главе с О.И. Домбровским²¹². Под развалинами погибших в XIV в. жилых усадеб оказались следы улиц и кварталов ранне-средневекового города, построенные отчасти из материалов разобранного античного театра, остатки рыбозасолочных комплексов²¹³.

Эти же раскопки заставили обратить внимание на здешнюю церковную доминанту – крестовидный «храм с ковчегом» (№ 19), найденный К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1897 г., и одноапсидный, одновефный храм рядом с ним, который был обнаружен в 1958 г. на месте проскения и сены античного театра. Датировка их вызвала расхождения и остается открытой до сих пор²¹⁴. В 1997 г. работы на участке были возобновлены научным сотрудником Института археологии НАНУ Е.А. Паршиной с задачей завершить изучение средневековых слоев, перекрывавших руины театра²¹⁵. При этом удалось зафиксировать отчетливый раннесредневековый слой, датируемый не позднее IX в.²¹⁶.

По соседству с этим участком, в сотне метров к западу, к южной оборонительной стене примыкает занимающий около 1600 м²

²¹² Домбровский О.И. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1954 г. на участке «храма с ковчегом» // Архив НЗХТ. – Д. №702. – Л. 1–49; Домбровский О.И. Отчет о раскопках в 1955 году в Херсонесе на участке храма с ковчегом и античного театра // Архив НЗХТ. – Д. №712. – Л. 1–94; Домбровский О.И. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе за 1957 год // Архив НЗХТ. – Д. №3241. – Л. 1–13 (особенно л. 8–10 – остатки раннесредневековых построек); Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1411 / 1. – Л. 18–87, 103–112 (раскопки в восточном и южном секторах участка и внутри малого храма 1958 г.); Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1505 / 1. – Л. 1–91 (раскопки О.А. Махневой контрольного целика 1958 г. и внутри малого храма 1958 г.); Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе 1972–1973 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №1647. – Л. 1–82 (раскопки около 15 куртины); Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 годах // Архив НЗХТ. – Д. № 1682/1 (целик между храмом 1958 г. и храмом №19); Домбровский О.И., Махнева О.А., Паршина Е.А., Сидоренко В.А. Отчет о работе Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции в 1975 году // Архив НЗХТ. – Д. №1886/1. – Л. 1–33; Отчет о раскопках на территории Херсонесского античного театра в 1990 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3246. – Л. 1–52 (контрольный целик около храма 1958 г., шурф около юго-западного угла храма №19).

²¹³ Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. – 1960. – Вып. 1. – С. 36–42.

²¹⁴ См.: Сорочан С.Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – №594. – Історія. – Вип. 35. – С. 58–72; Ранневизантийские сакральные постройки... – С. 86–88, 178.

²¹⁵ Паршина Е.А., Зеленко С.М. Отчет о раскопках на участке античного театра Херсонеса и подводных разведок шельфа в районе Херсонесского заповедника в 1997 году // Архив НЗХТ. – Д. №3364. – Л. 1–7.

²¹⁶ Там же. – Л. 7.

Рис. 24. Н.В. Пятышева

архитектурный комплекс с огромным водохранилищем, способным вместить свыше 1800 м³ воды. Резервуар представляет собой самостоятельный тип утилитарной постройки, необходимой для сбора запасов воды, издавна поступающей в город по гончарным трубам, однако с запада к нему примыкала анфилада общественных помещений неясного назначения, предположительно интерпретируемых как термы, а с востока — обширное, незанятое ничем пространство, ограниченное стеной с пилястрами. Раскопки комплекса были начаты в 1885 г., когда он был случайно обнаружен во время работ Военного ведомства²¹⁷, а затем продолжены в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который вскрыл его юго-западную часть²¹⁸. В 1958–1977 гг. работы здесь и на прилегающей куртине, башне XII проводились экспедицией Государственного Исторического музея во главе со специалистом в области античной археологии, кандидатом исторических наук, научным сотрудником Натальей Валентиновной Пятышевой (1907–1984) (рис. 24), которая отнесла сооружение к 30-м гг. IX в. и необоснованно посчитала ее дворцом первого стратига фемы Херсон²¹⁹. К сожалению, обнаруженные материалы были поданы в отчетах без

²¹⁷ Бертье-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. — СПб., 1893. — №12. — С. 37.

²¹⁸ Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. — С. 113–119.

²¹⁹ Архив НЗХТ. — Д. №744, 789, 835, 1219, 1245, 1246, 1264, 1285, 1289, 1290, 1416, 1417, 1685, 1687, 1718; Пятышева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. — М., 1969. — С. 141–159. О Н.В. Пятышевой см.: Издания Государственного Исторического музея 1873 — 1998. Библиографический указатель / Науч. ред. В.Л. Егоров. — М., 1999. — С. 190.

должной фиксации, что затрудняет представление о стратиграфии и привязку находок к тому или иному месту. Часть фотографий вещей оказалась не увязана с отчетными записями. Все это в значительной мере обесценило многолетний труд исследователя и не приблизило к разгадке раскапываемого комплекса.

Последующие исследования, предпринятые с 1987 г. экспедицией Херсонесского заповедника во главе с Л. В. Седиковой позволили установить, что монументальное общественное здание, примыкавшее с юго-западной стороны к водохранилищу, уже функционировало в ранневизантийское время, а само водохранилище было засыпано в первой половине IX в.²²⁰. Изучение содержимого засыпи цистерны, особенно материалов VIII – начала IX вв., позволило внести ряд ценных наблюдений о состоянии керамического производства города, доли импортной гончарной продукции в его экономике, но не решить загадку назначения соседней постройки, по традиции называемой «термами»²²¹.

Крайний, западный регион городища, охватывающий свыше 16 тыс. кв. м, считается наименее исследованным. Однако с этим можно согласиться лишь отчасти, если иметь в виду прежде всего остатки

²²⁰ Седикова Л. В. Отчет о раскопках на участке «водохранилища» в Херсонесе в 1987 году // Архив НЗХТ. – Д. №2758. – Л. 1–15; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1989 году // Архив НЗХТ. – Д. №2900. – Л. 1–11; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // Архив НЗХТ. – Д. №2965. – Л. 1–37; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году // Архив НЗХТ. – Д. №3107. – Л. 1–30; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив НЗХТ. – Д. №3159. – Л. 1–30; Седикова Л. В. Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 238–240; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1994 году // Архив НЗХТ. – Д. №3216. – Л. 1–63; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1995 году // Архив НЗХТ. – Д. №3265/1. – Л. 1–17; Седикова Л. В. Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1996 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3301. – Л. 1–49; Седикова Л. В. Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1998 году // Архив НЗХТ. – Д. №3392. – Л. 1–50; Седикова Л. В. Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3434. – Л. 1–35.

²²¹ См.: Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 38–42; Седикова Л. В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 134–136; Седикова Л. В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. – 1995. – №2. – С. 170–177; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995; Седикова Л. Византийский керамический импорт в Херсонесе в IX в. // Международ. конф. «Византия и Крым», Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 72–73; Седикова Л. В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 646–650; Седикова Л. В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. – М., 1997.

жилых кварталов и усадеб. Здесь их затрагивали раскопками крайне редко. Так, следы раннесредневекового здания с хозяйственными помещениями, сложенного из бутового камня на глине и разрушенного при постройке небольшой квартальной церкви, были обнаружены в 1930 г., причем Г.Д. Белов счел необходимым подчеркнуть, что «культурный слой этой эпохи оказался весьма толстым и насыщенным кухонными отбросами, обломками керамики и другими предметами»²²². В остальном представление об этом регионе как раз наиболее полно для раннесредневекового периода, когда тут существовал ряд открытых к настоящему времени крупных христианских культовых построек и комплексов (тетраконхиальный мавзолей, «базилика на холме», комплекс Западной базилики, «базилика 1889 г.» – №15 в квартале L, Западный загородный крестовидный храм)²²³.

²²² Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1930 году // Х. сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 7–8, 17, рис. 1.

²²³ Разведки, раскопки, зачистки, доисследования этих храмов проводились здесь в последней четверти XIX – начале XX вв. московским художником и археологом-любителем Д.М. Струковым, К.К. Косцюшко-Валожиничем, Р.Х. Лепером, а позже, в 1958 – 1963, 1972 – 1985 гг., – экспедициями Уральского университета, Крымского отдела Института археологии АН Украины, Института археологии АН России. См.: Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 год. – СПб., 1909. – С. 66–78; Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906 – 1909 гг. // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 92–107; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1908 год. – СПб., 1912. – С. 93–108; Гриневич К.Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе. – Л. 129–134; Суров Е.Г. К истории северозападного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 119–147; Бармина Н.И. Мозаика Западной базилики // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Сб. 3. – С. 168–172; Рыжов С.Г. Отчет о раскопках «Базилики 1889 г.» в 1972 – 1974 гг. // Архив НЗХТ. – № 1640. – Л. 1–27; Рыжов С.Г. Отчет о исследовании «Базилики 1889 г.» и альбом иллюстраций 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1762/1. – Л. 1–20; Домбровский О.И., Кутайсов В.А. Отчет о работах Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1980. – Л. 1–34; Кутайсов В.А. Отчет о раскопках на участке четырехапсидного храма в Херсонесе в 1978 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1982/1. – Л. 1–18; Отчет о раскопках в Херсонесе в 1979 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2061/1. – Л. 1–24; Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. – № 1. – С. 155–167; Беляев С.А. Отчет Херсонесской экспедиции о раскопках «Базилики на холме» в 1973 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1688. – Л. 1–14; Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1974 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1725. – Л. 1–60; Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР за 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1882. – Л. 1–16; Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1904. – Л. 1–37; Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1910/1. – Л. 1–24; Д. № 1910/2. – Л. 1–29; Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973–1977 гг.) // ВВ. – 1979. – Т. 40. – С. 114–126; Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции в 1980 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2171. – Л. 1–6; Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР в 1981 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2338. – Л. 1–

Данные об исследовании крепостной ограды юго-западного участка региона попытался, пусть и с пробелами, обобщить военный инженер, штабс-капитан М. И. Гарабурда, а затем А. Л. Бертье-Делагард²²⁴. Приморскую оконечность этой античной стены проследили в 20-е гг. XX в. сначала директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев (рис. 25), а затем сменивший его на этом посту К. Э. Гриневич, который, в отличие от своего предшественника, опубликовал об этом краткий отчет²²⁵. Существенный сдвиг в представлениях о развитии западного фланга обороны было достигнуто благодаря работам Г. Д. Белова в 1948 г. и Уральской экспедиции во главе с доцентом Е. Г. Суровым в 1960–1963 гг., а особенно – директора Херсонесского музея А. И. Антоновой (рис. 26), позволивших представить периодизацию крепостного строительства на этом участке, исследовать ров перед раннесредневековой куртиной I, его засыпь, погребальные сооружения, а также выдвинуть предположение о существовании раннесредневековой богадельни – богоприимного дома при Западной базилике²²⁶. Одной из целей предпринятых здесь раскопок было изучение состояния Херсона именно в VI–IX вв., причем в ходе их были открыты некоторые производственные, хозяйственные комплексы этого времени (рыбозасолочный – около куртины I, металлообрабатывающий – в восточной части архитектурного комплекса Западной базилики, в помещении рядом с остатками античной оборонительной стены, гончарный – на берегу Песочной бухты)²²⁷.

На новом научном уровне, как правило, с тщательной фиксацией всего

Рис. 25. Л. А. Моисеев

Рис. 26. И. А. Антонова

- 18; Беляев С. А. Отчет о работах Херсонесской экспедиции в 1982 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2340. — Л. 1–29; Беляев С. А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР в 1983 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2438. — Л. 1–36 (следы гидротехнического сооружения к юго-востоку от Западной базилики и площадь между базиликами №13 и №14); Беляев С. А. Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса (К вопросу об интерпретации херсонесских базилик) // ВВ. — 1987. — Т. 48. — С. 142–152; Беляев С. А. Новые данные о западной части Херсонеса // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1989. — М., 1990. — С. 458–463 (общий итог исследований 1972–1984 гг. на площади около 5 тыс. кв. м в районе «базилики на холме» и Западной базилики); Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. — М., 1994. — № 1. — С. 7–47; Романчук А. И., Белова О. Р. Раскопки Западного загородного храма // Отчет о раскопках экспедиции Уральского университета в Херсонесе в 1985 году / Архив НЗХТ. — Д. № 2635. — Л. 5–34; Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. — 1990. — Т. 51. — С. 165–171; Лосицкий Ю. Г. Западный храм Херсонеса: архитектурная реконструкция // ВВ. — 1990. — Т. 51. — С. 172–174.
- 224 Гарабурда М. И. Оборонительные стены Херсонеса. — С. 88–98; Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. — С. 114–115, 117, 128–135, 149–150, 155–156, 159–160.
- 225 Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. (Предварительный отчет) // Крым. — М.; Л., 1929. — №1 (9). — С. 14–32 (особенно с. 30–32).
- 226 Белов Г. Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 237–254; Суров Е. Г. Отчет о раскопках УрГУ и Херсонесского музея в Северо-западном углу Херсонесского городища. 1960 // Архив НЗХТ. — Д. №2046. — Л. 1–51; Суров Е. Г. Отчет о раскопках в Северо-западной части Херсонесского городища в 1963 году // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического музея и Уральского гос. университета им. А. М. Горького в 1963 г. / Архив НЗХТ. — Д. №1138. — Л. 151–182 (заключение С. Ф. Стржелского — л. 203–216); Антонова И. А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. — 1963. — Вып. 3. — С. 60–67; Антонова И. А. Отчет о раскопках у XIV башни и рва у 1-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Архив НЗХТ. — Д. №1969. — Л. 26–51; Антонова И. А. Иллюстрации к отчету о раскопках у XIV башни и рва у 1-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1970. — Л. 1–80; Антонова И. А., Рижов С. Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. — К., 1972. — Вып. 4. — С. 261–264; Антонова И. А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 / Тезисы докл. — Севастополь, 1988. — С. 5–9; Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ: Византия и сопредельный мир. — Свердловск, 1990. — С. 8–24.
- 227 Суров Е. Г. Херсонес Таврический. — Свердловск, 1961. — С. 65–102; Суров С. Г. Раскопки в северо-западном районе городища // СХМ. — 1961. — Вып. 2. — С. 67–70; Суров Е. Г. Отчет о раскопках в северозападной части городища в 1963 г. Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического государственного музея и Уральского государственного университета в 1963 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1138. — Л. 1–248; Суров Е. Г. К истории северозападного района Херсонеса Таврического. — С. 136–137; Борисова В. В. Средневековая гончарная печь // СХМ. — 1960. — Вып. 1. — С. 42–46; Седикова Л. В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. — 1994 (1995). — Вып. 4. — С. 434–435, рис. 1–2.

обнаруженного, описанием, чертежами и разрезами погребальных памятников были представлены ведшиеся в 1937 г. исследования загородного кладбища Херсона на юго-восточном склоне Херсонесской балки, у подошвы Девичьей горы, а также на участке около загородного Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии, у башни Зинова и особенно масштабные с 1981 г. работы по раскопкам свыше сотни могил, склепов, в том числе ранневизантийских, за западной оборонительной стеной, на природных террасах восточного склона Песочной бухты²²⁸. Впрочем, в последнем случае создается впечатление, что временами археологам приходится иметь дело со следами работ Р.Х. Лепера в 1913–1914 гг., чем и объясняются довольно частые встречи нарушенных и полностью выбранных могил, отсутствие надгробных сооружений, перекрытий и даже каменных стенок разоренных могильных ям²²⁹. Материалы эти еще ждут своего исследователя, способного воскресить гробничное дело и ритуалы византийского провинциального города выше хронологических рамок VI–VII вв.²³⁰

²²⁸ Тахтай А. К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Х. сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 19–43; Зубарь В.М., Рыжов С.Г. Отчет о раскопках херсонесского некрополя в 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1778 – 1779. – Л. 1–41; Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В., Костромичева Т.И. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1981 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2248–2249. – Л. 1–53; Зубарь В.М., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Херсонесского некрополя в 1982 году // Архив НЗХТ. – Д. №2258–2259. – Л. 1–64; Зубарь В.М., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1983 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2348 – 2349. – Л. 1 – 51; Зубарь В.М., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя в 1984 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2436–2434. – Л. 1–39; Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя в 1985 году // Архив НЗХТ. – Д. №2513–2514. – Л. 1–41; Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (Материалы раскопок 1983–1985 гг.). – К., 1989. – Т. 1: Погребальные сооружения и обряд. – 47 с.; Т. 2: Каталог погребений. – 48 с.; Т. 3: Отдельные категории материальной культуры. – 43 с.; Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А. в. Отчет о раскопках Западного некрополя в 1986 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2669–2670. – Л. 1–38; Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2741–2742/1. – Л. 1 – 35; Зубарь В.М., Дорощев В.В., Ушаков С.В. Отчет о раскопках Западного некрополя в 1988 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2843/1. – Л. 1–50; Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1995 году // Архив НЗХТ. – Д. №3267/1. – Л. 1–70; Магда А.В., Дмитриев В.А. Итоги охранных раскопок Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1995 г. // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 159–161; Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1996 году // Архив НЗХТ. – Д. №3310. – Л. 1–67; Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1997 году // Архив НЗХТ. – Д. №3343. – Л. 1–46; Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1998 году // Архив НЗХТ. – Д. №3408. – Л. 1–24.

²²⁹ Ср.: Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1998 году. – Л. 10.

Долгое время на последнем месте оставалось археологическое изучение ближних и тем более дальних окрестностей раннесредневекового Херсона. Как исключение можно рассматривать раскопки в 1928 г. силами Гераклеийской экспедиции Херсонесского музея большого архитектурного комплекса площадью около 350 м² в балке Бермана, в 2 км от Георгиевского монастыря, где оказались небольшая церковь и несколько помещений с материалами VIII–X вв. внутри древней античной ограды из массивных каменных блоков²³¹. Также случайно продолжали смотреться в 1951 и 1953 гг. разведки и раскопки могильника раневизантийского времени у высоты «Сахарная головка», хотя они дали очень выразительные находки, свидетельствующие о связях местного ромеизированного населения с Херсоном²³². Разведки поселений в Байдарской, Инкерманской долинах, в окрестностях Эски-Кермена и Мангупа предпринял в 1953 г. заведующий античным отделом Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий, который вынужден был констатировать, что эти объекты оказались «абсолютно полностью за рамками археологического изучения древнего и средневекового Крыма»²³³. Единственным почти целиком исследованным раннесредневековым кладбищем стал обширный могильник преимущественно VI–IX вв., раскопанный на месте каменного карьера экспедицией под руководством Е. В. Веймарна в 1959–1960 гг. с восточной стороны с. Скалистое, в 2–3 км от большого укрепленного поселения Бакла, причем публикация его материалов появилась с задержкой в три десятилетия²³⁴.

Ситуация стала несколько исправляться лишь с 1970-х гг., когда стараниями начальника Севастопольской археологической экспедиции Херсонесского музея О. Я. Савелей были предприняты разведки и исследования разнообразных памятников раневизантийского времени и VIII–X вв. на территории Севастополя, Гераклеийского полуострова, Килен-балки, Инкермана, Балаклавского района, у с. Оборонное, Морозовка (Алсу), на высоте Безымянной (поселение «Гасфорт»), в западной части долины р. Бельбек, в Ласпинской котловине

²³⁰ Ср.: Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum and Environs / Ed. G. R. Mack, J. C. Carter. – Austin, Texas USA, 2003. – P. 94–97; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 51.

²³¹ Гриневич К. Э. Раскопки Гераклеийской экспедиции 1928 г. // Крым. – М.; Л., 1928. – №2 (8). – Вып. 2. – С. 34–71.

²³² Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 190.

²³³ Стржелецкий С. Ф. Отчет о разведке древних деревень округа Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. №690/IV. – Л. 1–29.

²³⁴ Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. – К., 1993 (исследовано 794 погребальных сооружения, около половины из существовавших; в основном это вырубные склепы и немного грунтовых могил, изредка отмеченных снаружи каменными крестами и стелообразными надгробиями).

(поселения Шабурла, Хаспио, Приморское, последнее — с постройками в технике *opus mixtum*)²³⁵. Сюда же следует добавить раскопки 1977 г. на противоположном Херсону берегу Севастопольской бухты, где в IX в. действовала крупная гончарная мастерская, а также разведки и раскопки Крымской экспедиции Уральского университета около поселка «Заря свободы», на левом берегу р. Бельбек, и в окрест-

235 Савеля О.Я. Предварительные результаты обследования зон застройки на водоразделе Карантинной и Стрелецкой балок Гераклеяского полуострова. 1971 г. // Архив НЗХТ. — Д. №2336. — Л. 1—4 (усадыба с подъемным материалом римского — раннесредневекового времени в ответвлении Стрелецкой балки); Зедгендзе А.А., Николаенко Г.М. Отчет об охранных полевых работах в 1975 г. // Архив НЗХТ. — Д. №1773. — Л. 7—10, 41 (раннесредневековая усадьба на западном берегу Карантинной бухты, на месте античного земельного надела №33); Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1980 и 1981 гг. // Архив НЗХТ. — Д. №2252. — Л. 6—36 (поселение «Гасфорт» VII—IX вв. на высоте Безымянной, исследовавшееся с 1979 г.; поселение, непрерывно существовавшее с ранневизантийского времени до XII—XIV вв. на юго-восточной окраине с. Оборонное Балаклавского района г. Севастополя; поселение VIII—X вв. в 2,5 км от с. Морозовка, бывшее Алсу, Балаклавского района г. Севастополя; Чоргунское городище с долговременной общественной постройкой); Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. — Д. №2324. — Л. 4—24; Падалка Ю.В. Отчет об археологических разведках в урочище Алсу-2 Балаклавского района г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. — Д. №2323. — Л. 1—16 (большое поселение VIII—IX вв. в урочище Алсу-2, в 17 км к югу от Севастополя, и следы дороги, которая вела из урочища на Чоргунский Исар и далее на поселение «Гасфорт»); Савеля О.Я., Падалка Ю.В. Отчет о раскопках на поселении «Гасфорт» в 1985 году // Архив НЗХТ. — Д. №2608. — Л. 1—11 (усадыба VIII—IX вв.); Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1986 г. // Архив НЗХТ. — Д. №2697. — Л. 1, 25—28, 32 (раннесредневековое поселение у с. Оборонное); Суханова И.Ю. Отчет о раскопках поселения Ак-Керман (п. Инкерман, Балаклавский район г. Севастополя) // Архив НЗХТ. — Д. №2975. — Л. 1—29 (поселение Ак-Керман, существовавшее с V до XII—XIII вв. на правом берегу р. Черной, близ устья, на западном склоне Загайтанской скалы); Савеля О.Я. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. // Архив НЗХТ. — Д. №3068. — Л. 73—74, 76—77 (поселение «Шабурла» VIII—X вв. на северо-восточном краю Ласпинской котловины; поселение «Приморское» в юго-западной и центральной части Ласпинской котловины с сооружением в технике *opus mixtum* и моливдулом нотариуса Димитрия VIII — начала IX вв.; поселение площадью около 25 га в урочище Хаспио между мысами Айя и Сарыч); Савеля О.Я. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // Архив НЗХТ. — Д. №3187. — Л. 29—34 (поселение Хаспио); Савеля Д.Ю. Могильники позднеантичной — ранневизантийской поры на Гераклеяском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991—1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV—IX вв.). Тезисы междунаро. конф. — Симферополь, 1994. — С. 60—61.

ностях Баклы²³⁶. С 1990 г. существенно продвинулось вперед изучение материала могильников VI–IX вв. в Южном, Юго-Западном и Горном Крыму, что позволило внести существенные коррективы в имеющиеся представления о материальной и духовной культуре местного населения, его этническом составе, то есть лучше обрисовать круг тех, кто обитал в «Херсонитии» или «Херсакее», как называли эти земли современники²³⁷. В последние десятилетия исследованиями средневековых памятников, селений хуторского типа, усадеб в пределах Гераклеяского полуострова активно занимается старший научный сотрудник Херсонесского заповедника Т. Ю. Яшаева²³⁸. И все же на фоне усиленных работ, ведущихся на территории античной

²³⁶ Рыжова Л. А. Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 149–155; Седикова Л. В. Керамические печи IX в. – С. 435, 439, рис. 3; Романчук А. И., Омелькова Л. А. Отчет об охранных разведках на левом берегу реки Бельбек, на высточном склоне балки Горный Ключ, в 3,5 км от пос. Заря Свободы // Архив НЗХТ. – Д. №1843. – Л. 1–26; Рудаков В. Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского гос. университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. №1914. – Л. 1–50.

²³⁷ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 3–86; Айбабина Е. А. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – С. 121–134; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – С. 31–88; Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 85–93; Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 274–311; Хайрединова Э. А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 334–348; Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 53 – 118; Радочин В. Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 119–134; Хайрединова Э. А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 125–160; Радочин В. Ю. Антропологические материалы из погребений V–IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 161–171.

²³⁸ Яшаева Т. Ю., Оленина Е. Ф. Отчет экспедиции Херсонесского заповедника об охранных комплексных исследованиях на хоре Херсонеса в 1980 году // Архив НЗХТ. – Д. №2152 – Л. 33–43; Яшаева Т. Ю. Отчет о раскопках средневекового храма на м. Безымянный в 1997 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3348. – Л. 1–52 (однонефный храм X в. на Феоленте); Яшаева Т. Ю., Созник В. В. Отчет о раскопках Гераклеяской экспедиции Херсонесского Гос. историко-археологического заповедника. Ч. 3. 1983 // Архив НЗХТ. – Д. №2319. – 97 л.; Яшаева Т. Ю. Средневековые поселения ближней округи Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тезисы докл. междунаро. конф. – Симферополь, 1994. – С. 79; Яшаева Т. Ю. Раннесредневековое поселение в предместьях Херсона на Гераклеяском полуострове // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 349–358 (поселение VI–X вв. на правом берегу Камышевой бухты, на месте античного надела № 32).

хоры города, особенно масштабных совместных экспедиций Херсонесского заповедника и Техасского университета (руководители Г. М. Николаенко и профессор Джозеф К. Картер), изучение средневековых сельских памятников явно отстает²³⁹. Постепенно накапливающиеся разрозненные сведения в отношении существовавших здесь постантичных сельских усадеб, поселений, городищ, кладбищ, дорог нуждаются в глубоком, аналитическом, талантливом обобщении, и пока единственным трудом, собравшим такого рода данные VI–IX вв., является написанная в 1962–1966 гг. монументальная монография А. Л. Якобсона, автор которой тем не менее не сумел в раннесредневековых археологических материалах Юго-Западного Крыма разглядеть «...осязаемых и реальных связей с ближайшим экономическим и культурным центром Таврики – Херсонесом»²⁴⁰. Это неожиданный вывод для исследователя, который сам вел раскопки некоторых окрестных поселений, сельских базилик, жилищ, некрополей VI–IX вв. в Байдарской долине (близ сел Бобровки, Родникового, Передового), в Варнутской долине (у с. Гончарного), в долине р. Бельбек (у с. Поляна и на плато Мапук-Кая), в долине р. Качи (на плато Кыз-Кермен) и не мог не заметить отчетливых следов ромеизации во всех сферах жизни местного населения, исходивших, разумеется, прежде всего от византийского Херсона, а не от некой антиправительственной «монашеской эмиграции»²⁴¹. К сожалению, «первый опыт в разработке этой исторически важной темы» до настоящего времени является последним²⁴².

Большая часть археологических изысканий остается вне связи с каким-либо общим, магистральным планом, который помог бы сосредоточить средства и усилия исследователей, рассеянных по разным научным центрам. Случайность их очевидна. В лучшем случае они охватывают тот или иной участок, регион города, но за его пределами ограничиваются отдельными раннесредневековыми поселениями, жилищами, погребальными сооружениями, раскопки которых обычно порождает необходимость проведения охранно-новостроечных работ. Их уровень, объемы вскрытых площадей, обработанных материалов и медленные темпы меняются весьма незначительно. То же самое можно сказать о введении найденного различными экспедициями в научный оборот, о прискорбных попытках затруднить

²³⁹ Ср.: *Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs*. – P. 132–133.

²⁴⁰ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 147; ср.: Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 131–138.

²⁴¹ Ср.: Якобсон А. Л. Отчет о раскопках средневекового сельского поселения близ села Гончарное. 1964 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 841. – Л. 1–22; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 59–145.

²⁴² Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 8.

исследователям-коллегам доступ к свежим отчетным материалам и о методике анализа культурных слоев и стратиграфии раннесредневекового Херсона. Пожалуй, единственным существенным достижением в этой области стала предложенная А. И. Романчук поправка к объяснению малочисленности находок, в том числе периода «темных веков», которая кроется в анализе причин формирования или, напротив, отсутствия слоя²⁴³. Нормальная жизнедеятельность с оставшимися от нее единичными находками, и массовые разрушения, которые несут массовый материал, — явления несовместимые.

Поэтому только коллективные, организованные усилия и комплексный подход к разнообразным источникам, одним из аспектов которого является выявление характера и причин их образования, способны перекрыть «археологические лакуны» и добиться новых успехов в исследовании города, его топографии, материальной и духовной культуры. При этом как никогда актуальным остается призыв — завет Д. В. Айналова, в свое время высказанный в его Докладной записке председателю Московского археологического общества графине П. С. Уваровой: «Нечего ждать, чтобы иностранные ученые еще раз показали нам, как надо ценить и исследовать подобные исторические руины»²⁴⁴.

Нетрудно заметить, что приведенный мной предельно сжатый обзор свидетельств прошлого несет не столько фактологический и аналитический, сколько систематический и оценочный подход ко всему, что осталось от истории Херсона середины VI — середины X вв. или может иметь к ней отношение. Именно оценка источникового наследия важна для того, чтобы знать, чем придется оперировать в исследовании и какие направления его должны стать наиболее актуальными, перспективными. Приведение в порядок этих знаний, их сопоставление, очистка от накопившихся домыслов, спорных частностей, от вольно или невольно искаженных данных и устоявшихся шаблонов — залог будущих открытий на вечно обновляющейся ниве «херсонессианы». Поэтому, несколько изменив смысл известных слов В. Набокова, можно сказать, что «для ума внимательного нет границ там, где поставил точку я». Любой источник практически неисчерпаем до тех пор, пока мы в состоянии видеть его под новым углом зрения и задавать ему новые и новые вопросы.

²⁴³ Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию... — С. 25–42; Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. — 1998. — Т. 55 (80). — С. 178–183; Романчук А. И. Очерки. — С. 82–85.

²⁴⁴ Айналов Д. В. Докладная записка об исследовании Херсонеса, приложение к письму гр. Уваровой, пр. МАО № 0528 // Архив НЗХТ. — Д. № 41. — Л. 23 об.

ГЛАВА 2.

ОКО и щит ИМПЕРИИ.

ХЕРСОН К КОНЦУ ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА I И ПРИ ЕГО БЛИЖАЙШИХ ПРЕЕМНИКАХ

С середины 50-х гг. VI в. евразийский мир оказался потрясен масштабными тюркскими завоеваниями. Закованная в железные латные доспехи, бронированная конница тюрков уже через три года покорила просторы от Каспия до Черного морей, объединив здесь всех степняков в рамках ордынской государственности – Великого Тюркского каганата (552–651), престол в котором наследовали выходцы из знаменитого рода Ашина – «Волка». Тогда же, в самом начале второй половины VI в., в районах, непосредственно примыкавших к Северному Причерноморью, появились новые племена аваров, двигавшиеся под натиском воинственных тюрков из приволжских степей. В 560–561 гг. они перешли Дунай, получили на поселение земли Малой Скифии, а затем, развязав войну с ромеями, в 567–568 гг. заняли под свой каганат просторы Паннонии¹. Вслед за ними в 70-х гг. показались их преследователи – тюркюты (древние тюрки), вторгшиеся в Таврику, где до этого на степных просторах около Херсона (*juxta Chersonam*) и Боспора кочевали племена гуннов, протоболгар². Долгое время было принято считать, что вследствие этих бур-

¹ Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – С. 22–26; Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 11; Комар А. В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – К.: Судак, 2004. – С. 171.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М., 1950. – С. 388 (IV. 5. 27–28); Иордан. О происхождении и деяниях Гетов. *Getica*. Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960. – С. 72, § 37, коммент. 119; Монеувасийская хроника // Свод древнейших письменных известий о славянах. – М., 1995. – Т. 2. – С. 328.

ных событий уже к середине VI в. строительство здесь пограничных оборонительных систем, как и в прочих регионах Византии, стало сворачиваться и под нажимом военных отрядов тюрков в 70–80-х гг. VI в. византийское доминирование на территории Крыма прекратилось более чем на два столетия, во второй половине VII в. уступив место безраздельному хазарскому господству³. В качестве одного из ярких примеров подобной трансформации фигурировало указание на исчезновение византийских слоев на городищах бывшего Боспорского царства после второй четверти VI в. и, как следствие, окончание античного периода его существования⁴. Роль Херсона при этом затухала, а его положение к концу правления Юстиниана I и в постюстиниановское время исследователи долгое время либо сводили к традиционной, по сути дела пустой фразе о конце античного этапа истории и «рождении феодализма», либо обходили своеобразным «заговором молчания», сгущая на нерепрезентативность источников.

Сомнения в справедливости подобных взглядов нарастают в последнее время, подтверждая мнение о том, что история как наука знает мало истин, установленных раз и навсегда. Едва ли городская и сельская жизнь в Восточном Крыму когда-либо оборывалась столь повсеместно, как думалось большинству исследователей⁵, а там, где

³ См. Кулаковский Ю. А. Из истории готской епархии в Крыму в VIII веке. — С. 179; Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. — К., 1906. — С. 63; Бобринский А. А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. — СПб., 1905. — С. 95–97; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3. — С. 11–12; Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. — 1954. — Т. 21. — С. 152, 158; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. — М.; Л., 1964. — С. 27; Герцен А. Г. Крепостное строительство в Юго-Западной Таврике (в связи с проблемой взаимоотношения горных и степных районов) // Тезисы докладов Душетской конференции. — Тбилиси, 1984. — С. 87; Николаева Э. Я. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — М., 1984. — С. 20; Пиоро И. С. Крымская Готия. — К., 1990; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дисс.... докт. ист. наук / Институт археологии НАН Украины. — К., 1994.

⁴ Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритакте // СА. — 1940. — Т. 6. — С. 190–204; Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 88; Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки по истории столицы Боспора. — М., 1964. — С. 225–226; Николаева Э. Я. Боспор после гуннского нашествия. — С. 10.

⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.; Л., 1949. — С. 480–483; Gajdukevich V. F. Das Bosphoranische Reich. — Berlin; Amsterdam, 1971. — S. 513; Блаватский В. Д. Пантикапей. — С. 214; Соколовский Н. И. Гунны на Боспоре (по археологическим источникам) // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. — Amsterdam, 1968. — С. 253–256; Кобылина М. М. Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978. — С. 30–35; Шелов Д. Б. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978. —

это случалось, не всегда можно видеть руку варваров, — алан, утигуров, гуннов, тюрок или хазар, степень непосредственной угрозы которых в Таврике, как ныне становится ясным, была в определенной степени преувеличенной⁶. Видимо, современников гораздо больше пугала сама возможность приближения опасности, нежели ее реальные плоды. Крымский полуостров не пустел.

Скажем, многолетние раскопки Пантикапея (Боспора) не обнаружили следов гуннского разрушения, а строительство велось на территории бывшего акрополя даже во второй половине VI — первой половине VII вв. Район центрального плато горы Митридат был обитаем, плотно застроен в позднеантичное время, несмотря на соседство кладбища с большим количеством ямных и плитовых могил, и, значит, даже в указанное время далеко не все жители боспорской столицы спустились к подножью горы, в Нижний город⁷. Материалы, собранные сотрудниками Керченского историко-археологического музея во время строительных работ в Керчи в 50–70-е гг. XX в. вместе с материалами охранно-археологических раскопок последних десятилетий в центре Керчи позволяют заключить, что Боспор раннесредневекового времени занимал значительно большую территорию, чем представлялось прежде. Городские кварталы простирались вдоль подножья горы Митридат, приморский участок города располагался у порта, а на центральном, западном плато, северных и южных склонах горы Митридат размещался обширный плитовый некрополь

С. 85–86; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Наврики. — Л., 1979. — С. 5; Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время // Блаватский В. Д. Античная археология и история. — М., 1985. — С. 251–255; Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). — СПб., 1994. — С. 140, 160; Засецкая И. П. Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н. э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности: Автореф. дисс.... докт. ист. наук. — М., 1996. — С. 31.

⁶ Ср.: Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс.... докт. ист. наук / МГУ. — М., 1999. — С. 17–20, табл. 7–11, с. 28–30, 32–35, 36, 38–40; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999. — С. 79; Ивченко А. К вопросу о проникновении гуннов в Крым (по материалам монетных кладов) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.: Сугдак, 2002. — С. 116–118; Тортика А. А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // БИ. — Симферополь, 2003. — Вып. 3. — С. 62–72; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. — 1998. — Вып. 9. — С. 118–132; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000. — С. 129–156, 209 — 231.

⁷ Журавлев Д. В. Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // *Bosporian City of Nymphaon. New Materials and Recent Studies in Problems of Ancient History of Greek Cities in the North Pontic Area. International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Nymphaion Archaeological Expedition and the 70th Anniversary of Nonna L. Gratch.* — St. Petersburg, 1999. — P. 28–32.

второй половины VI – начала Х вв., а кое-где продолжала функционировать террасная система и отдельные постройки V–VI вв.⁸

Культурные слои Гермонассы – Таматархи IV–VIII вв. тоже не несут следов частых пожаров и вражеских разрушений, а очертания средневекового города повторили в основном античный город⁹. Еще более показательны результаты исследования Китея – боспорского центра юго-востока Керченского полуострова, которые позволили установить, что причиной прекращения в нем жизни к концу VI в. стали не военно-политические неурядицы, а, скорее, действие гораздо более неумолимого, природного, геоэкологического фактора – катастрофическое нарушение структуры пресных водоносных слоев, сделавшее существование города невозможным примерно с середины столетия. Находки амфор первой половины VI в., поздних типов привозной краснолаковой «штампованной» керамики, солида Юстиниана I, а также тарапана ранневизантийского времени, то есть остатки производственного сооружения, свидетельствуют, что обитатели Китея дольше всего продержались в западной и восточной частях городища, но со временем вынуждены были уйти и оттуда¹⁰.

Киммерик (Киверик) оказался на новом месте, несколько отодвинувшись от моря. Еще одна крепость находилась на горе Опук. В отдалении от моря продолжала существовать и крепость Илурат, некрополь которой функционировал в VII–VIII вв., действовали территориально-хозяйственные комплексы в районе Тиритаки, Крымского Приазовья, мыса Казантип, хотя чересполосно существовали места, фактически оставленные жителями (в Нимфее, Акре)¹¹. Разрушения на поселениях сменялись строительством, причем традиции хозяйства и быта сохранялись неизменными¹². Крымское Приазовье было особенно густо заселено и, в целом, вполне процветало¹³.

⁸ Пономарев Л. Ю. К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 202–205.

⁹ Финогенова С. И. К вопросу о границах и планировке античной Гермонассы // Таманская старина. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 48–49.

¹⁰ Молев Е. А. Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. – Д. №24077. – Л. 9; Молев Е. А., Молева И. В. Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. – Симферополь, 1994. – С. 265; Молев Е. А. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 44.

¹¹ См.: Хршановский В. А. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 (предварительные итоги) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 104; Болгов Н. Н. Боспор V в.: континуитет материальной культуры «темного столетия» (Европейская часть) // ПИФК – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 44–49; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 30, 31.

¹² Мокроусов С. В., Сазанов А. В. Поселение Золотое – Восточное: опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. – М.; Магнитогорск,

Говорить о запустении земель Таманского полуострова «во время византийского владычества» можно с большой натяжкой¹⁴.

Не несут следов существенных этнических изменений и материалы некрополей¹⁵. Даже степень негативности тюркского нашествия в Таврику во второй половине 570 – начале 580-х гг. и его разрушительность для поселений, – основных демографических элементов античной системы земледелия и землеустройства, – остается под вопросом. А. М. Масленников считает, что «...кое-где жизнь еще теплилась несколько десятилетий спустя», но сам же признает, что состоянием сельской хоры Восточного Крыма в эпоху раннего средневековья никто серьезно не интересовался¹⁶. Следовательное, истинное положение непосредственных соседей Херсона по крымским владениям Империи могло быть не столь плачевным, как порой об этом пишут исследователи¹⁷.

Еще больше сомнений порождает представление о том, что власть ромеев рухнула по всей Таврике столь обвально и полностью. Оснований для подобного вывода нет. Херсон и прочие порты Крымского полуострова уже в силу своего выгодного геополитического положения должны были занимать важное место в византийской глобальной стратегии, направленной на умаление персидского контроля над восточной торговлей и расширение северного направления торговых путей. Потеря контроля над этими прибрежными городами, транзитными, посредническими центрами, означала бы не только

1996. – Т. 3. – С. 88–107; Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. – М., 1998. – С. 172–178, 262–267; Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 1999. – Т. 7. – С. 167–223.

- 13 Масленников А. А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки истории и археологии Боспора. – М., 1992. – С. 120–173; Масленников А. А., Безрученко И. М. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА АН СССР. – 1991. – Вып. 204. – С. 37–45; Масленников А. А., Мокроусов С. В., Сазанов А. В. Исследования ВКАЭ на Азовском побережье Керченского полуострова в 1998 г. // ПИФК – М.; Магнитогорск, 1999. – Т. 7. – С. 394–396; Мокроусов С. В. Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столицы. – Керчь, 2000. – С. 99–101; Мокроусов С. В. О хронологии сельских поселений Крымского Приазовья в ранневизантийский период // Антиковедение на рубеже тысячелетий. – М., 2000. – С. 73–74.

- 14 Ср.: Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 151–160.

- 15 Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // Древности Боспора. – 2000. – Т. 3. – С. 136–200.

- 16 Масленников А. А. Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследования) // БИ. – Симферополь, 2001. – Вып. 1. – С. 98.

- 17 Ср.: Русаева А. С., Зубарь В. М. Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 1998. – С. 101–105.

утрату части выходов к морю, но гораздо большее — потерю всего приморского региона вместе с его сухопутными областями и территориальными водами¹⁸. Безопасность балканских провинций Рومании, прикрывавших сердце и мозг государства — Константинополь, во многом тоже зависела от готовности ее подданных в крымских владениях собирать разведывательную информацию, пристально следить за передвижением самых разных племен и народов через Северное Причерноморье, вовремя предупредить о готовящемся нападении, помочь в организации помощи (хотя бы дипломатической) и от позиции союзников Византии в соседних с Таврикой районах¹⁹. Ситуацию осложняли усобицы булгарских племен, передвижения аваров, завоевавших в 567–568 гг. Паннонию и на долгие десятилетия ставших злейшими врагами Империи. В этой обстановке главную роль неминуемо начинали играть торговые и военно-политические контакты с тюрками, врагами аваров, шел обмен посольствами в 558, 562, 563, 568 гг. и конце VI в.²⁰. При этом, если Боспор «во втором году правления Тиверия кесаря» (между декабрем 575 и декабрем 576 г.) оказался ненадолго захвачен многочисленными войсками полководца непобедимого властителя Турксанфа (Тянь-хан-хана), Вохана — наместника приазовских земель и его подневольного союзника, «гунна», а правильнее, тюрко-болгарина Анагея, «владельца племени утигуров» (*os ekratei tou phulou ton Outigouron*)²¹, то Херсон с окрест-

¹⁸ Ср.: Ahrweiler H. *Byzance et la mer: La marine du guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VIIe-XVe siecles.* — Paris, 1966. — P. 45–48; Ahrweiler H. *Fonctionnaire et bureaux maritimes a Byzance* // REB. — 1961. — Vol. 19. — P. 239–252; Ahrweiler H. *Les ports byzantins (7e-9e siecles)* // *La navigation mediterranea nell'alto medioevo.* — Spoleto, 1978. — T. 1. — P. 259–297; Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // *Византия между Западом и Востоком.* — СПб., 1999. — С. 12–13.

¹⁹ Удальцова З.В. *Дипломатия Византии* // *Культура Византии вторая половина VII–XII вв.* — М., 1989. — С. 243; Bortoli A., Kazanski M. *Kherson and its Region* // *The Economic History of Byzantium From the Seventh Through the Fifteenth Century* / Ed. A.E. Laiou (*Dumbarton Oaks Studies*. 39). — Washington, D.C., 2002. — Vol. 2. — P. 652.

²⁰ Известно не менее шести византийских посланников (Зимарх, Анагаст, Евтихий, Иродиан, Павел Киликийец, Валентин (см.: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой: Пер. Сп. Дестунива, прим. Г. Дестуниса // *Византийские историки...* — СПб., 1860. — С. 370–384, 398–400, 416–418, 462; Феофан Византиец. Выписки из истории Феофана: Пер. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса // *Византийские историки...* — СПб., 1860. — С. 492–493; Theophylacti Simocattae *historiarum libri octo* / Rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1834. — P. 282; Theophanis *Chronographia* / Rec. C. de Boor. Vol. 1: *Textum graecum continens.* — Lipsiae, 1883. — P. 239).

²¹ *Menandri Fragmenta* // *Historica graeci minoris* / Ed. L. Dindorf. — Lipsiae, 1871. — T. 2. — Fr. 45, p. 90; Менандра Византийца продолжение истории... — С. 422, 423; Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века // ВВ. — 1896. — Т. 3. — С. 12; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1967. — С. 106; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IX–X вв. — Л., 1979. — С. 96;

ностями оказался способен стойко выдержать натиск кочевников, вероятно, сравнительно близко приблизившихся к его стенами. С их высоты горожане могли видеть их черные боевые стяги, украшенные золотой волчьей головой.

Это событие, совпавшее с писком активной экспансии алтайских тюрок и их союзников – данников в Крыму, историки обычно относят к 580 г., поскольку из текста источника следует, что оно совпало с разворачиванием подготовки осады аварским ханом Бояном важного византийского города-крепости Сирмия, когда с помощью пленных ромейских мастеров велось строительство моста через Саву: император Тиверий II «...знал, что хан строит мост с той целью, чтобы препятствовать ввозу в Сирмию припасов», но, будучи связан войной с персами в Армении и Месопотамии и не имея даже малочисленных войск для противостояния аварам, пытался запугать противника, говоря, «что это время не самое благоприятное для... аваров, потому что турки уже поставили стан у Херсона, и что если авары перейдут Истр, то это немедленно будет замечено [их врагами] турками»²². Действительно, подготовка к осаде города началась в 579 г., а в начале 582 г. она завершилась эвакуацией защитников и обитателей Сирмии, несмотря на очень серьезные переговоры и поиски компромисса с аварами²³. Однако из сочинения Иоанна Эфесского (ок. 507–585) можно понять, что автократ Тиверий II и «все государство были немало огорчены тем, что случилось в 3-й год его царствования после смерти Юстина и всячески пытались разрушить мост», отстроенный, следовательно, не ранее октября 580 г. и не позже октября 581 г.²⁴. Насколько были близки турки к Херсону в это время и действительно ли «поставили стан» в его окрестностях можно только гадать, ибо, по словам Менандра,

Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986. – С. 18–19. Накануне в ставку Турксанфа, властителя западных территорий Тюркского каганата, прибыло византийское посольство во главе с Валентином, где оно было встречено с неприязнью, враждебностью. Посланники обратились к другим тюркским вождям и, когда они находились среди них, Турксанф сдержал свою угрозу отнять Боспор у ромеев. См. Антология (Менандр Протиктор. История).

²² Менандра Византийца продолжение... – С. 462, фр. 66.

²³ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 226; Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 276.

²⁴ Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. – СПб., 2000. – С. 534 (VI. 24). Ср.: Васильевский В. Г. Турки в Херсонесе в VI веке // ЖМНП. – 1878. – Ч. 195. – Январь. – С. 117; Кулаковский Ю. А. К истории готской епархии в Крыму в VIII в. – С. 179; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 386; Васильев А. А. Готы в Крыму. Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до начала XI в.) // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 184; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – № 63. – С. 34; Артамонов М. И. История хазар. – С. 137.

Тиверий II откровенно блефовал, притворяясь не понимающим замыслов хагана и надеясь устроить его не столько реальной, сколько призрачной угрозой, что не укрылось от «варварского посланника» уже во время переговоров.

Как известно, Юстин II (565–578) отказался от решения проблем с варварами с помощью золота, что в дальнейшем, вероятно, и спровоцировало тюрков на отказ от политики переговоров, выраженной посольствами 568–575 гг., и на захват Боспора²⁵. С бурными событиями тюркской оккупации могут быть связаны находки в склепе, раскопанном Ю. А. Кулаковским в 1892 г. на Госпитальной улице Керчи, остатков одного или двух железных панцирей из наборных пластин с вырезными краями, близких к защитным доспехам аварского круга, двух полусферических пластинчатых шлемов, один из которых был с кольчугой, закрывавшей шею, обломков двух мечей, двух железных кинжалов, двух десятков трехлопастных наконечников стрел, железного наконечника копья, ременной золотой гарнитуры, возможно, поясной, и фрагментов расшитой золотными нитями одежды или покрывала²⁶. К этой же поре относится слой пожара на Баклинском городище, на дальних подступах к Херсону²⁷, а также находки в самом городе моливдула императора Тиверия Константина рубежа 70–80-х гг. VI в. и печати начала правления Тиверия Маврикия (582–583 гг.)²⁸. Во всяком случае, внешняя угроза на какой-то момент была весьма велика и вполне реально могла грозить большими бедами.

Очевидно, Херсон спасли не столько его мощные, двухрядные крепостные стены и начавшая активно создаваться к этому времени, во второй половине 70-х – начале 80-х гг. VI в., система обороны из нескольких укреплений-убежищ на подступах к городу, в юго-западной части Внутренней (Второй) гряды Крымских гор, сколько

²⁵ Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 81.

²⁶ Arendt W. Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen – und Kostumkunde. – 1932. – Bd. 4 (13). – Heft 3. – S. 53–54; Кубарев Г. В., Ахмедов И. Р., Журавлев Д. В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (Предварительная информация) // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 204–221; ср.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 141.

²⁷ Могаричев Ю. М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 98.

²⁸ Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма: Тез. докл. – Симферополь, 1995. – С. 159; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999. – С. 147, № 6; с. 152.

²⁹ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. – Budapest, 1958. – Bd. 2. – S. 72.

внезапная смерть тюркского хагана Арсилы в 581 г.²⁹, последовавшая как раз тогда, когда враги, вероятно, обложили город или, скорее, были близки к этому, если поверить полуправдивым намекам Тиверия II аварским посланникам. К тому же приазовская группировка праболгар, из которой вышли создатели Великой Болгарии Куврат и его дядя Орган, вырвалась из-под власти алтайских тюрков и заключила стратегический союз с Империей, что сразу облегчило ее положение на северных границах³⁰. С этого же года положение каганата осложнилось в связи с приходом в Китае воинственной династии Суй, при которой развязалась кровавая тюркюто-китайская война. Тем не менее тюркская угроза, по крайней мере, воспоминания о ней, сохранялись на территории Крыма по меньшей мере до конца 80-х гг., что, разумеется, должно было стимулировать крепостное строительство. Только разгоревшаяся с 581 г. внутридинастическая борьба, вылившаяся в гражданскую 15-летнюю войну, неудачи в войне с персами, полоса поражений на востоке, восстания в Хотане, Иране и памирских горцев — эфталитов, усиление Китая, образование в каганате прокитайской группировки, восстания некоторых племен (каби, сеяньто и др.), конец немногих влажных годов и наступление с 596 г. периода суши, вновь потребовавшего длительных перекочевок и сосредоточившего все силы лишь на добывании пропитания для скота, и, наконец, последовавший распад гигантской тюркской степной «империи», переставшей существовать в виде единого каганата к 602 г., заставили тюрков забыть о Таврике, сбросили здесь напряжение, создали возможность урегулирования многих вопросов и установления мирных отношений с Византией³¹. К 631–632 гг. Великий каганат тюркютов окончательно распался на Восточный и Западный, причем в последнем на троне остались выходцы из рода Ашина, которым в дальнейшем доведется сыграть значительную роль в истории Хазарии. В 588 г., если не раньше, тюрки вернули Империи Боспор³², а в 589–591 гг. уже принимали участие в войне с персами на стороне ромеев. Византия вместе с тайским Китаем на сей раз стала союзницей Западного каганата. Вскоре был заложен краеугольный камень будущей византийской дипломатии в отношении хазар — мирный договор с тюрками 598 г., на двести лет определивший ее основное направление³³.

³⁰ Подр. обоснование этого см.: Шабашов А. В., Шабашова М. Н. Этнонимия и антропонимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 379–382.

³¹ Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. — С. 39; Комар А. В. Кутригуры и утигуры... — С. 199.

³² Шабашов А. В., Шабашова М. Н. Этнонимия и антропонимия праболгар... — С. 381 (исследователи относят это событие уже к 581 г.).

³³ См.: Феофилакт Симокатта. История; Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1996. — С. 188–192 (VII. 7–9); Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 140.

Однако за этот короткий с точки зрения истории период в четверть столетия местное население Таврики, греки, а особенно ираноязычные аланы, германцы (готы), балты – «здешние люди, не терпевшие быть заключенными в стены»³⁴, наученные горьким опытом, должны были окончательно расстаться с желанием «жить на равнине» и озаботиться продолжением создания надежных оборонительных сооружений – укрытий для местного населения, его имущества, скота, которые защитили бы подступы со стороны причерноморской и крымской степи, откуда через семикилометровую горловину Перекопа грозили вторжения пришельцев, способных заполнить все окрестности (рис. 27). Организовать такого рода целенаправленные усилия здешнего этнического конгломерата из отчасти христианизированных алан, готов, потомков прежнего античного населения, ныне называвших себя ромеями, могли только византийские власти, опиравшиеся на богатый опыт сотрудничества с военными союзниками – федератами и средства все еще обширного и достаточно могучего Ромейского государства.

Видимо, ко второй половине VI в. херсонесские баллистарии были уже заменены подразделениями регулярной армии, а Херсон превратился в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дука или дуки (*dux, doukas*) и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской епархии, в которую входили земли Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Крыма³⁵. Уже само наличие дуки Херсона свидетельствует в пользу того, что здесь должна была существовать соответствующая византийская провинция. Недаром именно так – епархией, то есть провинцией, назван Херсонес в позднеримском географическом трактате, в который были внесены интерполяции не ранее конца VI–VII вв.³⁶. Составитель Житий семи мучеников Херсонских, очевидно, незадолго перед тем тоже писал о вхождении Херсона в состав «провинции Тавроскифии» (*tes Tauroskeythron eparchias*)³⁷. Вероятно, подобным образом

³⁴ Перевод текста Прокопия цит. по.: Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 112.

³⁵ Храпунов М. I. Адміністрація Херсона наприканці IV–VI ст. // Археологія. – 2000. – № 1. – С. 62.

³⁶ Шангин М. А. Новый географический текст // ВДИ. – 1938. – № 4. – С. 253, 255; ср.: Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – С. 560, прим. 47.

³⁷ Лавров П. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 154, sec. 2. Для транслитерации греческого языка латиницей здесь и далее использована следующая система: α=a, β=b, γ=g (γγ=ng, γκ=nk, γξ=nx, γχ=nch), δ=d, ε=e, ζ=z, η=e, φ=th, ι=i, κ=k, λ=l, μ=m (μβ=b, μπ=b), ν=n, ξ=x, ο=o, π=p, ρ=r, σ, ζ=s, τ=t, υ=u или y, φ=ph, χ=ch, ψ=ps, ω=o. Ср.: Kazdan A., Sevckenko I. Transliteration of Texts // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2108.

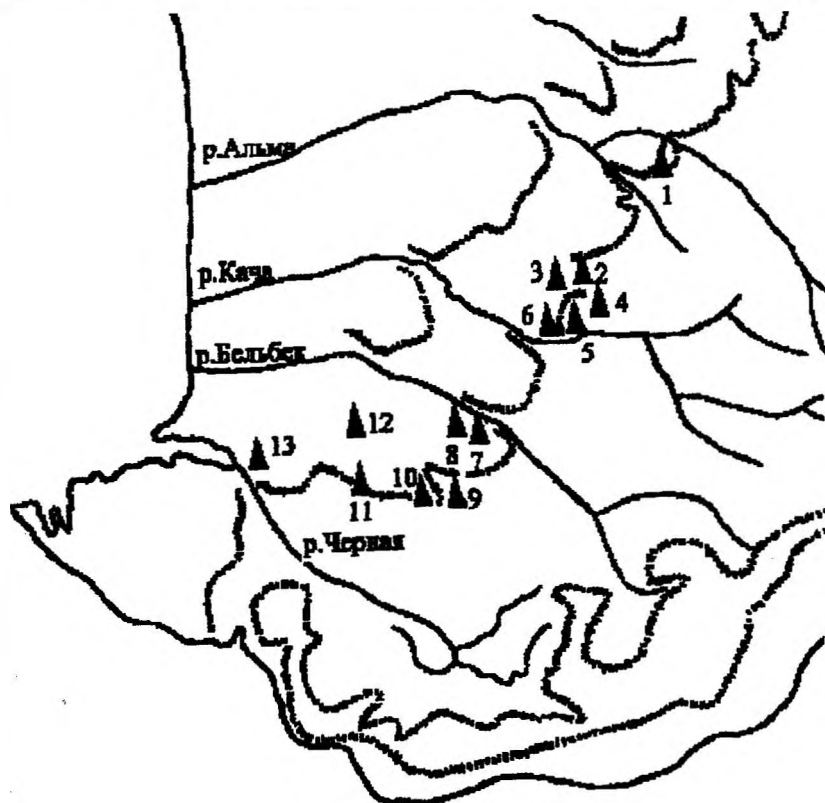

Рис. 27. План-схема расположения убежищ и кастра в Юго-Западном Крыму во второй половине VI–VII вв. 1 – Бахла; 2 – Чуфут-Кале; 3 – Предполагаемый монастырь; 4 – Тепе-Кермен; 5 – Кыз-Кермен; 6 – Качи-Кальон; 7 – Сюйренская крепость; 8 – Чилтер-Коба; 9 – Мангуп; 10 – Шулдан; 11 – Чилтер-Мармара; 12 – Эски-Кермен; 13 – Инкерман (по Ю.М. Могаичеву)

либо провинцией Херсон называлась соответствующая пограничная епархия, расположившаяся на крымских землях³⁸.

Рождение дуката, а значит, изменение статуса города, связанные с преобразованиями в военной организации Херсона и системе администрирования Империи, могли отразиться в местной монетной чеканке. В правление Юстиниана I (527–565) (рис. 28) здесь появляются в качестве наиболее ходовой монеты пентануммии с бюстом августа и его именем на аверсе и монограммой на реверсе, раскрываемой как «POLIS CHERSONOS» или «CHERSONOS», которые приходят на смену массовым пентануммиям нескольких вариантов с изображением на аверсе фигуры Юстиниана в воинском одеянии с длинным крестом или знаменем – лабарумом и сферой (щитом)

Рис. 28. Юстиниан I.
Золотой коммеморативный
медальон 534 г. из Кабинета
медалей, Париж
(по В. Тредгольду)

и легендой VICTOR на реверсе³⁹. Стилистическое сходство изображений головы Юстиниана I на монетах с монограммой Херсона с таким же изображением на декануммиях столичной чеканки 22 года правления императора (548/549 г.), позволяют определить появление таких херсонских монет не ранее середины VI в., что, по мнению В. А. Сидоренко, совпадает с временем учреждения в Херсоне должности дукса⁴⁰. В правление Юстина II (565–578) здесь устанавливается единый монетный тип городской чеканки крупных и мелких разменных номиналов (фоллисов, полуфоллисов), для которого было характерно помещать на аверсе вокруг фигур императора и августы Софии вместо их имен название города Херсона, написанное по гречески⁴¹. Подобное подчеркивание названия города в легенде было явлением редким. В правление Юстина II оно встречается в североафриканском монетном деле, видимо, как следствие особого военно-политического значения некоторых имперских центров (FELIX CARTHAGO)⁴². В Херсоне это могло быть связано с особым положением «столицы» важного пограничного дуката, созданного после середины VI в.

Точнее определить рубежные хронологические рамки этого события позволяет обнаруженная на Тамани, явно имевшая отношение к азиатскому или европейскому Боспору строительная надпись, которая начинается с упоминания «вечного августа и автократора Юстиниана» и указывает на непосредственных распорядителей ра-

³⁸ Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 532; Храпунов Н. И. Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – С. 381.

³⁹ Соколова И. В. Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // Сообщения Гос. Эрмитажа. – 1971. – Т. 32. – С. 66–68; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 98–99, табл. XXII, 310–314; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 18–21, табл. I, 10–14, II, 2–9; Solomon M. Mennietwo bizantynskie. – Krakow, 1987. – S. 118–119, rys. 64–65; Сидоренко В. А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 362–363.

⁴⁰ См.: Сидоренко В. А. Указ. соч. – С. 363.

⁴¹ Solomon M. Op. cit. – S. 119, rys. 66.

⁴² Salamon M. Op. cit. – S. 119.

бот – византийского трибуна Ангула, очевидно, выходца из Малой Азии, исаврийца, и некое должностное лицо местной муниципальной администрации – «отца города» или архонта, тоже носившее византийский титул и, значит, утвержденное императором⁴³. Надпись датируется 11 индиктом и, поскольку для ромейских официальных документов счет по 15-летним циклам стал обязательным с 537 г., в 547/548 или 562/563 гг, на которые připадает этот индикт в царствование Юстиниана I, Боспор еще не находился в ведении дукса. Всем распоряжался командир расквартированного здесь ромейского гарнизона, который одновременно был градоначальником, курировал общественное строительство, сбор налогов и выполнение прочих имперских повинностей. Не исключено, что нечто весьма сходное наблюдалось в первой половине правления Юстиниана I и в Херсоне, где делами уже давно заправляли имперские офицеры (трибун, комит), которым подчинялись должностные лица местной администрации, архонт – протополит, «отец города» и прочие протевоны⁴⁴.

Должность дуки – коменданта города и одновременно военного наместника здешних владений Империи, подчиненного военному магистру, впервые упоминается в херсонской строительной надписи времени правления Юстина II и Софии (565–578)⁴⁵. Скорее всего, фортификационные работы были организованы этим должностным лицом к концу правления Юстина II, когда власти оказались крайне встревожены стремительно нарастающей опасностью со стороны тюркютов и праболгар – утигуров, захвативших в 575/576 г. Боспор. Как будут развиваться дальнейшие события, ромеи не знали, но у них были все основания готовиться к худшему. Спасти от бронированной конницы мог только надежный, грамотный устроенный на удобном рубеже, усиленном самой природой, «каменный щит» из укреплений, с которыми степняки не привыкли иметь дело и которые должны были сыграть роль убежищ для окрестного населения. Об-

⁴³ Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике. I. Надпись времен императора Юстиниана, найденная на Таманском полуострове // ВВ. – 1894. – Т. I. – Вып. 3–4. – С. 567–662; Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России // МАР. – СПб., 1895. – №17. – С. 56–61, №64; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – №98; Латышев В.В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. – 1901. – Вып. I. – С. 6, 7; Feissel D. Nouvelles donnees sur l'institution du pater tes poleos // Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. – Paris, 1987. – App. I, p. 219–220; Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора... – С. 379–381.

⁴⁴ См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 520–530.
⁴⁵ Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 122–123, № 37; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 67–68; Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 213–214, №4; Цукерман К. Епископы... – С. 560, прим. 45.

ломок надписи, в которой шла речь о возведении новой куртины или башни, был найден у южной крепостной стены Херсона и, очевидно, главные работы велись на этом важном участке обороны, защищавшем «цитадель» города и портовый район (см.: рис. 23). Именно тут раскопками К.Э. Гриневича в 1927 г. прослежены следы мощной нивелировочной насыпи, которая датируется второй – третьей четвертью VI в.⁴⁶ Источником камня для этого строительства могла быть открытая каменоломня в виде отвесно срубленной на разную глубину материковой скалы на протяжении 40 м, которая находилась неподалеку от башни Зинова (XVII), на месте загородного некрополя, в котором она повредила четыре позднееримских склепа⁴⁷.

Следовательно, общее направление прежней политики, проводимой императорами в последней четверти IV–V вв. и способствовавшее интеграции города в состав Империи, усилению обороны важного заморского региона, сохранилось здесь после смерти Юстиниана I, более того, – вступило в новую, активную, мощную фазу⁴⁸. В промежуток между 550-и гг. и 575 г. Таврика приобрела статус дуката, «столицей» которого стал Херсон. С учетом вышеупомянутых данных нумизматики, эпиграфики и оценки общей политической обстановки в Евро-Азии, это произошло, вероятно, вскоре после 563 г., но до захвата тюркютами Боспора, и было в значительно степени

⁴⁶ См.: Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 107–108, комплекс 4.

⁴⁷ К.К. Косцюшко-Валюжинич называл в качестве ориентира вырубку северо-западную сторону нижнего монастырского скотного двора. Он отметил, что в насыпи, образовавшейся позднее на месте этой каменоломни, были устроены девять грунтовых могил с одиночными труположениями без инвентаря, как это было принято в византийскую эпоху. Один из склепов, несмотря на поврежденный ход, тоже продолжал использоваться, на что указывает находка в нем среди разбросанных костей натального бронзового крестика, «по-видимому, очень позднего» (Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. № 14. – Л. 36–37; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 112). Следовательно, бытующее у некоторых исследователей представление об отсутствии каменоломен в Херсонесе ошибочно (см.: Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002. – С. 98, 116).

⁴⁸ Ср.: IosPE, 12, №449; Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 5–12, № 2; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 28–30, №3 (строительная надпись 370–375 гг. с упоминанием префекта претория Востока Домиция modesta, «отца города» с титулом *vir perfectissim*, а также неизвестного командира отряда баллистариев); IosPE, 12, №450; Латышев В.В. Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 56–59 (надпись 383–395 гг. с упоминанием работ отряда «механиков» под руководством трибуна Флавия Вита и некоего Евферия); Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 7 – 15, № 7 (надпись 488 г. о даровании императором Зиновом денег на ремонт крепостных стен и о строительстве башни комитом Диогеном).

обусловлено ростом опасности со стороны Великого тюркского кагана, стремлением византийских властей лучше организовать силы для отпора, провести военно-административную реорганизацию, объединить провинциальные центры в один округ, активизировать оборонительное строительство на наиболее угрожаемых направлениях и в наиболее важных городах полуострова.

В этом плане особенно показательна надпись 590 г., обнаруженная П. И. Сумароковым в 1803 г. в Тамани, сообщающая о «великих и удивительных подвигах», очевидно, связанных с происшедшим незадолго перед тем освобождением Боспора от тюрков, о возобновлении здесь «великолепного царского здания» (*to lampron en bosporoo kaisarion* – в оригинале – *kesarion*) и о выполнении этого поручения «благочестивого (*eusebes*) и богохранимого нашего государя (*despotes*)» Маврикия (в тексте *Magrikis* вместо *Maurikios*) «через собственного своего раба (*genesios doulos*) Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона (*endoxotatos stratelatos kai doukos Chersonos*)»⁴⁹. Очевидно, выражением «собственный (истинный, природный, настоящий) раб» Евпатерий стремился подчеркнуть свою особую преданность и покорность императору, какую стало принято выражать византийским чиновникам перед лицом государя (*despotes, dominus*)⁵⁰. Показной, триумфальный характер надписи подчеркивали изображения двух Ник, которые в VI в. окончательно трансформировались в христианских ангелов и одновременно персонажи, прославляющие победы государя⁵¹.

Надо заметить, что речь шла именно о строительстве «кесарского» – имперского здания, возможно, дворца, а не о восстановлении некоего храма, культовой постройки, как иногда полагают. По мнению А. И. Айбабина, «кесарионом» мог быть назван базиликальный комплекс VI в. с мраморными полами и архитектурными деталями,

⁴⁹ Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике. – С. 662–672; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – С. 105–109, № 99. Б. В. Кёне необоснованно приписывал Евпатерию освобождение Боспора и других мест, занятых в Крыму тюрками (Кене Б. Херсонес // ЖМНП. – 1855. – Ч. 88. – № 11–12 (отд. отд.). – С. 44). Как было сказано выше, последние покинули Боспор в результате успехов не византийского оружия, а дипломатов, добившихся заключения мира в 589/590 г., а также под влиянием собственных внутренних неурядиц. Некоторая кратковременная стабильность в тюркском государстве наступила не ранее 598–600 гг., о чем сообщило посольство хагана, прибывшее в Константинополь (Феофилакт Симокатта. История. – С. 188 (VII.7–9). Поэтому, надо полагать, подчеркивание «подвигов» носило в 590 г. скорее, идеологический характер, в духе обычной ромейской политической пропаганды.

⁵⁰ Латышев В. В. К надписи Евпатерия // Латышев В. В. ПОНТИКА. – СПб., 1909. – С. 212–217.

⁵¹ Ср.: Залеская В. Н. Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 29. – С. 245.

возможно, с крещальной купелью – резервуаром примерно 1 x 1 м, реконструированный боспорцами в районе церкви Иоанна Предтечи, в портовой части города⁵². Однако исследование сочетания циклов обнаруженной в слое керамики позволяет заключить, что эта общественная постройка возникла в конце второй четверти VI в. и просуществовала до конца VI – начала VII вв., то есть как раз до того времени, когда стараниями дуки Евпатерия был возобновлен «кесарион»⁵³. Надо также учесть, что такого рода сооружения, если даже они не имели баптистерия, были связаны с литургической практикой, отвечали интересам Церкви и это обстоятельство, – обстоятельство особой святости, а не пышности (*to lampron*) постройки, – не могло не оказаться отмеченным в строительной надписи, чего нет. В любом случае, подразумевалось восстановление конкретного здания, а не в переносном значении – византийского правления. Последнее формально не прекращалось здесь со времен если не императора Юстина I (518–527), то начала правления Юстиниана I (527–565), за исключением непродолжительных моментов, когда город оказывался в руках гуннов или тюркютов⁵⁴. Но ромей не придавали значения таким случайным, непродолжительным превращениям судьбы, смотря на здешние крымские земли как на законное и потому неотчуждаемое наследие, которое они пока еще не собирались делить с «варварами». Недаром Иоанн Малала подчеркивал, что после событий, связанных с убийством гунского вождя Грода в Боспоре и ввода в город проконсула Иоанна с готским войском (*meta boetheias Gotthiaes*), кораблей с экзархом и солдат стратига

⁵² Айбабин А.И. Боспор в конце VI–VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 5.

⁵³ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 475–483.

⁵⁴ Жители Боспора были подчинены не позже 30-х гг. VI в. имперским «военачальникам», среди которых был, судя по данным нарративных и эпиграфических источников, трибун, возглавлявший имперский экспедиционный отряд войск, в который, по данным Иоанна Малалы, входили «италийцы, называемые испанцами». См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Тайная история: Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 36 (I. 12. 6–8), 93 (II. 3. 40); Прокопий Кесарийский. О постройках: Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 249 (III. 7. 12); Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 431–432; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, Бrevиарий «Никифора»: Текст, пер., коммент. – М., 1980. – С. 51; ср. Васильевский В.Г. Турки в Херснесе в VI веке. – С. 114 сл.; Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века // ВВ. – 1896. – Т. 3. – Вып. I. – С. 5; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 34–35; Артамонов М.И. История хазар. – С. 88; Домбровский О.І. Середньовічний Херсонес // Археологія України РСР. – К., 1975. – Т. 3. – С. 443; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. –

Вадуария, «мир был восстановлен в Боспоре, населенном ромеями» (выделено мной – С.С.) (*kai gegonen en eigene e Bosporos, уро Romaion oikoumene*)⁵⁶.

Дуки, как и комиты *gei militaris* – командующие частями регулярной армии, размещенными в отдельной провинции, были прежде всего начальниками войск пограничных округов или командирами укрепленных городов – крепостей, верховными представителями военной власти на территории того или иного пограничного округа, но иногда имели в своем распоряжении и регулярные контингенты полевых армий, то есть относились к высшему командованию военными силами епархий, тогда как, если говорить о стратилатстве только как о звании, чине, сане, «порядке» (*taxis, lamprois axiomasi*), оно соответствовало в VI–VII вв. сану апоэпарха – отставного епарха, который прилагался к служащим ведомства префекта претория или префекта города в ранге сенаторского *cursus dignitatum*⁵⁷. По своему уровню этот титул был близок к не очень высоким «степеням» ипата и отставного ипата, апоипата⁵⁸.

Главными занятиями дуков были военное дело и военная служба. Скажем, из писем епископа Синезия от 411 г. следует, что в Киренаике всеми гражданскими делами, фискальными вопросами ведал презид провинции Геннадий, тогда как дука Анисий занимался вопросами обороны, налаживанием дисциплины в войске, в котором ранее «недисциплинированность солдат соответствовала жадности командиров», а ныне, в 411 г., лучшая часть молодежи Киренаики встала под императорские знамена⁵⁹. Как можно понять, должность дуки, как и должность презида епархии, покупалась при дворе за большие деньги, которые потом компенсировали за счет притеснения жителей провинции⁶⁰.

1990. – Вып. 1. – С. 68; Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 45; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 94–97; Храпунов Н.И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

⁵⁶ Ioannis Malalae Chronographia. – P. 433. 1-2 (XVIII).

⁵⁷ Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. – London, 1911. – P. 23-24; ср. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен... – С. 670; Ostrogorsky G. Die byzantinische Staatenhierarchie // Seminarium Kondakovianum. – Praha, 1936. – Т. 8. – С. 41-61; Durlat J. Magister militum – Stratelates dans l'Empire Byzantin (VIe – VIIe siecles) // BZ. – 1979. – Bd. 72. – P. 306-320; Kazdan A. Doux // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 659.

⁵⁸ Winkelmann F. Byzantinische Rang – und Amterstruktur im 8. Und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S. 39.

⁵⁹ Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpretet D. Petavio // PG. – 1863. – Т. 66. – Col. 1364, 1460, 1576.

⁶⁰ Synesii episcopi Cyrenes opera... – Col. 1392-1393, 1400.

Согласно «Стратегикону» Маврикия, в конце VI – начале VII вв. дукса мог командовать огромным отрядом (moira) числом от 2 до 3 тыс. человек, а если он был еще и стратилат, полководец (magister militum), тогда это означало, что он являлся одним из трех мерархов, а именно тем, который возглавлял среднюю меру (meros), и считался ипостратигом – вторым лицом после стратига⁶¹. Вместе с тем, хронист VI в. Иоанн Малала совершенно определенно называл стратилатство саном. Он приводит случай, когда им был почтен комит и domestik⁶². Но тот же Иоанн Малала упоминает дукса Палестины (o doux Palaistines) и стратилата Армении (stratelates Armenias), причем и тот и другой в его описании несли военные функции, имели в подчинении военных людей⁶³. Как обычно, в администрации средневековья грань была зыбкой, а функции смешивались. К слову, стратилату подчинялся и комит федератов – военачальник союзных войск⁶⁴. Это надо особо отметить, учитывая вполне вероятные тесные взаимоотношения херсонских дук, в том числе стратилата Евпатерия, с крымскими «энспондами» (enspondoi) – союзниками Империи, как несколько архаично именовал их Прокопий Кесарийский.

В представлении агиографов стратилат предстает как правитель ромейского города, вершитель гражданского правосудия (церковный суд олицетворял епископ), как судья, выносивший приговоры и отдававший приказы о приведении наказаний в исполнение⁶⁵. Из Жития Симеона Столпника (389–459), написанного его учеником Антонином в последней трети V в., следует, что подобные должностные лица занимались наведением порядка в окрестностях города, организовывали общественные торжества, обеспечивали перенос мощей⁶⁶.

И через двести лет в их компетенции бывали сугубо гражданские, финансовые, налоговые дела, как можно понять по печати 679/681 гг., которая принадлежала Косме, стратилату и главному коммеркиарию таможенных складов и округов Еленопонта (stratila-tou kai genikou kommerkiariou apothekes Elenopontou)⁶⁷.

⁶¹ Das Strategikon des Mauricius / Ed. G. T. Dennis, E. Gamillscheg. – Wien, 1981. – I. 3-4; Durlat J. Magister militum – Stratelates... – P. 307 sq.

⁶² Ioannis Malalae Chronographia. – P. 339. 9; Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга одиннадцатая и четырнадцатая // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН. – СПб., (1913) 1914. – Т. 90. – № 2. – С. 8 (XIII. 1. i).

⁶³ Ioannis Malalae Chronographia. – P. 381. 5; 382. 15-16; 429. 17.

⁶⁴ Durlat J. Magister militum – Stratelates... – P. 312.

⁶⁵ Пайкова А. В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // ПС. – 1990. – Вып. 30 (93). – С. 56, 95, 100.

⁶⁶ (Антонина) Житие иже во святых отца нашего Симеона Столпника // ППС. – 1907. – Вып. 57. – Т. 19. – Вып. 3. – Сек. 23, 28, с. 83-85.

⁶⁷ Лихачев Н. П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. – 1924. – Т. 3. – С. 193, тип VI, 1; Шандровская В. С. Сфрагистика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. – СПб., 1994. – С. 181, кат. 268. Как уже ука-

Скорее всего, мы имеем дело с многозначным понятием. Стратилат в значении «полководец» мог обозначать командующего армией с подчиненными ему военными командирами, а также командующего областью, мерой или фемой, но по своему положению соответствовал также должности *tribunus civitatis*, отчего в VI в. на него возлагались функции гражданского управления тем городом, куда он назначался военным комендантом⁶⁸. Дука тоже руководил войском и гражданской администрацией, назначал и смещал чиновников, командовал комендантами городов и крепостей (трибунами или коми-тами), хартулариями – военными администраторами, управлявшими отдельными частями дуката, контролировал действия судебных инстанций, ведал финансами и сбором налогов, следил за церковным управлением, организовывал епископские выборы⁶⁹. Таким образом, он был военным командиром и одновременно имел весьма широкие и хлопотные административно-территориальные полномочия, соединял военную власть с гражданской, короче говоря, являлся военно-гражданским «губернатором» области. Все это вполне увязывается с политикой Юстиниана I и его ближайших преемников по средоточению гражданской и военной власти в епархиях в руках одного должностного лица⁷⁰.

Можно заметить, что дука Херсона, действовавший в правление Юстина II (565–578) вместе с неким светлейшим Феагеном (*doukos Ch [ersonos... tou lamp [rotatou... Th] eag [enous]*), может быть, архонтом или «отцом города», тоже был распорядителем общественных, скорее всего, фортификационных строительных работ⁷¹. Сочетание должности стратилата и дуки (*stratelatou kai doukos*), а также деятельность столь высокого чиновника одновременно в Херсоне и в Боспоре позволяют полагать, что Евпатерий, упомянутый в надписи из Тамани, являлся представителем верховной власти Империи в Юго-Западной, Южной и Восточной Таврике, командовал как дука вооруженными силами Херсона и в то же время нес гражданскую службу, функции гражданского управления в разных центрах полуострова⁷². Но, поскольку стратилатство стоит в надписи перед должностью

зывалось выше, звание стратилата соответствовало сану апоэпарха, который нередко имели главные коммеркирии.

⁶⁸ Grosse R. *Römische Miliergeschichte von Gallienus bis zum beginn der byzantinischen Themenverfassung*. – Berlin, 1920. – S. 148.

⁶⁹ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византицы в Италии. – М., 2001. – С. 74, 75.

⁷⁰ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire. 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey*. – Oxford, 1964. – Vol. 1. – P. 282-283; Vol. 2. – P. 567.

⁷¹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 121–123, №37; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма. – С. 213–214, Айбабин А. И. Этническая история... – С. 132.

⁷² Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона. – С. 123–124.

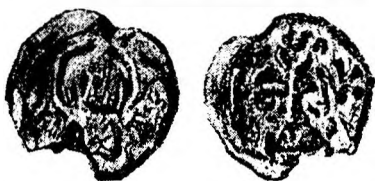

Рис. 29. Моливдул второй половины VI–VII вв. из Парфенита. Диаметр – 25 мм (по Б.А. Панченко)

дуки, это указывает, что последняя занимала на тот момент более высокое место в административной иерархии⁷³.

По предположению А.И. Айбабина, дука Херсона мог руководить строительством укреплений, размещением в новых крепостях гарнизонов из местных алаано-готов, а также назначать (точнее, утверждать) управляющих – «простатеонтов»

в крымские кастра и полисмы – города, крепости и протогородки, число которых только в Юго-Западной Таврике, если верить позднейшим данным Никифора, было не меньше двух десятков⁷⁴. В этом плане весьма показательным является моливдул второй половины VI–VII вв. из Парфенита, – типичного полисматона, – с изображением Богородицы Никопеи с младенцем перед грудью и крестообразной монограммой на обороте, которая может быть раскрыта как «[печать] Константина дуки» (рис. 29)⁷⁵. Следует учесть, что Херсонес всегда стремился иметь у своих границ зависимое или полузависимое мест-

⁷³ Примечательно, что отечественные историки поначалу интерпретировали Евпатория как «полководца и начальника Херсона» и лишь позже стали разделять термины «стратилат» и «дукс» как ранг и должность, что надолго утвердилось в историографии (ср.: Кёне Б. Херсонес // ЖМНП. – 1855. – Ч. 88. – № 11–12 (отд. отт.). – С. 44; Бертье-Делагард А.Л. Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т. 16. – С. 85; Бобринский А. Херсонес Таврический. – С. 94; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – С. 12.

⁷⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – С. 156, 164; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 68; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 226. В специальном исследовании по поводу содержания терминов «кастрон» и «полисма» Д.А. Гоголев пришел к выводу, что первые могли обозначать и поселения с ярко выраженными городскими функциями, и крепости, тогда как второй использовали, чтобы показать статус, близкий к городу (Гоголев Д.А. Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2002. – С. 21–22). Видимо, добавление Южного берега Крыма увеличивало число таких городков вдвое. Не случайно Вильгельм (Вильгельм) Рубрук в 1253 г. писал в донесении о сорока крепостях, что существуют «между Керсоной и Солдайей» (Херсоном и Сугдеей) (Йоанн де Плано Карпини. История Монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. – С. 68), а городище на плато Чуфут-Кале сохранило с того же времени воспоминание об этом в своем татарском названии – Кырк-Ор («Сорок крепостей»). О постепенном совмещении в понятии византийцев терминов «город» и «укрепление» см.: Kazdan A. Polis and kastron in Theopanes and in Some Other Historical Texts // Eupsychia: Melanges offerts a Helene Ahrweiler. – Paris, 1998. – Т. 2. – Р. 345–360.

ное население и, если верит херсонским патриографам, задолго до строительства укрепленных кастра в ранневизантийской Юго-Западной Тарике, в конце III – начале IV вв. располагал некими «соседними крепостями» (*ton plesiochoron kastellion*), из которых в случае нужды черпал войска⁷⁶. Впрочем, это не исключало возможности разделения власти дуки с архонтами Херсона и прочих местных, наиболее крупных и важных городов и поселений полуострова. Так, во время восстания самарян в Палестине дукс этой провинции совместно с архонтом Палестины просил помощи у императора Юстиниана I⁷⁷.

Дуки осуществляли полномочия власти как над городом, так и над прилегающими территориями, границы которых обычно совпадали с границами церковного диоцеза, включавшего иногда несколько епархий⁷⁸. К примеру, ближайшие к Таврике дукаты с пограничными силами находились в Скифии и Нижней Мезии, на западном берегу Понта⁷⁹. Это объясняет почему во второй половине VI–VII вв., по крайней мере, в правление Маврикия Тиверия (582–602) (рис. 30), власть византийской высшей администрации распространялась вплоть до Боспора, что к тому же имело, судя по рассказу Константина Багрянородного о войне херсонесцев с боспорским царем Савроматом, какие-то давние исторические обоснования⁸⁰. Об этом контроле может свидетельствовать и текст ранневизантийского трактата из собрания ГИМ, в котором упоминается «Таврический Херсонес с Кафой и Симболон» как одна из европейских римских провинций – епархий⁸¹. В данном случае под Кафой следует понимать западные пределы Боспора – сельскую территорию, простиравшуюся

⁷⁶ См.: Панченко Б. А. Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 163, рис. 5. Подобная интерпретация моливдула предложена Е. В. Степановой, но полной аналогии ей подобрать не удалось.

⁷⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 246, 247, гл. 53.29.

⁷⁸ Ioannis Malalae Chronographia. – P. 447.

⁷⁹ Ср.: Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751). – Paris, 1888. – P. 6 – 23, 81–93 sq.; Mengozzi G. La città italiana nell'alto medio evo. Il periodo longobardo-franco. – Roma, 1914. – P. 145–215.

⁸⁰ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – P. 245, map 7.

⁸¹ После последней, третьей, херсоно-боспорской войны в 340-е гг. протевон «страны херсонитов» Фарнак передвинул пограничные знаки (*orothesias*) от мест, называемых Кафа (Καφα) до Киверника (Κυβερνικο) – Киммерика, очевидно, до пересечения Керченского полуострова Узунларским валом (Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 254–259, гл. 53. 169–227). Раскопки подтверждают, что на этом рубеже в первой половине IV в. было проведено обновление оборонительной системы как следствие передвижения границы (Ланцов С. Б., Голенко В. К. О западной границе Боспора в IV в. н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы междунаро. науч. конф. – СПб., 1999. – С. 177–181).

⁸² Шангин М. А. Новый географический трактат // ВДИ. – 1938. – № 4. – С. 252–255.

Рис. 30. Тиверий Маврикий.
Миниатюра XV в.
из Моденской рукописной
хроники Иоанна Зонары
(*Mutinensis graecus* 122)
(по В. Треггольду)

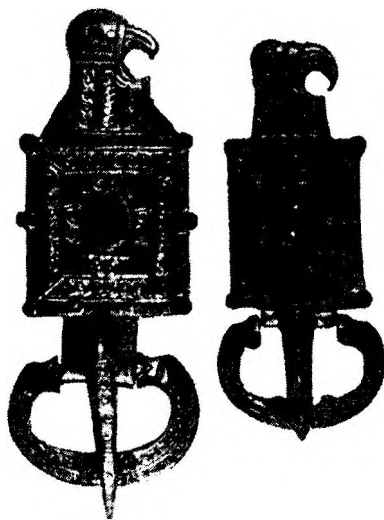

Рис. 31. Серебряные пряжки
VI–VII вв. из могильника под
Мангуном (по А.Г. Герцену,
О.А. Махневой-Чернец)

от предгорий Крымских гор, вероятно, до Акмонийского перевалка⁸². М.А. Шангин датировал трактат концом IV в., но упоминание в нем Рагузы позволяет сдвинуть составление источника ко времени не ранее середины VI в.⁸³. Тогда становится понятным появление в это время епархии, охватывавшей побережье Крымского полуострова от Херсона до пределов Боспора, и ее трансформация в византийский дукат.

В условиях византийского присутствия в этом крайнем восточнокрымском городе со второй половины VI – начала VII вв. развернулось производство пальчатых фибул керченского типа и типа «Аквилея», а также орлиноголовых пряжек с щитками, отлитыми с изображением головы орла или сокола, которые попададали не только в Херсон и центры Юго-Западной Таврики (Эски-Кермен, Мангун), но и Поднепровье (рис. 31)⁸⁴. Видимо, их распространение объяснимо не только торговыми контактами, но и миграцией населения с территории Керченского полуострова, что совпадает по времени с появлением массы новых могильников на южном побережье, а также в предгорном и горном Крыму⁸⁵. Угроза со стороны тюркютов и тут сыграла свою роль, но это не значит, что она привела к необратимым изменениям. Новая концепция истории позднеантичного – ранневизантийского Боспора, предложенная А.В. Сазановым, позволяет говорить о том, что в постюстиниановское время его развитие шло по византийской модели и Боспор остался частью ромейского мира. По мнению автора концепции, история ромейского Боспора завершилась только в конце VII – первой половине VIII вв. с приходом

хазар⁸⁶, что, однако, не исключает и в последующем сохранения значительного византийского влияния в этом греческом в своей основе городе⁸⁷.

Уже к середине VI в. в Горном Крыму была создана оборонительная система из «больших (высоких) стен» или «длинных стен» (*teichismasi makrois*), как называл эти укрепления Прокопий Кесарийский, завершивший к 560 г. свой труд «О постройках» императора Юстиниана I⁸⁸. Видимо, они закрыли стратегически наиболее важные клисуры, проходы (*tas eisodous*) – крупные балки, ущелья, по которым со стороны степи или с побережья можно было попасть в Юго-Западный Крым и, самое главное, на плато Мангупа – центр «страны Дори», территория которой установилась после оформления между местным населением и Византией союзнических отношений⁸⁹. Особенно наглядно следы таких двухпанцирных стен, сложенных не позже середины VI в. из крупных известняковых блоков с забутовкой на известковом растворе с примесью песка и гальки, прослеживаются у подножья Мангупа, в балке Каралез (Сторожевая), и к северу от Эски-Кермен, поперек ущелья Текме-таш (рис. 32)⁹⁰.

⁸² Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. – Феодосия, 1998. – С. 50–51.

⁸³ Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. – 1994. – Вып. 4. – С. 560, прим. 47.

⁸⁴ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... – С. 70–71; Aibabin A. I. Goti in Crimea (secoli V–VII) // I Goti. – Milano, 1994. – P. 130–131, fig. II, 42, 43; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 150, рис. 63, 2–3, 64, табл. XXIX, 19; Айбабин А. И. О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 5–8.

⁸⁵ См.: Сидоренко В. А. Медная чеканка византийского Боспора. – С. 366.

⁸⁶ Сазанов А. В. Боспор у ранневизантийский час // Археология. – 1991. – № 2. – С. 25; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 39–40; ср.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 185–187.

⁸⁷ См.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 41–46, прим. 120; Науменко В. Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность – средневековье). Материалы I Боспорских чтений. – Керчь, 2000. – С. 96–105; Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. – С. 501.

⁸⁸ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7.13–17.

⁸⁹ Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. – 1979 – Т. 40 – С. 106–113; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона... – С. 121; Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 261–263; ср.: Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 69–70.

⁹⁰ Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. – С. 114–115; Мыц В. Л. Укрепления... – С. 69.

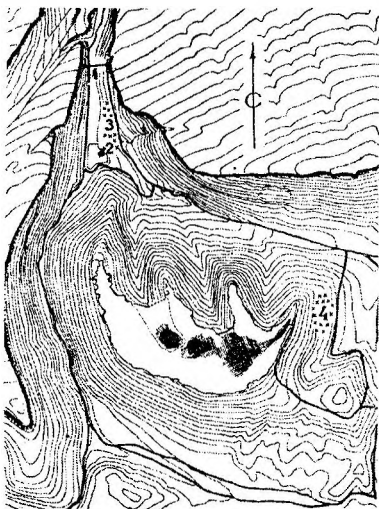

Рис. 32. Округа Мангупа.

1 – оборонительная стена и поселение в балке Каралез;
2 – раннесредневековая базилика; 3 – могильник VI–X вв. в балке Алмалык-Дере (по В.А. Сидоренко)

Судя по описаниям Эвлия Челеби, некая древняя стена, создание которой он приписывал татарам, перегородивала устье Салачик недалеко от Бахчисарая⁹¹. Кроме того, такие *teichismasi makrois*, очевидно, стоявшие дешевле оборудования крепостей, целесообразно было бы сооружать поперек наиболее населенных, плодородных речных долин, но следы их здесь особенно трудно отыскать: активная человеческая деятельность давно обрекла готовый строительный материал на переработку.

На южном берегу, в Гурзуфе, на скале Дженефез – Кая, и в Алуште, на вершине высокого холма в 200 м от моря, продолжительное время сохранялись воздвигнутые тогда же, хорошо укрепленные византийские пункты, сторожевые посты – «фруры Алустон и в Горзувитах», следившие, разумеется, не за степью, а за крымским побережьем, морем

и, вероятно, реанимировавшие старую римскую систему контроля за каботажным плаванием, особенно между Херсоном и Боспором (рис. 33–34)⁹². Уже в силу своего расположения эти сторожевые посты не годились на роль охранников «символических ворот с Эвксинского Понта вглубь полуострова»⁹³. Их легко можно было миновать стороной. Но устроенные на особенно опасном из-за подводных рифов морском участке побережья близ скал Адалар, они сделали морское сообщение более надежным и безопасным⁹⁴.

Следует подчеркнуть, что и то, и другое, наряду с ремонтом оборонительных стен Херсона и особенно Боспора, было проделано до

⁹¹ Эвлия Челеби. Книга путешествий. – Симферополь, 1996. – С. 95–96.

⁹² Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Hauriy, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 11; ср. Амброс А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 64; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым. – С. 96. Термином «фрурия» ромеи обозначали поселения, выполнявшие функции, присущие крепостям (Гоголев Д.А. Города и крепости Византии... – С. 22).

⁹³ Ср.: Вус О. Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукові зошити історичного факультету. – 2003. – Вип. 5–6. – С. 39–40.

⁹⁴ Зеленко С.М. Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис.... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004 (рукопись). – С. 125.

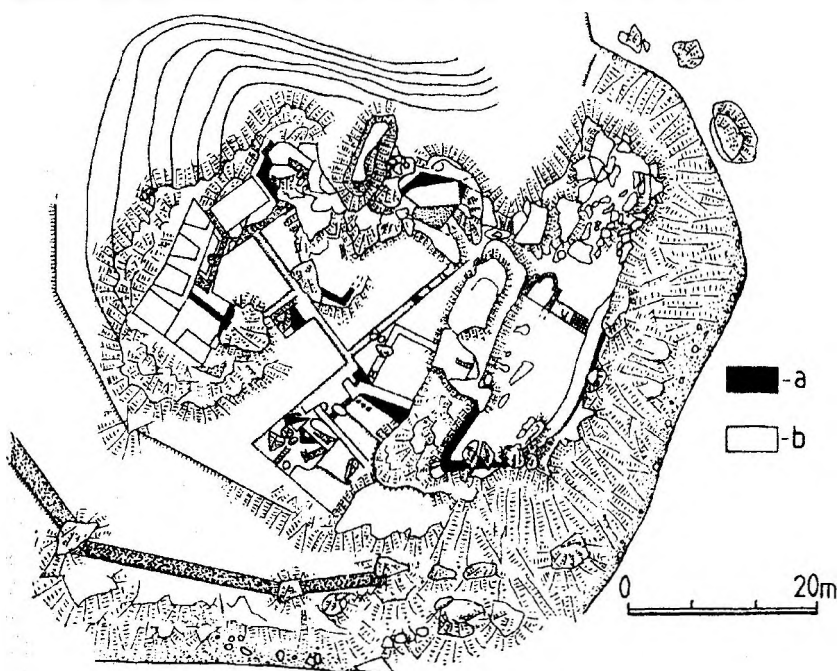

Рис. 33. План раскопок на территории Гурзуфской крепости
(а – строительные остатки VI–VIII вв.; б – оборонительные стены
XIV–XV вв. (по О. И. Домбровскому))

конца 50-х гг. VI в. и, вероятно, осуществлялось параллельно одному другому. Взаимосвязь или какие-либо этапы здесь трудно уловить: общестратегический план, если таковой существовал, зависел от финансирования, весьма нерегулярного.

Конец правления Юстиниана и его ближайших преемников, надо полагать, преимущественно Юстина II (565–578) и Тиверия II (578–582), вплотную столкнувшихся с тюркской военной угрозой, прошел в Крыму, очевидно, под знаком совершенствования этой системы обороны. Прежняя линейная система защиты, устроенная по отдельным ущельям, балкам, долинам, показала свою слабую пригодность в новых условиях, когда пришлось иметь дело с крупными конными отрядами противника, способного отважиться не просто на набег, а на долговременную оккупацию территории. Поэтому рядом с «большими стенами» на возвышенных плато Второй гряды, предназначенными служить убежищами, начинают строиться опорные крепости, где, наряду с наземными фортификационными сооружениями, прямо в скале, на вершине обрывов высотой в несколько десятков метров вырубает наблюдательные пункты, сторожевые площадки, склады, ямы – зернохранилища, подсобные помещения. Эти

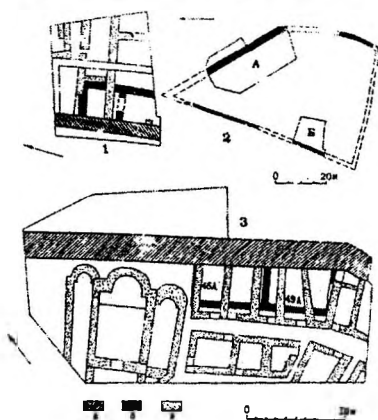

Рис. 34. План-схема раскопок
Алустана (по В.Л. Мыцу)

надежно укрепленные самой природой и людьми ключевые форпосты лишали врага стратегического преимущества даже если он прорывался на одном из участков обороны, причем не только со стороны побережья, как это было прежде. Кроме того они обеспечивали более надежную защиту окрестного мирного населения и византийских федератов из «хоры Дори», которые отныне получили возможность укрываться за их стенами в случае внезапных появлений конных вражеских отрядов и дожидаться их ухода.

Таким образом, анализ общеимперской военно-политической ситуа-

ции позволяет думать, что рывок в оборонительном строительстве в Юго-Западном Крыму должен был прийти не на конец правления Юстиниана, 50-е – первую половину 60-х гг., когда оно, видимо, только началось на плато Мангуп (рис. 35)⁹⁵, а на конец самостоятельного правления Юстина II и начало кесарства Тиверия (с 574 г.). Действительно, до этого времени, в 527–541 гг. и в преддверии ирано-византийской войны за Колхиду (середина VI в.), основные усилия византийцев в Причерноморье были сосредоточены на оборонительном строительстве абазгских, апсильских, мисимианских, лазских укреплений для защиты перевальных путей, прикрывавших владения Империи от набегов через горы, с севера, и с востока, от

⁹⁵ На это указывает известная, остающаяся до сих пор уникальной для всех прочих кастра Юго-Западной Таврики находка Р.Х. Лепером в 1913 г. фрагмента надписи с упоминанием «автократора Юстиниана», которая оказалась на части известняковой плиты (0,47 x 0,23 x 0,07 м) среди камней, вторично использованных в качестве строительного материала при устройстве одной из могил с левой стороны центрального нефа большой мангупской базилики (Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Мангупе // ОАК за 1913–1915 годы. – Пг., 1918. – С. 74–75; Латышев В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 18–19, рис. 1; Тиханова М.А. Базилика // МИА. – 1953. – №34. – С. 386; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 197). Предложенная А.Ю. Виноградовым ее интерпретация и датировка позволяют считать, что с учетом строительной политики Византии в Северном Причерноморье и отсутствия упоминания о строительстве на Мангупе у Прокопия в трактате «О постройках», написанном к 560/561 г., сооружение неких военных объектов могло вестись здесь не ранее 562–563 гг. Это вполне соответствует указанному в надписи XI индикту, заставляющему вспомнить и боспорскую надпись о строительных работах трибуна Ангула (Виноградов А.Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ANAXAPCIS. Памяти Ю.Г. Виноградова (X. сб. – Вып. 11). – Севастополь, 2001. – С. 70–71).

персов, и позволявших контролировать связи побережья с Северным Кавказом⁹⁶. В конце правления Юстиниана I византийское правительство искусно использовало аваров для поддержания мира в Причерноморье и, значит, до середины 60-х гг. VI в. надобности в строительстве сложных оборонительных сооружений здесь возникнуть не могло⁹⁷.

Рис. 35. Обломок строительной надписи с Мангуна с именем автократора Юстиниана (по В.В. Латышеву)

Тюрки как новая могущественная сила появились на исторической арене только к началу середины VI в., когда началась их консолидация и движение на Запад. В зоне интересов Византии они оказались к 562 г., разгромив савир и хазар, а в 563–567 гг. — государство гуннов-эфталитов, захватили Согд, причем основное внимание завоевателей, как известно, было обращено на закрепление побед в Средней Азии. Овладев выходом в степное Предкавказье, тюрки в 60–80-е гг. направили основной удар на низовья Кубани и Терека, на короткое время покорили алан, установили контроль над Приазовьем. В 568 г. они уже вступили в военный союз с Византией против Дербента, стремясь подчинить Каспийский проход — эту воронку, втягивавшую все народы с востока, но через три года восстановили мир с основным на тот момент противником ромеев — шахом Сасанидского Ирана. Обострение византийско-тюркских отношений особенно отчетливо обнаруживается в 70-е гг. VI в. В 580 г. тюркские конные армии громили Колхиду, а с запада Причерноморью могло грозить вторжение авар, окрыленных успехами у Сирмии. Вот в этот сравнительно короткий промежуток времени, связанный с глобальным изменением ситуации в причерноморской степи, накануне последующих неурядиц, постигших каганат к концу VI в., и должна была появиться у византийских властей Таврики насущная, острая необходимость реанимировать предшествующую компанию оборонительного строительства и, вместе с тем, напрягая все силы, вывести ее на иной, более высокий, чем прежде, уровень. Ситуация была такова, что не могла не встретить понимание и поддержку местного населения, заинтересованного в своей безопасности перед лицом неотвратимо надвигавшейся серьезной угрозы, которой ничто не предвещало скорый конец.

⁹⁶ В VII–VIII вв. большинство этих крепостей, представлявших звенья общеколхидской системы обороны ушельных проходов (клисур), утратили свое значение, а вдоль Клухорского перевального пути возник ряд крепостей иного характера (см.: Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. — 2002. — Вып. 12. — С. 338).

⁹⁷ См.: Дайм Ф. История и археология авар. — С. 275.

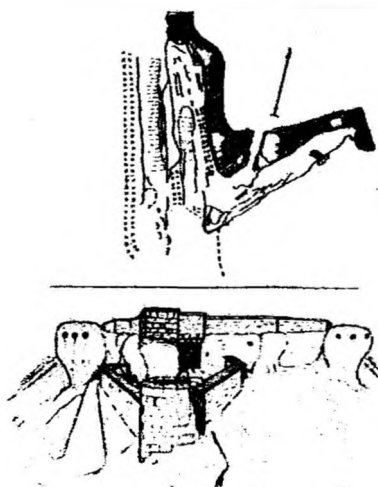

Рис. 36. Южный оборонительный узел и главные ворота кастро на Эски-Кермене. Ситуационный план (по Е.В. Веймарну) и реконструкция С.В. Семенюка

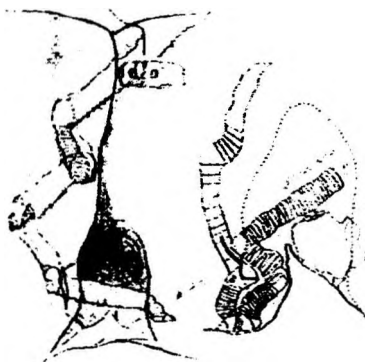

Рис. 37. Осадный колодец кастро на Эски-Кермене. План и разрез (по Е.В. Веймарну)

Есть веские основания полагать, что панцирная квадратная кладка с забутовкой между блоками некоторых участков стен, башня и протехисма южного узла обороны, а также осадный колодец крепости на Эски-Кермене, расположенной в 12 км от Херсона и в пяти от Мангупа, были сооружены не ранее последней трети VI в., причем это было сделано с учетом опыта византийской фортификации и, видимо, ромейскими специалистами⁹⁸. Особенно показательна в этом плане сложная система предвратных укреплений около южных, основных ворот крепости, которые прикрывала выстроенная углом протехисма с башней и высеченные по сторонам боевые казематы (№1 и № 4) (рис. 36). Подъемная решетка — катаракта предшествовала полотнищам ворот, коридороробразный проход за которыми в случае осады закладывали камнями⁹⁹. Почти вся северная часть плато оставалась незастроенной и, видимо, служила для убежища жителям окрестных поселений.

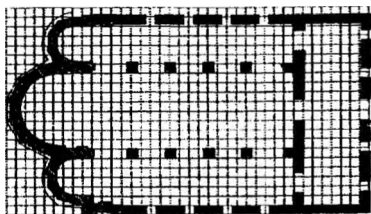
Не менее типичным для ранневизантийской фортификации сооружением являлся вырубленный в скале осадный колодец, вдоль ствола которого следовали на большую глубину, вплоть до водоносного слоя, шесть маршей вырубленной в скале лестницы (ср. описание системы водоснабжения ромейской горной крепости Барас) (рис. 37)¹⁰⁰. Туннель был пробит проходчиками точно к естественной пещере с источником, вода из которого поступала в водосбор-

⁹⁸ Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // Готский сборник. ИГАИМК. — 1932. — Т. 12. — Вып. 1-8. — С. 213-254; Айбабин А.И. О времени возникновения городища на горе Эски-Кермен (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма 20-24 сентября 1983г.) // Архив НЗХТ. — Д. № 2385. — Л. 25; Наследова Р.А. XI Всесоюзная сессия по

ную галерею длиной около 20 м, где накапливалась до 70–75 куб. м.

В мирное время вода поступала на городище из источника в балке Бильдеран по водопроводу из гончарных труб, длиной каждая 0,4–0,42 м, муфтообразные стыки которых были обильно промазаны крепким известковым раствором, что находит полные аналогии в водопроводных системах раннесредневекового Херсона¹⁰¹.

В центральной части плато высилась, большая трехнефная базилика

1:100

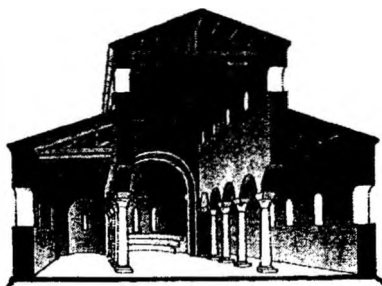

Рис. 38. Эски-Керменская базилика. Перспектива, план, разрез (по Ю. Г. Лосицкому)

проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 12; Айбабин А. И. Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV–VII вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – К., 1987. – С. 13; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. – С. 68; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 44–45; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 114, 143; Айбабин А. И. Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 177–178; Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. «Пещерные города» Крыма. – Симферополь, 2004. – С. 120–142. Раннесредневековое название крепости неизвестно. Л. Колли полагал, что Эски-Кермен значился как Воеоп в атласе, созданном в 1570 г. известным антверпенским географом и путешественником Авраамом Ортелием (1527–1598). В словаре названий местностей, прилагаемом к атласу, было сказано, что это oppidum mediterraneum Taugisae Chersonesi, то есть укрепление в средней части Таврики – весьма расплывчатый ориентир (Колли Л. П. Из средневековой географии // ИТУАК. – 1910. – № 44. – С. 26). По мнению А. Г. Герцена Эски-Кермен фигурирует в письме хазарского царя Иосифа под названием Кут (Герцен А. Г. К вопросу о территории Хесонесской фемы // Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса: Тезисы докл. конф. – Севастополь, 1988. – С. 22).

⁹⁹ Репников Н. И. Эски-Кермен... – С. 123.

¹⁰⁰ Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 231–232, II. IV. 22–24.

¹⁰¹ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1 – 8. – С. 132; Веймарн Е. В. Оборони-

Рис. 39. Главная улица городища на Эски-Кермене

Рис. 40. Зернохранилище и оборонительный каземат на южной окраине плато Эски-Кермен (по А.Г. Герцену, О.А. Махневой-Чернец)

(рис. 38), от которой к крепостным воротам на южном мысу вела главная улица шириной 2 м, сильно заглубленная в скалу (рис. 39). Еще одна вырубленная в скале дорога шла к главным воротам извне по южному склону плато, рядом с которым размещались крупные зерновые склады в виде вырубленных в скале ям вместимостью по 500 и более литров каждая (рис. 40). Эски-Керменский могильник возник в последней четверти VI в., очевидно, ко времени строительства укрепления с развитым гидротехническим комплексом, поскольку здесь прослеживаются гробницы, поврежденные во время вырубки склепов и могил первой половины VII в.¹⁰². В слое, накопившемся у оборонительной стены и на склоне плато, прослеживается керамический материал второй половины VI–VII вв.¹⁰³.

Видимо, густота населения в этом районе Таврики была такой, что одного укрепленного убежища показалось мало. Надо было обеспечить фортификацией политический центр «хоры Дори». Поэтому рядом, на расстоянии всего лишь 5 км от Эски-Кермен и, очевидно, тогда же, в последней трети VI–VII вв., было начато одно из самых внушительных фортификационных предприятий – на труднодоступном плато Мангуп, на высоте свыше 580 м над уровнем моря была воздвигнута «цитадель», занявшая около 4,5 га оконечности восточного мыса Тешкли-Бурун. От нее сохранились ряды вырубок в скале – постелей на северной оконечности мыса, а также полувырубные пещерные сооружения, вероятно, дозорно-оборонительного характера¹⁰⁴. Здесь, у важного участка дороги, огибавшего скалу и ведущего к главным городским воротам, уже в раннее средневековье могло существовать сторожевое помещение¹⁰⁵. На восточном краю плато, перед

тельные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 34–45.

¹⁰² Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 44.

¹⁰³ Айбабин А. И. Византийская крепость на горе Эски-Кермен... – С. 177.

¹⁰⁴ Веймарн Е. В., Лобода И. П., Пиоро И. С., Чореф М. Я. Феодалная Таврика. – К., 1974. – С. 125, 139, рис. 1; Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Тарихи. – Симферополь, 1997. – С. 56–59.

¹⁰⁵ Могаричев Ю. М. Указ. соч. – С. 75.

первоначальным укреплением, возник обширный могильник. От «цитадели» затем, после VIII в., была продолжена главная линия оборонительных сооружений обширной крепости, изначально предназначенной для федератов Византии и наиболее уверенно отождествляемой с раннесредневековым Доросом (Дарасом). Этимология этого топонима остается неясной, но не исключено, что в нем проскальзывает указание рассматривать это место как «дар, подарок» (dōra), в свое время пожалованный имперскими властями предкам федератов VI–VII вв., расселенным в окрестностях этого плато для защиты подступов к Херсонесу¹⁰⁶.

Дорос не имел себе равных в раннесредневековой Таврике: в его стены, особенно мощные в ущельях – клисурах между мысами, в конечном итоге было уложено около 15 тыс. куб. м камня; защищенная территория охватила около 90 га, а искусственно созданные оборонительные рубежи с тенальными углами, преградившие балки и места прохождения почти на 1500 м (при общей протяженности обвода около 7 км, что примерно в два раза превосходило длину стен средневекового Херсона) (рис. 41)¹⁰⁷. Для такой крепости, строившейся как убежище для местного населения, не показалось бы большим числом и 2000 защитников – состав немалого византийского отряда – фемы, собрать который было бы, конечно, нелегко¹⁰⁸. Тем не менее, фортификационный комплекс на подступах к Херсону, заложенный в ранневизантийский период, был построен столь грамотно, искусно, что все остальное время оставался практически неприступным¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Новиченков В. И., Новиченкова Н. Г. Об исторической топографии «Готской земли» в Крыму // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 37; ср. прочие версии: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 124–125.

¹⁰⁷ Якобсон А. Л. Раннесредневековые стены Мангула // КСИИМК. – 1949. – Т. 29. – С. 55–64; Герцен А. Г. О крепостном строительстве на Мангупе (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма) // Архив НЗХТ. – Д. № 2385. – Л. 26; Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангула: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Л., 1984. – С. 12–13, 16; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангула // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 131–133; Герцен А. Г. О раннесредневековых крепостных стенах Мангула (в связи со взглядами А. Л. Якобсона и современными данными) // Фортификация в древности и средневековье. – СПб., 1995. – С. 73–74; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 119, 143, 145; Герцен А. Г., Науменко В. Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 128.

¹⁰⁸ Могаричев Ю. М. Средневековый Крым. – С. 98; Герцен А. Г. Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 17.

¹⁰⁹ Он доказал свою боеготовность во время турецкой полугодовой осады Мангула в 1475 г., ставшей для опытного, поднаторевшего в многочисленных боевых

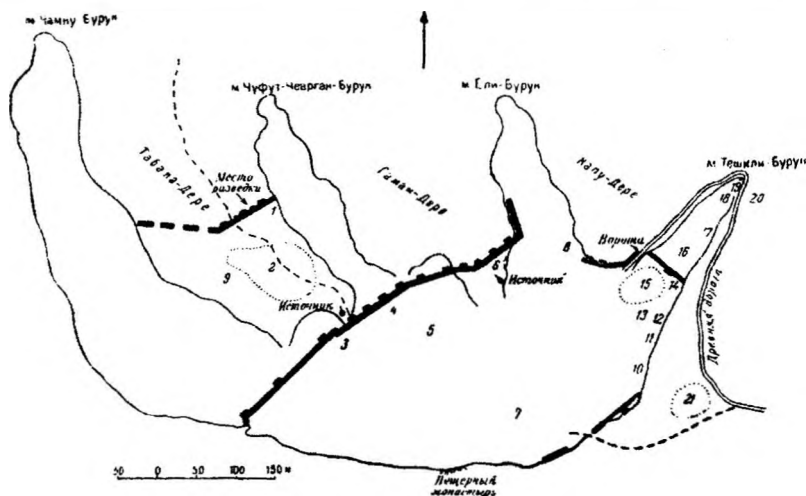

Рис. 41. План-схема Мангупа. 1 – пещерная церковь; 2 – караимское кладбище; 3 – остатки караимской синагоги; 4 – базилика; 5 – дворец; 6 – пещеры; 7, 8, 10 – остатки церквей; 11 – пещерный комплекс № 4; 12 – склепы № 1–2 и пещерный комплекс № 5; 13 – остатки мечети; 14 – остатки церкви со склепом; 15 – могильник (по Е.В. Веймарну)

Имеющиеся аналогии и археологические материалы, правда, незначительные, позволяют предположить, что первоначальные оборонительные сооружения на высоком, до 50 м, плато Чуфут-Кале (20 км к северо-востоку от Мангупа и Эски-Кермена) в районе мыса Бурунчак и Старого города на площади в 7 га, а также укрепления соседнего небольшого «пещерного» городища Тепе-Кермен площадью 1,4 га (в 6 км к юго-востоку от Бахчисарая), построенные рядом с границей византийских владений в Таврике, тоже носят следы ромейского влияния и могут быть отнесены к последней трети – концу VI–VII вв.¹¹⁰ Во всяком случае, некрополь на склоне Чуфут-Кале возник не ранее конца VI в., скорее всего, почти одновременно с первыми оборонительными стенами крепости, вероятно, перегородившими расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато¹¹¹.

компаниях противника с мощным осадным артиллерийским парком, одной из самых тяжелых и продолжительных военных кампаний XV в. (подр. см.: Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 366 – 387).

¹¹⁰ Могаричев Ю. М. Ранние пещерные сооружения Чуфут-Кале // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 52–60; Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 72–73; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 22–23; Могаричев Ю. М. Пещерные церкви... – С. 86; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 145.

В 150 м от Малых ворот Чуфут-Кале, у подножья крепости в 1998 г. спелеологами под руководством А. Козлова было обнаружено уникальное гидросооружение, которое прикрывала фрура в виде отдельной башни (8,4 x 7,4 м) со стенами толщиной 1,5 м, сложенными в типичной для ранневизантийской фортификации технике двухпанцирной кладки из крупных квадров с забутовкой на крепком известковом растворе. Для защиты самой башни служила мощная крепостная стена шириной до 4

Рис. 42. Потайной туннель гидротехнического сооружения под византийским укреплением у Чуфут-Кале (по О.В. Вусу)

м, следы которой прослеживаются ниже по склону на расстоянии до 70 м. С юга к башне подводил вырубленный в скале постепенно, до глубины 2,5 м понижающийся пандус длиной до 12 м и шириной до 2 м, который завершался в гроте. Отсюда начинался постепенно, с уклоном в 30-35 градусов понижавшийся туннель почти квадратный в сечении (2 x 2 м), с широкими плоскими ступенями числом до 220 (рис. 42). Он тянулся почти 130 м и уводил на глубину 30 м, где четыре ступени вели к вырубленной цистерне – водонакопителю (6 x 2 x 2,5 м). Отсюда же, из галереи следовала вертикальная шахта диаметром от 1,8 до 2,2 м, которая расширялась еще на 5 м за счет идущего восьмью витками пандуса. На глубине 18 м последний заканчивался двумя резервуарами-водонакопителями общим объемом 70 куб. м. Обращение к трудам позднееримских фортификаторов показывает, что фрура и гидротехнический комплекс под ней были сооружены теми, кто был хорошо знаком с лучшими достижениями военно-теоретической мысли своего времени¹¹². К сожалению, остатки боевой башни и укреплений рядом с ним, входивших в нижний ярус обороны кастрона на месте Чуфут-Кале, специально не исследовались археологами и об их привязке ко времени наиболее грандиозного крепостного строительства на подходах к Херсону пока можно говорить лишь предположительно, опираясь на сходные примеры¹¹³.

¹¹¹ Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 45.

¹¹² Вус О.В. Гідротехнічні оборонні комплекси VIст. у візантійській фортеці Кирк-Ор (Чуфут-Кале) // Причорномор'є, Крым, Русь в історії і культурі. Матеріали II Судакської міжнарод. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 44–48, рис. 1–2.

¹¹³ Даже описания сложного гидросооружения исследователями разнятся в деталях. Так, авторы, производившие его расчистку, и, значит, хорошо осведомленные в деталях, указывают, что через 83 м потайная подземная галерея с лестницей резко поворачивает на юг и через 13 м примыкает к шахте колодца, общая глу-

Примечательно, что тщательно вырубленный, с правильной отделкой стен «пещерный» базиликальный храм с баптистерием на Тепе-Кермене, судя по выразительным особенностям литургического устройства (непривычная ориентация север – юг, отсутствие професиса, темплон в виде прямоугольной скальной выгородки, плиты – экраны с ранними «византийскими» крестами, неглубокая крестовидная купель), мог быть сооружен уже в VI–VII вв.¹¹⁴ Во всяком случае это произошло до того, как очень близко к потолку церкви прошла каменная лестница, сооруженная для связи с мемориальным комплексом (пом. №35), нижняя граница которого датируется археологическим материалом VIII–IX вв.¹¹⁵ К этому времени городище Тепе-Кермен стало своеобразным церковным центром округа, имело главный храм – базилику (5,5 x 2,2 м) рядом с цитаделью, его монастырь был включен в оборонительную систему Империи в Горном Крыму, обзавелся мартириями и мемориями, пещерными усыпальницами – кимитириями, святым источником – агиасмой, принимал паломников в пещерном помещении верхнего архондарика с экседрой в южной стене (пом. № 36–37)¹¹⁶. Исследователи храма с баптистерием обратили внимание, что его алтарное окно точно выходит на окно пещерного храма Баклы, самого северного городища Горного Крыма, расположенного на краю степи, в нескольких километрах от Тепе-Кермена. Не исключено, что это было сделано специально, для удобства обмена световыми сигналами, какими связывались между собой большинство «пещерных» городов, и следовательно, здесь постоянно находились дозорные¹¹⁷.

бина которого достигает 45,5 м. Внизу расположен «зал объемом около 130 куб. м и высотой до 2 м с ваннами для воды, отстойниками и подводящими канавками от субмеридиональной тектонической трещины». Общий объем подземной системы достигает 900 куб. м (Полканов Ю. А., Шутов Ю. И. Водоснабжение древней крепости Джуфт Кале // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 162). Следует попутно заметить, что наличие в некоторых местах сталактитов на своде подземного туннеля не может служить для доказательства запредельной древности сооружения, поскольку при соответствующих условиях для появления таких природных образований достаточным бывает и половины столетия.

¹¹⁴ Гайдуков Н. Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. М. Международ. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 17–18; Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 21–22, рис. 6.

¹¹⁵ Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 93; Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Указ. соч. – С. 31.

¹¹⁶ Петровский В. А. Указ. соч. – С. 81–98; Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Указ. соч. – С. 14–31.

Во второй половине VI в. (после 555 г.) была построена небольшая крепость площадью 1,5 га на юго-западной части Монастырской скалы, отроге Мекензиевых гор в Инкермане¹¹⁸. С трех сторон скала ограничена высокими, до 70 м, обрывами в Монастырскую балку, долину р. Черной и балку Гайтани (Первомайскую). Поэтому для защиты крепости, способной укрыть до 3–4 тыс. человек и разместить на стенах и башнях 500–600 воинов, требовалось сооружение оборонительной линии только с напольной стороны, с севера и востока¹¹⁹. Устье р. Черной около впадения ее в Севастопольскую бухту являлось идеальным местом для строительства кастрона, который находился бы на перекрестке дорог, идущих из степей и предгорий Крымского полуострова в Херсон, а также оказывался на пути неприятеля с наиболее угрожаемого направления – с северо-востока¹²⁰. Поблизости находились и другие укрепления меньшего размера. Одно из них, впоследствии разобранное до основания, было на мысу северного обрыва Каменоломной балки, а другое, площадью около 0,5 га, со стенами, башней – на Загайтанской скале¹²¹. Можно согласиться с В. Ф. Филиппенко, отдавшему много лет исследованию Инкерманской крепости, что уж коли византийские власти заботились об укреплении дальних подступов к Херсону, то вряд ли оставили бы без внимания ближние подступы, наиболее стратегически важные¹²².

Среди сделанных здесь находок присутствует керамика V–IX вв., обломки амфор с частым гребенчатым рифлением, бороздчатых амфор, венчик пифоса V–VIII вв. с прочерченной по глине монограммой из двух греческих букв «Р» и «П», причем обращает внимание непрерывность этого материала¹²³. В. Л. Мыц полагал, что первоначаль-

¹¹⁷ Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Указ. соч. – С. 22, 28, 31.

¹¹⁸ А. Л. Якобсон и Е. В. Веймарн относили строительство крепости к правлению Юстиниана I (Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 26, 124; то же см.: Вус О. Приморські фортеці... – С. 35), однако результаты последних исследований заставляют склониться к мнению о ее более позднем возникновении, близком к хронологическому ряду укреплений на Мангуле, Эски-Кермене, Теле-Кермене и Чуфут-Кале (Мыц В. Л. Укрепления Тарики... – С. 136; Филиппенко В. Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты – Инкермана // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 143–146; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 145–146).

¹¹⁹ Филиппенко В. Ф. Каламита – Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 20.

¹²⁰ Филиппенко В. Ф. Указ. соч. – С. 8–9.

¹²¹ См.: Филиппенко В. Ф. Указ. соч. – С. 53.

¹²² Там же. – С. 11–12.

¹²³ Савеля О. Я., Филиппенко В. Ф. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции о раскопках крепости Каламита (Инкерман) в 1985 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2605. – Л. 18–20, рис. 25а, 27, 28, 29а–г, 30; Филиппенко В. Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1986 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2689. – Л. 17, рис. 42а, л. 22; Филиппенко В. Ф., Сенаторов С. Н. Отчет Инкерманской археологической экспе-

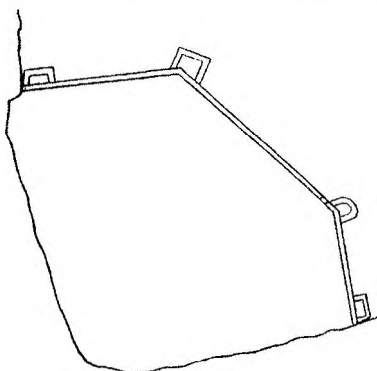

Рис. 43. Схема устройства оборонительной линии Инкерманской крепости в VI–VII вв. (по В.Ф. Филиппенко)

чально византийское укрепление на Монастырской скале состояло из одной башни (№ 3) и двух напольных куртин, сходящихся к ней под углом, и что до VIII в. это укрепление дважды перестраивалось¹²⁴. Раскопки, проведенные В.Ф. Филиппенко в 1984–1988 гг., позволили уточнить, что первая крепость состояла из четырех башен (№ 1, 3, 5, 6), соединенных тремя куртинами шириной 2,3–2,4 м и общей длиной 234 м, которые прикрывал вырубленный в скале ров шириной до 9 м и глубиной до 3,7 м (рис. 43)¹²⁵. Кроме того, судя по подрубам скалы, вдоль западного и южного обрывов шла невысокая стена толщиной около метра.

После ее разрушения здесь была устроена какая-то ограда, от которой сохранились отверстия для столбов¹²⁶.

От первого строительного периода также осталась заложенная позже боевая калитка около башни № 3 и полукруглая в плане подрубка материковой скалы диаметром 15,7 м около башни № 5¹²⁷. Очевидно, тогда же, в 8 м от западного обрыва Монастырской скалы был вырублен почти такой как на Эски-Кермене осадный колодец уникальной глубины – не менее 60 м, до уровня воды в р. Черной¹²⁸. Кроме того, крепость и находящаяся рядом с ней слобода получали воду по устроенному византийскими инженерами водопроводу из хорошо обожженных гончарных труб, стыки которых были тщательно промазаны раствором высококачественной извести. Свое начало водопровод брал у источника, расположенного в верховьях северного отрога балки Гайтани (Первомайской), примерно в 1,5 км, откуда

диции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1988 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2862. – Л. 23, рис. 23.

¹²⁴ Мыц В.Л. Укрепления Таврики... – С. 136.

¹²⁵ Филиппенко В.Ф. Каламита – Инкерман... – С. 15–20; Филиппенко В.Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции... в 1986 г. – Л. 8–10 (расстояние от башни № 3 до западного обрыва скалы 82 м и до башни № 5 – 94 м, а от башни № 5 до южного обрыва – 58 м).

¹²⁶ Филиппенко В.Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции... в 1986 г. – Л. 18–19; Филиппенко В.Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2754. – Л. 6–8.

¹²⁷ Филиппенко В.Ф., Сенаторов С.Н. Отчет Инкерманской археологической экспедиции... в 1988 г. – Л. 3 – 4.

¹²⁸ Филиппенко В.Ф. Каламита – Инкерман... – С. 47 – 48.

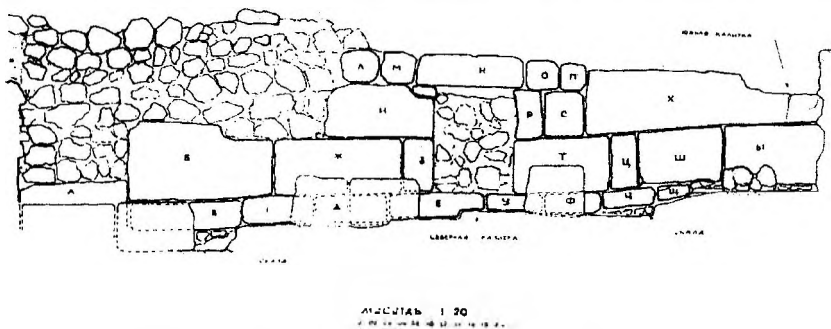

Рис. 44. Фасировка кладки оборонительной стены с вылазной калиткой рядом с башней №3 Инкерманской крепости VI–VII вв.
Раскопки В.Ф. Филиппенко в 1985 г.

вода поступала в кастрон в вырубленную в скале малую фильтрационную цистерну объемом около 4 куб. м и большую водосборную цистерну объемом более 80 куб. м. Их поместили на самом высоком месте крепости и оштукатурили тщательно затертой в стены известью¹²⁹.

Кладка Инкерманской крепости первого строительного периода состояла из хорошо обработанных и подогнанных друг к другу очень крупных блоков известняка, образцово уложенных в соответствии с византийской строительной техникой на подрубленные в скале «постели» (рис. 44). Способ обработки и укладки таких больших блоков был хорошо известен местному населению, судя по таврским мегалитическим кладкам, кладкам «каменных ящиков» и башням в сельских усадьбах на хоре Херсонеса. Забутовка между панцирями была выполнена из рваного камня, а в качестве связующего раствора применена все та же известь с примесью песка (рис. 45)¹³⁰. Совершенно аналогичную двухлицевую кладку с забутовкой из разных камней на известковом растворе, сочетающую византийский характер планировочных решений с местными строительными приемами, можно видеть в раннесредневековых оборонительных стенах Херсона, Мангула, Эски-Кермена и Чуфут Кале. В таком виде крепость просуществовала, по мнению В.Ф. Филиппенко, до начала XV в., когда произошла новая перестройка. Такова же кладка первой стены «цитадели» на высоком плато Бакла – самой северной укрепленной

¹²⁹ Там же. – С. 48 – 49.

¹³⁰ Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции о раскопках крепости Каламита в 1984 году // Архив НЗХТ. – Д. № 2475. – Л. 4–10, 19; Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции... в 1985 г. – Л. 4–8, 11–13; Филиппенко В.Ф. Отчет Инкерманской археологической экспедиции... в 1986 г. – Л. 4–5, 8–10, 18–19; Филиппенко В.Ф. Каламита – Инкерман... – С. 13–14.

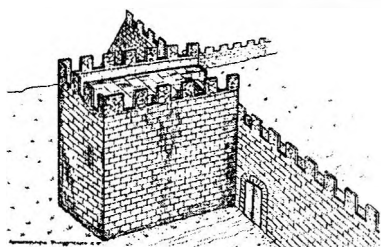

Рис. 45. Башня VI–VII вв. у южного обрыва скалы Инкерманской крепости (реконструкция В.Ф. Филиппенко)

точки византийской обороны в Юго-Западном Крыму, которая едва ли могла быть сооружена ранее конца VI столетия¹³¹. Она была устроена на возвышенности вдоль крутого обрыва на пространстве 60 x 200 м, тогда как рядом разместился посад с жилыми постройками (рис. 46)¹³².

Особенно ярко византийское строительство видно на примере сравнительно хорошо сохранившейся Сюренской (Сюренской) крепости, расположенной на скалистом мысе Куле-

Бурун над левым берегом р. Бельбек (севернее Мангупа, в 1 км к югу от с. Малое Садовое) (рис. 47)¹³³. Отсюда было удобно контролировать один из важнейших горных проходов второй гряды Крымских гор, откуда открывался путь к Доросу и Херсону¹³⁴. Как заметил уже П. И. Кеппен, это было составное звено в ряду крепостей и других мест, которые почти прямой линией шли по направлению к северо-востоку (Чоргун, Мангуп, Чуфут, Бакла, Керменчик и др.)¹³⁵. Кладка стен ее двух куртин общей длиной 110 м, отгораживавших 300-метровую вытянутую оконечность мыса площадью около 1,7 га, как и круглой двухэтажной башни высотой около 12 м и внешним диаметром 8 м, с парапетом и мерлонами, расположенной на стыке куртин рядом с боевой калиткой и сводчатыми воротами, очень близка кладке стен ранневизантийских крепостей Подунавья (два панциря квадров с соблюдением горизонтальности рядов в системе чередования точек и ложков с забутовкой между ними на известковом растворе с песком, уложенные местами на вырубленные в скале «постели») (рис. 48)¹³⁶.

¹³¹ Айбабин А. И. Этническая история... — С. 114–119, 145.

¹³² Крым в VI – VII веках. — С. 45.

¹³³ Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб., 1837. — С. 291 – 294; Мыц В. Л. Укрепления Таврики... — С. 135 (там же библиография). Непонятно, почему Ю. М. Могаричев помещает Сюрен рядом с м. Ай-Тодор: между тем и другим пролегал Яйла (ср.: Могаричев Ю. М. Пещерные церкви... — С. 78).

¹³⁴ Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 11, 28.

¹³⁵ Кеппен П. Указ. соч. — С. 295.

¹³⁶ Репников Н. И., Веймарн Е. В. Сюренское укрепление // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931 – 1933 гг. ИГАИМК. — 1935. — Вып. 117. — С. 115–125., рис. 80–81; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 120, рис. 40–43; Талис Д. Л. Сюренская крепость // ВВ. — 1972. — Т. 33. — С. 217–229; Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974. — С. 109–110. ср.: Овчаров Д. Византийски и български крепости V–X век. — София, 1982.

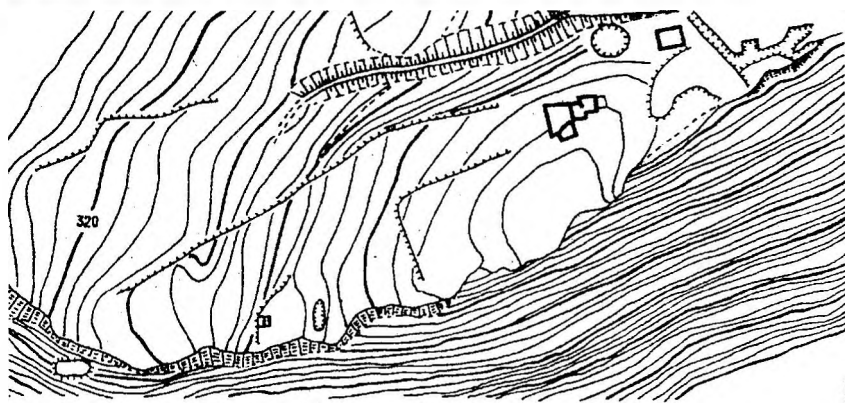

Рис. 46. Карта-схема расположения византийского укрепления Бакла (по О.И. Домбровскому)

На это же указывает круглая форма башни с бойницами на этажах (более поздние византийские башни делались чаще всего прямоугольными или квадратными). А. И. Айбабин, ссылаясь на отсутствие находок керамики на мысе Куле-Бурун ранее второй половины VIII в. и на сходство с херсонскими и другими византийскими кладками оборонительных куртин и башен, возводившихся с IX в., относил создание здешних крепостных сооружений ко времени образования фемы Климата в Юго-Западном Крыму¹³⁷. Однако следует обратить внимание, что уже Н. И. Репников предлагал датировать их «послеюстиниановской порой», VI–VII вв., а А. Л. Jakobson подчеркивал сходство здешнего типа кладки из хорошо отесанных квадров с кладкой раннесредневековых стен Мангупа, когда «совпадают даже размеры блоков и высота рядов»¹³⁸. Последний обратил внимание также на сходство кладки Сюйрена с кладкой южной пристройки к баптистерию, входившему в комплекс Уваровской базилики, который, судя по последним уточненным данным, не мог быть построен раньше последней трети VI в.¹³⁹. Тонкость же культурного слоя на плато, где стоит крепость, ни о чем не говорит, поскольку поначалу оборонительное сооружение использовалось как убежище, от случая

¹³⁷ Айбабин А. И. Этническая история... – С. 218.

¹³⁸ Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // Готский сборник. ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 205; Jakobson А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 120; Jakobson А. Л. Средневековый Крым. – С. 11; ср.: Воронин Ю. С., Даниленко В. Н., Кутайсов В. А., Михайловский Е. В., Мыц В. Л., Петрова Э. Б. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 313.

¹³⁹ Jakobson А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 118; ср.: Завадская И. А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 304–305.

Рис. 47. Сюйренское укрепление.
Общий вид.

ки-Кермена и Чуфут-Кале, могло быть связано со строительством крепости¹⁴¹.

Не все ясно в отношении Алутона. Считается, что эта небольшая по площади (0,25 га), но хорошо укрепленная четырьмя башнями и мощными стенами толщиной 2,0–2,8 м сторожевая приморская крепость была покинута ромейским гарнизоном в связи «с появлением и укреплением на полуострове в VII в. власти хазар»¹⁴². Но, во-первых, если это и произошло, не могло случиться ранее конца VII в., до тех пор, пока крымские земли входили в состав византийского дуката или архонтии, а во-вторых, здешние слои VI–VII вв. не несут следов пожара или разрушений¹⁴³. По мнению В. Л. Мыца, «...гарнизон крепости заблаговременно оставил Алустон, разрушив, вероятно, только некоторые внутрикрепостные строения и забрав с собой

к случаю, и, очевидно, непродолжительное время, а в условиях, сложившихся в Таврике в VIII в., вообще могло оказаться невооруженным до тех пор, пока к концу IX в. на некоторое время вновь понадобилось византийским фемным властям¹⁴⁰. Примечательно также, что у подножья плато уже с VII в. существовало поселение, возникновение которого, как и в случае с поселениями у Эски-Кермена и Чуфут-Кале, могло быть связано со строительством

¹⁴⁰ Судя по результатам последних раскопок, крепость только в XIII–XIV вв. стала небольшим городком с плотной застройкой и с загонем для скота (Мыц В. Л. Укрепления Таврики... – С. 135).

¹⁴¹ Омелькова Л. А. Исследование раннесредневековых комплексов в Бельбекской долине // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 284–285.

¹⁴² Мыц В. Л. Алустон в VI–VII вв. // Византия и Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 175.

¹⁴³ Результаты раскопок 1984–1990 гг. на месте Алутона позволяют выделить строительные периоды VI–VII вв., VIII–IX вв. и X в., а в VIII–IX вв. укрепление на вершине холма служило цитаделью городища, которое образовалось вокруг крепости (Мыц В. Л. Алустон... – С. 172, 175; Мыц В. Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. – 1998. – Т. 57. – С. 187–203). В IX–X вв. здесь строится небольшой храм, сменивший предыдущий, следы которого прослеживаются в слое VI–VII вв. Остатки жилья IX–X вв. открыты и на поселении близ Горзувит, в котором после образования фемы тоже возродилось византийское сторожевое укрепление (см.: Яковсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – 1954. – №53. – С. 109–120; Яковсон А. Л. Крым в средние века. – С. 77; Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского южного побережья // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 9–13; Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 78). Следовательно, жизнь фактически не прекращалась здесь в течение всего раннесредневекового периода.

все ценное и необходимое имущество». Однако подобные действия были не в практике византийцев, старавшихся сделать непригодными укрепления, которым грозил переход в руки врага. В таких случаях следовало разрушать не «отдельные внутрикрепостные строения», а сами оборонительные стены и башни фруры, вопреки логике происходящего оставшиеся не тронутыми. И в Алустане, и в Горзувитах встречаются находки второй половины VI – второй половины VII вв.¹⁴⁴. Малому же количеству керамики, ее фрагментов можно найти и другое объяснение – обычная, нормальная жизнедеятельность не способствовала такого рода скоплениям, они удалялись вместе с прочим бытовым мусором. Подобную маловыразительную картину демонстрируют и раннесредневековые слои Херсона, образовывавшиеся после значительных строительных nivelировок второй половины VI – начала VII вв.¹⁴⁵.

Наличие еще одного приморского укрепления позволяют подозревать находки византийских монет V–X вв., фрагментированной массовой керамики, в том числе амфор с характерным гребенчатым орнаментом, которые были обнаружены во время разведок и раскопок экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета в 1996–2001 гг. на южной оконечности горы Кастрон в Балаклаве, где в свое время генуэзцами были возведены так называемый Консульский замок и одноапсидная церковь св. Николая (рис. 49)¹⁴⁶. Обломки раннесредневековых ам-

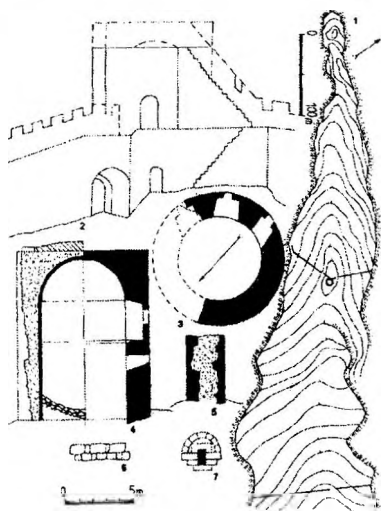

Рис. 48. Оборонительные сооружения на плато Сюйрен.
1 – план укрепления;
2 – реконструкция участка обороны;
3–7 – детали башни и разрез боевой стены
(по А.Л. Бертъе-Делагарду, Е.В. Веймарну, Н.И. Репникову, А.И. Айбабину)

¹⁴⁴ Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 42.

¹⁴⁵ Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 11.

¹⁴⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность Н.А. Алексеенко и С.В. Дьячкову за любезное разрешение познакомиться с этими неопубликованными материалами экспедиции. Среди найденных здесь монет только один херсонесский дупондий II в. н.э. и тетрассарий I–II вв. Зато в своеобразной «случайной выборке» при-

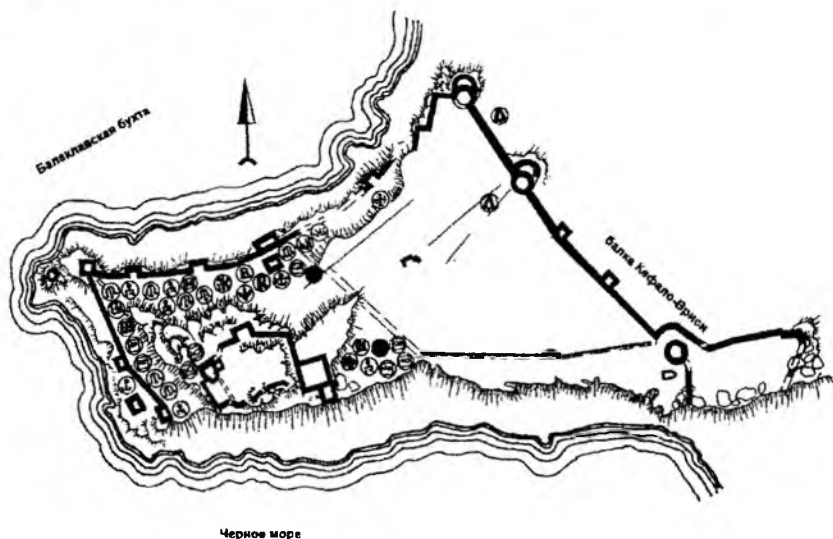

Рис. 49. Топография находок позднеантичных и раннесредневековых монет на г. Кастрон в Балаклаве (по Н.А. Алексеевко)

фор с зональным рифлением, амфор – корчаг, черепицы встречаются среди подъемного материала в ближайших окрестностях¹⁴⁷. Скалистая, громоздящаяся обрывами гора над входом в Балаклавскую бухту, или, как ее называли греки и римляне, гавань, порт Символов (Symbolon limen, Sumbolou limena, Symbolum portus), не подходит для поселения, которое могло существовать у подножья, в балке, недалеко от источников пресной воды (Кади-Су, Охун) и на морском берегу, но зато полностью удовлетворяет требованиям для устройства фруриона, аналогичного южнобережным (рис. 50). Как и размещенный на холме Кады-Кой в этом районе во второй половине II – первой трети III вв. римский кастеллум, византийское укрепление предназначалось, вероятно, не только для слежения за морем, но и за противником, который мог двигаться к Херсону с востока вдоль юго-восточной кромки плато Сапун-горы, по наиболее удоб-

существует монета Льва I (457–474), полуфоллис Маврикия Тиверия (582–602), античная, с надчеканкой «христограмма», VII в., литая херсонская монета Василия I (867–886) и такая же Романа I (919–945). Последней по времени является литая херсонская монета с монограммой «ро». (ср.: Алексеевко Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 370–371). Со слов В.Л. Мыца, среди обнаруженного в ходе раскопок Чембало в 2002 г. были медные монеты Ираклия и Василия I.

¹⁴⁷ Савеля О.Я., Филиппенко А.А. Раскопки в Кадыковке / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3123. – Л. 12–13.

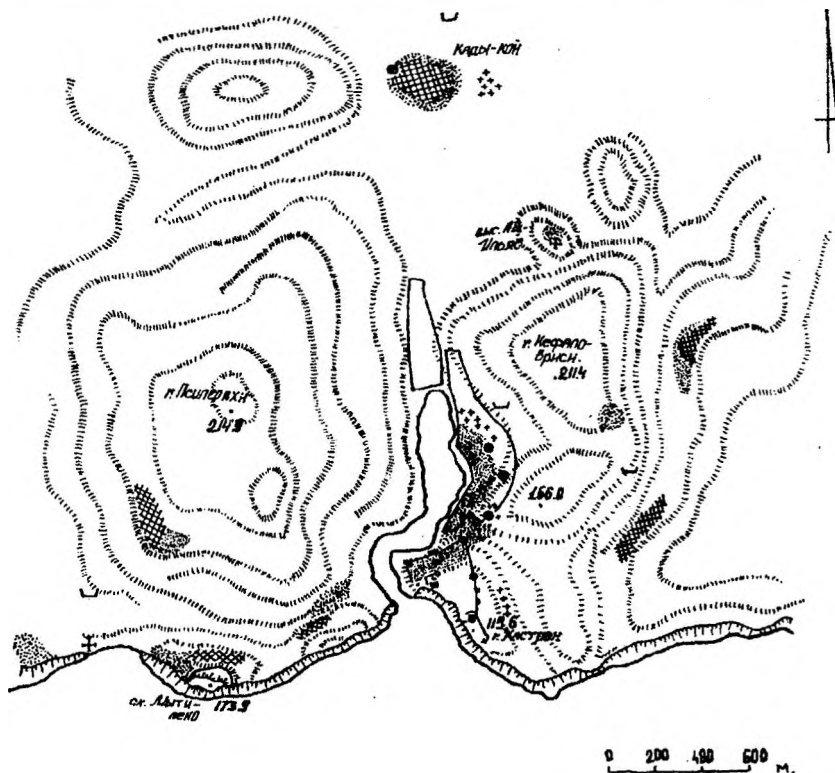

Рис. 50. Карта бухты Символон и г. Кастрон с обозначением местонахождений позднеантичных и средневековых поселений и некрополей (по А. В. Иванову)

ной дороге, выводившей на Гераклеийский полуостров¹⁴⁸. Очевидно, этим удобством связи объясняется, почему экс-император Юстиниан Ринотмет во время бегства из Фанагории к низовьям Дуная в 704 г. именно отсюда, из Символон (Symbolou), «послал тайно в Херсон» (aposteilas kryptos en Chersoni) одного из пловших с ним этайров за остальными немногими своими сторонниками¹⁴⁹. Следы связей обоих

¹⁴⁸ Ср.: Савеля О. Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Х. сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 89–95; Зубар В. М. Про так званий Тавріський лімес // Київська старовина. – 1997. – № 1/2 (315). – С. 168–171, рис. 5; Зубарь В. М. Новая римская вексильяция в Таврике // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международ. конф. – СПб., 1998. – С. 98–100; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 104–118; Sarnowski T., Savelja O. Ja. Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Iupiter Dolichenus. – Warschau, 2000. – S. 13–34.

мест прослеживаются по обломкам колонн из розоватого мрамора из «Мраморной» балки и темного, почти черного песчаника из окрестностей Балаклавы, который служил сырьем для изготовления напольной мозаики херсонесских церквей¹⁵⁰.

Итак, строительными работами фортификационного характера, особенно напряженными на протяжении нескольких десятилетий, было охвачено не менее семи отдельных больших (Эски Кермен, Мангуп, Чуфут-Кале) и малых (Инкерман, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла) укрепленных пунктов Юго-Западной Таврики. Воздвигнутые раньше приморские фруры Алустан и в Горзувитах вместе с «большими стенами» продолжали свое существование. По мнению некоторых специалистов, в этой части Крымского полуострова была создана единая регулярная оборонительная система лимесного типа, своеобразный *Limes Tauricus*, совпадавший с естественной границей «между средиземноморской и евразийской частями полуострова»¹⁵¹. Впрочем, с таким выводом трудно согласится безоговорочно. Нетрудно заметить, что все перечисленные пункты представляли собой расположенные с юга на север отдельные кастра, крепости – укрытия или укрепленные сторожевые, дозорные посты – фруры, не составлявшие единого оборонительного комплекса, синтетической системы фортификации. В их расположении не были предусмотрены ни несколько линий обороны, ни «шахматный принцип», свойственный, к примеру, Балканскому лимесу, который к тому же обладал гораздо большей плотностью¹⁵². Они

¹⁴⁹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. – С. 39, 155.

¹⁵⁰ Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. – СПб., 1895. – С. 54; Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – № 12. – С. 31; Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. – Д. № 11. – Л. 5.

¹⁵¹ Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. – С. 8, 9; Васильев А. А. Готы в Крыму. 2 // ИРАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 182; Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – С. 136–137; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 72–73; Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953. – № 34. – С. 324; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 26–27 Герцен А. Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Междунаро. конф. – Симферополь, 1997. – С. 33–34; ср.: Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории средневековой Тарихи и литература последних лет // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 254–255; Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М., 1998. – С. 41; Вус О. В. Фортификаційна практика Візантійської імперії в гірському Криму. «Довгі стіни» Юстиніана // Народознавчі зошити: Інститут народознавства НАНУ. – 2002. – Зошит 3–4 (45–46). – С. 253–262; Вус О. В. Гідротехнічні оборонні комплекси... – С. 41–42.

¹⁵² Во второй половине VI в. в Малой Скифии насчитывалось 30 кастра и укреплений, в Нижней Мезии – 66, в Гемимонте – 54, во Фракии – 36. См.: Овчаров Д. Византийски и български крепости V–X в. – С. 163; Иванов С. А. Оборона балканских провинций Византии в первой половине VI в. и проникновение варваров

были привязаны главным образом к линии естественного, непреодолимого для степняков препятствия – южным и юго-восточным обрывам отдельных массивов Второй гряды гор, так что основная масса доступных с севера плоскогорий оставалась за пределами этого рубежа (см. рис. 27)¹⁵³. Скорее, перед нами отдельные опорные пункты, убежища от кочевников на труднодоступных плато, расположенные когда близко, когда весьма далеко один к другому и выполнявшие, видимо, роль узлов обороны, которые не создавали неприятелю препятствия для неожиданного вторжения в пределы обитания готов, аланов – союзников, федератов Империи, но давали возможность населению укрыться вместе со скотом и прочим имуществом. Если враг все же прорывался, обходя крепости, они, оставаясь у него в тылу, грозили ударом и заставляли противника распылять силы¹⁵⁴. Укрепления были рассчитаны для организации защиты дальних рубежей Византийской империи, причем это были границы конкретного изолированного анклава, охраняют который в свое время пытались уже римские войска¹⁵⁵. Стратегия возведения подобных передовых фрур, одиночных башен – «бургов» на пути к крупным городам, преимущественно на господствующих высотах, была хорошо известна и широко использовалась византийцами, перенявших эту традицию у римлян¹⁵⁶. К примеру, ее можно обнаружить на подступах к Фессалонике в конце VI–VII вв., где роль «крепостиц» (*to phrourion*) играли некоторые укрепленные пригородные монастыри и храмы, прикрывавшие с наиболее угрожаемых направлений самый большой ромейский город Балкан¹⁵⁷.

Помимо строительства укреплений, проведению в жизнь политики византийской администрации способствовало начало создания в позднеюстиниановский период христианских базилик эллинистического типа с деревянным перекрытием и одноапсидных, прямоугольных в плане, небольших храмов, подобных херсонским и боспорским, остатки мраморных капителей, алтарных преград, прочие архитектурные детали которых открыты в Инкермане, у южного обрыва Монастырской скалы, на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале, в верховьях балки Каралез, в долине р. Бельбек, у подножия горы Пампук-Кая, около фруры в Горзувитах и некоторых других местах¹⁵⁸.

на Балканы // ВВ. – 1984. – Т. 45. – С. 49–50; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 34–35.

¹⁵³ Новиченков В. И., Новиченкова Н. Г. Об исторической топографии «готской земли» в Крыму – С. 35–36.

¹⁵⁴ Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона... – С. 121; Сазанов А. В. Города и поселения... – С. 35.

¹⁵⁵ Ср.: Зубарь В. М. Еще раз о Таврическом лимесе // РА. – 2000. – № 2. – С. 52–60.

¹⁵⁶ Византийский военный трактат «De castrametatione» / Пер. В. В. Кучмы // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – Гл. 19, с. 301, комм. 78; гл. 20, с. 302.

¹⁵⁷ Bakalopoulos A. A. Istoría tes Thessaloiikes. – Thessalonike, 1983. – S. 35–36.

Новейшие архитектурные исследования позволяют датировать возникновение этих монументальных памятников преимущественно второй половиной VI–VII вв., а не более поздним временем, как иногда полагают¹⁶⁰.

Наиболее приемлемое объяснение для столь бурной, дорогостоящей созидательной деятельности видится не только в продолжении усиления обороны обширной области расселения федератов Византии в приморской и предгорной части Юго-Западной и Южной Таврики, на главных подступах к «столице области» – Херсону, но и в стремлении распространить здесь ромейское влияние, а значит, быстрее

¹⁵⁸ Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–29 гг.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1929. – Т. 30 (60). – С. 175–177; Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – Т. 13. – С. 81; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 121–132; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. – С. 45; Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 60–61; Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. – 1918. – № 55. – С. 37–40; Тиханова М.А. Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. МИА. – 1953. – № 34. – С. 337–338, рис. 3; с. 385, рис. 42, 6; Веймарн Е.В., Даниленко В.Н., Герцен А.Г. Работы Мангупского отряда // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 255; Герцен А.Г. К проблеме типологии городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 86; Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27.). – Симферополь, 1995. – С. 79; Бармина Н.И. Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 12; Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. – С. 114–115; Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – 1954. – Вып. 53. – С. 111–112; Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). – К., 2002. – С. 99–113.

¹⁶⁰ Кирилло В.Б. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1. – № 1. – С. 89–97; ср.: Бармина Н.И. Мангупская базилика... – С. 77–90; Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // ААИК – К., 1998. – С. 36–59; Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика. – С. 99–113. В частности, следует обратить внимание, что Эски-Керменская базилика лишена жертвенника (професиса) и диаконника, характерных для литургии Двух Входов, утвердившейся к концу VI – началу VII вв. (см.: Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. – М., 2002. – С. 402 – 403). Значит, она могла быть построена незадолго перед ее введением или вскоре после, но до полного утверждения в VII в. Сделанное наблюдение применимо и к большинству ранневизантийских храмов Херсона, что демонстрирует примерно одинаковый и общий для них период наиболее массового строительства.

¹⁶¹ Ср.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблема истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 190–191.

интегрировать здешние племена и народы в состав византийского сообщества Империи¹⁶¹. Федераты не были независимой, самостоятельной политической силой, только в своих интересах строившей для себя, своего господства опорные пункты – крепости. Романия, находившаяся тогда в зените своего влияния на территории Крымского полуострова, не допустила бы подобных сепаратистских тенденций и уж тем более не стала бы им потворствовать, направляя в помощь строителям крепостей своих специалистов¹⁶². Общность черт конструкций, строительных приемов, планировочных решений, систем кладки, техники обработки всех этих сложных сооружений свидетельствует о реализации достижений позднеримского военно-инженерного искусства, раннего ромейского строительства и не несет следов преемственности с позднескифской фортификацией¹⁶³. Несомненно, они строились местным населением под контролем византийской администрации, с привлечением византийских техников, военных инженеров, возможно, строительных артелей ремесленников-икодомов (*oikodomoι*) из Херсона, и их ромейский характер неоднократно отмечался специалистами¹⁶⁴. О том же говорит использование единого с херсонскими христианскими храмами строительного модуля. Строительство это шло не один год, то замирая, то вновь активизируясь: слишком велик был масштаб работ. Если эта фортификационная деятельность и явилась «заключительным аккордом в создании кордонных оборонительных линий на границах Византии», едва ли она могла быть вся осуществлена только за последние годы правления Юстиниана I, фактически за пять лет, поскольку Прокопий не включил ее в перечень строительных акций этого императора, предпринятых до 560 г., ограничившись сведениями о реконструкции оборонительных стен Боспора, Херсона и о возведении фрур на Южном берегу Таврики¹⁶⁵. Лишь некоторые *teichismasi makrois* в «стране Дори» могли явиться предвестником будущего гра-

¹⁶² Ср.: Филиппенко В. Ф. Каламита – Инкерман... – С. 12.

¹⁶³ Герцен А. Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики. – С. 33.

¹⁶⁴ Яковсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 17, 25–26; Яковсон А. Л. Крым в средние века. – С. 11, 28; Яковсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА АН СССР. – 1974. – № 140. – С. 111; Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 105; Герцен А. Г. О крепостном строительстве на Мангуле. – Л. 26; Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангула. – С. 6–17; Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. – С. 112; Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики. – С. 85–86; Кирилко В. П. Византийская архитектура Мангула. – С. 90, 92.

¹⁶⁵ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive De aedificiis; Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 203–298. Ср.: Герцен А. Г. Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 7–8, 20.

диозного строительства в горном Крыму, затмившего Юстинианово. Возможно, отзвуком его относительной быстроты, поразившей современников, явилась одна из древних крымских легенд, донесшая из глубин веков рассказ о передовой мангупской стене – клисуре в балке Табан-Дере, которая якобы волшебством была создана за одну ночь для военачальника города¹⁶⁶. Другое дело, что эффективность этой оборонительной системы в целом оказалась невелика, как и в других районах Империи. Недаром ее никто не пытался развивать и поддерживать. К тому же историческая ситуация сложилась в дальнейшем в Таврике так, что долгое время, особенно в течение VIII в., постоянной надобности в военно-опорных пунктах, крепостях – убежищах не ощущалось, свидетельством чему их слабая используемость заселенность в это время. Только к X в. на некоторых из них (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Бакла) начнется плотная застройка усадьбами и они приобретут черты «малых городов».

Происходившие в это время в Крыму процессы хорошо увязываются с теми, что шли в иных регионах Империи. Этнически Херсон оставался преимущественно греческим центром и вывод о гуннско-тюркской прослойке в нем несостоятелен¹⁶⁷. Погребальные сооружения с варварскими чертами составляли около 9% общего числа позднеантичных могил, к тому же речь может идти лишь об отдельных чертах, свидетельствующих о негреческом этническом происхождении погребенных¹⁶⁸. Даже редкие обладатели деформированных черепов, так называемые «макрокефалы» с высоким вариантом циркулярной или лобно-затылочной деформации, возможно, из числа привилегированных сармат или алан, похороненные не позже VI–VII вв. в некрополе у куртины I западной оборонительной стены и около Карантинной бухты, обнаружены в типичных позднеермских склепах с нишами – лежанками или в вырубных гробницах, которые продолжали использовать для захоронения христиан, и сами могли быть христианами, судя по находке в инвентаре большой серебряной пряжки с крестом на прямоугольном щитке, бронзовой пряжки со щитком в форме креста, светильника-свечника в виде трубки на

¹⁶⁶ См.: Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – С. 91.

¹⁶⁷ Ср.: Пяташева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–IV вв. н.э. // Античное общество. – М., 1967. – С. 184; Піоро І. С. Гунська навала і Крим // Вісник Київського університету. – 1976. – № 18. – Історія. – С. 96.

¹⁶⁸ По наблюдениям А. Л. Якобсона, в склепах, вырубных и грунтовых могилах, открытых за период раскопок с 1889 по 1911 гг., обнаружено только 33 погребения «макрокефалов» преимущественно ранневизантийского времени, причем одна из гробниц у южной оборонительной стены была обложена древнегреческими черепицами и, следовательно, могла относиться к гораздо более ранней эпохе. См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 256, прим. 2; Зубарь В. М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. – К., 1987. – С. 97.

плошке и известнякового надгробия в виде креста (рис. 51)¹⁶⁹. Три костяка «макрокефалов» оказались в склепе рядом с поминальной церковью – усыпальницей св. Василия (№ 12) к востоку от главного храма на территории комплекса Западной базилики – монастыря св. Леонтия Киликийского¹⁷⁰. Обломки лепных «грубых глиняных горшков», как сказано в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича, и большая колцеобразная бронзовая серьга с привеской в виде 14-гранника, характерная для вкусов варваров V–VI вв., подчеркивают негреческий этнический облик покойных. Поэтому упоминание раба Божьего с необычным для херсонитов именем Гот в греческой надписи VI–VII вв. на закладной плите склепа № 4, обнаруженного в 1968 г. во время раскопок рва по соседству с монастырем, с внешней стороны 1-ой куртины, тоже могло быть не случайным совпадением с предыдущими предметами¹⁷¹.

Рис. 51. Череп с циркулярной деформацией из некрополя со «святыми могилами» около загородного Влахернского монастыря Херсона (по К. К. Косцюшко-Валюжиничу)

¹⁶⁹ Белов Г. Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. – 1953. – № 34. – С. 245–254, рис. 24; Зубарь В. М., Рыжов С. Г. Отчет о раскопках херсонесского некрополя в 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1778. – Л. 15, 17, табл. XXXII, 2, 5, склеп № 3; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. № 14. – Л. 33; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 96, вырубная мог. № 1960 (наряду со свечником при костяках, лежавших не в анатомическом порядке, находились еще три «лампочки без украшений, обычного типа», глиняный одноручный кувшинчик и две такие же чашечки, лезвие небольшого железного ножа, несколько монет II–III вв., бронзовый браслет с змеиными головками, проволочный детский браслет, три бронзовые пряжки от обуви, бронзовая подвеска в виде кольца, пастовые, янтарные, стеклянные пронизи, пара бронзовых серег с 14-гранными пронизями, то есть набор вещей, вполне типичный для обычного позднеантичного или ранневизантийского погребения вполне греческого культурного облика); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 176, 191, 196, склепы № 620, 797, рис. 552; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 256–257. Такие пряжки стали изготавливать в Херсоне с середины VII в. (см.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 130, рис. 51, 1–2). О свечнике см: Sorochan S. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. British Archaeological Reports International Series 1019. – Oxford, 2002. – P. 114, fig. 1, 1–3. А. В. Иванов тоже отмечает несколько случаев находок деформированных черепов в «раннехристианских погребениях» на некрополе Херсонеса (Иванов А. В. О практике искусственной деформации черепов у различных групп населения позднесредневековой Таврики // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 73; Иванов А. В. О практике искусственной деформации головы на территории Крымского полуострова // Вестник антропологии. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 80).

Но находки характерных для остготского костюма металлических аксессуаров крайне редки. Пока только в западном некрополе в погребении первой половины VI в. из склепа №14 (1914 г.) обнаружен полный гарнитур с большой пряжкой и парой фибул, а в склепе №4, использовавшемся в VII в, обломок серебрянной орлиноголовой пряжки с двумя вишневыми альмандинами¹⁷². В любом случае варварские погребальные комплексы теряются в массе могил, греческая, а точнее, ромейская принадлежность которых не вызывает никаких сомнений¹⁷³. Поэтому мнение о наличии в раннесредневековом Херсоне заметного элемента в той или иной степени огреченного сармато-аланского населения и тем более общины готов не находит подтверждение¹⁷⁴. Столь же натянутым, а по сути, утрированным является утверждение, что херсонесские склепы с нишами-локулами «использовали представители разных этнических групп»: на деле эти «представители» весьма редко были теми, кого ромеи относили к «инородцам», «иноплеменникам»¹⁷⁵. Даже наличие у некоторых похороненных особых антропологических признаков, искусственной деформации черепа еще не основание для того, чтобы отказывать им в наименовании ромей, поскольку в этот термин не вкладывалось сугубо этническое содержание.

Данные антропоники, почерпнутые из херсонесских эпиграфических памятников VI–VII вв., главным образом, надгробных надписей, столь же непреложно свидетельствуют о безусловном и абсолютном доминировании имен, относившихся к общей греческой номенклатуре. Их носители не только говорили на греческом, то есть владели фонетически, но умели писать по-гречески, пусть с реф-

¹⁷⁰ Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1891 год. – СПб., 1893. – С. 14; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 256, рис. 133; Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 61–62, тип 4; о культовом комплексе см.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель... – С. 643–650, 660–665; Сорочан С. Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 146–173.

¹⁷¹ Антонова І. А., Рижов С. Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 261–264; Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 168, прим. 16.

¹⁷² Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров... – С. 78–79, рис. 19; Зубарь В. М., Рижов С. Г., Шевченко А. В. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С. 161, 163, рис. 9.9.

¹⁷³ Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. – К., 1982. – С. 118.

¹⁷⁴ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 258; Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров... – С. 85.

¹⁷⁵ Ср.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 49.

лексами разговорной речи, неуверенностью в определении долготы гласных, необычными огласовками, анаколуфами, грамматическими и синтаксическими ошибками, отступлениями от правил орфографии (особенно это касается замены эпсилона на иту и омеги омикроном, что, впрочем, стало обычным для ранневизантийской палеографии). Греческий язык, причем уже без доризмов, а димотика с весьма незначительным числом латинизмов, оставался в городе официальным и разговорным языком¹⁷⁶.

Зато в округе Херсона ситуация была несколько иной. Так, лепная керамика из могильников Юго-Западной Таврики позволяет говорить о преимущественно сармато-аланском населении региона в IV в.¹⁷⁷ На Гераклейском полуострове, на восточном склоне Киллен-балки открыты позднеантичные вырубные Т-образные склепы, которые принято связывать с аланами. Они имеют в качестве погребального инвентаря позднюю краснолаковую посуду, стеклянные украшения, остатки полотнянных одежд, головных уборов, кожаной обуви, дощатые гробы, сбитые железными гвоздями, но локул нет, что свойственно традициям варварского населения¹⁷⁸. Те же черты прослеживаются в усыпальницах в Хомутовой, Карантинной, Доковой, Юхариной балках. Вообще, преобладающим, массовым типом погребального сооружения в округе ранневизантийского Херсона были подбойные могилы с коллективными или одиночными захоронениями, в числе которых встречались костяки с искусственно деформированными черепами¹⁷⁹. Погребения «макрокефалов», мужчин, женщин, детей, известны в Инкермане, в могильниках Сахарная головка, Карши-Баир, Узень-Баш, Манто-Фонтан, Алмалык в округе Мангупа и у с. Скалистое, в некрополе позднеантичного времени у с. Вишневое, возле ромейской фруры Алустон, у подножия горы Демерджи (у с. Лучисте), в каждой пятой могиле ранних комплексов некрополя рядом с фрурой в Горзувитах, причем чаще в подбойных и грунтовых могилах, реже в склепах¹⁸⁰. В раннесредневековом

¹⁷⁶ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К., 1973. — С. 270; ср.: Haldon J. Byzantium. A History. — Stroud, Gloucestershire, 2000. — P. 65.

¹⁷⁷ Ушаков С. В. О лепной керамике из могильников юго-западного Крыма второй половины III — первой половины IV вв. как источнике по этнической истории региона // Х. сб. — 1998. — Вып. 9. — С. 153.

¹⁷⁸ Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Могильники позднеантичной — ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Киле-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). — Симферополь, 1994. — С. 60–61.

¹⁷⁹ См.: Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка» (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // Х. сб. — 1959. — Вып. 5. — С. 169–190, особ. с. 189 (в могильнике из 18 вскрытых погребальных сооружений подбойными оказались 11, грунтовыми ямами — 3, склепами — 4; среди уцелевших семи черепов два были деформированными, то есть каждый третий — четвертый).

могильнике у Чуфут-Кале их могло быть половина от всех похороненных, как мужчин, так и женщин, что соответствует представлению о концентрации в этом районе главным образом этноса сармато-аланского круга, для которого была особенно характерна «мода» на искусственно деформированные головы¹⁸¹. Не исключено, что в этой «моде» проглядывает элемент этноопределения или обычай отмечать таким выразительным образом некоторую привилегированную

¹⁸⁰ Подр. см.: Харузин А. Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша // ИОЛЭА. Труды антропологического отдела. — 1890. — Т. 9. — Вып. 1. — С. 24 — 25; Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. — 1906. — Вып. 19. — С. 32; Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. — 1907. — Т. 27. — С. 128–129; Репников Н. И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. — 1909. — Вып. 30. — С. 119; Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. — 1942. — Т. 28. — Вып. 1. — С. 65; Бобин В. В. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму // Труды Крымского государственного медицинского института им. И. В. Сталина. Труды кафедры нормальной анатомии гистологией. — Симферополь, 1957. — С. 65, 70; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсон. — С. 257; Крпоткин В. В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. — 1959. — №1. — С. 192–193 (24 из 334 погребенных); Соколова К. Ф. Антропологічні матеріали могильників Ін-керманської долини // Археологічні пам'ятки УРСР. — К., 1963. — С. 127–128 (в каждой пятой могиле некрополя у высоты «Сахарная головка»); Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. — К., 1973. — С. 33–34 (в среднем каждое девятое погребение Скалистинского могильника: 5 из 36 погребений IV–V вв., 17 из 75 — VI–VII вв., 8 из 157 — VIII–IX вв. и 12 недатированных); Потехина И. Д., Назарова Т. А. Новые материалы к изучению антропологического состава населения средневекового Крыма // Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. — К., 1990. — С. 33, 38; Айбабина Е. А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3. — С. 120; Филиппенко А. А. Охранные исследования у источника Манто-Фонтан // Стародавні слав'яни та їх сусіди у східній Європі. — К., 1993. — С. 64–65 (2 из 5 погребений IV–V вв.); Ушаков С. В., Филиппенко А. А. Новые данные об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // III Международ. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2001. — С. 36–37 (5 мужских, 2 женских и одно предположительно детское погребение); Герцен А. Г. Новые раннесредневековые памятники из некрополей Мангупа // III Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2001. — С. 12 (4 мужских погребения на некрополе Алмалык); Радочин В. Ю. Антропологические материалы из погребений V–IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10. — С. 165 (6,2% от общего числа исследованных черепов); Иванов А. В. О практике искусственной деформации черепов... — С. 73, 74; Иванов А. В. О практике искусственной деформации головы... — С. 78–79.

¹⁸¹ Крпоткин В. В. Могильник Суук-Су... — С. 193; Соколова К. Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. — М., 1958. — С. 63; Герцен А. Г., Могаичев Ю. М. Крепость драгоценностей. — С. 26–27; ср.: Зиневич Г. П. Антропологические материалы... — С. 133, 135.

группу населения внутри этноса¹⁸². Недаром Захария Митиленский (Ритор) в VI в. называл Херсон «областью, населенной варварскими и нецивилизованными людьми»¹⁸³. Следовательно, с точки зрения образованного провинциального ромея, к тому же ярого сторонника монофиситства, широко не привившегося в этом законопослушном Константинополе городе, последний потерял тот блеск греческой культуры и обычаев, который, по словам Плиния Старшего, прежде отличал его среди остальных пунктов западного побережья Таврики (Plin. NH. 85). Этому категричному определению не помешало даже то очевидное обстоятельство, что часть обладателей деформированных черепов покоилась в могильниках, несших в это время явные признаки христианизации населения (Сахарная головка, Карши-баир, Узень-баш, округа Мангупа, Чуфут-Кале, Скалистое), что видимо в значительной степени предопределило постепенное вытеснение этого варварского обычая искусственной деформации головы после VII в.¹⁸⁴.

В V в. здесь жили готы и спустя столетие Прокопий Кесарийский пишет о них как об оседлых крестьянах и «энспондах» – союзниках Империи. В V–VII вв. на Эски-Кермене наблюдается характерный готский тип склепов с дромосами, известный по могильникам Суук-Су и Узень-Баш в обширной, площадью 5000 га, плодородной Байдарской долине, очевидно, являвшейся ядровой территорией «хоры Дори», «готской земли»¹⁸⁵. По мнению В. В. Крпоткина, могильник VI–VII вв. около Чуфут-Кале мог принадлежать уже смешанному алано-готскому населению¹⁸⁶. Впрочем, если верить Прокопию, крымские готы еще существовали как особый этнос. Материалы некрополей показывают, что в это время здесь распространился специфический готский обычай ношения широких поясов с большой пряжкой и двух фибул¹⁸⁷. Признаки готского этноса выделяются и в антропологических материалах, например, Эски-Керменского могильника, которые демонстрируют примесь северо-европейской долин-окранной расы¹⁸⁸. Процесс ассимиляции сравнительно малочислен-

¹⁸² Ср.: Радочин В. Ю. Антропологические материалы... – С. 165, 169.

¹⁸³ The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene. Transl. by F. J. Hamilton, E. W. Brooks. – London, 1899. – P. 79 (IV. 11); Евагрий Схолстик. Церковная история. – СПб., 1999. – С. 236.

¹⁸⁴ См.: Иванов А. В. О практике искусственной деформации головы... – С. 80.

¹⁸⁵ Репников Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 179; Айбабин А. И. Об этнической атрибуции... – С. 118–120; ср.: Новиченков В. И., Новиченкова Н. Г. Об исторической топографии «готской земли»... – С. 37–39, рис. 2.

¹⁸⁶ Крпоткин В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 212.

¹⁸⁷ Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н. э. // СА. – 1977. – № 1. – С. 194; Масякин В. В. Готы // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 69–70.

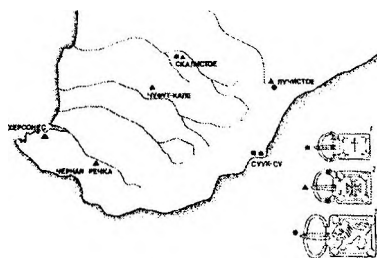

Рис. 52. Ареал распространения больших серебряных пряжек с прямоугольным щитком и христианской символикой, вторая половина VI–VII вв. (по Э. А. Хайрединовой)

ных готов и балтов сармато-аланами, вероятно, завершился лишь к концу VII в.¹⁸⁹, причем свою лепту в этот процесс внесло ромейское воздействие, которое, несмотря на отсутствие реальной этнокультурной эллинской основы, заставило эти народы быстрее «терять свое лицо». К примеру, нательные кресты и надгробные плиты с изображением крестов известны в Инкермане уже в VI–VII вв., а к VIII в., как уже было сказано, постепенно перестает практиковаться в массовом порядке обычай искусственной деформации головы,

вероятно, в силу влияния христианизации¹⁹⁰. В окрестностях Херсона федераты были большей частью крещеными. Обращает внимание сокращение в инвентаре многих погребений глиняной и стеклянной посуды, используемой для заупокойной пищи, предметов обихода (ножей, кинжалов, кресал с кремнями, удила, рыболовных крючков), а также наличие, пусть редких, бронзовых нательных крестов, официально разрешенных амулетов – медальонов в виде коробочек или пластин с изображением креста, св. Мины, св. Георгия, св. Даниила со львами, наконец, крестов, прочерченных на закладных плитах склепов, известняковых надгробий в виде креста или с его изображением (могильники у высоты «Сахарная головка», Узень-Баш, Скалистого, Суук-Су, Лучистого) (рис. 52)¹⁹¹. Языческие традиции по-

¹⁸⁸ Дебес Г. Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л., 1948. – С. 215–218.

¹⁸⁹ Айбабин А. И. Этническая принадлежность... – С. 194.

¹⁹⁰ Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка». – С. 190; Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников... – С. 33 (в Скалистинском могильнике в VIII–IX вв. число таких погребений сокращается до одного из 20, тогда как в VI–VII вв. их было здесь в пять раз больше); Радочин В. Ю. Антропологические материалы... – С. 165 (исследователь подчеркивает, что из погребений IX в. в могильнике у с. Лучистое не получено ни одного деформированного черепа, однако связывает это «с недостаточным количеством вскрытых погребальных сооружений этого времени»).

¹⁹¹ Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19. – С. 72, рис. 51; табл. IV, рис. 30 (в могиле с пряжками второй пол. VII в.); Борисова В. В. Указ. соч. – С. 190; Айбабин А. И. Об этнической атрибуции... – С. 118–120, рис. II, 4, 8, 12; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное – Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетьева. – М., 2003. – С. 61, табл. 40; Айбабин А. И. Медальоны с изображением святых из раннесредневековых могильников области Дори // Символ в философии и религии. VI Крымская Международ. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 3 (видимо, по оплошности св. Георгий назван автором «св. Соломоном»).

гребального обряда оставались живучи, видимо, к ним проявлялась толерантность даже со стороны крещеных, но постепенно, медленно они все же сдавали позиции под влиянием христианства.

Византия охотно принимала целые группы населения, такие как аланы, готы, гунны, тюрки, переходившие на ее сторону, и с помощью иноплеменников восстанавливала свою экономику, военный и демографический потенциал. Гибкость и терпимость по отношению к подобным инородцам обуславливалась уже тем, что единственным признаком их христианства служила помощь Византии в военных конфликтах и неучастие христианизированных народов в военных действиях против Империи¹⁹². Но официальная государственная доктрина не знала этнических предрассудков, ромейские власти не проводили насильственной эллинизации и почти не прибегали к принудительной христианизации. Впереди меча, как правило, следовали крест и ремесленные товары, причем надо учесть, что даже в своих миссионерских деяниях византийцы редко полагались на силу, принуждение и не знали предприятий, подобных раннесредневековым франкским или германским крестовым походам против саксов, славян, прусов¹⁹³. Главным было требование принять подданство императора и не нарушать римские законы¹⁹⁴. Дискримина-

¹⁹² См.: Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина? — М., 2003.

¹⁹³ Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. — Львів, 1991. — Т. 222: Праці історіко-філософської секції. — С. 15.

¹⁹⁴ Византийские законы утверждали, что все проживающие на ромейской земле, то есть обязанные налогами государству, являются ромейскими гражданами (*Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. — Lipsiae, 1846. — Т. 4. — XLVI, 1). Поначалу права римского гражданства жаловались индивидуально, но с VI в. (*Corpus juris civilis*. — Berolini: Apud Weidmannos, 1904. — Vol. 3: *Novellae* / Rec. R. Schoell. *Opus Schoellii morte interseptum absolvit G. Kroll*. — № 78) было введено коллективное гражданство целых народностей, а точнее тех из них, которые были обращены в христианство, признавали суверенитет императора ромеев и обязывались жить в соответствии с нормами ромейского права, то есть становились подданными — ипиками (*ипекоои*). Та или иная этническая группа, получавшая ромейское гражданство, включалась в политико-административную структуру Империи, а ее вождю, правителю жаловалась какой-либо имперский сан или должность (патрикия, архонта и т. п.). Таким образом, понятие «ромейский народ» полностью утратило свой первоначальный этнический смысл, став космополитичным понятием, впрочем, как и «эллинский народ». Отныне термин «эллин» надолго стал синонимом понятию «язычник». Народы же, сохранявшие собственную политическую и юридическую организацию, даже если они размещались на территории Империи, обычно были связаны с ней союзными договорами, но были не подданными императора, а так называемыми катиками (*katekooi*) — «подвластными», то есть даже терминологически отличались от граждан — ромеев (Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. — Л., 1990. — С. 11; ср.: Иванов С. А. Понятия «союза» и «подчинения»

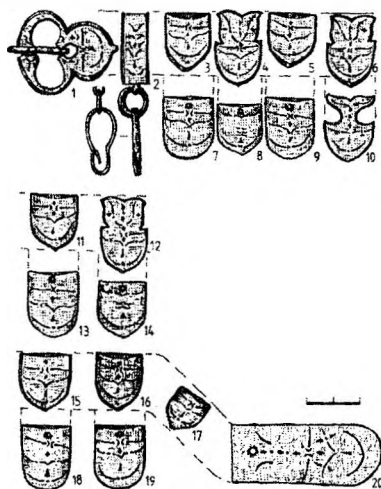

Рис. 53. Серебряный поясной набор VII в. из склепа № 273 некрополя Эски-Кермена (по А.И. Айбабину)

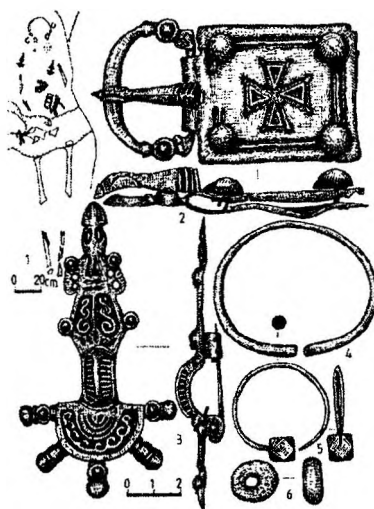

Рис. 54. Бронзовые украшения и детали костюма из захоронения склепа № 77 некрополя у с. Лучистое (по А.И. Айбабину)

ции подвергались лишь иноверы и еретики, всегда остававшиеся за бортом официального общества.

Судя по всему, крымские христиане, эта постепенно складывавшаяся горнокрымская народность, как ромейские союзники (*enspondoi*), то есть симмахи, и народ, подвластный императору (*katekooi*), в VI–VII вв. объявлялись военной службой императору и могли выставить ополчение не менее, чем в 3 тыс. человек¹⁹⁵. Это указывает на условие получения ими земли, верховной собственницей которых формально считалась Империя. Примечательно, здесь проглядывает общая тенденция, поскольку в 70-х гг. VI в. половина армии на восточной границе государства состояла именно из федератов¹⁹⁶. При этом можно говорить о сохранении союзниками некоторой политической самостоятельности¹⁹⁷. В ходе долгого и медленного процесса вызревания, создания фем в качестве военно-территориальных единиц, симмахи устраивались на поселения в византийских провинциях, как, например, готы Тиверия Константина и Тиверия Маврикия — в малоазийских Ликаонии и Писидии¹⁹⁸. По закону с июля 530 г. они причислялись к *milites* наравне со схоляриями и стратиотами — солдатами, которыми командовали магистры войск¹⁹⁹.

Судя по погребениям на некрополях Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале и Баклы, здешние воины жили в окрестностях крепостей вместе с семьями²⁰⁰. Инвентарь погребений в Юго-Западной Таврике VI–VII вв. свидетельствует также в пользу того, что местные союзники Империи — энспонды, федераты принадлежали к свободным состоятельным земледельцам-воинам, слабо дифференцированным

в имущественном и социальном отношении²⁰¹. В целом это напоминает стратиготский состав крестьян-общинников Византии, «господ георгов» несколько более позднего времени. Назвать их бедными не приходится в голову. Серебряные пряжки, браслеты, фибулы, ремни от поясных гарнитуров, прочие предметы быта, в том числе импортные краснолаковые блюда, миски со штампами на дне, приобретаемые путем купли или обмена, довольно часто встречаются в могилах VI – первой половины VII вв., что говорит в пользу зажиточности местного населения, причем даже в сравнении с погребенными в это время на загородном кладбище Херсона, где такого рода вещи попадаются гораздо реже (рис. 53–57)²⁰².

Впрочем, варвары далеко не везде переходили к общинному землепользованию на территориях, где они расселялись. К примеру, в Эмили-Романье, в Восточной Италии, германцы были включены в традиционную позднеримскую систему хозяйственных отношений и социальных связей²⁰³. Учитывая мощное античное влияние со стороны Херсона, подобное могло произойти и в Юго-Западной Таврике. Но не произошло. Во всяком случае, антропонимика не отразила таких связей. Причина могла крыться, видимо, в том, что система античного местного землевладения в IV–VI вв. пришла в упадок. Тем не менее, херсонитам пришлось вступить в отношения со свободными мелкими земельными собственниками – аланами, готами, даже если последние не жили крестьянскими общинами. К счастью для византийцев, это население иранского и германского происхождения в Юго-Западной Таврике не было оформленной и политически организованной многочисленной общиной. Недаром германская топонимика

у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодалных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 29–30; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 119–120).

¹⁹⁵ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 13–14; Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 248–249; Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского... – С. 111; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 119–120.

¹⁹⁶ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – P. 251.

¹⁹⁷ Ср.: Кулаковский Ю. История Византии. – К., 1912. – Т. 1. – С. 209–210.

¹⁹⁸ Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius – Constantinus. – Stuttgart, 1919. – S. 140.

¹⁹⁹ Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – IV. 65. 35.

²⁰⁰ Айбабин А. И. Этнический состав... – С. 148.

²⁰¹ Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. – С. 58–59; Ушаков С. В., Филиппенко А. А. Некоторые типы краснолаковой посуды из раскопок могильника Карши-Баир // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 27–34.

²⁰² Ср.: Борисова В. В. Могильник... – С. 171–189.

²⁰³ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. – М., 1959. – С. 44–45; Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 322–323.

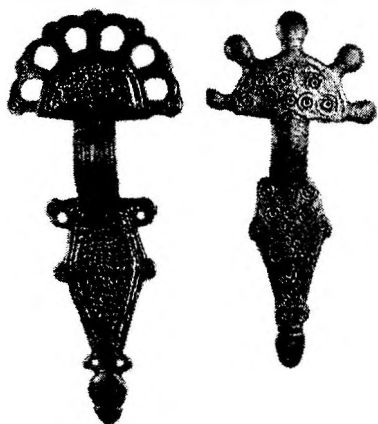

Рис. 55. Серебряные фибулы
VI–VII вв. из могильника
под Мангутом
(по А.Г. Герцену,
О.А. Махневой-Чернец)

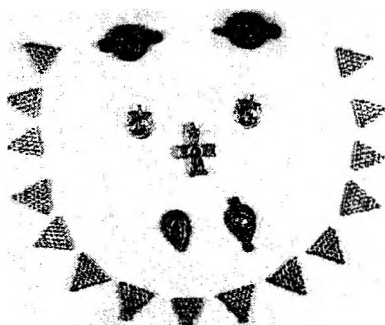

Рис. 56. Клад раннесредневековых
золотых украшений,
найденный на мысе Тешкли-
Бурун, Мангуп
(по А.Г. Герцену,
О.А. Махневой-Чернец)

мика оказалась представлена здесь весьма слабо и за исключением названия «страны Дори», «земли Готфов» и, возможно, Фул (от готского *fuls* – «гнилой, тухлый»²⁰⁴) в византийских источниках не отразилась. Средневековые по содержанию тенденции формирования воинского устройства тоже развивались исподволь и в течение нескольких столетий.

Нет сомнений, что в военно-организационном отношении все эти контингенты «кати́ков», «союзников», постепенно терявших свою этническую, племенную специфику, были замкнуты на командование, находившееся в Херсоне. Финансовые, налоговые, податные вопросы здесь решали тоже представители византийской администрации. Находка на Мангупе в сезон исследований 2000 г. моливдула императорского логофета, патрикия Дорофея, скорее всего, главы налогового ведомства государства во второй четверти VII в., ответственного за поземельный налог и прочие доходы, недвусмысленно указывает на распространение здесь имперской податной системы, в сети которой попали федераты²⁰⁵. О контроле со стороны официального Константинополя говорит и отправленный сюда моливдовул одного из василевсов VII в.²⁰⁶. При этом для общения с ала́но-готским контингентом существовали особые штатные переводчики –

²⁰⁴ Гухман М.М. Готский язык. – М., 1958. – С. 261.

²⁰⁵ В правление Константа II (641 – 668), видимо, этот же Дорофей был назначен стратигом Сицилии и в 654 г. выступал в Константинополе свидетелем на суде над римским папой Мартином I, который в итоге оказался в ссылке в «Херсоне и климата», то есть в тех самых краях, где обнаружена печать от послания Дорофея (см.: Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунаро́д. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92). О должности логофета см.: Haldon J. Byzantium. – P. 79.

Рис. 57. Реконструкция женских костюмов второй половины VI–VII вв. из погребений склепов некрополя у с. Лучистое (по Э.А. Хайрединовой)

ерминевты, две печати которых тоже зафиксированы среди херсонских сфрагистических материалов²⁰⁷. В VIII в. такие чиновники вошли в структуру важнейшей логофессии дрома, своего рода министерство иностранных дел и внешней разведки. Все эти экономические, политические и идеологические средства объективно действовали в сторону скорейшей интеграции местного варварского населения в этнически пестрый, с полутонами подвластности, но по сути единый состав Романии, и вели к образованию в Таврике архонтий.

В представлении ромеев Херсон действительно находился на краю Византии, на крайних пределах Империи, был отдаленным местом²⁰⁸. Однако надо учесть, что это понималось именно как отдаленный край, рубеж, но не заброшенная, захолустная окраина, как иногда

²⁰⁶ Герцен А. Г. Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу. — С. 18.

²⁰⁷ Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 206, №14, 15; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 26). — Барнаул, 1996. — С. 193–194, рис. 4.

²⁰⁸ Прокопий Кесарийский. Тайная история. Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. — 1938. — №4. — С. 249; Прокопий Кесарийский. О постройках: Пер. С. П. Кондратьева // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. — М., 1996. — Кн. 3. 10; ср.: Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греческого языка при Санкт-Петербургской духовной академии. Ч. 2: Письма к разным лицам. — СПб., 1869. — С. 244, № 92.

полагают современные исследователи. Куда дальше от Константинополя находились юг Малой Азии или Сицилия. Максимум 10–15 суток суток неспешного морского плавания от столицы Романии либо двое – трое суток от Южного берега Понта, напрямик, были отнюдь не огромным расстоянием²⁰⁹. Город постоянно ощущал то активизировавшуюся каждый новый навигационный сезон, то замиравшую на несколько месяцев зимой, но никогда не прекращавшуюся связь, которая делала его частицей Империи, причем не малой частицей. К VI в. Херсон занимал площадь около 29 га, когда на западном участке обороны к нему было сделано солидное приращение из оборонительных стен, добавившее еще 1,2 га²¹⁰. Сухопутная сплошная линия защиты города имела едва ли не рекордную протяженность в Таврике – свыше 2,5 км. и, очевидно, была прикрыта оборонительными стенами как с юга и запада, со стороны суши, так и с севера и востока, с моря²¹¹. Собственно «Херсонития» простиралась еще дальше, вплоть до «хоры Дори», то есть плато и долин Второй (Внутренней) и Третьей гряды Крымских гор, бассейнов рек Черная, Бельбек,

²⁰⁹ Прибегнув к краткому пути через Черное море, пути, соединявшему мыс Карамбис в 130 км западнее Синопа с мысом Крию Метопон (Бараний лоб) на Южном берегу Крыма можно было даже при скорости два узла (3,7 км/ч.) при благоприятных условиях, искусно используя основные попутные течения, заикленные в два гигантских, противовращающихся кольца, сравнительно быстро за двое-трое суток преодолеть водную преграду протяженностью около 267 км (144 морские мили), о чем давно знали мореходы (см.: Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып. 116. – С. 13–17; Золотарев М. И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. – Тбилиси, 1979. – С. 94–100; Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – В в. н.э. – Харьков, 1989. – С. 4, 95; Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. – Симферополь, 1992. – С. 28). К примеру, корабль на котором в 791 г. везли из Амастриды тело усопшего епископа Иоанна Исповедника, пустился в море 27 июня, а «29-го, ко всеобщей достиг святых апостолов в монастыре», то есть примерно через 60 часов, к вечеру 29 июня гроб уже вносили в храм св. Апостолов в Парфените (Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Вып. 2. – С. 398).

²¹⁰ В IX в. к территории города было добавлено с западной стороны еще около 2 га, причем, оставшихся незаселенными (см. Антонова И. А. XIV башня оборонительных стен Херсонеса // Херсонес Тарихский. Ремесло и культура. – К., 1974. – С. 70; Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблема датировки // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 105).

²¹¹ Антонова И. А., Рижов С. Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вып. 4. – С. 261. К сожалению, процесс разрушения этих приморских стен продолжается и море неумолимо уносит немногие сохранившиеся остатки. Северный берег уже давно лишился их, а на восточном обрывистом мысу осталось не более трех метров 28 куртины, которые грозят вскоре тоже исчезнуть.

Кача и Альма, отчасти Южного и Юго-Восточного побережья полуострова. Едва ли в середине VI в. ее население превышало 60 тыс. человек²¹². Это соответствует примерно 6 тыс. семей. Если верить данным Прокопия, получается, что каждая вторая из них могла выставить воина — федерата для службы императору (*exiknountiai de es trischilious*)²¹³.

Таманская строительная надпись о работах в Боспоре стратилата и дуки Херсона Евпатерия датируется 590 г. и совпадает с находкой на территории херсонесской «цитадели» печати Тиверия Маврикия, которая относится к заключительному этапу его правления (590–602)²¹⁴. Здесь, в юго-восточном, особенно хорошо укрепленном углу городища, находился военный гарнизон и, скорее всего, ставка дукса. От этого времени на территории «цитадели» дошли строительные остатки так называемого «дома командира» — по меньшей мере двухэтажного здания недалеко от 19 куртины оборонительных стен и располагавшаяся напротив, перестроенная в VI в. баня-валания с системой гипocausta, облицованными цемянкой ванными, горячим, теплым и холодным помещениями, способными принять одновременно 10–15 человек²¹⁵.

Наряду с кадровыми, регулярными полевыми войсками, вооруженные силы города могли дополнять ополченцы, по сути дела, городская милиция, немногим отличавшаяся от арифма прежних баллистариев. Аналогии такой практики достаточно хорошо известны, в том числе в самом Херсоне IV–V вв.²¹⁶, и в целом ряде других ранневизантийских центров. Имперские профессиональные войска в конце VI — начале VII вв. были сосредоточены главным образом на границах и их не хватало для оказания помощи в организации обороны византийских провинциальных городов, даже самых крупных, горожане которых поэтому были вынуждены сами вооружаться и защищать стены своих городов (*o gar demos... oplisthentes epi ta teiche apeesan*), как это наглядно видно на примере Фессалоники с ее «городским войском (*ton straton tes poleos*)»²¹⁷. Как можно понять со слов автора Чудес св. Димитрия, вспоминавшего о событиях семидневной осады Фессалоники славянами и аvaraми в 586 г. или 597 г., часть

²¹² Фирсов Л. В. О положении страны Дори... — С. 109.

²¹³ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Hauriy, G. Wirth. — Lipsiae, 1964. — Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. — III. 7. 14.

²¹⁴ Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов. — С. 147, № 7.

²¹⁵ См.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес — Херсон — Корсунь. — К., 2003. — С. 66, 69–71.

²¹⁶ См.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона... — С. 119–120.

²¹⁷ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995. — С. 98, § 107; с. 100, § 110; с. 104, § 119, 120.

горожан, очевидно, небольшая, была записана в «воинские отряды» (*en stratiotikois tetagmenon lochois*), но жила в городе, как и некоторые остальные, от случая к случаю выступая оттуда в походы (*ton allos pos ethisthenton makran pou tes poleos oplitikos*)²¹⁸. Некоторые города во Фракии в самом конце VI в. еще сохраняли дарованное ранее императорское право иметь свой собственный гарнизон во главе со «знатными стратиотами города» (*tes poleos episemoi stratiotai*), а значит, определять его численность и состав²¹⁹. Таким образом, херсониты тоже могли представлять иррегулярное или полурегулярное воинское формирование, наподобие *exercitus* Рима VII в., где, по данным Книги понтификов, рассказывающей о событиях 640-х гг., воинское содержание — ругу получала вся вооруженная часть населения, пригодная для того, чтобы выступать в составе ополчения, — люди «от мальчика до старика»²²⁰. Город, подобный Херсону, с населением не менее 6-7 тыс. человек²²¹ был способен выставить приблизительно тысячу ополченцев (1:6 обычное соотношение воинов от числа городского гражданского населения в средневековье). Вероятно, в свое время император Константин Великий в награду за военную помощь Империи не случайно выделил херсонеситам именно такое количество ежегодных вонских пайков — *chilias annonas*²²². Константин Багрянородный считал при этом важным уточнить, что «...вплоть доныне (до времени составления источника, которым пользовался император — С.С.) их сыновья зачисляются в [этот] отряд (*en to arithmo*) сообразно с состоянием стратии родителей (*ton goneon tes strateias*)»²²³. Вместе с 3 тыс. крымских экспондов Империи из числа местных «готоалан» эти вооруженные силы представляются вполне достаточными по меркам эпохи. Известно, что позже числен-

²¹⁸ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. — Paris, 1979. — Vol. 1: Le Texte. — P. 136. 19-20; Чудеса св. Димитрия Солунского. — С. 106. 97-99, § 124.

²¹⁹ Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1: Textum graecum continens. — P. 274.

²²⁰ De Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. par l'abbé L. Duchesne. — Paris, 1886. — Т. 1. — Р. 328; Бородин О.Р. Византийская Италия в VI-VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). — Барнаул, 1991. — С. 186-187; Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — С. 77-87.

²²¹ Подробнее об этом см.: Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 347-348.

²²² Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 254-255, гл. 53. 147-156.

²²³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 254-255, гл. 53. 156-158. Словом «арифм» византийцы обычно называли воинские отряды, состоявшие из иноземцев, что в данном случае едва ли подходит. Однако запись детей стратиотов в каталоги на место своих отцов действительно рассматривалась как привилегия, по крайней мере еще в конце VI — VII вв. (см.: Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. — М., 1995. — С. 260 (VI), комм. 123).

ность состава византийской воинской фемы составляла в среднем 2-4 тыс. человек²²⁴. В действительности она могла быть еще меньше. Скажем, во время военной экспедиции на Крит в 949 г. войско Фракийской фемы насчитывало 950 человек (600 армян – стратиотов и 150 офицеров и профессиональных солдат), а фемы Харпезикий и того меньше – 704 человека, из которых 428 были армяне – стратиоты, причем командный состав составлял 251 человека, не считая 25 человек, входивших в штаб стратига²²⁵. Даже такая большая военно-административная область как Пелопоннес, если исходить из подсчета, сделанного Н. Икономидесом, располагала примерно 1500 – 2000 стратиотов²²⁶. К тому же надо учесть, что херсонесские военные силы ни в ранневизантийское время, ни тем более позже не предназначались для осуществления крупномасштабных наступательных операций. Около 716 г. будущий Лев III Исавр, ведший рейдовую войну с арабами силами небольшого отряда, отступив в Писидию, организовал оборону осажденного города силами всего лишь 800 человек²²⁷.

Пределы размерам воинских контингентов, собираемых для военных действий, клала прежде всего проблема снабжения этих войск на марше, поскольку это снабжение зависело в значительной степени от реквизиций, которые удавалось сделать по пути²²⁸. Поэтому византийская тактика, унаследованная от Маврикия с его «Стратегикон», учитывала, что военные действия лучше вести небольшими, но дисциплинированными отрядами – фемами²²⁹. Кроме того, концентрация большого количества вооруженных людей в одном месте даже ради смотра или устройства военного лагеря сулила опасность по политическим соображениям и поэтому допускалась на очень короткий срок, после которого шло разделение собранных войск на более мелкие, легче управляемые и проще снабжаемые отряды²³⁰. Памятуя тактические наставления, дошедшие от VI–VII вв., Лев VI

²²⁴ Ср.: Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. – 1975. – Вып. 12. – С. 82; Oikonomides N. The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century // Symmeikta. – Athena, 1996. – Т. 10. – P. 105-125.

²²⁵ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 666-667; Treadgold W. The Army in the Works of Constantine Porphyrogenitus // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. – 1992. – Т. 29. – P. 128 f.

²²⁶ Oikonomides N. The Social Structure of the Byzantine Countryside... – P. 108-119.

²²⁷ Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1: Textum graecum continens. – P. 387-388.

²²⁸ Ibid. – P. 312, 500.

²²⁹ Leonis imperatoris Tactica sive de re militari liber (Ta en polemois taktika) // PG. – 1863. – Т. 107. – Col. 713 (constitutio IV, sec. 62), 816 (XIII, sec. 32).

²³⁰ Leonis imperatoris Tactica... – Col. 768 (const. IX, sec. 4).

Мудрый тоже советовал избегать скоплений войск в городах, мягко относиться к воинам — ополченцам и побыстрее переводить собранную армию на вражескую территорию, чтобы она снабжалась не за счет собственного, а за счет чужого продовольствия²³¹.

Едва ли Херсона и его периферии могло не коснуться все выше сказанное. Их историческая судьба не являла исключений из общих правил, коим следовало развитие вначале греко-римской, а затем византийской цивилизации. Вероятно, к концу правления Юстиниана, около середины VI в., во всяком случае, не позже времени правления Юстина II, Херсон получил статус византийского дуката, и в постюстиниановское время, как и прочие многочисленные центры Империи, окончательно потерял если не внешние, то внутренние, глубинные античные черты, бесповоротно став типичным пограничным провинциальным городом, проводником миссионерства в Таврике, «столицей» этого полуденного края с пока еще весьма гетерогенным населением, которое неравномерно, медленно, но неуклонно консолидировалось в военно-политическом и культурном отношении, эволюционируя в сторону «византийского содружества наций». С точки зрения сложного комплекса материально-технических, военно-организационных, правовых, религиозных факторов, норм и явлений это было типичное пограничье, по сути отделявшее «цивилизованный мир от нецивилизованных варваров»²³². Как показали последующие столетия, основы разностороннего ромейского влияния, заложенные здесь во второй половине VI — начале VII вв., невзирая на демографические сдвиги и перепитии византийско-хазарских отношений, оказались столь мощными, что их уже нельзя было поколебать.

²³¹ Ibid. — Col. 772–776 (const. IX, sec. 15, 23).

²³² Ср.: Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. — М., 2003. — С. 257.

ГЛАВА 3.

ДЕЛОВОЙ ГОРОД. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ХЕРСОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI-VII вв.

Облик запустевшего города, якобы вступившего с середины VI столетия в длительный период спада, в VII столетие оказавшегося в тяжелом критическом состоянии, оторванного от Византии и в дальнейшем потерявшего прежнее значение центра обмена с варварской периферией по причине хазарского завоевания Таврики¹, – такой облик Херсона все более решительно пересматривается в специальных работах исследователей последней трети XX в. Разумеется, перманентные локальные военные действия почти повсеместно действительно стали непрямым атрибутом новой эпохи. Но, как и большинство раннесредневековых военных конфликтов, они далеко не всегда имели глобальные, катастрофические следствия, и подчас современники могли совершенно не ощущать влияния подобной войны, даже если она шла где-либо в «соседних пределах». К примеру, захват части Боспора гуннами в начале V в. не оказал заметного отрицательного влияния на экономику царства, население которого продолжало традиционно заниматься земледелием, виноградарством, рыболовством, ремеслами, торговлей, в том числе с иными регионами Восточной

¹ Подобные представления, превратившиеся едва ли не в догму, сложились главным образом под влиянием выводов А. Л. Яковсона, которые этот исследователь насаждал с конца 50-х гг. XX в., чем дальше, тем меньше заботясь об их аргументации (см.: Яковсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.: Л., 1964. – С. 22-28; Яковсон А. Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 29-30; ср.: Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 63; Крым: дорога тысячелетий / Упорядн. В. А. Сидоренко. – Симферополь, 2001. – С. 158).

Римской империи². Война с болгарами во Фракии в конце IX – начале X в. тоже никак не отразилась на торговле, которая велась в соседней Македонии и Фессалонике, в том числе с теми же болгарскими торговцами: для них, как и для жителей Фессалоники, по словам Иоанна Камениата, «война исчезла отовсюду»³.

Похоже, внешние вторжения, военные рейды, в том числе кочевников, не вызывали такого опустошения и прекращения жизни всех городских центров, какое обычно воображали современники, из столетия в столетие писавшие о таких опустошениях. Если некритично, без учета психологического фактора следовать их мнению, Византию в любое время неизменно ждал скорый плачевный конец, который на деле почему-то все запаздывал. Между тем, только в конце VIII – первой половине IX вв. ромеи тратили на содержание армии и прочие военные нужды не менее 2/3 своего бюджета, и едва ли эта ситуация была существенно иной во время персидских и начала арабских войн или в X в. и позже⁴. Видимо, надо учитывать, что состояние средневековой экономики не всегда столь функционально подчинено неблагоприятным условиям военного времени⁵. История Романии опять-таки дает тому убедительные примеры⁶.

Упадок хозяйства, вызванный неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, войнами и разорением, конечно, отражался на функционировании экономической и торговой структуры страны, но не мог быть определяющим в изменении этой структуры, которая зависела от внутренних факторов развития. Да и было ли когда-нибудь спокойное, мирное время за сотни лет существования Империи? Войны, столкновения на собственной и чужой земле, вражеские и ответные рейды следовали друг за другом бесконечной чередой, то усиливаясь, то затихая, но, по сути, никогда не прекращаясь (рис. 58). Поэтому абсолютизировать негативное влияние стабильно действо-

² См.: Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. – С. 130–136; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 79; Сорочан С.Б. Экономические связи Херсонеса Таврического с Боспором в I в. до н.э. – V в. н.э. // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 225.

³ Ioannis Cameniatae De excidio Thessalonicae // Theophanes Continuatus. – Bonnae, 1838. – P. 499.

⁴ Nivais P.E. The Reign of the Byzantine Emperor Nicephoros I. – Athens, 1987. – P. 49, 111; Treadgold W.T. The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries. – New York, 1982. – P. 115, tabl. VII; p. 119, tabl. X; Treadgold W.T. The Army in the Works of Konstantine Porphyrogenitas // Rivista di Studi byzantini e neoellenici. N.S. – 1992. – Vol. 29. – P. 84–93.

⁵ Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XV вв. по данным эпистографии. – Свердловск, 1987. – С. 70–72.

⁶ Подр. об этом см.: Сорочан С.Б. О роли военного фактора в судьбе византийского города в «темные века» // Античность и средневековье Европы: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1996. – С. 186–198.

преемственности в экономике позднеантичного Херсонеса и ранне-средневекового Херсона. Прекращение функционирования большинства хозяйств античного типа на Гераклейском полуострове последовало во второй половине – конце V в. и могло быть отчасти связано с появлением здесь какого-то кочевого населения, скорее всего, одной из ветвей гуннов (Altziagiri Иордана?), пришедших в Крым после распада державы Атиллы в 453 г., однако это обстоятельство должно было привести не только к натурализации хозяйства, но и к более интенсивному развитию иных отраслей хозяйства, прежде всего промыслов⁹. Это был проверенный, давно, с первых веков н. э. усвоенный херсонитами путь, способный повысить занятость населения, обеспечить ему нормальный прожиточный уровень и стабилизировать экономику города.

Одним из ведущих, видимо, пока к X в. не изменился уровень моря и не началось похолодание его вод, оставался рыболовный и рыбозасолочный промыслы, вылов свежей рыбы, ее переработка и, в частности, изготовление столь популярных в рационе ромеев рыбных соусов (гарума, гарона). Разумеется, определенная часть характерных глинянных пирамидальных грузил для удилищ и сетей должна быть отнесена к эпохе средневековья. Прежде всего это относится к грузилам, которые были лишены штампованных изображений, какие было принято делать в античный период. О том же говорят аналогичные находки с «вдавленным изображением двойного креста»¹⁰.

Ныне можно считать неопровержимо доказанным, что некоторые из рыбозасолочных цистерн были построены в разных районах города в IV–VI вв. и позднее, продолжали функционировать в последней четверти – конце VII в.¹¹. Многие из них (19% – около двух десятков из известных 101) оказались засыпаны в конце VI – начале VII вв.¹²,

⁹ Подр. см.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 35-37, 44-45, 120-122.

¹⁰ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 153.

¹¹ Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н. э. – Харьков, 1970. – С. 12; Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. – 1973. – Вып. 9. – С. 45-52; Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. – 1977. – Вып. 14. – С. 18-26; Романчук А. И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 73; Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // Архив НЗХТ. – Д. № 2290. – Л. 7-8 (рыбозасолочный комплекс с 5 большими лифосами); Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1983 году // Архив НЗХТ. Д. № 2391. – Л. 3-5; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 111-119.

¹² Цистерны № 6, 30-33, 52, 55, 56, 68, 69, 70, 72, 73, 76, 92, 97, 98, 99, 100, 101 – см.: Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсонеса. – Екатеринбург, 2000. – С. 94-95, 97-101.

но в большинстве случаев это было вызвано необходимостью произвести обновление внутри отдельных кварталов города вследствие бурно ведшегося строительства и, следовательно, упадок рыбного промысла здесь не при чем. Неоднократные упоминания об острове св. Эферия (Евферия) во всех редакциях Житий свв. епископов Херсонских, составленных к концу VI в. кем-то из местных клириков, говорят о том, что район Черного моря, примыкающий к устью Днепра и особенно богатый рыбой, был хорошо известен херсонитам уже в это время, если не раньше, и они были в состоянии разрабатывать не только ближние, но и дальние морские ресурсы¹³. Особенно активно рыбаки продолжали ловить анчоус в районе Херсонесской, Стрелецкой, Балаклавской бухт во время декабрьской и апрельской путины и вели добычу более крупных пород рыб в отдаленных местах¹⁴.

Наиболее развитый с первых веков н.э. соляной промысел, обеспечиваемый десятком местных соляных озер в северо-западной части Гераклеяского полуострова, в районе Сакской пересыпи и Евпатории, существовал и в более позднее время¹⁵. Наличие рыбозасолки, несомненно, стимулировало его и он имел все возможности по-прежнему давать не менее 20 тыс. цн соли¹⁶. Эта отрасль, следовательно, не имела никаких оснований для депрессии. Соль была не очень дорогим продуктом (обычно не дороже 2-3 фоллов за кг)¹⁷, зато крайне необходимым всем и поэтому весьма выгодным, прибыльным для ее реализаторов. Соледобытчики же — херсониты имели все основания, чтобы быть в числе ведущих из них, причем не только в границах Таврики, но и в заморьях. Значение соли в экономике Херсона было стабильным в течение всего средневековья. Этот важный товар производился далеко не везде, и города, располагавшие салинами, находились в Империи на особом счету¹⁸. В самые тяжелые, неблагоприятные времена, а к таким, видимо, можно отнести лето 655 г., когда в Крыму оказался папа Мартин I, экспорт этого товара в сторону Босфора не прекращался, выручая херсонитов, особенно в сезон солезасготовки, в августе — сентябре, когда на заработанные

¹³ См.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI — X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3. — С. 30.

¹⁴ Ср.: Кадеев В. И. История и археология Причерноморья. — Харьков, 2000. — С. 69–70, 74–75. Примечательно, что во время весенней миграции анчоус сосредотачивался именно в северо-западной части Черного моря, а район Херсонеса проходил редкими косями.

¹⁵ Кадеев В. И. История и археология Причерноморья. — Указ. соч. — С. 55–59; Кутайсов В. А. Соляной промысел в Юго-Западном Крыму // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Суда, 2002. — С. 152–154.

¹⁶ Кадеев В. И. — Указ. соч. — С. 60–61.

¹⁷ Сорочан С. Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 401.

¹⁸ Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? // GENNADIOS. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. — М., 1999. — С. 24.

от продажи промысловой продукции средства городу надо было закупать зерно нового урожая¹⁹. При условии реализации половины от общего объема соледобычи можно было бы выручить около 7000 номисм и на них приобрести даже по очень высокой цене в 3 номисмы примерно 2300 модиев зерна (около 23 т., если исходит из величины большого, аннонного модия). Поскольку этого количества хлеба было бы крайне мало для пропитания населения города до следующего урожая, значит, у херсонитов должны были быть и другие источники существования.

Из зафиксированных к настоящему времени на территории города 101 рыбозасолочной цистерны не менее 36 относятся к периоду между VI и IX вв.²⁰. Около двух десятков цистерн (№ 6, 30–33, 52, 55, 56, 68–70, 72, 73, 76, 77, 92, 97–101) было засыпано к концу VI – началу VII вв., во время наиболее интенсивной застройки Херсона, но и после этого более десятка оставшихся продолжали использовать (№ 36–40, 63–65, 74, 75, 81, 84)²¹. Известно, что вес 1 м³ рыбы равен 7,5–8 цн, а засолка продукции рыболовного промысла производилась два раза в год, что зависело от сроков осенней и весенней путин²². При среднем объеме херсонесской рыбозасолочной цистерны до 25–30 м³ в одновременно действовавших цистернах можно было получить примерно от 11250 до 14400 цн соленой рыбы. Выходит, при населении города в 6–7 тыс. человек на одного жителя, включая детей, младенцев, приходилось в среднем около 157–230 кг этой продукции, вполне достаточной не только для собственного употребления, но и для продажи некоторого количества за пределы Херсона²³. Даже для того, чтобы заполнить одну «среднетиповую» цистерну 2–2,5 т соленой рыбы требовалась не менее одной лодки с двумя – тремя

¹⁹ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (ст., пер., коммент.) // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – Письмо XVII, с. 179, коммент. 7.

²⁰ Романчук А.И. Море как фактор развития экономики и культуры византийского Херсона // Византия и Крым. Международ. конф. 6–11 июня 1997 г., Севастополь. Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 71; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 89–101.

²¹ См.: Романчук А.И. Очерки... – С. 89–101.

²² Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. – С. 84. Оборачиваемость промысла могла быть еще больше, поскольку, по мнению Ю.Л. Марти, рыбозасолочная цистерна использовалась в течение года до восьми раз (Марти Ю.Ю. Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. – 1941. – № 4. – С. 94).

²³ Полученные цифры не намного отличаются от подсчетов А.И. Романчук, полагавшей, что в VI в. в городе одновременно действовало 10–11 цистерн, вмещавших приблизительно 9900 цн рыбы, а в VII в. их число достигало не менее 16 (см.: Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 16–18). По другой методике подсчета, исходящей из срока службы одной цистерны примерно в 50 лет, выходит, что каждый 50-летний цикл в VI–IX вв. в городе могло действовать по четыре цистерны, продукция которых составляла в среднем 1600–1920 цн. (Романчук А.И. Очерки... – С. 95).

рыбаками, которые должны были бы трудиться всю путину из дня в день, не покладая рук²⁴.

Всего же, пока к началу VII в. не спал пик активности промысла анчоуса вследствие необходимости засыпки некоторых рыбозасолочных комплексов, требовалось не меньше 30 рыболовецких судов и около ста рыбаков (1/20 часть взрослого мужского населения), что лишь примерно в два – три раза уступало тому количеству рыбаков, которые были задействованы в Херсонесе в римский период, когда была освоена засолка анчоуса, а соленая рыба и гарум производились в особенно больших количествах, в том числе с целью поставок римским войскам²⁵.

Керамическое производство. Раскопки показали, что в разных районах городища прослеживаются мощные нивелировочные насыпи, судя по стратиграфии, свидетельства частичных перепланировок и общественного строительства главным образом второй половины VI – начала VII вв. Отмечены они и в северо-восточном районе, причем специалисты, проводившие здесь разыскания, посчитали чрезвычайно важным отметить, что «археологическая насыщенность слоя достаточно бедна. В основном это небольшие фрагменты керамических сосудов – амфор и краснолаковой посуды – как правило, импортных»²⁶. По мнению М. И. Золотарева и С. В. Ушакова, проводивших здесь раскопки, «все это говорит о неразвитости местного ремесленного производства, что, в свою очередь, может свидетельствовать об относительной слабости экономики Херсонеса этого времени. Вероятно, экономического потенциала города хватало лишь на осуществление крупномасштабной программы строительства базилик. Не исключено, что эта программа носила общегосударственный характер»²⁷.

Наблюдение действительно важное, предупреждающее о возможном перегибе в «реабилитации» представлений об отсутствии упадка и чрезмерной натурализации хозяйства Херсона конца VI–VII вв. И все же город пользовался не только импортной керамической продукцией. В это время в него поступало не менее семи типов привозных амфор, но и не менее пяти производилось на месте (рис. 59)²⁸.

²⁴ При благоприятных условиях улов на одну лодку за все время путины достигал примерно 250 ц (см.: Кадеев В. И. История и археология Причерноморья. – С. 90). А. И. Романчук в четыре раза завысила результаты подсчета числа лодок, необходимых для заполнения цистерны № 33, раскопанной Е. Г. Суровым, поскольку не обратила внимания, что 8 ц составлял размер улова на одну лодку за сутки, а не за всю путину. В действительности для ее заполнения требовался улов не 30 лодок, а около 7–8 (ср.: Романчук А. И. Очерки... – С. 92).

²⁵ Ср.: Кадеев В. И. История и археология... – С. 90–92.

²⁶ Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989 – 1990 гг.) // Х. сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 36.

²⁷ Золотарев М. И., Ушаков С. В. Указ. соч. – С. 36.

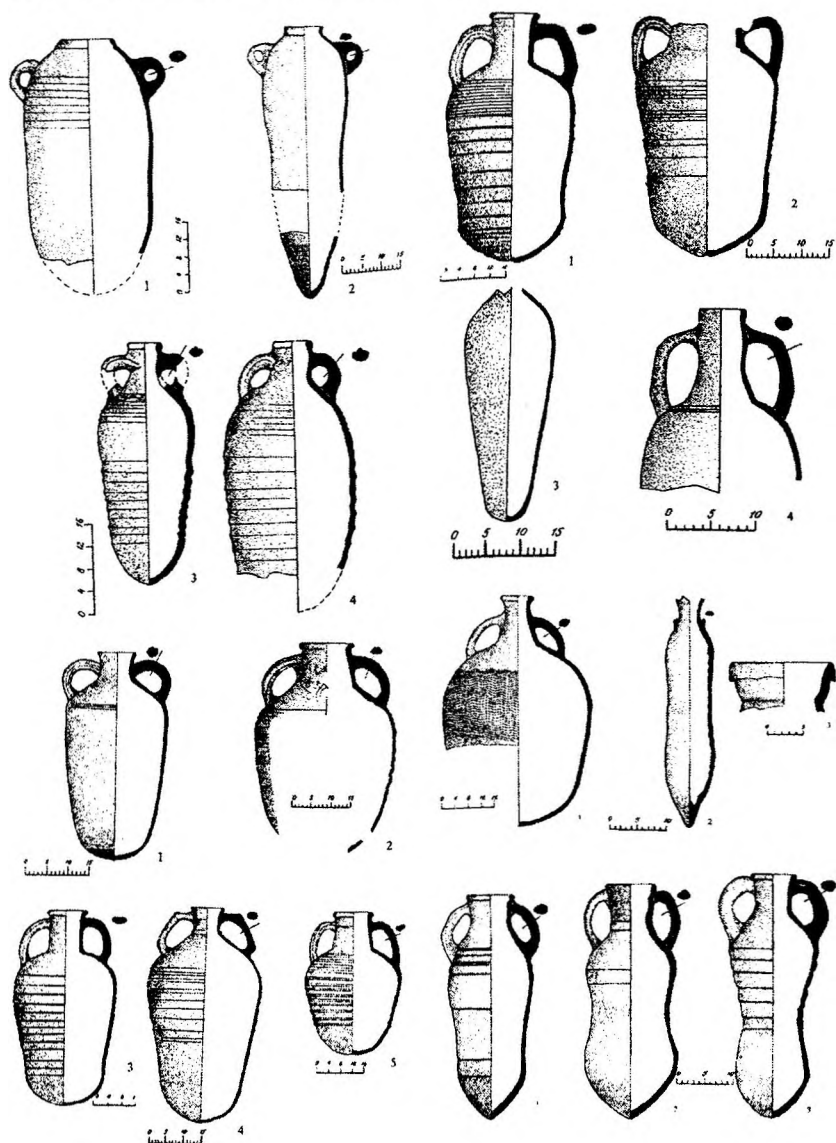

Рис. 59. Основные классы ранневизантийских амфор из Херсона (по А.И. Романчук)

То же самое можно сказать в отношении местной ранневизантийской черепицы с гладкой поверхностью или с продольными, полу-круглыми, зигзагообразными полосками, до IX в. сохранявшей бли-

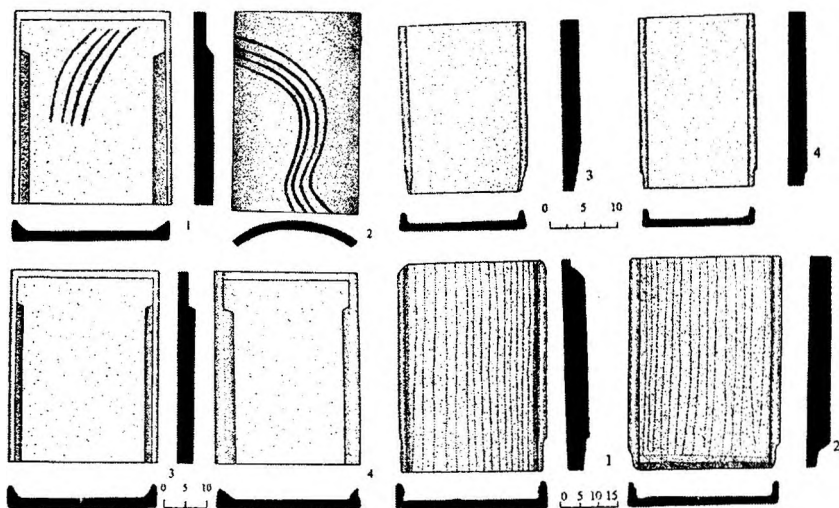

Рис. 60. Варианты херсонских керамид VI–VII вв. (по А.И. Романчук)

зость формы с римской (49–60х35–40 см), и о квадратной плинфе, в том числе с индиктными клеймами (рис. 60)²⁹. Такие плоские кирпичи со стороной чуть больше византийского фута находили в это время широкое применение в строительном деле, в частности при возведении некоторых общественных, культовых сооружений в технике *opus mixtum*, с слоями раствора равными или в два с лишним раза превосходящими толщину кирпича. Среди калиптеров местного производства, служивших для перекрытия стыков между керамидами, тоже преобладали крупные изделия длиной 57–58 см, шириной 38–39 см, высотой полукруга до 5–6 см, на которых сверху пальцем проведены полосы, зигзагообразные и полукруглые линии (рис. 61)³⁰.

Археологические комплексы конца VI – третьей четверти VII вв., зафиксированные на городище, демонстрируют при сокращении общего количества керамики преемственность основных типов, которые бытовали в начале этого периода (рис. 62)³¹.

Гончарные же печи ранневизантийского времени обнаружены около куртины 4 и в «цитадели», около 19 куртины, на месте помеще-

²⁹ Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 157–158, рис. 2; Романчук А.И. Очерки... – С. 120–121, рис. 40, 1, 3–4; 41.

³⁰ Романчук А.И. Очерки... – С. 121, рис. 40, 2; 42, 1–2.

³¹ Ср.: Sazanov A. Les amphores de l'antiquite tardive et du Moyen Age: Continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du VIe Congres de l' AIECM. Aix-en-Provence 13 – 18 novembre 1995. – Aix-en-Provence, 1997. – P. 100.

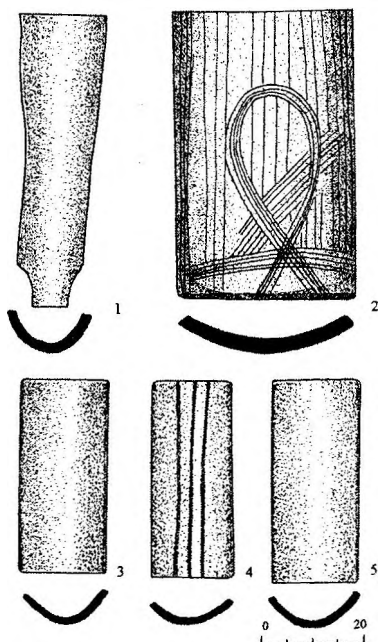

Рис. 61. Калитеры VI-VII вв. (верхний ряд) и IX-X вв. (нижний ряд) (по А.И. Романчук)

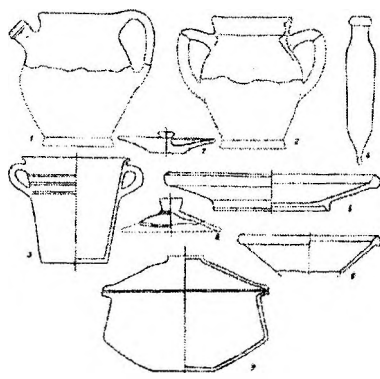

Рис. 62. Кухонные горшки, кастрюли, блюда, миски, крышки и флакон из засыпки цистерны конца VI в. в портовом районе Херсона (по А.Л. Якобсону)

ний бывшего римского контуберния, частью переделаного для иных, очевидно, хозяйственных нужд³².

Еще более показательны результаты изучения клейменных плинф конца VI – начала VII вв., которыми было выложено дно двух рыбозасолочных цистерн (№ 84 и № 86), располагавшихся на Северном берегу к востоку от IX поперечной улицы³³. Оно позволяет заключить, что большинство плинф было изготовлено в одно время и только некоторые – в предыдущем году, причем над ними работало не менее трех гончаров, один из которых делал кирпичи для обеих цистерн.

Следовательно, рыбозасолочный промысел стимулировал другие городские ремесла и, в частности, местное керамическое производство, продукцию которого отличали стандартизация и, значит, товарный характер³⁴.

Как видно, его неразвитость тоже не следует преувеличивать, рав-

³² Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. – С. 23; Гриневич К.Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. (Предварительный отчет) // Крым. – М.; Л., 1929. – № 1 (9). – С. 30.

³³ Кадеев В.И., Рижов С.Г. Новая рыбозасолочная цистерна у Херсонеси // Археология. – 1973. – Вып. 12. – С. 76-80; Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика... – С. 157-158.

³⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1969. – № 69. – С. 301-304; Романчук А.И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 249; Романчук А.И. Слои VII-VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – 1975. – Вып. 11. – С. 12; Романчук А.И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985. – С. 129, 132-133.

но как и упадочность херсонесской экономики конца позднеантичной поры. Едва ли будет верно сказать, что она «находилась на подъеме»³⁵, но и назвать ее слабой столь же не точно³⁶.

Косвенно на зажиточность горожан указывают ранневизантийские эпиграфические памятники с упоминаниями ктиторов, на жертвования которых сооружались и украшались храмы, возводившиеся местными ремесленниками — икономами, следовательно, отнюдь не только за счет государственных средств³⁷. Сам размах не только общественного, но, как теперь становится ясно, и жилого строительства во второй половине VI — первой половине VII вв. по всем районам города тоже говорит о том, что экономика Херсона была в состоянии выдержать напряжение этого «архитектурного бума».

Кузнечное, литейное и ювелирное дело. Металлообработка, металлургическое оборудование позднеантичного города ничем не отличались от существовавших в раннесредневековый период³⁸. Результаты спектрального и металлографического анализа состава раннесредневековых медных монет, бронзовых пряжек типа «Сиракузы» тоже не отличаются от позднеантичных херсонесских сплавов³⁹. Как показывают резуль-

Рис. 63. Матрицы, литейные формы и бракованные пряжки VII–VIII вв. из Херсона: 1–4 — матрицы VII в. для производства деталей поясных наборов; 5 — пряжки типа «Сиракузы»; 6 — литейная форма для отливки пряжек; 7 — бракованная пряжка; 8, 9 — бракованные пряжки типа «Коринф» варианта второй половины VIII в. (по А.И. Айбабину)

³⁵ Ср.: Могаричев Ю. М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. — Симферополь, 2000. — С. 94.

³⁶ Это наблюдение совпадает с точкой зрения А.И. Романчук, тоже находящей возражения по поводу предположения М.И. Золотарева и С.В. Ушакова (Романчук А.И. К истории Херсона VII в. // АДСВ. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 31. — С. 92–97).

³⁷ См.: Беляев С.А. Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // ПС. — 1987. — Вып. 29 (92). — С. 76 — 84.

³⁸ Ср.: Кадеев В.И. Очерки истории экономики... — С. 30–31, 47–53; Айбабин А.И. О производстве появных наборов в раннесредневековом Херсонесе // СА. — 1982. — № 3. — С. 196.

³⁹ Кадеев В.И. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. — 1963. — Вып. 3. — С. 36–37;

Рис. 64. Бронзовые литые детали ранневизантийских поясов (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича)

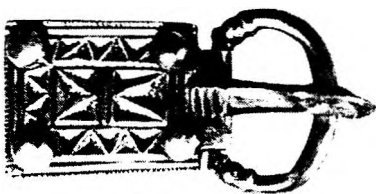

Рис. 65. Позолоченная серебряная литая пряжка конца VI в. (склеп №14, западный некрополь, 1914 г.)

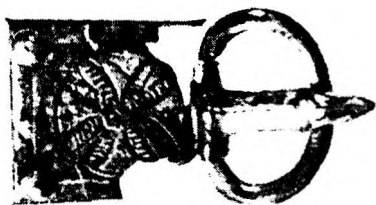

Рис. 66. Позолоченная серебряная литая пряжка с гравированным орнаментом в виде крестовидной розетки в круге и концом языка в виде головы змеи (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича)

таты раскопок в портовом районе, в ранневизантийское время здесь не прекращалась хозяйственная жизнь, действовали производственные комплексы, в том числе литейные и металлургические⁴⁰. Следы деятельности бронзолитейного эргастерия, тигли, шлаки, форму для отливки обнаруживают раскопки 1910–1912 гг. в двух помещениях (XI и 26) в III квартале северо-восточного района Херсона (рис. 63)⁴¹. Судя по находкам шлака, бронзовых слитков, бракованных пряжек на дне моря под обрывом мыса, поблизости, в районе Восточной площади и кварталов С и CI, могла функционировать еще одна раннесредневековая мастерская⁴².

В VI–VII вв. в городе были ремесленники, изготавливавшие по византийским образцам в технике литья или штамповки медные, бронзовые и из низкопробного серебра, иногда позолоченные, крупные ременные пряжки с крестами греческого типа, рельефными параллельными линиями на шитке, типа «Сиракузы» и несколько более поздние, с прямоугольной рамкой, с овальным кольцом и трапецевидным шитком, а также браслеты, литые фигурные дверные ручки, детали поясных наборов и сами пояса, о чем свидетельствуют находки соответствующих литых форм, бракованных пряжек, матриц для изготовления литых так называемых геральдических блях и изящных поясных наконечников с рельефным орнаментом или с изображением двух

Кадеев В. И., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. – 1963. – № 1. – С. 43–48; Айбабин А. И. О производстве поясных наборов... – С. 190, рис. 1,5; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 168, рис. 73,5. Херсониты несомненно продолжали пользоваться привозным сырьем, ибо не имели других источников цветных металлов. Анализы позволяют полагать, что местный свинец получали из геленита, который добывали в месторождениях Троады и района Синопы.

Рис. 67. Бронзовая литая ручка в виде львиной головы (диаметр – 7,8 см) (из раскопок 1907 г. около 18 куртины)

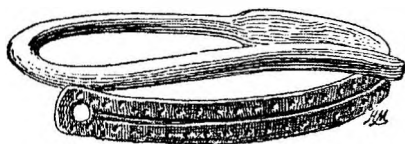

Рис. 68. Бронзовый браслет VI–VII вв. из склепа № 2815, 1908 г. (по Н.И. Репникову)

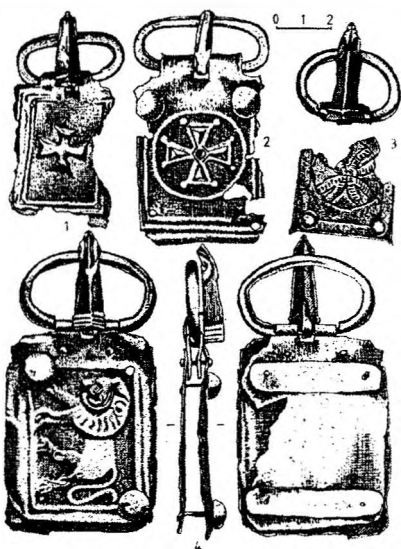

Рис. 69. Бронзовые поясные пряжки херсонского производства второй половины VI–VII вв. (по А.И. Айбабину)

птиц по сторонам вазы (рис. 64–69)⁴³. Не исключено, что такие матрицы могли попасть в Херсон с заезжими ювелирами. Большая часть этой продукции херсонских ремесленников была рассчитана на сбыт в сельской периферии, федератам области Дори и находит многочисленные аналогии в погребениях Юго-Западной Таврики второй половины VI–VIII вв. Следовательно, город в глазах окрестного сельского населения выглядел центром кузнечного, литейного и ювелирного дела.

а медь добывали из халькозина (медного блеска) – одной из наиболее богатых разновидностей медных руд, очевидно, месторождений между Синопой и Амастридой (Амастрой), откуда она в слитках через северомалоазийские портовые центры попадала в город (см.: Кадеев В.И. Очерки истории экономики... – С. 39-43).

⁴⁰ Дьячков С.В. Раскопки XIV продольной улицы Херсонеса Таврического // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы междунаро. конф. – Симферополь, 1994. – С. 17-18.

⁴¹ Айбабин А.И. О производстве поясных наборов... – С. 196; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 52.

⁴² См.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 168.

⁴³ Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 16; Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. –

Рис. 70. Серебряное кадило VI–VII вв. с изображением Христа и апостолов Петра и Павла (по В.Н. Залеской)

Рис. 71. Бронзовое литое кадило (libanotos) VI–VII вв. (склеп №8, западный некрополь, 1914 г.)

Его мастера изготавливали церковную утварь, предметы христианского культа. К их числу относится серебряное кадило VI–VII в. с погрудным изображением Христа и апостолов Петра и Павла, которое несет в своем стиле исполнения влияние принципов малоазийской торевтики, но не имеет пробирных клейм, свойственных продукции константинопольских эргастриев аргирокопов (рис. 70)⁴⁴. Его обнаружили при рас-

1977. — № 1. — С. 225–239; Айбабин А.И. О производстве поясных наборов... — С. 190–198, рис. 1, 1-5, 8; 2-4; 5, 1; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес — С. 270–271, рис. 136, 1; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. — 1990. — Вып. 1. — С. 29–31, 42, 71, рис. 24, 1-7; 28, 1-3; 37, 5-9, 11-12; 51, 22, 39; 52, 33; Aibabin A. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules a Chersonese, au Bosphore Cimmerien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe siècles // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Antiquités nationales. Saint-Germain-en-Laye, 1993. — Memoire 2. — P. 167–168, fig. 8; Айбабин А.И. Этническая история... — С. 130, рис. 53, 1-3; с. 168, рис. 73; Хайрединова Э.А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // X. сб. — 1999. — Вып. 10. — С. 334–348; ср.: Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV — первой половине VII вв. // Древности Северного Причерноморья и Крыма. — 1996. — Т. 6. — С. 126; Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V — первой половине VI вв. // МАИЭТ. — 2002. — Вып. 9. — С. 56–57, 85, рис. 1, 9–10.

⁴⁴ Кадило было выполнено в виде кубка 9 см высоты, 6 см диаметром сверху и 4,5 см диаметром подставки снизу. Оно имело три ушка для подвешивания на цепи, а внутри уцелели остатки ладана в виде бурой массы (Отчет за 1904 год //

копках городища поблизости от «храма с ковчегом», но, очевидно, оно было сделано искусным местным сереброделом, выполнившим заказ для отстроенного в конце VI – начале VII вв. в восточной части города большого кафедрального храма свв. Апостолов Петра и Павла. К кругу такой же продукции относится медный крест с расширяющимся перекрестием и несколько удлиненным нижним концом, в середине которого представлена Богоматерь с младенцем, а сверху и внизу – Вознесение и Преображение с соответствующими надписями на греческом⁴⁵. Предметы культа – бронзовые литые кадила VI–VII вв.

Рис. 72. Литейные формы из сланца. Из раскопок 1903 г. (а) и 1898 г. (б-в)

и подвески к ним изредка встречаются во время раскопок загородного некрополя (рис. 71)⁴⁶. Примечательна находка в 1966 г. в одном из портовых кварталов двухсторонней формы, выполненной из бронзы, для отливки небольших нательных крестиков (15,5 x 17,5; 28 x 28 мм), которые обнаруживают аналогии на изображениях, оттиснутых на двухплатинчатых бронзовых пряжках VII в. с прямоугольным щитком⁴⁷. Явно на массовый сбыт были рассчитаны крестики «византийского» типа с расширяющимися концами, какие-то прямоугольные пластиночки с насечками, подвески в виде раковины и круглые амулеты – медальоны с погрудным изображением фигуры безбородого, длинноволосого мужчины с крестами в обоих воздетых руках и с круговой надписью по краю «Господи, помоги носящему. Аминь» (kyrie, [b]oethei ton phoro[u]n [ta a]men) (рис. 72 б, в)⁴⁸. Они были вы-

Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 10; Искусство Византии в собраниях СССР. – М., 1977. – Т. 1. – С. 111, №152 (издатели посчитали предмет лампадой); Залесская В.Н. Прикладное искусство Византии IV–XII вв.: Опыт атрибуции. – СПб., 1997. – С. 18, рис. 21).

⁴⁵ Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 23.

⁴⁶ Скубатов М.И. Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. – Симферополь, 1910. – №44. – С. 42–44; Византийский Херсон. Каталог выставки. – М., 1991. – С. 33.

⁴⁷ Яшаева Т.Ю. Форма для отливки наперсных крестов из раскопок Херсонеса // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 50–51.

⁴⁸ Отчет за 1898 год // Архив НЗХТ. – Д. № 7. – Л. 7–8; Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева // МАР. – СПб., 1899. – С. 27–30, № 41; с. 41;.

резаны в плитке литейной формы из серого сланца (длина – 7,5 см, наибольшая ширина – 6 см, толщина – 1,3 см), которую обнаружили во время раскопок в 1898 г. около башни Зинона и куртины 20. По характеру тщательно и красиво выполненной надписи и правильности орфографии В.В. Латышев отнес форму к «ранним византийским временам», не позднее VII в.⁴⁹ По его мнению, отливавшийся в ней бронзовый или медный круглый образок – подвеска являлся филактерием, индивидуальным оберегом, который должен был охранять носящего, однако с не меньшим основанием в нем можно видеть евлогий, исполнявший, кроме прочих, функции амулета. Все это вполне объяснимо, учитывая, что христианский Херсон должен был создать соответствующую структуру производства, рассчитанную на удовлетворение запросов не только горожан, но и паломников, прибывавших поклониться к местным святыням⁵⁰. Кроме того, следует учесть, что пределы допустимого в использовании защитных свойств подобных крестиков, амулетов-евлогиев легко переходились, сближаясь с популярными в народе формами бытовой магии, что не мешало помещать их в арсенал филактериев как разрешенное защитное средство⁵¹.

Видимо, таких орудий ремесла было гораздо больше, чем можно думать на основании их находок. Ведь их ценили и берегли больше всего, и уж, конечно, не думали выбрасывать. В этой связи стоит вспомнить риторически утрированные, несколько преувеличенные, но в целом верные слова Ианна Хризостома, передающие трепетное отношение ромеев – ремесленников к своим инструментам и специальному оборудованию: «Многие часто решались скорее войти в долги, чтобы прокормить дом и детей, нежели продать даже малейшее орудие ремесла, так как, потеряв их, они уже не будут в состоянии найти где-нибудь облегчение своей нищеты и голода»⁵².

Косторезное ремесло. В городе трудились искусные косторезы, унаследовавшие богатый опыт прежних херсонесских мастеров⁵³. В VII в. из их рук выходили такие изящные изделия как орнаментированный крест 12 x 12 см с надписью, означавшей, что он был посвящен св. Леонтию, чей храм существовал в городе, или пиксида – реликварий с крышкой в виде креста тоже с надписью «св. Леон-

⁴⁹ А.Л. Якобсон отнес матрицу ко времени «не позднее X в.», таким образом, необоснованно расширив диапазон ее функционирования (Якобсон А.Л. Ранне-средневековый Херсонес. – С. 328, рис. 180, 1–2).

⁵⁰ Яшаева Т.Ю. Средневековый Херсонес как центр малого паломничества // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 157.

⁵¹ Барабанов Н.Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 220–222.

⁵² Иоанн Златоуст. Полное собрание творений: В 12 т. – М., 1991. – Т. I. – С. 811.

⁵³ См.: Кадев В.И. Истрия и археология Причерноморья. – С. 122–129.

⁵⁴ Залеская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (Новые поступления византийского отделения Эрмитажа) //

тий»⁵⁴. Но основную массу поделок составляли гораздо более утилитарные предметы из кости, происходящие из слоев VI–VII вв. в кварталах I и III, такие как гребень очень хорошей сохранности, малая костяная проколка с ушком, круглая игральная шашка, на внешней стороне которой очень искусно вырезаны изображения четырех птичек со сложенными крыльями и длинным клювом, причем врезные линии заполнены красной краской (рис. 73)⁵⁵.

Особенно много костяных предметов оказалось в засыпи второй половины – конца VI в. в подвале для пифосов с соленой рыбой на северном берегу, в квартале XV–XVIII, на месте бывшего дома винодела IV в. Здесь были обнаружены круглая проколка, украшенная нарезками, ручка из бараньей кости с гравированным орнаментом, прямоугольная пластина с двумя дырочками, по-видимому, створка диптиха; круглая палочка с гравированным орнаментом, с отверстием на конце для прикрепления к ней колокольчика или побрякушки⁵⁶.

Совершенно очевидно, что техника обработки и инструментарий местных мастеров практически не менялись от столетия к столетию, указывая на глубокую преемственность и живость традиций этого ремесла⁵⁷.

Стеклоделие. В это время в Херсоне не угасли и традиции собственного производства изделий из стекла. Как и в других провинциальных византийских центрах, оно опростилось, его ассортимент сократился и ограничивался в основном разнотипными рюмкообразными сосудами для питья и для литургических целей, лампадами – светильниками и колбовидными сосудами – бутылками столь же

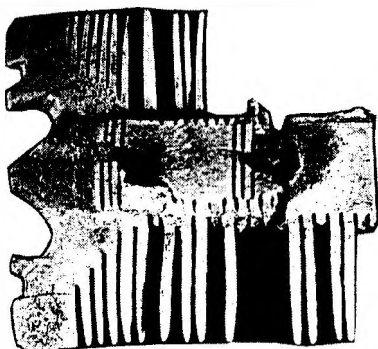

Рис. 73. Костяной гребень из раскопок земляного пола с материалом VI–VII вв. в квартале I в 1977 г. (по М.И. Золотареву)

ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 204-206, №1, рис. 1-2; Степанова Е.В. О конференции-памяти А.В. Банк // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 258.

⁵⁵ Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1933. – Л. 5, рис. 23; Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2761. – Л. 13.

⁵⁶ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 623/1. – Л. 29.

⁵⁷ Ср.: Романчук А.И. Изделия из рога и кости в средневековом Херсонесе // Античный и средневековый город (АДСВ. – Вып. 18). – Свердловск, 1981. – С. 84-105; Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. – 1997. – Вып. 28. – С. 49-66.

однородного и не очень высокого качества, но зато их остатки зафиксированы в целом ряде комплексов, а применительно к району XXV и XXVIII кварталов на северном берегу городища можно говорить как о месте, где размещался своеобразный квартал стекольщиков (о *ualeas*), имевших здесь свои эргастии⁵⁸. На это указывают находки стекольных печей, которые судя по большому количеству отходов (глыбам стекла, шлаку, массе стеклянного боя), действовали в течение продолжительного времени⁵⁹.

Прекращение их функционирования к концу VI – началу VII в. было связано с развернувшимся здесь строительством, в частности, с возведением очередного кафолика – большой базилики 1932 г., но это не значит, что в городе после этого перевелись стекольщики. Спрос на стеклянную посуду и особенно на оконное стекло оставался большим, учитывая интенсивное жилое и храмовое строительство, развернувшееся в это время⁶⁰. Мало того, можно подозревать, что изменения, затронувшие осветительное дело, а точнее, производство приборов освещения, отразились и в их сфере и обеспечили интенсивную работу.

Весьма примечательно, что с VI-VII вв. письменные и археологические свидетельства о привычных, изготовленных в форме глиняных масляных светильниках римского типа становятся все реже. Все известные нам каталоги и публикации светильников не случайно ограничиваются названными выше хронологическими рамками.

Очень редкими и, как правило, невыразительными становятся прежде столь многочисленные светильники в закрытых комплексах, относящихся к этому времени⁶¹. Не позже середины, а скорее, начала VII в. можно говорить о незначительном импорте в Херсон формованных светильников из Фракии или Константинополя и Малой Азии с фигурными ручками в виде человеческой головы, треугольного «листа», с четырехконечным прислоненным к ручке крестом, а также глиняных ламп так называемого «африканского типа» со штампованными изображениями в медальонах, составленных из пальметок и геометрических фигур (рис. 74)⁶². Судя по находке в раннесредневе-

⁵⁸ Голофаст Л. А. К вопросу о стекольной промышленности в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. – 1997. – Вып. 6. – С. 312-326; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. – М., 1998. – С. 9-20.

⁵⁹ См.: Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1263. – Л. 12; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1842. – Л. 3.

⁶⁰ Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 166.

⁶¹ Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – с. 246-250; Романчук А. И. Слои VII-VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – 1975. – Вып. 11. – с. 3-14; Голофаст Л. А. Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – с. 217, рис. 3.4.

ковых слоях формы для оттиска подобных «фракийских» светильников, в местных гончарных эргастриях пытались делать подражания импортным лампам, хотя и менее качественные, чем привозные образцы⁶³. Грушевидные глиняные светильники с широким каналом от щитка к удлиненному рожку по сути дела остаются последним оформившимся типом, завершившим к середине VII в. финальный этап длительной эволюции осветительных приборов этого вида.

Зато тогда же значительно возрастает количество стеклянных лампад и рюмкообразных сосудов, которые, судя по крошечным кольцевидным ручкам на бортике, служили не только для питья⁶⁴. Бронзовые люстры

– лампадофоры или поликандилы V–VII вв. с подвесными ажурными дисками с отверстиями по краю или с многочисленными рожками, оканчивающимися горизонтальными кольцами, явно предназначались для установки лампад, а не светильников римского типа, не годившихся для этого в силу своих конструктивных особенностей⁶⁵. Например, в Херсонесе самая ранняя «люстра» – держатель для лампад и сами лампады датируются исследователями рубежом IV–V вв.⁶⁶. Исчезает прежде столь важная в культовом и похоронном обряде роль глиняных ламп⁶⁷. Точнее, их и здесь заменяют иными

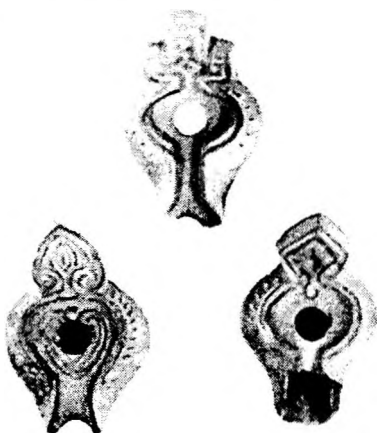

Рис. 74. Керамические светильник так называемого «фракийского типа» из Херсона. VI – начало VII вв.

⁶² Залесская В. Импортные глиняные светильники IV–VII вв. в Северном Причерноморье // Византия и Крым. Тезисы междунаро. конф., г. Севастополь, 6–11 июня 1997. – Симферополь, 1997. – С. 39; Chrzanowski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State historical museum – Moscow. – Roma, 1998. – P. 171–174, № 108–110; Сорочан С.Б. [Рец.] // ВДИ. – 1999. – № 3. – С. 215–220 (L. Chrzanowski, D. Zhuravlev. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. – Roma: «L'ERMA» di BRETSCHNEIDER, 1998. – 296 p., ill.).

⁶³ Сорочан С.Б., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II–VI вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. – 1983. – № 238. – С. 99.

⁶⁴ Isings C. Roman Glass from Dated Finds. – Groningen; Djakarta, 1957. – P. 139.

⁶⁵ Лазарев В.Н., Банк А.В. Искусство Византии в собраниях Советского Союза. Краткий путеводитель. – Л., 1975. – С. 15; Bailey D. Byzantine Lamps // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – P. 18, 106–107, №116.

⁶⁶ Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Ежегодник музея религии и атеизма. – Л., 1978. – С. 132.

⁶⁷ Ср.: Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства... – С. 153; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 1984. – С. 147–156.

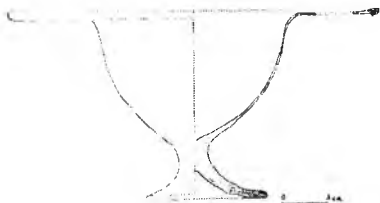

Рис. 75. Стекланный лампадор из слоя с материалом третьей четверти VI в.

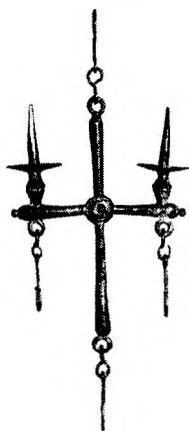

Рис. 76. Бронзовый крестовидный подвесной держатель для лампад и свечей второй половины VI – первой половины VII вв. Сирия. Дл. – 0,45 см, ш. – 19,5 см.

осветительными приборами. Так, по словам Павла Силенциария (563 г.), великолепие интерьера Св. Софии составляли стеклянные лампы, в том числе резные⁶⁸, а Феофилакт Симокатта, описывая запомнившиеся константинопольцам похороны императора Тиверия II в 582 г., вспоминал, как всю ночь, до самого рассвета, длилось печальное пение псалмов «при зажженных лампадах», что создавало тяжелое впечатление⁶⁹.

Уже с IV в. в широкое обращение во всех греко-римских провинциях входят стеклянные кубки с коническим или цилиндрическим туловом, иногда украшенные каплями синего стекла, которые бытовали до VI в.⁷⁰. Об их использовании в качестве осветительных приборов свидетельствуют находки такого рода лампад со следами масла на стенах и изображения подобных подвешенных сосудов на надгробии из Рима или на мозаике синагоги из Hammat Tiberias, где они показаны укрепленными на концах семисвечника – меноры⁷¹. С самого начала такие изделия не уступали в популярности глиняным светильникам. В них наливали воду, а поверх нее – слой масла, в который опускали фитиль. Примечательно, что в Херсонесе ввоз стеклянных лампад начал прослеживаться во второй половине – конце IV в. и поначалу шел параллельно импорту светильников⁷².

⁶⁸ Шапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. – М., 1998. – С. 231.

⁶⁹ Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1887. – I. 2. 4.

⁷⁰ Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. – 1971. – № 4. – С. 85-101.

⁷¹ Harden D.B. Roman Glass from Karanis found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924-1929. – Ann Arbor University of Michigan Press, 1936. – P. 156.

⁷² Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных государств Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. – Харьков, 1989. – С. 72. Одна из наиболее ранних находок, зафиксированная как «ножка стеклянной рюмки», сделана в 1910 г. в вырубной подбойной могиле с материалами не позже IV в. (Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х. сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 217-218, мог. №48 (V).

С конца V в. и до VIII в. среди осветительных приборов стал доминировать тип лампы с полусферическим или цилиндрическим широким туловом с выпуклым краем и узкой ножкой, которая вставлялась в лампадор⁷³. Остатки такого лампадора из синего (кобальтового) стекла были найдены в Херсонесе в слое третьей четверти V–VI вв. на месте античного тетра, между храмом 1958 г. и «храмом с ковчегом» (рис. 75). В целом виде прибор имел диаметр 24,5 см и высоту 12,5 см. На его горизонтально отогнутом бортике шириной около 7 см было шесть отверстий диаметром 2,5 см для установки лампад, а между ними на одинаковом расстоянии друг от друга были размещены три овальных отверстия для подвешивания⁷⁴.

Л.А. Голофаст, собравшая всевозможные материалы о находках ранневизантийских стеклянных лампад в Херсонесе, выделяет среди них несколько типов и подтипов, как местного производства, так и привозных, аналогии которым обнаруживаются в других районах византийского мира в Причерноморье и Средиземноморье V–VII вв.⁷⁵. Среди них – конические лампы с выпуклым сферическим дном; лампы с выпуклым коническим дном, украшенные стеклянной каплей либо наlepным «бутоном», как правило, из ярко-синего стекла; лампы с тремя петлевидными круглыми или овальными в сечении небольшими ручками, за которые они подвешивались к бронзовому кронштейну или крестовидному держателю с крючками на концах ветвей (рис. 76)⁷⁶. Скорее всего, именно такие осветительные приспособления имел в виду сирийский хронист Йешу Стилит, когда писал, что Анастасий, новый игемон – градоначальник Эдессы, прибывший в конце 496/497 г., в числе прочих мер по благоустройству этого византийского города приказал ремесленникам накануне каждого воскресенья подвешивать над лавками кресты с пятью зажженными «светилами» (phanoi)⁷⁷. В этом случае три из них могли быть стеклянными масляными светильниками – лампадами, а два – восковыми свечами, укрепленными на штырях по концам горизонтальной ветви креста.

⁷³ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. – Vol. 2: The Pottery. – Princeton, 1992. – P. 400, fig. 150, 37, 38; Foy D. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Méditerranéenne (premier essai de typologie – chronologie) // Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. – Val d'Oise, 1995. – P. 213, fig. 160, 133; Sternini M. Il vetro in Italia tra Ve–IXe secoli // Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. – Val d'Oise, 1995. – P. 260.

⁷⁴ Отчет о раскопках на участке античного театра в 1973–1974 годах // Архив НЗХТ. – Д. № 1682 / 1. – Л. 9, табл. VIII; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 141, рис. 8.

⁷⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса: Дисс.... канд. ист. наук (рукопись) / Институт археологии РАН. – М., 1998. – С. 136–142.

⁷⁶ Byzantium. – P. 108–109, № 117–118; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 94–106.

⁷⁷ Joshua the Stylite. The Chronicle Composed in Syria A.D. 507 / Ed. by W. Wright. – Cambridge, 1882. – Ch. 29.

Рис. 77. Стеклянная «рюмка» из эски-керменского склепа № 65, VII в. (по А.И. Айбабину)

Опять-таки с конца IV в. в обиходе появилась часть так называемых «рюмок» (сосудов на ножке). Они были в некоторой степени универсальны, одинаково удобны и для питья, и для причастия, поэтому их можно было использовать и в быту, и в культовых целях, в качестве потира. Отдельные экземпляры, несомненно, служили в качестве лампад, на что указывают небольшие петлевидные обломки таких сосудов во время раскопок общественных зданий, базилик, где они не могли бы быть использованы в качестве столовой посуды⁷⁸. Уже К.К. Косцюшко-Валюжинич отметил, что рюмковидные сосудики встречались во множестве при раскопках херсонесских христианских храмов и со свойственной ему прозорливостью

предположил, что они «служили лампочками, которые зажигались богомольцами в храмах и заменяли наши свечи»⁷⁹. Во второй половине VI–VII вв. «рюмки» являлись преобладающей формой стеклянных сосудов и доминирующим типом практически во всех византийских центрах⁸⁰. В Херсоне они представляют самую значительную группу находок (25–83 % от общего количества содержащихся в комплексах фрагментов стеклянных изделий)⁸¹. В VII в. изготовление подобных сосудов вышло за пределы города, они распространились в Юго-Западной Таврике, что говорит не только об экономическом развитии края, но и о первых заметных успехах в его христианизации (рис. 77)⁸². Таким образом, «рюмки», как в свое время светильники, становятся культурным маркером ромейской цивилизации.

⁷⁸ Isings C. Roman Glass from Dated Finds. – P. 139-140; Hayes J.W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. – Toronto, 1975. – P. 86; Foy D. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Méditerranéenne... – P. 205.

⁷⁹ Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсоне в 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 57.

⁸⁰ Philippe J. Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie (Ve–XVe siècle). – Bologna, 1970. – P. 72; Голофаст Л.А. Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 98 сл.; Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделении в ранневизантийском Херсоне. – С. 314.

⁸¹ Голофаст Л.В. Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 153–161.

⁸² Айбабин А.И. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. – 1976. – Т. 41. – С. 27–30, рис. 2.

Есть основания полагать, что только с IX в. Церковь стала преследовать обычай использования ритуальной утвари из стекла⁸³, и это должно было отразиться на сокращении ее количества, в том числе и светильников из стекла, как предметов имеющих духовно-символическое значение. Тем не менее, подобные изделия продолжали играть роль осветительных приборов и позже, как можно понять со слов Константинопольского патриарха Фотия (858-867, 877-886), упоминавшего в одном из своих писем о вечернем времени, «... когда уже лампы зажигают»⁸⁴. Под названием *yalion* (*yelion*) их серийно выпускали в IX-X вв. и продавали на вывоз стеклоделательные эргастии Фасианы в Армении, о чем рассказывалось в Чудесах св. Евгения Трапезундского⁸⁵. На бытование лампад нескольких типов в Херсоне вплоть до XIII в. указывают их фрагменты, а также находки медных подставок и держателей для лампад, в частности, бронзовых дисковидных поликандил диаметром 0,15–0,23–0,27–0,31 м с четырьмя, пятью или восемью отверстиями шириной 2 или 4 см для установки ножек лампад и с тремя–четырьмя ушками для подвешивания такого осветительного оборудования на цепях с крючками (рис. 78)⁸⁶.

Свечи и свечное производство. Составленный к концу IX в. законодательный свод империи – Василики и «Книга церемоний византийского двора» упоминают канделябры (*kandelabron*, *kandelabra*, *kandelaptes*), но нельзя поручиться, что, как и античные подставки, они служили лишь для ламп⁸⁷. Некоторые из найденных при раскопках Херсонеса бронзовых подвесных подсвечников «византийского времени» руководивший работами К. К. Косцюшко-Валюжинич считал возможным рассматривать как держатели светильников со сквозным отверстием в центре тулова, на что, по его мнению, указывали заостренные штыри на канделябрах⁸⁸. Однако светильники

⁸³ Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. – С. 53.

⁸⁴ Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. – М., 1974. – С. 12.

⁸⁵ Rosenquist J. O. Lamps for St. Eugenios: A Note on Byzantine Glass // *Eranos*. – 1994. – Т. 92. – P. 52-59.

⁸⁶ Лепер Р. Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х. сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 212, рис. 5, мор. №9 / 1910 г.; Скубетов М. И. Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. – 1906. – № 44. – С. 42–44, рис. 1–9; Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913 – 1915 годы. – Пг., 1918. – С. 56, рис. 84; Византийский Херсон. Каталог выставки. – М., 1991. – С. 210, №225; Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 189, рис. 23, 9, 15, 19; с. 190, 215, рис. 21, 1–3; с. 219–220, рис. 23, 6, 9, 14, 17.

⁸⁷ *Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1840. – Т. 2 – XV. 4.6; 1846 – Т. 4 – XLIV. 13.3; 15.19.1; *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii.* – Bonnae, 1829. – Vol. I. – P. 724, 4.

⁸⁸ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК – 1905 – Вып. 16. – С. 80, рис. 37 а-б.

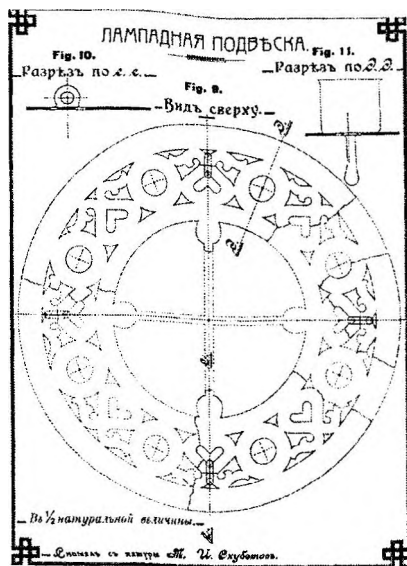
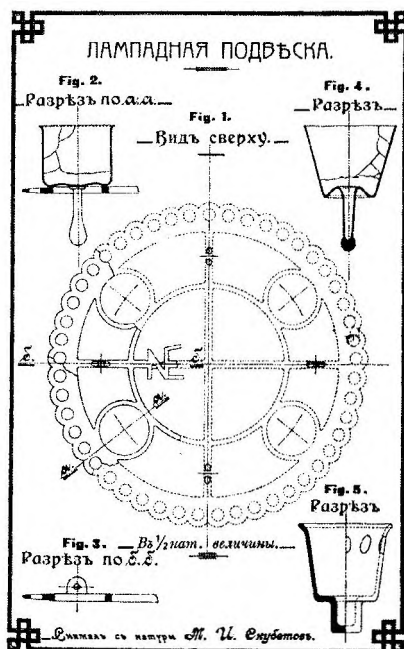

Рис. 78. Подвесные бронзовые дисковидные лампадофоры на 4–8 стеклянных лампад (по М.И. Скубетову)

такой конструкции выпускали не позднее самого начала эллинистической эпохи⁸⁹. Их не использовали уже римляне и тем более они не известны в средневековых городах и селах. Штырь же прекрасно служил для того, чтобы держать насаженную на его конец толстую восковую свечу.

Значительное падение производства, по сути дела вырождение светильников в архаические, невыразительные, с длинным рожком, широким горлом или вообще изготовленные с помощью гончарного круга открытые плошки (в последнем случае иногда многоярусные) прослеживается с VII в. в течение последующих столетий, в том числе и после IX–X вв.⁹⁰, что заставляет искать объяснение происходившим изменениям в этой сфере товарного ассортимента в постоянном и все более глобальном преобладании новых способов освещения, уверенно теснивших старые. В противном случае пришлось бы признать, что с VII в. и простые, и знатные ромеи, в том числе херсониты, избегая чего-либо иного, из столетия в столетие довольствовались в своих домах и храмах преимущественно светом очагов и факелов. Разумеется, последние были существенным подспорьем в решении проблемы освещения. Спрос на них был всегда стабилен. Как можно понять из рассказов об авве Пимене Великом, даже монахи в некоторых киновиях в V в. специально мастерили факела на продажу, а полученные деньги вкладывали в закупку нитей и прочего необходимого сырья, дабы работа не останавливалась⁹¹. Книга епарха – сборник предписаний для константинопольских торгово-ремесленных ассоциаций, отразивший ситуацию, сложившуюся задолго до конца IX – начала X вв., отмечал как само собой разумеющееся, что часть дохода, приносимого эргастрием, отчислялась на приобретение факелов (*tau dadon*)⁹². И все же должно было быть нечто кардинально новое и достаточно массовое, способное год от года все более плотно заполнять пустоту, нараставшую по мере исчезновения с рынка формованных светильников римского типа. Очевидно, помимо редких глиняных масляных светильников открытого типа и стеклянных лампад (*ladikina*), по какой бы то ни было при-

⁸⁹ Cf.: Bovon A. *Lampes d'Argos // Etudes peloponnesiennes.* – Paris, 1966. – Т. 5. – P. 15-17, №1; Genito M. C. G. *Lucerne fittili delle collezioni del Museo civico archeologico di Bologna.* – Bologna, 1977. – P. 31-32, № 6-8, 21-22.

⁹⁰ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес – С. 314-315, рис. 169; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // X. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 35, рис. 19; Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // Архив НЗХТ. – Д. № 2290. – Л. 7; Chrzanowski L., Zhuravlev D. *Lamps from Chersonesos in the State Historical museum – Moscow.* – P. 177; Bailey D. *Byzantine lamps.* – P. 18.

⁹¹ Достопамятные предания о Пимене Великом // Христианское чтение. – 1821. – Ч. 3. – С. 318-319, гл. 9.

⁹² Византийская книга Епарха: Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. – М., 1962. – XVIII, 1.

чине численно уменьшившихся к VIII в., такую роль могли сыграть только свечи, постепенно занявшие среди осветительных приборов позицию безусловного лидера. Даже в поликандилах с отверстиями, рассчитанными на установку ладикин, появляются приспособления для установки свечей, то есть возникает осветительное оборудование переходного, смешанного типа⁹³.

Собственно, Византия не изобрела что-то принципиально новое в освещении. Она уже давно была знакома с тем, что вызвало отнюдь не стремительный переворот в этой жизненно важной сфере. С IV в. источники все чаще пестрят упоминаниями о свечах (*seceus*, *segula*, *keros*, *keriolos*, *kerinos*)⁹⁴, причем это были свечи из воска, который обозначался одним с ними термином⁹⁵. Впрочем, Георгий Амартол прибегал в таких случаях к использованию еще одного, гораздо более редкого слова – синонима (*phatlion*)⁹⁶.

Уже во времена Иоанна Хрисостома, когда гегемония керамического светильника еще казалась незыблемой, свечи достаточно широко использовали в быту, приобретая их и для освещения жилья, и для совершения похоронных обрядов⁹⁷. Подсвечники представлены в росписи погребальных склепов, открытых в Западном Причерноморье – Осеново, Силистрии, Пловдиве и Пече, которые датируются IV столетием, а также в группе склепов конца IV–V вв. из некрополя Сердики⁹⁸. Встречаются они в христианских росписях, мозаиках, ре-

⁹³ Bouras L. *Byzantine Lighting Devices* // JOB. – Wien, 1982. – Bd. 32. – Heft 3. – P. 480.

⁹⁴ S. Athanasius Alexandrinus. – T. 1 // PG. – 1884 – T. 25. – Col. 229 C; Nili Ancyranae Opera omnia // PG. – 1864 – T. 79. – II, 205, col. 309 A; Socratis Scholastici Historia ecclesiastica // PG. – 1864 – T. 67. – Col. 689 B; Sozomeni Historia ecclesiastica // PG. – 1864. – T. 67. – Col. 1537 A; Ioanni Monachi opuscula // PG. – Tunhout, 1976. – T. 86 A. – Col. 309 A; Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 467, Leontios Cyprorum episcopi Vita Sti Symeoni Sali // PG. – 1864 – T. 93. – Col. 1669-1748; Chronicon Paschale ad exemptur vaticanum rec. L. Dindorfius. – Bonnae, 1832. – Vol. 1. – P. 530,7; 605,3; Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. – Пг., 1920. – Т. 1: Текст. – P. 527,5; Vita S. Euthymii / Ed. P. Karlin-Hayter // Byzantion. – 1955-1957 – T. 25-27. – Fasc. 1. – Sec. 9, p. 62,9; Византийская книга Эпарха. – XI, 4, 6; Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae – P. 65,12; 125, 25.

⁹⁵ Ср.: Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... – P. 329, 18; Византийская книга Эпарха. – XI, 3; Kazdan A., Taft R.F. Candles // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 371-372.

⁹⁶ Истрин В.М. Хроника... – P. 538, 14.

⁹⁷ Ioannis Chrysostomi Opera omnia quae extant... Opera et studio B. De Montfaucon / Accurant et denuo rec. J.-P. Migne // PG. – 1862. – T. 48. – Col. 560.

⁹⁸ Велков В.И. Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV–VI вв.). Проучвания и материали. – София, 1959. – С. 146–147; Димитров Д.П. Стил и дата на стенописите от късноантичната гробница при Силистра // Археология. – 1961. – Кн. 1. – С. 10–21; Милчев А., Георгиев П. Раннохристианска гробница със стенописи край с. Осеново, Врачанско // Известия на народний музей – Вар-

льефах V в. из Италии и Северной Африки⁹⁹. В Херсонесе изображения одиночных больших горящих свечей или человеческих фигур, вероятно, слуг или церковных служек, держащих их в вытянутых руках, появляются на фресках трех из 10 открытых склепов с раннехристианской росписью, которая тоже датируется не ранее конца IV–V в. н. э., а может быть, и позже, учитывая, что антропоморфные мотивы в византийской живописи получили распространение со второй половины VI в.¹⁰⁰ Автор Жития Пахомия вспоминал, как «бесчисленные свечи» все время сопровождали архиепископа Афанасия во время его путешествия по Фиваиде¹⁰¹. По словам Сократа Схоластика (ок. 380–439), в его время в Константинополе, Греции, Фессалии, Каппадокии, Иерусалиме, на Кипре без них не обходилось совершение молитв или изъяснение Св. Писания, их зажигали по субботам, перед вечерней, не говоря уже о ночных песнопениях, устраиваемых христианами иногда прямо под открытым небом, на городских улицах¹⁰².

на. – 1981. – Кн. 17 (32). – С. 9–12; Овчаров Д. Архитектура и декорация на старохристианские гробницы в наших землях // Археология. – София, 1977. – Год. 19. – Кн. 4. – С. 25–27; Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийские памятники от Болгарии IV–VII вв. – София, 1978. – С. 28–29.

⁹⁹ Диатроптов П. Д. Еще раз о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 35.

¹⁰⁰ Склеп 1904 (1853) г. у южного загородного храма Богоматери Влахернской: на правой стене изображена мужская фигура в подпоясанной желтой тунике и штанах, видимо, с двумя свечами в вытянутых руках (Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1914. – С. 455); склеп 1905 г. к югу от храма Богоматери Влахернской: изображение двух горящих высоких свечей, слабо суживающихся кверху, бледножелтого фона, затененные коричневой краской, зафиксировано на стенах по обеим сторонам лежанки – локулы (Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. № 14. – Л. 40–41, 44–45; Косцюшко-Валюжинич Д. Н. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. – 1911. – № 45. – С. 54; Ростовцев М. И. Указ. соч. – С. 458–263, табл. CVIII, 1, 6); склеп 1909 г. в северо-западной оконечности города, за западной оборонительной стеной: на задней стене склепа – фигура юноши, одетого в туннику и белый стихарь или далматику, который держит обеими вытянутыми руками большую зажженную свечу (Ростовцев М. И. Указ. соч. – С. 467–469, табл. CV, 2). О датировке росписи склепов см.: Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 3–12; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 58–98; Диатроптов П. Д. Еще раз о датировке... – С. 34–37; Зубарь В. М. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа №1, исследованного в 1998–1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Судейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 80–82; Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов как хронологический индикатор // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 22.

¹⁰¹ Тронцкий И. Обзорные источники начальной истории египетского монашества. – Сергиев – Посад, 1907. – С. 113–114.

¹⁰² Сократ Схолистик. Церковная история: Статья, коммент. И. В. Кривушина – М., 1996. – V, 22; с. 230; VI, 8; с. 250.

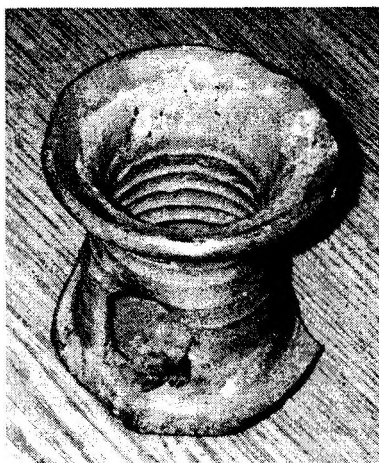

Рис. 79. Фрагмент
ранневизантийского
керамического
светильника-свечника

Особенно много восковых свечей требовалось в церковные праздники, во время торжественных событий, похорон, стациональных шествий, ярмарок-панигиров, собиравших массу людей. К примеру, когда тело почившего в 459 г. Симеона Стилита антиохийский епископ Мартирий и стратилат Ардавурий готовили к захоронению, рассказывал ученик знаменитого аскета Антонин, «...горы не было видно от толпы, свечей, фимиама и горящих лампад», а затем навстречу траурной процессии вышел весь город «...со свечами и песнопениями» (*meta keron kai umnon*)¹⁰³. Точно также перевозка мощей еще одного высокочтимого столпника – Симеона Стилита Нового (521–592) в Антиохии со-

проводилась тем, что «...весь город в белых одеждах со свечами и лампадами (но не керамическими светильниками! – С.С.) вышел встречать останки святого»¹⁰⁴.

Свечи обязательно покупали для каждодневных молитв, богослужений, регулярно отправлявшихся литургий, в том числе сами духовные лица, как, например, это делал диакон церкви Св. Софии из рассказа о Чудесах вмч. Артемия¹⁰⁵. Оттуда же известно, что они были разные – обычные, стоявшие дешевле, и более дорогие, со специальным покрытием¹⁰⁶. Это сравнительно раннее описание на удивление традиционно перекликается с поздневизантийским свидетельством о простых свечах и тех, которые были украшены христианскими символами, узорами, нанесенными «золотом»¹⁰⁷.

Показательно, что сами ромеи различали *keria tes proseuxhes* – «молитвенные свечи», – свечи, использовавшиеся во время молитвы, и *keria tes lites* – «литийные свечи», – свечи, которые применяли

¹⁰³ Антонин. Житие преп. Симеона Столпника // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А.И. Пападопуло-Керамевсом с рус. пер. В.В. Латышева. – ППС. – СПб., 1907. – Вып. 57. – Т. 19. – Вып. 3. – Sec. 23, 28, с. 83–85.

¹⁰⁴ Жизнь и деяния блаженного Симеона Столпника (VI в.) // Византийские легенды / Изд. подг. С.В. Полякова. – М., 1972. – С. 35.

¹⁰⁵ *Diegesis ton thymaton toy agiou... Artemiou* // *Varia graeca Sacra*. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков с пред. и указат. изд. А. Пападопуло-Керамевсом. – Записки СПб ун-та. Ист.-филол. ф-т – 1909. – Ч. 95. – Р. 25, mir. 21.

¹⁰⁶ *Diegesis...* – Р. 26–28.

¹⁰⁷ *Codinus Curopalata* // PG. – 1864 – Т. 157. – Col. 64.

во время разного рода процессов¹⁰⁸. Массовость этого товара проявлялась в том, что, как можно понять из Книги епарха, он продавался на вес, с помощью неравноплечного кампана — безмена с контргрузом — противовесом, каким отмеривали отнюдь не штучные покупки¹⁰⁹.

И Иоанн Малала, и более поздние византийские авторы сообщают, что при императоре Феодосии II в 440-х гг. просвещенный константинопольский патрикий и епарх Кир Софист (Философ), который «пекся о всем деле», «изобрел» (ερεποесе) какой-то особый, доселе не известный ромеям способ освещения для эргастриев¹¹⁰. Его восхваляли наравне с другими славными делами этого знаменитого градоначальника, то есть сравнивали с «обновлением» (ἀναπεοσанта) всего Константинополя, пострадавшего после землетрясения, с постройкой новой городской оборонительной стены — жизненно важным государственным мероприятием, и, значит, это действительно было серьезное экономическое нововведение, заменившее прежние привычные светильники. Не исключено, что это могли быть лампы с восковыми свечами, которые стали все более прочно входить в обиход как раз с IV–V вв., постепенно вытесняя светильники римского типа. Подобные «восковые лампы», прощаясь с храмом св. Софии после отречения от патриаршего трона и перед отъездом в изгнание, по словам агиографа, зажег Никифор (806–815) в катехумении храма, где обычно возносил всеобщие молитвы¹¹¹.

Позднеантичный Херсонес — ранневизантийский Херсон тоже попал в русло происходивших общих сдвигов и процессов, о чем свидетельствуют находки фрагментов осветительных приборов, которые археологи трактуют как одну из разновидностей все тех же светильников. Именно так и только так они представлены во всех имеющихся публикациях и отчетах о раскопках (рис. 79)¹¹². Оказав-

¹⁰⁸ Беляев Д. Ф. *Byzantina*. — СПб., 1897. — Кн. 2. — С. 241, 242; СПб., 1906. — Кн. 3. — С. 121, 122, 158.

¹⁰⁹ Византийская книга епарха. — XI, 9; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. — Харьков, 1998. — С. 109.

¹¹⁰ Ioannis Malalae *Chronographia ex rec. L. Dindorfii*. — Bonnæ, 1831. — P. 361, 5–362, 3; Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга одиннадцатая и четырнадцатая // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН. — СПб., (1913) 1914. — Т. 90. №2. — XIV. 4. 15–25, с. 12; Georgius Cedrenus *Ioannis Scylitzæ op. ab I. Bekkero suppletus et emandatus*. — Bonnæ, 1838. — Т. 1. — P. 598, 22.

¹¹¹ Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константинограда и Нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви Святой Софии // Творения св. отца нашего Никифора, архиепископа Константинополя. — Минск, 2001. — С. 55, гл. 69.

¹¹² Ср.: Рыжов С. Г. Керамический комплекс III – IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья первых веков нашей эры. — К., 1986. — С. 136, рис. 7; Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. — 1989. — № 4. — С. 96, рис. 4.

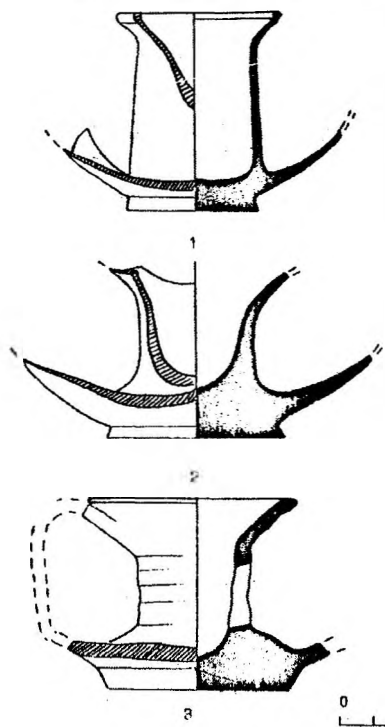

Рис. 80. Свечники-свечники из засыпи бассейна под четырехапсидным мартирием (по В.А. Кутайсову)

шись в одних комплексах с прочими светильниками, они как бы слились с ними в один фон, затерявшись в общей массе.

Между тем, особенности конструкции подобных предметов не оставляют сомнений, что перед нами особый тип едва ли не самых ранних глиняных светильников-свечников, которые бытовали в Херсонесе — Херсоне одновременно с поздними типами традиционных масляных светильников, а возможно, и изготовлялись в одних с ними гончарных эргастриях. В отличие от формованных в двухстворчатой матрице ламп римского типа, они делались на гончарном круге в виде аккуратной тонкостенной керамической круглой площадки-подставки высотой 4,5–6 см и диаметром 9–12 см, на дне которой прикреплен прямостоящий пустотелый стержень высотой 6–7 см и диаметром 4,5–5 см со слегка отогнутым наружу, расширенным венчиком, соединенный наlepной дуговидной плоской ручкой с краем площадки (рис. 80). Свеча такого же или меньшего диаметра вставлялась в горловину трубки, а оплавленный

во время горения воск скапливался в площадке — подставке. Остаток огарка в центральной трубке — держак можно было легко извлечь путем подогрева площадки на огне, в результате чего он вытекал через отверстие, предусмотрительно прорезанное у самого основания трубки. После этого растопленный воск сливали через сток на краю площадки. Несомненно, ценным сырьем дорожили и, собрав, опять пускали в переработку.

Свечники-свечники точно такой же конструкции и очень схожих размеров, очевидно, считавшихся наиболее оптимальными, известны в позднеантичной Мезии, Капидаве и Томах, а также на древнерусских городищах XI–XIII вв.¹¹³ Херсонесские образцы до-

¹¹³ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів. — С. 96; Петасюк Н.П. Свечники з Софійського собору в Києві // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976. — С. 175-178, рис. 1.

вольно часто фигурируют в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича, который впервые обратил на них внимание в 1896 г. при раскопках юго-восточного угла большой агоры, рядом с базиликой №28, назвав «глиняными сосудиками неизвестного назначения»¹¹⁴. Но уже через два года он писал об аналогичных находках, сделанных у башни Зинона и 20 куртины как о «лампах византийской эпохи... в виде подсвечников»¹¹⁵. Чем дальше, тем больше становилось подобных находок, которые обнаруживались во время раскопок по всему городу: на месте античного театра, возле Южных ворот и большого общественного «здания Г», в портовом квартале 2, около 18 куртины «цитадели» и в других местах, а также на территории некрополя у Карантинной бухты¹¹⁶.

Находки их в вырубной могиле вместе с обычными светильниками римского типа, монетами боспорского царя Савромата II (186–196) и херсонесской элевтерии около 230 г. н.э.¹¹⁷, в склепе, погребальный инвентарь которого содержал херсонесские монеты 211–217 гг. н.э. и индикации с римских монет императора Гордиана III (238–244)¹¹⁸, а также на городище в слоях позднеримского времени¹¹⁹ и в засыпи

¹¹⁴ Отчет за 1896 год // Архив НЗХТ. – Д. № 5. – Л. 9; Отчет о раскопках в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 г. – СПб., 1898. – С. 6.

¹¹⁵ Отчет за 1898 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 7. – Л. 8.

¹¹⁶ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК – 1902 – Вып. 4. – С. 35; Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. № 12. – Л. 36; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК – 1905 – Вып. 16. – С. 71; Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. № 13. – Л. 16; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК – 1906 – Вып. 20. – С. 43–44; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. № 14. – Л. 33, 39; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК – 1907 – Вып. 25. – С. 96 (мог. №1960), 115, 152 (в последнем случае – «половина лампы в виде низкого подсвечника простейшей формы, с ручкой сбоку и с круглым отверстием у начала трубки»); Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК – 1911 – Вып. 42. – С. 55 (склеп № 2286).

¹¹⁷ Отчет за 1905 год – Л. 33, № 1960; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. – С. 96. Наличие в погребении деформированных черепов так называемых «макрокефалов» указывает скорее всего на время не ранее второй половины III в. и не позже V–VI вв., когда в городе появилось некоторое количество этнических элементов сарматского и аланского облика (см.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 256–258; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 49).

¹¹⁸ Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК – 1911 – Вып. 42. – С. 55, № 2286.

¹¹⁹ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931 – 1933 гг. // МИА. – 1941. – №4. – С. 222; Белов Г. Д. Античный дом в Херсонесе (по раскопкам 1947 – 1948 гг.) // ВДИ. – 1950. – № 2. – С. 114; Белов Г. Д. Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г. // ВДИ. – 1959. – № 2. – С. 231.

цистерн с комплексом материалов, не выходящих за пределы IV в.¹²⁰, позволяют полагать, что как особый вид осветительных приборов они уже существовали к концу III – началу IV в., получив дальнейшее распространение в последующие несколько столетий. На это указывают их находки в слоях ранневизантийского времени вдоль юго-восточной стороны храма 1958 г. и в засыпи «бассейна» под тетраконхальным мавзолеем №47, построенном к концу VI в.¹²¹

А.Л. Рубинштейн, предложивший первую классификацию светильников Херсонеса на основе материалов из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича и Р.Х. Лепера, выделил изделия в виде трубки на «блюдечке» в особый тип (XIV класс) и подчеркнул их «совершенно новую форму, основанную на несколько ином принципе». Однако этот принцип вылился у него в описание невероятного, бессмысленного устройства, которое являлось порождением все того же масляного светильника: «фитиль лежал в блюдечке (в котором было налито масло или жир) и был обмотан несколько раз вокруг основания трубки; свободный его конец всовывался в отверстие, входил таким образом внутрь трубки и приподнимался кверху» (sic!)¹²². Между тем во время раскопок 1904 г. в восточном углу портового района, между Складом древностей и казематом крепостной артиллерии, рядом со зданием с кладкой *opus mixtum*, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил 11 донышек таких ламп, причем на дне одной из них по счастливой случайности сохранилась «обуглившаяся масса», которая являлась не просто «низкокачественным осветительным материалом», как невинно отметил автор отчета, а следами того самого пчелиного воска, из которого делали византийские свечи¹²³.

В Херсоне изготавливали керамические светильники-свечники и иных форм. Три из них, в виде полусферической площадки на высокой рюмкообразной ножке, были найдены с наружной стороны апсиды «храма с ковчегом»¹²⁴.

Существенное сокращение количества масляных светильников в VI-VII вв., деградацию их типов трудно объяснить иначе как уве-

¹²⁰ Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII [Херсонеса] (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА – 1953 – № 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма. – С. 184-197, рис. 38, д; Рыжов С.Г. Керамический комплекс III–IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья первых веков нашей эры. – К., 1986. – С. 130-138, рис. 7.

¹²¹ Сидоренко В.А. Раскопки в южном секторе между храмом 1958 г. и оборонительной стеной / Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсоне в 1973–1974 годах // Архив НЗХТ. – Д. № 1682 / 1. – Л. 8; Кутайсов В.А. Отчет о раскопках на участке четырехапсидного храма в Херсоне в 1978 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1982/1. – Л. 13–14, рис. 60.

¹²² Рубинштейн А.Л. Светильники Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. № 300. – Л. 66.

¹²³ Отчет за 1904 год. – Л. 16; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году. – С. 43–44.

¹²⁴ Отчет за 1897 год // Архив НЗХТ. – Д. № 6. – Л. 16.

личением значения свечей в освещении и, значит, ростом спроса на них. Даже в менталитете место зажженного светильника, как символа души, символа света, отвращающего зло, заняла зажженная свеча¹²⁵, а в погребальном обряде стали прибегать к поликандилам — многосвечникам¹²⁶, что указывает на корреляцию представлений социума под влиянием изменявшихся бытовых реалий повседневности. Сам термин *lampas*, *lampadas*, применявшийся прежде лишь к светильнику, заправлявшемуся маслом, переносится теперь на восковую свечу¹²⁷. Толчком же к окончательному перелому рыночной ситуации в пользу последней могло стать увеличение выпуска свечей, стимулируемое стремлением ромеев компенсировать потерю источников внешних поставок оливкового масла в ходе развертывавшейся эскалации военных действий воинов ислама¹²⁸. Растительное масло и прежде находилось в числе товаров, подлежащих своеобразному «протекционизму», с помощью которого правительство преследовало фискальные цели, а также стремилось предотвратить волнения, связанные с нехваткой продуктов первой необходимости¹²⁹. Разумеется, захват арабами Египта, эвакуация ромеев, на последних кораблях покидавших Александрию в 642 г., а затем потеря к концу VII в. североафриканских владений Империи, — давних основных экспортеров оливкового масла, — не могли не активизировать уже шедший к тому времени процесс свертывания массового производства глиняных светильников, окончательно склонив чашу весов рынка в пользу восковых свечей. Для их производства тоже нужно было масло, но в гораздо меньших количествах, чем для светильников и лампад, когда на каждую заправку требовалось около 30-50 г горючего, которого хватало лишь на три-четыре часа работы осветительного прибора такого типа. Причем последовательный, предусматривавшийся Василиками, запрет на вывоз масла говорит о том, что положение с ним столетиями не менялось к лучшему и делало создавшуюся ситуацию необратимой.

¹²⁵ Ср. История епископа Себеоса: Пер. с 4-го испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. — Ереван. 1939. — С. 115, гл. 45; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом — С. 148-154.

¹²⁶ Историческое сказание о подвижничестве св. великомученика Илии Нового из Илиополитов, пострадавшего в Дамаске // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевсом с рус. пер. В. В. Латышева. — ППС. — СПб., 1907. — Вып. 57. — Т. 19. — Вып. 3. — Sec. 24, с. 57, 66.

¹²⁷ *Socratis Scholastici Historia ecclesiastica*. — Col. 689 B; *Georgii monachi chronicon* / Ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1904. — Т. 1. — P. 225; *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. — Paris, 1688. — Т. 1. — P. 785.

¹²⁸ Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // *DOP* — 1959 — № 13. — P. 72.

¹²⁹ *Corpus juris civilis*. — Berolini, 1895. — Vol. 2: *Codex Iustinianus* / Rec. P. Krueger. — IV. 41.1; Сорочан С. Б. Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм» // *Древности* 1995 — Харьков, 1995. — С. 123-124.

Закономерную эволюцию пережила и профессия свечника, во III вв. весьма редкая. Обширный Корпус латинских надписей содержит лишь одно упоминание керария¹³⁰. Впрочем, свечи могли входить в ассортимент торговцев товарами из воска, известных в греко-римском Египте III-IV вв. под названием кироматиков (*keromatikos*)¹³¹. Очевидно, позднейшие кируларии, они же — киропопы, полностью унаследовали их функции.

Судя по количеству упоминаний в источниках, специальность свечника достигла достаточно широкого распространения именно к самому концу позднеантичного периода. Письма и латинские папирусы VI-VII вв. фиксируют наличие кереариев (*secearius*) в городах византийской Италии, в Пентаполе и Равеннском экзархате¹³². Чудеса вмч. Артемия, записанные во второй трети VII в., содержат уникальные подробности относительно этого ремесла. Из рассказа агнографа совершенно очевидно следует, что кируларий (*kyroularios*), обосновавшийся в одном из константинопольских портиков, и производил, и продавал свечи разного вида, качества, стоимости, а также занимался переливанием разбитых, поломанных свечей (но не огарков), которые ему возвращали¹³³.

Когда диакон Стефан, купивший «...за большие деньги» в лавке кирулария дорогие свечи, поскользнулся по дороге к гробнице-мартирию св. Артемия и сломал их, он «...вернул разбитые куски в эргастерий».

Специальность свечника, вероятно, давала неплохой доход. Недаром среди кирулариев встречались весьма состоятельные, чье богатство вызывало зависть даже у византийской знати. Василевс Никифор I Геник, бывший первый финансист Империи — начальник ее налогового ведомства, вечно озабоченный поисками денег, не случайно нашел объект своего вымогательства в торговых рядах свечников около столичной агоры Константина, а сумма в 100 фунтов (7200 номисм, около 32 кг золота), которую он запросил с кирулария за высокую честь присутствовать на императорской трапезе, показывает, что у таких людей было, что взять¹³⁴. Для сравнения — столько же приносил государственный 10% сбор — «коммеркион панегириона» с ежегодной большой ярмарки в Эфесе¹³⁵.

¹³⁰ Corpus inscriptionum latinarum / Ed. T. Mommsen. — Berolini, 1873. — Vol. 3. — № 2112.

¹³¹ Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII вв. — М., 1965. — С. 31; Фихман И. Ф. Оксирих — город папирусов. — М., 1976. — С. 128.

¹³² Бородин О. Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). — Барнаул, 1991. — С. 115.

¹³³ Diegesis ton thymaton toy agiou... Artemiou. — P. 26-28, mir. 21; ср. Византийская книга Эпарха. — XI, 6.

¹³⁴ Theophanis Chronographia. — P. 487-488.

Согласно византийским Тактиконам – «табелям о рангах» IX в., такую сумму жалования не получали за год иные крупные ромейские военачальники, стратеги самых важных военно-административных областей Империи¹³⁶.

Косвенно на прибыльность профессии свечника указывает также то обстоятельство, что кроме телесных наказаний или конфискаций товара, имущества Книга эпарха предусматривала для кирулариев в качестве наказания за нарушение установленных правил работы еще и денежные штрафы в 10–12 номисм (40–50 г золота), как это делалось только в отношении метаксопратов – торговцев шелковой нитью, продавцов мыла, бакалейщиков – салдамариев, тоже, очевидно, не бедных¹³⁷.

О состоятельности византийских свечников говорит и то, что среди них было немало домовладельцев, за плату сдававших помещения под жилье и работу в аренду нанимателям¹³⁸.

В отличие от средневековых западноевропейских мастеров, отличавших сальные свечи¹³⁹, ромейские кируларии должны были торговать только невыделанным и выделанным воском (*keron e anergaston e eirgastmenon*) и ничем иным, то есть воском и готовыми восковыми свечами, в свою очередь приобретая для целей производства пчелиный воск и чистое оливковое масло в нужном количестве¹⁴⁰. Кстати, нигде не сказано, что они занимались изготовлением «светильного масла» и продавали его, как иногда полагают исследователи¹⁴¹. Лампады, светильники заправлялись обычным растительным маслом, которое можно было закупить у его изготовителей и у торговцев бакалейным товаром¹⁴² и которое не требовало какой-либо специальной, особой обработки. Дабы те, кто обращался к «повсюду торгующим» – пантаполам или салдамариям за покупкой масла, не приобретали у них еще и необработанный воск, нарушая тем самым монопольное право кирулариев, Книга эпарха запрещала бакалейщикам вести перепродажу воска¹⁴³. Но и свечники, по крайней мере столичные, должны были довольствоваться только своим собственным делом (*techne*) и, значит, не вести розничную торговлю растительным маслом, покушаясь на приоритетные права салдамариев¹⁴⁴.

¹³⁵ Theophanis Chronographia. – P. 469.

¹³⁶ Ср.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 405–406.

¹³⁷ Византийская книга Эпарха. – XI, 5,7; ср. VI, 13; XII, 1,3,5; XIII, 3.

¹³⁸ Византийская книга Эпарха. – XI, 7; ср.: Сорочан С. Б. Указ соч. – С. 121–133.

¹³⁹ Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. – 1958. – Т. 11. – С. 177–178, ст. LXIV.

¹⁴⁰ Византийская книга Эпарха. – XI, 1, 3–5.

¹⁴¹ Ср.: Византийская книга Эпарха. – С. 208; Kazdan A. Candlemaker // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 370–371.

¹⁴² Там же. – XIII, 1.

¹⁴³ Там же. – XI, 8.

¹⁴⁴ Византийская книга Эпарха. – XI, 2.

Рис. 81. Бронзовые подсвечники из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича

Впрочем, само наличие ограничивающего предписания, стремление его зафиксировать, указывает на то, что в жизни такое разделение соблюдалось нечетко и корректировалось, исходя прежде всего из желаний и удобств покупателей. Законы, как всегда диктовал рынок, не обращая внимания на желания властей, так или иначе вынужденных приспособляться к его запросам.

Ничем не подкрепляемое, прижившееся среди исследователей представление о том, что свечи были «не по карману», слишком дороги для повседневного употребления, не вяжется с тем распространением, которое в византийском городе получила профессия изготовителя и продавца свечей и воска — киропола (*keropoleios*) или кирулария (*keroularios*)¹⁴⁵, а также с многочисленностью их мастерских-лавок, специализированных мест торговли — рыночных рядов, торгово-ремесленных кварталов (*ta keroulagia*, *ta keropoleia*, *ta keroyllareia*, *ta keropolon*)¹⁴⁶. Производимого ими хватало бы куда больше, чтобы удовлетворить потребности молящихся и отправляющих прочие церковные обряды. Продукцией одних лишь тех свечных эргастриев, что тесно сгруппировались у Св. Софии Константинопольской, можно было бы обеспечить не только главный храм Империи, но и большую часть домов горожан. А ведь это было не единственное в столице место торговли свечами!

Наконец, упомянутые бронзовые подвесные подсвечники и крестообразные подсвечники с ручками — держакками из ранневизантийского Херсона тоже противоречат тому, что даже в церквях и мо-

¹⁴⁵ Theophanis Chronographia. — P. 487; Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... — P. 565,11; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. — Bonnæ, 1839. — Т. 2. — P. 39.

¹⁴⁶ Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... — P. 540, 12; Theophanes continuatus // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus — Bonnæ, 1838. — P. 377.10, 420.15, 437, 715.12, 744.19, 870.21; Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. — С. 15-16, 58-60.

настырях свечи возжигали якобы только с молитвенными целями, во время богослужения, перед иконами, а не для освещения как такового¹⁴⁷. При раскопках городища и некрополя подсвечники, поставцы, канделябры из бронзы и железа или их детали (основания на ножках, верхние заостренные части, массивные кружки) встречаются весьма часто (рис. 81–82)¹⁴⁸. В отчете за 1903 г. К. К. Косцюшко – Валюжинич сообщал о «толстых заостренных бронзовых стержнях с плоским круглым основанием, которые во множестве попадают при раскопках византийского городища», а в примечании задавался закономерным вопросом: «Желательно было бы точно определить, когда впервые появились церковные свечи?»¹⁴⁹. Некоторые из подвесных подсвечников имели бронзовую ручку – держак длиной 0,9 м с насаженной сверху крестовидной перекладиной 26,5 x 26,5 см с восемью подставками с остроконечными штырями для насаживания толстых восковых свечей (рис. 83)¹⁵⁰. Такие приспособления явно были рассчитаны и для переносного освещения, необходимого не только во время архиерейского служения¹⁵¹. К тому же находки подсвечников, их частей сделаны не только в храмах, но и в городских усадьбах¹⁵². Они эфемерно, в виде изображений, или вполне материально присутствуют в некоторых херсонесских склепах V–VII вв., как например, крупная бронзовая фигурка воина –

Рис. 82. Деталь
бронзового
литого
подсвечника
с изображением
копейщика.
Дл. – 15,8 см,
ш. – 5,0 см.

¹⁴⁷ Ср.: Византийская книга Епарха. – С. 208; Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки кватрала Х... – С. 198.

¹⁴⁸ Юргевич В. Исторический очерк пятидесятилетия имп. ООИД 1839 – 1889. – Одесса, 1889. – С. 63 (раскопки 1876–1884 гг. в северо-восточном районе); Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. – СПб., 1893. – С. 34 (подсвечник из вырубной могилы на южном участке некрополя); Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. – СПб., 1893. – С. 4 (находка на агоре железного ставня 1,05 м высоты, состоящего из двойного круга 20,3 см в диаметре, четырехгранного прута толщиной 2,5 см и трех ножек); Стевен А. Х. Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. – 1889. – № 8. – С. 101 (железные подсвечники из раскопок «базилики в базилике»); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 167, рис. 535 (бронзовый фигурный подсвечник высотой 21,5 см с заостренным стержнем на трех ножках, найденный в районе Склада древностей); Отчет за 1900 год // Архив НЗХТ. – Д. № 9. – Л. 27; Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 год. – СПб., 1902. – С. 24, рис. 59 (в периболе около 19 куртины – бронзовый подсвечник «обычного типа, для накалывания свечей», на трех ножках, 9 см высоты); Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. – Д. № 10. – Л. 13–14 (часть большого бронзового точеного подсвечника из раскопок внутри Западной базилики); Извлечение

кочевника («всадника», «идола») в кольчуге и островерхом шлеме – навершии, переходившем в четырехгранную иглу, несомненно, деталь подсвечника, найденная в нише, высеченной под лежанкой ранневизантийской усыпальницы (см.: рис. 82)¹⁵³.

Все сказанное позволяет предполагать наличие соответствующих производств и в Херсоне. Его илополов и кирулариев не могли миновать общие для всего ромейского мира экономические процессы, движение которых бесстрастно отразил массовый археологический материал.

Многочисленные находки в позднеантичных – раннесредневековых слоях обломков рюмкообразных сосудов, венчиков, донышек,

из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 59 («верхняя заостренная часть подсвечника» из раскопок на акрополе); Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. – Д. № 11. – Л. 21 (верхняя заостренная часть бронзового подсвечника из раскопок некрополя); Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. № 12. – Л. 44 (обломки бронзовых подсвечников на трех ножках, два бронзовых заостренных стержня от них, обнаружены при раскопках около Южных ворот и «здания Г»); Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 70 (часть большого точеного бронзового подсвечника найдена при раскопках раннесредневековой Западной базилики); Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. № 13. – Л. 18 (небольшой бронзовый подсвечник на трех ножках-лапах, найденный в восточном углу портового района); Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. № 14. – Л. 7; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 140 (бронзовый массивный кружок диаметром 6 см, от подсвечника, из раскопок в юго-западном углу городища, около «здания Г» и на поперечной главной улице); Таврическая губерния а) Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. – СПб. 1908. – С. 42 (подсвечники из раскопок около Южных ворот и «здания Г»).

¹⁴⁹ Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. № 12. – Л. 9.

¹⁵⁰ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 80, рис. 37 а–б.

¹⁵¹ Ср.: Отчет за 1903 год. – Л. 44.

¹⁵² Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. – С. 81; Белов Г.Д. Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. № 1760. – Л. 12, рис. 23; л. 18; Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1987 году // Архив НЗХТ. – Д. № 2771. – Л. 32, рис. 81; Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 году // Архив НЗХТ. – Д. № 2849/1 – Л. 21–22, рис. 79.

¹⁵³ Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. – М., 1872. – С. 66–67, № 7; Федоровский А.С. Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. – Севастополь, 1927. – С. 40–41 (выступивший в обсуждении доклада Н.Д. Протасов отнес вещь к продукции херсонесского мастера VIII–X вв.); ср.: Византийский Херсон. Каталог выставки. – М., 1991. – С. 97, № 98 (составители каталога ошибочно относят находку к раскопкам центральной части городища в 1913 г. и безосновательно считают ее деталью ключа (?) IX–X вв.).

ушек масляных или «восковых» лампад при почти полном отсутствии после VII в. глиняных светильников, — феномен, хорошо знакомый любому археологу-полевiku, ведущему раскопки в Херсонесе, — находит удовлетворительное объяснение, опять-таки оказывающееся вне плоскости гипотез об упадке и «смерти города».

Деревообработка и судостроение.

Есть основания полагать, что херсонеситы не утратили навыки столярного дела, деревообработки, связанной с потребностями повседневного быта, строительного дела и судостроения. Они наверняка были в состоянии производить не только мелкие поделки, такие как деревянные гребни, точеные чашки, изредка попадающиеся в немногочисленном, простом инвентаре ранневизантийских вырубных усыпальниц (рис. 84)¹⁵⁴. К примеру, изготовление гробов из твердых пород дерева, особенно из бука и дуба, было достаточно трудоемким и требовало особых навыков¹⁵⁵. Местным мастерам, плотникам и столярам, совмещавшим зачастую обе эти специализации, а также навпигам, калафатам-конопатчикам были по плечу и более серьезные заказы. Иначе невозможно объяснить ни бурный «строительный бум», пережитый городом

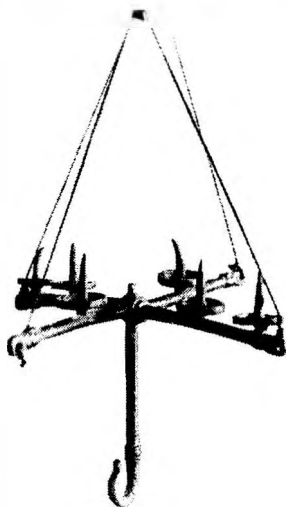

Рис. 83. Бронзовый подсвечник с ручкой-державкой.
Из раскопок 1903 г. в районе античного театра и южных ворот Херсона

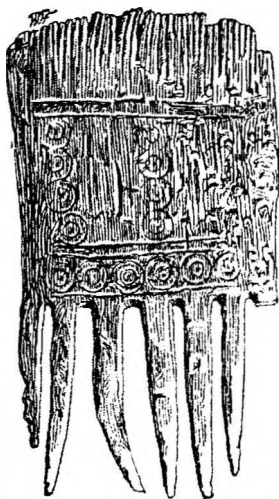

Рис. 84. Деревянный гребень из ранневизантийского склепа №2787, 1908 г.
(по Н.И. Репникову)

¹⁵⁴ Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Х. сб. — 1927. — Вып. 2. — С. 175, рис. 33 (склеп №2787 с материалом VII в.); с. 181–182 (бесформенный склеп №2815 без лежанок и с грудой костяков).

¹⁵⁵ Об остатках раннесредневековых пиленных и долбленых гробов, железных гвоздей от них см.: Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1902 году // ИАК. — 1904. — Вып. 9. — С. 19–20; Репников Н.И. Дневник раскопок... — С. 153, 168; Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х. сб. — 1927. — Вып. 2. — С. 195, 215, рис. 7; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 255, 261; Суров Е.Г. К истории северозападного района Херсонеса Таврического // АДСВ. — 1965. — Вып. 3. — С. 127.

к концу VI — началу VII в.¹⁵⁶, ни отправление херсонитами корабельной повинности (*ploīta*) в пользу Империи, от которой их, наряду с боспорянами и лазами, видимо, ненадолго освободила новелла Юстина II и его соправителя, недавнего комита экскувитов — начальника царских телохранителей, кесаря Тиверия, изданная в ознаменование Пасхи 575 г.¹⁵⁷

А.Л. Якобсон по ошибке отнес эту новеллу к уже состоявшемуся на тот момент провозглашению Тиверия соимператором тяжело больного, с расстроенным рассудком Юстина II (событие произошло 7 декабря 574 г.¹⁵⁸) и эта ошибка привилась, то и дело встречаясь в специальной литературе по истории Таврики.

К тому же исследователь объяснял отмену поставки судов и морского снаряжения «тюркским нашествием на Таврику как раз в это время, вследствие чего выполнение установленной повинности могло быть крайне затруднено, а временами фактически и вовсе прекращаться»¹⁵⁹.

Д.Л. Талис столь же необоснованно связывал освобождение от несения натуральной морской повинности с тем, что такая важная отрасль местного ремесла, как кораблестроение, «сошла на нет»¹⁶⁰. Однако стоит обратить внимание, что благодеяние было увязано с общей мягкой политикой нового соимператора, в частности, с раздачей денег войскам и жителям столицы, отменой пошлин на ввоз в Константинополь вина и масла, а также с общеимперским уменьшением на четверть годового налога — канона в течение ближайшего четырехлетия¹⁶¹ и распространялось на все окраинные северные и восточные Причерноморские владения Византии, которые едва ли могли так дружно лишиться столь развитого прежде судостроения. К тому же ангарии, исполнение государственной извозной повинности, оставались обычным явлением в это время. Тюрки действительно замыслили захват Боспора, хотя еще и не взяли его (это произойдет через год), а в Херсонес и на подступах к Херсону

¹⁵⁶ См.: Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс.... докт. ист. наук / МГУ. — М., 1999. — С. 37; Завадська І.А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками): Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Інститут сходознавства ім. А. Кримського. — К., 2000. — С. 8-9, 14-15; Романчук А.И. Очерки... — С. 65-71.

¹⁵⁷ *Corpus juris civilis*. — Berolini, 1904. — Vol. 3: *Novellae* / Rec. R. Schoell. *Opus Schoellii morte interseptum absolvit* G. Kroll. — № 163, cap. 2; Васильев А.А. Готы в Крыму. 2 // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С. 183; Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. — P. 74.

¹⁵⁸ Дашков С.Б. Императоры Византии. — М., 1997. — С. 81.

¹⁵⁹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 31, прим. 1.

¹⁶⁰ Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. — 1961. — Т. 18. — С. 63.

¹⁶¹ Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society*. — Stanford, Calif., 1997. — P. 225.

силами горожан, местного населения, «энспондов» Империи как раз в это время развернулось интенсивное строительство, в городе — общественное и жилое, а в округе — целого ряда кастра. Поэтому вполне возможно, что подлинный «автор» новеллы — Тиверий пытался компенсировать это дополнительное бремя иными льготами, тем более, что лес, древесина, канаты, железо, — все, что входило в корабельную повинность, — было крайне необходимо и для строительных фортификационных работ.

Не следует ли в будущем ожидать открытия следов таких работ на территории Боспора и крепостей Лазики?

Несмотря на тенденцию к сокращению размеров морских судов до 6–12 рег. т (1–2 тыс модиев) (рис. 85), их строительство не могло обойтись без наличия верфей (*ta neogia*)¹⁶². Оснастка даже таких небольших кораблей требовала удовлетворения потребностей в полотняной ткани для парусов и в волокнах конопли для витя канатов. И то, и другое, равно как и железные части, поставляло конечно, не домашнее ремесло, а специальные мастерские, которые должны были быть в городе.

Характер ремесла и торговли. Весовое и монетное дело. Разумеется, как и повсюду в Византии, херсониты имели дело с мелким ремесленным производством, на что косвенно указывает малочисленность следов специализированных помещений эргастриев, а также расположение рыбозасолочных цистерн раннесредневекового времени в хозяйствах горожан¹⁶³. Такое положение было вполне нормальным и для античной, и для средневековой эпохи, от которой невозможно было бы ожидать большего¹⁶⁴. Все точки соединения производства и потребления находились тоже на уровне простейших обменов, но было бы странно, если бы это воспринималось как упрек в «недоразвитости» экономики: для сферы обращения раннего средневековья такой уровень должен был быть больше, чем нормой. Мелкое производство всегда отличала не очень значительная товарность, а сама товарность была основана главным образом на производстве сельскохозяйственного продукта, но надо учесть, что это *conditio sine qua non* и для античности, и для средневековья.

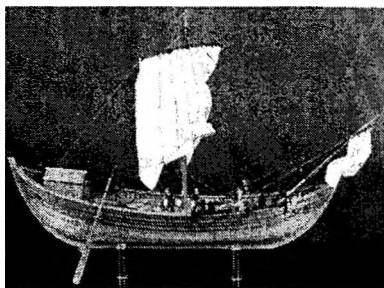

Рис. 85. Реконструкция типичного торгового судна, погибшего у Ясси-Ада, VII в. (*The Greeks and the Sea*.— Athens, 2002)

¹⁶² Сорочан С. Б. К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. — Харьков, 1997. — С. 74–82.

¹⁶³ Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. — С. 126.

¹⁶⁴ Ср.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — С. 71–163, 440.

Ромейская, в том числе херсонесская торговля, как и любая торговля докапиталистических обществ, выполняла главным образом потребительские функции и, само собой разумеется, не была рассчитана на завоевание рынков и расширение производства. С этой точки зрения она опять-таки была вполне «нормальной». Не следует забывать, что основа экономики всех таких обществ была натуральной и поэтому колебания удельного веса товарного производства не вели к кардинальным хозяйственным изменениям, а само товарное производство и связанные с ним товарно-денежные отношения в подобных условиях не могли стать господствующими¹⁶⁵.

На развитость внутреннего рынка Херсона в это время указывает наличие в обращении в самом городе и менее в его ближней и дальней округе мелкой медной монеты в основном достоинством в пять нуммий (пентануммий), необходимой для повседневных расчетов, регулярной мелкой купли-продажи¹⁶⁶. Это же подтверждают находки ранневизантийских разновесов – дисковидных эксагиев из стеклянной пасты и плоских бронзовых или медных гирек, какие обычно употребляли каталлакты, трапезиты при совершении разменных денежных операций, при взвешивании монет с помощью небольших равноплечных весов – зигий (рис. 86)¹⁶⁷. Прибегание к подобной практике указывает на широкое распространение злоупотреблений, стремление получить незаконный кердос – доход. Поэтому менялы, сборщики налогов и рыночные торговцы обращались к эксагиям при малейшем подозрении на то, что у монеты подрезаны края, то есть она имеет неполный вес, но можно было проверить и сами разновесы, поскольку в ромейских городах, а значит, и в Херсоне, были храмы, в которых хранились эталоны всех категорий весовых знаков¹⁶⁸. Согласно новелле 128 от 545 г., выпуск монетных разновесов находился в ведении *comes sacrorum largitionum*, но контроль за подобными стеклянными гирьками осуществляли епарх Константинополя и провинциальные епархи, на что указывают их изображения, иногда встречающиеся на таких эксагиях¹⁶⁹.

К слову, именно византийцам принадлежит практичная идея изготовления круглых разновесов из сероватого, зеленоватого, голубова-

¹⁶⁵ Подр. см.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.... – С. 124–125.

¹⁶⁶ Алексеенко Н. А. Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х. сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 343.

¹⁶⁷ Ср.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 159.

¹⁶⁸ Гурулева В. В. Перспективы изучения византийских стеклянных эксагиев как источников для датировки памятников из стекла // Византия в контексте мировой истории. – СПб., 2004. – С. 24–25.

¹⁶⁹ Entwistle C. Byzantine Weights // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – P. 15; Гурулева В. В. Перспективы изучения... – С. 27–28.

то-зеленого, оливковогого, коричне- вато-зеленого стекла – материала, с трудом поддающегося поврежде- нию, а значит, и подделке¹⁷⁰. Извест- но свыше 20 их иконографических типов, но ни один из них не содер- жит обозначения весовых знаков, что объясняется однообразием веса дисковидных гирек, соответствую- щего либо одной номисме, либо ее половине или трети – семиссу или тремиссу, наиболее ходовым фракци- ям золота в денежном обращении¹⁷¹. Поэтому уже по одной величине экса- гия и по его тяжести легко было определить, к чему он относится.

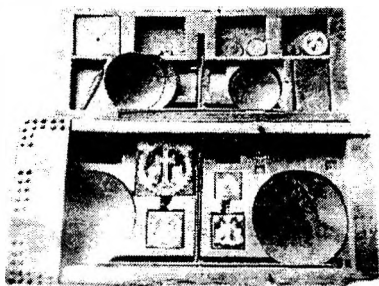

Рис. 86. Деревянная шкатулка с гирями и плоскими разновесами. Лондон, Университетский колледж (по W.M. Flinders Petrie, 1974)

Примером может служить херсонский разновес из стеклянной пасты светло-оливкового цвета, диаметром 21 мм. Он очерчен узким низким валиком по краю внешней стороны, на которой четыре маленьких точки соединены тонкими рельефными полосками, образующими крест. Между сторонами креста еще четыре маленькие точки. Вес гирьки (4,51 г) почти точно совпадает с эталонным весом византийского солида (4,548 г), допускавшим отклонение в 0,5 г. Эксагий был обнаружен в ходе раскопок Г.Д. Белова на северном берегу в 1931 г., в помещении VII, в слое, который датируется VI–VII вв.¹⁷². Аналогичный эксагий, но диаметром 22 мм и с монограммой внутри ободка, происходит из раскопок XI поперечной улицы в 1955 г., где он был найден в засыпи ямы для раствора извести, заброшенной, судя по материалам, не ранее конца VI в.¹⁷³. Вообще, большинство стеклянных разновесов принадлежат VI в. и первой половине VII в., после чего арабские вторжения подорвали административную систе- му, которая контролировала их производство и распространение¹⁷⁴.

В византийской монетной системе частями солида являлись такие монетные номиналы как тремисс – $1/3$ солида и семисс – $1/2$ соли-

¹⁷⁰ Климанова Л.Г., Н.П. Лихачев: византиноведение в рукописном наследии уче- ного // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. – С. 208; Entwistle C. Byzantine Weights. – P. 15, 87 – 90, №82 – 91.

¹⁷¹ Успенский Ф.И. [О бронзовых весовых знаках византийского происхождения, находящихся в коллекции] // Нумизматика и эпигр. – 1999. – Т. 16. – С. 101; Entwistle C. Op. cit. – P. 15.

¹⁷² Описание коллекций за 1931 г. с № 35466–35531 // Архив НЗХТ. – Д. № 656/2. – Л. 16; Белов Г.Д. Дневник раскопок Херсонеса в 1931 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 317. – Л. 17.

¹⁷³ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 23–24.

¹⁷⁴ Entwistle C. Op. cit. – P. 15; Гурулева В.В. Перспективы изучения... – С. 25.

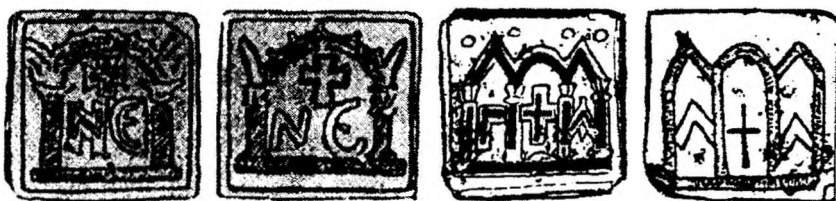

Рис. 87. Бронзовые эталонные гири из раскопок 1904 г.
(по К.К. Косцюшко-Валюжиничу, В.В. Гурулевой)

да. Очевидно, для их взвешивания служили бронзовые квадратные гири размерами от 9,4 до 11 мм и высотой 2,5–3 мм, которые весили 1,33 г (тремисс) или 1,92–2,05 г (семисс). Первые имели на лицевой стороне четыре точки по углам квадрата, а вторые – греческую букву N (50), нанесенную двойной линией или точками. Следовательно, монетные части солида имели хождение в ранневизантийском Херсоне, хотя самих золотых монет, составляющих части солида, здесь пока не найдено¹⁷⁵. Вместе с тем, об их заметной роли в местном денежном обращении, испытывавшем нехватку в разменной монете, свидетельствуют упоминания ссыльного папы Мартина I, который пытался приобрести хлеба «хоть на тремисс»¹⁷⁶.

Бронзовые гири той же квадратной формы, иногда большего веса, вплоть до унции (6 солидов), или в виде плоских кружков, чаще всего с греческой буквенной нумерацией в виде Β (2 нуммия) и ΙΒ (12 нуммиев), относятся к неоднократным находкам, происходящим из дореволюционных раскопок Херсонеса, и отчасти были изданы А.А. Васильевым¹⁷⁷. При этом особый интерес представляет набор весовых знаков, обнаруженный в 1904 г., в состав которого входили четыре бронзовые гири с изображением трехнефного храма, надписью *theu charis* («милость Божья») и указанием весового норматива в 1, 2, 3 и 6 унций (ΓΑ, ΓΒ, ΓΓ, ΓS), а также пять бронзовых эксагиев с изображением арки на двух кололоннах с акротери-

¹⁷⁵ См.: Золотарев М.И. Метрология средневекового Херсона. – Симферополь, 1973 (рукопись) // Архив НЗХТ. – Д. № 1694. – С. 40–41. В НЗХТ (инв. №12984) хранится тремисс Льва III с Константином (717–741), а еще два таких же номинала – Филиппика Вардана (711–713) и Льва III с Константином происходят из Скалистинского могильника. Вероятно, на внутреннем рынке византийских центров Таврики постоянно, а не только в VIII в., ощущалась нехватка разменной монеты, в том числе низких номиналов золотых монет (Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 440, прим. 4).

¹⁷⁶ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма... – С. 179, письмо XVII.

¹⁷⁷ Отчет за 1899 год // Архив НЗХТ. – Д. № 8. – Л. 34; Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 42, прим. 4; с. 44; Васильев А.А. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // ИРАИМК. – Пб., 1922. – Т. 2. – С. 237–240.

ями (портала храма?) и обозначением буквой N с серебряной инкрустацией весового стандарта для 2 (B), 3 (Г), 4 (D) и 5 (Є) номисм (последних два экземпляра) (рис. 87)¹⁷⁸.

Издатель набора не сообщил об обстоятельствах и точном месте находки, но из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича следует, что она была сделана в куче золы и углей в большом помещении 6, расположенном между казематом крепостной артиллерии и первым музеем — Складом древностей, то есть в восточной оконечности портового района Херсона, рядом с берегом Карантинной бухты¹⁷⁹. Это помещение соседствовало с помещениями 7 и 8, в которых были найдены два пифоса, а с западной и северной стороны примыкали две усыпальницы — кимитирия с многоярусными захоронениями¹⁸⁰. В одной из них, усыпальнице «д», трапецевидной формы (2,26 x 0,80 — 0,97 x 1,64 м), из бутового камня и оштукатуренной, среди костяков оказались остатки плотной шелковой ткани, возможно, от церковных облачений, стихарей, и 9 бронзовых пуговиц в виде бубенчиков. В другой усыпальнице, обнаруженной годом раньше, череп одного их похороненных нес следы ударов мечом или саблей¹⁸¹. На наличие рядом ранневизантийского общественного здания указывали остатки стен с кладкой *opus mixtum*, что, вкупе с обнаруженными здесь же многочисленными церковными древностями, элементами архитектурного декора интерьера, фресок, оконных стекол, позволило заведующему раскопок высказать предположение о некогда существовавшем на полосе откоса артиллерийского каземата небольшой церкви или часовни¹⁸². Однако находка здесь же ранневизантийского керамического рельефного штампа для оттиска евлогиев с упоминанием птохиона св. Фоки делает возможным видеть в этом архитектурном комплексе одноименный нищеприимный дом¹⁸³. Судя по тому, что обнаруженный

¹⁷⁸ Васильев А. А. Указ. соч. — С. 237–240; Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. — Симферополь, 1962. — Т. 2. — С. С. 101–112, №77, 94, 98, 100, 106, 122, 149, 159, рис. 21, 22, 24, 25; Гурулева В. В. Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докл. IX науч. Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 1997. — С. 11.

¹⁷⁹ Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. — Д. №13. — Л. 12–13 (А. Л. Бертъе-Делагард принял находки за «клише для облаток»); Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы... — С. 101, прим. 1, №77.

¹⁸⁰ Отчет за 1904 год. — Л. 30–31.

¹⁸¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе таврическом в 1903 году // ИАК. — 1905. — Вып. 16. — С. 2, рис. 1, 2.

¹⁸² Отчет за 1904 год. — Л. 18.

¹⁸³ См.: Производство археологических раскопок и разведок в Таврической губернии // ОАК за 1896 год. — СПб., 1898. — С. 71, рис. 315; Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. — СПб., 1898. — С. 165–166, рис. 531; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес — Херсон — Корсунь. — К., 2003. — С. 81–83.

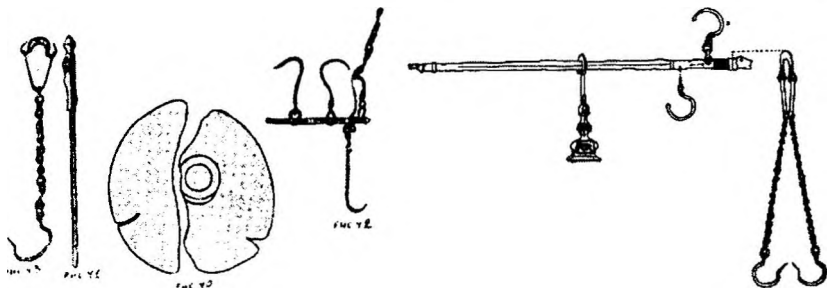

Рис. 88. Части бронзовых кампанов и зигиев, обнаруженные в портовом районе в 1906 г. (по А.И. Чуйстовой)

Рис. 89. Кампан VII в. Афины, Музей Бенаки (Greece and the Sea / Ed. A. Delivorias. — Athens, 1987. — №159)

в помещении № 6 набор принадлежал к разряду эталонных разновесов, которые, согласно новелле Юстиниана I от 545 г., должны были «... храниться в самых святых церквах каждого городов»¹⁸⁴, птохион св. Фоки столетиями мог выполнять роль такого хранилища. После VI в. это надолго стало правилом¹⁸⁵. Вообще, его постояльцы, преимущественно приезжие, моряки, торговцы, должны были более других испытывать нужду в услугах менял — трапезитов, каталлактов, наконец, просто весовщиков — зигостатов¹⁸⁶. Примечательно, что кроме бронзовых разновесов с изображением храма вместе с обломками бальзамариеев, частей точеных костяных коробочек, костяными пластинками шкатулки К.К. Косцюшко-Валюжиничем было отмечено три стеклянных эксагия диаметром 20–25 мм и крупные фрагменты бронзовых неравноплечных весов — кампанов с характерными крючками, прикрепленными к стержням безменов (рис. 88)¹⁸⁷. Совер-

¹⁸⁴ Гурулева В.В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. — 1999. — Т. 16. — С. 84.

¹⁸⁵ Entwistle C. Byzantine Weights. — P. 15; Ousterhout R. Secular Architecture // Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. — New York, 1997. — P. 196.

¹⁸⁶ Ср.: Kazdan A. Zygostates // The Oxford Dictionary of Byzantium. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 3. — P. 2232.

¹⁸⁷ «... часть небольшого бронзового безмена, впервые встречаемого устройства: взвешиваемый предмет прикреплялся к цепочке, которая при помощи петли свободно вращалась вокруг стержня, удерживаемая на конце его заостренной головкой. Уцелела лишь верхняя часть цепочки. Отсюда на стержне четырехгранной формы, на ушках, наглухо заклепанных, обращенных в разные стороны и в разном друг от друга расстоянии, прикреплены 3 крючка и далее идет уже более тонкий стержень с делениями, от которого сохранилась незначительная часть; тоже, но больших размеров, причем для прикрепления 3-х крючков в стержне проделаны выемки и сохранились бронзовые болтики, удерживающие крючки. От более тонкой, также 4-хгранной, части стержня с делениями разной величины на 3-х сторонах, уцелели два куса 0,21 м общей длины. Деления сильно

шенно аналогичные кампаны (большой и два малых) входили в состав имущества византийского корабля, около 626–630 гг. погибшего у о. Ясси-Ада (между юго-западным побережьем Турции и о. Кос) (рис. 89)¹⁸⁸. Им сопутствовал набор бронзовых гирь – баластов, инкрустированных серебром. Большой кампан позволял взвешивать до 126 кг груза и имел подвесной противовес в форме бюста богини Афины, что ни мало не смущало пользовавшихся им крещеных наветов, захвативших с собой в рейс кадилы с изображением креста на шарике.

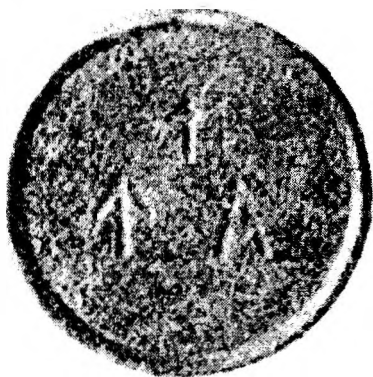

Рис. 90. Бронзовая гиря весом 305,7 г из раскопок 1905 г. (по К. К. Косцюшко-Валюжиничу)

Находки подобных гирь, как и весов, относятся к ранневизантийскому времени, преимущественно к VI–VII вв., хотя вообще точная датировка большей части весовых знаков весьма затруднительна, учитывая однотипность таких памятников и их длительное нахождение в обращении, которое могло исчисляться столетиями¹⁸⁹. Один из них, размерами 16,3 x 16,3 мм и высотой 5 мм, весом 8,07 г, с буквами NB (2 номисмы) в круге на лицевой стороне был найден в 1964 г. при раскопках в портовой части Херсона, на 16-й улице, в смешанном слое¹⁹⁰. Вообще, обращает внимание, что наиболее часто подобные гири и обломки кампанов, безменов – балансиров с греческой буквенной нумерацией на стержнях встречались именно в этом районе города¹⁹¹. Едва ли это случайно.

пострадали от окиси, но доступны для расследования специалистов; ясно читается буква N (50); цепь бронзовая массивная, 0,17 м длины, от большого безмена с крючком для взвешиваемого груза с одной и с приспособлением для вращения вокруг стержня с другой стороны. См. описание двух предыдущих частей» (Отчет за 1904 год. – Л. 17).

¹⁸⁸ См.: Bass G.F., van Doorninck F.H. A 7th Century Byzantine Shipwreck // *Nautical Archaeology*. – Texas, 1982. – P. 121 – 140; ср.: *Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections* / Ed. by D. Buckton. – London, 1994. – P. 100, №109.

¹⁸⁹ Ивашенко М.М. Находка византийского эксагия в Грузии // *КСИИМК*. – 1948. – Вып. 19. – С. 43–44; Золотарев М.И. Метрология... – С. 42; ср.: Гурулева В.В. Указ. соч. – С. 87. Свинцовая сферическая гиря с железной петлей для подвешивания к крюку подобного кампана присутствует среди материалов жилой усадьбы 2 (пом. 20) северного квартала X, сгоревшего в XIII в. (Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X... – С. 214, рис. 18, 8).

¹⁹⁰ НЗХТ, инв. № 36675/3.

¹⁹¹ Кроме указанных выше находок в 1904 г. эксагиев и обломков кампанов в виде четырехгранных стержней, к которым на цепочках крепились по три крючка, а на стержнях были нанесены буквенные деления, в 1906 г. в этом же районе

но благополучные времена. Так, число монет значительно уменьшилось с эпохи домината, когда произошла стабилизация Империи. На период правления Диоклетиана до Феодосия I приходится 5,20 % совокупных находок монет, а от Анастасия до Юстиниана I – всего 0,96 %²⁰².

Трудно подозревать упадок Херсонеса в IV–V вв., но именно тогда, после прекращения херсонесской чеканки в правление Галлиена, с 70-х гг. III в. город не выпускал собственную монету и обеспечивал сравнительно интенсивное денежное обращение за счет боспорских и общеимперских римских монет.

По аналогии с ситуацией эпохи «темных веков» это должно было бы указывать на «резкое сокращение денежного обращения и торговли», тогда как анализ источников, напротив, свидетельствует о стабилизации и даже определенном подъеме последней с некоторыми регионами Империи²⁰³.

Следовательно, обилие монетных находок не обязательно является показателем процветания экономики. Кроме того, надо учитывать то, что многие прежние исследователи не принимали во внимание: и во время работы, и в течение всех перерывов в деятельности официны раннесредневекового Херсона в городе из столетия в столетие свободно обращалась по принудительному курсу любая привозная и местная монета, даже старая римская, а затем ранневизантийская, что увеличивало объем монетной массы, необходимой для нормального функционирования рынка и для поддержания денежного обра-

²⁰² Романчук А. И. Этнические изменения в Юго-Западном Крыму в IV–VII вв. и судьбы причерноморских городов: концептуально-интерпретационный подход // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 136–137.

²⁰³ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья... – С. 60–76, 80, 86–87, 93, 98–100; Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 31–37, 43–45, 53–60, 111–117.

²⁰⁴ См.: Гилевич А. М. Монеты из раскопок в Херсонесе 1950 году // Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 192–193; Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 32–34; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 97, 104–107; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 109; Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // Проблемы античной культуры. Тезисы докл. Крымской науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 231–232; Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 3–14; Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 17; Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 120; Алексеенко Н. А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. – М., 1995. – С. 25–26.

щения на прежнем или даже более высоком уровне²⁰⁴. В этом опять-таки видится общеимперский феномен²⁰⁵.

Нехватка мелких номиналов компенсировалась даже тем, что крупные херсоно-византийские монеты конца VI в. достоинством в 4 и 8 пентануммий аккуратно разрубали пополам или на четыре части²⁰⁶. Поздняя эмиссия монет Тиверия Маврикия (582–602), чеканенных во втором выпуске херсонесского двора, имела меньший вес, чем монеты первого выпуска, ранней эмиссии: вес медных фоллисов постепенно снижался с 16,2 до 9 г²⁰⁷. Фоллисы Ираклия (610–641) имели уже только такой вес²⁰⁸. Однако почему в этом явлении надо видеть лишь деградацию, отражение кризисных явлений в византийской экономике? С куда большим основанием причину снижения веса самой ходовой монеты можно увязать со стремлением властей уравнивать вес местной и прочей византийской меди, связать традиционную монетную систему Херсона с общеимперской и, значит, с заинтересованностью Константинополя во включении города в единый денежный рынок Империи.

Правдоподобность такого объяснения тем более вероятна, что херсонский монетный двор оказался вовлечен в общеимперскую денежную реформу василевса Ираклия²⁰⁹. Вся масса находившихся обращении в первой половине VII в. чрезвычайно разнородных, разновременных медных монет, в том числе даже II–III вв., была унифицирована: крупные, контрмаркированные монограммой имени Ираклия, были приравнены к фоллисам, а прочие с помощью надчеканки в виде хризмы отождествлены с самым мелким из возникших после реформы Анастасия номиналов – пентануммием²¹⁰. Их узко-местное хождение преимущественно в границах «номисма-зоны» города и кастра, поселений Юго-Западной Таврики вполне объяснимо и экономически оправдано: бронзовые мелкие номиналы всегда удовлетворяли потребности обращения главным образом внутренних, локальных рынков²¹¹. Разуме-

²⁰⁵ Ср.: Пономарев А. Л. Чего нет, того не сосчитать? Или сколько в Византии чеканили монет // Математическое моделирование исторических процессов / Отв. ред. Л. И. Бородин. – М., 1996. – С. 224–235.

²⁰⁶ Грандмезон Н. Н. Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 212.

²⁰⁷ Соколова И. В. Монеты и печати... – С. 24.

²⁰⁸ Grierson Ph. Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. – Washington, 1968. – Vol. 2. – P. 38, 381; Соколова И. В. Указ. соч. – С. 27.

²⁰⁹ Алексеев Н. А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – М., 1995. – С. 25–26.

²¹⁰ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 104–109.

²¹¹ Местные херсонесские монеты и прежде, в первые века н. э., сравнительно редко покидали пределы города, концентрируясь преимущественно в его ближайшей округе и Хараксе (см. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья... – С. 77–80, 87, 93, 99). В «дальнем зарубежье», малоазийских и западнопонтских провинциях они почти не встречались.

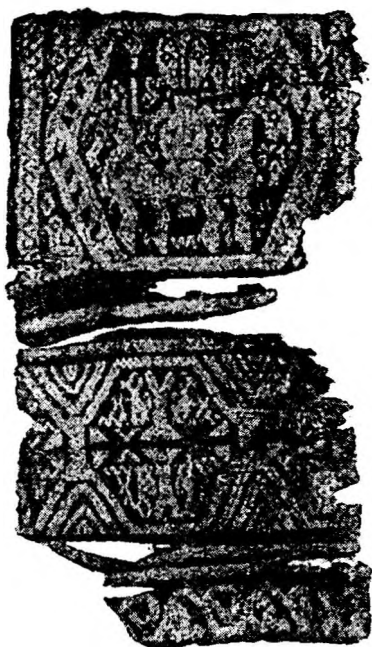

Рис. 92. Шелковая ткань с изображением всадника (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

ется, эта масса разнородных монет постоянно нуждалась в пересчете на периодически обновлявшуюся, новую шкалу денежных единиц, но это была забота херсонских менял, которые никогда не оставались без работы.

Морская торговля и импорт.

Часть привозных товаров составляли ткани и готовая одежда, пояса, в том числе шелковые, с вышитыми изображениями и орнаментом, которые изредка встречаются в склепах «римско-византийского времени», по определению К.К. Косцюшко-Валюжинича²¹². В найденной в портовом районе ранневизантийской усыпальнице, сложенной из каменных плит на извести, оказались восемь остонов. На голове одного из них, еще молодого человека, похороненного в отличие от остальных в гробу, сохранились приставшие к черепу куски шелковой круглой шапочки, отороченной лентой из золотных и серебряных нитей с шахматным узором в виде мелких параллелограммов, а поблизости лежали «кусоч шерстяного шнурка» и части широкого шелкового пояса с изображениями человеческой фигуры лицом в фас, льва, петуха и орнаментом²¹³. Очень похожие фрагменты плотной шелковой ткани, в том числе с хорошо сохранившимся изображением всадника лицом к зрителю и лошастью, идущей вправо, была найдена в гробнице на южной стороне большой агоры, рядом с базиликой № 28 (рис. 92)²¹⁴. Как церковные облачения – стихари с бубенчиковидными бронзовыми луговицами К.К. Косцюшко-Валюжинич интерпретировал обнаруженные в сложенной из бутового камня, оштукатуренной гробнице – кимитирии в восточном углу портового района, рядом со зданием с кладкой

²¹² Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. – СПб, 1893. – С. 4–5, №2.

²¹³ Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. № 12. – Л. 4–5; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1903 год. – СПб., 1906. – С. 22; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 38, рис. 1, 2; Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – № 46. – С. 315.

²¹⁴ Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. – С. 4, №2.

opus mixtum, обрывки плотной шелковой ткани с нашитыми гладью украшениями орнаментального характера, преимущественно розетками двоякого вида, образуемыми из широких жгутов²¹⁵. Некоторые историки относят такие «драгоценные товары Востока — пряности, ароматы, жемчуг, роскошные ткани, ювелирные изделия» к импорту в Таврику исключительно VI в.²¹⁶, но, во-первых, шелковые, даже расшитые ткани из так называемой метаксы, какие обычно именовали polymites («тканью в много нитей») или с уточнением — ехаполон («в шесть нитей»), октаполон («восемь нитей»), декаполон («десять нитей»), додекаполон («двенадцать нитей»), нельзя считать чем-то сверхдорогим, недоступным рядовым потребителям, а во-вторых, их производство и привоз не исчезли после VI в.²¹⁷.

На находившуюся под государственным контролем торговлю шелком (тканями и сырцом — метаксой) косвенно указывают находки на городище моливдулов Стефана, патрикия и коммеркиария апофики (659–668 гг.), некоего главного коммеркиария апофики Константинополя (688–689 гг.), Исидора коммеркиария (VII в.), которые синхронны сугдейским печатям коммеркиариев апофик столицы и Южного берега Понта²¹⁸. Вероятно, такими подвесными свинцовыми буллами опечатывались тюки с товарами, прохождение которых находилось под особенно пристальным вниманием государства.

Тоже самое можно сказать о привозе благовоний, масел. Тара для последних, в отличие от подавляющей массы напрочь истлевших тканей, легче фиксируется археологически. Так, в портовой части города и в «цитадели» встречаются находки красноглиняных амфорисков этого времени, вероятно, преимущественно первой половины VII столетия, с фигурными или монограммными клеймами в квадратных, круглых или треугольных рамках (рис. 93)²¹⁹. Сосуди-

²¹⁵ Отчет за 1904 год. — Л. 30 (трапецевидная усыпальница «д» при помещении к западу от каземата крепостной артиллерии).

²¹⁶ Ср.: История Византии: В 3 т. — М., 1967. — Т. 1. — С. 335.

²¹⁷ Византийская книга Эпарха. — С. 57, 81 (VIII. 2), 60, 83 (X. 1. 2); Granger-Taylor H. Byzantine Textiles // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. — London, 1994. — P. 16.

²¹⁸ Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5. — С. 123, №1; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 206, №10; с. 208, №26; ср.: Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 27). — Барнаул, 1995. — С. 119 — 123.

²¹⁹ Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. — Свердловск, 1973. — Вып. 10. — С. 247; Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. — С. 25, рис. 4; Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках на участке «Центр квартала» в 1982 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 2327. — Табл. XIV, 2; Романчук А. И. Раскопки в Херсонесе // АО 1985 г. — М., 1987. — С. 400; Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. — 1987. — Т. 48. — С. 99;

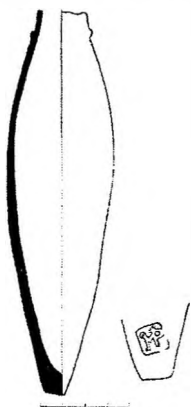

Рис. 93. Амфориск первой половины VII в. с монограммным клеймом (по А.И. Романчук, Э.И. Соломоник)

ки с желобчатым туловом и массивной плоско срезанной ножкой являлись, скорее всего, продукцией эргастриев запада Малой Азии, а веретенообразные, с гладким туловом и срезанным дном, покрытые красновато-коричневой обмазкой, выпускались в палестинских мастерских²²⁰. Повелось считать, что они служили для перевозки парфюмерии, хотя нельзя исключить их использование в качестве сосудов для святой воды и масла, которые находили широкое применение в литургических, апотропеических и лекарственных целях²²¹. Во всяком случае елей и смирна (миро) были в составе экспорта Палестины, откуда их вывозили в стеклянных шести- и восьмигранных сосудах, орнаментированных рельефными изображениями. Такие флаконы, изготовленные в районе Галилеи, датируют VI – первой четвертью VII в., а в Херсоне они известны в комплексах второй – третьей четверти VI в.²²². Подобная продукция попадала в город, очевидно, транзитом, через Константинополь или малоазийские портовые центры Пафлагонии, Понта²²³.

К изделиям византийско-средиземноморского круга, в том числе, вероятно, балканского происхождения, относятся некоторые варианты бронзовых пряжек (с прорезной обоймой, напоминающей личину; прямоугольной формы с врезными прямыми линиями вдоль боков и др.), которые датируются в рамках от середины VI до середины VII вв.²²⁴.

Устойчивые контакты с южночерноморскими городами, в частности, с Синопой – ключевым портом-эмпорием на кратком пути из Таврики через Черное море и обратно можно заметить в том, что епископ «Херсониса» Анастасий оказался погребен в этом заморском городе, о чем свидетельствует его надгробие, вопреки мнению С.П. Шестакова, датирующееся, очевидно, не VIII в., а не позднее конца VI в., когда вышла из употребления прежняя, античная фор-

Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред И.С. Чичуров. – М., 1991. – № 57-62; Болгов Н.Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. – Нижний Новгород, 2002. – С. 117.

²²⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 104.

²²¹ Hayes J.W. A Seventh – Century Pottery Group // DOP. – 1968. – № 22. – Р. 212.

²²² Сорокина Н.П. Три стеклянных сосуда IV в. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // Матеріали з архелогії Північного Причорномор'я. – Одеса, 1960. – С. 228–229, рис. 1; Голофаст Л.А. Стекло... – С. 146–147.

²²³ Голофаст Л.А. Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ: Византия и сопредельный мир. – Свердловск, 1990. – С. 52–54.

²²⁴ См.: Гавритухин И.О. Фибулы и ремешные гарнитуры из цистерны П – 1967 в Херсонесе // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 219–221, №7–8; с. 223.

ма названия города (Chersonesiu) (рис. 94)²²⁵. Не случайно Иордан указывал на важное торгово-экономическое значение Херсона к середине VI в., поскольку город, несмотря на близость кочевников (а может быть и благодаря ей), притягивал жадных, ненасытных торговцев, везших сюда самое разное добро Азии (quo Asiae bona avidus mercator important)²²⁶.

Изменения в политическом положении позднеантичного Херсона не привели в упадок его экономику. Можно говорить об изменении интенсивности херсонесской внешней торговли с Причерноморьем и Средиземноморьем, но не о кардинальной переориентации ее основных направлений по сравнению с IV–V вв.²²⁷. Указанные выше

<table border="1"> <tr> <td>IC</td> <td>XC</td> </tr> <tr> <td>N</td> <td>K</td> </tr> </table>	IC	XC	N	K	ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ ΤΟΣΟΜΑ ΑΝΑΣΤΑΣΙΟΥ ΤΟΥ ΚΑΙ ΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΧΕΡΣΟΝΗΣΙΟΥ
IC	XC				
N	K				

Рис. 94. Текст надгробной эпитафии Анастасия, епископа Херсониса. Синопа (Пафлагония)

²²⁵ Учитывая давние морские связи города и прохождение краткого пути от Таврики к пафлагонскому мысу Карамбис рядом с Синопой, сюда, скорее всего, мог попасть епископ Херсонеса Таврического, а не Фракийского и тем более Критского. См.: *Corpus Inscriptorum Graecarum* / Ed. A. Boeckh, I. Franzius, E. Curtius. — Berolini, 1856. — Vol. 4. — Fasc. 1. — P. 462, № 9261; Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в древних надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. — 1939. — № 3. — С. 289–290, № 69 (синопское надгробие венчает изображение в круге равноконечного креста, между концами которого в виде монограммы написана сакральная формула I (esu) Ch (risto)s n(i)k(a) (просфорный крест), после чего ниже следует текст эпитафии: *Enthade keitai to soma Anastasiou tou kai episkopou Chersonesious*; издатели оставляли дату памятника открытой); ср.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса VI–X вв. по Р. Х. — С. 37; Храпунов Н. И. О средневековом названии города Херсона (по данным церковных источников) // Восток — Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2002. — С. 44. Отказаться от мысли везти тело внезапно умершего епископа назад, через море, в Херсон могло вынудить, вероятно, только окончательное прекращение очередного навигационного сезона после ноября.

²²⁶ *Jordan Getica* / Ed. Th. Mommsen // MGH. — Berolini, 1882. — Т. 5. — P. 1. — P. 63 (§ 37); Иордан. О происхождении и деяниях Гетов. *Getica*. Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. — М., 1960. — С. 72, § 37.

²²⁷ Ср. Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // *Byzantinobulgarica*. — 1981. — Т. 7. — С. 319 сл.; Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи... — С. 60–76; Сорочан С. Б. Економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з заходом в Іст. до н.е. — Вст. н.е. // *Археологія*. — 1985. — № 50. — С. 14; Сорочан С. Б. Экономические связи Херсонеса Таврического с Балканами (I в. до н.э. — VI в. н.э.) // *Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. X Всесоюзная научная конференция историков — славистов 30 января — 1 февраля 1985 г. Тезисы докл. и сообщ.* — Харьков, 1985. — С. 156–157; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II–IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры*. — К., 1986. — С. 101–129; Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // *Археологія*. — 1989. — № 4. — С. 91–102; Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // *МАИЭТ*. — 1991. — Вып. 2. — С. 60–72.

слова Иордана говорят о том, что в представлении современников Херсон оставался городом, жившим в значительной мере за счет внешней торговли. В ранневизантийский период он продолжал сохранять функции торгово-ремесленного эмпория — посредника, пользовавшегося постоянной поддержкой Восточной Римской империи, поддерживал стабильные, регулярные связи с ее столицей и через нее мог осуществлять широкие опосредственные контакты с теми многочисленными центрами Западной Малой Азии (Фокеи), Фракии, Греции, Сирии, Палестины, Северной Африки, островов Эгейского моря, продукция которых (съестные припасы, вино, оливковое и кунжутное масло, амфоры, естественно, не пустые, разнообразная краснолаковая столовая посуда, в том числе со штампами, светильники, стеклянные сосуды, шелковые, льняные ткани, одежда и ее аксессуары, обувь, пояса, украшения, бижутерия, благовония, парфюмерия, елей, масла, лекарственные вещества) транзитом попадала в город²²⁸.

Не случайно, именно с середины VI в. на восточной оконечности городища, недалеко от порта, начал действовать, вероятно, херсонский архив, где собиралась документация таможенного, финансового, фискального характера²²⁹. Имеющиеся письменные ранневизантийские источники, при всей их скудности, позволяют заключить, что торговые, грузовые суда наиболее часто курсировали именно между Константинополем, Босфором и Херсоном, когда чаще, когда реже, но всегда неизменно заходя в его гавань во время навигационного сезона, начинавшегося с дня весеннего равноденствия и продолжавшегося до конца ноября²³⁰. Прихода именно этих «суденышек» (*naviculis*) с нетерпением ожидал в изгнании папа Мартин I, получавший с их помощью корреспонденцию из столицы и передачи «средств» (*expensae*), которые собирали для ссыльного его приверженцы²³¹.

Тесные связи со столицей нашли свое отражение даже в облике, быте города. Замечено, что подавляющее большинство привозных готовых карнизов, колонн, капителей, деталей амвонов, алтарных преград (*kankelloi tou bematos*) из проконнеского мрамора находит аналогии в Константинополе. Столь же характерно для столичной

²²⁸ Сорочан С. Б. Херсонес в системе константинопольской торговли IV — первой пол. VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тезисы докл. — Севастополь, 1988. — С. 104–107; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 89.

²²⁹ Степанова Е. В. Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001. — С. 20.

²³⁰ Сиротенко В. Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // УЗ Перм. гос. ун-та. — 1964. — № 117. — С. 99–105.

²³¹ Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма... — Письмо XVI, с. 178, коммент. 12; письмо XVII, с. 179, коммент. 5.

архитектурной школы было использование кладки *opus mixtum*, широко применявшейся в общественном строительстве²³². Признаком столичного влияния можно видеть и в синтронах — скамьях для духовенства, со временем появившихся в алтарной апсиде целого ряда херсонских храмов — кафоликонов (в базиликах №13, 23, крестовидных храмах №19, 27, Богоматери Влахернской). В местной культовой архитектуре ранневизантийского времени прослеживаются равеннский, малоазийский и константинопольский следы. Последний, будучи замечен А. Л. Якобсоном и Ю. Г. Лосицким, не получил достаточного обоснования²³³. Тем не менее он дал ключ к поискам, принятый И. А. Завадской, которая внимательно рассмотрела пропорции ранних херсонесских христианских храмов, характер оформления их предалтарного пространства, формы апсид, зачастую многогранных, колонны, мозаичные полы, технику кладки и в итоге пришла к убедительному заключению, разделяемому другими исследователями, что главным ориентиром для местных строителей была все же столичная греческая архитектурная школа с примесью ближневосточного и малоазийского влияния²³⁴. В этом доминировании константинопольских архитектурных канонов угадывается отражение основных направлений не только политических, культурных, но и постоянных экономических связей города, которые вели через крупнейшие портовые центры севера Малой Азии к столице Империи.

Исследователи насчитывают в Херсоне VII в. не менее 23 классов амфор (42,6%), в том числе продукции эгейских остовов, Кипра, сиропалестинские, типа «Газа», египетских, североафриканских, карфагенских форм и другие, привезенные из византийских провинций Малой Азии, с южного берега Понта и из Восточного Средиземноморья²³⁵.

²³² Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. — 2001. — Вып. 8. — С. 273.

²³³ Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. — 1988. — Т. 49. — С. 163, 166; Лосицкий Ю. Г. Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. — 1991. — № 2. — С. 95.

²³⁴ Завадская И. А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам): Дис.... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т. — Симферополь, 2000. — С. 132-155; Завадська І. А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками): Автореф. дис.... канд. іст. наук. — К., 2000. — С. 10-12; Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры... — С. 261-279; ср.: Бернацки А. Б. Вета в раннехристианских базиликах Херсонеса Таврического и Новы (Болгария) // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2003. — С. 8-9.

²³⁵ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. — Екатеринбург, 1995. — С. 6-45; Сазанов А. В. Амфоры Газы ранневизантийского времени в Северном Причерноморье // Проблемы истории Крыма. — Симферополь, 1991. — С. 106-108; Сазанов А. В. Світлоглинняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV-VII ст. н. е.) // Археологія. — 1992. — № 1. — С. 51-59; Сазанов А. В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический

Большинство их бытовало до второй четверти столетия, но встречаются и такие, которые не исчезли из состава экспортных товаров до третьей четверти – конца VII в. (с воронкообразным горлом, с сильно вытянутым, морковкообразным копусом, типа «Газа»)²³⁶. Им сопутствуют находки поздней краснолаковой столовой керамики, неглубоких мисок, чаш с утолщенным бортиком, на дне которых встречаются оттиснутые изображения птиц, крестов и иные штампы; блюда на высоком поддоне с горизонтально отогнутым краем и хорошо заглаженной светло-желтой поверхностью, так называемый «позднеримский тип С», «триполитанский А», «северо-африканские» сосуды (Hayes 95, 105 и др.), особенно многочисленная «фокейская сигиллата» западномалоазийского производства, другая импортная столовая посуда²³⁷. Комплексы такой керамики датируются концом VI – началом VII вв., первой четвертью VII в. (заполнение колодца в I квартале с монетой 582-602 гг.; так называемое «помещение с пифосами» в портовом квартале 2 с монетой 602–610 г.) и серединой – третьей четвертью VII в. (комплекс в районе 17 куртины с монетой 641–668 гг.)²³⁸.

Следует особо подчеркнуть, что, согласно классификации Дж. Хейса, средиземноморская краснолаковая столовая керамика типа «позднеримский С» (формы 10, 99, 104) и «позднеримский D» поступала, скорее всего, через Константинополь в Херсон, где встре-

вестник. – 1992. – № 2. – С. 100-112; Романчук А.И. Очерки... – С. 171; Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 101, 102–103, 121.

²³⁶ В восточносредиземноморских амфорах типа «Газа», вероятно, транспортировали не только вино, но и кунжутное масло (Blakely J.A. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // Bulletin of the American Schools of Oriental Research in Jerusalem. – 1988. – Vol. 271. – P. 38).

²³⁷ Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. – С. 26, рис. 6, 1, 4-9; 7, 1-3; Романчук А.И., Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона / Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. – Вып. 1. – Свердловск, 1991. – С. 32-35; Сазанов А.В. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. н. э. из Херсонеса // КСИА. – 1992. – Вып. 208. – С. 40-46; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. – 1994. – Вып. 4. – С. 406-433; Голофаф Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 77–83; Голофаф Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 135–216.

²³⁸ Сазанов А.В. Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы междунаро. конф. – Симферополь, 1994. – С. 62-63; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la ceramique // Colloquia pontica. – 2000. – Vol. 5. – P. 123-149; Романчук А.И. Очерки... – С. 169–176, табл. 7. 2 (комплексы I A, I B 1, I B 2 в портовом районе).

²³⁹ Hayes J.W. Late Roman Pottery. – London, 1972. – P. 371; Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter // BS. – 1992. – T. 53. – Fasc. 2. – S. 207.

чается в комплексах вплоть до третьей четверти конца VII в.²³⁹. «Фокейская силллата» присутствует в большинстве херсонесских комплексов второй половины VII в. и ее исчезновение после этого времени объясняется не разрывом торговых связей, а, как и в других регионах, прекращением производства этой посуды²⁴⁰. Выходит, состав экспорта не претерпел существенных изменений, и можно определенно сказать, что город не вышел из состава средиземноморского рынка. Херсониты располагали средствами достаточными для того, чтобы покупать импортную столовую посуду, импортное вино и масло в амфорах, произведенных в крупнейших центрах Малой Азии, Сирии, Палестины, Северной Африки, более того, предпочитали эту продукцию местной.

Видимо, те «суровые репрессии во время правления Фоки против монофелитов и евреев», то есть торгового населения сирийских городов, на которые указывают исследователи, как на причину сокращения торговли, равно как и военные неурядицы в Малой Азии и Сирии²⁴¹, не были столь значительны для того, чтобы вызвать переориентацию торгово-экономических контактов или их существенное сокращение. К тому же после блестящих побед василевса Ираклия в 622-629 гг. порядок был восстановлен почти во всех провинциях, в том числе и в Сирии, которая оставалась одной из наиболее процветавших частей Империи, а купцы ее приморских портов участвовали в оживленной международной торговле и после арабского завоевания²⁴².

Не следует преувеличивать трагичность последствий войн византийцев с Омейядами, а также славянской колонизации части территории Балкан (см.: рис. 58)²⁴³. До 679/680 г. Романия сохраняла контроль даже над дунайской границей²⁴⁴. На Балканах славяне в целом признавали власть Империи и уже в VII-VIII вв. подвергались быстрой ассимиляции²⁴⁵. Победив арабов, Константин IV в 680 г. заключил с ними 30-летний мир, причем даже на условии уплаты в пользу Романии ежегодной дани, «и великая тишина утвердилась и на Востоке, и на Западе» (*kai egeneto amerimnia megate*

²⁴⁰ Голофаост Л. А. Штампы V – VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой»... – С. 176 – 177.

²⁴¹ См. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – С. 46; Романчук А. И. Очерки... – С. 183.

²⁴² Сорочан С. Б. Византия IV – IX вв.: этюды рынка. – С. 330-331.

²⁴³ Подр. см.: Сорочан С. Б. Указ. соч. – С. 323 – 337.

²⁴⁴ Chrysos E. Die Nordgrenze des byzantinischen Reiches im 6. bis 8. Jh. // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jh. – München; Berlin, 1987. – S. 27-40; Velkov V. Der Donaulimes in Bulgarien und das Vordringen der Slawen // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jh. – München; Berlin, 1987. – S. 141-169.

²⁴⁵ Karayannopoulos G. Les Slaves en Macedoine. Le pretendue interruption des communications entre Constantinople et Thessalonique du 7 au 9 siecle // Bakirtzis Ch. A propos de la basilique paleochretienne de Kipia. – Athenes, 1989. – P. 9-38.

Рис. 95. Константин IV (668–685).
Солид, золото
(по В. Треггольду)

ства и источником его военной мощи, поставлявшим лучших стратиотов и навтов. Греческую Малую Азию, — главную опору ромейской монархии, — долгое время отличала особенно крепкая связь с Империей, и к тому же до XI в. она не подвергалась серьезным этническим изменениям, если не считать переселений армян. При всей экономической значимости Сирия, Египет или Месопотамия не были столь важны и потеря их не обернулась непоправимой государственной катастрофой²⁴⁸. О возврате же такой далекой периферии как Северная Африка и южная часть Пиренейского полуострова василевсы даже не думали, поскольку страна довольно быстро научилась обходиться без них.

Особых потрясений в связи с этими событиями тем более не пережила Таврика. Не случайно процентное распределение видов амфор по периодам свидетельствует, что ранневизантийский Херсон имел почти в полтора раза больше торговых партнеров, чем в IX в. и в пять раз больше, чем в XI в.²⁴⁹.

Тогово-экономические связи с федератами. Если с середины — второй половины VII в. количество находок, известных в Средизем-

е *te te anatole kai dysei*) (рис. 95)²⁴⁶. Акты Шестого и Пято-Шестого синодов 681 и 692 гг. указывают на «достаточно бойкую», по выражению М.Я. Сюзюмова, городскую жизнь и называют свыше 40 зачастую весьма обширных провинций, как на востоке, в азиатской части Романии, так и на Западе, на Балканах, охватывавших огромную даже по нынешним меркам территорию примерно в 500 тыс. кв. км²⁴⁷. Ядро державы, включавшее земли двух крупнейших полуостровов и острова Эгеиды, оказалось сохранено, а именно оно являлось жизненным центром государ-

²⁴⁶ Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1: Textum graecum continens. — P. 356. 8; ср. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Accedit Ignatii Diaconi Vita Nicephori. — Leipzig, 1880. — P. 32-33.

²⁴⁷ Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. — Leipzig, 1899. — S. 64-65; Гоголев Д.А. Города и крепости Византии в VII — первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Тюменский государственный университет. — Тюмень, 2002. — С. 17.

²⁴⁸ Maull O. Der Einfluss geographischer Faktoren auf die Geschichte des byzantinischen Reiches // Südost — Forschungen. — München, 1962. — Bd. 21. — S. 6-18; Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. — Cambridge, 1990. — P. 390 f.

²⁴⁹ Ср.: Романчук А.И. Очерки истории и археологии... — С. 175 — 176, прим. 29.

номорско – Черноморском регионе, для города сокращается, то зато начинают преобладать главным образом натуральные по своему характеру связи с сельской периферией в Юго-Западном Крыму²⁵⁰.

Представляется, что они прочно осуществлялись через город с Мангупом, который, по мнению большинства исследователей, может быть отождествлен с Дори (Доросом или Дарасом)²⁵¹. Очевидно, именно это место, расположенное в 25 км от Херсона, упоминается в эпиграфических и нарративных источниках VI–VIII вв. как центр «хоры» (области, страны) Дори²⁵².

Предпринимаемые едва ли не с XVIII в. попытки некоторых историков совместить его с инкерманской крепостью Каламита или «пещерным» городом на плато Эски-Кермен не выглядят достаточно убедительными и обоснованными, строясь на слишком большом числе допущений²⁵³.

Все более увеличивавшееся население Мангупа уже со второй половины III–IV вв. получало привозные амфоры, посуду, украшения, пряжки, что свидетельствует о включении этого поселения с окрестностями в сферу торгового обмена и экономического влияния

²⁵⁰ Романчук А.И. Херсонес... – С. 37; Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 12.

²⁵¹ Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953. – № 34. – С. 325–333; Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990. – С. 65–66; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 694; Герцен А.Г. Крепость Дорос: Византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь. Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 118; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 119; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 43. А.К. Амброс безосновательно полагал, что Дорос сначала находился в крепости Эски-Кермен, но затем был все же перенесен в Мангуп, «более удобный для феодального города» (Амброс А.К. Юго-Западный Крым. Могильники V–VII // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 65).

²⁵² Сомнений в этом не было еще в середине XVI в., когда Брусбек, посол германского императора Фердинанда, не только записал 68 слов из языка крымских готов, но и определенно указал, что столица их некогда находилась на Мангупе (см.: Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. – М., 1983. – С. 236–241).

²⁵³ См.: Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Готский сборник: ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 134–138; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 57; Sidorenko V.A. Procopius of Caesarea Concerning the Dory Region and the Long Walls of Byzantine Cherson // Acts, 18th International Byzantine Congress, Collected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991. – Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. – Sheperdstown, 1996. – P. 94–95; Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 116–117; Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 587.

Восточноримской империи²⁵⁴. Напластования ранневизантийского времени, до VIII в., выявлены на мысе Тешкли-бурун, а также рядом с ним и в центральной части плато²⁵⁵. Кроме того, находки этого времени присутствуют в качестве переотложенного материала в выше лежащих слоях Мангупа, что объясняется уничтожением большей части руин и культурных напластований в XIV–XV вв., когда здесь находилась столица княжества Феодоро²⁵⁶. Византийско-коринфские капители, архитектурные детали из проконесского мрамора, фрагменты храмового декора явно ромейского происхождения, очевидно, тоже попадали сюда из византийских пределов, как и аналогичные находки на Эски-Кермене, Чуфут-Кале и у подножья плато, а также в долине р. Бельбек, у подножья Пампук-Кая, в Партените, Тиритаке, в портовой части Боспора²⁵⁷.

Во второй половине VI–VII вв. из столицы Византии на Мангуп поступали предписания, послания высших чиновников главного финансового управления Империи, таких как логофет, партикий Дорфей – факт сам по себе указывающий на «доходно-росходную» суть этих связей центральных и местных властей²⁵⁸. Уже В.Г. Васи-

²⁵⁴ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи... – С. 86; Герцен А.Г. Исследование Мангупской крепости // АО 1981 года. – М., 1983. – С. 251–252; Сидоренко В.А. Исследование склепов горы Мангуп // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 329–330; Бармина Н.И. Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Тарки: Дис... канд. ист. наук / Институт археологии АН УССР. – М., 1983. – С. 50, 74–75, 88–89, 137; Герцен А.Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 97–98.

²⁵⁵ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997. – С. 69–70.

²⁵⁶ Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX – XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 132.

²⁵⁷ Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. – 1909. – Вып. 32. – С. 137, рис. 46–48, 50; Бармина Н.И. Историческое место... – С. 54–55, 108–109; Якобсон А.Л. Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. – 1940. – Т. 6. – С. 214–215, 218–219, рис. 8; Тиханова М.А. Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. МИА. – 1953. – № 34. – С. 337 – 338; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 123, прим. 1; с. 195; Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–29 гг.) // ИТУАК. – Симферополь, 1929. – Т. 30 (60). – С. 175–177, рис. 4–5; Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневекового Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 60–61, рис. 14; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 121; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 24; Гещен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. – Симферополь, 1995. – С. 86; Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – 1940. – Т. 6. – С. 198–199.

²⁵⁸ Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92; Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византий-

левский подчеркивал, что все окраинные причерноморские города Византии выполняли роль центров посреднической торговли с варварами²⁵⁹ и Херсон в этом отношении не был исключением.

Вхождение Мангупа – Дороса (Дори) в состав единой церковной епархии «Херсона Доранта» – Херсона Дорантского или Дорийского (Chersonos tes Dorantos)²⁶⁰ свидетельствует о тесных связях, существовавших в это время между ромейским Херсоном и областью, заселенной «энспондами» Империи, которые включали в свой состав потомков северокавказских ираноязычных алан и германцев – готов, очевидно, главенствовавших в военном отношении²⁶¹. Город Херсонес называли Дора (to Dorou) уже за пять столетий до этого, в надписи II в. в честь Гермеса, очевидно, подразумевая при этом полис, находившийся под защитой сакрального эпонима дорийцев – Дора²⁶². Прошедшие с тех пор века, вероятно, заставили забыть первоначальный, исконный смысл названия, но сохранили в памяти местного населения его привычное звучание. Из названия самой епархии, епископ которой, Георгий, поставил свою подпись под актами Вселенского Пято-Шестого собора 692 г., следует, что церковные приходы всей «страны Дори» подчинялись епископу, находившемуся в Херсоне, и сама область воспринималась как нераздельное с ним целое²⁶³. При этом, эти связи оставались определяющими в жизни на-

ские моливдовлы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 61–65, рис. 1.

²⁵⁹ Васильевский В.Г. Заливалова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 155–156.

²⁶⁰ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... – Graz, 1960. – Col. 992; Ohme H. Das Concillium Quinisextum und seine Bischofsliste (Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692) / Arbeiten zum Kirchengeschichte. – Berlin; New York, 1990. – S. 151.

²⁶¹ Пиоро И.С. Крымская Готия. – С. 63–64; Герцен А.Г. Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья (IV–IX вв.); Тезисы междунаро. конф. – Симферополь, 1994. – С. 10–11. А.Г. Герцен верно отметил по этому поводу, что консолидация здешнего этнического конгломерата шла «... не только в военно-политическом отношении, но и в культурном, приводя к формированию весьма сходных элементов и комплексов материальной и духовной культуры, терявших свою этническую специфику», в результате чего со временем родился собирательный этноним «готоаланы» (они же херсаки), употреблявшийся для обозначения жителей Юго-Западной Таврики (подр. см.: Герцен А.Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000. – С. 15–16, 18).

²⁶² IosPE, I², №436; Латышев В.В. Новый гимн в честь Гермеса // Латышев В.В. PONTIKA. – СПб., 1909. – С. 311–313.

²⁶³ Брун Ф. Черноморские готы и следы долгого пребывания их в южной России // Записки имп. АН. – Т. 24. – Кн. I. – С. 24; Житие Иоана Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 381; Сидоренко В.А. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы междунаро. конф. – Симферополь, 1994. – С. 65–69; Науменко В.Е. К

селения Дороса по меньшей мере до конца VIII в.²⁶⁴, несмотря на то, что на моливдуле епископа Херсона Захария, относящемуся к первой половине этого столетия, указание на Дорант не фигурировало²⁶⁵. Отсутствие в нотициях VII–VIII вв. (№1–2 по Ж. Дарруже)

вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы... – С. 693–694; ср.: Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 189–190; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. – P. 78–79. Последний полагал, что в названии епархии епископа Гергия между Херсоном и Дорантом должен был стоять союз *kai* и, значит, речь шла о двух разных церковных округах одной епархии. Однако в подписи под актами синода явно стоит *tes*, как и во всех случаях, когда следовало уточняющее указание на местонахождение главного церковного центра на территории конкретной, единой епархии или области (ср.: Ohme H. *Das Concillium Quinisextum und seine Bischogsliste* – Berlin; New York, 1990). Нет весомых оснований считать, что и позже, в VIII в. Готфия вышла из-под церковной юрисдикции епископа Херсона, если не считать единственного смутного упоминания агиографического источника постиконоборческого периода о «епископе Готфии» (*Gotthias Episkopos*) и его присутствии на иконоборческом синоде 754 г., причем на фоне полного молчания нотиций до IX в. о такой самостоятельной епархии (см.: Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 26, sec. 1; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 119–122; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – С. 106–115; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 624–630). Вероятно, именно это обстоятельство, – долгое вхождение Херсона и Готфии в одно епископство, – и связанная с ним соответствующая церковная документация послужили тем загадочным весомым аргументом в ожесточенном споре высших церковных иерархов Таврики, разразившемся в последней четверти XIV в., когда митрополит Херсонский сумел убедить патриарха Макария (1376–1379, 1390–1391) и был в конечном итоге поддержан вассилевсом Иоанном VII Палеологом в том, что место Кинсанус и еще шесть расположенных около него значительных южнобережных приходов (хоры Фуна, Алапия, Алустон, Лампадопартенита, Сикита, Хрихари) издревле принадлежали к епархии Херсона (см.: *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* / Collecta ediderunt F. Miklosich, I. Müller. – Vindobonae, 1862. – Т. 2. – № 355, 370, 419; Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986. – С. 174 – 176; Богданова Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 25–32). На тесную связь с Херсоном окрестных кастра и полисов указывает также расправа, устроенная в 710 или 711 г. по приказу Юстиниана II как над херсонскими протевонами, так и над простатевонтами, управлявшими в соседних с ним областях. – фемах или архонтиях (позже – климата). Для жаждавшего места вассилевса они все были его личные, кровные враги, невольные подданные, действовавшие заодно (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» «Феофана», «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 156, 164).

²⁶⁴ Герцен А. Г. О крепостном строительстве на Мангупе // Архив НЗХТ. – Д. № 2385. – Л. 26; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 135.

²⁶⁵ Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. – С. 161, №10; Смычков К. Д. Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 127.

каких-либо упоминаний об иной, кроме Херсона и Боспора, епархии на полуострове свидетельствует о церковном подчинении хоры Дори херсонскому епископу по крайней мере до начала IX в.²⁶⁶

Массовый археологический материал VI–VII вв. показывает, что обитатели Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы, Алустона почти все необходимое (амфоры с вином и маслом, металлические, стеклянные, гончарные изделия) получали в виде импорта из Херсона и, судя по многочисленным находкам византийских бронзовых монет, были знакомы не только с меновой, натуральной, но и денежной торговлей, какая велась в пределах имперского рынка²⁶⁷. Это алано-готское население, скорее, вписалось в существовавшие здесь экономические отношения, нежели изменило их. Собственное ремесленное производство федератов носило весьма скромный, подсобный, домашний характер и было неразвито, в отличие от занятий отгонно-пастбищным скотоводством и земледелием. Значит, они являлись потребителями привозной продукции, но и в свою очередь могли продавать что-то городу, скорее всего, какую-то часть выращенных в Юго-Западной Таврике сельскохозяйственных продуктов, продуктов животноводства, сырья и зерна, которого особенно не хватало городу, ограниченному сократившейся ко второй половине V в. аграрной базой на Гераклеяском полуострове²⁶⁸.

Уже давно замечено, что инвентарь погребений Эски-Керменского могильника, принадлежавшего окрестным жителям, состоит из вещей византийского происхождения, особенно украшений, пряжек²⁶⁹.

²⁶⁶ Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatus*) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 132 – 133.

²⁶⁷ Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV – IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 55–67; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 183; Сазанов А. В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 38–49; Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 86; Герцен А. Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 12, 13; Мыц В. Л. Алустон в VI – VII вв. // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – Рис. 2; Герцен А. Г. Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 18.

²⁶⁸ Ср.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. – К., 1993. – С. 35–36; Сорочан С. Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. – Харьков, 1994. – С. 69–70; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 115–116.

²⁶⁹ Яacobson А. Л. Средневековый Крым. – С. 17.

Показателями прочной втянутости оседлого местного населения в сферу экономического влияния контрагентов византийского круга могут также служить находки фибул, фигурных пряжек, серебряного колта с изображением Георгия Победоносца и других вещей из склепов VI–VIII вв. большого могильника, открытого на левом берегу р. Кача около с. Баштановка²⁷⁰. Концом VI – первой половиной VII вв., серединой VII в., второй половиной VII в. датируются фибулы «Аквилея» и другие типы застежек, пряжек (типа «Сиракузы», «Бал-Гота»), во множестве присутствующие в инвентаре погребений из могильников у с. Скалистое, Узень-Баш, Суук-Су, Лучистое²⁷¹. Не мудрено, что Н. Л. Эрнст, раскопавший в 1927 г. склепы некрополя Узень-Баш в Байдарской долине, одной из самых обширных и плодородных в «готской земле», определил их как византийские²⁷². Об успехах роменизации, а значит, прочности контактов ко второй половине VII в. свидетельствуют значительные изменения в костюме местных «готоаланов»: традиционная германская одежда зачастую вытесняется костюмом с византийскими украшениями и пряжками (см.: рис. 52–57)²⁷³. О важности таких контактов косвенно указывают находки амулетов-медальонов с изображением св. Мина, особенно популярного именно потому, что он не только обладал даром исцеления, но и являлся покровителем путников и торговцев, путешествовавших по местным дорогам и центрам хоры Дори²⁷⁴.

Вообще, судя по большому количеству могильников, плотность населения Юго-Западной Таврики была весьма высокой, а это в свою очередь указывает на относительно благоприятные экономические и политические условия здешней жизни²⁷⁵. В демографическом подъеме, наметившемся уже к концу VII в., свою роль сыграли не только пришельцы, протоболгары, но и миграция из Романии, которая была вызвана победой православия на VI Вселенском синоде 680–681 гг., что подтолкнуло к переселению наиболее стойких сторонников монофиситства и монофелитства. Видимо, отсюда произошел рост числа плитовых могил на южнобережных

²⁷⁰ Пиоро И. С. Крымская Готия. – С. 135.

²⁷¹ См.: Айбабин А. И. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИ-ЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 119, рис. II, V; Aibabin A., Khairedinova E. Un nouvel ensemble de fibules digitées provenant de la necropole de Loutchistoe // *Colloquia pontica*. – 2000. – Vol. 5. – P. 65-87.

²⁷² Айбабин А. И. Об этнической атрибуции... – С. 118.

²⁷³ Айбабин А. И. Этническая история... – С. 229.

²⁷⁴ Айбабин А. И. Медальоны с изображением святых из раннесредневековых могильников области Дори // Символ в философии и религии. VI Крымская Международ. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 3; ср.: Каковкин А. Я. Паломнический центр Абу Мина и его памятники (По материалам коптской коллекции Эрмитажа) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. – СПб., 2001. – С. 18–28.

²⁷⁵ См.: Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. – С. 66; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 92, рис. 33.

кладбищах, связанный с распространением христианского обряда погребения. Лично посетивший Херсон Феодор, автор краткого мартирия о пострадавших за сопротивление монофилитству братьях — монахах Еврепии и Феодоре, составленном после 667 г., упоминает город середины VII в. и окружавшие его «крепости племен» (*kastrois ton ekeise parakeitenon ethnon, castris gentium*), находившиеся под контролем византийских властей (в противном случае сюда не отправляли бы ссыльных из Херсона), но ни слова не говорит о «тяжелом экономическом положении и запустении города», как утверждал Д. Л. Талис²⁷⁶. По тем же причинам нет оснований говорить о том, что «к последней трети VII в. византийские владения в Крыму сократились до пределов собственно города Херсона»²⁷⁷.

Реальность и вымысел в письмах папы Мартина. Данные археологических источников, в том числе материалы крымских могильников, никак не увязываются с утверждением о том, что северное направление торгово-экономической политики Империи ромеев находилось с VII в. в небрежении, а Херсон, отрезанный тюрками и другими кочевыми пришельцами от смежного земледельческого района, оказался «в плачевном положении», заброшен, лишен регулярной связи с Малой Азией и «попал в тиски нищеты и голода», якобы согласно письмам жившего там с весны до осени 655 г. (15 мая — 16 сентября) ссыльного папы Мартина I²⁷⁸. Комментируя перевод этих пи-

²⁷⁶ Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypnometricum // PG. — 1853. — Т. 129. — Col. 684 D; Istorica syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota paran Romes kai ton oaion Maximon kai ton syn auto // Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. — К., 1917. — С. 14. 13; ср.: Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсона... — С. 63.

²⁷⁷ Ср.: Храпунов Н. И. О континуитете администрации византийского Херсона // Древности 2004. — Харьков, 2004. — С. 52.

²⁷⁸ Шестаков С. П. Папа Мартин I в Херсонесе // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле, 1905. — М., 1908. — С. 136–144; Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. — 1954. — Т. 21. — С. 153, прим. 3; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. — London. 1971. — P. 171; Юрочкин В. Ю., Джанов А. В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. — Симферополь, 2002. — С. 53. А. И. Романчук одна из первых стала последовательно и справедливо возражать против безоговорочного признания этих двух писем за доказательство абсолютного упадка, аграризации экономики города, призывая исследователей учитывать как субъективные, так и объективные факторы, повлиявшие на содержание источника (см.: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. — 1972. — Вып. 8. — С. 44; Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. — С. 5; Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter: städtische Funktionen und ihre Widerspiegelung in den Quellen // BS. — 1992. — Т. 53. — Fasc. 2. — S. 203). О хронологии пребывания Мартина I в областях Херсона см.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма. — С. 191, комм. 16 к письму XVII. Всего папа провел в ссылке в Крыму 124 дня, а не полгода (ср.: Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10. — С. 421).

сем, давно привлекающих внимание исследователей, О. Р. Бородин сделал вывод, что сложившееся в это время напряженное положение с продовольствием в городе объясняется ослабление торговых связей между Южным берегом Понта и Херсоном с 30-х гг. VII в. в связи с нашествиями арабов во внутренние области Малой Азии²⁷⁹. Видимо, аналогичное мнение разделяет В. Зайбт, когда пишет о критическом положении, в котором оказалась Империя в результате «гнета арабов»²⁸⁰. Но есть ли веские основания рассматривать упомянутые письма только под таким, «кризисным» углом зрения?

В определенной мере такого рода предположение строится на абсолютизации негативного действия военного фактора, что уже само по себе неправомерно, поскольку последний проявлялся в ранее средневековые главным образом в форме рейдовой войны и не мог вызвать повсеместно длительных кардинальных изменений²⁸¹. К тому же ранние походы при Омаре I (634–644) и Османе (644–656) нанесли урон лишь Киликии, Каппадокии и некоторым другим восточным пограничным районам Малой Азии, но не затронули земель к северу и западу от гор Тавра, то есть глубин полуострова, а южно-черноморского побережья, с которым тесно контактировал Херсон, нападения мусульман, похоже, вообще не достигали, если не считать кратковременного захвата Трапезунда в 654 г. полководцем Моавией (см.: рис. 58)²⁸². Начавшаяся вскоре гражданская война вынудила арабов оставить почти все захваченные Моавией территории, кроме сохранения протектората над Арменией²⁸³. Причем описанная Мартином I ситуация относится к тому времени, когда вследствие войн и внутренней борьбы политическая роль тюрков уже сошла на нет, их каганат пришел в окончательный упадок к середине VII в., а новые пришельцы – хазары, как уже было сказано, стали закрепляться в Таврике лишь с 80-90-х гг. VII столетия²⁸⁴.

В 651 г. конфедеративная держава тюрков подчинилась тайскому Китаю, прикаспийские хазары освободились от Западнотюркского каганата, а Хазарский каганат получил независимость и стал наби-

²⁷⁹ Бородин О. Р. Римский папа Мартин I... – С. 184, комм. 10; С. 188, комм. 5.

²⁸⁰ Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 307.

²⁸¹ Сорочан С. Б. О роли военного фактора в судьбе византийского города в «темные века». – С. 186–198.

²⁸² Weil G. Geschichte der Chalifen. – Mannheim, Stuttgart, 1846. – Bd. 1. – С. 54–260; Большаков О. Г. Византия и Халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 361. Только через 17 лет после смерти Мартина арабы сумеют овладеть портом-крепостью Кизик на берегу Мраморного моря, а затем в течение 674–678 гг. каждую весну, лето и осень безуспешно пытались штурмовать Константинополь, чтобы прорваться через Босфор в Европу, пока не были разгромлены византийцами с помощью «жидкого огня».

²⁸³ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – P. 312–314.

²⁸⁴ См.: Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 29; Гаврилов А. В. Погребение кочевника на античном поселении в Вос-

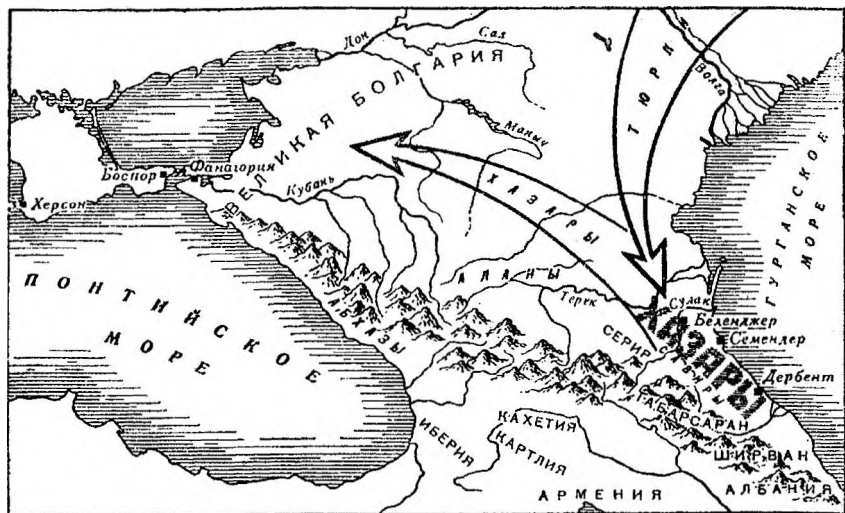

Рис. 96. Хазария в VII в. (по С.А. Плетневой)

рать силу за счет присоединения протоболгар и других соседних народов, причем на престоле оказался хаган из пришлого тюркского рода Ашина (рис. 96)²⁸⁵. Уже в 654 г. арабы совершили первый набег на северо-кавказские владения хагана, после чего тюрко-хазарское противостояние халифату на многие десятилетия сосредоточилось в Закавказье²⁸⁶. Во всяком случае при халифе Османе в 644–656 гг., судя по источникам, хазары вели войну с мусульманами в районе г. Беленджер, весьма далеко от Таврики²⁸⁷. Следовательно, сваливать кризис, если он вообще имел место, на «тюрко-хазарское завоева-

точном Крыму // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 111–113; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 185–186; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым. – С. 102–103.

²⁸⁵ См.: Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. – М., 1965. – С. 278–282; Приходнюк О.М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. – Харьков, 2000. – Т. 1. – С. 125.

²⁸⁶ Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 55–56, 70.

²⁸⁷ Артамонов М.И. История хазар. – М.; Л., 1962. – С. 177, 181. За помощь в этих войнах с арабами византийцы в 637–638, 642–646 гг. и, видимо, позже, вплоть до конца VII в. расплачивались с союзниками-хазарами подарками в виде легковесных солидов, не имевших хождения в самой Империи, поскольку вывоз золотых денег за ее пределы по закону был под запретом (см.: Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – 1991. – Вып. 32. – С. 121–126; Соколова И.В. Монеты перещепинского клада // ВВ. – 1993. – Т. 54. – С. 150–152; Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. – К., 1999. – №2. – С. 114; Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах... – С. 67–68).

ние», якобы происшедшее в Крыму накануне появления здесь папы Мартина, тоже не приходится²⁸⁸.

Хазарский каганат, уже в 20-х гг. VII столетия выделившийся в почти самостоятельную единицу Западнотюркского каганата, а с 50-х гг. VII в. ставший важнейшим фактором политической стабильности на юге Восточной Европы, постепенно превращался в этнически пестрое, неоднородное государственное образование, в состав которого входили земли в междуречьи Волги, Дона и Дона от Приазовья и Каспийского моря до долин рек Кубани и Терека в Предкавказье²⁸⁹. В период расцвета каганата собственно хазарские зимники располагались, в целом, вдоль восточной границы каганата, в северо-западном Прикаспии и в районе дельты Волги²⁹⁰.

Хазарский кочевой этнос сформировался вследствие продолжительного симбиоза местного населения Восточного Предкавказья с тюркскими и финно-угорскими племенами, которые в свое время выплеснул в прикаспийские и донские степи могучий вал гуннского нашествия. Несмотря на временные неудачи и поражения, Хазарская держава за сравнительно недолгий исторический срок превратилась в мощную и влиятельную политическую силу в регионе, которая все более расширяла свою экспансию в соседние земли. Перед этим, в 630-е гг., вследствие ослабления власти каганов Западнотюркской державы, создалось возглавленное представителями племенного клана Дуло государственное объединение Великая Болгария, но его влияние распространялось на степи Приазовья и, может быть, дальше, до низовьев Днепра, но не на Западный Крым²⁹¹. Окончательный разгром китайцами Западнотюркского каганата в 656–659 гг. вызвал приток нового тюркютского населения и лишь после этого хазары — преемники каганата расширили ареал своего

²⁸⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. — 1958. — №85. — С. 469; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 37; Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 195–196; Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). — Washington, D. C., 2002. — Vol. 2. — P. 653.

²⁸⁹ Арамонов М. И. История хазар. — С. 386–393; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 142; Гадло А. В. Этническая история Скверного Кавказа IV–X вв. — Л., 1979. — С. 171–189; Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. — М., 1983; Новосельцев Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. — С. 85–89, 100–112; Круглов Е. В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго — Донья. Материалы науч. конф. — Пенза, 1992. — С. 32–37.

²⁹⁰ Подроб. см.: Михеев В. К., Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII — середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. — К., 2000. — № 3. — Юдаїка. — С. 154–164.

²⁹¹ Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования... — С. 61–62.

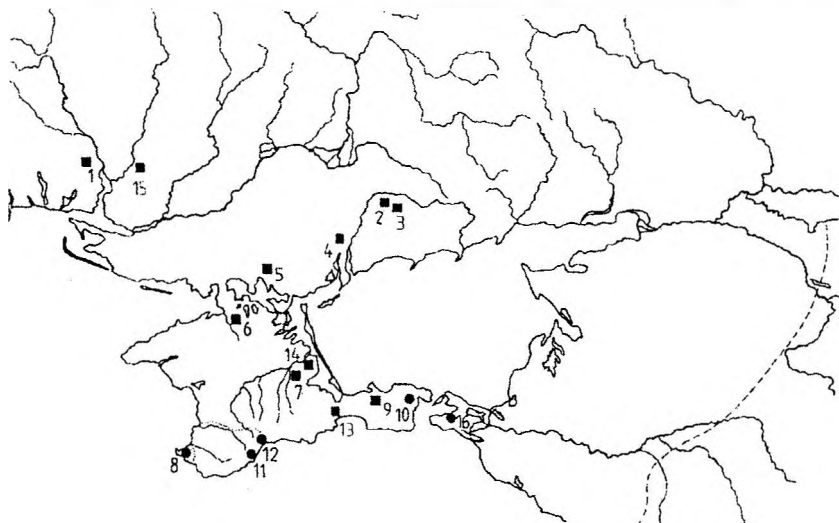

Рис. 97. Места обитания булгар в степях Северного Причерноморья и Крыму во второй половине VI – третьей четверти VII вв. (по А.И. Айбабину)

проживания²⁹². В третьей четверти VII в. Византия не вмешивалась во враждебные отношения булгар и хазар и поддерживала с последними политический нейтралитет²⁹³. В результате в это время Хазария окончательно подчинила своего предшественника в приазовских и причерноморских степях – Булгарский каганат (Великую Болгарию) (рис. 97), после чего началось проникновение в Степной и Восточный Крым. Лишь тогда византийцы, судя по их письменным источникам, заметили хазар как политическую силу²⁹⁴. «Они (болгары) оставили свою страну и бежали, а те (хазары) преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна» – сообщает позднейшая хазарско-еврейская переписка²⁹⁵. В рассказах Феофана и Никифора это событие следует под 6171 годом (678/679 г. н.э.), но вслед за созывом Шестого Вселенского синода в ноябре 680 г. и поселением в том же году булгар во главе с Аспарухом «у Истра»²⁹⁶. Под этим же

²⁹² Golden P.B. An Introduction of the History of the Turkic Peoples. – Weisbaden, 1992. – P. 136.

²⁹³ Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 84.

²⁹⁴ Никифор и Феофан описывают появление хазар по общему источнику, составленному не позднее 720 г., причем у Феофана повествование полнее и ближе к оригиналу первоисточника (см.: Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 15–16).

²⁹⁵ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. – Л., 1932. – С. 32.

²⁹⁶ Никифор пишет о том, что после того, как «этот народ [булгары] разделился и рассеялся», то есть после разгрома Великой Болгарии, хазары «подвергли напа-

годом латинский хронист Сигеберт сделал запись: «От сего времени следует вести начало Болгарского государства»²⁹⁷. Следовательно, хазарская экспансия в южном направлении началась не ранее 660-х гг., причем с помощью дипломатических усилий Византийской империи удалось ограничить новообразовавшийся каганат пределами Восточного Приазовья, Керченского пролива и нижним течением Дона²⁹⁸. Эти же западные рубежи Азиатской Сарматии, в которой жили хазары, указывают обе редакции («длинная» и «краткая») «Армянской географии» («Ашхарануйц») Анания Ширакаци, созданные соответственно в 661–665 гг. и около 670 г.²⁹⁹. Примечательно, что к 670 г. хазары были известны лишь в Закавказье³⁰⁰. Одно из самых крупных, опустошительных нашествий сюда относится к 684 г., когда хазары решили наказать самовольство хагана савир Алп-Илитвера, женивше-

дениям все селения до (перед, над, выше) земель Понта Евксинского и достигли моря (ta toiauta panta katedramon choria tes uper Pontou ton Euxeinon ges kai thalattes eperase), причем случилось это к правлению Константина IV (668–685) (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. – С. 154). Так же это событие выглядит и у Феофана: «... из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и овладел всей противолежащей землей (землей по ту сторону) вплоть до Понтийского моря» (to megaethnos ton chazaron... edespose pases tes peratikes ges mechri tes Pontikes thalasses) (Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 37). Берзилию – страну прабулгар большинство исследователей располагает в Северо-Западном Прикаспии (см.: Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 117, комм. 280). К. Цукерман отождествляет ее с районом Самарской Луки на Средней Волге (Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 325–329). Поскольку речь идет о движении хазар с запада, будь это Прикаспий или Поволжье, в «противолежащие земли», на восток, можно думать, что вскоре после 679–680 гг. граница их распространения, а затем и «господства» достигла северо-восточных и восточных берегов Черного моря, то есть земель «над Понтом Евксинским», – земель, расположенных севернее Черного моря, лесостепи и лесов, населенных антским союзом племен, но не собственно территории Крыма (Приходнюк О. М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 129–130; Сазанов А. В. Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 220–221). О датировке переселения Аспаруха и создания славяно-болгарской державы см.: Ангелов Д. История на Византия 395–867. – София, 1973. – Ч. 1. – С. 260–261; История на България. Първа Българска държава. – София, 1984. – Т. 2. – С. 98–100; Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History. – P. 196; Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – P. 328.

²⁹⁷ Литаврин Г. Г. К проблеме становления Болгарского государства // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 212.

²⁹⁸ Подр. см.: Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата. – С. 52 – 70.

²⁹⁹ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. – 1883. – Ч. 226. – Март. – С. 27–31.

³⁰⁰ Подр. см.: Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты. – С. 325–331.

³⁰¹ Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986. – С. 34.

гося на дочери албанского владетеля и принявшего христианство³⁰¹. И раньше, и позже их больше интересовали закавказские страны, Армения, Грузия, Албания, где от имени халифа правили наместники, которых они истребили, а сами страны разорили, воспользовавшись междоусобицами, вспыхнувшими у арабов вследствие переноса столицы из Мекки в Дамаск³⁰².

Уже к концу первой четверти VIII в. большинство хазар вновь вернулось из Северного Причерноморья в Поволжье, куда переместился центр Хазарского каганата и где в устье Волги располагалась столица Хазарии – город Атиль (Итиль). Прежняя ставка хагана по крайней мере до арабского нашествия находилась в городе Самандре (Семендре, Семендере), видимо, в приморском Дагестане, недалеко от Дербента (см.: рис. 96).

Таким образом, становится понятно, почему на территории каганата жили тюрки, аланы, булгары, славяне. Долгое общение между ними привело к образованию к середине – концу VIII в. единой в основных чертах «государственной культуры», которую историки и археологи условно называли салтово-маяцкой, по имени наиболее характерных памятников с территории современной Украины. Впрочем, сами хазары не были ни создателями, ни носителями этой археологической культуры. Специалисты выделяют ее несколько локальных территориальных вариантов³⁰³. Один из них охватывает Предкавказье, Тамань и Восточный Крым, что указывает на тесное соседство херсонитов, а также крымских греков, алан и готов с носителями салтово-маяцкой культуры, обитавшими в Таврике, хотя до середины VIII в. о последних можно говорить как о «салтовцах» весьма условно.

Хазария была многоэтничной державой, но постепенно в ее политической структуре и хозяйстве наметилась специфическая родоплеменная «специализация». Правящая, господствующая верхушка уже с VII в. принадлежала, видимо, к древнему центральноазиатскому тюркютскому роду Ашина («Волка»). Население Хазарии делилось на кочевников-скотоводов и оседлых, причем последние занимались земледелием, садоводством, рыболовством, на высоком уровне владели разнообразными ремеслами, в частности, кузнечным, гончарным, ко-

³⁰² См.: История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К. Патканян. – СПб., 1862. – С. 10; Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. Н. Эмина. – М., 1864. – С. 72.

³⁰³ Подр. см.: Артамонов М.И. История хазар. – С. 235–239; Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. / Археология СССР. – М., 1981. – С. 62–75; Плетнева С.А. Хазары. – С. 39–46; Флеров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 103–109; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 97–99; Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – С. 18–27.

жевенным, ювелирным. Кроме самих этнических хазар типичными кочевниками оставались, собственно, лишь отдельные степные федераты – ненадежные союзники кочевой империи, какими, например, стали в IX–X вв. венгры (они же мадьяры, угры) и печенеги.

Несмотря на наличие центральной власти и правящей хазарской династии, каганат представлял собой, скорее всего, федерацию племен. Военной силой первоначально было кочевое, сначала родоплеменное, легковооруженное ополчение из рядовых хазар. Оно формировалось по этническому признаку, причем набиралось из зависимого населения принудительно. Другую часть войска составляла знать – тарханы. Они не только воевали сами, но наиболее опытные их них управляли отдельными отрядами. К IX в., в силу обеднения рядовых воинов, ведущая роль перешла к феодальному конному, тяжеловооруженному ополчению. Оно состояло из личных дружин управлявшего войском бека (пеха), шада – военного заместителя хагана, отрядов богатых тарханов и тарханов, которые выступали только с несколькими легковооруженными воинами-слугами. В случае необходимости осуществлялась мобилизация рядового населения и подчиненных народов. Но главную роль ко второй половине столетия стали играть постоянные профессиональные воины, особенно своеобразная гвардия – Арсийа (al'arsiya) из приглашенных беком хазар на службу отборных наемников, хорошо вооруженных кавалеристов сармато-аланского или восточноиранского происхождения, переселившихся из местностей, соседних с Хорезмом³⁰⁴. Вообще отряды наемников формировались преимущественно из мусульман – дайлемитов, тюрок, варягов и отчасти христиан – славяно-русов. Наряду с военной и пограничной службой на западной и северной границах они обеспечивали регулярный сбор дани с подчинявшихся хазарам народов и охрану торговли. Что касается внешней торговли с Европой и Азией, к IX в. ее сосредоточили еврейские купцы, которые весьма ревностно, предприимчиво утверждали свою монополию во всем государстве. К слову, уже в VIII столетии, при владетеле Булане, была осуществлена религиозная реформа, изгнаны из страны «гадатели и идолопоклонники», очевидно, жрецы тюркского культа Тенгри, камы – шаманы, которые занимались гаданием путем камлания и жертвоприношений, и была проведена первоначальная иудайзация, введена ее элементарная форма, следствием чего стало принятие новой религии хазарской правящей верхушкой и народом³⁰⁵.

³⁰⁴ См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.: Иерусалим, 1997. – С. 66, 72–73; Бубенок О. Б. Алани-аси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хозар // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 18–28; Бубенок О. Б., Радивилов Д. А. Народ ал-арсийа в Хазарии (из истории хазаро-хорезмийских связей) // Хазарский альманах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 5–18.

³⁰⁵ Ответное письмо хазарского царя Иосифа. Краткая редакция // Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932 – С. 75–76; Голб Н., Прицак О. Указ. соч. – С. 40, 43, 202, 203 (к с. 43).

Позже, при Обадии, вероятно, на рубеже VIII–IX столетий была предпринята настойчивая попытка сделать традиционную раввинистическую форму иудаизма религией по крайней мере знати и торговой верхушки Хазарии³⁰⁶. Объединяющей же религией, которая определяла духовную жизнь в каганате, верования и обрядность, изначально и очень долго оставалось язычество с поклонением огню, земле, воде, луне, священным деревьям³⁰⁷.

Хазары относились к тюркской языковой семье. Прирожденные всадники, меткие лучники, широкоплечие, длинноволосые, ненасытные, они были воинственным, сильным народом, которых раннесредневековые авторы нередко отождествляли с «хищными волками» — гуннами (рис. 98)³⁰⁸.

Если бы не было Хазарии, которая противостояла на Кавказе мощным армиям мусульман, история Восточной Европы, возможно, сложилась бы иначе.

Тем не менее, процесс нарастания тюрко-хазарского влияния в областях византийского пограничья, очевидно, долгое время сопровож-

Рис. 98. Хазарский всадник
(реконструкция
М. Горелика)

³⁰⁶ Артамонов М. И. История хазар. — С. 279–280; Найман А. Я. Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 94–97. Представление о позднем обращении хазар в иудаизм во времена Константина Философа, не ранее 861 г. (Zuckerman С. On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. — 1995. — Т. 53. — Р. 237–270), основано на гипотетическом толковании данных Паннонского жития Кирилла и встречает возражения исследователей (ср.: Chekin L. С. Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Ninth Century Reference to Judaism Among the Khazars // Russiae Mediaevalis. — 1998. — Т. 9. F. 1. — Р. 13–34).

³⁰⁷ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — С. 217; Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. — К., 1999. — с. 36–37. В сочинении VII в., приписываемом армянскому историку Мовсэсу Каланкатуаци, подробно описано, как вели себя «гунны» — хазары во время похорон, как они в знак траура наносили себе раны на лица, руки, ноги, били в барабаны над умершим, сражались у его могилы, устраивали конные состязания (см.: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш. Б. Смбатяна. — Ереван, 1984. — С. 124).

³⁰⁸ История агван Мойсея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. с арм. К. П. Патканова. — СПб., 1861. — С. 105, 125; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. — С. 113.

дался сохранением мирных взаимоотношений. Возможно, правитель Западнотюркского каганата, который представлен в источниках как гуннский вождь, в 619 г. побывал в Константинополе, а его свита крестилась³⁰⁹. Ведь в 626–628 гг. тюрки пошли на добровольный союз с василевсом Ираклием (610–641) в его решающей схватке с Сасанидским Ираном, ставшей победной для ромеев, приняли участие в персидской компании в Закавказье и в дальнейшем стойко и последовательно сохраняли отношения, строившиеся на взаимной заинтересованности³¹⁰. Около 628 г. благодарный Ираклий едва было не совершил невиданный шаг — обручил свою дочь от первого брака с «турком» (to Tourko) — каганом западных тюрков, «которых называют хазарами», и уже отправил ее из Константинополя в путь, когда пришло трагическое известие, что суженый Евдокии погиб в сражении³¹¹. Только эта роковая случайность расстроила казалось бы неминуемую свадьбу, которая могла бы ввести чужеземного владыку в ромейскую венценосную семью и тем самым — неслыханное дело — поднять его до уровня василевса. В ходе арабо-византийских войн 636–646 гг. тюрки в 643 г. вступили в войну с арабами на стороне византийцев, получая от них заверения в дружбе, очевидно, подкрепляемые солидами и дорогими подарками, знаковая семантика которых свидетельствовала о желании военного союза³¹².

Еще раз следует подчеркнуть, что в начале 650-х гг. тюрки и хазары ожесточенно бились с мусульманами на берегах Ефрата и в глубине Прикавказья, вдали от Таврики³¹³. В 654–655 гг. они вместе с аланами и абхазами входили в состав неудачно действовавшей против войск Хабиба Ибн Ма'сламы византийской армии стратига

³⁰⁹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 1993. — С. 202, 439.

³¹⁰ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — С. 35, 59, 104–105, комм. 236; с. 151–152, 159–160; Pernice A. L' Imperatore Eraclio. Saggio di storia byzantina. — Firenze, 1905. — P. 152–155; Артамонов М. И. История хазар. — С. 142–154; Новосельцев А. П. Хазария в системе международных отношений VII–IX вв. // Вопросы истории. — 1987. — № 2. — С. 20 и сл.; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990; Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. — 1990. — № 3. — С. 276; Гумилев Л. Н. Указ. соч. — С. 196. Впрочем, считать этих тюрков именно хазарами нет достаточных оснований. К примеру, К. Цукерман видит в подобных утверждениях «старый фантом хазарологии». Приводимые им аргументы, зиждящиеся на основе критического разбора текста «Истории авган» Мовсеса Дасхуракци (Каганкатваци), заслуживают внимания как рабочая гипотеза (см.: Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты. — С. 314–324).

³¹¹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — С. 153, 161.

³¹² Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы. — С. 114; Комар О. В. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 136.

³¹³ Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1912. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 387.

фемы Армениаков, но вскоре к северу от Дербента разбили проникший сюда 4-тысячный отряд мусульман Салмана Ибн Раби'а ал-Бахили³¹⁴. Поэтому говорить о некоем «временном захвате Крыма хазарами» в 653 г. или о «тюрко-хазарском завоевании» перед 655 г. можно лишь как о историографическом недоразумении³¹⁵. До появления хазар здесь должно было пройти еще около четверти столетия, да и для более позднего времени нет данных, которые подтверждали бы точку зрения о некоей «первой волне» массового хазарского проникновения на полуостров³¹⁶. Присутствие Хазарского каганата на крымских землях выражалось более в политическом влиянии и сборе своей части доходов с них, чем в оккупации.

Если уж искать те силы, которые могли отяготить жизнь Херсона и его округи в это время, то хазары были связаны с ними косвенно, как виновники разгрома приазовской «Великой Болгарии» Куврата около середины VII в. и последующего развала антского объединения на более мелкие славянские образования³¹⁷. Именно с этими событиями оказалось связано перемещение кочевых, полукочевых и частично оседлых племенных образований (части степных кутригуров, оногуров – бывших утигуров, степного ираноязычного населения, булгар, племен антского союза, приднепровских элементов), влияние которых археологически засвидетельствовано в Таврике во второй половине VII – первой четверти VIII вв.³¹⁸. Со временем они пополнили ряды крымских федератов – «энспондов» Византии, скотоводов и земледельцев, но произошло это не вдруг и могло сопровождаться трениями с местным населением, в том числе и с херсонитами.

Тем не менее, даже если напряженность в отношениях с пришельцами в первое время была, каких-либо препятствий для плавания между южным и северным побережьем Черного моря, этого *mare nostrum* для византийцев, не существовало, что косвенно подтверждается письмами самого же папы Мартина I³¹⁹. Последний

³¹⁴ Шагинян А. К. Закавказье в составе Арабского халифата. – СПб., 1998. – С. 28–32.

³¹⁵ Ср.: Ковалевская В. Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях) // Хазары. Второй Международный колоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 54; Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region. – P. 653.

³¹⁶ Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 88–90.

³¹⁷ См.: Приходнюк О. М. Восточные славяне и антский мир в период становления Хазарского каганата. – С. 129–130.

³¹⁸ Майко В. В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Вип. 8. – С. 287–295; Бубенок О. Б. Болгары и их соседи в степях Подонья и Северного Приазовья во времена экспансии хазар // Палеобалканистика и старобългаристика. Втори есенни международни четения «Професор Иван Гълъбов». – В. Търново, 2000. – С. 282.

³¹⁹ См.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I... – С. 178, письмо XVI.

сам противоречит себе, когда с одной стороны заявляет, что «голод и нужда в этой земле [Херсонской] таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию» и вместе с тем уже в следующей строке своего письма просит прислать ему «содержание» («хлеб и вино или оливковое масло и всякое иное прочее») «из этой страны» (Италии) или из «области Понта», то есть городов понтийского побережья Малой Азии, будучи уверенным, что все заказанное им вполне возможно доставить в место, ставшее ему тюрьмой. Он же рассчитывает купить хлеб, «другие продукты какого-либо рода», готов платить за это золотом (от тремисса вплоть до солида за 3–4 модия зерна), что было бы несовместимо с крахом денежного обращения и натурализацией хозяйства³²⁰.

К слову, нет никакой уверенности, что папа отбывал наказание именно в самом Херсоне: Феофан не случайно трижды говорит о егосылке в «климата (области) [провинции] Херсона» (eis ta tes Chersonos klimata), «климата востока» (en tois klimasi tes anatoles), «в [провинцию] Херсон и климата» (en Chersoni kai tois klimasin), очевидно, потому, что ссыльный, как и другие его товарищи по несчастью (братья Евпрепий и Феодор), противники насаждаемого сверху монофелитства, мог быть помещен в какую-либо соседнюю с городом «крепость племен», где условия жизни и отношения людей были, разумеется, еще более суровыми³²¹. Видимо, поэтому в X в. составитель одного из списков «Хронографии» (cod. Paris. gr. 1710) неуверенно приписал от себя пояснение относительно места смерти Мартина: «в восточных климатах или же там в Херсоне умерший» (tes anatoles etoi en Chersoni ekeise teleutesas)³²². Если бы не вскользь

³²⁰ S. Martini papae epistolae // PL. — 1851. — Т. 87. — Col. 202 (XVI), 203 (XVII); Бородин О.Р. Римский папа Мартин I... — С. 178 (письмо XVI), 179, (письмо XVII).

³²¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. — С. 36, 60. В схолиях к мартирию сосланных в Херсон братьев Феодора и Евпрепия (составлен около 680 г.) и в несколько более поздней компиляции конца VII в., получившей название «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина...», о подобном говорится следующее: ...lagellaque mortalia a praefecto suscipientibus, et Chersonem in exsilium missis, et illic vi saepius ab invicem separatis, et in castris gentium ibidem adjacentium deputatis: junior quidem frater, qui ut vere in cunctis pheronimus, Euprepes nominatus est, completo in hujusmodi Dei amico agone, anno nono, ad Dominum abiit mense Octobrio, die vicesima sexta indictione XIV (Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. — 1853. — Т. 129. — Col. 684 D); ...epinotia te thanasma para tou eparchou labontes kai exoristhentes en Chersoni kakeise bia pollakis choristhentes ap' allelon kai en kastrais ton ekeise parakeimenon ethnon aphierothentes, — o men neoterous adelphos, egoun o ontos pheronumos en pasin Euprepious onomastheis, perosas en to toitoiouto philotheo agoni etos enaton pros Kyron eporeuthe meni Oktobrio kz, indiktionos id (Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // Епифанович С.Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. — К., 1917. — С. 14. 11–16, sec. 4). Речь идет об октябре 655 г.

³²² Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 36.

брошенное упоминание о разлучении братьев, отправленных в разные кастра, можно было бы думать, что ссыльные находились лишь в самом Херсоне. Видимо, не случайно папа тоже писал о своем окружении как о «варварах», «племенах», которые обитают в этой области (*siquidem hi qui in hac regione habitant omnes gentiles*), и тех, других, «живущих здесь», кто принял такие же «племенные нравы» (характер, обычаи) (*gentiles mores asserebant*)³²³. Следует учесть, что для ромеев даже христианизированный варвар, при всей его лояльности к Империи, подвластной ей, мог оставаться развратником, «людоедом» с животной внешностью и мерзкими обычаями³²⁴. В этом случае, — случае контакта именно с таким окружением, папе приходилось сравнивать облик своего узилища даже не с провинциальным «уездным» городом, на фоне которого «столичная» Равенна вспоминалась еще более великолепной, а с нечто гораздо более худшим, что тоже не могло не отразиться на субъективном восприятии ссыльного³²⁵.

В письме, отправленном тремя месяцами позже первого, Мартин признается, что из разных областей (сторон) Романии и, в частности, греческих «Понтийских земель» (*Ponticas partes*) «изредка заходят сюда» «суденышки», на которых все же привозят зерно и другие «продукты какого-либо рода», увозя обратными рейсами такой доходный и в античности, и в средние века товар как местная соль³²⁶. Нет сомнений, что до второй половины VII в. Херсон не может рассматриваться как составной источник хлебного рынка Константинополя, в систему которого он, вероятно, входил как поставщик излишков продукции соляного и рыболовного промыслов³²⁷.

Представление о гибели Мартина в Таврике от крайней нужды, дороговизны продуктов иногда преувеличивается самими исследователями, которым видится едва ли не «голодная смерть» ссыльного³²⁸. Оно явно утрировано и принадлежит не к свидетельствам источников, а к их комментариям специалистами, которые не учли законы такой разновидности эпистолярного и житийного жанра. Из

³²³ S. Martini papae epistola XVI, XVII // PL. — 1851. — Т. 87. — Col. 203, epist. XVII.

³²⁴ Подр. см.: Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина? — М., 2003.

³²⁵ Ср.: Романчук А. И. Образ города — одна из причин субъективизма Папы Мартина // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 2003. — С. 85–86.

³²⁶ Бородин О. Р. Указ. соч. — С. 179, письмо XVII.

³²⁷ Ср.: Сорочан С. Б. Херсонес в системе константинопольской торговли IV — первой половины VII вв. — С. 106–107; Сорочан С. Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта. — С. 69–70.

³²⁸ Ср.: Sruwa I. The Exile and Death of Pope Martin I on Crimea // Acta Universitatis Wratislavenensis. — 1993. — Atiquitas XXVIII. — P. 203–209; Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — М., 2001. — С. 160; Яшаева Т. Ю. Херсонес как центр малого паломничества // Православные древности Тарики. — К., 2002. — С. 156.

писем видно, что даже в трудный для Юго-Западной Таврики 655 г., отличавшийся высокими ценами, изгнанник получал продовольственные и, видимо, денежные передачи со стороны (из Италии, Константинополя, «области Понта») и причиной его смерти была старость и болезни, мучившие его уже до ареста 17 июня 653 г., а также во время почти пятнадцатимесячного, томительного пути в Константинополь и изматывающего судебного процесса³²⁹. Кроме того, относительно высокие цены на хлеб, по поводу которых сетовал папа, не могли сохраняться долгое время, годами, и, вероятно, являлись следствием особых событий, вызванных неурожаем или какими — либо иными кратковременными внешними или внутренними потрясениями местного масштаба. Во всяком случае, Жан Дурлиа, специально исследовавший вопрос о снабжении античных и византийских городов, заметил, что близкие цены на хлеб, по словам Прокопия Кесарийского, были во время осады Рима³³⁰.

В комментарии к этому месту письма XVII О. Р. Бородин отмечает, что сообщаемая Мартином цена хлеба исключительно высока³³¹. При этом он указывает, что императором Западной Римской империи Валентинианом III (425–455) была установлена единая государственная цена на хлеб: 40 модиев за солид. В 604 г. в Риме за номисму давали 30 модиев зерна³³². В остготском Риме на солид покупали 10 модиев³³³. Случалось, 12–18 модиев пшеницы стоили номисму³³⁴. Поэтому складывается мнение, что в Херсоне цена даже «дешевого» хлеба нового урожая превышала обычные цены в Империи. Это очевидно, но насколько велико было превышение?

Действительно, обычный хлебец, величиной около фунта (не меньше 322, 3 г.) или 400–450 г, можно было купить за медный фолл или даже за его треть. Однако это считалось крайне дешевым, а следовательно, редким. Надо учесть, что, как правило, цена была более высока, а в особых ситуациях, в условиях голода она увеличивалась в 5–10, а то и 20 раз. В IX в. обычной ценой, пожалуй, следовало бы считать 8 модиев за номисму³³⁵, что всего лишь в два раза меньше той цены, что платил за хлеб Мартин I после того, как в августе

³²⁹ См.: Бородин О. Р. Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» римского папы Мартина I // ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 54–56; 1992. — Т. 53. — С. 80–88; Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — М., 2001. — С. 148–160.

³³⁰ Durliat J. De la ville antique a la ville byzantine. Le probleme des subsistances. — Rome, 1990. — P. 229, 502.

³³¹ Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма... — С. 189, коммент. 9.

³³² Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne. — Paris, 1955. — Т. 2. — P. 315.

³³³ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. — С. 277.

³³⁴ Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. — СПб., 2002. — С. 113.

³³⁵ Подр. см.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 371–373.

в Херсон стали чаще приходить суда. Для сравнения можно также привести данные из более близкого ко времени папы оксиринхского папируса, относящегося, вероятно, к концу VI или VII в. Из документа следует, что египетский Оксиринх и соседний с ним Кинополь платили в качестве налога 350 тыс. артаб зерна, в переводе на деньги – 35 тыс. номисм³³⁶; следовательно, артаба (около 25 кг) оценивалась в 10 номисм, а модий (из расчета 7,5 кг) – примерно в три номисмы. Херсонесские 4 модия за номисму могут показаться на этом фоне не такими уж невиданными и исключительно высокими, какими их изображают исследователи. Наконец, нет никакой гарантии, что папа, следуя требованию письма – плача, не преувеличил свои траты, дабы подчеркнуть бедственное положение и оправдать настойчивые, постоянные просьбы о «субсидии» (*expensae*). Это предположение хорошо увязывается с инвективой папы против всех бросивших, забывших его, которой он разразился сразу же вслед за указанием на непомерную дороговизну³³⁷.

Стоит также обратить внимание на то, что золотом в Византии было принято брать налоги и таможенные сборы, а не производить расчеты на рынке, который привык пользоваться медными монетами. Папа же расплачивался тремиссами, солидами, что говорит о вынужденности таких операций, на которые его раз за разом могли обрекать мошеники – продавцы, готовые без зазрения совести обирать беспомощного ссыльного.

Но скорее всего, определенная нехватка хлеба, его дороговизна в округе Херсона объясняются не проделками торговцев, не военной угрозой со стороны неких варваров или арабов, занятых в 655 г. захватом далекого Родоса, и тем более хазар, и даже не столько действием негативного природного фактора, сколько тем, что последний оказался усугублен весьма слабой собственной аграрной базой города и хронической, с первых веков н.э., нуждой в привозном зерне³³⁸. Некоторые усадьбы сельской хоры на Гераклеяском полуострове в VII в. были заброшены³³⁹. Видимо, шла переориентация на скотоводство, выпас скота, более удобные в изменившихся условиях³⁴⁰.

³³⁶ The Oxyrhynchus Papyri. – London, 1924. – P. 16. – § 1909, st. 1–5.

³³⁷ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма... – С. 179, письмо XVII.

³³⁸ Подр. см.: Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи... – С. 11–12, 60; Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта. – С. 66–72. Как уже указывалось, эта потребность должна была стать еще более острой после изменений, затронувших систему земледельческих хозяйств Гераклеяского полуострова со второй половины V в. Херсониты продолжали заниматься здесь сельским хозяйством и после этого, но уже не так интенсивно, как прежде (Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв... – С. 124–125).

³³⁹ Яшаева Т.Ю. Средневековые поселения ближней округи Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тезисы докл. междунаро. конф. – Симферополь, 1994. – С. 79.

³⁴⁰ Сорочан С.Б. Мифы и реалии... – С. 70.

Рис. 99. Фрагмент глиняного штампа для оттиска просфор с изображением креста и ранневизантийской надписью по кругу. Из раскопок 1905 г. около калитки в 18 куртине (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

Отсюда и без того небольшое производство зерна сократилось. По понятным причинам, особенно остро эта проблема давала себя знать весной и летом, когда подходили к концу запасы старого урожая и никто не хотел делиться их остатками с политическим преступником, каким официально являлся Мартин. Достаточно вспомнить о встрече корабля, на котором папу доставили в Константинополь 17 сентября 654 г., когда сбежавшаяся в порт толпа весь день поносила обессиленного арестанта, пока его не убрали с глаз издававшихся и перенесли в тюрьму Прандеария³⁴¹. Едва ли что-то луч-

шее, чем равнодушие, ожидало его среди верноподданных василевса на земле Таврики.

Суровый характер херсонитов – потомков дорийцев, характерное для них немногословие, не могли не произвести на Мартина, экспансивного, общительного италика, удручающее впечатление. Недаром он писал в своем последнем, предсмертном послании, что не встретил здесь «совершенно никакой человечности» и христианского сострадания, впрочем, как и со стороны многих своих далеких близких и друзей, которые оказались к нему черствы и безжалостны³⁴². Местное население, отчасти близкое к монофиситским взглядам (рис. 99), не приняло папу-изгоя как героя и мученика³⁴³. То же можно сказать о его окружении монофелитски настроенными христианами из числа членов широкой херсонской общины, придерживавшейся официального, узаконенного Константинополем проимперского курса. Уже одно использование ими в Евхаристии заквашенного, с солью, печеного хлеба, а не опресноков, должно было вызывать у папы, как и у всех латинян, возмущение.

Отсюда проистекали обвинения в «язычестве», точнее, «варварстве» (*gentiles mores*), которые были присущи богословской, полемической и исторической литературе VII–IX вв. и нередко всплывали

³⁴¹ *Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae...* // Mansi J. *Sacrorum concilliorum niva et amplissima collectio...* – Florentia, 1764. – Т. 10. – Col. 855; Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 151.

³⁴² Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма... – Письмо XVII, с. 179.

³⁴³ Ср.: Зубар В. Херсонес – Херсон: від Іфігенії до Христа // *Хроніка*. 2000. Вип. 33: Крим – кризь тисячоліття. – К., 2000. – С. 228.

во время христологических и тринитарных споров, дискуссий на теологические темы. К примеру, Феофан и Никифор тоже называли василевсов — иконоборцев Льва III и Константина V язычниками, которые якобы совершали кровавые жертвоприношения и обращались к демонам, что было, разумеется, невероятным³⁴⁴. Столь же невероятно представлять язычниками основную массу хесонитов и «полуязыческим» город, наполненный десятками христианских храмов, кафоликонов, евктирионов, молелен, мартириев³⁴⁵. При всей своей субъективности, порожденной главным образом обидой на местное население, не помогавшее ему и придерживавшееся во всем проконстантинопольских позиций, папа не мог не осознавать, что эти церкви посещают люди, может быть, и с варварскими нравами, но крещенные. К тому же он сам отделял их от варваров, подчеркивая в своем сентябрьском письме, что даже последние способны на сотрудничество, которое не обнаруживают «живущие здесь»³⁴⁶.

Не исключено, что «местные правители» — представители местной византийской власти при содействии неких «местных жителей» из числа «воспринявших варварские нравы», то есть еретические с точки зрения папы новации Константинополя, могли искусственно организовать вокруг изгнанника видимость крайнего голода, дабы еще больше отяготить положение ссыльного и тем самым выслужаться перед Константом II, показавшим себя крутым и скорым на расправу³⁴⁷. Ведь подобное уже проделывали во время годичного пребывания папы на о. Наксосе, когда стражники не принимали продукты и вещи, приносимые изгнаннику сочувствующими, многозначительно предупреждая: «Если что-нибудь передадите ему, то будете врагами империи»³⁴⁸. Характерно, что о таком же жестоком обращении, «окружении уединением» сообщал автор мартирия о братьях Феодоре и Евпрепии, «которых мучительная судьба бросила в ссылку в Херсон»³⁴⁹. Страдания и голод были обязательным элементом наказания со стороны императора. Недаром подобным образом преследовался и другой «подельник» папы — Максим Исповедник, тоже арестованный в Риме и высланный искалеченным, «без одежды и еды» во Фракию, а потом на Кавказ³⁵⁰. Кроме того, надо учесть, что ссыльный папа в определенной мере лукавил, понимая значение

³⁴⁴ Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв.: Феофан и его «Хронография» // ВВ. — 1951. — Т. 4. — С. 216–219.

³⁴⁵ Ср.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 29, 131; Крим: дорога тысячолетий. — С. 157.

³⁴⁶ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма... — Письмо XVII, с. 179.

³⁴⁷ Указание на это содержится в прижизненном житии — мартирии папы, со ссылкой на недошедшее до нас письмо Мартина I. См.: *Commemoratio...* — Col. 860.

³⁴⁸ *Commemoratio...* — Col. 854.

³⁴⁹ *Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon...* — С. 14, 11–16, sec. 4.

³⁵⁰ Карташев В.В. Вселенские соборы. — М., 1994. — С. 425–426.

свершенного им, и, стоя перед порогом смерти, примерял венец мученичества, который ему сулили судьба и Господь.

С другой стороны, сложившееся положение позволяет предполагать, что население Юго-Западной Таврики в середине VII в. еще не могло в достаточных количествах поставлять хлеб в Херсон, и отсутствие сношений херсонитов с ближайшими местностями Таврики здесь ни при чем. Примечательно, что именно на конец VI – третью четверть VII в. Северном Причерноморье пришелся крайне засушливый период ксеротермальной фазы (период II – 5 по Ю.Л. Раунеру), что должно было отразиться на состоянии местной продовольственной базы, ставшей испытывать повышенные затруднения в условиях суббореального климата с сухим жарким летом и суровой, длинной зимой³⁵¹. Зато нет ни малейших оснований говорить о том, что соседние «крепости племен (народов)» были захвачены некими врагами, тем более хазарами³⁵². А. Бортоли и М. Казанский противоречат себе, когда с одной стороны признают кризис, якобы вызванный некими неувидимыми политическими событиями, но вместе с тем полагают, что данные папы Мартина о трудной экономической ситуации не заслуживают доверия, ибо такое положение не могло быть длительным и не увязывается с наличием следов собственного херсонского ремесленного производства, достаточно обильными находками импортной средиземноморской краснолаковой керамики, амфор, которые датируются второй половиной VII в., в том числе встечаются в закрытых комплексах с монетами 641–668 гг.³⁵³. Поэтому письма ссыльного, даже без учета значительной степени их эмоциональности, субъективности³⁵⁴, без учета законов жанра просительного послания, безусловно свидетельствуют лишь об одном: в 655 г. город не имел значительных поступлений продовольствия из Юго-Западного Крыма, в том числе из «области готов» – Дори, в немалой степени зависел от поставок хлеба из района Босфора, Малой Азии и на протяжении судоходного сезона поддерживал с этой целью периодические двухсторонние морские контакты со своими внешними ромейскими контрагентами³⁵⁵.

³⁵¹ См.: Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. – Серия географическая. – 1981. – № 6. – С. 5–22, табл. 1, рис. 5; Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 197.

³⁵² Ср.: Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 31.

³⁵³ Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region. – P. 653.

³⁵⁴ Одним из первых на это обратил внимание В.Г. Васильевский (см.: Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 388; ср. Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantino-bulgaria. – 1981. – Т. 7. – С. 321; Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Тарика. – К., 1991. – С. 31; Романчук А.И. Образ города – одна из причин субъективизма... – С. 36).

³⁵⁵ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I... – С. 178, письмо XVI.

Создание экономической независимости Херсона. Ситуация с продовольствием стала меняться к лучшему, вероятно, уже к последней трети VII столетия. Следует учесть, что с 677 г. миновал засушливый период, началась череда влажных лет³⁵⁶. Чуть позже под натиском хазар часть населения мигрировала с территории Великой Булгарии в Крым, проникла на незаселенные земли в степном, центральном и восточном районах полуострова, где, испытывая недостаток в пастбищах, вынуждена была перейти к оседлому пастушеско-земледельческому хозяйству³⁵⁷. Палеоэкономические модели, построенные И. А. Барановым, позволяют говорить об экономическом подъеме, который был обусловлен в это время ростом торговли хлебом, поступавшим на византийские рынки с провинциально-византийских сельских поселений Юго-Западной и Южной Таврики. Во второй половине VII — первой половине VIII вв. они могли давать около 6 тыс. тонн избыточного хлеба. Причем, с фиксируемым археологически увеличением числа земледельческих поселений количество товарного зерна со второй половины VIII в. должно было составлять не менее 12 тыс тонн³⁵⁸. Это даже превышает показатели известной «хлебной базы» — античного Боспора, который, по словам греческих и римских историков, в свое время ежегодно давал царю Понта Митридату Евпатору по 180 тыс. медимнов хлеба, то есть около 9, 5 тыс. тонн зерна (Strabo. VII. 4. 6; Memn. XIX; LIV: App. Mithr. 69; 108)

Теперь, наряду с Хазарией, основными его потребителями были византийские города и крупные поселения Крымского полуострова, отнюдь не аграризировавшиеся центры, прежде всего, Херсон, Сугдея и южнобережные эмпории, такие как Парфениты и Курасаиты. Через их порты большая часть зерна уходила в столицу и прочие города, лежавшей за морем Романии. Необходимость снабжения продовольствием Константинополя в 673–680 гг., когда он оказался в течении семи лет блокированным арабским флотом со стороны Мраморного моря³⁵⁹, могла стимулировать поставки хлеба не только из Фракии и Малой Азии через приморские крепости-эмпории Черного моря, но и из Таврики. Примечательно, что эта блокада не нанесла урона не

³⁵⁶ Комар А. В. Кутригуры и утигуры... — С. 199.

³⁵⁷ Домбровский О. И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3. — С. 536; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 184, рис. 78; с. 190.

³⁵⁸ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). — К., 1990. — С. 75; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дисс.... докт. ист. наук. — К., 1994. — С. 17 — 18.

³⁵⁹ В течение всех семи лет арабы с весны до осени, то есть в самую пору полевых работ, вели особенно активные военные действия против этого крупнейшего города ромеев, а зимовать уходили каждый раз в Кизик (см. Theophranis Chronographia / Rec. De Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. I. — P. 353 f.; Сказания о Царьграде по древним рукописям / Изд. под ред. В. Яковлева. — СПб., 1868. — С. 23-24).

менее чем 200-тысячному населению столичного мегаполиса и даже не вызвала голода, обычного в таких случаях³⁶⁰.

Стратегическое и экономическое значение Крыма должно было еще больше возрасти для Империи со второй половины – последней четверти VII в., когда ее северобалканские провинции оказались под угрозой болгарских нападений, а малоазийские – арабских рейдов. Обитатели сельских поселений Таврики в это время сбывали в Херсон зерно, кожу и изделия из нее, а также ставшие модными некоторые виды бронзовых или медных украшений – еще недавно неведомую продукцию местного ремесла, тогда как, через крымские византийские центры к здешнему населению поступали византийские амфоры с вином, маслом и другими продуктами, столовая и тарная гончарная посуда, пифосы³⁶¹.

В Херсоне, впрочем, как и на Боспоре, в VII в. продолжали преобладать фибулы, пряжки и украшения из Византии и Подунавья, а вещи, привозившиеся из этих районов, в свою очередь вывозились к населению Юго-Западного и Южного, отчасти степного Крыма³⁶². Здесь среди инвентаря погребений часто присутствуют византийские украшения, позолоченные кресты, фибулы, поясные наборы, бронзовые, железные, золотые, серебряные пряжки VII в. самых разных типов (так называемые «Суцидава», «Бал-Гота», «Сиракузы», «Солона – Истрия», «Болонья», лировидные, с крестовидным щитком, орлиноголовые и пр.)³⁶³. Следовательно, в период оседания в Таврике кочевников после распада Великой Болгарии торгово-экономические контакты с ними были уже налажены. Наличие же позднеримских и херсонских бронзовых монет преимущественно в захоронениях второй половины VII в. указывает на активизацию вывоза из Юго-Западного Крыма какой-то продукции, скорее всего, продуктовой

³⁶⁰ Canard M. Les expeditions des arabes contre Constantinople // *Journal Asiatique*. N. S. – 1925–1926. – Vol. 207. – p. 40 ff.

³⁶¹ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 103, 104.

³⁶² Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 69–71; Айбабин А. И. О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. – Керчь, 2002. – С. 5–8.

³⁶³ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... – С. 18–26, 36–50, 52–59; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 9; Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук – Су (550 – 650 гг.) // *СА*. – 1961. – № 2. – С. 178, 179, 181, 183, 184; Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1 // *СА*. – 1971. – № 2. – С. 96–123; Амброз А. К. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // *Древности славян и Руси*. – М., 1988. – 9; Степанова Е. В. О конференции памяти А. В. Банк // *ВВ*. – 1988. – Т. 49. – С. 258; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 45; Родникова В. Е. К вопросу о хронологии могильника Суук-Су // *Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов 1-3 марта 1995 г.* – Харьков, 1995. – С. 108.

и сырьевой, именно в это время³⁶⁴. Неукрепленные аграрные местечки, размещавшиеся вокруг Херсона, на Гераклейском полуострове, в Килен-балке, у Загайтанской скалы в Инкермане продолжали существовать в VI–VII вв. и были связаны дорогами с городом³⁶⁵. Очевидно кошельки здешних византийских федератов не оскудели и их владельцы по прежнему рассчитывали на материальную помощь Рومании, имперский рынок и на поступление византийских товаров.

При таком положении Византия не могла рассматривать крымские земли только как политический и военно-стратегический плацдарм, но, очевидно, должна была существовать обоюдная заинтересованность сторон в хозяйственных и экономических связях. Однако, если прежде Империя могла использовать зависимость Херсона от поставок продовольствия из столицы и Южного Причерноморья, то теперь экономическая ситуация изменилась. В этом отношении примечательно, что василевс Юстиниан II в конце своего второго правления (705–711 гг.) не считал логичным и, видимо, возможным прибегнуть к тем мерам экономической блокады по отношению к херсонитам, на которые гораздо позже, как на средство обуздания непокорных подданных, станет указывать Константин Багрянородный³⁶⁶. Понятно, что такие действия, не подкрепленные военными санкциями, оказались бы неэффективными в условиях улучшившегося и ставшего стабильным снабжения города сельским населением Таврики.

Обращает на себя внимание совпадение зоны преимущественно византийского влияния с границами Херсоно-Дорантской и учрежденных позже Сугдейской и Готфской епархий, поскольку основная территория экономических контактов ограничивалась отрогами Второй (Внутренней) Крымской горной гряды, а на севере проходила по реке Альме, между нынешними селами Почтовое и Скалистое³⁶⁷. Миссионерская политика христианизации местного и пришлого населения Таврики содействовала упрочению связей этого региона с здешними византийскими центрами. Иллюстрацией этого может служить, например, находка в Херсоне печати Готфского епископа с нечеткой крестовидной монограммой призыва Божьей помощи³⁶⁸,

³⁶⁴ См. Айбабин А. И. Этническая история... — С. 164.

³⁶⁵ Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region. — P. 652.

³⁶⁶ Если бы Херсон, как прежде, зависел от поставок продовольствия из Румании, тогда логичным было бы организовать его блокаду с открытием моря, весной или в начале лета, когда были исчерпаны прошлогодние запасы, а не начинать военные действия против города осенью, как поступил Юстиниан II (см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — С. 40–41, 63–65, 156–157, 164–165; ср.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989. — С. 274, гл. 53. 512–535).

³⁶⁷ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 2. Православные и униатские епархии, их пределы // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 59–65, карта; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — С. 147.

а также разнообразные предметы с христианской символикой вне пределов города. Таким образом, миссионерская деятельность способствовала налаживанию такой обстановки, в которой экономическое взаимодействие обеих сторон проходило наиболее благоприятно. Крест, а также деньги и товары успешно делали свое дело, крепили позиции Романии в стратегически важном пограничном анклав и сглаживали «двуликость» местных этносов и культур.

Характерно, что влияние носителей «салтовской» культуры слабело в хазарскую эпоху в зависимости от степени близости к Херсону и уже совершенно не ощущалось на южном побережье между мысами Айя и Троицы³⁶⁹. Местное византинизированное население растворило в себе в ходе ассимиляции осевших здесь тюрок, болгар, в свою очередь смешавшихся с крещеными «аланоготами»³⁷⁰. Поэтому особенно удачным представляется предположение, впервые высказанное Э. И. Соломоник о том, что обитателей именно этой области Таврики именовал «народом (племенем) херсаксов» (*de ethnos oi Chersakes*) монах столичного Каллистратова монастыря, пресвитер Епифаний, автор жития св. Андрея, повторивший около 815-820-х гг. легендарный путь апостола в Крыму³⁷¹.

Здесь, в зоне византийского влияния, возникли в это время либо продолжали существовать такие кастра, фруры, как укрепленные, сторожевые городища и поселения городского типа Каламита (в Инкермане), Эски-Кермен, Мангуп, Кыз-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кер-

³⁶⁸ Отчет о раскопках за 1894 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 4. — Л. 9 (раскопки в портовом районе); Печать Готского епископа в коллекциях ГИМ // Археологический ежегодник за 1962 г. — М., 1963. — С. 32–34; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 26). — Барнаул, 1992. — С. 196.

³⁶⁹ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — С. 87.

³⁷⁰ Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Институт археологии АН УССР. — К., 1977; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — С. 140; Майко В. В. К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тезисы докл. — Харьков, 1995. — С. 105–106.

³⁷¹ Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1909. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 276. 27–76; Виноградов А. К становлению легенды об Андрее Первозванном — апостоле Понта // Византия и Крым. Тезисы междунаро. конф. — Симферополь, 1997. — С. 24–26; Иванов С. Апостол Андрей в Мирмекии // Византия и Крым. Тезисы междунаро. конф. — Симферополь, 1997. — С. 47–48; Виноградов А. Ю. Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. — М., 1999. — С. 356, 358.

³⁷² Герцен А. Г., Махнева О. А. Пещерные города Крыма. — Симферополь, 1989. — С. 51; Баранов И. А. Археологические разведки на территории Сюреньского укреплени в Кырму // АИУ 1968. — К., 1971. — Вып. 3. — С. 88–92; Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. — К., 1968. — С. 76–77; Якобсон А. Л.

мен, Сьюрен, Бакла (см.: рис. 27)³⁷². Степень вероятности отнесения их обитателей исключительно к носителям салтово-маяцкой культуры, сформировавшейся к тому же не ранее второй половины VIII в., весьма мала. Да это и не главное, ибо далеко не все провинции Империи, даже ядровые, могли блеснуть чистотой и однородностью своего этнического состава. Примечательнее другое – связь некоторых городищ и поселений Юго-Западного Крыма (Мангуп, Чуфут-Кале, Гурзуф, долина р. Бельбек) с неоднократно перестраиваемыми христианскими храмами, церквями, типично византийскими по устройству и оформлению интерьера. Нет оснований считать, что Империя лишилась политического, идеологического и экономического влияния в тех «крепостях племен» (*in castris gentium*), которые находились в соседних с Херсоном областях Таврики, поскольку византийская центральная администрация по-прежнему продолжала практику отправления врагов Империи – политических ссыльных не только в сам Херсон, но и в другие укрепления Юго-Западного Крыма³⁷³. Уже М. И. Ростовцев справедливо заметил по этому поводу, что такая практика несомненно предполагает существование в подобных местах вооруженных сил и властей, подчиненных Империи³⁷⁴.

В 695 г. василевс Юстиниан II, неудачно правивший предыдущие десять лет, оказался свергнут своим полководцем Леонтием, воспользовавшимся всеобщим недовольством. Бывшему императору урезали язык, вырвали ноздри (за что он получил прозвище Ринотмет – «Безносый») и сослали в Херсон, где он прожил не один год. Когда он узнал об очередном перевороте, о свержении успешного сделаться ненавистным Леонтия (695-698) Тиверием Апсимаром (698-705), архонтом важной южномалоазийской морской фемы Кивирриотов, то объявил херсонитам, что вновь собирается вернуть себе трон. Тамошние жители и их власти, испугавшись столь крамольных «ан-

Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – Вып. 168. – С. 103–110; Белый А. В., Назров В. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 133; Белый А. В. Оборонительные сооружения городища Кыз-Кермен // Фортификация в древности и средневековье. – СПб., 1995. – С. 68–69; Герцен А. Г., Могаичев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 191; Могаичев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 73, 100; Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византизм и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 86–87.

³⁷³ Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 188, прим. 1; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 39, прим. 3; Герцен А. Г., Магаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк – Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 36–37.

³⁷⁴ Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 14.

типравительственных» речей, по зрелому размышлению решили выдать Юстиниана василевсу Тиверию либо убить опасного смутьяна. Проведав об этом через своих доверенных людей, он спасся бегством из Херсона в горный Крым, во фруру (to phrourion) – сторожевую крепость Дорос (Дарас) «земли Готфики», о чем упомянуто у Никифора и Феофана³⁷⁵. Побег объясняется стремлением экс – императора, боявшегося за свою жизнь, не только обезопасить себя от покушения со стороны местных византийских властей и верноподданных начавшего править тогда Тиверия III Апсимара, но прежде всего желанием связаться оттуда с ханом хазар, поскольку в самом Херсоне такой возможности не было³⁷⁶. Но это вовсе не значит, что архонтии – административные районы «хоры Дори» и самой «Готфики», простиравшейся в прилегающей к Херсону части Юго-Западной Таврики и по Южному берегу Крыма, приблизительно от м. Айя до современных сел Рыбачьего (бывшее Туак) или до Приветного (бывшее Ускют), были полностью независимы от Византии в конце VII – начале VIII вв., как полагают некоторые исследователи³⁷⁷. Самостоятельность этих укреплений была, видимо, весьма относительной. Конечно, они играли роль политических центров, от случая к случаю могли служить убежищем как для населявших их немногих постоянных жителей, так и гораздо более многочисленного окрестного сельского населения. Но в то же время они являлись ключевыми пунктами связей, в том числе и экономических, между византийским Херсоном и местными «начальствующими» – архонтами, как на греческий манер называет их Никифор в своем «Бревиарии»³⁷⁸. «Простатевонты» или архонты, управлявшие этими городами и областями в «готфской земле», позже недаром понесли одинаковую смертную кару с теми семью херсонскими протевонами, с которыми вместе пытались организовать сопротивление карательной

³⁷⁵ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Accedit Ignatii Diaconi Vita Nicephori. – Leipzig, 1880. – P. 40. 22-24; Theophanis Chronographia. – p. 372. 30. Фрурой ее называет Никифор; Феофан пишет более кратко, без уточнений – eis to Daras.

³⁷⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – С. 39, 62, 155, 163. Ставка хана тогда находилась, вероятно, в степях Поднепровья. В район прикаспийского Дербента она переместится ко времени хазаро-арабской войны 722–737 гг. (см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль... – С. 122-125).

³⁷⁷ Пиоро И.С. Крымская Готия. – С. 82 (впрочем, сам автор был вынужден заметить, что участие жителей городов-крепостей и поселений горной Таврики в политических событиях начала VIII в. в Херсоне и Константинополе «свидетельствуют о традиционной связи правителей этих крепостей с Херсоном и во времена хазарского протектората» – С. 83); Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Тезисы междунаро. науч. конф. – Симферополь, 1997. – С. 5-9; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 195, 196, 226-227; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым – С. 103, 108.

³⁷⁸ Чичуров И.С. Указ. соч. – С. 155, 163.

военной экспедиции Юстиниана II в крымские архонтии осенью 710 или 711 г.³⁷⁹ По сообщению Феофана, «херсониты и жители других кастра» действовали вполне единодушно, отрекаясь от Юстиниана II и провозглашая василевсом нового претендента на трон — знатного армянина Вардана, сосланного «туда», то есть в византийские владения Юго-Западной Таврики³⁸⁰. Нелишне заметить, что отречение имело смысл только в том случае, если бы его совершали подданные византийского государя, а не какого — либо иного, к примеру, того же хагана хазар.

И так, перед нами вырисовывается облик достаточно развитого, делового провинциального ромейского города, который со всей своей округой был прочно втянут в столь же разносторонние и в немалой степени опять-таки деловые отношения с Империей ромеев, неотъемлемой частью которой он оставался во второй половине VI—VII вв. Причем можно говорить о важном новом феномене — появлении у него к концу этого периода определенной экономической независимости и возможности в случае острой необходимости полагаться исключительно на свои внутренние ресурсы. Во всяком случае, такая независимость стала расти во второй половине VII—VIII столетий, вероятно, в силу оседания в Таврике вытесненного хазарами нового пришлого протоболгарского населения, быстро прошедшего стадию седентеризации. Оно не просто мирно сотрудничало с Херсоном, но положило начало коренному улучшению ситуации со снабжением продовольствием, тем самым решив проблему, являвшуюся насущной с первых столетий н.э.

³⁷⁹ Там же. — С. 156, 164.

³⁸⁰ Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 41, 64. Причина, которая привела Вардана в Херсон, крылась в том, что некий монах-затворник предсказал ему императорскую власть. Слух об этом вылился в донос, обернувшийся тем, что по приказу правившего тогда Тиверия Апсимара незадачливого претендента на царскую диадему высекли, остригли голову и бороду и в оковах сослали в Кефалинию — морскую военно-административную область на островах около юго-западного побережья Греции с центром в Корфу. Когда Юстиниан вернул престол в 705 г., он поначалу возвратил из ссылки и тюрем многих из тех, кто был подвергнут опале предыдущими правителями, его врагами. Однако маниакальная подозрительность василевса привела к тому, что начались новые репрессии. В числе заподозренных оказался и Вардан, осенью 710 или 711 г. доставленный в ссылку на сей раз в Херсон, возможно, на достаточно почетных условиях. Византийский хронист упомянул, что он прибыл в город с военной экспедицией, войском или флотом, отправленным Юстинианом, чтобы наказать Херсон (kai syn to stolo eis Xersona on — Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 41), но следует учесть, что слово о stolos имеет также значение «свита», «сопровождение». Когда вскоре херсониты подняли мятеж против продолжавшего грозить им страшными карами Юстиниана, не простившего былых обид, они провозгласили Вардана василевсом, принявшим тронное имя Филиппик. Подр. см.: Феофан «Хронография», Никифор «Краткая история» в Антологии письменных источников; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000. — С.217-219.

ГЛАВА 4.

Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум?

Смысл событий конца VII – начала VIII вв. в Крыму неоднократно трактовался и трактуется отечественными и зарубежными исследователями как начало распространения на большую часть Таврики власти Хазарского каганата, обернувшееся долгим абсолютным хазарским верховенством, владычеством, господством, завоеванием, которое сокрушило экономическое и политическое влияние Византийской империи, якобы «тормозившей нормальное развитие местной среды» на полуострове¹. Иногда в ход пускаются менее определенные термины – «покровительство», «контроль», «сюзеренитет», «протекторат» или даже «колония», подразумевающие если не полную принадлежность хазарам, то во всяком случае одностороннее подчинение, институт «дистанционного данничества», вассальный статус

¹ Ср.: Кёне Б. Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. – 1855. – № 11–12 (отд. отд.). – С. 49–50; Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 6–8, 10, 12; Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1903. – Т. 56. – Кн. 6. – С. 156; 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 190; С. Бобринский А. Херсонес Таврический. – СПб., 1905. – С. 95–97; Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. – 1898. – №2. – С. 180; Кулаковский Ю. Прошлое Тариды. – К., 1906. – С. 63–67; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 12, 30–38; Кулаковский Ю. А. История Византии. – СПб., 1996. – Т. 3. – С. 270–274; 280–284; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – Cambridge (Massachusetts), 1936. – P. 84–85; Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. – Princeton; New Jersey, 1954. – P. 171–174; Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 152; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – 1958. – №85. – С. 468–469; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Хер-

и «вольного города» Херсона, и Готфии, и всей прочей Таврики если не с конца VII в., то уж точно с 40-х или 80-х гг. VIII столетия².

Новейшие работы остаются верны этой точке зрения и безоговорочно, на уровне устоявшейся учебной истины включают «окупированный хазарами Крым» в состав западных земель Хазарского каганата, объявляют его «Крымской Хазарией»³. Даже в коллективной академической монографии, посвященной средневековому Крыму, Северо-Восточному Причерноморью и Закавказью, которая ставит целью подведение итогов многолетних исследований в этом регионе, главу о Крыме VIII–IX вв. венчает непревзойденный подзаголо-

- сонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 36–40; Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – С. 193–202, 252–258; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 27–28; Golden P. B. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry Into the Origins of the Khazars. – Budapest, 1980. – Vol. 1. – P. 60; Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – К., 1966. – С. 13; Плетнева С. А. Хазары. – М., 1976. – С. 23; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 144; Беляев С. А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви... – М., 1994. – Кн. 1. – С. 60; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 675; Герцен А. Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 9.
- 2 Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. – 1876. – №1. – С. 118–121, 144–148; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 8; Бобринский А. Херсонес Таврический. – С. 102; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 390; Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 186–196; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – P. 81–87; Артамонов М. И. История хазар. – С. 174, 195, 257, 305; Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дисс.... канд. ист. наук / ИА АН УССР. – К., 1977. – С. 20–23; Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докл. науч. конф. – Севастополь, 1988. – С. 9–11; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 146–148; Новосельцев А. П. Хазарское государство... – С. 111–112; Alekseenko N. A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études byzantines. – 1996. – Т. 54. – P. 273; Пюро I. С. Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 23; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 304; Герцен А. Г. Мангуп. – С. 28; Алексеев Н. А. Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Судья, Сурож, Солдаи в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 22.
- 3 Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.). Автореф. дисс.... д-ра ист. наук / Институт археологии НАН Украины – К., 1994; Филиппенко В. Ф. Каламит – Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 53; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 171–224, 226–227; Приходнюк О. М. [Рец.] // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 141 (А. И. Айбабин. Этни-

Рис. 100. Юстиниан II. Солид.
685–695 гг.

Так, С. А. Плетнева в качестве «постановки проблемы» без колебаний объявляет крымские города VII–IX вв. «городами в Хазарии», выросшими под влиянием чужой культуры, и особенно показательную роль в этом плане отводит Херсону, якобы «неоднократно входившему во владение Хазарии», но... до сих пор не обнаруживающему «никаких следов пребывания хазар»⁷. Это перекликается с мнением А. В. Гадло о том, что карательные акции, направленные Юстинианом II (рис. 100) в 710–711 гг. против «Херсона, Боспора и других архонств», создали прецедент для полной оккупации хазарами Крымского полуострова, когда даже в Херсоне появился хазарский чиновник

вок — «Хазарское господство»⁴. Он вполне соответствует заключительному однозначному выводу о том, что Хазарский каганат вытеснил Византию из Таврики, Боспора, Сугдея, Мангуп и десятки других более мелких пунктов стали принадлежать хазарам и до Хв. здесь установилось безраздельное хазарское владычество⁵. Подразумеваемый при этом захват наиболее крупных торговых портовых городов Тамани и Таврики отдельные исследователи считают важной причиной оккупационной политики хазар⁶.

ческая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь: Дар, 1999. — 350 с.); Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. — 1999. — Вып. 30. — С. 112–115; Михеев В. К., Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII — середина Хвв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. — К., 2000. — № 3. — Юдаїка. — С. 154–155, 157; Майко В. В. Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII — первой половины Хвв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. — Севастополь, 2001. — С. 39–40, 41; Сухоребров В. В. Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики. — К., 2002. — С. 78; Бармина Н. И. Контуры перемен: мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 33. — С. 25; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие. — Воронеж, 2003. — С. 88–94.

⁴ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. — М., 2003. — С. 53.

⁵ Там же. — С. 483.

⁶ См.: Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 115.

⁷ Плетнева С. А. Города... — С. 111–112, 123; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... — С. 91.

«тудун»⁸. При этом как-то забывается, что тудун, если это был действительно иноземный наместник, присутствовал в городе, в котором явно не было хазарских войск, едва ли не в одиночку, причем находился там до первой большой карательной военно-морской операции Юстиниана и больше не появлялся там после того, как в октябре или ноябре 711 г. был отправлен из Херсона к хагану. Он попросту умер в пути⁹. «Защищать» же Таврику хазары могли бы только от самих себя и никак не от Византии, с которой у них были мирные, союзные отношения и которая давно утвердилась в здешних землях.

Ю.М. Могаричев долгое время тоже разделял мнение о хазарском господстве в Крыму и пытался объяснить слабое отражение присутствия хазар в источниках по истории и археологии ранне-средневекового Крыма тем, что хазары все это время... не исповедовали иудаизм (sic!)¹⁰. Дескать, они были здесь, но в то же время как бы и не были.

Все это недалеко от заявления Г.Ф. Дебца о находках черепов с монголоидными признаками, которые якобы указывают на «хазарский гарнизон Херсонеса». Как выяснилось, этот казус не может соответствовать действительности, поскольку самые ранние могилы с такими останками датируются не ранее конца X — начала XI вв., а скорее, еще позже¹¹.

А.И. Айбабин, вслед за М.И. Артамоновым, полагал, что хазары установили свой протекторат над Крымом, в том числе над хорой Дори (Готфией) и Херсоном, «архонта архонтии Дорос каган назначил правителем Готии и поручил ему сбор дани для кагана», то есть совместил институт данничества с сохранением прежней византийской администрации, которая, стало быть, исправно служила чужеземному государю¹². По его мнению, он даже овладел Херсо-

⁸ Гадло А.В. Тматороканские этюды. I // Вестник Ленинградского гос. ун-та. — 1989. — Вып. 1. — С. 25, 30; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. — Л., 1991. — С. 99.

⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 40–41, 64, 156–157, 165.

¹⁰ Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск, 2001. — Вып. 10. — С. 268–281. Все это недалеко от устаревшего, отвергнутого мнения о том, что иудаизм затронул исключительно «верхушку социальной пирамиды», «правлящий класс» и «мало укренился у хазар» (ср.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. — М.; Иерусалим, 1997. — С. 104).

¹¹ Дебц Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник Музея антропологии и этнографии. — 1949. — Т. 12. — С. 343; ср. Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. — М., 1991. — С. 115.

¹² Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. — 1991. — Вып. 2. — С. 46; Айбабин А.И. Этническая история... — С. 196, 226; Крым

ном¹³. «После инцидента с Юстинианом II, — пишет исследователь, — Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией» (sic!)¹⁴. Хазары «подчинили», более того — «образовали Готию во второй четверти VIII в.», что одновременно не помешало Константинопольскому патриарху якобы учредить на ее территории «одноименную епархию»¹⁵. Сходную двусмысленную позицию пытается занять К. Цукерман, когда говорит о том, что хазары, будучи единственной военной си-

-
- в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное-Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. — М., 2003. — С. 60; ср.: Могаричев Ю. М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. — Симферополь, 2000. — С. 103, 116 (по мнению автора, Готская и Фульская византийские епархии существовали «на подвластной хазарам территории», тогда как собственно византийские владения совпадали лишь с Херсонской епархией — с. 116).
- ¹³ Айбабин А. И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл. — Симферополь, 1997. — С. 6 (основанием для такого ответственного вывода является все тот же злополучный Тудун, «бывший там от лица хагана», который оказался захвачен в городе вместе с представителями херсонской администрации во время первой карательной экспедиции патрикиев Мавра Весса и Стефана Асмикта, отправленной Юстинианом II в 711 г. «против херсонитов, босфорян и остальных климата»).
- ¹⁴ Айбабин А. И. Крым под властью Хазарского каганата. — С. 6.
- ¹⁵ Ajabin A. I. Gli Alani i Goti e gli Unni // Dal mille al mille. Tezori e popoli dal Mar Nero — Milan, 1995. — P. 156-170; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 227. На самом деле даже дата создания Готской епархии и митрополии остается в области научных дискуссий. Если верить автору Жития Иоанна Готского, составленного в период между 815-843 гг., епископ Готфии (возможно, он же — архиепископ Херсона или Херсона Дорантского) уже существовал в правление василевса Константина V (741-775), причем до церковного синода 754 г., осудившего иконопочитание. — Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1912. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 396; ср. Арсений, архимандрит. Готская епархия в Крыму // ЖМНП. — 1873. — Ч. 115. — Январь. — С. 59-86; Кулаковский Ю. А. Из истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке. Где находились Фуллы? // ЖМНП. — 1898. — Ч. 315. — Февраль. — С. 173-202; Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 40-66, 128, 131; Васильев А. А. Готы в Крыму. — С. 210-216; Vasiliev A. The Goths... — P. 80; Артамонов М. И. История хазар. — С. 256-263, 327; Пятышева Н. В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. — М., 1963. — С. 32-36; Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. — 1973. — Вып. 10. — С. 40, 41; Huxley G. On the Vita of John of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 1978. — Vol. 19. — №2. — P. 161-169; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. — 1991. — Вып. 2. — С. 119-122; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 30. — С. 110-113 (последние два автора относят время образования Готской епархии к концу VIII — началу IX вв., но тоже связывают это с захватом большей части Крымской Готии хазарами). В действительности, огромные размеры Готской епархии, согласно нотиции де Боора или списку №3 по Дарруже, отражали лишь проект распространения Византийской церковной иерархии в Таврике и были

лой в регионе, не изгнали византийскую администрацию из Херсона, который то находился в руках у хазарского «губернатора – тудуна», то мирно возвращался под власть Византии¹⁶.

Подобные представления перерастают среди историков в своего рода фетиши, легенды, где реальность подчас путается с вымыслом. Именно так звучит указание Н. Н. Болгова на женитьбу Юстиниана II на сестре хагана... в Херсоне, причем в 704–705 г., то есть уже после побега экс-императора в Хазарию¹⁷. Недалеко от этого курьеза недавнее заявление С. А. Плетневой: «Благодаря письменным источникам мы знаем, что в его [Херсона] истории был период (IX в.), когда там правил ставленник хазарского кагана»¹⁸. Очевидно, подразумевается тот «архонт», который был в Херсоне «от лица хагана» в 710 или 711 г., а не в IX в., и носил то ли имя Тудун (Тондун), то ли, скорее, титул, известный в восточно-тюркской иерархии как «тудун»¹⁹. Поиск однозначного ответа осложняется тем, что в имеющихся рукописях сочинений Феофана и Никифора встречаются оба разнотечения. И. А. Баранов, отмечая точность в деталях Ватиканского списка рукописи «Краткой истории» Никифора²⁰, полагал возможным

эфемерной реальностью (Dagron G. *Crimee ambigue* // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – Р. 293, 300).

¹⁶ Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 332–333.

¹⁷ Болгов Н. Н. Боспор Византийский: очерки истории // Болгов Н. Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991–2001. – Белгород, 2002. – С. 73.

¹⁸ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 166. В своих ранних работах автор относила появление тудуна в Херсоне к 710 г., когда херсониты «отдались под покровительство кагана», а присланный правитель стал «... следить за местным управлением и за поступлением налогов в казну кагана» (Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986. – С. 22–23).

¹⁹ Обычно так именовались провинциальные наместники тюркских хаганов (Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – С. 63; Авенариус А. Авры и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1981. – С. 35), поэтому конкретизация Феофана в отношении этого лица как ек просорои хагана может также служить греческим эквивалентом титула тудун (Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 197). Примечательно, что тот же эпитет («от лица» хагана) хронист применил, когда под 704/705 г. упоминал того «архонта из единоплеменников хагана», который был приставлен в Фанагории к Юстиниану Ринотмету наблюдать за ним (ср.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 39, 62–63, 155, 163; Kazdan A. A. *Eκ prosopou* // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – Р. 683).

²⁰ Следовало бы также добавить и Лондонского (cod. Londin. Brit. Mus. Addit. 19390 (s. IX), f. 24r–55r), не использованного в издании К. де Боора 1880 г. (ср.: The London Manuscript of Nikephoros «Breviarium» / Ed. with an introduction by L. Orosz // *Magyar Görög Tanulmányok*. – 1948. – Т. 28). Впрочем, будучи точен в деталях, Никифор менее, чем Феофан, был склонен вникать в суть отношений ромеев и хазар в Таврике и поэтому опустил некоторые важные подроб-

видеть в Тондуне тюрка с таким именем, который, как не редко бывало в практике того времени, находился в Херсоне на византийской службе в должности архонта²¹. Само по себе такое предположение выглядит не лишенным вероятности, даже если опустить сомнительный аргумент автора, что «в качестве термина слово «тудун» не имеет аналогов в титулатуре ни одного из народов Евразии»²². Например, армянские и китайские источники, писавшие «о чинах и званиях» у ранних тюрков, указывают обладателей этого титула среди тех, кто «подобен управляющему областью» (кит. ту-тунь < T'UO-D'UEN < TUDUN) или среди «знаменитых мужей» из верхушки восточно-тюркского общества²³, а в позднеаварском каганате (680–805 гг.) он встречался у привилегированных, благородных лиц, правителей в значении дука²⁴. Обычно так называли провинциальных наместников в составе администрации государственных образований тюрков, «в системе управления Тюркским каганатом завоеванными областями с иноэтничным населением»²⁵. Судя по показаниям китайской хроники «Старая история династии Тан» (Х в.), одной из важнейших функций «тудуна» был контроль за точным исполнением фискальных обязательств правителей подчиненных народов²⁶.

Но даже если в Херсоне был не византийский, а именно хазарский «архонт», его присутствие не может служить решающим аргументом в пользу господства или хотя бы «протектората» каганата, поскольку этот ек гросорои (полномочный представитель) хагана явно оказался здесь временно, вероятно, в связи с событиями, порожденными враждой Юстиниана II, злоумыслившего кровавую месть, разгром и резню херсонитов. «Архонт от хазар», являвшийся посланником хагана, выполнял в данном случае свойственные ему функции на-

ности, более упрощенно, полярно, показав конфликт только как столкновение ромейских местных и центральных властей. К примеру, историк не посчитал важным пояснить, кем на самом деле был архонт Тондун, почему хазары убили херсонского протополита Зоила и византийского турмарха с 300 стратиготами, либо он, в отличие от Феофана, пользовался источником, где такие пояснения отсутствовали.

²¹ Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докладов. – Севастополь, 1988, – С. 10; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 148–149.

²² Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. – С. 10.

²³ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Пер. с армянского К. Патканова. – СПб., 1861. – С. 128, 337; Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 101; Зуев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М., 1998. – Вып. 2. – С. 154, 157.

²⁴ Bóna J. Az avarok // Magyarország története. – Budapest, 1984. – Т. 1. – Р. 310–346; Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 280.

²⁵ Науменко В. Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 70.

²⁶ В. Е. Науменко. Указ. соч. – С. 70.

блюдателя, контролера, посредника или «местоблюстителя» в зависимой от каганата области, как сказали бы ромеи, — топотирита (oi topoteretai para Tourkois)²⁷. В новеллах Юстиниана I так называли полномочных представителей императора, контролировавших провинциальные городские округа²⁸. Со временем они станут эволюционировать в военную сторону, в офицерский состав армии²⁹.

В.А. Науменко безосновательно помещает время пребывания тудуна в Херсоне то между 706–707 и 711–712 гг., то между 705 и 711 гг.³⁰. Если

Рис. 101. Тиверий Апсимар. Сольд.
698–705 гг.

говорить о гипотетических возможных пределах такого рода, то *terminus post quem non* для них кладет бегство Юстиниана из Херсона к хагану, происшедшее вскоре после прихода к власти Тиверия Апсимара в 698 г. (рис. 101), а *terminus ante quem non* — осень 711 г., когда тудун вместе с херсонскими первенствующими был арестован и отослан в Константинополь. Каждый из годов указанного промежутка мог быть тем, когда представитель хагана оказался в городе, но, вероятнее всего, необходимость в нем возникла только тогда, когда Юстиниан потребовал разобраться с ненавистным ему городом «двойного подчинения» и стал собирать карательный флот, то есть не раньше 710 г. Такого рода намерения не могли не встревожить хазарскую сторону, увидевшую в этом угрозу потери своей доли доходов, регулярно поступавших с подконтрольной крымской территории, и, вполне логично, она отреагировала посылкой собственного «местоблюстителя» — наблюдателя, ревизора. Во всяком случае совершенно ясно, что его не было в городе двенадцать лет назад, около

²⁷ Etymologicon Magnum / Ed. Th. Gaisford. — Oxonii, 1848. — P. 763. 24; Kazdan A. A. Topoteretes // The Oxford Dictionary of Byzantium. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 3. — P. 2095–2096. У ромеев аналогичные функции наблюдателя имел апокрисиарий — посланник, посредник (см.: Koev T. Die Institution der apokrisiarioi // Etudes balkaniques. — Sofia, 1978. — № 4. — P. 57–61); ср.: Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10. — С. 431–432.

²⁸ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284–602. — Baltimore, 1992. — Vol. 2. — P. 759, 1312.

²⁹ Ср.: Oikonomides N. Les listes de preaseance byzantines des IXe et Xe siecles. — Paris, 1972. — P. 54–59, 110–119, 148–151, 170–175, 178–179, 182–183, 209, 232–233.

³⁰ Науменко В.Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // БИАС — Симферополь, 2001. — Вып. 2. — С. 349; Науменко В.Е. К вопросу о хазарском «тудуне»... — С. 70, 71, 72; Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия. — С. 434.

698 г., поскольку в этом случае Юстиниану не надо было бы бежать из Херсона, чтобы достигнув фруры — передовой, сторожевой крепости Дороса (*eis to phrourion to legomenon Doros*), уже оттуда, с северной окраины «готфской земли» (*te Gotthike keimenon chora*) и епархии Херсона Доранта, простиравшейся по всей нагорной части Крымского полуострова, искать связи с известным из «Краткой исторической хроники» Ивузиром Глиаваном, хаганом Хазарии, просить о представлении правителю, который узнал об этом не тотчас, а спустя какое-то время³¹. Позднейшие византийские авторы конца X — начала XI вв. (Лев Диакон, Симеон Логофет) тоже отмечали, что экс-император бежал из Херсона «к Меотиде» (Азовскому морю), «в Хазарию», за пределы Таврики³².

К слову, сам маршрут бегства, ведущий в юго-западную часть Внутренней или Второй гряды Крымских гор, был выбран отнюдь не по причине нахождения этих территорий «вне пределов византийской власти»³³, но, очевидно, вследствие иного, гораздо более тривиального, однако немаловажного для беглеца обстоятельства. Как показывают исследования Н. Г. Новиченковой, по горному хребту гряды проходила удобная система нагорных дорог, по которой можно было

³¹ Из 37-й новеллы анонимной византийской хроники (*Parastaseis syntomoi chronikai*) с дискуссионной датой от VIII до IX в. следует, что этот хаган побывал в Константинополе, и имя его в греческом произношении звучало как Ивузир Глиаван (*Ibouzeros Gliabanos*) или Глиаван Хазар (*Gliabanos Chazari*), в чем можно подозревать искаженное тюркское Ивузин Ялбар или Юлбарс (*Scriptores originum Constantinopolitanarum* / Rec. Th. Preger. Fasc. 1: *Hesychii illustrii originis Constantinopolitanae. Anonymi enarrationes breves chronographicae. Anonymi narratio de aedificatione templi S. Sophiae*; Fasc. 2-3: *Ps.-Codini origines continens. Adiecta est forma urbis Constantinopolis* [Lipsiae, 1901-1907]. — Leipzig, 1989. — P. 40. 4-8; Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars*. — P. 173, n. 12; Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. — Berlin, 1958. — Bd. 2. — S. IX, 136; Бешевлиев В. К вопросу о награде, полученной Тервелом от Юстиниана II в 705 г. // ВВ. — 1959. — Т. 16. — С. 9-10; Цанкова-Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII-IX вв. // ВВ. — 1960. — Т. 17. — С. 130; Golden P. *Khazar Studies*. — P. 182-183; Каждан А. П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650-850 гг.). — СПб., 2002. — С. 396-401). Очевидно, воспоминания, а может быть, и какие-то документы об этой единой епархии Херсона Доранта явились тем основанием на притязания на южнобережные хорай — поселения, которые всплыли в споре митрополитов Херсонского, Сугдейского и Готского в последней трети XIV в., — споре, разрешенном Константинопольским патриархом Макарием в пользу Херсонского предстоятеля. Показательно, что клирики одного из таких хорай — Кинсануса клялись, что они всегда входили в церковные пределы Херсона (Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. *Жизнь и гибель Херсонеса*. — Харьков, 2000. — С. 351-354, 398).

³² Лев Диакон. История. — М., 1988. — С. 56 (VI. 9); Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С. 192.

³³ Ср.: Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 30; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. — (1994) 1995. — Вып. 4. — С. 59, 65.

легко и сравнительно быстро, за один день пути, добраться до Мангупа — главного центра здешней «страны Дори»³⁴. Искать контактов с хазарами, оставаясь в самом городе, Юстиниан в сложившейся для него ситуации не мог или, вернее, не успел, ибо жизнь оказалась под смертельной угрозой и все могли решить считанные минуты. Ближе к окраине византийской зоны влияния, куда еще не успели слухи о верноподданнических «кознях» (*epiboule*)³⁵ херсонитов, точнее их властей, в отношении не в меру болтливого опасного ссыльного, у него была надежда опередить события и, как оказалось, расчет не подвел, отчаянная попытка удалась³⁶.

В дальнейшем значительные военные силы хазар не менее двух раз подходили к Херсону, приглашенные самими горожанами, ...и ухаживали³⁷. Нет сомнений, что при желании они могли бы легко завладеть городом, ибо даже оснащенный всем необходимым византий-

³⁴ Новиченкова Н.Г. О древнем пути в Горном Крыму // Пилигримы Крыма — Осень '99. IV Крымская Международ. науч. — практ. конф. Материалы: В 2 т. — Симферополь, 2000. — С. 38-44. По прямой от Мангупа до Радиогорки напротив Херсона 23 км. В ясную погоду она просматривается на западе с вершины плато. В целом, продолжительность маршрута от Херсона до Магупа-Дороса укладывалась в византийское понятие «день пути» (*odon emeras*), равнявшийся около 37 км. Очевидно, именно Дорос был тем центром, простатевонт которого отвечал за поддержание связи с хаганом хазар. Это обстоятельство вкупе с удобством дороги должно было стать решающим в выборе Юстиниана между прочими кастра и фрурами здешнего региона. Если бы беглец просто стремился забраться как можно дальше к границам Горного Крыма, его путь наверняка должен был привести к укреплению на плато Чуфут-Кале, лежащее в 20 км к северо-востоку от расположенных по соседству Магупа и Эски-Кермена (между ними всего 5 км). Еще дальше находилась Бакла с ее кастроном и поселениями.

³⁵ И.С. Чичуров выбрал для перевода этого слова несколько иное значение — «заговор» (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... — С. 40, 63). Никифор, в отличие от Феофана, использовал термин — *diabole*, в смысле «донос, клевета, ложное обвинение, злословие» (Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 156, 164).

³⁶ Беглец, очевидно, предвидел, что требование отправить к хагану настоящую просьбу принять его не встретит противодействие «старшего» — простатевонта Дороса по причине особой озабоченности последнего в сохранении мирных отношений с хазарами. Во всяком случае, в текстах Феофана и Никифора нет и намек на то, что крепость Дорос уже принадлежала хазарам, там находился хазарский наместник и тем более сам хаган, к которому якобы обратился Юстиниан (ср.: Юргевич В.Н. Две печати... — С. 6; Кулаковский Ю. История Византии. — К., 1915. — Т. 3. — С. 286; Герцен А.Г. Хазары в Доросе — Мангупе // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 30). Ясно лишь, что последний оттуда искал свидания с хаганом, ставка которого в это время находилась отнюдь не близко (Айбабин А.И. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 9).

³⁷ О том, что это были значительные военные силы в первый раз свидетельствует сдача им византийского отряда из 300 стратиотов — фракийцев, а в следующий раз капитуляция карательного флота ромеев (см.: Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 40-41, 64, 156-157, 165).

ский экспедиционный корпус под командованием патрикия Мавра Весса оказался не в состоянии им противостоять. Следовательно, должно было быть некое обстоятельство, помимо заинтересованности в дружественных отношениях с Византией, которое удерживало хазар от решительных действий, позволивших бы им заменить византийские власти хазарскими, стать безраздельными хозяевами и города, и края.

Встречающиеся неясности и кажущиеся противоречия в повествованиях Никифора и Феофана о событиях конца VII – начала VIII вв. находят объяснения, если считать возможным видеть в них отражение своеобразного кондоминиума или совместного владения, установлением которого на территории Крымского полуострова могли завершиться трудности и разногласия между Хазарией и Константинополем в начале первого правления Юстиниана II, в 686 и 687 гг., по поводу Херсона и Таврики³⁸. Такой компромиссный политический

³⁸ Намеки на возможность подобного статуса проскальзывают уже у А. Л. Бертье-Делагарда, который отметил, что в 710 г. правителями Херсона были «хазарский тудун или протополит Зоил, быть может оба вместе, один от хазар, другой от Византии» (Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т. 16. – С. 81). Но пионером этой вполне определенно высказанной мысли, как мне кажется, был американский медиевист Арчибальд Льюис (Lewis A. R. *Naval Power and Trade in the Mediterranean A.D. 500-1100*. – Princeton; N.J., 1951. – P. 91). Разные исследователи, не сговариваясь, каждый самостоятельно приближались к осознанию такого объяснения. Из отечественных историков ближе всех к нему в свое время подошли А. Л. Якобсон и А. В. Гадло. По мнению первого из них, в VIII–IX вв. Юго-Западный Крым не зависел напрямую ни от Византии, ни от Хазарии и именно это обстоятельство привело к бурному экономическому расцвету Таврики (Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 190 сл.). Другой уточнял, что «по существу в нагорье [Таврики] возникло в VIII в. буферное политическое объединение, от которого формально не отказывалась Византия и которое в то же время считала своим Хазария» (см.: Гадло А. В. [Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 275 (Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168). Однако он не развил эту идею, очевидно, потому, что, как и А. Л. Якобсон, считал Юго-Западную Таврику оторвавшейся от иконоборческой Византии, оказавшейся во власти «реакционного монашества», «феодалов» и стремящейся к независимости, сепаратизму. Противореча себе, А. В. Гадло указывал, что причина несомненного экономического подъема края крылась в односторонней «зависимости именно от Хазарии». Своеобразную поправку к этому можно видеть в следующих словах О. И. Домбровского: «Вторжение хазаро-болгарских полчищ в Крым почти не затронуло Херсонеса, так как в его существовании как перевалочного пункта морской торговли были заинтересованы не только византийские, но и хазарские власти» (Домбровский О. И. Средневековый Херсонес // Археология УССР: В 3 т. – К., 1986. – Т. 3. – С. 536). Здесь же он впервые упоминает о «длительном византийско-хазарском двоевластии» и его роли в поднятии значения Херсона. И. А. Баранов констатировал это вполне уверенно, отметив, что «...на Боспоре еще в начале VIII в. было двоевластие» в лице хазарского военачальника и византийского архонта, исполнявших од-

новременно указания хагана (Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — С. 54–55, 148). Вскользь о том же почти одновременно обмолвилась Е. А. Паршина, которая видела в «двоевластии» причину экономического подъема Парфенит в конце VIII в. (Паршина Е. А. Торжище в Партениках // Византийская Таврика. — К., 1991. — С. 93). Применительно к Боспору наличие кондоминиума констатировал А. В. Сазанов (Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс.... докт. ист. наук / МГУ. — М., 1999. — С. 40). Схожую мысль в отношении Херсона недавно высказал, но тоже не развил Ж.-К. Шене (Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 315). Можно догадываться, что ее разделяет К. Цукерман, не решающийся однако прямо об этом заявить (Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. — 2001. — Вып. 8. — С. 332–333, прим. 80). Она же витает в строках статьи В. Зайбта, когда он пишет о необходимости и полезности для Херсона как «вольного города» (als «freie Stadt») сохранять хорошие отношения и с Византией, и с хазарами и может быть платить «своего рода дань (Tribut) обоим» (Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 304–305). По сути дела, это весьма близко к заявлению Дана Шапира о совместном «византино-хазарском протекторате» над Крымом и Херсоном (Dan Shapira. Bulgar-Khazar Rivalry: Njnts on Ethnical Historio-Psychology (Judaco-Turkica VII) // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т1. — Р. 217). Я впервые попытался обосновать верность концепции кондомината применительно к Таврике VIII — первой трети IX вв. в научных докладах, прочитанных на заседаниях ученого совета Национального заповедника «Херсонес Таврический» и других конференциях во второй половине 1990-х гг., в своей докторской диссертации, а также в обобщающей монографии по истории Херсонеса (Сорочан С. Б. Кореляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Тезисы докл. — Самара, 1995. — С. 79–81; Сорочан С. Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Тезисы докл. II Международ. археолог. конф. — Самара, 1997. — С. 58–60; Сорочан С. Б. Торговля у Візантії IV–IX віків. Структура і організація механізмів обміну: Автореф. Дисс.... докт. ист. наук / Харківський державний університет. — Харків, 1998. — С. 15; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 41–43, прим. 120; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 209–263). Ныне появились попытки развить и уточнить эту плодотворную рабочую гипотезу (см.: Науменко В. Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность — средневековье). Материалы I Боспорских чтений. — Керчь, 2000—С. 96–105; Науменко В. Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений. — С. 336–361; Герцен А. Г. Науменко В. Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 32. — С. 129–130; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 544–568; Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 570–571; Науменко В. Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. — С. 69–73; Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсонесе... — С. 427–440; Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс.... канд. ист. наук / Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2004 (рукопись); ср.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. — Харьков, 2001. — С. 75–81; Сорочан С. Б.

режим предусматривал взаимные обязательства сторон по эксплуатации общей территории, ее демилитаризацию, запрещение иметь этой зоне постоянные военные контингенты, уплату налогов с дохода местным населением поровну представителям всех сотрудничающих сторон, сохранение властей всех сторон, общее использование портов, отказ от применения вооруженной силы в случае взаимных претензий. Разумеется, современникам был ведом не современный термин, обозначающий подобный статус, а его суть. Будучи достаточно распространенным явлением, он с успехом практиковался в некоторых пограничных областях Византийской империи³⁹.

В качестве наиболее наглядного примера может быть назван Кипр, где по данным лангобардского историка Павла Диакона (725/730–799 гг.), Феофана, Никифора, Константинопольского патриарха Николая Мистика (901–907 гг.), Константина Багрянородного и некоторых других источников с 688 г. до середины X столетия уживалось и византийское, и мусульманское присутствие⁴⁰. Ал-Масуди в своем

Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543).

³⁹ Согласно данным Прокопия, такой режим существовал в некой стране Хорзане, лежавшей на переплетении границ византийских и иранских владений, на протяжении трех дней пути (около 100 км) из Кифаридзона по направлению к Феодосиюполю и II Армении: «... живущие там, были ли они подданными римлян или персов, не имели никакого страха друг к другу и не вызывали взаимных подозрений в злокозненных намерениях, но роднились между собою, заключая взаимные браки, сходились, торгуя предметами первой необходимости» (Прокопий Кесарийский. О постройках. III. 3. 9–10 // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 244–245). Кондоминатное владения можно подозревать на о. Иотава, который в ранневизантийское время эксплуатировался арабами, евреями, ромеями и химьяритами (Малх Филадельфиец. Византийская история в семи книгах, отр. 1 // Византийские историки Дексипп, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос, Феофан Византиец. – СПб., 1860. – С. 228; Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1. – P. 141; Пигулевская Н.В. Политика Византии на Эритрейском море // История и филология стран Ближнего Востока (ПС. – Вып. 11 (74). – Л., 1964. – С. 87–89). В Ивирии и Армении кондоминиум вытекал из непростых отношений византийцев с арабами, а в Албании – с хазарами и арабами (см.: Ahrweiler H. La frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congres international des etudrs byzantines. – Bucarest, 1974. – P. 216; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979. – С. 154; Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. – СПб., 1998. – С. 34; Арутюнова – Фиданян В.А. Византия и Армения в X–XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 380–391; Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Доклады Института Российской истории РАН 1995–1996 гг. – М., 1997. – С. 42–61; Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсонесе... – С. 435).

⁴⁰ Pauli Diaconi historia genus Langobardicarum // PL. – T. 95. – Col. 1045; Theophanis Chronographia... – P. 424; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 64. 10-20; Nicolai (Mystici) archiepiscopi Constantinopolitani // PG. – 1864. – T. 111. – Col. 33; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 47, с. 212, 245, комм. 1;

сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» отмечал по этому поводу, что жители Кипра признавали «... договор, который был заключен еще в начале ислама относительно того, что они не должны были помогать грекам против мусульман, ни мусульманам против греков, и что харадж острова [должен быть платим] наполовину мусульманами, наполовину греками»⁴¹. Византийские власти представляли сборщик налогов – диойкит, эк просопу – полномочный представитель императора с контролирующими и ревизионными функциями, эпарх – надзиратель за торговлей, ремеслами, благоустройством и архонт, а арабские – эмир (адмирал) и хаким (судья)⁴². В данном случае положение эмира было очень близко положению хазарского тудуна.

Известно также, что правитель Кавказской Албании, Вараз-Трдат, около 684 г. стал платить подати одновременно византийцам («грекам»), арабам («таджикам») и хазарам⁴³. В византийско-арабское соглашение 688/689 г. вошла клаузула о равном, общем распределении податей (*kai ina echosikoina kata to ison tous phorous*) с Кипра, Армении и Ивирии между Юстинианом II и халифом Абд ал-Маликом (685–705), причем магистрианом – дипломатом Павлом, посланным для утверждения соглашения, «это было прочно (навсегда) записано при свидетелях» (*kai gegonen engraphos asphaleia meta martyron*)⁴⁴.

Следует подчеркнуть, что такого рода отношения не соответствовали содержанию клаузул известных «договоров мира и любви» Византии с соседними государствами или народами. В византийско-персидских соглашениях второй половины VI в., договоре торговцев североиталийского города Коммакьо с лангобардами в 715 г., договоре

Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. Reiche A. Abt. I. Teil 1: *Regesten von 565-1025*. – München; Berlin, 1924. – № 257 (Кипрский статут); Hill G. *The History of Cyprus*. – Cambridge, 1940. – Vol. I. – P. 284-287; Jenkins K. J. *Cyprus Between Byzantium and Islam* // Jenkins K. J. H. *Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries*. – London, 1970. – P. 1006-1014; Kyrris C. P. *The Nature of the Arab – Byzantine Relations in Cyprus from the Middle of the 7th to the Middle of the 10th Century A.D.* // *Graece – Arabica*. – 1984. – Vol. 3. – P. 149-175; Kyrris C. P. *History of Cyprus*. – Nicosia, 1985. – P. 160-211; Kyrris C. P. *Cyprus and the Black Sea in the Early Middle Ages an Outline* // *Bulgaria Pontica Medii Aevi*. – Sofia, 1992. – P. 9-17.

⁴¹ Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. I: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской дитнастии. Ч. 2: Приложения. – СПб., 1902. – С. 32.

⁴² Jenkins K. J. *Cyprus Between Byzantium and Islam*. – P. 1009; Oikonomides N. *Les listes...* – P. 57; Kyrris C. P. *The Nature of the Arab – Byzantine Relations...* – P. 171.

⁴³ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. – Л., 1979. – С. 154 (со ссылкой на «Историю авган» Мовсеса Дасхуранци).

⁴⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 22 13-16, с. 82-83; ср.: История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 42; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 549.

⁴⁵ Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийскиеистики Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор...: Пер. с гр. Сп. Дестунисом, прим. Г. Десту-

716 г., заключенном василевсом Феодосием III и патриархом Германом с «владыкой» болгар Кермесием (Кормисошем), в византийско-лангобардском Pactum Sicardi 836 г., византийско-русских соглашениях 907, 911, 944–945 гг. всегда четко оговаривались условия, распространявшиеся конкретно на «римские» владения и особо на иноземцев и на иноземные территории, а также на «римлян», оказавшихся в этих землях⁴⁵. В случае же с Таврикой обращает внимание одновременное присутствие здесь представителей обоих государств, Романии и Хазарского каганата.

На территории Крымского полуострова прототип системы совместного владения обнаруживается уже в V – первой четверти VI вв. на Боспоре, когда в условиях гуннского присутствия местные боспорские власти, греческая и аланская знать – «друзья цезарей и римлян», не порывая связей с Византийской империей, смогли наладить мирное, достаточно стабильное сосуществование с пришельцами и превратили Боспор, по словам Иоанна Малалы, в центр обмена (торговли) между ромеями и гуннами⁴⁶. Очевидно, этим объясняется кажущаяся противоречивость заявлений Прокопия о том, что вплоть до правления василевса Юстина (518–527) «жители Боспора издревле жили независимо», хотя «... с давних времен этот город... находился под властью гуннов»⁴⁷. Таким образом, нельзя согласиться с заявлением, что лишь с конца VII в. византийская дипломатия встала на поиск «новых форм сотрудничества как с «завоевателями», так и с населением лимитрофных областей»⁴⁸. Такой статус был не в новинку и раньше, но теперь он стал еще более востребованным.

ниса. – СПб., 1860. – С. 329–454, фр. 11; Hartmann L.M. Comacchio und der Po-Handel // Hartmann L.M. Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Analekten. – Gotha, 1904. – S. 123–124; Theophanis Chronographia... – P. 497. 16–26; Lopez R.S., Raymond I.W. Medieval Trade in the Mediterranean World. Illustative Documents translated with introductions and notes. – New York, 1955. – P. 33–35, № 7; Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. – М., 1952. – С. 1–35.

⁴⁶ Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnæ, 1831. – P. 431; Иоанн Малала. Хронография. Книга XVIII // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. – СПб., 1998. – С. 470; Иоанн Малала. Хронография: Пер. Л. А. Самутиной // Евagriй Схоластик. Церковная история. Книги III–IV: Пер. с греч., коммент. И. В. Кривушина. – СПб., 2001. – С. 339.

⁴⁷ Ср.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. I. XII. 8 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. ст., коммент. А. А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 36; Прокопий Кесарийский. О постройках. III. VII. 12 // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 249). См.: Виноградов Ю. Г. Позднерантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 234–246; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 77–80, 94; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 28–30, 32–34.

⁴⁸ Ср.: Науменко В. Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе... – С. 71–72.

Кондоминатные отношения в Таврике приобрели вполне законченный вид к рубежу VII–VIII вв., когда хазары установили контроль в Степном, Восточном и отчасти в Юго-Западном Крыму⁴⁹. Оформление этих отношений, скорее всего, пришлось на годы успешной компании византийцев на Кавказе, когда после хазарского нападения ромейскими войсками во главе со стратигом Леонтием в 686 г. были покорены Армения, Ивирия, Кавказская Албания, Букания и Медия (Азербайджан), а еще через два года василевс лично посетил Армению⁵⁰. Именно в эти годы были заложены основы будущего прочного союза с хазарами и должен был встать вопрос о дальнейшей судьбе крымских владений Романии, оказавшихся на острие хазарских интересов. Отсутствие прямых письменных данных о таком соглашении не может рассматриваться как решающий контраргумент. К примеру, содержание договора, существовавшего между Империей и таврическими готами – федератами или «энспондами», союзниками, как именовал их Прокопий Кесарийский, тоже осталось неизвестным, хотя его наличие вытекает уже из самого термина федераты, которым византийский историк обозначил готов в VI в.⁵¹

Есть основания полагать, что система византийско-хазарского «двоевластия» действовала здесь уже в начале первого правления молодого Юстиниана II (685–695). Позже, вскоре после прихода к власти Тиверия Аспимара в 698 г., сбежавший из Херсона экс – император испытал ее на себе, когда с согласия хагана, женившего его на своей «кровной сестре», обосновался на жительство в древнем греческом городе Фанагории на Таманском полуострове и должен был иметь дело с представителями властей обеих сторон. В духе выполнения условий кондоминатного статуса должен был действовать и сам хаган, для которого здешние земли не были собственно хазарскими, то есть включенными в домен. Недаром Феофан отсекал Фанагорию от собственно Хазарии, когда писал, что Юстиниан в 704 г. отправил свою жену Феодору из этого города «в Хазарию» (*en Chazaria*)⁵². Вот почему один из здешних «начальствующих», Папацу, назван хронистом не архонтом Фанагории, а также как тудун в Херсоне, «от лица» (*o ek prosopou*) хагана. Очевидно, в этом можно видеть ромейскую

⁴⁹ Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 191–195; Новосельцев А. П. Хазарское государство... – С. 111.

⁵⁰ Феофан сообщает об этих событиях под 6178 годом от сотворения мира по alexandрийской эре (1 сентября 685 г. – 31 августа 686 г.) (*Theophanis Chronographia*... – Р. 363).

⁵¹ См.: Прокопий Кесарийский. Война с готами: Пер. С. П. Кондратьева, вступ. ст. З. В. Удальцовой. – М., 1950. – IV. 5. 13. 14; *Procopii Caesariensis Opera omnia* / Rec. J. Naury, G. Wirth. – Lipsiae, 1963. – Vol. 2. – P. 505.

⁵² Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 39, 63. На этом основании Фанагорию нельзя считать «апанажем» – уделом, выделенным хаганом Юстиниану II (ср.: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 43).

интерпретацию хазарского титула⁵³. А второй, Валгиц, подчеркнуто не названный «единоплеменником» хагана, прямо именуется архонтом Боспора (ton archonta Bosporou), то есть главой ромейского города, хотя им обоим хаган с согласия и даже по просьбе законного василевса Тиверия III приказывал «... убить Юстиниана, как только им дадут знать»⁵⁴.

Никифор также называет Папаца, жившего при Юстиниане в Фанагории, «архонтом из единоплеменников» (to archonti ton omoethnon)

⁵³ Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2. — С. 197. Науменко В. Е. Хазарский «тудун»... — С. 430–431.

⁵⁴ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 39, 62–63. Видимо, поэтому Георгий Кедрин — компилятор конца XI — начала XII вв., пересказывая Феофана, как и большинство современных исследователей, не обратил внимания на указанные оговорки, и посчитал, что хаган приказал убить Юстиниана «своим» (tois autou) людям (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae Compendium historiarum / Opus ab Im. Bekkero. — Bonn, 1838. — Vol. 1. — P. 779. 7). На самом деле действия хагана недвусмысленно показывают, что он попытался лишь формально выполнить договоренность с царствовавшим на тот момент Тиверием Апсимаром, а фактически устроил побег своего зятя. Отсюда странная, необъяснимая пассивность хазарского отряда, посланного в Фанагорию «стеречь» Юстиниана, и, возможно, действительно (а не на словах) оберегавшего его от вполне вероятного покушения с ромейской стороны; явно намеренная утка сведений через слугу хагана; предоставленная «жертве» возможность самостоятельного «вызова на беседу» Папаца и Валгица; та легкость, с которой «обреченный» сам превратился в убийцу незадачливых архонтов, оказавшихся разменными пешками в большой политической игре; наличие всего необходимого для побега, вплоть до снаряженного неподалеку легкого, но быстроходного, универсального по характеру, «военно-торгового» судна — алиаса или алиады, и даже «любезная» отправка Феодоры в Хазарию, надо полагать, к ее брату, не исключено, посвященному в дальнейшие планы экс-василевса (см.: Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 62–63, 163). В сложившейся ситуации для хагана главное было соблюсти видимость выполнения договора и, выпустив царственного родственника на волю, ждать дальнейшего развития событий, которые могли бы принести хазарской стороне новые политические дивиденды. Поэтому отнюдь не только «вследствие удивительной энергии» Юстиниану, якобы разочаровавшему жадного до денег хагана — предателя в своей политической жизнеспособности, удалось уйти «от агентов варварского князя, подкупленного греческим золотом», как полагают многие историки (ср.: Гельцер Г. Очерк политической истории Византии // Очерки истории Византии / Под ред. В. К. Бенешевича. — СПб., 1912. — Вып. 1. — С. 59; История Византии. — М., 1967. — Т. 2. — С. 45; Ангелов Д. История на Византия (395–867). — София, 1973. — Ч. 1. — С. 268; Дашков С. Б. Императоры Византии. — М., 1997. — С. 119; Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 46–47; Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских странах // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 88). Но что действительно остается неясным, так это причина, заставившая Тиверия Апсимара лишь на седьмом году своего правления вспомнить о существовании Юстиниана Ринотмета и потребовать его голову. Кто и почему напомнил достаточно удачно правившему василевсу о казавшемся бы тихом житье экс-императора в отдаленном городе? Возможно, ответ на этот вопрос и раскрыл бы загадку закрученной на кондоминатном соглашении политической интриги, в итоге обернувшейся гибелью для самого Тиверия III.

хагана хазар, но опускает это важное уточнение, сообщая об «архонте Восфора» (to archonti to tou Bosporou tou Skythikou)⁵⁵. Рассказывая далее о том, как Юстиниан задушил веревочной петлей обоих архонтов, Никифор вновь подчеркнуто называет первого «местным хазарином» (ton oikeion ekeinon tou Chazaron), а второго – архонтом Восфора (ton Bosporou archonta), подразумевая тем самым, что он не был поданным хагана. Получается, что хаган обращался одновременно к представителям как хазарской, так и византийской власти, выполняя обещание, данное василевсу ромеев⁵⁶. Таким образом, предположение, что Папац был наместником хагана, а «хазарин» Валгиц вел сбор податей, то есть оба они подчинялись только хагану, выглядит шатким⁵⁷. Гораздо вероятнее, что на тот момент оба представителя хазарской и местной, а значит, формально византийской власти, хазарин и грек, действительно осуществляли свои полномочия из Фанагории и поэтому Юстиниану не надо было отправлять послышного в 60-километровый путь за архонтом Боспора и дожидаться его приезда после того, как он устранил Папаца.

Если исходить из данных «Армянской географии» Анания Ширакци, Феофана и Никифора, западные рубежи Хазарского каганата достигали в это время Танаиса (Дона) и Керченского пролива⁵⁸, но территория Азиатского Боспора при этом входила в зону совместного контроля двух держав. Примечательно, что здесь, в демилитаризованной зоне, отсутствовали военные силы как византийцев, так и хазар, и поэтому Тиверий Апсимар не мог призвести в Фанагории

⁵⁵ Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 155, 163.

⁵⁶ Наряду с В. Е. Науменко, представление о существовании совместного византийского и хазарского управления в особой контактной византийско-хазарской зоне разделяет также А. В. Сазанов, однако он тоже относит его только к территории Боспора (Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. – С. 354; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 40). Как бы то ни было, именно следствием особого положения Боспора объяснимое использование авторами византийских источников по отношению к его правителю двойного титула, греческого – архонт и тюркского – «валгица», этимология и содержание которых, вероятно, были схожи и означали «начальник, правитель, вождь» (подробнее см.: Науменко В. Е. Указ. соч. – С. 347–348, 350). Но сомнительно говорить о совпадении слов «валгиц» и «бул-ш-ци», применительно к началу VIII в., основываясь на позднем хазарском источнике о начальнике с титулом (должностью?) «бул-ш-ци» из Самкерца (Таматархи) X в., (Golden P. B. Khazar Studies... – P. 165–169; Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. – Ithaca; London, 1982. – P. 116–117).

⁵⁷ Сазанов С. А. Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.: Сугдак, 2002. – С. 222.

⁵⁸ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. – 1883. – Март. – С. С27–31; Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 36–37, 60–61, 154, 162.

арест Юстиниана II, а когда хагану потребовались люди для того, чтобы стеречь в городе экс-императора, он выслал отряд⁵⁹.

В свете гипотезы о кондоминатном статусе Таврики становится вполне объяснимым, почему Юстиниан II во время своего бегства в 704 г. на пути к устью Дуная решился сделать единственную остановку на крымском побережье, да и то тайную⁶⁰. Тем более понятно сбивающее с толку, смущающее исследователей одновременное присутствие в Херсоне во время событий 710–711 г. и местного протополита со знатными мужами города, протевонами, и царского дорифора, спафария Илии (Илии), архонта Херсона, и тудуна, которого тоже называли архонтом Херсона, но который, как и архонт в Фанагории, «был там от лица хагана» (*ton archonta Chersonos os ek prosopou tou Chaganou onta*)⁶¹.

Очевидно, без обоюдного согласия сторон, предусматриваемого статусом кондоминиума, самостоятельная акция Тиверия Аспимара в отношении Юстиниана в 704 г. была бы совершенно невозможна. Ситуация совместного владения обязывала обе стороны действовать именно так или, по крайней мере, создавать политическую видимость таких обоюднoсогласных действий.

Позднее в похожем положении по отношению к новому претенденту на трон, армянину Вардану, оказался сам Юстиниан II, который пытался мирно уладить дела с хазарами в Таврике, очевидно, весной – летом 711 г., несмотря на сводившую его с ума жажду мести своим тамошним врагам – ромеям, покушавшимся на его жизнь. Узнав о решении архонтов и жителей местных кастра, полисм – подчиненных и федератов Империи не ограничиться на сей раз хазарским наблюдателем-посредником, а через послов «просить людей (войско – *laon*) для своей охраны» у хагана Хазарии⁶², василевс был вынужден прибегнуть к переговорам.

⁵⁹ Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 39, 62, 155, 163.

⁶⁰ Там же – С. 39, 63, 155, 163–164.

⁶¹ Там же. – С. 40, 64, 156, 164.

⁶² Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 156, 165. Дан Шапира заблуждается, когда пишет, что к этому времени против императора выступили хазары и мятежный флот, отчего ситуация стала угрожающей (*Dan Shapira. Bulgar-Khazar Rivalry... – P. 217*). Царского флота в Херсоне не было, ибо после первой карательной экспедиции его вывели отсюда. Юстиниана II могли тревожить лишь интриги архонта Илии и Вардана, подстрекавших остальных протевонов и «старшин» кастра просить военной защиты хагана, что было чревато мятежом, развалом статуса кондоминиума и потерей Таврики. Поэтому он посчитал достаточным пока не отправлять в город значительные силы и ограничиться своеобразной рокировкой политических фигур – вернуть в прежних правах тудуна и Зоила взамен потенциальных мятежных главарей, с которыми можно было бы «разобраться» в Константинополе. Следовательно, посылая высоких царских чиновников со сравнительно небольшим военным эскортом, вполне достаточным на демилитаризованной территории, василевс не допускал возможности того, что уже раз проученные херсониты решаться на поддержку тех опальных лиц, на кого пал его гнев.

Несколько быстроходных парусно-весельных судов — дромонов с логфетом геникона, патрикием Георгием Сирийцем, эпархом столицы Иоанном и турмархом западномалоазийского Фракисия Христофором⁶³ в сопровождении 300 воинов — фракийцев⁶⁴ должны были вернуть в Херсон ранее вывезенных хазарского представителя (тудуна) и «первого гражданина города», архонта Зоила, восстановив, следовательно, властный кондоминатный status quo⁶⁵. В обмен на это посланники василевса надеялись, очевидно, через посредничество главы херсонского управления Зоила и тудуна получить, заручившись согласием хагана, мятежника — «изгнанника» Вардана, находившегося в то время «с флотом (свитой?) в Херсоне» (to stolo eis Chersona on), а также отозвать в столицу другого бунтовщика — недавно назначенного архонтом Херсона Илью, как уже сказано, носившего титул царского меченосца — спафария⁶⁶. Причем, тудун и протополит,

⁶³ Обращает внимание, что Фракийский как военно-административная единица включал Смирну, Пергам, Эфес, Сарды (Lilie R. -J. «Thrakien» und «Thrakiesion». Zur byzantinischen Provinzorganisation am Ende des 7. Jahrhunderts // JÖB. — 1977. — Bd. 26. — S. 22-25), то есть как раз те районы западного побережья Малой Азии, экономические контакты с которыми прямо или чаще косвенно прослеживаются в археологических материалах Херсонеса — Херсона. Едва ли выбор Юстиниана II был случаен.

⁶⁴ Сравнение текстов Феофана и Никифора, пользовавшихся общим источником, но сохранивших разные детали, позволяет предположить, что фракийцы были тяжеловооруженными воинами — гоплитами. Когда в «Хронографии» упоминается о сборе Юстинианом войск для отражения приближающегося флота с Варданом-Филиппиком речь вновь идет о «части фракийцев» (kai meros Thrakesion). Автор «Бревиария» перечисляет тот же состав ромейских сил, только вместо фракийцев пишет о «другом тяжеловооруженном войске» (kai stratou opliten eteron) (ср.: Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 41, 65, 157, 165).

⁶⁵ Совершенно правильно понял это место источника П. И. Кеппен, отметивший, что посланные прибыли из столицы в Херсон «для того, чтобы там восстановить прежний порядок и извинить его (Юстиниана II) перед каганом» (Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб., 1837. — С. 89).

⁶⁶ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 41, 64, 156, 164; ср.: Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Краткие исторические очерки. — К., 1906. — С. 65 (автор необоснованно полагал, что тудун был отправлен обратно из Константинополя в Херсон, «к хазарам» (sic!)), причем Юстиниан II якобы поручил просить тудуна, чтобы тот «заставил херсонесцев выдать Илию и Вардана»: типичный и, к сожалению, не единственный пример путаницы, допущенной при интерпретации источника). Из текстов Никифора и Феофана можно заключить, что сыльный армянин Вардан был «призван» (ta anakletheis) в Константинополь по распоряжению Юстиниана II с Кефалонии (Кефалинии) — одного из группы Ионийских островов, находящегося против входа в Патрский залив. Остров этот, ставший первоначально местом ссылки Вардана, имел свою епископскую кафедру, города, из которых главным по численности являлся Аргостион, а вторым — Ликигури (Полный православный богословский энциклопедический словарь. — М., 1992. — Т. 2. — Стлб. 1265). Скорее всего, Вардан был доставлен из Константинополя первым карательным флотом, посланным Юстинианом в Херсон, и «оставлен там изгнанником» (exoriston ekeise katalipein). Феофан пишет, что столичные высокопоставленные посланники должны были привести василевсу спафария Илью и Вардана, но Никифор упоминает о таком приказе только в отношении Ильи, отстраненного от архонства.

что очень важно подчеркнуть, оба восстановленные василевсом в их прежнем положении в городе, «через послов» — апокрисиариев, то есть отнюдь не лично, «должны были оправдаться перед хаганом»⁶⁷.

Турмарх был лицом, следующим непосредственно за стратигом, он получал от него приказы и передавал их⁶⁸. Он мог быть во Фракии не один. Эта военно-административная область на восточном побережье Эгейского моря одна из первых пополнила число фем, ставшее расти с правления Юстиниана II. Во всяком случае, в трактате «О церемониях» Константин Багрянородный указывал на трех турмархов этой стратигиды⁶⁹. Они и позже, в IX–X вв., назначались василевсом, и их наличие было явным признаком фемного строя⁷⁰. Юстиниан II действительно активно стремился к укреплению фемного строя, замене муниципальных властей присылаемыми из центра стратигами⁷¹. Однако сведения о намерении василевса восстановить прежний статус города не позволяют видеть в посылке высочайшей имперской делегации попытку провести в Таврике фемные преобразования, то есть уже тогда перейти к новой системе военно-административного устройства и, тем самым, разорвать отношения кондоминиума.

Видимо, Феофан, следовавший за неизвестным своим источником, имел в виду, что официальные представители и хазарской, и византийской стороны должны были оправдаться в причинах, повлекших нарушение как раз такого соглашения. Больше оправдываться им было не в чем. Византийская сторона разобралась с ними, теперь дело было за хаганом. В этом особенно наглядно просматривается двойственность положения представителей двух государств по эксплуатации кондоминиума, что в свою очередь рождает предположение об их утверждении совместно хаганом и василевсом⁷².

Обоим «начальствующим», хазарскому тудуну и херсониту Зоилу, предстояло через своих посланников замять инцидент, связанный с вооруженным нападением на кондоминатное владение, пленением их самих во время первой карательной экспедиции патрикиев Мавра Весса и Стефана Асмикта, отправкой в Константинополь по приказу Юстиниана, и обелить намерения василевса, к тому времени

⁶⁷ Чичуров Т. С. Указ. соч. — С. 41, 64.

⁶⁸ См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 142.

⁶⁹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iasc. Reiskii. — Bonnæ, 1829. — Vol. 1. — P. 666. 16–20.

⁷⁰ Leonis imperatoris *Tactica sive de re militari liber* (Ta en polemois taktika) // PG. — 1863. — T. 107. — Col. 708 D.

⁷¹ См.: Сюзюмов М. Я. Византийский город: середина VII — середина IX в. // Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. — Екатеринбург, 2002. — С. 128; Head C. Justinian II of Byzantium. — Madison, 1972. — P. 685.

⁷² Именно так обстояло дело с татарским тудуном в Каффе, где его избирали татарский хан совместно с генуэзским консулом (ср.: Колли Л. П. Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. — 1911. — № 45. — С. 4).

наделавшего немало ошибок и окончательно запутавшегося в политических хитросплетениях. Но несговорчивость, нежелание держать отчет, более того, неожиданная воинственность херсонитов, очевидно, подстрекаемых их новым архонтом Ильей, расстроила планы императора⁷³. Во время завязавшихся в городе переговоров логофет геникона и епарх были зарублены, после чего злополучный турмарх Христофор с тудуном, протополитом и 300 стратиотами сами были отосланы к хагану⁷⁴, теперь, видимо, уже не для того, чтобы «оправдываться», а для обсуждения нового варианта неожиданно сложившегося положения. Во всяком случае, текст источника позволяет думать, что эти действия были инспирированы местными византийскими властями, тем же хитромудрым архонтом Херсона Ильей, а не хазарами, которые, вопреки ошибочному утверждению В. Тредголда, не принимали участия в убийстве посланников василевса в городе⁷⁵.

⁷³ Примечательно, что Анастасий библиотекарь при переводе «Хронографии» на латинский язык так и передал значение греческого слова *pereloge* как «отдавать отчет» (*rationem reddere*) (Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1885. — Vol. 2. — P. 242. 18; ср. Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 41, 64).

⁷⁴ По мнению А.Г. Герцена, хазарский отряд отправился в ставку хагана, «вероятно, находившуюся в это время где-то на Боспоре» (Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. — Керчь, 2002. — С. 62). Однако в начале VIII в. она располагалась за пределами Крыма, в степях Поднепровья (Айбабин А.И. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы. — М., 2002. — С. 9).

⁷⁵ Ср.: Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. — Stanford, Calif., 1997. — P. 342. Ключ к объяснению казалось бы неожиданной, прежде неведомой решительности херсонитов можно видеть в сравнительно близком присутствии немалых военных сил хазар, которые, будучи приглашенными через послов архонтами Юго-Западной Таврики (*ton choron touton archontes*), не вмешиваясь, следили за происходившим в Херсоне. Ведь расправившись с имперской делегацией мятежники тотчас выдали «подступившим», — дословно «сидевшим при [городе]» (*tois ekeise prosedgheousi*) хазарам их тудуна, а также Зоила и турмарха с его тремя сотнями хорошо вооруженных воинов, которые не оказали бы сопротивления только ввиду явного превосходства противника (см. Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 41, 64, 156, 165). Избавляясь от тудуна и отправляя протополита, ставленника Юстиниана II, в неожиданное, рискованное путешествие, честолюбивый Илья вполне мог строить свои собственные корыстные политические планы. Во всяком случае, внезапная смерть тудуна вскоре после отъезда наводит на размышления и, если искать на нее ответ с тривиальной уголовной позиции «кому это выгодно», взор остановится на авантюристе — спафарии, для которого изменение настороженной позиции хазар и примирение херсонитов с Юстинианом II автоматически означало смертный приговор. В этой игре, где с точки зрения царедворца ставкой была больше, чем жизнь, в том числе жизнь собственных детей, — возможный взлет к подножью трона, если не сам трон, — в ход шли любые извороты и средства, включая веревочные петли и яд.

По мнению А.И. Айбабина, Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь «для улучшения отношений с хаганом». Однако ниже он отмечает, что «херсонцы не поз-

Даже сам состав уничтоженной имперской делегации наводит на размышление о том, что ею должны были решаться не только политические, но и какие-то особенно болезненные для херсонитов экономические вопросы, в том числе и финансовые. Слудует учитывать, что эпарх принимал участие в судебных расследованиях, рассматривал повторные жалобы и апелляции тяжущихся⁷⁶. Другое лицо — логофета геникона Никифор называет «счетчиком государственных податей» или просто «государственным счетчиком» (*ton demosion phoron logisten, ton demosion logisten*)⁷⁷. Действительно, уже во времена Римской империи логофеты, известные как рационалы и прокураторы, вели городские процессы от имени фиска⁷⁸. Они издавна контролировали доходы с императорских владений, обладали важными функциями общегосударственного финансового контроля и порой столь усердно действовали в провинции, что рождали антиромейские настроения⁷⁹. Эта четко организованная, узкоспециализированная структура, подчиненная непосредственно императору, уже к концу VII в. стала самым многочисленным по количеству должностей ведомством в группе имперских секретов. Определенные функции казначея префекта претория теперь перешли к логофету. Он стал главой налогового управления, связанного с раскладкой, сбором и подсчетом земельного и прочих налогов, податей, доходов, государственных платежей на территории Византии, а чиновники его ведомства (главный хартуларий, хартуларий арклоне, «внешние хартуларии геникона» — *exo chartoularioi tou genikou*, эпопты, комиты вод, икистики, коммеркиарии, кураторий, комит ламии, диикиты, коментианы) занимались составлением документов, их регистрацией, записью в различные кадастры, реестры, имперские кодексы, контролировали кассы или бюро в провинциях, принимали их расчеты, следили за налогами по водоснабжению, доставляли средства от налогообложения из провинции в центральное казначейство, занимались обложением императорских владений, обложением рынков, регули-

волили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление Зоилу вернуться в город» (Айбабин А. И. Этническая история... — С. 196). Выходит, херсониты действовали как враги самим себе, ибо противодействовали улучшению отношений с хазарами, что совершенно невероятно в той ситуации.

⁷⁶ Ioannis Malalae Chronographia. — Р. 494; Продолжатель Феофана / Изд. Я. Н. Любарский. — М., 1992. — С. 194 (X, 1).

⁷⁷ Никифора патриарха Константинопольского Краткая история времени после царствования Маврикия: Пер. Е. Э. Липшиц // ВВ. — 1950. — Т. 3. — С. 365, 371.

⁷⁸ Theodosiani libri XVI constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. — Berolini, 1905. — Vol. 1. — X. 18.1.

⁷⁹ Прокопий Кесарийский. Война с готами: Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1950. — III. 21.14; Прокопий Кесарийский. Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. — М., 1993. — С. 377 (XVIII. 15); Brehier L. Le monde byzantin. — Paris, 1949. — Vol. 2: Les institutions de l'Empire byzantin. — P. 255; Haldon J. Byzantium. A History. — Stroud, Gloucestershire, 2000. — P. 79.

рованием закупок и перераспределения монопольных товаров, таких как шелк. Наличие подобных проблем с Херсоном, прочими крымскими архонтиями и хазарскими властями, вероятно, тоже имевшими определенные права на его доходы, тем более вероятно, что именно во второй период правления Юстиниана Ринотмета была проведена генеральная реформа имперской финансовой системы, сыгравшая, по мнению профессора Констанса Хэда, стабилизирующую роль⁸⁰.

Внезапная смерть тудуна в дороге, уже после отправки из города, и принесение язычниками-хазарами ромейского отряда, турмарха Христофора и Зоила в качестве жертвенной тризны умершему знатному соотечественнику, сорвали и этот замысел организовать переговоры⁸¹. К слову, случившееся опровергает сугубо филологические, ошибочные построения Х.-Ф. Байера, пытавшегося доказать, что «имя Зоила все же хазарского происхождения» и его носитель был связан с некой «хазарской знатью Крыма»⁸². Ясно, что совершать ритуальное убийство своего единоплеменника, тем более знатного, хазары не стали бы.

Как пишет Феофан, для херсонитов и жителей остальных кастра, областей – климата (фем или архонств – по Никифору) теперь осталась лишь одна возможность – свергнуть ненавистного, злопамятного Юстиниана Безнозого и провозгласить новым василевсом Вардана Филиппика (рис. 102)⁸³. Император лишился возможности мирного

⁸⁰ Head C. Justinian II of Byzantium. – Madison, 1972 (см. там же библиографию вопроса).

⁸¹ А.Л. Бертъе-Делагард полагал, что протополит Зоил был убит в Херсоне во время мятежа против Юстиниана II, ибо был ставленником этого императора, но на самом деле Феофан оставляет судьбу Зоила в неясности, не упоминая его среди принесенных в жертву хазарами, тогда как Никифор более определенно пишет об убийстве стратиотов, Тондуна и Зоила (ous paralabontes oi Chazaroi kata ten odon ekteinou – «взяв, хазары убили их по дороге») (ср.: Чичуров И.С. Указ. соч. – С. 156, 165; Бертъе-Делагард А.Л. Надпись времени Императора Зенона... – С. 81). Совершение хазарами языческих ритуальных человеческих жертвоприношений вместе с почитанием небесных и хтонических божеств оставалось характерным и для последующего времени, вплоть до X в., что уживалось с исповеданием иудаизма, мусульманства и христианства (Новосельцев А.П. Хазарское государство... – С. 144 сл.; Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. – Волгоград, 1993; Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. Дисс.... докт. ист. наук / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 30).

⁸² См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 336–337 (к с. 46).

⁸³ Чичуров И.С. Указ. соч. – С. 64, 165. Название «архонства, архонтии» абсолютно эквивалентно термину «климата», вошедшему в употребление применительно к областям Таврики, Готфии, Херсона и Боспора с начала IX в. Это легко обнаружить при сличении текста сочинений Феофана (810–815 гг.) и Никифора (770-е гг.) о заговоре против Юстиниана II «херонитов, босфориян и остальных климатов» (ton loipon klimaton) и последующем приказе императора покарать всех «в Херсоне, Босфоре и других архонствах» (ton allon archonton) (Чичуров И.С. Указ. соч. – С. 40, 63, 156, 164).

Рис. 102. Филипп Вардан.
Гексаграм, серебро.
711–713

разрешения конфликта в рамках условий кондоминиума и осенью 711 г. ответил на действия мятежников посылкой «второго флота» с уже испытанным ранее патриkiem Мавром Вессом, который с помощью осадных машин должен был разрушить стены Херсона и окончательно перебить его жителей⁸⁴. В этой ситуации вторая сторона теперь не могла не вмешаться в происходящее на кондоминатной территории: «Но тут появились хазары, и наступило перемирие (Chazaron de katalabontos, egeneto anoche tou polemou)», — многозначительно роняет автор «Хронографии»⁸⁵.

⁸⁴ По поводу места, где Мавр Весс приказал штурмовать город, используя «таран (krion — «баран»), манганики и всякие елесты» (осадные, преимущественно метательные боевые машины и сборные деревянные штурмовые башни на катках, на верхних этажах которых стояли камнеметы, а внизу находился таран) (ср.: Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Demetrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. T. I: Le texte. — Paris, 1979. — P. 255), у исследователей сложилось два мнения. Скупые и невнятные свидетельства — ориентиры Феофана выводят на две башни — Сиагр (Syagros — «Кабан», «Вепрь») и Кентинарий (Kentenaresios — «Сотникова»), которые пытались разбить осаждавшие (Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 41, 65). Их локализируют на северо-восточной оконечности портового участка обороны города и связывают с приморскими башнями XXII и XXIII (Антонова И.А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. — 1971. — Сб. 7. — С. 116; Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. — Свердловск, 1987. — С. 62–63), либо помещают около юго-восточной приморской куртины и башен, в «цитадели», на участке между необычной по форме, «тупорылой» башней XVII¹ (Сиагр?), устроенной на приморской оконечности куртины 20, и башней Зинова (XVII) или открытой в 1998 г. новой башней XLI, пристроенной по центру к внутренней стороне 21 приморской куртины (Бертье-Делагард. А.Л. О Херсонесе // ИАК. — 1907. — Вып. 21. — С. 163–166; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 524–526). Примечательно, что после удлинения куртины 20 в восточную сторону в IX–X вв. башню XVII¹ заменили новой прямоугольной фланговой башней XVIII, но сохранили ее необычную форму, лишь поменяв ориентацию выступающей полукруглой части с юга на восток (см.: Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Х. сб. — 1996. — Вып. 7. — С. 128, рис. 1). Отождествлять Сиагр и Кентинарий с так называемыми «морскими воротами» Херсона, защищаемыми башнями XXVI и XXVII на свайных конструкциях, невозможно, поскольку они были обрודованы не ранее XI в., когда оборонительные стены в портовом районе в соответствии с очертаниями берега были перенесены ближе к Карантинной бухте (ср.: Романчук А.И. Очерки... — С. 41, 52; Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. — Свердловск, 1971. — Вып. 7. — С. 107; Антонова И.А.

Само собой разумеется, у хагана не было оснований поддерживать Юстиниана II, так как он изменил свою политическую ориентацию на союз с болгарами и, самое главное, уже второй раз нарушил статус крымского кондоминиума вооруженным вторжением в здешние города и крепости. Этими действиями он развязал руки хазарской стороне и освободил ее от условий соблюдения ранее достигнутого соглашения. Впрочем, даже в самый апогей политического кризиса действия хагана оставались весьма сдержанными. Посланные им воины не пошли дальше демонстрации силы. Непонятно, откуда взялось представление о том, что хазарский, несомненно конный отряд участвовал в защите городских стен⁸⁶. Херсон действительно имел мало сил для обороны, но это вполне объяснимо его демилитаризацией — естественным условием кондомината, когда главными должны были стать не военные, а дипломатические усилия⁸⁷. Хронист

Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // Византия и сопредельный мир (АДСВ. — Вып. 25). — Свердловск, 1990. — С. 22; Антонова И. А. Юго-восточный участок... — С. 117). Скорее всего, византийские войска предприняли штурм именно на участке 20 или 21 куртины, несмотря на то, что это была самая сильная часть херсонских укреплений. Разумеется, среди приморских башен и стен, пикрывавших портовый район, были такие, взломав которые нападавшие сразу бы прорвались в восточные жилые кварталы. Однако надо принять во внимание, что именно в «цитадели» были собраны главные военные силы оборонявшихся, главы городской администрации, инициаторы мятежа против Юстиниана II, которых обязательно надо было обезвредить. Поэтому захват городских кварталов не решал основную задачу: до тех пор, пока держался гарнизон «цитадели», Херсон не мог считаться покоренным. С другой стороны, падение «цитадели» лишало бы херсонитов главной и, по сути, последней надежды, поскольку делало дальнейшую борьбу бесперспективной.

⁸⁵ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 41, 65. И. С. Чичуров переводит *katalabonton* как «пришли», хотя спектр значений этого слова может быть более широким — «случились, появились, напали».

⁸⁶ Ср.: Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон // Византия и средневековый Крым. — Барнаул, 1992. — С. 209. Никифор сообщает о внезапном нападении войска хазар на осаждавших город (*laou de Chazaron exaripaios eripesontos*), но оно явно было совершено извне, со стороны. По сути дела это было не вооруженное нападение, а то самое появление хазар (*Chazaron de katalabonton*), о котором писал Феофан как о впечатляющей демонстрации силы, заставившей Мавра Весса и херсонитов пойти на заключение перемирия (ср.: Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 41, 65, 157, 165).

⁸⁷ Ж.-К. Шене совершенно прав в этом выводе, хотя и ошибается в отношении 300 стратиотов, якобы оборонявших город во время последней осады Мавра Весса (Шене Ж.-К. Поздний архонт... — С. 314-315). На самом деле город не располагал и этим: упомянутые стратиоты к тому времени уже погибли от рук хазар, принесенные в жертву после смерти тудуна. Тем же кондоминатным статусом, не позволявшим рассчитывать на собственные вооруженные силы, объяснима странная на первый взгляд пассивность херсонитов и окрестных жителей во время прибытия первой карательной экспедиции во главе с патрикияма Мавром и Стефаном: по Феофану, «ромен... захватили кастра, так как никто им не сопротивился» (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 40, 64).

лишь имел ввиду, что подход к городу военных сил хагана, очевидно, заставил патрикия Мавра отказаться от продолжения осады и, как и предполагалось, вступить в «трехсторонние» переговоры.

К какому времени относятся все указанные выше события? Феофан поместил их под 6203 г. от сотворения мира по александрийской эре, то есть 711/712 г. Из его рассказа следует, что в октябре «первый» флот ромеев – карателей уже отплыл обратно из Таврики. Возможно, первая экспедиция действительно была непродолжительной и пришлось на начало осени 711 г., как полагает И. С. Чичуров⁸⁸. Но если принять эту точку зрения, тогда все многочисленные последующие события, включавшие мятеж в Херсоне, прибытие в город для переговоров новой имперской делегации, подход и уход военных сил хазар, провозглашение василевсом Вардана-Филиппика, посылка Юстинианом «второго» карательного флота, осада города, очередные переговоры с хаганом, вплоть до свержения Юстиниана, убитого в его лагере под Халкидоном 7 декабря 711 г., свершились в рекордно короткое время, в течение двух месяцев (октябрь – ноябрь). Между тем, они могли быть и более длительными, в том случае, если считать их начавшимися не осенью 711 г., а в 710 г., точнее, летом или в августе – сентябре этого года⁸⁹. Именно тогда в Херсон, Боспор и остальные кастра крымских архонтий вторглись войска во главе с патрикиями Стефаном Свирепым и Мавром Вессом, а вместе с ними были доставлены архонт Херсона спафарий Илья и будущий узурпатор, изгнанник Вардан. Приезд мирной имперской делегации с небольшим числом дромонов, последовавший после гибели почти всего возвращавшегося флота во время октябрьской морской бури, мог состояться через несколько месяцев весной, во второй половине марта – апреле 711 г., только когда открылся очередной навигационный сезон, а последующие разнообразные события (вторая карательная экспедиция во главе с патрикием Мавром Вессом, провозглашение Вардана императором Филиппиком) заняли лето и осень, так что флот с узурпатором на борту рискнул направиться из Херсона к столице Империи в конце ноября, в самый канун официального закрытия моря, дабы не дать Юстиниану II шанс вновь собраться с силами. Последний вариант развития событий представляется во всех отношениях более реалистичным, учитывая, что на одно лишь обычное плавание между Константинополем и Херсоном уходило около 10–15 дней плюс обратный путь и в таком случае на происходившее в самом городе и его округе оставалось бы совсем мало времени.

⁸⁸ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 128, комм. 322.

⁸⁹ Ср.: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 44. 14; Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. – С. 163; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – С. 33; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 29; Якобсон А. Л. Крым с древние

Примечательно, что начало событий, связанные с восстанием равенцев против Юстиниана II, если следовать порядку изложения в римской «Книге понтификов», тоже относится к 710 г. (весной — небольшая экспедиция в Равенну сицилийского стратига, патрикия Феодора, с целью ареста наиболее враждебных к императору представителей равеннской знати, которые вскоре были казнены в Константинополе за исключением равеннского архиепископа Феликса, сосланного на берега Понта; летом, то есть в период подготовки и отправки первого карательного флота в Таврику, — восстание в Равеннском экзархате; октябрь — приезд в Италию нового экзарха Иоанна Ризокопа и его гибель на подступах к Равенне)⁹⁰. Послать в Италию войска против мятежников василевс не только не успел, но и не мог, так как после открытия навигационного сезона 711 г. его внимание было поглощено бурными событиями, разыгравшимися в Херсоне, стремлением покарать изменившего ему херсонского архонта, спфария Илью, отправкой оказавшейся безрезультатной экспедиции Мавра Весса, планами борьбы с узурпатором Варданом-Филиппиком. В этом видится еще один аргумент против гипотезы А. Гиью, относившего равеннское восстание к 711 г.⁹¹

В любом случае совершенно прав в своем заключении относительно происходившего в Таврике издатель и вдумчивый комментатор Феофана И. С. Чичуров, отмечавший, что все описанные события, как бы они ни датировались, указывают не на конфликт Херсона с Империей, а на враждебность херсонитов к одному из ее василевсов⁹². Можно добавить, что «инсургенты» не ставили целью отстоять «самоуправление», «внутреннюю автономию», которой они не имели, и тем более расшатать существующую систему, отложиться от Империи⁹³. Это не было антивизантийское народное выступление и его руководители были не только из числа местных. Подобные примеры обнаруживаются в истории и других ромейских городов и мы еще к ним обратимся.

Между прочим, примечательно, что и Вардан не сильно доверял херсонитам, которые, очевидно, могли выдать его представителям

века. — С. 31; Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. — P. 342; Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 44.

⁹⁰ См.: Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — М., 2001. — С. 161–165.

⁹¹ Guillou A. Regionalisme et independance dans l'Empire Byzantine au VIIe siecle. L'exemple et de la Pentapole d'Italie. — Roma, 1972. — P. 215–218.

⁹² Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 130, комм. 344.

⁹³ Ср.: Плетнева С. А. Хазары. — М., 1986. — С. 23; Науменко В. Е. К вопросу о хазарском тудуне... — С. 72. По этому поводу достаточно указать, что глава городской администрации Херсона — протополит, архонт, протевон утверждался императором (Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. — М., Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 570), но повод к мятежу не был связан с данным обстоятельством, очевидно, не столь волновавшим херсонитов.

«законного» императора так же, как в свое время они собирались это сделать в отношении самого Юстиниана II. Не потому ли, когда обстановка вокруг Херсона накалилась и легко могла выйти из под контроля местных имперских властей, претендент на престол, при всей бесшабашности его лихого характера, решил на всякий случай укрыться во владениях хагана. Только когда херсониты прислали послов с просьбой вернуть им Вардана, по обычаю уже провозглашенного василевсом армией, местными ромейскими властями и горожанами, хаган пошел на это, связав ромеев клятвами в безопасности Вардана. А поскольку весомее клятвы всегда было золото, он потребовал солидный залог в размере номисмы «с каждого мужа»⁹⁴, то есть с горожанина и тех из ромейских воинов, что перешли на сторону узурпатора. Если исходить из численности мужского населения города вместе с воинами, перешедшими на сторону горожан, в 1500–2000 человек (каждый третий–четвертый), то и тогда даже самая минимальная сумма получается внушительной. Последнее, кроме прочего, свидетельствует о зажиточности херсонитов, которые, что называется, с ходу могли выложить не менее 10 килограммов золота, а может быть и больше, невзирая на разорительные последствия предыдущих карательных экспедиций Юстиниана II. Примечательно, что хазары выступают в указанных выше событиях по сути дела как наемное войско, — появляются по приглашению, через послов, херсонитов и обитателей прочих кастра, полисмата, — и требуют оплаты, замаскированной под залог⁹⁵.

При всем том события в Херсоне, Боспоре и крымских архонтиях никак нельзя рассматривать как попытку Юстиниана II «силой вернуть Дори», над которым хазары установили господство, то есть как войну каганата и Империи за Крым⁹⁶. Ни Феофан, ни Никифор прямо не отождествляли Таврику с Хазарией: херсониты и представители властей других крымских городков-крепостей посылали за помощью «к хагану в Хазарию» (*pros ton Chaganon eis Chazarian*), то есть за пределы своих владений, за пределы «готфской земли», где они, по всей видимости, не находили поддержки хазар⁹⁷. Примечательно: хазары, призванные через послов на помощь городу, появились не сразу, что говорит в пользу отсутствия их постоянных воинских контингентов в здешних землях⁹⁸. При принятии предпо-

⁹⁴ В ватиканском списке рукописи «Бревиария» указана еще большая цифра — по 100 золотых (ср.: Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 41, 157).

⁹⁵ Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. — С. 347.

⁹⁶ Ср.: Плетнева С. А. Хазары. — С. 23; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство. — С. 59.

⁹⁷ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 41, 64; ср. с. 156, 165.

⁹⁸ Ср.: Герцен А. Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья — Керчь, 2002. — С. 62.

ложения о кондоминатном статусе Таврики это становится особенно понятным.

Кроме того, нельзя переоценивать значимость факта посылки за хазарским войском, ведь тот же Юстиниан Ринотмет в 705 г. использовал болгарского хана Тервела в военно-политической борьбе за возвращение константинопольского престола⁹⁹, но из этого не следует, что на Византию распространялась власть Болгарского царства. Как до, так и после событий октября – ноября 711 г. отношения Византии и Хазарии носили преимущественно мирный и дружественный характер. По мнению М. И. Артамонова, помощь, оказанная хазарами в возведении на престол Вардана-Филиппика, не осталась им забыта¹⁰⁰. Хаганат и далее сохранял прочный, долговременный союз с Византией, а также заключил выгодный для обеих сторон договор о совместной борьбе против общего врага – арабов и о разделе сфер влияния в Закавказье.

Применительно собственно к Херсону византийско-хазарский кондоминиум оказался кратковременным: после 711 г. специального чиновника, представлявшего интересы хазар, в городе более не было. Однако в целом статус Крымского полуострова не изменился, поскольку не изменились отношения василевсов к каганату. Как в свое время верно, хотя и мимоходом, заметил А. Л. Якубсон, «политический союз Византии и хазарского кагана, подтвержденный в 732 г. браком сына императора Льва III с дочерью хазарского кагана (в крещении Ириной), исключал владычество хазар в Таврике»¹⁰¹. К сожалению, эта ключевая прогрессивная идея осталась незамечена исследователями. В значительной степени женитьба наследника престола Романии на хазарской принцессе явилась следствием арабо-хазарских войн 728–733 гг., в результате которых хазары потерпели несколько поражений, и поэтому византийцы пошли на экстраординарное укрепление военного союза со своим «нечестивым», но главным партнером по борьбе с халифатом. Новое поражение хазар в 737 г. в результате похода арабов на Волгу даже привело к принятию хаганом хазар мусульманства и к установлению на некоторое время

⁹⁹ Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. I. – P. 374 (помощь была куплена ценой предоставления Тервелу высшего после императорского титула кесаря и уступки области Загоры). Привести булгар просил и другой низложенный император – Анастасий II (Артемий), пытавшийся в 718 г. использовать место своей ссылки – Фессалонику как «штаб-квартиру» для организации мятежа против Льва III (Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 126).

¹⁰⁰ Артамонов М. И. История хазар. – С. 199–200.

¹⁰¹ См.: Theophanis Chronographia... – P. 409. 30–410. 3 (событие относится к 6224 г. александрийской эры, то есть 731/732 г. н.э.; хаган назван династом скифов – chaganou tou ton Skythou dynastou, но подчеркнуто «нечестие» хазар); Якубсон А. Л. [Рец.] // ВВ. – 1977. – Т. 38. – С. 205 (Феодальная Таврика. – К., 1974. – 216 с.).

зависимости каганата от арабов. Нельзя не согласиться, что при таком положении реальное значение хазар на территории Крымского полуострова, по крайней мере, до середины VIII в. было небольшим и они не могли одновременно удерживать в повиновении весь регион или даже только «Восточный Крым и степи западной части»¹⁰². В подобной ситуации Таврике гораздо проще было оставаться зоной двойного владения обоих государств.

Верно представляя схему двухэтапной организации византийской обороны в Юго-Западном Крыму в VI–VII вв., В. Л. Мыц полагает, что эта система перестала функционировать, когда византийцы вывели свои гарнизоны из крепостей в VIII в. в связи с «...укреплением власти хазар в Крыму и стабилизацией военно-политической обстановки в регионе»¹⁰³. В. А. Сидоренко тоже согласен с тем, что после начала VIII в. система союзников, энспондов – федератов Империи оказалась здесь упразднена¹⁰⁴. С этим, как и с объяснением главной причины происшедших изменений, можно согласиться лишь отчасти.

Нет сомнений, что кастра (*kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon, castris gentium*, упоминаемые в мартирии братьев Евпрепия и Феодора, относящиеся к событиям середины VII в.¹⁰⁵) продолжали существовать и позже, равно как и окружавшие их окрестные поселения, численность которых ко второй половине VIII в. даже возросла вместе с ростом народонаселения, существенными демографическими изменениями, подобными взрыву¹⁰⁶. Говорить об их разрушении хазарами нет оснований¹⁰⁷. Простатевонты этих поселений, городков, крепостей играли активную роль в политических событи-

¹⁰² Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 136; Плетнева С. А. Хазары. – С. 23.

¹⁰³ Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 70.

¹⁰⁴ Сидоренко В. А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII вв.): Автореф. дисс.... канд. ист. наук – СПб., 1994.

¹⁰⁵ *Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton syn auto* (По cod. Vaticanus gr. 1671, X в.) // Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима исповедника. – К., 1917. – С. 14, sec. 3; Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Sholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853. – Т. 129. – Col. 684 D.

¹⁰⁶ См. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 192–193; Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 136; Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 244–245; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 148–149; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 117–118; Сорочан С. Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. – С. 348.

¹⁰⁷ Ср.: Филиппенко В. Ф. Каламита – Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 21, 53.

ях 710–711 гг., приведших к узурпации трона Варданом-Филиппиком¹⁰⁸. Другое дело, в зоне кондомината не было особой нужды в милитаризации жизни, поэтому свертывание военных контингентов, фортификационного строительства, ощущаемое в это время, имело причиной отнюдь не хазарское господство или военные погромы. Как убежища эти крепости теперь надолго оказались не нужны, что породило у исследователей превратное представление о «замирании жизни». Не с упадком и обезлюдением, а со сравнительно мирной обстановкой, порожденной отношениями «совладения», можно связать археологически засвидетельствованный факт разборки, скорее всего, в VIII в. оборонительных стен на Тепе-Кермене¹⁰⁹.

То же произошло на Эски-Кермене на южном участке, около главных ворот городища, и на участке, защищавшем так называемый осадный источник, после чего городище продолжало существовать в режиме открытого поселения, как и Тепе-Кермен, потеряв прежнюю роль военного центра, опорной базы федератов¹¹⁰. Причем это обстоятельство не помешало обновлению или капитальной перестройке почти в то же самое время большой трехапсидной базилики городища и началу вырубки «пещерных» церквей¹¹¹. Только вполне благополучный «кастрон», административно-церковный и торговый центр округа, не знавший врагов и погромов, мог решиться на такие шаги.

¹⁰⁸ До 20 архонтов, управлявших этими городами и областями, понесли одинаковое наказание с херсонскими протевонами и «вынуждены были задумать» вместе с прочими жителями кастра против Юстинана II, обратившись за военной помощью к хагану хазар (см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 41, 64, 156, 164–165).

¹⁰⁹ Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Судейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 29.

¹¹⁰ Ср.: Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 117; Харитонов С. Эски-Кермен. Загадка археологічна пам'ятка середньовічного Криму // Хроніка 2000. – К., 2000. – Вип. 33. – С. 250, 253–254.

¹¹¹ См.: Зубарь В. М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 293–294; Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Тарик. – К., 2002. – С. 99–113. «Пещерные» сооружения высечены на месте «постелей» крепостной стены, которая была разобрана, как и протехисма перед южными воротами. Один из трех маршей дороги, ведущей к воротам, был срублен, а затем восстановлен вымосткой. Вообще, весь южный оборонительный узел был со временем, не ранее IX в., заменен двумя «пещерными» храмами у подъемной дороги и церковно-погребальным комплексом так называемого «Судилища». Новая оборонительная стена была восстановлена, но позже, из некрупных тесаных камней вторичного использования, положенных насухо (Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. – С. 131). Едва ли все эти постепенно накапливавшиеся изменения можно объяснить некими военными катастрофами, репрессиями хазар после подавления восстания Иоанна Готского в 787 г. или последствиями похода князя Бравлина.

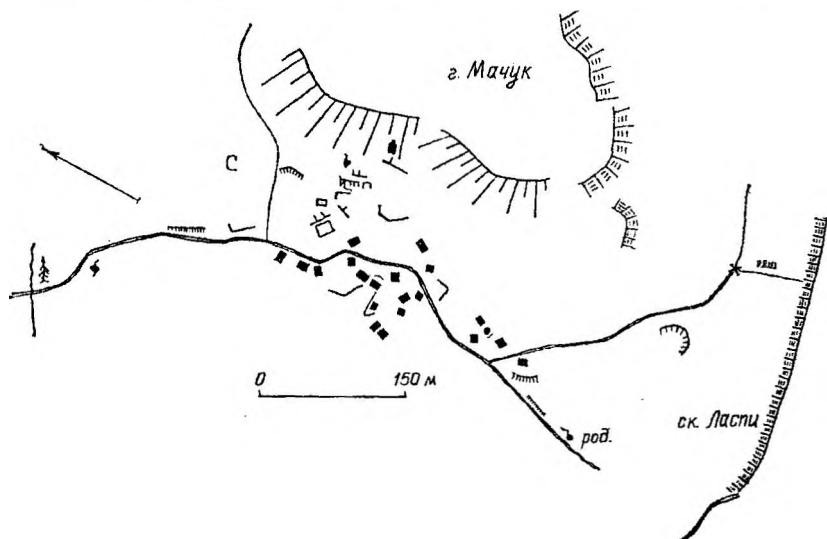

Рис. 103. План-схема расположения остатков средневекового поселения Ласпи (по О.И. Домбровскому)

Этим же объясняется отсутствие укреплений у некоторых местных полисмата, явно игравших роль районных административно-территориальных центров архонтий, позже — климата во главе с собственными простатевонтами или игемонами. В этом плане особый интерес представляют раскопки средневекового поселения «Приморское», которое занимало около 20 га в юго-западной и центральной части Ласпинской котловины (рис. 103)¹¹². Расположенное в благодатном месте, самом теплом и мягком уголке Крыма со средней годовой $t^{\circ} 13,3^{\circ}$, оно имело удобную связь с Херсоном морем через соседний Символон (Балаклаву), а по суше — через Байдарскую долину¹¹³. Наряду с однокамерными и двухкамерными хижинами, находившимися на краях террас, здешняя полисма, раскинувшись на большом каменистом холме и на склонах двух глубоких оврагов, располагала несколькими крупными многокамерными постройками, сложенными из крупного рваного камня, оштукатуренными и расписанными. Полы их были вымощены плинфой, а стены выложены в технике *opus mixtum*, хорошо известной в общественных сооружениях ранневизантийского Херсона. Почти в центре протогорода находился большой, крытый черепицей двухэтажный дом из нескольких по-

¹¹² См.: Паршина Е. А., Савеля О. Я. Отчет о разведках в урочище Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 3068. — Л. 74–76.

¹¹³ Добрынин Б. Ф. Ландшафты горного Крыма // Крым. — М.: Л., 1928. — № 1 (5). — Вып. 1. — С. 32.

мешений, располагавшихся террасами (развал каменной здания занимает площадь около 200 м²). Стены его были оштукатурены и расписаны синей и черной красками. Наряду с керамидами, плиткой, четырех- и трехугольными плитками, овальными керамическими и мраморными плитками от интерьера этого здания дворцового облика найдены фрагменты капители с изображением на углах звериных голов, карниз со стилизованным аканфом. Особое и многозначительное место среди находок занимает вислая свинцовая печать VIII – начала IX вв. с надписью «Нотарию Димитрию» на одной стороне и «Богородица помощи – тетраграмма – твоему рабу». О времени существования урбанизированного поселения позволяет также судить многочисленный керамический материал VIII–XV вв.

Долгий мирный, выгодный альянс с хазарами позволил Византии получить доступ к торговым путям в Китай, минуя контролируемое арабами территорию Ирана, что неминуемо отразилось на активизации северочерноморской торговли и посреднической роли византийских центров в Таврике. Сенсационными являются в этом плане результаты исследований находок компактного скопления более полутысячи византийских свинцовых печатей и заготовок к ним, которые были обнаружены начиная с 1977 г. в море, на глубине до двух метров, в центральной части бухты Лимена – Кале и при срытии берегового обнажения пляжа, на месте, где в портовой слободе раннесредневековой Сугдеи с VI–VII до XI вв., причем без перерыва, находилось аналогичное херсонскому зданию византийской таможни, апофики – торгового склада и, вероятно, помещение с общегородским архивом, в котором хранилась местная документация, церковные грамоты, моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и налоговой службы¹¹⁴. Самыми ранними из этого архива к настоящему времени являются моливдулы сфрагистического типа, распространенного в VI – первой половине VII вв., с именами апопата Адриана и апо-

¹¹⁴ Sandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. – Washington, 1993. – Vol. 3. – P. 85-98; Sandrovskaja V. Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS – Washington, 1995. – Vol. 4. – P. 153-161; Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее в VII–X вв. // Византия и средневековый Крым: АДСВ. – Симферополь, 1995. – Вып. 27. – С. 120-122; Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым: Проблемы городской культуры: Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1995. – С. 13-14; Баранов И.А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // Byzantinorussica. – М., 1994. – №1. – С. 51-52; Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1. – №1. – С. 83-84; Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS – Washington, 1999. – Vol. 6. – P. 47-58; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 87-108; Кузьминов А.В. Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдеевский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 446.

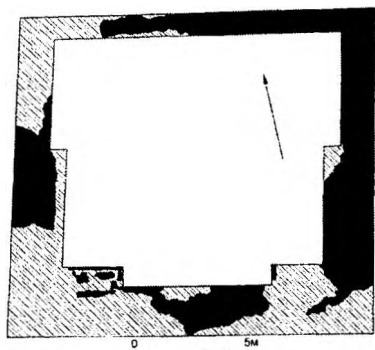

Рис. 104. Реконструкция плана
портового бургового
укрепления в Сугдее
VI–VII вв.
(по А.В. Джанову)

эпарха Андрея¹¹⁵. Следовательно, с этого времени, не позже второй половины VI в., когда в Таврике под контролем ромеев развернулось интенсивное строительство укреплений. Сугдея тоже оказалась в зоне пристальных интересов византийской администрации, и в ее портовом районе, с южной стороны Крепостной горы было воздвигнуто приморское укрепление бургового типа (рис. 104), тогда как с севера, со стороны суши оброну несла сплошная линия крепостных стен¹¹⁶. По этой же причине невозможно относить дату основания города ко второй половине или последней четверти VII в. — она должна быть более ранней¹¹⁷.

Печать апоипата Кириана, главного логофета апофики Константинополя конца VII в. указывает на торговые связи со столицей Империи¹¹⁸. К этому времени это был уже далеко известный город, удостоенный упоминания вслед за Готфией (Getho Githorum) и перед Фанагорией (Fanagorum) в создававшейся тогда «Космографии» ано-

¹¹⁵ Stepanova E. New Seals from Sudak. — P. 50, №4; p. 51, №8; Степанова Е.В. Судакский архив печатей... — С. 98, табл. I, 3.

¹¹⁶ Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. — К.: Судак, 2004. — С. 61–70, рис. 4–7.

¹¹⁷ Ср.: Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1991. — Т. 2. — С. 145; Баранов И.А., Майко В.В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі — України. — К., 1994. — С. 99; Баранов И.А., Майко И.А. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровье и Таврика // Българите в Северното Причерноморие — В. Търново, 1995. — Т. 4. — С. 73; Айбабин А.И. Этническая история... — С. 194; Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сугден // РА. — 2001. — №3. — С. 98; Баранов И., Майко В. Прабългарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. — В. Търново, 2000. — Т. 7. — С. 83; Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. — С. 47–74 (автор ссылается при этом на «большинство исследователей», упоминая конкретно И.А. Баранова, и приводит лапидарные и нумизматические материалы, которые могут быть увязаны с существованием на месте Сугдеи во II–III вв. морского сторожевого пункта Боспорского царства, а затем укрепленного поселения, переразвившегося в ранневизантийский город — кастрон).

¹¹⁸ Степанова Е.В. Судакский архив печатей... — С. 99.

¹¹⁹ Труды В.Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. — Пг., 1915. — С. CLXIII; Vasiliev A.A. The Goths... — P. 42.

¹²⁰ Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее... — С. 121–122.

нима из Равенны¹¹⁹ Моливдулы коммеркиариев апофик VII – первой трети VIII вв. и императорских коммеркий последующего времени свидетельствуют о прямых, регулярных торговых связях, существовавших у города с территорией северного побережья Малой Азии (провинции Онориады, Пафлагонии, Понта, Опсикия), а также с Полемонием¹²⁰. К IX в. относятся три из девяти обнаруженных печатей логофетов геникона. Город постоянно решал какие-то торговые, финансовые вопросы с ромейской центральной администрацией и был обременен налоговыми проблемами. Поэтому мнение о создании сугдейской таможни... хазарами (sic!) в начале VIII в. входит в противоречие с имеющимися византийскими сфрагистическими источниками и ничем не обоснованно¹²¹. Совместная эксплуатация этого действительно важнейшего порта региона предусматривала обоюдное согласие сторон на любое нововведение фискального характера, что, очевидно, и было достигнуто. Оба архива – херсонский и сугдейский – почти одновременны и эта синхронность наводит на размышления о том, что причиной их появления стали процессы, связанные с ромейской, а не хазарской историей Таврики. Едва ли в основании Сугдеи принимали участие сугды – адыгские переселенцы из низовий Кубани, откуда они были вытеснены хазарами в конце VII – начале VIII вв.¹²². Сфрагистические и археологические материалы не оставляют сомнений, что возникновение города произошло гораздо раньше последней четверти VII в., по меньшей мере в VI в., и «Космография» Равеннского анонима, датируемая последней третью VII – началом VIII вв., отразила под названием Sugdabon отнюдь не новейшее на тот момент свидетельство о его существовании¹²³.

Наличие кордонной кладки на известковом растворе в его оборонительных сооружениях со стороны суши (рис. 105) и с моря (отдельная башня размером 15,6 x 15 м, бургового типа, с арочными воротами в сторону берега в портовом районе) указывает на самый ранний этап оборонительного строительства этого мощного ранневизантийского приморского укрепления, назначением которого было охранять порт, обслуживавший византийские корабли, совершавшие плавания между Херсоном и Боспором, то есть играть ту же роль на рубежной территории Юго-Восточного и Восточного Крыма, что фруры Алустан и в Горзувитах на участке Южного Крыма¹²⁴.

¹²¹ См.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 205; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство. – С. 57, 59.

¹²² Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 47; Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт... – С. 145, 147, 149; Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии... – С. 100; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 194.

¹²³ Ср.: Крым в VIII–IX веках. – С. 57.

¹²⁴ Фронджало М. А. Раскопки в Судак // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. – К., 1967. – С. 190; Фронджало М. А. Раскопки в Судак

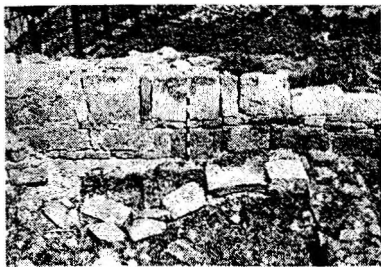

Рис. 105. Ранневизантийская трехслойная, двухрядная орфостатная сложная кладка панциря оборонительной стены Сугдеи на участке куртины XV. Вид с юга (по А.В. Джанову)

В течение второй половины VI–VII вв. здесь вели дела не только апо-эпарх, то есть отставной эпарх Андрей, ипат Стратигий (?), некий безымянный ипат, табулларий Иоанн, хартуларий Петр – византийские чиновники, связанные с оформлением и регистрацией различных документов, актов, но и имевшие личные печати некие Феодосий, Адриан или Андрей, очевидно, местные должностные лица¹²⁵. Но особо следует отметить, что каждая пятая из прочтенных первыми 50 печатей судакского общегородского архива принадлежала архонтам Херсона в сане императорских спафариев или император-

ских спафарокандидатов и имела на лицевой стороне крестообразную монограмму с характерной тетрограммой *to so doulō*. Е. В. Степанова датирует IX в. все экземпляры этой самой многочисленной группы сугдейских моливдулов, числом не менее 11, однако надо учесть, что после середины столетия печати херсонских архонтов исчезают, будучи заменены печатями стратигов¹²⁶. Обилие моливдулов херсонских архонтов при отсутствии печатей василевсов и печатей известных византийских семей указывает, вероятно, не только на активизацию политических и экономических связей архонтата с Сугдеей, но и на подконтрольный, зависимый статус последней от властей Херсона, куда шли указы из Константинополя и где моливдулы византийских императоров, действительно, хорошо известны в сфрагистических материалах¹²⁷.

// Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 139–142, рис. 1–4; Вус О. Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І.Франка. Наукові зошити історичного факультету. – 2003. – Вип. 5–6. – С. 38; Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. – С. 53–54, 59–70, рис. 4–8.

¹²⁵ Степанова Е.В. Судакский архив... – С. 99–100; Степанова Е.В. Судакский архив печатей // Археология Крыма. – 1997. – Т. 2. – С. 172, №3; Stepanova E. New Seals From Sudak – P. 50–52, №4,5, 7–10; ср.: Византийская книга Эпарха. – М., 1962. – I. 1–26; с. 107–127; Oikonomides N. Les listes... – P. 310, 321; Guiland R. L'eraque de la ville // BS – 1980. – Т. 41. – P. 25.

¹²⁶ Степанова Е.В. Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 24; Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 231; Степанова Е.В. Судакский архив печатей... – С. 101–102; ср.: Шене Ж. -К. Поздний архонт на примере Херсона. – С. 313.

¹²⁷ Степанова Е.В. Судакский архив печатей... – С. 106.

Только наличием режима кондоминиума можно объяснить, почему, согласно старославянской (по рукописи XVI в. из библиотеки Московской Духовной Академии) и армянской (не позднее 843 г.) версий Жития Стефана Сурожского (Сугдейского), здесь, возможно, разместились хазарский тумен во главе с военачальником – тарханом (если понимать под ним Георгия – Юрия Тархана) при одновременном сохранении византийских светских и церковных властей, причем случилось это не ранее конца 40-х гг. VIII в., учитывая международную политическую ситуацию, ожесточенные столкновения 730-х гг. с арабами, отвлекавшие все силы хазар, а также последовательность повествования агнографа¹²⁸. Именно этим хазарам или тюрко-булгарам исследователи приписывают оборудование «каменного капища», ритуального языческого святилища «башенного типа» с очагами и алтарем на круглой ритуальной площадке, покрытой слоем глиняной обмазки, известкового раствора и обнесенной четырехугольной каменной оградой¹²⁹. Оно было устроено на участке куртины XV, но, примечательно, за пределами оборонительных стен города. Да и было ли это «тюркское капище», функционировавшее «без видимых перерывов» «со второй половины VIII в. и до середины X в.»? Следы его недостаточно выразительны, а происходящие из комплекса известняковую фигуру с отбитым лицом или бронзовую подвеску в виде лошади едва ли можно безоговорочно считать идолом или амулетом¹³⁰. Еще более неожиданно присутствие в языческом святилище изображения креста, прочерченного на одном из фрагментов лепного сосуда¹³¹. Обращают также внимание находки

¹²⁸ Ср.: Иванов С. А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 42–43; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 14; Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация... – С. 83–87.

¹²⁹ Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 147–150; Баранов И. А., Майко В. В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики. – С. 96–103; Баранов И. А., Майко В. В. Пастирско-пенковската култура... – С. 71–72, 85, рис. 1, 1; Майко В. В. Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 130–131; Майко В. В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – С. 289–290; Майко В. В. Археологічні аспекти релігійного сикретизма Кримської Хазарії VIII – першої половини X в. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. – Севастополь, 2001. – С. 41–42; Баранов И. А., Майко В. В. Тюркское святилище Сугдеи. – С. 98–110; Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. – Симферополь; Керчь, 2004. – С. 456.

¹³⁰ Баранов И. А., Майко В. В. Пастирско-пенковската култура... – С. 86, рис. 2, 1; 9.

¹³¹ Там же. – С. 86, рис. 2, 7.

среди развала нескольких фрагментов каменных профилированных массивных карнизов, многочисленных крупных плит, блоков, в том числе с изображением прочерченного циркулем креста в круге, большой каменной плиты с шестью углублениями в ряд, которая, вероятно, служила крышкой массивного саркофага и использовалась для установки свечников, канделябров или лампадофоров на штырях. Здесь же, в кладке построенной позже жилой усадьбы, в 1988 г. оказался обнаружен песчаниковый блок (46 x 17,5 x 17 см) с небрежно вырезанной греческой ктиторской или надгробной надписью в четыре строки «О спасении (или «о молитве», «о памяти») и / отпущении грехов / Христофора (или Христула) / Аминь» и следами известкового раствора на тыльной стороне, указывающими, что надпись была вмонтирована в стену. Палеографические особенности, прежде всего начертание альфы со средней ломаной гаской, позволяют отнести ее ко времени до середины IX в. Все это указывает, скорее, на остаток довольно крупного византийского храма или мавритиария постантиановского времени, развал которого сполз по оврагу вниз, нежели на языческое святилище поклонников бога – героя Тенгри, к тому же разрушенное, судя по фрагментам амфор с рифлением в виде набегающей волны, до второй половины VII в., когда здесь могли появиться хазары¹³².

Как верно заметила Е. В. Степанова, учитывая присутствие воинских континентов и властей хазар, можно было бы ожидать, что в архиве Сугдеи будут отсутствовать печати VIII–IX вв.: «Более того, если предположить, что византийская таможня с архивом в это время перестанет существовать, то уничтоженной оказалась бы и самая ранняя часть архива, то есть печати VII–VIII вв.»¹³³. Но ничего этого нет. Более того, количество моливдулов в это время увеличивается (до 25,2 % против 15 % от VII–VIII вв.), что заставляет весьма скромно оценивать роль и степень влияния хазар в городе, хотя и не отрицать их вовсе.

Вряд ли гипотетический «тумен» насчитывал 10 тыс. воинов, как иногда указывают, поскольку вся армия Хазар-Тархана во время войны с арабами в 738 г., когда решалась судьба государства, насчитывала 40 тыс. человек¹³⁴. Но даже менее значительный военный отряд, если он вообще имел место, численностью в 1–2 тыс. человек, на какие обычно разбивалась кочевая армия, косвенно указывает

¹³² Подр. см.: Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. – С. 55–59, рис. 1–3; Виноградов А. Ю., Джанов А. В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – К., 2004. – С. 408–410, №4.

¹³³ Баранов И. А., Майко В. В. Пастирско-пенковската култура... – С. 101.

¹³⁴ Тортика А. А. Экологическая возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) – вторая-третья четверть VII в. н.э. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 250–251.

на зажиточность Сугдеи и ее округа, способных обеспечить столь крупный военный лагерь. Такой город был в состоянии «творити позор или конем уристанье» для своих жителей и съезжавшегося окрестного люда, как об этом рассказывает позднее пространное старославянское Житие Стефана Сурожского, хотя В. Г. Васильевский, в целом доверявший источнику, видел в данном пассаже «слишком роскошный анахронизм», сотворенный буйным воображением далекого агиографа¹³⁵.

Согласно другому, синаксарному греческому житию (по рукописи из Халкинского монастыря), написанному уроженцем города, знатоком местных преданий, в «славном городе Сугдее» в правление патриарха Германа (715-730) уже был собственный предстоятель, то есть существовала отдельная Сугдейская епархия. После кончины ее главы сугдейские власти обратились в Константинополь за новым иереем, отчего сюда из столицы прибыл в «царском корабле» константинопольский монах Стефан, законно получивший от патриарха Константинопольского здешний архиерейский престол (*ton archieratikon thronon*)¹³⁶.

Армянский синаксарный вариант Жития подтверждает эти сведения и уточняет, что назначение Стефана «епископом митрополии Сугдеи» состоялось при патриархе Германе и императоре Феодосии (715–717)¹³⁷. Более того, в VIII в. Сугдея могла на время стать вместо кавказского Никопсиса (кастро́на на одноименной реке, вероятно. Нечепсухо к северу от Туапсе) центром автокефальной, подчиненной Константинопольскому патриархату Зихийской епархии, которая обычно включала Херсонскую, Боспорскую и Никопсийскую кафедры.

Во всяком случае, нотиция де Боора (№3 по Дарруже), созданная в своей основе, скорее всего, к концу VIII – началу IX вв., в спис-

¹³⁵ Труды В. Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – Пг., 1915. – С. ССХХХVII, 86. 25–26; гл. 16. У нас нет оснований утверждать, что поздний славянский компилятор располагал достоверным источником, но и нет оснований отрицать это (ср.: Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. – 2003. – №1. – С. 79).

¹³⁶ Труды В. Г. Васильевского. Т. 3. – С. 73–74, гл. 2; с. 84, гл. 13; Ю. М. Могаричев дает неверный перевод – «архиепископский престол» и, невзирая на сведения источника, отодвигает возникновение Сугдейской епархии ко времени около 750 г. (Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2003. – Вып. 13. – С. 262, 264–265); ср.: Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. – С. 42–43, 50; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 40; Артамонов М. И. История хазар. – С. 253; Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихийской епархии... – С. 100; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 206.

¹³⁷ Le synaxaire armenien de Ter Israel // Patrologiae Orientalis. – Paris, 1930. – Vol. 21. – P. 867.

ке архиепископий включает в Зихию именно Сугдею, тогда как Никопсис переместился в состав епархии Авагии (Абхазии)¹³⁸.

Следовательно, в условиях системы византийско-хазарского «двоевластия» наблюдалось постепенное, методичное упрочение как торгово-экономических связей, так и позиций ромейской Церкви в Таврике, которые пока не встречали противодействия со стороны хазар, очевидно, долгое время и не помышлявших о превращении здешних земель в «Крымскую Хазарию». О том же свидетельствует образование отдельной Готфской епархии, случившееся, в свете последних уточнений, очевидно, никак не ранее второй половины – конца VIII в.¹³⁹. Можно добавить, что рассказывая о происхождении Иоанна Исповедника, в будущем хорепископа Готфии, его агиограф называл местом рождения святого «эмпорий называемый Парфениты», расположенный в VIII в. на «заморской земле Тавроскифов», но уточнял, что эта область – страна (*ten choga*) подчинилась «готфской власти» (*ton Gotthon telouses*), а не хазарам¹⁴⁰. Причем автор древнегрузинской обработки Жития св. Андрея, написанного Епифанием, тоже именовал Херсон «городом Готфов», очевидно, полагаясь на более ранние данные¹⁴¹. Как уже не раз подчеркивалось, византийские историки конца VIII – начала IX вв. не относили центры Таврики к Хазарии¹⁴².

Нет оснований считать, что Сугдея была основана хазарами в конце VII в. и «несомненно, входила в область хазарских владений», в состав Хазарского каганата¹⁴³. Во-первых, к этому времени здесь уже существовал достаточно развитый ранневизантийский торгово-

¹³⁸ Ср.: Darrouzes J. A. A. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. – Paris, 1981. – *Notitiae* 1, № 64, p. 31, note 3; p. 206; *Notitiae* 2, № 68, p. 218; *Notitiae* 3, № 84, p. 232; *Notitiae* 4, № 69, p. 266.

¹³⁹ Герцен Л.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 121; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу об образовании Готской епархии в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Международ. науч. конф. посвящ. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова. Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 116-118; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 110-115.

¹⁴⁰ Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 401.

¹⁴¹ Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 271-272, 282.

¹⁴² Сазанов А.В. Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судах, 2002. – С. 220-222.

¹⁴³ Айбабин А.И. Этническая история... – С. 194; Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 10. – С. 269, 270; Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 333; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы. – С. 100.

ремесленный центр — эмпорий, на что указывают византийские моливдулы типов второй половины VI — первой половины VII вв., прочие археологические находки конца V — первой половины VII вв. (в окрестностях — еще более раннего времени, II–V вв.)¹⁴⁴, а во-вторых, хазарское общество было столь далеко от стадии урбанизации, что говорить об основании хазарами городов по меньшей мере странно. Предания самих сугдейцев тоже не связывали возникновение их города (to kas[t]ron tes sougddaias) с хазарами и относили его к 5720 году от сотворения мира (212 г. н.э.), если следовать тексту приписок 1296, 1345 и 1411 гг. на полях Сугдейского синаксаря¹⁴⁵. Ни в греческой, ни в армянской, ни в славянской редакции, пространной или краткой, синаксарной версии Жития св. Стефана Сурожского не сказано о том, что проповедь новоназначенного епископа велась среди «язычников — хазар».

Вместе с тем, в Сугдее и ее пригороде жили не только греки и не только христиане. Отсюда понятно, почему прибывшему в город грекоязычному епископу Стефану пришлось общаться с некоторыми из обращавшихся к нему через переводчиков, знавших два языка¹⁴⁶. Видимо, именно так он мог «укреплять в вере верных и крестить неверных по всей этой языческой стране», которая, впрочем, судя по находке двухапсидного, вероятно, монофиситского храма (13.5 x 9.25 м) второй половины VII — начала VIII вв. у подножья горы Перчем и других храмов VIII–IX вв. в районе Судака, на деле была не столь уж языческой¹⁴⁷. На это же указывают обломок рельефной иконы из прочного нуммулитового известняка, вероятно, с посвятительной надписью на нижнем бортике рельефа «Приношение Симона монаха (или — грешного Симона)», надпись «Господи, помоги Захарии, пресвитеру...», выполненная на штукатурке монастыря на склоне горы Перчем, надгробная или посвятительная надпись VIII в. «О блаженной памяти и упокоении имярек» и другие подобные находки¹⁴⁸. Кроме того, послушать епископа и поговорить, посоветоваться с ним

¹⁴⁴ Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. — С. 45–74.

¹⁴⁵ Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. — 1863. — Т. 5. — С. 61–63.

¹⁴⁶ Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. — С. 85, гл. 15.

¹⁴⁷ Le synaxaire armenien de Ter Israel. — Р. 867; Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. — С. 86–87 (старославянская редакция Жития сообщает о поставлении Стефаном множества пресвитеров, диаконов, клириков и главный итог: «за 5 лет крести весь град и окрестные села его»); ср.: Мордвинцев В.М., Кисиль И.А. Двухапсидные храмы Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.: Судак, 2002. — С. 187–191, рис. 4; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // АДСВ: Античные традиции и средние века. — Свердловск, 1980. — С. 137–140.

¹⁴⁸ Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдее. — С. 408–410, №4; с. 412, №6; с. 413–414, №7; с. 414–416, №8; с. 417–418, №10; с. 418–420, №11.

приходил, согласно старославянской версии Жития, некий любимый преподобным «князь Юрий (Георгий) тархан», который «по закону Божию правяще власть свою»¹⁴⁹.

Этим почетным титулом тюрки величали представителей своей знати, людей, близких к хагану и так же привыкли называть хазарских аристократов иные народы¹⁵⁰. Бывало, им награждали местных правителей, не хазар, из числа тех, что зависели от Хазарского каганата¹⁵¹. Но если сугдейский владетель титула «тархан» и был тюрком, то крещеный, причем не обязательно Стефаном, ибо в таком случае составитель Жития не преминул бы упомянуть это лестное для его героя обстоятельство¹⁵².

Армянский синаксарный вариант Жития, восходящий несомненно к греческому оригиналу иконоборческой эпохи, относит происходящее к правлению «Константина Коприна (Копронима), который правил с верой во Христа и с благочестием», и уточняет, что хазарский «царь Вирхор», не обязательно сам хаган, а, возможно, его наместник — тудун, «в это время... жил в Керчи», то есть Боспоре, который, учитывая свидетельства о наличии здесь византийского присутствия и церковных властей, являл собой, следовательно, такой же кондоминатный центр, что и Сугдея¹⁵³. Он вызвал к себе «правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан», но тот опасался идти, заявляя епископу Стефану: «Святой отче, царь зовет меня, и моя душа трепещет — зачем он меня призывает», но святой успокоил его, объяснив, что «этот вызов — к добру», что его зовут, чтобы женить, однако соединение его с этой женщиной «произойдет через три года и тогда же Георгий построит церковь во имя Святой Троицы»¹⁵⁴.

Следовательно, названный правитель несомненно христианин и, скорее всего, не хазарин, который с неохотой, под принуждением подчиняется хазарским властям, идет на брак со знатной хазаркой-язычницей из соображений политической надобности, чтобы не ухудшить создавшееся положение вещей, но послушен воле Церкви, обладавшей в окраинных византийских владениях политической си-

¹⁴⁹ Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. — С. 95, гл. 30.

¹⁵⁰ Moravcsik G. Byzantinoturcica. — Berlin, 1958. — Bd. 2. — S. 299–300; Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. — P. 72; Артамонов М.И. История хазар. — С. 153, 189, 219, 244–246; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль... — С. 117–119; Гольден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. — М., 1993. — С. 219; Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. — С. 156.

¹⁵¹ Гольден П.Б. Государство и государственность у хазар. — С. 219.

¹⁵² Ср.: Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата... — С. 28.

¹⁵³ См.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 2001. — С. 75–81.

¹⁵⁴ Le synaxaire armenien de Ter Ierael. — P. 872–873.

лой, не намного уступавшей светской власти. Он повинуется хагану, от которого, возможно, получил почетный титул «тархан», ставший его фамилией. Но принимает ответственные решения, делает все этот сугдейский правитель с оглядкой на византийского епископа, причем не простого, а пользующегося личным покровительством семейства правившего василевса. Он кается в своем вынужденном прегрешении, нарушении церковных канонов и готов замаливать их сооружением храма. Все это вместе взятое свидетельствует в пользу отсутствия серьезных столкновений между местными византийскими и хазарскими властями, действовавшими в режиме соглашения о взаимном равноправном владении и заинтересованных в его поддержании. Только с этой точки зрения будет правильно говорить о Сугдее как о «византийском и хазарском городе»¹⁵⁵.

Константинопольское правительство желало быть уверенным в лояльности подданных своих заморских крымских владений и пристально следило за всем происходившим там. По словам греческого, возможно, сугдейского агиографа, в разгар иконоборчества, вероятно, во второй половине 30-х гг. VIII в., после пяти лет служения на кафедре (если следовать старославянской версии источника), не внушавший поначалу доверия епископ Сугдеи был отозван в столицу, куда его доставили на корабле специально посланные для этого императорские «воины-щитоносцы и исполнители судебных приговоров» (*synaspistas... kai sympraktoras*)¹⁵⁶. Армянская синаксарная редакция уточняет, что это случилось незадолго до смерти Льва III Исавра в 740 г., когда Стефан, прибывший в столицу, якобы вступил в спор с василевсом и в результате этого конфликта попал в тюрьму, откуда был выпущен при сыне Льва, Константине V, благодаря заступничеству жены последнего, Ирины, по словам Феофана, «отличавшейся благочестием»¹⁵⁷. В 749 г. он даже крестил сына Константина, видимо, Льва Хазара, будущего императора, что свидетельствует о полном прекращении опалы, если таковая была, и с почетом, одаренный василевсом, на корабле царского флота вновь отправился в Сугдею, где застал появившегося к тому времени в городе Георгия Тархана и сугдейцев, как и ромей, переживших к тому времени некие «трудные

¹⁵⁵ Ср.: Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.: Збірка наук. прац. — К., 2003. — Вип. 5. — С. 11.

¹⁵⁶ Труды В. Г. Васильевского. Т. 3. — С. 75, гл. 3.

¹⁵⁷ *Le synaxaire armenien...* — Р. 871; Иванов С. А. Житие Стефана Сурожского... — С. 42; *Theophanis Chronographia*. — Р. 410. 1–3; Rochow I. *Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. — Frankfurt am Main, 1994. — S. 10. Жена Константина, Ирина, принцесса хазарских кровей, умрет через три года, в 751 г. О дате ее смерти см.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 344, прим. 916. В старославянской версии Жития она верно названа «дочерью керченского царя», имеется в виду хагана хазар, но данное ей имя — Феодора не отвечает действительности.

времена», возможно, связанные не только с размещением военных сил хазар, но и с последствиями пандемии чумы 746–747 гг.¹⁵⁸ Таким образом, «много испытав и вынеся», Стефан со временем был вновь возвращен на прежнее место в прежнем сане, очевидно, сумев зарекомендовать себя в глазах властей¹⁵⁹. Уже сам этот факт заставляет заподозрить в Стефане не столь стойкого и ревностного почитателя икон, каким его, вслед за тенденциозно настроенными агиографами, несколько изменявшими первоначальный сюжет иконоборческого Жития, иногда хотят представить исследователи, муссирующие свидетельство о мнимой «ссылке» и репрессиях¹⁶⁰. Очевидно, епископ имел устойчивые связи с официальным Константинополем, пользовался расположением царской семьи, его деятельность вполне вписывалась в императорский курс, а Сугдея была не большим «оплотом православия», чем Херсон, власти которого, духовные и светские, тоже не хотели идти наперекор воли столицы Империи и множить ряды мучеников — иконодулов.

Последующая канонизация епископа могла объясняться не его подвигами во славу иконопочитания, а успехами в качестве «делателя мира» между ромеями и хазарами, успехами на ниве христианизации местного гетерогенного населения и в деле укрепления позиций епископской кафедры, которая была создана, если верить указаниям агиографов, в доиконаборческий период, но основательно окрепла именно при служении Стефана ее предстоятелем.

¹⁵⁸ Le synaxaire armenien... — Р. 871–872; Иванов С. А. Указ. соч. — С. 43. О присылке Стефана в Сугдею без подробностей, противоречащих версии о его опале, сообщает и константинопольский синаксарный вариант Жития (Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaie. Acta Sanctorum. Propilaum ad Acta Sanctorum Novembris. — Bruxelles, 1902. — Col. 263) О пандемии чумы и связанных с ней потерях, запустении см.: Theophanis Chronographia... — Р. 422–423; Mango C. Le developpement urbain de Constantinople IVe–VIIe siecles. — Paris, 1985. — Р. 57 s.; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 341.

¹⁵⁹ Труды В. Г. Васильевского. Т. 3. — С. 76, гл. 4.

¹⁶⁰ См.: Sevcenko I. Hagiology of the Iconoclast Period // Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. — Birmingham, 1977. — Р. 114; Беляев С. А. История христианства на Руси... — С. 61; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — Р. 326, 330; Сухоребров В. В. Крымский полуостров в иконоборческую эпоху. — С. 76–77. Противоположный вывод о том, что Стефан Сурожский не был идейным борцом с иконоборством, впервые был высказан мной и Ю. М. Могаричевым независимо друг от друга (ср.: Могаричев Ю. М. К вопросу о начальной истории Сугдейской епархии // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Междунар. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2003. — С. 30; Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? — С. 518–519). Ныне его аргументация развивается дальше (см.: Могаричев Ю. М. Крымская агиография... — С. 262–264).

Официальный Константинопольский синаксарь или Минология времени Василия II (976–1025) добавляет к этому интересные детали, рассказывая о расправе в середине 60-х гг. VIII в. над наиболее стойкими амнимоневтами, сподвижниками знаменитого мученика Стефана Нового. Один из них, стратиот, был отправлен василевсом Константином Копронимом в Херсон. В этом оплоте иконоборцев, верных императорскому курсу, его едва не убили, и, чтобы спастись от расправы, он был вынужден бежать в соседнюю Хазарию, после чего якобы был поставлен там епископом¹⁶¹. Некий же Стефан, одноименный Стефану Сугдейскому, которому агиографы по понятным соображениям приписывают исповедание ортодоксального православия, невзирая на это отягощающее на тот момент обстоятельство, был освобожден из тюремного заточения и отправлен в Сугдею, где принес «много выгоды, пользы» (*pollous orphelesas*), надо понимать не только в деле поставления священников, крещения, укрепления верных в вере, но и в посредничестве с хазарскими властями¹⁶². Нет сомнений, что в этой перекличке источников, появившихся после победы иконопочитания, выступает надуманная тенденция, вопреки фактам, представить сугдейских предстоятелей страдальцами за веру и столпами православной ортодоксии, какими они едва ли были.

Согласно синаксарному армянскому варианту Жития, Стефан пробыл епископом 35 лет и умер в 70-летнем возрасте 15 декабря¹⁶³. Это

¹⁶¹ Рассказ об этом был впервые включен в составленное в 807–810 гг. константинопольским диаконом Стефаном Житие Стефана Нового, убитого в ноябре 765 г. (*Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris...* // PG. – 1864. – Т. 100. – Col. 1181; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // *Византия и средневековый Крым* (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 187; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 104). Он же с некоторыми вариациями был повторен в греческой синаксарной редакции, где тоже говорилось о ссылке в Херсон какого-то отшельника из Состениона, которому был отрезан нос, а угроза смерти заставила бежать в Хазарию и стать там епископом (*Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae...* – Col. 363. 20–264. 10; Rochow I. Kaiser Konstantin V. – S. 62). А.Л. Бертье-Делагард предлагал понимать в данном случае под Хазарией политический термин, означавший Боспор или земли на южном берегу Крыма, на которые распространилось влияние хазар (Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 46). Однако нельзя исключить возможность осуществления миссионерской деятельности в собственно Хазарии, за пределами Таврики, где, вопреки византийским правилам, мог действовать предстоятель без постоянной кафедры, не признанный официальным Константинополем. К примеру, на курганном кладбище под городищем Беленджер (на р. Сулак в Дагестане) обнаружены две небольшие церкви, выстроенные как раз в VIII в. и свидетельствующие о том, что кто-то проводил христианизацию хазар, прежде всего знати (Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986. – С. 27).

¹⁶² Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. CCIX; Auzepy M.F. Gothie et Crimée de 750 à 830... – P. 326.

¹⁶³ Le synaxaire armenien... – P. 874.

могло произойти, исходя из разных сведений Жития, в период между 750 и 765 гг.¹⁶⁴. Выходит, Миногия Василия II сообщает об отправке в Сугдею в середине 60-х гг. не того же Стефана Сугдейского, а под четырьмя заседаниями и определением Символа Веры в актах VII Вселенского синода 787 г. в Никее, вернувшего иконопочитание, стояли подписи преемника, тоже Стефана, «недостойного епископа города Сугдейского» (*Stephanos anaxios episkopos poleos Sougdaon* или *episkopos Sougdaias*), так сказать, Стефана II (или даже Стефана III), но не самого причисленного к лику святых Стефана Исповедника (Сурожского), как принято считать¹⁶⁵. При распространенности имени Стефан в этом нет ничего необычного. Достаточно вспомнить ранневизантийское надгробие из Херсонеса с упоминанием трех упокоившихся пресвитеров, два из которых носили одинаковое имя Стефан¹⁶⁶.

Видимо, влияние морской торговли оказалось весьма благоприятным для процветания города и формирования его в течении VII–IX вв. как укрепленного провинциально-византийского торгового порта и промыслово-ремесленного центра. Недоразумением является утверждение об отсутствии городской застройки в некой «хазарской» части города, в чем видится «номадский след»¹⁶⁷. На самом деле Сугдея обнесена оборонительной стеной толщиной 2,00–2,20 м, сложенной уже не в ранней кордонной технике (логом и тычком), а из хорошо обработанных прямоугольных блоков на известняковом растворе, с четким соблюдением рядов и фундаментом из крупных глыб песчаника,

¹⁶⁴ Точкой отсчета может служить либо время правления Феодосия (715–717), либо время патриаршества Германа (715–730), который рукоположил Стефана в епископы. И тот, и другой указаны в старославянской и в армянской редакциях Жития, тогда как греческий синаксарный вариант сообщает, что при них Стефан прибыл из своего родного каппадокийского села Моривас в Константинополь, где вступил в монастырь. Ср.: Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 72–98; Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского... – С. 43. Наиболее близкие к указанным основные хронологические вехи биографии Стефана Сугдейского в свое время предложил Фридрих Вестберг на основе критики греческого и старославянского текстов Жития (О житии св. Стефана Сурожского // ВВ. – 1908. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 228–233).

¹⁶⁵ Darrouzes J. Listes episcopales du concile de Nicee (787) // REB. – 1975. – Т. 33. – Р. 62–63; Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т. 4. – С. 390, 480, 586, 693; ср.: Кеппен П. О древностях южного берега Крыма... – С. 63–64, 123–124; Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. CLXIII, CCVIII, CCXVI; Rochow I. Kaiser Konstantin V. – S. 62; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 206; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 562, прим. 24. Об этом епископе Стефане как одном из последующих после св. Стефана Сугдейского см.: Auzery M.-F. Gothie et Crimée... – Р. 326; Могаричев Ю.М. Крымская агиография... – С. 266. Если принять во внимание указание старославянской редакции Жития, что «предстоятеля славного города Сугдеи», которого сменил Стефан Сурожский, тоже звали Стефан, тогда мы имеем случай последовательной сменяемости на одном престоле в течении ста лет трех епископов с одинаковым именем.

¹⁶⁶ Византийский Херсон. Каталог выставки. – М., 1991. – С. 28, №13.

впущенных на глубину от 0,5 до 0,65 м¹⁶⁸. Все это время шло ее развитие, которое завершилось, в целом, к Хв., когда на северном склоне Крепостной горы разрослись террасированные кварталы с упорядоченной планировкой, а рядом с портом, на широких, до 18 метров террасах по склонам балки между горами Полвани-Оба и Дженовез-Кая сложилась ремесленная слобода, охватившая почти 4,5 га¹⁶⁹.

Здесь обнаружены эргастии, датируемые второй половиной VII – первой половиной VIII в., а остатки их производства – на дне бухты Лимена-Кале и у подножия Крепостной горы. К ним относятся отходы бронзового, медного, серебряного литья, обломки самих литейных форм, заготовки и пробные отливки пряжек, разнообразных нательных крестов, поясные бляхи, ювелирный лом и заготовки ювелирных украшений, золотая бижутерия для расшивки одежды, провололочные серьги, а также византийские амфоры, посуда, в том числе стеклянная, отчасти, видимо, местного происхождения, на что указывает весьма примечательная находка в 1993 г. глиняного сосуда с застывшей стеклянной массой¹⁷⁰. Обращают внимание также находки вдоль всего берега бухты Лимена-Кале свинцовых крестов и моделей корабельных якорей, которые изготавливались ремесленниками в качестве амулетов, оберегавших грузы и суда (рис. 106–107)¹⁷¹. Освященные в церкви, они охотно приобретались моряками, которые, вероятно, бросали их в море на удачу. В местах, где концентрировались товары, они могли служить и в качестве пломб для опечатки грузов, но, учитывая отсутствие таких массовых свинцовых крестов и якорей в Херсоне и Боспоре, видимо, это была сугдейская традиция. Среди находок оказались и непременные аксессуары торгового оборудования – значительное количество византий-

¹⁶⁷ Ср.: Моця А.П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 277.

¹⁶⁸ Баранов И.А. Сугдея VII–XIII вв. – С. 20–21; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. – С. 11.

¹⁶⁹ Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма – С. 244, Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. – С. 61.

¹⁷⁰ Баранов И.А. Сугдея в VII–XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Труды Пятого международного конгресса славянской археологии. – М., 1987. – Т. 1. – Вып. 2а. – С. – С. 23–24; Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 20; Баранов И.А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи. – С. 49–50, рис. 1–3; Баранов И.А. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 41.

¹⁷¹ Кузьминов А.В. Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале. – С. 442–446. Уже само наличие крестов не позволяет видеть в этих предметах некие языческие талисманы, которые приносили в святилище на берегу бухты «в качестве одного из пожертвований морским богам» (см.: Шаповалов Г.И. О находках культовых моделей якорей в Крыму // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 276–279, рис. 1, 1–8).

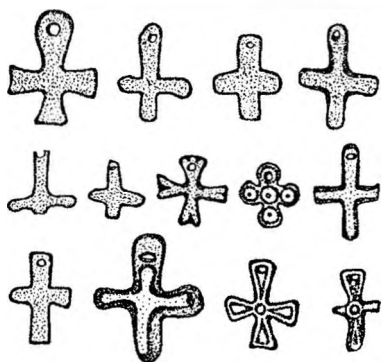

Рис. 106. Свинцовые филактерии
в виде крестов из бухты
Сугдеи
(по А.В. Кузьминову)

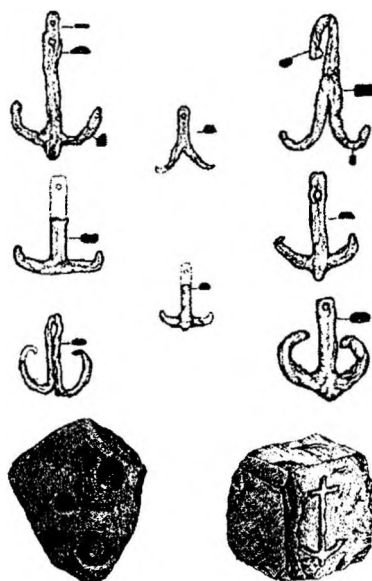

Рис. 107. Свинцовые филактерии
в виде якорей из бухты
Сугдеи и форма для их
отливки
(по Г.И. Шаповалову)

ских маркированных гирь, остатки весов — зигий, монеты, даже золотые, чеканенные в Константинополе в правление Льва III, Константина V, которые запрещалось вывозить за пределы Империи, торговые свинцовые печати из Сасанидского Ирана и Закавказья¹⁷². Последние указывают на развитие в это время посреднической торговли с Востоком, в которой Сугдея, видимо, играла не последнюю роль. Моливдулы коммерциариев подчеркивают ее особое значение в монопольной торговле государства шелковыми изделиями и в трафике других товаров. Разумеется, через сугдейский порт направлялись не только грузы из Византии, но и что-то шло в обратном направлении, возможно, чужеземные предметы роскоши, пряности, специи, продовольствие, поставки собранного у крымских подданных василевса.

Обращает также внимание то, что количество византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судак, в два раза превосходит все известные находки подобных монет в Крыму¹⁷³. Они довольно сильно обрезаны по краям, но не настолько, чтобы испортить изображение василевсов на основном поле монеты, ограниченном ободком, что выдает руку подданных Империи, которые таким образом, видимо, пытались компенсировать нехватку разменных денег в обращении и, судя по весу, низводили обрезанные солиды до соответствующих по весу и диаметру частям солида — семису (от 1,75 до 3 г), особенно ходово-

¹⁷² Баранов И.А. Торгово-ремесленные кварталы... — С. 52; Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. — К.: Судак, 2004. — С. 431–435, табл. II.

¹⁷³ Гурулева В.В. Золотые монеты... — С. 435.

му тремиссу (от 1,31 до 1,54 г) и четверти солида (от 1 до 1,07 г), номиналу, которого не было в Византии, но который мог быт вызван к жизни потребностями местных крымских рынков¹⁷⁴. О том, что такие монеты находились среди грекоязычного населения, свидетельствуют граффити в виде букв или лигатур из букв греческого алфавита, которые, как и знаки в виде черточек, параллельных линий, углов, дуги, вероятно, имели цифровое значение и наносились в процессе взвешивания денежных сумм, при их подсчете¹⁷⁵.

Нельзя не заметить, что все редакции Жития, в том числе пространная старославянская, изображают Сугдею как город с греческим, христианским обликом, в котором кипит деловая жизнь. Епископ Стефан излагал свои поучения, проповеди «не только в церкви, но и в домах и на торжищах», причем приходившие слушать его «ремесленники оставляли свои дела, а строители городские свои строения»¹⁷⁶. В данном случае этот житийный штамп не противоречит археологическому материалу. Известно, что усиленное византийское строительство продолжало вестись в VIII в. даже на окраинах Судакской долины, то есть в пределах Сугдейской епархии¹⁷⁷. Здесь же, на берегу бухты Нового Света, на склонах г. Перчем и в пос. Лесное действовали мастерские с большими двухярусными гончарными горнами для обжига амфорной тары VIII–X вв., бронзолитейные эргастии, на что указывают находки криц, известняковой литейной формы для изготовления колтов, остатки литейной печи, шлак¹⁷⁸.

Видимо, именно активным развитием обработки цветных металлов на основе привозной сырьевой базы объясняются поставки в Сугдею меди, свинца, имевшие место в это время. Кроме находок слитков на дне гавани города на это же указывает редкий для византийской сфрагистики моливдул второй половины VIII в. или рубежа VIII–IX в. с оттиском имени Феофана халкопрата – торговца медными изделиями (рис. 108)¹⁷⁹. Следует согласиться с В.С. Шандровской, что печать могла быть прикреплена к деловому документу, сопровождавшему доставку груза меди или изделий из нее, либо сообщав-

¹⁷⁴ Там же. – С. 439–441.

¹⁷⁵ Гурулева В.В. Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа // Одиннадцатая Всеоссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. – С. 45–46.

¹⁷⁶ Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 85–86, гл. 15–16.

¹⁷⁷ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 47, 55.

¹⁷⁸ Баранов И.А. Торгово-ремесленные кварталы... – С. 52, рис. 3.4.

¹⁷⁹ Шандровская В. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 93; Sandrovskaja V. Das Siegel eines XA/\КОПРАТНС aus Sudak // SBS. – Washington, 1994. – Vol. 6. – P. 43–46; Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 252–254, рис. 1.6; Шандровская В.С. Печати византийских торговцев VIII–IX вв. // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 396–397.

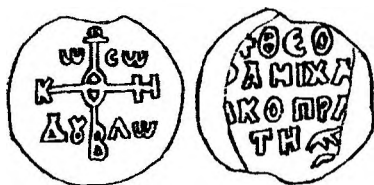

Рис. 108. Печать Феофана халкопрата второй половины VIII в. из Сугдеи (по В.С. Шандровской)

шему об отсылке товара. Учитывая присутствие в общегородском архиве моливдовулов коммеркиариев таможенно-административного округа Онориды, Пафлагонии и побережья Понта, а также существование у сугдейцев контрагентов в самой столице Империи¹⁸⁰, такого рода грузы шли морем, а их источником служили северомалоазийские и армянские медные рудники. Отчасти потребителями их продукции могли быть и хазары. В связи с этим стоит обратить внимание, что, исходя из принятой практики соглашений VIII в., печать (sphragidon) наряду с соответствующей грамотой – удостоверением (sigillon), византийские власти предоставляли торговцу, предпринимателю, который вел дела как на территории Империи, так и одновременно на территории другой страны – участника договора¹⁸¹. Отсутствие печати могло повлечь конфискацию товара в государственную казну, без нее была невозможна торговая поездка за границу, что, видимо, подтверждает обязательность наличия sphragidon kai sigillon у Феофана халкопрата. Как и в Херсоне, часть товаров здесь могла проходить через систему митатной торговли^{181а}.

Наконец, одна из приписок на полях Сугдейского синаксаря упоминает об обновлении (ta egkainia) кафедральной церкви города – св. Софии, «храма святого Бога Слова Премудрости в городе Сугдее в 6301 (793 г.)» (agias ou logu sophias polei Sougdaia)¹⁸². По мнению А.И. Айбабина, этому легендарному храму соответствует самая большая из известных в Крыму трехапсидных базилик VIII в., открытая в 1978 г. в окрестностях Сугдеи. Расстояние между плечами ее центральной апсиды составляло 12 м, а стены, сложенные из крупных, грубо тесаных плит сланца, были уложены на «постели»¹⁸³.

¹⁸⁰ Sandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. – P. 86, 88; Sandrovskaja V. Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim. – P. 153–155; Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее VII–IX вв. – С. 120–122.

¹⁸¹ Theophanis Chronographia. – P. 497.16–26; Miller D.A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1024 AD // BS. – 1971. – T. 32. – F. 1. – P. 66–67; Oikonomides N. Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. – 1988. – Vol. 1. – P. 29–31; Соболева Н.А. Русские печати. – М., 1991. – С. 85. Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков... – С. 238–239.

^{181а} Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков... – С. 309.

¹⁸² Архимандрит Антонин отметил, что «летоисчисление этой любопытной заметки не подлежит сомнению. Оно записано дважды. В первый раз перо писца прорезало пергамен, что и заставило его повторить написанное. В прилагаемом facsimile можно видеть и то и другое письмо» (Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века... – С. 615, № 135). Ср.: Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. CLXIV; Брун Ф. Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф. Черноморье. – Одесса, 1880. – Ч. 2. – С. 127.

¹⁸³ Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 243.

К сожалению, раскопки на этом месте не были продолжены и говорить о принадлежности строительных остатков кафедральному храму города следует с большой осторожностью, учитывая его нахождение далеко за пределами оборонительных стен и необычную кладку (если это действительно кладка). Но в любом случае, похоже, что, вопреки мнению И. А. Баранова, пик злополучных «темных веков» были для сугдейцев и жителей округа, состоявших отчасти из крещенных, оседлых булгар, салтовцев, как и для херсонитов, все же не самым плохим временем¹⁸⁴. Если они и контактировали с хазарами в политической плоскости, это было эпизодично, непоследовательно, как и хазарское военное, административное присутствие, о котором, к слову, молчат летописные источники, хронографы, повествующие о походе князя Бравлина, повоевавшего в конце VIII или первой половине IX вв. земли «от Корсуня до Корчева»¹⁸⁵.

Таким образом, ни остатки материальной и духовной культуры города, греческие, провинциально-византийские в своей массе, ни наличие следов властного вмешательства византийской администрации, ни роль крупнейшего христианского религиозного центра на крымской земле не позволяют согласиться с заявлением о том, что в 30–40-е гг VIII в. Сугдея якобы была захвачена болгарами и превратилась в «столицу Крымской Хазарии», каковой, — праболгарской, — оставалась до 40-х гг. X в., когда была разгромлена хазарскими войсками под предводительством Песаха в ответку за поддержку городом союзных Византии войск русов во главе с Хелгу (Халгу)¹⁸⁶. Если это и была своеобразная «столица», то лишь юга Таврики, на которую ромейские власти с конца VII в. до 30-х гг. IX в. смотрели вместе с хазарам как на кондоминатную территорию, а затем целиком забрали под контроль Империи.

Спорным выглядит и вопрос о полном включении другого значительного раннесредневекового центра — Боспора в политико-экономическую систему Хазарского каганата. Обычно Боспор увязывают с областью степных предгорий Центрального Крыма, с североприморской

¹⁸⁴ Экономический упадок Сугдеи со второй половины VIII в., постулируемый И. А. Барановым, не вяжется с его же собственными наблюдениями, и, скорее, надуман, дабы «захват города хазарами» выглядел убедительнее (см.: Баранов И. А. Торгово-ремесленные кварталы... — С. 52).

¹⁸⁵ Труды В. Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Житие св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. — Пг., 1915. — С. CXLII–CXLIII, 95, гл. 53; Горский В. О походе русских на Сурож // ЗООИД. — 1844. — Т. 1. — С. 191–196.

¹⁸⁶ Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища... — С. 83–84. Забегая вперед, стоит заметить, что поход Песаха не имеет надежных датировок, а если Сугдею все же отнести к числу трех городов, разгромленных хазарским военачальником, тогда следуя указанию Кембриджского анонима, она должна была принадлежать «Роману», то есть византийскому императору, и, значит, рассматривалась как ромейский, а не праболгарский город.

черноморской степью и Приазовьем, что уже само по себе как бы автоматически изолирует его от южных связей¹⁸⁷. Давнее и достаточно авторитетное мнение утверждает, что после того, как город «освободился» от власти «римских правителей», он «больше не оправился», «сошел со сцены», а в итоге оказался «во власти хазар», занят ими, более того, стал «основным опорным пунктом хазар на полуострове», «центром хазарских владений в Крыму», управлялся наместником хагана, тудуном, имел «свой хазарский гарнизон и даже колонию хазарского населения»¹⁸⁸. Ныне принято считать, что византийская крепость Боспор (Воспор, Восфор) была разгромлена к концу VII в., в 679–680 гг., после чего на противоположных берегах Керченского пролива, а точнее, на Керченском и Таманском полуостровах, были возведены «хазарские укрепления» Керч (Боспор или Тиритака) и Самкерц – Самкарш (Гермонасса – Таматарха)¹⁸⁹. Если следовать этой точке зрения, получается, что хазары вторглись в Восточный Крым раньше, чем в Закавказье, где они разгромили армянские, грузинские и албанские войска в августе 685 г.¹⁹⁰. А.В. Сазанов датиру-

¹⁸⁷ Гадло А.В.[Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 269 (Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168); Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии (АДСВ. – Вып. 17). – Свердловск, 1980. – С. 130.

¹⁸⁸ Кулаковский Ю.А. К вопросу об имени города Керчи // *Charisteria*. Сборник в честь проф. Ф.Е. Корша. – М., 1896. – С. – С. 192-193; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 195, 232; Dunlop P. The History of the Jewish Khazars. – Р. 174; Артамонов М.И. История хазар. – С. 198–200; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – С. 6, 55; Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986. – С. 55; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 148, 152–153; Болгов Н.Н. Боспор византийский: очерки истории // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 118–120; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 185-188, 222; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 103; Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве». – С. 270; Тортика А.А. Боспор Киммерийский в хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // БИ. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 362.

¹⁸⁹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). – СПб., 1870. – С. 131; Сазанов А.В. Боспор у ранновизантийский час // Археология. – 1991. – №2. – С. 25; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 99; Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 14; Иваненко П.И., Ивакина О.А. Керчь: история имени (этимологический очерк). – Керчь, 1996. – С. 7-8; Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Сборник в честь 70-летия проф.В.И. Кадеева. – Харьков, 1997. – С. 166; Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 168–169. Подразумевается также, что Самкерц являлся таможенным пунктом.

¹⁹⁰ Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 332.

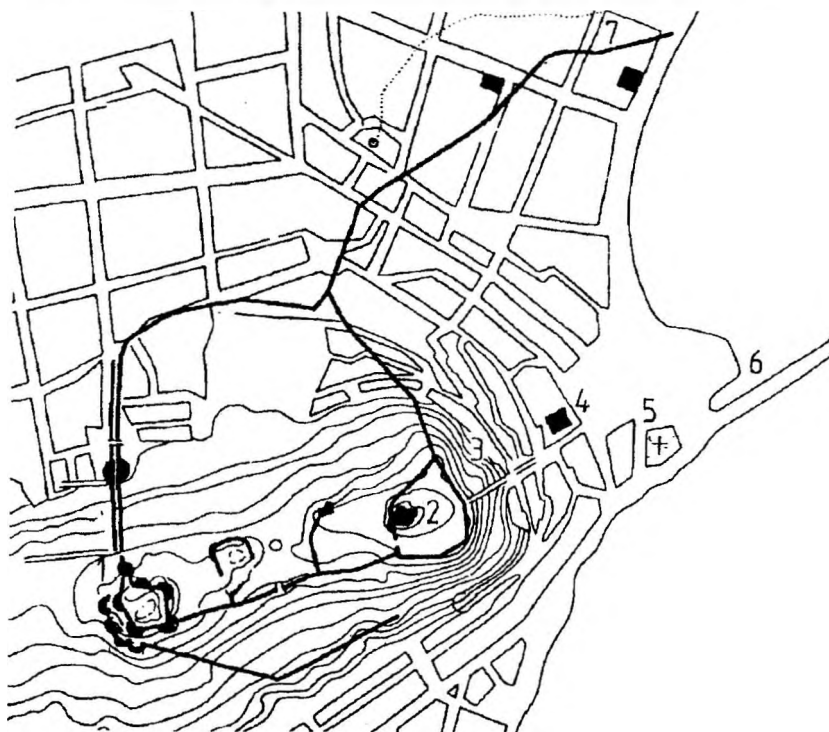

Рис. 109. План Пантикапея-Боспора: 1 – Второе кресло горы Митридат; 2 – центральное плато горы Митридат; 3 – некрополь на склоне горы; 4–5 – центр города в римский и византийский периоды, церковь Иоанна Предтечи; 7 – оборонительная стена античного и римского времени

вал приход хазар на территорию Крымского полуострова концом VII – началом VIII вв., но и он полагал, как само собой разумеющееся, что этими событиями «...завершается история ранневизантийского Боспора»¹⁹¹. По мнению А. И. Айбабина, совпадающему с давней версией Ю. А. Кулаковского, в городе находилась резиденция хазарского наместника – тудуна, а хазарский гарнизон оставался по меньшей мере до 60-х гг. IX в.¹⁹². К. Цукерман тоже считает этот «главный центр хазарской власти» единственным важным городом Крыма, где «археологически отмечаются массовые следы хазарского присутствия» (sic!)¹⁹³. На самом деле существующие на сегодняшний день

¹⁹¹ Сазанов А. В. Боспор у ранневизантийский час // Археология. – 1991. – №2. – С. 25.

¹⁹² Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дисс... д-ра. ист. наук / Институт истории материальной культуры РАН. – СПб., 1998. – С. 22-25; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 187-190.

материалы не подтверждают концепции захвата хазарами Боспора в 679–680 гг. и принадлежности города Хазарии в VIII–IX вв. Материальная культура города этого времени носит ярко выраженный провинциально-византийский характер (рис. 109). По меньшей мере странно относить к «остаткам жизнедеятельности хазар» в центрах Восточного Крыма и на Тамани амфоры с рифлением, красноглиняные кувшины с плоскими ручками и плоским дном, кухонные гончарные горшки, даже тонкостенные стеклянные чаши и рюмкообразные сосуды, какие ромеи использовали и в качестве сосудов для питья, причастия, и в качестве светильников – лампад¹⁹⁴. «Массовые следы» хазар в Боспоре сводятся к сомнительным постройкам в портовом районе, которые отдельные исследователи надумано возвели в статус «хазарской цитадели», и к одной «усадьбе» с очагом (так называемому помещению 12 в Кооперативном переулке), сооруженной на месте погибшей в пожаре (последний столь же искусственно притягивается к хазарскому завоеванию в конце VII в., хотя шкала для средневековых слоев Керчи показывает, что пожар завершал период конца VI в. – 650/670 гг. и мог случиться еще до появления хазар в Крыму)¹⁹⁵.

Ревизия А.В. Сазановым анализа комплекса постройки, предложенного А.И. Айбабиным, показывает, что помещение 12 возникло в 60–70-х гг. VII в. после гибели предшествующих построек, недолго просуществовало в течение последней трети VII в., после чего было покинуто к началу VIII в., не оставив никаких признаков «хазарского слоя»¹⁹⁶. Здесь обнаружены полуфоллис Ираклия и Ираклия Константиана (612–638) и фоллис Юстиниана II (686–687), но нет уверенности, что эти монеты не относятся к слою более позднего времени.

Разрушение хазарами обнаруженного в портовом районе так называемого базиликального комплекса с мраморными полами и, вероятно, купелью тоже не подтверждается археологическими материалами: общественное здание погибло в результате, скорее всего, тюркского разгрома Боспора 586 г. или немного позже (рис. 110)¹⁹⁷. Слой же «хазарского времени» (VIII – первой половины IX вв.) на данном участке (помещение 8) вообще не зафиксирован.

¹⁹³ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 675.

¹⁹⁴ Ср.: Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство. – С. 54, 55.

¹⁹⁵ См.: Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. – М.: Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 82–83, табл. 21.

¹⁹⁶ Сазанов А.В. Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдая в истории культуры Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К; Судах, 2002. – С. 218–219; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.: Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 488–501.

¹⁹⁷ См.: Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат... – С. 472–483.

Представление о полной принадлежности, политическом подчинении Боспора Хазарскому государству или даже о протекторате Хазарии над ним в VII–IX вв. – гипотеза, которая не в состоянии разрешить имеющиеся противоречия и дать удовлетворительные ответы на целый ряд возникающих вопросов. Несовершенство этой версии заставляет исследователей искать и находить иные объяснения, от которых нельзя отмахнуться как от досужих «кабинетных умствований»¹⁹⁸. На мой взгляд, с не меньшим правом в Босфоре эпохи «темных веков» можно видеть все тот же вариант кондоминатного византийско-хазарского владения.

Рис. 110. Колодец рядом с предполагаемой купелью баптистерия в боспорском здании VI в. с мраморным полом (по Т.И. Макаровой)

Именно отсюда открывался наиболее удобный выход к началу знаменитого Хазарского пути на Восток и понятно, что проблема контроля над этим регионом, стремление сохранить здесь влияние, наладить собственные перевалочные торговые, таможенные пункты, источники поступления денежных сборов не могла не занимать византийские власти, для которых обладание именно приморскими центрами было особенно важно не только с политической точки зрения¹⁹⁹. Рассмотрим некоторые факты.

Долгое время было принято считать, что прекратившийся выпуск монет на Боспоре в раннее средневековье так и не возобновился²⁰⁰. Однако крайняя редкость в Херсоне некоторых монетных типов (серии из монет двух номиналов с именем императора Маврикия Тиверия в легенде, со знаками стоимости D (4) и H (8); монеты

¹⁹⁸ Ср.: Сорочан С.Б. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докл. Междунаро. науч. археол. конф. – Самара, 1995. – С. 79–81; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 41–46, прим. 120; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 220–225; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 76–81; Науменко В.Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность – средневековье). Материалы I Боспорских чтений. – Керч, 2000. – С. 96–105; Науменко В.Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. – С. 336–361; Сазанов А.В. Боспори Хазария... – С. 218–222.

¹⁹⁹ Такой контроль позволял Византии сохранять за собой и внутренние регионы полуострова (см.: Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 12–13).

²⁰⁰ Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 10.

с именами василевса Ираклия и его сына, Ираклия Константина, с двухфигурной композицией на аверсе и фигурой с посохом, завершающейся хризмой, рядом со знаком стоимости Н (8) на реверсе; монеты с надчеканкой в виде монограммы из начальных букв имени Ираклия) при их преобладании на Боспоре заставляет внимательнее отнестись к предположению об их чеканке в оффicine Боспора в конце VI – 30-е гг. VII в., в период его нахождения в составе крымского дуката во главе с дуксом Херсона²⁰¹.

В этой же связи следует обратить внимание на полуфоллисы (или фоллисы – судя по весу) Константа II и его сына – соправителя Константина IV (654–659) и бронзовые монеты конца VII – начала VIII вв. с греческой литерой В, читаемой либо как «Воспор», либо как «Вардан», либо как обозначение номинала или года индикта²⁰². К настоящему времени известно не менее девяти монет Константа II с буквами К (20 нумий – полуфоллис или начальная литера имен Константа и Константина) и В на реверсе, причем большинство из них происходит из Керчи и ее окрестностей и лишь две – из Херсонеса²⁰³.

По мнению Вальтера Хана, поддержанному В.В. Гурулевой, все они были чеканены одной парой штемпелей и выпущены, скорее всего, в Херсоне²⁰⁴. Однако не может не настораживать разность, и порой значительная, весового стандарта, а также чеканка экземпляра, хранящегося в ГМИИ им. А.С. Пушкина, иным штемпелем лицевой стороны, «что указывает на более многочисленный выпуск

²⁰¹ Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 366.

²⁰² Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсонеса. – С. 27-29, 33; Salamon M. Mennictwo byzantynskie. – Krakow, 1987. – S. 163-164.

²⁰³ Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 215, №1 (единственная, надежно привязываемая к Херсону монета весом 5,05 г, найденная в засыпи при раскопках квартала XX в 1985 г.); Гурулева В.В. Редкие и неизданные монеты из коллекции Д.П. Вашкова // ВВ. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 180–186 (монета из коллекции Д.П. Вашкова весом 7,64 г, по словам, найденная в Херсонесе на берегу моря; монета весом 6,52 г, найдена в 1994 г. в Керчи); Сидоренко В. Монетная чеканка Боспора 642-654 гг. // Византия и Крым. Международный науч. конф., Севастополь, 6-11 июня 1997 г. – Симферополь, 1997. – С. 74-75; Сидоренко В.А. Монетная чеканка византийского Боспора. – С. 374–376. Место находки еще пяти монет неизвестно (из коллекции И.И. Толстого, вес 7,75 г.; монета из отчета Американского нумизматического общества 1980 г., вес 5,45 г.; из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, вес 7,37 г.; два экземпляра весом 6,72 и 9,23 г., изданные В. Ханом) (см.: Hahn W. The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times // The Numismatic Circular. – 1978. – Vol. 86. – №11. – P. 521–522; Гурулева В.В. Редкие и неизданные монеты... – С. 184).

²⁰⁴ Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. – Wien, 1981. – Teil 3. – S. 147–148; Гурулева В.В. Редкие и неизданные византийские монеты из коллекции Д.П. Вашкова в Эрмитаже // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. – М., 1991. – Т. 1 (А–К). – С. 414–415; Гурулева В.В. Редкие и неизданные монеты из коллекции Д.П. Вашкова. – С. 183–186.

таких монет, чем можно было полагать ранее»²⁰⁵. Следует согласиться с А. М. Гилевич, что сам факт находки таких монет в Херсоне не может служить надежным доказательством их местного выпуска, тем более некоторые экземпляры (например, из собрания И. И. Толстого) несут следы перечеканки, видимо, с фоллисов Ираклия, и встречаются в Восточном Крыму²⁰⁶. Редкость их относительна, ибо херсонские фоллисы Ираклия столь же считаны, хотя деятельность монетного двора в Херсоне в это время не оспаривается.

Наконец, еще одна монета Тиверия Апсимара (698-705), на сей раз константинопольского выпуска, но надчеканенная той же литерой В, найдена в Керчи, а две известны в византийском Херсоне²⁰⁷. Предложение И. В. Соколовой видеть в литере В начало имени Вардана-Филиппика, провозглашенного императором в Херсоне в 711 г.²⁰⁸, не увязывается с тронным именем василевса: его монеты, появившись они на местном монетном дворе, должны были бы нести либо надчеканенную, либо литую букву Ф. Правда, В. Хан считал, что особенности иконографии и метрологии монет с каппой и бетой на реверсе указывают на херсонский выпуск 658/659 гг. и расшифровывал В как второй год индикта²⁰⁹. Однако и эти соображения не несут окончательного, надежного решения, поскольку тот же «индикт» надчеканивался на более поздних монетах Тиверия Апсимара. Среди разных точек зрения наиболее правдоподобной и устраняющей все разногласия является мнение, в свое время уже высказанное И. И. Толстым, К. В. Голенко и Филиппом Грирсоном, о возможной периодической деятельности боспорского монетного двора в середине VII – начале VIII вв. и, следовательно, о включении «Воспора» в политико-экономическую сферу Империи ромеев²¹⁰.

²⁰⁵ Гурулева В. В. Редкие и неизданные монеты... – С. 184.

²⁰⁶ Гилевич А. М. Новые материалы к нумизматике... – С. 216; ср.: Гурулева В. В. Указ. соч. – С. 185–186.

²⁰⁷ Golenko K. Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge für Numismatik. – Hamburg, 1964–1965. – Heft 18/19. – S. 5–12 (особенно S. 9); Голенко К. В. Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958–1969 гг.) // СА. – 1972. – № 4. – С. 212, 214, № 60; Грандмезон Н. Н. Заметки о херсонско-византийских монетах // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 211, № 6. Следует заметить, что обвинения К. В. Голенко в смешении начертания надчеканки R – монограммы имени Ираклия с буквой В несправедливы: исследователь лишь заметил присутствие и того, и другого на различных монетах, которые считались, по мнению нумизматов, принадлежащими правлению Ираклию (Golenko K. Op. cit. – S. 6, 8; ср.: Гурулева В. В. Указ. соч. – С. 183).

²⁰⁸ Соколова И. В. Монеты и печати... – С. 29.

²⁰⁹ Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. – S. 147–148.

²¹⁰ Толстой И. И. Византийские монеты: Вып. 1–9. – СПб., 1912–1914. – Вып. 7. – С. 775–776, табл. 56, № 282; Golenko K. Op. cit. – S. 9; Catalogue of the Byzantine Coins in the Oaks Collection and in the Whittemore Collection / Ed. by Ph. Grierson. – Washington, 1968. – Vol. 2. – Pt 1. – P. 38–39.

Практика перчеканки и надчеканки прежних эмиссий была хорошо известна со времени правления Ираклия (610–641) и позволяла вновь пускать в ход более ранние монеты независимо от места и времени их выпуска²¹¹. Следовательно, на Боспоре она оказалась осуществлена, хотя весьма недолго, эпизодически и в очень небольшом количестве, вероятно, около середины VII в. и близко ко времени правления Тиверия Аписмара. Во всяком случае, временная, но отнюдь не уникальная деятельность боспорской оффицины не может быть огульно отвергнута только на основании субъективного представления о Боспоре как о «захолустанном городке области», где в обращении находились лишь византийские, херсонские монеты, а собственный их выпуск был бы чрезвычайно маловероятным²¹². При этом вовсе не обязательно пускаться в другую крайность и заявлять, что якобы уже при Ираклии монетная регалия в Таврике перешла от Херсона к Боспору, а чеканка на Боспоре при Константе II монет византийского облика знаменовала утрату Херсоном в середине VII в. прежних прерогатив, связанную с изменением политики Византии и приобретением Боспром нового, независимого статуса²¹³. Ведь Херсон тоже осуществлял небольшие и столь же редкие эмиссии и поэтому, если и можно говорить об изменении ромейской политики, то лишь в плане расширения и некоторого оживления практики монетной чеканки в Крыму предхазарского времени. Продолжение ее в городе, оказавшемся целиком во власти хазарского правителя, совершенно не реально. Чтобы не согласится с этим надо признать, что «добрые» хазарские власти разрешали здешним ромейским подданным жить так, как они жили раньше, без каких-либо изменений, со своими прежними властями, за исключением необходимости отдавать хагану, как и василевсу, их долю дохода. Однако последнее было бы возможно только при кондоминатном статусе подчиненных территорий.

Уже упоминавшийся выше «архонт Восфора» Валгиз (Balgitzin, tou archonta Bosporou), о котором Феофан и Никифор писали в связи с событиями 704/705 гг., возможно, мог быть тюрком по происхождению, что не мешало бы ему отправлять службу «двойного подчинения» — императору ромеев и хагану хазар, действовавших с конца VII в. в Крыму в духе соглашения о кондоминиуме²¹⁴. Поэто-

²¹¹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. — К., 1977. — С. 104–107.

²¹² Соколова И. В. Монеты и печати... — С. 29.

²¹³ Ср.: Сидоренко В. А. Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматике) // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь. Тезисы докл. международ. науч. конф. — СПб., 1998. — С. 113–114; Сидоренко В. А. Медная чеканка византийского Боспора. — С. 376.

²¹⁴ Не исключено, что имя Balgitzin было образовано от тюркского Bulgî, Balgichi — «правитель», которое в древнееврейском также означало «начальник отряда» (ср.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. — Berlin, 1958. — Т. 2. — С. 86; Golb N, Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. — Ithaca London, 1982. — P. 116–117, 137–138), но, на мой взгляд, это слабое основание для того,

му-то наместник архонтии Боспора был для ромеев «архонтом» — византийским «начальником», а для хазар — «валгицем», «комендантом города», «правителем», «держателем печати», если интерпретировать его имя как тюркский термин²¹⁵.

Примечательно, что собрав в 710 г. большой флот, Юстиниан II отдал приказ командующим, патрикиям Мавру Вессу и Стефану Асмикту, покарать в числе прочих враждебно настроенных к нему архонтий Таврики «Восфор», который, стало быть, как и Херсон, продолжал считаться остававшимся под контролем Империи²¹⁶. Фанагорийцы, среди которых он прожил в два раза больше лет, чем в Херсоне, с этой точки зрения его не интересовали, видимо, потому, что в свое время не действовали против него в союзе с местным архонтом «от лица хагана».

Именно стремление наказать подданных-изменников, а не желание силой отобрать у хазар Дори, нанести удар хагану было причиной византийской военной экспедиции, на что совершенно недвусмысленно указывают письменные источники. Шесть лет назад архонт Боспора, ромей, а не «местный хазарин», должен был убить Юстиниана, поэтому последнему было за что мстить предателям — боспорцам, как и херсонитам. Но об изгнании или покорении хазар василевс даже не помышлял. Это достаточно давняя досужая выдумка исследователей²¹⁷. Речь определенно шла о наказании неверных «восфориан», но не хазар, которые, владей безраздельно они городом, не допустили бы такого самоуправства со стороны чужого государя, тогда как последний, в свою очередь, не стал бы замысливать подобного в отношении владений своего союзника — шурина²¹⁸. Та-

чтобы видеть в лексеме едва ли не единственное и, вместе с тем, решающее указание на существование в Боспоре ставки хазарского balitzi, надзиравшего за Керческим проливом. См. рассуждения на эту тему: Minorsky V. Balitzi — «Lord of the Fisches» // Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes. — 1960. — Bd. 56. — С. 130-137; Айбабин А. И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. конф. — Симферополь, 1997. — С. 5-9; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 187-188 (там же наиболее полная литература вопроса).

²¹⁵ Науменко В. Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений. — С. 347-349; ср.: Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л., 1932. — С. 118-119; Golden P. B. Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. — Budapest, 1980. — Vol. 1. — P. 165-169. Впрочем, не лишне отметить, что далеко не ясный термин «бул-ш-ци» мог быть и не связан с именем архонта Валгица и даже с самим тюркским термином «валгиц» (см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство... — С. 144).

²¹⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 40, 63, 156, 164.

²¹⁷ Ср.: Бертъе-Делагард А. Л. Надпись времени Императора Зенона... — С. 80; Крым в VIII-IX веках. Хазарское господство. — С. 59.

²¹⁸ К тому же надо учесть, что во время второго правления Юстиниана отношения с хазарами, несмотря на предыдущие эксцессы, оставались в целом дружественными. Под 706/707 г. Феофан и Никифор отметили, что хаган вернул василевсу

мощные жители-икиторы должны были быть наказаны Юстинианом II еще и за то, что вопреки соглашению о кондоминиуме, вмешались в политическую борьбу и тем еще болееотяготили свою вину даже в глазах хагана, занявшего по отношению к ним стороннюю позицию. Ю. А. Кулаковский отрицал реальность такой военной экспедиции, однако обнаружение в ходе раскопок монет конца VII в. и близкого к ним слоя разрушения некоторых боспорских зданий, жилых домов, производственных комплексов, хозяйственных построек может свидетельствовать именно об этой карательной акции, отчетливо зафиксированной письменными источниками²¹⁹, а не о погроме Тиритаки, Илурата и самой столицы региона, якобы захваченной хазарами в последней четверти VII в.²²⁰ Византийские медные монеты долго не выходили из обращения и поэтому строить на их основании хронологию случившегося было бы неразумно. Прочие же археологические материалы, фрагменты керамики второй половины – конца VII в. очень трудно отделить от материалов самого начала VIII в., бытовавших практически одновременно.

Примерно в это же время, в начале периода, который А. В. Сазанов относит по разработанной им хронологии к последней трети VII – середине IX вв., над остатками разрушенных и сnivelированных кварталов в портовой части Боспора, куда уже в позднеантичную эпоху переместилась основная жизнь города, были возведены новые, но небольшие жилые дома и какое-то обширное сооружение с двумя параллельными, очень близко расположенными напротив стенами толщиной около метра и меньше и несколькими другими, перпенди-

ею жену-хазарку и младенца-сына (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 40, 63, 156, 164). Следовательно, даже с точки зрения чрезвычайно злопамятного, мстительного Юстиниана, готовившееся на него в Фанатории покушение отвечало неким «нормам», в действии которых нельзя было однозначно винить хазарскую сторону.

²¹⁹ Следы разгрома подтверждают и результаты раскопок цитадели Баклы, в которой тоже можно видеть кастрон или полисму, центр одной из местных архонтий, пострадавший от карателей в 710–711 г. (см.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 114–119, 196).

²²⁰ Слой пожара шел поверху слоя, в котором, как кажется, оказался фоллис Константа II, выпущенный в 654–659 гг. После этого на данном месте был сооружен дом, рядом с которым в подстилающем слое суглинка оказался фоллис Юстиниана II, чеканенный в 686–687 гг. А. И. Айбабин отмечает, что пожар случился после 659 г., но ведь и дом мог быть построен после 687 г., а значит, есть вероятность, что и то, и другое событие могли быть разделены совсем незначительным промежутком времени и случиться около 710–711 гг. (см.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис... д-ра. ист. наук. – С. 21; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 185–187, рис. 79; Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи. – С. 168–169). К. Цукерман, путаясь, называет фоллис 654–659 гг. «фоллием Юстиниана II» и, ссылаясь на А. И. Айбабина, тоже полагает, что именно эта находка «...дает *terminus post quem* для пожара, который отмечает захват хазарами Босфора» (Цукерман К. Хазары и Византия... – С. 331–332).

кулярными им (контрфорсами?)²²¹. Его связывают с хазарской «белокаменной крепостью, возведенной на руинах Юстинианова строительства», с «цитаделью», построенной «на остатках строительства Боспора», куда хаган поместил «органы управления городом» и хазарский гарнизон²²², хотя постройка, сооруженная в промежутке после конца VI в. до середины IX в., перекрывает архитек-

Рис. 111. Стены «хазарской крепости» в Боспоре. Вид с запада (по Т.И. Макаровой)

турный комплекс из обтесанных квадров и не имеет ничего общего с известными памятниками хазарской фортификации (рис. 111)²²³. Сопутствующий массовый провинциально-византийский материал, амфоры, кувшины, краснолаковые блюда явно преобладают над кухонной сероглиняной и лощеной посудой «салтовского облика». Кладка из подтесанных камней на грязевом растворе с рваным бутом между двумя панцирями, конечно, достаточно проста, но отнюдь не исключает возможность работы над ней греческих каменщиков, которые, как показывают строительные остатки средневекового Херсона, Сугдеи, Парфенита, Илурата, Тиритаки и других крымских мест, давно знали этот прием возведения стен, необоснованно считающийся, наряду со столь же давно известной кладкой «в елочку» (*opus spicatum*), одной из важных отличительных особенностей салтово-маяцких построек Крыма, Приазовья и Предкавказья. Вызывает удивление и полное отсутствие каких-либо находок обломков оружия, остатков воинской амуниции или конного снаряжения, естественных на месте «хазарской цитадели» с казармами²²⁴. Поэтому

²²¹ Макарова Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА АН СССР. — 1965. — № 104. — С. 75-76; Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. — 1982. — № 4—С. 99; Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. — К., 1991. — С. 129-130; Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. — 1998. — Вып. 6. — С. 356-358, рис. 9; ср.: Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи. — С. 82-83, табл. 21.

²²² Ср.: Айбабин А.И. Этническая история... — С. 188-189; Крым в VIII-IX веках. Хазарское господство. — С. 53, 55; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. — С. 153; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым. — С. 102-103.

²²³ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат... — С. 484-488.

²²⁴ Ср.: Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». — Воронеж, 1996. — С. 22-27, рис. 6. Судя по отсутствию находок в слое пожара кувшинов с плоскими ручками на высоком поддоне, обычно весьма многочисленных, сооружение погибло до середины IX в., а не во второй половине столетия, следовательно, связывать это событие с печенежским вторжением в конце IX в., как делает Т.И. Макарова, нельзя (Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи... — С. 390-391; ср.: Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат... — С. 488). Столь же

с куда большим основанием можно предполагать, что перед нами следы укрепления, которое местные икиторы-восфориане торопились соорудить в портовом районе в 710/711 г. против приближавшегося первого карательного флота Юстиниана Ринотмета²²⁵. Рядом, в 65 метрах, около керченской церкви Иоанна Предтечи, на уровне залегания «крепости» прослеживается угол еще одной постройки с вымосткой из плитняка, тоже сложенной из подтесанных камней с забутовкой на глине, местами в технике *opus spicatum*, однако пока нет ни малейших оснований видеть во всем этом синагогу, разрушенную при сооружении христианского храма²²⁶.

Округа Боспора пополнялась пришельцами, очевидно, булгарами, потом «салтовцами»²²⁷. Во второй половине VIII в. две трети из примерно 250 новых поселений появились в Крыму именно на Керченском полуострове, преимущественно на пустующих, свободных землях, что не заставляло мигрантов сталкиваться с уже живущими здесь. Ю. М. Могаричев полагает, что такое расселение переселенцев с территории Хазарии происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, но с согласия и под контролем византийских властей²²⁸. Косвенно это наблюдение подтверждается районированием процесса, при котором юго-западные земли полуострова были практически полностью исключены из разрешенного местожительства «салтовцев». Тем не менее, даже в таком окружении новых поселенцев, сам город Боспор, как и его почти «зеркальное отражение» — Херсон, сохранил в это время исконное, преимущественно греческое население с примесью иудеев, потомков гуннов, алан, готов²²⁹ и продолжал развиваться не только как митрополия — столица епископства и крепость. Изучение хронологии его слоев позволяет выделить строительный период конца VII — первой половины — середины IX в., причем внутри него прослеживается более дробная хронологическая шкала²³⁰. Следующий

необоснованно приписывать разрушение венграм, якобы совершившим его в третьей четверти IX в. (Aibabine A. *La Crimée de l'Antiquité tardive et du haut Moyen Age* (milieu du IIIe – IXe s.) // *Archeologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des grandes invasions, IVe – VIIIe s.* – Caen, 1997. – P. 57).

²²⁵ Сазанов А. В. Боспор и Хазария... – С. 220.

²²⁶ Ср.: Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство. – С. 54–55.

²²⁷ Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Гончарная керамика VIII–IX вв. с сельской округи Боспора // *Археология и история Боспора.* – Керчь, 1999. – С. 204–206.

²²⁸ Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. – М.: Магнитогорск, 2003. – Вып. 13. – С. 265.

²²⁹ С этим соглашается и А. И. Айбабин, очевидно, не задумывающийся над тем, как такое могло случиться в «хазарском» городе (см.: Айбабин А. И. Могилиники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 130; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 189). Так мы в очередной раз сталкиваемся с эффектом крымских «хазар – невидимок», безликих и едва ли не призрачных при всем их пресловутом «господстве».

период пришелся на середину—вторую половину IX в. Не замирала и хозяйственная жизнь: горожане продолжали эксплуатировать некоторые позднеантичные рыбозасолочные цистерны вплоть до конца IX — начала X вв.²³¹

Также ясно, что Боспор не испытал в «темные века» принципиальных изменений ни в этническом, ни в конфессиональном плане. Он сохранял функции крупного религиозного центра православия. Среди подписей, стоящих под 18 деянием Шестого синода 681 г. об утверждении Символа Веры, значится некто Давид, отметивший себя как «смирренный диакон святейшей церкви в Боспоре и занимающий место почтеннейшего моего епископа Андрея»²³². Число имен этих высших иерархов увеличивает недавно обнаруженный в Херсоне моливдул Петра Пистика, епископа Воспора (PETR PISTIKOY EPISKOPOU BOSPOR), который на основании стилистических особенностей относится к памятникам VI–VII вв.²³³. По значимости и многолюдству своей архиепископской кафедры город, видимо, почти не уступал Херсону, поскольку в ранней, Псевдо-Епифаниевой нотиции епископатов (Ecthesis), составленной к 80-м гг. VII в., занимал 25 место сразу после Херсона²³⁴, а в Нотиции де Боора (Notitiae Isaurorum) (конец VIII — 860-е гг.) переместился на 29 место, но продолжал следовать после Херсона и перед автокефальной Сугдеей, остававшихся соответственно на 28 и 30 местах²³⁵.

²³⁰ См.: Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи. — С. 50–88, табл. 21.

²³¹ Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным... — С. 140–141.

²³² Деяния Вселенских соборов, изданные в рус. пер. при Казанской Духовной академии. — Казань, 1882. — Т. 6. — С. 239; Деяния Вселенских соборов: В 4 т. — СПб. 1996. — Т. 4. — С. 230.

²³³ Издавший печать Н.А. Алексеенко полагает, что она может иметь отношение к документу, отправленному в Херсон в связи со строительными работами в Боспоре, которые к 590 г. провел здесь стратилат и дука Херсона Евпатерий, однако это слишком искусственное построение, принудительно притянутое лишь к одному из, несомненно, многочисленных контактов, которые имели между собой светские и церковные власти двух наиболее значительных центров раннесредневекового Крыма (см: Алексеенко Н.А. Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. — Krakow, 1999 / 2000. — Т. 28 / 29. — С. 99, рис. 3; Алексеенко Н.А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. науч. тр. — Севастополь; Краков, 2001. — С. 132).

²³⁴ Parthey G. Hieroclis Synecdemus et Notitiae graeca episcopatum. — Berolini, 1866. — P. 150-161; Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum // Abhandlungen der philos.-philol. Classe der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaft. — München, 1901. — Bd. 21. — S. 534-545; Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. — P. 9, 215, 205.

²³⁵ De Boor C. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. — 1891. — Bd. 12. — S. 519-534; De Boor C. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. III // Zeitschrift für Kirchengeschichte. — 1894. — Bd. 14. Heft 3. — S. 573-599; Darrouzes J. Op. cit. — P. 31-33, 229-23, 241-242, 245. Отсутствие упоминания епископа Боспора в Житии Стефана Сугдейского едва ли

Все это время, со второй половины VI в. и особенно в VII–VIII вв., на северном склоне горы Митридат продолжало расти христианское кладбище с плитовыми могилами, а вдоль подножья и у порта, в приморском участке простирались городские кварталы (см.: рис. 109)²³⁶. В середине – второй половине VIII в. в городе по прежнему действовал некий ранневизантийский храм, судя по надписи – эпитафии от 3 июня, 10 индикта, «лета от Адама 6265» (757 г.) с именем Кириака, сына Георгия (Κυρ(ι)ακος υιος Georgiou), на одной из мраморных колонн, после перестроек сохранившейся в керченской церкви Иоанна Предтечи²³⁷. Примечательно, что в основании парусов и в пазухах сводов над крестовидным объемом этого храма во время реставрационных работ были обнаружены амфоры конически-вытянутого типа, которые можно отнести к началу – первой половине X в. и, следовательно, мы имеем дело с постройкой в это время церкви, которой предшествовала более ранняя, видимо, возведенная в «хазарский» период²³⁸. От нее на глубину трех рядов квадров под алтарной апсидой церкви Иоанна Предтечи сохранился полукруг большего диаметра, который мог быть остатками апсиды того самого христианского храма с колонной, датированной поминальной надписью 757 г.²³⁹. С этой точки зрения жизнь «центра хазарской администрации в южном Приазовье» выглядела несколько странно, даже с учетом имевшей место определенной веротерпимости хазар²⁴⁰.

Монах-иконопочитатель Епифаний, совершавший паломничество по местам апостольской деятельности св. Андрея, называл его не

может служить указанием на исчезновение этой епископии в VIII в. и тем более на перевод ее в Сугдею, поскольку глава Боспорской епархии назван в Житии Иоанна Готского присутствующим на синоде 787 г. в Никее.

²³⁶ Айбабин А. И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму. – С. 128, 130; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 189; Пономарев Л. Ю. К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 202–205.

²³⁷ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 93–95; Брунов Н. Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи // ВВ. – 1928. – Т. 25. – С. 87–105; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. 2: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. – МИА. – 1958. – №85. – С. 494–497. Считается, что новая церковь Иоанна Предтечи была сооружена на этом месте не ранее конца IX в. (см.: Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 350–356, 389–391).

²³⁸ Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. – 1982. – №4. – С. 91–106; Булгаков В. В. Византийские конически вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. – К.: Судак, 2004. – С. 5–6, 11, рис. 1; ср.: Никитенко М. М. К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины. – К.: Судак, 2002. – С. 198–200 (исследователь, опираясь на тот же амфорный материал из архитектурных конструкций церкви Иоанна Предтечи, относит существование предшествующего ей храма к VII – началу VIII вв.).

крепостью, а «Воспором полисом на противоположной стороне Понта» (Bosporon polin peran tou Pontoy), то есть оценивал по самым высоким показателям как полноценный ромейский город²⁴¹. Старославянский перевод Жития ап. Андрея вкупе с греческим текстом и его обработкой Симеоном Метафрастом сообщают, что монахи, прибывшие в Боспор, встречались с «Колупадием епископом и Георгием наместником», рассказавшим им местные святые предания, посетили действующий «очень большой» (pau megalou) храм свв. Апостолов, где им показали ящик или гроб (lagnaka), «имеющий надпись Симона апостола, закопанный в основании наоса» и «содержащий мощи», получили в дар частицы мощей, а также видели искусно сделанные восковые «первообразы» (archetypa) Христа и святых²⁴².

Все это указывает на заметное возрождение в городе конца VIII-первой четверти IX вв. ортодоксально-православных традиций, на отход от «христомахии», что было бы возможно в правление василиссы Ирины, восстановившей иконы, и Никифора I Геника, терпимо относившегося к их почитателям и старавшегося не будить иконоборские страсти²⁴³. После Никейского Вселенского синода 787 г., состоявшегося благодаря усердию василиссы Ирины и патриарха Тарасия, «...все церкви восприняли вновь и везде свое благолепие и были украшены блеском честных икон; и по изгнании тех, которые

²³⁹ Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. — С. 388, рис. 20.

²⁴⁰ Ср.: Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. — С. 139; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф.... — С. 23.

²⁴¹ Хожение апостола Андрея в стране мирмидонян. — С. 275.41-42; Виноградов А. К становлению легенды об Андрее первоизбранном — апостоле Понта // Византия и Крым. Международ. науч. конф., Севастополь, 6-11 июня 1997 г. — Симферополь, 1997. — С. 25 (24-26); Иванов С. Апостол Андрей в Мирмекии // Византия и Крым. Международ. науч. конф., Севастополь, 6-11 июня 1997 г. — Симферополь, 1997. — С. 47-48; Виноградов А. Ю. Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. — М., 1999. — С. 358.

²⁴² Хожение апостола Андрея... — С. 270, 275-276. Нет сомнений, что к 815 г. в церквях и храмах вновь было немало икон и иных священных предметов. Иоанн Диякон подчеркивал, что после иконоборского собора Льва V «дерзость в отношении к святым изображениям была дозволена каждому желающему; одни сокрушали священные и чтимые драгоценности; другие, разрывая на мелкие куски дорогие священные одежды, бросали их на пол; иные, разрубая топорами изображения на досках, свирепо сжигали их на улицах; некоторые вместо прежних благовоний обмазывали их навозом, салом и зловонными веществами» (Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константинограда и Нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святой Великой церкви Св. Софии // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. — Минск, 2001. — С. 61, гл. 79).

²⁴³ Nivais P. E. The Reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I, A. D. 802-811. — Athens, 1987.

их преступно преследовали, в сих (церквах) были поставлены иереи и вожди, преданные православию»²⁴⁴. Патриархи Тарасий (784–806) и Никифор Исповедник (806–815) даже приняли в епископат бывших приверженцев официального иконоборства, стояли за сотрудничество и компромисс иконоборцев и иконопочитателей и немало сделали для восстановления почитания икон²⁴⁵. Примечательно, что на императорских моливулах Никифора I и его сына Ставракия появляются ранее не встречавшиеся крестообразные инвокативные формулы (*theotoke boethei*) или изображение креста на двух ступенях, и также оформляли свои печати Михаил I (811–813), Лев V и его сын Константин до 815 г.²⁴⁶. В соборном послании папе Льву III патриарх Никифор воссылал усиленные молитвы в адрес Михаила I Сильнорукого (811–813) – «благочестивого, державнейшего императора нашего, истинное чадо Цекви, сияющего богоугодными нравами и добродетельной жизнью»²⁴⁷. Поэтому Игнатий Диакон не очень преувеличивал, когда писал, что Никифор нашел Церковь в спокойном состоянии и «при полной тишине поплыл по морю Церкви, не опасаясь для нее еретического волнения»²⁴⁸. На территории Греции и побережье Малой Азии иконопочитание процветало, монастыри оказались не затронуты даже эдиктами Льва V Армянина²⁴⁹. После его смерти, при Михаиле II Занке (820–829) власти придерживались примирительной позиции, умеренной, осторожной политики, вождем иконопочитания было разрешено вернуться в Константинополь, представителям обоих церковных группировок было даровано равноправие, прекращены гонения, даже негласно допускалась установка в храмах икон, при условии, что не будет нарушаться общественное спокойствие²⁵⁰. Псевдо-Симеон сообщает, что Михаил даже бранил

²⁴⁴ Слово Феофана, пресвитера и игумена, об изгнании святого Никифора и о перенесении его мощей // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 79, гл. 13.

²⁴⁵ См.: Мейендорф И. Византийское богословие. – М., 2001. – С. 91, 103; Angold M. Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. – New York, 2001. – P. 86–88, 91.

²⁴⁶ Степанова Е. В. Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 92.

²⁴⁷ Никифора, св. отца нашего, патриарха Константинопольского, послание ко Льву III, папе римскому // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 100.

²⁴⁸ Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием... – С. 19–20, гл. 26.

²⁴⁹ Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). – СПб., 1998. – С. 383.

²⁵⁰ Герцберг Г. Ф. История Византии / Пер., прим. П. В. Безобразова. – М., 1897. – С. 116.

²⁵¹ См.: Афиногенов Д. Е. Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы) // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. – СПб., 2003. – С. 214.

Льва «как ниспровергателя святых икон»²⁵¹. Но на просьбу патриарха Никифора возродить их почитание, ответил, что пришел не для введения новшеств или уничтожения установленного: «Пусть каждый поступает по своей воле и желанию и да не познает горя и не вкусит страдания» (απαθες ροπον και ageustos lypes diatelon)²⁵². По отношению к решению церковных вопросов Михаил Травл изначально сформулировал следующее многозначительное кредо: «Кто ранее занимался исследованием церковных догматов, те и дадут перед Богом ответ, хорошо или плохо они узаконили. Мы же в каком положении нашли Церковь, в таком и заблаго рассудили оставить ее. Посему мы определяем, чтобы никто не дерзал принимать слово ни против икон, ни за них, но да не будет и слуху – как будто их никогда не было – о соборах Тарасия, Константина и Льва и да будет соблюдено почтение по отношению к иконам»²⁵³. Тем не менее, источники говорят, что он боялся связываться с иконопочитателям, не хотел восстанавливать православие ввиду необходимости полного низложения иконоборческого клира и сохранил традиционный для иконоборцев тип императорских моливдулов: крест во все поле и круговая надпись «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» на лицевой стороне²⁵⁴.

Боспор не был одинок в своем следовании такого рода умеренному, примирительному курсу, впрочем, никоим образом не удовлетворявшему ортодоксальных иконопочитателей. Поэтому Епифаний, именно такой ортодокс, во время ограниченной веротерпимости мог упрекать людей в недостаточной преданности тому, что он сам исповедовал, так что его путешествие не обязательно связывать только с периодом пятилетних гонений на монахов при Льве Армянине²⁵⁵.

Похоже, что местные органы власти в Боспоре действительно оказались сохранены и их подчинение хазарам было условным, исключительно в рамках кондоминатного соглашения²⁵⁶. Соседство «наместников», игемонов (egemones), как они названы в одной из версий Жития Феодора Студита и в Житии патриарха Никифора, или (по смыслу) архонтов, топотиристов – «местоблюстителей» с епископами или архиепископами было вполне заурядным явлением в византийских провинциальных городах, к каковым, очевидно, не переставал относиться и Боспор – Восфор. Именно объединение вокруг христи-

²⁵² Theophanes continuatus / Rec. I. Bekker. – Bonnæ, 1838. – P. 47. 16–48. 8; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я. Н. Любарский. – СПб., 1992. – С. 24–25 (II. 8).

²⁵³ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. – М., 1996. – С. 740; ср.: Лебедев А. П. История Константинопольских соборов IX века. – СПб., 2001. – С. 41.

²⁵⁴ Афиногенов Д. Е. Что погубило императора Льва Армянина? – С. 213–214; Степанова Е. В. Указ. соч. – С. 93.

²⁵⁵ См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 345.

²⁵⁶ Ср.: Болгов Н. Н. Боспор Византийский: очерки истории // Болгов Н. Н. Северное Причерноморье позднеримского времени... – С. 74.

анской Церкви изначально способствовало ориентации Боспора на Империю²⁵⁷. К тому же сами высокие церковные власти занимали определенные места в ромейской иерархии чинов и должностей среди патрикиев и протоспафариев²⁵⁸. Уже в ранней Византии епископы рассматривались как вариант государственного городского магистрата. Так или иначе через церковную юрисдикцию осуществлялось политическое господство Империи. Ромеи считали крещенных как бы подданными императора и к ним предъявлялись те же требования, что к последним²⁵⁹.

Истовое же исповедание православной веры хазарином, представителем верховной власти Хазарского каганата, противоречит логике и здравому смыслу²⁶⁰. Простой народ долгое время исповедовал тюркскую религию, культ Тенгри, признавал хазарских жрецов-камов (шаманов), а знать и ее окружение, привилегированные группировки уже в VIII или начале IX в. охотно принимали сначала монотеистический протоиудаизм, в дальнейшем традиционную раввинистическую еврейскую религию. А. Л. Бертье-Делагард верно заметил по этому поводу, что хазарская знать, при всей ее веротерпимости, едва ли могла благосклонно помогать развитию христианства подобно тому, как это делал «Георгий наместник»²⁶¹. Недаром долгое время сообщений о христианстве среди хазар не было, чего не скажешь о распространении иудаизма, сделавшем заметные успехи, видимо, как раз около 800 г., на рубеже VIII–IX вв.²⁶². Наконец, даже вассалы Хазарии сохраняли внутреннюю политическую организацию, на

²⁵⁷ Русева А. С., Зубарь В. М. Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 1998. – С. 106.

²⁵⁸ Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. – 1898. – Т. 3. – С. 118; Winkelmann F. Byzantinische Rang – und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985.

²⁵⁹ Иванов С. А. Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – № 3. – С. 62.

²⁶⁰ Ср.: Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 113 сл.; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 29–31; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 215, 216, 227.

²⁶¹ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 1. Поселения южного побережья. 2. Православные и униатские епархии, их пределы. 3. Справки о Фуллах // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 45.

²⁶² См.: Encyclopaedia Britannica. – Chicago; Toronto; London. – 1960. – Vol. 13. – P. 363; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... – С. 40, 43, 202; Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Иерусалим; М., 2001. Такой авторитетный мусульманский историк как ал-Масуди в своем капитальном сочинении «Китаб мурудж аз-захаб» («Золотые копи и россыпи самоцветов»), написанном около 943–947 гг., совершенно определенно указывал: «Хазарский же царь принял иудейство во время халифата [Харун-ар-Рашида (786–809)], после того как прибыли к нему (хазарскому царю) многие Евреи из всех мусульманских

что обратил внимание В.Е. Науменко, отметивший отсутствие свидетельств источников о назначении наместников хазарского хагана для управления такими областями²⁶³.

Игемоны – правители Готфии и некоего климата Таврики, судя по данным Житий Феодора Студита и патриарха Никифора, оставались в правление Константина VI и патриаршество Никифора, то есть в конце VIII и начале IX вв. крещеными, тоже исповедовали православие, прислушивались к наставлениям византийских церковных иерархов и содержали местные храмы. Когда епископы и пресвитеры Херсона и Боспора, а также «первенствующие» монахи, видимо отдельные архимандриты, игумены, великосхимники, отказались принимать дары церквям, которые приносили эти отнюдь не хазарские правители, осквернившие себя, по примеру правившего василевс Константина, попытками вступить в повторные «прелюбодейные» браки, игемоны стали изгонять таких строптивых иереев «из своих церквей и обителей»²⁶⁴. Показательно и другое: Епифаний, несмотря

краев и из страны Рум (Византии). Случилось же это потому, что царь Рума – в настоящее время, в 332 году (943 / 944 г.), царем там Арманус (Роман I) – принудил всех живущих в его государстве Евреев принять христианскую веру и преследовал их..., вследствие чего многие Евреи бежали из земли Рум в землю хазар». То же самое передают позднейшие восточные историки Ибн-ал-Асир и Шемседдин Димешки (Сведения еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве собрал, пер. и объяснил А.Я. Гаркави. – СПб., 1874. – С. 144–145; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... – С. 121, прим. 22; Новосельцев А.П. Хазарское государство... – С. 150). Со временем, к X в. христиане действительно стали составлять немалую часть хазарского населения, однако верхушка хазарского общества так и не признало христианство, которое не устраивало по политическим соображениям (см.: Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazar. – P. 89 sq.; Артамонов М.И. История хазар. – С. 258, 281; Dieter L. Struktur und Gesellschaft des Chazaren – Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. – Münster, 1982. – S. 318–325; Найман А.Я. Евреи в хазарском каганате // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 94–97; Коновалова И.Г. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 58–61). Поэтому, решая вопрос о том, кому служил «Георгий наместник» – ромеям или хазарам, надо обязательно учесть краткую и вместе с тем емкую характеристику персидского писателя и географа середины X в. Абу-Исхака ал-Истахри ал-Фарси в его «Книге климатов»: «Самый многочисленный класс [хазар] – иудеи, а самый большой – мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его – иудеи» (Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. О Кавказе, Армении и Азербайджане / Текст, пер. Н.А. Караулова. – Тифлис, 1901. – С. 43). Даже если иудаизм был принят хазарским обществом позже начала IX в., представители правящей знати эпохи «Георгия наместника» скорее были бы верны культу Тенгри, нежели Христу.

²⁶³ Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. – С. 344.

²⁶⁴ См.: Жизнь и подвиги преподобного отца нашего и исповедника Феодора, игумена обители Студийской, описанные Михаилом Монахом (Версия II) // Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греческого языка. – СПб., 1867. – Ч. 1. – С. 25, гл. 16.

на его интерес к этнографическим сведениям, даже не упоминает о хазарах и тем более их владычестве в Крыму, повествуя о своих посещениях Восточного Боспора и «народа херсаков». Намек на хазарское присутствие в Восточном Крыму, вероятно, наиболее стойкое, содержит старославянский вариант Жития Стефана Сурожского, автор которого называл жену Константина V «дочерью керченского царя», очевидно, подразумевая вхождение Боспора в зону контроля итильского правительства²⁶⁵. Впрочем, в этом, как и в топокиме Керчь, можно подозревать и реминисценцию более позднего времени, отражавшую положение, не надолго сложившееся в Таврике в X в., после военного похода хазарского полководца Песаха, а не оккупацию хазарами восточной части Крыма в первой половине IX в.²⁶⁶.

Следует добавить, что никакими однозначными следами длительного присутствия и тем более господства хазар на территории Крымского полуострова мы не располагаем: Херсон, Сугдея, южнобережные эмпории, Боспор сохраняли свой греческий, даже не булгарский облик, облик городских портовых центров Романии с разнообразными функциями и современники никогда не называли их «Хазарией». Отчетливо выраженных, сплошных хазарских культурных слоев в них повсеместно не обнаружено²⁶⁷. Культура этих городов в условиях широких связей, как заметил уже М. А. Фронджуло, была идентична²⁶⁸.

²⁶⁵ Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. — С. ССXXXI, 93. 16-17, гл. 28. Иначе как фантастическими нельзя назвать хитроумные объяснения этой «дочери керченского царя», предложенные Фридрихом Вестбергом. В ней он видит Ирину, жену Константина Копронима, которая якобы могла быть «не дочерью великого кагана хазар,.... а дочь его вассала, керченского кагана, христианина Феодора» (Вестберг Ф. О жизни св. Стефана Сурожского. — С. 231).

²⁶⁶ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — С. 54-68, 152; ср.: Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin in Crimée aux IXe-Xe s. // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — Р. 321.

²⁶⁷ Баранов И. А. Указ. соч. — С. 58. С. А. Плетнева туманно намекает на некие два десятка поселений вдоль побережья Юго-Западной Таврики «со слоем хазарского времени», но тут же соглашается с их явным византийским обликом и отсутствием явных следов пребывания хазар (Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — С. 165; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. — Воронеж, 2003. — С. 90, 93). Это же обстоятельство заставляет с недоверием относиться к предпринимаемым в последнее время попыткам В. В. Майко выдать Сугдею и крупное христианское, явно византийское поселение на холме Тепсень за праболгарские центры VIII-X вв. (ср.: Баранов И., Майко В. Праболгарский горизонт Судакского городища середины VIII — первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. — В. Търново, 2000. — Т. 7. — С. 83 сл.; Майко В. Керамический комплекс VIII-X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. — В. Търново, 2000. — Т. 7. — С. 101 сл.; Майко В. В. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. — К., 2002. — С. 133 сл.).

²⁶⁸ Фронджуло М. А. Раскопки в Судак. — С. 150.

Даже на плато Мангула, где наиболее вероятно локализуется кастрон Дорос, в котором, судя по сведениям нарративных источников, около 787 г. хаган поместил «стражников таксатов» (*phylakas taxatous*), находки форм салтово-маяцкой керамики очень редки и, если не считать нескольких тамгообразных знаков на оборонительных стенах, в том числе на бесфундаментных, поставленных в хазарское время, других косвенных следов хазар, здесь нет²⁶⁹.

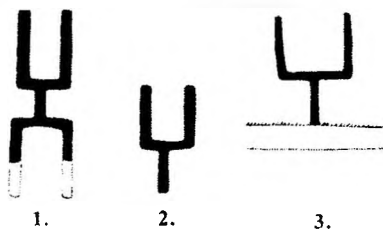

Рис. 112. Условные тамгообразные метки на раннесредневековой херсонской черепице (по А.Л. Якобсону)

Такие же знаки можно найти на раннесредневековых черепицах из Херсона, что убедительно указывает на их местный характер, возможно, давнее влияние сармато-аланской среды (рис. 112). Безосновательно считать хазарскими некие невнятно упомянутые погребения «скорченников», обнаруженные во время раскопок Н. И. Барминой за апсидой мангульской крестовидной крещальни VI–VIII вв. и видеть «нехристианское происхождение» в гробнице 16 в северном нефе большой базилики, поскольку ее ориентировка, невзирая на незначительное отклонение, в целом укладывается в принятое у христиан, а изголовье, как и полагалось, имело расширение в западной части²⁷⁰. Кости задней части лошади, уложенные здесь в овальном углублении в скале, в данном случае не годятся в качестве этнического или вероисповедального индикатора, учитывая нестойкость в вере самого раннесредневекового населения Готфии и долгое, до XI–XIII вв. сохранение в Крыму нехристианских местных традиций²⁷¹. Не имеет логики и утверждение о том, что хазары во время своего вторжения якобы разрушили ранневизантийский христианский комплекс Дороса, однефный храм и крестовидную крещальню, но не препятствовали ремонтно-строительным работам в этой же крещальне, более того выкладывали мозаичный пол с использованием плинф с «хазарскими метками», возвели еще один однефный и одноапсидный храм по соседству и вообще... участвовали «в создании на «старом» месте нового христианского ансамбля» эпохи «темных веков» (*sic!*)²⁷².

²⁶⁹ Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 29, sec. 5; ср.: Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 62; Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей... – С. 91.

²⁷⁰ Бармина Н.И. Контуры перемен: мангульский памятник... – С. 25.

²⁷¹ Фронджуло М.А. Указ. соч. – С. 150; Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 294.

²⁷² Бармина Н.И. Указ. соч. – С. 26.

Находки куфических монет (динаров, дирхемов, фелсов и их подражаний) в Крыму крайне немногочисленны (клад 1824 г. — 81 дирхем конца IX в. и еще один дирхем и несколько фельсов X в. их Херсонеса; два дирхема конца VIII в., подражание аббасидскому динару 168 г. х. и два фельса второй половины VIII в. на холме Тепсень; Баклинский клад 1999 г. из 36 серебряных куфических монет за период от 83 до 202 г. х.), чтобы говорить о монетном обращении Хазарского каганата на землях Таврики²⁷³. В источниках не содержится упоминаний о постоянном хазарском кочевом населении, хазарских стадах и перекочевках на Крымском полуострове²⁷⁴. Мы также не располагаем на территории Таврики погребениями второй половины VII–IX вв., которые можно было бы определенно связать с пришедшими из Хазарии воинами²⁷⁵. К примеру, здесь нет подкурганных захоронений, окруженных квадратными ровиками, известных в степях Подонья и Поволжья, которые могут быть отнесены к этническим хазарам, причем с высоким, «рыцарским» статусом²⁷⁶. Хазары не были мифом, они играли видную роль в политической жизни полуострова, но их тяжело зафиксировать даже не как особый этнос, а хотя бы как наиболее социально значимую часть населения²⁷⁷. Археологически они едва ли не фантом, что применительно к Таврике находит убедительное объяснение именно в ее кондоминатном статусе.

Знаменательно, что подводя итоги своего исследования хазарской археологии С. А. Плетнева была вынуждена признать: «...пребывание хазар или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо, а на многих памятниках совсем незаметны. Не удалось, как мне кажется, обнаружить «хазарское присутствие» и по материалам погребальных комплексов. Этническая принадлежность впускных погребений кочевников с конем и разнообразным сопровождающим покойника инвентарем, относящихся к VII — началу VIII вв., определить весьма затруднительно и, видимо, пока преждевременно»²⁷⁸.

Используя выражение Дж. Хэлдона, можно сказать, что византийцы в своих отношениях с хазарами явно стремились проливать чер-

²⁷³ См.: Сидоренко В. А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ. — 2002. — Вып. 9. — С. 434–448.

²⁷⁴ Михеев В. К., Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII — середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. — К., 2000. — № 3. — Юдаїка. — С. 157.

²⁷⁵ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — С. 118.

²⁷⁶ Ср.: Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — Волгоград, 2000. — С. 20, 22.

²⁷⁷ См.: Круглов Е. В. Хазары — история только начинается // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 61–66.

²⁷⁸ Плетнева С. А. Указ. соч. — С. 169.

нила, а не кровь²⁷⁹, и поэтому старались, заручившись соответствующими договоренностями, блюсти гораздо более выгодную, нежели конфронтация, мирную, договорную политику. В свою очередь хазары были вынуждены мириться с тем мощным византийским влиянием в Таврике, которое и делало жизнеспособным состояние здешнего condominiuma. В то же время наличие сравнительно близкого хазарского военного присутствия не позволяло перевести сложившуюся ситуацию в плоскость протектората или господства только одной из сторон. Поэтому здесь находилось не традиционное «пограничье», постоянно менявшее свои очертания с конца VIII до середины X вв.²⁸⁰, а «совладение» двух государств в конце VII – 30-х гг. IX в. Даже если эти отношения не были облечены в письменную, четко оговоренную правовую форму, они объективно существовали по духу, по сути и, самое главное, современники ощущали их, и долгое время, вплоть до образования византийской фемы в Крыму, вели себя адекватно им.

²⁷⁹ Haldon J. «Blood and Ink»: Some Observations on Byzantine Attitudes Towards Warfare and Diplomacy // *Byzantine Diplomacy* / Ed. by S. Shepard, S. Franklin. – Verona, 1992. – P. 281–294.

²⁸⁰ Ср.: Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // *История и археология Юго-Западного Крыма*. – Симферополь, 1993. – С. 58–66; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений. – С. 548–549.

ГЛАВА 5.

ОБ *OPUS SPICATUM* И НАСЕЛЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Исследователи достаточно уверенно выделяют так называемый южный или крымский вариант салтово-маяцкой культуры¹, который еще недавно называли термином «северопричерноморская культура»². В качестве его существенной отличительной особенности, — особенности строительства именно хазар, тюрков, праболгар, салтовцев в Крыму и на Тамани, — обязательно выдвигают тип строительной кладки, якобы исключительно «хазарских слоев» (второй половины VII — первой половины X вв.), при которой камни располагали друг под другом, ребром, под острым углом, отчего она напоминала по виду «елочку», «колосок» или «рыбью кость», а в качестве связующего «раствора» служила земля, суглинок или глина³. «Прием этот, — пишет С. А. Плетнева, — во всем Причерноморье характе-

¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — С. 8; Плетнева С. А. Хазары. — М., 1976. — С. 43, 45, 76; Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Институт археологии АН УССР. — К., 1977; Рудаков В. Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ: Социальное развитие Византии. — Свердловск, 1979. — С. 105-111 и др.

² Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Теплень // Археология и история средневекового Крыма. — К., 1958. — С. 144; Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 30.

³ Плетнева С. А. Хазары. — С. 45; Атавин А. Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. — М., 1992. — Вып. 1. — С. 174; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — М.; Иерусалим, 1999. — С. 153, 157, 159, 165; Майко В. В. О месторасположении православной Фульської епархии // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международ. науч. конф. — Харьков, 2001. — С. 104; Моця А. П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 273.

рен для начала хазарской эпохи», появился в Крыму «одновременно с вторжением хазар» и «начиная с VIII в. широко распространился по всему европейскому юго-востоку»⁴. О причине появления такой техники кладки, характерной якобы для хазарского строительства, обычно умалчивают. В лучшем случае, в ней, как и в «бесфундаментности» построек, видят антисейсмичный прием или невразумительно связывают ее распространение на крымских памятниках с неким «отсутствием навыков перевязывать углы», который, дескать, выработался у местного населения позже, во второй половине IX в.⁵ Между тем, подобная технология фигурирует как *opus spicatum* среди прочих, вполне античных по облику, нерядовых, иррегулярных систем кладок из рваного камня, реже – блоков⁶, встречается не только в «хазарских слоях», а гораздо раньше и позже. Поэтому закономерно встает принципиально важный, в том числе в плане методики, вопрос, насколько правомерно видеть в ней некий культурный и, даже более того, этнический «маркер», во всех случаях безошибочно указывающий на присутствие и деятельность в Крыму и на тесно связанном с ним Таманском полуострове тюркютов – праболгар, хазар или салтовцев⁷. Решение этой практически не разработанной задачи позволило бы лучше представить ситуацию с населением раннесредневековой Таврики и степень влияния на него местных и привносных элементов.

Считается, что прием кладки «в елку» был неведом на территории Крымского полуострова до тех пор, пока его не принесли с собой ха-

⁴ Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 46, 55; Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие. – Воронеж, 2003. – С. 31, 88.

⁵ Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 246; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 47–48; Фрумкина М. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений // РА. – 1992. – №3. – С. 60–66; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 143; Майко В.В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитности Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Вип. 8. – С. 289.

⁶ Ср.: Murus. Teichos // Daremberg M. Ch., Saglio Edm., Pottier Edm. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. – Paris, 1904. – Т. 3 (L–M). – P. 2048 (подобная кладка наблюдается уже в древнегреческой Трое); Вачева К. За терминологията на строителните техники през античността // Археология. – София, 1979. – Год. 21. – Кн. 1. – С. 7; Крыжицкий С.Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // Античная археология / КСИА АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 35–41.

⁷ Ср.: Айбабин А.И. Новые данные о начале хазарского господства в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь. Междунард. конф. памяти М.И. Артамонова. Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 115; Айбабин А.И. Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 5; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – с. 189.

зары из Приморского Дагестана, исконных земель каганата⁸. С помощью такой «характерной кавказской кладки» возводили якобы только особый тип жилищ — наземные постройки на каменных цоколях или полностью с каменными стенами, которые были распространены «исключительно в Приазовье», что, впрочем, не мешало им являться «одним из основных отличительных признаков приазовского и крымского вариантов» салтово-маяцкой культуры⁹. В частности, к последней относят слои VIII–IX вв. в ряде приморских, давно основанных греками городов Таманского полуострова, прежде всего Фанагории — «столицы» древнего Острова и расположенной неподалеку от нее Гермонассы (кастроны Таматархи) (рис. 113, 116, 117).

Портовая Гермонасса, находившаяся примерно в 60 км от Боспора, действительно изменила свое название, но сохранила значение крупного перевалочного пункта, античный план и улицы, мощенные слоями керамики, и необъяснимо, почему это обстоятельство надо связывать с появлением хазар, некими хазарскими традициями во второй половине VII в.¹⁰. Жители города, сохранявшего континуитет со своим античным прошлым, пользовались ранневизантийскими краснолаковыми мисками со штампами в виде крестов и животных, связанных с христианской символикой, имели соответствующие культовые сооружения, отстроенные в конце V–VI вв., судя по находке в окрестностях феодосианской мраморной капители и части известнякового рельефа с изображением ангела, держащего плат¹¹. Насыщенность культурного слоя многочисленными пересекающимися друг с другом кладками — остатками зданий говорит о том, что город был густо заселен, его жители обновляли, надстраивали старые дома и по византийской традиции мостили примерно каждые 20 лет улицы битой керамикой¹².

⁸ Плетнева С.А. От кочевий к городам. — С. 63; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. — М., 1983. — С. 150, рис. 58; Плетнева С.А. Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. — 1991. — № 3. — С. 104; Флеров В.С. Раннесредневековые куртообразные жилища Восточной Европы. — М., 1996. — С. 32; Айбабин А.И. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 9; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. — М., 2003. — С. 58.

⁹ Плетнева С.А. От кочевий к городам. — С. 51–70; Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. — М., 1981. — С. 68–69, рис. 43, 15, 17; Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 173.

¹⁰ Ср.: Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 111. Сведение о расстоянии содержится в труде ал-Идриси «Развлечение истомленного в странствиях по областям» (1154): «От города Матраха до города ар-Русийа (Корчева) 27 миль» (Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. — М., 1984. — С. 211–212).

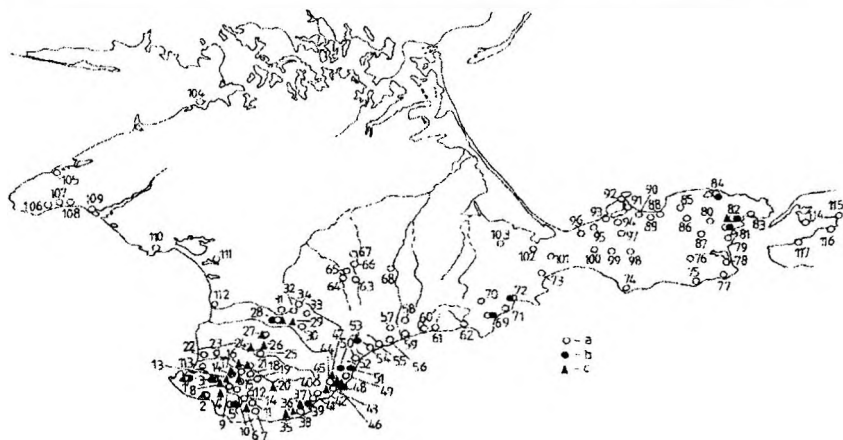

Рис. 113. Поселения и могильники VIII–IX вв. на территории Крымского и Таманского полуостровов а – города, крепости, селища и гончарные центры, б – плитовые могильники, с – грунтовые могильники;

1 – Херсон, 2 – Балаклава (Символон), 3 – Загайтанская Скала, 4 – Черная Речка, 5 – Гончарнов, 6 – Узень-Баш, 7 – Родниковое, 8 – Сахарная Головка, 9 – Чилтер (Мармара), 10 – Шулдан, 11 – Бобровка, 12 – Передовое, 13 – Терновка, 14 – Эски-Кермен, 15 – Мангуп, 16 – Большое Садовое, 17 – Чилтер-Коба, 18 – Сюйрен, 19 – Пампук-Кая, 20 – Аромат, 21 – Малое Садовое, 22 – Поворотное, 23 – Горный Ключ, 24 – Баштановка, 25 – Кыз-Кермен, 26 – Фицки, 27 – Чуфут-Кале, 28 – Бакла, 29 – Скалистое, 30 – Трудюлюбовка, 31 – Почтовое, 32 – Фонтаны, 33 – Лозовое, 34 – Петровские скалы, 35 – Кекенеиз, 36 – Симеиз, 37 – Кореиз, 38 – Мисхор, 39 – Ореанда, 40 – Ливадия, 41 – Ялта; 42 – Бал-Гота, 43 – Горзувиты, 44 – Гурзуфская котловина, 45 – Басман, 46 – Артек, 47 – Гугуш, 48 – Суук-Су, 49 – Партенит, 50 – Малый Маяк, 51 – Семидворье, 52 – Алустон, 53 – Лучистое, 54 – Малореченск, 55 – Рыбачье, 56 – Канакская балка, 57 – Приветное, 58 – Приветное I, 59 – Чабан-Куле, 60 – Морское, 61 – Ай-Фока, 62 – Сугдея, 63 – Курортное, 64 – Тау-Кипчак, 65 – Ароматное, 66 – Цветочное, 67 – Меловое, 68 – Ак-Кая, 69 – Кордон-Оба, 70 – Щebetовка, 71 – Тихая бухта, 72 – Тепсень, 73 – Дальние Камыши, 74 – мыс Чауда, 75 – гора Опук, 76 – Пташкино, 77 – Китей, 78 – Заветное, 79 – Героевское, 80 – Илурат, 81 – Тиритака, 82 – Боспор, 83 – Мирмекий, 84 – Зенонов Херсонес, 85 – Алексеевка, 86 – Чистополье, 87 – Репьевка, 88 – Слюсаревое, 89 – Зеленый Яр, 90 – Песочное, 91 – Азовское, 92 – Мысовое, 93 – Семеновка, 94 – Семь Колодезей, 95 – Калиновка, 96 – Бранное Поле, 97 – Королево, 98 – Кирово, 99 – Луговое, 100 – Ерофеево, 101 – Фронтное, 102 – Птичкино, 103 – Кировское, 104 – Лебяжий острова, 105 – Калос-Лимен, 106 – Ойрат, 107 – Тарпанчи, 108 – Лазурное, 109 – Беляус, 110 – Чайка, 111 – Саки, 112 – Песочное, 113 – Северная Сторона, 114 – Патрей, 115 – Кепы, 116 – Фанагория, 117 – Гермонасса – Таматарха (по А. И. Айбабину)

Стены здешних двухкамерных домов – пятистенки размером в среднем около 18–20 м² сооружались на каменных цоколях, которые поддерживали стены из самана, или были полностью каменные. В последнем случае углы построек в соответствии с греческой, ромейской традицией обычно были перевязаны и выложены из хорошо обработанных блоков. Рваный же и тесаный камень строители укладывали нередко в системе *opus spicatum*, которая особенно распространилась на Тамани с VIII в.¹³ «В елочку» складывали внешний и внутренний панцири кладки, а забутовка состояла из мелких камней и щебня, залитых жидкой глиной. Толщина двухслойных кладок нигде не превышала метра. Одна камера – комната отапливалась открытым очагом, расположенным в центре (или реже – в углу) дома, другая (передняя) была холодная. Почти каждый дом имел по давней греческой традиции отгороженный массивными стенами дворик, являвшийся своеобразным хозяйственным помещением без крыши. Кое-где сохранились обнаруженные при раскопках характерные для домостроения византийских городов дверные проемы с каменными порогами, обрамленные хорошо подогнанными, поставленными на ребро плитами; в порогах – углубления для штырей, на которых вращались двери. Дворы нередко имели вымостки, глинобитные печи, врытые в землю пифосы, иногда обмазанные изнутри известковым раствором, большие хозяйственные круглые ямы – погреба с сужающимся на конус плоским дном.

Особый интерес представляют жернова типичных византийских ручных мельниц, фрагменты гончарной кружалной керамики, амфор, поздней краснолаковой посуды, изделия из железа, каменный киот, украшенный резным орнаментом, византийская черепица с клеймами, костяная ручка с резным изображением лошади и птиц, обломки стеклянных лампад, ранней белоглиняной поливной керамики¹⁴. Даже местная лощеная посуда, при всей ее схожести с хазарской, имеет свое лицо. К примеру, приземистую широкодонную миску отличала ложбинка на венчике, вероятно, для крышки, что не характерно для салтово-маяцких мисок. Другая имела вертикально-

¹¹ Коровина А. К. Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина. – СПб. 2001. – Вып. 1. – С. 21–32; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 158.

¹² Плетнева С. А. Хазары. – С. 54.

¹³ См. Плетнева С. А. От кочевий к городам. – С. 51–70; Степи Евразии... – С. 67–68.

¹⁴ Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. – 1957. – Вып. 22 (32). – С. 317–371; Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье // Вестник Ленинград. гос. ун-та. – 1968. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 59; Блаватский В. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. – 1941. – №1. – С. 220; Долгоруков В. С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА АН СССР. – 1975. – № 143. – С. 56, 57, рис. 3; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 158, 175–178.

заостренный венчик с резким переходом в округло-коническое тулово¹⁵. Не говоря уже о том, что поддон в салтово-маяцкой гончарной традиции совершенно не известен, все это отражает местное, но не хазарское своеобразие.

Фанагория даже не изменила своего давнего названия (Phanagoria лишь стала Phanagouris, Phanagourias, Phanoria)¹⁶. Она располагалась на двух плоских террасах, нижняя из которых (около 15–17 га), где находился общественный, а значит, и рыночный центр города, ныне затопленный морем. К слову, город стал хиреть к концу IX в. и оказался покинут к началу X в., скорее всего, вследствие неблагоприятной геофизической обстановки, сложившейся вокруг него, обмеления порта, нарушения водного баланса, а не в силу внешнеполитических причин, военных столкновений, разгрома печенегам¹⁷.

Почти посередине с юга на север, видимо, проходила дорога из верхнего города к морю¹⁸. Раскопки ГИМ в 1939 г. на северо-западной части городища открыли слой VI–VII вв. с вымостками из каменных плит и черепков, обломки поздних жанровых терракотовых статуэток (фигура воина в панцире и плаще, обнаженная гротескная мужская фигура)¹⁹. В застройке, вероятно, встречались вполне добротные, монументальные здания из числа тех, что были возведены здесь, по мнению И. Т. Кругликовой, в конце IV–V вв. в традициях античной архитектуры, с колоннами, вымостками, колодцами²⁰. Часть из них могла пережить лихолетья и в обновленном виде существовать в VI–VII вв.

В городе издавна, задолго до хазарской эпохи жило немало евреев, о чем свидетельствуют древнееврейские надгробные надписи позднеантичного некрополя, существовали прозелиты иудаизма, в том числе из числа варваров, сарматского населения (надгробие Балко-са), но были и христиане, на что особенно выразительно указывает находка на западном кладбище Фанагории крышки позднеантичного гроба, сбитой брусками, и с накладными деревянными пластинками в форме стилизованной рыбы²¹. Значительным оставался элемент исповедующих иудаизм и позже, на что указывают находки на некро-

¹⁵ См.: Флеров В. С. Лощеные миски, блюда, чаши и кубышки хазарского каганата // БИ. – Симферополь, 2001. – Вып. 1. – С. 162, рис. 2, 11; с. 166, рис. 8, 47.

¹⁶ См.: Георгиев П. Фанагурис – Томитуракан и «Велика България» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 83–84.

¹⁷ Атавин А. Г. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. – М., 1987. – С. 32, 34; Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате. – С. 111; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 97.

¹⁸ См.: Болгов Н. Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002. – С. 111.

¹⁹ Пятышева Н. А. Отчет о раскопках ГИМ в Фанагории в 1939 г. // Труды Гос. Исторического музея. – М., 1960. – Вып. 37. – С. 112–115.

²⁰ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. – М., 1966. – С. 221.

поле свыше полусотни надгробий с семисвечниками, 26 из которых имели тамгообразные знаки на оборотной стороне, а четыре — надписи на еврейском языке²². Видимо, поэтому для Ибн Хордадбеха это был «город евреев»²³. К этому стоит добавить, что судя по подписи Иоанна, епископа Фанагорийского (Ioannes Episkopos Phanagoreias), под прошением Константинопольского собора 519 г. к патриарху, Фанагория оставалась епископской резиденцией, одной из четырех, и по меньшей мере до второй половины VII в. входила в состав церковной епархии Зихии, простиравшейся вдоль всего берега Азовского моря и Керченского пролива²⁴. Под названием Phanagorum она, вслед за Сугдеей (Sugdabon), фигурировала в составленной между 660-ми гг. и началом VIII в. «Космографии» анонима из Равенны²⁵ и, значит, о ней знали даже в далекой Италии. Надо думать, определенного здесь на жительство византийского экс-императора Юстиниана Ринотмета в начале VIII в. окружал знакомый, разве что более скромный, без «аристократических жилищ — резиденций», но преимущественно греческий быт, немногим отличный от того, что он застал в ромейском Херсоне. По словам Феофана, записанным в его «Хронографии» под 679/680 г., «...у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов (parakeintai ethne pleista)» (выделено мной — С. С.), а не хазары, которые, как следует из дальнейшего рассказа византийского историка, со временем стали получать с этих народов, как и с приазовских болгар, дань²⁶.

Следует заметить, что город отстроился после второй четверти — середины VI в. Прокопий писал в «Войне с готами», появившейся в 551 г., что Келы и Фанагурис «...издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях взяли и разрушили их до основания»²⁷. Эти слова многократно повторялись современными исследователями. Однако раскопки показывают, что в конце VII—VIII вв. в боспорских Патрее, Келах (см.: рис. 113, 114, 115) вновь

²¹ Люценко Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в надписях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. — СПб., 1880. — С. 5; Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. — 1993. — №1. — С. 66–68; Шавырина Т. Г. Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // Древности Боспора. — 2000. — Вып. 3. — С. 360.

²² Люценко А. Е. Древние еврейские надгробия... — С. 573–580.

²³ Кулаковский Ю. А. [Рец.] // ЖМНП. — 1898. — Апрель. — С. 495 (Shürer. Die Juden in Bosphoranischen Reiche und die Genossenschaften der daselbst. — Berlin, 1897).

²⁴ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 1. — М., 1994. — С. 128–129.

²⁵ Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. — Cambridge (Massachusetts), 1936. — P. 42.

²⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 36, 37, 60, 61, комм. 261, 284.

²⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М., 1950. — С. 388, VIII. 5. 23. 28–29.

велось строительство, они не были покинуты жителями, а пополнились пришлыми элементами, судя по захоронениям, булгарами²⁸. В данном случае грунтовые могилы демонстрировали типичные черты языческого ритуала: неупорядоченную ориентировку, позы погребенных, наличие разнообразного погребального инвентаря, включая серолощенные сосуды и ойнохой крымского производства, остатки жертвенной пищи, византийскую монету, находившуюся в положении «обола Харона»²⁹. Даже жилища в здешних поселениях стояли «по кругу», видимо, отражая не забытую осевшими «варварами» традицию планировки кочевнического семейного «гнезда»³⁰. Вообще, Крымское Приазовье дает более яркие, выразительные случаи проявления поздних языческих верований, вплоть до ритуального расчленения детей и собак, хотя и здесь они уникальны и встречались лишь в сельской глубинке, вдали от выживших бывших греческих центров³¹.

Возвращаясь к Фанагории, следует заметить, что в античную эпоху город занимал около 50 га, то есть был в два раза меньше Пантикапея, но значительно превосходил по площади прочие боспорские центры³². Любопытно, что в раннее средневековье он тоже не только возродился, но его граница значительно передвинулась на восток, причем территория, ранее находившаяся вне городской черты, оказалась застроенной³³. Простираясь вдоль берега на километр полосой шириной 170–200 м, город по площади вдвое превосходил соседнюю Гермонассу – Таматарху, явно процветал, оставаясь крупным торгово-ремесленным центром³⁴. Застройка его производилась с максимальным использованием старых зданий и кварталов и едва ли отражала «лагерный тип «города», свойственныйномадам³⁵.

²⁸ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 39; Сокольский Н. И. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып. 103. – С. 108; Паромов Я. М. Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 148.

²⁹ Крушол Ю. С. Раскопки древнего Патрея в 1949 г. // ВДИ. – 1950. – №2. – С. 232; Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша – I (Патрей) // Боспорский сборник. – 1994. – Вып. 4. – С. 114–115; Сорокина Н. П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. – М., 1969. – С. 124–130.

³⁰ Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 98.

³¹ См.: Винокуров Н. И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2002. – Ч. I. – С. 191–194.

³² Петрова Э. Б. Античная Феодосия. История и культура. – Симферополь, 2000. – С. 125.

³³ Блаватский В. Раскопки в Фанагории... – С. 221.

³⁴ Плетнева С. А. Хазары. – С. 55; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 96; подр. см.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья... – С. 157, 179–183.

³⁵ Ср.: Георгиев П. Фанагурис... – С. 86.

Фанагорийские однокамерные-двухкамерные дома довольно больших размеров (6 x 4,6 x 5,8 x 5 м), цоколи которых были сложены отчасти «в елку», из камня, взятого из более ранних построек, даже в IX в. сохраняли провинциальный облик, как и мощенные черепками улицы, вдоль которых они стояли. Раскопанный отрезок такой улицы с примыкающими переулками показал, что она была стандартной ширины около 3 м³⁶. Стены домов с огороженными дворами были из сырца или глинобитными, но на углах, у входов выложены из крупных обработанных блоков, по давней, опять-таки не хазарской традиции.

При Юстиниане II в городе не было византийских войск, но было немало «единоплеменников» (*ton idion omorphilon*) экс-императора, то есть греков, ромеев, которые, как и херсониты, могли строить козни или даже составить заговор против бывшего василевса. Во всяком случае, это обстоятельство хаган посчитал убедительным объяснением для необходимости присылки охраны, которой здесь, в соответствии с правилами демилитаризации кондоминатного владения, до этого момента не было и которая отныне должна была стеречь «друга», даже более того, родственника хагана и, вместе с тем, врага Империи. Едва ли эти стражники были многочисленны и докучали своим вниманием. Удивительно, задушенного Юстинианом «здешнего, местного» (*oikeios*) архонта Папаца, бывшего в городе «от лица» хагана, никто не искал. Его исчезновение по меньшей мере на день не встревожило «людей охраны» (*andras eis phylaken*) и уж тем более не привлекло внимание фанагорийцев. Экс-император, как и его посланники, не встречали препятствий при передвижении в пределах кондоминатной территории, с Азиатского на Европейский Боспор и обратно. Убийца явно не торопился. Он успел вызвать и дождаться архонта Боспора, Валгица, чтобы расправиться и с ним, а после организовал отъезд жены Феодоры из города и сам покинул его³⁷. Случившееся можно объяснить как заинтересованностью хагана именно в таком исходе событий, так и слабостью власти, редкостью хазар в городе, куда Юстиниан попросился на жительство, видимо, отнюдь не случайно. Так, им не могло не быть учтено на будущее, что Фанагория являлась узловым центром всей системы дорожных связей Таманского полуострова, в пяти направлениях расходившихся от города³⁸.

Примечательно, для того, чтобы выбраться с Острова Юстиниан бежал в приморское местечко или селение (*parathalassion chorion*) Томи (Tomen или Tomin), в котором некоторые исследователи счи-

³⁶ Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. – София, 1981. – №2. – С. 16–17, рис. 6.

³⁷ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 39, 62–63, 155, 163.

³⁸ Болгов Н. Н. Проблемы истории, историографии, палеографии... – С. 113–114; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 164.

тают возможным видеть находившуюся в 21 км к юго-западу от Фанагории Гермонассу-Таматарху (Tomitorakan) VII–VIII вв., место с тучными пастбищами и обильной подпочвенной водой, что соответствовала тюркскому *tomī, tomar*³⁹. Впрочем, с не меньшим основанием здесь можно предполагать банальную ошибку переписчика, пропустившего первую букву в слове *stomen* – «устье», и в этом случае беглец направился к неподалеку расположенному рукаву реки Кубань, который впадал в Шимарданскую бухту южнее Фанагории, имевшей тем самым свой прямой выход в Азовское море⁴⁰. Скорее всего, именно там он нашел местную греческую галиаду (алиаду) – легкое, полурыбачье – полувоенное, достаточно быстроходное судно, уже снаряженное к отплытию, которое и доставило его «вместе с некоторыми другими мужами», «своими товарищами» (*ton etairon*), в Символон (Балаклаву) около Херсона. Если это так, тогда приходится признать, что в этих местах, как и в Символоне, не было представителей ни хазарских, ни византийских властей. Находки же печатей византийских «министров финансов» – логофетов геникона первой половины – конца IX – начала X в. в «Матрахе» (Таматархе) говорят о ее включении в зону самого пристального внимания византийских властей, несмотря на сохранявшееся влияние со стороны хазар, которые знали этот город как Самкерц (С-м-к-р-ц, С-м-к-рай) и, вероятно, держали там во второй четверти X в. военный гарнизон⁴¹.

Следует также подчеркнуть, что Фанагория и Гермонасса (будущая Таматарха), невзирая на наличие сооружений с использованием техники кладки «в елку», были включены в круг боспорской культуры, сохранили регулярную планировку, многослойное мощение улиц керамической крошкой, континуитет с античной градостроительной системой, тогда как в известных городищах Хазарии уличная планировка совершенно отсутствовала, а разбросанные «усадебьы» имели стены столбовой конструкции, разумеется, даже без намеков на *opus spicatum*, либо целиком сырцовые и юртообразные жилища, так и не появившиеся в таманских городах⁴².

³⁹ Nicephoros Patriarch of Constantinople Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 42. 25-29, p. 103; Gregoire H. Le nom de la ville Tmutarakan // Nouvelle Clío. – 1952. – T. 4. – P. 288-292; Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси... – С. 61; Георгиев П. Фанагурис – Томитуракан... – С. 85–86.

⁴⁰ См.: Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеографии... – С. 110.

⁴¹ Пользуюсь случаем поблагодарить за эту сфрагистическую информацию К.Д. Смычкова. О городе SMKRYU, SMKRYW, SMKRS см. «текст Шехтера» и пространную редакцию письма хазарского царя Иосифа к Хасдаю ибн Шапругу (Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.: Иерусалим, 1997. – С. 141, 142, 147, 164; Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С. 102, прим. 19).

⁴² Ср.: Плетнева С.А. Города в хазарском каганате. – С. 120–121; Флеров В.С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюда к теме фортификации) // Хазар-

Строительство усадеб с домами-пятистенками и огороженными дворами, где размещались хозяйственные постройки и открытые очаги, наблюдается и в Боспоре (см.: рис. 113. 82), в приморской части города, который с 80-х гг. VII в. якобы стал центром хазарских владений в Крыму и «основным опорным пунктом хазар на полуострове»⁴³. Не вдаваясь в дискуссию, следует заметить по этому поводу, что веских оснований для принятия столь ответственного вывода нет и его следует рассматривать не более, как мнение⁴⁴. Раскопки 1990–1992 гг. на участке в Кооперативном переулке в Керчи тем более нельзя отнести к числу убедительных аргументов, поскольку, наряду с техникой кладки «в елку», среди типично местного материала византийского облика не местными являются лишь пара фрагмента венчиков сероглиняных банковидных горшков с ногтевидными вдавлениями, которые находят аналогии среди керамики пеньковской археологической культуры, возможно, привнесенной на полуостров антами в ходе контактов с кутригурами и оногурами⁴⁵. А. И. Айбабин называет подобный тип жилища «новым», но на поверку оказывается, что отсутствие фундаментов, каменные цоколи, иногда без перевязки стен, сами глинобитные стены домов заимствованы из раннесредневековой местной византийской строительной традиции, равно как и использование в быту обычных открытых очагов («тарелкообразных и костровидных»)⁴⁶. Видеть во всем этом продукт жизнедеятельности «оседающих на землю кочевников», «смешение различных строительных и бытовых традиций в хазарских жилищах», на фоне остального отчетливо выраженного византийского быта было бы большой натяжкой⁴⁷.

ский альманах. — Харьков, 2002. — Т. I. — С. 160, 162. В этой связи показательно, что юртообразные и полуземляночные постройки совершенно отсутствовали в городах раннесредневековой Таврики, а если и встречались, то изредка лишь в сельских местностях Восточного, Центрального и Северо-Западного Крыма.

⁴³ Айбабин А. Крым под властью хазарского каганата // Византия и Крым. Тезисы докл. междунар. конф. — Симферополь, 1997. — С. 6; Могаричев Ю. М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. — Симферополь, 2000. — С. 103; Могаричев Ю. М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК — М.; Магнитогорск, 2001. — Вып. 10. — С. 270.

⁴⁴ См.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. — Харьков, 2001. — С. 76–81; Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС — Симферополь, 2001. — Вып. 2. — С. 346–355; Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 509–543.

⁴⁵ Юрочкин В. Ю. Постройка раннехазарского горизонта города Боспора // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Секция охраны памятников археологии. — Симферополь, 1994. — С. 27–29; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 185–187, рис. 79.

⁴⁶ Айбабин А. И. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье. — С. 9.

⁴⁷ Ср.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... — С. 54.

Нет ничего специфически хазарского в стенах и общей планировке сооружений, воздвигнутых местами в технике *opus spicatum* в портовом районе в период конца VI–IX вв., которые пытаются интерпретировать как остатки «хазарской цитадели», крепости, где сосредотачивались органы управления городом, находился хазарский гарнизон и синагога, якобы разрушенная при сооружении храма Иоанна Крестителя⁴⁸.

Дом, открытый в Кооперативном переулке, датируется, по уточненным данным, от второй четверти VI в. до последней трети VII в.⁴⁹. Слой пожара, в котором он погиб, локален и не содержит хазарских материалов. Вполне вероятно, что бедствие случилось до появления здесь хазар. К тому же единичные боспорские постройки конца VII в. с использованием техники кладки *opus spicatum*, как и некоторые аналогичные, существовавшие в других местах Крыма в это время, даже условно нельзя относит к салтово-маяцкой культуре – «государственной культуре» Хазарского каганата хотя бы потому, что самый ранний период этой культуры датируется от середины или, скорее, конца VIII в. до середины IX столетия⁵⁰. Следовательно, перед нами продукт иного исторического феномена, требующий иного определения.

В связи с этим следует заметить, что кладка «в елку» зафиксирована в слое III на горе Митридат (раскопки 1945 и 1947 гг. восточнее Второго Кресла) (см.: рис. 109. 1), причем постройки относятся к позднеантичному времени, до V–VI вв., явно выходящих за возможные реальные рубежи появления здесь хазар⁵¹. Такие же постройки с кладкой *opus spicatum* были обнаружены на верхнем Митридатовском раскопе, в черте акрополя и тоже в позднеантичном слое

⁴⁸ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 53–55; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 88–89; см. возражения: Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.: Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 484–488, 501; Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике... – С. 522–523.

⁴⁹ Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат... – С. 488–501.

⁵⁰ Плетнева С. А. От кочевий к городам. – С. 135–143; Степи Евразии... – С. 64; Флеров В. С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 103–109; Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. – Вып. 2. – С. 143, 166; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992. – С. 160–162; Винникова А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – С. 18–27. С этой точки зрения фразы об «этническом составе салтово-маяцкой культуры Крыма второй половины VII – первой половины VIII вв.» лишены смысла (ср.: Майко В. В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. – С. 287).

⁵¹ Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. – 1957. – №56. – С. 91.

(слой IX, стена 89)⁵². Подобные случаи наблюдаются и в других местах Крыма, о чем будет сказано ниже.

Каменные здания-пятистенки с печами или очагами из плитняка в углу комнаты являются типичными для провинциально-византийских поселений Таврики⁵³. Часть раскопанных раннесредневековых домов в боспорской Тиритаке тоже имеют закругленные угловые части и цоколи с кладкой *opus spicatum*, на которой стояли стены из сырцового кирпича, но, наряду с образцами салтовской лощеной керамики, в слое, сопутствовавшем времени существования построек, встречается типичный «греческий» инвентарь, а занятия жителей рыболовством, рыбозасолочным промыслом, земледелием и животноводством опять-таки не знали существенных перемен⁵⁴. Судя по захоронениям в безинвентарных плитовых могилах, подобных тем, что появились на Боспоре со второй половины VI в., иногда с вырезанным на камне крестом у изголовья, жители раннесредневековой Тиритакі исповедовали христианство и достаточно давно⁵⁵. Во всяком случае, граффити с посвящением св. великомученку Феодору на сосуде типа фляги и фрагменты краснолаковых мисок со штампованными крестами относятся к рубежу V–VI вв. и к VI–VII вв.⁵⁶. На это же указывают остатки крытой черепицей трехапсидной базилики первой половины VI в. (длина до алтарной части – 10,5 м, ширина – 9 м по внутреннему обмеру), с застекленными окнами, полами из проконнесского мрамора, византийско-коринфскими капителями и другими, конической кубовидной формы, с крестами⁵⁷. В стене близ южного входа находилось четырехугольное углубление, облицованное мрамором, которое, вероятно, служило нишей для купели⁵⁸. В 0,8 м к юго-востоку от порога тиритакского храма был бассейн, может быть, фиал, тоже облицованный мраморными плитами⁵⁹.

Впрочем, наличие всего этого не мешало некоторым обитателям городка весьма поверхностно относиться к Слову Божьему и быть пло-

⁵² Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. – 1962. – № 103. – С. 28–31.

⁵³ Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

⁵⁴ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритакі в 1935–1940 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 130–131. Город не погиб в результате нашествия тюрок в 576 г. (Николаева Э. Я. Поселение у д. Ильич // КСИА АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 88–92; ср.: Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. – 1989. – № 4. – С. 58). По поводу округленных углов, якобы намекающих на юртообразные жилища кочевников, стоит заметить, что жилые каркасно-турлучные постройки с подобными углами действительно имели распространение на поселениях Северного Кавказа, но прослеживаются в слоях уже II–III вв. (Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. – С. 147–149).

⁵⁵ Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 89.

⁵⁶ Емец И. А. Посвящение св. Феодору из Тиритакі // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 83–84; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 30.

хими христианами, на что намекает выразительная находка в одном из домов VI в., недалеко от рыбозасолочных цистерн антропоморфной гальки с подчеркнутым животом, которая как амулет может быть отнесена к ранневизантийскому времени, IV–VII вв.⁶⁰ Прежние боги и идолы, особенно связанные с культом плодородия и очага, с большим сопротивлением сдавали свои позиции наступавшей новой религии. Это видно из того, что гораздо позже в плитовом некрополе, выросшем на окраине Тиритаки, некто совершил святотатственный для христиан ритуальный языческий акт – захоронил в глубокой яме вместе с человеческими собачьи черепа, добавив к ним фалангу пальца с не снятым с нее кольцом и жернов⁶¹.

После слоя пожара второй половины – конца VI в. в Тиритаке выделяется период VII в., которому сопутствует соответствующая поздняя краснолаковая керамика, амфоры; базилика, похоже, не функционировала в VIII в., но к ее стене сделали пристройку, а новая усадьба, просуществовавшая до второй половины IX в. или первой половины X в., в свою очередь была возведена над остатками винодельни, время прекращения существования которой остается открытой⁶². Связывать все это с хазарами неправомерно, поскольку даже салтовцы появились на поселениях Восточного Крыма, в том числе и на месте Тиритаки, не раньше второй половины – конца VIII в.⁶³.

Примечательно также, что в здешних домах VIII–IX вв., как и в постройках поселений около пос. Героевское (см.: 113. 79), расположившихся на бывшей хоре Нимфея, и во многих других местах Восточного и Юго-Восточного Крыма печи клали по местной античной традиции, из каменных плит, а очаги выходят из употребления, причем

⁵⁷ Зинько Е.А. Раннехристианский Боспор (III–VI вв.): Дисс.... канд. ист. наук / Институт востоковедения НАНУ. – Симферополь, 2003 (рукопись). – С. 120–124.

⁵⁸ Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – 1940. – Т. 6. – С. 192.

⁵⁹ Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. – С. 68–71, рис. 80–81.

⁶⁰ Иващенко Ю.Ф. К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докл. – М., 1989. – С. 51–52; ср.: Сазанов А.В. К исторической интерпретации комплексов Тиритаки VI–VII вв. // Причерноморье. Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 178–179.

⁶¹ Марти Ю.Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. – 1941. – №4. – С. 32, могила №3.

⁶² Подр. см.: Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. – С. 49–55, 126–131, рис. 160–164; Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // КСИИМК. – 1958. – № 85. – С. 172–173, рис. 27–28; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 144–145; Сазанов А.В. К исторической интерпретации... – С. 179–182.

⁶³ Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. Ч. 2. – МИА. – 1958. – №85. – С. 469–470.

одновременно из производства и использования исчезли глиняные котлы с внутренними ушками, свойственные тюркам-кочевникам⁶⁴.

Прочие плитовые могильники Керченского полуострова (Михайловский, Эльтигеновский, Зенонова Херсонеса на мысе Зюк) (см.: рис. 113.84) тоже демонстрируют погребения в виде каменных ящиков, иногда с арковидными неглубокими нишами, высеченными в торцовой каменной плите, к которой покойника клали головой⁶⁵. Для принявших крещение они имели значение портала, символической двери в иной, лучший мир. Следует заметить, что подобные конструкции обнаруживают христианские погребения некрополей Тепсеня (детское погребение 39) и Сугдеи (детская мог. 52), в которых нет ничего от хазарской культуры, но зато сильно ромейское влияние, континуитет с традициями предшествующего местного населения (рис. 114)⁶⁶.

«В елку» сложены некоторые группы камней цоколя одного из раскопанных домов раннесредневекового Мирмекия (см.: рис. 113. 83), находившегося в четырех километрах от Боспора, что свидетельствует о знакомстве строителей с подобной техникой кладки, однако прочий инвентарь, каменная круглая ступа, характерный облик кружальной керамики, амфор VIII–IX вв., обломки венца от пифоса, жернова ничем не отличаются от тиритакских⁶⁷. Слабая же мощность раннесредневекового культурного слоя вполне объяснима его «благополучностью», — свидетельство жизни, не знавшей пожаров и разрушений. Особняком смотрится при этом находка в верхних слоях следов ямы с остатками человеческого черепа и жернова, в чем с большой натяжкой можно подозревать проявление ритуального языческого захоронения⁶⁸.

Присутствие кочевников нелегко уловить и в соседнем Илурате (см.: рис. 113.80), где жизнь в VII в. тоже продолжалась, судя по на-

⁶⁴ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — С. 154–155; Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ — Симферополь. 2001. — Вып. 1. — С. 152.

⁶⁵ Масленников А. А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. — М., 1992. — С. 167 (речь идет о плитовой могиле, вероятно, второй половины VII в., если не раньше, которую с большим трудом можно соотносить с «горизонтом хазарского времени» на этом памятнике); Пономарев Л. Ю. О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII–IX вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. — Керчь, 2001. — С. 116.

⁶⁶ Майко В. В. Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII — первой половины X вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. — Севастополь, 2001. — С. 40.

⁶⁷ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. — 1952. — № 25. — С. 177–178, рис. 81. С салтовской керамикой может быть связана лишь часть кувшина, обнаруженного в раннесредневековой мусорной яме, плечи и тулово которого украшены полосами из мелких вдавленных линий, а нижняя часть горла орнаментирована волнистой полосой.

⁶⁸ Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. — Л., 1987. — С. 165.

ходкам поздней краснолаковой керамики в слое во дворе дома 2 (участок III), функционированию некоторых рыбозасолочных цистерн и винодельни⁶⁹. Между тем, по мнению В.Ф. Гайдукевича, здесь обнаружены даже каменные основания юрт и загоны для скота булгарского стойбища VIII в.⁷⁰. Однако исследование постройки, цоколь которой сложен «колоском» на глиняном растворе, показывает, что в углу большого помещения была поставлена печь из обтесанных каменных плит. Углубленные «круги» диаметром 6–7 м и одно такое же сооружение подпрямоугольной формы (4 x 5 м), без перекрытий, сложенные из бутовых и подтесанных камней, с несколькими ступенями, ведшими с западной стороны, были завалены камнями, в том числе обожженными огнем, среди которых было довольно много костей домашних и диких животных, птиц, рыб, а также зола, пепел, скопления угольков. Судя по керамическому материалу, фрагментам боспорских, южнопонтийских амфор, красноглиняной и краснолаковой посуды, эти ограждения функционировали преимущественно во

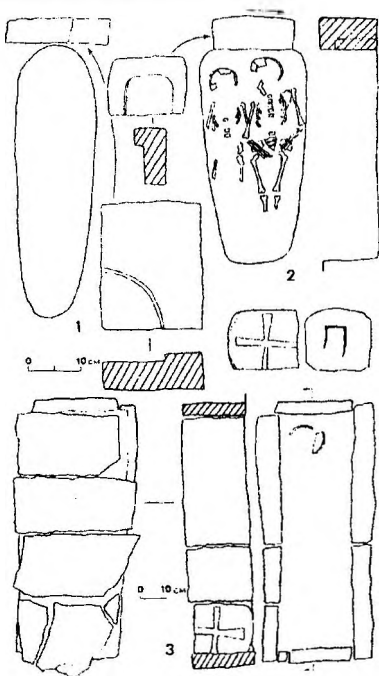

Рис. 114. Христианские могилы VIII–IX вв. в Крыму.
1, 2 – грунтовые могилы с каменной арковидной нишей в изголовье (Тепсень, Судак VI)
(по В.В. Майко)

II–III вв. н.э. и, будучи расположенными на территории некрополя, являлись культовыми погребально-поминальными комплексами, своеобразными святилищами, предназначенными для поминальных тризн, а не остатками юрт кочевников или загонов для скота⁷¹. Из семи обнаруженных к настоящему времени, три таких комплекса несут следы вторичного использования, перепланировок более позднего времени, в том числе устройства впускного погребения V в. и выгородок,

⁶⁹ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 30, 31.

⁷⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорский город Илурат // СА. – 1950. – Т. 13. – С. 188; Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. – 1958. – № 85. – С. 134–138.

⁷¹ Подр. см.: Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 316–321, рис. 1–8; ср.: Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей... – С. 90 (автор пишет об этих «каменных кругах» по-прежнему как об основаниях юрт и о загонах для скота).

сделанных в технике *opus spicatum*⁷², что указывает на континуитет в использовании таких сооружений, а значит, и на преемственность связанных с ними представлений, бытовавших среди местного населения со времен античности.

Но самое примечательное – в здешних боспорских кладках первых веков н.э. уже можно видеть зарождение кладки *opus spicatum*, получившей позже столь широкое распространение⁷³. В таком случае появление подобной строительной техники в позднеантичных сооружениях собственно Пантикапея – Боспора оказывается вполне закономерным и ее, как и в Илурате ранневизантийского времени, не обязательно видеть продуктом лишь салтовцев. Эти же наблюдения противоречат утверждению о том, что «первые однокамерные каменные дома, сложенные в данной технике, появляются у тюрок юго-восточной Таврики не ранее середины VIII в.»⁷⁴.

Следует принять во внимание, что кладка *opus spicatum*, эпизодически прослеживаемая на Боспоре до хазарского периода, сохранилась здесь и позже, в строительных горизонтах конца IX–XII вв., после того, как хазары оставили Крымский полуостров⁷⁵. Следовательно, это была кладка, усвоенная не пришельцами, ее не знавшими, а именно местным населением.

В квартале, состоявшем из пяти домов и двух пересекавшихся по прямому углом улиц, построенном, очевидно, в конце IX в. по типично византийской планировочной схеме, якобы над «хазарскими слоями», боспорские усадьбы по прежнему были сложены по известной ранее системе смешанной кладки из бута на глине, с отдельными участками, образующими «елочку»⁷⁶. Более ничего «тюркского» в них нет.

Даже сторонники доминирования протоболгарского влияния признают, что такие элементы построек как каменные цоколи и глино-

⁷² Кубланов М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. – 1979. – №159. – С. 96–97; Хршановский В.А. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. науч. тр. – Л., 1988. – С. 20–27; Ханутина З.В., Хршановский В.А. Указ. соч. – С. 318.

⁷³ Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К., 1993. – С. 212.

⁷⁴ Майко В.В. К вопросу о неоднородности... – С. 289.

⁷⁵ Анализ письменных источников (письма патриарха Фотия Антонию, архиепископу Боспора, и сообщения Ибн Русте) позволяет заключить, что к началу 870-х гг. город не контролировался хазарскими властями и, несомненно, принадлежал Византии (см. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 676; К. Айбабин А.И. Этническая история... – С. 222).

⁷⁶ Макарова Т.И. Средневековый Корчев // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып. 104. – С. 71–72; Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 359–361; ср.: Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 82–83, табл. 21.

битные стены были «заимствованы из боспоро-византийской домостроительной традиции»⁷⁷.

Кладка *opus spicatum* была известна в раннесредневековом Восточном Крыму и на его южном побережье, причем ее использовали и в жилом, и в производственном, и в храмовом строительстве. Так, кусками плиточного известняка, сложенного «в елку», строители облицовывали стены неглубокой землянки VIII–IX вв. на большом открытом поселении у д. Пташкино на Керченском полуострове (см.: рис. 113. 76)⁷⁸. С уровня материка начиналась двухрядовая кладка, тоже выложенная «... по типу кладки «в елку» и заставляющая подозревать присутствие салтовцев»⁷⁹.

Однако и ранний период поселения, вероятно, имевшего позднеантичную основу, представлен неглубокими полуземлянками, одна из которых датируется по фрагментам амфоры с перехватом не позже середины VII в., то есть временем до появления «народа хазар» у берегов Черного моря⁸⁰. Такие же жилые сооружения сельского и городского типа в виде полуземлянок известны около с. Морское и в Сугдее (см.: рис. 113. 60, 62), но и здесь они имеют аналогии не только в праболгарских, возможно, хазарских материалах, а и в материалах пеньковских поселений Южного Поднепровья второй половины VII в.⁸¹. Причем рядом с крымскими редкими памятниками такого рода обнаруживаются как зерновые ямы, открытые очаги, так и вкопанные в землю, привычные ромеям пифосы⁸². В связи с этим следует учесть, что подобный простейший тип жилых сооружений в виде полуземлянки подпрямоугольной или овальной формы с глинобитной каркасной конструкцией стен был и у народов, ведущих оседлый образ жизни.

⁷⁷ Айбабин А. И. Этническая история... – С. 189. А. Л. Якобсон счел нужным подчеркнуть, что отсутствие каменного цоколя являлось спецификой жилых построек Подонья и отличало их от жилого дома того времени в Таврике (см.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 119–120).

⁷⁸ Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. – С. 131.

⁷⁹ Там же. – С. 132.

⁸⁰ Гадло А. В. К истории... – С. 135; ср.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 28, № 78. Обычно углубление помещений в землю относят к черте, характеризующей салтовцев. Тем не менее, следует учесть, что заглубленные постройки, облицованные по периметру бутовым камнем на глиняном растворе (в один камень толщиной), известны и в раннесредневековом Херсоне (см. раскопки пом. 8–9 в южном углу квартала I), где какие-либо следы влияния салтовцев ничтожны (Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1975 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1763. – Л. 12, рис. 32).

⁸¹ Майко В. В. Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 130.

⁸² См.: Майко В. В. К вопросу о неоднородности... – С. 288.

Во второй строительный период, приходящийся на вторую половину VIII–IX вв., на месте поселения у д. Пташкино возводится трехапсидный базиликальный сводчатый храм: нижний ряд его кладки шириной 1,12 м был уложен прямо на материк, но состоял из двух лицевых рядов рваного и в меньшей степени тесаного известняка с забутовкой посередине на грязевом «растворе» – прием, обычный не для «хазарских архитекторов», а для всех каменщиков как первых веков, так и эпохи средневековья⁸³. Мощение пола плитами из известняка тоже не назовешь особенным. Так могли делать и греки, и пришедшие мастера, попадавшие под влияние ромейской культуры.

К слову, говорить о недостроенности, заброшенности строительства этого христианского храма только потому, что раскопки показали отсутствие кровельной черепицы, было бы неправомерно. Его стропила могли бы быть покрыты камышом, ветками или соломой, присыпанными землей. В сельской местности это был испытанный прием, имевший привлекательность в своей дешевизне. Бороздчатые амфоры причерноморского типа из завала на месте постройки датируются не только концом VIII – начала IX вв., но и IX в. Поэтому относить разрушение или прекращение строительства храма к рубежу VIII–IX вв. на их основании тоже не стоит⁸⁴. Тем более, среди амфорного материала оказались обломки высокогорлого кувшина того типа, какой не выпускался ранее второй половины IX в.⁸⁵. Что касается кости ноги лошади, найденной тут же, при раскопках северного нефа, ее едва ли можно уверенно относить к следам особого языческого ритуала, каким местное население якобы хотело выразить свой пиитет к святому для христиан месту⁸⁶.

Ярко выраженную печать такого же ромеизированного облика несет крупное, площадью более 15 га поселение VIII–IX вв. на южном склоне горы Опук (см.: рис. 113. 75). Остатки большой базилики, колодцы, следы дорог, подпорных стен, загонов для мелкого рогатого скота, усадьбы из двух жилых помещений (10,5 x 6,5 и 6,3 x 6,1 м), примыкающие к ним хозяйственные постройки, заглубленные в котлован двухпанцирные с забутовкой стены, выложенные на уровне цоколя кладкой *opus spicatum*, углы из блоков известняка со следами инструментальной обработки, каменные очаги и глинобитные печи, каменные вымостки кое-где, обломки пифосов, разнотипных амфор

⁸³ Ср.: Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 92.

⁸⁴ Гадло А. В. К истории... – С. 142, рис. 7.

⁸⁵ На его горле была процарапана надпись на греческом (Гадло А. В. К истории... – С. 140). С. А. Плетнева без каких либо объяснений относит строительство храма к концу X в. и полагает, что это была последняя крупная «хазарская постройка», которую «хазарские архитекторы» попытались возвести «на своих прежних, но уже почти утерянных землях, вновь ставших византийскими» (Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 92).

⁸⁶ Гадло А. В. К истории... – С. 137, 143.

VIII – первой половины X вв., высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, ойнохой «баклинского типа» заставляют с недоверием относиться к заключению о принадлежности обнаруженного к «обычным памятникам хазарской культуры Керченского полуострова», ибо эта «хазарская культура» ничем не отличается от сельской, провинциально-ромейской⁸⁷. Даже находки некоторого количества фрагментов сероглиняной кухонной керамики и сосудов с лощением не в силах развеять сомнения о принадлежности этого характерного и вместе с тем типичного для византийско-хазарской кондоминатной Таврики археологического комплекса к «последнему этапу развития салтово-маяцкой культуры».

Порой такого рода привязки носят откровенно искусственный характер. Так, на восточной окраине с. Заветное в Восточном Крыму (см.: рис. 113. 78) находится небольшая крепость площадью около 530 кв.м (30 x 22 м), воздвигнутая на мысу и защищенная со всех сторон двухпанцирной, трехслойной стеной толщиной 1,10–1,40 м, из бутовых и подтесанных известняковых камней на глинистом растворе, а также рвом шириной до 2 м. К кастрону примыкало крупное поселение с обособленно расположенными постройками, прослеживаемыми в виде скопления камней и гончарной керамики. Вероятно, оно существовало не только в эпоху раннего средневековья, но и в конце XIII–XIV вв. На соседнем мысу находился типичный для местного населения, в том числе христиан, плитовый могильник из числа тех, что стали особенно распространяться со второй половины VII в. Тем не менее, обнаруженный на поселении обычный, долго функционировавший очаг в виде ямы (диаметром – 0,42 м, глубиной – 0,10–0,12 м), расположенной на овальной, с невысокой оградой площадке (3,4 x 2,6 м), слегка углубленной в суглинок на 0,10–0,15 м, предлагается рассматривать в связи с вопросом о языческих верованиях и обрядах народов Хазарского каганата, а именно, как ритуальное капище, в котором разжигали не иначе как «священный огонь»⁸⁸. Между тем, в засыпи очага и вокруг него оказался тот же массовый бытовой материал, что и на поселении: фрагменты причерноморских амфор с мелко-зональным рифлением, коричневоглинянных амфор с «перехватом» на тулове, ойнохой «баклинского» типа, несколько венчиков и стенок горшков салтовского облика⁸⁹. Находки двух кремневых отщепов и лошил из песчаника едва ли можно безогово-

⁸⁷ См.: Голенко В.К., Джанов А.В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 76–78.

⁸⁸ См.: Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 264–282; Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 456.

⁸⁹ Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление... – С. 267–271, рис. 3, 6, 7–9.

точно относить к «амулетам», а обломки посуды и раздробленные кости домашних животных это обычный бытовой кухонный мусор, как и зола, которая засыпала площадку⁹⁰. Не всякий зольник является указателем языческого святилища. Зато типично византийским культурным признаком могут служить обломки нескольких рюмкообразных стеклянных сосудов⁹¹. Примечательно также отсутствие лепной посуды, лепных поделок, не считая единственного плоского глиняного кружка с беспорядочными вдавливаниями, в которых при всем желании невозможно углядеть «солярную символику», связанную с «ритуальной имитацией хлеба», с «земледельческими культами или общетюркским культом Тенгри-хана»⁹². Прочие единичные глиняные кружки с изображениями креста или креста в круге из раскопок поселений Керченского полуострова (Геревка – 3, Эльтиген Юго-Западное, Тиритака), даже если это действительно были не простейшие христианские амулеты, филактерии IX–X вв., а «изделия с небесными символами», «домовые обереги», крайне редки, чтобы говорить о доминировании здесь именно тюрко-болгар с их языческими верованиями и обычаями⁹³.

Вообще, кладка жилых и хозяйственных сооружений, даже из наиболее ярко выраженных «салтово-маяцких» поселений Восточного Крыма второй половины VIII – первой половины X вв., обычно смешанная – постелистая иррегулярная двухлицевая с забутовкой и «елочкой», а хозяйственный и бытовой инвентарь включает не только сравнительно немногочисленную керамику салтово-маяцкого типа, лепную посуду, но и пифосы, амфоры, ойнохоевидные кувшины, кухонные горшки с клеймами на дне, прочую массовую кружальную посуду, даже светильники византийского облика, в том числе с граффити в виде букв греческого алфавита и различных знаков и в виде креста, что указывает на быт не столько собственно салтовского, сколько христианизированного разноэтничного гетерогенного населения вполне «ромейского облика»⁹⁴. Поэтому было бы странным пытаться связывать с «раннетюркскими праболгарскими

⁹⁰ Там же. – С. 270.

⁹¹ Там же. – С. 272, рис. 8. 12.

⁹² Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление... – С. 272, рис. 8. 8; ср.: Пономарев Л. Ю. Биритуальный комплекс... – С. 457.

⁹³ Пономарев Л. Ю. Глиняные «лепешки» с солярно-небесной символикой с салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 37.

⁹⁴ См.: Зинько В. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 40-41; Зинько В., Пономарев Л. Керамика салтово-маяцкого типа с раннесредневековых памятников в окрестностях Нимфея // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 42-43; Зинько В. Н., Пономарев Д. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское. – С. 151-156, рис. 5.

древностями» керамические комплексы, представленные хорошо известными типами амфор VII–VIII вв., столовой провинциально-византийской посудой, крупными ойнохоями, гончарными кухонными горшками, в том числе близкими типам кухонной посуды византийского Херсона, и лишь отдельными фрагментами редких лепных горшков⁹⁵. Показательно, что прочерченный крест встречается даже на некоторых фрагментах лепных кухонных округлобоких горшков, считающихся типично кочевническими типами керамики, как это видно на примере находки из Сугдеи, которая никак не увязывается с комплексом «тюрко-булгарского святилища» или «хазарского капища» – зольника второй половины VIII – середины X вв. на участке куртины XV, откуда происходит обломок⁹⁶.

Стены дома с огороженным двором, построенного не ранее IX в. на плоском холме Тепсень (по-татарски – «блюдо»), недалеко от западной окраины поселка Коктебель (Планерское) (см.: рис. 113. 72), после разрушения одной из базилик Тепсеньского городища, действительно, были сложены с использованием приема *opus spicatum*⁹⁷. Однако в остальном усадьба имела типично провинциальный византийский облик – черепичную крышу, застекленные окна, соответствующий бытовой инвентарь. В других таких же вполне благоустроенных домах зафиксированы печи из плит известняка и прочие признаки ромеизированного быта⁹⁸. Даже однокамерные каменные постройки, сложенные в технике *opus spicatum* насухо из мелкого плитняка, как и аналогичные постройки устойчиво стационарных поселений Тиритак, Героевки, Кордон-Обы, считающиеся предшественниками домов-пятистенок из двух комнат, имеют сравнительно крупные размеры (8,1 x 5,1 м), правильную форму с выложенными камнем дверными откосами, застекленные окна, все те же печи – каменки византийского типа, а основания их стен, хотя и без фундаментов, впущены в грунт на глубину 0,2–0,3 м, как это было принято в византийском строительстве⁹⁹.

⁹⁵ См.: Майко В.В. К вопросу о неоднородности... – С. 291–294.

⁹⁶ Майко В.В. К вопросу о неоднородности... – С. 293; Майко В.В. Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст. н.е. // Українська керамікологія. Книга I. – Описне, 2001. – С. 25, рис. 9.8.

⁹⁷ Бабенчиков В.П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. – С. 96–99.

⁹⁸ См.: Фронджало М.А. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське // Археологія. – 1961. – Т. 12. – С. 168–182; Фронджало М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерского, 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 99–132; Майко В.В. Археологические исследования на плато Тепсень в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. – К., 2002. – С. 179–180.

⁹⁹ Бабенчиков В.П. Итоги исследования... – С. 98; ср.: Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА АН СССР. – 1968. – Вып. 113. – С. 82; Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 51.

Приводимый В.В. Майко анализ керамики (пифосов, амфор, столовой и кухонной посуды, в том числе с клеймами в виде креста) указывает на ее отчетливо выраженный провинциально-византийский облик и не позволяет считать Тепсенское городище праболгарским, а его население исключительно тюркским, носителями «крымского праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры»¹⁰⁰. Автор сам признает, что «сероглинная лошенная салтовская керамика чрезвычайно редка на полуострове»¹⁰¹. Действительно, едва ли не изначально, уже с VII в., здесь полностью доминировала кухонная керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, и византийская привозная керамика, амфоры, кувшины, столовая посуда¹⁰². Объяснять это византизацией керамического производства «крымских салтовцев» нелепо, поскольку тогда надо признать, что всё прочее, предшествовавшее появлению салтовцев, местное городское и сельское население (потомки скифо-сарматов, греки, аланы, готы) в одночасье было устранено от гончарного дела, а новоявленные монополисты мгновенно усвоили новую технологию и традиции производства.

По-видимому, не укрепленное поселение на плоской возвышенности Тепсеня, круто спадавшего с южной стороны к морю, занимало площадь не менее 10 га, имело густую, упорядоченную застройку, несколько храмов, включая базилику, и было одним из самых крупных в Юго-Западном Крыму¹⁰³. Старожилы, по словам А.Л. Якобсона, отмечали следы его правильной планировки, что, как известно, характерно для греко-римского и ранневизантийского строительства и исключено для хазарского¹⁰⁴. На берегу и под водой сохранились остатки древнего мола из диаритовых квадров на известковом растворе, защищавшего гавань¹⁰⁵. Несомненно, это поселение, если не протогород – полисмадон, «столица» одного из местных южнобережных административных районов – климата, являлось весьма значительным византийским церковным центром VIII – первой половины

¹⁰⁰ Майко В. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсен в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // БСП. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – С. 101–123; ср.: Майко В.В. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133–134, 142; Майко В.В. Археологические исследования на плато Тепсен в 2001 г. – С. 180; Майко В. Храмовый комплекс городища на плато Тепсен VIII – первой половины X вв. (вопросы хронологии и периодизации) // Софійські читання. – К., 2003. – С. 136.

¹⁰¹ Майко В. Керамический комплекс... – С. 106.

¹⁰² Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

¹⁰³ Бабенчиков В.П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсен. – с. 88–146; Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское... – С. 99–132.

¹⁰⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 27, № 66.

¹⁰⁵ Зеленко С.М. Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дисс.... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004. – С. 65–66.

X вв., а его открытость и незащищенность оборонительными стенами можно объяснить тем, что расцвет городища пришелся на мирное, сравнительно спокойное время византийско-хазарского кондоминиума, действовавшего здесь до второй трети IX в. Даже если предполагаемая некоторыми исследователями увязка Тепсеня с Фулами и «фульским народом», упомянутых в схолии к нотиции де Боора, в Житиях Иоанна Готского и Константина Философа, проблематична и не может быть принята как окончательная, это не отвергает главного — ярко выраженной христианской культовой функции городища¹⁰⁶.

Изучение даже 2 % его территории позволило выявить остатки большой базилики VIII–IX вв. и пяти других храмов, которые с перестройками существовали здесь, видимо, до 40-х гг. X в. Первоначальная базилика была трехапсидная (исследователи называют разные размеры — 37,6 x 12,4 м или 17,5 x 15,5 м) и уложена на деревянные клетки из плах (рис. 115). Следующий большой храм на ее месте тоже был поставлен на мощные каменные фундаменты из плит дикого камня. Их клали, как положено было в классическом ромейском строительстве, в канавы, прокопанные и снивелированные в материке по одному уровню. Своды храма поддерживали два ряда каменных квадратных столпов, — по четыре в ряду, стоявшие на больших каменных квадратах. Между столпами находились каменные арки, а потолки в неффах были коробовые либо крестово-сводчатые, что опять-таки совпадает с приемами византийской архитектуры этого периода. Еще один столп в центре нартекса поддерживал, очевидно, хоры, под которыми размещались баптистерий и усыпальницы кимитирия. Пол был вымощен каменными плитами, швы которых тщательно промазали известью. Храм имел более поздние пристройки — пастофории с северной и южной стороны боковых апсид. Нартекс его достигал 5 м, центральный наос — 14 м, а алтарная часть с клиросами (вима) — около 12 м. С базиликой связана большая часть погре-

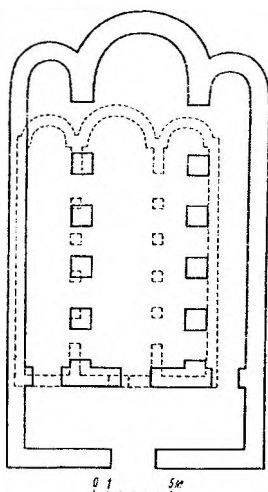

Рис. 115. Тепсенская базилика VIII–IX вв. Схематический план (по В.П. Бабенчикову)

¹⁰⁶ Ср.: Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. — 1958. — Т. 28. — С. 212–218. Подробнее об этом см: Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 33. — С. 71–79. Непонятно, на каком основании В.В. Майко полагает, что городище Тепсень возникло лишь в середине VIII в. «... на месте крупного ранневизантийского монастыря предшествующего времени (середина VII — первая половина VIII вв.)» (Майко В.В. О локализации Фулл... — С. 143).

бений при храме и захоронения в грунтовых могилах. Причем в них обнаружены солиды 740–750-х гг. Так что эта постройка несомненно существовала во второй половине VIII–IX вв. вплоть до начала X в., когда она оказалась разрушена, вероятно, землетрясением. Только после этого на ее месте был отстроен новый небольшой однефный храм из сырца, который имел оштукатуренную внутри и снаружи апсиду, выложенную без фундамента техникой *opus spicatum*. Это единственная черта, отличающая его от прочих христианских культовых памятников, сложенных из массивных квадров известняка с забутровкой из мелкого сланца или только из сланцевых камней. Впрочем, даже в этом случае алтарь остался вымощен известняковыми плитами с заливкой швов известью, а на внутренней штукатурке, судя по следам краски, была нанесена фресковая роспись¹⁰⁷. Но при всем том, никаких особых, «локальных своеобразных черт» в тепсеньской базилике нет, за исключением камня с «рюмкообразным знаком» – двузубцем, традиционной, давно известной в Крыму сарматской или тюркской тамгой в фундаменте южной стены здания (ср.: рис. 112. 2, 3)¹⁰⁸. Разумеется, этого мало, чтобы говорить о том, что в постройке церкви участвовали именно хазары¹⁰⁹.

Плитовые и простые грунтовые ямные могилы, обнаруженные на кладбище рядом с тепсеньскими храмами, в окрестностях плато Тепсень, разумеется, были связаны с местным христианским населением¹¹⁰. Не ясно, почему здешние грунтовые погребения середины

¹⁰⁷ Подр. см.: Барсамов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929–1931 гг. – Феодосия, 1932; Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма. – С. 199 сл.; Бабенчиков В. П. Итоги исследования... – С. 100–114; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. – С. 482–483; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 40; Майко В. В. О локализации Фулл... – С. 137–142; Майко В. Храмовый комплекс... – С. 137–140; ср.: Зубарь В. М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 293.

¹⁰⁸ Ср.: Майко В. Храмовый комплекс... – С. 139, 141.

¹⁰⁹ Ср.: Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 92.

¹¹⁰ Показательно, что тип плитовой могилы, генетически связанной с такой же погребальной конструкцией, давно распространенной от Скандинавии до Средиземноморья, в том числе и у населения Тарихи античного времени, в данном случае является упрощенным вариантом каменных склепов, почти не известен в Приазовье и совсем не известен в Подонье, то есть в области салтово-маяцкой культуры, которая обязана своим происхождением выходцам с Северного Кавказа (см.: Корпусова В. М. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сугдея, Сурож. Солдая в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 132–134; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1 // МИА. – 1958. – № 62. – С. 145–146; Пиоро I. С. [Рец.] (Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin: Wzd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. – 290 с.) // Археология. – 2003. – № 1. – С. 146, прим. 4, там же литература вопроса). По этой же причине сомнительным представляется

IX – первой половины X вв., выполненные в деревянных гробах и преимущественно безинвентарные, надо считать праболгарскими, а соседствующие с ними плитовые могилы христианскими? Ведь крещеных хоронили и в тех, и в других, в одинаковом положении, на спине, с ориентировкой на запад при некотором отклонении на север или юг. Их этническое своеобразие, антропологические признаки отступали перед этим главным, что приобщало к миру ромеев, к миру великой православной культуры. О «биритуальности погребального обряда» в этом случае говорить не приходится¹¹¹. К слову, аналогичная картина прослеживается в тепсеньском некрополе середины VIII – второй половины IX вв.¹¹². Обнаруженные здесь стеллообразные, с высеченными или вырезанными изображениями крестов, а также крестовидные каменные надгробия подобны встречающимся в некрополях Херсона, Боспора, Сугдеи, Суук-Су, Лучистого, Скалистого, Гончарного, Сахарной Головки, то есть принадлежат ромеизированному населению, разделявшему византийские ментальные ценности¹¹³.

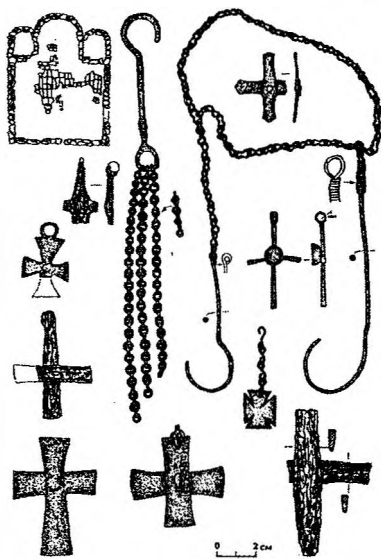

Рис. 116. Предметы христианского культа из погребений некрополя Кордон-Оба VIII–IX вв. и из домов и храмов Тепсеня (в левом углу – план тепсеньского храма №4) (по В.В. Майко)

распределение этносов в зависимости от конструкции могил (плитовые – германцы, грунтовые – праболгары, склепы – греки и аланы) (ср.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 104; Майко В.В. К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 63). Даже если в таких тепсеньских плитовых могилах хоронили салтовцев, это были подвергшиеся ромейской интеграции христиане, поэтому настораживает излишне категоричное мнение о расположении их вперемежку с языческими погребениями (см.: Майко В.В. О месторасположении православной Фулльской епархии. – С. 104; Майко В.В. Плитовые христианские некрополи тюрко-болгарского памятника на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и общ. – Севастополь, 2002. – С. 21).

¹¹¹ Ср.: Майко В.В. К вопросу о локализации некрополей... – С. 60–63.

¹¹² Майко В.В. Плитовые христианские некрополи... – С. 21.

¹¹³ Бабенчиков В.П. Итоги исследования... – С. 88–146, рис. 14, 15; ср.: Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. – К., 1993. – С. 195–196; Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – К.: Судак, 2004. – С. 413–414, №7.

На то же указывают результаты раскопок в 1949 г. тепсеньского жилого комплекса, где были обнаружены три бронзовых нательных крестика, склепанные из бронзовых пластинок (вторая половина VIII–IX вв.) (рис. 116), а также находка в доме – пятистенке поливного белоглиняного блюда с изображением рыбы, которое могло служить в качестве диска¹¹⁴. Симптоматична и находка на Тепсене раннего епископского «ленного» перстня, который, вероятно, передавался из столетие в столетие¹¹⁵. В культурном слое вместе с двумя дирхемами середины IX в. при раскопках христианского храма, исследовавшегося в 1998 г., был обнаружен обломок формы для отливки христианских медальонов-амулетов с изображением креста в круге, так называемых «самоварчиков» – ладанок и крупных ключей, а на дне пифоса из постройки второй половины IX – первой половины X вв. оказалась сердоликовая восьмигранная вставка в перстень с характерным раннехристианским изображением креста и двух рыб по бокам¹¹⁶. О ромейском быте говорят сероглиняные, вытянутой формы глиняные светильники, которые, вероятно, изготавливались на городище, что опять-таки совершенно не свойственно салтовским, праболгарским памятникам. Даже кухонные горшки Тепсеня нередко отмечены снизу клеймом в форме креста в круге. Единственным очевидно языческим было погребение воина – всадника первой половины VIII в., помещенное рядом с христианскими могилами¹¹⁷. И это при том, что ни в степи, ни в лесостепи Хазарии не обнаружено ни одного памятника, который можно было бы связать с христианским культом. Археологические исследования показывают, что там повсюду долгое время царили языческие обряды и языческое мировоззрение¹¹⁸. Колоритную картину языческих нравов и обычаев «гуннов» – хазар, напоминающих древнескифские, подтверждают письменные источники¹¹⁹.

Такая же двойственность сквозит и в облике небольших одноапсидных, одностолпных христианских храмов сельской Таврики, выполненных на глине, без раствора, отчасти в технике *opus spicatum*, якобы характерной именно для булгар, салтово-маяцкого населения полуострова¹²⁰. Но те же исследователи признают, что эти храмы пред-

¹¹⁴ Майко В.В. О локализации Фулл... – С. 139.

¹¹⁵ Майко В.В. Ранньохристиянська знахідка на салтово-маяцькому поселенні Тепсень у Південно-Східному Криму // Археологія. – 2002. – №1. – С. 137–138.

¹¹⁶ Майко В.В. О локализации Фулл... – С. 142; Майко В.В. Археологические исследования на плато Тепсень в 2001 г. – С. 180.

¹¹⁷ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 162–164.

¹¹⁸ Плетнева С.А. Очерки... – С. 215.

¹¹⁹ Мовсэс Калакантуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш.Б. Смбатяна. – Ереван, 1984. – С. 124; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 145.

¹²⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – 133–139; Баранов И.А. Таврика в составе хазарского каганата: Автореф. дисс.... докт. ист. наук / ИА

ставляли тип византийского культового сооружения¹²¹. В ряде случаев они были воздвигнуты на фундаментах предшествующих византийских базилик, то есть сохраняли культурный, ментальный континуитет¹²². К тому же отнюдь не каждый такой памятник обязательно сопровождался кладкой «елочкой» и не имел перевязки углов. Отсутствие погребений внутри храмов, якобы не характерное для византийских церквей того времени (что, как и утверждение об использовании в ромейской кладке исключительно раствора, является исключительно грубой натяжкой), с лихвой компенсировалось наличием по соседству христианских кладбищ. Зато повсеместно присутствуют находки стеклянных лампад¹²³, которые были необходимой принадлежностью христианского культа и которые недаром рассматриваются византистами в качестве своеобразного индикатора распространения ромейской культуры¹²⁴.

Невозможно сомневаться в греческом облике эмпория Парфены (emporion legomenon Parthenon), важного полифункционального, торгового и церковного центра сельской округи южного бережной Таврики (см.: рис. 113. 49). Размещаясь у подножья Аю-Даг – «Святой горы», он был окружен многочисленными средневековыми поселениями с христианскими храмами, монастырями, отдельно стоящими культовыми строениями¹²⁵. Эмпорий имел большую (17 x 12 м),

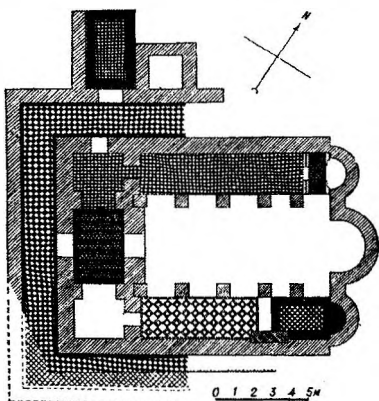

Рис. 117. Мозаика пола Парфенитской базилики
(по И.А. Баранову)

НАНУ. – К., 1994. – С. 29 (автор связывает с тюрками пять «салтовских церквей»: в Героевском, Пташкино, в Поворотном, на Тепсене и Кордон-Обе); Майко В.В., Фарбей О.М. Християнізація тюрко-болгар Криму в світі археологічних джерел // Археологія. – 1995. – №4. – С. 74; Айбабин А.И. Крым под властью хазарского каганата. – С. 7.

¹²¹ Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 139. Впрочем, называть их «базиликами» с постропильными крышами и циркульными апсидами» некорректно, ибо базиликальная форма не предполагает однефность (ср.: Баранов И.А. Таврика в составе... – С. 29).

¹²² Романчук А.И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. – Свердловск, 1976. – Вып. 13. – С. 9-23, рис. 4; Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 133-139, рис. 52, 53.

¹²³ См. Айбабин А.И. Этническая история... – С. 205.

¹²⁴ Сорочан С.Б. Ранняя Візантія: світло для живих і мертвих // Схід – Захід: Історико-культурологічний збірник. – Харків, 1999. – Вып. 2. – С. 65-67.

¹²⁵ Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К., 2002. – С. 63.

украшенную узорчатой вымосткой пола, неоднократно ремонтируемую и основательно перестраиваемую трехнефную сводчатую базилику, которая с трех сторон была окружена портиками (рис. 117), монастырь св. Апостолов Петра и Павла, располагал византийской духовной и, очевидно, светской администрацией, на что указывают текст Жития Иоанна Готского и находка моливдула епископа Готфии второй половины VIII – первой половины IX вв., судя по сфрагистическому типу¹²⁶. Результаты раскопок свидетельствуют, что ремонтные работы и перестройки в здешних жилых усадьбах VIII–IX вв. велись в технике кладки *opus spicatum*, но вперемежку с другими строительными приемами¹²⁷. Если это делали болгары, их невозможно вычленивать из общей массы обитателей богатейшего приморского поселения – торжища, вероятно, игравшего роль локального, регионального панигира – ярмарки для окрестных южнобережных сел¹²⁸.

Примечательно, что порт и портовый посад соседней с Парфенидами Сугдеи, по мнению М. А. Фронджуло, ведшего здесь полевые исследования, был укреплен уже в VI–VII вв., причем строители использовали кордонную кладку стен на извести, принятую у римлян, в сочетании с классической *opus spicatum* на растворе с примесью цемьяки (рис. 118)¹²⁹. Самая ранняя, портовая часть города площадью около 4,5 га располагалась на террасах шириной около 18 м и высотой от 0,5 до 3,0 м между южными склонами гор Джаневез-Кая и Полвани-Оба. С севера, со стороны суши и подступов к Крепост-

¹²⁶ См.: Колонтович Н. О раскопках Д. И. Струкова в Парфениде // Таврические епархиальные ведомости. – 1871. – № 23. – С. 88–147; Репников Н. И. Парфенинская базилика // ИАК. – 1909. – Вып. 32. – С. 91–140; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – № 63. – С. 197; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 24, № 53; Паршина Е. А. Торжище в Парфенидах // Византизм Таврика. – К., 1991. – С. 64–100; Адаксина С. Б., Кирилло В. П., Мыц В. Л. Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Парфениде на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. – СПб., 1999. – С. 21–24; Адаксина С. Б., Кирилло В. П., Мыц В. Л. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. – СПб., 2001. – С. 19–26; Адаксина С. Б. Аю-Даг – Крымский Афон // Византизм в контексте мировой истории. – СПб., 2004. – С. 6–7; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 398, 420–422, гл. 6; Отчет о раскопках за 1894 г. (юго-западный и юго-восточный угол городища) // Архив НЗХТ. – Д. № 4. – Л. 9; Пятыхева Н. В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. – С. 32–34; Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 209, № 33; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // Византизм и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 196).

¹²⁷ Паршина С. А. Торжище в Парфенидах. – С. 69–70.

¹²⁸ Сорочан С. Б. Византизм IV–IX веков... – С. 324–325.

¹²⁹ Подр. см.: Фронджуло М. А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 139–142, 150, рис. 1–4.

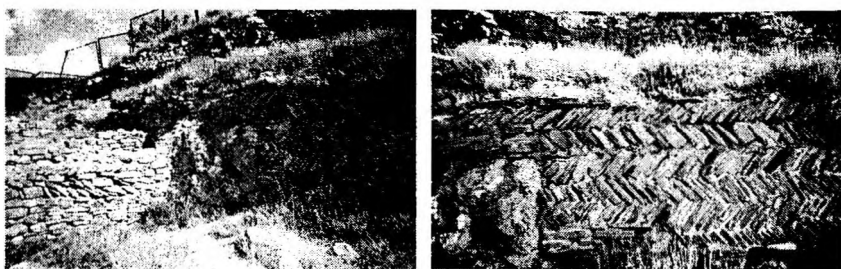

Рис. 118. Кладка *opus spicatum* в портовом районе Сугдеи.
Раскопки М.А. Фронджуло

ной горе она была защищена сплошной линией оборонительных стен, которые, судя по участку внутреннего панциря куртины XV, могли быть выложены в технике кордонной кладки (логом и тычком), хорошо знакомой позднеримским строителям, а единственный пологий подход с юга к важной в стратегическом отношении горе Крепостной был укреплен мощной башней.

Здесь, со стороны берега моря, находившегося в 50 м, на высоте 12 м от нынешнего уреза воды, оборону несла почти квадратная, отдельно построенная башня бургового типа (15,60 x 14,99 м или 50 x 48 византийских футов), которая имела арковидные ворота в сторону берега и несколько этажей, судя по толщине стен (от 1 до 2,17 м), а также наличию выступов – оснований для каменных лестниц. Она была снабжена водоотводной траншеей с дном из глины, обмазанной известковым раствором, вымощена двумя слоями плит песчаника на извести и таким же хорошим известковым раствором были скреплены ее стены, выложенные в технике кордонной кладки с сочетанием блоков, поставленных на ребро и поперек стены. Но самое примечательное, что у этого типичного позднеримского – ранневизантийского оборонительного сооружения, над которым работали явно не турки или хазары, кладка внутреннего панциря самой широкой, не менее 2 м, северной стены и внутренний панцирь восточной, полутораметровой стены выполнены из серого плиточного песчаника в классической технике *opus spicatum* (рис. 119). На восточной стене сохранились ее четыре ряда, а на северной – семь, причем над ними расположен ряд плиток толщиной от 0,05 до 0,15 м, уложенных плашмя на цемянковом растворе меньшей толщины, как в соответствующих кладках *opus mixtum* VI в.¹³⁰ К IX в. ранневизантийский бург был разрушен и его руины в восточной части перекрыли жилой

¹³⁰ Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 59–70, рис. 4–8; Вус О. Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукові зошити історичного факультету. – 2003. – Вип. 5–6. – С. 38. Об аналогичных башнях на позднеримских границах см.: Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. – М., 2001. – С. 301.

Рис. 119. Приморский бург в Сугдее VI–VII вв. Наружная облицовка северной стены и кладка *opus spicatum* внутри (по М.А. Фронджуло)

дом с одним помещением, у которого стены тоже были сложены «в елку», и хозяйственная кладовая. В X в. этот дом разделили на два помещения, а в западной части приморского укрепления выстроили еще один двухкамерный дом – усадьбу¹³¹.

Тот же прием *opus spicatum* был использован при возведении жилой постройки, датируемой рубежом VII – первой половиной VIII, однако даже сторонник ее праболгарского «авторства» вынужден был заметить, что это был городской тип жилого сооружения и что его оставило население, изначально находившееся в тесных контактах с Византийской империей¹³². Очевидно, эти неверно

интерпретированные материалы послужили Е.В. Степановой для заявления, что «...на территории порта, непосредственно на полах византийских разрушенных построек, были возведены хазарские жилища»¹³³. На самом деле ничего сугубо хазарского в них нет, как нет и признаков некой «гнездовой» планировки, типичной для хазарских городов¹³⁴.

В портовом районе Сугдеи обнаружены остатки еще одного, прямоугольного в плане дома, который существовал приблизительно во второй половине VIII–X вв. Восточная его стена была тоже сложена в технике кладки *opus spicatum*. Но в составе домашней утвари присутствовали сероглиняные гончарные горшки, какие делали в слободе Сугдеи, широко распространенные ойнохои «баклинского» типа, белоглиняная поливная столовая посуда, амфоры (одна из них с граффито в виде трезубца), высокогорлые кувшины, пряслица, тигилек для выплавки цветных металлов, ножи, астрагалы, то есть обычный набор зажиточного хозяина, можно добавить, живущего в грекоговорящем

¹³¹ Фронджуло М.А. Раскопки в Судаке. – С. 141.

¹³² Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 151; Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – Т. 2. – С. 149–158; Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В. Раскопки в средневековой Сугдее // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 39, рис. 28; Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // БСП. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – С. 84; Майко В.В. К вопросу о неоднородности... – С. 289.

¹³³ Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 100–101.

¹³⁴ Ср.: Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей... – С. 90.

городе вполне ромейского облика и, судя по многочисленным мольдвулам, связанного с ромейской администрацией, официальными лицами Константинополя, южночерноморских провинций, Херсона и, вероятно, самой Сугдеи (если к таковым отнести личные печати с ромейскими именами, но без указания санов и должностей)¹³⁵. На фоне перечисленного не просто удивляют, — ошеломляют выводы о том, что дом был связан с... салтово-маяцкой культурой, а весь район был «плотно освоен хазарами»¹³⁶.

Собственно, те же данные приводятся для «праболгарского» жилья (одно-двухкамерных домов, иногда с мощеными плитами двлриками), существовавшего в городе во второй половине X — начале XI вв., случалось, возведенного на стенах предыдущих построек и тоже сложенного техникой кладки «в елку», но уже в качестве доказательства смены культуры с салтово-маяцкой на тюркскую и присутствие тюрков как основного населения¹³⁷. И это невзирая на то, что историческая топография Сугдеи практически не изменилась, а домам, расположенным на террасах, улицами, сопутствовал характерный провинциально-византийский облик подавляющей массы керамики — тары, посуды, прочий инвентарь, бытовые предметы из железа, кости, цветных металлов, среди которых считаны находки, которые можно, да и то с натяжкой, связать с некрещенными сугдейцами (пара лепных горшков обычной баночной формы, похожие на позднепеньковскую керамику Поднепровья, такой же светильник — плошка открытого типа, вполне бытовой по характеру зольник — небольшое скопление напластований отработанных угля, золы, пещины, обломков гончарной византийской керамики, амфор с зональным рифлением, столовой, кухонной посуды с внешней стороны куртины XV, фрагменты двух терракотовых моделей храма, якобы принадлежавшие огнепоклонникам, свастика на замковом камне, звезда Давида, процарапанная на сланцевой плитке рядом с двумя перечерченными линиями).

¹³⁵ Ср.: Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. — Симферополь, 1997. — Т. 1. №1. — С. 83–86; Степанова Е. В. Судакский архив печатей... — С. 97–108; Булгакова В. И. Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002. — С. 37; Степанова Е. В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002. — С. 231–233; Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике... — С. 516–520; Сорочан С. Б. Сугдея в «темные века» // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 333–347; Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 384–388.

¹³⁶ См.: Баранов И. А., Майко В. В. Раскопки в портовом районе Судакской крепости // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997. — С. 43–47; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... — С. 90.

¹³⁷ См.: Майко В. В. Сугдея во второй половине X — начале XI вв. // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 201–244.

Необоснованным выглядит также заявление о захвате Сугдеи болгарями в 30-е гг. VIII в. и сохранении города как праболгарского до 40-х гг. X в., хотя в горизонте Сугдеи этого времени явно преобладают типичные провинциально-византийские массовые материалы, а около берега моря, в порту – византийские свинцовые моливдулы как VI–VII, так и VIII–IX вв.¹³⁸ Хазарский отряд, если он здесь был во главе с «правителем по имени Георгий, по фамилии Тархан», учитывая сложное положение, в котором оказались хазары в результате поражений от арабов в 728–733 гг. и 737 г., мог появиться в городе не ранее 40-х гг. VIII в., когда спала угроза со стороны халифата¹³⁹. Влияние при этом византийской имперской администрации, проследимое по печатям, объяснимо только признанием кондоминатного статуса Таврики и самой Сугдеи, а никак не ее ролью «столицы Крымской Хазарии». Как уже было сказано, на эту роль столь же безосновательно тянуть Боспор.

Деятельность праболгар пытаются видеть в еще одном, необычно крупном сугдейском доме – пятистенке (11,95 x 7,10 м), стены которого сложены «... в типичной для крымских салтовцев технике кладки «в елку»¹⁴⁰. Как правило, такие дома, распространенные на южнобережных провинциально-византийских поселениях, имеют меньшие размеры: 5,5 x 10 м, 5,5 x 13 м и 5,8 x 10,5 м. Принято считать, что в первой половине IX в. они вытеснили однокамерные постройки¹⁴¹. Нижний горизонт большого дома, фундамент которого, очевидно, сложен на известковом растворе, датируется концом VII–VIII в. на основе находки типовой бронзовой византийской пряжки с щитком в виде креста. Вместе с тем, керамический комплекс раскопанного помещения относится к середине X – началу XI вв. и содержит значительное количество археологически целых форм не только

¹³⁸ Ср.: Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. – С. 83 сл.

¹³⁹ Если следовать армянской версии Жития Стефана Сурожского, его герой не вернулся в Сугдею ранее 749 г. после продолжительного, примерно с 740 г. пребывания в Константинополе, и значит, только тогда, во второй срок его епископства, мог встретиться в городе с упоминаемым агиографами Георгием Тарханом, которого здесь не было прежде (Le synaxarie armenien de Ter Israel // *Patrologiae Orientalis*. – Paris, 1930–Vol. 21. – P. 367–372; Иванов С. А. Житие Стефана Сурожского и хазары // *Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы*. – М., 2002. – С. 42–43). Поэтому не исключено, что слова, с которыми Стефан обратился по прибытии к своей заброшенной пастве («Смотрите братья, сколько событий случилось у вас и у нас в эти трудные времена, но Бог в своем всемогуществе посрамил Его противников и укрепил вас в любви и стремлении к Нему»), как раз свидетельствуют о стабилизации обстановки после появления хазарского военного присутствия в городе и установлении в дополнении к византийским властям контроля еще и со стороны каганата, как того требовали условия режима кондоминиума.

¹⁴⁰ Баранов И. А., Майко В. В., Джанов А. В. Раскопки средневековой Сугдеи. – С. 41.

¹⁴¹ Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

лошеной керамики, но главным образом тонкостенной, различные амфоры (в том числе импортную, возможно, константинопольскую, с грушевидным туловом) коллекцию византийской поливной белоглиняной посуды, высокогорлые кувшины, кухонную сероглиняную посуду, настолько универсальную, что ее с большой натяжкой можно считать непременно салтово-маяцкой¹⁴².

Вообще, число таких комплексов невелико и к настоящему времени сводится лишь к семи хозяйственным и жилым постройкам, в большинстве своем сооруженных в портовой части города на пустующих территориях (вскрытая площадь составляет здесь около 650 м², то есть не более 5 % от общей площади городища)¹⁴³. Таким образом, говорить о тотальном разрушении византийских строений и повсеместном расселении салтовцев не приходится даже для приморской части Сугдеи VII–IX вв.¹⁴⁴. Нельзя этого сказать и об округе города, его посаде, где встречаются фрагменты стен, в том числе с кладкой «в елку», но в сочетании с подами печей и хозяйственными ямами с обломками амфор причерноморского типа, красной глиняной столовой посуды византийского облика, на фоне которой к салтовской можно отнести лишь немногочисленные сероглиняные кухонные рифленые горшки VIII–IX вв.¹⁴⁵.

В той же технике *opus spicatum* были сложены стены металлургической мастерской с горном, сооруженной в первой половине X в. у западного откоса ворот города, на участке куртины XV¹⁴⁶. Она сохранилась плохо, но нет оснований относить ее к салтовским памятникам. Горизонтальные ряды кладки, перемежающиеся с рядами диагональной кладки *opus spicatum*, сложенной на глине, то и дело встречаются позже, в жилых постройках Сугдеи XI–XIII вв.¹⁴⁷. Например, их можно обнаружить в том же портовом районе, когда город являлся крупнейшим военно-административным центром Юго-Восточной Таврики в составе Империи ромеев, обладал мощными крепостными и портовыми сооружениями, имел над собой власть стратига (около 60 % обнаруженных здесь византийских печатей, в том числе и протоспафария Георгия, стратига Сугдеи, относятся

¹⁴² Баранов И. А., Майко В. В., Джанов А. В. Указ. соч. – С. 40, рис. 28.3.

¹⁴³ См.: Баранов И., Майко В. Прабогарские горизонты Судакского городища... – С. 83–90.

¹⁴⁴ Ср.: Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт сведневековой Сугдеи. – С. 149.

¹⁴⁵ Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке. – С. 145.

¹⁴⁶ Баранов И. А., Майко В. В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // БСП. – В. Търново, 1996. – Т. 5. – С. 85, рис. 1; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 159.

¹⁴⁷ Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке. – С. 143.

¹⁴⁸ Степанова Е. В. Судакский архив печатей... – С. 104–105. Если в Сугдее и поселилась группа печенегов, она расселилась в крепости как отряд федератов (см.: Джанов А. В., Майко В. В. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике XI–XII вв. // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 160 сл.).

Рис. 120. Внутренняя стена пристройки к католическому храму св. Девы Марии. Судакская крепость, XIV в.

к X–XI вв.)¹⁴⁸. Наконец, в этой же технике выполнена стена восточной пристройки к католическому костелу Девы Марии, сооруженному уже при генуэзцах около центральной городской площади Солдайи (рис. 120). Разумеется, они не имеют никакого отношения к салтово-маяцкой застройке и хазарам.

У с. Морское была обнаружена железоделательная мастерская с круглым в плане и полусферическим сверху горном со стенками из обожженной глины, диаметром 0,9 м и высотой 0,5 м, на основании из крупных камней песчаника, которая действовала приблизительно на рубеже VII–VIII вв.¹⁴⁹. Со временем она была обнесена каменными стенами, частично сложенными из крупной гальки в технике *opus spicatum*. Но примечательно, что инвентарь мастерской, даже если допустить ее принадлежность выходцу из числа булгар, не включал чего-либо инородного, принципиально отличного от того, что могло оказаться у любого провинциально-византийского мастера – свинцовый тигель для литья, пряслица из амфорных стенок, ножи, фрагменты конской упряжи, астрагалы, сланцевое прясло, грузила и терочники из гальки, обломок сабли, а также, что особенно важно, железное навершие в виде кованого креста с горизонтальным крючком для крепления к деревянному посоху и фрагменты стеклянных рюмкообразных сосудов, которые использовали во время причастия или в качестве лампад – ладики и которые, как уже сказано, могут служить своеобразным индикатором византийской культуры. Субъективность выводов исследователя на счет этого эргастерия проверяется объективностью подачи им материала, который заставляет признать, что «набор изделий... типичен для раннесредневековых памятников полуострова и не является ни датирующим материалом, ни источником для этнической атрибуции»¹⁵⁰.

Изредка кладка «в елку» использовалась в конструкции типично христианских средневековых погребальных сооружений, к числу которых относятся четыре склепа на участке куртины XIV Судакской крепости, два склепа на могильнике Судак – II в западной части посада Сугдеи и вырубленная в сланце могила 59 могильника Кордон-Оба (с западной стороны горного массива Кара-Дар), где явно

¹⁴⁹ Майко В.В. Комплексът прабългарски паметници от VII–X вв. край с. Морское в юго-източен Крим // БСП. – В. Тырново, 1996. – Т. 5. – С. 127–148; Майко В.В. Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. – С. 130; Майко В.В. К вопросу о неоднородности... – С. 289, 294.

¹⁵⁰ Майко В.В. К вопросу о неоднородности... – С. 294.

были похоронены христиане, на что указывают трупоположения без какого-либо инвентаря, в гробах, на спине, с вытянутыми ногами и кистями рук, сложенными на тазе¹⁵¹.

В сугдейских кладбищенских сооружениях элементы кладки *opus spicatum* были использованы при сооружении из бута и плоских плит песчаника либо стенок дромоса, иногда со ступенями, либо боковых стен самих погребальных камер. Но в остальном это не катакомбы, а типичные провинциально-византийские склепы, в одном случае, относящемуся к XI–XII вв., с двумя боковыми нишами – локулами, и хотя они сложены на глине из бута и песчаника, коробовый свод их укреплен за счет кладки из обработанных блоков на известковом растворе. После совершения первых одиночных захоронений, в том числе в гробу, сюда стали помещать тела других умерших, так что склепы в скором времени превратились в многоярусные погребения (в них насчитывается соответственно свыше 20 и свыше 80 черепов). Судя по немногочисленному, как и полагалось у христиан, погребальному инвентарю вполне провинциально-византийского облика (бронзовые перстни со вставками из синего стекла, обычные гладкие височные кольца, серьги с подвеской в виде шарика, подвески пуговичной формы, стеклянные витые или гладкие, с росписью браслеты, разнообразные бусы, крупная перламутровая пуговица, железная круглая пряжка, фрагмент ножа, две золотые пуговицы, серебряная серьга, нательные бронзовый и железный кресты), склепы на участке куртины XIV функционировали в VIII–IX вв., длительное время, более 150 лет¹⁵². Особенно примечателен склеп №3, в потолке которого имелся железный крюк для подвешивания лампадофора или свечника, а на восточной стене краской по штукатурке был аккуратно прорисован процветший крест с христограммой и той же краской, но более небрежно выполнена греческая надпись «Аминь. Упокой, Господи, имярека» (рис. 121)¹⁵³. К наиболее раннему погребению относился костяк мужчины 30–40 лет, ориентированный, как положено у христиан, головой на запад, с железным нательным крестом. На черепе его имелось прижизненное повреждение, нанесенное чем-то острым. Однако всего этого недостаточно, чтобы считать эти усыпальницы принадлежащими «тюркской родовой знати» и тем более мес-

¹⁵¹ Фронджуло М. А. Раскопки в Судакe. – С. 147, 149; Баранов И. А. Тарика в эпоху... – С. 154–156; Майко В. В. Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 149–150, рис. 1–2; Майко В. В. Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII – первой половины X вв. – С. 39–40, 41; Майко В. В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Проблемы религии стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. науч. тр. – Севастополь; Краков, 2001. – С. 167:.

¹⁵² Майко В. В. Некоторые аспекты... – С. 149–150.

¹⁵³ Виноградов А. Ю., Джанов А. В. Греческие надписи Сугдеи. – С. 414–416, №8.

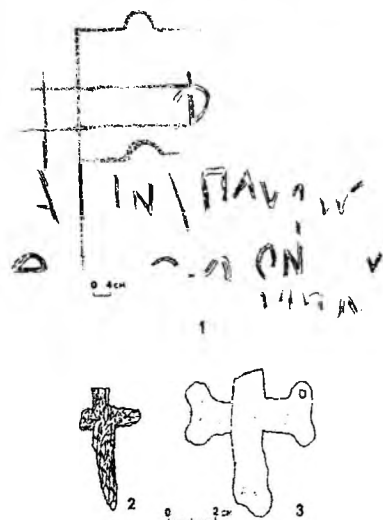

Рис. 121. Элементы христианского погребального обряда в склепах на участке куртин XIV–XV в Сугдее. 1 – граффити по сырой штукатурке в склепе №4; 2 – нательный железный кованный крест из склепа №4; 3 – железный крест из склепа №1 (по В.В. Майко)

том захоронения легендарного Георгия Тархана, который, если верить агиографии, был в городе в 40-е гг. VIII в., во времена предстоятельства Стефана Сурожского¹⁵⁴. Храм над этим склепом – криптой вместе с соседним склепом в пределах пристройки к храму явно носил поминальный характер и являлся типичным ромейским мартирием (рис. 122). Использование элементов кладки *opus spicatum* при его сооружении нисколько не противоречит такому заключению.

Рюмкообразный знак, видимо, сарматский или тюркский «двузубец», зафиксирован на каменной обкладке плитовой могилы №46 некрополя Судак-II и детского погребения №8 некрополя Судак-VI, причем в последнем случае ему сопутствовало изображение креста¹⁵⁵. Следовательно, для похороненных таким образом этническое происхождение, антропологические признаки были второстепенными, а ромейское влияние, проявлявшееся в массовой христианизации, стало первичным, основополагающим.

К тому же невозможно понять, на чем зиждиться заявление о том, что в отличие от городского кладбища Судак-VI на некрополе Судак-II «... фиксируются уже исключительно христианские праболгарские могилы и склепы»¹⁵⁶. Даже обычные грунтовые могилы ошибочно видятся «салтовскими» или «праболгарскими» только потому, что они грунтовые, хотя в этих могилах лежали погребенные с нательными крестами, как это видно на примере могильника Кордон-Оба (см.: рис. 116)¹⁵⁷.

Примечательно, что там же, на Кордон-Оба, обнаружены остатки христианского храма, сложенного после перестройки, как и дома, опущенные в неглубокие котлованы, с использованием приема *opus spicatum* (рис. 123). Сначала церковь была упрощенной, однефной, без нартекса и притвора, а позднее к ее торцовой стене с дверным проемом был пристроен притвор, важный для соблюдения правил богослужения¹⁵⁸. Некрополь и поселение Кордон-Оба в свою очередь соседствуют с городищем на холме Тепсень – значительным церковным центром. В.В. Майко признает, что это были «сильно византизированные» города и поселения полуострова, но в то же время объявляет их исключительно праболгарскими или салтово-маяцкими¹⁵⁹.

При этом любое грунтовое погребение на окрестных кладбищах IX – первой половины X вв. исследователь автоматически причисляет к праболгарским, а плитовое – к христианским, хотя и те, и другие были синхронны, лежали попеременно, в них наблюдается «практически полное отсутствие погребального инвентаря» и принятая у христиан ориентация на юго-запад¹⁶⁰.

¹⁵⁴ Ср.: Баранов И. А. Таврика в составе... – С. 28. В. В. Майко менее категоричен, но тоже безосновательно полагает, что под поминальным храмом в крипте – костнице находилось «погребение знатного тюрка, принявшего христианство» (Майко В. В. Некоторые аспекты... – С. 150). Еще более ошеломляюще звучит заявление о «... совмещении христианских и иудейских черт в погребении тюрка праболгарина», якобы совершенном в склепе второй половины IX–X вв. на северо-восточном участке посада Сугдеи (возле гостиницы «Горизонт»), поскольку речь идет об очередном обычном каменном склепе византийского типа, прямоугольной формы (3,2 x 2,1 м), сложенном из блоков ракушечника на извести. Единственными «салтовскими» находками здесь явились «бронзовая печатка» и несколько «пуговиц-подвесок», которые невозможно считать этническим маркером даже салтовца, не то что некоего «конфессионального кентавра», полухристианина – полуиудея тюркского происхождения. Судя по обломкам черепов и многочисленным разрозненным костякам, склеп, расположенный в трехстах метрах от стен Сугдеи, тоже использовался для многоярусных погребений, и вывод этот не может быть поколеблен наличием по центру склепа некоего первоначального костяка, ориентированного на восток-запад и положенного на песчаную подсыпку (см.: Майко В. В. Указ. соч. – С. 150–151, рис. 3). К слову, эти одиночные центральные погребения, лежавшие в относительном анатомическом порядке, могли быть не первыми, самыми ранними, как полагает исследователь, а напротив, самыми последними, для чего предыдущие костяки сдвигали в сторону, освобождая место. Так было принято делать не в костницах, куда переносили из других церквей части костяков, а в обычных многоярусных усыпальницах – кимитириях, к числу которых, несомненно, относятся и сугдейские (ср.: Сазанов А. В. Погребения в христианских храмах Херсонеса XI–XIV вв. // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 43–45).

¹⁵⁵ Майко В. В., Фарбей О. М. Христианизация тюрко-болгар Криму... – С. 79, рис. 2, 4; Майко В. В. Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии... – С. 41, рис. 2, 3. С. А. Плетнева путает изображение креста с семисвечником и предполагает принадлежность могилы «хазарину-иудею», каких, как и иудеев-евреев, «было в ту эпоху много в торговых морских городах Крыма» (Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 90).

¹⁵⁶ Майко В. В. К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища. – С. 64.

¹⁵⁷ Майко В. В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 78; ср.: Баранов И. А. Таврика в эпоху... – С. 128, рис. 48, 9, 13;.

¹⁵⁸ Баранов И. А. Указ. соч. – С. 135; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 92.

¹⁵⁹ Майко В. В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба // Проблемы религии... – С. 164–169; Майко В. В. К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища. – С. 63.

¹⁶⁰ Майко В. В. К вопросу о локализации некрополей... – С. 60–63, рис. 1–2.

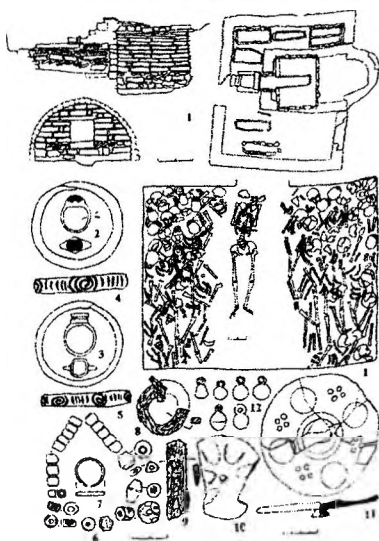

Рис. 122. План и погребальный инвентарь склепа VIII–IX вв. под поминальным мартирием на территории могильника Судак-II

а значит, ромейских культурно-исторических реалий¹⁶¹. Погребения с лепной округлобокой и подправленной на гончарном круге керамикой, а также трупосоожжения, встречающиеся в Подонье, на территории Таврики не известны¹⁶².

Еще раз следует подчеркнуть, что практически все здешние захоронения, даже если считать их принадлежащими тюрко-болгарам, были совершены по христианскому обряду и нередко (до 8–10 %) имели плиты с изображением креста в изголовье, возле ног или в перекрытии над головой погребенного¹⁶³. Никакого «ритуального разрушения» покойников в них не наблюдается: в двойных, тройных, многярусных захоронениях, привычных для ромейских кимитириев, сдвиг более ранних костяков в могиле был вполне естествен, а костей ног, таза в качестве обряда обезвреживания им никто

Между тем, исследование погребальных обрядов многочисленных плитовых могил Восточного Крыма второй половины VIII – первой половины X вв. (у Тиритаки, Эльтигена, с. Михаловка, Новониколаевка, на территории Нимфея, у с. Осовины, у пос. Героевское, Белинское, Пташикино) показывает, что они имеют особенности: каменные обкладки, арковидные ниши-аркосоллии, «порталы» в изголовье, отсутствие в могилах туш и частей животных, птицы, салтовской посуды (при наличии единичных «модных» украшений салтовского облика – перстней, рифленых бубенчиков, серег с дисками-проницами, с подвесками), что не говорит о каком-то этническом своеобразии или религиозном синкретизме некой «Крымской Хазарии», но о мощном влиянии на погребальный обряд местных, прежде всего христианских,

¹⁶¹ Пономарев Л. Ю. О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII–IX вв. – С. 116–118; Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 145–158; Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. – С. 445–456; ср.: Майко В. В. Археологические аспекты религиозного синкретизма... – С. 40.

¹⁶² Майко В. В. К вопросу о неоднородности... – С. 291.

¹⁶³ Корпусова В. М. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма. – С. 132–134.

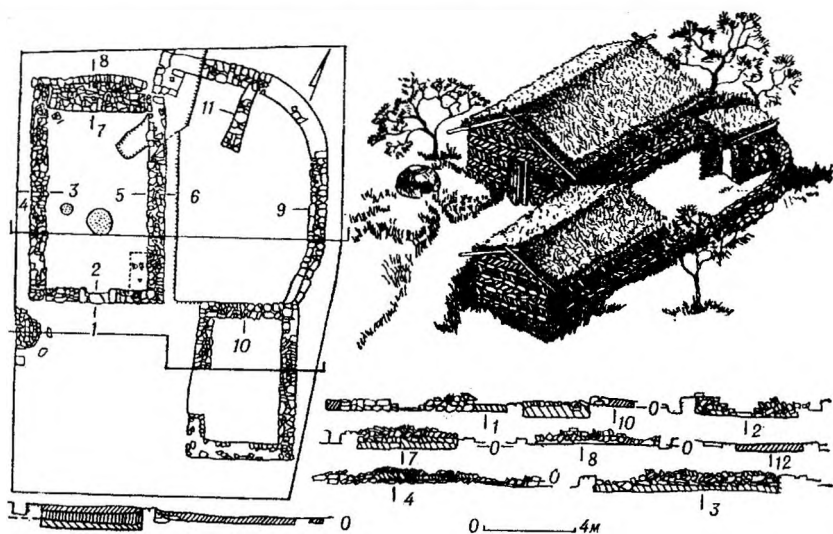

Рис. 123. План и реконструкция усадьбы поселения второй половины VIII–X вв. на холме Кордон-Оба (по И.А. Баранову)

не ломал¹⁶⁴. Наличие редкого рюккообразного изображения, скорее всего, стилизованной сармато-аланской или тюркской тамги на плитах некоторых могил IX в. могло указывать на этно-родовой признак умершего, как это видно на приведенном выше примере погребения № 8 могильника Судак-VI, но и тамга подчеркнута осеялась соседством врезного креста¹⁶⁵.

Очевидно, болгары предпочитали селиться на пустующих землях. Поэтому иная картина наблюдается в некоторых районах Центрального и Северо-Западного Крыма. Пока только во впускных подбойных могилах в кургане около городища Кара-Тоба и в Сары-Булате, кургане близ с. Портовое, а также в погребении VII–VIII вв. на окраине с. Кропоткино Раздольненского района удалось зафиксировать кости лошади, овцы, остатки тризны, то есть отчетливо выраженные признаки единичных языческих погребений воинов-кочевников. Отдельные предметы и керамический материал салтово-маяцкого круга встречаются на Сакской пересыпи, городище Кара-Тоба, Чайка, у поселка Мирный, на Южно-Донузлавском, Западно-Донузлавском

¹⁶⁴ Ср.: Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей... – С. 93; Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. – Симферополь. 1995. – Вып. 27. – С. 82–83; Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник... – С. 458–460.

¹⁶⁵ Баранов В.И. К вопросу о тамгообразных знаках салтово-маяцкой культуры (по материалам могильника Судак-VI) // Сугдея, Сурож. Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 25–28, рис. 1.

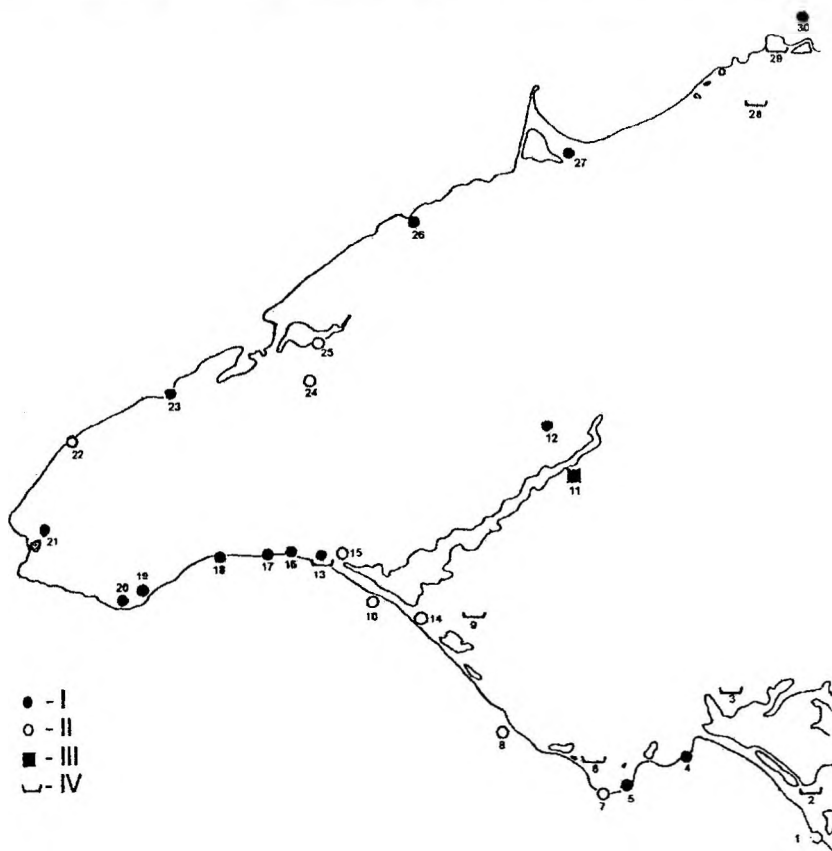

Рис. 124. Археологическая карта Северо-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. I – поселения; II – местонахождения; III – городища; IV – могильники. 1 – Сакская пересыпь, 2 – Кара-Тоба, 3 – Мамай, 4 – Керкинитида; 5 – Чайка, 6 – Заозерное, 7 – Евпаторийский маяк, 8 – Аирчи, 9 – Мирный, 10 – Донузлав, 11 – Аблемитское г-ще, 12 – Хмелево, 13 – Беляус, 14 – Южно-Донузлавское г-ще, 15 – Западно-Донузлавское г-ще, 16 – Кульчук, 17 – Лазурное, 18 – Тарпанчи, 19 – Морское, 20 – Ойрат, 21 – Оленевка, 22 – Большой Камень, 23 – Калос-Лимен, 24 – Кузнецкое, 25 – Зайцево, 26 – Владимировка, 27 – Sterегущее, 28 – Кропоткино, 29 – Сары-Булат, 30 – Лебяжьи о-ва (по С.В. Кутайсову)

и Аблемитском городищах, у с. Хмелево, на Беляусе, городище Кульчук, у сел Оленевка, Кузнецкое, Владимировка, Sterегущее, Кропоткино и на Лебяжьих Островах, но тут же или неподалеку, на соседних поселениях, могильниках были сделаны находки предметов материальной культуры провинциально-византийского круга (амфоры, посуда, пряжки, известняковое надгробие с греческим крестом), мо-

гилы с типичной для христиан ориентировкой погребенных на запад (Заозерное, Сакский район), херсонские и византийские монеты VIII–X вв., а также обнаружены следы навигационной системы (сооруженный из камня маяк около с. Окуновка – Тарпанчи) (рис. 124)¹⁶⁶. Здесь, в районе Сакского и Саасык-Сивашского озер, видимо, велась добыча соли, которую вывозили в соседний Херсон. Остатки построек VIII – первой половины X вв. со стенами, сложенными в технике *opus spicatum*, хорошо сохранились на бывшем античном и скифском городище Калос-Лимен (двух-трехкамерные вытянутые в плане постройки с дерновыми крышами и полуподвальное помещение), а также в центре городища «Чайка», расположенного в 7 км к западу от Евпатории¹⁶⁷. Последнее особенно примечательно, поскольку эта кладка часто фигурировала здесь уже в стенах скифских жилых и хозяйственных построек I в. до н.э. – I в. н.э. (Северный квартал и Запад-II)¹⁶⁸.

Булгарские же стойбища-аилы VIII в., такие как полностью исследованное в урочище Тау-Кипчак в верховьях р. Зуя, в районе Симферополя, заметно отличались от византинизированных поселений (рис. 125). Тау-Кипчак возникло в процессе оседания пришлого праболгарского либо пеньковского населения Южного Поднепровья, и состояло из группы раставленных прямоугольных полуземлянок столбовой конструкции или со стенами из мелкого бута «в елку» (рис. 126)¹⁶⁹. Крыши их были из обмазан-

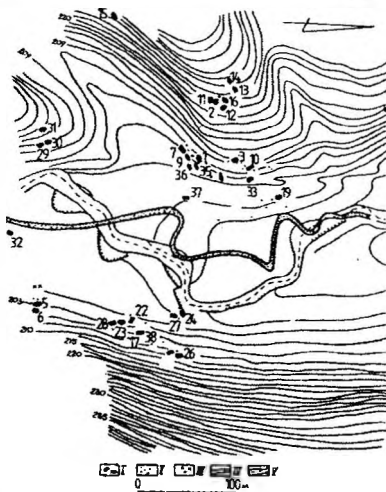

Рис. 125. План поселения в урочище Тау-Кипчак: 1–37 – номера наземных жилищ, полуземлянок и хозяйственных ям; I – наземные жилища и полуземлянки, II – хозяйственные ямы; III – грунтовые могилы; IV – русло р. Зуя в VIII–IX вв.; V – современное русло р. Зуя (по И.А. Баранову)

¹⁶⁶ См.: Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 157–158; Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // Х. сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 274–286.

¹⁶⁷ Яценко И.В. Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория Чайка в Евпатории // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 368; Кутайсов С.В. Указ. соч. – С. 156.

¹⁶⁸ Попова Е.А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. // Историческая археология. – М., 1998. – С. 187.

¹⁶⁹ Баранов И.А. Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму // АО 1970 г. – М., 1971. – С. 283–284; Баранов И.А. Розкопки салтово-маяцкого поселения на

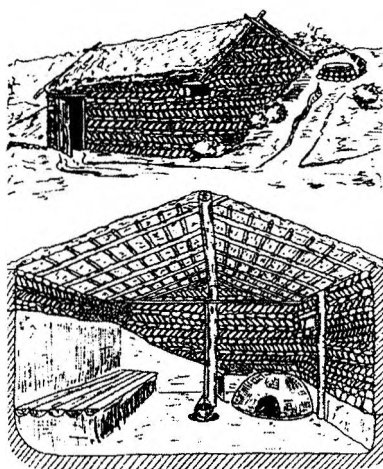

Рис. 126. Полуземлянка со стенами, сложенными в технике *opus spicatum* на поселении Тау-Кипчак (реконструкция И.А. Баранова)

ных глиной, камыша или соломы на деревянных лагах, а отопительным устройством служили как каменные или глинобитные печи вполне ромейского облика, так и открытые очаги. Среди материалов Тау-Кипчака присутствуют как амфоры, так и керамика салтово-маяцкого типа второй половины VIII–IX вв. Им предшествуют немногочисленные находки амфор последней четверти VII – первой половины VIII в. из хозяйственных ям у некоторых землянок и, значит, можно говорить о существовании поселения уже с этого времени¹⁷⁰. Похожие, но бесстолбовые землянки, причем не с глинобитной печью в углу, а только со слегка углубленным очагом посередине помещения обнаружены в Евпатории¹⁷¹. Но датировать их исключительно рube-

р. Зуї в Криму // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 248–250; Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска – Преслав. – София, 1981. – Т. 2. – С. 59–64, рис. 2, 3; Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 133; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 190–194, рис. 80; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 305–306; Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей... – С. 31.

¹⁷⁰ Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаrod. науч. конф. – К., Судак, 2004. – С. 23–25, рис. 1.

¹⁷¹ Аналогии им встречаются в Восточном Крыму, например, у приморского с. Героевского (Эльтиген), у с. Пташкино и на склоне холма Кордон-Оба (см.: Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. – С. 80 сл.; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. – С. 134–135; Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 41, 47). Примечательно, что почти одновременно с землянками, но, видимо, ближе к IX в. на этих поселениях стали сооружать уже дома-усадыбы иного облика – с огороженным двором, отдельно стоящими хозяйственными постройками, каменными печами, эпизодически применяя кладку *opus spicatum*, причем стены построек были сложены как с использованием саманных кирпичей на каменном основании, так и по ромейской традиции, целиком из камня (Гадло А.В. Этнокультурная характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 74; Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 50–51). Относить их исключительно к продукции булгарского этноса нет оснований. Отдельные и немногочисленные вещи салтовского круга, скорее, дань моде и следствие культурных контактов разных, хотя и «параллельных» миров, проходивших сплав в рамках византийско-хазарского condominiuma.

жом VII–VIII вв. и связывать с «первой волной» хазарского проникновения на полуостров следует с большой осторожностью¹⁷².

В Юго-Западном Крыму таких «эталонных» сооружений вообще нет. Брахицефальность погребенных в плитовых могильниках тоже не увязывается с болгарской принадлежностью брахицефалов, выбранной антропологами в качестве признака салтово-маяцкой культуры¹⁷³. Отсутствуют здесь и признаки кочевнического хозяйства и быта. Даже там, где в составе инвентаря, наряду с амфорами, гончарной, стеклянной столовой посудой, рюмкообразными сосудами, обломками железных крестов, присутствуют немногочисленные, но типичные для салтовской керамики горшки с волнистыми или линейно-волнистым орнаментом, сельские дома строились по типу небольших провинциально-ромейских усадеб с огороженным двором, с домами из двух-трех помещений со стропильным, жердевым перекрытием и соломенной или земляной, дерновой крышей, хозяйственными постройками, вкопанными в землю большими пифосами для хранения зерна, иногда – с навесами, поддерживаемыми известняковыми колонками (рис. 127). Именно такие сооружения преобладают на поселениях в долинах рек Бельбек и Качи, Байдарской долине, недалеко от Чуфут-Кале на плато Кыз-Кермен¹⁷⁴, в балке Горный Ключ¹⁷⁵, на плато Пампук-Кая, близ с. Гончарное¹⁷⁶, у Загай-

¹⁷² См.: Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 175, прим. 8; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 88–89.

¹⁷³ Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма // МИА. – 1970. – Вып. 168. – С. 196–223.

¹⁷⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 103–110; Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 132–142; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 49–63; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №3, 4, 7 // БНАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 189–229.

¹⁷⁵ Романчук А.И., Омелькова Л.А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ. Социальное развитие Византии – Свердловск, 1979. – С. 94–103.

¹⁷⁶ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 111–117. На погребальных остраконах VIII–IX вв. из могильника у с. Гончарное обращает внимание наличие изображения так называемого просфорного креста – креста в круге со священной формулой «Иисус Христос Ника» (ΙΧΧC ΝΙΚΑ), который употреблялся в особых случаях, связанных с таинством Евхаристии, изображением «хлеба живого» и с внешней атрибутикой христианской погребальной практики (Уваров А.С. Христианская символика. Ч. 1. Символика древне-христианского периода. – М., 1908. – С. 217; Корпусова В.М. Об одной особенности христианского погребального обряда. – С. 135), что указывает на особенно глубокое воздействие ромейской культуры на гетерогенных обитателей этих усадеб.

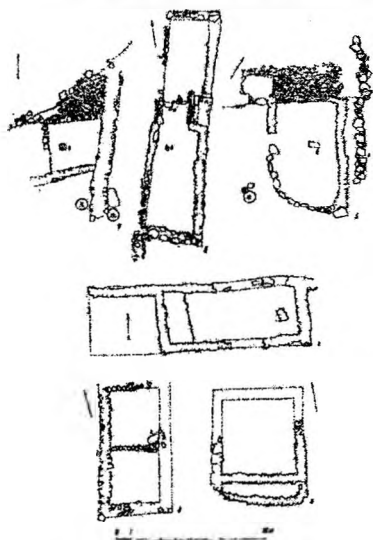

Рис. 127. Планы жилых домов VIII–IX вв. в юго-западном нагорье Крыма (поселения у с. Бобровки и с. Поляны, городище Кыз-Кермен) (по А.Л. Якобсону)

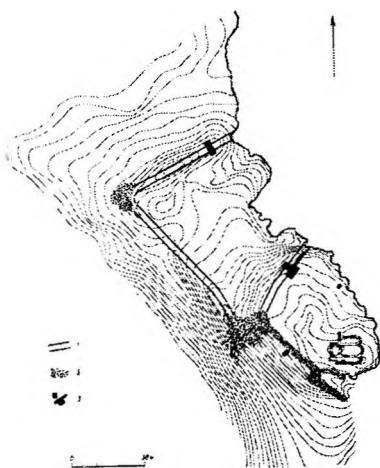

Рис. 128. План укрепления и базилики VIII–IX вв. на плато Пампук-Кая (по А.Л. Якобсону)

танской скалы в Инкермане и некоторых других местах¹⁷⁷. Кладка opus spicatum тут применялась весьма эпизодически, главным образом при возведении каменных цоколей. Однако прочие строительные элементы (отсутствие иногда фундаментов, перевязки стен в углах, использование разномерного бута без связующего раствора, глинобитно-жердевых турлучных конструкций), равно как открытые очаги и глинобитные полы в помещениях с большой натяжкой можно связать только с булгарами.

А.Л. Якобсон, рассматривая в целом тип жилого дома сельской Юго-Западной Таврики и его параллели, справедливо заметил, что многие черты такого дома представляли непосредственное наследие античности, нередко наблюдались в первые века н.э., и даже турлучная строительная техника была глубоко традиционна: она бытовала в Крымском нагорье многие века и дожила почти до наших дней¹⁷⁸. Главное – быт обитателей этих усадеб, очевидно, участвовавших в возведении расположенных по соседству типично провинциально-византийских трехнефных базиликальных христианских храмов (рис. 128)¹⁷⁹, состав домашней утвари, рабочих инструментов, характер основных занятий не выдают носителей исключительно тюркского или иного пришлого этноса. Если его примесь и была здесь, она сравнительно быстро и почти целиком растворилась в местной ромеизированной среде аланских и готских общин. Объясняется это мощным и длительным экономическим, политическим, идеологическим, культурным влиянием Византии, тесные контакты с которой в Таврике способствовали аккумуляции ромейских черт у местного

гетерогенного населения, что в свою очередь вело его к интеграции совершенно нового порядка.

На сравнительно крупных городищах, таких как Бакла, влияние пришельцев ощущалось еще слабее. Прием кладки в технике *opus spicatum* появился здесь в VI–VII вв., вместе с городищем, и сохранялся вплоть до XIII в. Однако стены строились вперевязь, а первый ряд – фундамент заглублялся на 5–10 см ниже уровня пола, что, как уже отмечалось, было несвойственно салтовцам, равно как и выкладывание углов помещений крупными камнями или блоками¹⁸⁰. Вообще, следы салтово-маяцкой культуры весьма незначительны и сводятся к нескольким горшкам¹⁸¹. Столь же мало «деревенской»

¹⁷⁷ Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – Т. 13. – С. 63–67; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 59–103; Романчук А.И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 81.

¹⁷⁸ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 118–119, 185. До него это же заметил М.А. Фронджуло (Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское, 1957–1959 гг. – С. 119–120).

¹⁷⁹ А.Л. Якобсон отмечал упрощенность их конструкции и укороченность пропорций, а также «отчужденность... от зодчества соседнего Херсона, где базилика как форма общественного здания в VIII в. уже отмерла» (см.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 121–132). Последнее не соответствует истине, ибо базиликальные храмы Херсона продолжали активно эксплуатироваться в течение «темных веков», наглядно демонстрируя свое устройство окрестным жителям, паломникам. Кроме того культовые здания подобной планировки сооружали в городе после X в., причем даже в центре, в VII квартале, а также на месте базилики 1935 г., «базилики в базилике» (№15) и «базилики на холме» (№14) (Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 223–225, 227, 228; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003. – С. 151–157, 163–172). Стоит также заметить, что общие пропорции и основные элементы у херсонских и прочих крымских храмов совпадали, даже такие, как наличие галереи с южной стороны. Херсонские базилики функционировали в VIII–IX вв. и, следовательно, служили образцом для сельских подражаний. Последний опыт базиликального строительства в городе относится к концу XI–XII столетию, когда такого рода сооружения выполняли роль приходских храмов, где служили только утром и вечером, праздничные литургии, крестили, исповедовали, венчали и погребали прихожан (Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. – М., 1999. – Вып. 4. – С. 276–290, рис. 1). Выходит, даже появление крестово-купольной архитектуры не заставило херсонитов целиком отказаться от распространенного вида общественного сооружения, ставшего привычным за многие века. Видимо, в VIII–IX вв., когда строилось большинство сельских храмов Таврики, крестово-купольный тип храма еще только утверждался в Херсоне и на Боспоре, а кроме того для его возведения требовались особенно опытные мастера, способные работать со сводом, каких деревня дать не могла.

¹⁸⁰ Рудаков В.Е. Исследование Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Вып. 11. – С. 25–28; Рудаков В.Е. Элементы... – С. 107–108.

¹⁸¹ Рудаков В.Е. Элементы... – С. 109, рис. 2.

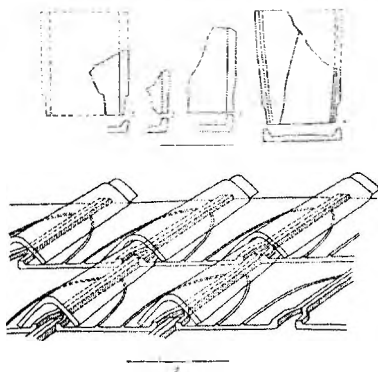

Рис. 129. Раннесредневековые черепицы из раскопок у с. Поляны, с. Передовое и на Пампук-Кая; схема укладки керамид и калиптеров на кровле (по А.Л. Якобсону)

зованием кладки *opus spicatum*, ничем не отличается от типично ромейского¹⁸³. Показательно, что кровля баклинских и иных домов была как черепичная (рис. 129), так и из веток кустарника, обмазанных глиной, в чем видится, разумеется, не этнический момент, а сугубо имущественный, указывающий на степень состоятельности владельцев усадеб и разность характера построек.

В 500 м к западу от городища под скальной часовней размещался, возможно, монастырский комплекс, в состав которого, наряду с «кельями», хозяйственными сооружениями, высеченными в скале, входил храм на холме и участок более позднего плитового христианского могильника конца IX–XII вв.¹⁸⁴ Храм был сложен не ранее VIII–IX в. из небольших плоских камней подпрямоугольной и подтреугольной формы на глиноземе с толщиной двухлицевой кладки 0,9 м. К его апсиде примыкала какая-то небольшая пристройка, для возведения которой применили *opus spicatum*¹⁸⁵. Такое сочетание не позволяет говорить о том, что ее мастерили инородцы и тем более иноверцы.

¹⁸² Там же — С. 109, рис. 1; 3.

¹⁸³ См.: Рудаков В.Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского госуниверситета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. — Д. № 1914. — Л. 13–19.

¹⁸⁴ Ачкинази И.В., Петровский В.А. Работы Баклинской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994 год — Симферополь, 1997. — С. 31; Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, (1995) 1996. — С. 136–144.

¹⁸⁵ Ю.М. Могаричев не видит оснований считать здешний комплекс монастырским и относит его возникновение ко времени не ранее конца X в. (см.: Могаричев Ю.М.

лепной, лощенной посуды — горшков, мисок, причем она скорее позднекифского облика и по количеству не идет ни в какое сравнение с кружалной. Это и не удивительно, если вспомнить, что Бакла являлась в VIII–IX вв. крупным гончарным центром, продукция которого, особенно ойнохоевидные кувшины, даже шла на вывоз за пределы Крымского полуострова. Знаки-метки, в том числе на пифосах и на черепице, калиптерах, напоминают салтовские («тамга», трезубец, свастика, крест), но и они единичны и перекликаются с метками, известными на херсонской керамической продукции¹⁸². Прочий бытовой, хозяйственный, производственный инвентарь, в том числе из помещений со стенами, сложенными с исполь-

С.А. Плетнева отмечает, что вдоль побережья Юго-Западного Крыма известно около двадцати поселений со слоем «хазарского времени», но она вынуждена согласиться с тем, что следы пребывания собственно хазар археологически прослеживаются слабо и фактически это были византийские поселения, «...на какое-то время, вероятно, захваченные хазарскими войсками»¹⁸⁶. Признание же кондоминатности крымских владений Империи ромеев и каганата избавляет от необходимости делать и такое допущение. Безусловно, не только глобальные геополитические изменения на пространствах от Кавказа до Дуная, но и благоприятное положение как в сфере экономической, так и политической жизни края объясняет передвижение сюда в VIII столетии праболгар, салтовцев и греческую, малоазийскую иммиграцию из заморских пределов Романии. Византия и Хазария совместно эксплуатировали ресурсы и возможности Таврики, не покушаясь на ее особый статус, в какой-то степени охраняя покой, в котором зрело варево здешнего этнического котла, включавшего ромеев, христиан и «толпы язычников» (*multitudine paganorum*), «пришельцев из разных варварских народов» (*diversis barbaricis gentibus advenae*)¹⁸⁷.

По образному выражению М.А. Артомонова, хазары «...создали плотину, запиравшую проход из Азии в Европу и прекратили вторжение в последнюю новых кочевых орд»¹⁸⁸. Добрососедские союзные отношения с Византийской империей довершили картину благополучия Таврики, которая оставалась незамутненной по крайней мере до третьей четверти VIII в.

Немногочисленные, единичные погребения VIII–IX вв. свидетельствуют о том, что в Херсоне тоже были тюрки и носители салтовомаяцкой культуры¹⁸⁹. Недаром здесь, на окраине Ромейской империи, в относительно сопредельных с Хазарией землях (*Chazarorum terrae vicina*), звучала хазарская речь, которую, очевидно, знали и пони-

Пещерные церкви Таврики. — Симферополь, 1997), однако это не противоречит факту сооружения пристройки к храму строителями — христианами, которые были знакомы с приемом кладки *opus spicatum*.

¹⁸⁶ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — С. 165; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... — С. 90, 93.

¹⁸⁷ Эти известные слова из письма Анастасия библиотекаря — ключ к пониманию истинного положения ромеев, греков в Таврике, которые не составляли здесь большинство, но степень влияния которых была несоразмерна численности (ср.: *Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum* // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. — М., 1911. — Вып. 2. — Р. 141–142, § 2–3).

¹⁸⁸ Артомонов М. А. История хазар. — М., 1962. — С. 239.

¹⁸⁹ Тахтай А. К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Х. сб. — 1948. — Вып. 4. — С. 40, рис. 7, 8; Айбабин А. И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. — 1977. — №1 — С. 235; Баранов И. Грунтовые могильники второй половины VII–X вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 160.

мали наравне с греческим и семитскими языками¹⁹⁰. О вхождении некоторой части салтовцев в состав населения города также могут свидетельствовать изготовленные в Херсоне кувшины с орнаментом в виде кругов и елочек, хотя для IX столетия пока можно говорить лишь об одной находке лепного сосуда салтово-маяцкого круга¹⁹¹.

Не изобиловали салтовцами и окрестности города. Так, *opus spicatum* встречается на поселении, кардинально перестроенном не ранее второй половины IX в. около Камышевой бухты, у дороги, связывавшей запад Гераклеяского полуострова с Херсоном¹⁹². Место это было обжитое. Прежде на нем существовала античная усадьба с наделом №32 и жизнь не прерывалась в VI–VIII вв. *Opus spicatum* следует в некоторых стенах новых построек (пом. 9, 10) вперемежку с обычной кладкой, а материал поселения типично греческий, ничем не отличающийся от херсонского. Некоторые его черты указывают на общинный образ жизни. Маленькое здание, вероятно, однокорабный храм, воздвигнутый одновременно с очередной перестройкой поселка, говорит о том, что здешние обитатели были крещеными.

Opus spicatum можно встретить даже в кладке некоторых жилых и общественных сооружений средневекового Херсона. К примеру, в южном углу квартала С в такой технике местами выполнена кладка стен помещений, сложенных из полуобработанного известнякового камня на известково-грязевом связующем растворе¹⁹³. Таким же образом были возведены из бутового камня коробовый свод и боковые стены небольшой, квадратной в плане одноапсидной гробничной капеллы (примерно 5 x 3,5 м), пристроенной к середине южной стены Восточной базилики – предполагаемому херсонскому храму апостола Петра¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. – Л., 1930. – Т. 2. – С. 12; Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. – М., 1980. – С. 77–78, гл. 8; *Epistola Anastasii*... – Р. 141, §3.

¹⁹¹ Седикова Л. В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / ИА РАН. – М., 1997. – С. 20.

¹⁹² Яшаева Т. Ю., Созник В. В. Отчет о раскопках Гераклеяской экспедиции Херсонесского гос. историко-археологического заповедника. Ч. 3. 1983 // Архив НЗХТ. – Д. №2319. – Л. 27, 41–48; Яшаева Т. Ю. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Международный конф. Тезисы докл. – Симферополь, 1994. – С. 79–80; Яшаева Т. Я. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 349–356.

¹⁹³ Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Х. сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 32.

¹⁹⁴ Айдалов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1. – С. 46; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 166–167; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 577–584.

А. Л. Якобсон без достаточных оснований отнес молельню к XII–XIII вв., ссылаясь только на характер кладки и облицовку штучными плитами, но вопрос остается открытым, тем более, что к настоящему времени от постройки не осталось и следа. Судя по старым планам базилики № 36, названная церквушка или поминальная капелла была пристроена к внешней стороне большого храма, следовательно, это было сделано до того, как он был не ранее X–XI вв. переделан в меньший храм, занявший пространство центрального нефа¹⁹⁵. В случае более поздней постройки капеллы ее было бы целесообразно разместить на части внутреннего пространства южного нефа бывшей большой базилики, как это было сделано, к примеру, в Северной базилике (№ 22), а не строить, по сути дела, поотдаля от прежнего перестроенного храма, да еще заботиться об облицовке плитами. В Северной базилике, отождествляемой мной с известным из агиографии IX в. херсонским храмом св. Прокопия, *opus spicatum* действительно можно было наблюдать в стенах молельни, устроенной в восточной оконечности южной галереи большого храма, очевидно, во второй, после конца VI–VII вв., строительный период, но перед третьим, относимом ко второй половине XI – началу XII вв.¹⁹⁶. Около юго-восточного угла ранней «базилики в базилике» (№ 15), существовавшей с VI до X–XI в., пока она не была переделана в меньший храм, тоже находился храмик – усыпальница, стены и апсиды которого были сложены из бута, иногда «в елку», особенно свод, возведенный над нижним помещением¹⁹⁷. *Opus spicatum* встречается в кладке еще одной гробничной сводчатой часовни, находившейся перед базиликой № 15, «на восток от апсиды»¹⁹⁸. «В елку» был сложен один ряд (второй сверху) в апсиде церкви, выстроенной на месте раннесредневековой базилики 1932 г.¹⁹⁹.

Раскопки некоторых других городских квартальных храмиков-усыпальниц тоже свидетельствуют о том, что эта техника кладки продолжала использоваться в поздневизантийском Херсоне (рис. 130)²⁰⁰.

¹⁹⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 168, рис. 72.

¹⁹⁶ Айналов Д. В. Развалины храмов. – С. 29; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 168, рис. 75; Рыжов С. Г. Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО 1981 г. – М., 1983. – С. 314–315; Романчук А. И. Очерки... – С. 225.

¹⁹⁷ Интересно, что этот гробничный евктирион, как и примыкающий базиликальный храм № 15, очевидно, после перестройки в X–XI вв., вместила в себя другую, более раннюю, меньшую постройку, тоже евктирион, так что новая полукруглая апсида включила в себя другую, меньшую (Айналов Д. В. Развалины храмов. – С. 90; подр. см.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 634–637; Романчук А. И. Очерки... – С. 224–225, 241 (там же библиография).

¹⁹⁸ Айналов Д. В. Развалины храмов. – С. 81.

¹⁹⁹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1932 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 324. – Л. 6, рис. 127, 130.

²⁰⁰ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. – 1941. – № 4. – С. 240–241, рис. 41, 66.

Рис. 130. Элементы кладки *opus spicatum* в здании XI–XIII вв. в квартале XXVIII Херсона

В ней обновили северный участок ограды (перивола) крестовидного «храма с ковчегом» (свв. Сергия и Вакха)²⁰¹. Ее можно было видеть в средневековых домах, раскопанных Н.В. Пятшевой в 1960 г. на месте более раннего архитектурного комплекса и городского водохранилища. Эта кладка, хотя и не в классическом варианте, как показывают раскопки последних лет, проводимые совместно НЗХТ и Техасским университетом, присутствует в некоторых стенах усадеб XII–XIII вв. к северу от названного участка, рядом с главной продольной улицей Херсона. Она же была характерна для многих более мелких и бедных жилых построек, которые лепились к оборонительной стене города в портовом квартале I и были открыты во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. По этому поводу А.Л. Бертье-Делагард отметил, что *opus spicatum* был «способ... весьма древний и удержался в Херсонесе до самых последних времен»²⁰².

Приписывать его северо-кавказским переселенцам, появившимся в Крыму в середине X в., не верно, учитывая генетическую связь приема уже со скифской «елочкой» и образцы такой кладки позднеантичного-ранневизантийского времени²⁰³. Показательно, что даже там, где в керамике выявляются салтово-маяцкие элементы, как, например, на поселении на западном склоне высоты Безымянной (рудничный комплекс «Гасфорт»), в округе Херсона, остатки построек несут следы двухлицевой кладки из бута на глине, но совсем не обязательно обнаруживают применение *opus spicatum*²⁰⁴.

²⁰¹ О.И. Домбровский заметил при этом, что подобная техника, «...по мнению многих, характеризует работу каменщиков XII–XIII столетия» (Домбровский О.И. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе за 1957 год // Архив НЗХТ. – № 3241. – Л. 11). О храме №19 подр. см.: Сорочан С.Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харківського національного університету ім.В.Н. Каразіна. – 2003. – №594. – Історія. – Вип. 35. – С. 58–72.

²⁰² См.: Бертье-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – № 12. – С. 21 (со ссылкой на: Choisy. L'art de bâtir chez les byzantins. – Paris, 1882. – Р. 8); ср.: Иванов Е.Э. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк / ИТУАК. – Симферополь, 1912. – № 46. – С. 227–228.

²⁰³ Ср.: Майко В.В. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII–Хст.: Автореф. дис.... канд. іст. наук / Інститут археології НАН України. – К., 1998. – С. 11.

²⁰⁴ См.: Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1980 и 1981 гг. // Архив НЗХТ. – Д. № 2252. – Л. 6–20.

Нельзя считать исключительно «тюркским», «праболгарским» или «хазарским» то, что было создано автохтонами, греками, ромеями, потомками скифо-сармат и частично пришлыми аланами, готами, тюркютами, салтовцами, прочими чужеземцами, для которых земля Таврики стала родной. Тем более, понятие хазарский этнос и культура весьма аморфно и по сути дела не существовало²⁰⁵. Отнюдь не кочевнический хозяйственный, бытовой уклад, основные занятия этих крымских «тюрко-болгар» в VIII–IX вв. ничем не отличались от византийских: полеводство, виноградарство и виноделие, скотоводство с преобладанием разведения коров, свиней, овец, переработка зерна на ручных мельницах, использование инструментов, серпов, тяжелых мотыг, подобных ромейским, для обработки почвы, наличие прядения, ткачества, кузнич, обработки цветных металлов, производство лепной и гончарной кухонной керамики параллельно с созданием крупных керамических мастерских с печами для обжига амфор, кувшинов, ойнохой, фляг (рис. 131–132)²⁰⁶. Среди сельских жителей попадались грамотеи, знавшие греческий язык, умевшие писать, читавшие византийские книги (рис. 133). И строительные сооружения их имели свой неповторимый, местный облик, лишь отдаленно напоминали те, о которых писал Мукаддеси, вспоминая быт хазар: «Жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом»²⁰⁷. Как неоднократно отмечалось специалистами, обитатели сельской Таврики предпочитали жить в усадьбах с жилым помещением и каменной печью, с отдельными хозяйственными пристройками и огороженным стенами двором вполне «ромейского» облика²⁰⁸. Не было здесь и юртообразных конструкций.

Постоянные усилия и миссионерская деятельность местного духовенства на территории полуострова вкупе с привлекательностью

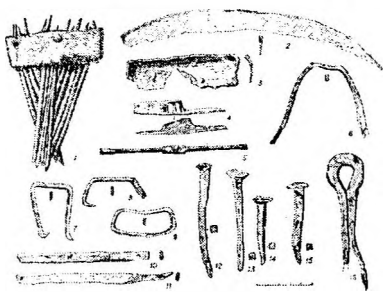

Рис. 131. Железный гребень для чесания шерсти, часть серпа, обломки дверных замков, скобы, кованые гвозди, дверная петля из раскопок раннесредневекового поселения у с. Передовое в Байдарской долине (по А.Л. Якобсону)

Рис. 132. Железные кованые гвозди, кольцо, светильня на штыре, пластина с отверстиями на концах, нож, крест, глиняное пряслице с насечками из раскопок поселения VIII–IX вв. у с. Бобровка (по А.Л. Якобсону)

Рис. 133. Бронзовая застёжка от византийской книги из могильника базилики VIII–IX вв. близ с. Гончарное (по А.Л. Якобсону)

византийского образа жизни содействовали обращению местного и пришлого населения, которое рано или поздно принимало крещение, но долго хранило устоявшиеся пережитки языческой культуры и ментальности²⁰⁹. Видимо, в этом кроется объяснение поразительного феномена веротерпимости, столетия обнаруживаемого гетерогенным населением Крыма, долго жившего в условиях византийско-хазарского condominiumа и поэтому вынужденных толерантно воспринимать соседство язычников и христиан. Тем не менее, отсутствие трупосожжений, смена погребального обряда к IX в., исчезновение катакомбных могильников и постепенный, со второй половины VI в., а позднее – массовый переход к плитовым или накрытым плитами могилам на сельских, монастырских и церковных кладбищах могут свидетельствовать об окончательной победе христианства, а значит, ромейского образа жизни и культуры на полуострове, что

опять-таки не случайно совпало с временем развала condominiumа, исчерпавшего себя. В свое время А.В. Гадло справедливо заметил по этому поводу: «Распространять... степную культуру на юго-западное нагорье [Таврики] мы не вправе – данных для этого нет. Отдельные элементы степной культуры..., разумеется, проникали в нагорье. Туда попадали формы салтовской керамики (гончарные рифленые горшки, лошенные сосуды)...; туда проникали приемы строительства (кладка в «елку»), заимствованные на развитых поселени-

²⁰⁵ Федоров Г.С. Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») / Тезисы докл. – М., 1966. – С. 149-151; Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы науч. конф. – Пенза, 1992. – С. 32-37; Круглов Е.В. Хазары – история только начинается // Хазары. Второй Международ. colloquium. Тезисы. – М., 2002. – С. 61-66.

²⁰⁶ Ср.: Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 246-247; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 204-205; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 58, 63.

²⁰⁷ Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – 1908. – Вып. 38. – С. 5. Ср.: Ибн Хаукаль: «Жилища их (хазар) были хижины, а постройки плелись из дерева и замазывались сверху» (Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. – СПб., 1870. – С. 220).

²⁰⁸ Гадло А.В. Этнокультурная характеристика перехода кочевников к оседлости... – С. 74; Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 50-51.

²⁰⁹ Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 334.

ях степного района; там могли появляться и группы степняков, так как шедший на границах степи и предгорья процесс оседания мог загнать в горную область отдельные роды и семьи. Но в целом культура Юго-Западной Таврики была особой, автохтонной, восходящей к культуре предшествующего времени»²¹⁰. Уже поэтому ее континуитетные заимствования, в том числе и в строительном деле, нельзя назвать «чисто внешними»²¹¹.

Отличительной особенностью крымского праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры признается наличие в ней византийских элементов²¹². Однако не трудно заметить, что на деле сама «культура» тонет, растворяется в этих несомненно господствующих «элементах», — растворяется подчас до состояния второстепенной, незначительной примеси. Ее нельзя назвать ни греческой, ни готской, ни аланской, ни праболгарской²¹³. Все это в принципе, по сути однокультурные памятники с явным преобладанием ромеизации, но без конкретного этнического содержания. Новейшие исследования по истории этногенетических процессов позднеантичного и ранне-средневекового Крыма не вступают в противоречие с этим давним выводом, который не нуждается в ревизии и подкрепляет высказанную выше точку зрения²¹⁴.

²¹⁰ Гадло А.В.[Рец.] // ВВ. — 1973. — Т. 37. — С. 275 (Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. — 1970. — №168).

²¹¹ Ср.: Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма. — С. 247.

²¹² Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища... — С. 87.

²¹³ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... — С. 194.

²¹⁴ Многовековой ассимиляционный и одновременно трансформационный процесс «этноконфессиональной интеграции», вылившийся в формирование относительно единой, межэтнично консолидированной средневековой народности в Юго-Западном и Южном Крыму, — народности, переработавшей в себе скифо-сарматский, греческий, германский и тюркский компоненты, завершившаяся в X в., причем их объединяющим моментом, кроме влияния единого ландшафта, общей территории и общей исторической судьбы, явились грецизация, христианская религия и ромейская культура. Антропологические данные позволяют выявить не менее трех исходных морфологических типов, участвовавших в этом процессе формирования народности, и многочисленные следы метисации (см.: Айбабин А.И. Могилиники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3. — С. 130; Айбабин А.И. Этническая история... — С. 229; Иванов А.В. Образование ранних городских поселений и этнические процессы в Юго-Западной и Южной Таврике X—XIII вв. // Проблеми історії та археології України. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-річчю незалежності України (16–18 травня 2001 р.). — Харків, 2001. — С. 96–97; Ушаков С.В. Етнічна ситуація в Південно-Західному Криму на межі античності та середньовіччя (III — середина VI ст. н.е.): Автореф. дис.... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ. — К., 2001. — С. 12; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... — С. 80). Впрочем, как верно отметил А.Г. Герцен, появление данной однокультурной, весьма аморфной народности крымских христиан не было замечено и оценено византийцами: «До конца своей державы они продолжали видеть в составе этой народности именно исходные компоненты, то есть готов, алан, или же пользоваться для ее обозна-

Итак, встречающиеся случаи использования техники кладки *opus spicatum* не могут служить культурообразующим признаком, однозначно указывающим на присутствие только тюрко-болгарского, салтово-маяцкого, хазарского населения и особенности его строительства. Этот прием в Причерноморье знали и эпизодически использовали едва ли не со скифских времен разные народы. Другое дело, что с VIII в. он получил новый импульс к своему распространению, став особенно популярным у нового, пришлого населения, появившегося на Таманском полуострове и в Крыму и довольно быстро натурализовавшегося здесь. Но работали в этой технике как тюркские, булгарские элементы, так и ромейские, византизированные обитатели региона, потомки крымских греков, тавров, скифо-сармат и алано-готов. Нет *opus spicatum* ни в лесостепях Оскола, Северского Донца, ни в междуречье Волги и Дона — коренных хазарских землях. Перед нами строительная «мода» продолжительного времени и конкретного региона, а не одной особой культуры и уж тем более одного из конкретных этносов.

чения явно архаичными этнонимами: «киммерийцы», «тавры», «скифы», избегая называть население Таврики греками, причиной чего, вероятно, было пограничное положение этой территории, населенной медленно христианизировавшимися осколками варварских этносов, образовавших сплав, вобравший в себя как элементы античной эллинской, так и принявшей покров новой средневековой христианской греко-византийской культуры" (Герцен А.Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. — Симферополь, 2000. — С. 19–20; ср. : Араджиони М.А. Крымские греки // От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. — Симферополь, 2004. — С.138–141).

ГЛАВА 6. Другой Херсон. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В VIII в.

Раскопки города до сих пор не открыли керамических комплексов, относящихся к VIII в. Лишь засыпь двух херсонесских рыбозасолочных цистерн может быть определено отнесена к концу VII – началу VIII столетий (VIII квартал, помещение 9 и засыпь подвала в помещении 6–7 а), а засыпь колодца в портовом квартале 1 датируется концом VIII – началом IX вв.¹ На этом основании некоторые археологи делали и продолжают отстаивать заключение о «деградации», глубоком упадке, кризисе, процессе дезурбанизации Херсона в это время, усматривая это «увядание» в прекращении, как и в других ромейских городах, строительства, практическом исчезновении ранневизантийской пригородной сельской хоры, резком сокращении промыслов, ремесел, судостроения, торговых связей². Одним словом, город «обезлюдел, обнищал и словно вымер». Это заключение, – больше эмоциональное, нежели объективное, – переносится на общий, якобы во всех отношениях упаднический, замерший и бесперспективный фон городской жизни раннесредневековой Византии, отчего даже Константинополь около 700 г. представляется

¹ Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс.... докт. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 20, табл. II; с. 39; Романчук А. И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. – С. 47.

² Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – с. 131; Сазанов А.В. Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Междунар. конф. Тезисы докл. – Симферополь, 1994. – С. 63-64; Сазанов А.В. Города и поселения... – С. 40.

нам, нынешним, не более, чем «занятым рудиментом прошлого»³. Подобные взгляды, как известно, привились среди широких кругов историков и особенно активно насаждались в последней трети XX в.⁴ И тем не менее, чем далее, тем больше, они входят в противоречие с данными источников, методикой их интерпретации, результатами полевых исследований, на которые еще раз стоит обратить внимание и которые позволяют представить положение «столицы» важнейшей архонтии Таврики несколько иным, более благополучным.

Прежде всего, следует учесть, что следы нормальной жизнедеятельности вообще трудно уловить в культурном слое городища, который фиксирует прежде всего разрушения. Недаром наиболее мощные слои образовались в середине VI – середине VII вв., когда в городе шло наиболее интенсивное общественное строительство. Разумеется, перепланировки города уничтожали остатки более ранних времен, расчищавшиеся порой до скального основания⁵. Между тем, сам факт преемственности в планировке кварталов и непрерывности городской застройки в разных районах Херсона не подлежит сомнению⁶. К примеру, анализ средневековой керамики, полученной из раскопок восточного сектора на месте античного театра, показывает ее непрерывность и, следовательно, наличие для VIII в.⁷ Раннесредневековый слой, как и античные слои, незначительно сохранился и на северном берегу, в XXVIII квартале, недалеко от пересечения XIII поперечной улицы с продольной, но находки монет Феодосия I, Льва I, Юстиниана I, Тиверия Маврикия говорят о том, что перестройки происходили здесь в конце VI – начале VII вв. Наиболее поздней, относящейся уже ко времени функционирования нового

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – 2-е изд. – М., 1994. – С. 95.

⁴ См.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 16–17 (там же библиография вопроса).

⁵ Ср.: Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Х. сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 33.

⁶ См. Романчук А.И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. – Свердловск, 1972. – Сб. 8. – С. 42–45; Романчук А.И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 246–250; Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Сб. 11. – С. 3–13; Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. – Свердловск, 1987. – С. 52–68; Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 30–46; Сорочан С. О строительной деятельности в раннесредневековом Херсонесе / Херсон как критерии развития византийского провинциального города // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. Матеріали наук. конф. – Чернівці, 2000. – С. 83–89.

⁷ Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1411 / 1. – Л. 76–81.

дома, оказалась монета Константина IV Погоната 670–680 гг., найденная под помещением¹⁸. Уцелевшие подвалы, остатки стен и слои, насыщенные множеством вещей, кухонных остатков, указывают на интенсивную жизнь в этом квартале, который, как и ряд других, оказался разрушен ко второй четверти XI в., судя по наиболее поздним монетам Василия II, найденным в слое строительного мусора. Монументальные постройки, храмы, евктирионы, баптистерии, орагии и мартирии, выстроенные в ранневизантийский период, тоже стояли веками, подвергаясь периодическим ремонтам и переделкам. Столь же регулярно ремонтировались, достраивались оборонительные сооружения, которые неминуемо пришли бы в негодность, развалились без должного ухода уже через несколько десятков лет⁹.

Именно длительное отсутствие слоев разрушений и вообще заметных следов повреждений, переделок или построек раннесредневековых храмов и оборонительных сооружений города после конца VI – начала VII вв. позволяет полагать, что если он и испытал в 740 г. и около 900 г. землетрясения, известные по византийским источникам и возможные с точки зрения статистики сейсмических катастроф, их интенсивность на территории Крымского полуострова была незначительной, чего не скажешь о мощном землетрясении 480 г., повредившем крепостную ограду, в частности, фланговую башню Зинона (№ XVII) и разрушившем некоторые постройки на северном берегу, а также, видимо, о еще более сильной сейсмической катастрофе, которая вполне могла разразиться в третьей четверти VI в. и стать одной из причин, повлекших возведение большинства новых базиликальных храмов – кафоликонов и последующие перестройки внутри жилых кварталов, претерпевших наибольшие разрушения¹⁰.

⁸ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1283. – Л. 5–12.

⁹ Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 41.

¹⁰ Применительно к «темным векам» самым значительным стало землетрясение 740 г., эпицентр которого находился, вероятно, около западной оконечности Пропонтиды. Оно вызвало сильное разрушение домов и даже части оборонительных стен Константинополя, опустошение Вифинии, причем особенно пострадали Никомидия, а также города Фракии (см.: Tradgold W. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 356; Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса. – Новосибирск, 1976. – С. 161). Очевидно, следующее столь же мощное землетрясение с магнитудой не менее 7–8 баллов, которое на сей раз поразило Херсон, произошло около второй четверти XI в., что, как и в конце VI в., тоже наглядно отразилось в последующей перепланировке отдельных кварталов, активизации строительства на их территории новых жилых усадеб и в перестройке ряда сильно поврежденных базилик в малые храмы – усыпальницы (см.: Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. – 1989. – Т. 50. – С. 182–188; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 300–301, 322–324, 621–627, 636–637).

Что касается керамических комплексов Херсона, то и для VII, и для IX столетия они тоже исчисляются единицами¹¹. Единичны они и для V–VI вв., хотя нет сомнений, что город жил тогда полноценной жизнью¹².

О достаточно активной ремесленной деятельности свидетельствует гончарная продукция VIII – начала IX вв., а также отходы керамического и металлургического производства, найденные в засыпи ранневизантийского городского водохранилища вместимостью около 1500 куб. м, которое перестало функционировать в первой половине IX в., скорее всего, не из-за упадка города, а из-за экологических изменений, какого-то серьезного природного нарушения водного баланса, заставившего иссякнуть в округе источники наполнения¹³. В частности, обращает внимание 10 классов амфор, характерных для этого комплекса (классы 26–35) (рис. 134)¹⁴. Еще более крупная тара представлена пифосами биконической, шаровидной и яйцевидной формы тулова, которые иногда встречаются в целом виде при раскопках квартальных помещений и в ближней округе города¹⁵.

Трудно, зачастую невозможно отделить керамику VIII столетия от конца предыдущего и начала последующего веков, равно как и вычленить херсонесскую продукцию среди местных изделий Юж-

¹¹ Сп. Сазанов А.В. Хронология керамических комплексов... – С. 62–63; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique // *Colloquia pontica*. – 2000. – Vol. 5. – P. 123–149; Седикова Л.В. Керамическое производство в Херсонесе в IX веке // *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)*. Междунаро. конф. Тезисы докл. – Симферополь, 1994. – С. 64.

¹² Сазанов А.В. Города и поселения... – С. 20, табл. II (4–V в.; 3–VI в.).

¹³ Романчук А.И. Cherson im Mittelalter // *BS*. – 1992. – Т. 53. – F. 2. – S. 207–208; Романчук А.И. Хроника раскопок в Херсонесе. 1989–1990 гг. // *BB*. – 1992. – Т. 53. – С. 206; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // *Архив НЗХТ*. – Д. № 2965. – Л. 7, рис. 16; Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон... – С. 40–42, рис. 5, 1–6; 6,6; 7, 1, 3–6, 9–11; Седикова Л.В. Раскопки водохранилища в Херсонесе // *Археологические исследования в Крыму*. 1993 год. – Симферополь, 1994. – с. 239–240; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... – С. 674. Судя по находкам фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, появившихся не ранее середины IX в., в это время были засыпаны колодец глубиной 6,2 м в квартале III, открытый в 1986 г., и еще один колодец, исследовавшийся в 1975–1976 гг. в квартале I: «не исключено... что в это время грунтовые воды отошли на большую глубину, чем это было раньше и надобность в высохших колодцах отпала и их пришлось засыпать» (Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе III квартал за 1986 год // *Архив НЗХТ*. – Д. № 2683. – Л. 14–18, рис. 4). Отражением аналогичных процессов, затронувших не только сам город, но и его округу, могла стать засыпь водохранилища.

¹⁴ Романчук А.И. Очерки... – С. 180–181, рис. 77–80.

¹⁵ Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – С. 19, 36, рис. 5, 7; Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал... – С. 33.

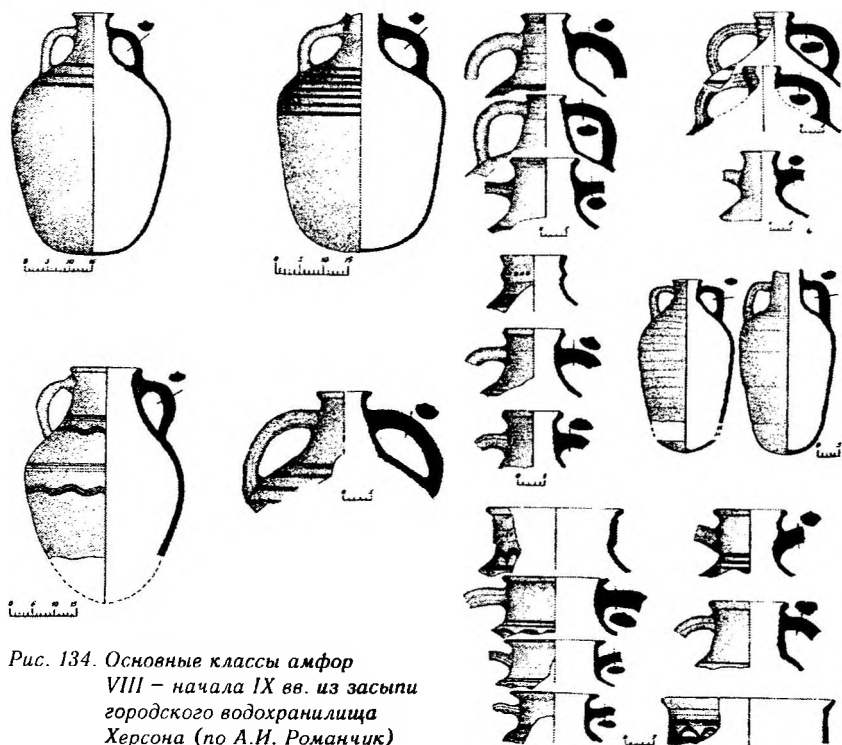

Рис. 134. Основные классы амфор
VIII – начала IX вв. из засыпи
городского водохранилища
Херсона (по А.И. Романчук)

ной, Юго-Восточной и Юго-Западной Таврики. Однако, несомненно, и те, и другие отражают усилившуюся в это время стандартизацию, особенно амфор¹⁶, что говорит о возрастании их массового выпуска, рассчитанного на широкую продажу.

Металлообрабатывающие мастерские Херсона выпускали бронзовые поясные пряжки с прямоугольной рамкой или со щитком, в овальном вырезе которого выступает стилизованный трилистник, варианты пряжек типа «Коринф» с треугольным ажурным щитком, заканчивающимся кружком, крестовидные пряжки и другие детали поясных наборов, которые, наряду с некоторыми украшениями, крестиками, поступали на территорию «земли готов», хору Дороса (рис. 135; см.: рис. 63. 8, 9)¹⁷. Следы этого непрекращающегося про-

¹⁶ Яковсон А.Л. Керамика и керамическое производство... – С. 29; Романчук А.И. Раннесредневековые комплексы Портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тезисы докладов. – Севастополь, 1988. – С. 91.

¹⁷ Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Х. сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 181, рис. 44 (в склепе №2814 с материалом VII–VIII вв.);

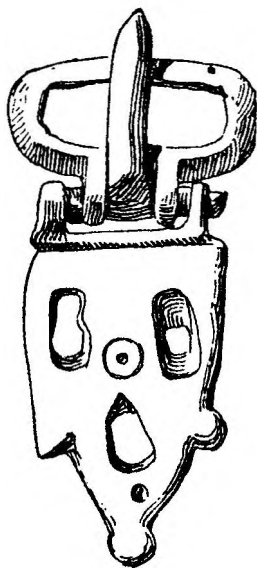

Рис. 135. Бронзовые
пряжки из
склепа
№2789/1908 г.
и №2814/1908 г.
(по Н.И. Репни-
кову)

изводства то и дело встречаются при раскопках города и его загородного раннесредневекового некрополя.

Например, в 1901 г. на территории храмового комплекса Западной базилики, расцвет которого пришелся на VII–IX вв., были найдены различные церковные принадлежности: «бронзовый крест грубой работы на заклепке; верхняя часть тройной толстой цепи в виде бронзовой звезды, шесть лучей которой изогнуты на концах; кусок толстой бронзовой цепи; кусок тонкой бронзовой цепочки; 2 бронзовые пуговицы в виде бубенчика», типичные для раннего средневековья¹⁸.

К VIII в. Н.П. Кондаков относил обнаруженные в Херсоне медные кресты – энколпионы с изображением на одной стороне Распятого Христа, одетого в коловий – безрукавную рубашку до ступней, а на другой – Богородицы и Евангелистов в кругах на концах перекрестий¹⁹. Находки таких реликвариев, традиционно относимых к сирийско-палестинскому, а точнее ближневосточному производству, не единичны и во всяком случае едва ли могут быть позже IX–X вв., когда стало распространяться изображение обнаженного Христа в набедренной повязке²⁰. Связывать их наличие в Херсоне только с миссионерской деятельностью Херсонской церкви, значит искусственно сужать сферу использования подобных портативных складней-мошехранительниц, объединявших в себе три главные христианские святыни – крест, икону, реликвию²¹. Формочка из сланца для отливки аналогичных крестов, найденная в ходе раскопок обширного средневекового общественного «здания Г» недалеко от Южных ворот города, свидетельствует в пользу соответствующей работы местных мастеров, а не только о привозных образцах (см.: рис. 72, а)²².

В засыпи большого водохранилища довольно часто встречались разнообразные изделия из металла – многочисленные пластинки, бесформенные куски железа, бронзовые крючки для рыбной ловли и для плетения сетей, наперстки, колокольчики, пряжки конца VII–VIII вв. с крестовидным щитком, трехчастный держатель лампад с крючками для их подвешивания (рис. 136)²³. Еще более показательны находки отходов металлургического производства (шлака,

железных криц, бронзовых слитков, бракованных византийских пряжек), глиняных форм для отливки, в частности, колец (рис. 137), матрицы из мраморовидного известняка для изготовления круглых свинцовых грузил (рис. 138), литейной формы из известняка для производства прямоугольных поясных пряжек, известных лишь во

- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 274, 275, рис. 140, 2–3; с. 276, рис. 139, 3–7, 17, 18, 21, 22; Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. – 1982. – № 3. – С. 196, рис. 1, 5; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 43–46, рис. 41–42, 6–8, 15, 22; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 197, табл. XXXII, 10–12, 14–16, 24, 27; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 65, табл. 37: 22, 32, 37, 38, 45; 36: 36, 40, 42.
- 18 Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 70–71.
- 19 Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 23; ср.: Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 259 (исследователь уточнил их датировку с VI в.).
- 20 Ср.: Залеская В.Н. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т.н. «сирийских крестов» // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси 1965 г. – Тбилиси, 1965. – С. 91–93; Пуцко В.Г. Два фрагмента крестов-энколпионов из Крыма // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 34; Куницкий В.А. Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // Археологія. – 1990. – №1. – С. 108–113.
- 21 Куницкий В.А. Близькосхідні енколпіони... – С. 113; ср.: Яшаева Т.Ю. Сакральные функции энколпионов: реликварий – крест – икона // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 52–53.
- 22 Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. № 12. – Л. 12–13; ср.: Пуцко В.Г. Два фрагмента крестов-энколпионов... – С. 34. Глядя на кресты, за короткий срок обнаруженные при раскопке только в этом районе, возникает сомнение в справедливости вывода А. Мусина о том, что «для христианской культуры Херсонеса ношение нательных крестов было нехарактерно» (Мусин А. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 153; ср.: Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 154). Против этого свидетельствуют также находки бронзовых и каменных форм VI–VII вв. для отливки таких крестов (Отчет за 1898 год // Архив НЗХТ. – Д. №7. – Л. 7–8; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 328, рис. 180, 1–2; Яшаева Т.Ю. Форма для отливки наперсных крестов из раскопок Херсонеса // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международный. Крым. конф. по религовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 50–51). Скорее, было нехарактерно класть их вместе с погребенными в могилы, на что указывает малое количество нательных крестиков из раскопок некрополя и поздних квартальных церквей – усыпальниц. Надевание креста еще не стало обязательным и при проведении частной службы крещения.
- 23 Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году. – Л. 7, рис. 17, 2, 6, 10, 11; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив НЗХТ. – Д. № 3159. – Л. 7.

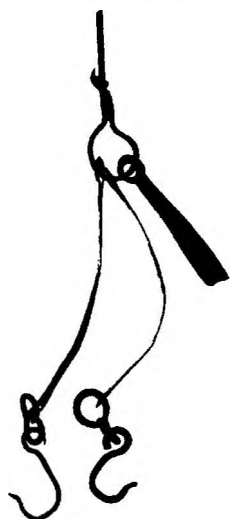

Рис. 136. Бронзовый держатель лампы. Раскопки 1990 г. (по Л.В. Седиковой)

Рис. 137. Часть глиняной формы для отливки колец. Раскопки 1993 г. (по Л.В. Седиковой)

Рис. 138. Часть каменной матрицы для отливки колец. Раскопки 1990 г. (по Л.В. Седиковой)

второй половине VII–VIII вв. (рис. 139)²⁴. Есть основания полагать, что в это время на месте здания римского времени почти в центре «цитадели» мог расположиться литейный эргастий²⁵. К слову, обилие поясных пряжек (рис. 140) косвенно указывает на развитое кожевенное производство и, значит, наличие как привозной, так и местной продукции лоротов – ременщиков, на наличие кожевников, дубильщиков – вирсодепсов, а также шорников, изготовителей сбруи, обувщиков – зангариев, скитотомов, без услуг которых херсонеситы не обходились, как и прочие ромеи. Неувядаемый мир эргастия во всем его разнообразии привычно входил в их быт²⁶, и тем самым делал особенно привлекательным этот город в глазах обитателей его сельской периферии.

Явно не было заброшено непреходящее косторезное производство, к которому херсонеситы всегда имели склонность. На это указывают находки в засыпи водохранилища заготовок из кости и рога, разнообразных поделок (костяных деталей упряжи, трубочек с насечками, шахматной фигурки)²⁷. Необходимость совершать близкие

²⁴ Седикова Л.В. Отчет о раскопках... в 1990 году. – Л. 7, рис. 19,1; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году // Архив НЗХТ. – Д. № 3107. – Л. 6, рис. 19,2; Седикова Л.В. Отчет о раскопках... в 1993 году. – Л. 6, рис. 17,5; Айбабин А.И. О производстве поясных наборов... – С. 194, рис. 5, 1–2; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 168, 197, рис. 73, 6–9.

²⁵ Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели в 1996 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3359/1–2. – Л. 7.

²⁶ Ср.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 115–190.

²⁷ Седикова Л.В. Отчет о раскопках... в 1990 году. – Л. 8, рис. 24, 2, 3; Седикова Л.В. Отчет о раскопках... в 1992 году. – Л. 6, рис. 21, 1, 2; Седикова Л.В. Отчет о раскопках... в 1993 году. – Л. 7, рис. 4.

и более дальние наземные перевозки, хотя бы в пределах поселений Юго-Западного и Горного Крыма, транспортировать небольшие грузы не могла быть удовлетворена без наличия, а значит, и изготовления четырех — или двухколесных деревянных повозок. Но об устройстве их и тягловой силе практически ничего не известно, что вообще характерно для истории материальной цивилизации раннего средневековья²⁸. Можно лишь предположить, что такие повозки, коль они должны были быть в распоряжении херсонитов, влекли главным образом волы, быки, реже лошади, оглобель, подков не было, хотя система упряжи в виде нагрудного ремня (подпруги) и жесткого хомута существовала. Колеса были одинакового размера, не поворачивались на стержне, не имели поворотной оси, а отсутствие смазки заставляло их немилосердно скрипеть.

Для херсонитов, как и прежде, должны были быть преобладающими не сельские, а ремесленные занятия, промыслы (добыча соли, рыбы, производство рыбных соусов). Археологические материалы свидетельствуют, что ряд рыбозасолочных комплексов (№ 34, 35, 47, 48, 60–62, 91, 93, 96, то есть около 10 % от общего известного количества) мог использоваться в VIII в.²⁹ При среднем объеме цистерны в 25–30 куб. м и весе одного куб. м рыбы 7,5–8 ц в них можно было бы получить около 1875–2400 ц рыбы, так что даже при однократном ежегодном использовании цистерн на каждого человека из 6–7 тыс. населения города, включая детей и младенцев, приходилось бы не менее 2,5–3,7 ц готового продукта, явно избыточного только для собственного употребления. Между тем, это количество следует увеличить по меньшей мере вдвое, поскольку лов анчоуса — основной промысловой рыбы производился дважды в год, в конце марта — апреле и конце ноября — декабре³⁰. Засыпь же немногих, сооруженных после IV в. цистерн для засолки рыбы, произведенная в это время, объясняется не упадком соответствующей отрасли

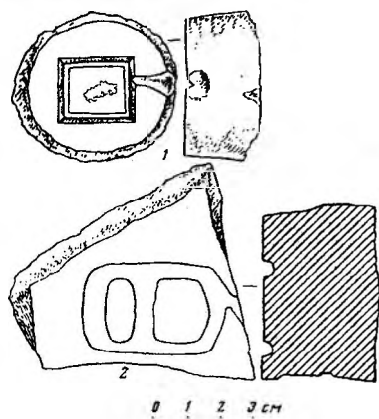

Рис. 139. Литейные формы из известняка для отливки пряжек второй половины VII–VIII вв.

²⁸ Лейтон А. К. Технические характеристики транспортных средств раннего средневековья. — М., 1970. — С. 2–5.

²⁹ Романчук А. И. Очерки... — С. 92–94, 97–101.

³⁰ Кадеев В. И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет — Харьков, 2000. — С. 74–75, 84.

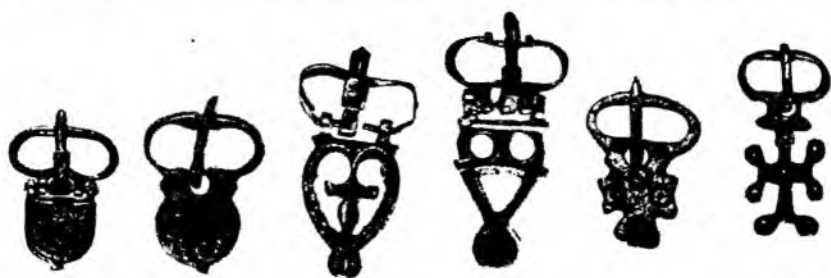

Рис. 140. Бронзовые пряжки VII–VIII вв. из Херсона

производства, а необходимостью перепланировок территории под новое строительство, как это видно на примере одноапсидного храма, возведенного на месте давно заброшенного проскения античного театра, и пяти засыпанных цистерн (№ 36–41), которые, как и часть снесенных небольших домишек, находились к юго-востоку от новостройки³¹. Учитывая, что во время путины, длившейся примерно месяц, добыча одной лодки с 3–4 рыбаками составляла в среднем около 250 ц³², в Херсоне должно было быть в наличии не менее 8–10 рыболовецких судов и 30–40 рыбаков-профессионалов, а учитывая необходимость лова иных, помимо анчоуса, видов рыбы (кефали, камбалы, белуги, салтанки, скумбрии, ставриды, дельфина) и моллюсков (устриц, мидий), это число может быть увеличено примерно на треть. В этом случае оно представляется не таким уж малым, как кажется на первый взгляд, ибо составляло примерно половину от того количества рыбаков, каким располагали вместе взятые Севастополь и Балаклава гораздо позже – в конце XIX в.³³. Обработка морепродуктов, переработка их для технических потребностей, в частности, для получения клея, жира, а также засолка многих сотен центнеров рыбы тоже требовали нескольких десятков рабочих рук. Разумеется, засолщики-специалисты (прасолы), владельцы рыбозасолочных комплексов, цистерн не были в состоянии самостоятельно или только с помощью домочадцев обеспечить весь фронт работ и вынуждены были хотя бы во время сезонов массового лова на месяц – другой привлекать наемных рабочих – мисфиев, каких ромеи обычно использовали на условии выплаты подневной платы, составлявшей в среднем приблизительно 8–9 оболов (медных фол-

³¹ Домбровский О. И., Паршина Е. А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. – 1960. – Вып. 1. – С. 37.

³² Кадеев В. И. История и археология... – С. 90.

³³ Ср.: Кадеев В. И. Указ. соч. – С. 90, прим. 158.

³⁴ Подр. см.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 389–393.

лисов)³⁴. Следует подчеркнуть, что все это имело смысл только при наличии сравнительно развитого рынка, зажиточных предпринимателей и простого товарного производства.

Учитывая значительный удельный вес земледелия и животноводства у алан, болгар, оседавших в Таврике в конце VII – первой половине VIII вв., а затем у «салтовцев», Херсон должен был получать от них продукты, сырье (зерно, убойный скот, шкуры, невыделанные кожи, овечью шерсть), которые без каких-либо затруднений поступали в город извне, главным образом с сельской периферии Юго-Западного Крыма и которые оставались для города основой транзитной, посреднической торговли и в последующие столетия, о чем сообщал Константин Багрянородный³⁵. Отсутствие следов масштабного пригородного хозяйства с широкой системой земельных угодий, сельских усадеб, проастиев, косвенно указывает именно на этот вариант развития, типичный для города – эмпория³⁶. Абсолютно беспочвенными представляются утверждения о том, что большие военные отряды хазар в конце VII и VIII в. окружили Херсон и «на долгое время отрезали его от горных и степных районов, от сырьевых и продовольственных баз»³⁷. Это в корне противоречит общей политической обстановке в Таврике и сути хазарско-византийских отношений того времени³⁸.

Для пропитания одного человека требовалось в год не менее 16 модиев хлеба (около 200 кг зерна)³⁹. Значит, только для внутренних потребностей 6–7 тысячного населения города надо было получать около 1200–1400 т зерна, не считая фуражных запасов. Херсониты могли перекупать часть урожая (хлебных излишков) у местного населения. Натурой получала часть доходов от своих патримониев и Херсонская церковь. Какая-то доля шла на нужды стола епископа, содержание нескольких сот клириков, раздачи бедным, но остальное сбывалось на рынке. Сами горожане и представители духовен-

³⁵ Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дисс.... докт. ист. наук. – К., 1994. – С. 18, 19; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1996. – С. 116–117, 120; Романчук А. И. Очерки... – С. 108.

³⁶ Романчук А. И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город. Тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Севастополь, 25 августа – 4 сентября 1994 г. – Екатеринбург; Севастополь 1994. – С. 12.

³⁷ Крым: дорога тысячелетий / Упорядн. В. А. Сидоренко. – Симферополь, 2001. – С. 159.

³⁸ См.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543.

³⁹ Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. – М., 1980. – С. 123.

ства, недостаточно обеспеченные сельскохозяйственной продукцией собственного производства, должны были жить за счет рынка. Примечательно, что местные производители сельскохозяйственной продукции сохранили именно пшеницу в качестве главной хлебной культуры, очевидно, в расчете на покупательный спрос, и не заменили ее менее прихотливой рожью.

С высказанным выше наблюдением вполне увязываются вырубленные в крепостях Внутренней и Главной гряды Крымских гор комплексы скальных ям – хранилищ, имевших колоколообразную или пифосообразную форму, вместимостью от 0,3 до 4,8 тонн, подобные обнаруженным вдоль восточного и западного края плато Эски-Кермен (см.: рис. 40), на котором находилось одно из таких городищ – перевалочных пунктов (*polismaton* или *kastron*)⁴⁰. Обычно хранилища располагались гнездами, по несколько десятков единиц. Любопытное предположение в отношении этих ям, закрывавшихся каменными крышками, было высказано Ю.М. Могаричевым, полагающим, что устроенные таким образом крупные склады раннесредневекового периода были предназначены для хранения зерна или даже гораздо более выгодной для транспортировки муки, которые крестьяне свозили из долин под защиту крепостных стен, в свое время воздвигнутых с помощью византийских икодомов, после чего собранный груз переправляли в «столицу» византийской архонтии – портовый Херсон⁴¹. Аналогичные и столь же многочисленные ямы-хранилища, высеченные в скале, упоминали П.И. Кеппен и Е.Л. Марков при описании древностей горы Баклы⁴². Прослежены они и на западном отроге горного массива Ак-Кая, на укрепленном крупном городище у с. Вишенное, которое, впрочем, нуждается в дополнительном исследовании⁴³.

⁴⁰ Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – С. 199; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 119-120, 143, 148, рис. 58, 1; Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 12; Герцен А.Г., Махнева – Чернец О.А. «Пещерные города» Крыма. – Симферополь, 2004. – С. 131, 135, 139.

⁴¹ Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго – Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 66-67; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – Ч. 1. – С. 139-140.

⁴² А.И. Маркевич также писал, что члены ТУАК «поражены были массой высеченных в скале углублений или цистерн», которые, учитывая наличие обильных источников воды на Бакле, служили для ссыпки зерна, а не для воды (Маркевич А. Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК. – 1889. – № 8. – С. 110-112). Ср.: Кеппен П.И. Крымский сборник: О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 321-322; Марков Е.Л. Очерки Крыма. 2-е изд. – М. . 1884. – С. 521-522.

⁴³ Мыц В.Л. О локализации Фулл и Фульской епархии // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 119.

По тем же причинам главный город окраинной провинции вполне подходил на роль местного ярмарочного центра, замыкавшего на себя поступление излишков сельскохозяйственной продукции с поселений обширной области Таврики и не только не испытывавшего в VIII в. недостатка в этих продуктах, но отчасти их реэкспортировавшего⁴⁴. Из житийных и эпиграфических материалов известно, что в раннесредневековом Херсоне к числу особо почитаемых святых мест относились церковь св. Прокопия, одного из палестинских мучеников, пострадавших в Кесарее при императоре Диоклетиане в 303 и 304 гг.; храм апостола Петра и большая базилика апостолов Петра и Павла; загородный храм св. муч. Созонта – пастуха овец, дерзнувшего поднять руку на языческого идола и замученного в 304 г.; другой загородный храм – Влахернский, поставленный во имя Богородицы-заступницы, целительницы и связанный с культом почитания реликвий Девы Марии, перенесенных из Палестины в Константинополь; храм св. муч. Фоки Синопского – покровителя нищеприимцев, путешественников и моряков; «дом» или церковь св. муч. Леонтия, скорее всего, одного из киликийских братьев-бессеребренников, как и прославленные Косма и Дамиан, занимавшихся врачебным искусством и пострадавших за веру в 286-305 гг.⁴⁵. Любой день их памяти, отмечаемый соответственно 8 июля, 12 июля, 20 сентября, 2 июля (Положение Ризы Богородицы во Влахернах), 28 августа (Успение Пресвятой Богородицы) и 1 октября (Покров Пресвятой Богородицы), 5 октября, 30 октября, мог стать и днем местного панигира. Должно быть, особенно устраивало приходившееся на середину лета время праздника апостолов Петра и Павла – главных патронов парамии, которым был посвящен самый большой соборный храм-кафоликон, а также дни Успения и Покрова Богородицы, св. Фоки и св. Леонтия, совпадавшие с завершением поры основных сельскохозяйственных работ, уборки урожая, добычи соли и приближением прекращения дальних морских поездок в связи с окончанием навигационного сезона.

В Византии, как и в любом другом средневековом обществе, рост сельскохозяйственных ресурсов был напрямую связан с ростом числа рабочих рук⁴⁶. Поэтому увеличение сельскохозяйственного произ-

⁴⁴ Сорочан С. Б. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII-IX вв. // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Международ. науч. археол. конф. 14-17 ноября 1995 г. – Самара, 1995. – С. 80; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике... – С. 116-118.

⁴⁵ Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. – Екатеринбург, 1995. – С. 45-46; Сорочан С. Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 325; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель... – С. 482, 546-547, 578-579, 598-599, 644-650, 660-665.

⁴⁶ Teall J. L. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330-1025 // DOP. – 1959. – №13. – Р. 133.

водства, экономический подъем в Таврике в VIII в., особенно заметный с середины столетия, были прямым следствием относительного затишья, весьма благоприятной обстановки и увеличения здесь количества поселений, устраиваемых как византизированным местным населением, так и новыми пришельцами⁴⁷. Только не приобретение краем независимости или потеря здесь ромейских позиций, и уж тем более не упадок и аграризация Херсона были тому причиной, а состояние кондомината, долгое время способствовавшее поддержанию состояния устойчивого равновесия разных сил на территории Крымского полуострова⁴⁸. Отсутствие необходимости защиты от внешних врагов с лихвой компенсировало убытки от статуса двойного подчинения, а, значит, и эксплуатации. Рост численности населения объясним как внешними факторами⁴⁹, миграцией, в том числе из Малой Азии и с территории Хазарского каганата – Северного Кавказа, Подонья, так и внутренними демографическими процессами, когда в условиях относительной политической и экономической стабильности произошел своеобразный «демографический взрыв», подобный тем, что уже случались в Крыму в иные эпохи⁵⁰. Некрополи фиксируют увеличение населения Эски-Кермена, Чуфут-Кале, поселений, окружавших Мангуп и Баклу, а также южнобережных селений⁵¹. Примерно две с половиной сотни новых поселений возникают со второй половины VIII в. в Центральной, Северо-Западной, Юго-Восточной и особенно в Восточной Таврике (приблизительно 85 % от общего числа), где процесс расселения пришельцев, численностью не менее 12–15 тыс человек, шел безконфликтно, на пустующих зем-

⁴⁷ Эти поселения не имели упорядоченной планировки, но были значительными по площади и количеству построек, иногда обнесены оградой толщиной до 3 м. К примеру, южнобережные поселения Хаспио в Ласпи, Артекское, селище на Аю-Даге, Кагель и Ураги занимали площадь 25 га, на которой размещалось от 30 до 100 каменных домов, однокамерных или домов – пятистенков, сложенных из бута и покрытых черепицей – керамидами. В центре поселения нередко находилась однефная или трехнефная церковь. См.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – С. 192-193; Домбровский О.И. Крепость в Горзувитах. – Симферополь, 1972. – С. 62-63; Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики. – С. 131, 136; Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 241, 244-245; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1991. – С. 148-149; Паршина Е.А. Торжище в Партеитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 93-94.

⁴⁸ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике... – С. 509–543.

⁴⁹ Активизация переселения алан и булгар в Таврику из Предкавказья могла быть вызвана последствиями разорительной арабо-хазарской войны 722-737 гг. (Плетнева С.А. Кочевники средневековья. – М., 1982. – С. 168-169).

⁵⁰ Ср.: Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. – 1996. – №1. – С. 80-84.

⁵¹ Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 63; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 197.

Рис. 141. Карта расположения гончарных центров VIII–IX вв.
(по Е.А. Паршиной, И.Б. Тесленко, С.М. Зеленко)

лях, видимо, с согласия византийских властей, которые продолжали считать данные территории своими⁵². Не случайно новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений, не нужных в это мирное время.

Среди более трех десятков гончарных центров, обнаруженных к настоящему времени вдоль побережья полуострова от Коктебеля до Херсона и в горной Юго-Западной Таврике, не менее трети стали функционировать именно в это время (гончарные мастерские в районе Алушты, в урочище Суат около Ялты, на территории санатория «Кипарисный», в Ливадии, у пос. Трудолюбовка, на берегу р. Бодрак, в 6 км от Баклы, в Чабан-Куле, в 27 км западнее Судак и недалеко от впадения р. Канаки в море, в 10 км западнее Чабан-Куле) (рис. 141), а технологическая традиция распространения здесь сложенных из сырца и камня двухярусных прямоугольных или квадратных горнов с восходящим движением газов и жаропроводящими каналами в топочном блоке, вероятно, пришла с южного или юго-западного побережья византийского Понта⁵³. Стандартность их

⁵² Айбабин А.И. Указ. соч. — С. 200–201; Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. — М.: Магнитогорск, 2003. — Вып. 13. — С. 265; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины — второй половины VIII в. // Х. сб. — 2004. — Вып. 13. — С. 163–168.

⁵³ См.: Якобсон А.Л. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 44–47; Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. — К., 2001. — С. 72–77, рис. 1; Тесленко И.Б.,

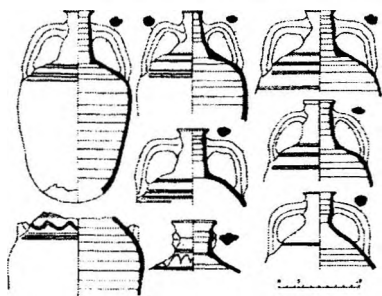

Рис. 142. Амфоры из гончарного центра VIII в. в ущелье Саут около Ялты (по Е.А. Паршиной, И.Б. Тесленко, С.М. Зеленко)

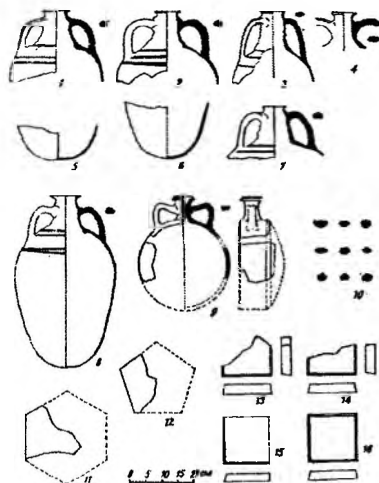

Рис. 143. Продукция ливадийских гончарных печей VIII в.: 1-8 – амфоры, 9 – флаги, 10 – сечение ручек, 11-16 – плинфа (по Е.А. Паршиной)

продукции, в основном амфорной, указывает скорее на городской, чем на деревенский характер ремесла (рис. 142–144), то есть на то, что здесь временно работали городские ремесленники-сезонники, пытавшиеся не упустить выгодную конъюнктуру рынка и для этого старавшиеся разместиться как можно ближе к потребителям их товара – местным виноделам и производителям сельскохозяйственной продукции⁵⁴. К тому же морем было особенно удобно развозить готовые гончарные изделия, которые, судя по всему, делали большими партиями, в огромном количестве. Подобного не наблюдалось на территории Крыма ни до, ни после.

Можно ожидать, что эти процессы не обошли и собственно Херсон, численность населения которого в сложившейся обстановке пережила тенденцию не в сторону сокращения до 3 тыс. человек, а скорее, напротив, достигала не менее 6 тыс.⁵⁵. Знать не могла насчитывать 10% от общего населения города, а именно столько составляла бы численность домохозяев знатных семейств от 3000 жителей, если исходить из указаний Феофана и Никифора о 48 протевонах, которых застали в Херсоне карательные войска Юстиниана II в 710 г.⁵⁶. Нет сомнений, что вывезенные в Константинополь, они в массе своей уцелели и были возвращены в Херсон уже в 712 г., сразу после прихода к власти Вардана – Филиппика.

Неблагоприятные последствия воздействия экологического фактора в середине VIII в., по-видимому, оказались для города сведены к минимуму. Следов разрушений, запустения, какие в это время наложили отпечаток даже на лик столицы Империи, здесь не прослеживается⁵⁷. Горожане благополучно пользовались солидным архитектурным наследством, доставшимся от второй половины VI – первой половины VII в. и даже кое-что достраивали, обновляли, возводили

новые храмы., среди которых с уверенностью могут быть названы появившиеся к концу столетия крестовокупольный храм №29 на большой агоре и Западный загородный крестобразный храм св. Созонта⁵⁸. Кстати, возрастание плотности внутриквартальной застройки по сравнению с первыми веками н.э., замеченное не только для Херсона, но и других, достаточно хорошо археологически

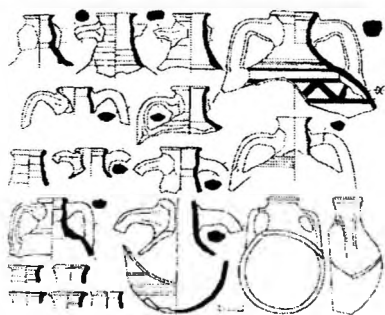

Рис. 144. Амфоры и флаги из гончарного центра VIII в. в урочище Чабан-Куле (по Е.А. Паршиной, И.Б. Тесленко, С.М. Зеленко)

исследованных византийских провинциальных городов (Коринф, Афины, Фивы, Эфес, Пергам, Сарды)⁵⁹, вернее всего объяснить только одним — недостатком места и, значит, возрастанием плотности населения отдельных жилых кварталов, где земля под застройку принимала все большую ценность.

Так или иначе, события конца VII — начала VIII вв. указывают на сближение Византии и хазар через посредничество Херсона, производившего впечатление достаточно зажиточного, состоятельного города⁶⁰. Империя нуждалась в этом сближении, важном для сдерживания мусульманской угрозы. Но поскольку речь шла о сближении Романии и каганата благодаря политике Херсона, почему хазары должны были чинить великое множество препятствий торговле города?⁶¹ Его экономика развивалась достаточно стабильно, отчего,

Лысенко А.Б. Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. — К., 2003. — С. 270–272.

⁵⁴ Якобсон А.Л. Крым... — С. 45; Романчук А.И. Очерки... — С. 106, 108, 113.

⁵⁵ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. — Л., 1991. — С. 7; ср.: Якобсон А.Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. — 1961. — Т. 19. — С. 161; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983. — С. 10.

⁵⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 41, 64, 156, 164.

⁵⁷ Ср.: Theophanis cronographia ex rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1. — P. 422–423; Mango C. Le developpement urbain de Constantinople, IVe – VIIe siecles. — Paris, 1985. — P. 57 suiv.

⁵⁸ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. — К., 2003. — С. 98–99, 190–191.

⁵⁹ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — С. 151–152.

⁶⁰ Достаточно вспомнить, с какой легкостью и быстротой (parachyeta — «тотчас, мгновенно») осенью 711 г. была собрана здесь для хакана солидная сумма залога золотом за Вардана Филиппика (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 41, 65, 157, 165).

⁶¹ Ср.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 37.

как заметил В.В. Кропоткин, она не сопровождалась зарытием кладов — «индикаторов неблагополучия»⁶². Необоснованное и насквозь противоречивое представление хронистов конца VIII — начала IX вв. о полном разорении Херсона во время первой карательной экспедиции Юстиниана II в 710 г. приняли и даже утрировали позднейшие византийские историки, такие как митрополит Навпакта Константин Манассия (ум. ок. 1187 г.), который писал, что участь города была хуже Вифлеема, где были убиты лишь младенцы, а не мужчины и женщины⁶³. На самом деле нет никаких оснований приводить свидетельства Никифора и Феофана в пользу тяжелого экономического положения, кризиса и запустения города в VIII в., как это иногда делается исследователями, в лучшем случае замечаящими, что дело не дошло до «полного замирения»⁶⁴. Показательно также, что со второй половины — конца VII в. социальные верхи тюркюто-хазарского общества получали все выпуски византийского золота начиная с солидов Константа II (после 651 г.) до ранних монет Константина V (741-751 гг.) и изменения в этом, видимо, отражающие некие изменения в Хазарии, произошли не раньше 60-х гг. VIII столетия⁶⁵.

Итак, имеющиеся материалы позволяют говорить, что Византия через Херсон и другие свои опорные пункты на территории соседних с ним областей — климата поддерживала достаточно оживленные экономические связи с местным населением региона. Крымско-византийские расписные ойнохои так называемого «баклинского типа» широко распространялись по территории, занятой во второй половине VIII — начале IX вв. носителями салтово-маяцкой культуры, где они встречаются в погребениях Кеп, Тамани, у станицы Крымской, Нетайловского могильника на Северском Донце, Верхнего Салтова, Подонья (Червоная Гусаровка) и др. Причем отмечается тенденция к замене традиционно-салтовской лощеной керамики кувшинами, кружками крымско-византийского производства⁶⁶. О том, что последние производились в VIII — начале IX вв. и в Херсоне свиде-

⁶² Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. — Вып. Е 4-4. — М., 1962. — С. 18.

⁶³ Constantini Manassis Breviarum historiae metricum / Rec. Im. Bekkerus. — Bonn, 1837. — P. 80-81.

⁶⁴ Ср.: Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. — СПб., 1905. — С. 99; Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона... — С. 63; Айбабин А.И. Этническая история... — С. 197.

⁶⁵ Семенов С.А. Византийские монеты Келагейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. — Л., 1991. — Вып. 31. — С. 126-127; Семенов А.И. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22-26 апреля 1996 г. Тезисы докл. — М., 1996. — С. 30-31; Безуглов С.И., Науменко С.А. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. — 1999. — №1. — С. 35-36, 37, 40-41.

тельствуют находки бракованных изделий этого вида в комплексе насыпи городского водохранилища⁶⁷.

Именно вещи византийского круга, бронзовые и железные пряжки типа «Коринф» и других распространенных вариантов, браслеты, фибулы, перстни с христианской символикой, греческими монограммами или имитациями монограмм, прочие украшения, стеклянная и гончарная посуда доминируют в инвентаре некоторых, преимущественно южнокрымских могильников в VIII столетии⁶⁸. Следы связей местных поселений проявляются в виде дороги с подрубами в скале, соединявшей поселения в урочище Алсу – 2 (17 км к югу от Севастополя), Чоргунский Исар и поселение Гасфорт на высоте Безымянной⁶⁹. Найдены византийские амфоры, столовой керамики, пряжек и прочей мелкой торевики дают также раскопки поселений и погребений этого времени в Центральной и Юго-Западной Таврике⁷⁰. Туда же поступали тканые изделия. К примеру, в плитовом могильнике VIII–IX вв. Баклинского городища на голове погребенной женщины сохранились остатки плотной коричневой ткани, обшитой тесьмой с золотной нитью, которая не могла принадлежать к изделиям домашнего производства. Фрагменты ткани красного цвета были

⁶⁶ Баранов И. А. Грунтовые могильники второй половины VII–X вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1989. – С. 166; Аксенов В. И. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 14.

⁶⁷ См.: Пятыхева Н. В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного Исторического музея. – М., 1969. – С. 151–152.

⁶⁸ Айбабин А. И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. – М., 1982. – С. 165–192; Айбабин А. И. Раскопки раннесредневековых могильников в горном Крыму // АО 1982 г. – М., 1984. – С. 239–240; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 41–50, 59; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46; Айбабин А. И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 122–128, 130; Айбабина Е. А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 118–121; ср.: Герцен А. Г., Мангун – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Междунаро. науч. конф. Тезисы докладов. – Симферополь, 1994. – С. 10–11; Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 85–86.

⁶⁹ Падалка Ю. В. Отчет об археологических разведках в урочище Алсу – 2 Балаклавского района г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2323. – Л. 2–6, рис. 8.

⁷⁰ Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 10; Омелькова Л. А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // Византия и средневековый мир: АДСВ. – Симферополь, 1990. – С. 73–94.

и на тазобедренных костях⁷¹. Очевидно, связи Херсона с населением Юго-Западного Крыма стали преобладающими, о чем свидетельствует стандартизированная керамическая тара херсонских гончарных эргастриев, поступающая на туземные поселения⁷². Следовательно, вывод, о том, что в городе сохранились ремесла, ориентированные на торговлю с аграрной периферией, верен, хотя надо подчеркнуть, что изделия херсонитов находили сбыт преимущественно в ближайшей округе (дальняя имела собственные гончарные центры, выпускавшие массовую продукцию)⁷³. Понятно, что при таком положении истинный византийский гончарный импорт, — «импорт дальней доставки», — был невелик, ибо местный спрос в таре и посуде удовлетворялся своими силами.

Население Таврики уже стояло почти на одной ступени развития вместе с Херсоном. Вместе с тем, продуцентная роль последнего, как, впрочем и других раннесредневековых городов, не могла быть велика. И дело не в упадке и кризисе города, якобы начавшемся в VII в., а в соответствии скромным потребностям новой эпохи с иными материальными потребностями и ментальными ориентирами. Именно в силу этих объективных обстоятельств не возникли условия для интенсификации обмена между херсонитами и сельской округой: массовые товары, производившиеся теми и другими, были за редким исключением одинаковыми. Более того, сельская округа как монополист сельскохозяйственных продуктов играла даже лидирующую роль в этом обмене, поскольку херсониты были жизненно заинтересованы в получении от нее зерна, вина, мяса, шкур и пр. Различия в материальной культуре Херсона и сельских поселений Юго-Западной Таврики в VIII в., конечно, существовали, но они объясняются не отсутствием связей между ними, а социально-экономическими и духовными причинами, какие всегда отличают село от города и несмотря ни на что делают его положение приоритетным⁷⁴.

⁷¹ Рудаков В. Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. — Д. № 1914. — Л. 12, рис. 34.

⁷² Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter // BS. — 1992. — Т. 53. — Fasc. 2. — S. 208; Романчук А. И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 1994. — С. 12.

⁷³ Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantino-bulgarica. — 1981. — Т. 7. — С. 324, рис. 5, 1-4; Романчук А. И. Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докл. Душетской конференции. — Тбилиси, 1984. — С. 65; Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон... — С. 44; Ломизе Е. М., Ченцова В. Г. XIII Всесоюзная сессия византистов (Ростов, 22-25 ноября 1990 г.) // ВВ. — 1992. — Т. 53. — С. 215.

⁷⁴ Ср.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. — С. 147; Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. — Свердловск, 1976. — С. 40, прим. 8.

Последний все же продолжал выполнять по отношению к варварской периферии функции центра торгового обмена, причем, судя по редкости находок монет даже в ближней округе, этот обмен был неэквивалентным, неравноценным и зиждился преимущественно не на основе договора купли-продажи (*emptio – venditio*), а на основе договора мены (*permutatio*)⁷⁵. Следовательно, и тут Херсон ничем не отличался от прочих пограничных городов Империи, к которым народности, находившиеся под ромейским влиянием, тянулись прежде всего как к источнику получения того, что не было известно в варварских землях или появлялось с известным запоздыванием⁷⁶. Даже амфоры и другая керамическая тара все же поступала на крымские поселения, связанные с городом, как с центром торговли всего региона, несмотря на то, что на этой территории существовали собственные гончарные центры, тоже производившие товарную продукцию⁷⁷. К примеру, сравнение керамики из поселений нижнего и среднего течения р. Бельбек показывает, что в VIII – первой половине IX вв. они были ориентированы на получение гончарной тары из Херсона и его ближайших окрестностей, тогда как верховья р. Бельбек снабжались продукцией, вероятно, из гончарных печей IX–X вв., расположенных в 12–15 км от крепости Сьюрен (Сюрень), в районе современного с. Голубинка⁷⁸.

При этом наблюдалась явная активизация производства подобных многочисленных гончарных мастерских в сельской местности,

⁷⁵ Ср.: Любавина Н. А. Купля-продажа в римской правовой традиции и современном частном праве // *Forum Romanum. Доклады III международ. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права»*. Ярославль – Москва, 25–30 июня 2003 г. – М., 2003. – С. 237.

⁷⁶ Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон // *Византия и средневековый Крым* (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 210–211.

⁷⁷ Особенно крупные гончарные центры по производству фляг, черепицы, северо-причерноморских амфор I типа возникли во второй половине – конце VIII в. на южном побережье (Ялта, Ливадия, Мисхор) и в Горном Крыму (Трудолюбовка) (см.: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... – С. 29 сл.; Баранов И. А. Ранняя средневековая печь в урочище Суат близ Ялты // *Социальное развитие Византии* (АДСВ. – Вып. 16). – Свердловск, 1979, с. 112–116; Бабенчиков В. П. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // *Записки Одесского археологического общества*. – Одесса, 1980. – №1 (34). – С. 275–280, рис. 4, 5, 8; Золотарев М. И. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // *Византия и ее провинции* (АДСВ. – Вып. 19). – Свердловск, 1982. – С. 147). Вероятно, отсюда они попадали на поселения в ближайших окрестностях Херсона, пример чему могут дать раскопки поселения Гасфорт (высота Безымянная) (Савеля О. Я., Падалка Ю. В. Отчет о раскопках на поселении «Гасфорт» в 1985 году // *Архив НЗХТ*. – Д. № 2608. – Л. 4, рис. 6).

⁷⁸ Романчук А. И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 81–82; Глазунов В. В., Пелевина О. Л. Опыт датирования гончарной печи по магнитной аномалии DT // *Методы естественных наук в археологии*. – М., 1989. – С. 81–94.

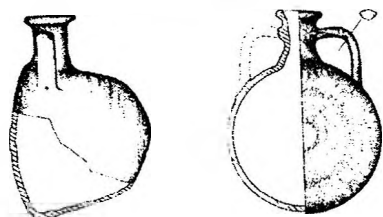

Рис. 145. Глиняная фляга из усадьбы поселения VIII–IX вв. на высоте Безымяной. Раскопки 1985 г. (по О. Я. Савеле, Ю. В. Падалке).

выпускавших тару, столовую, кухонную бытовую посуду, а также строительную керамику для церквей (ке-рамиды, калиптеры, плинфу, облицовочные плитки), но прежде всего рассчитанных на удовлетворение растущих запросов крымского товарного виноделия в бочках – пифосах и особенно амфорах, кувшинах и отчасти во флягах, предназначенных для выючной перевозки (рис. 145)⁷⁹. При всей курьезности концовки рассказа агнографа о споре двух местных жителей, которые даже при по-

средничестве своего духовного пастыря, преподобного Иоанна Готского, не могли поделить вино, хранившееся в пифосе (peri oinou ontos en pitho, oionon ento pitho), данный пассаж косвенно свидетельствует о широком распространении к концу VIII в. винодельческого промысла в здешних землях⁸⁰.

Примечательно, что в 1930 г. в ходе случайных раскопок большого винного склада на северной стороне Севастополя на обнаруженных здесь пифосах оказались граффити VII–VIII вв. – имена «Плиада жена Килика» (Pliada gune tou kylek[iou]), Пифар, Рама (Ramoou), расположенные в три строки, а также Тасий, Криний, Килита, Фасос (?) с изображением мухи, крестообразная монограмма имени Анастасий (INAT)⁸¹. Не исключено, что подобные прочерченные на видном месте знаки в виде монограмм, полностью написанных имен или одной и двух букв были не только метками заказчиков пифосов, но и заменяли в какой-то степени уорант для тех, кто помешал такие сосуды в винное хранилище⁸². Здесь же были найдены остатки фильтра, более совершенного, чем плетеные, «корзиночные», в виде толстого мата из шерсти, который служил для процеживания вина⁸³. Мат гораздо лучше старинных фильтров пропускал виноградный

⁷⁹ См.: Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 44–49; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... – С. 29–39; Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. – С. 74, рис. 10, 15, 26, 28.

⁸⁰ Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 32–33, гл. 9; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 399–400, 426.

⁸¹ Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – №3. – С. 83–84, №12; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... – С. 36, прим. 16.

⁸² Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 302; ср.: Якобсон А. Л. Указ. соч. – С. 36–38, рис. 18.

⁸³ Стржелецкий С. Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 141, 158–159.

сок, задерживая на своей поверхности виноградные зерна, кусочки виноградной лозы, песок, тончайший ил. Следовательно, можно говорить о следующем, после античного, более высоком этапе развития этого промысла на крымской земле и существовании элементов организации складского дела.

До второй половины VIII в. сюда попадало главным образом импортное вино, поступавшее по традиционным черноморским маршрутам, известным с античных времен. Но затем ситуация меняется. Поражает обилие появившихся в этот период и несколько позже каменных корытообразных, довольно больших тарапанов – давлений, углубленных на 0,3–0,4 м, рядом с которыми сооружавшие их виноделы – христиане иногда высекали в скале кресты и размещали гнездами ямы для установки вместительных округлодонных сосудов. Весьма производительными винодавильными обзаводились, похоже, даже монастыри⁸⁴. Только на территории Качи-Кальона насчитывается свыше 120 таких давлений, способных одновременно переработать более 2500 цн винограда⁸⁵. Винодельческие комплексы VIII–IX вв. открыты на северных склонах Главной гряды, в долине р. Биюк-Карасу (городище у с. Вишенное), в среднем течении р. Качи, в усадьбах городища Кыз-Кермен, в 3 км южнее Чуфут-Кале, в Чилтер-Кобе, Чилтер-Мармаре, у подножья Сюйренской крепости, на Эски-Кермене и в других местах⁸⁶. Они с трудом поддаются учету и редко со-

⁸⁴ Петровский В. А., Труфанов А. А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 136–144. Предположение о включении винодельческого комплекса с тарапаном в состав комплекса монастыря VIII–IX вв. на городище Бакла встретило возражение Ю. М. Могаричева, который предложил иную схему развития скальных сооружений на этом участке. Он считает винодельческий комплекс предшествующим склепам, которые были позже вырублены рядом с ним. Наземный храм, по его мнению, не имел отношения к монастырю и появился не ранее X–XI вв. (Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997. – С. 93–94). Если это и так, существование здесь винодельни в предшествующее время бесспорно. Остатки тарапанов, высеченных в скале, зафиксировали в 1889 г. члены ТУАК во время своей экспедиции на вершину Баклы. А. И. Маркевич описывал их как «продолговатые, четырехугольные углубления» (Маркевич А. Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш // ИТУАК. – 1898. – № 8. – С. 112).

⁸⁵ Веймарн Е. В. Чорев М. «Корабль» на Каче. – Симферополь, 1976. – С. 36–37.
⁸⁶ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – С. 110–111; Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып. 10. – С. 113–116; Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 104; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 152–154; Даниленко В. Н. Монастырь Чилтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 82; Мыц В. Л. О локализации Фулл... – С. 119; Белый А. В., Душевский В. П., Мажуко А. С. Девичья крепость. – Симферополь, 1999. – С. 18.

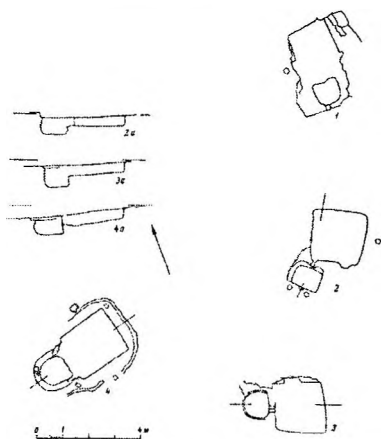

Рис. 146. Тарапаны VIII–IX вв.
на плато Кыз-Кермен.
Планы и разрезы
(по А.Л. Якобсону)

проводятся описанием. К примеру, группа из четырех тарапанов, соединенных канавками-стоками с прямоугольными или округлыми резервуарами для сока (0,64 x 0,85, 0,75 x 0,95, 1,0 x 1,0 м, глубиной 0,4–0,6 м), находилась при дороге на восточном краю плато Кыз-Кермен, несколько в стороне от усадеб (рис. 146)⁸⁷. Возможно, эти давяльни предназначались для общего пользования. Они имели прямоугольную форму (1,75–2,35 x 1,95–2,35 м), были, как положено, ограждены плетнем или каменной оградой и накрыты навесами на деревянных стояках. Ни размеры, ни конструкция таких традиционных тарапанов, ни обилие выпускаемой местными мастерскими тарной

гончарной керамики не дают оснований для заключения о том, что «...производство вина было здесь очень органичным, лишь для домашних нужд и отнюдь не товарным»⁸⁸.

На Мангупе найдено к настоящему времени более 20 таких комплексов, в том числе девять вырубленных в скале крупных винодавилен и резервуаров для сбора сусла, преимущественно вдоль обрыва, в восточной части плато, где концентрируются жилые усадьбы, а в 2001 г. на мысе Тешкли-бурун обнаружено вырубное основание для станин винтового пресса⁸⁹. С виноделием А.Г. Герцен полагает возможным связать и находки многочисленных костяных спиц для плетения⁹⁰. В культурном слое преобладает тарная керамика, производившаяся в гончарных комплексах в соседних долинах, откуда доставляли и виноград, что указывает на значительные перемены

⁸⁷ Якобсон А.Л. Указ. соч. – С. 152–153, рис. 100–103; Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С. Указ. соч. – С. 30–31.

⁸⁸ Ср.: Якобсон А.Л. Указ. соч. – С. 154.

⁸⁹ Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь. Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 119; Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 29–30; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и вварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 63; Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 104; Герцен А.Г. Хазары // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 104.

⁹⁰ Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 32.

в хозяйственной жизни, а именно, возрастание к концу VIII в. и в последующие десятилетия роли экспорта вина, ставшего одним из главных товаров здешних обитателей⁹¹.

О винодельческом производстве в районе Баклинского городища свидетельствуют находки скоплений пифосов, которые относятся ко времени не ранее VII–VIII вв. Подобное помещение с пятью пифосами было обнаружено в 1977 г. во время раскопок Уральской экспедиции (рис. 147–148). При этом В. Е. Рудаков отметил, что по словам окрестных жителей «на этом поле при полевых работах неоднократно обнаруживались подобные «пифосные гнезда», однако ни посмотреть этих находок (ибо пифосы уничтожались при полевых работах, либо разбивались при неумелом обращении), ни уточнить места находок из-за давности времени не удалось»⁹². Это находит подтверждение в сообщении А. И. Маркевича о том, что в XIX в. при распашке земли под Баклой то и дело натывались на скопления пифосов, зарытых рядом в землю. Крестьяне употребляли находки для своих хозяйственных нужд и соглашались продать сосуды для музея ТУАК⁹³.

Рис. 147. Пифосы из хранилища в окрестностях Баклинского городища. Раскопки 1977 г. (по В. Е. Рудакову)

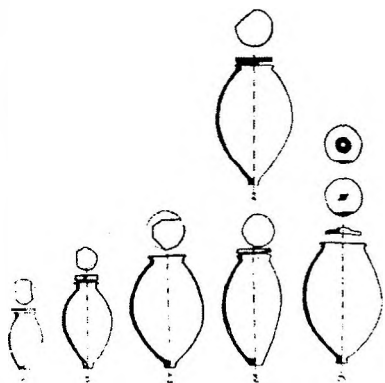

Рис. 148. Пифосы и крышки от них из хранилища в окрестностях Баклы (по В. Е. Рудакову)

⁹¹ Сырье для виноделия действительно свозили снизу, из долин, но непонятно, на чем строится посылка А. Г. Герцена о том, что это осуществлялось при административном контроле со стороны царского домена Хазарии не ранее конца VIII в. (Герцен А. Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе. – С. 63; Герцен А. Г. Хазары... – С. 32–33; Герцен А. Г. Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2002. – С. 18). Ни письменные, ни вещественные источники не дают такой определенности.

⁹² Рудаков В. Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского государственного университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1914. – Л. 1–10, 25.

⁹³ Несмотря на большую вместимость от 5 до 25 ведер и наличие крышек, автор необоснованно называл такие пифосообразные сосуды амфорами (см.: Маркевич А. Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш // ИТУАК. – 1889. – № 8. – С. 108, 110, 113).

Огромное количество фрагментов пифосов зафиксировано на поселении VIII–IX вв. у с. Оборонное Балаклавского района г. Севастополя⁹⁴. Более 50 пифосов оказалось на поселении Шабурла, существовавшем в это же время в Ласпинской котловине. Лишь в одном из сосудов были обнаружены остатки соленой рыбы, остальные были пусты и, по мнению авторов отчета о раскопках, служили для «хранения воды»⁹⁵. Однако с не меньшим основанием можно представить их применение в качестве тары для вина, поскольку проблем со снабжением водой данный район не знал. К примеру, на соседнее раннесредневековое поселение Хаспио вода поступала по водопроводу из керамических труб от обильных каптажей у обрывов горы Су-Уч-Кан⁹⁶.

Целые пифосы, порой достигающие двух и более метров высоты, объемом до 1500 л, а особенно разрозненные фрагменты таких сосудов VIII–IX вв., как и амфоры, повсеместно встречаются в Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму. Среди них можно выделить не менее трех типов сосудов (с желобчатым туловом и с обручами-валиками, шаровидные с высоким горлом в виде стоячего воротничка, яйцевидные), которые ремесленники, очевидно, делали на заказ⁹⁷.

Опять-таки примечательно, что амфоры, известные по раскопкам поселений Таврики, встречаются в синхронных им комплексах портового и южного районов Херсона VIII–IX вв.⁹⁸. Тоже можно сказать о пифосах с шаровидным и вытянутым яйцевидным туловом⁹⁹. Петрографические анализы керамики из приморских гончарных центров в районе Сугдеи (Чабан-Куле и Канакская балка) показывают, что изготовлявшиеся здесь амфоры служили тарой для вина, попадавшего не только в Херсон и прочие центры Таврики, но и распространявшегося за пределы полуострова, по Приазовью, Подонью, доходившего вплоть до Салтова¹⁰⁰. Это же обстоятельство свидетельствует в пользу того, что большинство известных скальных винодавилен да-

⁹⁴ Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2324. – Л. 22–23.

⁹⁵ Паршина Е.А., Савеля О.Я. Отчет о разведках в урочище Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 году // Архив НЗХТ. – Д. № 3068. – Л. 73.

⁹⁶ Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Археологические разведки 1993 г. поселения Хаспио в долине Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3187. – Л. 31.

⁹⁷ Яковсон А.Л. Керамика и керамическое производство... – С. 33–38, рис. 15–17.

⁹⁸ Романчук А.И. Очерки... – С. 204.

⁹⁹ Яковсон А.Л. Указ. соч. – С. 36. Исследователь, признавая наличие шаровидных и яйцевидных пифосов, отмечал отсутствие пифосов с обручами – валиками в Херсоне VIII–IX вв., где, по его мнению, «ремесленное производство... захирело» (с. 35, рис. 15), однако находки фрагментов таких пифосов в слоях портового района 2 заставляют пересмотреть и это утверждение.

¹⁰⁰ Яковсон А.Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 47.

тируется второй половиной VIII–IX вв., периодом наиболее активного использования амфор местных гончарных центров, и, значит, именно к этому времени относится пик развития товарного виноградарства и виноделия. Только два из не менее 10 одновременнействовавших в то время гончарных центров (в Канакской балке и Чабан-Куле – 5 и 10 печей соответственно) были в состоянии произвести за сезон около 18 тыс. амфор при объеме каждой 25–30 л, способных, таким образом, вместить 450–540 тыс. л вина^А. Продукции половины этих мощных эргастриев с избытком хватило бы, чтобы покрывать ежегодную потребность в таре, а значит, и в ее содержимом – вине для всего населения такого города как Херсон, причем, как уже сказано, оно расходилось по всему Северному Причерноморью, особенно Крымскому полуострову, и поступало за его пределы, в Фанагорию, Таматарху, коренные салтово-маяцкие поселения^В. Разумеется, подобное положение, сопряженное с долговременной, кропотливой работой по разведению винограда, могло сложиться лишь в условиях безопасности торговли, стабильного, относительно спокойного существования, при наличии слоя соответствующих промысловиков, местных предпринимателей и при широком, устойчивом, рассчитанном на перспективу спросе на предлагаемую ими продукцию на местном и внешнем рынке. Это вполне соответствует политически стабильному, устойчивому периоду кондоминатного византийско-хазарского владения на крымской земле, развивавшемуся в VIII в. в условиях спокойствия в северопричерноморском регионе, в степных районах Северного Кавказа и Подонья, и поэтому нет оснований сдвигать точку отсчета такого периода лишь к концу этого столетия или переносить его во вторую половину IX – начало X вв.¹⁰¹.

Как уже отмечалось, поскольку обмен шел на натуральной основе и к тому же был неэквивалентным, внутрирегиональная торговля не требовала большой монетной массы, что вполне соответствует сравнительной малочисленности нумизматических находок, столь характерной для эпохи «темных веков». Отдельные находки золотых монет, например, солида Ираклия (610–641) в могиле в базилике на плато Пампук – Кая или тремиссии Вардана Филиппика (711–713) и Константина V (741–775) в Скалистинском могильнике не меняют этого вывода, хотя нет сомнений, что в свое время золото было получено в Херсоне, ближайшем византийском центре¹⁰². Впрочем, эта си-

^А Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург, 2004. – С. 31–32.

^В Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... – С. 31, 32, рис. 12, 1–2; 13, 1–4 (второй вариант амфор с бороздчатым туловом).

¹⁰¹ Ср.: Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – М.: Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 546; Герцен А.Г. Хазары. – С. 104–105; Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангун)... – С. 104.

¹⁰² Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 148, рис. 97; Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. – К., 1993. – С. 167.

Рис. 149. Бронзовая гиря из засыпи
водохранилища.
Раскопки 1992 г.
(по Л.В. Седиковой)

туация была недалеко от той, что существовала в Юго-Западном Крыму и в первые века н.э., и в поздневизантийский период¹⁰³. Медная монета небольшого достоинства, главным образом пентануммий, лежала в основе мелких торговых, в основном внутригородских денежных операций и поэтому очень редко нужна

была для осуществления экономических и культурных связей между городом и деревней. С другой стороны, это же обстоятельство, а не только слабая ориентация торговли и ремесел Херсона на варварское окружение¹⁰⁴, отчасти объясняет пассивность работы оффицины Херсона и других византийских городов, удовлетворявшихся в основном старыми римскими монетами IV–VII вв. теми новыми выпусками, что эпизодически поставлял в обращение столичный монетный двор¹⁰⁵. К примеру, литые монеты, повторяющие типы чеканных полуфоллисов Маврикия, могли появиться не ранее VIII в., так как в предыдущем столетии этой техники изготовления монет в Херсоне еще не использовали¹⁰⁶. В обращении, необходимом для обеспечения нормального товарообмена в регионе, находилась масса старых номиналов, иногда контрмаркированных, и такое своеобразное положение сохранялось по меньшей мере до правления Василия I (867–886)¹⁰⁷.

В то же время распространение в городе бронзовых гирь, эксагиев дисковидной формы, подобных известным по всей территории Византийской империи в раннее средневековье, говорит о том, что денежное обращение и обслуживавшие его менялы, трапезиты, каталлакты не сдали своих позиций. Среди беспаспортных находок К.К. Косцюшко-Валюжинича имеется такая гирька диаметром 30 мм и высотой 5,7 мм, с невысоким круговым бортиком на внешней и внутренней стороне. Коррозия уничтожила обозначение нормати-

¹⁰³ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. – Харьков, 1989. – С. 87; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 148.

¹⁰⁴ Ср.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 148; Romanchuk A.I. Agreement and Diskrepancy between Written and Archeological Sources // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. – Shepherdstown, 1996. – P. 268.

¹⁰⁵ Гилевич А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // X. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 193.

¹⁰⁶ Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты (дополнение) // Нумизматический сборник. – 1911. – Т. 1. – С. 108, № 2, табл. 13,2; Белова Л.Н. Неизданные монеты Херсонеса // СА. – 1941. – Т. 7. – С. 328, №5, табл. 7; Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 103.

¹⁰⁷ Алексеенко Н.А. Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // X. сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 346.

ва, но вес гирьки 22,98 г, учитывая утраты, близок 6 номисмам или 1 унции (ГС – 27,30 г). Еще одна маленькая бронзовая гирька в виде диска размерами 22 мм и высотой 6,8 мм была обнаружена в 1937 г. раскопками на северном берегу, в помещении 17, в слое с разнообразным материалом раннесредневекового времени¹⁰⁸. Верхнюю и нижнюю часть лицевой стороны разновеса украшали две волнистые линии, нанесенные точками, между которыми были помещены выполненные точками буквы ND, обозначающие весовой норматив – 4 номисмы. Вес гирьки – 17,37 г почти полностью совпадает с этим нормативом, теоретический вес которого равнялся 18,20 г. Видимо, этот норматив был обозначен также четырьмя большими точками, разнесенными по углам квадрата между буквами ND. Еще меньший норматив означали буквы IB (12 нуммиев), вырезанные на гирьке в виде плоского кружка диаметром 12 мм. Она была найдена при раскопках галереообразного сооружения с южной стороны Уваровской базилики, в котором предположительно можно видеть остатки епископального птохиона раннесредневекового времени¹⁰⁹. Аналогичная бронзовая гирька встречалась при раскопках в юго-восточном углу большой агоры¹¹⁰. Вариантом дисковидных гирь является бронзовая гиря в виде плоского восьмиугольника, на котором внутри врезных окружностей выгравирован крест и, как указано в отчете о раскопках, буквы «FE» (рис. 149)¹¹¹.

Очевидно, для изготовления разновесов служила обнаруженная на территории храмового комплекса Западной базилики («дома св. Леонтия») мраморная прямоугольная формочка толщиной 2 см, с помощью которой можно было отливать одновременно по три плоских кружка в 12, 14 и 15 мм диаметром, то есть маленьких разновесов – номисм и их частей¹¹². Такая же формочка, только в виде прямоугольной

¹⁰⁸ НЗХТ, инв. № 91 / 35880; Описание коллекций за 1937 г. с № 35857–35904. Раскопки в Херсонесе // Архив НЗХТ. – Д. № 662-II. – Л. 21; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. – 1953. – № 34. – С. 87, рис. 38, 55; 53.

¹⁰⁹ Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С. 87; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... – С. 129–130.

¹¹⁰ Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки Херсониса в 1896 г. // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5. – С. 174.

¹¹¹ Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году. – Л. 6, рис. 20,1. К сожалению, в отчете не указаны размеры и вес находки. Аналогичная по форме гиря из собрания Эрмитажа (d – 2,3 см, h – 0,7 см, 31,84 г.) соответствует 1 унции, однако буквенные обозначения на гире из раскопок засыпи водохранилища несут скорее указание на 5 унций (Γ°Ε), что является большой редкостью (ср.: Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962. – Т. 2. – С. 108, №132, табл. 47, 90; Гурулева В.В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // НЭ. – 1999. – Т. 16. – Табл. I, 8).

сланцевой плитки, была найдена при раскопках в районе главной улицы и общественного «здания Г», судя по Житиям св. епископов Херсонских, в «регеоне так называемой малой агоры»¹¹³. Она тоже служила для изготовления круглых разновесов диаметром 15–18 мм и толщиной 3 мм. Внутри формочки, посередине кружков были вырезаны почти сгладившиеся буквы HN (8 нуммиев?) и греческий крест. Следовательно, городские трапезиты и аргиропраты, выступавшие менялами и ростовщиками, пополняли запасы необходимых им эксагиев за счет их местного производства, надзор за которым, надо полагать, находился в руках местных провинциальных властей во главе с византийским архонтом или протополитом. Контроль же со стороны столичной администрации в этом деле, видимо, ослаб.

Тем не менее, Херсон, как и прежде, оставался в границах обширной «номисма – зоны», а его денежное обращение продолжало покоиться на основе знаменитого «доллара средневековья» – византийского золотого солида и его производных – семисса и тремисса, размениваемых на мелкие медные номиналы. Разумеется, постоянная необходимость взвешивать монеты при всякой денежной операции снижала быстроту и удобство платежей, однако состояние денежного дела не позволяло избежать этого. Не престижная, но нужная для общества профессия трапезита, каталакта нашла свое место и в Херсоне, а поиски выгоды ее представителями должны были выводить к иным побочным занятиям, связанным с деньгами. Их деятельность была профессионально ориентирована, но, как и следовало ожидать, далека от узкой специализации. Нет сомнений, что херсонские менялы, подобно прочим византийским коллегам, сочетали свое ремесло с деятельностью ростовщиков – симадариев, кредиторов, скупщиков и продавцов драгоценностей, а также привлекались к «имперской службе» (*basilikos douleias*), выполнению общественных обязанностей финансового характера (подсчеты, выдачи сумм), несли контрольно-инспекторские функции, связанные с обеспечением нормального функционирования имперского монетного обращения и сбора налогов¹¹⁴.

Несмотря на религиозные разногласия первого периода иконоборчества, активизировавшуюся в 80-х гг. VIII в. политическую борьбу, даже отдельные вооруженные столкновения, общее экономическое положение в Южной и Восточной Таврике оставалось все еще вполне благоприятным. Без определенного контроля Херсона, а значит, и Византии, над «землями готов» невозможно было сохранение тор-

¹¹² Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С. 69.

¹¹³ Отчет за 1903 год. – Л. 26; см.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес... – С. 215–216, 228–229.

¹¹⁴ Сорочан С. Б. Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV–IX вв.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2000. – № 485. – Історія. – Вип. 32. – С. 39–48.

говли с их обитателями, — той самой торговли, наличие которой признается здесь исследователями, но лишь «под властью Хазарского каганата»¹¹⁵. Между тем, население Эски-Кермена, Тепе-Кермена, Баклы и других городищ продолжало сохранять торговые связи с Херсоном, а через него с Империей¹¹⁶, и, значит, византийское влияние имело не только духовную, но и материальную основу для того, чтобы успешно конкурировать с хазарским. Именно к этому времени относится особенный рост населения и восстановление целого ряда поселений на античной основе, в том числе в районе Феодосии, координаты которой под именем Таурсана называет при описании черноморского побережья арабский географ ал-Хваризми в первой половине IX в.¹¹⁷ Любопытно, что возрождение не затронуло саму Феодосию. Епифаний заявлял, что место, где находился этот прежде «...многолюдный и образованный» город, «...ныне не имеет даже следа человеческого» (*semeron oude ichnos anthropou en aute echei*)¹¹⁸. То же подчеркивает грузинский текст Жития: «Ныне он в развалинах и безлюден»¹¹⁹. Лишь в апокрифических «Деяниях ап. Андрея», по кодексу XI–XII вв., после слов «следа человеческого» добавлено «кроме немногих, по проповеди Апостола уверовавших», то есть крещеных¹²⁰. Эту картину пока подтверждают результаты археологических раскопок¹²¹.

Примечательно, что уже Периплы V в. (Псевдо-Арриана, § 30 и Анонимный, § 77) называли Феодосию или Ардабду — «Семибожную», как она именовалась «на аланском или таврском наречии», опустевшим городом эллинов¹²². Следовательно, «дезурбанизация и упа-

¹¹⁵ Айбабин А. И. Этническая история... — С. 197.

¹¹⁶ Романчук А. И. Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докладов Душетской конференции. — Тбилиси, 1984. — С. 65.

¹¹⁷ См.: Якобсон А. Л. Гонимые центры VIII–IX вв. в Таврике // КСИА АН СССР. — 1977. — № 150. — С. 48; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города (МИА. — № 85). — М.; Л., 1958. — Т. 2. — С. 470; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.; Л., 1964. — С. 34; Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. — М., 1988. — С. 80.

¹¹⁸ Хождение ап. Андрея в стране мирмидонян // Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1909. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 276. 70–73.

¹¹⁹ Грузинское «Житие св. ап. Андрея Первозванного» // Христианское чтение. — 1869. — № 8. — С. 165.

¹²⁰ *Praxeis kai periodoi tou agiou kai paneuphemou Apostolou Andreu egkomio symplegmenai* // АВ. — 1894. — Т. 13. — Fasc. 3–4. — Р. 334, § 30.

¹²¹ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... — С. 38.

¹²² Псевдо-Арриан. Безымянный автор. Обезд Эвксинского Понта: Пер. В. В. Латышева // ВДИ. — 1948. — № 4. — С. 663; Петровский С. В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Отдел II. Историческая ценность апокрифических сказаний. Главы III и IV. Отдел III. Краткие известия и позднейшие распространенные сказания об Апостольской миссии в пределах северо-восточного Черноморья; Главы V и VI. Заключение и дополнение // ЗООИД. — 1898. — Т. 21. — С. 170.

док», якобы присущие VII–VIII вв., здесь не при чем: в данном случае мы имеем дело с позднеантичным наследством. Впрочем, об обезлюдении здешнего места следует говорить с определенной долей условности. В. Гейд упоминал о следах раннесредневекового поселения на побережье Феодосийской бухты¹²³. А.Г. Еманов, ссылаясь на некие архитектурные детали и греческое надгробие, указывает на проживание полиэтничного грекоговорящего христианского населения в районе акрополя в IX в.¹²⁴. Очевидно, имеется в виду мраморная колонна вышиной 1,67 м (2 аршина 5 1/2 вершков) и диаметром 0,45 м (10 вершков), найденная в развалинах большой мечети в Феодосии, надпись на которой сообщает о погребении рабы Божьей Елены монахини, скончавшейся в среду 11 мая и раба Божьего Тамгана, умершего в пятницу 13 мая лета 6327 (819 г. н.э.), хотя есть мнение, что эта колонна вторичного использования была перевезена из Анатолии и поставлена в мечети¹²⁵.

На благосостояние византинизированных поселений и городов-крепостей Таврики косвенно указывает богатый клад византийских золотых солидов, который происходит с небольшого хазарско-салтово-маяцкого поселения, находящегося около Славянска на Верхней Кубани (в двух километрах восточнее Анастасиевки). Клад включал около 270 золотых монет Льва III, Константина V, Льва IV и Константина VI и, очевидно, был составлен в 90-х гг. VIII столетия, как предполагают, из добычи, которую хазары захватили после расправы в Крымской Готфии над прозелитами епископа Иоанна Исповедника¹²⁶. Более половины солидов имели граффити в основном из греческих букв, религиозных символов, рисунков архитектурного характера, а часть обрезана по краям, как это было принято делать в Византии и византийских центрах Крыма (Херсоне, Сугдее, Тепсене, Тамани), видимо, для компенсации нехватки разменной монеты¹²⁷.

Потребности контрагентов тамошних земель и метрополии ромеев обслуживал, очевидно, слой профессиональных предпринимателей, известных ромеям как «коммерческие люди из Готфов». Именно

¹²³ См.: Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и др. – СПб., 1884. – С. 204.

¹²⁴ Emano A. The Polyethnic Structure of the Protopolis of Kaffa (5th–10th Centuries) // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, Turkey – 2–9 September 2001. – P. 40.

¹²⁵ Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 70–72; Чиперис А. М. К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья (вторая половина XIII века) // УЗ Туркменского гос. ун-та. – 1964. – Вып. 27. – С. 36.

¹²⁶ Semenov A. I. New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of 8th Century A. D. Byzantine and Arab Gold Coins // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia (Archaeological Studies, № 16). – Saint Petersburg, 1994. – P. 83–85.

¹²⁷ Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдеевский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 439–440.

так они именовались в материалах Вселенского синода 787 г. среди прочих купцов «из всех внутренних стран запада», торговавших в Константинополе в правление Льва III Исавра¹²⁸. Столь прочное сохранение памяти о них свидетельствует, что это была вполне устойчивая категория частных торговцев, ведшая дела в Таврике и на главном, столичном рынке Империи. Вполне правдоподобным выглядит достаточно обоснованное мнение А. А. Васильева о том, что в продолжительный период мирных отношений с хазарами значительная часть восточного импорта поступала в Романию через византийские центры в Крыму, прежде всего Херсон и Сугдею¹²⁹. Поскольку арабы закрыли пути, что вели через Кавказ и Восточное Причерноморье к восточным рынкам, роль черноморской торговли и северо-причерноморских сухопутных путей в VIII в. стала расти, а вместе с ней росло пристальное внимание имперского правительства к крымским центрам.

Предметом византийского экспорта в города Таврики, как и прежде, могла быть медь в слитках, с которой работали кузнецы и медики, в том числе местных сельских поселений, и спрос на которую должен был быть велик¹³⁰. Какую-то часть импорта составляли типичные византийские бронзовые поясные пряжки VIII в., а значит, и кожаные ремни к ним, которые, разумеется, не все делали только на месте, в эргастриях самого города¹³¹. Среди привезенного случались редкие, изысканные для Херсона продукты, такие как плоды смоковницы, фиго (*syko*), на что указывает надпись по краю красноглиняной мисочки, обнаруженной в засыпи водохранилища на южном участке городища¹³².

Обращает внимание, что на поселениях VIII в. в приморской полосе Южного берега Крыма преобладает провинциально-византийский археологический материал¹³³. Массовая стандартизованная византийская столовая керамика, производившаяся в гончарных мастерских Херсона и других византийских центров Таврики, в силу своих высоких качеств и, очевидно, дешевизны усиленно конкурировала с гончарной продукцией салтовских поселений, практически вытеснив ее с местных рынков. Собственно, она никогда на этих рынках и не появлялась¹³⁴. По подсчетам И. А. Баранова, не менее

¹²⁸ Деяния Вселенских соборов, изданные в русском пер. при Казанской духовной академии. — Казань, 1873. — Т. 7. — С. 37. См.: Антология.

¹²⁹ Vasiliev A. The Goths in the Crimea. — Cambridge (Mass.), 1936. — P. 89-97.

¹³⁰ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — С. 82-83; Sandrovskaja V. Das Siegel eines XA/\KOPATHHC aus Sudak // SBS. — 1999. — Vol. 6. — P. 43-46.

¹³¹ См.: Репников Н. И. Дневник раскопок... — С. 176, рис. 34, склеп №2789; ср.: Айбабин А. И. Хронология могильников... — С. 43, рис. 42, 22.

¹³² Седикова Л. В., Сидоренко В. А. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища Херсонеса // МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5. — С. 107, № 2.

¹³³ Домбровский О. И., Столбунов О. И., Баранов И. А. Аю-Даг — «святая» гора. — Симферополь, 1975. — С. 90-93.

95 % посуды на поселениях в Крыму было византийской, то есть в той или иной степени привозной¹³⁵. В этом обилии продукция, которую можно относить к салтовской, практически тонет. Для сравнения следует заметить, что похожее положение сложилось на скифо-сарматских поселениях Юго – Западного Крыма в конце I – начале III веков н. э., в период расцвета посреднической торговли Херсонеса с ними¹³⁶. Приходится повторить в очередной раз, что все это в корне противоречит встречающимся в историографии утверждениям как об оторванности Византии от хоры Дори и Таврики, утрате ею здесь какого-либо влияния и тем более контроля¹³⁷, так и о заметном изменении в ориентации торговли Херсона этого времени, якобы превратившемся в почти замкнутый, региональный экономический центр¹³⁸.

Торговые связи херсонитов с метрополией ослабели не настолько, чтобы их значение перестало ощущаться для населения города. Он, как и прежде, не замкнулся в рамках местечкового центра торговли. Потребление им продукции преимущественно в амфорах крымского производства не противоречит этому выводу, поскольку местное вино и раньше не было предметом дальнего вывоза, что не мешало Херсонесу сохранять значение посреднического, транзитного центра дальней торговли¹³⁹. В VIII в. через него тоже шел обмен ромейских товаров из ядровых районов Империи на сырье, продовольствие, другой импорт, следы которого теперь не сыскать. Проходя Херсон, он поглощался в Романии.

Во всяком случае, центр экономической жизни не покидал портовый район города¹⁴⁰. Едва ли здесь строили военные корабли, но несомненно, рыбацкие и транспортные суда, которые в эту «эпоху одномачтовых судов» отличались малыми габаритами и на которых

¹³⁴ Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 246–247.

¹³⁵ Баранов И. А. Тарика в эпоху раннего средневековья. – С. 98.

¹³⁶ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов... – С. 80–89; Гушина И. И., Журавлев Д. В. Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Тезисы докл. Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. – М., 1996. – С. 45–50.

¹³⁷ Ср.: Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 154–155, 157; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 197.

¹³⁸ Ср.: Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон... – С. 44; Романчук А. И. Очерки... – С. 182, 204.

¹³⁹ Ср.: Romanchuk A. Trade Cooperation in Taurian Chersonese as an Example of the Mediterranean-Black Sea Region // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, Turkey – 2–9 September 2001. – P. 40; Сорочан С. Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докл. – Севастополь, 1997. – С. 112–113.

¹⁴⁰ Бибииков М. В. Городское пространство и экономическая организация Северопонтийских портов. X–XV вв. // Античный и средневековый город / Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. – Севастополь; Екатеринбург, 1995. – С. 15.

перевозили небольшие грузы. Море связывало херсонитов с Подунавьем, малоазийскими провинциями, со столицей Империи. Поражает, сколь быстро и регулярно получал Юстиниан II осенью 711 г. сведения о всем происходившем в городе, а византийские корабли, отправляемые из Константинополя по приказам василевса, столь же быстро достигали его порта¹⁴¹. Следует учесть, что несмотря на «демократизацию» морской торговли, государство сохраняло особый контроль над навклирами, поскольку они исполняли извозную и почтовую повинность, обеспечивали контакты с властями, доставляли налоговые поступления, помогали поддерживать связи с патримониями фиска на херсонесской земле¹⁴².

Не случайно в представлении папы Григория II (715-730), запечатленном в его письме к Льву III Исавру (717-741), Херсон посещали как обитатели Севера (oi oiketores tou Borgia), так и приезжавшие с юго-запада, со стороны проливов и Боспора (Bosporos), как издавна называли Боспор Фракийский¹⁴³. В данном случае пути паломников к местным святыням отражали основные направления торгово-экономических контактов. И если в грузопотоке уменьшилось количество привозной керамики — привычного для археологов индикатора связей, то объем перевозок так называемых «тяжелых» товаров (зерно, металлы, шкуры, воск) не поддается учету, хотя ясно, что сложившиеся условия явно располагали к их увеличению. Вполне возможно, что в обмен на вывозимое из Таврики херсониты, а через них обитатели крупных городищ «земли готов», к примеру, Мангупа и Баклы, получали в VIII — первой половине IX вв. не только ранние светлоглиняные поливные столовые «сервизы» (миски, блюда, горшководные сосуды с крышками) византийской работы (рис. 150)¹⁴⁴, но

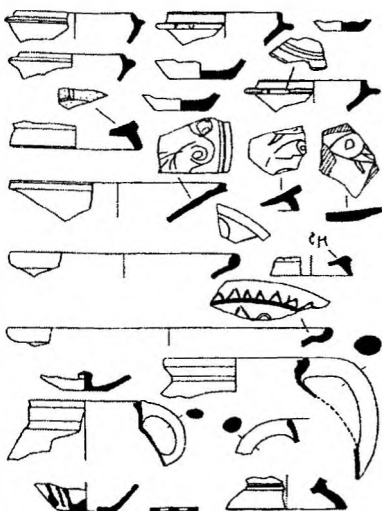

Рис. 150. Византийская поливная посуда из раскопок водохранилища (по Л.В. Седиковой)

¹⁴¹ См.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... — С. 40-41, 63-65, 156-157, 164-165.

¹⁴² Редактирование Морского закона в это время указывает на усиление государственного контроля за данной сферой частных взаимоотношений и права, что отражало общеперскую тенденцию (Морской закон: Вступ. ст. пер., коммент. М.Я. Сюзюмова // АДСВ. — Свердловск, 1969. — Вип. 6. — С. 3-54; ср.: Харитонов Е.О. История частного права Европы: Східна традиція. — Одеса, 2000. — С. 107).

¹⁴³ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... — Paris, 1905. — T. 12. — Col. 971 (repr: Graz, 1960); PL. — T. 89. — Col. 520.

и ткани, одежды, платье, спрос на которые был всегда стабилен, а рынок сбыта обширен. Иначе непонятно, что могло интересовать в Херсоне царского архонта (*tou archonti*), очевидно, влаттия, печать которого с изображением Льва III и Константина V датируется 739-751 гг.¹⁴⁵

Нередко архонты влаттия являлись эргастериархами (*ergasteriar-chai*) – управителями имперских мастерских по производству доро-

¹⁴⁴ Ранние образцы византийской светлоглиняной и белоглиняной посуды поступали в город, возможно, уже во второй половине – конце VIII в. (Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – М., 1997. – С. 15; Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 648-649, тип II; ср.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 197.). Между тем, А.Л. Якобсон полагал, что искусство поливной керамики появилось в Константинополе «не ранее второй половины IX в.» (Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – С. 68). Однако надо заметить, что за последнее время представления о времени начала производства и использования такой посуды значительно «помолодели». Самые ранние поливные белоглиняные сосуды с врезным (гравированным) орнаментом (группа Glazed White Ware I) Дж. Хейс, основываясь на материалах из раскопок в константинопольском квартале Сарахана, относил к VII в., а более поздние – с растительным, геометрическим орнаментом, изображением рыб – к VIII – первой половине IX вв. (Hayes J. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. – Princeton, 1992. – P. 15-18; Francois V. De la ceramique en contexte a Istanbul // Journal of Roman Archaeology. – 1994. – Vol. 7. – P. 512-519). Таким образом, поливная керамика археологически зафиксирована в Константинополе без каких либо лакун в слоях так называемой раннеисаврийской стадии с монетами от Фоки (602-610) до Константина IV (668-685), позднеисаврийской – с монетами Юстиниана II (685-695, 705-711), Константина V (741-775), Льва IV (775-780); раннемакедонской – с монетами Никифора I (802-811), Льва V (813-820), Феофила (829-842), Василия I (867-886). Мало того, новейшие результаты раскопок в Югославии позволили установить существование византийской поливной керамики в период между V и VIII вв. (Spieser J.-M. La ceramique byzantine medievale // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. 2. VIIIe-XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. – Paris, 1991. – P. 250). Причем пока необъяснимо, почему ранние образцы такой керамики встречаются во внутренних районах и буквально единичны в находках вдоль далматинского побережья и в местных портовых центрах. Шейла Макнелли, занимавшаяся раскопками Сплита, пытается найти ответ в бедности и «уединенности» (*remote*) города, но внутренние районы тоже не назовешь более богатыми или «посещаемыми» (McNally S. Split in the Byzantine Empire: The Archaeological Evidence // Acts XVIII International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications. – Shepherdstown, 1996. – Vol. 2. – P. 256). Все это заставляет начать пересмотр традиционных представлений о времени появления ромейской поливной посуды в Херсоне и его окрестных крупных сельских центрах (см.: Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 172-181).

¹⁴⁵ Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. – Барнаул, 1992. – С. 194; Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 202, 206, №11 (в шестистрочной (?) надписи видны лишь несколько букв, имеющих отношение к обозначению должности архонта, но нет достаточных оснований говорить о том, что он являлся еще и «главным коммерциарием», как полагает издатель статьи).

гих, парадных тканей и одежд¹⁴⁶. Определять их потребителей было прерогативой государства¹⁴⁷. По аналогичным сфрагистическим находкам известно, что эти служащие иногда назначались на должности контролеров за торговлей – главных коммеркиариев (*genikoi komerkiarioi*), надсмотрщиками за казенными складами – магазинами (апофиками), отбыв которую они, вероятно, возвращались к выполнению своих прежних обязанностей¹⁴⁸. Влаттии (*blattia*), в том числе и те, которыми распоряжался архонт, имевший дела в Херсоне, скорее всего, имели вид кусков материи: Книга Эпарха всегда упоминала их отдельно от плащей, иматиев, другой готовой одежды и прочих ее аксессуаров¹⁴⁹. Интересно, что торговцы льняными тканями имели дело с влаттиями – материей шириной «...в шесть ладоней и меньше» (*blattia exalia e elattona*) и их, наравне с льняными прандиями и харериями, разрешалось продавать иноземцам (*ethnesi*)¹⁵⁰. Это же прослеживается в торговле херсонитов, которые расплачивались с «варварами» аналогичным товаром¹⁵¹.

Н.П. Лихачев вслед за В. Хейдом подразумевал под влаттиями лишь пурпурную шелковую ткань и, надо сказать, исследователи обычно используют этот термин прежде всего в таком значении¹⁵². Он действительно происходил от слова *blatta* – «пурпур», то есть имел отношение к тканям, выкрашенным пурпурной краской. Однако Книга Эпарха вкладывала в это понятие более широкий смысл, охватывавший не только ткань, но и некоторые готовые тканые изделия,

¹⁴⁶ Н.П. Лихачев связывал деятельность эргастииархов-архонтов влаттия с таможенным досмотром, опечатыванием грузов тканей, одежд, подлежащих вывозу, короче, видел в них «...прикровенные печати коммеркиариев» (Лихачев Н.П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. – Л., 1924. – Т. 3. – С. 187-189, группа IV, 1-4).

¹⁴⁷ Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. – М., 1991. – С. 219; Oikonomides N. Silk Trade and Produktion in Bzyantium From the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. – 1986. – №40. – P. 50-51.

¹⁴⁸ Панченко Б.А. Каталог моливдовулов // ИРАИМК. – 1903. – Т. 8. – С. 207-208, № 9; Лихачев Н.П. Указ. соч. – С. 207-209, тип IX, 4; см.: Dunn A. The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios and the West // BMGS. – Birmingham, 1993. – Vol. 17. – P. 3-24; Бардола К.Ю. К анализу сфрагистических источников о функциях коммеркиариев в Византии VI–IX вв. // Вісник Харківського державного університету. – 1998. – № 413. – Історія. – Вип. 30. – С. 73.

¹⁴⁹ Византийская книга Эпарха / Вступ. ст, пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. – М., 1962. – IV. 3; VIII. 1; IX. 6.

¹⁵⁰ Там же. – IX. 6.

¹⁵¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 40, гл. 6.8.

¹⁵² Лихачев Н.П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. – Л., 1924. – Т. 3. – С. 208; Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. – М., 1991. – С. 232; ср.: Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B.C. 146 to A.D. 1100). – New York, 1893. – Vol. 1. – P. 310; Панченко Б.А. Каталог моливдовулов... – С. 208, №9; Иерусалимская А.А. Ткани собора св. Софии (в поэме Павла Силенциария) // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. – Л., 1988. – С. 8-19.

не требовавшие края, — занавеси, плащи, мантии, цельные скарамангии, причем как из пурпурного шелка, так и высокосортных льняных тканей, вероятно, разных расцветок (зеленых, желтоватых, персиковых, в багряную полоску, многоцветных)¹⁵³. Собственно пурпурово-шелковая ткань и изделия из нее именовались другим термином — охеоп, охеа, который в необходимых, уточняющих случаях добавлялся в качестве дефиниции к слову влаттий (apo blattion oxeos)¹⁵⁴.

Вот эти-то ткани и одежды, шедшие, судя по моливдулу опечатывателя таможенных грузов — буллоты середины VIII в., через Иерон — крупнейший перевалочный пункт, таможенный и ярмарочный центр на входе в Черное море проходили херсонесский порт, чтобы, обернувшись другими товарами, преимущественно продуктовыми и сырьевыми, с прибылью «вернуться» в город, а через него в Романию (рис. 151)¹⁵⁵. Так как в здешней торговле Херсона с его периферией в Юго-Западном и Южном Крыму отсутствовал устойчивый эквивалент — деньги, и она по давней традиции велась главным образом путем обмена, последний не мог быть равноценным и, следовательно, лишь одна сторона — херсониты извлекали максимум выгод из такой торговли. При этом главными оказывались не слабо продуцентные сельскохозяйственная база и ресурсы самого города, а ресурсы населения Готфии, вовлеченного в сферу неэквивалентного обмена в силу стабилизации отношений в условиях византийско-хазарского кондоминиума. Видимо, именно в этом направлении стоит искать отгадку сравнительно благополучного материального положения горожан, позволяющее по другому взглянуть на Херсон пика «темных веков». В целом, в его облике не проглядывало бескровное лицо нищеты — неизменной спутницы кризиса и упадка. Этот город привык трудиться сам и влиять на потребности своих многочисленных контрагентов, диапазон которых колебался от столичных рынков и эргастриев до скромных поселенных усадеб Таврики.

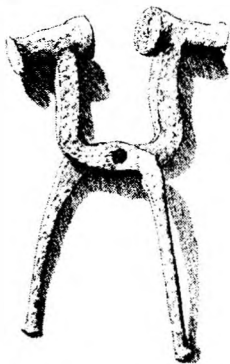

Рис. 151. Железный буллотирий, приспособление для оттиска моливдулов (по М. Мэнго)

¹⁵³ Византийская книга Эпарха. — VIII. 1; IX. 6.

¹⁵⁴ Византийская книга Эпарха. — IV. 1; 3; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. — Bonnae. 1838. — Т. 1. — Р. 688 (печь идет об одежде с узорами); Kontava-Delivoria B. Les oxeia et les sceaux et les étoffes pourpres des soie apres le 9e siecle // BZ. — 1989. — Bd. 82. — Р. 177.

¹⁵⁵ Алексеев Н. А. Моливдулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности. 1996. — Харьков, 1997. — С. 126, № 3. О буллотях (буллотирах) см.: Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. — Paris, 1972. — Р. 321; Kazdan A. A. Boullotes // The Oxford Dictionary of Byzantium. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 1. — Р. 317.

ГЛАВА 7. РОЖДЕНИЕ ФЕМЫ

Возможность полагаться на федератов, которыми со второй половины VII в. стали не только аланы, германцы (готы), балты, но и оногуры, булгары, была лишь одной из причин, позволявшей Византии долго оттягивать проведение в Таврике военно-административной реформы¹. Другие причины остаются недостаточно ясными и выяснение их, как правило, уводило исследователей на поиски противников, которые ослабели или, напротив, могли начать серьезно грозить Романии с севера. Изменения же, наметившиеся в то время в военно-административном устройстве Империи, и нарушение баланса сил внутри самого крымского анклава должным образом не оценивались. Объяснение случившемуся сводилось главным образом к боязни потери здешних архонтатов и, прежде всего, Херсона в результате внешней агрессии, персонофицируемой преимущественно в лице усиливавшихся русов (в последнее время их пытаются заменить исключительно венгерской угрозой), а также вследствие ослабления влияния хазар в Таврике и сильных сепаратистских настроений внутри города, продолжавшего якобы активно бороться за муниципальные, полисные свободы и самоуправление. По поводу последней причины необходим отдельный и, добавлю, кардинальный разговор, долженствующий наконец расставить точки над «i». Что касается внешней угрозы, то она тоже нуждается в объяснении и конкретизации, но делать это следует на фоне широкого полотна общерегиональных политических событий евразийского контекста

¹ Ср.: Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). — К., 1990. — С. 147; Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII—X вв.): Автореф. дисс.... докт. ист. наук / ИА НАНУ. — К., 1994. — С. 32.

первой половины IX в. и обязательно с учетом как внешней, так и внутренней ситуации предшествующего времени.

Ожесточенные, не на жизнь, а на смерть, столкновения с арабами, а затем с болгарами, решившимися во главе со своим «архигосом» Крумом на своеобразный «блицкриг» летом 812 г., внутренние смуты гражданской войны 821–823 гг. поневоле отодвигали на второй план заботы Империи в отношении проблем крымских территорий. Но дело было не только в сложности ситуации в Византии, которая привыкла вести упорную борьбу и подчас на многих фронтах. Мало того, в горниле этой борьбы как раз и закалялась крепость военно-административного строя государства, убедительно доказавшего свою жизнеспособность. Главное, к имперским, впрочем, как и к хазарским, преобразованиям на территории Крыма не располагало установившееся с конца VII столетия состояние кондомината². Именно оно обеспечило политическую стабилизацию и привело к экономическому расцвету края, росту населения, возрождению целого ряда поселений на античной основе, что отмечают многие исследователи. На мой взгляд, только нарушение особых условий «двоевластия» способно было вызвать кардинальные изменения на всем полуострове. Вопрос состоит в том, когда это произошло и в чем выразилось?

Причины неустойчивости византийско-хазарского кондоминиума в Таврике. И. А. Баранов полагал, что отношения с болгаро-оногурскими родами, бежавшими сюда из Волжской Булгарии, были мирными и сохранялись таковыми до 730-х гг., когда хазары, активизировав свои действия, якобы аннексировали восточную часть Крымского полуострова и Готфию с ее главными крепостями, причем новые переселенцы осели уже внутри византийской территории, в непосредственной близости от Херсона, лишь «номинально» входившего в состав Византии³. Столь тесное соседство поселений салтово-маяцкой культуры, расположившихся в прилегающих к городу долинах, сделало его положение «незавидным»⁴. Это, по мнению И. А. Баранова, последовало за иудаистской реформой хазарского владетеля Булана, что привело к появлению хазаро-иудейских общин в главных политических и религиозных центрах Таврики⁵.

Но такой разрыв мирных отношений и, как следствие, крах кондоминиума едва ли произошел столь стремительно. Еще в 732 г.

² Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000. — С. 218–225; Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум // ПИФК. — М.: Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 509–543.

³ Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докл. — Севастополь, 1988. — С. 10–11; Баранов И. А. Таврика в составе... — С. 32–36.

⁴ Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. — С. 11.

⁵ Баранов И. А. Таврика в составе... — С. 33; ср.: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989. — С. 121–123.

был заключен брак сына василевса Льва III Исавра, Константина, с дочерью хазарского хагана, Чичак (в крещении – Ириной). Союз продолжал жить и после 737 г., когда хазаро-булгаро-аланские силы потерпели поражение от арабских войск полководца Мервана (будущего последнего омейядского халифа Маруама) и им было явно не до подчинения и удержания Таврики. Напротив, ромейские войска, возможно, направлялись на Северо-Западный Кавказ в помощь местным силам, о чем свидетельствует находка именной шелковой ленты протоспафария Иванеса, происходящая из сборов на могильнике VIII–IX вв. в Мошевой балке⁶. Если религиозная рознь с арабами в течение двух с лишним столетий не разрушила систему совместного владения Кипром, почему неокрепший хазарский иудаизм раввинистского толка, имевший поначалу прозелитов только среди евреев и части хазарской верхушки, знати, должен был оказаться более враждебным и радикальным, чем мусульманство? К тому же заметный поворот верхов Хазарии в сторону новой религии никак не мог последовать раньше самого конца VIII в., вероятно, когда ее принял хазарский двор, после чего в начале IX столетия, в каганате вспыхнула внутренняя смута, приведшая к ослаблению государства⁷.

Нет оснований видеть враждебный мир в земледельческих и скотоводческих поселениях Юго-Западной Таврики. Расчеты И.А. Баранова, учитывающие экономический потенциал этих численно растущих поселений, показывают, что рынки местных византийских

⁶ Иерусалимская А.А. Византийский военачальник на Северном Кавказе? Шелковая лента из Мошевой Балки // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). Тезисы докл. – М., 1996. – С. 80–81.

⁷ В. Мошин относил обращение верхушки хазар в иудаизм к 737–763 гг., но современные исследования, при всех расхождениях, в целом отодвигают это событие к более позднему времени (см.: Мошин В. *Eparchia Gothias* в Хазарии в VIII в. // Труды IV Съезда Русских Академических организаций за границей. – Белград, 1929. – С. 149–156; Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 102–104; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 40–141, 150–151; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 100; Найман А.Я. Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 94–97; ср.: Vernadsky G. *Byzantium and Southern Russia. I. The Eparchy of Gothia* // *Byzantion*. – 1940–1941. – Т. 15. – P. 67–76; Zuckerman C. *On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study on the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo* // *REB*. – 1995. – Т. 53. – P. 237–270; Chekin L.C. *Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Ninth Century Reference to Judaism Among the Khazars* // *Russia Mediaevalis*. – 1998. – Т. 9. – F. 1. – P. 13–34; Shepard J. *The Khazars' Formal Adoption of Judaism and Byzantium's Northern Policy* // *Oxford Slavonic Papers*. – 1998. – Vol. 31. – P. 11–34.

Рис. 152. Лев III Исавр (717–741).
Миниатюра из Моденской
рукописи хроники Иоанна
Зонары (по В. Тредголду)

центров могли получать не менее 300 т мяса во второй половине VII–VIII вв. и около 900 т во второй половине VIII–IX вв. Причем, византизированный населению Юго-Западной Таврики с традиционно пастбищно-отгонным скотоводством поставляло такой продукции не меньше⁸. От 6 до 12 тыс. т. избыточного зерна давало и занятие земледелием, что по меньшей мере в три раза превосходило размер потребностей херсонитов в зерне. Контакты же салтовцев, в том числе и хозяйственные, с византизированным населением Южной Таврики, напротив, особенно усилились во второй половине VIII в.⁹, что было бы невозможно в условиях постоянных разбоев и военных действий.

Не срабатывает и аргумент о том, что Византия, ослабленная религиозными распрями иконоборства и внешними врагами, не только не оказала серьезного противодействия захвату хазарами всей Таврики с середины VIII в., но якобы сама спровоцировала его, чтобы подавить

центробежные тенденции представителей местной, враждебной правительству иконопочитательской Церкви¹⁰. Силы Империи к этому времени, напротив, не были истощены, ее доходы, армия, несмотря на потери, были значительны, и она вполне могла бы вмешаться в борьбу за Таврику, защитить христианское население, если бы в этом действительно была необходимость. Свидетельство тому активная, результативная борьба с арабами при василевсе Льве III (717–741) (рис. 152) и особенно успешные походы его сына, талантливого полководца Константина V (741–775) (рис. 153) на юг Малой Азии, в Исаврию, отвоевание крупного города-крепости Мелитины в Армении, а также части Сирии, крупномасштабные военные действия против болгар, славян, скамаров в Македонии, переход в подданство Византии ряда армянских владетелей-нахараров, грандиозные переселенческие мероприятия, охватившие Сирию, Армению, Фракию,

⁸ Баранов И. А. Таврика в составе... – С. 19.

⁹ Баранов И. А. Таврика в эпоху... – С. 52.

¹⁰ Баранов И. А. Таврика в составе... – С. 31.

малоазийские фемы — Анатолик и Фракийский¹¹. После сокрушительных поражений болгар у Маркелл (756 г.) и Анхиалла (763 г.) казалось, что давние и самые грозные соперники ромеев на Балканах вот-вот будут поставлены на колени, а их государство перестанет существовать. В 770 г. были наголову разбиты проникшие в Малую Азию арабы. Внутренние смуты в халифате закончились свержением Омейядов, принеших столько зла ромеям, и переносом столицы восточноарабского мира из Дамаска подальше от Византии, в Багдад. К концу 70-х гг. VIII столетия почти на всех границах Империи велись наступательные войны, дававшие большую добычу, а византийский флот доминировал не только на Черном море, но и в Восточном Средиземноморье¹². Не менее удачно проводилась политика укрепления центральной власти. Романия явно была на подъеме после спада второй половины VII — первой четверти VIII вв. и его не остановил даже тяжелый демографический урон от чудовищной вспышки пандемии чумы, обрушившейся в 746–747 гг. на все Средиземноморье¹³.

Активная, последовательно иконопочитательская, резко враждебная официальному Константинополю ориентация большинства церковных иерархов Таврики и их паствы, похоже, такой же миф современной историографии, как и решительный сепаратизм ее «самоуправляемых» властей: сослание идейных и политических врагов императоров-иконокластов в Херсон и округу при Константине V (741–775) и его сыне Льве IV (775–780), к слову, полухазарину, ро-

Рис. 153. Константин V (741–775).

Солид, золото

¹¹ Подр. см.: Schenk K. Kaiser Leon III. Ein Beitrag zur Geschichte des Bilderstreit (Inaugural Dissertation). — Halle, 1880; Lombard A. Etudes d'histoire Byzantine. Constantin V Empereur des Romains (740–775) / Avec une preface de Ch. Diehl. — Paris, 1902; Broaks E. W. The Struggle with the Saracens (717–861) // Cambridge Medieval History. — Cambridge, 1923. — Vol. 3. — P. 119–139; Vasiliev A. Byzance et les Arabes. T. 1: La dynastie d'Amorium (820–867) / Ed. franc. preparee par M. Canard, H. Gregoire. — Bruxelles, 1935. — P. 23 sq.; Rochow I. Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. — Frankfurt am Main, 1994; Назаров С.В. Северный Кавказ во внешней политике Византии в VIII–XII вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — Краснодар, 1999.

¹² Lewis A. R. Naval Power and Trade in the Mediterranean A.D. 500–1100. — Princeton; N.J., 1951. — P. 92–131; Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. — Stanford, Calif., 1997. — P. 355–370, 380–386, 402–413.

¹³ Russel J. G. The Ancient and Medieval Population // Transactions of the American Philosophical Society held at Philadelphia for Promoting Usephul Knowledge. N.S. Vol. 48. Part 3. — Philadelphia, 1958. — P. 40–42; Congourdeau M. -H. La societe byzantine face aux grandes pandemies // Maladie et societe a Byzance / Ed. E. Patlagean. — Spoleto, 1993. — P. 21–41; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 341–349.

дившемся от брака с дочерью хагана все еще дружественных хазар, не позволяет рассматривать этот регион как центр антиправительственной оппозиции¹⁴. «Обетованные края» беженцев-иконопочитателей, на которые незадолго до иконоборческого синода 754 г. в Иерии как на убежище монахов якобы указывал один из пламенных вождей иконопочитателей, Стефан Новый, были скорее всего в Центральной и Южной Италии, отдельных областях южномалоазийского и отчасти сирийского побережья, на Кипре, Кавказе и по направлению к Готфии Низменной (буквально – Впалой или Полой) (*kai ta pros ten Gothion Koilen arantonta*), может быть, в Скифской епархии с митрополией в Томах, близкой к болгарским пределам Подунавья, а на территории Крымского полуострова если и встречались, то узколокально и, разумеется, не в крупных центрах, подверженных сильному ромейскому государственному влиянию¹⁵. Причем, появились

¹⁴ Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 93, 95; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 180-190; Auzepy M.-Fr. La Vie d'Etienne le Jeune par Etienne la Diacre. – Aldershot, 1997. – P. 125, 219; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 326, 330. Следует добавить, что Житие, написанное в 816 г. или 807–809 гг. (Sevcenco I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. – Birmingham, 1977. – P. 115; Auzepy M.-Fr. La Vie d'Etienne... – P. 5–9), как показала М.-Ф. Озепи, весьма приблизительно отразило ситуацию более раннего времени (Auzepy M.-F. La Vie d'Etienne le Jeune et le premier iconoclisme. – Paris, 1994. – P. 32). Поэтому неясно, какими соображениями руководствовалась А.И. Романчук, когда писала, что только в начале IX в. Таврика стала местом ссылки иконопочитателей (Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 78).

¹⁵ Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris... // PG. – 1864. – T. 100. – Col. 1117 D; Auzepy M.-F. La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. – P. 125. 17–25; подр. см.: Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма С. 84–95; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк – Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1992. – С. 45–49; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 102-106; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 625. Первым на это очевидное обстоятельство обратил внимание А.Л. Бертъе-Делагард, отметивший, что «указанную Стефаном Новым Готию почитают Тарической, но назвать низменной горную страну Тавриды едва ли было удобно, да и по общему смыслу такое объяснение мне не кажется подходящим» (Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 1. Поселения южного побережья; 2. Православные и униатские епархии, их пределы; 3. Справки о Фуллах // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 46, прим. 3). Истинная «Низменная Готия» во всех отношениях подходила для убежища иконопочитателей, здесь было где скрыться.

такие тенденции около середины VIII в. в связи с ослаблением церковно-административного контроля над Крымской Готфией, что видно в попытке местных жителей самим выдвинуть собственного предстоятеля вскоре после иконоборского синода 754 г. Но укрепление их произошло не ранее третьей четверти VIII в. в связи с иконопочитательской пропагандой в Юго-Западной и Южной Таврике епископа Иоанна, побывавшего перед тем в святых местах в Палестине и рукоположенного около 760 г. католикосом Грузии в кафедральном храме ортодоксального Мцхета без официального утверждения Константинопольским патриархом¹⁶.

Возражения на эту тему, приведенные Х.-Ф. Байером, невразумительны и противоречивы. Они строятся на том, что «в VIII в. Херсон был расположен на западной окраине епархии Зихии, Никопсис — на восточной», и отсюда упоминание «Готской полости» (так автор переводит *Gotthios Koile*) надо несомненно понимать как... скалы, отроги гор района Инкермана, «вход в Готию» и одновременно «намека на епископию Готии», каковая якобы уже существовала в 754 г.¹⁷

«Пещерные» монашеские обители на периферии Империи существовали между концом VII — серединой IX вв., причем скальные монастыри появились в Малой Скифии даже в условиях языческой Болгарии (Атанасов Г. Ранновизантийские скальные церкви и монастыри в Южна Добруджа // *Археология*. — 1993. — Кн. 3. — С. 40).

¹⁶ Житие Иоана Готского // Труды В.Г. Васильевского. — СПб., 1912. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 407-408. По мнению М.-Ф. Оузепи, избрание Иоанна в Грузии произошло в 758 г. (*Auzery M.-F. Gothie et Crimée...* — Р. 328, 329). Х.-Ф. Байер относит это событие ко времени около 759 г. (Байер Х.-Ф. *История крымских готов...* — С. 49). К слову, пассаж Жития о том, что православные в Готии не принимали участия «... в новшествах беззаконного собрания», то есть иконоборческого синода 754 г. в Иерии, под постановлениями которого поставил свою подпись предшествующий пастырь то ли Готии, то ли, скорее, Херсона и Готии (прежнего *Chersonos tes Dorantos*), может быть не более чем поздней интерпретацией агиографа Иоанна Исповедника, стремившегося в соответствии со своей «идейной задачей» тем самым подчеркнуть правоверность окружения главного героя. На самом деле случилось одно — в Парфенидах объявилось новое духовное лицо, поначалу даже не епископ, тем более рукоположенный, иконодульские симпатии которого остались без внимания центральных и местных властей и некоторое время воспринимались без эксцессов.

¹⁷ См.: Байер Х.-Ф. *История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро*. — Екатеринбург, 2001. — С. 336-340 (к с. 49); с. 340-342 (к с. 51). Равнина, о которой говорил иеромонах Матфей при описании Мангупа, это не низменность, а плато, на котором находился «город приятнейший, весьма вознесенный, вокруг имеющий горы» (Байер Х.-Ф. *История крымских готов...* — С. 289, 291). Поэтому нет оснований видеть в Инкермане в верховьях Северной бухты «вход в Готию», поскольку совершенно очевидно, что это был вход, ведущий в гористую местность, а не в «полость» (ср.: Байер Х.-Ф. *Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай* // *АДСВ*. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 34. — С. 458-459).

Последнее было бы так, если следовать букве, а не смыслу Жития Иоанна Готского и общей оценке церковно-политической ситуации в Таврике, где верхи держали сторону правительства¹⁸. Мы не имеем фактических материалов о том, что здесь было очень много ярких иконопочитателей, бегущих от преследований. Впрочем, нет достаточных оснований утверждать мысль о сильных иконоборских настроениях среди населения полуострова. Наличие нескольких именитых ссыльных и двух – трех деятелей церковной иерархии, которые придерживались того или иного курса, еще не может служить весомым аргументом в пользу того, что вся паства единодушно поддерживала своих руководителей. К тому же, как верно в этом случае заметил Х.-Ф. Байер, нехристиан, а их было немало на просторах Крымского полуострова, этот вопрос вообще не интересовал¹⁹.

Иногда с малоазийской иконопочитательской иммиграцией в Таврику связывают так называемые плитовые могилы, а в качестве доказательства отмечается, что в Судакской долине, где на 21 некрополе исследовано около 300 подобных могил, не выявлено ни одной, датируемой ранее начала иконоборского движения²⁰. Однако на самом деле этот тип погребений был известен и раньше, по крайней мере со второй половины VI–VII вв. и увеличивался постепенно, став доминирующим с первой половины VIII столетия. Он не является этномаркирующим признаком, но указывает на христианский обряд захоронений, общий и в Крыму, и на Северном Кавказе, и, значит, скорее всего, был связан с местной христианской культурной средой, весьма пестрой по своему этническому облику²¹. Поэтому

¹⁸ Ср.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 110; Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 328–336.

¹⁹ Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 467.

²⁰ Майко В.В., Фарбей О.М. Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел // Археологія. – 1995. – № 3. – С. 78.

²¹ В плитовых могилах хоронили в Херсоне, но особенно выразительно этот тип погребения доминирует со второй половины VII – первой половины VIII вв. на горно-, южно- и восточнокрымских сельских, монастырских и церковных кладбищах в Гончарном, на Бакле, в Родниковом, Суук-Су, на Бал-Готе, в урочище Гугуш, Малом Маяке, Семидворье, Корейзе, в окрестностях Сугдеи, на Кордон – Обе, в Партените, на Тепсене, в Тиритакке, Боспоре (см.: Гадло А.В. [Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 274 (Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168); Айбабин А.И. Могилиники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 127–130; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 199; Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х. сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 293; Айбабин А.И. Археологические свидетельства распространения христианства в раннесредневековом Юго-Западном Крыму // Культура и искусство христиан – негреков. Тезисы докл. международ. конф. – СПб., 2001. – С. 3–4). Он остается господствующим и в дальнейшем, несмотря на усиление с конца VIII в. полити-

видеть в плитовых погребениях Таврики лишь своеобразный побочный эффект религиозно-политической борьбы в Романии нет оснований. Увеличение же притока переселенцев из Малой Азии с конца VII–VIII в. могло иметь одной из главных причин арабскую угрозу, куда сильнее иконоборства гнавшую за море, в чужие, но относительно спокойные края, процветавшие при режиме кондомината. Вместе с пришлым тюркским, праболгарским, позже – салтово-мяким населением, отчасти крещенным, эти переселенцы и их потомки и вызвали явление увеличения числа плитовых погребений, а также каменных склепов с коробовым перекрытием византийского типа, приходящееся именно на это и несколько более позднее время²².

В пользу иконопочитания в Крыму нельзя приводить и указание на отсутствие здесь изображений святых, датируемых между 730–787 гг. и 815–842 гг., поскольку это обстоятельство как раз свидетельствует об обратном – иконоборских веяниях, ведших к отказу от изображений человеческих лиц в святых местах²³.

Вопрос о «пещерных» монастырях как центрах иконопочитательской иммиграции из охваченной правительственными гонениями Малой Азии тоже остается открытым. Исследования А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, построенные на основе комплексного анализа самых разнообразных источников, не позволили прийти к однозначному выводу о том, что крымские «пещерные» монастыри возникли именно в иконоборскую эпоху²⁴. Действительно, нет определенных данных, позволяющих относить основную массу крымских монастырей и церквей к эпохе иконоборских гонений, хотя нет и веских оснований говорить о их возникновении не ранее середины – конца X в.²⁵. В этом случае получается, что со второй половины VI–VII вв.,

ческой экспансии Хазар в отношении Крыма. К сожалению, в распоряжении исследователей нет свода археологических памятников, связанных с христианизацией полуострова. В противном случае, картина выглядела бы гораздо полнее.

²² См.: Майко В.В., Фарбей О.М. Христианізація тюрко-болгар Криму... – С. 75-81; Майко В.В. Некоторые аспекты христианизации тюрков Таврики в эпоху раннего средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 148–154.

²³ Ср.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 341.

²⁴ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о возникновении пещерных монастырей Крыма // Проблемы археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1991; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. – С. 5-132; Могаричев Ю.М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. – С. 45-59; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. – Симферополь, 1995; Могаричев Ю.М. Основные этапы развития скальной архитектуры Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 128; Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики... – С. 100-102.

²⁵ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви... – С. 97-102.

когда на ряде плато возникли первые «пещерные» сооружения оборонительного и культового характера (наблюдательные пункты у дорог, караульни, отдельные храмы и баптистерии), до второй половины X в. в Юго-Западном Крыму не было вырублено ни одной церкви или иного скального сооружения, что представляется невероятным²⁶. Ведь стабильная политическая ситуация, в результате которой могли появиться постоянно живущие на одном месте монахи, относится как раз к мирному кондоминатному периоду истории Таврики в VIII – начале IX вв. и увеличению здесь населения, что, впрочем, не отвергает основной вывод о создании большей части крымских «пещерных» монастырей в XIII–XV вв.

Попытки не соглашаться с этим, настаивать на широком иконодальском переселении в Крым в VIII в. по-прежнему предпринимаются, но оговорки о том, что такие мигранты были представлены небольшими группами из нескольких монахов, основывавших монастыри²⁷, никак не согласуется с картиной общего высокого демографического и экономического подъема края. Наконец, почему надо думать, что это были только «сторонники почитателей икон»²⁸? Преследование монофиситства и монофелитства после синодов 681 и 692 гг. тоже внесло свою лепту в состав гонимых. Сравнительно спокойный, хозяйственно процветающий регион, разумеется, привлекал самый разный люд разного толка. А. Л. Якобсон, столь непривлекательный для Х.-Ф. Байера как историк, справедливо задавался риторическим вопросом о том, способна ли была произвести те резкие экономические и эколого-демографические перемены, которые наблюдались в жизни края, какая бы то ни была монашеская иммиграция²⁹. Ответ очевиден.

Крымские же монахи, как и большинство монахов Византии, похоже, избрали покорный путь сотрудничества с правительством и отнюдь не рвались на борьбу с властями. Такой же верноподданной и поэтому аморфной по сути религиозной ориентации в этих краях продолжали придерживаться в первой четверти IX в., о чем свидетель-

²⁶ Могаричев Ю. М. Указ. соч. – С. 5; ср.: Гайдуков Н. Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Теле-Кермен // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Междунар. Крым. конф. по религиовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 17–18.

²⁷ См.: Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 128.

²⁸ Ср.: Филиппенко В. Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 111; Баранов И. А., Тур В. Г. Средневековый монастырь на г. Перчем // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 50.

²⁹ Якобсон А. Л. [Рец.] // ВВ. – 1977. – Т. 38. – С. 203 (Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – К., 1974. – 216 с.); ср.: Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 461.

ствуется сочинение монаха-ортодокса Епифания, который во время сбора материалов для своего сочинения «О житии, деяниях и кончине святого и всехвального первозванного апостола Андрея» посетил ряд приморских центров Малой Азии, Восточного Причерноморья и Крымского полуострова, стараясь «избегать (ускользнуть) сообщества (общин) икономахов» (*kai pheugontes ten koinonion ton eikonomachon*)³⁰. Где только мог он подчеркивал антииконоборскую тенденцию, которой было еще далеко до полной победы³¹. Добравшись же из Боспора до Херсона, Епифаний вынужден был констатировать склонность местных жителей к официальному курсу, в том числе иконоклазму, христомахии, следующим образом: «Запутывающий в свои сети (легко окружающий) народ (племя) херсаки и до нынешнего дня туги (не крепки) на веру (клятвенное обещание, ручательство, договор), лгуны и всеми волнениями ветра кружимые» (*euperistaton de ethnos oi Chersakes kai ischuroi mechri tes semeron pros pistin, pseustai kai panti anemo peripheromenoi*)³². Поскольку термин *ethnos* ромеи как правило использовали по отношению к иногородцам, иноплеменникам, можно думать, что агиограф имел в виду под «херсаками», не одно лишь нестойкое в вере (с точки зрения ревностного ригориста-иконодула) и покорное всем конфессиональным колебаниям население города, но и обитателей его ближней и дальней округи. Недаром апокрифические «Деяния ап. Андрея» (по рукописи XI–XII вв.) конкретизировали слова Епифания следующим образом: «Население его (Херсона – С.С.) разнообразно по происхождению и по роду жизни, но вообще легко увлекается всяким ветром учения, легковерно и легкомысленно поныне, лживо во всем, слабо в вере и чуждо какого бы то ни было подчинения»³³.

Почти в то же самое время, в 810–811, 815–816, 821–826 гг., другой прославленный оплот недовольных церковной правительственной политикой – преподобный Феодор Студит (759–826) в своих письмах, в том числе в Херсон, к ссыльным епископам, сетовал о «совер-

³⁰ Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou kai ton praxeon kai telous tou agiou kaipaneuphemou kai protokletou ton apostolon Andreou // PG. – 1864. – Т. 120. – Col. 221 В. О маршруте Епифания подп. см.: Dräseke J. Der Mönch und Presbyter Epiphanius // BZ. – 1895. – Bd. 4. – S. 346–362.

³¹ Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou... – Col. 220 A-B; 221 C; 224 A; 244 B.

³² Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou... – Col. 244 A – C; Хожение ап. Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. I. – С. 276. 72-76; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения городищ Юго-Западного Крыма. – С. 93; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика. – С. 188; Auzepy M.- F. Gothie et Crimée de 750 a 830... – P. 325–326.

³³ Praxeis kai periodoi tou agiou kai panenphemou Apostolou Andreu egkomio symplegmenai // AB. – 1894. – Т. 13. – Fasc. 3–4. – P. 334, § 31. Пер. см.: Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 150.

шенных здесь против Христа страшных дерзостях», о пострадавших за веру, наказанных, изгнанных, брошенных в тюрьмы, а в ответном письме архимандриту Готфии, возможно, игумену важного южнобережного монастыря свв. Апостолов в Парфенте, упрекал тамошних архиереев и монахов именно за отход от истинной веры и обмирщение, подчиненность светским властям, суду, какое нес с собой дух иконоборства, и, по сути дела, указывал на вызванное им состояние здешней монашеской схизмы³⁴. В пересказе Жития апостола Андрея, сделанном, вероятно, знаменитым византийским агиографом Симеоном Метафрастом в 70-х гг. X в., тоже отмечалось, что «...жители [Херсона]... в истинной вере некрепки (ouk eupage), а восприимчивы к обычным ересям»³⁵.

Судя по всему, «религиозное невежество», а также скрытое и явное язычество, «эллинство» большей части обитателей Таврики было столь велико, что императорская власть без особого опасения могла себе позволить избрать данный регион в качестве постоянного места ссылки для своих врагов политических и идеологических. Образуя, говоря, крымская земля была настолько не одобрена истинами христианства, что давала чахлые всходы даже для ересей, а значит, и для внутривнутриполитической борьбы на религиозной почве³⁶. Не похоже, чтобы официальный Константинополь хоть когда-нибудь беспокоился серьезно на этот счет.

Еще раз следует подчеркнуть, что нет неоспоримых доказательств только иконопочитательской или только иконоборской политики, которой якобы придерживалось население почти всего полуострова или той или иной его части. Это не более чем мнение некоторых исследователей. Анализ источников способен привести лишь к выводу о том, что местные, в массе своей сельские жители действительно были в большинстве своем «разнообразны по происхождению и по роду жизни», имели глубоко устоявшиеся пережитки языческой культуры и ментальности и были «не крепки в вере», тем более, в последовательном отстаивании православной ортодоксии, как не были крепки на это правившие тогда Византией василевсы³⁷. Победа христианства в значительной мере была достигнута в ядровых землях Империи после VI в., который дал значительный прогресс в этом направлении, но и тогда оставались мощные «племена эллинства», особенно в сельских, гористых, сравнительно изолированных местностях, а языческие боги все еще пользовались почитанием и в IX в.³⁸.

³⁴ См.: Творения преп. Феодора Студита в русском переводе. – СПб., 1908–Ч. 2. – С. 454-455, 553-554; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830... – P. 326.

³⁵ Хожение ап. Андрея... – С. 269-270.

³⁶ Подр. см.: Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 328–334.

³⁷ Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации... – С. 291-297; Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 126–127.

Христианская религия, внедрявшаяся в общество и вербовавшая в свои ряды все возраставшее число сторонников, долгое время не могла добиться главного – полного подчинения варварских народов отдаленной периферии, лежавшей на пределах ромейской ойкумены. Ведь с принятием христианства речь шла не только о замене культа языческих богов культом христианского Бога. Поскольку религия так или иначе санкционировала своим авторитетом многие нормы поведения, нормы повседневной жизни, то смена культа влекла за собой и смену обычаев, не имевших к нему прямого отношения. При этом речь шла не только о перестройке порядков внутри страны, «хоры» в соответствии с догмами новой религии. На практике это являлось полным подчинением «новоиспеченных» христианских стран и регионов тому миру или «содружеству наций», частью которого они становились. Но это была власть не только над политической жизнью, а и над духовной культурой. Вот этого Византия в VIII в. еще не сумела достичь повсеместно. Если политический и экономический тандем во многом зависит от интересов и обоюдной выгоды стран, народов, то власть над духом, вера, мораль – настолько консервативные и глубокие определения, что иногда проходят столетия, прежде чем новые начала укоренятся в них.

Вместе с тем, причины нарушения византийско-хазарского доминирования в Таврике могли быть если не прямо, то косвенно связаны с изменением в 80-е гг. VIII столетия религиозно-политического курса после смерти василевса – полухазарина Льва IV, при стойкой последовательнице ортодоксального православия, вдовствующей императрице, афинянке Ирине, а, следовательно, с усилением критики иудаизма, что не могло не вызвать расхождения с верхушкой хазарского общества, склонной к иудаизму, в то время как наступившее некоторое ослабление мусульманской угрозы со стороны багдадских Аббасидов и взаимный отказ от борьбы за передел сфер влияния в Закавказье лишили Хазарский каганат необходимости придерживаться прежней стойкой ориентации на союз с Византией³⁹. Политические интересы Хазарии стали все больше сдвигаться на запад, в северокавказские степи (рис. 154). Последние обстоятельства наверняка сыграли определенную роль в начавшемся охлаждении хазаро-византийских отношений⁴⁰. Вполне нормальные до 757–760 гг.,

³⁸ Paganism in the Later Roman Empire and in Byzantium / Ed. by M. Salamon. – Cracow, 1991. – P. 124, 126, 131.

³⁹ Ср.: Герцен А.Г., Магарычев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 120–121; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 340–342. Уже С. Сестренцевич Богуш заметил, что, вероятно, преследование арабами евреев в Иерусалиме и переселение части их в 774 г. на берега Черного моря могли вызвать здесь нагнетание напряженности вследствие распространения иудаизма (История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. – СПб., 1806. – Т. 2. – С. 107).

они были прерваны после договора хагана с арабами, сопровождавшегося династическим браком, хотя и кратковременным⁴¹. Даже возобновление войны с Халифатом в 764 г. не восстановило хазарско-византийские отношения, поскольку вытесненные из Восточного Закавказья хазары потеряли прежний интерес к союзу с василевсом ромеев. В 70-е гг. VIII в. арабы окончательно утверждаются в Армении, Картли, Албании, Ширване, Дербенте, обновляют и строят на закавказских территориях крепости, размещая в них гарнизоны⁴². К тому же новый узел конфликта завязывался в последней четверти VIII в. на Кавказе, где при поддержке каганата добилось независимости от потерявшей влияние Византии дружественное хазарам абхазское эриставство (царство) Леона II (758–798) – внука хагана, которое стало стремиться присоединить к себе лежащие на севере земли, значительную часть Грузии в виде Эгриси, а кроме того могло угрожать важному для византийцев восточночерноморскому укрепленному центру Никопсису на одноименной реке и территории автокефальной Зихийской епархии, с входившими в ее состав кафедрами Херсона, Боспора и Сугдеи⁴³. Сюда же стоит добавить начало функционирования Волжского торгового пути, склонявшее каганат к налаживанию нормальных связей с арабским миром через страны

⁴⁰ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 151; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 320.

⁴¹ Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 241–242.

⁴² Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979. – С. 162, Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. – СПб. 1998. – С. 52–58.

⁴³ См.: Darrouzes J. A. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes.* – Paris, 1981. – P. 23, 31, 232 (notitia №3 конца VIII – конца IX вв.: 82. *Eparchia Zekchias o Chersonos* 83. *Eparchia tes autes o Bosporou* 84. *Eparchia tes autes o Sougdaon*); Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. – Тбилиси, 1988. – С. 56–57, 127–128; Артамонов М.И. История хазар. – С. 258–261; Очерки истории Грузии. – Тбилиси, 1973. – Т. 2. – С. 417; Гадло А.В. Этническая история... – С. 195–199; Герцен А.Г. К вопросу о территории Херсонской фемы // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 21–22; Гунба М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. – Сухуми, 1989. – С. 213–218; McGovern M. *Sarkel – A Reflection of Byzantine Power or Weakness?* // BS. – 1989. – Т. 50. – Fasc. 2. – P. 177; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль... – С. 151; ср.: Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихийской епархии... – С. 93–106. Очевидно, Никопсис – центр Зихийской епархии, епископа которого, судя по Нотии де Боора, на какое-то время в конце VIII–IX вв. замещал епископ Сугдеи, находился между современной Гагрой и Адлером (Воронов Ю.Н. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. – Махачкала, 1988. – С. 72–73). Византийские источники локализуют этот *kastron* на одноименной реке (*tou Nikorpeos potamou*), вероятно, р. Нечепсухо к северу от Туапсе (Константин Барянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 42. 87–98, с. 174–175).

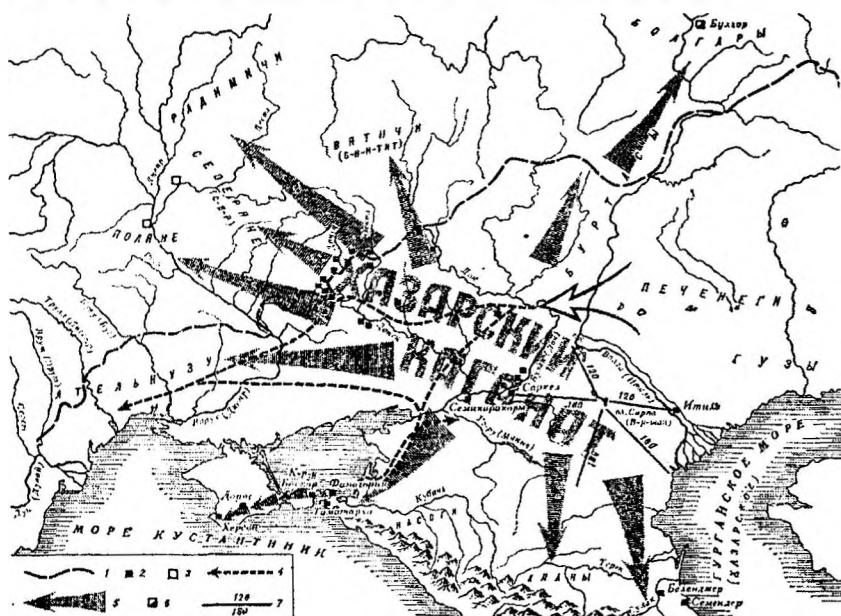

Рис. 154. Хазария в VIII–IX вв. 1 – граница леса и лесостепи; 2 – хазарские крепости; 3 – русские городища IX–X вв.; 4 – путь печенегов по южно-русским степям в конце IX в.; 5 – направления экспансии Хазарского каганата; 6 – столица Волжской Болгарии; 7 – расстояние от летней стоянки хана на р. В-р-шан до границ домена (по С.А. Плетневой)

Закавказья, Ближнего Востока и тем самым еще больше ослаблявшее прежнюю заинтересованность хазар в поддержке добрососедских, взаимовыгодных отношений с Византией⁴⁴.

Не мудрено, что в этой ситуации центральные хазарские власти с 760-х гг., а после смерти грозного Константина V особенно, все чаще стали посещать мысли о собственном одностороннем утверждении на территории Таврики в нарушение давно сложившегося кондоминатного статуса. Составитель Жития Иоанна Готского роняет фразу о том, что хан «послал» (aropsteilas) туда тех, кто действовал от его лица, и, надо полагать, местные власти «передали» (parelabe) хану кастрон Дорос незадолго до 787 г.⁴⁵ Тревожная тенденция к полному захвату Готфии хазарами вполне обозначилась, хотя сам захват еще не свершился. Он лишь назрел как потенциальная угроза. Но, что касается в целом государственной политики Ирины, она не была столь антихазарской, чтобы окончательно, к прямой невы-

⁴⁴ Науменко В.Е. Место Боспора... – С. 342–343.

⁴⁵ Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 416–417, гл. 5.

годе Романии, сломать систему «двоевластия» в Таврике в пользу Хазарии.

«Дело» епископа Ианна Готского. В свое время А. Л. Якобсон отмечал, что знаменитое восстание, случившееся во второй половине 780-х гг. в Юго-Западной Таврике во главе с Иоанном Исповедником, вряд ли было вызвано каганатом⁴⁶. Столь же трудно видеть в качестве причины случившегося «ослабление Византии внутренними распряями», чем якобы воспользовались хазары⁴⁷. Инициатива была явно на стороне проромейски ориентированного предстоятеля местной церкви, главная, особая заслуга которого, с точки зрения агиографа, состояла именно в том, что он пытался организовать решительное противостояние хазарам, давление которых, очевидно, стало серьезно беспокоить к этому времени власти Крымской Готфии⁴⁸. В свое время М. И. Артамонов предположил, что это была реакция христианской Готфии на реформы хагана Обадии, а И. А. Баранов видел в случившемся следствие столкновения еще и экономических, военно-стратегических интересов Византии и Хазарии⁴⁹. Нельзя говорить и об «антивизантийских, антиправительственных тенденциях

⁴⁶ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. — М.: Л., 1964. — С. 31, 157–158, прим. 34.

⁴⁷ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 62.

⁴⁸ Как я уже указывал выше, по целому ряду причин невозможно настаивать на полном господстве или хотя бы протекторате хазар в Крыму в VIII в., равно как и на почти полной самостоятельности Готфии (ср.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3. — С. 30–42; Артамонов М. И. История хазар. — С. 193–202, 252–258, Беллев С. А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви... — М., 1994. — Кн. 1. — С. 60; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. — (1994) 1995. — Вып. 4. — С. 65; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 171–214, 226–227). Видеть в Иоанне Готском «первого, кто пытался выделить отдельную Готскую епархию», может быть, и можно, однако заморский составитель Жития не указал это внятно среди заслуг своего героя, объясняющих его канонизацию, видимо, по причине того, что легитимность избрания Иоанна как епископа была сомнительна, зато служение делу Романии — непреложно (ср.: Могаричев Ю. М. Иоанн Готский и образование Готской епархии // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл и сообщ. — Севастополь, 2002. — С. 24–25). Сам факт антихазарского выступления, при любых его трактовках, доказывает, что к концу столетия напряженность в отношениях населения Юго-Западной Таврики с хазарами стала нарастать. Причем настолько, что ее попытались использовать как козырь в политической игре, конечной целью которой могло быть создание независимого от церковной власти Херсона автокефального епископства с православной ориентировкой, вполне устраивавшей на тот момент официальный Константинополь (см.: Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. — С. 112–113).

⁴⁹ Артамонов М. И. История хазар. — С. 327; Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. — К., 1974. — С. 151.

его участников и главарей»⁵⁰, ибо религиозные лозунги борьбы были явно православными, хотя и иконопочитательскими, и, значит, учитывая политический момент, провизантийскими. Не исключено, что их главный лидер мог иметь моливдул византийского образца, на котором представлял себя как епископ Готфии⁵¹.

Однако еще меньше оснований утверждать, что выступление во главе с Иоанном Готским специально инспирировали константинопольские власти или спровоцировали некие иконоборческие столичные круги, чтобы заранее, до созыва вселенского собора по вопросу икон, вывести из политической игры отважного иконопочитателя, рвавшегося в бой⁵². Крутая, властолюбивая, энергичная Ирина, по сути дела правившая с 780 до 790 г. вместо подраставшего сына Льва Хазара, пылкого, но непоследовательного Константина VI (рис. 155), была вольна практически вмешаться в это восстание, иконодульское по своей сути, следовательно, импонировавшее настроениям регентши, уже несколько лет занятой назначением на епископские кафедры противников иконоборства. Поэтому лозунги восстания Иоанна нельзя однозначно раценивать как «антиправительственные»⁵³, хотя формально на тот момент они действительно не соответствовали старому, еще окончательно не отвергнутому государственному курсу икономахи. Значит, кроме этого двойственного обстоятельства и фактора времени, быстротечности случившегося, для ромейских властей должны были быть еще и другие существенные причины, чтобы «не успеть» воспользоваться инициативой Иоанна Исповедника и последующими крымскими событиями, точная датировка, причины и характер которых остаются в области дискуссий. Поэтому следует задаться целью еще раз проанализировать их с тем, чтобы продвинуться в решении этого непростого вопроса, уже давно рождающего противоречивые выводы исследователей, поскольку они опираются на субъективные, не всегда внимательные тол-

Рис. 155. Августа Ирина (797–802) и ее сын Константин VI (780–797). Аверс и реверс солида (по В. Тредголду)

⁵⁰ Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. — К., 1966. — С. 14; Герцен А.Г. Хазары // От киммерийцев до крымчаков. — Симферополь, 2004. — С. 103.

⁵¹ Всего известно две такие печати (из ГИМ и Одесского музея) (Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества // ЗООИД. — 1889. — Т. 14. — С. 45; Пяташева Н.В. Печать Готского епископа из коллекции ГИМ // Археографический ежегодник за 1962 г. — М., 1963. — С. 32–34), но точная их датировка и атрибуция затруднены.

⁵² См.: Фарбей А.М. Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории // Судейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 360–365.

⁵³ Ср.: Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 34. — С. 103.

кования единственного письменного источника – Жития Иоанна Готского, созданного скорее всего во второй период иконоборства в Амастриде.

Вероятно, главная из причин пассивности византийской стороны – нежелание идти на окончательный разрыв с хазарами и, как следствие, немедленный развал отношений кондоминиума, ставших и без того ненадежными. В столице Империи по-прежнему боялись мусульман. Для этого вновь появились веские основания. В 782 г. арабы, грозя новым опустошительным рейдом, вынудили византийцев пойти на уплату ежегодной дани размером в 70 тыс. солидов, а в 785 г. халиф Харун ар-Рашид начал реорганизацию старых пограничных оборонительных рубежей (ас-сугур), проходивших от южно-малоазийской Киликии к армянскому Эрзеруму (ромейскому Феодосиюполю) и известных как «Омейядский Север»⁵⁴. Ирину не могли не утратить нападения арабов на Анатолию, во время которых армия вторжения превышала 95 тыс. человек⁵⁵. Скорее всего, у имперского правительства оставалась надежда на союзные хазарские действия против мусульман хотя бы в Закавказьи, которые снизили бы возросшую активность рейдов халифа в Юго-Восточной Малой Азии. Другим существенным сдерживающим фактором могли стать сведения о сохранении иконоборской ориентации в Таврике и не сочувствии или, по крайней мере, равнодушии большей части местного населения по отношению к Иоанну Исповеднику.

На то, что он не мог быть официально утвержденным из столицы здешним епископом свидетельствует его избрание в Мцхете и принадлежность, таким образом, к клиру Грузии. Самое большое, на что Иоанн мог претендовать, это числится «сельским епископом» (хорепископом), без постоянного прихода, то есть быть периодическим, представителем окружного епископа, скорее всего Херсонской епархии. Такие лица зафиксированы в актах синодов и в сочинениях церковных писателей ранне- и средневизантийского периода⁵⁶. Им разрешалось временно служить на территории чужих приходов, но

⁵⁴ История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 62; Bonner M. The Naming of the Frontiere: 'Awasiim, Thughur and the Arab Geographers // Bulletin of School of Oriental and African Studies. – 1994. – Vol. 57. – №1. – P. 17-24.

⁵⁵ Weil G. Geschichte der Chalifen. Nach handschriftlichen, grosstentheils noch unbenützten Quellen. – Mannheim, Stuttgart, 1848. – Bd. 2. – S. 99-117, 155-157; Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – P. 418, 423.

⁵⁶ Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т. 3: IV собор. – С. 151; Т. 4: VI собор. VII собор. – С. 614; Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. – СПб., 1997. – С. 155; Поснов М.Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей 1054 г.). – Брюссель, 1964. – С. 303–304; Соколов И. Избрание архиереев в Византии IX–XV вв. // ВВ. – 1917. – Т. 22. – Вып. 3-4. – С. 230, 237; Джонс А.Х. Гибель античного мира. – Ростов-на Дону, 1997. – С. 361; Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. – М., 2000. – С. 45; Тальберг Н. История христианской Церкви. – М.; Нью-Йорк, 1991. – С. 84, 229.

рукополагать только низших клириков, даже не диаконов. В известной строительной надписи 1427 г., оставленной митрополитом Готфии, киром Дамианом, на закладной плите в полу южнобережного партенитского храма свв. Апостолов Петра и Павла, Иоанн уж совсем неверно назван «архиепископом города Феодоро [Мангула] и всей Готфии»⁵⁷. Впрочем, учитывая находку моливдула Иоанна, архиепископа Готфии, с изображением Богоматери, который датируется его издателем XI–XII вв., это мог быть совсем иной человек, чего не скажешь о том, кому принадлежал еще один моливдул с упо-

⁵⁷ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896. – С. 77-79, № 70. Судя по более раннему источнику, не искаженному последующими легендами, Иоанн был не более, чем хорепископом в Крымской Готфии, да к тому же поставленный не василевсом и рукоположенный патриархом, а предложенный некими «православными Готфии» (*tes Gothias orthodoxoi*), то есть избранный не по церковным канонам и рукоположенный в Грузии, не Константинопольским патриархом (см.: Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – вып. 2. – Гл. 2, с. 396, 406-407). Его «епархия», если и существовала с середины VI в., как думает С.А. Беляев, принимая во внимание активную деятельность византийцев при Юстиниане I в Крыму, едва ли была самостоятельной, а скорее, подчинялась епископу Херсона, который, как известно, в конце VII в. именовался епископом «Херсона Доранта» (Дори) (ср.: Беляев С.А. История христианства... – С. 59). Вместе с тем, отсутствие подписи епископа Готфии под актами синода 787 г. не может служить решающим аргументом в пользу того, что такой кафедры в это время еще не было (ср.: Науменко В.Е. Представитель Готии на VII Вселенском соборе 787 г. в Никее // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 61-67). После бегства Иоанна Исповедника в Амастриду место предстоятеля, естественно, было какое-то время не занято. Следует заметить, что под решениями VII иконопочитательского собора, на котором присутствовали епископы Херсона и Сугдеи (Деяния Вселенских соборов. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 598-604), нет подписи и епископа Боспора, хотя, судя по актам синода 680–681 гг., находке моливдула боспорского епископа Петра Пистика, другим сфрагистическим, агиографическим источникам, в VII–IX вв. здесь несомненно действовал центр епископии (подр. см.: Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике... – С. 524–525). Кроме того, детальный разбор подписей монаха Кирилла, подписавшегося от имени епископа готов (епископа Готфии) под протоколами семи заседаний Никейского синода 787 г., привел французскую исследовательницу М.-Ф. Озепи к оригинальной гипотезе о существовании в Крымской Готфии, наряду с Иоанном Исповедником, другого, официального, законного епископа Никиты, назначенного в свое время иконоборцами, то есть о наличии уникального варианта двоеепископства (Auzery M.-F. *Gothie et Crimée...* – P. 327–330; эту точку зрения разделяет Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 50–53; см. ее критику: Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврии иконоборческого периода // ПИФК. – 2003. – Вып. 13. – С. 268–269). Но в любом случае церковной митрополией Готфия стала, как и другие крымские архиепископства, не ранее последней четверти XIII в. (Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 20–32), когда забылось даже прежне название Мангула-Дори и он превратился в центр деспотии Феодоро.

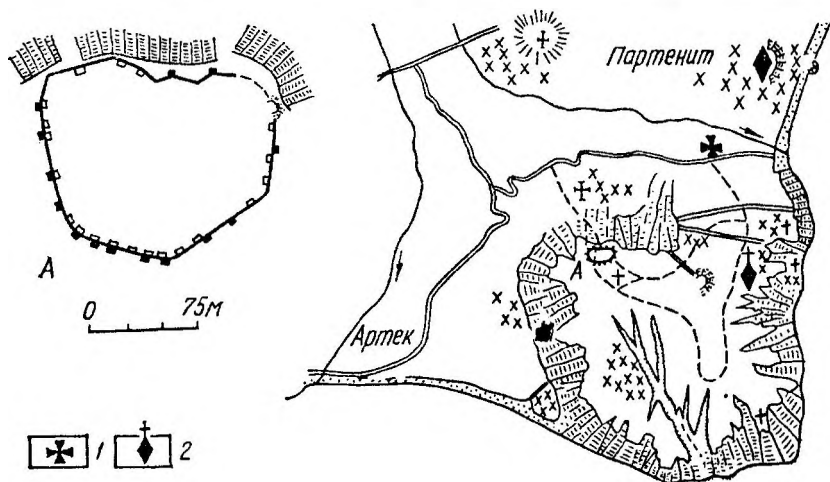

Рис. 156. Средневековый монастырский комплекс на г. Аю-Даг.

А – верхнее укрепление; 1 – Парфенитская базилика;

2 – основной комплекс построек монастыря (по О.И. Домбровскому)

минанием Иоанна, епископа Готфии, и неясной крестообразной монограммой о Божьей помощи (to so doulo?), позволяющей отнести находку, сделанную в Херсонесе, к сфрагистическому типу второй половины VIII – первой половины IX вв.⁵⁸

Само восстание, внешне носившее, как принято в средневековье, одновременно политическую и ярко выраженную религиозно-идеологическую окраску, началось в «эмпории Парфениты», предполагаемой резиденции хореепископа, где его стараниями во второй четверти VIII в. был основан монастырь и сооружен храм (рис. 156). Дата восстания остается открытой и ясно лишь, что оно приурочивалось к открытию VII Вселенского синода, на котором предполагалось восстановление столь долго попираемого иконопочитания⁵⁹. По мнению Д. Хаксли, выступление произошло в 785 г., еще до созыва в Константинополе первого, неудавшегося синода 786 г., который оказался разогнан многочисленными иконоборчески настроенными епископами, призвавшими на помощь войска, верные памяти всегда заботившегося о солдатах Константина V⁶⁰. Этой же версии, с незначительными поправками, с некоторых пор стали придерживаться А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев, помещающие восстание между 784 и 786 гг.⁶¹

⁵⁸ Пятыхева Н.В. Печать Готского епископа в коллекции ГИМ. – С. 32–36; Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 209, №33.

⁵⁹ Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского. – С. 159–161.

⁶⁰ Huhley D. On the Vita of St. Jone of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1978. – Vol. 19. – №. 2. – P. 166–168.

Предшествующее выступлению Иоанна в Константинополе, скорее всего, действительно пришлось на конец патриаршества Павла, который, как, сказано в Житии, «приближался к кончине»⁶². Следовательно, Иоанн покинул столицу до 31 августа 784 г., когда Павел без ведома императрицы Ирины оставил престол и удалился в монастырь Флора⁶³. Столь же очевидно, что он не участвовал ни в работе синода, пытавшегося собраться в константинопольской церкви св. Апостолов летом 786 г., ни в работе синода, наконец открывшегося 24 сентября 787 г. в Никее благодаря крутым мерам, предпринятым Ириной, и энергичности нового патриарха Тарасия (рис. 157)⁶⁴. Однако почему надо считать, что выступление Иоанна в Таврике произошло в 785 г. или «не позднее 786 г.»?

Рис. 157. Миниатюра из Миналогия Василия II, изображающая заседание синода 787 г. в Никее. Слева от креста – патриарх Тарасий, справа – Константин VI и епископы. Перед ними – осужденный иконоборец (по В. Трегелду)

В Житии оно описано в главе, следующей сразу за рассказом о синодах в Константинополе и Никее, где прямо сказано, что пре-

⁶¹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 113-115; Могаричев Ю.М. Крымская агиография... – С. 269; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 170. До этого они полагали, что «... уже после VII Вселенского собора Иоанн поддержал господина Готии в его борьбе с хазарским засильем» (см.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу об образовании Готской епархии в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь. Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 117; ср.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике. – С. 120 («Несомненно, что восстание произошло... после VII Вселенского собора, временно восстановившего иконопочитание»). В новейших работах сохраняется отбечаемое указание на то, что это произошло «на исходе VIII в.», «около 787 г.» или предлагается более широкая дата – «приблизительно вторая половина 80-х гг. VIII в.» (см.: Науменко В.Е. Место Боспора... – С. 342; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и ввварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 62; Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангуне // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 32; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв.) // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 545).

⁶² Житие Иоанна Готского. – Гл. 3, с. 397, 411.

⁶³ Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1: Textum graecum continens. – P. 457. 13-15.

⁶⁴ В Житии содержится указание, что репрессиям было подвергнуто шесть тысяч бунтовщиков-схолариев с их женами и детьми, а вместе с ними и некоторые из проиконоборчески настроенных епископов (Житие Иоанна Готского. – Гл. 4, с. 397, 415).

подобный епископ Иоанн был выдан «властям хазарским» «после этого» (*o de osios outos episkopos Ioannes meta tauta... tois archousi ton Chazaron exedothe*)⁶⁵. Следовательно, следуя правилам историко-ведческой критики, мы должны разрешить наши сомнения в пользу источника, а не в пользу самомнения критиков. Нельзя исходить из предпосылки ошибочности этого места текста, поскольку автор Жития не скомпрометировал себя противоречиями либо грубыми фактическими ошибками. С другой стороны, последующее бегство злополучного «хазарофоба» Иоанна не в столицу Романии, а в южночерноморскую провинциальную Амастриду, известную своими иконопочитательскими настроениями, может свидетельствовать о том, что оно произошло до 24 сентября 787 г., когда вопрос об икономахах и иконодулах еще не был окончательно решен на правительственном уровне, либо беглец из фульского заключения оказался здесь еще позже, после открытия навигации весной 788 г., поскольку переправа в зимнее время была бы почти невероятна и уже в силу этого ее необычность не могла не быть особо отмечена агиографом среди «чудес» преподобного. Скорее всего, выступление сторонников Иоанна состоялось в Готфии незадолго до открытия последнего, «победного» синода в Никее, вероятно, летом 787 г., когда, помятуя бурные константинопольские события прошлого года, было далеко не ясно, кто одержит верх – все еще сильные своим влиянием иконоборцы или так и не получившие официального статуса почитатели икон. Политическая ситуация предполагала постоянное лавирование между различными группировками, что отразили императорские моливдулы, очень чуткие, в отличие от монет, к изменениям в государственной политике и идеологии. Даже после 787 г. ни единая печать Ирины, правившей до 802 г., не украсилась религиозными символами, крестом или священным изображением, как можно было бы ожидать⁶⁶. Они оставались подчеркнутыми светскими. Поэтому нет нужды пояснять, насколько сложной была ситуация в годы и месяцы, предшествующие VII Вселенскому синоду, да и в ближайшее время после него.

Зная о иконодульской симпатии константинопольского правительства и о добрых отношениях с ним преподобного Ионанна «кир Готфии и его архонты» (*to kyro Gotthias kai tois archousi autou*), как они

⁶⁵ Житие Иоанна Готского. – Гл. 5., с. 397, 416; Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 28, гл. 5. Предыдущая глава завершается словами о том, что «с наступлением удобного времени [24 сентября 787 г.] прежние епископы (то есть участники предыдущего, сорванного синода в церкви св. Апостолов – С.С.)..., опять сошлись в Никее, изложили определение православия». Подр. об этом см.: Theopanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1. – P. 461.16–483.5.

⁶⁶ Степанова Е.В. Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 91–92.

⁶⁷ Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 28–29, гл. 5.

названы в Житии⁶⁷, оказались в двусмысленном, сложном положении. Экспансионистские намерения хагана были вполне прозрачны и не могли не тревожить. Но откровенная поддержка Иоанна Исповедника, настроенного сепаратистки по отношению не к к Империи, а к хаганату, грозила привести к нарушению сложившейся кондоминатной расстановки сил на территории Крыма, что вызвало бы негативную реакцию хазар, все еще формально связанных обязательствами с Константинополем. С другой стороны, слишком демонстративный отказ от «соглашения» (*to systathenai*) с преподобным и «его народом» (*tou idiou laou*), то есть приверженцами ортодоксального православия, «учениками» (*ton matheton*) Иоанна, вероятно, из числа монахов, диаконов монастыря свв. Апостолов, мог в недалеком будущем привести к опале из столицы Империи.

Очевидно, по этим же причинам «отмалчивались» херсониты и сугдейцы и их епископы Сисиний и Стефан, не желавшие раньше времени поддерживать какие-либо иконопочитательские выступления, все еще считавшиеся сомнительными, антигосударственными⁶⁸. Как и преподобный, они знали о появлении хазар в Доросе и о готовившемся новом созыве Вселенского синода, но по понятным причинам не желали торопить события, казалось, замершие в состоянии неустойчивого равновесия. Только у Иоанна хватило решимости поколебать чашу этих весов, но, как показали последующие, почти молниеносно развернувшиеся события, он просчитался в оценке реальной ситуации как в отношении надежд на поддержку официального Константинополя, так и в отношении Юго-Западного Крыма с его местными властями, привыкшими «сидеть на двух стульях» и лишь озабоченными тем, чтобы такое положение, выгодами которого они пользовались уже почти столетие, не изменилось.

Н.А. Алексеенко предлагает видеть в этих кирах Готфии «своеобразных правителей — наместников пограничных областей, имевших особый статус управления»⁶⁹. О них, как об «архонтах тех фем»,

⁶⁸ Сисиний, епископ Херсона, и Стефан, епископ Сугдеи, единственные из крымских высших церковных иерархах, какие совершенно определенно фигурируют в списках VII Вселенского синода в Никее (Деяния Вселенских соборов. — Казань, 1873. — Т. 7. — С. 65, 369, 385, 598–604; Darrouzes J. A. A. *Listes episcopales du concile de Nicee (787)* // REB. — 1975. — Т. 33. — P. 62–63).

⁶⁹ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5. — С. 160–161. Это мнение разделяет В.Е. Науменко: «независимые, но союзные империи политические образования, расположенные близ ее границ» (Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. — С. 548). В этой связи стоит обратить внимание, что в конце VIII — начале IX вв. термин *kyrios*, *kyrion*, *kyrin* Никифор и Феофан использовали в своих сочинениях, когда упоминали союзника Юстиниана II — «господина» или «государя», «владыку» Тервеля, правителя булгар, удостоенного высочайшего византийского сана кесаря (см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... — С. 39, 63, 155, 164). Следовательно, аналогичный термин византийцы могли применять по отношению к правителям федератов Империи.

в смысле областей (*ton choron touton archontes tes phemes*), писал Никифор, называвший районы Готфии византийскими архонтатами (*ton archontion*), а не менее двух десятков их глав – простатевонтами – стрейшинами городков (*ton prostateuontas polismaton*)⁷⁰. Очевидно, поэтому А.Г. Герцен посчитал возможным определить «господина Готии» как византийского наместника – топарха⁷¹. Последним термином ромеи нередко наделяли правителей территорий, некогда входивших в состав Империи, или союзных Византии приграничных правителей-иноземцев, правда, в более позднее время, в IX–XI вв.⁷². Показательно, что похожее наименование – «кир», в значении – «архонт», было использовано Никифором применительно к наместнику византийской Александрии, позже служило у византийцев для обозначения правителей Ани, тогда как полунезависимая армяно-византийская «контактная зона» на крайнем востоке Малой Азии именовалась в целом «хорой» и в свою очередь делилась на более мелкие военно-административные округа, небольшие области, города-крепости с округой, тоже называвшиеся хорами⁷³. Очевидно, каждая из областей, местностей – «топов», «фем», «архонтий» или так называемых «климата» имела неукрепленный городок – полизму либо крепость – кастрон, подобный Доросу, с резиденцией местного кира или архонта – простатевонта⁷⁴. В целом, они представляли типичную «синтезную контактную зону» со всеми вытекающими отсюда моментами: общей с Византией территорией, взаимодействием этносов, культурным взаимодействием, этно-конфессиональными, социально-административными компонентами, которые формировались в течении длительного времени, исчисляемом столетиями⁷⁵. Более того, есть основания думать, что это были бывшие племенные центры (*castris gentium ibidem adjacentium* или *kastrois ton ekeise*

⁷⁰ Чичуров И.С. Указ. соч. – С. 156.

⁷¹ Герцен А.Г. Хазары. – С. 103.

⁷² Nystazopoulou M. Note sur l'Anonyme de Hase improprement appele Toparque de Gothie // BCH. – 1962. – Т. 86. – P. 321–323; Cheynet J.-C. Toparque et topoteretes a la fin du XI siecle // REB – 1984. – Т. 42. – 215–224.

⁷³ Никифора патриарха Константинопольского Краткая история со времен после правления Маврикия // ВВ. – 1950. – Т. 3. – С. 359–360; Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. – М., 1988. – С. 85–86; Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. – М., 1994. – С. 53; Арутюнова-Фиданян В.А. Византия и Армения в X–XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 390.

⁷⁴ Такое представление сложилось уже у А.А. Васильева (Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – P. 61; ср.: Zuckerman C. Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // BMGS. – 1997. – Vol. 21. – P. 219; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 696–698).

⁷⁵ Ср.: Арутюнова-Фиданян В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – С. 58–70.

paraakeimenon ethnon из мартирия братьев Евпрепия и Феодора конца VII в.⁷⁶), поскольку даже в 1253 г. францисканский монах Вильгельм (Гильом) Рубруквис, проезжавший мимо этих краев на пути к ставке великого монгольского хана, отмечал в своем донесении французскому королю Людовику IX, что почти каждый из сорока замков-кастра, расположенных между Херсоном и Салдаей (Судаком), «имел особый язык», среди которых многочисленностью своих носителей выделялся «тевтонский» (*teutonicum*)⁷⁷. Не исключено, что это был язык не только готов, как обычно полагают, но и близкий к нему по звучанию еврейский, который на слух как немецкий воспринял переводчик посланника, понимавший говоривших. Но как бы то ни было, в период раннего средневековья главы этих центров являлись представителями здешних «аланоготов», ромейских союзников и их властей, имели общие, жизненно важные интересы с имперскими властями Херсона⁷⁸, внимательно следили за происходившим в столице Романии и в тоже время не должны были игнорировать интересы хазарской стороны в Крыму до тех пор, пока эти интересы не переходили границ законных требований. Причем в ситуации сохранявшегося статуса кондоминатного владения правителей (гех) или игемонов (*top eparchion egemones*) Готфии, как ромеи называли православных глав областей – климата (*klimasi*) Таврики, не назначал ни хаган, ни василевс⁷⁹. Скорее всего, это были, как и архонт – кир, эквивалентные друг другу титулы, что подтверждают ромейские источники⁸⁰.

⁷⁶ *Istorua syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton sun auto* // Епифанович С.Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – С. 14. 13–14, sec. 3; *Anastasioi bibliothecarii Scholion sive Hypomnesticum* // PL. – 1853 – Т. 129. – Col. 684 D.

⁷⁷ Иоанн де Плано Карпини. История моголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. – С. 68.

⁷⁸ На это обстоятельство особенно недвусмысленно указывает находка под Тешкли-Буруном летом 2000 г. моливдула 630–640-х гг. с именем Дорофея, протевона (?) в сане спафария (Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангул-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международного. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92). Уже само ее присутствие рядом с Мангулом, достаточно уверенно отождествляемом с Доросом, весьма симптоматично и подтверждает верность приведенных выше заключений.

⁷⁹ *Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani* // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica* / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 160. 20–30; Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви св. Софии // Творения св. отца нашего, архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 21, гл. 28; *Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum* (vers. I) // PG. – Turnhout, 1976. – Т. 99. – Col. 137; *Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii* (vers. II) // PG. – Turnhout, 1976. – Т. 99. – Col. 252; ср.: Айбабин А.И. Крым

Похоже, Иоанн, который все еще оставался непризнанным официальным Константинополем церковным иерархом Готфии, ослепленный религиозным рвением, поспешил с выступлением, у которого было две основные причины и одновременно связанные с ними цели: предупредить становившееся все более вероятным в перспективе установление власти хазар и тем самым, выслужившись перед императрицей и патриархом, создать условия для организации официально признанного византийскими властями собственного самостоятельного епископства. Нельзя сказать, что выступление оказалось вовсе безрезультативным, оно скорректировало и на некоторое, пусть непродолжительное время, смягчило силовой политический курс каганата в отношении Таврики. Но его инициатор явно не получил широкой, всеобщей поддержки, имел малочисленных приверженцев, да и тех ненадежных, и, как гласит Житие, был вскоре предан (или «передан»?) каким-то селением или областью (про *enon choriou paradothenta*), и в итоге оказался «властям хазарским выдан» (*tois archousi ton chazaron exedothe*), причем своим «народом» (*o laos*), то есть паствой, явно небольшой, которая в источнике противопоставлена «всему народу» (*kai pantito lao*)⁸¹. Уже одно это обстоятельство в корне противоречит утверждению о том, что «независимая Готия оказалась центром иконопочитателей», многочисленных и ретивых⁸².

под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Междунаро. конф. – Симферополь, 1997. – С. 7; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 211. Примечательно, греческий термин и вместе с тем латинизм *гех* (рекс, рикс) ромеи использовали применительно к вождям, предводителям (*exochotatoi*) чужеземных народов, иноплеменников самого высокого ранга, имевших, в отличие от игемонов, высшую власть (ср.: Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 256, 274–275, 296, комм. 87; Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. – М., 1985. – С. 78–79). Подобный пример владетелей и одновременно функционеров византийской администрации являли «князья» некоторых восточных малоазийских и армянских земель, сопредельных с Византией (Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). – С. 21–22). Видимо, они продолжали так именоваться и после создания византийской фемы на земле Таврики, когда им пришлось подчиняться власти страстига. Любой из них мог предоставить свой кастрон в распоряжение страстига, где он мог обосноваться в случае необходимости ухода из Херсона (см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 53. 528–529; с. 274–275).

⁸⁰ См.: Cheynet J.-C. *Toparque et Topoteretes...* – P. 218.

⁸¹ Житие Иоана Готского. – С. 416–417, гл. 5.; ср.: Vasiliev A. *The Goths...* – P. 89–96; М.-Ф. Озели тоже полагает, что в тексте источника следует читать о выдаче Иоанна хазарам «своим народом», то есть той паствой, которая еще недавно была согласна с его взглядами и действиями (также ср.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 99). Не участвовали ли в этой выдаче мафиты – ученики преподобного из числа монахов обители Св. Апостолов в Парфените? Тогда становится понятно, почему позже хаган освободит их из тюрьмы, где они оказались после бегства преподобного в Амастриду, и вынесет свой вердикт в отношении их действий как правильных.

Уже после случавшегося находились люди из числа местных жителей, которые укоряли преподобного «... как виновного в том, что крепость (to kastron) Готфии (очевидно, Дорос – С. С.) была сдана (предана, выдана) (tou paradothenai) хагану, и что при этом невинно некоторые умерли»⁸³. Видимо, если бы епископ своими проповедями-призывами не накалял обстановку, не спровоцировал мятеж и, как следствие, хазарское выступление, всего этого можно было избежать и решить назревавший конфликт мирным путем, прежде всего в ходе двусторонних византийско-хазарских переговоров, через обмен посланниками и положенными в таких случаях дарами.

В одном из синаксарей, составленных в X–XI вв. на основе пространной редакции Жития Иоанна Готского, содержится очень важное для понимания происходившего уточнение о том, что после подавления выступления его главный организатор и виновник, «преследуемый (прогоняемый) собственным народом» (dioktheis para tou oikeiou laou), бежал в Романию, на противоположный берег (antiperasai) Черного моря, в портовый, ярмарочный город Амастриду (Амастру) – место, давно и тесно связанное с Таврикой⁸⁴. Здесь он и умрет, по словам агиографа, через четыре года, то есть осенью 791 г. или весной 792 г., после чего, как ни странно, его тело будет без промедлений перевезено через море и даже захоронено в Парфенитской монастырской церкви св. Апостолов Петра и Павла, бывшем «гнезде мятежа»⁸⁵. Новый хаган тоже окажется удивительно уступчивым, если учесть, что Иоанн до самой смерти продолжал называть его покойного отца «своим гонителем перед Судьей и Богом» (aperchomai dikasasthai meta tou dioktou mou emprosthen tou tou Kritou kai Theou)⁸⁶, а похороны этого непрощенного врага хагана совершились на земле, якобы уже целиком подвластной каганату.

Примечательна также весьма сдержанная позиция хазарской стороны после провала восстания, которая пощадила «кира Готфии»

⁸² Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 48–49. Возражая своим рецензентам, исследователь подчеркивает существование иконопочитания в Крыму, но вынужден признать, что «иконоборчество преобладало в Готии», правителей которой он упрямо считает совершенно не подчиняющимся Византийской империи (см.: Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 467–470).

⁸³ Житие Иоанна Готского. – С. 399, 425.

⁸⁴ Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. – Bruxelles, 1902. – Col. 773. 8-9.

⁸⁵ Житие Иоанна Готского. – С. 398, 421–422. О дате смерти Иоанна ср.: Auze-ру М.-Ф. Gothie et Crimée de 750 à 830... – Р. 324, note 2.

⁸⁶ Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 29, гл. 5. В этом хагане, если следовать сведениям арабского историка и энциклопедиста ал-Масуди, можно подозревать отца того самого хагана Обадии, который во времена халифа Харун-ар-Рашида (786–809) решился на введение иудаизма в Хазарию (Плетнева С. А. Хазары. 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 62–63; Новосельцев А. П. Хазарское государство... – С. 150).

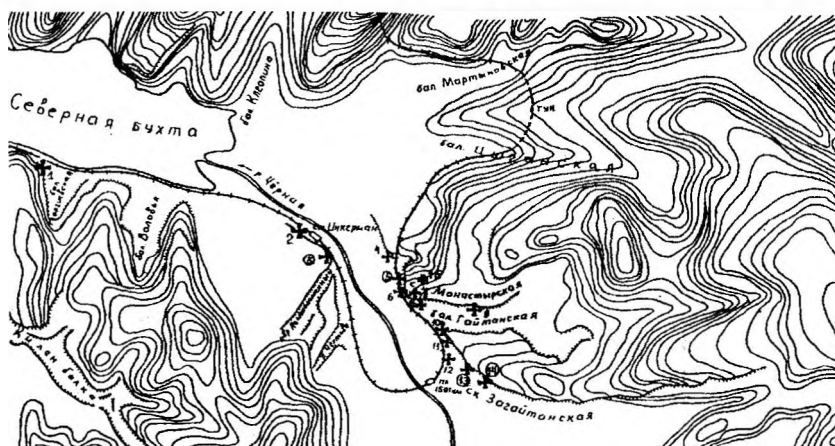

Рис. 158. План-схема расположения «пещерных» комплексов в Инкермане (по Т.А. Бобровскому, Е.Е. Чуевой)

и, очевидно, его архонтов, казнив только «17 рабов... неповинных» (*dekaepta de doulous... anaitious*) – безымянных рядовых мятежников, видимо, из числа наиболее активных⁸⁷. Мало того, сам Иоанн, по словам агиографа, «...получил возможность бежать» (*o de osios paraphylachtheis edynethe diadras*) из тюрьмы Фул (*phylake ton Phoulon*), еще одного крымского приморского кастрона, вероятно, в Инкермане, недалеко от основного места событий, куда его доставили после выдачи хазарам (рис. 158–159)⁸⁸. Именно размещение этой тюрьмы на кондоминатной территории объясняет ее выбор и хазарами, и византийцами из Херсона, которые не были заинтересованы в вызволении

⁸⁷ Неясно, на каком основании их можно считать «крестьянами» (см.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 209).

⁸⁸ Vita Sti Ioanni // Acta Sanctorum. Junii V. – Antverpiae, 1709 (Bruxelles, 1969). – Col. 194 D; Житие Иоанна Готского. – С. 398, 399, 417. Следует заметить, что в раннесредневековых памятниках название этого загадочного места всегда писалось с одной буквой «лямбда». Двойное «л» появилось гораздо позже. Так, в нотициях XII в. Фуллы в качестве автокефального архиепископства впервые упоминаются как о Phouillon, а в нотиции №14 от XIII в. и в приписках того же времени на полях Синаксаря из Сугдеи упоминаются архиепископы Сугдеи и Фулл (*sougd kai phoull*) или Сугдо-Фулл (*o sougdophouillon, sougdo phoull*), но даже и тогда это делалось непоследовательно, с исключениями (*ai phoullou или phouloi, sougdaias phoul*) (Darrouzes J.A. A. Notitiae episcopatum... – №12, 130, p. 352 от XII в.; №146 115, p. 377 от 1142 / 1143 гг.; №15, 163, p. 385 от XIII в.; Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдеи (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 598, № 18–19, 1274 г.; с. 640, № 99). Лишь с XIV в. это название стали употреблять последовательно с двумя «л» (Darrouzes J.A. A. Notitiae episcopatum... – №16, 119, p. 389, ai Phouilloi; №18, 136, p. 408, o Phouillon; №20, 46, p. 417). Локализация Фул как поселения или хотя бы как округа (это было и то, и другое) до сих пор остается открытой. Уже А.Л. Бертье-Делагард метко назвал

этот «городок» с населявшим его «фульским народом» зачарованным кладом, который не дается в руки» (Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. — С. 67). Почти двухсотлетние поиски породили целую литературу по этому поводу и около двух десятков вероятных вариантов локализации: исследователи привязывают Фуллы то к Чуфут-Кале (И. Тунманн, П. И. Кеппен, А. Л. Бертье-Делагард, А. А. Васильев, А. Л. Якобсон), то к расположенному в 3 км от него городищу Кыз-Кермен (Е. В. Веймарн, А. В. Белый), то к Мангуну, то к Бакле (В. Е. Рудаков), то к Эски-Кермену — «центру исторической области Алании» (В. А. Сидоренко, В. И. Новиченков, Н. Г. Новиченкова), то к Инкерману (Т. Дышкант, С. Б. Сорочан), то к «остаткам стен на извести» в югобережном урочище Рускофилкале (Рускофил Кале, Рускофуле) на Никитском мысу (П. И. Кеппен, Н. Н. Мурзакевич, В. Г. Васильевский), то к Кастрополю (П. И. Кеппен), то к холму Фуил между Ай-Тодором и Алушкой (П. С. Паллас), то к Фунам (Н. Н. Мурзакевич), то к Старому Крыму (Карасубазару) (Ю. А. Кулаковский, В. Бушков) или к «большому татарскому селению Отуз» вблизи Сугдеи (А. Никитский), то к востоку от Сугдеи, к приморскому открытому городищу площадью около 10 га на холме Тепсень около поселка Коктебель на южном побережье Восточного Крыма (Р. А. Орбели, В. В. Кропоткин, М. И. Артамонов, И. А. Баранов, Б. Н. Флоря, А. И. Айбабин, В. Е. Науменко, Х.-Ф. Байер, А. Г. Герцен, В. В. Майко) (См.: Тунманн И. Крымское ханство: Пер. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской. — Симферополь, 1936. — С. 35-36; Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. Пер. с нем. (первая половина) // ЗООИД. — 1881. — Т. 12. — С. 163; Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб., 1837. — С. 132-133, 178-179, 206; А. Никитский. Житие преподобного отца нашего Иоанна... — С. 32, прим. 17; Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. — 1898. — Т. 21. — С. 198-199; Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. Где находились Фуллы? // ЖМНП. — 1898. — Ч. 315. — Отд. 2. — Февраль. — С. 194-202; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1912. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 425; Маркевич А. К биографии П. И. Кеппена // ИТУАК. — 1914. — № 51. — С. 239; Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... — С. 72-87, 124, 127; Vasiliyev A. The Goths in the Crimea. — P. 74, 98; Орбели Р. А. Исследования и изыскания. — М.; Л., 1947. — С. 63-65; Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. — 1958. — Т. 28. — С. 200-201; Якобсон А. Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // СА. — 1959. — Т. 29-30. — С. 110-113; Артамонов М. И. История хазар. — С. 256-257, прим.; Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. Ч. I: О Чуфут-Кале и Фуллах // Археологические исследования средневекового Крыма. — К., 1968. — С. 74-77; Сказания о начале славянской письменности. Всул. ст., пер., коммент Б. Н. Флори. — М., 1981. — С. 122, гл. 12, прим. 3; Рудаков В. Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X-XIII вв. // Античная и средневековая идеология (АДСВ). — Свердловск, 1984. — С. 35-57; Blockley R. C. The History of Menander the Guardsman. — Liverpool, 1985. — P. 275; Бушков В. О Фульском народе и его священном дубе в жизни Константина Философа и локализации города Фуллы и Фульской епархии // Украина в прошлом. — К.; Львов, 1994. — Вып. 5. — С. 9-31; Сидоренко В. А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. — (1994) 1995. — Вып. 4. — С. 585; Белый А. В. Вопрос о локализации Фулл в связи с неясным свидетельством Менандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, (1995) 1996. — С. 88-94; Белый А. В., Душевский В. П., Мажуко А. С. Девичья крепость. — Симферополь, 1999. — С. 3; Дышкант Т. Где искать город Фуллы и фульский народ // День. — 2000. — 28 октября (№ 197); Байер Х.-Ф. История

крымских готов... – С. 63–65; Майко В.В. О локализации Фулл и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133–145; Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «готской земли» в Крыму // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 39; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 352; Герцен А.Г. Хазары. – С. 103–104; Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 71–79). Дискуссии по этому поводу периодически вспыхивают и замирают, чтобы возобновиться с новой силой вновь. Пожалуй, чаще всего разгадку исторической головоломки увязывали с регионом Южного берега Крыма, очевидно, учитывая, что от Фул Иоанн Готский должен был пытаться бежать к морю, туда, где можно было найти корабль для переправы на побережье Малой Азии (см.: Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... – С. 66–67). Видимо, рядом с Доросом, где разыгрались основные события, он был перед этим схвачен. В верховьях балки Каралез (Сторожевой), южнее Мангупа известны следы небольшого поселения с остатками трехнефной базилики VII–IX вв. Его жители и могли стать теми, кто выдал преподобного, когда он находился в клисуре этой балки. Сравнительная близость поселения к Фулам, располагавшим тюрьмой, объясняет, почему пленник оказался именно в фульской филAKE. Однако надо учесть, что для того, чтобы кратчайшим, а значит, и скорейшим путем попасть от окрестностей Мангупа к морю, следует двигаться на юго-запад, по хорошо известному пути в сторону Херсона, – тому самому пути, которым в свое время воспользовался для бегства из Херсона Юстиниан II. Именно так удобнее всего было добраться до ближайшего, лежащего всего в 20 км крупного портового центра, рядом с которым можно было рассчитывать найти снаряженное, готовое к отплытию судно. По этому поводу А.Л. Бертье-Делагард выдвинул следующее логичное соображение: «Беглецу не трудно скрываться в глухих горных трущобах Тавриды, но иное дело, добравшись до моря, найти готовое к отправлению судно; это и теперь не легко, а тогда без сомнения, вызывало долгие поиски и ожидания не только самого судна, но и покладистого судовщика, которых нигде и ни в какое время не хвалили за увоз преступников. И в этом смысле скорее всего и легче было найти желаемое в большом городе Херсоне, имевшем много сношений с заморьем... Найдя судно, приходилось выжидать самого главного – благоприятной погоды. Переправа в заморье дело не хитрое, но парусным судам приходилось ожидать, даже в хорошее время года, иногда целые недели попутного ветра, а в таком случае беглецу всего легче быть нагнанным или выданным враждебной частью населения, как то и случилось с Иоанном» (Бертье-Делагард А.Л. Исследование... – С. 71). Уже одно это вполне объективное обстоятельство нельзя считать ошибочным и не принимать во внимание. Оно заставляет усомниться в верности поисков Фул в неких «трущобах» горно-лесной части среднего Крыма, на склонах гор, в Степной Таврике или за 250 км от места основных событий, на обширном, площадью примерно 16 га, открытом, хотя и приморском поселении VII – первой половины X вв. на холме Тепсень около Коктебеля. Разумеется, у хазар была конница, но невозможно представить, что могло заставить их везти плененного Иоанна столь далеко от основного места событий. Боязнь херсонитов, которые могли бы силой освободить заключенного, едва ли весомый аргумент, что признает Х.-Ф. Байер, весьма аморфно выдающий Фулы в «одном из гуннских поселений между Херсоном и Боспором» (Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 460–461). Если это далекий Тепсен, то ему принадлежали остатки крупной трехапсидной базилики, которая претерпела в течение второй половины VIII – начала X вв. не менее двух перестроек, и еще пяти христианских храмов (при том, что исследовано не более 2 % общей площади городища)

(Майко В. Храмовый комплекс городища на плато Тепсень VIII – первой половины X вв. // Софийскѣ читаннѣ. – К., 2003. – С. 137–140). Церковный центр находился в 29 км к северо-востоку от Сугдеи, что весьма удобно для объяснения его вхождения в дальнейшем в состав единой Сугдо-Фульської архиепископии. Однако это поселение не удовлетворяет условиям еще одного, очень важного для Фул ориентира. В конце, в небольшой сколи к Нотиции де Боора (Notitiæ Isaurorum, по Дарруже – №3), датируемой в пределах последней четверти VIII – конца IX вв. и скомпилированной из разновременных записей, при упоминании 37 епархии – Готфии (LZ eparchia Gotthias) в качестве ориентиров были указаны некие Хотцирон или Хотзирон (o Chotziron) и «Харасия, что значит (которая называется) Черная Вода» (kai tou Charasiou, eno legetai to Mabron Neron), причем Фулы были названы вместе с «Черной Водой» (через союз kai), а Хотзирон «соседним, близким» (syneggus) к ним (Darrouzes J. A. Notitiæ episcopatum... – № 3, 777–779, p. 245; Бертъе-Делагард А. Л. Исследование... – С. 75). В самой нотиции Готская епархия значится на 35 месте и сразу после ее главного центра – митрополии Дороса тоже следует Хотзирон, как уже сказано, расположенный близ Фул и Черной Воды (LH eparchia Gotthias, a Doros metropolis, b o Chotziron) (Darrouzes J. A. A. Op. cit. – № 3, 611–618, p. 241–242). Между тем, никакой реки поблизости от Тепсены нет. Ближайшая к нему р. Индол находится более чем в 30 км западнее. А еще дальше расположена р. Карасу, что в переводе с татарского означает «Черная вода». Поэтому в указанной в нотиции де Боора «Черной реке» некоторые исследователи видят «греческую кальку татарского слова Карасу» (ср.: Беляев С. А. История христианства... – С. 61), что дает весьма призрачное основание искать Фулы, область и одноименное поселение, рядом с этой крымской рекой. Впервые такое отождествление сделал Ю. А. Кулаковский, указавший на находившийся здесь город Карасу-базар. Х.-Ф. Байер тоже отождествляет Харасиу с Карасу, по крайней мере по названию и, вопреки свидетельству нотиции, произвольно заявляет, что «из сообщения о близости страны хотзир к Фуллам и к Карасу не следует видеть близость Фулл и Карасу друг к другу»: «сочинитель записи называет не две близкие друг к другу местности, но наоборот, самые отдаленные пункты Крымской Хазарии, чтобы дать представление о протяженности этой страны» (Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 65; ср.: Байер Х.-Ф. Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 459). Таким образом, слово syneggus в его единственном, понятном значении, категорически исключаящем любую иную трактовку источника, он во внимание не принимает и, более того, считает плод этого «долгого размышления» немаловажной заслугой, поскольку она устраняет надуманные самим исследователем противоречия. В. Л. Мыц, исходя из того же единственного, взятого в отрыве от других «речного» ориентира, попытался увязать Фулы со скифским городищем у с. Вишенное, располагавшемся на правом берегу р. Биюк-Карасу в 6 км к северо-востоку от г. Белогорска (ранее Карасубазара) (Мыц В. Л. О локализации Фулл и Фульської епархии // 175 лет Керченскому музею древностей. – К., 2001. – С. 80–83; Мыц В. Л. О локализации Фулл и Фульської епархии // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 116–120). Однако надо учесть, что смысловое совпадение гидронима из нотиции де Боора с гораздо более поздним татарским названием не может стать решающим аргументом в многолетнем споре. Карасу-базар сравнительно молодой городок, история которого связана с деятельностью татар в Крыму в XVI в., а византинизированное поселение у с. Вишенное, хотя и занимало немалую площадь около бга и, похоже, имело укрепления, дает пока невыразительные, нуждающиеся в интерпретации и уточнении, не очень многочисленные

материалы VIII–X вв. К тому же, и это главное, оно находится на западном отроге горного массива Ак-Кая, весьма далеко от моря и еще дальше от Мангупа. Нам же необходимо искать приморский центр сравнительно недалеко от Херсона, стоявший непосредственно на реке. Только такое место подходит для всех отмеченных источниками условий. По этой причине в числе «главных подозреваемых» неизбежно оказывается Инкерман, находящийся на одной из значительных рек Крыма – Черной речке (Казыклы / Кизыклы – Узень, Биюк / Буюк-Узень – татарская «Большая река») при впадении ее в Севастопольскую бухту. На первых русских картах река именовалась Акерманка, Инкерманка, в 1820-е гг. ее называли Чоргун, по имени лежащей на ней большой деревни, откуда, вероятно, и произошло ее современное название – Черная (Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 245; Бертье-Делагард А. Л. Исследование... – С. 170–179). Она течет в русле с глинистыми берегами, извиваясь по широкой Инкерманской долине, западные и южные стороны которой представляют отвесные обрывы, достигающие 60–70 м высоты. Четыре брода через реку, которая еще в конце XVIII в. достигала в низовьях ширины 600–800 саженей (1200–1600 м), после обильных снегов или дождей становились непроходимыми, что предполагает необходимость моста для переправы с берега на берег (Путешествие по Крыму академика Палласа... – С. 88–89, 113). В сочинении русского священника Иакова, посетившего эти места в 1634 г., говорится, что от Инкермана до моря было 3 версты (около 6 км), вдвое больше, чем теперь (Оболенский М. Сказание священника Иакова // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 687). Суда останавливались и разгружались на левом берегу Севастопольской бухты, в 2–3 км от устья реки и, следовательно, в 5–6 км от Инкермана (Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. – С. 194, 200, 261). Даже в 1666 г. район здешней бухты, способной вместить, по словам современников, «тысячу кораблей», изобиловал косулями, ланями, дикими баранами, водяными птицами – гусями, утками, лебедями, цаплями, бакланами (Эвлия Челеби. Книга путешествия. Пер. с османского и коммент. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 1999. – С. 29). Рядом с устьем реки сходились две главные дороги, ведущие из степных и предгорных районов Крыма в недалеко расположенный Херсон. Здесь сравнительно легко можно было бы найти судно, но здесь столь же трудно было бы надолго укрыться от тех, кто пожелал выдать Иоанна. Напротив крепости, построенной на оконечности плато Манастырской скалы в VI–VII вв. и переставшей за ненужностью функционировать в раннее средневековье, находилась переправа и одно из самых оживленных и, видимо, густонаселенных мест, не с одним поселением, а, возможно, и монастырем (Филиппенко В. Ф. Каламита – Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 51; Антонова И. А., Филиппенко В. Ф. Монастыри Крыма: история и легенды // Боги Тавриды. История религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С. 111–113). Особого внимания заслуживает средневековое поселение площадью 5 га у подножья Загайтанской скалы, которое существовало с ранне-византийского времени, о чем свидетельствует керамика и монеты Анастасия (491–511) и Юстина (565–578), до XIII–XIV вв., пережив особый подъем в VIII–X вв., а еще одно такое же поселение находилось на плато скалы (Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – Т. 13. – С. 63–74; Савеля О. Я. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черной в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: Тезисы междунаrod. конф. – Симферополь, 1994. – С. 59; Суханова И. Ю. Отчет о раскопках поселения Ак-Керман (п. Инкерман, Балаклавский район г. Севастополя) // Архив НЗХТ. – Д. № 2975. – Л. 6–7; Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh Through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou

(Dumbarton Oaks Studies. 39). – Washington, D.C., 2002. – Vol. 2. – P. 654). Наверху скалы находилось укрепление со стенами, одной башней и территорией около 0,5 га, куда вела вырубленная лестница, уничтоженная скорее всего, при строительстве железной дороги в 80-х гг. XIX в. Два комплекса «пещерных» монастырских помещений находятся на южных и западных склонах Монастырской и Загайтанской высот, а третий – на левом берегу р. Черной, в Каменоломной (Советнической) балке (Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 26–30; Филиппенко В. Ф. Указ. соч. – С. 35). Особенно выделяются своей простотой, отсутствием декора «пещерный» архитектурный комплекс Загайтанской скалы. Храмы здесь в основном одностеppedые, апсидами в них служат алтарные ниши. Следы перестроек и, вместе с тем, разрушенность, худшая сохранность сооружений, особенно восточной части, по сравнению с комплексом Монастырской скалы, могут указывать на то, что это древнейший «пещерный» комплекс в Инкерманской долине, который мог возникнуть раньше конца X в. (Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – С. 17–22, 29, 30). Во всяком случае, результаты раскопок показывают, что в VIII–IX вв. жители поселения на склоне Загайтанской скалы использовали для жилья как наземные постройки, так и высеченные в камне «пещеры». Некоторые из них переоборудовали из залов для скота под жилье (Суханова И. Ю. Отчет о раскопках... – Л. 3–5). Число их в Инкерманской долине, особенно на правом берегу реки Черной, со временем росло, превращаясь в большой средневековый монастырский ансамбль по образу некоторых монастырей Каппадокии, Болгарии, Закавказья (Бобровский Т. А., Чуева Е. Е. Пещерные комплексы Инкерманской долины (Юго-Западный Крым) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной науч. конф. – К.: Судак, 2004. – С. 30). Если учесть, что местные греки словом *phoulia*, *pholia* называли издавна гнездо, логово или пещеру, примеры чему находятся в топонимике Южного берега и других крымских мест, тогда Инкерман с его пещерными сооружениями тоже вполне подходил под этот эпитет (см. подборку анатока этого вопроса – Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. – С. 85–86). Примечательно, что последний топоним связан с турецким *in* – нора, берлога (Бемянский И. Л., Лезина И. Н., Суперанская А. В. Крым. Географические названия. Краткий словарь. – Симферополь, 1998. – С. 150). Другой вариант этимологии слова «фулы» уводит в область готского языка. Его прилагательное *fuls* означает «гнилой, тухлый» (Гухман М. М. Готский язык. – М., 1958. – С. 261), опять-таки вполне подходящий для обозначения заболоченной, густо поросшей камышом низины в устье Черной реки около Монастырской и Загайтанской скал. Недаром на итальянских картах – портоланах она известна с начала XIV в. под греческим названием Каламита, что обычно переводится как «Камышовая» (Герцен А. Г., Махнева – Чернец О. А. «Пещерные города» Крыма. – Симферополь, 2004. – С. 198). Кроме того надо учесть, что отсюда, по Каменоломному оврагу (Советнической балке), через плато Сапун-горы, огибая верховья Делагардовой, Лабораторной и Килевой балок, шла дорога, которой можно было достичь Херсона (Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. – 1958. – № 1. – С. 75). Если это так, тогда понятно, что Константину Философу, отправившемуся к «народу фульскому» осенью 861 г. после возвращения от хана хазар, не было нужды рисковать забираться на дальнюю окраину, южный или восточный берег Крыма, и все случившееся с легендарным фульским дубом было связано с относительно недалекоими, близкими окрестностями Херсона (8–10 км от города, пара часов ходьбы или того меньше по морю) (см.: Житие Константина Философа (текст, комментарии) // Сказание о начале славянской письменности. – М., 1981. – Гл. 12, с. 85–86). Такого же мнения придержи-

живались В. А. Бильбасов, С. П. Шестаков (Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. — СПб., 1871. — С. 175; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. — М., 1908. — С. 38) и А. Л. Бертье-Делагард. Последний весьма разумно заметил, что «после длинного, утомительного пути из Хазарии, едва ли Константин мог решиться предпринять новый далекий путь, тем более, что ему приходилось спешить в Константинополь, с донесением» (Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. — С. 73). Этот маршрут больше соответствует представлению об условиях существования херсонитов в конце 50 — начале 60-х гг. IX в., которые, по словам современников, «...казалось, были не города жителями, сколько тюрьмы обитателями (*carceris habitatores*), так что не отваживались выходить, остерегаясь» (см.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. — С. 261). Не намного дальше от Херсона отправилась 30 января (3 февраля) 861 г. «благочестивая экспедиция» во главе с архиепископом Георгием, для того, чтобы обрести мощи св. Климента Римского на острове в Казачьей бухте. Судя по содержанию источников об отыскании мощей св. Климента, все выходы Константина Философа за пределы города, когда он собирал сведения у местных жителей и вел предварительные разведки искомой гробницы, тоже проходили в окрестностях Херсона. Вокруг подстерегали конные отряды хазар или грабителей-венгров, которые с жутким волчьим завыванием нападали на одинокие группы путников из числа тех, что отваживались покидать ближайшие окрестности города. Исходя из этого, не был ли Фулами тот оставшийся не поименованным «христианский город» из Жития Константина, в успешных переговорах о снятии осады хазаров с которого участвовал императорский посланец? Первое знакомство с ним могло породить желание позже еще раз вернуться туда для укрепления благочестия здешних христиан, грешивших заблуждениями язычества. В официальных notiциях Фулы как епархия, а точнее, как автокефальная архиепископия, появилась впервые в самом начале X в., на 48 месте, сразу вслед за Готфией и Сугдеей. Херсон и Боспор стояли соответственно на 21 и 39 месте (Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. — С. 128, спис. А; Darrouzes J. Op. cit. — №7, 99, p. 274). Позднейшее, происшедшее не ранее середины XII в. соединение Фульской епархии с Сугдейской и последующее возведение их в ранг митрополии (Кеппен П. О древностях южного берега Крыма... — С. 131; Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. — С. 51; Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 66–67), не противоречит высказанному предположению о локализации Фул в районе Инкермана, тем более, что другой основной «подозреваемый» — городище на холме Тепсень у с. Планерское надолго, до XIV–XV вв., прекратило свое существование и случилось это не позже 40-х гг. X в. (Майко В. Храмовый комплекс... — С. 140). Керамический материал XI–XIII вв., характерный для поселения (черепица, амфоры, кувшины, пифосы, столовая посуда), обнаружен во время подводных исследований 1997–1998 гг. на шельфе Коктебельской бухты, в основном на глубине 4–5 м, но это еще не основание для того, чтобы приписывать его именно Тепсеньскому городищу, а не соседним с ним сельским поселениям и монастырям (ср.: Зеленко С. М. Торговельне суднопльство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис.... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. — К., 2004. — С. 67–69). Ссылка на консервативность церковных структур в данном случае беспочвенна (ср.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 67). Как уже сказано, ей не соответствуют данные археологии. Обращает внимание, что в 80-х гг. XIV в. Херсонский архиепископ посягал на югобережные приходы — хораи, находившиеся к тому времени в ведении Готфского и Сугдейского митрополитов. Предстоятель Херсона «говорил и уверял, что с незапамятных времен ему принадлежит право на приход тот (Элисе)», а клирики другого хораи — Кинсануса — тоже клялись, что они всегда относились к Херсону. Едва ли это были голословные утверждения. За ними чувствуется опора на давнюю традицию, несмотря на то, что к тому времени не

было уже «никого кто бы знал». Во всяком случае в итоге рассмотрения тяжбы Константинопольский патриарх Макарий, поначалу выражавший недоверие, был вынужден приказать считать «... места те и прежде и теперь подлежащими Херсонской церкви, по бывшему здесь от многих свидетельству» (см.: Архимандрит Антонин. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 458–469, № CCCLV, 1382 г.; CCCLXVII, 1384 г.; CCCLXVIII, 1385 г.; CCCLXX, 1386 г.; CCCCXIX, 1390 г.; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С. 352–354, 398). Значит, некие основания к такому решению были и узкая полоса побережья от Каламиты-Инкермана до Сугдеи периодически перекраивалась церковными иерархами после того, как Фульская епархия вычленилась из Херсонской. Последний раз Фулы упоминаются в соединении с Сугдеей в 1400 г. В XVI в. они возродилось под названием Кафо-Фульская епархия. В 1666 г. уже как митрополия бывшая епархия была присоединена к древней Амасии, на противоположном берегу Черного моря, а в 1678 г. – к Готии, под названием Готско-Кафская (Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. – С. 56, 57–58). Выходит, древнее название Фулы (Фуллы) исчезло из церковного обращения не ранее конца XVII в. и, значит, до этого времени его по древней традиции увязывали с какой-то конкретной, продолжавшей существовать после X в. местностью, память о котором постепенно исчезла гораздо позднее, как и представление о ее расположении. В этом забвении нет ничего удивительного. К примеру, по данным Мартина Броневского, к последней трети XVI в. было забыто название крупного города и крепости, находившихся на Эски-Кермене, причем настолько прочно, что не только метные турки и татары, но и «сами греки не знали его имени» (Броневский М. Описание Татариин // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 344). Стерлись из памяти названия и прочих «пещерных городов»: только для Феодоро и Каламиты известны их дотатарские названия, но и они не являлись первоначальными (Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. Указ. соч. – С. 36). Здешняя паства к XVIII в. почти совершенно утратила навык употребления греческого языка, так что даже немногочисленные грамотные священники писали греческими буквами, но на турецком языке (Серафимов С. Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 592). Как верно заметил А. Л. Бертье-Делагард, после выселения греков – христиан из Крыма в 1778 г. едва ли было кому сохранять предания о давно опустевших местах (Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 214). Думается, что уже в XIV–XV вв. древние Фулы оказались существенно потеснены новыми топонимами – Каламита (греч. «Камышовая») и Инкерман (татар. «Пещерная крепость»). Как бы то ни было, исследование всего комплекса имеющихся письменных источников позволяет наметить контуры четырех ориентиров, которые могут помочь в определении местонахождения легендарного места: его самое близкое соседство со значительной, заметной рекой Юго-Западной Таврики; близость к морю, порту и, наконец, небольшая удаленность как от Херсона, так и от Дороса (Мангуна). Если исходить из этих параметров, мы едва ли найдем более подходящий вариант, нежели район Инкермана и устья Черной реки около Севастопольской бухты. Жизнь здесь не прерывалась с эпохи поздней античности до XVIII в., что вполне соответствует позднейшим упоминаниям Фулл в церковной истории Крыма. Впрочем, поставить окончательную точку в затянувшихся поисках «зачарованного клада», пожалуй, могла бы только счастливая находка *in situ* соответствующего ясно читаемого эпиграфического памятника, что при нынешних темпах археологических исследований в районе Инкермана едва ли можно ожидать в скором времени, особенно если учесть, что большая часть балки Гайтани (Первомайской) с остатками средневекового поселения и «пещерными» сооружениями погребена под мощными отходами добываемого в карьере камня.

Рис. 159. Схема фасадов пещерных сооружений Загайтанской скалы. По материалам Инкерманской экспедиции ГАИМК 1937 г.

преступника, пытавшегося силой решить конфликт с ханом, да еще к тому же отринуть официально не отмененный на тот момент курс на иконоборство. Позже отпущены были невредимыми арестованные после бегства Иоанна мафиты, его многочисленные ученики-монахи из Парфенитской обители, «...так как хан сказал: «никакой ошибки не имеют» (outoi ptaisma ouk echousin)⁸⁹. Получается, хазарские власти отказались от дальнейших репрессий, от своих бывших политических планов в отношении Готфин и продолжали действовать с оглядкой на Византию, в общем и целом все еще соблюдая условия совладения. Едва ли вели бы себя так подлинные и абсолютные хозяева Таврики, имевшие сферу влияния не только в восточной части полуострова,

но якобы проживавшие возле своего «опорного пункта» — Фул и после подавления восстания Ионна Готского «с конца VIII и на протяжении IX в.» десятилетиями владевшие «глубинными районами Крымского полуострова» с политическим центром в Доросе-Мангуле⁹⁰.

Сам «сговор» (to systathenai) властей Готфии с амбициозным епископом зрел как превентивная, упреждающая мера, направленная против тревожившего, назревавшего, возможного, но еще не осуществленного хазарского вмешательства, дабы хазары, как отметил агнограф, «не подчинили страну их» (me katakyrieysai tes choras auton)⁹¹. Даже Фулы нельзя однозначно считать нехристианскими и хазарскими, а главу их властей, «господина», неким «хазарским князем», или «зависимым местным правителем» «наместником кагана» только на том основании, что выданный для последующей передачи хазарам Иоанн был на какое-то время помещен в тамошнюю тюрьму-филаку:

⁸⁹ Житие Иоанна Готского. — С. 399, 423 (в пер. В.Г. Васильевского: «Они не имеют вины»). У А. Никитского: «эти вины за собой не имеют» (Житие преп. отца нашего Иоанна... — С. 31, гл. 7)

⁹⁰ Ср.: Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.: Магнитогорск, 2001. — Вып. 10. — С. 272; Науменко В.Е. Место Боспора... — С. 342; Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангуле. — С. 29; Герцен А.Г. Дорос-Феодоро: от раневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 2003. — С. 18.

⁹¹ Житие Иоанна Готского. — С. 416. М. -Ф. Оузепи тоже подчеркивает, что мотив у Иоанна и «господина Готии» был один: не допустить на их земле доминирова-

кир (kyrios) Фул, будучи, как и кир Готфии, очевидно, не язычником или иудаистом, а христианином, просил заключенного, лицо духовное, особой святости, исцелить своего тяжело больного малого ребенка (to paidion) и для этого совершить над ним соответствующие православные церковные таинства (touto sphragisas kai baptisas), то есть «принести в жертву и крестить», видимо, не дожидаясь положенных для этого дней на Богоявление 6 января или Великой субботы перед Пасхой, весной, в апреле⁹². Для совершения этих обрядов (крещения, миропомазания, последующей литургии Василия Великого, проскомидии и Евхаристии) нужны были соответствующие сакральные атрибуты (елей, святое миро, кадильница, освященные хлеб, вино), которые, выходит, в «языческих» Фулах наличествовали. Следует помнить, что, согласно Евхологиям VIII–X вв., крещению обязательно предшествовал чин 40-го дня, когда через молитвы происходило воцерковление новорожденного, то есть он становился «некрещеным христианином», происходило его первое оглашение и он получал «имя во оглашенных» и, значит, младенец кира Фул все это уже прошел, а сам кир «научился Вере и образу Веры». Надо также учесть, что в византийской трактовке христианство рассматривалось как «государственная религия», принятие которой считалось признаком лояльности к госу-

ние хазар, которое, следовательно, еще не состоялось, но назревало (Auzepy M.-F. *Gothie et Crimée de 750 à 830...* – P. 328).

- ⁹² Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 32–33, гл. 9; Житие Иоанна Готского. – С. 424; Арранц М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. – Париж, 1988. – Т. 19. – С. 74–77; ср.: Айбабин А. И. Этническая история... – С. 207, 210, 215, 226 (упомянув кира Фул, автор каждый раз без каких-либо оснований называет его не иначе как «хазарский наместник» или «наместник кагана»); Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 546. Следует подчеркнуть, что в тексте источника не содержится даже намек на языческие или иудаистские убеждения этого «господина» – правителя, старейшины, архонта или протестованта. Весьма оригинально эту проблему попытался решить Х.-Ф. Байер: «Так как в Фуллах в 787 г. или немногим позже был брошен в тюрьму по приказу хазарского кагана Иоанн Готский, а после этого учреждена епископия хотзиров (хазар), ставшая архиепископией до 907 г., то можно считать доказанным, что Фуллы были хазарскими» (Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 94–95). Такой классический схоластический силлогизм способен вызвать лишь удивление, ибо основывается на недоказанных положениях, в числе которых фигурирует и мифическое «епископство Хотзирон» непонятно каким образом связанное с Хазарией. Столь же надуманы представления о Фулах как о «центре хазарской администрации в Степной Тарике», да и местонахождение этой области надо искать гораздо ближе к морю, учитывая маршрут бегства Иоанна из филаки одноименного кастропа или полисмы (ср.: Ромашов С. А. Крым в хазарскую эпоху // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 88–89).

- ⁹³ Острогорський Г. Історія Візантії. – Львів, 2002. – С. 44–45, 81; Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1991. – Т. 222: Праці історико-філософської секції. – С. 19; Даркевич В. П. Византия и Восток // СА. – 1991. – №3. – С. 71; Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина? – М., 2003.

дарству. Крещеный, даже если это был христианизированный «варвар», сам напрашивался быть вассалом Империи и автоматически брал на себя обязанности блюсти интересы императора, признавать Византию и ее политический приоритет, помогать ей, не участвовать во враждебных военных действиях, ибо понятия «христиан» и «ромей» были в некотором роде синонимами в представлении современников⁹³.

Христианским было и само местное население Фульской области, несмотря на приверженность к фетишистским пережиткам языческого толка, с которыми, судя по Житию Константина Философа, и через 75 лет спустя будет бороться этот миссионер и дипломат, посланник вассалов Михаила III и Константинопольского патриарха Фотия. Оправдываясь в грехе, заключаемом в вере, очевидно, в существование духов дождя, «народ фульский» и его старейшина

⁹⁴ Житие Константина Философа. (текст, комментарии) // Сказание о начале славянской письменности. — М., 1981. — Гл. 12. С. 85–86, 122–123, комм. 4. В такую же глубокую древность уходили некоторые элементы ритуального обряда (использование целостей мелкого рогатого скота, отполированных кабаньих клыков, петушиных шпор), связанные происхождением с культом Великой богини плодородия и своеобразной местной культурной средой Горного и Южнобережного Крыма, которые демонстрируют многолетние раскопки святилища у перевала Гурзуфское Седло, несмотря на то, что в средневековье здесь функционировали уже не языческие, а равновременные христианские культовые сооружения, храмы, числом не менее трех (см.: Новиченкова Н.Г. Святилище античного времени у перевала «Гурзуфское Седло» на Главной гряде Крымских гор (устройство и атрибутика обрядности): Автореф. дис.... канд. ист. наук / МГУ. — М., 1998. — С. 2, 11, 18, 21, 23; Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. — Ялта, 2002. — С. 36, 147–173). Языческим был обычай класть куски черепицы — элемент домашнего очага под голову, на верхнюю часть груди, на подбородок или на нижние части головы погребенных в плитовых могилах VIII–IX вв. И это несмотря на то, что такие могилы устраивали в пределах христианских храмов, например, на месте трехнефной базилики около с. Гончарное, и некоторые из погребений сопровождали надгробиями в виде кирпичных стел с двускатным выступом и вырезанным на тимпане греческим крестом в круге (Якобсон А.Л. Отчет о раскопках средневекового сельского поселения близ села Гончарное. 1968 г. // Архив НЗХТ. — Д.841. — Л. 12, 14, 17–22, рис. 11). Яркий пример подобного амбивалентного отношения местного сельского населения к религиозным вопросам демонстрирует находка в глубине топчанного канала одной из гончарных печей по производству тары крупного керамического центра в Чобан-Куле, действовавшего в VIII в. Здесь были зачищены кости петуха и позвонки барана — остатки ритуального языческого обряда жертвоприношения, совершенного при постройки печи, хотя работавшие в этом приморском эргастрии гончары испытывали значительное ромейское влияние и, скорее всего, были крещены (см.: Якобсон А.Л. Средневековые гончарные печи в районе Судак // КСИИМК. — 1955. — Вып. 60. — С. 105). Даже в районе Чернореченской долины, по соседству с таким крупным церковным центром как Херсон, христианские погребения стали появляться не ранее VI–VII вв., судя по захоронениям в верхнем слое могильника у высоты «Сахарная головка» (Филиппенко В.Ф. Инкерман — Каламита... — С. 52, 71). Не мудрено, что «фульский народ» и в VIII–IX вв. не был тверд в вере, как, впрочем и большая часть населения остальной Таврики, о которой можно было бы сказать словами из поздней-

(кир) объясняли пришедшему к ним иерею (Константин был в сане диакона), что обычай поклоняться и приносить жертвы Александру (alexandroi – дословно «защитнику мужей») – огромному старому дубу, сросшемуся с черешней, был перенят от предков, издавна здесь живших, и что без этого они будут обречены на засуху⁹⁴. Видеть в них «однозначно... язычников», праболгар, тюркоязычных носителей салтовской культуры, хазар и уж тем более иудеев только на том основании, что они сохраняли элементы обряда поклонения деревьям, будет весьма большой натяжкой, ибо наличие подобных фетишей весьма ненадежный этнический маркер⁹⁵. Как хорошо известно, деревья почитались индоевропейцами и другими народами и этот обычай держался даже у тех, кто принял христианство⁹⁶. По этому поводу Фалько Дайм образно заметил: «То, что нам сегодня трудно представить, является реальностью раннего средневековья: человек мог одновременно принадлежать разным культам также, как в современном мире можно иметь (теоретически) две или больше партийных книжек... Ему (средневековому человеку – С.С.) ближе была каждодневная борьба за выживание»⁹⁷. С не меньшей вероятностью все это было присуще крымским грекам, аланам, булгарам и готам, населявшим окрестности Херсона. Нельзя не признать, что, «...живя близ побережья и почитая Александра, люди из Фулл представляются уже довольно эллинизированными», и поэтому византийский роман об Александре мог бы дать нам более конкретное представление об образе жизни этих «хазар»⁹⁸.

Текст источника недвусмысленно указывает, что почитание священного дерева, вероятно, появившегося в результате древнего ритуального брака дуба с черешней, не мешало обитателям Фул оставаться христианами, и поэтому Константину не надо было обращаться местных жителей в христианство, ибо они уже были не язычниками, а крещеными. Именно так, с пространными ссылками на соответствующие Книги проков Исаии (66:18–19) и Иеремии (16:16–18),

шего послания епископа Феодора: «Пасет... их скорее смерть безверия. Устами они исповедуют, едва смею сказать, во спасение, ибо не веруют сначала сердцем в правду» (Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание». – С. 26, § 24; подр. ср.: Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 121–128).

⁹⁵ Ср.: Майко В.В. О локализации Фулл... – С. 133–134; Евреи в Крыму. Краткий очерк истории иудейских общин Крыма / Сост. Ю.М. Могаричев, И.И. Вдовиченко. – Симферополь, 1999. – С. 12; Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 459–460.

⁹⁶ Подр. см.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1980. – С. 129–158.

⁹⁷ Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 319.

⁹⁸ Тем не менее, «долгие размышления», сопровождавшиеся перебором всех возможных претендентов на «фульский народ», привели Х.-Ф. Байера к наиболее шаткому из них – к хазарам (см.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 94–95).

⁹⁹ Житие Константина Философа. – С. 86; ср.: Моравско-паннонские Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа по рукописи XV в. бывш. Московской Духовной Академии) // Труды Словянской комиссии. Т. 1: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности –

отнесся к ним проповедник в своих увещеваниях и уговорах уничтожить, срубить, выкорчевать и сжечь греховное, идольское дерево. Он в итоге привел решающий аргумент: «Вот Евангелие Нового Завета Божьего, в котором *были вы крещены*» (выделено мной – С.С.).⁹⁹ Примечательно, что именно так осознали происшедшее современники. Климент Охридский, ученик Солунских братьев, в Похвальном слове Кириллу писал в конце IX в.: «А в фульском народе истребил он (Константин) безбожное заблуждение»¹⁰⁰. Следовательно, и тут речь шла не о крещении, а о наставлении на путь истинный, разрушении того, что Климент называл «ложью». Совершенно очевидно, что нехристи не могли «целовать Евангелие» в знак раскаяния, как это делал старейшина, очевидно, один из числа местных «начальников» (tois archousi), простатевонт, игемон или, как он назван в тексте Жития Иоанна Исповедника, кир «народа фульского» (о kugios ton auton Phoulon), и за ним все остальные. Между тем, ошибочное представление о том, что Константин «искоренил язычество в Крыму», якобы впервые убедил местных варваров принять христианство

-
- Л.. 1930. – С. 25, гл. 12 («се еваггелие новаго завета божиа, в нем же ся есте крестили»); Житие Константина Философа (по рукописи 1469 г.) // Труды Славянской комиссии. Т. 1: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности – Л., 1930. – С. 59, гл. 12 («се евангелие новаго завета божиа, в нем се есте и крестили»).
- ¹⁰⁰ Климент Охридский (IX в.) Слово похвальное Кириллу / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XIV веков. – М., 1990. – С. 317. Автор подчеркнул факт разорения, искоренения «безбожной лести» именно среди крещеной паствы: «Стадо Х (ристов) о прѣбезначальным свѣтом облистая освѣти і научия правовѣрїю» (см.: Февраля 14 преставление и похвала святому отцу Константину нареченнаго Кирила, учителя Словенску языку и Болгарску, философа. Створено Климентом // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 57, по рукописи первой половины XVII в. из Московского Румянцевского музея).
- ¹⁰¹ Ср.: Ahrweiler H. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siecle // Byzance: les payset les terriociers. Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des etudes Byzantines. – Athenes; Paris, 1971. – Т. 5. – Р. 58–62; Плетнева С.А. Хазары. – С. 69; Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7; Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве»... – С. 272; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 90; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 554; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 140; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 63–64. Крайне редко сомнения, видимо, посещали отдельных, наиболее внимательных исследователей, но они гнали их прочь, старались переубедить себя. К примеру, А.Л. Бертые-Делагард пытался скрыть их за следующими рассуждениями: «... едва ли было удобно и возможно Константинову только из-за дурного обычая идти проповедовать в христианскую страну, где по этому самому должны были быть свои пастыри, подчиненные какой-либо епархии; да и стоило об уничтожении простого обычая упоминать, как о подвиге особо важном; наконец, и фульский обычай – поклонение дубу, сросшемся с черешней носившему названия Александра, не таков, чтобы мог свободно и долго удер-

и тут же их крестил, пустило столь глубокие корни, что остается не замеченным даже маститыми, опытными исследователями, и то и дело всплывает в рассуждениях как непреложный факт¹⁰¹.

Один из этих предков «заблудших», кир Фул, вполне вероятно, аналогичный старейшине «фульского народа» из Жития Константина, тоже мог быть православным греком или по крайней мере крещеным аланом, булгарином или готом на византийской службе, которого заботило, будет ли крещен его тяжело заболевший сын. Между тем еще раз следует напомнить, что христианство было синонимом византизма, а само слово «христианин» означало «ромей». Поэтому заключение под стражу в фульскую филаку провинившегося перед хаганом не мешает видеть в данном случае проявление все тех же кондоминатных отношений, механизм которых, запущенный

живаться в христианской стране, между христианским же населением». Однако, как бы логично ни звучали эти аргументы, они входят в противоречие с текстом источника. Да и убедительность их невелика. С. А. Плетнева упоминает аналогичный случай у западных тюрков, савиров (саваров), среди которых проповедовал епископ Исраил, тоже приказавший срубить дуб, которому поклонялся уже обращенное население (Плетнева С. А. Указ. соч. — С. 69). О том, как долго держались языческие пережитки в сельской глубинке говорить не приходится. Это непреложный факт даже для внутренних, ядровых районов Византии. Как я уже подчеркивал, в первой половине XIII в., более чем через 250 лет после проповеднических усилий Константина Философа, в окрестностях Херсона, на территории Херсонского епископства продолжали жить аланы — «христиане только по имени», все так же нуждавшиеся в духовном поучении («не было пасущего их, хотя благовестие было для многих»), что попытался осуществить епископ Феодор, прибывший из Никей, и из-за этого вступивший в трения с архиепископом Херсона, который увидел в этом нарушение своих прав чужаком (Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание». — С. 17–18, § 6–7). Поэтому, если Константин, будучи в дружеских отношениях с престарелым Херсонским архиепископом Георгием, отправился к «фульскому народу» с ведома и благословения слабого телом, больного архиерея, в этом не было ничего предосудительного (в гл. 4 Слова на перенесение мощей преславного Климента сказано, что Георгия во время путешествия на остров 30 января несли на «съдалиши подвижнии»). В связи с этим интересно, как епископ Феодор оправдывал перед херсонским предстоятелем свое пастырское служение на его территории и в чем укорял гонителя: «Мы не предстали во всенародном учении, не похитили рукоположения, чтобы он (глава Херсонской Церкви) имел право думать, что его права нарушены. Но на вопросы неких быть может и алан мы давали лишь ответы в углу (то есть частным образом). Но пусть бы нам дано было всенародно возвестить слово веры, тогда бы мы не стали ставить препоны возвещавшему, мы бы дали ему возможность видеть учение об Умершем и Воскресшем» (Кулаковский Ю. А. Указ. соч. — С. 18, § 7). Следовательно, даже в массовой проповеди среди прихожан чужой епархии епископ Феодор не видел серьезного нарушения и вполне справедливо подозревал своих обидчиков в политических кознях. Поэтому нет оснований подозревать в выдумке составителя пространного Жития Константина и видеть в эпизоде с «фульским народом» только агиографический штамп, необходимый для прославления героя. Наведение порядка в пограничной, тревожной епархии в то время как хазары то и дело возбуждали гонения против христиан в каганате не воспринимается как малозначительный эпизод, не достойный упоминания.

сто лет назад, продолжал действовать. Не этим ли и влиятельной близостью византийского Херсона, связанного с сердцем Империи, отчасти объяснима та странная легкость, с которой старый по нашим, и тем более по византийским, меркам Иоанн (ему было уже за 60 лет) совершил побег из тюрьмы, точнее, попросту покинул ее. Местный архонт, отвечавший за узника, не мог не знать, что за этим кроется попустительство, а фактически, молчаливое одобрение и хагана, и Ирины, не пожелавших раздувать громкого политического «дела». Видимо, и ту и другую сторону вполне устраивал такой почти «бескровный» вариант разрешения нехоти разразившегося конфликта, отчетливо показавший, что время для серьезных изменений в Таврике в чью-либо одностороннюю пользу еще не настало.

В сложившейся ситуации регентша была бы довольна ограничиться учреждением Готской епископии (но никак не митрополии¹⁰²),

¹⁰² Еще раз следует подчеркнуть, что таковой она станет, как и прочие крымские архиепископства, очевидно, не ранее последней четверти XIII в., судя по упоминанию об этом событии в экфесисе епархий времен Андроника Палеолога (1282–1328) (см.: Кеппен П. О древностях южного берега Крыма... – С. 67–68, прим. 96; Богданова Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 20–32).

¹⁰³ В Списке де Боора (*Notitiae Isaurorum*) она названа под общим заголовком «Порядок предстоятельства священнейших патриархов, митрополитов и автокефальных (епископов)» (*Taxis prokathedrias ton osiotaton patriarchon, metropoliton kai autokephalon*) и под подзаголовком «Митрополичьи» (*oi upo metropolitias*) как «35 епархия Готфия (*LH eparchia Gotthias*), а в схолии в конце того же перечня – «37 епархия Готфия» (*LZ eparchia Gotthias*) (*Darrouzes J. A. A. Notitiae episcopatum...* – № 3, 42. Р. 231; №3, 611–618; р. 241–242, №3, 777–779, р. 245). Неправдоподобным выглядит даже не то, что эта новая церковная единица (митрополия, судя по подзаголовку, или автокефальная епископия, судя по тексту) была создана к концу IX в., не говоря уже о конце VIII в., а то, что она могла охватывать столь обширные хазарские территории и иметь там «епископства». По мнению А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева, «после подавления выступления хазарам удалось установить полный контроль над значительной частью византийских владений в Таврике», то есть, выходит, тех самых владений, которые эти же авторы считали едва ли не «самостоятельными политическими единицами». И якобы именно поэтому для христианского населения «...на подвластной хазарам территории» были созданы восемь (или даже девять, считая собственно Готфскую) новых епископских кафедр (см. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 112–113, 115; Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 139). О том, что среди населения Хазарии были христиане сомнений нет, но вот в то, что «Готская митрополия охватывала огромные территории, в состав которых входили, в частности, земли Хазарии в Крыму, Приазовье, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье», поверить невозможно (ср.: Коновалова И. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй международ. colloquium. Тезисы. – М., 2002. – С. 60). Получается, хазарские власти, в массе своей преимущественно иудансты, мусульмане или даже язычники, вопреки собственным политическим интересам были озабочены проведением христианизации в своих собственных владениях на территории Крыма

подчиненной Константинополю¹⁰³, и сохранению кондоминиума на крымской земле. Обстановка здесь, действительно, стабилизировалась и на некоторое время оставалась спокойной, что отразилось в хозяйстве и материальной культуре гетерогенных обитателей местных поселений¹⁰⁴.

«Учреждение» же хаганом стражников – таксатов (*themenos en auto phylakas taxatous*) в кастроне Доросе, в чем некоторые исследователи видят едва ли не главный повод к антихазарскому восстанию

и в обширных областях за его пределами (*sic!*). Подобное утверждение само по себе абсурдно. Кроме того, оно входит в противоречие с содержанием Жития Константина, где ни слова не говорится о епископствах в Хазарии. Несомненно, что с их предстоятелями не избегал бы встречи посланец василевса и Константинопольского патриарха во время своей миссии к хагану во второй половине 861 г. Между тем его контакты ограничились архиереем Херсона, архиепископом Георгием, и даже не коснулись церковных иерархов Готфии и Фул, вероятно, по той простой причине, что последние, если и существовали, то находились под властью главы Херсонской архиепископии. Ни одна прочая нотиция епископатов, даже если она упоминает Хазарию, не называет ее епископов или епископа. Поэтому заслуживающей внимания представляется высказанная впервые в 1929 г. В. Мошиным точка зрения о том, что в «епархиях» Готской «митрополии» Списка де Боора следует видеть не официальный документ, а задуманные наброски церковной организации Хазарии. Основой для ее структурирования послужили сведения, полученные Константином Философом во время пребывания в Хазарии, где ему могли рассказать о географии христианских общин в каганате, и именно эта информация легла в основу последних данных нотиции в виде своеобразного миссионерского «проекта будущей христианской организации» на этих землях, так и оставшегося нереализованным в силу ряда внешних и внутренних политических причин (см.: Мошин В. *Eparchia Gotthias* в Хазарии в VIII в. – С. 149–156; Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. – Р. 97–104; Иванов С. А. Византийская религиозная миссия X–XI вв. – С. 67; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 57; Науменко В. Е. Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // *Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы*. – М., 2002. – С. 74–76; Науменко В. Е. *Notitia K. de Boora* как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // *Церковная археология Южной Руси*. – Симферополь, 2002. – С. 129–138; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 551–554). Еще более категоричны на этот счет вполне достоверные данные писем патриарха Николая I Мистика (№68, 106), написанных, скорее всего, вскоре после марта 919 г. и до начала 920 г. В них он обращался с просьбой к архиепископу Херсона и, очевидно, к новоназначенному стратигу города содействовать делу христианизации Хазарии и удовлетворить просьбу посланцев из Хазарии о постановлении им епископа, которого следовало рукоположить в Константинополе (см.: Nicolas I, *Patriarch of Constantinople. Letters* / Ed., transl. by R. Jenkins, L. Westerink. – Washington, 1973. – Р. 314–315, № 68; р. 388–391, № 106; р. 553; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С. 311). Следовательно, христианские общины в Хазарии в начале X в. были, а вот своего епископа, способного рукополагать пресвитеров, не было, и значит, упомянутые в Нотиции де Боора церковные центры, входившие в состав епископства Готфии, нельзя принимать за реальные византийские епископства VIII–IX вв. на территории хазар.

¹⁰⁴ Айбабин А. И. Этническая история... – С. 211–212.

под предводительством Иоанна Исповедника, могло быть спровоцировано самими заговорщиками, когда мятеж еще только назревал после передачи крепости посланникам хагана¹⁰⁵.

Таксатами (*oi taxatoi*), токсатами (*oi toxotoi*) или таксеотами (*oi taxeotai*) византийцы обычно называли наемных воинов – профессионалов особых сменных отрядов тагмного (регулярного, постоянного, центрального) войска, которые несли как пограничную, так и гарнизонную службу, составляли ядро войск в фемах, тогда как фемные ополченцы – стратиоты распускались по домам¹⁰⁶. В отличие от кавалерии и тяжеловооруженной пехоты, они представляли собой воинов легкой пехоты, вооруженных луками¹⁰⁷. Примечательно, что в составленном в ранневизантийской среде *Nomoi ton Omeriton* – собрании юридических норм для южноаравийских христиан – химьяритов, таксеоты представлены как городские служащие или чиновники, которые должны были выполнять обязанности стражников, полицейских¹⁰⁸. Не была ли эта, очевидно, немногочисленная хазарская пешая «стража» приглашена сюда самим киром Готфии и его архонтами? Ведь ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона в 711 г., когда хазары тоже подошли к городу по просьбе местных ромейских властей города и простатевонтов его области, чтобы помочь разрешить разразившийся политический кризис, переросший в военный конфликт. На малочисленность этих воинов указывает сам факт изгнания «филакас таксатус» из резиденции кира Готфии приверженцами Иоанна Исповедника, которых, похоже, тоже не могло быть много, ибо Иоанн пользовался отнюдь не всеобщей поддержкой в Юго-Западной Таврике. Казненные позже «под горячую руку», по приказу хагана 17 человек как раз могли быть из числа тех, кто дерзнул поднять руку на хазарских представителей порядка и кто создал ситуацию, угрожавшую жизни и безопасности местных властей Готфии. К тому же из текста Жития остается неизвестным, были ли возвращены эти таксаты, судя по термину, наемные стражники, простые пехотинцы-лучники, на прежнее место после того, как «люди» или «войско» (*tou laou*) епископа «выгнали» (*exedioxen*) их из Дороса и «заняли» (*ekratesen*) клисуры – «тесные места», то есть окрестные ключевые позиции, где каких-либо стражников, видимо, вообще не было¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Ср.: Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 118; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе. – С. 62.

¹⁰⁶ См. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 369, комм. 7; Gregorion Ioannidou M. *Parakme kai ptose tou thematikou themou*. – Thessalonike, 1985. – S. 165.

¹⁰⁷ Византийский военный трактат «De castrametatione» / Пер. В.В. Кучмы // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – Гл. 1, с. 285, комм. 17; гл. 19, с. 301, гл. 20, с. 304.

¹⁰⁸ См.: Пигулевская Н.В. Законы химьяритов // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. – СПб., 2000. – С. 44.

¹⁰⁹ Житие Иоанна Готского. – С. 416-417, гл. 5.

Под клисурами, занятыми приверженцами Иоанна Исповедника, можно понимать, вероятно, не контроль над всеми теснинами, ущельями, проходами, перевалами Горного Крыма, как иногда считают (едва ли у восставших достало бы сил для столь масштабного овладения), а давно существовавшие оборонительные стены в балке Каралез (Сторожевая) перед Доросом и на нем самом, следы которых зафиксированы археологически (см.: рис. 32, 1)¹¹⁰. К примеру, 150-метровая двухпанцирная стена у подножья Мангупа имела толщину 2,3–2,4 м, была сложена из известняковых блоков с забутовкой на известковом растворе и увенчана зубьями. По центру ее располагались ворота, а на флангах, в тех местах, где она примыкала к скале, были вырублены смотровые площадки и небольшие «пещерные» сооружения. Иеромонах Матфей в конце XIV в. в своем рассказе о Феодоро-Мангупе вполне определенно дважды употребил термин «клисура» применительно к укреплениям, которые заполняли бреши в скальном массиве, созданном на Мангупском плато самой природой, что совпадает с выводами А.Г. Герцена относительно здешней фортификации: «Система состояла из отдельных, дискретно расположенных звеньев, основной задачей которых было, дополняя естественные обводы плато, создать непрерывный оборонительный контур, общая протяженность которого составляла около 7 км»¹¹¹. Вот эти ключевые узлы обороны и оказались на короткое время под контролем сторонников Иоанна.

Примечательно, что в тексте Жития нет даже намека на некое «вторжение» хазар на территорию Горного Крыма после изгнания их «таксатов», очевидно, даже не всадников, а немногих пехотинцев-стражников. В этом и не было нужды, поскольку конфликт разрешили сами обитатели Готфии («народ», некое селение), выдав Иоанна «властителям хазарским». В той ситуации крупномасштабный карательный рейд конной армии, разгром и оккупация Юго-Западной и Восточной Таврики только разожгли бы и без того накалившиеся страсти и не укрепили бы, а сломали остатки «общественного мнения», еще державшегося в пользу кондомината, а значит, и в пользу хагана. Если исходить из данных византийской эпистографии и агиографии, уже не раз служивших предметом исследо-

¹¹⁰ Пиоро И. С. Крымская Готия. – К., 1990. – С. 89; Пиоро І. С. Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. – 2000. – № 3. – С. 23; Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 114–115; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 546; ср.: Византийский военный трактат... – Гл. 15, с. 299, комм. 73; гл. 19–20, с. 301–304.

¹¹¹ Рассказ о городе Феодоро. Стихи Матфея, недостойного и ничтожного жреца // Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – Приложение 1, с. 580. 13–25; Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 261–262.

вания, выясниться, что применительно к 795 г. правитель Готфии стоял в одном ряду с правителями Лангобардии и Боспора и об их службе хагану речь не шла¹¹².

Поэтому нет оснований для утверждения, что хазарский гарнизон на 10–15 лет разместился в Доросе «после неудачной попытки правящих кругов Готии избавиться от завистимости от каганата», а сама Готфия со «значительной частью византийских владений в Таврике» «подпала под власть хазар», под их «полный контроль»¹¹³. А.Г. Герцен, крупнейший знаток Мангупа, похоже, пытается примирить непримиримое, когда пишет, что уже во второй половине 80-х гг. VIII в. византийская крепость на плато была «... захвачена хазарами, владевшими ею около полустолетия», вплоть до учреждения фемы в 841 г. на крымской земле, однако сам же признает, что все это время («до конца VIII – первой половины IX в.») кастрон Дорос имел ранневизантийский облик, а его население в основном оставалось тем же, сохраняя культурную ориентацию на византийский Херсон¹¹⁴. Более того, это «удержание» Мангупа, его «хазарский период» иногда продолжают на весь IX в., до второй половины IX – начала X в.¹¹⁵.

Нет сомнений, если бы владычество хазар было здесь столь долгим, оно неминуемо оставило бы свои следы в культурном слое. Между тем, раскопки показали исключительную редкость находок на плато предметов, относящихся к салтово-маяцкой культуре¹¹⁶. А.Г. Герцен отмечает отсутствие сколько-нибудь значительного количества таких артефактов во всех крупных крепостях Юго-Западной Таври-

¹¹² См.: Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма... – С. 173.

¹¹³ См.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 209, 227; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 71; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 545; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма... – С. 170.

¹¹⁴ Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 746; Герцен А.Г. Хазары. – С. 104, 107; ср.: Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики – С. 70.

¹¹⁵ Евреи в Крыму. – С. 16, 17; Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе. – С. 29; Герцен А.Г. Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу. – С. 18, 19.

¹¹⁶ Невзирая на предлагаемую протяженность «хазарского периода» в три четверти столетия или больше, А.Г. Герцен в противоречие к этому пишет о «кратковременном захвате крепости хазарами», не отразившемся на материальной культуре населения (ср.: Герцен А.Г. Крепость Дорос... – С. 119; Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе. – С. 29, 32). В.Е. Науменко ограничивает хазарский контроль «над горной частью Крымского полуострова» после восстания Иоанна Исповедника «несколькими десятилетиями», тоже отмечая, что гарнизон в Доросе был размещен на «короткое время» (Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 545).

¹¹⁷ Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Международ. конф. – Симферополь, 1997. – С. 34; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе. – С. 62; ср.: Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 58.

ки¹¹⁷. Не считая ремонта отдельных участков главной линии обороны крепости, следов присутствия хазар здесь нет. Резкого изменения в этническом составе населения городища в конце VIII – начале IX вв. материалы могильника, продолжавшего функционировать в ранне-средневековое время, не дают¹¹⁸. Отдельные элементы «хазарской» погребальной обрядности в захоронениях при большой мангупской базилике – не более как пережитки язычества местного христианизированного салтово-маяцкого населения IX–X вв. (следы погребальной трапезы, тризны, кости животных около гробницы)¹¹⁹. Тем более нет никаких оснований говорить о некоей «ежегодной сменяемости» в Доросе «хазарского гарнизона» на манер «достаточно редкой для хазар практики управления пограничными областями», отмечаемой источниками лишь в отношении Дербента и принадлежавшей хагану «царской» крепости Саркел первой половины X в.¹²⁰

Остается неясной и судьба расположенной в пяти километрах к западу от Дороса одной из главных крепостей Готфии на Эски-Кермене, которую хазары, возможно, именовали Кут (татарское Кут-телей)¹²¹. Е.В. Веймарн отмечал на этом городище следы сильного пожара, датировку которого он произвольно увязывал с концом VIII в.¹²². И.А. Баранов, опираясь на опубликованный востоковедом Д.А. Хвольсоном пересказ переписки на полях Пятикнижия из собрания караимского коллекционера Авраама Фирковича, утверждал, что крепость была уничтожена хазарами в 804–805 г., после того, как они

¹¹⁸ Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 128.

¹¹⁹ Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 81–83.

¹²⁰ Ср.: Науменко В.Е. Место Боспора... – С. 345. К тому же в отношении Саркела Константин Багрянородный отмечал, что в нем держали 300 «таксеотов», очевидно, из числа воинов регулярного царского войска, то есть наемных ларсиев (арсиев), мусульман, которые сменялись «по времени поочередно» (*kata chronon epallassomenoi*), а вовсе не «ежегодно», как обычно переводят этот пассаж (Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 42. 22–23, с. 170–171).

¹²¹ Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 61–62; Герцен А.Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. – Симферополь, 2000. – С. 19; Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 462–465. Впрочем, с не меньшим основанием можно считать, что хазарский топоним Кут, упомянутый в письме хагана Иосифа около середины X в., имел отношение к Чуфут-Кале или к любому другому хазарскому опорному пункту в Юго-Западном Крыму на отрезке между Алубихой (Алупкой) и Манкутом (Мангупом). Определенно ясно лишь, что это был конкретный пункт Готфии, а не название, тождественное всей Готфии, на чем ошибочно настаивает Х.-Ф. Байер.

¹²² Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология древнего Крыма. – М., 1958. – С. 53; Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 165.

отняли ее у готов, якобы угнетавших местных иудеев¹²³. Однако подлинность этой приписки, где речь идет о Мангупе, как показали исследования, проведенные по инициативе хранителя коллекции Фирковича, вызывает серьезные сомнения¹²⁴. Невозможно говорить о разрушении городища и его оборонительных сооружений в ходе подавления вооруженного выступления сторонников Иоанна Готского, поскольку вырубленные у южных ворот Эски-Кермена пещерные церкви с усыпальницами в районе подъемной дороги и въезда в городище были сооружены, судя по корреляции датировок обнаруженных здесь в могилах вещей и истории развития некрополя, не ранее конца IX столетия и не могли служить помехой для защитников крепости, будучи расположенными внизу скального массива.¹²⁵

Как показывают раскопки Парфенига, главный очаг восстания отнюдь не имел вид «руин», о которых упоминает А. И. Айбабин¹²⁶. Те усадьбы, что сгорели, были быстро отремонтированы, возобновлены. В целом, жизнь эмпория не испытала экономического спада, а сохранение его политической ориентация на Византию прослеживается в находках ромейских моливдулов некоего Ипата (это могло быть имя, а не титул) и даже стратига Фракии, важнейшей фемы, прикрывавшей столицу Империи, причем наличие на одном из них крестообразной инвокативной монограммы, которая может расшифровываться и как «Господи, помоги», и как «Богородица, помоги», в дополнение формулы «рабу своему» (*to so doulo*), а также характер крупного продолговатого шрифта указывают скорее на VIII – первую половину IX в., но никак не на время Константина Багрянородного, как полагал издатель печатей Б. А. Панченко (рис. 160–161)¹²⁷.

¹²³ Баранов И. А. Таврика в эпоху... – С. 151–152; ср.: Хвольсон Д. А. Еврейские древности в Крыму // Труды I Археологического съезда: В 2 т. – М., 1871. – Т. 2. – С. 853–859; Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей из Крыма. – СПб., 1884. – С. 276.

¹²⁴ Лебедев В. В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А. С. Фирковича // ПС. – 1987. – Вып. 29. – С. 57–61.

¹²⁵ Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46–47; Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – С. 40–44.

¹²⁶ Паршина Е. А. Торжище в Партенигах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 93; ср.: Айбабин А. И. Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7. А. И. Айбабин противоречит себе, когда отмечает, что извлеченные из слоя «сверопричерноморские амфоры 1–3 типов второй половины VIII–IX вв., гончарные фляги и византийские монеты Михаила I (811–813 г.), Василия I с соправителем Константином (869–879 г.) демонстрируют гибель усадеб в более позднее время» (Айбабин А. И. Этническая история... – С. 210).

¹²⁷ Панченко Б. Шесть моливдулов из Партенига // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 161–162, № 2–3, рис. 2–3; ср.: Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. – Екатеринбург, 1995. – С. 79–80, рис. 26. Выражаю благодарность Е. В. Степановой за консультацию по поводу уточнения содержания и датировки этих печатей.

Особенности византийско-хазарских отношений в Таврике в первой трети IX в. Превентивное по характеру антихазарское выступление Иоанна Готского, так и не ставшее громким уголовно-политическим «делом», тем не менее оказалось весьма симптоматичным. Несмотря на то, что источники не сообщают о прямых военных действиях между каганатом, его союзниками и Романией, общее нарастание хазаро-византийского напряжения на юге Восточной Европы, в том числе в Таврике, невозможно не заметить с конца VIII – начала IX вв.¹²⁸. Это-

му состоянию своеобразной «холодной войны», скрытой конфронтации, лишь иногда выливавшейся в рейды, грабежи, захваты опорных пунктов, вооруженные стычки небольшого масштаба, можно попытаться найти как косвенные, так и прямые доказательства. Это тем более важно для уяснения истинного состояния и характера византийско-хазарских отношений в период, непосредственно предшествовавший времени создания стратигиды на Крымском полуострове.

Входившая, как Херсон и Боспор, в состав Сихийской епархии Сугдея (eparchia tes autes o Sougdaon), Готфская епархия (eparchia Gotthias) и ее митрополия Дорос, Дору (Doros metropolis, o Dorou), а также упоминаемые в списке предстоятельств константинопольских патриархов, митрополитов и автокефальных епископов Notitiae Isaurorum (Darrouzes № 3) и схолии к нему Фулы (o Phoulon), Хотзирон (o Chotziron), Астиль (o Astel), Хуалис (o Chouales), Онорырон (o Onogouron), Петер (o Peteg), Унон (o Ounon), Таматарха (o Tamatarcha), не названы в другой, правда, тоже неофициальной нотиции, составленной во время патриаршества Никифора (806–815 гг.)¹²⁹.

Рис. 160. Моливдул из Парфениита, принадлежавший ипату. Д. – 17 мм. VIII в. (по Б.А. Панченко)

Рис. 161. Моливдул из Парфениита, принадлежавший стратигу Фракии. Д. – 20 мм. IX в. (по Б.А. Панченко)

¹²⁸ Ср.: Noonan T. Byzantium and the Khazars: a Special Relationship? // Byzantine Diplomacy. – London, 1992. – P. 109–132.

¹²⁹ Parthey G. Hieroclis Synecdemus et Notitiae graeca episcopatum. – Berolini, 1866. – № IX.; ср.: Darrouzes J.A. A. Notitiae episcopatum... – №3, 42, p. 231–232; №3, 611–618, 777–779, p. 241–242, 245; Науменко В.Е. Церковная география Таврики... – С. 9–20. Очевидно, собственно к территории Крыма конца VIII–IX вв. относились «епархия Готфия», а также Херсон, Боспор, Сугдея и, возможно, Фулы и Хотзирон. О последних двух упоминается в конечной небольшой схолии к списку митрополий Нотиции де Боора: «← 37 епархия Готфия, а) Хотзирон близ (поблизости, вблизи) Фул (synegguis Phoulon) и Харасия (tou Charasiou), что считают (называют) Черная Вода (eno legetai to Mavron Neron)»

(Darrouzes J.A. A. Op. cit. — № 3, 777–779, p. 245). Достаточные ли это основания, чтобы вслед за А.А. Васильевым и другими считать Хотзирон именно и только епископией, а под хотзирами — обитателями Хотзирона видеть хазар? (см.: Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. — P. 98; Ahrweiler H. *Les relations entre les byzantins et les russes...* — P. 44–71; Баранов И.А. *Таврика в эпоху...* — С. 153; Сидоренко В.А. *К вопросу о Фуллах и Доресе*. — С. 585–586; Майко В.В., Фарбей О.М. *Христианизация тюрко-болгар Криму...* — С. 75; Айбабин А.И. *Этническая история...* — С. 208; Байер Х.-Ф. *История крымских готов...* — С. 57; Науменко В.Е. *Notitia K. de Бора как источник...* — С. 130–131) Во всяком случае, ничто не мешает понимать под этим названием вполне конкретное место, может быть, центр округа, области, какое-то крупное поселение, полисму или кастрон в Таврике, причем не обязательно в восточной ее части, как полагали А.В. Гадло и А.И. Айбабин, ибо ближними ориентирами названы точно не локализованные Фулы и некая Маврон Нерон, не исключено, Черная речка (ср.: Гадло А.В. *Византийские свидетельства о Зихской епархии...* — С. 101). Впрочем, Ю.А. Кулаковский отождествлял Маврон Нерон — «Черную Воду» с именем Харасий (Charasious), в котором считал возможным видеть татарский Карасу, то есть южный приток р. Салгира, на котором стоит Карасу-базар (Кулаковский Ю. *Прошлое Тавриды. Краткие исторические очерки*. — К., 1906. — С. 69). Г. Моравчик поначалу предполагал под словом Хотзирон некий тюркский народ, но затем стал видеть в нем калку с этнонима акациры, встречающегося уже в V в. (Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. — Berlin, 1958. — Bd. 2. — S. 346–347; Moravcsik G. *Byzantinische Mission im Kreise der Tuerkvoelker an der Nordkueste des Schwarzer Meers* // *Proceedings of the XIII International Congress of Byzantine Studies*. — London, 1967. — P. 22). Астиль, следующий в схолии после Хотзирона, как будто связывают в этой приписке с одноименной рекой Хазарии — Волгой (Итилем), но, дабы не возникло недоразумение, подчеркивают их отличие (о Astel, eno legetai o Astel o potamos tes Chazarias, estin de kastron — «б) Астиль, что считают (называют) Астиль река Хазарии, а это кастрон»). Ю.А. Кулаковский тоже видел в этом названии не гидроним, а самую позднюю столицу хазар — Астиль — Итиль. Более того, по мнению О.О. Прицака, речь шла «о двух половинах хазарской столицы: западной Астиль / Атиль и восточной Хуалис / Хвались / Казаран» (Голб Н., Прицак О. *Еврейско-хазарские документы X века*. — М.: Иерусалим, 1997. — С. 185). Поэтому есть основания помещать названные после этого другие топонимы и одновременно церковные центры (о Onogouron, o Rateg, o Onon — Оногурон, Петер, Унон) вплоть до Таматархи на Таманском полуострове, якобы входившие в IX в. в епархию Готфия, вне пределов собственно «страны готов» (ср.: Науменко В.Е. *Notitia K de Бора...* — С. 131–132). Впрочем, основания для этого шаткие, поскольку подобные «этнические» названия мест, обнаруживающие связь с булгарами — оногурами, гуннами, тюрками, могли встречаться и в Юго-Западном Крыму, примером чему служить упоминаемый в церковных документах последней четверти XIV в. южнобережный choros, именовавшийся Аланией (ten Alanian) (*Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* / *Collecta ediderunt F. Miklosich, I. Müller*. — Vindobonae, 1862. — Vol. 2. — № 355, 370, 419). Этнонимы фигурируют и в названии епархий, на что, к примеру, указывают первая редакция *Минология Василия* (конец X — начало XI в.) и *Кларомонтанский синаксарь*, где под 10 ноября значится память «св. Ефрема, исповедника и епископа Гуннии» (Сергий. *Полный месяцеслов Востока*. — М., 1997. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 350). Вопрос лишь, совпадает ли она с тем «Уноном», что назван в Нотии де Боора и можно ли рассматривать ее в качестве следов «35-ой (37-ой) епархии — Готфии»? Иоанн Скилица упомянул даже о «епископии Турции», которая существовала у венгров во второй половине X в. (Ioannis Scylitzae *Synopsis historiarum* / Ed. I Thurn. — Berolini; Novi Eboraci, 1973. — P. 239. 69–70).

Возможно, это тоже свидетельствует о том незавидном положении, в каком они оказались условиях активизации вмешательства хазар и роста их враждебности¹³⁰.

Но говорить об оккупации каганатом восточной части Крымского полуострова в первой половине IX в. и тем более перед этим можно лишь в виде гипотезы, не имеющей весомых подтверждений¹³¹. Здесь известно около двух сотен поселений, однако возникли они, скорее всего, по согласованию с византийской администрацией, во второй половине VIII в., на свободных землях, в бесконфликтное время, на что недвусмысленно указывает отсутствие у них оборонительных стен¹³². Что касается Юго-Западной Таврики, Дорос или Дору, — глав-

К тому же надо учесть особенность византийской этнонимии, где «этнические термины не являются этниконами в узком и строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик» (Бибииков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. — 1986. — Вып. 30. — С. 101). Но совсем невероятно, чтобы названия епархий были связаны не с конкретными центрами, городами или крепостями, а с гидронимами. Во всяком случае, в византийских источниках нет надежных прецедентов такого рода. Поэтому нет оснований видеть в Хуалисе — Хвалисе Каспийское море, а в Ретеге — р. Терек, как бы остроумно ни выглядели эти догадки (см.: Vasiliev A. The Goths in the Crimea. — Р. 97–104; Иванов С.А. Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2000. — №3. — С. 67). Не могли они быть и «типичными миссийными епархиями без постоянной резиденции» (Кабанец Е.П. Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X вв. // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 91, 94–95), поскольку Византийская церковь не знала такой практики.

¹³⁰ Артамонов М.И. История хазар. — С. 325. Оригинальную, но ничем не подкрепляемую, более того, входящую в противоречие с другими источниками версию предложил В.В. Сухоребров, по мнению которого Готфскую епархию не включили в нотиции первой половины IX в. потому, что официально она как бы «не существовала» для Константинополя, ибо находилась на иконопочитательских позициях и ее иерархи не признавались патриархом и василевсом (Сухоребров В.В. Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики. — К., 2002. — С. 80, прим. 2). Как уже указывалось на примере реакции местных жителей относительно выступления Иоанна Исповедника, оппозиционные настроения в Готфии по отношению к официальному Константинополю не стоит преувеличивать и, значит, едва ли на местных христиан смотели бы как на изгоев ромейской Церкви, недостойных общения. Тон писем Феодора Студита в Юго-Западную Таврику тоже не позволяет считать ее обитателей, в том числе монашествующих, стойкими, образцовыми иконодуглами (Theodori Studitae epistulae // PG. — 1862. — Т. 99. — Col. 1344–1345, 1520–1523; Творения св. отца нашего и исповедника преп. Феодора Студита в рус. пер. — СПб., 1908. — Т. 2: Письма к разным лицам. — С. 454–455 (письмо XCII), 553–555 (письмо CLXIV)).

¹³¹ См.: Oikonomodes N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — Р. 321; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... — С. 544.

¹³² Подр. см.: Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины — второй половины VIII в. — С. 163–168.

ная резиденция, митрополия Готфии¹³³, — похоже, все же оказалась временно захвачена и даже переименована в хазарский Ман-к-т, Манкут (согласно языковедческим исследованиям Х.-Ф. Байера, по древнетюркски — «моя крепость», то есть крепость хагана), только произошло это не в конце 80-х гг. VIII в., в связи с подавлением мятежа Иоанна Готского, а, вероятно, к 20–30-м гг. IX в., когда хазары уже обновляли его крепостные укрепления и, заселив Мангуп, по мнению Д. А. Хвольсона, иудеями из таманской Гермонассы — Таматархи, а по мнению А. И. Айбабина, — гарнизоном из булгар, совершали набеги на византийские поселения в Таврике¹³⁴. Именно после VIII в. возникает Большой Мангуп, занявший всю основную площадь плато, а первоначальное укрепление — кастрон площадью около 4,5 га на крайнем восточном мысе Тешкли-Бурун становится его цитаделью¹³⁵. Особо следует заметить, что ремонт,

¹³³ Важно иметь в виду, что слово metropolis могло означать и церковный центр, и «главный город», «столицу» провинции в политико-административном смысле. Именно так в Чудесах св. Димитрия упоминается «богохраняемая митрополия фессалоникийцев» (e theophylaktos ton Thessalonikeon metropolis), которая превосходила все прочие центры Фракии, а также город Сирий — «митрополия» провинции Паннония (Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.). — М., 1995. — С. 102. 13-24, § 117; с. 168. 9-10, § 284; с. 186, комм. 20). Принятие этой поправки снимает надуманную необходимость возводить епархию Готфии в ранг некой огромной церковной митрополии, ибо таковой она впервые упоминается только в XIII в., а для второй половины VIII в. проблематична даже как автокефальная епархия (Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Тарихи в VIII в. — С. 110–112; Могаричев Ю. М. Иоанн Готский и образование Готской епархии. — С. 24–25).

¹³⁴ Следы пожара археологически прослеживаются в средней части плато, у Лагерной балки, недалеко от большой мангупской базилики, но они с трудом поддаются датировки по причине невыразительности слоев. Определенно можно лишь сказать, что они относятся к концу раннего средневековья (подр. см.: Хвольсон Д. А. Еврейские древности в Крыму. — С. 858; Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... — С. 276; Айбабин А. Крым под властью Хазарского каганата. — С. 7; Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — Л., 1984. — С. 20; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. — 1990. — Вып. 1. — С. 135, 137; Баранов И. А. Таврика в эпоху... — С. 58; Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3. — С. 141; Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. — С. 64; Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 27). — Симферополь, 1995. — С. 87; Герцен А. Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. — Симферополь, 2001. — С. 13, 28–29). Х.-Ф. Байер предполагает участие в этой перестройке некоторых укреплений Дороса также и готов, которые, по его мнению, оставались друзьями хазар «... в течение многих веков после подавления готского восстания в конце VIII в.» (sic!) (Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 106–107; ср.: Байер Х.-Ф. Идеология... — С. 465–466).

¹³⁵ Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. — К., 1974. — С. 137–139.

перестройка ряда узлов оборонительной системы, например, укрепленной линии А. XIV, «клисурь», пересекавшей устье Лагерной балки, которая была сдвинута ниже по склону и установлена прямо на поверхности земли, производился с использованием строительных приемов, типичных для фортификации Северного Кавказа и Подонья, связанной с салтово-маяцкой культурой¹³⁶. С тыльной стороны новоотстроенной куртины открыто женское погребение с типичными салтовскими серьгами, которое, возможно, было совершено в период строительства стены и имело ритуальный характер¹³⁷. Наконец, на квадратах оборонительных стен вырезаны тамгообразные знаки, имеющие аналогии от Болгарии и до Северного Кавказа, в том числе в Херсоне.

В Эски-Кермене и Чуфут-Кале следов работ, подобных мангупским, пока не выявлено¹³⁸. Оборонительная стена, не исключено, воздвигнутая салтовцами, перекрывала доступ на плато Кыз-Кермен, к городищу, расположенному в нескольких километрах от Чуфут-Кале, однако эта стена была сложена практически одновременно с основанием в VIII в. поселения, несущем в облике своих жилых усадеб заметное ромейское влияние¹³⁹. Теоретически хазарские «государственные крепости» могли возникнуть в Кыз-Ауле, Кордон-Обе, Баксане, Хмелевском, Беляусском городищах, на городище «Чайка» в 7 км к западу от Евпатории, в «цитадели» Аблемитского городища, то есть на самых дальних, северных подступах к Херсону (см.: рис. 113. 69; рис. 124. 5, 11–13)¹⁴⁰. Но с некоторой долей уверенности

¹³⁶ Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Международ. конф. – Симферополь, 1997. – С. 34; Герцен А.Г. Мангуп. – С. 29.

¹³⁷ Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе. – С. 63; Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе. – С. 33.

¹³⁸ Показательно, что на некрополе Эски-Кермена зафиксировано лишь одно несомненно салтовское погребение (Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 25, мог. № 243; Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. – С. 46). Похоже, это городище, как и крепость на Чуфут-Кале, никогда не было хазарским.

¹³⁹ Яacobson A.J. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 103–110; Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 132–142; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 49–63; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №3, 4, 7 // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 189–229; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. – С. 168–169.

¹⁴⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху... – С. 58–59, 65; Баранов И.А. Таврика в составе... – С. 14; Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7; Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. – Симферополь, 2000. – Т. 2. – С. 47–48; Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 156.

говорить о наличии фортификационного укрепления можно лишь в отношении Аблемитского городища, расположенного на мысу на южном берегу озера Донузлав, да и то памятник остается практически не исследованным¹⁴¹.

Если исходит из указаний о пределах хазарских владений, изложенных в письме хазарского царя Иосифа в Кордову в самом начале второй половины X в., за византийцами на территории Крыма всегда, и, значит, и в это трудное время распада condominiuma, оставалась довольно обширная территория вокруг Херсона («на берегу моря Кустантинии к западу»), которая на севере простиралась до долины Альмы (Алма – Баклинское городище?), на западе, во Внутренней горной гряде – до Эски-Кермена, почти пограничного с Мангупом, захваченным на некоторое, непродолжительное время хазарами; на юго-востоке – до линии прибрежных поселений, лежавших к востоку от Алулки (хазарской Алубики) (см.: рис. 113. 14, 28, 41)¹⁴². Кастра и поселения внутри этой территории, в том числе в крупнейших долинах – Инкерманской, Бельбекской, Качинской, Байдарской, Каралезской, Шульской, оставались населены преимущественно теми, кто считался христианскими подданными императора ромеев, и, хотя хазары то и дело предпринимали грабительские рейды в эти земли, захватить их не удалось. Впрочем, в 20-30-е гг. IX в., когда ситуация в Таврике обострилась, ни одна из сторон не могла знать, как обернутся дальнейшие события, и каждая вынашивала свои планы.

По мнению Хр. М. Лопарева, одного из лучших отечественных знатоков византийской агиографии, Житие стойкого иконодула, борца с ересью, Иоанна Психанта, некоторое время пребывавшего в Херсоне, намекает на враждебное окружение, в котором оказался город и его окрестности в самом начале правления Михаила II Заики (820–829)¹⁴³. Этому по времени предшествовало убийство «крово-

¹⁴¹ Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах... – С. 164–165.

¹⁴² См.: Гаркави А. Сообщения о хазарах. А. Хазарские письма // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник / Изд. А.Е. Ландау. – СПб., 1879. – Т. 7. – С. 160.

¹⁴³ Лопарев Хр.М. Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ. – (1911) 1913. – Т. 18. – С. 11-13; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч. I. – Пг., 1914. – С. 235-236. На это же обстоятельство и со ссылкой на тот же источник указывала Элен Арвейлер (Ahrweiler H. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siecle. – P. 66). Очевидно, не зная о наблюдении Хр. М. Лопарева, К. Цукерман отнес его к числу «появившихся недавно недоразумений», ибо, по его мнению, в тексте Жития нет абсолютно никаких сведений об угрозе Херсону и даже упоминаний хазар (Zuckerman C. Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson. – P. 221; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320). С последним можно отчасти согласиться, хотя удерживать в Херсоне желавших покинуть его во время начала правления Михаила II могла лишь угроза со стороны хазар, нападение на город и его окрестности, а не толпа фанатично настроенных поклонников святого. Венгры если и появятся здесь, то не ранее, чем через 10-15 лет.

жадного зверя» Льва V Армянина (813–820) (рис. 162), совершившего ряд крупных внутривосточных ошибок и настроившего против себя даже многих соратников¹⁴⁴. Сам Иоанн спасал от его жестокостей и преследования братию своего монастыря, снабжая их вдоволь провиантом на дорогу и отправляя в некие «любезные Богу» края, в которых нет оснований подозревать Таврику¹⁴⁵. Гимнографы IX в. не сомневались в факте ссылки этого яркого иконопочтателя, который все же «победил дерзость львов»¹⁴⁶. Смерть постигла василевса-иконоборца на Рождество, в ночь на 25 декабря 820 г. Узнав о том, что нечестивого гонителя больше нет, получив в числе прочих пострадавших «освобождение от наказания», амнистию (adeias) от нового василевса Михаила II, «и свое дело устроив хорошо (в Константинополе),

Рис. 162. Лев V Армянин (813–820).
Миниатюра из Моденской
рукописи хроники Иоанна
Зонары (по В. Треггольду)

святий уезжает в город Херсон, расположенный рядом с Боспором, и прибыв в этот ради отдохновения от обременительной толпы (eis anapsuxin ton ochlounton), он придерживался опять подвижнических трудов», исполнял каноны, исцелял, совершал чудеса, что вызвало приток к нему паломников со стороны¹⁴⁷. Как истинный подвижник, их приход (syndrome) святой воспринимал как наказание, вред и тяготился похвалами, которые, по его мнению, уменьшали его добродетель. Через некоторое время Иоанн пригласил некоего Парфения, одного из своих учеников, чтобы посоветоваться о совместном отъезде. Учитывая, что переезд в Романию должен был осуществиться морем, вести разговор о нем имело смысл не позже лета – осени 821 г., когда действовала навигация. Однако, Парфений ответил, что сделать это невозможно в виду некой толпы или массы, «множества народа»

¹⁴⁴ Подр. см.: Афиногенов Д. Е. Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы) // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. – СПб., 2003. – С. 194–222.

¹⁴⁵ La Vie grecque de S. Jean le Psichaitte, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813-820) / Ed. P. C. Van den Ven // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. – Louvain, 1902. – Т. 3. – P. 114. 10–14, §7; ср.: Бэйер Х. Ф. История крымских готов... – С. 338.

¹⁴⁶ Каждан А. П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 356.

¹⁴⁷ La Vie grecque de S. Jean le Psichaitte... – P. 118. 13–18, §8.

(уро tou plethous), надо понимать, врагов, что трудно выбраться из Херсона и вернуться в него, совершить обратный путь (palindromein), и тогда Иоанн предложил вместе пуститься в опасное предприятие¹⁴⁸.

Впрочем, это враждебное окружение еще не вылилось в изоляцию, подобную той, сравнимой временами с тюрьмой, которая будет нарастать к середине столетия. Агиограф отмечал приход сюда накануне тех народов, что находились «параллельно Востору, вне святого» (syrréonton ton parakeimenon ethnon te Bosporo thurathen te tou agiou kathezomenon), и в конечном итоге удавшийся отъезд Иоанна с Парфением, которые оставили опечаленных херсонитов и прочих паломников, пообещав им вернуться¹⁴⁹. Епифаний Монах тоже не сообщал о каких-либо трудностях военного характера, угрожавших Востору или Херсону во время его путешествия по Таврике, вероятно, близкое к 820 г.¹⁵⁰ Это говорить о том, что ситуация то и дело менялась

¹⁴⁸ La Vie grecque de S. Jean le Psichaité... — P. 120, § 9. Р.Х. Лопарев, приведя цитату из Жития, отметил, что «в другом списке чтение значительно отличное» и что составитель пользовался разными вариантами предания, пытаясь их объединить. Отсюда искусственная затуманенность насильственности в поездке святого в Херсон (см.: Лопарев Хр. М. Византийские Жития святых... — С. 12–13). Тем не менее Х.-Ф. Байер все же полагает, что речь шла не о ссылке, изгнании Иоанна, а о его добровольном туда приезде, хотя вслед за этим по не совсем понятным причинам все же последовало бегство. Но «толпа», мешавшая возвращению святого и его ученика в Византию, подана исследователем как те племена, приближенные к Востору, что стекались к Иоанну, поскольку сам отъезд неправильно понят как состоявшийся не из Херсона, а из Востора (см.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 351–352).

¹⁴⁹ La Vie grecque de S. Jean le Psichaité... — P. 118–120, § 8–9; Лопарев Х. Византийские Жития... — С. 12–13. Отбытие Иоанна с его учеником в Константинополь могло произойти не раньше весны 821 г., после выхода указа Михаила II об амнистии потерпевшим при Льве Армянине, «свинье в грязи нечестия», но, с другой стороны, едва ли это случилось позже лета того же года, когда восстание анатолийского турмарха федератов Фомы Славянина, начавшееся с осени 820 г., набрало силу и охватило больше 80 тыс. человек в азиатских и европейских владениях Византии. При этом Вукелларий, Пафлагония, Кивирриоты стали на сторону мятежника, тогда как Михаила Травла поддержали европейская часть Империи и Оптиматы, Опсикий, Фракийский, Армениак, Халдия, а уже в декабре 821 г. даже Константинополь оказался блокирован и суши, и с моря (Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. — СПб., 1992. — С. 26–35, кн. II. 10–19; Norwich J. Byzanz. Auf dem Höhepunkt der Macht 800–1071. — Düsseldorf; München, 1994. — S. 50; Treadgold W. A History of the Byzantine State... — P. 434–435; Афиногенов Д.Е. Что погубило императора Льва Армянина? — С. 209–210, 212). Вероятно, именно поэтому Хр. М. Лопарев считал, что беглецы могли покинуть Херсон лишь осенью 823 г., после окончательного подавления мятежа в середине октября и нормализации ситуации в столице (см.: Лопарев Хр. М. Византийские Жития... — С. 13), но это слишком долгий, а потому нереальный срок для «отдыха» Иоанна в Крыму, если учесть, что он начался весной — летом 821 г.

¹⁵⁰ Ср.: Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. — СПб., 1909. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 268–269.

от худшего к лучшему и была неустойчивой. Однако предполагать, что составитель Жития Иоанна Психайта, писавший после 843 г., перенес сведения начала 860-х гг. о плотном вражеском окружении Херсона на 20-е гг. IX в., когда этого якобы не было, будет большой натяжкой¹⁵¹. Такое самомнение строится на гиперабсолютизации агнографической традиции и слишком большом количестве допущений.

Мы тем более не в праве отказывать в доверии житийному источнику, поскольку не исключено, что именно к этой поре усиливавшегося напряжения и нараставших конфликтов, мелких стычек, выливавшихся в непосредственную угрозу городу со стороны неких «толп» или «племен (народов)», периодически блокировавших его, относится надмогильная надпись из «пещерного» храма с небольшим баптистерием, расположенного примерно посередине южного, почти 70-метрового обрыва Монастырской скалы в Инкермане, в 50 шагах к востоку от угла скалы, на вершине которой находилась ранневизантийская крепость (рис. 163)¹⁵². Это южный, закрытый и наиболее теплый край обрыва, который обращен к Гайтанской (Первомайской) балке. Храм, часть которого обрушилась, состоит собственно из церкви с одной апсидой и тремя небольшими нишами под конхой, невысокой алтарной преградой и двухступенчатым синтроном, а также крохотной крещальни и примыкающей к ней усыпальницы, в полу которой вырублена гробница с деревянным перекрытием (судя по остаткам гнезд над могилой) (рис. 164). А. Л. Бертье-Делагард полагал, что сооружение было высечено в виде креста, перекрытого уплощенным куполом, и имело

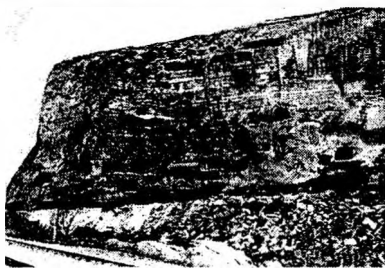

Рис. 163. Южный обрыв Монастырской скалы в Инкермане с девятью ярусами пещерных сооружений. Вид на «храм с крещальней» из балки Гайтани

¹⁵¹ Ср.: Могаричев Ю. М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. — М., 2002. — № 4 (152). — С. 48–53.

¹⁵² Высота расположения храма от подошвы скалы указывается исследователями по-разному: около 35 футов (А. Л. Бертье-Делагард), 6–7 сажень (В. В. Латышев), 25–30 м (Ю. М. Могаричев), 30–40 м (В. Ф. Филиппенко), что, очевидно, объясняется его трудноступенчатостью (подр. см.: Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. — 1886. — Т. 14. — С. 232–234; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — С. 40–42, № 33; Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. — 1897. — С. 151 (по словам Бертье-Делагарда, он добирался к храму «с опасностью жизни, при помощи лестниц и веревок»); Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Тарик. — С. 11–13; Филиппенко В. Ф. Инкерман-Каламита: крепость и монастырь. — С. 21–22).

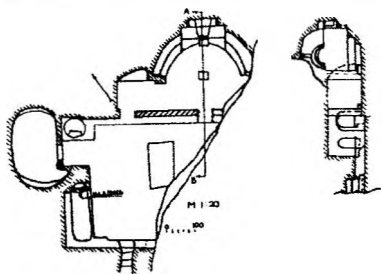

Рис. 164. План и разрез
«храма с крещальной»
(по В.Ф. Филиппенко)

связь с 22 помещениями, образовавшими со временем монастырь. Он же считал эту церковь «...одной из древнейших пещерных, но все же, судя по грубости профилевок подкупольных карнизов гораздо более поздней, чем время распространения купольных церковных покрытий в подражание константинопольскому Софийскому храму»¹⁵³. В конечном итоге исследователь датировал ее весьма условно, относя к ранним «татарским временам», «...когда еще существова-

ло княжество Феодоро», с чем согласен такой авторитетный знаток крымской скальной архитектуры как Ю.М. Могаричев и некоторые другие исследователи¹⁵⁴. Между тем, стоит обратить внимание на отсутствие в храме специального, отдельного помещения жертвенника — професиса, что указывает на время ранее VIII в.¹⁵⁵. Темплон у него в виде выгородки, скорее всего, невысокой, как это было характерно для церквей доиконоборческого периода.

Разногласия вызывают не только архитектурная, литургическая конструкция храма и время его строительства, которое может быть гораздо раньше XIII–XIV вв., но и датировка плохо сохранившейся шестистрочной надписи, высеченной в стене усыпальницы над нишей, обведенной рамкой. Она гласит: «Упокоились рабы Божии Авракий сын (?) Афка комит месяца первого (?) 19(?), дня..., и Косма Афка комит месяца марта 6329 (?)» (Echometh(e) san oi douloi tg Th(eo) u Abrames n(ios?) Athk[a] romes meni pr(o) t(o?) i[th?], em(era?)... kai Ko[sm]las Athka k[o]jmes m[e]ni [Martio?], ztkth?)¹⁵⁶. Чтение komes в двух местах, по мнению В.В. Латышева, не подлежало сомнению и уже одно это заставляло относить надпись «к визан-

¹⁵³ Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. — С. 233–234.

¹⁵⁴ Ср.: Латышев В.В. Заметки к христианским надписям... — С. 150–151, к № 33; Mogarichev Yu. M. Rock Architecture of Mountainous Crimea: Main Periods of Development // АДСВ. — Екатеринбург, 1998. — Р. 263, fig. 12.

¹⁵⁵ Обряд и символика проксомидии — приготовления жертвенных даров связаны с первой третью VIII в., непосредственно в временем перед или сразу после начала иконоборства (Шульц Г.И. Візантійська літургія: свідчення віри та значення символів. — Львів, 2002. — С. 137, 143; ср.: Гайдук Н.Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиовед. — Севастополь, 2003. — С. 17–18).

¹⁵⁶ А.Ю. Виноградов отказывается от чтения «Афка» и полагает возможным относить надпись к истории княжества Феодоро, датируя храм не ранее XV в. на основании наличия в нем боковых пастофриев, что вызывает сомнение.

тийским временам, а не татарским». Относительно комитов в княжестве Феодоро данных нет. Издатель надписи отметил, что трем из четырех последних ее знаков «легко можно было бы придать цифровое значение (tkth = 329), а первый знак может обозначать 6000 и тогда получится 6329 год от сотворения мира = 821 г. по Р. Хр.»¹⁵⁷. В таком случае смерть комитов Авраамия и Космы, сначала одного и через несколько месяцев другого, последовала как раз перед тем, когда Иоанн Психаит и Парфений будут безуспешно пытаться выбраться из Херсона, которому грозили некие враждебные «массы». Район Инкермана и его раннесредневековый кастрон, возможно, идентичный Фулам, известным по источникам VIII–IX вв., находились на последних рубежах, прикрывавших город, и сложить там голову в случае горячих стычек было не мудрено¹⁵⁸.

Согласно Тактикону 842–843 г., комиты значились и среди высших, и среди средних, и среди низших сановных рангов. Одни из них следовали после «генеральских» званий протоспафариев, логофетов, преторов, domestikов, протостраторов, протоасикритов (о komes ton teicheon, о komes tou stablou), другие после спафариев, аподоместиков, клисурархов, турмархов, топотиритов, протонотариев (oi spatharioi kometes tes kortes ton thematon, oi spatharioi kometes tes kortes ton ploimaton), третьи замыкали ряды чиновной пирамиды после асикритов, хартулариев, нотариев, кураторов, зигостатов, ксенодохов, ги рокомов, кандидатов, скрибов, вестиариев, силенциариев, апротов и прочих (oi kometes ton scholon kai kometes kortes ton thematon, о komes tes kortes ton ploimaton, о komes tou arithmou, о komes ton ikanaton, oi kometes tou ploimou)¹⁵⁹. Маловероятно, чтобы Авраамий и Косма были комитами высокого ранга. Скорее, это были пехотные или морские командиры из разряда самых последних чинов, после которых следовали уже только саны трибунов, аподрунгариев, протомондаторов и кенсоров. Некий «царский комит» (kometi bas[iliko]) упоминается в надписи на части мраморного карниза длиной 1,01 м, найденного в 1891 г. при земляных работах на месте, где находилась большая агора средневекового Херсона, следовательно, комиты

¹⁵⁷ Латышев В.В. Сборник греческих надписей... – С. 42. Эту дату принимает В.Ф. Филиппенко, много лет занимавшийся памятниками Инкермана (Филиппенко В.Ф. Инкерман-Каламита... – С. 21–22). По архитектурным аналогиям и сходству имен похороненных (Афка) с именем из приписки на полях Судакского синаксаря («Андроник Апка, сын протопopa Ми...») Ю.М. Могаричев датирует время сооружения храма XIII–XIV вв., но аналогии эти, как и у Бертье-Делагарда, весьма условны, а созвучие греческих имен (Athka – Апка), на которое обратил внимание уже В.В. Латышев, тоже ни о чем не говорит (см.: Могаричев Ю.М. Пещерные церкви... – С. 11–13; Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века... – С. 597, № 7).

¹⁵⁸ Подр. см.: Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». – С. 71–79.

¹⁵⁹ См.: Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines de IXe et Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 41–63.

встречались в городе среди прочих представителей имперских властей¹⁶⁰. Вероятно, их присылали сюда, в «столицу» архонтата, с временными поручениями тогда, когда этого требовала ситуация, когда нужны были вмешательство или помощь со стороны. В любом случае такие лица относились к числу византийских официалов¹⁶¹. Судя по актовому материалу из послевизантийской Италии второй половины VIII–IX вв., это были прежде всего офицеры, представители военной служилой знати. Из так называемого Баварского кодекса следует, что по месту своей службы они выступали арендаторами земель, главным образом церковных¹⁶². Следует также учесть, что комиты не обязательно были начальниками военных отрядов – арифмов, ванд или тагм. Среди них встречались коменданты крепостей, что вполне подходит для комитов, один за одним погибших у Инкерманского кастрона или в нем самом и потому там же похороненных¹⁶³.

Как бы то ни было, становится очевидным, что система прежнего взаимного, добрососедского, сравнительно мирного византийско-хазарского владения, по сути дела, больше не действовала. Давние призывы Иоанна Исповедника, попытавшегося почти на пол столетия опередить развитие событий в Таврике, все же оказались пророческими. Лишь флер прежних политических обязательств и приоритетов отделял ромеев от открытой конфронтации с каганатом и его союзниками.

Обстоятельства, время и территория создания стратегии Климата. Симптомом и одновременно следствием кардинальных изменений в Таврике явились здешние военно-административные преобразования, на которые решился зрелый, опытный, энергичный император Феофил (829-842), чтобы «...всецело повелевать кастроном Херсоном вместе с его местностями (kai tous en aute topous) и не упустить из рук» (рис. 165)¹⁶⁴. Понятно, что последняя фраза имела отношение к архонтату, области Херсон и ее местностям – климата, то есть относилась к тому, чем Романия владела не номинально, а вполне реально, и с чем не собиралась расставаться. Вообще все византийские фефы организовывались прежде всего там, где позиции

¹⁶⁰ Сохранившаяся часть надписи читается вполне ясно, но уловить ее смысл не удастся. В.В. Латышев поместил ее среди надгробных памятников, однако она слишком длинна и к тому же ее начало и концовка на других частях карниза выполнены все в ту же одну строку (Латышев В.В. Сборник греческих надписей... – С. 35, № 28).

¹⁶¹ Kazdan A. Comes // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 484–485.

¹⁶² Codex traditionum ecclesiae Ravennatis nunc Monachii asservatus / Ed. J. Bernhardt. – München, 1810. – № 69, 105, 153.

¹⁶³ Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 75.

¹⁶⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 42. 41–44, с. 172–173; Theophanes continuatus e rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1838. – P. 123–124.

Империи были более прочными, а организация обороны особенно настоятельной. Уже одно это обстоятельство красноречиво говорит о ситуации, сложившейся к тому времени на Крымском полуострове, которую нельзя свести к одному лишь «ослаблению влияния хазар», якобы оказавшихся «не в состоянии претендовать на сюзеренитет над Готией»¹⁶⁵. Стратиг и его воинский контингент должны были обеспечить восстановление и упрочение на территории военно-административной фемы имперского правопорядка, налоговых поступлений, функционирование местных органов власти, организовать оборону и, если требовалось, провести набор ополченцев-стратиотов из местного населения путем внесения их имен в стратиотские каталоги.

Рис. 165. Феофил
(829–842).

Солид, золото

Удивительное сходство с происходившим в Херсоне и его округе обнаруживает более поздняя попытка императора Василия I Македонянина (867–886) покончить с кондоминиумом на Кипре в пользу Империи тоже путем возведения острова в разряд фемы. Однако эти действия оказались неудачными и, по словам Константина Багрянородного, посланный туда стратиг Алексей, родом армянин, начальствовал там лишь семь лет, после чего все вернулось в прежнее положение¹⁶⁶.

Вероятно, крымское мероприятие оказалось более жизнеспособным, будучи включено в часть более обширного общего плана, завершившегося военной реформой 840 г., поскольку, наряду с грядущими местными территориально-административными нововведениями, около 837–839 гг. архонтат Диррахия был возведен в ранг фемы, турмы, турмархаты Селевкия и Каппадокия в Анатолике и турма Харсиана в Армениаке стали новыми административными единицами, известными как клисуры, а из Вукеллариев и Армениака были выделены самостоятельные фемы Пафлагония и Халдия (еще одна бывшая турма Армеников), Амасия, Дазимона и Колония стали самостоятельными «частями» Армениака со своими военными гарнизонами, причем один из важнейших центров новосозданной фемы Пафлагонии – Амастрида оказалась повышена до ранга автокефальной архиепископии (рис. 166). Все это, очевидно, объясняется особенно пристальным вниманием византийского правительства к крепко связанным между собой северным и южным районам Понта Эвксинского

¹⁶⁵ Ср.: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320; Могаричев Ю. М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. – С. 50.

¹⁶⁶ Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»: Пер. Г. Ласкина. – М., 1899. – С. 43; см.: Шене Ж. -К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 315.

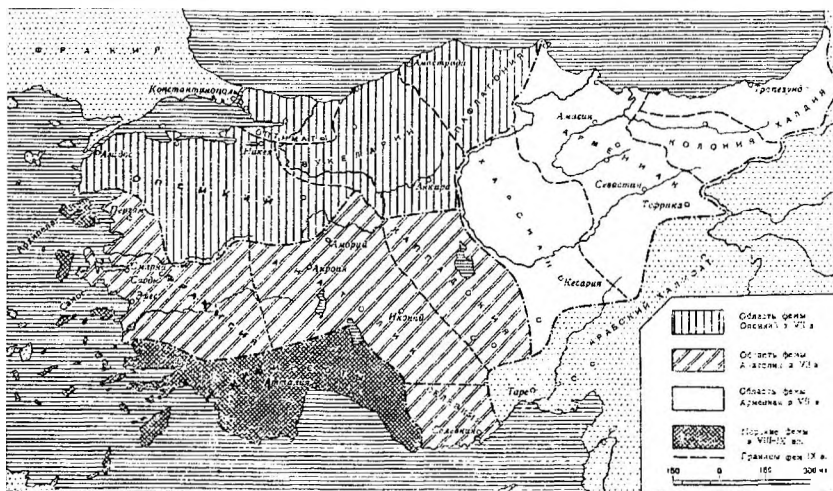

Рис. 166. Малоазийские фемы VII–IX вв.

(рис. 167)¹⁶⁷. В целом, после реформ Феофила византийская армия стала более мощным, гибким и надежным инструментом, чем была прежде, а военные мятежи фактически прекратились. Крымская фема тоже заняла запланированное ей место в сложившейся системе.

¹⁶⁷ Parthey G. Hieroclis Synecdemus et Notitiae graeca episcopatum. — Berolini, 1866. — № II, 54; № VI, 84; Липшиц Е. Э. К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв. // ВВ. — 1953. — Т. 6. — С. 117; Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. — München, 1975. — S. 169–171; Treadgold W. A History of the Byzantine State... — P. 443; cp.: Martin-Hisard B. La domination byzantine sur le littoral oriental du Pont Euxin (milieu du VIIe – VIIIe siècles) // Byzantino-bulgaria. — 1981. — Т. 7. — 141, 156; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. — 2003. — №1. — С. 80 (о набеge народа Рос на Пропонтиду и Амастру, возможно, в начале 830-х гг., согласно свидетельству Жития Георгия Амастридского, и о прибытии в Византию послов от русов с мирной миссией около 837–838 гг.). Отражением этого внимания является происходящий из Херсона моливдул стратига северомалоазийской фемы Армениаков с резиденцией в Евханте, который хранится в частной коллекции К. Д. Смычкова (размеры: диаметр — 20 мм, толщина — 5 мм). На его лицевой стороне — крестообразная монограмма обращения к Богоматери (тип V по В. Лорану), а в углах тетраграмма — [t]o so [dou]ll[o] — «Богоматерь, помоги твоему рабу...». К сожалению, печать не сохранила имя владельца из-за смещения оттиска вверх. Надпись на обороте, размер литер, их расположение дают основания говорить о легенде в четыре строки и о том, что владелец моливдула был в сане императорского спафария (b[asi]liko] sp[athar]io] [kai] str[ate]go] ton Arm[eniako]n). На основании эпиграфических особенностей шрифта, формы знака сокращения, отдельных эпиграфических признаков в начертании литер, вида кружка печать может быть датирована второй четвертью IX в., но не ранее 30-х гг., то есть как раз тем временем, когда на южном побережье Понта и в Таврике назрели и стали постепенно осуществляться комплексные территориальные военно-административные

Из рассказа Продолжателя Феофана и Константина Багрянородного следует, что между Херсоном и южночерноморской Пафлагонией с ее крупнейшими портовыми городами Амастридой (Амастрой) и Синопой осуществлялась стабильная морская связь¹⁶⁸. Именно здесь пролегалo самое краткое расстояние в 263 км (142 морские мили) между пафлагонским мысом Карамбий (совр. Керемпе) и южной оконечностью Крыма, так что переправа через Черное море, постоянно контролируемая имперскими властями и флотом, не являлась большим препятствием¹⁶⁹. И именно поэтому василевс послал спафарокандидата Петрона Каматира («Трудолюбивого») в Херсон не только с военными («длинными») судами — парусно-весельными хеландиями царского флота (*meta chelandion basilikon ploimon*) (рис. 168), но и вместе с хеландиями катепана — предводителя местного войска и флота Пафлагонии, который следил за поддержанием порядка на Черном море и базировался в Амастриде, на тот момент, очевидно, еще остававшейся под стратигом фемы Армеников¹⁷⁰. Кроме того, катепан являлся командиром таксатов Пафлагонии из числа воинов-профессионалов здешней военно-административной единицы, в скором времени превращенной в самостоятельную фему. Приняв участие в экспедиции, в дальнейшем они на какое-то короткое время могли составить ядро войск новосозданной фемы в Таврике.

Следует учесть, что развал византийско-хазарского кондоминиума на крымской земле неминуемо вызвал необходимость милитаризации общественной жизни, от которой херсониты и жители ок-

Рис. 167. Моливдул царского спафария, стратига фемы Армениак. 30–40-е гг. IX в., Херсон. Коллекция К. Д. Смычкова

преобразования. Хочу поблагодарить К. Д. Смычкова за возможность познакомиться с некоторыми материалами его коллекции.

¹⁶⁸ Theophanes Continuatus. — Р. 122-123; Продолжатель Феофана. — С. 58 (III, 28); Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 30-33, с. 170-171. Ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. — С. 310.

¹⁶⁹ Шене Ж.-К. Указ. соч. — С. 315. Ранг катепана был выше ранга турмарха и вообще у стратигов и катепанов, как следует из источников Константина Багрянородного, были разные задачи (*Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. — Bonnae, 1829 — Vol. 1. — Р. 657 2-4*). К примеру, в феме Кивирриотов в правление Льва VI был стратиг как руководитель, эк просопу василевса, и был катепан «столицы» военно-административной области — Атталии, притязания которого на руководство стратиг отверг на основании того, что в феме не может быть двух стратигов (*thema duo strategous echein ou dynatai*) (*Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis...* — Р. 50. 169-183; Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 228-231, гл. 50. 182-187). Следовательно, катепан Пафлагонии должен был быть подотчетен стратигу Армениаков до тех пор, пока Пафлагония не была выделена в отдельную фему и обзавелась своим стратигом.

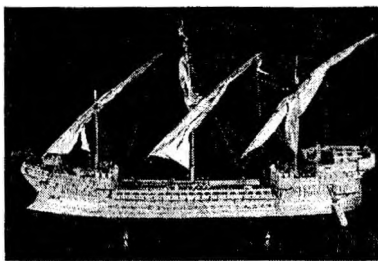

Рис. 168. Дромон (хеландий).
Реконструкция (*The Greeks
and the Sea*. – Athens, 2002)

ружающих кастра, полисм успели за предыдущее столетие основательно отвыкнуть. Отсутствие собственных воинских контингентов вызвало необходимость положиться на иноземцев, на что намекают находки в Херсоне очень близких по времени к описываемым событиям печатей царского спафария, стратига соседней с Пафлагонией фемы Армеников (830–840-е гг.), и Епифания, патрикия, царского протоспафария и стратига Сицилии (около середины IX в.)¹⁷¹. Это же обстоятельство могло бы объяснить внезапное появление здесь до образования крымской фемы медных монет Льва V и Константина сицилийского выпуска (813–820 гг.), причем еще до того, как с 827 г. начался последовательный захват мусульманами территории острова, осложнивший положение¹⁷². Наличие таких присланных издалека воинских контингентов было вполне реальным делом и имело у византийцев давнюю практику. Достаточно вспомнить, как в Боспоре в начале правления Юстиниана I, по свидетельству Иоанна Малалы, были размещены «...многочисленные ромейские или итальянские войска, известные как испанцы»¹⁷³. Едва ли сицилийский контингент мог быть значительным, но выделить одну – две ванды из 2000 фемного корпуса стратиотов, размещенного в Калаврии и Сицилии, и ненадолго доставить их через Константинополь к Херсону представляется возможным.

При всем том остается неясным, отправился ли сам катепан в плавание вместе с Петроной Каматиром. Из текста Продолжателя Феофана следует, что Феофил послал спафарокандидата, отвечавшего за экспедицию, с «царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии»¹⁷⁴. Однако Константин Багрянородный пишет лишь о посылке «хеландий из царских судов и хеландий катепана Пафлагонии»¹⁷⁵, то есть об обеспечении предприятия кораблями императорского флота, сосредоточенного в Константинополе, и военными судами Пафлагонии, собранными в Амастриде. Последний вариант представляется

¹⁷¹ См.: Смычков К.Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. – Харьков, 1999. – С. 75; Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 211, № 46.

¹⁷² Ср.: Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 96, 97.

¹⁷³ См.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 94–95.

¹⁷⁴ Theophanes continuatus / Rec. I. Bekker. – P. 122.

¹⁷⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 42. 30-32, с. 170-171.

более достоверным, а неточность Продолжателя Феофана легко объяснима ошибкой переписчика или редактора, не обративших внимание на то, что в первоисточнике слово «хеландии» было названо дважды не случайно, с разным смыслом.

Контекст источников не оставляет сомнений в том, что на Петрону было возложено поручение, выполнение которого отвечало на тот момент интересам и хагана, и византийцев, испытывавших очередную и, как выяснится в дальнейшем, недолгий момент взаимного сближения. Уже в первой четверти IX в. каганат был вынужден создавать ряд укреплений вдоль Дона (Семикаракорское, Крымские, Золотовское, Правобережное Цимлянское, Камышевское и другие городища), видимо, для защиты от некоей все возрастающей угрозы, которую видят в россах, венграх (мадьярах) или печенегах. Все три вероятных противника выдвинуты историками достаточно давно. Пожалуй, древнее всех версия византийских хронистов конца XI в. Иоанна Скилицы – Георгия Кедрина, касающаяся печенегов (*ton Patzinakon ephodou*)¹⁷⁶. Ныне возрождена и активно утверждается зарубежными и отечественными исследователями «венгерская» гипотеза¹⁷⁷. Кое-кто пытается совместить все версии,

¹⁷⁶ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. – P. 73; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. – Bonnæ, 1839. – Vol. 2. – P. 3; 129. 22–130. 3.

¹⁷⁷ Golden P. V. Khazar Studies... – P. 69; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. – С. 234; Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище: Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 22; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320–321; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 г. // МАИЭТ. – 1997. – Т. 6. – С. 663–679; Науменко В. Е. Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в. в связи с учреждением и становлением византийской фемы в Таврике // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. – Харьков, 1997. – С. 59–60; Айбабин А. А. Этническая история... – С. 220; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 549–550. Число врагов этим не исчерпывается. В последнее время появилась еще одна историческая версия, позволяющая видеть в постройке крепостей защиту каганата от кавар, хазар – повстанцев, которые после проигрыша в развязанной гражданской войне сосредоточились на территориях, подвластных каганату до войны, к северо-западу от Саркела (Горелик М. В. Три племена кавар и савирский всадник // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 27). Однако бунт кавар относят обычно не ранее чем к середине IX в. или даже позже, ко времени около 860–870 гг., когда Саркел и другие крепости уже существовали (Golden P. V. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. – Budapest, 1980. – Vol. 1. – P. 133–141; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 39, с. 162–163, 394, комм. 1; Цукерман К. Венгры в стране Леведии... – С. 671–672; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 132). Во всяком случае, в 881 г. венгры и кавары участвовали совместно в нападении на Вену. Более ранних письменных данных нет, а атрибутируемые каварам погребения (могильник в Челерево, Югославия), сре-

видя в левом берегу Дона предполагаемую границу хазар и венгров, а затем хазар и печенегов, к которым добавляет «будущих губителей Хазарии» – русов, доминировавших в степях Дона и плававших к его устью¹⁷⁸.

Действительно, венгры, двигаясь с северо-востока, уже в 30-е гг. IX в. действовали как союзники болгар против ромеев в Нижнем Подунавье¹⁷⁹. К Цукерман считает, что в это время они достигли причерноморских земель, овладели Перекопом и затруднили хазарам связь с Крымским полуостровом¹⁸⁰. Какое-то продолжительное время формально они оставались союзниками, но тем не менее, ситуация, похоже, довольно скоро стала накаляться. Епископ Пруденций записал в Сен-Бертинские анналы, что 18 мая 839 г. посланники некоего «народа рос» (*qui seid est gentem suam Rhos vocari dicebant*), включавшие свеонов и явившиеся ко двору императора Феофила «ради дружбы» с их «хаганом» (*chaganus*), не могли вернуться к себе на родину, поскольку путь, которым они прибыли в Империю ромеев, оказался под угрозой, был перерезан «варварскими и дикими (свирепыми) племенами безмерной жестокости», отчего чужеземные послы были вынуждены присоединиться к византийской миссии и двинуться на север в обход, через владения франкского императора Людовика Благочестивого, где и оказались задержаны в Ингельхейме на Рейне по подозрению в шпионаже в пользу противников франков – свеонов¹⁸¹.

Случайно или нет, но почти в то же самое время, очевидно, в конце 30-х гг. IX в., когда «дикие племена» блокировали пути через Северное Причерноморье и, возможно, действительно заняли все пространство от Нижнего Дона до Салтова, в Константинополь прибыло посольство от обоих высших властителей Хазарии – ха-

ди которых есть совершенные как по языческому, так и по иудейскому раввинистическому обряду, тоже относятся ко времени не ранее конца IX в. (Эрдели И. Кабары (кавары) в карпатском бассейне // СА. – 1983. – №4. – С. 174–181). События эти трудно датировать и привязка их к обстоятельствам строительства именно крепости Саркела на Дону произвольна.

¹⁷⁸ Артамонов М. И. История хазар. – С. 302–306; Оболенский Д. Византийское содружество наций. – М., 1998. – С. 187–188; Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 22; Байер Х.-Ф. Указ. соч. – С. 101, 102, 110.

¹⁷⁹ См.: Грот К. Я. Моравия и мадьяры с конца IX до начала X веков. – СПб., 1881. – С. 200–202, 226–227; Wozniak F. E. Byzantine Policy on the Black Sea or Russian Steppe in the Late 830's // Byzantine Studies. – 1975. – Vol. 2. – P. 59–60; Цукерман К. Венгры в стране Леветии... – С. 664.

¹⁸⁰ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320.

¹⁸¹ Annales Bertiniani a. 741–882 // MGH. T. 1. Scriptores. T. 1. – Hannoverae, 1826. – P. 434 (a. 839); Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Reiche A. Abt. I. Teil 1: Regesten von 565–1025. – München; Berlin, 1924. – № 438. К. Цукерман считает этих росов посланниками из «Русского каганата», якобы существовавшего в районе Ладоги с 830-х до 870-х гг. (см.: Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства. – С. 77; см. возражения: Толочко П. П. Русь изначальная // Археология. – 2003. – №1. – С. 100–103).

гана и его заместителя, пеха (бека, шада), с настоятельной просьбой, едва ли не требованием (aitesei, aitesamenon), к василевсу, «создать» («основать» — ktisthenai) для хазар «кастрон», причем Феофил, «этой просьбе повинуюсь» (te touton aitesei peistheis), согласился без промедления отдать соответствующие распоряжения¹⁸². Необычные акценты для византийских источников, авторы которых всегда были проникнуты великодержавной надменностью, тем более если учесть, что в данном случае редактором выступал сам василевс ромеев. Возведение крепости Саркел (хазарского Ш-р-кил — «Белый дом»), начатое с помощью византийцев на важной переправе через реку Танаис и замкнувшее цепь крепостей, призванных контролировать в Подонье юго-западную границу громадных домениальных владений хагана, вполне согласуется с этой обстановкой некой общей для хазар и ромеев выгоды, в которой не обязательно видеть только противостояние угрозе, якобы постоянно наступавшей из понтийских степей в донские к западным границам Хазарии¹⁸³. Ведь с военной точки зрения не-

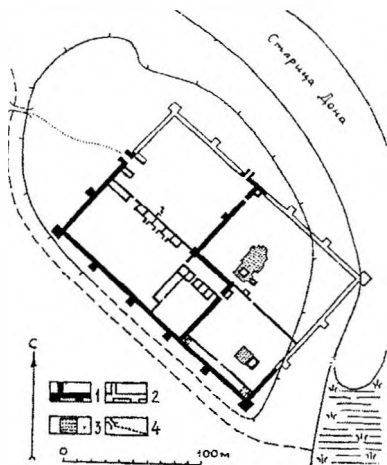

Рис. 169. Крепость Саркел.

1 — остатки кирпичных стен; 2 — нераскопанные части стен; 3 — площадки, вымощенные плиткой; 4 — предполагаемое местонахождение моста через ров и дороги к Главным воротам
(по С.А. Плетневой)

¹⁸² Theophanes continuatus. — Р. 122; Продолжатель Феофана. — С. 56 (III. 28); Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 24-30, с. 170-171 (удивительно, но Константин в гораздо меньшей степени, нежели Продолжатель Феофана, отредактировал пассаж о посольстве в обычном духе «ромейского высокомерия» и не употребил слово «молили» в отношении хазарских посланников). О датировке хазарского посольства см.: Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. — Standford, 1988. — Р. 313. В общем контексте арабско-византийских столкновений 830-х гг. это событие наиболее убедительно соотносится с летом 839 г.: согласно Продолжателю Феофана, оно произошло после той арабско-византийской кампании, когда обе стороны «опасались друг друга и, ничего не совершив, вернулись в свою землю». Поскольку летом 837 г. разыгрались ожесточенные сражения в Сирии, а к концу лета 838 г. войска халифа овладели Аморием, эти походы никак не могут подойти под разряд тех, когда «ничего не было совершено».

¹⁸³ Ср.: Берлин И. Историческая судьба еврейского народа на территории Русского государства. — Пб., 1919. — С. 90; Петрухин В. Хазары, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию // Хазары. Второй Международной коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 78-81; Науменко В.А. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс.... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т им.В.И. Вернадского. — Симферополь, 2004. — С. 133.

большая крепость (193,5 x 133,5 м), расположенная на искусственном острове, могла контролировать лишь окрестности и противник, если только он не плыл по реке, мог при желании обойти ее (рис. 169). К тому же надо учесть, что мадьяры во второй половине IX в. уже двигались на запад через земли Северного Причерноморья до тех пор, пока не осели в Паннонии. Поэтому строить против них Саркел — крайний пункт западных границ домена хазарского хагана не имело смысла¹⁸⁴.

Определенную угрозу мог нести также экскусиократор Алании, который, как позже отмечал Константин Багрянородный, «не живет в мире с хазарами,... нападает на проходящих без охраны при переходе до Саркела, до климата и до Херсона»¹⁸⁵. Подчиненные ему аланы — ясы, действительно, могли находиться вблизи Саркела на Нижнем Дону, что подтверждается данными письменных и археологических источников¹⁸⁶. Но в любом случае крепость не была в состоянии существенно повлиять на военную обстановку в регионе. Ясно лишь, что в грамотном с точки зрения фортификации основании Саркела на тот момент все же больше были заинтересованы хазары, чье общество, по мнению М. Мак Говерна, стояло лишь в начале пути урбанизации¹⁸⁷. Кроме того, строительство крепости было вполне определенно привязано к заранее конкретно выбранному хаганом месту, чем и оказался в свою очередь обусловлен последующий выбор строительного материала для нее — кирпичей, а не камня, которого поблизости, как выяснилось, не было¹⁸⁸. В связи с этим, среди причин сооружения Саркела надо учитывать не только внешних врагов каганата, но и его внутренние проблемы, тем более, что излучина Нижнего Дона, это не пограничье, а глубокая, внутренняя территория Хазарии, где внешняя опасность не могла бы стоять на первом плане¹⁸⁹.

Наряду с военно-административными изменениями в Таврике, в происходившем видится озабоченность каганата, уstraшенного невиданным походом арабского полководца Мервана в 837 г., и усиление

¹⁸⁴ В пространной редакции хазарского царя Иосифа Ш-р-кил был указан именно как крайний пункт Хазарии с западной стороны (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л., 1932. — С. 102, прим. 18).

¹⁸⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 11. 1–8, с. 52–53.

¹⁸⁶ Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — К., 1899. — С. 53–54; Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. — Wrocław; Kraków, 1956. — Т. 1. — С. 38; Бубенок О. Б. Аланы ясы Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хазар // Хазарський альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 25.

¹⁸⁷ McGovern M. Sarkel — A Reflection of Byzantine Power or Weakness? // BS. — 1989. — Т. 50. — Fasc. 2. — P. 178–180.

¹⁸⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 35–37, с. 172–173.

¹⁸⁹ Флеров В. С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (эюд к теме фортификации) // Хазарський альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 153, 154, 158.

к тому времени Романии¹⁹⁰. Это в гораздо большей степени, чем все остальное, должно было подтолкнуть хагана к проявлению инициативы в реставрации особенно пошатнувшегося за предыдущие десятилетия союза Византии и Хазарии, что вылилось в настоятельное требование «союзника» построить престижную «царскую крепость». Мирные предложения Феофила к халифу ал-Мамуну, отправленные в 832 г. и сулившие прежде прочего торговые выгоды, были отвергнуты арабами, потребовавшими за это непомерную уступку – принятие ромеями ислама, после чего византийско-арабские отношения обострились опять-таки как раз перед строительством Саркела¹⁹¹. Между тем, создание последнего и «избрание» стратига для Херсона в немалой степени могли быть связаны с политико-экономическими интересами византийцев, стремившихся закрепить на северных торговых путях в обход владений арабов. Ведь именно от Дона начиналось контролируемое хазарами ответвление Великого Шелкового пути, которое проходило далее севернее Каспия¹⁹². Доходы Хазарии и благополучие ее экономики в немалой степени определялись теперь контролем над важнейшими участками водных магистралей в низовьях Дона и Волги¹⁹³. Важно заметить, что Ибн Хордадбех, отразивший в своем итинерарии ситуацию, сложившуюся к третьей четверти IX в., вполне определенно указывал: «Если они (купцы ар-Рус) отправляются по Танаису – реке славян (сакалиба), то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель так же [как и владетель ар-Рума на Румийском море] взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан (Каспийскому)...»¹⁹⁴. Выше он уточнил, что Хамлидж «... на конце реки, текущей из страны славян и впадающей в море Джурджан»¹⁹⁵. Ему вторил Ибн ал-Факих ал-Хамадани, тоже писавший о славянах (сакалиба), которые следуют по морю «до Самкуша еврейского» (Самкерца – Таматархи), а далее «...переходят из моря славянского (Черного моря) в ту реку, которую называют Славянская река (Танаис), с тем, чтобы пройти

¹⁹⁰ Герцен А.Г. К вопросу о территории Херсонской фемы. – С. 22-23.

¹⁹¹ Табари // Васильев А.А. Византия и арабы. Ч. 2. Приложения. – СПб., 1900. – С. 25–26; Васильев А.А. Византия и арабы. Ч. 1. Политические отношения Византии и арабов во время Аморийской династии. – СПб., 1900. – С. 99–101, 113 сл.

¹⁹² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 114–115.

¹⁹³ См.: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – С. 128; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986. – С. 109; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М., 1959. – С. 85; Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. – 1986. – №4. – С. 68–83.

¹⁹⁴ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 124; Калинина Т.М. Торговые пути... – С. 71.

¹⁹⁵ Ибн Хордадбех. Книга... – С. 109; Калинина Т.М. Употребление этника на ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – 2002. – С. 42.

в Халидж ал-хазар, и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому (Каспийскому)»¹⁹⁶.

Но оказание ромеями содействия в грамотной закладке крепости в не меньшей степени можно расценивать и как тактическую уступку хазарам, стремление разрядить напряжение, нараставшее в Таврике после фактического развала кондоминиума. Угроза Херсону, благополучию его, а значит, и Империи, заставляла византийцев осторожно обходиться со своим все еще могущественным партнером по крымским владениям. В этом случае становится понятно, почему в просьбе хазар прозвучали столь требовательные ноты, перед которыми склонился отнюдь не робкий Феофил, и почему при всем том в акции оказались заинтересованы и херсониты, давшие большинство ремесленников – технитов, опытных строителей, кирпичников – плинфоделов, асбестопоев – изготовителей извести, собравшие в замену военным хеландиям транспортные парусные (так называемые «круглые» – *strongyla ploia*) и гребные, «утомительные» грузовые суда (*katamatera karabia*), особенно пригодные для речного плавания, против течения¹⁹⁷. Скорее всего, из города были взяты те мраморные архи-

¹⁹⁶ Гаркави А.Я. Сказания... – С. 251; Калинина Т.М. Торговые пути... – С. 75; Калинина Т.М. Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1999. – С. 95; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. – М., 2000. – С. 292.

¹⁹⁷ Theophanes continuatus. – P. 123. 6; Продолжатель Феофана. – С. 56 (III, 28); Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 170, 172, гл. 42. 32–38. Сравнение текстов указанных письменных источников позволяет предположить, что в экспедиции Петроны оказались задействованы по меньшей мере три типа судов. Переезд через море в Херсон был совершен на «длинных» и, очевидно, быстроходных хеландиях из числа судов императорского флота и фемного флота Пафлагонии. Название такого корабля, происходящее от греч. «угорь» (*egschelus, chelus*), подчеркивает продолговатость, удлиненность его формы. Э. Аhrweiler полагает, что первоначально это были небольшие парусные корабли частных промысловиков и лишь с VIII в. их стали использовать как военные суда (Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles. – Paris, 1966. – P. 412–413). На них транспортировали войска, а также лошадей (Байер Х.-Ф. История крымских го-тов... – С. 100). Трудно обозначить принципиальное их отличие от других быстроходных военных кораблей – дромонов (от *dromos* – «бег»), способных двигаться как под парусом, так и на веслах, хотя исследователи иногда выражают сомнения по поводу убедительности предположения том, что хеландии не отличались от дромонов (ср.: Oikonomides N. Fiscale et exemption fiscale a Byzance (IXe – Xe s.). – Athenes, 1996. – P. 112, n. 156). Последние засвидетельствованы в письменных источниках с V в., вошли в состав военного флота в эпоху Юстиниана I, а эскадры их размещались в портах на Босфоре (Анапла и Евтропий), в приморских центрах на юге Малой Азии (Атталия, Селевкия), кое-где в Греции, примером чему могут служить небольшой порт Анфедон и турма (позже фе-ма) Кефалиния (Ahrweiler H. Op. cit. – P. 410–413; Antoniadis-Bibicou H. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «theme des Caravisiens». – Paris,

1966. — P. 257–258; Schläder H., Blackmann D. J., Schafen J. Der Hafen von Athedon // *Archäologischer Anzeiger*. — Berlin, 1968. — Bd. 1. — S. 21–98). Такие корабли имели длину от 30 до 50 м, ширину 6–7 м, обладали двумя — тремя мачтами, «латинским» треугольным парусом и сотней гребцов, которые могли быть посажены на гребных скамьях (банках) вдоль бортов в два параллельных ряда и снабжены либо общими длинными веслами, либо у каждого гребца было свое весло определенной длины, в зависимости от места посадки ближе или дальше от носа (Шевеленко А. Я. Первые корабли средневековой Европы // *ВИ*. — 1981. — №9. — С. 183; Зеленко С. М. Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис.... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. — К., 2004 (рукопись). — С. 98). Они обладали повышенной устойчивостью, ибо у днища были примерно на метр шире, чем на уровне края бортов. Киль дромона заканчивался подводным тараном, а корпус защищали металлической броней. Способный брать 200 человек экипажа, дромон имел поднятые палубы в носовой и кормовой части для размещения стрелков. На вооружении его имелись тяжелые катапульты и бронзовые огнеметы — сифоны «жидкого огня». Вместе с тем, по мнению Л. Гавликовой, *drömon* и *chelandion* сочетали военный и бытовой, транспортный характер, и, очевидно, поэтому являлись самым распространенным парусно-гребным судном византийского флота (Havlikova L. *Slavic Ships in 5th – 12th Centuries Byzantine Historiography* // *BS*. — 1991. — T. 52. — P. 102). Но для плавания каботажного и тем более по реке они подходили слабо. Извечная, зафиксированная уже античными авторами, мелководность Меотиды, особенно на подходе к Дону, от о. Казантип, не давала возможность использовать здесь для плавания крупные суда с глубокой осадкой (Болгов Н. Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. — Белгород, 2002. — С. 83). Это и заставило организовать сбор в Херсоне судов иного типа, экипажи которых были привычны к плаванию вдоль берегов Крыма, по Азовскому морю и, главное, по Дону. Надо думать, большая часть их принадлежала херсонитам и городу, а часть, как обычно, северомалоазийцам, из числа тех, что оказались в Херсоне и ближайшим к нему крымских гаванях по делам, связанным с перевозками продовольственных и иных товаров и грузов (ср.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 53. 513–525, с. 274–275). Застыгнутые на месте, они на свою беду были мобилизованы для транспортировки царских людей и грузов в качестве издавна известной ангарии — морской повинности. Фрахт в интересах государственной казны (*navis continebat fiscum occupasse*), предусматривавшийся Кодексом Юстиниана, сохранялся в морской практике последующего времени (*Corpus juris civilis*. — Berolini, 1895. — Vol. 2: *Codex Justinianus*. — IV. 33. 4). К примеру, составители так называемой Перуджийской суммы уточняли, что в византийской Италии фрахту со стороны фиска подлежали суда, несущие извозную повинность (*angaria tentus est*) и плававшие в Африку (*Summa Perusiana* / Ed. F. Pattetta // *Bulletino dell'Istituto di Diritto Romano*. — Roma, 1900. — A. 12. — S. v. (C. J. IV. 33. 4). Кроме того, государство обязывало навклиров заниматься перевозкой по казенным нуждам в качестве мандатариев. К слову, этот вариант извозной повинности был весьма невыгоден и тяжел, особенно для мелких навклиров, собственников небольших суденышек, капитанами которых были они сами. Группу таких бедолаг, «безумных от горя» обитателей крошечного безлесного и безводного острова Андроте, местонахождение которого неизвестно, весьма картинно описал в первой половине IX в. митрополит Никей Игнатий в одном из своих писем к логофету геникона Демохару, как несчастных, жалких, заросших, грязных оборвышей с избитыми спинами и обритыми головами, явившихся к дверям дома архиерея просить заступничества, поскольку, перевоза государственную пшеницу, собранную в виде натуральных налогов, они, мучимые голодом, взяли себе небольшое количество зерна, то есть совершили

тектурные детали, которые были обнаружены при раскопках Саркела: вести их из столицы при наличии больших запасов такого рода материалов в Херсоне было бы нецелесообразно¹⁹⁸.

уголовно наказуемое преступление (Kazhdan A. Ignatios the Deacons Letters on the Byzantine Economy // BS. — 1992. — Т. 53. — Ф. 2. — Р. 201). Вероятно, большинство кораблей, которых Петрона застал, попав в Херсон, относились к так называемым *strongyla ploia* («круглым судам»), известным со времен античности (Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. — Princeton, 1971. — Р. 169–170). Уже само их название подразумевает корзинообразную форму. В отличие от военных, продолговатых кораблей с заостренным носом, эти имели закругленную переднюю часть, широкий, устойчивый корпус, двигались при помощи парусов и отличались медленностью хода (Ahrweiler H. Op. cit. — Р. 412). Свое название «круглые» они получили, скорее всего, по форме поперечного сечения по минделю (на середине длины корабля). Обычно их идентифицируют с грузовым морским транспортом самого широкого применения и самого разного размера, от маленьких до сравнительно больших, водоизмещением в одну — две сотни регистровых тонн. Подобными судами пользовались и арабы в средиземноморской торговле VIII–IX вв. (см.: Kreutz B.M. Ships, Shipping and the Implications of Change in the Early Mediterranean // Viator. — 1976. — Vol. 7. — Р. 79–109). Именно такое судно чаще всего подразумевали римеи под словом *plōion*. Весла использовались для маневров и отбуксировки торговых кораблей, но состав их экипажа не предусматривал гребцов (ср.: Ланитски Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. — М., 1982. — С. 43). Едва ли *strongyla ploia* были приспособлены для плавания по реке против течения. Поэтому и понадобились суда еще одного типа — гребные *kamatera karabia*, о которых упомянул Константин Багрянородный в гл. 42 своего трактата. Источник Продолжателя Феофана сообщает об оставлении у берега Херсона всех «длинных судов» с глубокой осадкой и пересадке на «круглые», а затем переезде к Танаису. Константин Багрянородный опустил этот промежуточный пассаж и сразу сообщил об очередной пересадке людей на «изнурильные (утомительные) корабли» и отправке их к месту строительства на реке Танаис, то есть плавании вверх по самой реке. В греческом словаре Э.А. Софоклеса термин *kamateron karabia* переведен как «рабочий транспорт» (*working, laboring, indasstions transports*), а в английском переводе «Об управлении империей» — «грузовые корабли» (*ships of burden*). Однако, если исходить из буквального понимания прилагательного *kamateros*, речь идет о транспортных гребных судах бытового назначения, вероятно, малой осадки, специально рассчитанных на тяжелое плавание против течения, в том числе речную перевозку людей и грузов (см.: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. — С. 315). Такое судно требовало совершенно иную команду, нежели «круглые», многочисленных гребцов (по меньшей мере несколько десятков) и, значит, больше средств. Недаром в ранней Византии подобные суда — катерги (от греч. *katergos* — «место тяжелой работы») обслуживались рабами-морьяками, труд которых действительно был особенно тяжел (История Византии. — М., 1967. — Т. 1. — С. 329; Kahane H., Kahane R. Tietze A. The Lingua Franca in the Lewant — Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin. — Urbana, Univ. of Illinois Press, 1958. — Р. 523). Выходит, Херсон располагал таким классом транспортных плавсредств, потребности в котором, очевидно, были порождены давней торговлей по Азовскому морю и Дону с внутренними областями Хазарии.

¹⁹⁸ Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // МИА. — 1958. — №62. — С. 22–23, рис. 12; Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. — 1959. — №75. — С. 36–38, рис. 38–41; Артамонов М.И. История хазар. — С. 302.

Для здешних подданных василевса участие в экспедиции Петроны Каматира стало не просто очередным подневольным мероприятием, чужеродным измышлением центральной имперской власти, а реальным шансом на улучшение положения, в том числе экономического, своего города и сопредельных мест, то и дело оказывавшихся в хазарском, а с конца 830-х гг. еще и в венгерском враждебном окружении. Такое состояние перемежающегося мира и войны не было в новинку, прекрасные иллюстрации чему являет пример длительных византийско-болгарских отношений в Нижнем Подунавье¹⁹⁹. Наконец, едва ли не самое существенное, крепость, глубокомысленно озаглавленная ромеями не просто *leukon oikema* – «Белый дом», но *aspron ospition* – «Белый приют»²⁰⁰ должна была стать, и как показала история, действительно стала важным звеном в развитии посреднической, транзитной торговли, в которой принимали участие и византийцы, и население Хазарии. Ее расположение непосредственно на водном пути, в отличие от других крепостей, охранявших прежде всего сухопутные дороги вдоль Дона, могло иметь глубокий смысл, выходящий за рамки военно-стратегических замыслов и питаемый нуждами наблюдения за передвижениями по важнейшей судоходной артерии – Танаису.

Со времен раскопок М. И. Артамонова повелось считать, что Саркел, построенный на искусственном острове у левого берега Нижнего Дона, контролировал лишь переправу через реку, но не сам водный путь, и что при этом крепость была ориентирована на запад²⁰¹. На этом основании К. Цукерман замечает, что росы передвигались по рекам, а не ходили степью, и поэтому угрожать оттуда, с запада, хазарам могли только венгры²⁰². Однако, как можно владеть переправой и не обращать внимания на саму реку? Ведь если о судоходстве хазар ничего не известно (по словам ал-Масуди, «хазарский царь не имел судов, и его люди не умели обращаться с ними»), то о судоходстве их контрагентов – ромеев, в том числе херсонитов, а также о судоходстве купцов – иудеев (ар-Разани) и «речных кочевников» варягов, росов, совершавших плаванья к устью Дона и дальше, по-

¹⁹⁹ См.: Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // Болгарский ежегодник. – Харьков; София, 1996. – Т. 2. – С. 62–71.

²⁰⁰ Theophanes continuatus. – Р. 123; ср.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 42. 23–24, с. 170–171.

²⁰¹ Артамонов М. И. История хазар. – С. 299–301.

²⁰² Цукерман К. Венгры в стране Леведи... – С. 666.

²⁰³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. – М., 1963. – С. 200; ср.: Калинина Т. М., Торговые пути Восточной Европы IX в. – С. 68–82; Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. – М., 1996. – С. 112; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 243, 246–250; Флеров В. С. Крепости Хазарии... – С. 167; Байер Х.-Ф. История крым-

добного не скажешь²⁰³. Наконец, почему ориентация ворот крепости на северо-запад (а не на запад) должна говорить о том, что она обращена против врага, угрожавшего только с этой стороны? Островная крепость, отсеченная рвом — каналом от берега и поэтому находившаяся как бы в искусственном заливе, явно контролировала левобережную дорогу вдоль Дона и переправу через Дон, то есть путь, ведущий с северо-востока, а также движение по самой реке, отчего была обращена одной стороной к старице Дона, а другой — к степи. Следы контактов с Херсоном, в том числе находки херсоно-византийских монет времени Василия I в крепости, можно рассматривать как проявления действия этого речного пути. Поэтому одной из основных целей постройки Саркела стало стремление каганата продублировать и усилить морской таможенный пункт в портовом Самкерце (Таматархе — «Самкуше евреев») за счет нового центра контроля над речным путем по Дону и Волго-Донской переволоке²⁰⁴. В таком случае это место сбора десятины владельцем хазар совпадает с известным из арабо-персидской литературы городом Хамлиджем (Халиджем хазар)²⁰⁵. Обе хазарские таможенные заставы станут к началу X в. камнем преткновения для русов в их стремлении свободно перемещаться из Черного моря через Керченский пролив и Дон в бассейн Волги и Каспия, вызовут описанные ал-Масуди и Кембриджским анонимом попытки овладеть ими и обострят отношения, которые выльются в итоге в сокрушительный поход князя Святослава²⁰⁶.

Соображения Ф. И. Успенского по поводу того, что ромеи строили Саркел для себя, а не для хазар, оригинальны, а их доказательство признано остроумным²⁰⁷. Однако материалы раскопок самой крепости на мысу коренного берега Дона, которыми в конце XIX в. не располагал автор гипотезы, вместе с данными письменных источников

ских готов... — С. 102; Тортика А. А. Боспор Киммерийский в хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // БИ. — Симферополь: Керчь, 2004. — Вып. 5. — С. 372.

²⁰⁴ Тортика А. А. Боспор Киммерийский... — С. 372.

²⁰⁵ Учитывая положение Саркела на искусственном острове, ал-Факих, вероятно, не случайно написал вместо Хамлидж Халиддж, что переводится как «канал», «пролив» или «залив» (Калинина Т. М. Употребление этника на хазар... — С. 42–43). Описание расположения на «конце реки» и указание на город не позволяют видеть в данном топониме Азовское море, как предложила Т. М. Калинина.

²⁰⁶ Минорский В. Ф. История... — Приложение III, с. 198–199; Голб Н., Прицак О. Указ. соч. — С. 141; Коновалова И. Г. Указ. соч. — С. 111–120.

²⁰⁷ Успенский Ф. И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX–X вв. // Киевская старина. — 1889. — Т. 25. — С. 257–259, 288–292; Сочинения Константина Багрянородного «О фемах»... — С. 223–226; Знойко Н. О. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. — 1907. — Апрель. — С. 261; ср.: Васильевский В. Г. О построении крепости Саркел // ЖМНП. — 1889. — Октябрь. — С. 273–289 (продолжение полемики между Ф. И. Успенским и В. Г. Васильевским см.: ЖМНП. — 1889. — Декабрь. — С. 550–557); Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. — К., 2002. — С. 153.

недвусмысленно свидетельствуют о принадлежности Левобережного Цимлянского городища хазарам, изначально, длительном присутствии в нем тюркского, а не византийского гарнизона.²⁰⁸ Вместе с тем, Ф. И. Успенский оказался не прав лишь отчасти, ибо в определенной степени это было строительство для ромеев, всегда заботившихся прежде всего о собственных интересах. По мнению С. А. Плетневой, сама внутренняя планировка Саркела указывает на то, что «Белый приют» мог быть не только военным укреплением, но административным, торгово-таможенным постом, своеобразным «караван-сараем» с системой двух постоянных дворов, обслуживавших купцов Шелкового пути²⁰⁹. Сразу же после сооружения крепости в ее цитадели был размещен хазарский отряд, вероятно, из наемных кочевников, позже — из мусульманских наемников — арсиев, а на остальной части обосновалось местное, салтовское население. Этому же населению, участвовавшему в строительстве в качестве рабочих, принадлежали наиболее ранние погребения в ямах и подбоях, некоторые — в скорченном положении²¹⁰. Саркел оставался «царской»

²⁰⁸ Труды Волго-Донской археологической экспедиции // МИА — 1958. — № 62. — Т. 1; МИА. — 1959. — № 75. — Т. 2; МИА. — 1963. — № 109. — Т. 3; Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела — Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. — 1997. — Вып. 6. — С. 539-624.

²⁰⁹ Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь» // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докл. международ. конф. — Симферополь, 1994. — С. 49-52; Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1 — С. 118; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). — Воронеж, 2003. — С. 68–69.

²¹⁰ Исследование параметров стандартизованных каменных блоков Правобережной Цимлянской крепости, воздвигнутой, возможно, тоже не без влияния византийских фортификаторов в конце VIII — начале IX вв., и плинф первого строительного периода Саркела обнаруживает применение строителями все же местной метрологической системы, что указывает на использование местной рабочей силы, вполне вероятно, аланов — ясов, тогда как влияние византийских мастеров ограничилось, по-видимому, проектировкой, разбивкой плана будущей постройки на местности, определением строительных модулей, рецептурой изготавливаемого строительного раствора и кирпича (см.: Плетнева С. А. Хазары. — С. 53; Свистун Г. Е. О влиянии византийского зодчества на фортификацию в Хазарском каганате // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. — Одеса, 2002. — Т. 3. — С. 172–173; Бубенок О. Б. Алани-яси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хазар // Хазарський альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 25–26; Флеров В. С. Крепости Хазарии... — С. 159; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... — С. 68). Примечательно, что кирпич и известь в позднейших достройках на территории крепости стал хуже качеством, а, случалось, заменялся глиной. Однако вывод о том, что кирпич этот не соответствовал по размерам византийскому, не совсем верен: он вполне совпадал с параметрами как раз херсонской плинфы (0,25 x 0,25; 0,27 x 0,27 м), встречающейся в ранневизантийских памятниках городища (здание «апофики» в портовом квартале 2, базилика №28 на агоре). Вообще отклонения до 5–10% в пределах византийского фута, составлявшего метрическую основу такой ромейской

крепостью, а возможно, и таможней, вокруг которой так и не вырос посад, до конца IX – начала X в., когда городище превратилось в значительный торгово-ремесленный центр или, как выразилась С. А. Плетнева, «переразвилось» из укрепленного поселения в небольшой торгово-ремесленный городок²¹¹. Вместе с тем, по мнению В. С. Флерова, эта самая совершенная крепость каганата, для построения которой были приглашены иноземные специалисты, могла быть и не «караван-сараям»: для этого она была мала (2,08 га), слабо заселена, а холодные кирпичные помещения гораздо вероятнее служили не гостиничными помещениями или караульнями, а складами для хранения запасов гарнизона из трех сотен воинов того самого опорного пункта, который изначально намеревались основать хаган и пех Хазарии. Зато ничто не мешает видеть в крепости одну из новых ставок хагана, которую с помощью византийцев он строил для себя²¹². Тогда ромейское название «Белый приют» обретает новый символический смысл, связанный не только с торговым гостинным двором.

От этого крайнего западного центра граница протяженного домена хагана общей площадью не менее 650 тыс кв. км направлялась, согласно свидетельству письма царя Иосифа, к северу, и, значит, во время ежегодных регулярных кочевок по четко выверенному маршруту, начинавшихся с Нисана (апреля), хаган со своей свитой, частью воинов, слуг возвращался к своей зимней резиденции на Волге к концу месяца Кислев (октябрь–ноябрь) именно через данное и поэтому конкретно указанное «заказчиком» место – Саркел, который в этом случае играл роль промежуточной летней резиденции²¹³. Подкочевка сюда имела смысл и ввиду возможности пополнить средства казны за счет собранного таможней. С учетом всего вышесказанного, крепость была полифункциональной и, следовательно, особенно важной²¹⁴.

плинфы, считались нормой (ср.: Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. – Princeton, N.J., 1999. – P. 128–129).

²¹¹ См.: Плетнева С. А. Хазары. – С. 52–54; Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996. – С. 153–157.

²¹² Флеров В. С. Крепости Хазарии... – С. 155–156.

²¹³ Гаркави А. Сообщения о хазарах. А. Хазарские письма. – С. 160–161; ср.: Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате. – С. 117.

²¹⁴ Флеров В. С. Указ. соч. – С. 167. С. А. Плетнева, ссылаясь на свод сведений письменных источников об Итиле, пишет, что «царский» характер Саркела, его важность и принадлежность лично хагану подчеркивало уже то обстоятельство, что он был сооружен из обожженного кирпича, а лишь хаган имел право строить для себя здания из такого кирпича, тогда как остальным это было категорически запрещено (Плетнева С. А. Города... – С. 116; Плетнева С. А. Кочевники... – С. 68). Действительно, прочие, даже каменные крепости Хазарии имели сооружения из сырца в лучшем случае с включением обожженных кирпичей, а население обитало в юртообразных или столбовых хижинах.

По сути дела, уникальность миссии императорского спафарокандидата, связанная с помощью в возведении крепости для чужеземного государя, который в одночасье мог стать потенциальным противником, логически объяснима только в том случае, если видеть в ней своеобразную компенсацию каганату за определенные уступки и, как станет понятным в дальнейшем, несбывшиеся надежды на продолжение стабильного союзного военного и торгового сотрудничества. Уже состоявшаяся ревизия Петроны Каматира показала, что стремление сохранить изжившую себя систему совместного владения на территории Крыма не только беспочвенна, но и опасна в виду все более возрастающей вероятности перехода «Херсона вместе с его местностями», то есть крымскими глубинными областями — климата, в руки хазар или других, не менее грозных врагов. В сложившейся ситуации нужно было окончательно рвать с отношениями кондомината, зашедшими в тупик, и идти по пути организации в Таврике новой военной стратегии. Поэтому, скорее всего, именно заинтересованность ромеев в политических и торговых выгодах при одновременном усилении потенциально враждебного прессинга со стороны «диких племен», тех же хазар в Северном Причерноморье с 20-х гг. IX в., а не только (и не столько) боязнь укрепления здесь позиций росов²¹⁵, стали главным в целом комплексе причин, вылившихся в по-

²¹⁵ Ср.: Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2. // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С. 226-227; Вернадский Г. В. Древняя Русь — М.; Тверь, 1996. — С. 310; Dunlop D. M. The History... — P. 187; Якобсон А. Л. Византия и история раннесредневековой Таврики. — С. 154, 159; Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX-X вв. // ВВ. — 1958. — Т. 14. — С. 105; Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. — 1961. — Т. 19. — С. 255; Feher G. Zur Geschichte der Steppenvölker von Sudrussland im 9-10 Jhr. // Studia Slavica Academia Scientiarum Hungarica. — Budapest, 1955. — Т. 5. — S. 257-326; История Византии. — М., 1967. — Т. 2. — С. 227-228; Sheppard J. The Russian Steppe-Frontier and Black Sea Zone // The Byzantine Black Sea. — Athenes, 1979. — P. 218-237; Angelov D. Wichtigste Momente in der politischen Geschichte des Schwarzmeergebietes vom 4. bis zur Mitte des 15. Jhr. // Byzantino-bulgaria. — 1981. — Т. 7. — S. 29; Новосельцев А. П. Хазарское государство... — С. 132, 206-208; Сазанов А. В. К хронологии цитадели Бакинско-городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994. — С. 55-56. Довод К. Цукермана о том, что это не могла быть русская угроза ввиду того, что в то время «ни хазары, ни империя не воспринимали росов как врагов», верен по существу, но не совсем соответствует источнику, на который ссылается исследователь: Бертинские анналы действительно сообщают под 839 г. о посольстве росов в Константинополь, но этот «народ рос» (gentem suam Rhos) был скорее скандинавами: недаром Людовик Благочестивый усмотрел в них разведчиков — свеонов, то есть варягов, которые нападали на северные границы Франкской империи и сильно разоряли эти земли (по этой причине «росов» и задержали в Ингельхейме до выяснения истинных целей их прибытия). Следовательно, называть их «русскими послами» нет достаточных оснований (ср.: Цукерман К. Венгры в стране Леведин... — С. 665).

литические, территориально-административные и, как следствие, экономические изменения в самой Таврике и за ее пределами.

Долгое время возведение Херсона в разряд фем исследователи отнесли к 833–837 гг., исходя из сообщения Продолжателя Феофана, что прибытие хазарского посольства ко двору василевса с настойчивым требованием о постройке крепости произошло «в следующем году» (*to d'epionti etei*) после рукоположением (*cheirotoneitai*) епископом Константинополя Яннеса, то есть Иоанна VII Грамматика²¹⁶. Полагали, что возведение на престол нового патриарха состоялось в 832 г., что, как выяснилось, не соответствует действительности. Расплывчатым было и предложение видеть это в 834–837 гг.²¹⁷. Однако и после введенных историками поправок²¹⁸ точно установить хронологию хода дальнейших событий едва ли возможно, ибо мы сталкиваемся с целым рядом неизвестных по продолжительности моментов.

Начнем с того, что Иоанн Грамматик мог стать патриархом и 21 апреля 837 г., и 21 апреля 838 г.: наиболее убедительные версии, предложенные соответственно авторитетным французским источниковедом Вальтером Грюмелем и американским византинистом Варреном Тредголдом, допускают оба варианта и по степени обоснованности трудно отдать какой-либо из них предпочтение²¹⁹. В любом случае, строительство Саркела и образование вслед за этим стра-

²¹⁶ Ср.: Theophanes continuatus. — P. 122. 16; Продолжатель Феофана. — С. 55-56 (III, 26, 28); Dölger F. Regesten... — № 431. Между прочим, Херсон имел контакты с этим иконоборчески ориентированным представителем высшей церковной власти Византии, умершем в 843 г., и, следовательно, они приходится как раз на время организации фемы в Таврике. На это указывает находка моливдула патриарха (Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым: АДСВ. — Барнаул, 1992. — С. 195).

²¹⁷ Успенский Ф.И. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь — Дромиты у Симеона Магистра // ЖМНП. — 1890. — Январь. — С. 10.

²¹⁸ См.: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. — С. 312 сл.; Науменко В. Византийская фема в Таврике в IX–X вв. (по данным письменных и археологических источников) // Византия и Крым. Междунард. конф. Тезисы докл. — Симферополь, 1997. — С. 67-68; Науменко В.Е. Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в.... — С. 59; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. — С. 690 сл. (там же библиография вопроса).

²¹⁹ Grumel V. Chronologie des patriarches iconoclastes du IX siecle // Echos d'Orient. — 1935. — Т. 19. — P. 164-165; Treadgold W. The Chronological Accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothetae for Years 843-845 // DOP. — 1979. — № 33. — P. 172, 178-179; Treadgold W.T. The Byzantine Revival. 780-842. — Stanford, 1988. — P. 297. Ключевым моментом в поиске более правильного решения, видимо, нужно считать то, что во время правления Феофила воскресенье 21 апреля, когда был рукоположен Иоанн Грамматик, приходилось только на 832 г. и 838 г., однако предшественник Иоанна, Антоний I Кассимат умер в 836/837 г. и, значит, 832 г. должен быть отвергнут.

тигии на крымской земле не могло случиться раньше лета 837 г., причем эта дата представляется нереальной не только по причине крайней, почти невероятно быстроты происшедшего. Дело в том, что хазарское посольство к василевсу Феофилу не пришлось ни на 837 г., ни на 838 г., ибо Продолжатель Феофана отметил, что в том году, когда в Константинополе принимали послов «...и агаряне и Феофил выступали друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю»²²⁰. Между тем, во время победоносной компании 837 г. против войск халифа Мутасима византийцы взяли Запетру (Созопетру), Самосату и ряд других восточномалоазийских городов, тогда как летом 838 г. менее удачно сражались у Дорилея и в августе потеряли город Аморий²²¹. Поэтому ближайшему году после вступления на патриарший трон Иоанна Грамматика, согласно этой ситуации, скорее всего, соответствовал 839 г. По предположению В. Тредголда, поддержанному Ф. Винкельманом, архонт Херсона был заменен стратигом Климата уже в этом году или в начале 840 г., однако с этим трудно согласиться²²².

Если переговоры с хаганом успели пройти в конце лета – осенью 839 г., то спафарокандидат Петрона должен был успеть за пару месяцев, остававшихся до конца навигационного сезона попасть с царскими хеландиями в Пафлагонию и, забрав людей тамошнего катепана, приплыть в Херсон, организовать пересадку на транспортные суда малой осадки и отправится по Меотиде и Танаису к заранее намеченному месту строительства «Белого приюта»²²³. Известно, что 60 дней занимал путь по суку от устья Дуная к Саркелу²²⁴, но какой, большей или меньшей, могла быть продолжительность плавания?

Водный путь от столицы до Пафлагонии занял бы сравнительно немного времени, как и путешествие привычным кратким (прямым) путем через Черное море в Херсон. На все это ушло бы от силы около двух недель²²⁵. Гораздо дольше были бы организационные хлопоты, рассылка уведомлений, предписаний, сборы перед отправкой

²²⁰ Theophanes continuatus. – P. 122; Продолжатель Феофана. – С. 56 (III, 28).

²²¹ Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Ч. 2. Приложения. – СПб., 1900. – С. 113 сл.; Treadgold W. The Byzantine Revival. – P. 312–313; Bosworth C. E. Al-Mu'tasim bi-Llah // Encyclopedie de l'Islam. – 1993. – T. 7. – P. 777–778; Norwich J. J. Byzanz. Auf dem Höhepunkt der Macht 800–1071. – Düsseldorf; München, 1994. – S. 66–69; Treadgold W. A History of the Byzantine State... – P. 440–441.

²²² Treadgold W. R. Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth – Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1980. – Vol. 2. – P. 278; Treadgold W. The Byzantine Revival. – P. 314–315; Treadgold W. A History... – P. 443; Winkelmann F. Byzantinische Rang – und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S. 113–114. Ср.: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 314.

²²³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 42. 30–34, с. 170–173.

²²⁴ Там же. – Гл. 42. 55–56, с. 172–173.

и задержки на маршруте в местах временных стоянок, а также сам полуморской-полуречной путь сначала на парусных грузовых, а затем на гребных судах до места строительства.

С учетом данных крупномасштабных карт и лоций, а также сведений античных периплов, от Константинополя до Иерона на выходе из Босфора в Черное море около 150 км, отсюда до вифинской Гераклеи (Ираклии) – 230 км, от Ираклии до мыса Карамбис – 167 км и от Карамбиса до Синопы около 130 км²²⁶. На этом участке можно было воспользоваться течением, что проходило от Анатолийского побережья на расстоянии 3–9 км и увеличивало скорость плавания до 2 км/час. За сутки перехода это составляло дополнительно 40–45 км. Это был первый этап пути экспедиции Петроны в Пафлагонию, откуда открывался краткий путь через Черное море от пафлагонского мыса Карамбис до крымского мыса Крию Метопон («Бараний лоб»), известного как ориентир уже античным мореплавателям. При этом мореплаватели попадали в восточную часть большого круговорота водных масс со скоростью течения до 1 км/час, что за сутки перехода давало экономии 22 км.

Следует учесть, что византийские корабли и условия мореплавания немногим отличались от античных. Средняя (крейсерская) скорость, с которой обычно курсировали греческие торговые суда, составляла 4 узла, то есть 7,408 км/ч (один узел равняется морской миле – 1853 м/ч)²²⁷. При попутном ветре и течении она достигала 9,62 км/ч, то есть 5,2 узла, но при боковом ветре или непогоде ход значительно замедлялся²²⁸. Античные военные корабли, двигавшиеся, как и византийские хеландии, на парусах и веслах, могли развивать скорость до 7–8 узлов, то есть 12,9–14,4 км/ч²²⁹. Быстроходный дромон – «бегун» (*plotorsios dromon*) с его сотней весел двигался со скоростью до 9,2 км/ч²³⁰. Примечательно, что поздневизантийские практические задачники не называли ни для парусных кораблей, ни для галер скорости меньше 6 миль²³¹. За сутки, по расчетам А. Н. Щеглова, парусное судно при попутном ветре и при благоприят-

²²⁵ Путь от Константинополя до Херсонеса обычно занимал 10–11 дней (Болгов Н. Н. Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Болгов Н. Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991–2001. – Белгород, 2002. – С. 23).

²²⁶ См.: Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского. – М., 1985. – С. 53, 57.

²²⁷ Michałowski K. *Technika grecka*. – Warszawa, 1939. – S. 89.

²²⁸ Боголюбов Н. История корабля. – М., 1879. – Т. 1. – С. 72; Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – М., 1917. – С. 164; Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта (Пиратство в Черном море). – Симферополь, 1992. – С. 24.

²²⁹ Labarec B. *How the Greeks Sailed into the Black Sea* // *American Journal of Archaeology*. – Baltimore, 1957. – Vol. 61. – № 1. – P. 31; Casson L. *The Ancient Mariners*. – New York, 1959. – P. 94.

²³⁰ Ioannis Damasceni *opera* // PG. – T. 94 B. – Col. 357 C; Снисаренко А. Рыцари удачи. – СПб., 1991. – С. 44.

ятном течении могло пройти 177–267 км²³². Это немногим отличается от данных Геродота (IV. 86), согласно которым корабль обычно проходил около 1300 стадий, то есть примерно 230 км (греко-римский стадий = 176, 6 м)²³³. Даже при более медленном каботажном плавании от устья Дуная к Южному берегу Крыма (м. Бараний Лоб) судно было в состоянии пройти примерно 985 км за шесть суток, преодолевая, следовательно, около 164 км (плюс – минус 5–10 км) в сутки²³⁴. Данные, собранные Л. Кассоном, подтверждают, что скорость парусных кораблей при попутном ветре составляла около 4–6 узлов и снижалась до 2,8–3,7 узлов, если происходила не в открытом море, а у изрезанной береговой линии, среди островов, тогда как плавание против ветра обычно совершалось при скорости 2–2,5 узла, бывало 1,5 узла и редко достигало 2,6–3,3 узла²³⁵.

Даже если остановиться на скорости в 2 узла (3,7 км/ч), с которой могла медленно двигаться экспедиция Петроны из столицы к Пафлагонии, получится, что первый отрезок она была в состоянии преодолеть приблизительно за 40 часов плавания (2 дня и две ночевки)²³⁶, второй – за 62 часа (три дня, две ночевки), третий – за 45 часов (два дня, две ночевки) и четвертый – за 35 часов (два дня, одна ночевка). В общей сложности потребовалось бы максимум 9–10 дней, чтобы достичь Пафлагонии. В целом, это совпадает с данными ал-Идриси (1154 г.), который уточнял, что расстояние между Константинополем и Трапезундом равнялось «девять с половиной дней плавания» вдоль побережья²³⁷. О том, насколько долго не менялись условия навигации, свидетельствуют слова епископа Кутаисского Максима, который в 1769 г. сообщал, что в Восточное Причерноморье «приходят корабли из Константинополя за восемь, а из Крыма за пять дней»²³⁸.

Следующий этап маршрута Петроны и хеландий из Пафлагонии пришелся на краткий путь с юга на север через Черное море (263 км

²³¹ Vogel K. Ein byzantinisches Rechenbuch des frühen 14. Jahrhunderts. – Graz; Wien; Köln, 1968. – №25. 1; Hunger H., Vogel K. Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts. – Wien, 1963. – №47. 1; 78. 1; 79. 1; 80. 1–2.

²³² Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. З. К Полибию, IV, 4, 1 // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 126–133.

²³³ Ср.: Агбунов М. В. Указ. соч. – С. 36.

²³⁴ Там же. – С. 45.

²³⁵ Casson L. Ships and Seamanship... – P. 282–289, Tabl. 1–5.

²³⁶ Это совпадает с расчетами С. М. Зеленко, который отводит на данный участок плавания 42–46 часов (Зеленко С. М. Торговельне судноплавання середньовічної Таврики... – С. 88).

²³⁷ Edrisi. Geographie de l'Edrisi / Trad. de l'arabe par P. A. Jaubert. – Paris, 1840. – Т. 2. – Р. 394; Бейлис В. Л. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 71.

²³⁸ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии / Под ред. А. А. Цагарели. – СПб., 1891. – Т. 1. – С. 29.

или 142 морские мили²³⁹). В спокойную погоду, с использованием благоприятных течений и ветров между Крымским и Анатолийским побережьем, его можно было преодолеть примерно за 24–30 часов и в итоге уже через пару суток быть в Херсоне²⁴⁰. С.Ф. Стржелецкий приводит по этому поводу следующее наблюдение: «...днем ветер дует с моря, то есть от центра в разные стороны, а ночью с обоих побережий в море, на этом участке представляется великолепная возможность в один прием использовать оба ветра, благодаря небольшому расстоянию между берегами. Парусное судно, выйдя с любого побережья вечером, с попутным береговым ветром к утру может покрыть половину расстояния между этими берегами и с утра с попутным, но морским ветром, к вечеру прибыть на другую сторону моря»²⁴¹. Впрочем, обычно на это уходило больше времени, поэтому источники иногда исчисляют время перехода через Черное море двумя с половинами – тремя сутками, да еще указывают на это как на своеобразный рекорд²⁴². Следовательно, крейсерская скорость судов при этом едва превышала 3 км/ч (1,6 узла).

Остановка в Херсоне, отбор здесь части необходимых рабочих, стороителей, гончаров – плинфоделов, равно как и сбор и подготовка необходимых для дальнейшего плавания «круглых», парусных, а также гребных судов должен был занять особенно много времени (вероятно, не меньше недели). Лишь после этого начался его завершающий этап – каботажное плавание от Херсона вдоль берегов Крыма к Боспору (около 350 км) и почти столько же оттуда через Азовское море к Дону и вверх по течению до места строительства²⁴³. Это около 200 часов плавания со средней скоростью примерно 3 узла. При этом путь до Керченского пролива, проделанный на *strongyla ploia*, потребовал, вероятно, не более двух остановок, тогда как плавание по Нижнему Дону было особенно утомительным

²³⁹ Лочия Черного моря. – Л., 1968. – С. 30.

²⁴⁰ Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. – Тбилиси, 1979. – С. 96; Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т. Пенители Понта. – С. 28.

²⁴¹ Стржелецкий С.Ф. Очерки истории Гераклеийского полуострова и его окружи в эпоху бронзы и раннего железа (Середина III тыс. – V в. до н.э.): Дис.... канд. ист. наук. – Севастополь, 1951 (рукопись) // Архив НЗХТ. – Д. № 1343. – С. 23–24; ср. аналогичные данные: Бертъе-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности АН. – 1909. – Т. 14. – Кн. 1. – С. 57.

²⁴² Житие Иоанна Готского. – С. 398; Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т. Указ. соч. – С. 28.

²⁴³ Ср.: Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып. 116. – С. 13; Агбунов М.В. Указ. соч. – С. 53; Зубарев В.Г. Европейское побережье Меотиды (Азовского моря) по Клавдию Птолемею // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 68.

и должно было сопровождаться гораздо более частыми привалами для восстановления сил гребцов *kamatera karabia*.

В лучшем случае при всем старании спафарокандидат успел бы выполнить первую часть своего поручения к ноябрю 839 г. Тогда ему пришлось бы разворачивать стройку поздней осенью – зимой и вести ее в суровых условиях, под пронизывающими степными ветрами, дождем и снегом, ожидая следующего лета, а возможно и осени, то есть конца очередного навигационного сезона 840 г. Отчет Феофилу и принятие ответственного решения об «избрании» стратига для Херсона едва ли успели бы к ноябрю – декабрю, хотя полностью исключить такую возможность нельзя. С ее учетом мы можем иметь два варианта времени официального создания новой фемы – поздняя осень 840 г. или весна – лето 841 г. (но никак не 839 г.). Если же отплытие царских хеландий было отложено до весны 840 г., как наиболее удобное и, следовательно, наиболее вероятное время, тогда лето и осень этого года ушли бы на организацию начала строительства Саркела и возвращение Петроны состоялось бы не раньше сентября – октября 840 г. Раздумья по поводу принятия решения о феме, любая заминка могли вызвать сдвиг даты, но и тогда она не пришлась бы на время позже весны – лета 841 г. В данном случае речь идет именно о формальном моменте создания фемы, а не о сооружении Саркела за несколько месяцев, ибо после планировки крепости на местности, разбивки строительной площадки последующее строительство велось не один год и уже без активного участия византийцев²⁴⁴.

Разумеется, предлагаемые источником соединительные фразы типа «на следующий год» (*to d'epionti etei*) весьма относительные указатели. Поэтому приведенные выше умозрительные конструкции верны только в том случае, если ассоциативный метод изложения Продолжателя Феофана и Симеона Логофета понят правильно, поскольку, следуя в целом внутренней хронологической канве изложения, византийские составители и редакторы источников не отличались последовательностью, то и дело нарушали ее, отступая, забегая вперед и вновь возвращаясь назад²⁴⁵.

Итак, существуют по меньшей мере два равно возможных, вполне осуществимых варианта создания новой стратегии на территории Крыма: осень–зима 840 г. или весна–лето 841 г. Как бы то ни было, это произошло до зимы 841 г., когда очередной навигационный сезон закрылся, а уже 20 января 842 г. Феофил скончался от тяжелой

²⁴⁴ Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа. – С. 27.

²⁴⁵ См.: Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание // Продолжатель Феофана. – М., 1992. – С. 243; Signes Codoner J. El periodo del segundo iconoclasmo en Theophanes Continuatus. – Amsterdam, 1995. – P. 535–548. С этой точки зрения прибытие хазарских послов могло состояться не через год, а уже через пару месяцев после избрания Иоанна патриархом.

желудочной болезни. Вряд ли при существующем состоянии источников время организации фемы удастся определить точнее и любые попытки это сделать будут лишь плодить слабодказуемые версии.

Ко всему прочему, результат административных мер, шедших из Большого дворца, остается не совсем ясным. Петрона Каматир, безусловно, был организатором военно-административных преобразований на крымской территории, но стал ли именно он главой созданной фемы, как утверждают византийские нарративные источники? Ведь до сих пор не известно ни одной печати с именем этого стратига Херсона и климата. Кроме того, как подметил И. А. Баранов, «все рассуждения об организации фемы Петроной... основаны исключительно на априорности понятий: стратиг – командующий фемой»²⁴⁶, а источники ненадежны по причине более чем столетней удаленности их авторов от описываемых событий. Впервые термин «фема Херсона» фиксирует трактат Константина Багрянородного «О фемах»²⁴⁷, но он отсутствует в других письменных, сфрагистических источниках, где речь идет лишь о стратигах Херсона.

Все это так, однако необходимо учесть, что и Продолжатель Феофана, и Константин Багрянородный пользовались в середине X в. каким-то одним, более ранним общим компендиумом, каким, вероятно, пользовался и автор еще одного сочинения – «Книги царств», приписываемой современнику Константина VII, чиновнику Иосифу Генесию²⁴⁸. Поэтому обвинения их в единодушной хронологической путанице, перенесении событий конца IX – начала X вв. в эпоху Феофила выглядят слишком натянутыми²⁴⁹. Совпадение имени и титула организатора новой стратигиды в Таврике с «императорским посланцем» Петроной – одним из организаторов обороны Фессалоники от пиратского рейда мусульман во главе со знаменитым корсаром Львом Триполийским в 904 г. тоже ни о чем не говорит, поскольку чин протоспафария весьма часто встречался у военных высших рангов, а само имя Петрона не отличалось уникальностью²⁵⁰. Действи-

²⁴⁶ Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсона. – С. 140.

²⁴⁷ Constantini Porphyrogenetos. De provinciis regni byzantini. Liber secundus: Europa / Ed. Th. Tafel. – Tubingen, 1847. – P. 9.

²⁴⁸ Продолжатель Феофана. – С. 223-248.

²⁴⁹ Баранов И. А. Административное устройство... – С. 139.

²⁵⁰ В. Е. Науменко, критически рассматривая реанимированное И. А. Барановым предположение Ф. И. Успенского об идентичности личностей Петроны Каматиры и стратига Петроны из 904 г., верно заметил, что строительная деятельность последнего и его, якобы, основательные фортификационные знания, сближающие обоих Петрон, преувеличены исследователями, ибо сводились в случае с Фессалоникой к хитроумному сооружению подводного заграждения из старых могильных надгробий, что свидетельствует лишь о смекалке и находчивости «второго» Петроны (Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X века. – М., 1959. – С. 169–170, § 17; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 692). К тому же последний носил другую фамилию – Трифиллий, на что обратил

тельно, ни один из письменных источников не говорит о создании «фемы Херсон» в правление Феофила, а лишь о присылке стратига в звании протоспафария, выбранного из возможных кандидатов самим императором. Однако в понимании византийцев этого было достаточно, чтобы подразумевать под объектом, в приказном порядке вверенном управлению стратига, фему или стратигат — город со стратигом. Причем для их обозначения служили такие нарицательные названия, как «земля», «страна», «место» (*ge, chora, topos*)²⁵¹. Аналогичные термины ромеи применяли и в отношении крымских владений стратига.

Другое предположение И. А. Баранова о том, что фема Климата не имела отношения к Таврике, поскольку, согласно данным Анонима Газе (X в.), такое название могло принадлежать какому-то конкретному византийскому городу в Северное Причерноморье или на Дунае, тоже остается лишь гипотезой, даже без учета поддельности источника, серьезно отступившей от «принципа Оккама»²⁵². Феофан четко различал в своей «Хронографии» «херсонитов и босфориан и остальные климата» (*ton loipon klimaton*)²⁵³. Тем не менее, хронист обычно не разделял именно Херсон и климата, воспринимая их как единое целое или как нечто тесно связанное с Херсоном, который выступал в этой связке как лидер. Это обстоятельство pronunciально отметил уже В. Н. Юргевич: «Если византийцы говорили «*pros... ten Chersona kai ta loipa klimata*, то есть близ Херсона и прочих климатов, то они помещали и Херсон в Климатах»²⁵⁴.

Описывая гонение Константином II папы Мартина и другого столь же пламенного ортодокса православия, Максима Исповедника, местом ссылки папы Феофан назвал «Херсон и климата» (*en Chersoni kai tois klimasin*), добавив, что Мартин был отправлен в «Херсонские климата» (*tes Chersonos klimata*) и умер там, в «климата востока», а по другому списку рукописи — в «климата востока или Херсоне» (*klimasi tes anatoles etoi en Chersoni*)²⁵⁵. Рассказывая под 776 г. о наказании василевсом Львом Хазарином заговорщиков, задумавших его свергнуть, византийский летописец вновь назвал место их ссылки «Херсон и климата» (*eis Chersoni kai ta klimata или tois klimasin*)²⁵⁶.

внимание уже С. П. Шестаков (Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р.Хр. — С. 43, прим. 3).

²⁵¹ Glykatzí-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe–Xle siècles // BCH. — 1960. — № 84. — P. 79.

²⁵² Баранов И. А. Административное устройство... — С. 142. См. возражения К. Цукермана по этому поводу (Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. — С. 316).

²⁵³ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 40.

²⁵⁴ Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1894 году // ЗООИД. — 1886. — Т. 14. — С. 15.

²⁵⁵ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 36.

²⁵⁶ Там же. — С. 46.

А в представлении Константина Багрянородного, почерпнутом из более ранних источников, весь Крым делился на две «земли» (ge): «землю Херсона и климата, и землю Боспора»²⁵⁷. Фактические данные свидетельствуют о том, что первая часть занимала территорию юго-западного, часть южного и центрального в меридиональном направлении Крыма²⁵⁸. Это перекликается с совершенно определенным указанием Константина Багрянородного, что климата расположены по отношению к Херсону и Боспору за «болотами» (de limnai), то есть Сивашем, и заросшим «каналом» (Перекопом), через который вели пути в Таврику²⁵⁹. Кроме того, в своих памятных записках к сыну Роману, император столь же ясно пояснял, что конкретно «кастра климата» (ta kstra ton klimaton) были расположены «от Херсона до пределов Боспора» (apo de Chersonos mechri Bosporou)²⁶⁰ и в дальнейшем дважды повторил это слово в слово в том же сочетании (ten Chersonos gen kai ton klimaton kai tes Bosporou gen; te Chersonai kai Bosporon kai ta klimata)²⁶¹. Поскольку в этом промежутке между землями Херсона и Боспора находилась Готфия с Доросом, Фулами и прочими крепостями, фрурами, становится понятно, почему Игнатий Диакон, составивший после 828 г. Житие патриарха Никифора, назвал правителя Готфии, христианина, подпадающего наставлениям патриарха, «игемоном народа» одного из «Таврических климата» (ethnous egemonian... kath' en ton Taurikon klimaton... ogar tote ten tou ethnous egemonian epaneremenos)²⁶².

²⁵⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 72–86, с. 174.

²⁵⁸ Талис Д.Л. «Корсунская страна». Доклад на сессии, посвященной 125-летию раскопок в Херсоне. // Архив НЗХТ. — Д. № 644. — Л. 61. Можно согласиться с К. Цукерманом, что «Херсон, Боспор и климаты являются тремя отдельными географическими единицами» (Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсон. — С. 319). Однако другой его вывод — «... территориальное определение фемы Климатов ограничивалось Крымской Готией, не включая ни Херсон, ни Боспор» — вступает в противоречие с вышеназванными источниками: в представлении ромеев Херсон, будучи самостоятельной территориальной единицей, все же как бы сливался с климата, в том числе и Готфией, в одну «землю». С точки зрения А.И. Айбабина, в фему Климата входили «... соседние с городом горные крепости, из которых ушли хазары. Другие районы полуострова остались под их контролем» (Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата. — С. 7).

²⁵⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 70–72, 83–86, с. 174–175.

²⁶⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42, 72.

²⁶¹ Константин Багрянородный. Об управлении... — Гл. 42. 81–82, 85–86. Эти пределы наиболее обоснованны в качестве ориентиров для географии крымских климата (ср.: Nesbitt J, Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. — Washington, 1991. — Vol. 1. — P. 182).

²⁶² Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani. — P. 160. 20–30; Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви св. Софии. — С. 21, гл. 28; Байер Х.Ф. История крымских готов... — С. 72.

Вообще византийцы обычно дополняли этот термин, под которым уже с VI–VII вв. понимали «местности», сельские и городские административные округа, особенно далекие, конкретизирующими дефинициями²⁶³, но с начала IX в. стали все чаще использовать только применительно к областям Таврики, Готфии, Херсона и Боспора²⁶⁴. Обширная выборка из источников на эту тему в свое время была сделана добросовестными, тщательными историками А. О. Куником

²⁶³ Подр. см.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 70 (со ссылками на Иоанна Лиду и Пасхальную хронику). Пример такого уточнения являет фрагментированный эпиграфический памятник – эдикт Анастасия I (491–518), в котором упоминаются «коммеркиарии земли Месопотамии и климата Палестины» (apo kommerkiariou ge ton en Mesopotamia kai apo tou klimata ton Palaistine) (см.: Littmann E., Magic D., Stuart D.R. Greek and Latin Inscriptions in Syria, publications of Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905, Division III. – Leyden, 1910. – P. 24–42, № 20; p. 250–251, № 526). Георгий Кипрский в своем трактате «Описание Римского мира» применял термин климата (klima) к округам в Исаурии, Палестине, Ливанской Фикинии (Культура Византии. Вторая пол. VII–XII вв. – М., 1989. – С. 350, 454).

²⁶⁴ См.: Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 217; Лопарев Хр. М. Византийские Жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – 1910. – Т. 17. – С. 166, 167; Соколова И. В. Клад херсонесских монет середины IX в. // ТГЭ. – 1971. – Т. 12. Нумизматика. № 4. – С. 22; Alekseenko M. A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. – 1996. – Т. 54. – P. 273. В последний раз Херсон в сочетании с выражением «тамошние климата Готфии» (tes Chersonos kai ton ekeise klimaton Gotthias) упоминается в источниках применительно к событиям около 1225 г. в «Синописе чудес св. Евгения», покровителя Трапезунда, составленном скевофилаксом – «хранителем священных сумм» Иоанном Лазаропулом в период 1340–1363 гг., по-видимому, до того, как он стал трапезундским митрополитом под имени Иосиф (Пападопуло-Керамевс А. Сборник источников по истории Трапезундской империи, I // Записки историко – филолог ф-та имп. СПб. ун-та. – 1897. – Т. 44. – С. 117–118). Подробные анализы возможности и смысла употребления термина «климаты» по отношению к Таврике почти одновременно и независимо друг от друга проделали К. Цукерман и В. Е. Науменко. Результаты их исследований позволяют достаточно уверенно заключить, что этот термин использовали в IX–X вв. для обозначения региона, где лежали Херсон и Крымская Готфия: в широком смысле под ним понимали области, местности, земли (choğa) Таврики, входившие в состав Византийской империи или находившиеся под ее влиянием, ограниченные территориально крепостями – Херсоном с запада и Боспором с востока, а в совсем узком значении – административные единицы, округа, «дистрикты», «архонтии» Готфии, обладающие каждый своим архонтом (откуда название archontiai) и крепостью (kastron) или городком (polismaton), на которые делилась эта территория (впервые эта мысль была высказана: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – P. 61; ср.: Zuckerman C. Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson. – P. 219; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 317–320; Цукерман К. Венгры в стране Леведии... – С. 675; Науменко В. Е. Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в.... – С. 59; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 692–698).

и В.Г. Васильевским и нет нужды ее еще раз повторять²⁶⁵. Фигурировавшее в ней слово, несомненно, относилось к конкретно очерчиваемой географической номенклатуре – крымским климата, которая в названии фемы из нарицательного превратилась в имя собственное. В самом деле, подавляющее большинство фем носило подобные «географические имена» – Крит, Эллада, Пелопоннес, Халдия, Пафлагония, Фракия, Македония и прочие, а под названием своих главных городских центров они фигурировали весьма редко. В Тактиконе, составленном в 842–843 гг., в качестве таковых названы только балканские Фессалоника и Диррахий²⁶⁶.

Какие бы варианты прочтений ни вызвала плохо сохранившаяся печать неизвестного византийского чиновника первой половины IX в. со следами надписи TONKL [...] YCHERS, один из этих вариантов имеет равные с прочими основания быть связанным с названием новой фемы климата Херсона²⁶⁷. Следует также отметить, что перед

²⁶⁵ Куник А.О. О записке Готского топарха // Записки имп. Академии наук. – 1874. – Т. 24. – Кн. 1. – С. 74–81; Записка греческого топарха // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 194–200.

²⁶⁶ Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. – 1898. – Т. 3. – С. 115.

²⁶⁷ Соколова И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 211–214; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 74. 76, 149–150, № 14; ср.: Баранов И.А. Административное устройство... – С. 142; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы... – С. 319–320. Указание *ton klimaton* могло значиться на еще одном плохо сохранившемся моливдуле второй – третьей четверти IX в. (Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 213, № 53). Обломок другой печати IX в. из собрания Думбартон Оукс с упоминанием «пяти климатов» (*ton pente klimaton*), как считают его издатели, тоже может иметь отношение к стратигиде, созданной по повелению Феофила в Таврике (Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1991. – Vol. 1. – P. 182, № 81). В.Е. Науменко видит в этих пяти «округах» связь с пятью названными в нотиции 901–907 гг. церковно-административными единицами Таврики – архиепископиями Херсона, Боспора, Готфии, Сугдеи, Фул (Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 550). Однако остается не объяснимым то очевидное обстоятельство, что в Тактиконе Успенского (842–843 гг.) глава новосозданной фемы назван *strategos ton klimaton*, а не *ton pente klimaton* (Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах. – С. 115). Нарративные источники, как уже указывалось, тоже упоминают «Херсон и климата». Печать принадлежала явно ромейскому чиновнику, следовательно, должна была нести обозначение конкретного места его службы, а не абстрактный широтный или часовой пояс – «климат» (ср.: Культура Византии вторая половина VII–XII вв. – М., 1989. – С. 340–341; Бородин О.Р. Возникновение современной хронологии. – М., 2000. – С. 84). Как и в приведенных выше случаях, речь скорее всего шла об областях, административных единицах, и, значит, обладатель печати выполнял служебные обязанности на территории пяти неких областей, которые не имели другого названия кроме «климата». Едва ли их было всего пять: в этом случае резчику печати заказали бы изобразить слово климата без каких либо уточнений, во множест-

нами указание именно на топоним, а не на должность какого-то херсонского чиновника: на византийских моливдулах перед указанием должности ставился не артикль, а подразумевался пропускаемый союз *kai*, вместо которого на херсонской булле ясно виден *top*. Находка параллельного экземпляра печати той же матрицы в Сугдее помогает развеять сомнения: она имела invocativную крестообразную монограмму с тетраграммой *to so doulo* и принадлежала некоему спафарокандидату и, вероятно, стратигу «климата Херсона» (*(spa[tharokon]dida [to kai stratego t]on k[limaton tes Ch]lers[onos])*)²⁶⁸.

По аналогии с более поздними данными, почерпнутыми из еврейско-хазарской переписки примерно середины X в., пределы фемы могли ограничиваться на западе Херсоном, на юго-востоке окрестностями Алупки – Семенза, а на северо-востоке доходить до Мангуша и юго-западной части Второй (Внутренней) гряды Крымских гор²⁶⁹. Не исключено, что в процессе организации фемы Климата в 840–842 гг. и несколько позже византийская администрация находилась на наиболее близкой к Херсону крепости на плато Эски-Кермен, поскольку именно там восстанавливается некоторая часть фортификационных сооружений, в частности, на западном склоне, ближе к южному оборонительному углу, где Н. И. Репниковым были обнаружены основания сложенных наспех и насухо кладок из тесаных камней, взятых из построек²⁷⁰. Даже если они не имеют отношение к событиям середины IX в., их строительство не выходит за пределы конца этого столетия, когда реконструкции подверглась главная базилика, а у главных ворот, в нижней части основного массива скалы

венном числе. Видимо, существовали другие должностные лица, распоряжавшиеся на территории большего и меньшего, чем пять, числа климатов. В этой связи в очередной раз вспоминается указание Никифора под 711 / 712 г. на существование в Таврике не менее двух десятков простатевонтов – глав кастра, полисми или архонтий (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 156). Не их ли владения стали называться в IX столетии климатами? Тогда управлявший от лица василевса несколькими такими пунктами вполне мог бы называться архонтом некоего числа климата. Косвенно это подтверждается тем, что в перечислении объектов карательной миссии 710 г. (*en Chersoni kai Bosphoro kai tous ton allon archontion*) хронист придерживался того же порядка, что Константин Багрянородный в указании на районирование Крыма (*te Chersonai kai Bosporon kai ta klimata*).

²⁶⁸ Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. – Wahington, 1999. – Vol. 6. – P. 54, №16; Степанова Е. В. Связи Херсона и Сугдее по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 27–28; Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 104.

²⁶⁹ Ср.: Герцен А. Г. К вопросу о территории Херсонской фемы. – С. 23; Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 60–64.

²⁷⁰ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 131; Герцен А. Г., Махнева О. А. Пещерные города Крыма. – Симферополь, 1989. – С. 56.

и на площадках подъемной дороги были вырублены «пещерные» церкви²⁷¹. Вместе с многочисленными захоронениями этого времени на территории некрополя они говорят о наличии здесь значительного населения.

Вероятно, тогда же, во второй половине IX в., после продолжительного перерыва, ромейскими властями были вновь востребованы оборонительные сооружения ранневизантийской Сюйренской крепости в долине р. Бельбек на высоком мысу Куле-Бурун у с. Малое Садовое²⁷². Чуть раньше середины IX в. велось также строительство второй оборонительной линии цитадели на Бакле. Здесь была возведена новая облицовочная кладка ранней оборонительной стены из хорошо отесанных каменных блоков на известковом растворе, и в той же технике сооружены панцири второй куртины, а в месте стыка обоих куртин появилась новая прямоугольная башня²⁷³. Судя по отсутствию характерных и обычно многочисленных высокогорных кувшинов с плоскими ручками в засыпи цистерн, перекрытых куртинами, стройка была завершена до середины IX в.²⁷⁴. Несколько позже, к концу столетия, в 600 м от подножья Баклы возводят однонефный храм с притвором и крестовидный храм²⁷⁵.

Археологические материалы не позволяют связать такие же работы на Мангупе с этим временем, хотя не исключают их возможность²⁷⁶. Но и без этого последний по-прежнему обнаруживает тяготение к византийскому Херсону и участие в торговом обмене с ним²⁷⁷. По мнению Н. И. Барминой, многие годы занимавшейся раскопками большой базилики в центре Мангупского плато, предполагаемый но-

²⁷¹ Айбабин А. И. Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 178.

²⁷² Показательно, что в культурном слое Сюйрена керамические материалы достаточно отчетливо прослеживаются именно с VIII–IX вв. (Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 109–110).

²⁷³ Талис Д. Л. Оборонительные сооружения... – С. 99–104; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство. – С. 63–64.

²⁷⁴ Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 62; Сазанов А. В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. – С. 42–53.

²⁷⁵ Рудаков В. Е. Христианские памятники Баклы. – С. 40–46.

²⁷⁶ Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 61; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 218.

²⁷⁷ Герцен А. Г. О крепостном строительстве на Мангупе. Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма // Архив НЗХТ. – Д. № 2385. – Л. 27; Бармина Н. И. Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики: Дисс.... канд. ист. наук / Институт археологии АН СССР. – М., 1983. – С. 79, 95–96, 143; Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангупа // АДСВ: Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 57–66.

вый кафедральный трехнефный храм митрополии епископии Готфии был кардинально перестроен из предшествующих культовых построек, однефного храма, не ранее IX в., ближе к концу столетия, а по соседству с ним была устроена крещальня с небольшой купелью глубиной 0,52 м, выполненной из единого каменного блока²⁷⁸. Анализ политической ситуации подсказывает, что эти события скорее всего могли произойти в 840-е гг. или немного позже, что совпадает с развертыванием общественного строительства в Херсоне. Тогда же на юго-восточном склоне Дороса-Мангула соорудили крестообразный храм размером примерно 9 x 11 м, с тремя входами, открытый археологами в 1983 г. Он подвергался переделкам, пристройке двух небольших часовен и притвора к западному входу. Несмотря на то, что городище в это время пустеет, сокращается обитаемая территория и численность населения, как показывает исследование укреплений, осуществлялся ремонт ряда мест оборонительных стен, а, значит, крепость сохраняла значение религиозного центра паройкии, если не епископии, и вновь стала убежищем для находившихся рядом с ней ромеизированных обитателей сельских поселений²⁷⁹. Как и прежде, здесь не существовало местного ремесленного производства, но сохранялась ориентация на Херсон, откуда стала поступать, например, ранняя белоглиняная поливная посуда²⁸⁰.

Тогда же, судя по находкам высокогорлых кувшинов в отложениях нижнего культурно-строительного горизонта укреплений, были предприняты фортификационные работы на узловых, центральных участках стен крепости Чуфут-Кале, которые тоже могли быть инспирированы византийскими фемными властями²⁸¹. Такого рода усилия прослеживаются и в более отдаленных от Херсона областях-климата, к примеру, в Сугдее, где во второй половине IX в. возводятся мощные оборонительные стены на Крепостной горе²⁸². Имперские

²⁷⁸ Бармина Н.И. Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса – Мангула – Феодоро // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. – Екатеринбург, 1993. – С. 3–4; Бармина Н.И. Вопросы и ответы: опыт источникововедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 10–13; Бармина Н.И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 262–263.

²⁷⁹ Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангула. – С. 134.

²⁸⁰ Там же. – С. 134.

²⁸¹ Белый А.В. К вопросу о датировке «средней» оборонительной стены в Чуфут-Кале // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 205–210; Белый А.В., Карлов С.В. Архитектурные особенности и строительная периодизация оборонной стены Пенджер-Исар на Чуфут-Кале // Моголянські читання 2002. – К., 2003. – С. 72.

²⁸² Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 50–53.

амбиции Византии в Таврике на какое-то, пусть непродолжительное, время наконец оказались удовлетворены. Организация стратигата на территории Крымского полуострова, порожденная не одной причиной, а целым комплексом долго вызревавших разнообразных причин, наконец состоялась.

Таким образом, обстоятельства появления в Таврике византийской фемы Климата с центром в Херсоне следует связывать с разнообразными политическими и экономическими изменениями, происходившими как на территории Крыма, так в Византии и Хазарии в течение второй половины VIII – первой половины IX вв. Новым представляется изучение этих событий исходя из признания возможности существования в Таврике византийско-хазарского кондоминиума. Мирные, союзные отношения византийских императоров с каганатом способствовали стабилизации жизни этого анклава в VIII в.

Ситуация стала меняться к худшему с последней четверти этого столетия, особенно после смерти Льва IV Хазара, когда хаган усилил давление на Таврику. Одним из явных признаков ухудшения явилось выступление пастыря Крымской Готфии Иоанна. Я не связываю случившееся с захватом Восточного и Юго-Западного Крыма хазарами, а делаю попытку доказать превентивный, предупредительный характер этого хазарофобского движения. Стремление властей Готфии лишь сводилось к желанию сохранить сложившийся в предыдущие десятилетия *status quo*, то есть положение кондоминиума, хотя у самого Иоанна Исповедника могла быть также цель, получив признание из Константинополя, добиться легализации своего положения епископа, рукоположенного без участия патриарха, и создания собственной епархии, независимой от Херсона. Детальный анализ письменных источников позволяет установить, что восстание произошло летом 787 г., перед самым открытием церковного собора в Никее. Однако сторонники Иоанна, его мафиты – ученики из числа местных монахов оказались в меньшинстве и не получили ожидаемую широкую поддержку местного населения. Последующие события и довольно мягкая реакция хагана в отношении происшедшего показывают, что хазары не чувствовали себя полноправными, единоличными хозяевами в Таврике, которая все еще не принадлежала им. Называть эти земли Крымской Хазарией преждевременно.

Тем не менее нарастание византийско-хазарского напряжения становится более отчетливым к концу VIII – началу IX вв., что увязывается с изменением общеполитической ситуации в отношении Багдадского халифата, религиозными расхождениями в связи с новым этапом распространения иудаизма в Хазарии и ослаблением влияния Византии на Кавказе. На территории Крыма это выливается в конфронтацию соперничающих внешнеполитических сил, в своеобразную «холодную войну», подчас доходящую до открытых военных столкновений. Один из таких напряженных моментов можно подозревать около 821 г., судя по некоторым косвенным данным Жи-

тия Иоанна Психайта и надписи из храма у Инкерманской крепости с упоминанием двух погибших комитов. Вероятно, к близкому времени относится кратковременный захват хазарами Дороса — Мангула и перестройка некоторых его укрепленных линий. В этой ситуации, отягощенной появлением венгров, византийские власти были вынуждены пойти на разрыв отношений кондоминиума, поскольку они исчерпали себя и зашли в тупик. Окончательно это показала миссия спафарокандидата Петроны Каматира, которая была связана с выполнением требования хагана помочь ему основать новую крепость на Нижнем Дону.

Строительство Саркела, который византийцы символично называли «Белый приют», было порождено целым комплексом взаимосвязанных проблем. Видеть в них только внешний фактор, стремление хазарских властей защититься от некоей вражеской опасности не приходится. Одна из наиболее совершенных крепостей Хазарии была полифункциональной, могла служить административным, торгово-таможенным, опорным пунктом и даже летней ставкой хагана во время его регулярных ежегодных кочевков по периметру огромных доминиальных владений. Ее неординарная роль несомненна. Херсониты были заинтересованы в участии в строительстве «Белого приюта» для хагана, выделили специалистов, «круглые», с низкой осадкой, транспортные, и гребные суда для перевозки, поскольку это мероприятие могло разрядить напряженность в Таврике и обещать в дальнейшем выгоды торгово-экономического порядка. Впрочем, как показали последующие события, надежды не оправдались.

С началом строительства Саркела совпадает по времени организация фемы в Таврике, что могло произойти, очевидно, не ранее осени 840 г. или весной-летом 841 г. К этому времени были завершены территориально-административные преобразования в византийских владениях на южном берегу Черного моря, проходившие в 837–839 гг., проведена военная реформа 840 г., после чего в Херсон самим василевсом был «избран» стратиг. Новая фема вначале охватила территорию прилегающих к городу и более отдаленных «земель» (областей — климата) в Юго-Западной, Южной и отчасти Юго-Восточной Таврике, по меньшей мере вплоть до Сугден, то есть была сравнительно протяженной. Следы византийского фортификационного и общественного строительства прослеживаются в это время по линии Баклы, Чуфут-Кале, Сюйрена, Магула, Эски-Кермена. Следовательно, после продолжительного перерыва Византия на некоторое время вновь почувствовала себя единовластной хозяйкой на своих крайних северных границах и с помощью здешних подданных в очередной раз продемонстрировала виртуозное искусство поиска выхода из сложной политической ситуации.

ГЛАВА 8.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ХЕРСОНА И «ПРИЗРАКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ»

Перефразируя широко известное выражение, можно сказать, что вот уже почти два века по историографии византийского Херсона бродит призрак — призрак «республиканского», «самоуправляемого», «автономного» города. Уже С. Сестренцевич-Богуш как о нечто само собой разумеющемся писал о «свободном избрании граждан» и «республиканском правлении» средневекового Херсона, поддерживаемом благодаря союзу Империи и хазар (sic!), а В. Григоровичу виделся долгий «антагонизм с Византией», приведший к потере городом «автономии» не ранее правления императора Феофила (829–842)¹. Примеры встреч с такими утверждениями отнюдь не случайны, к тому же зачастую исходят от весьма авторитетных исследователей. Так, М. И. Артамонов указывал на то, что в начале VIII в., в период внутренних неурядиц в Византии, в которых Херсону довелось сыграть важную роль, этот город, балансируя между Византией и Хазарией, приобрел фактическую независимость и пользовался местным самоуправлением². По мнению М. Ю. Сюзюмова, это продолжалось до того времени, пока во главе города, «почти номинально подчиняв-

¹ См.: История царства Херсонеса Таврийского сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. — СПб., 1806. — Т. 1. — С. 328–331; Григорович В. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. — 1864. — Ч. 13. — С. 2.

² Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 302.

³ Сюзюмов М. Я. Византийский город: середина VII — середина IX в. // Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. — Екатеринбург, 2002. — С. 127, 128.

шегося византийской власти», был поставлен стратиг³. Подобную характерную местную тенденцию, доходившую порой до стремления полностью порвать с центром, подчеркивал Г.Г. Литаврин, а Арнольд Тойнби утверждал даже большее — едва ли не «независимый город-государство»⁴. Важное стратегическое значение Херсона как форпоста Империи ромеев в Таврике, бдительного осведомителя о положении на Севере, по мнению некоторых византинистов, вынуждало Византию крепко держаться за него, а отсюда, вопреки политической логике, идти на некоторые уступки — на признание принципа греческой полисной автономии, традиции которой здесь якобы были всегда сильны⁵.

«Любопытно, что Херсон сохранил античные институты, словно изменения периода VII–IX вв., приведшие к образованию средневековой империи, не затронули эту оставшуюся в стороне провинцию» — констатирует Ж.-К. Шене, заранее как бы предвзятым выводом свое исследование об архонтах Херсона, в которых он, тем не менее, видит представителей центральной власти⁶. Соглашаясь с определением статуса Херсона VIII — начала IX вв. как византийского архонтата, Н.И. Храпунов тоже исходит из того, что «эта административная система была основана на своеобразном компромиссе между имперской администрацией и муниципальными органами власти», а должности экдиков, патеров города и протевонов, обладателей имперских санов и печатей, едва ли не уникальный случай «анахронизмов в администрации», унаследовавшей черты позднеантичного муниципального самоуправления⁷. Как и М.Я. Сюзюмов, он не сомневается в том, что ее развитие в течение исследуемого периода «определялось взаимодействием двух элементов — византийского государства и городского самоуправления»⁸.

В. Зайбт и А.И. Айбабин пишут о «городском сенате» (sic!) из протевонов во главе с протополитом, который управлял городом

⁴ Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. — М., 1977. — С. 125; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. — London, 1973. — P. 270.

⁵ Культура Византии вторая половина VII–XII вв. — М., 1989. — С. 243; Оболенский Д. Византийское содружество наций. — М., 1998. — С. 42.

⁶ Ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 310, 314–316.

⁷ Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 568, 573; Храпунов Н.И. О континуитете администрации византийского Херсона // Древности 2004. — Харьков, 2004. — С. 51–55.

⁸ Храпунов Н.И. Указ. соч. — С. 577; ср.: Сюзюмов М.Я. Византийский город... — С. 125–129.

⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999. — С. 195–196. По мнению В. Зайбта, к этому «самоуправлению» из протевонов относился и хазарин — тудун (Тудун, Тондон), которого херсониты яко-

вместе с тудуном, присланным хаганом хазар⁹. Ж. Дагрон, отмечая двойственность восприятия Таврики византийцами и некую половинчатость ее принадлежности Византии, полагал, что в Херсоне начала VIII в. мирно сосуществовали сразу три власти, олицетворявшие самые разные интересы: собственная городская власть в лице протополита и «первенствующих», имперская власть в лице византийского сановного архонта и хазарская власть, представленная тудуном¹⁰. Мало того, даже будучи стратигом фемы Херсон, ее глава был «вынужден сосуществовать с сохранившимися прежнюю силу структурами городской власти», хотя исследователь признает, что этому нет примера в других фемах¹¹. Поэтому, с точки зрения этого авторитетного французского византиста, «стратиг Херсона являлся не полномочным генерал-губернатором византийской провинции фемы, как другие офицеры его ранга, а скорее послом императора в стране-сателите»¹². Случай опять-таки беспрецедентный, как и представление о Херсоне как о некой «колонии» Империи, где отдельно действовали власть стратига и власть местной аристократии¹³.

Даже тогда, когда Н.М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью василевсов, был включен

бы «назначили на должность архонта в Херсоне», в чем он видит ловкий ход, неожиданный для Константинополя (Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jhr. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 304). При этом в который раз забывается совершенно недвусмысленное указание Феофана о том, что Тудун был не просто архонт (так византийцы называли и иноземных владетелей из числа «варваров»), но находился в Херсоне «от лица хагана» (ton archonta Chersonos os ek prosopou tou Chaganoy) (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 40, 64; см.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – № 63. – С. 37-38; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 113).

¹⁰ Dagron G. Crimée ambiguë (IVe-Xe siècles) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – Р. 291. При этом почему-то не учитывается, что истинный характер власти протевоннов мог быть весьма далек от подлинного самоуправления, а тудун, недолго действовавший здесь «от лица» хагана, был не более как наблюдатель, которого нет оснований считать даже временным правителем города.

¹¹ На то же самое, то есть на сохранение при стратиге «местной народной власти» в лице протевона и старшин, как на «чрезвычайные привилегии» указывал в свое время А.Л. Бертье-Делагард, который, однако, считал их невероятными (Бертье-Делагард А.Л. Надпись времен Императора Зенона, с связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т. 16. – С. 76-77). Видимо, такая невероятность не осознается либо по неясным причинам перестала смущать современных исследователей, которые видят в херсонском архонте VIII-IX вв. чиновника на византийской службе и одновременно... главу местного самоуправления и ополчения (Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 24).

¹² См.: Dagron G. Op. cit. – Р. 291.

¹³ Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée aux IXe-Xe s. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – Р. 323.

в административную структуру Романии, а в состав его управления входили имперские чиновники, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии, среди которых одной из основных являлось сохранение «...отдельных элементов городской автономии и самоуправления, имевших давнюю историческую традицию: наиболее стабильным из этих элементов был непрекращавшийся в X–XII/XIII вв. чекан собственной монеты»¹⁴. При этом забывается, что, к примеру, византийская Равенна с 552/553 по 741 гг. непрерывно чеканила монету, а Сицилия – Калаврия, будучи фемой, тоже выпускала деньги на местных официнах, но никому не приходит в голову видеть в этом «элемент самоуправления»¹⁵. Тем не менее и А. И. Романчук разделяет вышеназванные взгляды, категорично заявляя: «Для ранневизантийского периода следует отметить наличие самоуправления в Херсоне (печати архонтов), которое не было полностью уничтожено введением фемы»¹⁶. По ее мнению, херсонесской знати, сохранившей многовековые традиции полисной организации, было, попросту говоря, свойственно постоянное стремление к автономии, объяснимое наличием неких неведомых сильных экономических позиций этой знати¹⁷.

Представления об особенном полисном, автономном самоуправлении византийского Херсона, наподобие «торгово-аристократических республик» средневекового Запада¹⁸, в специальной литературе выглядят как расхожий штамп, с некоторых пор не подлежащий обсуждению. Вопрос как будто решен и закрыт. Даже сомнения, посещающие в последнее время некоторых исследователей, не в силах преодолеть авторитет сложившегося клише, и поэтому, рассматри-

¹⁴ Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / МГУ. – М., 1987. – С. 17–18; ср.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 91–92.

¹⁵ Ср.: Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 71.

¹⁶ Романчук А. И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 138; Романчук А. И. Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 8. В своей обобщающей монографии она пишет: «Образование фемы не означало полного преодоления самостоятельности городской верхушки, полного контроля над херсонитами, стремления этого пограничного центра проводить политику, идущую вразрез с центральным правительством» (Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 58, 206; ср.: Богданова Н. М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. – М., 1985. – Ч. 1. – С. 42–63).

¹⁷ Романчук А. И. Очерки истории и археологии... – С. 201.

¹⁸ Ср.: Соколова И. В. Административная Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 207–209; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – С. 118; Крим: дорога тысячелетий / Упорядн. В. А. Сидоренко. – Симферополь, 2001. – С. 163.

вая противоречащие ему материалы, специалисты в итоге не отказываются от устоявшегося *opinio communis*, навязываемого историко-графической традицией, и пытаются примирить непримиримое.

Именно так выглядят появившиеся недавно работы, которые вводят в обращение ценнейший сфрагистический материал, открывающий новые стороны организации административного управления раннесредневекового Херсона и его отношений к имперской бюрократии. Казалось бы, эти источники не оставляют сомнений в имперском облике администрации византийского города и о том, что бюрократизация его управления была доведена до логического завершения, однако делаемые на их основании выводы вплетаются во все тот же знакомый рефрен о якобы традиционном стремлении Херсона к сепаратизму и самостоятельности. Более того, заявляется, что «элементы античного самоуправления не исчезают и к периоду расцвета фемного строя, а продолжают существовать на всем протяжении IX и X вв.»¹⁹. По мнению Н. А. Алексеенко, они «номинально» сохранялись вплоть до XI в. в виде «института кураторов города», к которым он причисляет «отца города» (*pater tes poleos*), эдикла и протевонов, как традиционных муниципальных чиновников.

В своих последних работах, как и предыдущие, посвященных разбору печатей, исследователь приходит к заключению, что находки моливдулов этих чиновников, несмотря на то, что они имели имперские чины, то есть фактически являлись государственными служащими, свидетельствуют о «неком компромиссном варианте городского управления», о «продолжении существования в Херсоне традиций городского самоуправления, восходящих еще к античной эпохе, на всем протяжении существования здесь фемы». Очевидно, улавливая противоречие в своих словах, Н. А. Алексеенко пытается рассматривать «чиновников городских властей Херсона фемного периода и как муниципальных, и как имперских служащих», в чем он видит «особенность положения Херсона, когда город номинально как бы управлялся Городским советом, а фактически руководство городом осуществляла имперская администрация и члены муниципалитета, состоявшие на службе у государства»²⁰. По его мнению, этот «город-

¹⁹ См.: Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5. — С. 155–170; Алексеенко Н. А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 29. — С. 221–227; Alexeenko N. The proteuontes of Cherson in the 10th century // VI Международен симпозиум по византийска сфрагистика. Резюмета. — Велики Преслав, 1998. — С. 15–16; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. — Харьков, 1999. — С. 151, 154; Алексеенко Н. А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–XI вв.) // АДСВ. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 31. — С. 104; Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. — 2002. — Вып. 9. — С. 455–500.

ской совет» ведал «основными вопросами жизнеобеспечения» и в то же время находился в прямой зависимости от имперского архонта, в руках которого «была сосредоточена вся полнота власти на вверенной ему территории», причем так продолжалось даже некоторое время после создания фемы Климата, то есть при стратиге, который, выходит, делил верховную власть, руководство с подчиненным ему сановным архонтом, что абсурдно²¹. Не принимается во внимание очевидное: члены «городского совета», якобы существовавшего и в фемном Херсоне, будучи на государственной гражданской службе, без какой-либо номинальности были бы уже никем иными, как все теми же имперскими чиновниками.

На этом фоне гораздо убедительнее выглядит давний, хотя и нерешительный, а потому оставленный без внимания вывод А. Л. Якобсона о том, что местное самоуправление в Херсоне было уничтожено по крайней мере с организацией фемы, а значение должности протевона в ее полисном понимании свелось к нулю, поскольку протевон стал государственным служащим²².

Совсем уж странно, что причину сохранения в городе «традиций полисного самоуправления, права самостоятельной монетной чеканки» видят в «подозрении властей», неком предвзятом отношении Византии к Таврике и, прежде всего, к Херсону²³.

На чем строятся подобные заключения? Почему администрация и жители византийского Херсона видятся какими-то особенными, едва ли не уникальными, так и не разорвавшими своей пуповины с античным прошлым независимого, автономного полиса, а сам город представляется этаким вечным «островком вольнолюбия»?

Известно, что согласно римскому праву, все проживающие в «римском ареале», если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, то есть были его подчиненными, подданными — *урекооі*, — прежде всего, были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в ад-

²⁰ См.: Алексеев Н. А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 262–263, 265; Алексеев Н. А. Протевон Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 32. — С. 160.

²¹ Алексеев Н. А. Архонтия Херсона... — С. 486, 487.

²² Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.: Л., 1964. — С. 56. До этого исследователь тоже писал об институте херсонских протевонов как о лицах «...фактически самостоятельно правивших городом в IX в.» (Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. — 1950. — №17. — С. 19).

²³ Герцен А. Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. — Симферополь, 2000. — С. 18. Показательно, что автор тут же признает слишком большую зависимость Херсона «от состояния международной морской торговли, до начала XIII в. полностью контролировавшейся Византией, для того, чтобы предпринимать какие-либо решительные сепаратистские действия» — пример создания очевидного гибридного представления об этаким «свободно-подневольном городе».

министративную структуру Империи²⁴. Уже Прокопий Кесарийский недвусмысленно заявлял, что Херсон являлся городом «ромейской земли» (*Romaion ge*), «на последних пределах (*eschatiai*) ромейской державы», что он «с давних пор подчинен ромеям»²⁵.

Вопрос о времени окончательного, если можно так выразиться, юридического вхождения Херсона в состав Римской империи и Византии остается дискуссионным. Строго говоря, отсутствие упоминания города и его военного гарнизона в *Notitii dignitatum* еще не основание для того, чтобы утверждать, что до рубежа IV-V вв. взаимоотношения Херсона с центральной администрацией строились, как и прежде, исключительно на союзной основе, иначе говоря, помощи – симмахии (*symmachias*), о которой упоминал Константин Багрянородный при описании событий правления императоров Диоклетиана и Константина Великого²⁶. Это допущение, но не более, поскольку нотиция знала пробелы.

Пропуски имеет и «Синекдим» (Спутник путешественника), составленный Иероклом около 535 г. и обработанный в дальнейшем Георгием Кипрским (около 600 г.), что вылилось в официальный трактат об административном делении Византии²⁷. В нем указаны 64 провинции – епархии, 935 городов, но перечислены 912. Для сравнения, источники VII – первой половины IX вв. упоминают около 35 населенных пунктов балканских провинций Византии и свыше 50 малоазийских, которые отсутствуют в «Спутнике путешественника»²⁸.

²⁴ Corpus juris civilis. – Berolini, 1908. – Vol. 1: Digesta. – I. 5.17; Corpus juris civilis. – Berolini, 1904. – Vol. 3: Novellae. – 78; Basilicorum libri LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1846. – Vol. 4. – XLVI. 1.14; Basilicorum libri LX. Ser. B (Scholia) / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. – Groningen, 1963. – Vol. 7. – P. 2732–2733; Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalita: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). – Napoli, 1984. – P. 301–302. О значении термина «ипики» см.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. – М., 1960. – С. 256–263; Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du Xlle Congres international des etudes byzantines. – Belgrad, 1964. – Vol. 1. – P. 56–58.

²⁵ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1962. – Vol. 1: De bellis libri I–IV. – I. 12. 7; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1963. – Vol. 2: De bellis libri V–VIII. – VIII. 5. 27; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 10; ср.: Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. – 1982. – Т. 43. – С. 64–69.

²⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 53. 22. 78. 112. 127–128, с. 246–247, 250–251, 252–253; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона... – С. 118–119.

²⁷ Hönigmann E. Le Synecdemos d'Hierocles et l'opuscule géographique de Georges de Chypre. Texte, introd., comment. et cartes par E. Hönigmann. Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae. Forma Imperii Byzantini. Fasc. 1. – Bruxelles, 1939.

К слову, среди приведенных городов в «Описании Римского мира» Георгия Кипрского не назван и Боспор, хотя Прокопий вполне определенно отметил его присоединение к Империи при Юстине и Юстиниане²⁹. Поэтому определять юридическое включение Херсона в состав Империи временем работы Иерокла над Синекдимом в качестве *terminus post quem* было бы столь же ненадежно³⁰.

Зато стоит обратить более пристальное внимание на то, что с правления Феодосия I (379–395) в город резко увеличивается приток римских монет³¹, а вскоре в самом Херсоне началась чеканка монеты имперского типа, с изображениями правивших императоров. Долгое время считалось, что это произошло в правление Зинона (476–491) в виде выпуска крупной медной монеты с легендой CONCORDIAR на реверсе, которая не имеет признаков специфических городских монет. Вполне вероятно, им предшествовали многочисленные монеты Льва I (457–474), имевшие характерные для местного чекана слоистый гурт и содержавшие высокий процент олова или свинца в составе металла, но помеченные как монеты константинопольского монетного двора (CON)³². Однако не исключено, что такая весьма симптоматичная с финансово-правовой точки зрения попытка была предпринята еще раньше, предположительно в 438–440 гг., когда в Херсоне недолго, может быть год – другой, осуществлялась эмиссия медных монет с типом реверса «две фигуры/крест»³³. В этом случае приостановка чекана и остановка работы мастерской могла быть вызвана не столько техническими трудностями подзабытого местными мастерами дела или не очень удачным качеством монет, сколько отсутствием

²⁸ Гоголев Д. А. Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореферат дисс.... канд. ист. наук / Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2002. – С. 24, 26.

²⁹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер., ст., коммент. А. А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 36 (I. 12. 8); Прокопий Кесарийский. О постройках: Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 249 (III. 7. 12); Храпунов Н. И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и ввравский мир в период в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

³⁰ Ср.: Храпунов М. И. Адміністрація Херсона... – С. 58, 62.

³¹ См.: Серов В. В. О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 40.

³² См.: Белова Л. Н. Незданные монеты Херсонеса // СА. – 1941. – Т. 7. – С. 326–329; Белова Л. Н. Монеты из раскопок XIX–XXII и XXV кварталов Херсонеса // ТГЭ. – Л., 1981. – № 21. Нумизматика. – С. 6; Коршенко А. Н. Римские монетные чеканки Херсонеса // VIII Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). Тезисы докл. и сообщ. – М., 2000. – С. 34–36; Гурулева В. В. Л. Н. Белова: Севастополь – Свердловск – Ленинград. Этапы научной деятельности // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 438.

³³ Коршенко А. Н. Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 222–246.

закрепления за городом его четкого и ясного имперского положения, все еще лишь формально оторванного от уходящего корнями во II в. н.э. статуса «свободного» – *civitas liberae, eleuteros poleos*.

Судя по монетным находкам, этот отрыв, явственно обозначившийся со второй трети V в., окончательно произошел с правления Юстиниана I, когда в Херсоне начался регулярный выпуск монет с изображением воина или с монограммой, содержавшей название города – *Chersonos* либо *polis Chersonos*, но, как и в предыдущих случаях, тоже с обязательным изображением императора – верховного автократора³⁴. Видеть в этом «...функционирование в Херсоне, также как и в других городах империи, полисной администрации», разумеется, не приходится³⁵. Еще раньше, в 451 г., согласно 28 канону Халкидонского синода, Херсонская епархия была подчинена Константинопольскому патриарху, то есть утратила свою автокефальность³⁶. С редкостным постоянством она отныне будет обнаруживаться в официальных и неофициальных нотициях в составе Зихийской епархии, охватывавшей часть северокавказского побережья и Крымского полуострова³⁷.

Вполне возможно, что четкая грань, отделяющая «свободный» полис Херсонес от имперского города Херсона так никогда и не будет найдена, ибо процесс превращения одного в другой начался давно, с появления на земле Скифии и Таврики римских вексилляций и гарнизонов. Оставшееся грекоязычным население города было давно романизировано включением в сферу интересов и влияния Рима, верхушка его гражданской общины имела римское гражданство, вместе с округой в Юго-Западном Крыму находилось в политической и социально-экономической зависимости от Империи, под контролем римских войск, испытывало влияние провинциально-римской культуры. Здесь жили уроженцы римских провинций и даже римские имена составляли не меньше 20–25 % от общего количества³⁸. Со II в. римские граждане из других городов получали возможность занимать должности в «самоуправляемом» херсонесском магистрате³⁹. Приме-

³⁴ См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 98–102, табл. XXII, 310–321.

³⁵ Ср.: Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 48.

³⁶ Деяния Вселенских соборов. – СПб, 1996. – Т. 3. – С. 142–143.

³⁷ Подр. см.: Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (По данным *Nititiae episcopatuum*) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 130–144.

³⁸ См.: Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. – Харьков, 1981. – С. 25–36, 63, 82–84, 87–107; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 19; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 41–148.

³⁹ Дьячков С.В. Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. – С. 68–76.

чительно, что для выпусков херсонесской монетной чеканки 212–222 гг. уже были характерны бюсты римских императоров⁴⁰. Эволюция структуры государственной власти и управления городом шла в первые века н.э. явно в сторону элитаризации, что выразилось в исчезновении после II в. н.э. номофилаков – «законников» и эпимилетов – «государственных порученцев» в Народном собрании – эkkлeсии, превращении выборной должности проэдров – председателей Совета полиса в почетное звание, которое предоставлялось главным образом представителям именитой знати города, а также в ограничении Советом полномочий эkkлeсии, сокращении коллегии архонтов до трех членов с последующим превращением первого архонта, возглавлявшего гражданскую и военную власть, в единственного «венценосца и первенствующего» (*stephanephorountos kai proteuontos*), как это отмечено херсонесскими патриографами для конца III – начало IV вв. н.э.⁴¹. Во всяком случае, политика императора Галлиена (253–268) в отношении Херсонеса уже ничем не отличалась от его политики в отношении других подвластных греческих городов, что прекрасно демонстрирует повсеместное прекращение местной чеканки⁴². К этому времени вся Империя представляла собой действительно «странное смешение союза самоуправляющихся городов и стоящей над этим союзом почти абсолютной монархии»⁴³.

Поэтому следует различать субъективный и объективный аспекты при оценке положения «самоуправляемого» Херсонеса – Херсона III–V вв. De jure он оставался «свободным» по меньшей мере до правления Константина Великого (306–337), в очередной раз подтвердившего этот его формальный статус элевтерии «в стране римлян» (*en te Romaion*), способный лишь тешить самолюбие провинциалов⁴⁴. Но de facto это был имперский город, послушный римским законам, который с благодарностью принимал «заботу» императоров – своих непосредственных владык (*yper ton despoton emon*), их высших чиновников – префектов претория Востока, имперских офицеров – трибунов, комитов и с последней четверти IV в. не забывал отмечать это в памятных, посвячительных надписях, начинавшихся с перечисления имен августов, правителей Империи⁴⁵. Не мудрено, что к се-

⁴⁰ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 84–86, №286–290.

⁴¹ Константин Багрянородный. Об управлении... – Гл. 53. 2, 24–25, 167–168, 186, 234–235, 470, с. 246–247, 254–259, 270.

⁴² Подр. см.: Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 33, 40; Анохин В.А. Монетное дело... – С. 87–88, 91–92.

⁴³ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи / Пер. с нем. Н.П. Стребловой. – СПб, 2000. – Т. 1. – С. 137.

⁴⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 53.140–145, с. 252–253.

⁴⁵ См., напр., надписи 370–375 гг., 392–393 гг., две надписи с посвящением императорам Гонорию и Аркадию, надпись 488 г.: IosPE, I², №449, 450, 655; Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 11. –

редине VI в. современники, даже историки, при всем желании не могли вспомнить ничего кроме глубокой, как бы исконной, давности вхождения Херсона в состав ромейских земель. Приведенные выше факты имперской чеканки в городе при Феодосии II (408–450), Валентиниане III (425–455), Льве I (457–474) и Зиноне (476–491) говорят о многом и главное о приобретении полисом нового статуса уже после разделения Империи на Западную и Восточную, задолго до правления Юстиниана I (527–565). Поэтому, с моей точки зрения некий единовременный «юридический акт об аннексии города Византией» не существовал и, учитывая вышесказанное, не мог существовать.

В любом случае выходит, что по меньшей мере с эпохи Юстиниана I муниципальные власти в лице «протополитов», архонтов, «отцов города», «известных и первенствующих» (*emphaneis kai proteuontas*), на упоминание которых в источниках обычно указывают исследователи⁴⁶, вполне соответствовали облику обычных провинциальных муниципальных бюрократов – чиновников, подотчетных имперскому центральному управлению, тем более, что такого рода служилое «начальство» воспроизводилось и пополнялось главным образом из рядов этих самых «первенствующих» – влиятельной местной аристократии, нобилитета, городской знати, состоятельных собственников⁴⁷. Автор первой части Чудес св. Димитрия, архиепископ Иоанн Фессалоникийский, называл подобных лиц «правившими в городе» (*ton kratounton tes poleos*), «властями города» (*tois archousi tes poleos*) и пояснял, что верховную юрисдикцию над городом имел ипарх (эпарх) или иначе префект Иллирика, но в самом городе были те, «кто обладал богатством, умом и рабами, гордился военным опытом, был первым в скриниях (канцеляриях, административных службах) ипархов Иллирика (...en tois skriniois ton yparchon tou Illyrikon protoi etugchanon)»⁴⁸.

С. 5–12, 16–17; Шангин М.А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – №3 (4). – №11; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 28–32, №3–5 Латышев В.В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 57–59; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – №7).

⁴⁶ Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. – Серия VIII по истор.-фил. отд. – Т. 8. – №3. – СПб., 1906. – С. 2, 13–18; Гл. 5, с. 59.10 (Жития содержат одно из самых первых, если исходить из времени составления источника в третьей четверти VI в., упоминаний херсонского первенствующего – *ton tes poleos proton*); Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 40; Theophanes Continuatus e rec. I. Bekkeri. – Bonn, 1838. – Р. 123; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 42. 45–46, с. 172.

⁴⁷ Ср.: Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). – Барнаул, 1991. – С. 284.

⁴⁸ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 104, 62, § 120; с. 108. 24–30, § 129; с. 110. 21, § 136.

Именно они ездили в Константинополь «с еще большим числом друзей и со всей свитой», чтобы жаловаться на префекта. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода «дворянство мантии»⁴⁹. Он же отмечал логику взаимного характера связей византийского института верховной власти и аппарата управления, который персонофицировался в лице василевса⁵⁰. М.Я. Сюзюмов определял этот бюрократический аппарат как «орудие эксплуататорских групп населения в целом», а К.В. Хвостова — как «властвующую элиту»⁵¹.

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспособляли к своим нуждам органы общинного городского самоуправления, постепенно все более олигархизировавшиеся, замыкавшиеся и превращавшиеся в бюрократическую элиту. Поэтому формально «муниципальное самоуправление» сохранялось действительно долго (рис. 170). Например, при Диоклетиане Никомидия сделалась столицей востока Империи, центром ее администрации, но даже для V в. известен эпиграфический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомидии и ее грамматевс — секретарь⁵².

В правление Феодосия II правительство еще предпринимало меры для поддержания в городах института курии⁵³. Вообще, остатки полисного строя, бывших «органов самостоятельного управления» до конца, пока можно было, использовались раневизантийским правительством в качестве одной из опор государственной власти, но организующее государственное начало, «императорское попечение» становилось в городах все силь-

Рис. 170. Статуя магистрата, архонта Палтуса из Афродисия в Карии (Западная Малая Азия). Начало VI в. (по П. Сэррису)

⁴⁹ История Византии: В 3 т. — М., 1967. — Т. 2. — С. 171.

⁵⁰ См.: Хрушева Э.Н. Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX–XX вв.: Автореф. дисс.... канд ист. наук / Уральский гос. университет им. А.М. Горького. — Екатеринбург, 2003. — С. 22.

⁵¹ Сюзюмов М.Я. Борьба за развитие феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. — М., 1961. — С. 51; Хвостова К.В. Социальный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов. К вопросу о роли богословия в формировании социально-экономических институтов Византии // ВВ. — 2000. — Т. 59 (84). — С. 30.

⁵² Погодин П.Д., Вульф О.Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. — 1897. — Т. 2. — С. 85.

⁵³ История Византии. — М., 1967. — Т. 1. — С. 186; ср.: Серов В.В. Понятие курий в системе ранней Византии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. — Омск, 2000. — С. 104–106.

нее⁵⁴. Сообщая о распоряжениях василевса, автор второго собрания Чудес св. Димитрия Фессалоникского, составленного в конце VII в., видимо, не случайно говорит, что они были адресованы не кому-то конкретно из властей, а городу («он повелел городу...»)⁵⁵. Кроме того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие политов. В новых условиях присылке правителей со стороны в провинциальных городах иногда были даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольно будут более беспристрастны и справедливы, не будучи скованы личными или групповыми симпатиями и антипатиями, ибо не знают местных жителей. Именно о такой услуге просил епископ Синесий у Троила, советника префекта претория Анфимия, имея в виду города Киренаики⁵⁶.

Дело в том, что централизованные формы управления городом и их бюрократизация глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла василевса Льва VI, декларирующая на словах отмену права курий «на занятие некоторых начальственных должностей и самостоятельного управления городом», имела скорее абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, плохо сочетаемое с нормами и реалиями городской политической жизни даже V–VI вв., не говоря уже о VII–IX вв., когда, говоря словами законодателя, «дела приняли иной вид и один только император обо всем заботится и всем управляет» (рис. 171)⁵⁷. Недаром сословие горожан здесь так и не сложилось, как и коммунальное движение, столь ярко проявившее себя в судьбах средневековой цивилизации Запада.

Изучение имперского аппарата управления Византией приводит к выводу, что если в позднеантичный период государственный механизм еще соблюдал определенный баланс сочетания элементов централизации и полисного самоуправления, то к 640–650-м гг. произошло окончательное изменение в положении городов, в финансо-

⁵⁴ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. – Л., 1982. – С. 75; Kazdan A.A. Municipal Administration // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 1420–1421; Foss C. Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. – Oxford, 2002. – P. 71–72.

⁵⁵ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 148. 58–62, § 237.

⁵⁶ Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpreteter D. Petavio // PG. – 1863. – Т. 66. – Ep. 73, col. 1437.

⁵⁷ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. – М., 1951. – С. 143–144, №3–4; Лебедева Г.Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып. 6. – С. 111–113.

вой и военной администрации. Старая администрация была сломана, на смену ей пришла новая государственная администрация, остатки полисного самоуправления почти полностью исчезли и уже к середине IX в. вполне сложилась комплексная, иерархизированная структура централизованного аппарата управления в системе публичной государственности с фемной системой территориального деления государства⁵⁸. Таким образом, раннесредневековыми ромейскими городами управлял замкнутый слой лиц, занимавших привилегированное положение в обществе, который, спекулируя на специфике и особенностях интересов и целей разных социальных слоев, удерживал за собой господствующее положение. С любой точки зрения этот круг лиц обрел все основные социально-классовые признаки бюрократии, а не полисной демократии, какие бы жалкие следы последней не прослеживались до X–XI вв. в некоторых городах Италии, Далмации или Малой Азии⁵⁹.

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем архонтов, протевонов, протополитов и «отцов города» едва ли не главное свидетельство сохранения местного, оппозиционного Византии самоуправления, автономии, особого статуса полисной организации «свободного города» в VI–VII и последующие века, даже после отправки сюда стратига василевсом Феофилом⁶⁰. По последним уточненным данным это произошло не ранее 840 г.

Рис. 171. Лев VI Мудрый (886–912).
Солид с изображением
Богоматери на реверсе
(по В. Тредголду)

⁵⁸ Хрущева Э. Н. Концепция византийского государства в русской византистике... – С. 23; Haldon J. Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 116–117.

⁵⁹ Богатырев П. И. Гносеологические и социальные корни бюрократизма в системе управления // Методологические основы управления социальными процессами в условиях совершенствования социализма. – Калинин, 1988. – С. 53; Гойков В. О социальной сущности бюрократии // Вопросы экономики. – 1989. – № 12. – С. 99–101; Ивановский В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Вопросы экономики. – 1989. – № 12. – С. 122–123; Мешков П. Я. Бюрократизм и бюрократия в системе социально-политических отношений // Социально-политические науки. – 1992. – № 1. – С. 34–41; ср.: Храпунов Н. И. О континуитете... – С. 55–56.

⁶⁰ Яacobson А. Л. Раннесредневековый Херсонес / МИА. – 1959. – № 63. – С. 37–38, 53; Сидоренко В. А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 588; Романчук А. И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 138; Романчук А. И. Очерки... – С. 206; Алексеенко Н. А. Новые находки печатей... – С. 159, 163–165; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора... – С. 151; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 65.

и не позже января 842 г.⁶¹. Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был «возвращен» Византии лишь в IX в., а в Горном Крыму, Готфии ромейская власть «вновь установилась» и того позже – в XI–XII вв.⁶². «Не вызывает сомнений то, – пишет Н. А. Алексеенко, – что появление этой должности (протевона – С.С.) в Херсоне X в. – дань традиции античного самоуправления»⁶³.

На самом деле термин «первенствующие» (*proteuontes, protoi, proteuontes protoi tes poleos, proteion, protisteuontes, proychontes*) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения лидеров института властей и знати Херсона⁶⁴. К тому же понятия «чиновничество» и «аристократия», «знать» для византийцев этого

⁶¹ Treadgold W.R. Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth – Century Byzantine Army // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. – 1980. – Vol. 21. – P. 278, note 32; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. 6. – С. 689–700; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 312–323.

⁶² Ср.: Hannick Chr. *Annexions et reconquetes byzantines. Peut – on parler d'un uniatisme byzantin?* // *Irenikon*. – 1993. – №66. – P. 451–474; Могарычев Ю. М. Основные этапы развития скальной архитектуры Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 129. Более того, в свое время А. Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице «протов или протевонов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.», продолжало существовать, «хотя и с меньшим значением», в X в. и лишь в следующем столетии «в основном» прекратило существование (см.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. – С. 19–20). Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю неизменно считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращать внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противоположное для права и менталитета Романии словосочетание – «самоуправляемый имперский город».

⁶³ Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона... – С. 161.

⁶⁴ Ср.: Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – М., 1917. – С. 77, 78; Истрин В. М. Книги временъныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1: Текст. – Пг., 1920. – С. 201, 8; 464, 6; Сюзюмов М. Я. О социальной сущности законодательства «Василик» // ВВ. – 1953. – Т. 6. – С. 76; Claude D. *Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert*. – München, 1969. – S. 114, 118–119; Каждан А. П. Город и деревня в Византии в XI–XII вв. // *Actes du XII Congrès international d'études byzantines*. – Beograd, 1963. – Т. 1. – С. 37–38; Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. – Л., 1971. – С. 201, 204; Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. – Paris, 1974. – P. 191; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С. 124–125; Павлов В. Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина // *Actes du XV Congrès international d'études byzantines*. – Athenes, 1980. – Т. 4. – P. 268–274; Angold M. *Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire* // *The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries*. – Oxford, 1984. – P. 236.

времени были почти синонимами⁶⁵. В частности, в конце VI–VII вв. проты были в Фессалонике. Так, их упоминает автор второго собрания Чудес св. Димитрия (ton ta prota pheronton tes kath' emas poleos – «первые нашего города», oi exochoi ton proton – «самые видные из первенствующих»)⁶⁶. С. А. Иванов, комментировавший одно из таких мест, полагает, что это были «не представители администрации, а знать города, то есть богатые люди»⁶⁷. Однако, как следует из текста источника, именно они осуществляли административные функции местных властей, повеления василевса, который направил послание ипарху, обладавшему всей полнотой власти на вверенной ему территории, а тот в свою очередь показал его протам, которые тотчас выполнили предписание, «как повелевало божественное послание»⁶⁸. Примечательно, что ходатайствовать об отмене императорского решения ездили уже не эти проты, а, если можно так сказать, общественные посланцы от горожан – «апокрисиарии», «некоторые из здешних опытных людей» (ton entautha kat' epilogen empeiron andron)⁶⁹. Горожане стояли особняком и в то же время рядом с этими «управлявшими городом» (tes dioikeseos tes poleos), «правителями города» (ton kratounton), которых составитель Чудес св. Димитрия всегда упоминал без конкретизации и во множественном числе, подобно херсонским «известным и первенствующим»⁷⁰.

⁶⁵ Ср.: Antonopoulou I. The «Aristocracy» in Byzantium: Evidence from the Tactica of Leo VI the Wise // Byzantiaka. – 1993. – Т. 13. – Р. 151-160.

⁶⁶ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. – М., 1995. – С. 132. 49, § 193; с. 144. 11, § 231.

⁶⁷ Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 195, комм. 103.

⁶⁸ Там же. – С. 144. 10-13, § 231.

⁶⁹ Там же. – С. 146. 20, § 232.

⁷⁰ Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 150. 25-26, § 244; с. 154. 101, § 252; с. 154. 15, § 254; с. 164. 23, § 278; с. 166. 51, § 281; с. 174. 8, § 293. В частности, анализ рассказа о незаконной распродаже запасов хлеба «чужим судам» (ton xepon ploion) из фессалоникских общественных амбаров (demosiois oreiois sitou) накануне начала осады города драгуviтами и другими славянскими племенами между летом 676 и летом 677 г. показывает, что эти «управлявшие» или «правители» отвечали за снабжение города продовольствием, но не имели права самовольно им распоряжаться, продавать зерно в тайне от василевса, отдававшего приказание городским властям (см.: Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 150. 22-31, § 244; с. 166. 48-55, § 281; Malingoudis Ph. Die Hungersnot in Thessalonike (ca. 676-678) // JOB. – 1990. – Bd. 40. – S. 145-154). На мой взгляд, наиболее убедительной причиной такого ограничения полномочий местной муниципальной администрации является не «готовность городских властей действовать независимо от Константинополя» и «развивать институты самоуправления», а, напротив, признание подчиненности «правивших» константинопольскому правительству, от лица которого они действовали в Фессалонике (ср.: Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? // GENNADIOC: К 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. – М., 1999. – С. 27-28, 30). Недаром в одном из мест текста автор второго собрания Чудес определил их, опять-таки во множественном

В VIII – начале IX вв. протевоны были даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами – протами ком и низшими платными служащими-ипиретами (*protoi tes komes, yperetai*)⁷¹. Пользуясь превосходной сводкой, составленной А. П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, «первенствующих» можно найти в V-VII вв. в ромейских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерики), Спарте («Лавсаик» Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй пол. VIII – начале IX вв. – в Амастре (Житие Георгия Амастридского); во второй пол. IX в. – на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой пол. X в. – в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. – в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)⁷². В IX-X вв. «первенствующий» – «приор» (градоначальник с титулами архонта или стратига) нередко пожизненно выполнял функции византийского имперского наместника в Далмации и Диррахии, находясь соответственно в Задаре и Драче, а позднее эта должность известна в Сплите, Трогире и Которе⁷³. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой половины XI в. включительно, в том числе в сочетании с весьма высокими имперскими санами уровня протоспафария, патрикия, хрисотриклинита, стратилата, что указывает не на сохранение следов городской автономии, а как раз на обратное – на проведение бюрократизации управления городом⁷⁴. Связь термина со стратой служилых лиц Империи весьма прозрачна и легко улавливается.

числе, как «имевшие власть ипарха» – *autika oi ten yparchon* (Чудеса св. Димитрия... – С. 172. 62-63, § 290).

⁷¹ Васильев А. А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. – 1900. – Т. 5. – С. 64, 74, 75.

⁷² Рудаков А. П. Очерки... – С. 78-79.

⁷³ Ферлуга Ј. Ниже војно-административне јединице тематског уређена // ЗРВИ. – Београд, 1953. – Кн. 36 / 2. – С. 90–91; Ферлуга Ј. Архонтат Далмации // ВВ. – 1957. – Т. 12. – С. 46–52; Ферлуга Ј. Драч и Драчка област пред крај X и почетком XI века // ЗРВИ. – Београд, 1964. – Кн. 8. – С. 127–130; Ferluga J. L'archontat de Dalmatie // Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries. – Amsterdam, 1976. – P. 133–136; Ferluga J. L'administration byzantine en Dalmatie // Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries. – Amsterdam, 1976. – P. 142–145; Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. – М., 1985. – С. 255, 265–267, 270.

⁷⁴ Ср.: Сюзюмов М. Я. Византийский город... – С. 127, 129 (по мнению автора, именно наличие печатей у протевонов свидетельствует о том, что «бюрократизация управления городом не могла быть в условиях того времени проведена полностью»); Алексеенко Н. А. Новые находки печатей... – С. 165–169, № 14–15 (исследователь, не желая отказываться от укоренившихся привычных представлений

Впрочем, «протевон» иногда могло быть родовым именем, как это видно по печатям стратига Иоанна Протевона, отправлявшем эту должность и в феме Херсон, и в феме Пелопоннес (и там, и там в «генеральском» чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала херсонскую печать второй половиной X – началом XI в., а Н. и В. Зайбт – рубежом X–XI вв.⁷⁵ Но не исключено, что она, как и другой аналогичный моливдул с изображением процветшего креста, относится к более раннему времени, а именно, к первой четверти X в., так как имя стратига Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа славян, происшедшего, скорее всего, в начале «царского» правления «кира» Романа I Лакапина (921-944) в феме Пелопоннес⁷⁶. Вот только последовательность карьеры протоспафария не ясна. Н.А. Алексеенко полагает, что за «неудачу в Пелопоннесе» он был переведен василевсом подальше в глушь, «из центральной области империи в далекую провинцию Херсон»⁷⁷. Но с точки зрения окраинности и трудности службы эти два места могли потягаться друг с другом, тогда как родовое имя Протевон вполне подходило бы уроженцу знатного семейства «первенствующих» Херсона, хотя последнее еще надо доказывать⁷⁸.

Эдиктом Юстина II, изданным в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избираемы были епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего из-

о крепких традициях античного самоуправления в раннесредневековом Херсоне, пытается примирить непримиримое – считать протевонов до X в. муниципальными чиновниками городского самоуправления, а затем объявить их же представителями центральной власти в органах внутригородского местного управления).

⁷⁵ Соколова И.В. Монеты и печати... – С. 160-161 №45, 45 а; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 27) – Симферополь, 1995. – С. 95.

⁷⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 50. 23-42; 51. 199-204; с. 436-437, комм. 19-20; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 710-711, №9, ср. с. 723-724, № 27.

⁷⁷ Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона... – С. 710.

⁷⁸ Ср.: Шандровская В.С. Что известно о Протевонах // Византийские очерки. – М., 1996. – С. 217-225; Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – С. 302-303, рис. 2, 4. Этот императорский протоспафарий Иоанн Протевон мог оказаться на новом месте, где он сменил, вероятно, патрикия Иоанна Вогу, объясняют, почему новоиспеченный стратиг пустился в тяжелое морское плавание к Херсону едва открылся навигационный сезон и лишь чудом избежал опасностей, которые могли стоить ему жизни (см. комментарии к письму Николая Мистика неизвестному в Антологии письменных источников).

бранных, а по сути дела, рекомендованных, должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение⁷⁹. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась в VI-VII вв. из куриалов, представителей родовитой полисной аристократии и частично совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата⁸⁰. Им, как никому другому из государственных лиц, были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от «городского первенствующего» (*proteuon tes poleos*) зависело распределение общественных повинностей и назначение горожан для их выполнения, причем жалобы горожан императору красноречиво указывали на вымогательства со стороны протевона⁸¹.

По сути дела эти лица ничем не отличались от служащих по своим функциям, а «самоуправление по имперскому поручению» в условиях прогрессирующего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «правивших» из числа знати, «нобилей», а в VIII-IX вв. выродилось в институт «властвующих», «начальников» — всевозможных «архонтов» разных рангов⁸². Ганс-Георг Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением⁸³. По данным, собранным О. Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI-VIII вв. она была представлена прослойкой средних и крупных земельных собственников или долгосрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту⁸⁴. Особенно наглядно это видно на примере Равенны, где члены городского управления, состоявшие на службе государства, избира-

⁷⁹ Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt // *Ius graeco-romanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. — Lipsiae, 1857. — Vol. 3. — Col. I, nov. 5, p. 10-13; Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. — М., 1876. — С. 29.

⁸⁰ См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М., 1993. — С. 430; Курбатов Г. Л. Основные проблемы... — С. 204; Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). — М., 1984. — С. 110; Серов В. В. Понятие курий... — С. 104-106.

⁸¹ Basilicorum libri LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. — Lipsiae, 1833. — Vol. I. — X. 2. 31.

⁸² Bratianu G. Privileges et franchises municipales dans l'empire byzantin. — Paris, 1936. — P. 43 sq.; Ферлура Ж. Нижє воїно-административне єдїнєцє тематського уречєня // ЗРВИ. — 1953. — Кн. 2. — С. 90-92; Курбатов Г. Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. — 1994. — Т. 55. — С. 71-72; Кучина И. А. О термине «архонты» в Византии IV-XV вв. // История Византии и византийская археология. — Екатеринбург, 1998. — С. 20-22.

⁸³ Beck H. -G. Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // BZ. — 1965. — Bd. 58. — Hf. 1. — S. 18.

⁸⁴ Бородин О. Р. Византийская Италия... — С. 46-49, 51-53, 59-60, 69-70, 209, табл. 1-2.

лись из числа местной знати, но утверждались центральной властью⁸⁵. Со слов Феофана можно понять, что в некоторых городах Фракии были «знатные стратиоты города» (*tes poleos episemoi stratiotai*), стоявшие во главе местных гарнизонов, право на которые даровалось императором⁸⁶. Согласно Житию Георгия Амастридского, к «избранным города» (*tes poleos ekkriton*), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (*oson te tou ieratikou katalogou kai oson en telei*)⁸⁷. Старославянская версия Жития Стефана Сугдейского (Сурожского), отразившего события VIII в., упоминала в числе первых людей «мужей старейшин гродных»⁸⁸. Очевидно, это были те, кого Константин Багрянородный в «Жизнеописании Василия» называл людьми, «к управлению причастных и делами занимающихся»⁸⁹.

По закону, знатым считался не просто богатый представитель высшего социального слоя Империи, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом⁹⁰. Едва ли прав А. П. Каждан, полагавший, что эта ромейская бюрократия не осознавала себя как целое: именно в Византии чиновная служба открывала шанс к обогащению и упрочению положения в обществе даже для незначительных управленцев, вместе с правящими верхами превративших центральный и местный государственный аппарат в механизм, действовавший в их интересах⁹¹. Все эти архонты, «отцы города», «первые политы», протевоны, кыры, игемоны, топархи, топотириты, кичливо, с высока смотревшие на остальных, были частью единого, постоянно пополняемого социума, тем бюрократическим, по замечанию Шарля Диля, «могущественным остовом», что поддерживал Империю и делал ее однородным организмом⁹².

⁸⁵ Dichl Ch. *Etudes sur l'administration Byzantine dans l'eksarchat de Ravenne*. — Paris, 1888. — Т. 2. — Р. 93 sq.

⁸⁶ К слову, это ни в коей мере не говорит об их самоуправлении, стремлении отделиться от Византии: даже вступив в вооруженный конфликт с присланным для ведения военных действий против аваров царским стратигом Петром, они «славили василевса Маврикия» (*Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor*. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1: *Textum graecum continens*. — Р. 274).

⁸⁷ Труды В. Г. Васильевского. — Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. — Пг., 1915. — С. 26. 5-6.

⁸⁸ Там же. — С. 84, гл. 14.

⁸⁹ *Theophanes Continuatus*... — Р. 239; Продолжатель Феофана. *Жизнеописания византийских царей* / Изд. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992. — С. 103 (V. 18).

⁹⁰ Брентано Л. *Народное хозяйство Византии*. — Л., 1924. — С. 49; Бородин О. Р. *Указ. соч.* — С. 70, табл. 2.

⁹¹ Каждан А. П. О социальной природе византийского самодержавия // *Народы Азии и Африки*. — 1966. — № 6. — С. 63; ср.: Winkelmann F. *Byzantinische Rang- und Dienststruktur im 8. und 9. Jahrhundert*. — Berlin, 1985. — S. 29–65; Литаврин Г. Г. *Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии* // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. — М., 1992. — С. 122–134.

Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее и правовое, и ментальное обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только «от лица», «по поручению» (ек проγορου) василевса и, следовательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя⁹³. Ромейский же город, будучи выразителем единого государственно-этнического самосознания, обязательно являлся центром и выразителем идей бюрократического государственного управления⁹⁴. В этом кроется специфика и одно из важнейших проявлений относительной стабильности, традиционности, континуитета византийской цивилизации.

Крах античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего средневековья органы городского управления, как и в некоторых других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, в том числе солидных торговцев, судовладельцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийскими центрами, и, возможно, ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых промысловиков, получавших доходы от местного соляного и рыбозасолочного промыслов⁹⁵. Основа для этого нового правящего слоя, слоя элиты, сменившего прежнее полисное местное самоуправление, сформировалась уже к III в. н.э.⁹⁶. Как и повсюду, муниципальные должности превращались в пожизненные и наследственные. Херсонские протевоны, видимо, являлись верхушкой муниципального совета, имели в нем своих предшественников в первые века н.э., но уже в VI в. они играли в слушании дел чисто техническую роль, заключавшуюся главным образом в выполнении регистрационно-нотариальных функций, свидетельствовании правомочности заключаемых сделок и непосредственном участии в заседаниях совета⁹⁷. Другими словами это были делопроизводители, к которым обращались все слои населения: торговцы, ремесленники, земельные собственники, военные, лица духовного звания, независимо от этнического и социального происхождения.

Городские финансы были поставлены под многоуровневый контроль в правление Анастасия (491–518): функции курий по сбору налогов были переданы виндикам и уменьшилось число тех, кто

⁹² Диль Ш. История Византийской империи. – М., 1948. – С. 86; Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. – М., 1947. – С. 91–92.

⁹³ См. Удальцова З.В., Бибииков М.В., Чичуров И.С. Византистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 6.

⁹⁴ Хвостова К.В. Византийская цивилизация // ВИ. – 1995. – № 9. – С. 36.

⁹⁵ Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 123, 124–126.

⁹⁶ Владимиров А.О. Інститут синедрів в Ольвії та проєдрів у Херсонесі Таврійському в римський період // Археологія. – 2000. – №3. – С. 15–16.

⁹⁷ Ср.: Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... – С. 576. В городах византийской Италии им соответствовали принципалы, которые являлись

участвовал в процессе аккумуляции поступающих налогов⁹⁸. Впрочем, протевоны, возможно, принимали некоторое участие в сборе налогов, тем более, что имперское законодательство наложило на них, как верхушку куриалов, фискальную повинность. На это же намекает наличие в ранневизантийском Херсоне такой муниципальной должности как «отец города» (*pater tes poleos*, иначе *curator* или *defensor civitatis*), к носителю которой в IV–VI вв. перешли функции надзора за общественной нравственностью, которая не мыслилась без контроля за сбором налогов⁹⁹. Однако прямых данных об этом нет, как нет и сведений об участии совета города, протевонов в ремонте городских стен, водоснабжении, канализации и других проблемах городского жизнеобеспечения, хотя это тоже предусматривало законодательство. Аргументы *ad silentio* свидетельствуют в пользу того, что такая деятельность протевонов едва ли была активной. Ведь сфера деятельности совета города, его «самоуправления» сужалась все более и это была общая тенденция, затронувшая всю Империю, самые отдаленные ее анклав¹⁰⁰. С этой точки зрения действительно можно говорить о смерти полиса с конца VI в., об исчезновении старых муниципальных институтов. Городская община зависела все более от радевшего за ее нужды епископа, сотрудничавшего с имперским правительством, и от нескольких, сравнительно немногочисленных местных вельмож, состоявших на византийской службе. Большинство городских функций теперь было сконцентрировано в ведомствах и канцеляриях столицы, которая стала доминировать более, чем когда было, и определять характер византийской культуры и общества¹⁰¹.

В «Книге понтификов» Агнелла (середина IX в.) итальянские «первенствующие» (*proceres omnes*) представлены равносильно нобилям, то есть местной знатью, чье высокое положение в обществе определялось богатством, высоким материальным положением и отчасти тем, что среди них встречались византийские официалы, высшие категории служащих, входившие в этот слой городского населения¹⁰². Это могли быть и зажиточные землевладельцы, владельцы недвижимости и верхушка торгово-ремесленного населения, особенно те,

постоянными, иногда на протяжении всей своей жизни, участниками заседаний совета, превращавшегося в «узкую замкнутую профессиональную корпорацию, занятую главным образом нотариально-регистрационной работой» (см.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 247–248, 251).

⁹⁸ Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). – Барнаул, 2000. – С. 145.

⁹⁹ IosPE, I, №450; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 28–30, № 3 (надпись 383–395 гг.); ср.: *Corpus juris civilis*. – Berolini, 1895. – Vol. 2: *Codex Iustinianus* / Rec. P. Krueger. – I. 55.4; XII. 21.8.

¹⁰⁰ Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 246.

¹⁰¹ Angold M. *Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages*. – New York, 2001. – P. 41–42.

чья деятельность приравнивалась к государственной службе (аргиропраты, навклиры)¹⁰². Обычно протевоны выполняли поручения византийской администрации, выдвигали кандидатов, как правило, трех, на пост епископа города, избирали и контролировали муниципальных должностных лиц, может быть, выдвигали кандидатов на имперские должности архонта (протополита) или кира города¹⁰⁴. Именно как представителей местных потомственных, «истинных (подлинных) семейств» воспринимали Иоанн Скилица и Георгий Кедрин тех 42 протевонов, что были отправлены в 710 г. к василевсу Юстиниану II (*tous men protevontes Chersonos mb ontas phamilikos pros ton basilea exapesteilan*)¹⁰⁵. Всего их, судя по данным Никифора, было 48 (с учетом семи протевонов, казненных на месте, — изжаренных на вертелах)¹⁰⁶. Таким образом, в Херсоне к началу VIII в. жило около 50 семей первенствующих, то есть вместе с их домохозяевами приблизительно 300 человек. Они составляли максимум 5% от всего населения города, который, следовательно, насчитывал примерно 5700 жителей, что близко к цифрам, получаемым иным путем¹⁰⁷.

Сочетание богатства, родовитости, влияния и власти, которую они несли сами и от имени правившего на тот момент государя, было отличительной чертой этого незначительного в количественном отношении слоя горожан, независимо от того, какие конкретно должности большего или меньшего ранга, значения занимали его представители. С этой точки зрения «первенствующим» считался и протополит, и «отец города», и кир, и архонт — глава военно-административного округа, архонтии, и епископ, и пресвитер, хотя положение их, статус и круг обязанностей были неодинаковыми. Отсутствие права на византийские титулы и печати у всех муниципальных

¹⁰² Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger // *Scriptores rerum langobardicarum et italicarum*. — Hannoverae, 1878. — P. 366.

¹⁰³ Бородин О. Р. Указ. соч. — С. 294–297.

¹⁰⁴ Claude D. *Die byzantinische Stadt*... — S. 114, 116; Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... — С. 576.

¹⁰⁵ Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. — Bonnæ, 1838. — Vol. 1. — P. 782. Примечательно, что в это количество попали не только протополит Зоил, но и «архонт Херсона», Тудун или Тондун, который, следовательно, тоже был отнесен византийскими историками к местным (ср.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 64, 164). Это заставляет в очередной раз вспомнить версию о двойном подчинении этого «местоблюстителя», который мог быть назначен в город от лица хагана и утвержден василевсом ромеев (см.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. — М.: Магнитогорск, 2002. — Вып. 12. — С. 509–543).

¹⁰⁶ Феофан называет 68 протевонов, но включает в это число 20 мужей, которые, по словам Никифора, «управляли другими городами» (ср.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 41, 64, 156, 164).

¹⁰⁷ Подр. см.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 347–348.

служащих, кроме архонта и кира, в период существования архонта указывает на то, что большинство из них считалось собственно «штатными» имперскими чиновниками¹⁰⁸. Поэтому можно согласиться с Н. И. Храпуновым, что херсонская административная иерархия в период до образования фемы имела чиновников двух уровней — с печатями, утвержденных императором, и без печатей, не утвержденных императором¹⁰⁹. Они были представителями и василевса, и городской общины. В последнем случае, это свидетельствует о сохранении некоторой автономии на уровне местных органов власти низшего порядка¹¹⁰. В любом случае, их отличительной чертой было не только богатство или родовитость, но влияние в обществе, участие в той или иной степени в управлении, отношение к властным структурам. Просто богатый горожанин или зажиточный крестьянин не обязательно попадал в разряд протевонов, как полагают некоторые исследователи¹¹¹. Относительная же немногочисленность этой страты являлась отражением характерной для социального процесса в городах ранней Византии немногочисленности и недифференцированности слоя городской знати¹¹².

На то, что в период существования стратигиды в Херсоне такие «первенствующие», бесспорно, были чиновной знатью, имперскими функционерами, по рангу соотносимыми с фемными главами, недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария в должности *επί τῶν οἰκειακῶν* — чиновника, имевшего отношение к надзору за имуществами фиска, именными, императорскими доменами в провинции, управлению ими, и одновременно протевона Михаила, какую к X в. могло иметь только официальное должностное лицо из состава столичных служащих, далекое от давно забытых традиций курialesных выборов и античного полисного самоуправления¹¹³. По

¹⁰⁸ Ср.: Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... — С. 577, 578.

¹⁰⁹ Там же. — С. 578.

¹¹⁰ Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дис.... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2004 (рукопись). — С. 239.

¹¹¹ Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... — С. 575.

¹¹² См.: Лебедева Г. Е. К вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского города // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М. Я. Сюзюмова. — Екатеринбург, 1993. — С. 53–55.

¹¹³ Толстой И. И. О византийских печатях херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. — 1887. — Т. 2. — С. 39–40, №13; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983. — С. 159, №43; Степанова Е. В. О конференции памяти А. В. Банк // ВВ. — 1988. — Т. 49. — С. 258; Соколова И. В. О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. — 1991. — Т. 23. — С. 94–102; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. — Washington, 1991. — Vol. 1. — P. 186, №82. 10; ср.: Oikonomides N. Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe — Xe s.). — Athenes, 1996. — P. 276, Append. II; Алексеев Н. А. Протевоны Херсона... — С. 158, 159, 161; ср.: Kazdan

мнению А. Л. Якобсона, его деятельность могла быть связана с окрестными климата и начальством над сельскими старостами этих областей – протами, простатевонтами¹¹⁴. Как и в метрополии, протевоны существовали здесь до конца X – первой половины XI вв.: приблизительно этим временем Н. и В. Зайбт и Н. А. Алексеенко датируют моливдулы «первенствующих» Херсона – царского протоспафария, хрисотриклинита Иоанна, а также патрикия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)¹¹⁵. Ясно лишь, что их функции не совпадали с функциями стратига, на власть которого они не покушались. Тем более бесосновательно видеть во всем этом «некоторые элементы городских свобод», традиции античного самоуправления¹¹⁶.

Даже так называемые «отцы города» (*pateres tes poleos*), известные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах в качестве муниципальных чиновников, по меньшей мере с последней четверти IV века, причем с титулом *vir perfectissimus*¹¹⁷, вновь фигурировали в период существования фемы и обзаводились главным атрибутом чиновника – печатью, как некий Сергей, моливдул которого относится к первой половине X в.¹¹⁸. Это, действительно, была «реально существовавшая должность», возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных, судебных и финансовых функций, должность явно управленческая, если вспомнить все немногое, что известно о ней из слов Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Константина Багрянородного, но отнюдь не самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. На примере истории Равенны видно, что уже к концу VI в. этот магистрат быстро превращался из муниципального в государственного

A. A. Oikeiakos // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1515.

¹¹⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. – С. 20.

¹¹⁵ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... – С. 94; Алексеенко Н. А. Новые находки печатей... – С. 165–167, №14–15; Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона... – С. 155–158; ср.: Nessbit J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Musum of Art. – Washington, 1991. – Vol. 1. – № 82. 10; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS – Washington, 1995. – Vol. 4. – S. 142, № 3.

¹¹⁶ Ср.: Алексеенко Н. А. Новые находки печатей... – С. 167–168; Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона... – С. 160–162.

¹¹⁷ IosPE, I², №449; Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 5–12, № 2; Соломоник Э. И. Латинские надписи... – С. 28–30, №3. Подр. см.: Храпунов Н. И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *pateres tes poleos* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 162 сл.; Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... – С. 578; Храпунов Н. И. О континуитете администрации византийского Херсона. – С. 56.

¹¹⁸ Алексеенко Н. А. Новые находки печатей... – С. 164, № 13.

чиновника высокого ранга, утверждаемого центральным правительством и это шло параллельно падению роли Совета в жизни города¹¹⁹. Видимо, такую же эволюцию он прodelывал и в иных местах, так что поставить знак равенства между ним и не муниципальным, а уже государственным служащим мешает только отсутствие печати, которая вместе с соответствующим имперским саном появится у него после превращения Херсона в фемный город. Наличие же *pater tes poleos* в фемной структуре можно объяснить попытками сохранить угасавший «городской совет» как чиновный орган и переложить на него часть нотариально-регистрационной и налоговой работы, дабы разгрузить стратига. В этом случае патер города мог отвечать за необходимую для Херсона организацию, юридически фиксирующую различные публично-правовые акты, приглядывающую за внутренним порядком и исправным платежом налогов. Примечательно также, что в IX–X вв. титул *pater tes poleos* был неразрывно связан у ромеев с должностью епарха, очевидно, благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием¹²⁰. Без утверждения со стороны центрального правительства, императора такая должность была немыслима в условиях раннесредневекового византийского общества¹²¹, как и должность еще одного имперского чиновника — экдика города, тоже унаследованная, по крайней мере, по названию от ранневизантийской поры¹²².

Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н. А. Алексеенко относит к концу IX — началу X вв., мог распоряжаться в фемном Херсоне только как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии Дикоре, когда отпавлявшие ее получали высокие титулы «светлейших», «сиятельных» — лампротатов (клариссимов) и имели прежде всего полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или «защит-

¹¹⁹ Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne. — Paris, 1888. — P. 93–106; Бородин О. Р. Равеннский экзрхат. — С. 248–249.

¹²⁰ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. — Bonnae: Weber, 1829. — Vol. 1. — P. 264; Guillard R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. — L'Eparque. I. L'eparque de la ville O Eparchos tes poleos // BS. — 1980. — T. 41. — F. 1. — P. 19.

¹²¹ Lecrivain Ch. Remarques sur le formules du curator et de defensor civitatis dans Cassiodore // Melanges d'archeologie et d'histoire. — Paris; Rome, 1884. — T. 6. — Fasc. 3–4. — P. 133–138.

¹²² Rouillard G. L'administration civile de l'Egypte byzantine. — Paris, 1928. — P. 7–8, 63–65, 154, 159, 163; Jones A. H. M. The Greek City From Alexander to Justinian. — Oxford, 1940. — P. 151, 208–209; Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. — Baltimor, 1992. — Vol. 1–2. — P. 144–145, 279–280, 726–727; Dölger F. Parasporea. — München, 1961. — S. 120–121; Claude D. Die byzantinische Stadt... — P. 114–118; Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. — München, 1989. — S. 335, 404.

Рис. 172. Печати представителей византийских властей Херсона: кира (1, 2), епископа (3), куратора (4), экдика (5, 6) (по Н.А. Алексеевко)

ника» — дефенсора города (*pater tes poleos*) (рис. 172. 5, 6)¹²³. Так, в середине VI в. экдик с титулом лампротат был известен как дефенсор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как «славный комит и красноречивый экдик»¹²⁴. Концовка «аминь» после указания должности на херсонесской печати с изображением шестиконечного креста на обратной стороне подтверждает утвердившееся с правления Юстиниана I правило выдвигать в экдики преимущественно священников, как наиболее подходящих для обязанностей ходатаев перед властями и для ведения судебных дел¹²⁵. Фемный экдик, разумеется, не помнил о древнем праве избираться коллегией городской знати, уже не мог председательствовать в Совете полиса и в прежнем смысле защищать херсонитов от злоупотреблений имперской администрации, но, скорее всего, сохранил судебные полномочия по мелким делам, полицейскую власть и функции по сбору некоторых налогов¹²⁶.

¹²³ Алексеевко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления... — С. 162-163, №12; ср. *Corpus juris civilis*. — Berolini, 1895 — Vol. 2: *Codex Justinianus*. — XII. 37.19; Feissel D. Nouvelles donnes sur l'institution du *pater tes poleos* // Dagron G., Feissel D. *Inscriptions de Cilicie*. — Paris, 1987. — P. 219-220. Титул *lamprotates* сохранял свой официальный характер и место в официальной иерархии по меньшей мере до конца VI в. и применялся при титуловании к *argyropates*, *archon*, *egemon*, *legatos*, *pater tes poleos*, *upatikos*, а в византийском Египте — к президу и некоторым пагархам (Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV-VI вв.) // ВВ. — 1964. — Т. 24. — С. 46-48; Rouillard G. *L'administration de l'Egypte byzantine*. — Paris, 1928. — P. 48, 54).

¹²⁴ Koch P. *Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700*. Inaugural-Dissertation. — Jena, 1903. — S. 19, 33.

¹²⁵ Экдики // Полный православный энциклопедический словарь. — М., 1992. — Т. 1. — Стлб. 852.

Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что фемные печати протевонов, «отцов города» и экдиков принадлежали государственным чиновникам отнюдь не античной эпохи, и тем не менее за ними ему продолжает грезиться возрождение «позднеримских институтов внутригородского самоуправления». По его мнению, несмотря на то, что *ekdekos* и *pater tes poleos* Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации¹²⁷. Между тем правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти должностные лица были государственными служащими сети провинциальной гражданской администрации, подчиненной имперскому стратегу, они одновременно представляли власти раннесредневекового византийского города, лишь внешне сохраняя континуитет с былой полисной администрацией¹²⁸. В конечном итоге реорганизация структуры управления в Херсоне после создания фемы привела к тому, что традиционно существовавшие здесь местные муниципалы – «отцы города» оказались наделены полномочиями государственных чиновников, а позже, к концу X в., в связи с исчезновением коммеркиариев, олицетворявших гражданскую власть в феме, к херсонским экдикам или протевонам могли перейти их функции¹²⁹. Поэтому едва ли могли уцелеть «определенные черты внутреннего муниципального управления городским хозяйством при полном контроле со стороны имперских властей»¹³⁰.

Не меняют этого принципиально важного вывода и находки печатей еще одного чиновника – кира Херсона. Это была именно должность, существовавшая в городе по меньшей мере с VIII в. и до создания фемы, хотя аналогичный титул *kyrios* (или *domnus*) – «господин» фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как *illustres*, *magnifici*, *gloriosi*, и отсутствовал в Тактиконах IX–X вв.¹³¹. Именно так назывался кир Исаак, моливдул

¹²⁶ Ср.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 535.

¹²⁷ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... – С. 162-163; Алексеенко Н.А. *Defensor civitatis* (*ekdikos*) и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 100. Ж.-К. Шене без аргументации тоже причисляет экдика, как и *pater poleos*, и протевонов, к «античным институтам» (Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 310).

¹²⁸ Ср.: Успенский Ф.И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. – София. 1900. – Т. 6. – С. 155; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 535–536.

¹²⁹ Алексеенко Н.А. Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 98.

¹³⁰ Алексеенко Н.А. *Defensor civitatis* (*ekdikos*)... – С. 101.

¹³¹ Koch P. Op. cit. – S. 82-83. Примечательно его использование Никифором в «Бревиарии» применительно к наместнику Александрии времен Ираклия I (610–641) (очевидно, уже позднейшие переписчики превратили этот термин в имя собст-

которого с характерной крестообразной инвокативной монограммой, относящийся к VIII – первой половине IX вв., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул ипата и, судя по следам грубой ткани на одной из сторон буллы, занимался опечатыванием неких грузов, отправляемых из Херсона¹³². Еще две недавно найденные печати с такой же крестообразной монограммой, принадлежавшие царскому ипату Льву (см.: рис. 172. 1, 2), как и печать ипата Зоила, Н. А. Алексеенко, учитывая их стилистическую близость, общие иконографические и палеографические особенности, относит к концу VIII – первым десятилетиям IX вв.¹³³, ко времени, когда, судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике, «в земле Тавроскифов, в стране Готфов» (*ton Tauroskeython ges, tes upo ton choran ton Gotthon telouses*), действовали также «кир Готфии и его архонты» (*to kyro Gotthias kai tois archousi autou*), к которым примыкал, очевидно, и «кир Фул» (*o kyrios ton auton Thoulon*)¹³⁴. Впрочем, датировка печатей этого сфрагистического типа неустойчива и может укладываться в несколько больший предел, по крайней мере, во вторую половину VIII – первую половину IX вв. Поэтому безосновательно заявлять, что крымские кыры появились в результате изменения административного устройства в 80-х гг. VIII в. и исчезли, «...когда к 30-м гг. IX в. хазарская угроза спала»¹³⁵.

Такие официальные должностные лица были порождены не протекторатом хазар на территории Готфии, как можно понять Н. А. Алексеенко, а специфическими отношениями кондоминатного статуса Таврики, представляли интересы Византии и учитывали интересы хазар¹³⁶. Н. А. Храпунов тоже относит их к чиновникам, которые могли

венное). Александрийский кир с вedomо императора решал вопрос о введении сбора пошлины с торговли (*empolaiou eismoras*), распоряжался прочими имперскими доходами, поступавшими в результате прямого налогообложения населения Египта, вел переговоры о заключении мира с «филархом» сарацин, но во всех своих действиях был строго подконтролен и подотчетен василевсу, перед которым он был вынужден «оправдываться» в неудачах (Никифора патриарха Константинопольского Краткая история со времен после правления Маврикия // ВВ. – 1950. – Т. 3. – С. 359–360).

¹³² Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. – 1939. – №1. – С. 123, №1; Соколова И. В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 208; Соколова И. В. Монеты и печати... – С. 114, 146, №4.

¹³³ Алексеенко Н. А. Новые находки печатей... – С. 160–161, №8–9; Алексеенко Н. А. Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Сугдея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси – Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 21.

¹³⁴ Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 401, 404, гл. 1; с. 416–417, гл. 5; с. 424–425, гл. 9.

¹³⁵ Алексеенко Н. А. Херсон на византийско-хазарском пограничье... – С. 21; Могаичев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 169–170.

существовать во всех приграничных районах Империи и отвечать за взаимоотношения с варварами, в данном случае, с хазарами¹³⁷. Эти обтекаемые определения, видимо, гораздо ближе к истине, нежели заявление Ж.-К. Шене, который без каких либо оснований считает возможным подразумевать под киром Херсона «представителя, которого направлял в город хазарский каган»¹³⁸. Будь оно так, у этого «представителя кагана» с византийской печатью и с типичным во всех случаях греческим именем была бы довольно странная, ничем не объяснимая функция – пересчитывать тюки с чужими грузами, прибывавшими и уходившими в чужую страну. Разве что за эти «труды» византийцы и почтили его, как и остальных, имперским самым ипата.

В.Е. Науменко преуменьшает значение наличия у местного правителя византийского сана и моливдула и сводит их появление к «традиционному дипломатическому приему Византии в приобщении варварских народов и независимых политических образований на гарницах империи к «византийскому содружеству наций»¹³⁹. Однако в отношении византийского архонтата Херсона, давно и прочно привязанного к Романии, это едва ли было необходимо: скорее, такой прием подходил бы для политики в отношении киров Готфии, но они как раз оставлены без титулов и печатей. Скорее всего, кiry Херсона получили свое название не «от привычного титула соседствовавших с ними варварских владык», а наоборот, эти правители «в силу все той же традиции» заимствовали его из ромейской практики¹⁴⁰.

Еще более голословно считать херсонских киров руководителями «городского самоуправления», которые были упразднены после (читай – вследствие) учреждения фемы¹⁴¹. В этом случае они дублировали бы полномочия имперского архонта, имевшего всю полноту власти на вверенной ему территории архонтата, по сути дела, замещали его¹⁴². По той же причине кiry не могли быть некими византийскими наместниками в области Херсона. Самое большее, в них можно видеть преемников херсонских господ, «первенствующих», первых горожан, но опять-таки как представителей местной знати и имперской администрации, действующих под присмотром

¹³⁶ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... – С. 160-161; Алексеенко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье... – С. 21–23; Алексеенко Н.А. Имперская администрация на хазарско-византийском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – С. 14.

¹³⁷ Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... – С. 574.

¹³⁸ Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 311.

¹³⁹ Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... – С. 130.

¹⁴⁰ Ср.: Алексеенко Н.А. Имперская администрация... – С. 14.

¹⁴¹ Айбабин А.И. Этническая история... – С. 215, 216.

¹⁴² Ср.: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 475, 487.

византийского архонта, может быть, как заместители последнего прежде всего по вопросам контроля за прохождением товаров и сбора налогов, податей. Подробнее об их функциях при современном состоянии источников нам вряд ли удастся узнать. Об исчезновении этих киров в начале IX в. вследствие обострения хазарско-византийских отношений можно говорить предположительно. В Тактиконах 842–843 гг. и 899 г. они действительно отсутствуют, но ведь в них отсутствуют и протевоны, «отцы города», что не помешало им появиться в сфрагистическом материале Херсона фемного периода¹⁴³.

Все эти лица были православные правители (*rex*¹⁴⁴), игемоны (*ton eparchion egemones*¹⁴⁵), в ситуации кондоминатного византийско-хазарского владения в Крыму радевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары «подчинили страну их» (*me katakyrieusai tes choras auton*), то есть «страну Готфов»¹⁴⁶. Беспочвенно видеть в указании на обычный хороним проявление административной власти готов, которая якобы противопоставлялась власти Византии и Хазарии и выливалась в существование «маленькой самостоятельной христианской державы» в Готфии, а значит, и в Боспоре¹⁴⁷. Херсониты тоже имели свою администрацию, что не мешало им находиться под контролем Империи. К тому же в действиях этих местных киров и архонтов то и дело проглядывает ориентировка на указания Константинополя, стремление сохранять личину верноподданных василевса ромеев. Во всяком случае, именно так обстояло дело, когда 24-летний Константин VI отправил в монастырь свою законную жену Марию, навязанную ему матерью, и вопреки воле патриарха, обручился со своей любовницей (причем, возможно, даже дальней родственницей), кувикуларией Феодотой, одной из дворцовых служительниц при опочивальне императрицы Ирины, а вскоре венчал бывшую придворную на царство. В обеих версиях Жития Феодора Студита, составленных в последней трети IX в. и в X в., скорее всего, со слов игуменов – преемников Феодора Студита, содержится любопытная и многозначительная подробность: около 795 г. правители (*egemones* или *rex*) Лонгивардии, Готфии и игемон или топарх Боспора (*Vita A* – *outos o Bosporou, outos o Gotthos, outos oi loipoi ton eparchion egemones*; *Vita B* – *outo gar Longibardias rex outos o tes Gothias outos o tes*

¹⁴³ Ср.: Алексеев Н. А. Имперская администрация... – С. 14.

¹⁴⁴ *Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (version II) // PG. – Turnhout, 1976. – T. 99. – Col. 252.*

¹⁴⁵ *Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (version I) // PG. – Turnhout, 1976. – T. 99. – Col. 137.*

¹⁴⁶ Житие Иоанна Готского. – С. 416. Подр. см. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 232–240.

¹⁴⁷ См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 47, 143.

Bosporou toparches) последовали за беззаконным «прелюбодеем» Константином VI, то есть по его нечестивому примеру взяли себе новых жен, отчего от общения с ними отказались якобы все епископы (oi episkopoi), пресвитеры (oi presbyteroi) и «благочестивые первые из монахов» (te kai osoi protoi ton monachon) в окружающих местностях (kai tous perix topous) – климата Херсона (en tois klimasi tes kata Chersona) и «боспорские соседи» (kai Bosporon paroikias)¹⁴⁸. Об этом зле, совершенном «отдаленными властителями и начальниками» (tois porro kratousin kai archousin) «в Лонгивардии и Готфии и ее климата» (en te Longibardia kai Gotthia kai tois klimasin autes), долго помнили, о чем Феодор писал в 808 г. к саккудийским братьям¹⁴⁹.

Как уже было отмечено, «игемоном инородцев (народа, племени)» (tou ethnous egemonian) называл правителя «одной из климата Таврики» (kath'en ton Taurikon klimaton) Игнатий Диакон – младший современник агиографа Иоанна Готского¹⁵⁰. По его словам, этот иге-мон «старался развестись со своей женой, чтобы на место ее привести какую-то распутницу», однако патриарх Никифор, пришедший к власти в 806 г., действуя «пером и чернилом», «поставил себе задачей очистить его от предосудительного греха, представил письменными наставлениями и угрозами согрешение перед его лицом, и что он, если не захочет воздержаться от него (согрешения), этим по справедливости будет подвергнут». Следовательно, и в этом случае речь шла о православном правителе, вполне управляемом, по крайней мере, послушном воле высшего должностного лица византийской

¹⁴⁸ Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II). – Col. 252; ср.: Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I). – Т. 99. – Col. 137; Латышев В. Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 // ВВ. – 1915 (1914). – Т. 21. – Вып. 3–4. – С. 268, sec. 18; с. 269, sec. 29; Vasiliev A. The Goths in Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 105, note 3; Sevenco I. Hagiology of the Iconoclast Period // Iconoclazm. – Birmingham, 1977. – P. 116; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 68–69. По мнению А.И. Айбабина, термин «топарх» отсутствовал в официальной византийской чиновной иерархии в IX–X вв. и был вставлен в текст жития позднейшим переписчиком не ранее XI в. (см. Айбабин А.И. Этническая история... – С. 188, 210). Однако эта поправка, даже будучи принята, не меняет суть моих рассуждений.

¹⁴⁹ Theodori Stiditae Epistola / Ed. G. Fatouras. – Berlin; New York, 1992. – Vol. 1. – Ep. 31, 92–97; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 69–70.

¹⁵⁰ Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 160. 20–30; Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии // Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 21, гл. 28; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 72.

Церкви, который мог его подвергать соответствующему наказанию. Следует учесть, что византийская элита порой сознательно давала местным этническим формированиям возможность политического роста, чтобы осуществлять управление через них и их глав¹⁵¹.

Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров или игемонов — «господ», «государей», «владык» — глав местных «архонтий» остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать наместников, чиновников приграничных, кондоминатных областей Византии¹⁵², то собственно городские кiry не формально, но по существу вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате дофемного периода и на имперской сановной лестнице. Нет оснований видеть в этой должности некую «особую форму правления», возникшую в Херсоне лишь на рубеже VIII–IX вв. в силу «сложной политической ситуации» и необходимости учитывать как интересы города, так и Византии и хазар, поскольку состояние кондоминатного сосуществования сложилось в Таврике гораздо раньше и, следовательно, условия для деятельности такого должностного лица были не новыми¹⁵³. Был ли он главой местных властей или существовал одновременно с другим главой, византийским чиновником — архонтом, тоже остается неясным, хотя отпечаток упаковочной ткани на моливдуле Исаака может служить указанием, что контроль за прохождением товаров, грузов через город, а значит, сбор налогов, пошлин, доходов мог быть изъят из ведения главы

¹⁵¹ Ср.: Stephenson P. *Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204.* — Cambridge, 2000. — P. 38–45, 80–114.

¹⁵² Существование неких провинциальных областей, архонтатов в Крыму не обязательно должно было означать полного административного или правового уравнения их населения с остальным населением Империи, однако нельзя отрицать значимость этого политического средства для интеграции «туземцев» в состав Византии, как видно на примере славянских архонтатов, чьи главы занимали соответствующее место в византийской иерархии, утверждались в должности императором и постепенно переходили в подчинение стратига фемы или вообще заменялись византийским чиновником (Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников Византийской империи в VII–X вв. // *Византия между Западом и Востоком.* — СПб., 1999. — С. 73–74). Уже до образования полуавтономных архонтатов их население могло пройти ряд промежуточных форм зависимости от Романии, которая началась с превращения «аланоготов» в имперских экспондов, затем вылилась в требование военной помощи для дуката, в сбор дани — пакта или налогов, в выполнение различных работ, особенно по строительству укреплений и храмов, в необходимости поставки сельскохозяйственной продукции в Херсон. Эти повинности, обязательства в свою очередь начинали действовать как экономический механизм интеграции местного варварского населения в византийскую систему, тогда как постепенное и длительное культурное, идеологическое воздействие христианства, его распространение среди сельского населения Таврики вели к овладению им элементами ромейской культуры, особенно греческим языком и письменностью.

¹⁵³ Ср.: Алексеенко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье... — С. 21–23.

архонтата и сосредоточен в руках кира, поскольку до образования фемы в городе не было собственных коммерциариев, контролировавших торговлю, внешний обмен и имевших функции налоговых инспекторов, тогда как для отчетности перед логофессией геникона требовались местные функционеры. Название именно этих провинциальных имперских чиновников, существовавших отнюдь не эпизодично и, судя по редкому имени Зоил, рекрутируемых из местной среды, могло быть перенесено на глав Готфии, Фул и закрепится за ними по традиции. Видимо, не случайно государей Феодоро греки тоже продолжали называть «архонт» (archon) или «кир» (kyr)¹⁵⁴. Вместе с тем, предоставление василевсом соответствующего сана кирам Херсона наиболее убедительно указывает на то, что это не были независимые, самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях¹⁵⁵. Вообще, надо учесть, что свобода в тех условиях была бы слишком тяжелой ношей, лишала бы покровительства и с этой точки зрения оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае, в былом «демократическом», полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии, а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную автономию не просто в виде вынужденного компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром¹⁵⁶.

Херсон не имел условий для политической самостоятельности, для антиимперских центробежных тенденций, ибо общественные отношения средневекового общества в VII–VIII вв. в нем только зарождались, а общая политическая ситуация, особенно поддержание системы византийско-хазарского condominiuma в Таврике, тоже не располагали к сепаратизму или автономии. Следует принять во внимание также политическое, экономическое и ментальное значение привилегий и льгот, которыми Империя привлекала на свою сторону местные господствующие слои. Лишиться их означало потерять полученные преимущества и саны. Даже тяга к державному престижу

¹⁵⁴ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 144.

¹⁵⁵ Отнесение А.И. Романчук упоминания в источниках ромейского чина ипата к доказательству существования самоуправления в Херсоне нельзя воспринимать иначе, как курьез, следствие описки (см.: Романчук А.И. Очерки... – С. 206).

¹⁵⁶ См. Заливалова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 156.

ромеев должна была толкать херсонитов к распространению «чувства единой родины» на саму «светоносную Империю»¹⁵⁷. Наконец, наличие административного центра византийской власти на полуострове не давало возможность местным лидерам из числа архонтов, простатевонтов, киров мелких округов, если таковые лидеры имелись, стать полностью независимыми от Романии.

Призрачность, формальность этой «свободы» (*eleuteria*), предоставления которой херсониты в последний раз просили у императора Константина I наряду с освобождением от налогов (*ateleia*)¹⁵⁸, подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей с того времени жизнь города. Бдительное око имперских властей то и дело обращалось к Херсонесу даже до того, как он окончательно вошел в состав Империи, а императоры не забывали его в своих указах, эдиктах. В связи с этим стоит еще раз обратить внимание на рассказ составителя Житий св. епископов Херсонских о присылке в город из Константинополя епископа Капитона, долженствовавшего покончить с местной «идоломанией» и окончательно обратить херсонеситов в христианство. Вместе с ним прибыло не только 500 стратиотов (*pentakosiois stratiotais*), посланных по распоряжению императора, но, что особенно примечательно, некий Феона, который назван «обладающим властью (начальствованием)» (*kai Theona to ten epistasia echonti*)¹⁵⁹. В таком случае «надзор (внимание, забота)» (*epistasia*) этого аморфно обозначенного агиографом имперского должностного лица, появившегося в Херсонесе рука об руку с главой духовной власти, скорее всего, в период между 385 и 395 гг.¹⁶⁰, не могли не коснуться городского самоуправления, его главы – «венценосца и первенствующего» (*stephanophores kai proteuon*), архонта, «отца города» и прочих членов совета, протевонтов, оказавшихся у него в подчинении, так что херсонеситы из «союзников», «помощников» Империи (*symmachias*) с этого времени наконец действительно оказались «подлинными подчиненными василевса ромеев» (*autous urekoous tes Romaion basileias*)¹⁶¹. Таким образом, официальное утверждение христианства в Херсонесе и формальное включение города в состав Империи могли произойти одновременно уже в конце IV в.

¹⁵⁷ Ср.: Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1991. – Т. 222: Праці історико-філософської секції. – С. 19.

¹⁵⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 53. 110–119, 137–145, с. 252–253.

¹⁵⁹ Лавров П. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 157, sec. 14.

¹⁶⁰ См.: Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. – 1994. – Вып. 4. – С. 548–549.

¹⁶¹ Ср.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 53. 2–233, с. 246–259.

Как бы ни был интерпретирован плохо сохранившийся фрагмент одного из декретов времен правления императора Гонория (395–423), он, а возможно, правившие одновременно с ним Аркадий и Феодосий II (408–450), предписывали нечто херсонитам, не спрашивая разрешения у «самоуправляемого» города¹⁶². 24 сентября 419 г. датируется совместный рескрипт правителей Западной и Восточной Римской империи Гонория и Феодосия II об «умалении наказания» (*imminenti poena*) и освобождении из тюрьмы тех, кто передал или продал (*tradiderunt*) варварам знания о строительстве кораблей (также предлагалось поступать с подобными уголовными преступлениями на будущее), причем весьма примечательно, что постановление, возбужденное благодаря просьбе или иску (*petitium*) «мужа почтенного Асклепиада, епископа города Херсонеса», было адресовано префекту префектуры Востока Монаксию, который, следовательно, контролировал деятельность херсонесского городского управления¹⁶³. Впрочем, рескрипт не обязательно мог иметь отношение к Херсонесу Таврическому. С не меньшим основанием Асклепиад мог быть епископом города Херсонеса Фракийского, ибо во Фракии после захвата Рима Аларихом в 410 г., как и в Таврике в правление Феодосия I (379–395), тоже было разрешено селиться готам и, следовательно, неизвестные выдали секрет этим варварам или, скорее, гуннам, не знавшим морского дела¹⁶⁴. Диоцез Фракия входил в префектуру

¹⁶² Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 16, рис. 2,1; Шангин Н.А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 81–83, №3; Сидоренко В.А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма. – К., 1987. – С. 138–139; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 67; Храпунов Н.И. К дискуссии о греческой надписи из Херсонеса с именем императора Гонория // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 268–271.

¹⁶³ *Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer. – Berolini, 1905. – Vol. 1. P. 2. – 9.40.24 (*monaxio praefecto praetorio. his, qui conficiendi naves incognitam ante peritiam barbaris tradiderunt propter petitionem viri reverentissimi asclepiadis chersonesitanae civitatis episcopi imminenti poena et carcere liberatis capitale tam ipsis quam etiam ceteris supplicium proponi decernimus si quid simile fuerit in posterum perpetratum. dat. VIII kal. octob. constantinopoli monaxio et plinta cons.*). См.: Айбабин А.И. Этническая история... – С. 83; ср.: Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 146; Храпунов М.И. Адміністрація Херсона наприкінці IV–VIст. // Археологія. – 2000. – № 1. – С. 59; Храпунов Н.И. О средневековом названии города Херсона (по данным церковных источников) // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 43.

¹⁶⁴ Ср.: Сидоренко В.А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет... – С. 138–139; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое

Востока, и поэтому закономерна адресовка рескрипта префекту претория Востока. Но даже если дело обстояло таким образом, сам по себе документ примечателен и отражает общую направленность имперской политики того времени по отношению к провинциальным городам, которой наверняка не избег Херсонес с его продолжительной ориентировкой на подконтрольность государственным властям, размещавшимся на территории Западного Понта¹⁶⁵. Следует заметить, что императорской властью было давно возложено на город отправление корабельной повинности, связанной с поставками судового снаряжения (*ta ploima*), причем отменена она была, да и то, видимо, ненадолго, опять-таки императорским решением только в последней четверти VI в.¹⁶⁶

В период правлений Зинона–Юстиниана I гражданские дела в городе по-прежнему находились в ведении префектуры Востока, а контроль за вооруженными силами и военная помощь городу могла осуществляться военным магистром Фракии, что не исключало деятельности здесь имперских офицеров – трибунов, комитов, присылаемых в Херсонес с конкретными имперскими поручениями¹⁶⁷. Будучи проводниками государственной политики, они курировали город, по сути дела считавшийся имперским задолго до правления Юстиниана I. Комиту в свою очередь, вероятно, подчинялся викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом (*prakteion*), занятым сбором разнообразных податей, налогов с горожан и жителей округи, вероятно, рыночных, таможенных и корабельных пошлин, часть которых, как и прежде, шла на содержание имперского военного гарнизона, псевдополевых пограничных войск местного формирования и на оборонительное строительство¹⁶⁸.

переселение народов. Этно-политические и социальные аспекты. – М., 1999. – С. 299; Нефедкин А.К. Морское дело у готов в середине III – середине VI вв. // Иресснона. Античный мир и его наследие. – Белгород, 2002. – Вып. 2. – С. 48–56.

¹⁶⁵ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 41–99, 126–147; Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. – 1994. – № 4. – С. 58–86; Смышляев А.Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурния Аполлониды // ВДИ. – 1996. – №3. – С. 141–147.

¹⁶⁶ *Corpus juris civilis*. – Berolini, 1904. – Vol. 3: *Novellae* / Rec. R. Schoell. *Opus Schoelli morte interseptum absolvit G. Kroll*. – Nov. 163, cap. 2 (следует обратить внимание, что новелла распространяла податные льготы лишь на ближайшие четыре года).

¹⁶⁷ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 146–147; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв. – С. 118–121; ср.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 22; Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 138; Храпунов М.І. Адміністрація Херсона наприкінці IV–VIст. – С. 60.

Таким образом, наблюдается четкая бюрократическая вертикаль власти, соответствующая позднейшим византийским стратигу, протонотарию, хартуларию и диойкиту или коммеркиарию. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредотачивался надзор за военной и гражданской властью, так как кроме командования войсками, он еще так или иначе контролировал городские финансы, распоряжался ими. Похоже, задолго до введения в Империи феменной системы, управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников, то есть соблюдалась преемственность в развитии. Следует подчеркнуть, что подобный континуитет в сфере административного управления, предусматривавший сохранение за имперскими сановниками некоторых унаследованных от античности должностей местного госаппарата (архонта, «отца города», экдика, протевона, кира), наряду с введением официальных имперских должностей (дуки, стратига, комита *tes kortis*, турмарха, протонотария, коммеркиария, нотариа *epi ton oikeakon*, хрисотриклинита, стратилата), прослеживается на протяжении всего раннесредневекового периода вплоть до конца X — первой половины XI вв.

В конце правления Юстиниана I и позже, при Юстине II и Маврикии Тиверии, в городе все так же сохранялось присутствие имперских офицеров, государственных чиновников¹⁶⁹. Только вмес-

¹⁶⁸ Н. И. Храпунов верно обратил внимание, что этот викарий как чиновник должен иметь определенное место в византийском аппарате. По понятным причинам, это не мог быть гражданский викарий — правитель диоцеза — слишком большая величина для Херсона. Военный викарий тоже должен был находиться при военном магистре и его постоянное пребывание в окраинном городе столь же маловероятно. Возможность деятельности в отдельных местах других викариев меньшего ранга исследователь тоже отмечает, предлагая выражение известной херсонесской надписи 488 г. — *bikaratos ton ballistaron* — понимать в дословном значении — «управление баллистариев», которое мог возглавлять «кто-либо, например, трибун — офицер» (Храпунов М. И. Адміністрація Херсона... — С. 59-62). Таким образом, Н. И. Храпунов все же признает за военным первоначально отвергаемую возможность выполнения гражданской функции, связанной с контролем за финансовыми вопросами, сбором податей. Впрочем, если это был не викарий военного магистра Фракии (см.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона... — С. 120) и не местный, специально назначенный в Херсон викарий, так сказать, викарий викария, то и не трибун, поскольку во второй половине V в. они не зафиксированы, а в византийских источниках эпохи «темных веков» трибуны стали фигурировать в качестве старшего офицерского чина в пехоте, подчиненного domestici чисел (*ton pouthepon*) и соответствовавшего комиту тагмы.

¹⁶⁹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. — 1906. — Вып. 18. — С. 121-123, №37; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. — 1986. — Т. 47. — №4; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — СПб., 1896. — С. 107, №99; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — С. 67-68.

то трибуна или комита в Херсон около середины VI в., точнее, не позже 70-х гг. VI в., связанных с усилением тюркской опасности, с аналогичными функциями присылается дука (*doukos Chersonos*)¹⁷⁰, которого следует рассматривать в качестве представителя верховной власти Империи на Крымском полуострове, а подконтрольную ему территорию считать пограничным дукатом на манер дукатов на территории соседних Малой Скифии и Нижней Мезии в Западном Причерноморье. Этот чиновник мог даже купить свою должность. Во всяком случае, известно, что в середине VI – начале VII вв. диплом правителя провинции в Нижнем Подунавье приобретали, уплатив в столичное ведомство управления царскими покаями или в канцелярии императора, префекта претория сумму, колебавшуюся в пределах 63–76 солидов, по размерам сравнительно небольшую, приблизительно равнявшуюся годовому доходу семейного владения византийского крестьянина¹⁷¹. Изменения в административной системе управления в сторону ее военизации, сосредоточения власти в руках военного командира могло быть вызвано нарастанием опасности со стороны Великого Тюркского каганата, когда потребности обороны резко выступили на первый план и вызвали необходимость назначения в пограничную епархию-провинцию дуки (дукса), – единого руководителя всей здешней иерархии византийского управления, в отличие от прежней, недостаточно сбалансированной и поэтому малоэффективной, трудно управляемой системы из префектов претория, военных магистров, имперских офицеров-порученцев и местных «первенствующих».

С.А. Беляев пытался разграничить императорских чиновников и местную городскую администрацию, «городское самоуправление» ранневизантийского времени, полагая, что «чиновники ведали сбором денег, подлежащих отправке в казну, а городские власти – на нужды города»¹⁷². Однако это упрощенное, искусственное построение

¹⁷⁰ О возможном появлении дуки в Херсоне не ранее 549 г., судя по изменению типа местной монетной чеканки, см.: Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 362–363. Это увязывается с предположением, что создание единого дуката в Таврике произошло «...в последние годы правления Юстина II для противодействия пришедшим с востока тюркютам» (Сорочан С.Б. Око и щит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 325–333; Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – С. 382).

¹⁷¹ Кулаковский Ю. История Византии. – К., 1912. – Т. 2. – С. 268; ср.: Антониадис-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 27.

¹⁷² Беляев С.А. Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI в. // ПС. – 1987. – Вып. 29 (92). – С. 80.

не соответствует реальной административной практике, ибо на деле подобного «двоевластия» в условиях второй половины VI в., а тем более VII в. уже быть не могло. Прежде всего, дука командовал воинским контингентом, регулярными вооруженными силами, которыми, очевидно, было заменено прежнее подразделение баллистариев, являлся комендантом города и правителем края, совмещавшим военную власть с гражданской, а кроме того стратилатство, которое выступает в ранневизантийских источниках одновременно и как титул, и как должность, наконец, обязан был участвовать в решении дел местного гражданского, в том числе финансового управления¹⁷³. Он наверняка наблюдал за монетной чеканкой, которая была поручена, скорее всего, местным ремесленникам, и уже поэтому никакого волеизъявления «полисной свободы» в монограммах, легендах выпускавшихся в городе монет быть не могло¹⁷⁴. С таким же успехом это «волеизъявление» можно было бы искать в пропагандистской легенде «FELIX CARTHAGO» на североафриканских монетах Юстина II (565–578)¹⁷⁵. Примечательно, что в херсонесской надписи времен правления этого императора вместе с дукой упоминаются еще некий чиновник с титулом «светлейший», название должности которого не сохранилось (комит, архонт?), но который, вероятно, был служащим в администрации дуки, по крайней мере, ему подчинялся, поскольку был указан сразу вслед за дукой¹⁷⁶. С появлением этих имперских должностных лиц местные «правители», архонты и протевоны, все еще уживавшиеся с ними, несомненно лишились остатков своих прежних законодательных и внешнеполитических полномочий, а прочие стали осуществляться под контролем дук. Самостоятельная активность их снижалась¹⁷⁷.

Симптоматично, что тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемые энспонды или симмахи – союзники, федераты Империи, ополченцы, среди которых главенствовали аланы, германцы – готы и балты¹⁷⁸. Экономический контроль за

¹⁷³ Подр. см.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Указ. соч. – С. 123–124; Сорочан С. Б. Око и щит Империи. – С. 325–331.

¹⁷⁴ Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Указ. соч. – С. 122.

¹⁷⁵ Solomon M. Mennictwo byzantynskie. – Krakow, 1987. – S. 119.

¹⁷⁶ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.). – С. 122, №37; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма. – №4.

¹⁷⁷ Подобная ситуация прослеживается в византийской Армении, где рядом с властью комитов и дуксов все же оставалась ограниченная власть местных нахараров (см.: Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. – Ереван, 1971. – С. 45, 116–119).

¹⁷⁸ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма... – С. 68; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 191; Герцен А. Г.

ними, их зависимость от платежей за военную службу, зависимость от поставок импортной продукции из Херсона, включение в сферу византийских товарно-денежных, культурных отношений говорит и об определенном политическом контроле Империи в зоне этих областей — архонтий, их поселений, полисм и кастра¹⁷⁹.

Очевидно, для удобства сношения с ними и их «старшими» — простатевонтами, назначенными начальствовать над несколькими десятками районных центров, в городе были особые имперские служащие — толмачи, переводчики (*ermeneutai*), скорее всего, нанятые из числа грамотных, образованных местных жителей, хорошо знавших греческий и языки «варваров». Два экземпляра моливдула такого ерминевта, Стефана, датируются второй половиной VI — первой половиной VII вв.¹⁸¹, как раз укладываюсь в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых «больших стен», а затем отдельных кастра, фрур в Инкермане, на Эски-Кермене, Мангуле, Бакле и в других местах «хоры Дори» или «архонтий» — зависимых от Империи административных областей Таврики. Не позже правления Льва III Исавра (717–741) ерминевтов как имперских чиновников можно обнаружить включенными в ведомство логофета дрома, которое занималось внешними связями, почтой, отправкой своих и приемом чужих посольских миссий, сбором разведывательной информации, следило за состоянием дорог, организовывало обмен или выкуп пленных¹⁸². Следовательно, эти лица не имели отношения к «местному самоуправлению».

На время наиболее напряженных отношений с тюрками в 70-80-е гг. VI в. приходится моливдовулы императоров Тиверия Константина и Маврикия Тиверия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизи-

Мангуп — крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докладов международ. конф. — Симферополь, 1994. — С. 10-11; Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международный. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. — Симферополь, 1997. — С. 33; Айбабин А.И. Этническая история... — С. 111-120; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф.... дисс. докт. ист. наук / МГУ. — М., 1999. — С. 34-35, 37.

¹⁷⁹ Герцен А.Г. Мангуп — крепость федератов. — С. 10.

¹⁸¹ Соколова И.В. Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 206, №14, 15; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 26). — Барнаул, 1996. — С. 193-194, рис. 4.

¹⁸² Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. — London, 1911. — P. 92, 140, 93; Oikonomides N. Les preseance byzantines de IXe-Xe siecles. — Paris, 1972. — P. 117, 312; Bartlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome // Cato Journal. — Washington, 1994. — Vol. 4. — №2. — P. 15.

ровалась и имперские чиновники, Церковь, городская община активно взялись здесь за организацию общественного строительства, в том числе, можно думать, самых крупных христианских храмов¹⁸³. Впрочем, все это едва ли существенно изменило уже сложившийся к середине VI в. имперский статус города, поэтому власть дуки над ним и, видимо, некоторыми другими центрами, архонтиями Таврики нельзя рассматривать в качестве некоего новшества, свидетельствующего о наконец-то состоявшемся правовом включении здешних земель в состав Империи. С точки зрения византийцев это была провинция уже давно, едва ли не с часов Диоклетиана, живущая по имперским законам, повинующаяся повелениям императоров и населенная «подлинными подчиненными василевса ромеев» (*autois ypekoous tes Romaion basileias*)¹⁸⁴. Как уже было сказано, искать формальный момент такого включения херсонитов в число граждан Империи, дело безнадежное, поскольку оно представляло собой не единовременный акт, а стадию длившегося столетиями, постепенного вживания в этот статус с одновременным, как и в других ромейских городах, размытием, забвением полисной, «приличествующей свободы» (*o te dexias eleutherias*), не осуществимой на деле уже в условиях IV–V вв., не говоря о более позднем периоде.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 г., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, самих императоров, о чем свидетельствуют находки двух моливдулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (около 616–625 гг.)¹⁸⁵. Невозможно согласится с тем, что ко второй половине VII в. город из центра византийской епархии, более того, дуката, превратился лишь во «внешний торговый пункт в системе византийской клиентуры»¹⁸⁶. Если крестообразная монограмма на моливдуле второй половины VI–VII вв. из полисматона Парфениты верно раскрыта как «Константина дуки» (см.: рис. 29), это еще один аргумент в пользу сохранения ромейского присутствия и ромейской власти на полуострове¹⁸⁷. Сфера влияния дуката продолжала включать города, округа — архонтии, кастра, полисмы и прочие поселения Таврики от Херсона до Боспора включительно, соседями которых стали бежав-

¹⁸³ См.: Алексеев Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора... — С. 145–146, 148–150, №6–7; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья... — С. 35–37.

¹⁸⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 53. 47–48, с. 248–249; гл. 53. 118–119, с. 252–253.

¹⁸⁵ Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX вв. — С. 204, №3; Алексеев Н. А. Провинциальный Херсон... — С. 145–146, №8–9.

¹⁸⁶ Ср.: Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. — 2001. — Вып. 8. — С. 168.

шие от хазар булгары-оногуры, как и аланы с готами, получившие статус федератов Империи и сохранявшие с ней дружественные отношения¹⁸⁷. Ссылные монахи-антимонафелиты Феодор и Евпрепий находились в этих кастра в середине VII в. именно потому, что они оставались под византийским контролем, а не «во власти готов или непосредственно хазар» (последних здесь в это время еще не было и не могло быть).

Дукат был формально ликвидирован и заменен архонтатом не «в течение VII в.»¹⁸⁹, а не ранее последней четверти – конца этого столетия, поскольку соседство Крымского полуострова с могущественной Хазарией, установившееся к этому времени, вызвало необходимость оформления на здешних землях нового статуса – византийско-хазарского кондомината, предусматривавшего взаимное мирное сотрудничество. Это обстоятельство не могло не заставить византийцев отказаться от режима дуката с его обязательным военным присутствием в пограничном анклав, и перейти к более гибкому режиму архонтата с его иллюзией псевдоавтономии, в котором городу было суждено оставаться вплоть до конца 30-х – начала 40-х гг. IX в., когда он был возведен в ранг государственной военно-административной единицы – фемы в связи с развалом все того же кондоминиума¹⁹⁰.

Расправа, учиненная Юстинианом II над двумя десятками окрестных протастевонов (*ton eteron prostateuontas polismaton*) в 710 г., свидетельствует в пользу того, что, несмотря на установление с конца VII в. особых византийско-хазарских отношений в Крыму, обширная внегородская зона оставалась в подчинении властей Херсона – центра военно-административного округа, на тот момент уже архонтата, в свою очередь включавшего ряд более мелких округов, и даже в момент сурового испытания это единение не было поколеблено: карательные акции не заставили широкие слои населения местных, региональных архонтий, полисм видеть в византийцах завоевателей и врагов¹⁹¹. И в дальнейшем если не сами василевсы, то их ближайшие приближенные, то и дело решали какие-то проблемы, связанные с городом. В частности, на это указывают находки

¹⁸⁷ См.: Панченко Б. А. Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. – 1918. – Вып. 6. – С. 163, рис. 5. Расшифровка монограммы любезно предложена мне Е. В. Степаненко.

¹⁸⁸ Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дисс.... докт. ист. наук. / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 32; Майко В. В. Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 148.

¹⁸⁹ Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... – С. 569.

¹⁹⁰ Ср.: Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 376, map 11; p. 443.

¹⁹¹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. – С. 156, 164.

печатей второй трети VIII в., принадлежавших некому Стефану: на одной из них он назван служителем при опочивальне императора – кувикуларием и *epi tes basilikes trapezes* (царским стольником), а на другой – кувикуларием и начальником императорской спальни, главным спальничим – паракимоменом (*parakoimomenos*)¹⁹². В появлении этих моливдовулов можно видеть усиление влияния и позиций Империи после сокрушительного разгрома арабов у Акроина (недалеко от Амория) в 740 г. и других славных побед, одержанных Львом III Исавром. Тогда же у городов, а значит, и у Херсона, была отменена обязанность заботиться об оборонительных сооружениях, поддержание которых теперь государству, что еще больше укрепило политику централизации и нанесло очередной удар ответшальным традициям «полисного самоуправления»¹⁹³. Попытки некоторых городов в Сицилии и Италии организовать заговоры и мятежи закончились казнями сепаратистов. Население Сицилии и Калаврии подверглось переписи и было обложено той же подушной податью, что и прочие ромен. Не исключено, что административно-государственная политика «завинчивания гаек», отчетливо прослеживаемая уже с правления Юстиниана II, отразилась в это время и на Херсоне. Следует учесть, что кувикуларии были исключительно из числа евнухов; они находились в услужении, выполняли самые разные поручения императора или августы, как личные, так и вполне официальные, например, доставляли плату войскам. Главный же спальничий являлся особенно доверенным лицом василевса¹⁹⁴.

В Империи все платили налоги, сборы, подати и несли повинности. Традиционная византийская «теория налогообложения», берущая истоки в римской, зиждилась на принципе справедливости, принципе определенности, принципе удобства плательщика и принципе минимальных общественных издержек на процесс сбора налогов¹⁹⁵. Принцип взаимной ответственности государства и частного собственника выдерживался уже со времен Римской империи¹⁹⁶. Византий-

¹⁹² Сведения об этих печатях и соображения об их датировке сообщил мне К. Д. Смычков, который заметил, что они относятся к тому же периоду, что и печать стратига Сицилии Прокопия, найденная в Херсоне. О названных должностях см.: Kazdan A. A. *Koubikoularios* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1154; Kazdan A. A. *Parakoimomenos* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1584.

¹⁹³ История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 50, 51–52, 54.

¹⁹⁴ Bury J. B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos*. – London, 1911. – P. 120–122; Brehier L. *Les institutions de l'empire Byzantin*. – Paris, 1949. – P. 128; Guiland R. *Recherches sur les institutions byzantines*. – Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 1. – P. 269.

¹⁹⁵ Подр. см.: Серов В. В. Финансовая политика ранневизантийского императора. – С. 23–42; ср.: Серов В. В. «Теория налогов» в Римской империи (I – первая половина III в.) // *Идеология и политика в античной и средневековой истории*. – Барнаул, 1995. – С. 74–75.

ские императоры тоже требовали выплаты налогов с собственности и считали обязанностью подданных уплату недоимок. В начале V в., согласно рескрипту Аркадия, Гонория и Феодосия II, были запрещены всякие ходатайства властей городов об освобождении от налогов, равно как и просьбы о введении любых дополнительных сборов на местные нужды¹⁹⁷. Более того, борясь с финансовыми злоупотреблениями, Юстиниан I к середине VI в. покончил и с муниципальными бюджетами, переправив их средства в общие подати¹⁹⁸. Следовательно, не могло быть и речи о «...каких-то местных налогах, которые собирали муниципальные чиновники» Херсона, поскольку Херсон являлся ромейским городом¹⁹⁹. По ромейским же законам, все должны были нести повинности имущественные, все способные к ним, включая сборщиков налогов, а полномочия налогового аппарата распространялись на всю Империю, независимо от географического или социального положения плательщика податей²⁰⁰. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от налогового обложения не должны были быть свободны ни «Божественный дом» (ou Theios oikos), ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов²⁰¹. Выгодность положения Херсона обнаруживается как раз в налоговой сфере, поскольку он оказался центром византийской налоговой системы в Юго-Западной Таврике, в него стекались налоговые сборы, поступления со всего региона.

Учитывая характерную для Византийской империи гипертрофию государственного начала, на город и его округу тоже распространялась общеимперская налоговая система. Оснований для исключения не имелось. Уже в 488 г. херсонеситы платили налоги, шедшие на содержание имперского отряда баллистариев и на ремонт оборонительных стен²⁰². При Юстине II, до 575 г. с них взымали *plōima* —

¹⁹⁶ Серов В.В. «Теория налогов»... — С. 72.

¹⁹⁷ Corpus juris civilis. — Berolini, 1895. — Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. — IV. 61.10; IV. 61.12.

¹⁹⁸ См.: Прокопий Кесарийский. Тайная история. XXVI. 6 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. — М., 1993. — С. 402.

¹⁹⁹ Ср.: Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... — С. 577; Храпунов Н.И. Тенденции развития органов власти византийского Херсона // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. К.; Судак, 2004. — Ч. 2. — С. 227.

²⁰⁰ Corpus juris civilis. — Beroloni, 1895. — Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. — V. 41.1; V. 62.8; V. 62.10; Бардола К.Ю. Система оподаткування у Візантії в IV–IX ст.: Автореф. дис.... канд. іст. наук / Харківський національний університет ім.В.Н. Каразіна. — Харків, 2003. — С. 14.

²⁰¹ Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum... — Col. I. nov. 5, p. 13.

²⁰² Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — СПб., 1896. — С. 7–15, №7.

средства натурой на содержание флота²⁰³. Во второй половине VI – первой половине VII вв. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий (*arkarios*), собиравший деньги в кассу, вероятно, ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедрот»²⁰⁴. Даже если верно предположение Н. И. Храпунова о том, что мы имеем в данном случае дело не со сборщиком податей, а с казначеем богадельни или приюта²⁰⁵, это не меняет дело, ибо в любом случае перед нами имперский финансовый чиновник, имевший в городе какие-то казенные полномочия и так или иначе связанный с государственной сакеллой, отвечавшей за учет и распределение финансовых средств. Рука всесильного логофета геникона – главы самого важного доходного ведомства Империи дотягивалась и до дальних окрестностей Херсона, центров его областей – «архонтий», как можно понять на основе находки на Мангупе моливдула патрикия Дорофея, вероятно, около второй четверти VII в.²⁰⁶. Надо полагать, аналогичный чиновник, непосредственно подчиненный василевсу, далеко не случайно был включен в состав правительственной делегации, посланной Юстинианом II в город для переговоров весной 711 г.²⁰⁷

Регулировать перераспределение товаров, обеспечивать содержание войск снаряжением, продовольствием и собирать казенные сборы с города, а, возможно, его окрестностей, продолжали и позже, о чем свидетельствуют ряд печатей коммеркиариев VII–VIII вв., сначала государственных агентов по закупке товаров, прежде всего, монопольного шелка у импортеров, позже – армейских снабженцев, сборщиков не прямых налогов (коммеркия), а также находки печатей начальников их ведомства – главного логофета (*geniko logothete*), ипата Феодора, императорского спафария (Феофана?) второй половины VIII в. и около полусотни следующих за ним, вплоть до середины – второй половины X в., главных логофетов в чине магистров, анфипатов патрикиев, императорских протоспафариев, патрикиев,

²⁰³ *Corpus juris civilis*. – Berolini, 1904. – Vol. 3: *Novellae* / Rec. R. Schoell. *Opus Schoellii morte interseptum absolvit* G. Kroll. – № 163, cap. 2; Vasiliev A. A. *The Goth in the Crimea*. – P. 74.

²⁰⁴ Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. – С. 203, 206, № 13; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса. – С. 193; Айбабин А. И. Этническая история... – С. 164; Херсонес Таврический в I в. до н. э. – VI в. н. э. – С. 536.

²⁰⁵ Храпунов Н. И. Администрация *euaigeis oikoi* в Херсоне // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 358–359.

²⁰⁶ Герцен А. Г., Алексеенко Н. А. Византийские моливдовуды из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92; Герцен А. Г., Алексеенко Н. А. Византийские моливдовуды из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 61–65, рис. 1.

²⁰⁷ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 41, 64, 156, 165.

примикириев, царских остиариев (евнухов – привратников), что опровергает мнение исследователей об освобождении Херсона и его порта от традиционных налоговых повинностей, государственных поставок и таможенных сборов²⁰⁸.

Экономическая ситуация требовала стандартных юридических мер и ведения соответствующей документации. Отсутствие печатей собственно византийских коммеркиариев Херсона вплоть до 40-х гг. IX в., времени образования фемы, может говорить лишь о том, что Херсон долгое время не был самостоятельной апофикой или царским коммеркионом (после 730/731 г.), а входил в сферу деятельности иного административно-таможенного округа, может быть, Понта или Пафлагонии. В условиях кондоминатного владения, которое обязывало к совместной эксплуатации территории, здесь, как и в других центрах полуострова, и не должны были появиться свои, местные коммеркиарии, которые контролировали бы транзит товаров непосредственно в херсонесском порту и получили функции собственно фемных налоговых инспекторов. Это стало возможно только по достижении ситуации развала кондоминиума и организации фемы Климата на крымской земле. Весьма симптоматично, что с исчезновением херсонских коммеркиариев во второй половине X в. в городе перестают появляться и сравнительно обильные до этого печати глав центрального налогового ведомства, с которыми постоянно по долгу службы контактировали соответствующие подчиненные им местные чиновники²⁰⁹.

С появлением стратига к нему отчасти перешел контроль за внешней торговлей и за фискальными сборами, которые совершали в Херсоне. Н. Икономидес даже высказал предположение, что стратиг

²⁰⁸ Алексеевко Н. А. Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 174–205, №1–47; Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. – С. 203, 210–211, №41–43, 44, 45; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса. – С. 193–194, рис. 3, 5; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die Neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS – 1995. – Vol. 4. – P. 148–149, №12; Alexeenko N. A. Unique Find of the Group of Byzantine Lead Seals From Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. – Copenhagen, 1996. – P. 8414; Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... – С. 577. Об эволюции и функциях института коммеркиариев подр. см.: Oikonomides N. Silk Trade and Produktion in Byzantium From the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP – 1986. – №40. – P. 33–35; Kazdan A. A., Oikonomides N. Kommerkiarioi // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 1141; Haldon J. Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 79–80; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 296–300; Бардола К. Ю. Система оподаткування у Візантії в IV–IX ст. – С. 12–13.

²⁰⁹ Алексеевко Н. А. Печати главных логофетов... – С. 198; Алексеевко Н. А. Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. // Сфрагистика и история культуры. – СПб., 2004. – С. 99.

мог иногда выполнять обязанности коммеркиария, замещая его, что, впрочем, маловероятно, по крайней мере до конца X в., когда в силу усиления центральной власти в Херсоне был упразднен институт коммеркиариев: последние с VIII в. входили в налоговое ведомство логофета геникона и, как и диойкиты, эпопты, эксисоты – финансовые инспектора, налоговые сборщики, оценщики имуществ, перед ним же отчитывались²¹⁰. В свою бытность они занимали среднее положение (шестое место из 12) среди чиновников этого важнейшего секрета государства и обычно имели третий или четвертый сановный ранг (для херсонских коммеркиариев – спафарий, кандидат, кувикуларий)²¹¹. Именно в руках этих фемных чиновников, назначаемых непосредственно Константинополем, а не у стратига сосредотачивалась самая доходная часть поступлений.

Судя по печатям, в столице фемы действовали также имевшие отношение к сфере государственных финансов протонотарии и нотарии, а также спафарий и протевон Михаил, отвечавший за некие имперские имущества (*epi ton oikeiakon*)²¹². Протонотарии, появившиеся как официалы с 820-х гг., относились к фемной фискальной системе и координировали ее усилия с военной сферой, подчиняясь, однако, не стратигу, а главному финансовому ведомству – сакелле²¹³. Случалось, они совмещали свой пост с функциями монетария, отвечали за работу монетного двора, как это было на Сицилии в IX в. и могло быть в Херсоне после организации фемы²¹⁴. Впрочем, протонотарии действовали и в логофесии дрома, отвечавшей за коммуникационную систему на территории Империи и сбор информации²¹⁵. Видимо, поэтому моливдулы этих агентов не всегда снабжались указанием на место службы²¹⁶.

Сравнительно недавно к этому ряду памятников, оставленных лицами ведущих ведомств имперской администрации, добавился моливдул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария *ton Manganon kai Chersonos*, то есть принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих из-

²¹⁰ Kazdan A. A. *Epoples* // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 725; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... – P. 323.

²¹¹ Алексеев Н. А. Коммеркия... – С. 97–98.

²¹² Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв... – С. 212–213, № 52, 56; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – С. 159, № 43.

²¹³ Oikonomides N. Les listes... – P. 390; Kazdan A. A. *Protonotarios* // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1746; Haldon J. *Byzantium*. – P. 80.

²¹⁴ Ср.: Степанова Е. В. Печати монетариев Сицилии IX в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 210.

²¹⁵ Подр. см.: Guillard R. Les logothetes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // REB. – 1971. – Т. 29. – P. 31–70.

²¹⁶ Oikonomides N. Op. cit. – P. 311.

вестного константинопольского секрета Мангана и одновременно контролировал какие-то царские имущества в Херсоне. Н.А. Алексеенко, опубликовавший печать, считает, что ее присутствие указывает на «определенные налоговые привилегии, наличие которых... освобождало Херсон от каких либо других чиновников фискальной службы империи»²¹⁷. Однако с не меньшим основанием можно допустить, что она свидетельствует об обратном, — о финансовом контроле за городом со стороны столицы, сакеллы и логофессии геникона, и о взимании определенных традиционных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось кроме того через логофетов, хартулариев, коммеркиариев, чья документация зафиксирована сфрагистическими источниками Херсона VII–X вв. Здесь действовали и финансовые чиновники из заморья, о чем свидетельствует печать Никиты, императорского спафария и диойкита Амастириды конца IX — начала X вв.²¹⁸ По мнению издателя печати, этот провинциальный финансовый чиновник контролировал область Пафлагонии и, вероятно, соседствующей с ней фемы Вукеллариев, откуда шли поставки продовольствия в Херсон, который мог иметь вполне определенное отношение к императорским владениям. О размерах собираемых налогов данных у нас нет. Можно лишь предположить, что эти налоги были не ниже обычных и что на землях Церкви и государства существовала льготная система обложения, отсутствовавшая на землях частных собственников.

В городе действовали государственные благотворительные учреждения, птохионы и ксенодохионы, которыми управляли соответствующие государственные чиновники, скорее всего, из числа клириков, и которые в свою очередь находились в подчинении столичного казначейства — сакеллы²¹⁹. Один из таких приютов, посвященный св. Фоке Навту, располагался в первом или, скорее, во втором квартале портового района Херсона, другой, монастырский носокомион или богадельня, входил в храмовый комплекс Св. Леонтия Киликийского на северо-западной оконечности городища²²⁰.

Наконец, мощным проводником византийского государственного влияния была Церковь Херсона, которая в свою очередь зависела от Империи, нуждалась в ее поддержке. Поэтому интересы местных церквей в Юго-Западной Таврике были важным фактором, удержи-

²¹⁷ Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев... — С. 227.

²¹⁸ Алексеенко Н.А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики. — С. 99–100, №1.

²¹⁹ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 229–230, 244–245; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000. — С. 643–665; Храпунов Н.И. Администрация *euaigeis oikoi* в Херсоне. — С. 357–361.

²²⁰ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. — К., 2003. — С. 81–83, 179–181.

вавшим эти земли в орбите византийского влияния. Кроме того, надо учесть, что в VII–VIII вв. городской совет вместе с протевонами, их деловым опытом, архивом мог быть подчинен церковной власти в лице епископа Херсона, а последний поставил делопроизводство, без которого город не мог обойтись, под свой надзор²²¹.

Не исключено, что епископия осуществляла контроль за возведением, эксплуатацией и ремонтом таких общественных сооружений как бани²²². В противном случае трудно объяснить, почему не встречали возражений церковных властей столь близкие по местоположению постройки бань возле Северной базилики в квартале IX и около церкви-мартирия с подземной криптой в квартале III. Еще одна баня могла находиться недалеко от экзонартекса Уваровской базилики, судя по упоминаемым К. К. Косцюшко-Валюжиничем остаткам сооружения, с пропущенными сквозь стены керамическими трубами, которое было разобрано при строительстве дома для академика Ф. И. Чагина. Под таким же надзором до первой половины IX в. действовала и ранневизантийская общественная больница-ятрина, место нахождения которой можно предполагать в помещениях рядом с большим водохранилищем в юго-западной части городища²²³. Находки, наряду с прочим, керамической формы для оттиска евлогия VI–VII вв., шести глиняных штампов для евхаристических хлебцев, керамических курильниц, крышки от сосуда с крестами, бронзовых подвесок от лампад убедительно указывают на связь больницы с церковью или часовней.

Херсонская епископия, ставшая с IX в. архиепископией, надежно стояла на страже государственных интересов и не стала бы поддерживать сепаратистов, тем более, полисные свободы. По своему показательно, что даже в 710–711 гг., когда решалась судьба города, позиция местных церковных властей, ее архиерея в отношении к перевороту не нашла отражение ни в одном из византийских источников.

У нас нет свидетельств о направлении в Таврику Империей в VII в. воинских контингентов. Византийские власти были вынуждены формировать войско, очевидно, на местной, территориальной основе, с привлечением симмахов, энспондов – союзников из варваров. Это отражает общую тенденцию, переживаемую вооруженными силами Империи²²⁴. Византийская армия превращалась в местное воинское

²²¹ Подобная тенденция обозначилась в ромейских городах уже в VI в. и ее не должен был избегать Херсон, ставший одним из самых значительных церковных центров Крымского полуострова (см.: Hirschfeld B. *Die Gesta municipalia in götischen und frühgermanischen Zeit*. Inaug. Diss. – Marburg, 1904).

²²² Ср.: Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 254.

²²³ Сорочан С. Б. Больница в ранневизантийском Херсоне // *Древности* 2004. – Харьков, 2004. – С. 59–65.

формирование и лишь высшие командиры получали императорское утверждение. Низшее и среднее звено стало выборным. Чиновный аппарат, в целом, тоже воспроизводился и пополнялся на месте, что было характерно для гомогенной, грекоязычной Византии, постепенно отошедшей от традиций космополитизма.

Судя по упоминаниям херсонесскими патриографами «арифма», речь шла о полурегулярной армии и, вместе с тем, специфической социальной группе, войске-сословию, связанном с местом дислокации экономическими узами²²⁵. Оно проживало в городе, а формирования федератов — в близлежащих поселениях, чьими опорными, административными, церковными, торговыми пунктами являлись кастра и полисмы. Кондоминатный статус повлек дальнейшее изменение этой системы и привел к окончательной иррегуляризации войска в Таврике. Уже в начале VIII в. это нерегулярное воинское формирование, по традиции возглавляемое протополитом, местным архонтом, если оно и существовало в условиях демилитаризации, было неспособно к постоянной гарнизонной службе и вообще действенным мерам по охране городских стен, о чем недвусмысленно свидетельствуют события первой вооруженной конфронтации херсонитов с Юстинианом Ринотметом в 710 г. Сопротивления по сути дела не было («*medenos autois antistantos*» — отметил Феофан)²²⁶. Позже оборона велась назначенным из столицы архонтом города, спафарием Ильей (Илией), силой небольшой части тех имперских войск (тагм и стратиотского ополчения), которые были присланы из Византии с «первым флотом», снаряженным за счет средств жителей Константинополя²²⁷. Видимо, как и в архонтатах Диррахия, Кефалонии, Крита, Кипра, Фессалоники, регулярный гарнизон Херсона насчитывал в VIII в. не более 100 воинов²²⁸.

Таким образом, до образования фемы, после смены дуката архонтатом, в условиях демилитаризации, свойственной византийско-хазарскому режиму кондоминиума, безопасность херсонитов и других обитателей здешних земель долгое время не требовалось обеспечивать, хватало небольшого ополчения городских собственников, и только когда отношения стали меняться в худшую сторону, в конце VIII — первой половине IX вв. здесь стали чаще появляться византийские регулярные войска, возможно, сицилийские, пафлагенские контингенты, на что косвенно указывают моливдулы спафарокандидата и турмарха Константина и штабных комитов «палатки» (*tes*

²²⁴ Бородин О. Р. Указ. соч. — С. 77–85.

²²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989. — С. 254–255, гл. 53. 156–158.

²²⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 40, 64.

²²⁷ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 63–65, 164–165.

²²⁸ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. — Stanford, Calif., 1997. — P. 376, map 11.

kortes), в частности, императорского кандидата Исоя²²⁹. Тогда же должна была повыситься военная роль архонта города, на наличие которого, в том числе как византийского титулярного чиновника, указывают находки моливдулов, более частые, чем в предыдущее время²³⁰.

Все вышеизложенное позволяет задаться следующим закономерным вопросом: на чем строиться постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что после Маврикия «связи с центральной властью ослабевают», «на Крымский полуостров перестают обращать внимание» и уже при Ираклии или, во всяком случае, «не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти»²³¹. С этими, звучащим как аксиома, тезисами никак не согласуется смещение за провинности центральной властью одних государственных служащих и назначение, присылка в город других имперских титулярных чиновников, примером чему могут быть попавшие в опалу протополит Зоил, ряд протевонов и упомянутый выше спафарий Илья, дорифор-«копыеносец» василевса, в 710–711 гг. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против «непопулярного» императора²³².

И. А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй половине VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегического значения Херсона (sic!)²³³. И это при том, что с утратой северо-западного побережья Черного моря в результате создания Болгарии и угрозе восточному — вследствие арабской экспансии, сохранение позиций в важнейших центрах Таврики, оказавшихся на острие хазарских интересов, не могло не приобрести для государства ромеев особую актуальность. Херсон в таких условиях становится еще более важным, чем прежде, «оком» Империи, стратегическим звеном северной границы, утрата которой стала бы чувствительным ударом по безопасности и экономическим интересам Византии²³⁴.

²²⁹ Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса. — С. 212, № 49-51. Последнее обстоятельство особенно наглядно указывает на то, что автономность такой византийской административной единицы как архонтия не следует преувеличивать, как иногда делается (ср.: Ferluga J. L'amministrazione bizantina in Dalmazia. — Venezia, 1978. — P. 87–164).

²³⁰ См.: Алексеев Н. А. Архонтия Херсона... — С. 476–483, прил. 1.

²³¹ См.: Бертъе-Делагард А. Л. Надпись времени Императора Зенона... — С. 87; Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсона. — С. 138; Айбабин А. И. Этническая история... — С. 195–196; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 303.

²³² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 64, 164.

²³³ Баранов И. А. Указ. соч. — С. 138.

К тому же невозможно представить, что спафарий Илья был единственным в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Собственно, ничто не мешает видеть в протополите Зоиле именно архонта города, равно как и «ничто не говорит о том, что Зоил был первым исполнителем обязанности архонта»²³⁵. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел (рис. 173). В этом плане следует обратить внимание на печати Саввы, ипата, и Феодота, ипата и царского спафарокандидата (2 экз.), архонтов Херсона, тоже одни из сравнительно ранних (VIII в.), а также на моливдулы Евстафия, царского спафария, еще одного Зоила, ипата, Константина, царского стратора и затем спафария, Григоры, царского спафария, – архонтов Херсона конца VIII в., рубежа VIII–IX вв. или первых десятилетий IX в.²³⁶. Десяток херсонских архонтов IX в., чьи печати происходят из Сугдеи, тоже носили титулы императорских спафариев или спафарокандидатов²³⁷.

Долгая, многолетняя служба некоторых из них, подтверждаемая сменой нескольких буллатириев и узким кругом имен таких лиц за 150 лет (не более 10–12 человек на почти 100 печатей)²³⁸, указывают на то, что это были преимущественно выходцы из местной знати, которых не торопились менять и которые, видимо, удовлетворяли Константинополь, их утверждавший. Весомой властью в условиях византийско-хазарского кондоминиума в Таврике они не обладали и, самое главное, можно было не бояться их сепаратизма. По этой причине сменяемость чиновников была достаточно редкой, но назначать

²³⁴ История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 367–378; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 337–339.

²³⁵ Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. – С. 312.

²³⁶ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. – Vol. 1. – P. 1284, № 2345; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. – Белград, 1978. – Кн. 17. – С. 82, 91, №1; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – С. 145, №18; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – P. 184, № 82. 3; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... – С. 156–157, №1–3; Алексеенко Н.А., Смычков К.Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // Х. сб. – 2000. – Вып. 10. – С. 361–362, № 1; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. – S. 305; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 475–481, прил. 1, №1–36.

²³⁷ Число таких печатей составляет не менее 11 экземпляров (Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 24; Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 231). Учитывая, что в Херсоне институт архонтов был ликвидирован всячески с образованием стратигиды, датировку этих моливдовулов можно сузить до первой половины – середины столетия (ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 313).

²³⁸ Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 475, 477–482.

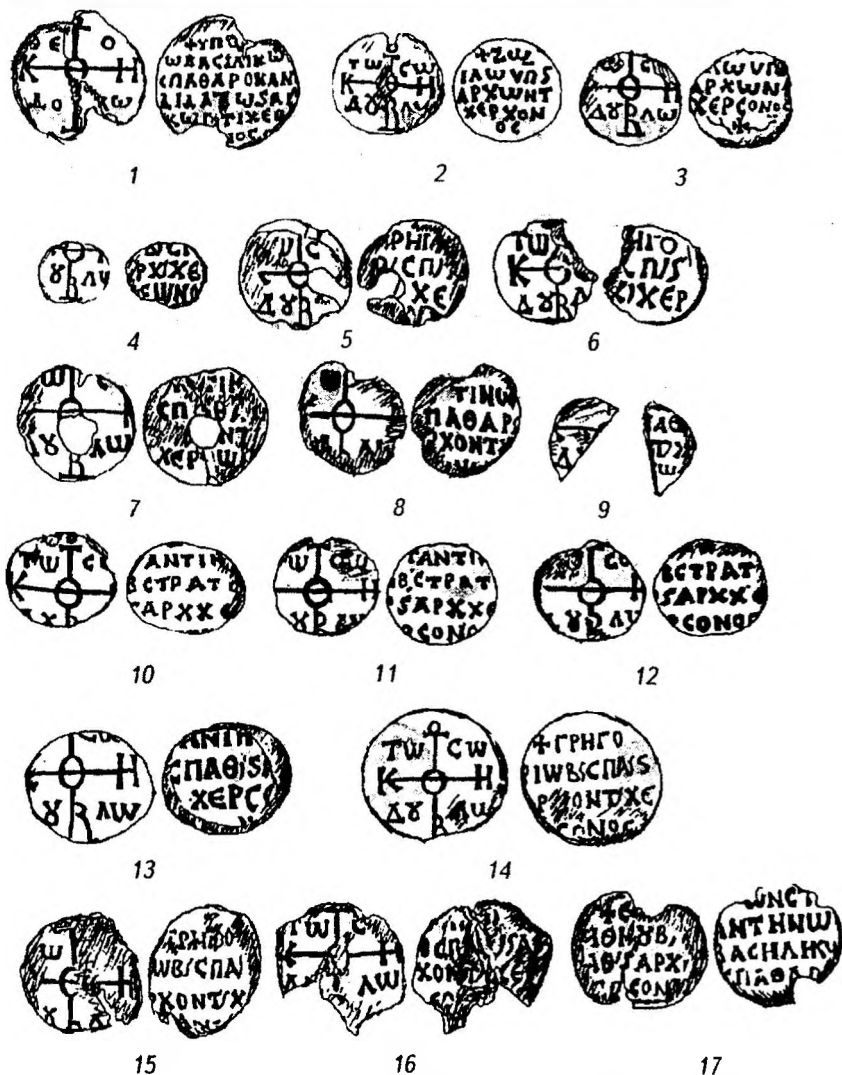

Рис. 173. Печати византийских архонтов Херсона (по Н.А. Алексеенко)

в городе правителей центральные ромейские власти никогда не забывали²³⁹. Уже судя по тому, что протополита Зоила вызвали в Константинополь после введения в город войск Юстиниана II и затем вернули обратно «в прежнем [положении]» («в прежней власти»), этот глава городской администрации утверждался василевсом и, значит, ни о каком стремлении Юстиниана II «ликвидировать городское самоуправление» говорить не приходится²⁴⁰. Этого самоуправления

к тому времени уже не существовало, как и некой императорской политики, направленной против муниципальных органов города. О постоянном контроле говорит обилие моливдулов византийских сановников – ипата Стефана (VII в.), императорского нотариуса Феодота (VII в.), «императорского магистриана» Анфима (конец VII – начало VIII вв.), кандидата и спафария Георгия (вторая половина VII – первая половина VIII вв.), патрикиев Мариана (VII в.), Артавазда (20-е гг. VIII в.), Теосовия (VIII в.), Плотина (VIII в.)²⁴¹.

Учитывая сравнительно небольшое количество моливдулов и известных к настоящему времени имен архонтов Херсона, особенно для VIII в.²⁴², можно допустить, что не все они были почтены саном и соответственно имели именные печати. Однако едва ли это обстоятельство мешало им и прочим протевонам представлять интересы местной, зависимой от воли императоров городской общины, сотрудничать с ней и, вместе с тем, являться функционерами византийской провинциальной администрации, стремиться сделать карьеру и блюсти интересы Империи.

Кроме того о низком ранге обладателей таких печатей можно говорить с большой натяжкой. К примеру, сан или звание (*taxis, lamp-
gois axiomasi*) ипата относился к синклитикам, то есть действительно не имел военного характера. Тем не менее это был достаточно высокий чин, соответствовавший прежнему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Он следовал сразу за «степенью» спафария, чиновника третьего класса, имевшего, однако, военный характер²⁴³. Во всяком случае, ранга ипата или спафария было вполне достаточно, чтобы получать очень высокие должности²⁴⁴. Например, ко второй половине VII – первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха – правителя Италии, то есть

²³⁹ Ср.: Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени Императора Зенона... – С. 87.

²⁴⁰ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 40–41, 64, 156, 164–165; Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... – С. 570; ср.: Сюзюмов М. Я. Социально-политическая борьба и внешнее положение Империи в конце VII – начале VIII вв. // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 46.

²⁴¹ Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса. – С. 208, №27; с. 209, №35, 37, 38; с. 210, №39; с. 213, №№56, 57; Алексеенко Н. А. Моливдул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 68–69.

²⁴² См.: Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона... – С. 474–479, прил. 1.

²⁴³ Bury J. B. The Imperial Administrative System... – P. 25–27.

²⁴⁴ В сводке, собранной Ф. Винкельманом на основе сфрагистического материала второй половины VII–X вв., ипатов можно найти среди логофетов гемикона, главных логофетов, комитов Авидоса, эпархов Константинополя и Фессалоники, архонтов Кивирреотов и Месемврии, и о понижении значения обладателей этого сана можно говорить только ко второй половине IX–X вв. (см.: Winkelmann F. Byzantinische Rang – und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S. 49–51).

представлял василевса на обширной территории всего Равеннского экзархата²⁴⁵. Ими чаще всего становились дуки и другие представители высшей военной аристократии²⁴⁶. Позже, около середины IX в. некий ипат Зоил был среди первых фемных стратигов Херсона²⁴⁷. Но даже в XI в. стратигам со званиями ипатов случалось быть главами окраинных провинциальных округов, городов – крепостей, например, на территории армянского Васпуракана²⁴⁸.

На важную должность комита Опсикия, малоазийской области, чьи вооруженные силы играли роль личной императорской гвардии, во второй половине VIII – начале IX столетий тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патрикии, и спафарии²⁴⁹. В трактате «О фемах» Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены должности стратигов и фем, комитами называли стратигов²⁵⁰. Следовательно, в понимании ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсикия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолика, Армениака и Фракисия) и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте, несмотря на заявленный сан патрикия²⁵¹. Спафарием был и тот стратиг фемы Армениак, печать которого, датируемая около середины IX в., оказалась в числе случайных находок из Херсонеса²⁵².

Так что отправление должности в ранге ипата или в еще более высоком сане царского стратора или спафария ни в коей мере не умаляет положения главных византийских чиновников в Херсоне, долгое время, вероятно, с конца VII в. до создания фемы в самом конце 30-х – начале 40-х гг. IX в., являвшегося одним из архонтатов Романии – зависимой от Империи административной единицей, переход-

²⁴⁵ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantine. – Paris, 1884. – P. 514; Степанова Е.В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. – СПб., 1994. – С. 59-60, 65, №7, табл. I, 4; II, 2.

²⁴⁶ Степанова Е.В. Указ. соч. – С. 67-68.

²⁴⁷ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон. – С. 91-92.

²⁴⁸ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). – М., 1994. – С. 38. Следовательно, стратиги Херсона второй половины IX в., носившие титулы ипата или спафария, и тут не были последними, такими «чиновниками второго уровня», как может показаться на первый взгляд (ср.: Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдеи... – С. 26–27).

²⁴⁹ Алексеенко Н.А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 78-79.

²⁵⁰ Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»: Пер. с греч. Г. Ласкина. – М., 1899. – С. 20-21.

²⁵¹ Bury J.B. The Imperial Administrative System... – P. 136-137.

²⁵² Смышков К.Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. – Харьков, 1999. – С. 75.

ной формой к феме или турме – подразделению фемы, автономность которой была весьма относительной²⁵³. Именно так – архонтией или архонством, как и Боспор, называл город Никифор в своем «Бревиарии»²⁵⁴.

Несмотря на дискуссионность, спорность понятия византийский провинциальный архонт, архонт города, фемы, непреложным является то, что появившись, вероятно, с конца VII в., со времени первого правления Юстиниана II (685–695), это были особые должностные лица, единоличные главы провинциального или муниципального управления и одновременно чиновники на государственной службе, представители центральной власти из числа избранных состоятельных, влиятельных провинциальных собственников, землевладельцев средней руки, владельцев недвижимости, лидеров местной городской элиты, которые находились под имперской юрисдикцией, входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае, занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов, решали разнообразные вопросы местного управления, финансов, выполнения государственных повинностей, контролировали деятельность местных властей в интересах Империи²⁵⁵. Следовательно, для византийских земель термин *archon* означал не просто начальник, но обязательно соответствующее лицо в административном аппарате, представителя центральной власти, невзирая на степень внутренней автономии того или иного архонтата. Следует подчеркнуть, что эта автономия

²⁵³ Ср.: Ferluga J. *L'amministrazione bizantina in Dalmazia*. – Venezia, 1978. – P. 87–164; Treadgold W. *The Byzantine Revival 780–842*. – Standford, 1988. – P. 17; Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 323, комм. 433.

²⁵⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... – С. 156, 164.

²⁵⁵ Bury J.B. *A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I* (A. D. 802–867). – London, 1912. – P. 223, 330; Bon A. *Le Peloponnese byzantin jusqu'en 1204*. – Paris, 1951. – P. 99; Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 154; Ahrweiler H. *Byzance et la mer*. – Paris, 1966. – P. 71–72; Oikonomides N. *Les listes...* – P. 343, note 13; Margetic L. «Provincijalni archonti» *Taktikona Uspenskog (s osobitim obzirom na archonta Dalmacije)* // ЗРВИ. – Београд, 1991. – Кн. 29–30. – С. 45–59; *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. – P. 200, s. v. «archon»; Cheynet J.-Cl. *L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson* // Междунард. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – P. 95; Oikonomides N. *L'archonte slave de l'Hellade au VIIIe siecle* // ВВ. – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2. – P. 111–119; Кучина И.А. О термине «архонты» в Византии IV–XV вв. // История Византии и византийская археология. – Екатеринбург, 1998. – С. 20–22; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 473–474, 487; ср.: Ферлуга Ж. Ниже војно-административне јединице тематског уреченја. – С. 61–94; Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. – 1957. – Т. 12. –

ни коим образом не исключала последний из сферы действия византийской налоговой системы, имперского законодательства и церковных административно-территориальных институтов²⁵⁶. Более того, Элен Арвейлер полагала, что архонт имел прямое отношение к контролю над здешними территориальными водами и даже возглавлял силы византийской военной эскадры²⁵⁷. Как уже указывалось, применительно к позднеримскому – византийскому Херсону, «архонтом» изначально мог являться «протополит» («первый гражданин») – высший муниципальный чиновник города, известный с первых веков н. э. в форме «первый архонт», но это уже не был «глава местного самоуправления»²⁵⁸.

Необходимо подчеркнуть также и то, что главы архонтатов были в единственном числе, не представляли коллективной магистратуры, как это было в античных полисах, да и сама их должность была государственным постом, а не магистратурой²⁵⁹. На это обстоятельство однозначно и безоговорочно указывают многочисленные памятники сфрагистики из Херона и Сугдеи, приближающиеся к настоящему времени к сотне экземпляров, всегда представляющие данного чиновника в одиночку, поэтому возрождаемое ныне ошибочное представление о коллегиальности института византийских архонтов должно быть окончательно отвергнуто²⁶⁰. Нет никаких оснований предпринимать сложные безуспешные поиски точной аналогии ви-

С. 47-48; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. – Београд, 1978. – Т. 18; Angold M. A. Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy. – Oxford, 1984. – P. 236-253; Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 312, 314-316; Haldon J. Byzantium. – P. 122-123, 171. Подробный ценный экскурс на тему «Провинциальный «архонт» в Византийской империи» помещен в диссертации В.Е. Науменко (Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... – С. 233-246, Приложение А).

²⁵⁶ Ср.: Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII-X вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 72-78.

²⁵⁷ Glykatzis-Ahrweiler H. L'administration militaire de la Crete byzantine // Byzantion. – 1964. – Т. 31. – P. 217-218; Ahrweiler H. Byzance et la mer. – P. 48, 59, 61, 71.

²⁵⁸ Ср.: Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 547-548.

²⁵⁹ Во время событий 710-711 гг. протополита Зоила сменил спафарий Илья, поставленный Юстинианом II сановным архонтом Херсона, который продолжал выступать и далее в качестве единоличного функционера такого рода (см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – С. 40-41, 64, 156-157, 164-165).

²⁶⁰ Соколова И.В. Монеты и печати... – С. 115; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... – С. 571, 573; Храпунов Н.И. Тенденции развития органов власти византийского Херсона. – С. 228; Храпунов Н.И. О континуитете администрации византийского Херсона. – С. 55-56; ср.: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 474-475.

зантийскому архонтату с некой мифической коллегиальной формой управления только для того, чтобы обосновать идею континуитета в эволюции этого органа²⁶¹.

Архонты почти всегда располагались на одном иерархическом уровне и в VIII – первой половине IX вв. в основном примыкали по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев (турмархам, хартулариям и др.), хотя поначалу, до конца VIII в., среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)²⁶². Те же самые звания (царских страторов, ипатов, спафарокандидатов и главным образом спафариев) имели архонты Херсона²⁶³, которые, таким образом, были «не лучше и не хуже» глав других архонтатов и тоже утверждались в должности василевсом. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей к последней трети IX столетия²⁶⁴ и крушение «полисного самоуправления» Херсона, равно как и «преобразования в городском хозяйстве», здесь, конечно, не причем²⁶⁵.

На исчезновение печатей архонтов Херсона обратил внимание Ж.-К. Шене, отметивший, что «трудно хотя бы одну из них с полной уверенностью отнести к периоду после 850 г.» и далее констатировал: «...можно с уверенностью говорить о том, что должность архонта не пережила учреждение должности стратига Климатов или стратига Херсона»²⁶⁶. Н.А. Алексеенко тоже подчеркнул изменение сфрагистического типа печатей около середины IX в., даже пришел к выводу о том, что датировка самых поздних моливдулов архонтов не выходит за пределы 50-х гг. IX в., то есть практически совпадает с временем создания фемы, но ввел архонтат Херсона в структуру стратегии, предположив сохранение его существования еще «какое-

²⁶¹ Храпунов Н.И. Администрация... – С. 573.

²⁶² Ср.: Панченко Б.А. Каталог моливдулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. – 1903. – Т. 8. – Вып. 3. – С. 231-232, №79/80.

²⁶³ Zacos G., Vegliery A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. – Vol. 1. Parts 1-3. – №1973, 2345, 3106, 3113; Соколова И.В. Монеты и печати... – С. 76, 169, 174, №1, 5-13; Winkelmann F. Byzantinische Rang... – S. 113; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... – С. 156-157, №1-7; Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов. – С. 24; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 486 (на 77 печатях архонтов Херсона три раза указаны спафарокандидаты, то есть сан второго класса, 68 раз – спафарии, сан третьего класса, 5 – страторы и 4 – ипаты, саны четвертого класса).

²⁶⁴ Bury J.B. Op. cit. – P. 13-15, 136 f.

²⁶⁵ Ср.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). – К., 1977. – С. 115; Соколова И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 208; Соколова И.В. Монеты и печати... – С. 112; Алексеенко Н.А. Новые находки... – С. 163.

²⁶⁶ Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 313.

²⁶⁷ Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 484–487.

то время», якобы до трансформации фемы Климата в фему Херсон²⁶⁷. Между тем оснований для этого нет. Византийские источники недвусмысленно говорят об избрании стратига Херсона и его местностей (*tes Chersonos kastron kai tous en aute torous*) и о подчинении ему «протевона и всех» (*ton tote proteuonta kai pantas*), то есть «отцов города» (*pateron tes poleos*) и «властей», «архонтов» (*archousi*), очевидно, самого города и окрестных мест²⁶⁸. В лучшем случае архонт-протополит мог какое-то время, до сосредоточения фемы в рамках собственно Херсона в 50-60-е гг. IX в., сохраняться как чиновное лицо, то есть как архонт города, подчиненный стратигу.

Таким образом, магия слова «архонт», уводящая к древним временам херсонесской полисной общины, невольно завлакивает ясность исторического взгляда многих исследователей и наталкивает на неправомерное сопоставление совершенно разнородных понятий, лишь волею случая обретавшихся в разные эпохи под одним и тем же греческим термином.

Обычно считается, что основной задачей Петроны Каматира, после того, как он стал к 840–841 г. протоспафарием и, видимо, стратигом Херсона, явилось стремление удержать город и прилегающие к нему районы в повиновении, — «ограничение власти протевонов и подчинение муниципалитета центральной власти»²⁶⁹. Однако такая вольная и в значительной степени субъективная интерпретация источников (42-ой главы «Об управлении империей» и очерка о Феофиле Продолжателя Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, тем более с учетом контекста, который указывает на то, что Петрона, по собственному опыту (*empeira*) хорошо узнавший положение дел в Подонье и Таврике, более не регулируемых совместными действиями византийских и хазарских властей, предостерегал императора «не доверять» (*me katapisteuses*) в этих нестабильных, ненадежных условиях тамошним чиновникам, протевону и «отцам города» (*pateres tes poleos*), то есть местным «правителям», «начальникам» (*archousi*), в том числе уже известному по печатям VIII — первой половины IX вв. киру, архонтам окрестных полисов, кастра, и для того, чтобы «законно» (*kyrios*), без прежних оговорок повелевать Херсоном и его местностями, советовал организовать «избрание своего стратига» (*proballou strategon idion*)²⁷⁰.

²⁶⁸ Theophanus continuatus / Rec. I. Bekker. — Bonnae, 1838. — P. 123; Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 41–52, с. 172.

²⁶⁹ Ср.: Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X века по Р.Х. — Вып. 3. — С. 44; Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. — С. 87; Баранов И.А. Административное устройство... — С. 139–140; Сазанов А.В. К хронологии цитадели Бакинско-го городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994. — С. 55–56.

²⁷⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — Гл. 42. 41–53, с. 172; Theophanes continuatus. — P. 123. Примечательно, что Иоанн Скилица в конце

Иными словами, упразднить правовой статус Херсона как «автономного» архонтата на кондоминатной территории и, создав новую «законную» стратегию, упрочить военно-административные позиции константинопольского правительства в пограничном анклаве, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возраставшего расхождения с хазарами и появления воинственных венгров. Не «отрицательный отчет» Петроны о деятельности протевона, то есть архонта Херсона, не малое доверие к местной аристократии, не сомнения в «политической лояльности», верности херсонитов и не стремление удержать их в повиновении²⁷¹, а становившееся опасным изменение объективной политической ситуации в регионе, связанное с назревшим грядущим развалом отношений кондоминиума в Таврике, подвигло центральную власть на решительное военно-административное и территориальное преобразование.

Поскольку глагол *proballo* имеет значение «выставлять в качестве кандидатуры», «предлагать к избранию», а, по сути дела, является лукавым эвфемизмом необсуждаемого приказа, можно думать, что до этого «всем управляли» (*ta panta dioikon*) в основном выдвигаемые на месте архонт Херсона (в редакции Константина Багрянородного он назывался *proteuontos*²⁷²) и прочие титулованные (кир) и нетитулованные чиновники из числа именитой городской знати, «отцы города» и соседних с ним мест — «архонты», «нотабли». Именно этим объясняется, почему эти начальники были названы в письменных источниках во множественном числе, хотя во главе Херсона как архонтата стоял единоличный архонт, он же «первенствующий». С этой точки зрения он имел отношение к протевонам²⁷³. Исследователи

XI в. интерпретировал выражение «отцы города» по своему, заменив его более понятными для его времени словами «тамошние динаты» (*autochthonoi dynatoi*) — «сильные», местная знать, и именно так переписал их у него Георгий Кедрин (*Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus*. — Bonnæ, 1838. — Vol. 1. — P. 528).

²⁷¹ Ср.: Сазанов А.В. К хронологии цитадели... — С. 55-56; Шене Ж.-К. Поздний архонт... — С. 311, 316.

²⁷² Очевидно по аналогии со *stephanophores kai protevon*, которое применительно к концу III — первой половине IV вв. означало главу правительства Херсонеса, командира ополчения и эпонима (Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона... — С. 575). Ср. гл. 53, где архонт херсонитов неизменно обозначается термином «венценосец и протевон» (Константин Багрянородный. Об управлении... — Гл. 53. 2, 24–25, 167–168, 186, 234–235, 470, с. 246–247, 254–259, 270). Н. Икономидес тоже придерживался мнения, что протевон города был идентичен архонту Херсона, а «муниципальный» штат эквивалентен «имперскому» (*Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crime aux IXe-Xe s.* — P. 320).

²⁷³ Это опровергает представление, что «...источники всегда противопоставляют протевонов Херсона византийской администрации», то есть архонту и прочим титулярным чиновникам, обладателям печатей (ср.: Храпунов Н. И. Администрация... — С. 575, 576).

в качестве сравнения обратили внимание по этому поводу на далматинский Диррахий IX в., который тоже объединял область из трех десятков городов-крепостей во главе с имперским наместником, имевшим титул архонта и именовавшимся «первенствующим» (приором)²⁷⁴. Сходное административное устройство могло быть и в случае с Херсоном: первый протевон имел полномочия имперского архонта, а прочие протевоны (кир, «отцы города») — полномочия местной (но не самоуправляемой) администрации, своевременное и точное исполнение обязанностей которой через архонта направлялось и контролировалось центральными византийскими ведомствами.

Высокий статус дуката, а затем архонтии был обусловлен альянсом с императорской властью и уже поэтому херсонская правящая верхушка, ясно осознававшая призрачность своей квазиавтономии, должна была хранить верность Империи, но присылка верховного должностного лица со стороны, назначенного из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, было для херсонитов делом необычным. Согласно повелению Феофила, «протевон и остальные» (*ton proteuonta kai pantas*), «так называемые отцы города» (*ton eponomazomenon pateron tes poleos*), то есть штат коллегии местных чиновников, действовавший до этого «от лица» василевса, должен был быть с той поры (*ex oi kai mechri*) ограничен (*orisas*) безоговорочным подчинением (*ypeikein*) «избранному» стратигу, выдвинутому самим императором²⁷⁵.

От внимания исследователей ускользнуло само по себе очевидное обстоятельство, что Феофил именно повелевал, приказывал главе тогдашних местных властей, отчасти сохранявшим лишь внешнюю преемственность с античными полисными магистратурами, и остальным подданным подчиняться новому главе — стратигу, и, значит, они уже находились в подчинении до отдания этого приказа (*orisas ton tote pteuonta kai pantas ypeikein auto*). Им не надо было переходить под власть Империи, как полагают некоторые исследователи²⁷⁶. Речь шла о введении их в рамки очередного, нового, но вполне законного административного устройства. Поэтому решение василевса заменить архонтию стратигией нельзя рассматривать как некий юридический акт об аннексии земель Таврики Византией. Последняя и так имела права на эти земли, но в иной форме, обусловленной до поры до времени особыми отношениями с Хазарией. Ни о каких переговорах и заключении соответствующего договора с неким несуществующим «городским самоуправлением», «местной народной властью» речь не шла. Этот вопрос был давно решен и за-

²⁷⁴ Ферлуга Я. Архонтат Далмации. — С. 48–49; Шене Ж.-К. Поздний архонт... — С. 315; Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона... — С. 472.

²⁷⁵ Theophanes Continuatus... — Р. 123; Продолжатель Феофана. — С. 56 (III, 28); Константин Багрянородный. Об управлении... — Гл. 42, 52, с. 172.

²⁷⁶ Ср.: Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... — Р. 321.

крыт и никому не пришло бы в голову вновь его поднимать. Даже само предложение «избрать» стратига несло все то же значение не-обсуждаемого повеления.

Кстати, если Петрона Каматир действительно был стратигом Херсона из числа «чужаков», не следует ли ожидать находок сфрагистических сведений о более поздних отправителях такой должности и из числа местной знати? К примеру, не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул ипата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане²⁷⁷. Во всяком случае, печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречавшимся среди херсонской знати VIII в. именем²⁷⁸, разделяет небольшой промежуток времени (первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа «сильных», именитых уроженцев города, которое в начале своей чиновной карьеры на службе василевсу возглавляло архонтию Херсон, а позже было «избрано» (*proballou*), как и Петрона, фемным стратигом, то есть повышено в должности, но не в сане, и без того престижном для провинциала. На то же обстоятельство недвусмысленно указывают три недавно обнаруженные печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона, скорее всего, конца X в.²⁷⁹. Ведь хорошо известные и столь головоломные для исследователей слова о правиле «...отсюда для Херсона избирать стратигов» (*ton enteuthen eis Chersona proballesthai strategous*)²⁸⁰ могут пониматься двояко, а скорее, просто как указание на причину (*ton enteuthen* — «поэтому»), по которой с той поры город стал стратигидой. Во всяком случае, тенденция назначать на этот пост местных «бюрократов», может быть, даже из числа бывших инородцев, явно прослеживается с последней четверти X в., когда среди стратигов начинают все чаще встречаться представители неизвестных на византийской иерархической лестнице специфических фамилий (Вога, Цула, Херсонит, Катасах, Кфарос)²⁸¹. Местные нобили — протевоны, как прежде архонты, могли иногда исполнять обязанности стратига Херсона, не получая этой должности, а в лучшем случае лишь имперское звание, чин. К примеру, на лицевой стороне печатей знатного лица второй половины IX — середины X в., некоего Цула (Тзула),

²⁷⁷ См. Алексеевко Н. А. Новые находки печатей... — С. 156-157, №2, 3; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... — С. 91-92; Алексеевко Н. А. Архонтия Херсона... — С. 479.

²⁷⁸ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 40, 41, 130-131, 156; Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1885. — Vol. 2. — P. 241, 242.

²⁷⁹ Алексеевко Н. А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. конф. «Византия и Крым», Тезисы докл. — Симферополь, 1997. — С. 11-12. Алексеевко Н. А. Херсонская родовая знать X—XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7. — С. 257-259, №2-4.

²⁸⁰ Theophanes Continuatus. — P. 124; Константин Багрянородный. Об управлении... — Гл. 42. 53-54, с. 172.

род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения либо стоял крест с крестиком в нижнем пространстве, а на обороте значилось имя функционера с прибавкой «царский спафарий Херсона» (Tzoula basiliko spathario chersonos)²⁸².

В любом случае, случившееся событие не носило для Византии экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, разумеется, не была «чрезвычайной»²⁸³.

Стратиги посылались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должности одновременно с архонтами, но «прямое императорское правление» не было новостью для Херсона, который подобно другим провинциальным центрам Византии давно управлялся представителями имперской администрации, утверждаемой центральным правительством, независимо от того, были ли они приезжими византийскими чиновниками или принадлежали к архонтам, кирам, «отцам города» и прочим «первенствующим» из местной знати. Тем более нет оснований полагать, что здесь наблюдалось «смешение двух административных принципов», характерных для позднеримской, а не для византийской системы управления, или было некое разделение властей – архонта, стратига и местного управления, что, якобы, придавало Херсону «завуалированную атмосферу, атмосферу колонии»²⁸⁴.

Когда новая фема все же была организационно оформлена к самому началу правления трехлетнего Михаила III (842–867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры (рис. 174), первое время ею могла быть только фема Климата. Примечательно, что именно 842-

Рис. 174. Августа Феодора с юным Михаилом III и его старшей сестрой Феклой. Аверс и реверс солида (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича на северном берегу)

²⁸¹ Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать... – С. 261.

²⁸² Смычков К.Д. Неизданная печать с именем Цула // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 158–159, рис. 1 (печать из частной коллекции). Ж.-К. Шене такая формулировка, предложенная Г. Шлюмберже, издателем одной из двух имеющихся печатей, кажется подозрительной и он склонен читать после спафария АРХ – «архонт» (вместо характерного в таких случаях АРН), однако все это пока остается в области шаткой гипотезы (см.: Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 313) и, самое главное, не согласуется с текстом моливдула, изданного К.Д. Смычковым (похоже, Ж.-К. Шене не осведомлен об этой печати). Большинство стратигов Херсона имело в это время сан императорского спафарокандидата или императорского протоспафария (ср.: Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики... – С. 737–738, 741, диаграмма 1–2), поэтому предполагаемое назначение главой феми или другим ее функционером спафария, притом даже не царского, могло быть только случайной, временной мерой.

²⁸³ О подобном мнении см.: Баранов И.А. Указ. соч. – С. 140.

²⁸⁴ Ср.: Храпунов Н.И. Администрация... – С. 573; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... – Р. 323.

843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне²⁸⁵. К этому же времени относится создание Тактика Успенского, где впервые фигурирует фема Климата. Ее стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патрикия (ο patrikios kai strategos ton klimaton) на 23 месте из 79 в списке высших титулярных чиновников, патрикиев и протоспафариев, и на последнем, 17 месте, в списке патрикиев и стратигов фем²⁸⁶. Архонты собственно Херсона (в оригинале рукописи – οi archsonos), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со стратигом функции управления, но уже находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии²⁸⁷. К примеру, Крит также значился среди фем, занимая предпоследнее место перед Климата, однако ниже, на 58 месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также «архонт Крита» (ο archon kretes)²⁸⁸, а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе наравне с аподоместиками, эскувиторами и дунгариями, то есть провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата стратига²⁸⁹. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем²⁹⁰. Следовательно, нет сомнений, что архонты были при стратигах ряда фем²⁹¹. К слову, если бы Херсон продолжал сохранять в это время свой статус архонтии, на чем настаивал И. А. Баранов и что считает возможным Н. А. Алексеенко²⁹², ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (ο archon dalmatias, ο archon kyprou)²⁹³,

²⁸⁵ Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора... – С. 146, 148, 152, №10.

²⁸⁶ Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. – 1898. – Т. 3. – С. 115; Oikonomides N. Les Listes de preaseance byzantines des Ixe et Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 48-49; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 321; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 691 сл.

²⁸⁷ Успенский Ф. И. Византийская табель... – С. 124; Oikonomides N. Les Listes... – P. 56-57.

²⁸⁸ Успенский Ф. И. Указ. соч. – С. 119. Эти данные подтверждают также моливдулы архонта Крита VIII–IX вв., причем в одном случае он совмещал свои обязанности с функцией парафилака – военного коменданта (Oikonomides N. Les listes... – P. 353; Шене Ж.-К. Поздний архонт... – С. 314).

²⁸⁹ Успенский Ф. И. Указ. соч. – С. 123.

²⁹⁰ Там же. – С. 115, 124.

²⁹¹ К этому выводу я пришел одновременно с Н. Икономидесом (Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель... – С. 248; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... – P. 321, п. 12).

²⁹² Баранов И. А. Административное устройство... – С. 139-140; Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона... – С. 486, 487.

²⁹³ После архонта Далмации и перед дуксом Калаврии в Тактиконе второй четверти IX в. значилось с артиклем множественного числа οi archsonos (Oikonomides N.

еще долго действительно остававшихся архонтатами²⁹⁴. Такому архонту в свою очередь подчинялись прочие архонты — «начальники», скорее всего, как и в Херсоне, из числа местных протевонов. Нестандартно в конце списка санов в ранге спафариев на 54 месте из 59 в Тактиконе 842–843 гг. еще раз были указаны «отставные архонты Далмации и прочих архонтий» (oi spatharioi kai aparchontes dalmatias kai loipon archontion)²⁹⁵.

Состав херсонских военных и гражданских фемных властей, — основных и тех, кто лишь выступал «от лица» стратига, — остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно провинциальное управление в виде оффикия любого стратига включало хотя бы одного таксиарха — командира 1000 пехотинцев, турмарха или мерарха — глав военного подразделения (турмы или меры — «части»), «главу палатки» — комита *tes kortes*, — фактически начальника штаба стратига; доместика, друнгария и комита военных отрядов — ванд, протокентарха или нескольких кентархов спафариев — командиров подразделений, комита *tes etaireias*, протоканцеллария — канцеляриста и протомандатора — «адъютанта», посыльного, тогда как гражданскую часть представляли судья, протонотарий, отвечавший за координацию действий военных и фискальных фемных механизмов, за снабжение фемной администрации всем необходимым и подчиненный центральному финансовому департаменту — сакелле (свои отчеты он отправлял прямо в Константинополь, минуя стратига); хартуларий,

Les listes... — P. 57, l. 13), что Н. Икономидес, вслед за Ф.И. Успенским (Византийская табель... — С. 124), убедительно интерпретировал как oi arch[ontes cher]sonos. Большинство исследователей не оспаривают такую конъектуру, хотя объясняют ее наличие в тексте по-разному. В частности, эту явную ошибку писца в виде пропуска нескольких букв Н.А. Алексеенко предлагает исправить введением в лакуну терминов Климата и Боспора. В его конъектуре фрагмент испорченного текста выглядел бы следующим образом: oi arch[ontes ton Klimaton kai Cher]sonos либо oi arch[ontes ton Klimaton kai Bosporos kai Cher]sonos. Учитывая, что Продолжатель Феофана и Константин Багрянородный единодушно упоминали о необходимости подчинения архонтов (во множественном числе) стратигу тех мест, но при этом бывшего главу Хереона как архонтата называли в единственном числе (протевонем), эта реконструкция не лишена вероятности (см.: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... — С. 471–473). В таком случае речь могла идти о нескольких правителях — архонтах некой территории, включающей Херсон и другие византийские укрепленные центры, округа, так называемые климата на полуострове. Вообще, надо учесть, что византийское понятие *archon* было многозначным и прикрывало собой самых разных «начальствующих», в том числе и таких как херсонские *pater tes poleos*, кир, экдик, протевоны, друнг чиновников оффикия стратига. Вместе с тем, лакуна не была большой и едва ли вероятно вставить в нее еще и Боспор (ср.: Oikonomides N. Le «systeme» *administratif*... — P. 320, n. 10).

²⁹⁴ Нарративные и сфрагистические источники сообщают о существовании архонта Кипра и во второй половине IX в. (Шене Ж.-К. Поздний архонт... — С. 315).

²⁹⁵ Успенский Ф.И. Указ. соч. — С. 126; Oikonomides N. Les listes... — P. 56–59.

выполнявший в феме финансовые функции, ведший каталог стратиотов и связанный с логофетом *ton stratiotikon*; инспектор — эпопт, отвечавший за кадастровое описание приобретенных имперских земель и проверявший каталог воинов; диойкит, финансовый инспектор земельного налога, сборщик связанных с ним государственных податей, как и эпопт, подчиненный главному налоговому ведомству — геникону; счетчик (*anagrapheis*) и писцы — скрибы секрета (*basilikoi notarioi kai notarioi*)²⁹⁶. Известно, что комиты соответствовали архонтам²⁹⁷ и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климата — Херсона. Однако уже Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX–X вв. — в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «...намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития... Стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, то есть иногда не состоят и в разряде *oi basilikoi* («царевы мужи»)²⁹⁸.

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту картину²⁹⁹, но в основе своей она верна: фема была невелика или, лучше сказать, весьма скоро после ее организации стала невелика, сохраняла отчасти унаследованный от городского совета архонтата управленческий, должностной аппарат (примером чему могут быть «отец города» и экдик стратигиды), и ее глава, повелевавший этим аппаратом, очевидно, не нуждался в постоянном полном штабном штате. Херсонес в этом плане не был уникальным городом, поскольку номинально сохранявшиеся городские советы, курии формально сохраняли свои управленческие, начальственные полномочия и в других центрах Романии по меньшей мере до конца IX в., судя по 46-й новелле императора Льва VI, стремившегося узаконить окончательную отмену полномочий их членов³⁰⁰. Сохранение должностей «отца города», экдика в первой половине X в., а протевона вплоть до конца X — первой половины XI вв., примером чему

²⁹⁶ Bury J.B. *Op. cit.* — P. 41–46, 139; Oikonomides N. *Les listes...* — P. 313, 335–336, 341; Oikonomides N. *Fiscalite et exemption fiscale...* — P. 277, 279–280, 282; Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society.* — P. 316; Oikonomides N. *Le «systeme» administratif byzantin...* — P. 319; Haldon J. *Byzantium.* — P. 80.

²⁹⁷ Bury J.B. *Op. cit.* — P. 42.

²⁹⁸ Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. — Л., 1991. — С. 142.

²⁹⁹ Соколова И.В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсонеса. — С. 203, 212, № 49–51 (печати комита *tes kortes* и турмарха); Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. — С. 193 сл.; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... — С. 91–97; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. *Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson.* — S. 140–146; Алексеевко Н.А. К вопросу о существовании службы нотарииев в Херсоне. — С. 221 сл.

³⁰⁰ Лебедева Г.Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. — С. 111–113.

могут служить печати хрисотриклинита Иоанна и патрикия, стратилата Калокира (?), указывает на то, что полное упразднение рудиментов курИАльного управления, по крайней мере в названиях его носителей, не было изжито и после выхода новеллы Льва Мудрого.

Кроме того, полифункциональность обязанностей стратига позволяла ему замещать некоторых чиновников и, таким образом, обходиться без них. Вообще, его действия были многохлопотны даже в рамках сравнительно небольшой военно-административной единицы. Он организовывал военные силы фемы, ее администрацию, вел списки-каталоги стратиотов, осуществлял казенные выплаты, отвечал за дозорную службу города, следил за строительством, обновлением и текущим ремонтом общественных построек, оборонительных сооружений, тесно сотрудничал с духовными властями, как столичными, так и с церковным главой Херсона, оставаясь в строгой подотчетности константинопольскому правительству и лично правившему на тот момент василевсу³⁰¹. Не исключено, что отставные стратиги продолжали участвовать в управлении городом, переходя в разряд «отцов города» и императорских «эк просопу» (полномочных представителей), о чем свидетельствуют моливдулы Сергия, позволяющие восстановить его *cursus honorum* на протяжении нескольких десятков лет в последней трети IX – начале X вв.³⁰². Подобно этому архонты переходили в разряд апархонтов – отставных, бывших архонтов Херсона³⁰³. Относить такие должности к «внештатным», да к тому же заменяющим архонта или стратига, едва ли правомерно³⁰⁴.

Для размещения сравнительно небольшого по численности штаба стратига вполне хватило выстроенного в конце IX в. монументального архитектурного ансамбля претория, располагавшегося на территории «цитадели» в юго-восточной части Херсона³⁰⁵. Составлявшие

³⁰¹ См.: Богданова Н.М. Херсон в X – XV вв. // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 87–91; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 307–314.

³⁰² См.: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – С. 153, №24, 24а; Алексеенко Н.А. Таможня и коммеркирии Херсона // Приложение.

³⁰³ Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... – С. 573.

³⁰⁴ Ср.: Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... – С. 169. «Эк просопу», если верить Житию Антония Нового, являлись временными правителями фем, как это было в случае с Кивирреотами в правление Михаила II (820–829) (Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 376), но могли иметь отношение к императорским имуществам в феме и к фискальной ответственности ее перед казной. Во всяком случае, Кекавмен знал их в свое время как разряд «сборщиков податей» (Кекавмен. Советы и рассказы. – СПб., 2003. – С. 212–213). О контролирующих, ревизионных функциях *эк просопу* см.: Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 430–431.

³⁰⁵ Антонова И.А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Х сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 14–18;

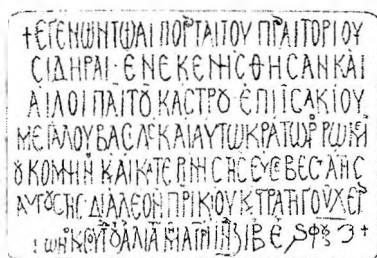

Рис. 175. Надпись страгига
Льва Алиата
(из раскопок 1895 г.)

щиной 0,3 м, который был найден с наружной стороны береговой оборонительной стены, напротив башни XXI, недалеко от «цитадели» (рис. 175)³⁰⁷. В комментарии к памятнику В.В. Латышев заметил, что это слово «...весьма часто употреблялось византийцами и притом в разных значениях, одно из которых – «Aula seu Palatium Praetoris vel Rectoris Provinciae» по объяснению Дюканжа – вполне подходит к нашей надписи»³⁰⁸. Примечательно, что в столице Империи преторием называли помещение ведомства городского эпарха и тюрьму, которая находилась под надзором логофета претория. Видимо, не случайно в трактате «О фемах» Константин Багрянородный подчеркивал различие между «городом-преторием» и прочими городами. Херсон, как центр фемы, был именно таким городом, пользовавшимся особым положением.

Сооружение в X в. рядом с преторием отделанного мрамором небольшого базиликального храма, включенного в здешний комплекс зданий, явилось основанием для предположения о перемещении сюда в это время архиепископской резиденции, которая оказалась соседкой административных властей: «...епископ, живя в цитадели как в крепости, выезжал отсюда для служения в других храмах Херсонеса»³⁰⁹. Это могло бы иметь место в случае прекращения существ-

его помещения и двор занимали не меньше 268 м², причем на расстоянии 13 м от них, на противоположной стороне так называемой Южной площади, в ходе раскопок 2003–2004 гг. выявлены следы еще одного обширного здания той же поры, пока не раскопанного³⁰⁶. О том, что это был именно praitorion недвусмысленно указывает содержание строительной надписи 1059 г. на мраморном карнизе длиной 0,9 м, шириной 0,6 м и тол-

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 537–539; ср.: Храпунов Н.И. Преторий в средневековом Херсоне // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса, 2002. – Т. 3. – С. 148–149.

³⁰⁶ Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В. Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. – К., 2004. – С. 301.

³⁰⁷ Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Крсцюзко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 88–89, рис. 225, 226; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 15–19, № 8.

³⁰⁸ Латышев В.В. Указ. соч. – С. 19.

³⁰⁹ См.: Протоиерей Александр Пелин. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дисс.... канд. богословия / Московская Духовная академия. – Сергиев Посад, 2001 (рукопись). – С. 164, 165, 168.

ования епископального центра на северо-восточном берегу города. Однако он продолжал действовать, а его кафедральный храм — кафоликон даже пережил перестройку, на что указывает заклад из 19 монет Романа I в яме у алтаря, обнаруженный во время раскопок 1853 г.³¹⁰. Примечательно, что Уваровская базилика даже после того, как она сократилась до размеров центрального нефа, не стала местом многочисленных захоронений. Гробницы обнаружены только в кирпичных закладах интерколумния. Очевидно, на территории главного епископального комплекса хоронили преимущественно видных клириков, церковных иерархов, особо уважаемых ктиторов, массовые захоронения здесь не производили даже в последний период истории города. Все это говорит о том, что именно базилика №23 оставалась действующим кафедральным храмом до конца своего существования. Окончательное же разрушение епископального комплекса произошло не ранее XIII в.³¹¹. Остается неизвестным, существовал ли синтрон с архиерейским креслом в храме «цитадели», но, скорее всего, это была гарнизонная церковь, церковь претория, не рассчитанная на регулярное епископское богослужение.

Не исключено, что с комплексом претория косвенно связан известный пассаж из Константина Багрянородного, относительно государственных средств, выделяемых фемному Херсону. Две литры пакта (*duo tou paktou*), — 144 номисмы «договорных денег», денег «по условию», которые, наряду с 10 литрами казенного золота (720 номисм), получал этот кастрон от Империи через своего стратига, могли быть как платой местным имперским федератам за выполнение ими союзнического долга³¹², так и еще более вероятно, учитывая сравнительно небольшие размеры суммы, платой за аренду некоторых херсонских оборонных или военно-административных объектов на территории городской общины, того же претория в «цитадели»³¹³, либо отголоском давнего, уходящего корнями в начало IV в. договора — традиции набирать некоторое число наемных постоянных военнослужащих (таксатов или таксеотов регулярного отряда — тагмы) среди горожан и платить им из казны довольствие³¹⁴. Но, разумеется, этого не хватало бы на содержание достаточно многочисленной му-

³¹⁰ Уваров А. С. Извлечение из всеподданейшего отчета об археологических находках в 1853 году. — СПб., 1855. — С. 163, 165.

³¹¹ Завадская И. А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. — Симферополь, 1997. — Вып. 1. — С. 304–311; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. — С. 599–600.

³¹² Ср.: Synelli K. Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «paktou» im Rahmen der Entwicklung der «internationalen» Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der Römischen Spätantike. — Athen, 1989. — S. 234–250.

³¹³ Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... — P. 322.

³¹⁴ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 274–275, гл. 53. 526–528; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. — С. 307–308.

ниципальной и фемной администрации Херсона, если учесть обычные размеры чиновного жалования, какие фигурируют в византийских источниках³¹⁵.

Н. Икономидес предлагал понимать под 2 литрами пакта 1/5 часть солемния в 10 литр, который якобы выплачивался херсонской знати за ее лояльность по отношению к Империи³¹⁶. В таком случае властям херсонитов было даровано право на получение той части дохода, возможно, от сбора коммеркия, которая должна была бы поступать в казну. Однако источник однозначно говорит об этих деньгах как о «даруемых из казны» — *tas didomenas apo tou demosiou*³¹⁷. К тому же такого рода удержания, имея они место, являлись бы своего рода частноправовой рентой, которая противоречила бы тогдашней политике «икономии» — государственного управления. Как известно, чиновники с имперскими титулами, представители администрации и армии, получали жалование и ругу — довольствие из государственной казны, которые позволяли иметь вполне приличный стабильный доход размером в среднем от нескольких десятков до нескольких сотен или более номисм.

Таким же относительно небольшим по количеству, как администрация херсонского стратига, и вдобавок не типично фемным по характеру был состав местных военных сил. Описывая в трактате «О фемах» устройство Анатолийской фемы, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомленного чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должность стратигов и имели «... начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев (*dexiolaboy*)»³¹⁸. По численности это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века н. э.³¹⁹. Согласно военной реформе 840 г., фемы не должны были иметь поразделений меньше чем друнг, насчитывавший 1000 человек. В свою очередь друнг подразделялся на пять ванд по 200 человек в каждом отряде (50 человек конников и 150 пехотинцев)³²⁰. При этом низший, XI ранг служащих — стратиоты, включая декархов — командиров «десяток», получали от одной до 12 номисм в год; X ранг — кентархи ванд, канкелларии — начальники ведомственных секретов, «местоблюстители» — топотириты хор и пр. — по 18 номисм; IX ранг — вандофоры,

³¹⁵ Подр. о размерах этих доходов в сравнении с доходами других ромейских граждан см.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998. — С. 403–407.

³¹⁶ Oikonomides N. Op. cit. — P. 322.

³¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 274, гл. 53. 527.

³¹⁸ Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». — С. 23.

³¹⁹ Ср.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. — К., 1994. — 59–78, 139–140, 148.

³²⁰ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. — P. 443.

мандаторы схол и пр. — по 36 номисм; VIII ранг — хартуларии флота, протонотарии фем, протокаравы — «старшие рулевые» и пр. — по 72 номисмы; VII ранг — асикриты, ксенодохи, гирокомы и пр. — по 144 номисмы; VI ранг — турмархи фем, архонты крупных областей и пр. — по 216 номисм, а самый «низкооплачиваемый» из фемных стратигов имел жалованье не меньше 864 номисмы³²¹. К концу IX в. среди стратигов даже «аутсайдеры» в лице глав военно-морских фем Кивирриотов, Самоса и Эгеиды имели по 720 номисм³²².

Выходит, та сравнительно небольшая ежегодная сумма казенных денег (720 номисм), которую к середине X в. получал стратиг для Херсона из Константинополя, позволяла содержать не больше 140 воинов, то есть примерно от половины до трех четвертей обычной ванды³²³. Собственно городу и не нужно было, как и прежде, иметь постоянный гарнизон, превышающий 100 человек. Другое дело, к регулярным военным силам в случае нужды могли присоединяться местные ополченцы-стратиоты, милиция, в которую, по свидетельству херсонесских «патриографов», издавна зачислялись сыновья горожан (*dia to kai eos tou nun ta touton tekna kata ton goneon tes strateias sumplerosin en to arithmo katatassontai*)³²⁴. Если исходить из численности населения города в 6–7 тыс. человек, число таких «зачисленных» в войско-друнг не превышало 1000, то есть один человек от «двора». Показательно, что такая «городская милиция» очень долгое время, до IX в. существовала в Византии³²⁵.

Военно-податная повинность поневоле должна была оказаться на первом месте для многих, кто входил в число жителей новообразованной фемы³²⁶. Местные собственники с имуществом определенного размера, способные к несению военной службы (*strateia*), имевшие в составе своей семьи мужчин, вполне могли попасть в воинские

³²¹ См.: Oikonomides N. *Les listes...* — P. 46–63; Treadgold W.R. *The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries.* — New York, 1982. — P. 98–103, tabl. II; p. 111–114, tabl. VI.

³²² *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis...* — P. 696–697; Ферлура J. Прилог датирану платног списка стратига из «*De caeremoniis aulae byzantinae*» // ЗРВИ — 1956. — Кн. 4. — С. 63–71.

³²³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 274, гл. 53. 526–527. Согласно военной реформе 840 г., оплата воина составляла не менее 5 номисм в год с последующей прибавкой по номисме ежегодно, но не более 12 номисм (Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society.* — P. 443). Это совпадает с данными Ибн-Хордадбеха о том, что ромейским солдатам предписывалось выдавать по 12–18 золотых в год (Ibn Khordadbeh (Ibn Khardadhbih). *Le livre des routes et des royaumes* / Ed., trad. M. J. de Goeje. — Leiden, 1889. — P. 85; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран: Пер. Н. Велихановой. — Баку, 1986. — Гл. 56 а, с. 102). Таким образом, на содержание одного воина приходилось в среднем около 9 номисм в год.

³²⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 254, гл. 53. 156–158.

³²⁵ Сюсюмов М. Я. Византийские этюды. — Екатеринбург, 2002. — С. 127.

³²⁶ Ср.: Успенский Ф. И. История Византии. — М., 1998. — С. 591.

списки³²⁷. Вместе с тем, маловероятно, чтобы они владели той земельной собственностью, которая обязывала их служить в войске и быть близкими по статусу к свободным зажиточным крестьянам-стратиотам. Херсон, вероятно, относился как раз к числу тех «не классических» фем, где военная организация базировалась не на стратиотском землевладении, а на системе земельной воинской собственности или аренды, которая не налагала на их хозяев или съемщиков безусловной обязанности несения военной службы³²⁸. Подобные примеры являли Равеннский экзархат с его *exercitus* из привилегированной группы средних и крупных собственников, постоянно проживавших в городах, или армия Карфагенского экзархата, состоявшая из регулярных частей, дислоцировавшихся в крепостях в качестве гарнизонов, и из отрядов имперских союзников – федератов³²⁹. Стратиотского ополчения как такового не было в фемах Сицилии и Лонгивардии³³⁰. Подобные случаи обнаруживают некоторое внутреннее геополитическое, юридическое, военное и социокультурное сходство с ситуацией в окраинном административно-территориальном образовании, вышедшем в Юго-Западном Крыму к концу 30-х гг. IX в.

Следы существования местного фемного воинского формирования, возможно, прослеживаются в рассказе Генесия о некоем «отряде скифов из Таврики» (*tous ek Taurikes kath' etaireian Skythas*) и его решительных, единодушных действиях в 856 г. в пользу Михаила III, отдавшего приказ ликвидировать фаворита матери, Феоктиста, дабы взять власть в свои руки³³¹. В столице в X в. был корпус пехотинцев во главе с этериархом (*o etaireiarches ton pezon*), внесенным в Эскуриальский Тактикон 971–975 гг.³³². Однако указание на «скифский» состав отряда позволяет выдвинуть иное объяснение. Х.-Ф. Байер предположил в этих воинах крымских готов, которых издавна называли скифами³³³. С не меньшим основанием можно считать, что они были потомками имперских федератов, «энспондов» – грекоязычных аланоготов, из числа стратиотов фемы Климата, которые были взяты

³²⁷ В середине X в. таковыми являлись обладавшие имуществом не менее, чем на 4 литра, то есть на 288 солидов, если они служили в сухопутных военных силах, и 2 литра (144 номисмы) если это были моряки (Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С. 248; Oikonomides N. *Fiscalite et exemption fiscale...* – P. 118).

³²⁸ Ср.: Haldon J. *Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations* // DOP. – 1993. – №47. – P. 1–67.

³²⁹ См.: Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. дисс... докт. ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. – М., 1997.

³³⁰ Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 96.

³³¹ Iosephi Genesii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. – Berlin, 1978. – IV. 10.

³³² Oikonomides N. *Les listes...* – P. 271.

³³³ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 107–108.

на службу в Константинополь. Выходит, у молодого василевса были особенно веские основания благодарить своих крымских подданных, что нашло отражение в фиксируемом исследователями усилении деятельности херсонского монетного двора, выпуске нескольких типов медных литых монет именно при этом императоре³³⁴.

Ничто не указывает на то, что Херсон содержал свой, фемный военный флот: письменные источники говорят лишь о гребных транспортных судах (*kamatera karabia*), а также грузо-пассажирских парусных судах (*strongila ploia* или *Chersonitika karabia*)³³⁵. Последние, «все, что могут быть найдены» (*osa eurethosin*), вместе с навтами, эпиватами и ввезенным грузом (*meta tou gomou autom eiskomizesthai*), следовало в случае необходимости арестовать в столице и на южночерноморском побережье, в портах Пафлагонии, Вукеллария, Армениака³³⁶. Но удобная гавань Карантинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для «царских кораблей», на что указывают находки печати топотирита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще одного императорского протоспафария и друггария флота³³⁷.

Косвенно на это же может намекать около десятка рисунков парусно-гребных кораблей, процарапанные на внутренних, оштукатуренных цемянкой стенках вместительной, крытой сводом раннесредневековой водосборной цистерны на агоре, которая исследовалась С.Г. Рыжовым и А.Б. Бернацки в 2002 г. Особено интересно одно из изображений судна с заостренным носом и тремя штандартами, два из которых в «шашечку», а последний треххвостый, с прямым крестом. Подобные корабли соотносимы с ромейскими дромонами или хеландиями – крупными парусно-гребными судами военного и транспортного характера, самыми распространенным в византийском флоте. Они имели вместимость приблизительно 80 тонн, экипаж из пары сотен гребцов и около 80 воинов – стратиотов³³⁸. К такому классу кораблей принадлежали, например, «хеландии царского флота» (*chelandion basilikon ploimon*) и хеландии катепана Пафлагонии, около 840 г. посланные по распоряжению василевса Феофила в Херсон³³⁹. Сюда же могли заходить аналогичные суда фемного флота Си-

³³⁴ Подр. см.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. – С. 113–115.

³³⁵ Theophanes continuatus. – Р. 123. 6; Константин Багрянородный. Об управлении... – С. 170, 172, гл. 42. 32–38; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 315.

³³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении... – С. 170, гл. 42. 33–34; с. 274, гл. 53. 514–520.

³³⁷ Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... – S. 147–148.

³³⁸ Сорочан С. Б. К вопросу об уменьшении византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 76, 79.

³³⁹ Theophanes continuatus. – Р. 122–123; Константин Багрянородный. Об управлении... – Гл. 42. 30–33, с. 170–171. Хеландии-пафилы брали на борт по 150 че-

цилии, судя по находкам сицилийских монет первой половины IX в. и печати патрикия и царского протоспафария Епифания, стратига Сицилии в середине IX в.³⁴⁰

Кстати, обилие печатей стратигов (число опубликованных доходит до 75) указывает на то, что в отличие от прежних херсонских архонтов — правителей города они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4–6 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах Империи, например, Сицилии в VIII–IX вв. Видимо, объяснять этот феномен частой сменяемостью только тяжелой военной обстановкой, частой гибелью стратигов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправдано³⁴¹. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее, в этом можно видеть стремление правившего центра «перетасовывать чиновную колоду» из фемных глав, обладавших особенно широкой гражданской и военной властью на вверяемой им территории, дабы избежать эффекта привыкания, встраивания в местную среду знати и, как следствие, роста провинциального сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует «крайне низкий» ранг званий, а значит, и статуса стратигов Херсона этого времени (протоспафарий Петрона Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Карп (?), императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарокандидат Иоаннн, императорский спафарокандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Феофаний — титулы чиновников 7, 8, 9 и 11 рангов), тогда как с рубежа IX–X вв. преобладали моливдулы стратигов преимущественно с саном спафарокандидатов или протоспафариев (9 и 11 ранги, второй и первый класс чинов)³⁴². На таком уровне, как правило, находились протонотарии, турмархи, начальники штаба (*komites tes kortes*), архонты, то есть чиновники средней руки. Однако в IX столетии и другие, более крупные

люлек, хеландии-усии — на 40 человек меньше (Сорочан С. Б. К вопросу об уменьшении вместимости... — С. 79).

³⁴⁰ См.: Соколдова И. А. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона. — С. 211, № 46.

³⁴¹ Алексеенко Н. А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–X вв. — С. 701 сл.; ср. Степанова Е. В. Печати Сицилии VIII–XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. — 1998. — Вып. 29. — С. 291.

³⁴² Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... — С. 91–94; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... — S. 140–144; Алексеенко Н. А. Стратиги Херсона... — С. 702–733, №1–34; Степанова Е. В. Херсон и Сугдея по данным сфрагистических архивов. — С. 25–26; Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. — 2001. — Вып. 32. — С. 103; ср.: Bury J. V. Op. cit. — P. 25–27.

и важные фемы возглавляли стратиги с подобными «низкими» званиями³⁴³. В этом плане показательны приводимые Н. и В. Зайбт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же сане важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи — Анатолика³⁴⁴. Молливулы стратигов VIII — X вв. убедительно демонстрируют самые разные саны этих чиновников, имевших звания не обязательно патрикиев, но и протоспафариев, спафарокандидатов, спафариюв, кандидатов, даже если они принадлежали стратигам крупных, важных фем (Анатолик, Армениак, Вукелларии, Македония, Эллада, Сицилия). Мало того, сан стратига не зависел ни от ранга фемы, ни от давности ее создания. К концу же IX в. особенно распространенным стало как раз звание не патрикия, а протоспафария, тогда как для второй половины VIII — первой половины IX вв. таковым являлось звание спафария³⁴⁵. Так что «сановный индикатор» оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф. И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них зависел не только от старшинства чинов, то есть того, что ромеи обозначали термином *taxis* или *lampreis axiomasi* — «постановление», «порядок», «степень», «титул», «ранг», «сан», но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими санами³⁴⁶.

Есть определенная условность тактиконов в самом показном именновании фемных стратигов только патрикиями. Видимо, это был лишь формально достижимый сан. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеем в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфипатом патрикия, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона ранее последней трети X в. именно с таким высоким званием³⁴⁷. Очевидно, поэтому И. А. Баранов полагал, что протоспафарий Петра Каматир не мог быть по своему положению

³⁴³ Ср.: Соколова И. В. Чин стратигов византийских фем в VIII — первой половине X вв. по данным сфрагистики // Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев. — София, 1980. — С. 137-139.

³⁴⁴ Зайбт Н., Зайбт В. Указ. соч. — С. 92, 95.

³⁴⁵ См.: Соколова И. В. Чин стратигов... — С. 137-138.

³⁴⁶ Успенский Ф. И. Византийская табель... — С. 131.

³⁴⁷ Вугу J. B. Op. cit. — P. 146-148; Успенский Ф. И. Византийская табель... — С. 114; ср. Алексеенко Н. А. Стратиги Херсона... — С. 739, прил. 1, № 60-61; Алексеенко Н. А. Херсонская родовая знать X-XI вв.... — С. 257-261, № 2-4.

³⁴⁸ Баранов И. А. Административное устройство... — С. 141.

и дворцовому чину стратигом фемы³⁴⁸. Но, согласно Тактикону второй четверти IX в., подтвержденному данными сигиллографии этого времени, в стратигиды могли назначаться стратиги и в «генеральском» сане протоспафириев, занимавшие в этом случае 27 место среди 79 высших чинов³⁴⁹. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителям других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее второй трети IX в., среди прочих моливдовулов имперских должностных лиц — аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиариев.

Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратигии та «мощная полисная организация» с имперскими титулованными архонтами — «представителями самоуправления» (sic!), которая якобы наличествовала в городе в 30–60-х гг. IX в. и верность которой позже имперские власти покупали ежегодной выплатой 10 литр казенных денег³⁵⁰. Если это были представители местного городского самоуправления, тогда почему в Константинополе после создания фемы якобы решили упразднить должность кира Херсона³⁵¹, но не упразднили должность *pater tes poleos*, как следует из моливдула первой половины X в., принадлежавшего Сергию?³⁵² Ведь никакого «двоевластия» военной и гражданской администрации здесь не могло быть, так как это нарушало единоначалие — основной, краеугольный принцип фемной организации.

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о государственном статусе раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческими буквами П на аверсе и реверсе, П на аверсе и Х на реверсе, ПХ на реверсе и МВ на аверсе, буквой В на аверсе и П или ПХ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель «крепкой традиции самоуправления», «духа свободолюбия» той муниципальной организации Херсона, а именно, «полисной администрации», что была способна отстоять «полисные свободы» и даже «противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу»³⁵³. Однако не может не настораживать, что уже после создания фемы в Крыму в 840 или 841 г. на реверсе херсонских

³⁴⁹ Успенский Ф. И. Указ. соч. — С. 118.

³⁵⁰ Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. — Харьков, 1997. — С. 25, 26; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... — S. 140; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée... — P. 322.

³⁵¹ Ср. Айбабин А. И. Этническая история... — С. 216.

³⁵² Не схожесть ли функций одного и другого чиновника объяснение такому кажущемуся феномену?

³⁵³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... — С. 125–126; Соколова И. В. Монеты и печати... — С. 34–36, 112; табл. VI–VIII; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: — С. 124; ср. Salamon M. Mennictwo bizantynskie. — Krakow, 1987. — S. 213–214, rys. 161–164.

литых монет (DN/TH), выпуск которых был начат, вероятно, по приказу василевса Феофила, появилась надпись ПЛ (polis chersonos); при Михаиле III (842–866) среди монет не менее двух видов (с буквой М и с буквой П на аверсе) встречались такие, которые имели на обороте крест разной формы или букву Х либо ПХ, а при Василии I (867–886) — монеты с буквой В и крестом на аверсе и буквой П с крестами или только с крестом на реверсе³⁵⁴. Значит, в правление Михаила III и Василия I монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без «древнего символа полисного самоуправления». На это же указывают монеты с аббревиатурой КЛ или КЛМ, с характерной буквой В, похожей на «замочную скважину», и крестом на ступенях, и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (KBW) и крестом³⁵⁵. Без «полисного девиза» отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886–912) и его брата Александра (ЛЕ или ЛА на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление беспутного Александра (912–913) на реверсе херсонских монет в очередной раз появились буквы ПХ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод³⁵⁶.

Впрочем, это не помешало И.В. Соколовой, противореча себе, заключить: «Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869–879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов». О курьезе «поразительного совпадения» я уже говорил (оно относится к архонтам всей Империи), а надпись *poleos Chersonou* встречается даже на печа-

³⁵⁴ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, — С. 113–116.

³⁵⁵ Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. — 1992. — Т. 52. — С. 217, №2; Соколова И.В. Указ. соч. — С. 79, табл. VII; Salamon M. Op. cit. — S. 213–214, rys. 165.

³⁵⁶ Соколова И.В. Указ. соч. — С. 38–39, 43, 116, табл. VIII; Salamon M. Op. cit. — S. 214. В.А. Анохин полагает, что приписываемые Александру монеты типа буква А на аверсе и крест на реверсе и буква А на аверсе и буквы ПХ на реверсе датируются временем Михаила III, поскольку относятся к единому типологическому ряду монет, выпускавшихся в Херсоне с конца правления Феофила до конца единоличного правления Василия I. В этой букве ему видится указание на некоего безымянного архонта, а букву П он трактует не как сокращение греческого слова «Полис», а опять-таки указание на некоего протевона, от имени которого якобы велся выпуск монет в фемном Херсоне, поскольку суверенитет города «вначале не был затронут» (Анохин В.А. Указ. соч. — С. 115, 117, 125–126). Однако следует согласиться с Н.Н. Грандмезоном, что такое толкование представляется совершенно невероятным: архонтам и протевонам никогда не давалось право выпускать монету от своего имени (Грандмезон Н.Н. Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. — 1986. — Т. 47. — С. 211). В любом случае, кроме названных, к этому же ряду могут быть отнесены местные монеты с буквами р-о (Роман) и х-р (Херсон), но выпущенные, вероятно, в 921 г. от имени Константина VII, Елены, Романа и Христофора (Анохин В.А. Указ. соч. — С. 119).

ти стратига Херсона приблизительно последней трети X в.³⁵⁷, что, разумеется не говорит о неких особых «свободах» города.

Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то «своеобразных компромиссов» официального Константинополя с сугубо местными, независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582–602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И.В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII – первой четверти VIII века³⁵⁸. Но их нет, за исключением надписи «Херсон» на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518–527), тогда как монограмма «Полеос Херсонос» появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527–565); легенда ХЕРСОНОС присутствует на медных фоллисах Маврикия (592–602); буквой Х был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610–641) (если только это был херсонский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонские фоллисы Ираклия и его сына – соправителя Ираклия Константина (610–641), литые полуфоллисы VII–VIII вв. с буквами В на аверсе и D на реверсе³⁵⁹.

Примечательно, что даже инициалы василевса были убраны с солида, выпущенного в Херсоне, вероятно, в правление Льва VI или Константина VII, дабы не нарушать запрета на сохранявшееся только за столицей право чеканки золотых монет. Вместо букв П или ПХ на реверсе солида был обозначен крест на трех ступеньках, как обычно на херсоно-византийских монетах³⁶⁰.

³⁵⁷ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... – С. 94; ср.: Соколова И.В. Монеты и печати... – С. 117.

³⁵⁸ Соколова И.В. Указ. соч. – С. 30–33.

³⁵⁹ Salamon M. Mennictwo bizantynskie. – S. 118–120, 150, 164, 174–175, rys. 64–67, 108, 109, 120. Видимо, не следует абсолютизировать некую особенность, почти уникальность монетного дела Херсона, которая якобы позволяет говорить о его «полунезависимости или лишь о полузависимости от империи» (Dagron G. Crimée ambiguë... – P. 292). Имеющиеся особенности проглядывают преимущественно в IV–VI вв., в период «перестройки» монетного дела. Ко времени конца правления Маврикия их уже пытались нивелировать под общемперские нормы, стремясь уравнивать вес самой ходовой херсонской монеты – фоллиса с константинопольским (Grierson Ph. Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. – Washington, 1968. – Vol. 2. – P. 38, 381; Соколова И.В. Монеты и печати... – С. 24, 27), а при Ираклии город участвовал в общемперской монетной реформе (Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. – С. 104–109; Алексеенко Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. – М., 1995. – С. 25–26).

³⁶⁰ Грандмезон Н.Н. Заметки о херсоно-византийских монетах. – С. 209–210, № 3.

Похоже, что такого рода «девизы» то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чаще сокращенных, приходится на VI–VII вв.³⁶¹, изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (CIK, KT, R, RM, ROM)³⁶². На прочих монетах в VIII–X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и Х на херсонских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а, напротив, крепили как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П, разумеется, как начальный знак слова P(OLIS), а не обозначение мифического протевона, в тех случаях, когда она ставилась на херсонских монетах IX в. обособлено, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город Империи часто называли в Византии просто «Полисом»³⁶³. Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоятельной части своей «Хронографии», подразумевая Константинополь³⁶⁴. Так же поступал Константин Багрянородный³⁶⁵. Местные официны, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К тому же следует учитывать, что само понятие «полис» совсем не обязательно имело в VIII–IX столетии значение некоего древнего элевтериального символа. Так, в актах Вселенских церковных синодов названия епископских центров с обязательной припиской «полеос» (tes Koloneaton poleos, tes Nikopoliton philochristoy poleos и пр.), разумеется, вовсе не означало, что все эти многочисленные города и их администрация пользовались неограниченными муниципальными свободами³⁶⁶. Они были давно лишены муниципальной организации в ее античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не

³⁶¹ Salamon M. Op. cit. – S. 80–172.

³⁶² Ibid. – S. 169, 170, 189, 192.

³⁶³ Ibid. – S. 108, 110.

³⁶⁴ Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 год. – М., 1983. – С. 56 сл.

³⁶⁵ Константин Багрянородный. Об управлении... – С. 274, гл. 53. 514.

³⁶⁶ Ср.: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. – Leipzig, 1899. – S. 70.

нуждались в нем, так как уже с VI–VII вв. (после упадка городских курий) функции городских советов заменила местная служившая администрация, подконтрольная центральным органам власти. Таким образом, этот признак городской жизни, городское управление – был в Херсоне, как и в Византии, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Ну а случаи буйтарского своеволия, антиимператорских выступлений? За сотни лет херсонесской истории их зафиксировано только два – трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителями Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, случившееся в 896 г. Первое из них вполне вписывается в картину тех государственных переворотов, которые потрясали Византию в 695–717 гг. и в которых мятежники-херсониты были не одиноки³⁶⁷. Противопоставлять их ромеям, как это делает А.Г. Герцен со ссылкой на сообщение Феофана о карательной экспедиции Юстиниана II против опального Херсона, едва ли верно, особенно в связи с некими надуманными сомнениями византийцев относительно принадлежности херсонитов к их миру³⁶⁸. Мятежных фессалоникийцев, равенцев, элладиков или амастрийцев византийские раннесредневековые источники тоже не называли ромеями, а подчас сообщали о военных действиях, предпринятых центральной властью против неблагонадежных, но это не дает оснований вычленять их из состава ромейского мира и говорит о «весьма критическом» отношении к ним этого мира.

Второе, исключительно редкое событие упомянуто Продолжателем Феофана и другими византийскими хронистами наряду с памятной битвой с болгарами у Булгарофигона в Восточной Фракии и взятием арабами города Корона в Каппадокии³⁶⁹. Примечательно,

³⁶⁷ Ср.: Herrin J. The Context of Iconoclast Reform // *Iconoclasm*. – Birmingham, 1975. – P. 15.

³⁶⁸ Герцен А.Г. Эпоха средневековья // *Греки в истории Крыма*. – Симферополь, 2000. – С. 18.

³⁶⁹ Theophanes continuatus. – P. 360. 14–18; Продолжатель Феофана. – С. 150 (VI. 10); ср.: Georgius Monachus continuatus (Georgii monachi Vitae imperatorum recentiorum) // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / E rec. Im. Bekkeri. – Bonnae, 1838. – P. 855. 17; Leonis Grammatici chronographia ex rec. Im. Bekkeri. – Bonnae, 1842. – P. 269; Ангелов Д. История на Византия 867–1204. – София, 1974. – Ч. 2. – С. 62. Это событие произошло в 896 г., совпав с завершением так называемой «экономической войны» царя Симеона с ромеями, а не в 891 или 892 г., как нередко ошибочно указывают исследователи (ср.: Сазанов А.В., Ченцова В.Г. [Рец.] // *МАИЭТ*. – 1996. – Вып. 5. – С. 446 (Причерноморье в средние века / Под. ред. С.П. Карпова. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 256 с.); Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 58; Крым в X – первой половине XIII века // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв.* / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 82).

что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Не понятно, о какой последовавшей вслед за этим реорганизации намекает А. Пертузи, указывая на неоконченный Константином Багрянородным раздел о феме Херсон в трактате «О фемах»³⁷⁰. Может быть мотив происшедшего был в какой-то степени «справедлив»? Во всяком случае, Симеон, сын Ионы, судя по имени, вполне мог быть и человеком из Херсона, которого поэтому не было необходимости навязывать «местной хазарской знати» (sik!)³⁷¹, а сам момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда «все фемы и тагмы переправились с Востока»³⁷².

Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному с убийством стратига Сицилии. Им был царский протоспафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добыть деньги для выплаты дани арабам³⁷³. То есть в основе конфликта лежали финансовые, налоговые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство и размежевание между богатыми, средними и бедными горожанами. Однако эта борьба, как и в большинстве других аналогичных случаев, была не более чем эмоционально-психологической реакцией на ситуацию, не поднимавшейся до уровня потрясения основ общества³⁷⁴. Привычка же к самоуправлению населения Херсона, на которую указывали при анализе этого случая Ю. А. Кулаковский и некоторые другие исследователи, тут была не причём³⁷⁵.

Выводы о сепаратистских тенденциях херсонитов, «извечном стремлении херсонских городских властей к самоопределению и независимости» основываются, в основном, на предписаниях практического характера, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата «Об управлении империей» советовал применять в отношении кастроны херсонитов — «столицы» фемы в случае ее неповиновения центральной власти³⁷⁶. Однако даже в этом сюжете не со-

³⁷⁰ Constantino Porfirogenito. De thematibus / Introduzione, testo critico, comm. a cura di A. Pertusi. — Citta del Vaticano, 1952. — P. 183.

³⁷¹ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 353 (к с. 104).

³⁷² А. А. Бобринский, как и многие другие, неверно датировавший эти события 891 или 892 г., сочинил по этому поводу, что херсониты якобы послали Льву VI во время его войны с болгарами вспомогательные войска под начальством этого Симеона, но последний дурно управлял своим войском и война закончилась поражением: «тогда херсонцы умертвили Симеона» (Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. — СПб., 1905. — С. 116).

³⁷³ Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. — Berlin; Amsterdam, 1967. — Vol. 2. — P. 191.

³⁷⁴ Ср.: Хвостова К. В. Византийская цивилизация. — С. 35.

³⁷⁵ Кулаковский Ю. Прошлое Тариды. — К., 1906. — С. 74.

держится намек на то, что здешний глава фемы может встать во главе сопротивления: ему предписывалось уйти из Херсона «в другой кастрон» (en etero kastro), очевидно, в Сугдею или крепость из числа соседних укрепленных городищ Юго-Западной Таврики, архонты которых оставались верны правящему василевсу, и отменить казенные выплаты, полагавшиеся херсонитам. Видеть же в нем стратига «только по названию», «безоружного представителя права, скорее юриста, чем правительственное лицо», будет большой натяжкой в свете всего того, что нам известно об активной, разносторонней деятельности херсонских стратигов из летописных, агиографических, эпистолярных, эпиграфических источников X–XI вв., как и считать, что предлагаемые меры имели характер дипломатического разрыва: ни одному василевсу не пришлось бы в голову идти на это в отношении своих подданных, которые, как уже отмечалось, опасались царского гнева (ton ek tes basileias kindunon)³⁷⁷.

Такого рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом ромейском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Провинциальные центры, чья ромейские законы, указы императоров, не всегда были популярны византийской власти, которой порой не удавалось добиться от горожан послушания. К примеру, во время похода стратига Петра на славян в 596 г. епископ и жители Асима (Asemon, Asema), расположенного на территории Нижней Мезии, не подчинились его требованиям включить гарнизон города, в свое время дарованный асимцам Юстином II, в ромейский экспедиционный корпус, и после безрезультатных попыток добиться этого стратиг покинул город, «...провожаемый всяческими издевательствами со стороны горожан», не забывавших в тоже время в своих восхвалениях прославлять правившего императора Маврикия, чьим военачальником был оскорбленный Петр³⁷⁸. Свидетельства «Чудес св. Димитрия» показывают, что накануне осады Фессалоники славянами в 676–677 гг. среди высшего социального слоя горожан, ее «опытных людей» (empeiron andron), имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не сов-

³⁷⁶ Константин Багрянородный. Об управлении... – Гл. 53. 512–529, с. 274; Roman-cuk A. I. Cherson im Mittelalter // BS. – 1992. – Т. 53. – F. 2. – S. 204.

³⁷⁷ Rambaud A. L'Empire grecs au Xe siecle: Constantin Porphyrogenete. – Paris, 1870. – P. 491; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса... – С. 77–78; Талис Д. Л. Политические отношения Корсуня с Русью // Архив НЗХТ. – Д. № 612. – Л. 4–6; ср.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. – С. 87–94, 101–102.

³⁷⁸ Феодилант Симокатта. История. – М., 1996. – С. 182–183 (VII. 1–10); ср.: Франчес Э. Левобережье Дуная и Византия в VI в. // ВВ. – 1961. – Т. 20. – С. 18; Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. – 1967. – Т. 27. – С. 34.

падавших с интересами правящей в Константинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена³⁷⁹. В целом, ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона осенью 711 г., только вместо хазар здесь присутствовали славяне. Вообще, в периоды, когда центральное правительство слабело, а связь со столицей затруднялась, фессалоникийцы неоднократно пытались действовать как независимый город-государство и дистанцироваться от столичного правительства, а их совет светских магнатов и церковных иерархов занимался городскими делами вплоть до перехода Фессалоники в руки турецкого султана, что не мешало современникам воспринимать ее как второй город Византийской империи³⁸⁰.

Как известно, карательные действия Юстиниана II, а именно, посылка им весной 710 г. военного флота к Равенне, тоже вызвало здесь стихийное возмущение равеннских горожан, впервые избравших своего военно-административного руководителя — *dux'a*. О. Р. Бородин видит в этом «широкое антиимперское народное движение», однако признает, что оно завершилось миром после гибели Юстиниана в силу предложенных государственной властью компромиссов³⁸¹.

В этом плане северомалоазийская военно-административная область Опсикий, пределы которого отделяло от столицы Мраморное море, был не менее мятежен с конца VII до конца VIII столетия, а соседние города Вифинии — Никея, Никомидия, Пренет также не всегда были лояльны к правившим василевсам³⁸².

В марте 799 г. «элладики» (*ton Elladikon*), то есть, очевидно, фемная провинциальная знать, воины фемного войска пытались организовать заговор с целью возведения на трон сосланных в 790 г. в Афины или Коринф сыновей Константина V, дядей юного Константина VI, но василисса Ирина расстроила эти планы, а все виновные были ослеплены³⁸³. На Пасху она, по словам Феофана, ехала в повозке, в которую, наряду с четверкой белых коней, были впряжены четыре патрикия, по-видимому, участники заговора. Можно не сом-

³⁷⁹ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995. — С 144–151, § 231–242; Иванова О. В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» // Славянские древности. — К., 1980. — С. 91.

³⁸⁰ Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? — С. 30–31.

³⁸¹ Бородин О. Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. дисс... докт. ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. — М., 1997. — С. 37.

³⁸² Lounghis T. C. A Deo conservandum imperiale obsequium. Some notes concerning byzantine field troops during the Dark Ages // BS. — 1991. — Т. 52. — P. 54–60.

³⁸³ Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1: Textum graecum continens. — P. 473. 32–474. 11; Korres Th. To kinema ton «Elladikon» // Byzantiaka. — Thessalonike, 1981. — Т. 1. — С. 39–49.

неваться — не повези херсонеситам, Юстиниан II придумал бы для их «опытных людей», «первенствующих» наказание покруче.

Чем «самоуправляемый» Херсон отличался по сути от ромейского Асима, Фессалоники, Афин или, скажем, от Селевкии — крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах Империи, только не северных, а еще более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII — начале VIII вв., еще до того, как Селевкия — метрополия Исаурии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирриоты, она сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, а ее управление находилось в руках местных чиновников на византийской службе, о чем свидетельствуют, как и в Херсоне, находки моливдулов³⁸⁴.

Оппозиционные настроения периодически возникали и в юнопонтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патрикии Феофобе, знатном персе, командире так называемого «персидского отряда», талантливом военном сподвижнике василевса Феофила, ставшем его родственником, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвиненный в страшном преступлении — оскорблении величества, он «... пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами» нашел убежище в Амастриде, принявшей «открытого врага царя». В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония³⁸⁵, оказался втянут в войну с императором и был осажден флотом, которым командовал друнгариий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841/842 г. решил сдаться императору и, «держая в своем сердце страх Божий, сказал, что негоже христианину радоваться пролитию крови благоверных людей», имея в виду амастрийцев и ромейских воинов³⁸⁶. Случай почти классический! Однако никому из историков не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд «оплота вольнолюбия», а ее правителей назвать «местной народной властью».

Обвинения в «сепаратизме» тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надежной «тюрьмы» для разных политических преступников, бунтовщиков, смутьянов,

³⁸⁴ Zacos G., Vegliery A. Byzantine Lead Seals. — Basel, 1972. — Vol. 1. — Pts 2-3. — №727, 1074-1076, 1157, 1335-1337, 1419, 1433, 1684, 1773; Zacos G. Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. — Berne, 1984. — Vol. 2. — №144, 336, 338, 344; Foss C. The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. — 1975. — P. 729-730; Edwards R.W. The Fortifications of Armenian Cilicia. — Washington, 1987.

³⁸⁵ Возможно, создание здесь фемы тоже было связано со стремлением «законно» (κυριος), как и в Херсоне и «его местах» (ἐν αὐτοῖς τοῖς τόποις), укрепить позиции центральной власти (ср.: Константин Багрянородный. Об управлении... — С. 172, гл. 42.41-42).

³⁸⁶ Theophanes Continuatus. — P. 135-136; Продолжатель Феофана. — С. 61 (III. 38).

которых не стали бы ссылатъ в неблагонадежный, «полузависимый» от Империи центр, населенный людьми, на верность которых нельзя было положиться. Логично, что «от жителей города, который служил центральной власти как место ссылки, преследования и заключения, никто не мог ждать ярких отклонений от официальной линии»³⁸⁷. Начиная с IV столетия, перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попадавших после полагавшегося по закону бичевания в город или его округу, соседние «крепости-городки» (кастра, полисмы)³⁸⁸. Разумеется, выбирая место изгнания, власти учитывали не только его заброшенность, но и степень благонадежности. К примеру, Фессалоника никак не подходит под разряд небольших, «окраинных городов, удаленных от ведущих культурных центров»³⁸⁹. Однако она тоже принимала ссыльных, как и Никея Вифинская, где, к примеру, в правление Константина V провел в изгнании остаток жизни царский нотариус Феодор, отец Никифора, будущего патриарха Константинопольского³⁹⁰.

«Нельзя думать, — справедливо отмечал А. Л. Бертъе-Делагард, — что подобные ссылки делались в город, пользующийся чуть ли не безусловной свободой и не имеющий правителя, поставленного тою властью, которая ссылала; это была бы не ссылка, а предоставление свободы, тогда как ссылка в Херсонес считалась весьма тяжелым наказанием вообще и, во всяком случае, достаточно прочным заключением для лишенных престола или претендентов на него»³⁹¹. Возможно, здесь следует ко всему прочему учитывать и консервативную особенность культуры, менталитета херсонитов — потомков суровых дорийцев, всегда плохо воспринимавших вольное или невольное вторжение в их среду чужаков, иноземцев и поддерживавших во всем сограждан, преданных отчим традициям и обычаям. Отправляя к ним изгнанника, власти заранее были уверены, что его неизменно встретит настороженное отношение.

Пытавшиеся найти здесь убежище враги Константинопольского правительства очень скоро начинали понимать, что попали не туда, куда рассчитывали, что союзников, сочувствующих у них не будет,

³⁸⁷ Байер Х.-Ф. История крымских готов... — С. 345.

³⁸⁸ Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. — 1907. — Вып. 23. — С. 14; Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter. — S. 210; ср.: Сидоркин А. И. Лишение и ограничение свободы как наказания в византийском праве // *Forum Romanum*. Доклады III международ. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль — Москва, 25–30 июня 2003 г. — М., 2003. — С. 141.

³⁸⁹ Ср.: Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. — Свердловск, 1976. — С. 8.

³⁹⁰ Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви св. Софии // Творения св. Отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. — Минск, 2001. — С. 6–7, гл. 5.

³⁹¹ Бертъе-Делагард А. Л. Надпись времен Императора Зенона... — С. 78.

и даже просто отсидеться в городе, перевести дух не удастся. Так, поднявший в 364/365 г. антихристианское по своей сути восстание Прокопий, родственник покойного императора Юлиана, после поражения, разумеется, не случайно бежал вместе с семьей именно в Херсонес, рассчитывая, видимо, получить поддержку в этом остающемся еще в целом языческом городе³⁹². Но почти сразу незадачливый узурпатор понял, что обманулся в своих ожиданиях, «что жители его не заслуживают никакого доверия», то есть не думают изменять правившим императорам Валентиниану и Валенту. Поскольку Аммиан Марцеллин отметил, что Прокопий «терпел от голода в диких местах и был лишен человеческого общества», можно предположить, что беглецу пришлось скрыться из города, где ему, по словам Зосима, грозило «быть выданным лицам, прибывшим искать его». Показательно, что через два с половиной столетия точно также настороженно по отношению к опасному изгнаннику Юстиниану Ринотмету будут вести себя далекие потомки этих херсонеситов. В итоге Прокопий поспешил покинуть берега Таврики на попутном корабле, прихватив домочадцев³⁹³. Более того, он направился прямо в Константинополь. Очевидно, даже столица Империи, при всей ее опасности для мятежника, казалась ему сулящей больше перспектив и надежд, чем неудачно выбранный злополучный приют.

Уже на следующий год в Херсонес угодил в ссылку Фронимий, проходивший по делу о заговоре Прокопия³⁹⁴. Имперские власти могли быть спокойны — город достойно выдержал проверку на благонадежность. Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элуру, известному поборнику преследуемого правительством монофиситства, удавалось вызывать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку в 460 г., устраивать в Ганграх «запрещенные сходки и беспорядки», отчего Лев I перевел его в 464 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый архиепископ, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: в течении последующих 11 лет он рассылал отсюда письма своим сторонникам в Нижнюю Мезию, в Томи, города Сирии, Египта, отправлял сочинения, направленные против постановлений Халкедонского собора, получал отве-

³⁹² См.: Ammianus Marcellinus. With engl. transl. by J. Rolfe. — Cambridge; Harvard, 1950. — Vol. 2. — P. 598 (XXVI. 10. 8–10); Zosime Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. — Paris, 1979. — T. 2. — P. 2. — P. 266 (IV. 5. 2); Зосим. Новая история // Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с рус. пер. В. Латышев. — СПб., 1893. — Ч. 1. — С. 798; Курбатов Г. Л. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. — М., 1961. — С. 72.

³⁹³ Предположение о том, что на тот момент в городе не было имперских войск, ничего не меняет: источники подчеркивают, что беглец был вынужден покинуть Херсонес (ср.: Цукерман К. Епископы и ганизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. — (1994) 1995. — Вып. 4. — С. 558).

³⁹⁴ Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. — М., 2000. — С. 377.

ты и денежную помощь, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди некоторой части херсонеситов своим религиозным взглядам, но такой горячей «антиправительственной» поддержки, как от гангрцев, похоже, не имел³⁹⁵. Местные церковные иерархи занимали проконстантинопольскую позицию, участвовали в синодах, утверждавших православие и осуждавших ереси, в том числе монофиситство, и вообще отличались благонадежностью. Недовольные церковной и политической зависимостью от Константинополя, подпавшие под влияние Тимофея Элура, из числа тех, что «стали следовать его вере», не могли быть многочисленными на тот момент, до либерализации отношения к монофиситам при Зиноне и Анастасии I, да и объективность этого свидетельства Захария Митиленского (Ритора) вызывает сомнения в виду ярко выраженной монофиситской ориентации сирийского автора, для которого не исповедующие этого учения причислялись к «варварским и нецивилизованным людям»³⁹⁶.

В небольшом мартирии, написанном, вероятно, Феодором Спудом в конце 668 или в начале 669 г., и в «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина...», компиляции конца VII в., выполненной в виде схолии к нескольким кратким мартириям наиболее прославленных, непримиримых антимонофелитов, говорится, что в 646 г. в Херсон были сосланы (*Chersonem in exilium missis; kai exoristhentes en Chersoni*) схваченные «еретиками» около Авидоса монахи – братья Евпрепий и Феодор (*germanis et sanctis fratribus*), сыновья Плутина, служившего при василевсе Ираклии. Монахов то и дело разлучали (*separatis*) и до смерти одного из них, последовавшей на девятый год ссылки в октябре 655 г., держали «в крепостях племен» (*in castris gentium, en kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon*), находившихся по соседству с городом и, следовательно, остававшихся под властью Империи³⁹⁷. Примечательно, что другие ссыльные противники монофелитства в Авазии (Абхазии) и Иверии тоже попадали под контроль ромейских властей в лице патрикия и стратига Иверии или патрикия и магистра Авазии³⁹⁸.

Говоря о херсонитах, как о не имеющих «...совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров по-

³⁹⁵ Об этом особенно подробно сообщает сирийская версия «Церковной истории» епископа Захария Митиленского, составленная в 569 г. (*The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene*. Transl. into english by F. J. Hamilton, E. W. Brooks. – London, 1899. – P. 79-80). Ср.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 25, 48; *Liberat. Breviarium // Acta Consiliorum Oecumenicorum* / Ed. A. Shwartz. – Berlin, 1936. – Т. 2. – Vol. 5. – P. 125; Сиротенко В. Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского гос. ун-та. – 1964. – № 117. – С. 102.

³⁹⁶ Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 418.

³⁹⁷ *Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto* // Епифанович С. Л. Материалы к изучению жиз-

стоянно обнаруживает в... сострадании»³⁹⁹, противник церковной политики василевса Константа II (641–668), ярый ортодокс, ссыльный папа Мартин (649–655) тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутьян Мартин был личным врагом крутого василевса, к тому же врагом на религиозно-политической почве, не принявшим монофелитства и активно участвовавшим в возмущении равеннского экзарха Олимпия в 649–653 гг.⁴⁰⁰. Очевидно, его появление в городе и его климата (*ta tes Chersonos klimata*)⁴⁰¹ было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно.

Вероятно, в Херсоне, как и среди населения Таврики, прослеживалось не только влияние монофиситов (см.: рис. 99), подпитываемое торговыми и культурными связями с Сирией⁴⁰², но и безропотно принято официально введенное в VII в. монофелитство, а также очередная «еретическая» новация Константинополя – широко известный указ Константа II от 648 г. (*typos tes pisteos*), приравнивавший друг к другу ортодоксов и монофелитов. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам и прочим окрестным жителям

ни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – С. 14. 11–16, sec. 4; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853. – Т. 129. – Col. 684 D; Devreesse R. Le texte grec de l'Hypomnesticum de Theodore Spoude: le supplice, l'exil et la mort des victimes illustres du Monothelisme // AB. – 1935. – Т. 53. – P. 49–80; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. – P. 78. В свете того, что ныне известно о кастра Юго-Западной Таврики, воздвигнутых во второй половине VI–VII вв. стараниями византийской администрации и местных экспонд-союзников Империи, нет никаких оснований видеть эти крепости находящимися исключительно «во власти готов или непосредственно хазар» (ср.: Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8.Jh. // Византия и Крым. Тезисы междунаро. науч. конф. – Симферополь, 1997. – С. 100; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 303). Говорить о господстве хазар в Крыму в 40–50-х гг. VII в. вообще нонсенс.

³⁹⁸ См.: Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). – М., 2002. – С. 56–60.

³⁹⁹ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 179–180.

⁴⁰⁰ Подр. см.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 142–161.

⁴⁰¹ Theophanis Chronographia. – P. 351. 17–19.

⁴⁰² Залеская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отдела Эрмитажа) // ВВ. – 1988. – Т. 48. – С. 207; Сидоренко В.А. Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 113; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 194–195; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). – К., 2000. – С. 88, 95.

Мартинном, для которого отклоняющиеся в сторону любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, «варварами», которым он отказывал в общении. «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь» — писал из Херсона ссыльный своим сподвижникам⁴⁰³. Контакты с местными жителями таких ссыльных были затруднены именно по причине взаимного недоверия и непонимания. Поэтому вряд ли прав Ф. Дворник в том, что принудительно попадавшие в Таврику сторонники ортодоксального православия, противники монофелитства были полезны константинопольскому правительству: в силу своей малочисленности они могли увеличить греческий элемент весьма незначительно, а занятие христианизацией населения в духе православия было для таких ссыльных невозможно по причине неусыпного контроля со стороны местных византийских светских и церковных властей⁴⁰⁴. То, что несли покаранные василевсом преступники, должно было восприниматься этими властями только как враждебная пропаганда на подчиненной им территории дуката (архонтии) и епархии.

Позже херсониты, «заподозрив опасность для себя», «убоявшись опасности со стороны империи» (*ton ek tes basileias kindunon*) в случае, так сказать, «недоносительства», решили открыть недавно вступившему на престол императору Тиверию Апсимуру (698-705) крамольные замыслы еще одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их традиционной ориентации на Византию, законопослушания и лояльности по отношению к официальному константинопольскому правительству⁴⁰⁵. Едва ли бы стал так ревностно, раболепно выслуживаться самоуправляемый, вольный город.

По мнению Ж. Дагрона, Херсон был своеобразным местом ссылки, поскольку отправленный туда экс-император «открыто планирует свое возвращение на престол, собирает приверженцев и обладает достаточной свободой передвижения». По этому поводу стоит заметить, что, прожив в городе не один год, ссыльный не сумел обзавестись здесь большим числом сторонников (источники называют лишь несколько имен), не сыскал симпатии горожан, с ненавистью на него смотревших, а «свободным передвижением» стало бегство тайком в чужую землю. Если видеть в этом «двойственность» положения города, тогда придется признать, что он не был одинок среди прочих городов Романии. Я уже отмечал выше, как вызывающе вел себя в Ганграх другой враг Империи — ссыльный Тимофей Элур, чувствовавший поддержку здешних горожан. Очень похожими на поведение Юстиниана II, только более успешными поначалу, были

⁴⁰³ Бородин О. Р. Римский папа Мартин... — С. 179-180.

⁴⁰⁴ Dvornik F. Les legendes de Constantin et de Methode, vues de Byzance. — Prague, 1933. — P. 159.

⁴⁰⁵ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 39, 62, 155, 163.

действия сосланного в 715 г. в Фессалонику низложенного Анастасия Артемия II, которому в 718 г. удалось вовлечь в заговор по возвращению престола своих приверженцев из числа фессалоникийцев, и в их числе архиепископа Фессалоники⁴⁰⁶. На мой взгляд, прекрасный пример «двойственности», схожей с херсонской, и пример далеко не единственный. Тем не менее, когда Юстиниан вернул власть, он, в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец⁴⁰⁷. Есть основания полагать, что именно в Херсон или его окрестности (на берега Понта) им был сослан предварительно ослепленный равеннский архиепископ Феликс (705–723), несмотря на свои проимперские симпатии, очевидно, запятанный контактами с василевсом-узурпатором Леонтием⁴⁰⁸.

В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказались повинны он сам, его злопамятность, жажда личной мести, толкавшие на безумные поступки, а не некая паталогическая неверность херсонитов, только и мечтавших об автономии. Скорее, здесь могли быть задействованы религиозные симпатии и антипатии местного населения. В частности, монофелитская оппозиция продолжала таять⁴⁰⁹. Этими настроениями мог воспользоваться в Херсоне Вардан, известный как стойкий монофелит. Он был близок к ученикам Макария Антиохийского, лишенного сана после VI Вселенского синода, на котором Макарий единственный осудил диафелитство⁴¹⁰. Следовательно, город стал местом ссылки будущего василевса потому, что в очередной раз сменил религиозный курс на ортодоксальный, но изгнаннику удалось найти сторонников среди местного населения. Недаром после прихода к власти он созвал церковный синод с целью отменить положения VI Вселенского собора и предать его анафеме.

Под 776 г. в «Хронографии» Феофана упоминается, что «император, избив и остригши мятежников, сослал... в Херсон и климата (eis Chersona kai ta klimata) ради стражи и преследования» брата

⁴⁰⁶ Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 126.

⁴⁰⁷ Чичуров И.С. Указ. соч. – С. 41, 64, 157, 165.

⁴⁰⁸ Архиепископ Феликс был схвачен стратигом Сицилии патриkiem Феодором во время карательной экспедиции в Равенну, вероятно, весной 710 г. (Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis. – P. 367–369; De Liber Pontificalis. Texte, introduction et comment. par L. Duchesne. – Paris, 1955. – Т. 1. – P. 389; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 8; Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 139–140, 162–165). После утверждения на троне Вардана Филиппика он был возвращен в Равенну в 712 г.

⁴⁰⁹ Карташов А.В. Вселенские соборы. – М., 1994. – С. 449.

⁴¹⁰ Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей ~ 1054 г.). – К., 1991. – С. 454; Карташов А.В. Указ. соч. – С. 436–437.

Льва IV Хазара — кесаря Никифора и других его сообщников — заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот⁴¹¹. Так было покончено с заговором иконоборской группировки, которая объединилась вокруг братьев Льва Хазара ради попытки возвести на трон Никифора. Для того, чтобы решиться на отправку преступников в Херсон, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник, способный на многое в силу своего высокого статуса, и его «поделники» не найдут сочувствия и поддержки у властей архонтата и будут лишены каких-либо возможностей для реванша. Очевидно, они тоже были разлучены друг с другом, будучи разбросаны по разным местам на территории климата. Полное забвение, отсутствие свидетельств о переговорах сосланных с херсонитами, о каких-либо попытках продолжать плести интриги, лучшее тому доказательство.

Никто в Херсоне, как в целом в Таврике, не попытался использовать введение иконоборства как повод для бунта и отделения от государства, хотя подобное происходило в других районах Империи, например, в Мантуе, Луке и Бледе⁴¹². Уже одно следование византийскому конфессиональному диктату, всем колебаниям курса Византии, за что иконодул Епифаний в первой трети IX в. укорял «лжецов», «некрепких на веру» и «кружимых всяким ветром», говорит не о неких особых, неприглядных этических, моральных нормах жизни местного населения, как может показаться на первый взгляд, а о стойкости проромейской ориентации «херсаков» и их следованию изгибам официальной правительственной политики⁴¹³.

Неукротимые монахи столичного Студийского монастыря, не желавшие признать решений «антистудийского» поместного собора 809 г. и склониться перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, в числе которых в одном ряду упоминались Финия, Херсон, Сицилия, Фессалоника, где их содержали в самых тяжелых условиях⁴¹⁴. Подчас игумены, которым, как полагалось по закону, был вверен надзор над заключенными, притесняли их не в меру ретиво, даже больше, чем того требовали правительственные предписания⁴¹⁵. В частности, в 48-м письме Феодора Студита некоему «юному Афанасию» (810–811 гг.) перечисляется ряд лиц, принадлежавших к разным степеням церковной иерархии и подвергшихся

⁴¹¹ Theophanis Chronographia. — P. 450.31–451.2; Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 46, 68.

⁴¹² Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. — С. 174–175.

⁴¹³ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... — С. 234.

⁴¹⁴ Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. — 1864. — Т. 99. — Col. 269 D, 272 DC; Theodori Studitae epistulae. — Col. 1068 B, 1072 C — 1073 B, 1076 B, 1116 B; Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni // PG. — 1864. — Т. 99. — Col. 840 D — 841 A; Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки имп. Новороссийского ун-та. — Одесса, 1913 (1914). — Т. 113. — С. 649.

⁴¹⁵ Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni. — Col. 840 D; Theodori Studitae epistulae. — Col. 1052 A.

гонению за сочувствие взглядам студитов. Здесь названы епископ Лев по прозвищу Валелад, устрешаемый, преследуемый в Херсоне (*dediogmenos, persecutionem passus*), игумен Антоний и двое других его сподвижников, смещенных, очевидно, там же; затем, после упоминаний лиц, сосланных на Липарские острова, опять в Херсоне – Литой с братией, сначала содержавшиеся под стражей в этом городе, а потом отправленные к василевсу и заключенные в константинопольскую тюрьму⁴¹⁶. Разумеется, представители духовных властей Херсона не были редкостью среди прочих, кто пострадал и в других местах Византии за следование примеру студитов. Поэтому в неприятии политики Никифора I некоторой частью херсонского клира нельзя усмотреть ничего исключительного, присущего только «вольнолюбивому» Херсону. Посылая своих противников в изгнание, каждый император оставался убежден в благонадежности выбранных для этого городов и мест и в том, что их население покорно разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам духовенства.

Феодор Студит, обращаясь в другом своем письме, отправленном летом или осенью 821 г. к находившимся в Херсоне ссыльным епископам и монахам – «студитам», призывал их крепиться и быть наставниками, учителями, проповедниками местных жителей, «находившихся во мраке и заблуждении жизни» и участвовавших в совершении здесь «страшных дерзостей» против Христа⁴¹⁷. Очевидно, имелась в виду приверженность тому самому официальному правительственному курсу, насаждаемому из Константинополя, который, по словам Феодора Студита проводили «ироды» – василевсы и, в частности, убитый в ночь на Рождество 820 г. Лев V Армянин – «великий дракон, Ассирийский ум». В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон, в целом чуждый врагам правивших василевсов, был транспортно связан с ядровыми землями Империи, без чего невозможны были беспрепятственный приезд в Константинополь «одного из гонимых братий», Агапита, «монаха достпочтеннейшего, или лучше, блаженнейшего», а также переписка со ссыльными, посылка им «некоторого приношения», видимо, денег и продуктов, столь необходимых в чужом городе, где они должны были содержать себя за свой счет⁴¹⁸.

⁴¹⁶ Theodori Studitae epistulae. – Col. 1072 D; cp.: Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – Р. 326. Цитата из этого источника, приводимая А. И. Романчук в переводе на немецком языке, неполна (Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 78, прим. 91).

⁴¹⁷ Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита... – С. 454-455 (письмо XCII).

⁴¹⁸ Творения... – С. 455.

Верность Херсона правительственному иконоборскому курсу тем более любопытна на фоне явных иконопочитательских симпатий и настроений, какие обнаруживала тогда же соседняя Готфия. Иначе невозможно объяснить, почему между 821 и 826 гг. иерарх здешнего монашества, тот, кого Феодор Студит называл «архимандритом Готфии», состоял в переписке если и не с опальным, то все же известным вождем оппозиционеров, принимал от него наставления в истинной вере, упреки в обмирщении местного монашества, его отходе от требований иноческого устава и даже обращался к Феодору с просьбой быть посредником в раздоре с неким «боголюбимейшим отцом и киром Филаретом», архиереем епархии, возможно, Готфской, Херонской или Сугдейской⁴¹⁹. По мнению Х.-Ф. Байера, эпитет «боголюбимейший», который был использован Феодором в письме по отношению к этому архиерею, указывает на то, что упомянутый Филарет не мог быть иконоборцем⁴²⁰. Замечание на бесспорное, ибо нам не известно содержание этого письма и те упреки или наставления, которые, как и в письме архимандриту Готфии, в нем тоже могли быть.

Ортодоксы-студиты были не единственными опальными иконопочитателями. В самом начале правления Миахаила II (820–829) Херсон по неясным причинам вынужден был покинуть вместе со своим учеником Парфением прибывший туда из Константинополя ради «отдыха» (eis anapsuxin) предварительно амнистированный (adeias) Иоанн Психаит, искусный проповедник, знаменитый подвижник православия; вероятно, при Феофиле (829–842) «за дерзновенное обличение ереси», то есть иконоборства, здесь отбывал ссылку монах, преподобный Иосиф Гимнограф (813–883 или 886 гг.), причем он оставался в городе «во узах и озлоблении», вероятно, вплоть до смерти Феофила, после чего его вернула в столицу августа Феодора, воцарившаяся с сыном Михаилом⁴²¹. Если это так, тогда изгнание Иосифа последовало, скорее всего, после 832 г., когда Феофил издал указ «о непоклонении иконам» и стал применять насилие к непокорным,

⁴¹⁹ См.: Theodori Studitae epistulae. – Lib. II, № 164, col. 1519–1520; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – P. 104–105, 135.

⁴²⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 346.

⁴²¹ La Vie grecque de S. Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. Van den Ven // Le Museon. Nouvelle Serie. – 1902. – Т. 3. – P. 118–120; Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani // PG. – 1864. – Т. 105. – Col. 939–974 (особенно sec. 4); Пападопуло-Керамевс А. И. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия Патриарха. – СПб., 1901. – С. 1–14; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano par Hipp. Delehaye / Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. – Bruxelles, 1902. – Col. 583; Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 110; Лопарев Хр. М. Византийские Жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – (1911) 1913. – Т. 18. – С. 1–6, 12; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. – Пг., 1914. – С. 227, 235; Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С. 351–352.

переполнив застенки «почитателями икон, богомазами, монахами, епископами, пастырями и паствой»⁴²². В частности, в 838 г. василевс организовал ссылку части столичных монахов в провинцию⁴²³. Именно присылка в окраинный город с ведома властей самых ярких иконопочитателей из числа духовенства особенно наглядно противоречит предположению о якобы «оппозиционном направлении, которое господствовало в Херсонесе в связи с иконоборчеством»⁴²⁴.

Ничего не изменил и отказ от него. В самом конце 850-х и начале 860-х гг. окрестности города (*penes Cersonam*), вероятно, все

⁴²² Theophanes continuatus. — Р. 99–100 (III. 10); Продолжатель Феофана. — С. 46–47; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Im. Bekkero supletus et emandatus. — Воннае, 1839. — Т. 2. — Р. 101; Каздан А. П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). — С. 350. Следует заметить, что определение времени ссылки Иосифа Песнописца вызывает разногласия. Упоминание ереси как будто говорит об иконоборской поре. Однако из Жития следует, что когда «началась христорборческая ересь», то есть в 832 г., Иосиф оказался в плену у критских арабов, к которым попал следуя на корабле в Рим. И лишь по смерти Феофила, после многих лет отсутствия (*meta chronous synchrou*), он вернулся из плена в Константинополь, поселился в монастыре Иоанна Златоуста, где прожил пять лет. Примерно в 847–848 гг. Иосиф основал свой монастырь, а затем в Фессалии — храм во имя ап. Варфоломея. Только после этого он «среди соблазнов церкви испытал на себе тяжелую руку кесаря Варды», брата вдовствующей августы Феодоры и дяди Михаила III, и по повелению василевса, был изгнан в город Херсон (*lego de ta peri tou kaisaros Barda lalethenta te kai prachthenta, ina syntomos eipo, othen basileio cgeiri kai neumatī makran yperopios ginetai, toutestin en Chersoni te polei, ina kai tou enteuthen tyche makarismou*). Вернулся он из ссылки «через несколько лет» (*meta tinas chronous*) (ср.: *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae*... — Col. 583; Лопарев Хр. Византийские Жития святых VIII–IX веков. — С. 4). Известно, что Варда, вошедший вместе с Феодорой в регентский совет при Михаиле в 842 г., действительно сделал немало для того, чтобы отстранить сестру от власти и сместить патриарха Игнатия (847–858), сына иконопочитательски настроенного василевса Михаила I (811–813). Если учесть, что интриги Варды против Игнатия и его сторонников начались не ранее 847 г., достигли апогея в 857–858 гг. завершившись выдвижением на патриарший трон протоаскриты Фотия, а кесарем Варда стал в 862 г. (Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. — Р. 451–452; Angold M. Byzantium. — Р. 124; Дашков С. Б. Императоры Византии. — М., 1997. — С. 157–159), тогда ссылка Иосифа пришлось примерно на 848–858 гг. и он мог попасть в Херсон вместе с некоторыми прочими опальными «игнатианами», скорее, к концу 50-х гг. Однако едва ли новый патриарх Фотий (858–867), любивший Иосифа и считавший его выше других, надолго оставил бы ссылочного в забвении. Во всяком случае, ко времени пребывания в Херсоне Константина Философа зимой 860–861 гг. его здесь уже не было, иначе такое знаменательное соседство не преминули бы отметить агиографы. Во второе патриаршество благодарный Игнатий (867–877) назначил Иосифа Песнописца скевофилаком Великой церкви. Следовательно, не проходит предположение Е. Томадакис, что под «негодным царем», указанным Иоанном Дяконом гонителем Иосифа, следует понимать Василия I (867–886) (Tomadakes Eu. I. Joseph o Gemnographos. Bios kai ergon. — Aphena, 1971).

⁴²³ История Византии. — М., 1967. — Т. 2. — С. 74.

⁴²⁴ Ср.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. — М., 1908. — С. 44.

те же кастра и полисмата, служили местом приема ссыльных «игнатан», непримиримых противников василевса Михаила III и Фотия, этого «светского чиновника», рукоположенного в патриархи 25 декабря 858 г.⁴²⁵

Самосознание византийского социума, к которому относились и херсониты, очень долгое время было «государственническим» и конфессиональным, а не этническим, ибо отражало «самоидентификацию государства и города»⁴²⁶. Херсон был прекрасно, с учетом основных правил полиоркетики укреплен, обладал сплошной, мощной крепостной оградой, а с напольной стороны, двойной⁴²⁷. Его государственный статус постепенно эволюционировал в зависимости от изменения социальных и политических обстоятельств, но в любом случае местный административно-полицейский аппарат, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных источников — политических ссыльных, государственных преступников. Отзвуки былого полисного самоуправления в раннесредневековых структурах этой муниципальной бюрократии, ставшей частью имперского аппарата, как и связь органов власти с городской общиной, были не более сильны, чем в большинстве других ромейских городов, твердо державшихся за византийскую политическую систему и не посягавших на основы ромейской монархии. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за муниципальные вольности и не за отделение от Империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения Херсон являлся в VI–X вв. на удивление лояльным, послушным, даже консервативным ромейским провинциальным городом, а сами херсониты вполне образцовыми верноподданными ромеями, ипиками (υπερκοι), покорно принимавшими утверждаемых из столицы правителей.

⁴²⁵ *Epistolae Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii...* — P. 141, § 3 (речь идет о Митрофане, митрополите Смирн, сосланном сюда «вместе с другими»). Как уже было сказано, на середину IX в. могло прийти и изгнание Иосифа Гимнографа.

⁴²⁶ Хвостова К.В. Византийская цивилизация. — С. 34; Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) / Пер. О.А. Власовой // Чужое: опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. — М., 1999. — С. 160.

⁴²⁷ Кучма В. В. Оборонительные сооружения Херсонеса... — С.150 - 163; Антонова И.А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888 - 1988. Тезисы докл. — Севастополь, 1988. — С.5-9.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН

*Очерки истории
и культуры*

